РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
СОЛОВЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ
И ПРИРОДНЫЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

В. А. Буров

КРЕПОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

История, зодчество, археология

Том 1

Исследование и публикации

Нестор-История

Москва • Санкт-Петербург

Электронная библиотека ИА РАН <https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib>

2020

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 19-19-00112, не подлежит продаже

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН
и Научно-методическим советом Соловецкого государственного историко-архитектурного
и природного музея-заповедника

Ответственный редактор

член-корр. РАН, доктор исторических наук *Л. А. Беляев* (Институт археологии РАН)

Рецензенты:

член-корр. РАН, доктор искусствоведения, профессор *Вл. В. Седов*
(Институт археологии РАН);

кандидат исторических наук *А. В. Лаушкин* (Исторический факультет Московского
государственного университета им. М. В. Ломоносова);

кандидат исторических наук *А. В. Малов* (Институт Российской истории РАН);

кандидат исторических наук *А. Я. Мартынов*

(Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник)

Буров В. А.

Б90 Крепость Соловецкого монастыря: История, зодчество, археология / Институт археологии РАН; Соловецкий гос. ист.-архит. и природ. музей-заповедник. Т. 1. Исследование и публикации. — М.; СПб.: Нестор-История, 2020. — 592 с.

ISBN 978-5-4469-1630-6

DOI: 10.25681/IARAS.2020.978-5-4469-1630-6

Возведенная на рубеже XVI–XVII столетий валунная крепость Соловецкого монастыря — непревзойденный образец русского оборонного зодчества эпохи позднего Средневековья. На протяжении двух веков она была центром обороны Русского Севера, но одновременно защищала святую обитель, будучи одним из главнейших на Руси центров государева богомолья. Данная монография, основанная в первую очередь на архивных и археологических источниках с прибавлением материалов зодчества, вводит в оборот многочисленные новые сведения об ее истории и архитектуре. Представлена подробная история каждого элемента крепости: башен, ворот, прясел, дан анализ состава вооружения конца XVI — XVIII в.

Впервые определяются участки, возведенные мастерами Иваном Михайловым (1582–1583 гг.) и Трифоном Кологривовым (1584–1595 гг.), устанавливается метрическая система крепости, дается подсчет строительного материала (валунов и кирпичей). Обобщаются результаты многолетнего археологического изучения Соловецкой крепости: исследования фундамента, северного и южного рвов, настилов под пушки в печурах подошвенного боя, знаменитой Головленковой тюрьмы в толще крепостной стены.

Приведена полная подборка описей вооружения за два столетия, дана публикация рукописи инженера-подпоручика Я. В. Васильева о подготовке обороны крепости в 1790 г., а также письма архимандрита Александра о военных событиях на Соловках в 1854–1855 гг.

Для исследователей истории России, для тех, кто интересуется историческим прошлым Русского Севера и Соловецкого монастыря.

Монография включает два тома: том 1 посвящен исследованию с публикацией материалов, том 2 — альбом (1246 ил.).

ISBN 978-5-4469-1630-6

9 785446 916306

© Буров В. А., 2020

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2020

© Соловецкий государственный историко-архитектурный
и природный музей-заповедник, 2020

Электронная библиотека «Издательство «Нестор-История», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	10
Глава 1. К истории каменной крепости Соловецкого монастыря	23
1.1. Деревянный город 1578–1579 гг. — предвестник каменной крепости.	23
1.2. Деятельность в Беломорье детей боярских — Андрея Загряжского и Киприана Оничкова	28
1.3. О дате строительства каменной Соловецкой крепости	32
1.4. В какую сумму обошлась монастырю крепость?	36
1.5. О зодчих — Иване Михайлове и монахе Трифоне Кологривове.	38
1.6. Крепость в конце XVI — XVII в.	40
1.7. Крепость в XVIII — начале XIX в.	49
1.8. Крепость в описании инженера-подпоручика Я. В. Васильева 1790 г.	52
1.9. Оборона Соловецкого монастыря в 1854 г. Письма в Синод архимандрита Александра	58
1.10. Сакральная музеефикация монастыря после военных событий 1854–1855 гг.	63
1.11. Судьба крепости в XX в.	65
Глава 2. Структурные элементы Соловецкой крепости по данным письменных и изобразительных источников	68
2.1. Башни	71
2.1.1. Стратилатовская (Прядильная) башня	71
2.1.2. Успенская (Оружейная) башня	79
2.1.3. Корожная башня	86
2.1.4. Никольская башня	93
2.1.5. Архангельская башня	101
2.1.6. Белая башня	106
2.2. Ворота в городской стене	113
2.2.1. Святые городские ворота	113
2.2.2. Рыбные (Сельдяные) ворота	119
2.2.3. Водяные (Святозерские) ворота	121
2.2.4. Архангельские ворота	121
2.2.5. Тайницкие (Сушильные) ворота	122
2.2.6. Никольские ворота	124
2.3. Прясла городской стены	124
2.3.1. Участок прясла между Стратилатовской (Прядильной) башней и Святыми воротами	125
2.3.2. Участок прясла между Святыми воротами и Успенской башней.	126
2.3.3. Прясло между Успенской и Корожной башнями	126
2.3.4. Прясло между Корожной и Никольской башнями	133
2.3.5. Прясло между Никольской башней и Квасоварней	136
2.3.6. Прясло между Поварней и Архангельской башней.	139
2.3.7. Прясло между Архангельской и Белой башнями	141
2.3.8. Прясло между Белой башней и Сушилом.	144
2.3.9. Прясло между Сушилом и Стратилатовской (Прядильной) башней	145

2.3.10. Печуры нижнего боя в пряслах	147
2.3.11. Бойницы верхнего боя в пряслах	148
2.4. Рвы	155
2.4.1. Северный сухой ров	156
Траншея 1.	157
Траншея 2.	161
Траншея 3.	164
2.4.2. Южный ров	169
2.5. Пристенки	170
2.5.1. Башня Квасоваренная	171
2.5.2. Башня Поваренная	173
2.5.3. Стены Пристенка	176
2.6. Сушило	176
Глава 3. Соловецкая крепость — инженерно-фортификационное сооружение	
XVI–XVIII вв.	179
3.1. К истокам соловецкой валунной фортификации	179
3.2. Прямые аналоги Соловецкой крепости	184
3.3. О характере инженерно-строительной технологии возведения крепости	187
3.3.1. Фундамент стен и башен	187
Прясло между Стратилатовской башней и сенями Святых ворот	190
Прясло между сенями Святых ворот и Успенской башней	191
Успенская башня	194
Прясло между Успенской башней и Рыбными воротами	195
Рыбные ворота	197
Прясло между Рыбными воротами и Корожной башней	198
Корожная башня	199
Прясло между башнями Корожной и Никольской	199
Никольская башня	200
Прясло между Никольской башней и Пристенком	200
Прясло между Пристенком и Архангельской башней	201
Прясло между башнями Архангельской и Белой	205
Белая башня	207
Прясло между Белой башней и Сушилом	207
Прясло между Сушилом и Стратилатовской башней	207
3.3.2. Цоколь	210
3.3.3. О характере валунной кладки и заделке межвалунных швов	211
3.3.4. О побелке крепостных стен	213
3.4. Деревянные конструкции в фортификации	214
3.4.1. Полы, кровля, междуэтажные перекрытия, шатры	214
3.4.2. Деревянные помосты в печурах прясел для пушек	218
Платформа 1. XVIII в.	219
Платформа 2. 1790 г.	220
Платформа 3. XVIII в.	224
3.4.3. Помосты для стрельцов XVI–XVII вв.	224
Дощатый настил 1. XVI–XVII вв.	224
Дощатый настил 2. XVI–XVII вв.	225
Дощатый настил 3. XVI в.	225
3.5. Статистическая характеристика обороноспособности крепости	225
3.5.1. О количестве печур и бойниц	226
3.5.2. О количестве настилов под пушки в 1790 г.	229
3.6. Метрическая характеристика крепости	230
3.6.1. Внешний периметр	230
3.6.2. Параметры башен	233
3.6.2.1. Общие размеры башен	233
3.6.2.2. Параметры пушечных печур башен	235

3.6.2.3. Параметры верхних бойниц башен	238
3.6.3. Параметры прясел	239
3.6.3.1. Расчет первоначальной высоты крепостных стен и башен	239
3.6.3.2. Основные параметры стен	240
3.6.3.3. Параметры печур подошвенного боя в пряслах	247
3.6.3.4. Расстояние между центрами амбразур печур	249
3.6.3.5. Расстояние между центрами бойниц верхнего боя в пряслах	251
3.6.4. Параметры городских ворот	253
3.7. Опыт подсчета объемов строительного материала крепости 1582–1595 гг.	254
3.7.1. Подсчет количества облицовочных валунов башен	255
3.7.2. Подсчет количества облицовочных валунов прясел	259
3.7.3. Подсчет количества облицовочных валунов ворот	267
3.7.4. Подсчет количества кирпичей башен	267
3.7.5. Подсчет количества кирпичей печур нижнего боя прясел	278
3.7.6. Подсчет количества кирпичей столбов верха прясел	280
3.7.7. Подсчет количества кирпичей внутренних парапетов обходной галереи	285
3.7.8. Подсчет количества кирпичей внешнего парапета обходной галереи с бойницами верхнего боя	289
3.7.9. Подсчет количества кирпичей ворот	297
3.8. Авторство крепости Ивана Михайлова (1582–1583 гг.) и Трифона Кологривова (1584–1595 гг.)	298
3.9. Стратегия обороны Соловецкого монастыря и его осады в XVI–XVIII вв.	303
Глава 4. Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв.	307
4.1. История оружейной казны	307
4.2. Судьба вооружения крепости в советский период	338
4.3. Состав и эволюция собрания оружия	340
4.3.1. Артиллерия — «наряд»	341
4.3.1.1. Пищали-пушки затинные	341
4.3.1.2. Пищали-пушки девятипядные	343
4.3.1.3. Пищали-пушки полуторные	344
4.3.1.4. Пищали-пушки полковые	344
4.3.1.5. Пищали-пушки скорострельные	345
4.3.1.6. Пищали-пушки хвостухи	346
4.3.1.7. Пушки волконейки	348
4.3.1.8. Пушки сороковые	349
4.3.1.9. Тюфяки дробовые, дробовики	349
4.3.1.10. Пушки проломные	350
4.3.1.11. Мортиры	351
4.3.1.12. Пушки медные иностранные «галанки» и русские без указания типа	351
4.3.1.13. Пушки железные без указания типа	354
4.3.2. Ручное оружие	357
4.3.2.1. Пищали-ручницы	357
4.3.2.2. Мушкеты	359
4.3.2.3. Фузеи	359
4.3.2.4. Самопалы	359
4.3.2.5. Винтовки	360
4.3.2.6. Карабины	360
4.3.2.7. Пистолеты	361
4.3.3. Снаряды, порох, свинец и прочее	361
4.3.3.1. Ядра	361
4.3.3.2. Ядра картечные	362
4.3.3.3. Картечь	362
4.3.3.4. Дробь	362

4.3.3.5. Гранаты	362
4.3.3.6. Книшпели	363
4.3.3.7. Рогатки стрельные	363
4.3.3.8. Корзины для ядер	363
4.3.3.9. Козы для жара	363
4.3.3.10. Пули	364
4.3.3.11. Заряды	365
4.3.3.12. Лядунки	365
4.3.3.13. Фитили	366
4.3.3.14. Селитра	366
4.3.3.15. Порох	366
4.3.3.16. Свинец	368
4.3.3.17. Порошницы	368
4.3.3.18. Рога	368
4.3.3.19. Натруски	369
4.3.3.20. Фляжки	369
4.3.3.21. Мех пороховой	370
4.3.3.22. Сито	370
4.3.3.23. Кремень	370
4.3.4. Холодное наступательное оружие — колющее и рубящее	370
4.3.4.1. Ножи	370
4.3.4.2. Кинжалы	370
4.3.4.3. Кортики	371
4.3.4.4. Сулебы	371
4.3.4.5. Палаши	371
4.3.4.6. Сабли	373
4.3.4.7. Шпаги	374
4.3.4.8. Посохи	375
4.3.4.9. Бердыши	375
4.3.4.10. Топоры и топорки	376
4.3.4.11. Алебарда	377
4.3.4.12. Копья	377
4.3.4.13. Рогатина	377
4.3.4.14. Протазан	378
4.3.4.15. Багинеты	378
4.3.4.16. Кистени	378
4.3.4.17. Чеканы	378
4.3.5. Ручное метательное оружие — луки и стрелы	379
4.3.5.1. Саадаки	379
4.3.5.2. Чехлы саадака	379
4.3.5.3. Колчаны	379
4.3.5.4. Тохтуй	379
4.3.5.5. Луки	379
4.3.5.6. Жилы	380
4.3.5.7. Стрелы и наконечники стрел для луков	380
4.3.5.8. Самострелы	381
4.3.5.9. Стрелы к самострелам	381
4.3.6. Доспехи	381
4.3.6.1. Панцири	381
4.3.6.2. Кольчуги	382
4.3.6.3. Мисюрки	382
4.3.6.4. Наручи	382
4.3.6.5. Щит	382
4.3.7. Воинские регалии и атрибуты	382
4.3.7.1. Знамена	382

4.3.7.2. Прапоры	384
4.3.7.3. Набаты	384
4.3.8. Снаряжение всадника и коня	385
4.3.9. Инструмент, оборудование, всякая снасть	386
4.3.9.1. Кузнечный инструмент.	386
4.3.9.2. Слесарный инструмент оружейника	386
4.3.9.3. Столярный инструмент.	387
4.3.9.4. Оборудование для изготовления снарядов	387
4.3.9.5. Весы.	387
4.3.10. Покрывала, одежда, походное снаряжение.	388
4.3.11. Пожарный инвентарь.	390
Глава 5. Крепость-тюрьма	392
5.1. Из истории соловецких тюрем	392
5.2. Корожная тюрьма в печуре крепостной стены	396
5.3. Поиски Корожной тюрьмы в Корожной башне	397
5.4. Тюрьма у Никольских ворот	398
5.5. Головленкова тюрьма	399
5.5.1. Узники Головленковой тюрьмы.	400
5.5.2. О местоположении тюрьмы.	402
5.5.3. Задачи исследования, начало раскопок	404
5.5.4. Казарма для часового солдата.	405
5.5.5. Северная палатка.	408
5.5.6. Южная палатка	411
5.5.7. Частокол и крыльцо при входе в тюрьму	412
5.5.8. К проекту музеефикации Головленковой тюрьмы	413
Заключение	415
Приложение 1. Оружейная казна Соловецкого монастыря по данным монастырских вкладных книг, описей вооружения и имущества конца XVI — XVIII в.	420
Приложение 2. Рукопись инженера-подпоручика Я. В. Васильева с чертежами 1790 г.	485
Приложение 3. Письма-донесения архимандрита Александра в Синод. 1854–1855 гг.	521
Приложение 4. Каталог историко-мемориальных досок и плит Соловецкого монастыря.	532
Указатель имен. XIV — начало XX в.	546
Источники и литература.	562
Материалы исторических архивов	562
Материалы научных архивов госучреждений	565
Литература.	572
Список сокращений	586
Conclusion	587

ВВЕДЕНИЕ

Соловецкий монастырь, основанный в середине XV столетия на северной окраине Великого Новгорода, на одноименном острове в Белом море, вошел в историю России не только как великий духовный и культурный центр Русского Православия, но и как надежный защитник северных рубежей Русской земли. В конце XVI столетия, в эпоху Московского царства, здесь была воздвигнута мощнейшая валунная крепость, ныне признанная выдающимся памятником европейского военного зодчества (ил. 1–6).

Само географическое расположение Соловецкой обители — неподалеку от границы с воинственной Швецией и близ трасс международных морских путей — дало основание русским государям предопределить ее военные функции на протяжении XVI–XVII вв. как стража акватории Белого моря и важнейшего стратегического центра обороны всего Русского Севера. Новая беломорская крепость вместе с деревянными острогами на материке, охраняемая московскими стрельцами, должна была надежно прикрывать огромные приграничные территории, выходившие к Ледовитому океану. И таким гарантом безопасности северных границ Российского государства Соловецкая крепость наряду с другими фортификациями оставалась вплоть до начала XIX в. Но всё же не следует забывать, что возведение на Соловках в конце XVI столетия деревянной, а затем каменной фортификации преследовало одновременно важнейшую идеологическую и сакральную цель: сделать полностью неприступным одно из важнейших на Руси государевых богомолий, поскольку здесь с особой силой — *«денно и ночью, соборно*

и келейно», а *«в кельях особне»*¹ — велась молитва за православного государя (Буров В. А., 1997а, с. 121–126; 2011а, с. 24–25; 2011б, с. 99–106; 2013, с. 162–175).

Первое деревянное укрепление — предшественник Соловецкой каменной крепости, начали строить вокруг монастыря по указу царя Ивана Грозного от 2 августа 1578 г. Тогда шла кровопролитная Ливонская война за выход Московии к Балтийскому морю. А затем всего четыре года спустя началось сооружение грандиозной валунной фортификации, не имевшей аналогов в русском оборонном зодчестве. Протяженность мощнейшей крепости, возведенной всего за 14 лет, с 1582 по 1595 г., составила чуть более одной версты. Первые два года работы велись под руководством *«городового мастера»* Ивана Михайлова из Вологды, а затем — *«городового мастера»* соловецкого монаха Трифона Кологривова.

По аналогии с рядом северо-западных крепостей Соловецкой крепости придали форму корабля — вытянутого пятиугольника с заостренным концом. Она имела пять круглых башен — Стратилатовскую, Корожную, Никольскую, Архангельскую, Белую, и одну квадратную — Успенскую. Крепость охраняла прекрасно вооруженная сотня московских стрельцов с пушками. После того как в 1619–1622 гг. Соловецкая фортификация была усилена двумя рвами и Пристенком, она стала практически неприступной, способной выдерживать многолетнюю осаду. **Мы оцениваем Соловецкую каменную крепость конца XVI — первой четверти XVII столетия как вершину отечественной фортификации периода позднего Средневековья, как са-**

¹ Здесь и далее во всей монографии курсивом выделены выдержки из документов и цитаты из литературы.

мое прочное оборонительное сооружение средневековой Руси.

Особо подчеркнем, что это была **самая северная каменная средневековая крепость Московской Руси, расположенная всего в 150 км от Полярного круга.** При ее строительстве использовался твердый природный материал — гранитные валуны, в обилии имеющиеся на Соловках. Многометровая толщина стен из валунной кладки в основании печур подошвенного боя на разных участках от 4,5 до 8 м придала необычайную устойчивость крепостным стенам, башням, обеспечила их абсолютную непробиваемость. Она свела на нет все достижения средневековой артиллерии. Традиционный прием осады — обстрел крепости с целью разрушения ее стен и создания пролома, через который можно было бы ворваться внутрь, — на Соловках терял всякий смысл. А особенность геологического строения Соловков — необычайная прочность материкового грунта, высокая плотность серой супеси, насыщенной валунами, — исключала подкопы под стены и башни с северной и южной приступных сторон с целью их подрыва. Даже в начале XXI в. Соловецкая крепость выглядит внушительно, поражая туристов и паломников мощью своих стен и башен с многочисленными окнами бойниц. Требуется немало времени, чтобы ее обойти и досконально осмотреть.

Непробиваемость и неизбежность стен и башен крепости Соловецкого монастыря впервые была опробована в конце XVII в. во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.). Ее безрезультатно обстреливали из пушек отряды стрельцов, периодически присылаемых из Москвы для усмирения монахов, не признавших церковной реформы патриарха Никона. Крепость выдержала испытание и более совершенными орудиями — во время Крымской военной кампании в 1854 г. Английские ядра только отскакивали от валунной кладки. Это беспримерный случай в истории оборонного зодчества России. **Запас прочности средневековых соловецких крепостных стен оказался задан на три века вперед развития «ядерной» артиллерии.**

План и топография Соловецкой крепости были идеальны для круговой обороны. Естественные водные преграды (морской залив — с запада, Святое озеро — с восто-

ка) удачно защищали крепость с двух длинных боковых сторон. С севера и юга доступ к коротким участкам стен преграждали сухие рвы, стенки которых были выложены также из валунов. Высокие стены и башни было трудно преодолеть при помощи штурмовых лестниц под прицельным перекрестным огнем. Единственный первоначальный просчет в конструкции Соловецкой крепости заключался в недостаточно высоких стенах здания Сушила, прикрывавшего подход к Белой башне на южном участке, и низкой стене между Никольской и Квасоваренной башнями восточного прясла. Но он был легко устранен монахами во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.). Здесь надстроили специальные рубленные деревянные раскаты для установки пушек. В итоге осада крепости отрядами московских стрельцов затянулась на восемь лет. Только из-за измены монаха Феофиста твердыня пала в январе 1676 г. Показательно также, что в 1854 г. приплывшие в Беломорье англичане после неудачной попытки высадиться на острове даже не рискнули предпринять ее штурм.

Крепости оказалась не страшна многолетняя осада. Здесь было большое количество совершенного для своего времени вооружения, а заключенный внутри нее монастырь имел большие продовольственные запасы на долгие годы. Сюда по трубам в колодец поступала вода. Внутри ограды на канале, проведенном из озера, работала мельница.

Выдающиеся зодчие Иван Михайлов и Трифон Кологривов в 1580–1590-е гг. благодаря широкому использованию валунного камня в сочетании с кирпичом создали новый тип русской крепости, намного опережавший требования, предъявляемые эпохой к фортификационным сооружениям, оснащенным артиллерией. Однако на рубеже XVI–XVII вв., в условиях затянувшегося сильнейшего экономического и политического кризиса в России, а также в последующее время это крупнейшее достижение отечественной фортификации осталось единичным непревзойденным образцом. Расположенные на материке деревянные крепостицы и остроги (Кемский, Кольский, Сумский, Ругозерский) так и не были заменены на каменные.

В XVII столетии, когда в Московии стали уделять большее внимание перевоземляным укреплениям, Соловецкая крепость воспринималась современниками уже как некое чудо. Повторить его считалось невозможным. Одну из легенд о необыкновенной крепости Соловецкого монастыря записал в середине столетия Павел Алеппский, сопровождавший антиохийского патриарха Макария, путешествовавшего по Руси: *«Говорят, что его стены громадны, неприступны и сложены из больших диких камней; рассказывают, что эти святые (Зосима и Савватий. — В.Б.) заставили работать дьяволов над сооружением монастырских стен. По этой же причине они изумительны по своей необыкновенной прочности, и люди описывают их с удивлением»* (Алеппский П., 1888, с. 126).

Крепость Соловецкого монастыря как неординарный памятник прошлого обратила на себя внимание путешественников и ученых еще в середине XVIII столетия. Ее величие воспел М. В. Ломоносов в поэме «Петр Великий» (Ломоносов М. В., 1959, с. 706).

В 1752 г. капитан Я. Я. Мордвинов, приплывший на Соловки, оставил одно из первых, хотя и кратких описаний необычной крепости: *«Крепость с башнями, и в оных множество пушек, наподобие старинного строения каменных городов, а в стены и башни складен камень дикий, нетесанный, а только под верх стены уравнивано кирпичем; как башни, так и стена покрыты тесом»* (Мордвинов Я. Я., 1888, с. 16).

В 1772 г. Соловецкую крепость осмотрел и более подробно описал географ, действительный член Петербургской Академии наук Иван Лепехин, путешествовавший по северу России: *«Крепость сия, хотя по древнему роду укрепления строена, однако может похвастаться в числе важных древних укреплений. Представляет она вид неправильного осьмиугольника; на каждом углу возведена круглая башня с тройными бойницами, из коих первые составляют зубцы, другая круглая окна ниже зубцов, третьи равным образом круглая окна в некотором отстоянии от основания башен, в старину подошвенным боем называемая;*

при них внутри сделаны помосты для постановки орудий. Как башни, так и стены складены большею частью из диких нетесанных камней, между коими есть камни отменной величины; и сие ясно показывает, что и в те времена облегчительные пособия довольно были известны. Верхняя часть стен, или лучше сказать зубцы, складены из кирпича отменной твердости; ибо оной и по сие время не осыпается; раскаты же стен и верхи башен покрыты кровлею, так как во всех древних наблюдаемо было укреплениях; для безопасности пущенных вверх и оттуда ниспадающих стрел». И. И. Лепехин обратил внимание на вооружение крепости рубежа XVI–XVII вв. и на Оружейную палату, которая в то время располагалась под ризницей при Переходах. Он впервые, опираясь на сведения соловецких летописцев, назвал имя зодчего крепости — соловецкий пострижник, монах Трифон, который скончался на Соловках² (Лепехин И. И., 1805, с. 68–69; 1822, с. 440–442).

Затем в 1789 г. на Соловках побывал А. И. Фомин, позиционирующий себя как *«архангельский именитый гражданин, Санкт-Петербургской Императорской Академии Наук корреспондент, член Вольного Экономического общества»*. Крепость произвела на него сильное впечатление. Он составил ее краткое описание, близкое к бытовому восприятию: крепость *«имеет фигуру продолговатую пятиугольную, и чертежом точно подобится большому стакану с плоскоконусною крышкою»*; она *«представляет редкое и поражающее диво и есть странное произведение грубой натуры, неправильного зодчества и естественной, в высоком, степени механики»*. «Благоговейное удивление» у путешественника вызвал размер отдельных камней, имеющих длину более трех маховых сажень и, *«по чаятельному уважению»*, весивших более 500 пудов. А. И. Фомин перечислил названия всех башен и ворот крепости, ознакомившись с планом монастыря, составленным в 1790 г. якобы советником Олонецкого правления Арсеньевым, привел размеры прясел и башен (Фомин А. И., 1797, с. 93–100). Впрочем, авторство плана вызывает сомнение, поскольку выполнить

² Данное описание крепости содержит досадную опечатку: с разницей в сто лет ошибочно названа дата окончания строительства крепости — 1694 г.

чертеж мог только профессиональный инженер, полное имя и отчество которого нами установлено — Яков Васильевич Васильев.

К концу XVIII — первой четверти XIX столетия относится появление рукописи первого исторического сочинения, почти целиком посвященного укреплению Соловецкого монастыря. Его автор — инженер-подпоручик Васильев, был прислан в 1790 г. на Соловки с группой офицеров и военной командой для подготовки крепости к обороне в связи с возможными военными действиями со Швецией. Он явно имел доступ к монастырской библиотеке, где хранились соловецкие летописцы и жития соловецких святых. Занимаясь непосредственно инженерной подготовкой крепости к защите, Васильев написал краткий очерк истории монастыря и крепости, составил отчет о состоянии вооружения и готовности обители к обороне. Он также подготовил записку для командования с обоснованием тактики обороны с указанием расстановки солдат по стенам и башням, дал перечень оружия, включая устаревшее, хранившееся в Оружейной палате. Гораздо позже, в середине 1820-х гг., для вступившего на трон императора Николая I Васильев оформил записи и разрозненные документы 1790 г. в рукописную книгу и включил в нее иллюстрации — географические карты Белого моря и Соловецкого архипелага, детальные планы крепости в двух ярусах, развертки всего фасада прясел и башен, рисунки видов крепости со стороны Святого озера и морской бухты. По своему характеру сочинение инженера-подпоручика Васильева можно с полным основанием назвать первым историческим трудом о Соловецкой крепости и о Соловецком монастыре. Надо полагать, что рукопись Васильева изначально не предполагалась быть изданной хотя бы по соображениям военной цензуры. Не предназначалась она и для широкого круга лиц. Два ее экземпляра ныне хранятся в архивах Москвы

(Васильев, 1790) и Санкт-Петербурга (Васильев, 1825)³.

На следующий, 1791 г., Соловецкий монастырь, окруженный крепостью, посетил отставной секунд-майор П. И. Челищев, который в своем дневнике оставил краткую запись: «...стена, что вокруг монастыря, сделанная на подобии крепости, с восьми башнями из дикаго камня». Чуть больше внимания он уделил Оружейной палате (Челищев П. И., 1886, с. 41).

Архимандрит Амвросий заимствовал описание Соловецкого монастыря и крепости из изданных ранее книг, в частности А. И. Фомина, включая восприятие плана крепости («внешней ограды») как «большого стакана с плоскоконусной крышкой» (Амвросий, 1810, с. 381–438), что укоренится в историографии XIX в. Аналогично и К. С. Молчанов при описании крепости многое скомпилировал из книг И. И. Лепехина и А. И. Фомина (Молчанов К. С., 1813, с. 276–278, 319). Таким же путем пошли архимандриты Макарий (Макарий, 1825, с. 39–46, 77–78) и Досифей⁴. Но последний впервые представил историю создания крепости и дал очерк обороны Поморья, в котором Соловецкому монастырю была отведена ведущая роль. Он привел сведения соловецкого летописца XVIII в., а также использовал многочисленные неизвестные документы, хранившиеся в монастырском архиве. Досифей перечислил все элементы крепости: башни, ворота, «стеновые проходы» (Досифей, 1833, с. 47; 1836, ч. 1, с. 85, 256–258).

Не обошел вниманием Соловецкую крепость известный историк русского оборонного зодчества Ф. Ф. Ласковский, который в 1858 г. издал план крепости, привел чертежи разреза Прядельной башни, фасады Корожной и Успенской башен, разрез стены по Рыбным воротам и по первой печуре подошвенного боя к северу от Прядельной башни. Он также назвал общие размеры Соловецкой крепости: длина до 500 саженей, высота от 3 до 4 саженей. Ф. Ф. Ласковский перечислил состав

³ Год, указанный в литературе курсивом, указывает на исторический рукописный архивный источник. См.: Материалы исторических архивов.

⁴ В литературе имеется утверждение, что автором данного труда является не Досифей, а учитель Ново-Борисовского приходского училища Василий Воскресенский, сосланный на Соловки «за богохульство после наказания кнутом». Он отсидел 10 лет, а после был оставлен при монастыре. Им была составлена опись монастырского архива и написаны три тома «Истории Соловецкого монастыря». Досифей же издал этот труд под своим именем (Гернет М. Н., 1960, с. 280).

вооружения в 1592 г. и, исходя явно из малого количества пушек, высказал мнение, что в башнях нижний ярус предназначался для орудий, а прочие — для ружейной обороны (*Ласковский Ф.Ф.*, 1858а, л. 18; 1858б, с. 133–134).

Значительно расширили представления о крепости, ее внешнем облике и планировке многочисленные гравюры с видами Соловецкого монастыря, изданные в 1881 и 1884 гг. известным собирателем графики Д. А. Ровинским (*Ровинский Д. А.*, 1881; 1884). Он был родоначальником исследований о русской гравюре; его даже называли Геродотом истории русской гравюры (*Голлербах Э.*, 1923).

В конце XIX столетия вышла книга «История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря» архимандрита Иоанникия, во многом повторявшая известные уже общие сведения о крепости. Она впервые была иллюстрирована фотографиями, выполненными Я. И. Лейцингером, с видами крепости из смотрового фонаря Кoroжной, Белой и Архангельской башен, а также Пристенка (*История*, 1899). К началу XX в. относится фотоальбом того же мастера (*Альбом*, б. г.)⁵.

В 1916 г. на Соловках побывал известный императорский фотограф С. М. Прокудин-Горский, сделавший первые цветные снимки монастыря, включая крепость⁶.

После революционных событий 1917 г. наступил чрезвычайно трудный период в изучении Соловецкой крепости. В 1920 г. монастырь был упразднен, на его базе образован совхоз. А в 1923 г. после грандиозного пожара, когда выгорел почти весь монастырь, в том числе участок западного прясла крепости с Прядильной (Стратилатовской) и Успенской башнями, а также Пристенка, на Соловках обосновался концлагерь, или Соловецкие лагеря особого назначения (СЛОН); с 1936 г. — Соловецкая тюрьма особого назначения с «изящной» аббревиатурой СТОН. В этот период — летом 1922 г. и в августе 1923 г. — памятники монасты-

ря обследовал архитектор-реставратор П. Д. Барановский. Вместе с двумя своими учениками В. В. Кратюком и А. А. Карповым он провел обмер Белой башни и Сушила. В его архиве долгое время хранились необнародованные кроки поярусных планов башни, ее разреза, а также уникальные фотографии послепожарного состояния Успенской башни, в которой ранее находился монастырский музей оружия (*Соловецкий монастырь*, 2000, с. 84–89, 117–118).

В 1927–1929 гг. была предпринята попытка продолжить изучение крепости в рамках Соловецкого общества краеведения (СОК), работавшего при концлагере. Однако отсутствие под рукой научной библиотеки, архивных источников и неподготовленность его членов к научной работе привели к крайне низкому уровню трудов. Прежние проработанные чертежи и детально выполненные обмеры сменили примитивные рисунки. Взамен четких довоенных фотографий башен в тюремной типографии издавались блеклые невыразительные изображения. Популярные публикации тех лет закрепили в литературе неверное представление, будто Головленкова тюрьма находилась в Белой башне. Эту башню с тех пор стали ошибочно именовать Головленковой (*Иванов А. П.*, 1927б).

В 1927 г. историк А. А. Савич, опираясь на изданные источники и находившиеся в его руках материалы монастырского архива, случайно оказавшиеся в Перми в годы Гражданской войны, вписал историю обороны Поморья в XVI–XVII вв. в контекст общей истории Соловецкого монастыря (*Савич А. А.*, 1927, с. 55–79).

После значительного перерыва, в 1945 г., появилась работа, возобновившая интерес к памятникам Соловецкого монастыря. М. В. Щепкина в рукописи кандидатской диссертации осветила проблему изображений монастыря и крепости на древнерусских миниатюрах. Она прозорливо предположила, что Белая башня была поздней, ее пристроили к Сушилу (*Щепкина М. В.*, 1945), что почти 30 лет спустя

⁵ В наше время снимки Я. И. Лейцингера неоднократно переиздавались (*Скотин В. В.*, 1994; *Лейцингер Я. И.*, 2005).

⁶ Фотографии С. М. Прокудина-Горского представлены на сайте библиотеки Конгресса США: <http://www.log/pictures/collection/prok>.

подтвердили натурные исследования архитекторов-реставраторов О.Д. Савицкой и В.В. Сошина.

В 1953 г. организацией «Военморпроект-27» в практических целях впервые была обмерена вся крепость Соловецкого монастыря (*Ансамбль рук.*, 1953)⁷. В 1956 г. появился небольшой очерк о роли Соловецкого монастыря в обороне Поморья в XVI в., написанный на основе архивных данных (*Белов М.И.*, 1956, с. 90–92).

Новый этап в изучении крепости начался в конце 1950-х гг., когда с Соловецкого монастыря постепенно стал сниматься гриф секретности. Первую послевоенную статью о монастырских постройках, вышедшую в 1958 г. и написанную архитекторами П.Н. Максимовым и И.Я. Свирским, можно назвать этапной. Она положила начало многолетнему исследованию этого выдающегося памятника зодчества (*Максимов П.Н., Свирский И.Я.*, 1958, с. 111–126). Автор раздела о крепости И.Я. Свирский, сделавший схематические обмеры Корожной башни и впервые приведший планы всех ее четырех ярусов и ее параметры, тем не менее допустил ряд серьезных ошибок и неточностей. Например, не учитывая наросший слой мусора, он писал, что фундамент западного прясла составляет 2–3 м. Центральный кирпичный столб, располагающийся на первом ярусе Корожной башни, был принят им за характерную черту интерьера всех башен Соловецкой крепости XVI в.⁸

Последнее утверждение было опровергнуто в 1972 г. В.В. Косточкиным, который сослался на чертежи инженера-подпоручика Васильева 1790 г. Сопоставив планы XVIII и XIX вв., исследователь доказал, что единственный сохранившийся столб в Корожной башне — на самом деле поздний. Однако В.В. Косточкин допустил другую ошибку. Исследователь утверждал, что все башни Соловецкой крепости глухие, хотя среди них было три проходных и одна проездная (это впоследствии отме-

тила О.Д. Савицкая). На основании летописцев Соловецкого монастыря XVI в. он, наконец, уточнил также дату начала строительства каменной крепости — 1582 г., а не 1584, как об этом сообщали все без исключения публикации (*Косточкин В.В.*, 1972, с. 33–34).

Разного рода ошибочные высказывания о крепости Соловецкого монастыря содержались и в начавших выходить с 1960-х гг. популярных изданиях о Соловках. В блестяще написанных книгах действительного члена Географического общества Г.А. Богуславского утверждалось, что крепостные стены вообще не имели дошвенного боя, отрицалось изначальное шатровое покрытие на башнях, давались курьезные объяснения происхождению названий отдельных башен и т. д.

Однако публикуемые в них исторические сведения о крепости возродили в стране огромный интерес к данному памятнику после многих лет забвения (*Богуславский Г.А.*, 1968; 1971; 1978).

В 1960-е и в начале 1970-х гг. к изучению истории Соловков и крепости Соловецкого монастыря подключились историки. Вышли в свет фундаментальные работы профессора Архангельского пединститута Г.Г. Фруменкова. Исследователь, подобно летописцу, ввел в оборот значительный историко-архивный материал XVI–XIX вв., систематизировал и восстановил многие, казалось, утраченные страницы из прошлого монастырской крепости. Он впервые создал целостное историческое полотно, повествующее о монастыре-воине, защитнике Севера (*Фруменков Г.Г.*, 1963; 1975).

В 1962 и 1965 гг. был дважды издан обмерный чертеж 1790 г. части крепости Соловецкого монастыря, выполненный инженером-подпоручиком Васильевым, из фондов Научно-исследовательского музея Академии художеств (г. Ленинград)⁹ (*Русская архитектура*, 1962; 1965, с. 36). В 1969 г. был издан черно-белый фотоальбом о Соловках

⁷ Упоминание рукописи и года указывает на современную документацию. См.: раздел «Источники. Рукописные материалы архивов госучреждений».

⁸ И.Я. Свирский считал, что «этот столб с опирающейся на него круглой деревянной стойкой диаметром 1,1 м, которая сохранилась в пределах второго яруса, должен был поддерживать шатровую кровлю башни» (*Максимов П.Н., Свирский И.Я.*, 1958, с. 116).

⁹ Чертеж издан в 1965 г. без комментариев в черно-белом варианте в разделе «Репродукции». А до этого в 1962 г. в каталоге экспозиции истории русской архитектуры он был приведен с аннотацией: «Соловецкий монастырь. Фасады фрагментов крепостных стен с Никольской и Успенской башнями (постр.

в серии «Памятники древнерусского зодчества». В нем приводились фотографии башен, ворот, стен крепости (*Соловецкие острова*, 1969, с. 2–27, 47, 49). Тогда же вышел альбом художника Г.М. Манизера с видами монастыря, включая крепость, с предисловием П.А. Тельтевского (*Манизер Г.М.*, 1969, с. 10, 11, 23–42, 57–58, 63–66; *Тельтевский Т.А.*, 1969, с. 6, 12–21). Немногим ранее вышла статья, известившая о создании Соловецкого музея-заповедника (*Вереш С.В.*, 1967, с. 206–210).

Новый материал о Соловецкой крепости исследователи получили в ходе реставрационных работ, начатых в середине 1950-х гг. В 1955–1959 гг. обследование памятника и разработку проектов его восстановления осуществляли А.В. Воробьев и В.И. Курлов — сотрудники Центральных научно-реставрационных мастерских Академии строительства и архитектуры СССР (ЦНПРМ, г. Москва). В 1960–1984 гг. данными работами руководила О.Д. Савицкая, а в 1984–1992 гг. — В.В. Владимирская. При этом в 1968 г. организация была сначала переименована в Научно-исследовательские проектные мастерские Всесоюзного производственного научно-реставрационного комбината Министерства культуры СССР (НИПМ ВПНРК), а в 1980 г. — во Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение «Союзреставрация» (В/О «Союзреставрация»). Весомый вклад в натурную реставрацию и исследование крепости Соловецкого монастыря в 1970-х — начале 2000-х гг. внес архитектор-реставратор В.В. Сошин, работавший с 1974 г. в ВПНРК под руководством О.Д. Савицкой, В.В. Владимирской, а в 1990-е гг., после развала производственного участка, создавший на Соловках Научно-исследовательский и проектно-производственный кооператив (НИППК) «Палата».

В 1961 г. А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили акты технического осмотра зданий, включая крепость. В документе приводилась общая характеристика и описание памятников монастыря (*Воробьев А.В., Савицкая О.Д.* рук., 1961а, л. 1–37). По характеру это первая и единственная подробная опись Соловецкой крепости XX в.

В указанные годы был создан значительный банк данных обо всех памятниках Соловецкого монастыря, который представлен в архиве ЦНПРМ четырьмя тысячами единиц хранения, включая материалы о крепости — обмеры башен и прясел, натурные исследования, проекты реставрации. Многое из данной документации было передано в научный архив Соловецкого музея-заповедника, выступавшего в роли заказчика реставрационных работ. Отдельно следует упомянуть подборки архивных материалов, начатые в 1956 г. В.И. Курловым (*Курлов В.И.* рук., 1956; рук., 1959б). Затем изучение архивных источников о соловецкой архитектуре возглавила О.Д. Савицкая, придававшая этой работе большое значение и привлекая специалистов (*Савицкая О.Д.* рук., 1964; рук., 1968; рук., 1969; рук., 1970а; рук., 1975а; *Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1971б; рук., 1972; рук., 1979; *Скопин В.В.* рук., 1972; рук., 1975; рук., 1979; рук., 1981а; б; *Савицкая О.Д., Буров В.А.* рук., 1976в; *Буров В.А.* рук., 1976д; *Владимирская В.В.* рук., 1981; 1982). С использованием архивных материалов были написаны исторические справки о Соловецкой крепости (*Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1971а; *Скопин В.В.* рук., 1971; *Буров В.А.* рук., 1977а; рук., 1977б). На основании гравюр и исторических чертежей В.А. Буров выполнил подборку индивидуальных изображений всех башен и ворот крепости и составил справку о каждой части крепости (*Буров В.А.* рук., 1976г).

Итог архитектурного изучения Соловецкой крепости подвел сборник 1980 г. «Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов» под редакцией академика Д.С. Лихачева. В очерке об архитектуре Соловецкого монастыря руководитель проекта архитектор-реставратор О.Д. Савицкая впервые дала подробное описание композиционной структуры крепости, организации входов в башни и подъема на крепостную стену, конструкции ворот, печур подошвенного боя и бойниц верхнего ряда. Ею был опубликован план Соловецкого монастыря по состоянию на 1950-е гг. на уровне двух ярусов крепо-

в 1584–1594 гг. мастером Трифоном). Обмер инж.-подпоручика Васильева (начало XIX в.). Тушь, акв. 28×44,4. [А-20558].

сти, стереообмеры стен и башен Б. Н. Рахманинова. Статья была иллюстрирована прекрасными, но немногочисленными (15 шт.) черно-белыми снимками крепости, выполненными сотрудником ЦНРПМ, профессиональным фотографом А. И. Петуховым (*Савицкая О. Д.*, 1980, с. 43–129). В том же сборнике первый директор Соловецкого музея С. В. Вереш проанализировала эволюцию облика Соловецкого монастыря на гравюрах XVIII–XIX вв. (*Вереш С. В.*, 1980, с. 205–230), а искусствовед М. И. Мильчик уделил внимание изображениям на иконах монастырского комплекса, включая деревянный острог и сменившую его каменную крепость (*Мильчик М. И.*, 1980, с. 231–267). Д. С. Лихачев написал о военном значении монастыря в XVI–XIX столетиях (*Лихачев Д. С.*, 1980, с. 22–37).

В вышедшей в 1985 г. научно-популярной книге о Соловецком монастыре А. Д. Домашнев и Т. Н. Дроздова посвятили небольшой раздел крепости. Это в основном пересказ известных и зачастую ошибочных сведений (*Домашнев А. Д., Дроздова Т. Н.*, 1985, с. 51–75). Ряд устаревших данных из этой публикации закрепился в литературе вплоть до наших дней (*Казаринов В. М.*, 2002, с. 372–379; *Казаринов В. М., Прямицкий С. Д.*, 2005, с. 44–50).

В это же время историк искусства В. В. Скопин сделал важное открытие. На основании сведений Вкладной книги Соловецкого монастыря он установил ранее неизвестные имена и фамилии зодчих крепости — Ивана Михайлова и монаха Трифона — Кологривов. В. А. Буровым были приведены новые дополнительные доказательства даты начала строительства крепости — 1582 г. (*Буров В. А., Скопин В. В.*, 1985, с. 58–70; *Скопин В. В.*, 1991, с. 64–65).

В 1996 г. вышла статья Н. В. Ломакина о холодном оружии Соловецкого монастыря из фондов Музея артиллерии (г. Санкт-Петербург). Основу данного собрания составили предметы, вывезенные с Соловков Н. Е. Бранденбургом в 1876 г.

для создающегося в столице Российской империи музея артиллерии (*Ломакин Н. В.*, 1996, с. 324–328; *Кирпичников А. Н.*, 1995, с. 29–33).

В середине 1990-х гг. были подготовлены материалы о типах бойниц верхнего боя крепости (*Брагина И. Г., Коробейник И. Г., Петровская Л. А.* рук., 1996). К сожалению, они так и остались неизданными. Историк С. В. Морозов предложил парадоксальную, мы бы сказали, абсурдную идею — рассматривать Соловецкую крепость прежде всего как сакральный, а не военный объект, как символ духовной мощи иноческой твердыни (*Морозов С. В.*, 1999, с. 225–234). В 2000 г. вышла небольшая заметка В. П. Даркевича о Соловецком монастыре, в которой в разделах «Неприступная цитадель», «Соловецкое сидение», «Крепость и тюрьма» были приведены известные данные о соловецкой фортификации. При этом ошибочно отмечалось, что при Филиппе Колычеве наблюдалось «почтительное отношение к царской семье, покровительствующей “государевой крепости” на Студеном море» (*Даркевич В. П.*, 2000, с. 108–112)¹⁰.

Реставрационным работам сопутствовали предварительные археологические исследования. В 1961–1962 гг. «в связи с задачами реставрации и необходимостью выведения некоторых памятников бывшего Соловецкого монастыря из аварийного технического состояния» начались архитектурные раскопки. «Отрывка шурфов производилась только в том объеме, в каком это было необходимо для выявления гидрологических условий — в большинстве случаев до появления в шурфах воды». «Во многих местах глубина заложения шурфов делалась незначительной в пределах насытого слоя, границы и подошва фундаментов не определялись из-за наличия в шурфах валунных выкладок или высокого уровня грунтовых вод». Были заложены шурфы в Пристенке (3 шт.), у прясла между башнями Корожной и Успенской (1 шт.), в Архангельской башне (2 шт.) (*Савицкая О. Д.* рук., 1965). Работа была продолжена в 1970 г. Шурфы копались на объектах:

¹⁰ При этом повторенная наша идея о государевом богомолье в Соловецком монастыре (*Буров В. А.*, 1997а, с. 121–126) была хронологически необоснованно увязана с крепостью, хотя при игумене Филиппе на Соловках крепости еще не было! Филипп покинул монастырь в 1566 г., уехав на митрополию, а первый деревянный острог был поставлен лишь спустя 13 лет, в 1578–1579 гг.

прясло между Прядильной (Стратилатовской) башней и баней (2 шурфа), прясло между Успенской и Прядильной башнями (2 шурфа), прясло между Коротной и Успенской башнями (1 шурф), прясло между Никольской башней и Пристенком (2 шурфа), Пристенком (4 шурфа) (Савицкая О.Д. рук., 19706).

В 1968 г. ленинградский археолог А.Н. Кирпичников осуществил первые профессиональные археологические исследования на территории монастыря в Архангельской, Коротной и Успенской башнях. Был применен магнитометр (Кирпичников А.Н., Шилик К.К., 1969, с. 25–26; 1972, с. 45–46). По показаниям прибора в Архангельской башне был заложен шурф, в котором на глубине 0,8 м были обнаружены два чугунных пушечных ствола XVII в. Эти стволы оказались редкими образцами типового литья. По форме и размерам они стандартные: их общая длина 229 см, калибр 9,4–9,5 см. На торельных поясах выбиты цифры «1540». Другое чугунное орудие длиной 287,5 см и калибром 11 см было обнаружено на глубине 0,5 м в Коротной башне. По соседству с ним лежало 400 ядер диаметром 5–13,5 см. А.Н. Кирпичников отметил, что найденные пушки по своим измерительным данным и отделке совпали с теми, которые значатся в описи соловецкого оружия 1676 г. как «проломные чугунные в станках на колесах». Исходя из этого, исследователь пришел к выводу, что данные орудия использовались во время знаменитого Соловецкого восстания 1667–1676 гг. Была осуществлена расчистка 15 сохранившихся на Соловках стволов, включая найденные. Почти на каждом из них оказались надписи, чаще всего с обозначением веса и калибра, а в одном случае года отливки — 1702 г. А.Н. Кирпичников отметил, что «культурный слой вырос со времени основания монастыря на несколько метров и может содержать в себе интересные находки» (Кирпичников А.Н., Шилик К.К. рук., 1968, л. 3–4; рук., 1971, л. 1–2; 1969, с. 25–26; 1972, с. 45–46). Три года спустя раскопки были продолжены. В отчете исследователь отмечал: «Всего в Соловецком

кремле уцелело до 16 орудийных стволов и более 400 ядер, что позволит создать (например, в Никольской башне) специальную «пушечную» экспозицию. В музее «Коломенское» сохранился почти целый средневековый деревянный крепостной лафет, который мог бы послужить типовым образцом для документально точного воссоздания лафетов соловецких «музейных» пушек» (Кирпичников А.Н., Шилик К.К. рук., 1971, л. 1–2; 1972, с. 45–46). В 1974 г. К.К. Шилик предложил музею-заповеднику проект деревянного лафета для установки пушки. В пояснительной записке он писал: «Лафет нужного типа удалось разыскать в музее «Коломенское». <...> Предлагаемый проект лафетов был выполнен мною на основе именно этого лафета. В XVII в. этот тип лафета назывался «станок на колесах». Он просуществовал почти без изменений до середины XIX в. как лафет для корабельных орудий. Станок этот попал в музей «Коломенское», судя по аннотации, из Сумского острога и относится, так же как и соловецкие стволы, к XVII в.» (Шилик К.К. рук., 1974а, л. 1; рук., 1974б). Лафет был воссоздан и в настоящее время представлен в экспозиции Белой башни.

С 1970-х до начала 1980-х гг. археологи строго в рамках задания архитектора-реставратора О.Д. Савицкой с целью выяснения мощности и характера слоя для проекта вертикальной планировки, а также изучения фундаментов зданий продолжали закладку шурфов рядом с крепостью непосредственно на территории монастыря. В 1971 г. Е.А. Толмачев фиксировал шурфы у прясла между Стратилатовской башней и монастырской баней (Толмачев Е.А. рук., 1971)¹¹. В 1974 и 1975 гг. Н.В. Сапожников копал шурфы у прясел от Святых ворот до Стратилатовской башни, между Стратилатовской и Белой башнями, между Архангельской башней и Пристенком (Сапожников Н.В. рук., 1974; рук., 1975). В 1976–1978 гг. В.А. Буров заложил 6 шурфов между Стратилатовской башней и Сушилом, Святыми воротами и при входе в Стратилатовскую башню (Буров В.А. рук., 1976а; рук., 1978; рук., 1979). В одной из бойниц подошвен-

¹¹ В 1971 г. Толмачев у крепости лишь фиксировал шурфы, отрытые до него. Как сказано в предисловии его отчета, им «было расчищено девять шурфов, выкопанных у различных зданий монастыря под руководством архитекторов О.Д. Савицкой и Т.А. Кольцовой в 1970 г.» (Толмачев Е.А. рук., 1971, с. 3).

ного боя на Мельничном дворе автору впервые удалось археологически зафиксировать конструкцию деревянной платформы под пушку конца XVIII в., а также стратиграфически доказать позднюю дату кирпичного столба 1-го яруса Корожной башни¹² (Буров В.А., 1977, с. 10; 1978, с. 9; 1984а, с. 513–515; 1984б, с. 82–102).

В эти же годы инженер Г.Б. Бессонов в двух шурфах обследовал участок между Корожной и Успенской башнями на месте засыпанного камнями русла древнего ручья (Бессонов Г.Б. рук., 1980). В 1980 г. П.М. Алешковский заложил 8 шурфов в Пристенке и один у прясла крепости между Пристенком и Архангельской башней (Алешковский П.М. рук., 1980). В 1981 г. В.А. Понсов в связи с реставрацией снимал верхний слой в Белой башне и копал два шурфа в Квасоваренной и Поваренной башнях Пристенка (Понсов В.А. рук., 1982).

В последующие годы раскопки уже не были связаны с реставрацией. В 1988 и 1989 гг. археолог Соловецкого музея-заповедника А.Я. Мартынов и ленинградский археолог А.Н. Рябцев изучали напластования вне стен крепости в траншее у Белой башни. Была также расчищена засыпанная мусором тюрьма Корожня, размещавшаяся в специальной внутривосточной камере северного прясла вплотную к одноименной башне (Мартынов А.Я. рук., 1989; рук., 1990).

В 1996 г., после длительного перерыва, археологические исследования крепости возобновил отряд Института археологии РАН (ИА РАН) под руководством автора. В течение четырех полевых сезонов изучался северный сухой ров (три траншеи и шурф), была раскопана Головленкова тюрьма, находившаяся внутри восточного прясла к северу от Архангельской башни. В соседней печуре подошвенного боя к северу от тюрьмы была выявлена деревянная платформа под пушку 1790 г. прекрасной сохранности. В шурфах и траншеях с внешней стороны северного и восточного прясел нами велись наблюдения за стратиграфией и фундаментом крепости (Буров В.А. рук., 1996; рук., 1997; рук., 1999; рук., 2000; его же, 1997б, с. 26–27; 1999,

с. 15–16; 2000б, с. 183–193; 2000в, с. 14; 2001б, с. 9–10).

В 2001 г. по решению директора музея-заповедника М.В. Лопаткина была создана постоянно действующая Соловецкая (средневековая) археологическая экспедиция (ССАЭ) Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника (СГИАПМЗ) при участии Института археологии РАН (руководитель — к. и. н. В.А. Буров). Помимо основного объекта — руин келий возле Успенской башни — наша экспедиция исследовала Архангельские и Рыбные ворота крепости, паперть при Святых воротах, несколько печур подошвенного боя. В последних обнаружили остатки неизвестного ранее типа дощатого настила. В шурфах последующих лет к югу от Архангельских ворот, вблизи Стратилатовской, Успенской, Корожной, Никольской башен были раскрыты основания прясел с целью уточнения первоначальной высоты стен и наличия фундамента. Изучались также остатки валунного откоса, прикрывавшего западные ворота Сушила. В процессе раскопок музейная коллекция обогатилась предметами вооружения: стволами пищалей, фрагментами пушки и пистолета, бердышами, ядрами, гранатами (Буров В.А. рук., 2003; рук., 2005; рук., 2007; рук., 2014; рук., 2015).

Параллельно с нашей экспедицией с 2005 г. на Соловках стал работать отряд Отдела охранных раскопок ИА РАН под руководством М.Е. Ворожейкиной. По трассе коммуникаций, прокладываемых с западной стороны крепости, была собрана представительная коллекция предметов вооружения — кованые стволы пищалей, ядра, гранаты, шрапнель, стрелы (Ворожейкина М.Е. рук., 2005; рук., 2006). В 2014 г. ею была продолжена шурфовка в связи с подготовкой проекта реставрации крепости по заданию Министерства культуры РФ.

В 2006 г. для выставки «Наследие Соловецкого монастыря», открывшейся в Архангельске в залах Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», сотрудник СГИАПМЗ С.Б. Балан подготовила

¹² Раскопки в Корожной башне велись по заданию директора Соловецкого музея-заповедника Л.В. Лопаткиной.

каталог вооружения, хранящегося в фондах музея-заповедника. В каталог вошли 23 предмета, переданные в 1960-х гг. из музеев Москвы и Ленинграда, Архангельского областного краеведческого музея, случайно найденные в ходе земляных работ на территории Соловецкого монастыря, а также выявленные в ходе археологических раскопок последних лет. В 2013 г. тем же автором был издан более полный каталог, включивший 121 предмет (*Балан С.Б.*, 2006, с. 141–156; 2013).

В эти же годы мы подготовили комментированное издание документов об оружейной казне Соловецкого монастыря XVI–XVIII вв. и публикацию писем архимандрита Александра (Павловича) о военных событиях на Соловках 1854–1855 гг. (*Буров В.А.*, 2004, с. 79–91; 2005а, с. 53–104; 2006г, с. 42–119). В другой нашей работе изучение крепости было определено как одно из важных направлений археологических исследований Соловков (*Буров В.А.*, 2006а, с. 7–10; 2006в, с. 391–398; 2016а, с. 477–488).

Событием в 2005 г. стала монография архитектора-реставратора О.Д. Савицкой «Соловецкая крепость (Архитектура и реставрация)». Ею был подведен итог многолетних натурных исследований памятника, уделено первостепенное внимание описанию архитектурно-строительной системы крепостного комплекса, внутренней структуры и конструктивных особенностей сооружений. В книге на основании обмерных чертежей середины 1950-х — начала 1990-х гг. изданы превосходно выполненные графически планы стен и башен, их фасады, поперечные и продольные разрезы башен (29 шт.)¹³. Дана типология

бойниц верхнего боя. 64 фотографии иллюстрируют внешний вид крепости и ее отдельные элементы; впервые опубликованы две архивные фотографии рубежа XIX–XX столетий. Монография О.Д. Савицкой включила некоторые сведения архивных источников об отдельных участках Соловецкой крепости. В специальном разделе изложена краткая история реставрации крепости. В приложении дан перечень из 97 графических материалов из архивов ЦНРПМ и СГИАПМЗ, использованных автором при описании крепостных сооружений (*Савицкая О.Д.*, 2005)¹⁴. За данным сравнительно небольшим трудом стоит колоссальная многолетняя работа.

После выхода обстоятельного архитектурного исследования О.Д. Савицкой о Соловецкой крепости особенно остро стала ощущаться потребность в аналогичной обобщающей работе по истории и археологии памятника. Это тем более актуально, что значительная часть материалов раскопок крепости не издана, а за прошедшие 40 лет после выхода капитального исторического труда Г.Г. Фруменкова выявлены новые письменные свидетельства о крепости. Для известных источников потребовался более глубокий анализ. Остался не проработан детально графический материал с изображением башен, ворот и стен крепости, не описана подробная история каждого структурного элемента крепости¹⁵. До сих пор не представлена история архитектурно-археологических обмеров памятника. Необходимо полностью издать и прокомментировать рукопись инженера-подпоручика Васильева конца XVIII — начала XIX в., содержащую интереснейший материал о подго-

¹³ Графическая работа выполнена И.Г. Брагиной.

¹⁴ К сожалению, в данную работу вкрались описки, в некоторых случаях приводятся ошибочные или противоречивые сведения по истории крепости. Например, утверждается, что каменная Соловецкая крепость «построена на месте ранее существовавших деревянных укреплений в 1552–1625 гг.» (с. 4). Монах Феоктист во время «Соловецкого сидения» якобы открыл «скрытый проход под крепостной стеной, через который осаждавшие проникли в Кремль» (с. 4). На самом деле он указал воеводе Ивану Мещеринову на заложенную кирпичом нижнюю бойницу в Сушиле. Чертежи Васильева относятся не к XVII в. (с. 15), а к XVIII столетию. Именованная Белую башню Головленковой (с. 26) неверно, так как данное название появилось в конце 1920-х гг., во время концлагеря; оно неисторическое. Паперть у Святых ворот была разобрана не в 1970 г. (с. 27), а в 1977 г. План 1-го яруса Архангельской башни был издан зеркально.

¹⁵ Предварительная работа с обобщением сведений о каждом прясле крепости, каждой башне, всех воротах с подборкой исторических изображений башен и ворот была выполнена автором еще в 1976 г. (*Буров В.А.* рук., 1976г). Этот труд не был издан. В 1975–1977 и в 1996–1997 гг. О.Д. Савицкая, В.А. Буров, В.В. Сошин строили планы написать коллективную монографию — комплексное архитектурное, историко-археологическое исследование крепости Соловецкого монастыря. Но эти замыслы остались нереализованными в силу ряда причин объективного и субъективного характера.

товке крепости к обороне в 1790 г., заодно уточнить биографию этого замечательного военного инженера. Возникла также потребность суммировать материалы археологических раскопок платформ под пушки и иных деревянных настилов в бойницах подошвенного боя, исследований тюремных помещений внутри крепостных стен, фундаментов стен и башен, сухих рвов.

Для выяснения авторства Ивана Михайлова и Трифона Кологривова требуется проведение комплексного историко-архитектурного анализа крепости. До сих пор не осуществлена детальная фотографическая фиксация Соловецкой крепости, без которой невозможно подробно ознакомиться со всеми элементами этого великого фортификационного сооружения позднего Средневековья — башнями, воротами, пряслами, печурами, бойницами. Подробно не перечислены параметры отдельных частей крепости. До сих пор не был даже поставлен вопрос о количестве использованного при строительстве материала — валунов и кирпича, что важно для понимания организации строительного дела. Некоторые из перечисленных проблем мы начали решать в последние годы (Буров В.А., 2014, с. 80–101; 2015, с. 93–105; 2016б, с. 76–86).

Настоящая монография о каменной крепости Соловецкого монастыря призвана систематизировать, скорректировать, расширить и последовательно изложить наблюдения и выводы, к которым автор пришел за время работы по соловецкой тематике в 1975–1978, 1996–2017 гг.

Книга, безусловно, поддержит интерес к крепостным сооружениям и вооружению Древней Руси, особенно остро наметившийся в последние десятилетия (Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А., 1989, с. 544–551; 1997; Артемьев А.Р., 1990, с. 264–270; Михайлов А.А., 1995; Яковлев В.В., 1995; Агафонов С.А., Агафонова И.С., 1996, с. 158–159; Мильчик М.И., 1997, с. 13–63; Мильчик М.И., Коляда М.И., 1997, с. 175–181; Немировский Е.А., 1997; Чернова О.В., Чернов С.М., 1997, с. 64–85; Мильчик М.И., 1998, с. 26–33; Артемьев А.Р., 1999; Беляев Л.А., 1999, с. 11–13; Бирюков Ю.Б., 1999, с. 115–126; Бусева-Давыдова И.Л., 1999, с. 10–11;

Кирпичников А.Н., 1999, с. 127–142; Кремли России, 1999; Чернышев М.Б., 1999, с. 67–68; Кирпичников А.Н., 2000; Косточкин В.В., 2000; Мазуров А.Б., 2001, с. 467–492; Казаринов В.М., 2002; Мильчик М.И., 2002, с. 109–117; Мильчик М.И., Попова Л.Д., 2002; Попова Л.Д., 2002, с. 85–94; Кремли России, 2003; Кузьмичев А.П., Аверченков И.А., 2003; Модестов Ф.Э., 2003; Моргунов Ю.Ю., 2003; Носов К.С., 2003; Иванов Ю.Г., 2004; Иванова О.Ю., 2004; Беляев Л.А., 2005; Казаринов В.М., Прямыцкий С.Д., 2005; Шишов А.В., 2005; Мокеев Г.Я., 2006, с. 385–389; Власов А.С., Элькин Г.Н., 2007; Квасневич В., 2007; Крепости-тюрьмы, 2007; Моргунов Ю.Ю., 2007; Мильчик М.И., 2008; Носов К.С., 2008а, с. 161–176; 2008б, с. 5–32; Носов К.С., Зароштинская Н.О., 2008, с. 174–196; Мазурова Н.Б. 2009, с. 147–177; Моргунов Ю.Ю., 2009; Носов К.С., 2009а, с. 5–32; 2009б; 2009в, с. 122–132; 2009г; Степанов Ю.В., 2009; Гостев И.М., 2012, с. 6–33; Крепости, 2012; Носов К.С., 2013; Гостев И.М., Давыдов Р.А. 2014; Гостев И.М., 2016, с. 14–19; Мазуров А.Б., 2015; Лопатин Н.В., 2016; Богомазова А.А., Володихин Д.М., 2018 и др.)¹⁶. Прямым свидетельством такого интереса в нашей стране является создание в 2009 г. некоммерческой научной организации — Центра изучения истории фортификации (ЦИИФ), который проводит конференции и выпускает ежегодный научно рецензируемый альманах (*Вопросы истории фортификации*, 2010–2014).

Надеемся, что данная монография привлечет дополнительное внимание к шедевру отечественной и мировой архитектуры, требующему бережного отношения и возобновления научной реставрации, осуществлявшейся ранее архитекторами-реставраторами А.В. Воробьевым, В.В. Владимирской, В.В. Курловым, О.Д. Савицкой, В.В. Сошиным. Это стало особенно актуально в последние годы. Не лишне напомнить, что 14 декабря 1992 г. Комитет всемирного наследия ЮНЕСКО внес исторический ансамбль Соловецкого монастыря, включая крепость, в Список всемирного наследия. Тем самым «утверждена исключительная и всемирная

¹⁶ Основная, но всё же не полная литература о древнерусских крепостях (565 наименований) приведена в книге К. С. Носова «Русские средневековые крепости» (М., 2013, с. 293–314).

ценность данного объекта культуры, который нуждается в защите ради пользы всего человечества», а 6 декабря 1995 г. Указом за №1219 президента России Б.Н. Ельцина Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник внесен в государственный свод особо ценных объектов.

Комплексное историко-археологическое исследование крепости было осуществлено в Институте археологии РАН и Соловецком государственном историко-архитектурном и природном музее-заповеднике. Автор постоянно ощущал поддержку завотделом славяно-русской археологии ИА РАН д. и. н. А.В. Чернецова и заместителя директора по научной работе Соловецкого музея-заповедника к. и. н. А.Я. Мартынова. Считаю также своим долгом выразить запоздалую признательность Ольге Дмитриевне Савицкой за возможность работать в 1975–1978 гг. по соловецкой тематике, собирать сведения об истории монастыря, заниматься исследованиями в архивах и вести археологические раскопки. Я также благодарен В.В. Сошину за плодотворное научное общение на памятниках архитектуры Соловецкого монастыря, историку искусства В.В. Скопину, предоставившему копию плана Головленковой тюрьмы. Благодарю А.Я. Мартынова и Т.Л. Фокину, которые последовательно в 1996–1998 и 1999–2000 гг., занимая должность директора Соловецкого музея-заповедника, в период охватившего страну жесточайшего экономического кризиса, оказали Соловец-

кому отряду Института археологии РАН неоценимую организационную помощь. Также благодарю бывшего директора СГИ-АПМЗ М.В. Лопаткина, по инициативе которого в 2001 г. была создана Соловецкая средневековая археологическая экспедиция с участием Института археологии РАН. На протяжении ряда лет ее бесперебойная работа во многом была обеспечена сотрудниками Отдела реставрации и проектирования Т.В. Шиловой, осуществлявшей всю необходимую организационную работу, и, конечно, главной ударной силой на раскопках — Архангельским городским штабом школьников (АГШШ) во главе с В.Н. Дурневым и московским клубом «Рождественка». Всем помощникам и участникам раскопок моя огромная признательность.

Благодарю художника Н.Н. Скворцова, принявшего участие в оформлении ряда иллюстраций, фотографа Соловецкого музея-заповедника Ю.Б. Гендлина, выполнившего для книги 40 фотографий участков прясел крепости и предоставившего для книги виды монастыря с самолета, Т.В. Шилову, активно помогавшую в подборке документов научного архива Соловецкого музея-заповедника. Наконец, моя признательность В.В. Борисенко, постоянному помощнику в шурфовке крепости в 2013–2016 гг.

Отдельная благодарность коллегам Л.А. Беляеву, А.В. Лаушкину, А.В. Малову, А.Я. Мартынову, Вл. В. Седову, ознакомившимся с текстом рукописи и благосклонно к ней отнесшимся.

ГЛАВА 1. К ИСТОРИИ КАМЕННОЙ КРЕПОСТИ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

Предлагаемый краткий очерк ставит перед собой задачу дополнить основные вехи истории Соловецкой крепости новыми данными из неопубликованных или не привлеченных до сих пор

письменных источников. Мы также намерены представить свое решение некоторых спорных вопросов в истории строительства крепости Соловецкого монастыря и обозначить ряд новых проблем.

1.1. ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОД 1578–1579 гг. — ПРЕДВЕСТНИК КАМЕННОЙ КРЕПОСТИ

Великий Новгород являлся «северным стражем Руси»; в XII–XV вв. он отстаивал свои рубежи от посягательств со стороны немецких рыцарей и шведских феодалов (Алешковский М.Е., 1971; Андреев В.Ф., 1989). Затяжные войны велись в Карелии с соседней Швецией. В это время в центре и на северо-западных границах Новгородской земли были возведены многочисленные каменные крепости (Киртичников А.Н., 1984).

На крайнем новгородском Севере, в Поморье, длительное время было спокойно, потому и крепостные сооружения там отсутствовали. Положение начало меняться в первой половине XV столетия, когда на волне расширения западной экспансии произошло два крупных столкновения норвежцев с поморами. Новгородская Первая летопись под 1419 г. сообщает о набеге «мурман» (норманнов, норвежцев) на Беломорье и Заволочье. Были разорены Карельский погост волости Варзуга на южном берегу Кольского полуострова, погосты Нёнокса, Яковля Курья, Киг-остров, Конечный, Кяр-остров, Хечинима, Андреянов берег, монастыри Николо-Карельский и Михаило-Архангельский. Однако местные жители сумели дать отпор: «Того же лета, пришед Мурмане воиноу въ 500 человекъ, в бусах и въ шнеках, и повоеваша въ Арзуги погостъ

Корильскыи и в земли Заволочкою погосты: в Неноксе, в Корельскомъ монастырь святого Николы, Конечный погостъ, Яковлю Курью, Ондrejaновъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ монастырь, Чиглонимъ, Хечинима; 3 церкви сожгли, а христианъ черноризницъ посекле, и заволочане две шнеки Мурманъ избиша, а инии избегоша на море» (НПЛ, 1950, с. 412). Эти же данные приводит и поздний источник — Летопись Двинская (ПСРЛ, т. 33, 1977, с. 7).

Следующий набег, согласно той же Новгородской Первой летописи, был совершен в 1445 г. Особенно пострадала Нёнокса: «Того же лета приидоша Свея, Мурмане безвестно за Волокъ на Двину ратью, на Неноксу, повоевавъ и пожгоша и людеи пересекоша, а иных в полонъ поведоша. Услышавше то двиняне, придоша вборзе, иных иссекоша, а иных прислаша въ Новгород с четыредесать; а воеводы ихъ, Ивора и Петра и третьего, убиша; инеи же, мало вметавшеся в корабли, отбегоша» (НПЛ, 1950, с. 425–426). Данный эпизод оказался вне поля зрения историков. Но именно в результате решительного пресечения иностранного вторжения Великим Новгородом в 1445 г., а не после 1419 г., как это принято считать (Фруменков Г.Г., 1975, с. 17), на Беломорье не было серьезных нападений до конца XVI столетия.

В 1508 г. московский великий князь заключил мирный договор со Швецией, который затем подтверждался в 1513 и 1524 гг. В 1537 г. последовал новый договор (Мюллер Р.Б., 1947, с. 45–46).

В эпоху царствования Ивана IV Грозного (1547–1584 гг.) спокойствие на Русском Севере было окончательно нарушено. В этот период Российское централизованное государство, стремясь расширить свои северные границы, вело непрерывные войны со странами Прибалтики. Крупнейшая военная кампания того времени — Ливонская война (1558–1583 гг.), начатая Москвой за выход к просторам Балтийского моря, не принесла ожидаемой победы, а наоборот, привела к полному поражению России в Ливонии. Это усугубило внутриэкономический кризис, подготовленный опричниной. Хозяйственное разорение страны в свою очередь стало прологом широкого наступления поляков и шведов на русские земли (История СССР, 1966, с. 181–182, 204–210).

Крупные планы строила и Швеция, которая намеревалась осуществить захват русского побережья Финского залива, лежавших вблизи побережья городов Ивангорода, Яма, Копорья, Орешка и Корелы с их уездами, а также большей части русского побережья Баренцева и Белого морей, Кольского полуострова, северной Карелии и даже устья Северной Двины с Холмогорским острогом. Цель — подчинить своему контролю все морские пути из России на Запад. Данные планы определены западной историографией как «великая восточная программа» шведского короля Иоанна III (Шаскольский И.П., 1950, с. 7, 35; История Швеции, 1974, с. 166). Северные границы России в конце 1570-х гг. стали ареной ожесточенных сражений.

В 1571 г. в открытых водах Белого моря в «голомяни» против Соловецких островов появились «немецкие» корабли — соединенный флот Швеции, Гамбурга и Голландии (Савич А.А., 1927, с. 557; Белов М.И., 1956, с. 88–90), что оказалось полной неожиданностью для братии Соловецкого монастыря. Их обитель располагалась «на море окияне, в пучине, в западной стране» (Арсеньев Ю.В., 1911, с. 14), вдали от населенных пунктов, на морском пограничном острове. Соловецкие монахи обратились за помощью к самому царю, направив ему грамоту (ААЭ, 1836, т. 1, № 301, с. 367).

В Москве за всем этим сразу увидели угрозу водному торговому пути из Европы в Россию, который проходил вокруг Скандинавии. Открытый в середине XVI в., этот путь в условиях затянувшейся Ливонской войны приобретал для государства всё большее значение, оставаясь единственной торговой трассой из Московии на Запад. Вот почему из столицы на Крайний Север царь Иван IV в спешном порядке направил боярского сына Семена Лупандина «для учинения поиска над вышеупомянутыми кораблями» (Досифей, 1833, с. 38).

Спустя семь лет, в 1578 г., соловецкий игумен Варлаам послал царю новое донесение, фрагмент текста которого сохранился лишь в пересказе: «Хотят приходить к Соловецкому монастырю войною и на все Поморье свицкие немцы и амбурыцы (жители Гамбурга. — В.Б.)» (АСМ, 1990, с. 115). 2 августа того же 1578 г. Иван IV отправил ответ: «...мы по тем вестем послали в Соловецкой монастырь Михайла Озерова, а с ним четыре человека пушкарей, десять человек стрельцов, да сто ручниц, да пять затинных пищалей, да с Вологды две пищали полоторных да две девятипядных, а к ним по двесте ядер да четыре человека пушкарей, а зелья ко всему наряду и к пищалям, и к ручницам сто пятнадцать пуд» (АСМ-2, 1990, с. 115).

Так в Соловецкой обители появилось большое количество оружия, рассчитанного на стрелецкую сотню с приданной артиллерией. Как следует из той же царской грамоты, присланный военный отряд из 19 человек должен был укомплектоваться за счет местного поморского населения до сотни стрельцов и 14 пушкарей-затинщиков. Его численность вместе с Озеровым должна была возрасти до 115 человек. По сути, Михаил Владимирович занимал должность сотника, что закономерно. Установлено, что Озеров относился к громадной массе провинциальных детей боярских, был незнатного рода (Богомазова А.А., Володихин Д.М., 2018, с. 9).

Царь также дал приказ Михаилу Озерову возвести на Соловках деревянный острог. Само слово «острог» в грамоте упорно повторяется шесть раз: «А велели Михайлу, приехав на Соловки, сделать острог около Соловецкого монастыря <...> а сделав острог и башни, велели ему по острогу и по башнем наряд изставити

и людей по острогу, и по башнем, и по воротам росписать». Иван Грозный отдал Озерову распоряжение: «А нечто придут немецкие люди к Соловецкому монастырю, и Михайлу велели естя быти в остроге и делом нашим промышляти о всем по нашему наказу, чтоб дал бог Соловецкого монастыря от немецких людей уберечи. А будет мочно, и мы велели Михайлу из острогу на немецких людей приходить и над немецкими людьми промышлять, посматривая по тамошнему делу, а без указу ему из Соловецкого монастыря выезжати не велели есмя» (АСМ-2, 1990, с. 115; Белокуров С.А., 1888, с. 59, № 2359).

На основании даты написания самого документа (2 августа 1578 г.) напрашивается вывод, что царские стрельцы с московским воеводой впервые прибыли на Соловки в лучшем случае в конце августа или в начале сентября. Однако это противоречит сведениям приходно-расходной книги 1577–1578 гг., согласно которым до Озерова какие-то московские стрельцы уже находились на Соловках. Монастырская приходная книга заканчивается на 43-м листе июньскими записями 1578 г., а на более раннем, недатированном 37-м листе, имеется первое упоминание о стрельцах: «Стрелец Оксен дал за труды 8 алтын 2 денги» (ПРК 1577–1579 гг., л. 37; Приходо-расходные книги, с. 134). Далее встречаются и другие имена первых защитников Соловецкого монастыря: «Первуша Панкратьев сын стрелец московской дал по родителех 30 алтын 5 алтын. Взято по Федоре по Алексееве сыне по стрельце по московском 5 рублей <...> Авксентей да Филип Карповы дети, стрельцы московские, дали по родителех 15 алтын» (ПРК 1577–1579 гг., л. 40 — 41 об.; Приходо-расходные книги, с. 135). Следовательно, запись о стрельцах должна относиться по крайней мере к маю, а то и апрелю 1578 г. Из этого напрашивается вывод, что **уже в конце весны 1578 г. на Соловки из Москвы был спешно направлен небольшой отряд стрельцов для охраны обители.** А позже, когда стала ясна вся сложность ситуации на Севере, в монастырь послали Михаила Озерова с приказом строить острог и наладить его оборону.

В литературе называются две даты возведения Соловецкого острога: 1578 и 1579 гг. Первую признают М.Н. Тихо-

миров, В.В. Косточкин, Д.С. Лихачев, Г.Г. Фруменков, В.В. Скопин (Косточкин В.В., 1972, с. 34, прим. 8; Лихачев Д.С., 1980, с. 22; Скопин В.В., 1991, с. 17; Скопин В.В., Щенникова Л.А., 1982, с. 52; Тихомиров М.Н., 1962, с. 269; Фруменков Г.Г., 1975, с. 19). Вторую называют архимандрит Мелетий, П.Ф. Федоров, Б.И. Дунаев, А.А. Савич, Г.А. Богуславский, И.А. Бартенев (Бартенев И.А., 1969, с. 4; Богуславский Г.А., 1978, с. 50; Дунаев Б.И., 1914, с. 6; Мелетий, 1881, с. 173; Савич А.А., 1927, с. 55; Федоров П.Ф., 1889, с. 173). В двух работах Досифея встречаются порознь обе даты (Досифей, 1833, с. 39; 1836, с. 77). М.И. Белов отмечал, что в 1578 г. острог стал строиться, а в 1579 г. он был построен (Белов М.И., 1956, с. 90–92). К схожему выводу пришел и М.И. Мильчик (Мильчик М.И., 2008). Как видим, время возведения деревянного острога на Соловках нуждается в уточнении.

Появление ранней даты находит объяснение из текста грамоты Ивана IV от 2 августа 1578 г. Вместе с тем, древнейший Соловецкий летописец конца XVI — XVII в. отмечает: «В лето 7087-го <...> Того же году зачали на Соловках делати город деревянной» (Корецкий В.И., 1981, с. 239; СЛ-1 XVI в., л. 212 об.).

Лето 7087-е — это 1 сентября 1578 — 31 августа 1579 г. До 1-го сентября 1578 г. никакого строительства острога на Соловках не велось; его «зачали делати» лишь после указанной даты. Можно предположить, что к возведению деревянного Соловецкого острога приступили осенью 1578 г., однако это опровергает последовательность событий, изложенных в том же летописце XVI в.: «Игумен Варлаам ездил в Новгород и к Москве. Того же году убили Михаила Озерова. Того году зачали на Соловках делати город деревянной» (Корецкий В.И., 1981, с. 239). К строительству острога на Соловках приступили после поездки Варлаама в Новгород и в Москву и после смерти сотника Озерова. Досифей отмечает, что Озеров погиб в начале 1579 г., когда «каянские немцы» (жители северной Финляндии. — В.Б.) разорили Кемскую волость.

Разорение Кемской волости, судя по данным приходной книги 1579 г., действительно состоялось именно в том же году, так как эта книга начинается

с записи 26 января 1579 г., а уже на листе 6 об. (запись явно февральская) отмечено: «Взято по стрельце по московском по Григорье, что с Михайлом убили с Озеровым, 7 рублей» (ПРК 1579–1581 гг., л. 6 об.; Приходо-расходные книги, с. 150). Чуть более поздняя по времени и недатированная запись расходной книги 1579 г. сообщает о службе на сороковой день и по Озере: «Дано по сыне боярском по Михайле по Володимирове сыне Озерова на сорокоуст 20 алтын» (ПРК 1579–1581 гг., л. 78 об.; Приходо-расходные книги, с. 180). Через десять листов говорится уже о поездке игумена Варлаама в Новгород и в Москву: «Игумен Варлам поехал в Новгород ко государю с святою водою» (ПРК 1579–1581 гг., л. 87; Приходо-расходные книги, с. 184). Поскольку сын боярский Михаил Владимирович Озеров был убит в феврале 1579 г., то поминальную службу по нему — сорокоуст — должны были совершать 40 дней, по март включительно. И следовательно, игумен Варлаам должен был отбыть в Новгород по крайней мере в конце мая, т.е. с началом навигации. В таком случае **начало строительства деревянного острога приходится на летний период 1579 г.** Примечательно также, что в одном из соловецких летописцев конца XVI в. после сообщения о поездке Варлаама в Москву сказано: «Того ж году зачат на Соловках делать **город деревянный** (здесь и далее выделено нами. — В.Б.)» (СЛ-2 XVI в., л. 212 — 212 об.), а в расходной книге того же года сделаны две записи: «Михайлу Малому дано 5 рублей, послал его игумен Варлам к Москве о монастырских нуждах, **о городе** и о стрельцах»; «Няято казаков на лето до Покрова Святей Богородицы 70 человек с одним человеком. Найму дано имь 70 рублей 3 рубля 15 алтын 2 денги» (ПРК 1579–1581 гг., л. 88, 92; Приходо-расходные книги, с. 184, 186). С нашим выводом вполне согласуются сведения более поздней царской грамоты 1584 г.: «...острог соловецкий устроили монастырьскою казною» (АСМ-2, 1990, с. 220, № 881).

Теоретически, да и чисто практически зимой 1578–1579 гг. монастырь под надзором Озерова мог проводить только подготовительные работы, связанные с заготовкой леса. Традиционно этим занимались именно зимой. Зимняя древесина высоко-

го качества. При этом бревна можно было легко доставить по зимнику. Мы полагаем, что на Соловках вполне мог быть применен метод сборного строительства. Суть его — предварительная подгонка и маркировка бревен с последующей сборкой сооружения на месте (Носов К.С., 2013, с. 108). Только так можно было обеспечить высокие темпы работ.

Само же строительство деревянного укрепления должно приходиться на июнь–сентябрь и осуществляться силами наймитов (по-северному, казаков) на монастырские деньги до начала сентября 1579 г. Таким образом, **вопреки широко распространенному в литературе мнению, возвести Соловецкий острог при рано погибшем воеводе Михаиле Владимировиче Озере не могли.** Грамота Ивана IV от 2 августа 1578 г. сообщает только о царском решении строить вокруг Соловецкого монастыря острог. Она вовсе не говорит, что острог уже строится.

Г.А. Богуславский первым поставил под сомнение начало строительства острога на Соловках при Михаиле Озере, указав при этом на не дошедшую до нас грамоту 1579 г. «об острожном деле», которая была послана из Москвы новому воеводе Семену Юреневу. Документ этот, как отметил исследователь, упомянут в описи монастырского архива 1676 г. На его основании он и сделал вывод, что в 1579 г. именно Семен Юренев «поставил» на Соловках деревянный острог (Богуславский Г.А., 1978, с. 50).

Однако в указанной описи о данной грамоте говорится: «Грамота государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Руси 7087-го году к Семейке Юреневу об острожном деле» (Опись СМ 1676 г., л. 407 — 407 об.). В указанный год 1579-й правителем был Иван Грозный, а не его сын Федор. Надо полагать, грамота не имела даты, и в 1676 г. составитель описи грамот, знавший о возведении Соловецкого острога в 1579 г., привязал к этой дате имени Семена Юренева и Федора Ивановича, фигурировавшие в документе. Между тем московский стрелецкий сотник Семен Юренев, по свидетельству источников в 1590 и 1592 гг., действительно пребывал на Севере с отрядом войск. Именно в это время должен был чиниться Сумский острог, о чем будет сказано ниже. Следова-

тельно, и Семен Юренев не мог возводить Соловецкий деревянный острог. Его явно строил иной московский воевода. Кто именно — на этом остановимся позже.

Что же представляло собой первое фортификационное сооружение на Соловках? Для ответа на данный вопрос необходимо обратить внимание на сам термин «*острог*» грамоты Ивана IV 1578 г., который подразумевает особое сооружение, противопоставляемое башням и воротам: «...а сделав острог и башни, велели ему по острогу и по башням наряд изоставити и людей по острогу, и по башням, и по воротам росписать». Совершенно очевидно, что слово «*острог*» здесь применяется в своем первом значении: частокол, палисад из заостренных сверху бревен, плотно пригнанных друг к другу и вбитых (или врытых) в землю (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1987, с. 159). То есть речь идет только о стенах. Ивану Грозному деревянная крепость вокруг Соловецкого монастыря представлялась состоящей из башен, между которыми располагалась стена из заостренных бревен (острог), и в этой стене имелись ворота. Но иконописные изображения этой крепости позволяют утверждать, что она значительно отличалась от первоначально задуманного и предписанного свыше облика.

М. И. Мильчик опубликовал две иконы с видом обители Зосимы и Савватия до постройки каменной крепости. Исследователь датировал их первой половиной XVII в., хотя совокупность представленных строений явно указывает на конец XVI столетия. Мы наблюдаем отсутствие надвратной Благовещенской церкви (1596–1600 гг.), каменной трехшатровой звонницы начала 1600-х гг., наличие еще деревянных, а не каменных Переходов 1602 г. Да и Успенская церковь при Трапезной палате еще не обзавелась вторым приделом (1605 г.).

Изографы конца XVI в. представили два варианта деревянной стены, окружавшей монастырь. На иконе из собрания Государственных музеев Московского Кремля показана столбовая конструкция из бревен, в пазы которых горизонтально уложены бревна или плахи. Сверху стена покрыта двускатной кровлей. Такая конструкция называлась «забором в столбы» (ил. 7: 1).

На иконе из Духовной академии стена рубленая (ил. 7: 2). Как замечает

М. И. Мильчик, она состоит «из тарасов-клетей (видны выпуски поперечных бревен)» с расположенными треугольником бойницами. В стене имеются Святые ворота с двумя проемами для пеших и конных (Мильчик М. И., 1988, с. 342, рис. на с. 318–319). Второй тип ограды исследователь отметил также и на клейме 15 житийной иконы Зосимы и Савватия последней четверти XVI в. из Государственного Русского музея. Такой же тип ограды, только менее четкий, присутствует и на 16-м клейме той же иконы (ил. 8) (Мильчик М. И., 1980, рис. 2–3 на с. 236–237).

Устойчивость изображения внешней ограды монастыря не в виде частокола, а в виде примыкающих друг к другу клетей с окнами-бойницами и позволяет считать ее наиболее достоверным изображением западной стены именно деревянного острога 1579 г.

На иконах мы не наблюдаем острожных башен. Таковых могло и не быть. В данном случае следует говорить об имевшей место серьезной корректировке планировки первой деревянной крепости Соловецкого монастыря. Данный вывод подтверждает приводившаяся уже выше запись в приходе-расходной книге 1579 г.: «*Михайлу Малому дано 5 рублевъ, послал его игумен Варлам к Москве о монастырских нужах, о городе и о стрельцах*» (ПРК 1579–1581 гг., л. 88; Приходе-расходные книги, с. 184). Как видим, игумен Варлаам поставил перед царем вопрос о возведении на Соловках не острога, а «*города*», т. е. более надежного укрепления. Выше мы уже приводили две выдержки из Соловецкого летописца и расходной книги конца XVI в., где первое укрепление на Соловках названо «*городом деревянным*» и просто «*городом*». То, что в 1579 г. был изменен первоначальный план возвести именно острог, под которым подразумеваются обычно частокольные стены из заостренных бревен с башнями, подтверждает и текст самого письма с Соловков царю Федору Ивановичу 1584 г. Монахи прямо называют первое оборонительное сооружение вокруг Соловецкого монастыря не острогом, а городом: «*поставлен около Соловецкого монастыря город деревянный, а ставили монастырем и монастырьскими крестьяны*».

Впрочем, допустимость внесения изменений в план острога явствует из текста самого послания Ивана Грозного от 2 августа 1578 г. игумену Варлааму: «*А велели Михайлу, приехав на Соловки, сделати острог около Соловецкого монастыря, поговоря с тобою, богомолцем нашим, и со всей братиею, **каков пригоже** <...> А ты б, богомолец наш Варлам, с Михайлом с Озеровым нашим делом острожным промышлял съобча, чтоб острог около Соловецкого монастыря вскоре зделати*» (АСМ-2, 1990, с. 115). То есть Озеров должен был возвести острог, который был «*каков пригоже*» для монастырской братии, и возводить его следовало вместе с братией. Мы же теперь, после осуществления многолетних археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря, прекрасно знаем (и братии это также было известно), что на Соловках **вкапыванию частокольной ограды сильно препятствовал местный грунт**. Под песком на небольшой глубине сразу залегает крайне плотная серая супесь, с огромным трудом поддающаяся копке. К тому же она была насыщена валунами, что сильно мешало бы ставить в одну линию острог из ряда заостренных бревен. Понадобилось бы много усилий на изъятие валунов из грунта.

Город могли возводить только из привозного на остров леса, поскольку к 1550 г. на Соловках уже не оставалось своего строевого леса, использованного на строительство келий, и его стали завозить

из Усть-Колежмы, согласно грамоте, данной монастырю Иваном Грозным (Буров В.А., 2005б; 2010; 2011а). Укрепление требовало большого количества бревен. Для сравнения: только для более малого Сумского острога в 1643 г. при намерении «*высечь бревенного и тесового лесу сорок тысяч дерев*» сумели заготовить их лишь 30 тыс. (Копии грамот 1742 г., л. 294 — 294 об.).

Деревянный «город» 1579 г. с самого начала отставал от запросов времени, так как не мог противостоять огневой артиллерии. Надо полагать, что деревянную оборонительную стену рассматривали как экстренную меру — лишь как первый этап соловецкой фортификации до создания каменной крепости. Именно потому всего через два года на третий на Соловках, как сказано в грамоте царя Федора Ивановича, стали строить «*от приходу свитских людей для зажогу город каменной*» (ААЭ, 1836, т. 1, № 323, с. 383–385).

С появлением на Соловках деревянного города началась история монастыря как военного укрепления. Г.Г. Фруменков справедливо определил его как «*пограничную военную крепость*» (Фруменков Г.Г., 1975, с. 19). Подобно другим русским монастырям, Соловецкая обитель заняла свое место в системе обороны Московского государства (Ильин М.А., 1944). И всё же осталось неясно, при каком воеводе в 1579 г. был возведен деревянный Соловецкий город.

1.2. Деятельность в Беломорье детей боярских — Андрея Загряжского и Киприана Оничкова

Сотник, сын боярский Михаил Владимирович Озеров был похоронен в 1579 г. в Соловецком монастыре¹. После его смерти Иван IV направил на Соловки Андрея Загряжского. Тот, согласно вкладной книге, в лето 7087-е (1579 г.) привез в монастырь пожалованные царем три затинных пищали и пуд с четвертью пороха (Книга

1536–1600 гг., л. 15 — 15 об.) — Приложение 1.

Досифей сообщает, что в 1579 г. Загряжский набрал из монастырских волостей 100 человек и обучил их «*исправной стрельбе*» (Досифей, 1833, с. 39). **Это позволяет считать Загряжского также стрелецким сотником.** Между тем источник данных

¹ На имевшемся к югу от Спасо-Преображенского собора белокаменном надгробии Михаила Озерова указана дата погребения — 1575 г. Плита, видимо, принадлежит близкому родственнику или была уложена гораздо позже, вследствие чего искажена дата (Буров В.А., 2001а, с. 132–134). В настоящее время плита хранится в фондах Соловецкого музея-заповедника, а на ее месте оставлена грубая копия.

сведений неизвестен. Его имя не называют ни актовые грамоты Соловецкого монастыря, ни Соловецкий летописец конца XVI в. Тем не менее расходные книги Соловецкого монастыря в последних записях (явно августовских) за этот год действительно фиксируют наем в стрельцы, но только 24 человек. Деньги платил монастырь: «*Нанято десять человек в стрельцы: Онанью Федорова, да Иякова Колтовского, да Петра Прозоровского с товарищи. Найму дано им на десять человек пятнадцать рублей на лето. Да в стрельцы же нанято 14 человек: Бухарю сумлянина, да Мурзу из Вирмы, да Игнашу пермитина с товарищи. Найму дано им на четырнадцать человек одиннадцать рублей дватцать алтын десять денег на лето*» (ПРК 1579–1581 гг., л. 92 об., 93; Приходо-расходные книги, с. 186).

Последующая, сентябрьская запись подтверждает расходование монастырских средств на стрельцов, нанятых на год — с октября 1579 по октябрь 1580 г.: «*Нанято десять человек в стрельцы: Онанью Федорова да Петра Прозоровского с товарищи, от Покрова Святей Богородицы лета 7088-го на год до Покрова же Святей Богородицы лета 7089-го, а найму дано им дватцать рублей семь рублей с полтиною. Да в стрельцы же нанят Иванко Кондратов из Вирмы, найму дано на год два рубля*» (ПРК 1579–1581 гг., л. 97; Приходо-расходные книги, с. 188).

О Загряжском мелькнула еще одна запись в приходо-расходных книгах. В 1579 г. он купил в монастыре шкурку песца: «*Продан мех песцовой сыну боярскому Ондрею Загряжскому, взято полтора рубля*» (ПРК 1579–1581 гг., л. 26; Приходо-расходные книги, с. 158).

Расходная книга сообщает, что на Соловках Андрей Загряжский был с Киприаном Оничковым. Очевидно, они прибыли в монастырь вместе, а осенью 1579 г. выехали в Вирму с соловецкими монахами: «*Старцом Исаку крылошанину да Исидору дано 50 рублей, поехали в Вирму з детьми боярскими на зиму, с Ондреем з Загряжским да с Киприяном с Оничковым*» (ПРК 1579–1581 гг., л. 91; Приходо-расходные книги, с. 186). Далее сведения об Андрее Загряжском обрываются.

Выяснено, что Андрей Васильевич Загряжский относился к «доброму» дворянскому роду, но не занимал крупные

службы, служил сначала в чине жильца по Боровску с окладом 400–500 четвертей. На службах по боярским спискам он отмечен с 1588/1589 по 1604 г., а в 1601/1602 г. занимал пост воеводы в Стародубе (Богомазова А. А., Володихин Д. М., 2018, с. 10).

Обращает на себя внимание тот факт, что время отбытия Загряжского совпадает со временем окончания возведения города на Соловках. Мы полагаем, что это не случайно. Именно боярский сын **сотник Андрей Загряжский и ставил первую соловецкую крепость после смерти сотника Михаила Озерова**. В таком случае становится объяснима причина присылки на Соловки двух военачальников. Очевидно, миссия Загряжского сводилась к осуществлению острожного строения на Соловках, найму стрельцов, обучению их военному делу, а Оничков прибыл как основной руководитель ведения боевых действий на Севере. Именно поэтому впоследствии на первый план и выдвигается Киприан Владимирович Оничков, оказавшийся в декабре в центре военных событий.

Соловецкий летописец конца XVI в. отмечает, что в лето 7088-е «*было дело у Киприяна у Оничкова с немецкими людьми*» (Корецкий В. И., 1981, с. 240). Похвальная грамота Ивана Грозного, адресованная лично Оничкову, уточняет характер событий и называет их дату — 24 декабря 1579 г.: «*Писал еси к нам, что в нынешнем 88-м году декабря в 24 день приходили немецкие свиские люди с Каянского на нашу украину в волость Ругоозеро с три тысячи человек, и ты для немецких людей сделал острог, и немецкие люди к острогу приступали с нарядом, и с приметы, и с щиты три дни да три ночи, и ты с стрельцы, и с пушкари, и с охочими казаки, и с тутошними людьми с немецкими людьми в приступех и на вылазках на многих делех бились, убили у них немецких дву воеводок, и многих людей побили, и языки поимали, и щиты и самопалы у немецких людей многие поимали, и острог от немецких людей отстоял, и наши волости и монастырские от войны немецких людей все уберег, а тебя на тех делех ранили двожды, и нам то ведомо, а мы тебя жалуем*» (АСМ-2, 1990, с. 140, № 722). Досифей дополняет, что «*за сию знатную победу храбрый Оничков получил от великого государя достойную похвалу*» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 83).

Уже в 1579 г. Киприан Оничков зарекомендовал себя как прекрасный организатор обороны Беломорья. Он не только организовал строительство острога в волости Ругозеро, но и умело осуществил его защиту, нанеся сокрушительное поражение шведам. Оничков значительно увеличил численность стрелецких войск на берегу. Расходная книга Соловецкого монастыря фиксирует в 1580 г. неоднократную передачу Киприану Оничкову денежных сумм на наем стрельцов, а также в долг: *«Сыну боярскому Киприяну Володимировичю Оничкову дано 100 рублей денег с монастырских волостей за стрельцы. Да Киприяну ж Оничкову дано взаймы 30 рублей 1 рубль. Киприяну же дано 8 рублей за керецких стрельцов с монастырских угодий»; «Послано с слугою с монастырским з Григорьем с Шушерою Киприяну Оничкову 10 рублей с монастырских с кемьских угодей за стрельцы»; «Слугам монастырским Ивану Батраку, да Якову Колтовскому, да Михалку Резвому дано им 6 рублей денег, послали их на службу на берег к Киприяну к Оничкову» (ПРК 1579–1581 гг., л. 112 — 112 об., 115 — 115 об.; Приходо-расходные книги, с. 194–195).*

Одновременно приходная книга того же года свидетельствует о покрытии Киприаном Оничковым части долга: *«Да Мисайло же привез государского жалования Киприяну Оничкову 6 рублей денег, и та 6 рублей взята в казну за долг, что на Киприяне долгу монастырского 30 рублей 1 рубль».* В тот же год «сын боярской Киприан Оничков дал по родителех 3 рубля и 15 алтын, написати в сенаник» (ПРК 1579–1581 гг., л. 52 — 53 об.; Приходо-расходные книги, с. 169–170).

К весне 1581 г. деньги на содержание на берегу стрельцов, коих было в 1580 г. действительно 100 человек, закончились, и стрельцы ушли. Эта подробность выясняется из письма Ивана IV Оничкову от 31 июля 1581 г.: *«А которые стрельцы, сто человек, прибраны были у тебя в 88-мом году в августе, и те стрельцы были в остроге до срока до весны, до полые воды, да розбрелися розно, потому что их покоити нечим» (АСМ-2, 1990, с. 166, № 775).*

Запись в расходной книге от 28 мая 1581 г. говорит о том, что монастырь сам решил исправить положение и дал Киприану Оничкову деньги на наем 50 стрель-

цов: *«Маия в 28 дни. По памяти за приписью Киприяна Оничкова наняты стрельцы Онанья с товарищи, и всего пятьдесят человек, от Петрова заговейна да до Петрова же заговейна на год. И на полгода на те стрельцы послано х Киприяну к Оничкову 100 рублей денег, а стрелцом имена писаны в памяти, и та память в казне» (ПРК 1581–1582а гг., л. 43 — 43 об.; Приходо-расходные книги, с. 221).*

Для получения от монастыря денег Киприан специально приезжал на Соловки, где и составил указанную выше «Память». Запись в той же книге от 29 мая указывает на дату отбытия Киприана из монастыря и называет еще одного рядового защитника Русского Севера: *«Маия в 29 день. Ивану Неронову дана полтина, послан был на службу с Киприяном с Оничковым» (ПРК 1581–1582а гг., л. 43 об.; Приходо-расходные книги, с. 221).*

На свои деньги Оничков нанял лазутчиков в стан врага. Монастырь эти деньги ему вернул, о чем была сделана в книгах запись 3 июля: *«Старцу Акакию дано 5 рублей, послан в волость Шую для того, что наймовал Кипреян Оничков охочих людей идти в Немцы и подмогу им давал» (ПРК 1581–1582а гг., л. 56 об.; Приходо-расходные книги, с. 225).*

29 июля на берег в Суму, очевидно, на подворье, старцу Акакию были направлены деньги: *«К старцу Акакею послано 12 рублей с полтиною, а те ему денги дати Кипреяну Оничкову, у него взяти память за его приписью, а Киприяну те денги отдать в годовое жалованья стрелцом» (ПРК 1581–1582а гг., л. 62; Приходо-расходные книги, с. 226).*

Обстановка на севере в 1581 г. вызывала у царя тревогу. «Немцы» разорили Лопские погосты, уничтожив лопарское население (Мюллер Р.Б., 1947, с. 47). В грамоте от 31 июля 1581 г. Иван IV подтвердил свой прежний указ: *«...оберегати Соловецкой манастырь в летнее время от карабельного приходу немецких людей, а в зимнюю пору выезжати на берег и оберегати поморские волости Колы, Керети и Кандалакши и с ыными волостями ис монастырских волостей от немецких людей приходу».* Иван Грозный требовал от Оничкова сведения разведывательного характера: *«А которых языков привели к тебе из немецкие земли, и ты тех языков про немецких людей умыш-*

ленье роспрашивал и пытками пытал, а без нашего указу казнить не велел, и нам бы тебе о том указ учинити <...> А на зиме бы еси по первому пути и сам ехал к нам на Москву побывати, и мы тебя сами розпросим» (АСМ-2, 1990, с. 166, № 775).

Однако Оничкову не суждено было свидеться с царем. Из записи в расходной книге о службе по нему сорокоуста впервые становится известно, что Киприан Оничков погиб в начале сентября 1581 г.: «Сентября в 6 день. По Киприяне по Оничкове дано сорокоусту рубль и на погребанье. За те денги взято жито да овес» (ПРК 1581–15826 гг., л. 3; Приходо-расходные книги, с. 233). Какие-то денги Оничков занимал у священника Аркадия: «Корельскому священнику Аркадию дано 4 рубли и 16 алтын 4 денги за Киприяна за Оничкова» (ПРК 1585–1586 гг., л. 22 об.; Приходо-расходные книги, с. 279).

Обстоятельства смерти Оничкова неизвестны. Возможно, это был очередной конфликт с «немцами», поскольку 31 августа из Соловецкого монастыря в Сумскую волость вновь был направлен старец Акакий с важным поручением — начать возведение Сумского острога: «Старцу Акакею дано 50 рублей, послан в волость в Суму острога делати, да ему ж кормити стрелцов наемных 50 человек». Именно этот старец и возглавил после боярского сына Киприана Оничкова оборону Сумы, а возможно, и всего Беломорья, на что указывает еще одна запись в той же книге под 12 октября: «В волость в Суму с Ываном с Нероновым послано к старцу Акакею 75 рублей стрельцом в годовое жалованье» (ПРК 1581–1582а гг., л. 68, 68 об.; ПРК 1581–15826, л. 5; Приходо-расходные книги, с. 228, 233).

Из приходо-расходных книг Соловецкого монастыря выясняется, что целый род Оничковых в конце 1570-х — 1580-е гг. активно участвовал в обороне Поморья. В 1581 г. погиб еще один Оничков: «Ноября в 22 день. По Григорье по Оничкове сорокоусту дано 20 алтын» (ПРК 1581–15826, л. 5 — 5 об.; Приходо-расходные книги, с. 233). Под 1587 г. упоминается Андрей Оничков: «Маия в 25 день. Приезжал в манастирь помолитись Ондрей Оничков, а ехал с Мурманского ис Колы, дал по родителям 5 рублей»; в 1589 г. он уже стрелецкий голова в Новых Холмогорах (ПРК 1587 г.,

л. 3; Приходо-расходные книги, с. 284; Корецкий В.И., 1981, с. 242). И даже в XVII в. представители рода Оничковых появлялись на Соловках: 22 апреля 1614 г. в Соловецкий монастырь «Захарей Василевич Оничков дал вкладу 50 рублей денег» (ПРК 1614–1617 гг., л. 4 об.). 24 мая 1660 г. в Пошлинную книгу Печатного приказа была занесена запись: «Проезжая грамота по городам от Москвы до Соловецкого острова. Велено Александра Аничкова пропускать без задержания пошлин, пол-полтины взято» (Пошлинная книга 1660 г., л. 83).

Высказано предположение, что Киприан Оничков мог быть головой (Богомазова А.А., Володихин Д.М., 2018, с. 14). Но это должность командира над пятью сотниками. Такого количества стрельцов в Поморье того времени просто не было. Другие сотники не указываются. **Надо полагать, Оничков также был сотником. Это максимальный ранг командира гарнизона деревянной Соловецкой крепости рубежа 1570-х — начала 1580-х гг.**

Источники не сообщают нам о месте погребения Киприана Оничкова. Между тем у южного фасада Спасо-Преображенского собора Соловецкого монастыря рядом с белокаменным надгробием Михаила Озерова лежит белокаменная плита неизвестного, год смерти которого совпадает со временем гибели Киприана. Надпись плохо читается, но ее расшифровка позволила нам атрибутировать данное надгробие как принадлежащее именно Киприану Оничкову (Буров В.А., 2006б, с. 259–261; 2013, с. 327, 328, ил. 33).

По данным Досифея, в 1582 г. на Соловки прибыл боярский сын Иван Иванович Онучин, «коему сдан в ведение весь острожный монастырский снаряд» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 83). О нем почти ничего не известно. Приходо-расходная книга упоминает его в записи 1 мая 1583 г., когда он заплатил за свое пропитание в монастыре: «Иван Иванович Онучин дал на стол денег три рубли» (Приходо-расходные книги, с. 236).

В тот же год на Соловках приступили к сооружению каменной крепости. Это было сделано вовремя: в Финляндии была сосредоточена многочисленная шведская армия, включавшая наемников из Германии, Франции, Италии. В сентябре 1582 г. шведская армия дважды пыталась взять

Орешек на Неве, но безуспешно (*Скрынников Р.Г.*, 1975, с. 232). В том же 1582 г. датский король Фредерик II направил в Поморье флотилию для корсарской службы на морском пути. При этом чуть не пострадало голландское судно, едва спасшееся от датчан (*Куратов А.А.*, 1984, с. 6). Ранее, в 1581 г., Россия потеряла Нарву, а вместе с ней и «*нарвское плавание*», обеспечивавшее стране прямые торговые сношения с Западной Европой. Историки справедливо оценивают это как утрату морских ворот на Балтике (*Скрынников Р.Г.*, 1975, с. 59; *Флоря Б.Н.*, 2009, с. 407). Боязнь потерять Поморье, где активизировались шведы, а вместе с этим и морской торговый путь из Западной Европы заставила царя принять решение о массовом строительстве здесь оборонительных укреплений. В 1582–1583 гг. силами Соловецкого монастыря были возведены остроги на бе-

регу в Суме (*АСМ-2*, 1990, с. 197, № 847; *Корецкий В.И.*, 1981, с. 240) и на Мурманском побережье — в Коле (*АСМ-2*, 1990, с. 197, № 881; *Косточкин В.В.*, 1958, с. 200–246). Получили укрепления и некоторые поморские села с находящимися в них монастырскими подворьями — Керецкое и Сороцкое (*Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 22). В 1583 г. воздвигли деревянные крепостные стены Архангельска (*Мильчик М.И., Попова Л.Д.*, 2002, с. 17; *ПСРЛ*, т. 33, 1977, с. 169). Создававшаяся на Белом море сеть оборонительных укреплений должна была обеспечить защиту северных границ Российского государства. В конце XVI — XVII столетии Соловецкому монастырю в силу своего географического положения, приближенности к западным границам и политико-экономического значения как центра Поморья суждено было занять в этой системе центральное место.

1.3. О ДАТЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАМЕННОЙ СОЛОВЕЦКОЙ КРЕПОСТИ

В литературе закрепились концепция, что каменную крепость строили на месте деревянного острога по мере разборки его отдельных участков (*Косточкин В.В.*, 1972, с. 33–38; *Скотин В.В.*, 1991, с. 64), однако некоторые факты говорят о том, что, если границы каменной крепости и деревянного города и совпадали теоретически, то явно не везде. Так, в конце XVII в. южный двор монастыря, где стояла мельница и амбары, назывался «**пригородком**», т. е. **пригороженным местом** (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1994, с. 137). Это мог быть пригородок, образовавшийся при возведении каменной крепости за счет расширения монастырской территории в примыкании к городу деревянному. Термин «*пригородок*» известен в сообщении 1674 г. Тогда южная часть монастыря подвергалась постоянно обстрелу войском Мещеринова, отчего возникала угроза сохранности провианта. И в указанный год келарь Маркелл пересыпал хлебные запасы «*из пригородка к Святым воротам в амбар*» (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 60, 141).

Но самый главный аргумент — в сообщении о возведении каменной крепо-

сти использован глагол «*обложить*», т. е. поставить вокруг, окружить (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1987, с. 83–84). Отсюда следует, что первое деревянное укрепление было меньше второго каменного и, скорее всего, повторяло с некоторым отступом форму периметрической келейной застройки, т. е. было почти прямоугольное.

Длительное время исследователи упорно относили начало возведения каменной крепости Соловецкого монастыря к 1584 г., времени начала царствования Федора Иоанновича (*Молчанов К.С.*, 1813, с. 294; *Макарий*, 1825, с. 56; *Досифей*, 1833, с. 41; 1836, ч. 1, с. 84–85; *Руководитель*, 1864, с. 31; *Ключевский В.О.*, 1866–1867, с. 567; *Мелетий*, 1881, с. 86; *Федоров П.Ф.*, 1889; *Слудевский К.К.*, 1897, т. 1, с. 257; *Колчин М.*, 1908, с. 8; *Дунаев Б.И.*, 1914, с. 7; *Иванов А.П.*, 1927, с. 10; 1927а, с. 47; *Савич А.А.*, 1927, с. 57; *Шаскольский И.П.*, 1950, с. 39; *Максимов П.Н.*, *Свирский И.Я.*, 1958, с. 113; *Тихомиров М.В.*, 1962, с. 269; *Фруменков Г.Г.*, 1963, с. 21; 1975, с. 20; *Богуславский Г.А.*, 1966, с. 48; *Бартенев И.А.*, 1969, с. 4; *Тельтевский П.*, 1969, с. 6, 19). При этом делались ссылки на Летописец Со-

ловецкого монастыря, изданный в 1790 г., труды архимандрита Досифея и грамоту царя Федора от 11 августа 1584 г. (ААЭ, 1836, т. 1, с. 383–384, № 323).

Действительно, изданный в конце XVIII в. Летописец Соловецкого монастыря под 1584 г. сообщает: «По указу Великаго Государя Царя и Великаго Феодора Иоанновича обложен строить около Соловецкого монастыря город каменной в спасение от приходу немецких воинских людей» (Летописец, 1790, с. 33–34). Эта дата была увековечена в надписи на мемориальной доске, установленной в прошлом столетии рядом со Святыми воротами монастыря: «По указу Государя Царя и Великого Князя Федора Иоанновича построена кругом монастыря досель существующая крепость для защиты обители от нападения ино-племенников в 1584 году при 24-м игумене Иакове на монастырскую сумму, собранную с береговых монастырских вотчин...» На сохранившейся плите надпись ныне читается с большим трудом.

Дата 1584 г. названа и в других известных соловецких летописцах XVIII в., хранящихся в архивах: «В лето 7092 (1584 г.). Того ж года по указу великаго государя и царя и великаго князя Феодора Иоанновича обложень строить около Соловецкаго монастыря городъ каменной во опасение от приходу немецких воинских людей, которой городъ строень монастырскою казною и крестьяны» (СЛ-1 XVIII в., л. 12 об.); «В лето 7092 (1584 г.) <...> по государеву указу около Соловецкого монастыря обложен строить город каменной» (СЛ-2 XVIII в., л. 33 об.). 1584-й год фигурирует и в летописце 1814 г. (СЛ 1814 г., л. 10 об.).

Однако эта датировка была пересмотрена В.В. Косточкиным, который привлек опубликованный М.Н. Тихомировым текст более древнего Соловецкого летописца XVI в. из собрания Отдела рукописей ГИМ. В нем под 1582 г. говорится: «В лето 7090 [1582 г.] <...> начали на Соловках делати город каменной» (Косточкин В.В., 1972, с. 34; Тихомиров М.Н., 1951, с. 228). М.Н. Тихомиров отметил, что печатный отрывок тесно связан с Соловецким монастырем, записи его восходят ко времени, очень близкому к описываемым событиям и «носят на себе черты современности» (Тихомиров М.Н., 1951, с. 219).

Другие архивные материалы подкрепляют вывод В.В. Косточкина. Можно указать еще три документа конца XVI — начала XVII в., где начало строительства Соловецкой крепости отнесено к 1582 г. Это прежде всего Летописец Соловецкого монастыря, сравнительно недавно изданный В.И. Корецким: «В лето 7090-го (1581/1582 г.) <...> на Соловки приехал Иаков с Москвы от государя и начат делати на Соловках город каменной» (Корецкий В.И., 1981, с. 240; СЛ-1 XVI в., л. 71 об.). Другой Соловецкий летописец этого же времени: «Того ж году на Соловки приехал игумен Ияков от государя с Москвы, и зачат делати на Соловках город каменной, а в Сумской волости поставили острогъ» (СЛ-2 XVI в., л. 214 об.).

Важны и другие два документа 1583 г., непосредственно связанные со строительством крепости на Соловках. В расписке десятского Спиридона Михайлова от 4 февраля 1583 г. в получении разных налогов с владений Соловецкого монастыря в Луде говорится: «Се яз десятишкой Спиридон Михайлов сын, взял у старца у соловецкого у Ферапонта по розрубному списку вполы на **городовое дело** (здесь и далее выделено мною. — В.Б.), и в посошные казаки, и в **городовые плотники**, и в земской разход дватцать алтын и десять московок. Да в том ему и отпись дал...» (АСМ-2, 1990, с. 204, № 850). Приведем отрывок из приходной книги, датируемой нами из последовательности записей примерно декабрем 1583 г. или январем 1584 г.: «Михайло Горбатой, а в июцех Меркурей, что **з башни** бревном убило, дал вкладу 2 рубля 6 алтын 4 деньги» (ПРК 1583–1585 гг., л. 30 об.; Приходо-расходные книги, с. 248). Это явное свидетельство того, что уже в 1583 г. **строительство Соловецкой крепости («городовое дело»)** активно велось: возводилась одна из башен, где трудились плотники. Важно отметить, что плотники трудились зимой, ставя, вероятно, шатер. Но, пожалуй, самое главное свидетельство о строительстве в 1582 г. на Соловках каменной крепости нашел В.В. Скопин во Вкладной книге Соловецкого монастыря: «С Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменной два года лета 7090 да 7091» (Буров В.А., Скопин В.В., 1985, с. 69; Книга 1536–1600 гг., л. 162).

Надо отдать должное академику Ивану Лепехину, побывавшему в 1772 г.

в монастыре и отнесемуся весьма осторожно к сообщению Соловецкого летописца конца XVIII в. о начале возведения крепости в 1584 г. *«В сем придании летопись Соловецкая не согласуется с повествованием покойного Михаила Васильевича Ломоносова»*, — писал он. В подтверждение Лепехин привел отрывок из первой песни поэмы «Петр Великий» (Лепехин И. И., 1805, с. 68; 1822, с. 439, прим. 1), где рассказывается о пребывании Петра I на Соловках:

*Монарх, почтив труды и знаки чудных дел,
Строение вокруг и место осмотрел.
Спросил наставника, кто сими вас горами
Толь крепко оградил, приставя их руками?
Великий Иоанн твой сродник и пример,
Что Россов превознес и злых Агарян стер.
(Ломоносов М. В., 1959, с. 706)*

Вместе с тем дате 1582 г. противоречит сообщение грамоты царя Федора Ивановича от 11 августа 1584 г. о том, что на Соловках крепость строится по его указу 1584 г.: *«А ныне деи по нашему ж указу делают у них около Соловецкого монастыря от приходу Свитцких (шведских. — В. Б.) людей для зажогу город каменной монастырскою ж казною и крестьяны»*. Отсюда и ссылки многих исследователей на «указ» Федора Ивановича в летописце Соловецкого монастыря 1790 г. издания.

В. В. Косточкин неубедительно объяснил появление 1584 г. в летописце редакторской ошибкой, допущенной при переводе на современный язык рукописи, писанной скорописью XVIII в. Для объяснения разночтения дат и понимания сведений документа необходим текстологический анализ самой грамоты Федора. Выявляются два анахронизма: сообщение о строительстве Федором Иоанновичем деревянного острога вокруг монастыря (*«по нашему деи указу поставлен около Соловецкого монастыря город деревянной»*) и известие о сооружении острога в Суме (*«у них же деи в Соловецкой вотчине от Немецких людей в монастырской волости в Суме поставлен острог»*). Между тем хорошо известно, что острог на Соловках был поставлен не Федором, а его отцом Иваном Грозным в конце 1570-х гг. Сумский острог также относится к эпохе Ивана IV (1582 г.). Становится ясно, что слова грамоты царя Федора *«по нашему указу»* нельзя понимать

буквально — по указу лично Федора, хотя акт и исходил от него. В грамоте подразумевается серия указов, вышедших из царской канцелярии: *«по нашему [царскому] указу»*.

Из контекста следует, что Федор Иоаннович от имени верховной власти дает ответ на челобитную, поданную или присланную царю соловецкими монахами, частично пересказывая ее содержание. Монахи высказывали претензии, что по царскому указу было велено возводить укрепления: острог на Соловках, острог в Суме, каменную крепость на Соловках. Но всё это осуществляется *«монастырскою казною и крестьяны»*, *«а вотчины у Соловецкого монастыря во всех монастырских деревнях живущего только 40 обож»*, и *«монастырские вотчина пустеет, и <...> (царское, за царя. — В. Б.) богомолье оскудело»* (ААЭ, 1836, т. 1, № 323, с. 383–384). Пересказав соловецкое послание, новый царь Федор Иоаннович сообщает о своем решении дать монастырю ряд льгот, подтвердив этим прежнее распоряжение отца о строительстве каменной крепости. В. В. Косточкин верно подметил, что в 1584 г. о возведении Соловецкой крепости говорится в настоящем времени.

Причины появления грамоты от 11 августа царя Федора Иоанновича надо рассматривать в контексте смерти Ивана Грозного, последовавшей в марте 1584 г. Соловецкий летописец конца XVI в. проясняет ситуацию. Оказывается, к новому государю в Москву ездил сам игумен Иаков. Только он и мог предъявить Федору Иоанновичу челобитную на бедственное положение Соловецкого монастыря: *«Преставися государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, а во иноцех Иона марта в 18 день. Того же году на царство и великое государьство на Москве сел сын его, государь царевич Феодор Иванович, и бысть царь всеа Руси. Того ж лета игумен Иаков ездил к Москве ко государю»* (Корецкий В. И., 1981, с. 240; СЛ-1 XVI в., л. 72 — 72 об.).

Во всяком случае, 15 июня 1584 г. игумен Иаков был на приеме у государя и получил подтверждение четырех жалованных грамот, данных ранее Иваном Грозным (АСМ, 1988, с. 51, 103, 104, 149, № 75, 166, 167, 241). Как свидетельствует приходная книга монастыря 1584/1585 г.,

вернулся игумен Иаков только 1 октября с пожалованными 200 рублями от царя Федора для поминовения своего отца Ивана IV (*ПРК 1583–1585 гг.*, л. 57; *Приходо-расходные книги*, с. 262). Таким образом, никакого личного повеления Федора Иоанновича начать строить на Соловках «каменный город» не было, хотя при беглом чтении документа легко принять год выдачи грамоты за дату начала возведения Соловецкой крепости. Появление ошибочной даты 1584 г. связано с неверным толкованием грамоты от 11 августа 1584 г., где подтверждалось продолжение строительства Соловецкой фортификации.

Теперь осталось выяснить, когда и как появилась неверная дата в Соловецком летописце. Ответ подсказывает сама история Соловецкого монастыря. Ошибка могла произойти в условиях, когда историческое прошлое Соловков по каким-то причинам оказалось основательно забыто, а многочисленные рукописи архива, в том числе летописцы XVI в., не привлекали внимания. Именно такая ситуация сложилась после знаменитого «Соловецкого сидения» 1667–1676 гг.: обитель была взята приступом царскими войсками, после массовых казней полностью сменился состав монахов, культурной традиции монастыря был нанесен непоправимый урон (*Барсуков Н.А.*, 1954; *Борисов А.М.*, 1966; *Чумичева О.В.*, 1998). Архив явно был заброшен; примечательно, что как необычное событие летописец отметил разборку архива только в 1733 г. (*Летописец*, 1790, с. 85). Что же касается древних грамот, хранившихся не в архиве, а в ризнице (среди них находилась и грамота царя Федора 1584 г.), то интерес к ним возник еще в первой четверти XVIII в. Как сообщает Досифей, в 1721 г. «по указу великого государя (Петра I. — В.Б.) приезжал в Соловецкий монастырь архангелогородского гарнизона поручик Михайло Салтыков для описи оригинальных древних царских жалованных грамот, также и других достопримечательных документов, которые высочайше повелено тщательно хранить и просушивать. В том же году указом светлейшего синода требовано из Соловецкого монастыря введение о начальном основании сей обители и о всех бывших потом в оной происшествиях» (*Досифей*, 1833, с. 106).

По-видимому, в 1721 г. поручик Михайл Салтыков, плохо знакомый с прошлым монастыря, при составлении для Петра I исторической справки по материалам грамот допустил ошибку. Последующие летописцы XVIII в. стали ее повторять.

Спорные моменты возникают и при определении даты окончания строительства крепости. В древнейших Соловецких летописцах конца XVI в. она отсутствует. Летописец первой половины XVII в. указывает, что строительство завершилось в лето 7102-е (1594 г.) и связывает это с приездом воеводы Ивана Яхонтова: «В лето 7102-го году присланы были в Соловки Иоаннь Яхонтовъ с начальными людми, да с ними же и посоха с волостей, того жъ году и город каменной довершень» (*СЛ-1 XVII в.*, л. 32). Аналогичное известие имеется в летописцах конца XVIII в. (*СЛ-1 XVIII в.*, л. 13 об.; *СЛ-2 XVIII в.*, л. 13 об.; *Летописец*, 1790, с. 37) и 1814 г. Последний под 7102 годом сообщает: «Присланы были в Соловецкой монастырь Иван Яхонтов и начальные особы с прочими для обозрения строящейся крепости и собрания с оной в помощь из монастырских волостей людей. И в тот же год сия внимания достойная крепость строением завершена» (*СЛ 1814 г.*, л. 11 об.).

Дата 1594 г. утвердилась в литературе достаточно прочно (*Фомин А.А.*, 1797, с. 123; *Макарий*, 1825, с. 56; *История*, 1899, с. 57; *Путеводитель*, б. г., с. 52; *Савич А.А.*, 1927, с. 64; *Скопин В.В.*, 1994, с. 28; *Тельтевский П.А.*, 1969, с. 6, 19; *Максимов П.Н.*, *Свирский И.Я.*, 1958, с. 113; *Косточкин В.В.*, 1972, с. 35; *Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 32; *Гемп К.П.*, 1983, с. 106, 108; *Казаринов В.М.*, 2002, с. 373; *Низовский А.Ю.*, 2005, с. 325).

Однако уже Досифей не был уверен в ее правильности и потому сделал оговорку: «Строение совершенно к окончанию приведено в 1594 году, т.е. в продолжении 10, а по старинной рукописной хронике 12 лет» (*Досифей*, 1836, ч. 1, с. 85). Если крепость начали возводить по указу Федора (правил с 1584 г.), то Досифей, таким образом, не исключал ее окончание в 1596 г. — через 12 лет. Последняя дата признана некоторыми авторами XIX в. (*Мелетий*, 1881, с. 86; *Федоров П.Ф.*, 1889, с. 174). Эта же дата была увековечена в прошлом веке на мемориальной плите при входе в крепость у Святых ворот.

Ситуацию с датой окончания строительства Соловецкой крепости могут прояснить некоторые архивные документы. В одной из расходных книг Соловецкого монастыря 1595 г. имеется запись: «*Лета 7104-го году <...> Октября в 1 день <...> Нанято наймитов к городовому делу каменному 155 человек от месяца мая 29-го числа да до Покрова Святей Богородицы, дано им найму денег 130 рублей 5 алтын 4 денги. Трудником недорослем 43-м человеком дано денег, как они отпущены на берег, рубль 22 алтына» (ПРК 1593–1596 гг., л. 66, 67, 68 об.; Приходо-расходные книги, с. 386–388). Есть основания считать, что 155 человек наймитов именно в 1595 г.² после 8 июня³ до 1 октября (или после 21 июня до 14 октября по новому стилю) достраивали крайнюю южную Белую башню. Дело в том, что М. В. Щепкина, сличая изображения Соловецкого монастыря на иконах и миниатюрах конца XVI в., обратила внимание на отсутствие в ряде случаев изображений Белой и Успенской башен. Отсюда она предположила, что эти две башни были пристроены позднее, между 1594 и 1596 гг. (Щепкина М. В., 1945; 2000, с. 57). Если относительно Успенской башни и могут возникнуть сомнения (ее в таком случае должны были встроить в уже готовое прясло стены!), то иначе обстоят дела с Белой башней. Архитекторы-реставраторы О. Д. Савицкая и В. В. Сошин в ходе натурных исследований 1977 г. установили, что Белая башня действительно пристроена к переделанному пряслу, и, следовательно,*

она по времени позднее самой стены (Савицкая О. Д., 1980, с. 94–96; 2005, с. 19–20).

Таким образом, основной массив Соловецкой каменной крепости возвели в 1582–1594 гг., что и признала прибывшая на Соловки из Москвы специальная комиссия во главе с Иваном Яхонтовым. Однако для дополнительного усиления южного фланга обороны решено было пристроить еще одну башню — Белую. Следовательно, **каменная крепость Соловецкого монастыря строилась непрерывно 14 лет, с 1582 по 1595 г.**

И всё же в 1595 г. Соловецкая крепость не была завершена окончательно. В данном выводе В. В. Косточкин, несомненно, прав, отмечая со ссылкой на царскую грамоту, что к началу XVII в. не был выкопан северный ров, отсутствовал Пристенки, защищавший Поварню и Квасоварню со стороны Святого озера. Мы полагаем, что здесь сказались последствия Тязвинского «вечного мира», заключенного в мае 1595 г. Швеция возвратила России Кексгольм со всеми прилегающими землями и уездами, ранее принадлежавшими Великому Новгороду: Ивангородом, Ямом, Копорьем, Нотебургом, Ладогой. Швеция также обязалась не нападать на Псков, Холмогоры, земли Двины, Соловецкий монастырь, Сумский Посад, Каргополь и Колу. Лишь осложнение политической обстановки на Севере в первой четверти XVII в. (Летописец, 1790, с. 43) напомнило о недоделках Соловецкой крепости, которые тогда же и устранили.

1.4. В КАКУЮ СУММУ ОБОШЛАСЬ МОНАСТЫРЮ КРЕПОСТЬ?

Каменная Соловецкая крепость включала шесть башен и восемь прясел, т. е. 14 объектов. Совпадение цифр — 14 лет строительства и 14 частей крепости — явно не случайно. В. В. Скопин высказал предположение, что ежегодно в летние месяцы могли ставить по одной башне или простенок (Скопин В. В., 1991, с. 64). Исследования архитектора-реставратора В. В. Со-

шина показали, что это совсем не так: им выявлены швы в местах стыка участков, построенных в разное время. Они включают вовсе не целые прясла или отдельные башни. Видимо, всё же правильнее говорить пока в целом, не конкретизируя, о 14 участках — по числу лет, ушедших на строительство крепости. Последним по времени сооружением участком была,

² В ранней статье (Буров В. А., Скопин В. В., 1985, с. 58–70) мною была неверно пересчитана дата, указан 1596 г.

³ Реально работы начинали после Троицы. В 1595 г. переходящий Великий праздник День Святой Троицы (Пятидесятницы — на 50-й день после Пасхи) приходился на 8 июня (Православный церковный календарь на 1595 г. <http://kalendar-365.ru/orthodox/1595>). Покров праздновали 1 октября.

несомненно, Белая башня. Содержащиеся в приходо-расходной книге сведения о ее строительстве уникальны. Именно они позволяют подсчитать примерный объем денежных средств и трудозатрат для всей крепости.

Известно, что строительство велось с праздника Святой Троицы до Покрова. Как уже отмечалось, в 1595 г. переходящий Великий праздник День Святой Троицы (Пятидесятницы — на 50-й день после Пасхи) приходился на 8 июня. Итак, в 1595 г. с 8 июня до 1 октября для возведения Белой башни были наняты 155 человек, которым заплатили 130 рублей 5 алтын и 4 денги. Отсюда, **по самым грубым подсчетам, возведение 14 объектов крепости должно было обойтись монастырю в сумму, близкую к 1800 руб.** ($130 \times 14 = 1820$).

При этом могло быть задействовано ежегодно полторы сотни оплачиваемых вольнонаемных казаков, которые трудились примерно 90 дней с учетом воскресенья, праздников и без учета помощи со стороны монахов, монастырских крестьян и трудников. Расчет:

$$155 \text{ чел.} \times 90 \text{ дн.} = 13\,950 \text{ чел./дн.}$$

$$13\,950 \text{ чел./дн.} \times 14 \text{ лет} = 195\,300 \text{ чел./дн.}$$

Это весьма грубые и самые приблизительные цифры. Но в любом случае общая сумма расходов монастырской казны на городовое дело в 1582–1595 гг. должна была приближаться к цифре 2 тыс. руб., или даже превышать ее. В стоимость работ необходимо также включить доставку извести с Северной Двины, изготовление и доставку кирпича с горы Вараки (о. Большой Соловецкий), а также леса, теса на кровли с поморских волостей. В расходной книге 1583 г. 1 августа имеется запись: «*Послан Федор Гуца на Двину наймовати тесу тесати и драниц драсти, денег дано ему на наем 30 рублей*» (ПРК 1583–1585 гг., л. 22; Приходо-расходные книги, с. 244). Запись в расходной книге 1584 г.: «*Дано посошным сухонаволоцкым найму на лето к городовому делу за сухонаволочан 3 рубли 25 алтын. Да за шиженцов дано посошным же найму на лето 3 рубли*» (ПРК 1583–1585 гг., л. 63; Приходо-расходные книги, с. 267). Возможно, записи расходных книг неполные и не отражают всех расходов по названным статьям на возведение крепости. Но также возможно, что не учиты-

ваемые в денежном выражении производства осуществлялись монастырскими крестьянами по разверстке.

Необходимую сумму денег на возведение каменной крепости монастырь получил в виде царских вкладов. Две тысячи рублей были в казне Соловецкого монастыря уже в самом начале строительных работ. Они пришли из Москвы, от царя, но проведены были по другим статьям. Согласно приходной книге 1583 г., 14 мая «*Соловецкаго монастыря игумен Иаков привез с Москвы государева жалованья по царевиче князе Иване Ивановиче 200 рублей*». 20 мая «*старец Архип привез с Москвы государева жалования по опальным 2000 рублей, а досталь у него тех денег в росходе, а сколке и по ком дано, и тому подлинная роспись в Архиповых книгах и в манастырских в въкладных*» (ПРК 1583–1585 гг., л. 2, 34; Приходо-расходные книги, с. 234, 250). Общая сумма денег, пожертвованных в 1582–1584 гг. Иваном Грозным в Соловецкий монастырь по опальным, по подсчетам А. А. Савича, составила 2300 руб. (Савич А. А., 1927, с. 56–57, прим. 4).

Осенью 1584 г. 200 руб. были пожалованы от взошедшего на престол царя Федора Ивановича: «*Октября в 1 день. Соловецкаго монастыря игумен Иаков привез с Москвы государева жалованья 200 рублей, что пожаловал государь царь и великий князь Федор Иванович. А велел поминати отца сваего царя и великого князя Ивана Васильевича*» (ПРК 1583–1585 гг., л. 57; Приходо-расходные книги, с. 262). В итоге **2500 руб., поступившие от государей в монастырскую казну к 1584 г. на государево богомолье, и составили экономический фундамент успешного крепостного строительства на Соловках «монастырской казной».**

Помимо этих денег в 1592 г. после «*немецкого разорения*» Поморья монастырь получил льготную жалованную грамоту, освобождавшую монастырь на пять лет от пошлин с рыбных и соляных промыслов, от дани и оброка с продажи соли и покупки хлеба. Предписывалось направить эти деньги на завершение строительства каменной Соловецкой крепости: «*А теми денгами велено в монастыре город каменной доделати*» (Копии грамот 1742 г., л. 306 об.).

1.5. О зодчих — Иване Михайлове и монахе Трифоне Кологривове

Многочисленные соловецкие летописцы XVII–XIX вв. сообщают имя зодчего Соловецкой крепости монаха Трифона, называя его городовым мастером, постриженником Соловецкого монастыря, и отмечают его кончину на Соловках. Набор сведений о Трифоне всегда одинаковый:

— «*городовой мастеръ былъ монахъ Трифонъ, соловецкой постриженникъ, и скончался въ Соловкахъ*» (СЛ XVII в., л. 32; СЛ-2 XVIII в., л. 34; Летописец, 1790, с. 37);

— «*городовой мастеръ былъ монахъ Трифонъ, постриженникъ соловецкой и скончался в Соловкахъ*» (СЛ-1 XVIII в., л. 13 об.);

— «*монах Трифон, постриженник соловецкий*» (СЛ 1814 г., л. 12).

Одним из первых указанные сведения о Трифоне привлек академик И. И. Лепехин, который в 1772 г. осмотрел крепость. Он явно ознакомился с одним из соловецких летописцев, из которого и почерпнул сведения: «*Все укрепление располагал и надзирал над строением соловецкий постриженник монах Трифон, который и скончался в Соловкахъ*» (Лепехин И. И., 1805, с. 69; 1822, с. 441–442). Побывавший в 1789 г. в монастыре А. И. Фомин также писал о Трифоне: «*Зодчий сего градоздания был постриженник Соловецкой обители монах Трифон, коего чиносостояние довольное дает понятие о разумении его неведомой тогда гражданским начальникам военной архитектуры*» (Фомин А. И., 1797, с. 124). В 1825 г. Макарий отредактировал эту фразу: «*Зодчий сего градоздания был постриженник Соловецкого монастыря монах Трифон, который, как видно, имел довольное понятие неведомой тогда гражданским начальникам военной архитектуры*» (Макарий, 1825, с. 56).

Досифей в 1836 г., опираясь на архивные документы, внес интересное дополнение: «*...сей Трифон, старец соловецкий, был уроженец поморского селения Неноксы. По смерти его, в уважение незабвенных трудов, записан он в синодик за вклад 50 рублей для всегдашнего поминовения, доколе святая обитель стоит*» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 85).

В 1975 г. научный сотрудник Соловецкого государственного музея-заповед-

ника Н. И. Шилов посетил Неноксу, родину Трифона. Оказалось, что там даже 400 лет спустя помнили фамилию зодчего, но в современной транскрипции — Кологреев (Соловецкие острова, 1978). Это подтвердили последующие архивные изыскания В. В. Скопина, который во Вкладной книге Соловецкого монастыря конца XVI — начала XVII в. нашел следующие записи: «*Да старец Трифон ненакшанин Кологривов дал вкладу 20 рублей*»; «*Старец Трифон ненакшанин делал город каменной двенадцать лет, да ставил церковь каменную Благовещение пресвятыя Богородицы на воротех, да переходы делал на монастыре каменные. И игумен Исидор, поговоря с старцы с соборными за те ево труды написали в книги за вклад за пятьдесят рублей к прежнему его вкладу, и как бог пошлет по душу, и его написати в литию без выписки, и поминать его как и прочую братию вкладчиков, докуды сия обитель стоит*» (Книга 1536–1600 гг., л. 85, 102 об.; Буров В. А., Скопин В. В., 1985, с. 64). В приходо-расходных книгах В. В. Скопным были обнаружены и другие сведения о «старце-каменнике» Трифоне, который прожил долгую жизнь.

Трифон оставил после себя ученика Исаяю, имя которого называет расходная книга 1608 г. В это время Исаяя вместе с другими старцами был направлен с поручением на монастырские соляные промыслы: «*Посланы на наемных на известных на семи лодях по соль в Летнюю реку в Кузему старцы Игнатей, да Антоней, да Исаяя Трифанов ученик, да Никодим, да Устин, да слуги Нечай Ситников, да Федор Стафуров*»; «*Послан старец Исаяя Трифанов ученик на наемной на хлебной лоде в Летнюю реку по соль, денег дано на дорогу 3 алтына 2 денги*» (ПРК 1602–1608 гг., л. 93 об., 95 об.).

Во Вкладной книге В. В. Скопин выявил упоминание и о другом мастере — Иване Михайлове: «*С Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменной два года лета 7090 да 91 за 20 рублей, вкладом по десяти рублей на год*». Имя этого зодчего мелькнуло в монастырских расходных книгах еще дважды. В 1585 г. у «Ивана

городового мастера» было куплено большое количество сукна, а в 1590 г. у «*Ивана каменщика»* монастырь купил сукно и два кафтана (Буров В.А., Скопин В.В., 1985, с. 69).

Распределение ролей Ивана Михайлова и Трифона Кологривова в деле строительства Соловецкой крепости В.В. Скопину видится следующим образом. Звание «*городовой мастер»* представляет Ивана Михайлова не только участником строительства, но и автором самой архитектурной идеи крепости, организатором строительных работ 1582–1583 гг. Вологодский зодчий, видимо, руководил бригадой каменщиков, среди которых обучался строительному делу и старец Трифон, впоследствии возглавивший работы по возведению крепости. Не исключено, что на определенном этапе строительства мастер из Нёноксы выполнял роль подрядчика, представителя монастыря по организации строительных работ, и в силу этого обстоятельства вошел в историю создания крепости, а его предшественник и учитель остался в неизвестности.

Исследователь нашел упоминания также о трех других каменщиках — монастырских слугах. Это — Дей (1586 г.), Оникей Порфеньев (1594 г.), Семен (1595 г.). Отрывочные и порой случайные сведения о приезжих каменщиках свидетельствуют, по мнению исследователя, о том, что деятельность Трифона разворачивалась в среде профессионально подготовленных мастеров и не имела столь самобытного характера, как это представлялось ранее. Авторство Трифона Кологривова в строительстве каменной крепости, замечает В.В. Скопин, относительно; следует помнить о роли Ивана Михайлова.

Однако данная трактовка роли монаха Трифона в строительстве крепости мне представляется неточной. Как может быть относительна роль Трифона, если им возводились конкретные стены и башни? Одна и та же Вкладная книга монастыря содержит запись о двух зодчих, причем период деятельности каждого из них на Соловках четко ограничен временными рамками: «*Старец Трифон ненакшанин делал город каменной двенадцать лет»*; «...с Вологды Иван Михайлов сын каменщик делал город каменной два года лета 7090 да 7091». Если учесть, что крепость стро-

илась 14 лет с 1582 по 1595 г., то на основании записи Вкладной книги можно сделать следующий вывод. **Иван Михайлович (Михайлов сын — это отчество, а не фамилия)** начинал строительство крепости в 1582–1583 гг., а последующие 12 лет крепость возводил («*делал город каменной»*) монах Трифон. Очевидно также, что Иван Михайлов временами при Трифоне специально наведывался на Соловки. К таким известным нам кратким визитам в 1585 и 1590 гг. относятся записи о приобретении у него двух кафтанов и большого количества сукна, привезенного специально для монахов, возможно, даже по их заказу. Это была обычная практика попутных заказов в монастыре тех лет.

Участие двух мастеров в возведении крепости ставит проблему двух этапов ее строительства в XVI в. — с 1582 по 1583 и с 1584 по 1595 г. В источниках мы пока не находим документов, объясняющих причину смены зодчих. В качестве гипотезы можно предложить, что смена мастеров государственной крепости была обусловлена сменой самих государей. Примечательно, что указанные два этапа совпадают с двумя историческими периодами: правлением Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Иван Михайлов был прислан на Соловки из Вологды при Иване Грозном. Кандидатура Трифона Кологривова появилась после смерти этого правителя. Но нельзя не обратить внимания и на другой важный факт: летом 7092 (1583/1584 г.) еще при Иване IV был создан Каменный приказ, или Приказ каменных дел (Иванов П.И., 1850, с. 20–21; Сперанский А.М., 1930, с. 12). Не повлияло ли это на смену мастеров и уход с Соловков Ивана Михайлова, так как каменщики, входившие в него, получали существенные привилегии и зодчему стало экономически выгоднее работать вне Соловков, где ему заплатили за два сезона 20 рублей?

Приводимые выше два свидетельства о том, что уже в 1583 г. строительство Соловецкой крепости («*городовое дело»*») активно велось, частично отвечают на важный вопрос, что скрывается за фразой «*Иван Михайлов сын каменщик делал город каменной два года»*. Выше мы писали, что в 1582–1583 гг. возводилась одна из башен (т.е. по проекту Ивана Михайлова), при сооружении которой упало бревно, убившее монаха Меркурия. Бревно могло

быть от межэтажного перекрытия башни или от конструкции шатра. Башни, как правило, возводились с примыкающими участками стен для их продолжения. Следовательно, **именно Иван Михайлов задал тон архитектуре Соловецкой крепости, определил валунный облик ее стен и башен, их конфигурацию, планировку печур и бойниц.** На вопрос, какой конкретный участок крепости был построен при Иване Михайлове, ответ может дать лишь анализ самой структуры крепости, что связано с принципами и логикой обороны монастыря, а также с учетом творческого почерка каждого зодчего. Забегая вперед, отметим, что речь должна идти о северо-западном прясле крепости, на участке с Успенской и Корожной башнями и Рыбными воротами⁴.

В том, что одним из зодчих Соловецкой крепости оказался уроженец Поморья, нет ничего удивительного. Не следует принижать интеллектуальный и культурно-образовательный уровень северян XVI в. В.В. Скопин заострил внимание на происхождении Трифона — до пострижения Терентия Григорьевича Кологривова, который происходил из богатого, известного в Подвинье рода промышленников Кологривовых. Им принадлежали солеварни, рыбные промыслы (Буров В.А., Скопин В.В., 1985, с. 65; Копанев А.И., 1978, с. 97–98, 153, 181, 205–207). Добавим, что род Кологривовых был достаточно раз-

ветвленным. Только по актовым грамотам XVI в. насчитывается 21 их представитель (АСМ-2, 1990, указатель имен, с. 254), среди которых было немало местной элиты. Михаил Михайлович Кологривов, упомянутый в грамоте 1566 г., являлся «*данным*» старостой, т.е. ведавшим сбором дани (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1977, с. 169) с варниц Соловецкого монастыря (АСМ-2, 1990, с. 196–197, № 299). Иван Иванович Кологривов, согласно грамоте от 29 октября 1575 г., был нёнокотским выборным судьей (АСМ-2, 1990, с. 77), Иван Михайлович Кологривов в 1578–1582 гг. являлся «*данным*» сборщиком с Михайловской и Клишинской варниц Соловецкого монастыря (АСМ-2, 1990, с. 121, 142, 196). Таковым же сборщиком был и Василий Иванов сын Яковлева Кологривова в 1580–1581 гг. (АСМ-2, 1990, с. 151, 169). Микула Исаков Кологривов под 1580–1584 гг. упомянут как дьяк Никольской церкви в Нёноксе (АСМ-2, 1990, с. 152, 156, 159–160, 171–172, 206, 218, 221). Одним словом, **род Кологривовых входил в состав элиты Русского Севера. Но главное — сооружение солеварен требовало определенных инженерных знаний и технических навыков. Нет ничего удивительного, что именно из этой среды и произошел выдающийся зодчий Трифон (Терентий) Кологривов, продолживший дело профессионального фортификатора из Вологды Ивана Михайловича.**

1.6. Крепость в конце XVI — XVII в.

При строительстве крепости интересы монастыря и государства совпали. Монастырь, защищая свои вотчины, непосредственно вел работы «*принадлежащими монастырю крестьянами*» «*на монастырскую сумму*». В свою очередь царь, заботясь о важнейшем государственном богомолье и защите северных рубежей, присылал стрельцов и пушкарей, снабжал крепость оружием, предоставлял обители всевозможные льготы.

Уже на второй год работ Иван IV освободил монастырь от поставки в Колу, где также строилась крепость, ратных и по-

сошных людей из поморских монастырских вотчин. Его преемник царь Федор Иванович снял с монастырских угодий оплату посошного хлеба и другие земские подати, сложил налоги с монастырского двора в Новгороде, отменил разного рода сборы с Соловецкой вотчины в Сумском остроге. Кроме того, «*на подмогу строения монастырской крепости*» был пожалован ряд волостей Умба, Сумская (1585 г.), Нюхча, Унежма (1590 г.), Кемская, Подуженская, Пебозерская, Маслозерская (1591 г.) (Летописец, 1790, с. 34–35). Отметим, что земельные пожалования Соло-

⁴ См. гл. 3.

вещкому монастырю были исключительные, даже шагом назад от указа Ивана IV Грозного от 9 октября 1572 г., согласно которому воспрещалось любое земельное пожалование в пользу монастырей. Приговор о церковных землях был утвержден на Соборе в Москве в 1580 г. (Скрынников Р.Г., 1975, с. 219).

Соловецкая крепость получала вооружение и как государево «жалование», и за свой счет — в результате «монастырской купли». Производство оружия было налажено и непосредственно на Соловках. По описи 1597 г., на вооружении Соловецкой крепости было 29 медных и железных пушек, 41 затинная пищаль, 35 самопалов (пищалей или ружей фитильных без кремневого замка), 413 ручниц (ружей), 8 самострелов (луков с прикладом, со взводом и спуском), 25 саадаков со стрелами, 300 копий и рогатин. Имелось также 132 пуда пороха (зелья), 109 пудов свинца⁵.

Всё вместе взятое и позволило создать на Соловках с 1582 по 1595 г. самую мощную в Поморье каменную крепость, которая на несколько столетий превратилась в неприступный оплот российского владычества на Севере.

О своевременности возведения Соловецкой крепости говорит тот факт, что на 1590–1593 гг. пришлось войну России со Швецией. Было нарушено Плюсское перемирие, установленное в 1583 г. и продленное в 1585 г. на четыре года (Мюллер Р.Б., 1947, с. 47). Шведские войска предприняли четыре больших похода на Кольский полуостров и в Беломорье. Об этом подробно пишет Г.Г. Фруменков (Фруменков Г.Г., 1975, с. 27–31). Первый поход состоялся по приказу короля Швеции Иоанна III от 18 июля 1590 г. Военачальнику Петру Багге было приказано разорить русские земли, доставить захваченный скот и пленных в Кексгольмский уезд — оккупированный древнерусский город Корела. Шведы напали на Печенгский монастырь, сожгли его, а монахов и мирян казнили. Далее они двинулись на Кольский острог, но потерпели там поражение. Соловецкий летописец конца XVI в. сообщает о победе: «...ис Кольского острога осадные люди на выласках немецких людей

побили 60 человек, а живых в острог взяли 30 человек. А достальные немцы Туломою рекою в свою землю побежали» (Корецкий В.И., 1981, с. 242; СЛ-1 XVI в., л. 76 об.). В том же году «немецкие воинские люди <...> все волости от Унбы и до Кеми все вывоевали и выжгли». А там были соляные промыслы и рыбные ловли. В связи с разорением в 1590 г. волостей и дороговизной хлеба монахи были вынуждены обратиться к царю с просьбой о пожаловании новых волосток. При этом их главный аргумент состоял в том, что «городовому и каменному делу стало мотчанье⁶, каменщиков и кирпичников наимовати и кормити их нечем» (Иванов П.И., 1850, с. 238–239). Не исключено, что строительство было прервано из-за отсутствия средств и снабжения продуктами питания каменщиков и кирпичников (Косточкин В.В., 1972, с. 35, прим. 16).

В какой-то степени данный поход был ответом на удачную военную кампанию, предпринятую русскими в 1589 г., которой была свойственна не меньшая жестокость. Подробности ее находим всё в том же летописце: «...в Шую Корельскую государевы московские головы воевода Стефан Борисович Колтовской, а с ним в товарищах Смирной Шокуров да Василий Багряцов, да с ними же с Колмогор от Нового города стрелецкой голова Андрей Аничков, стрельцов 130 человек, да с ними же дети боярские Григорей Брянцов, да Кудеяр, да Бахтеяр Беседного, да 10 панов, да 40 человек черкас канемских, да 10 человек донских казаков, да с ними же Каргопольские земли 400 человек ратных людей, да Двинские земли с Колмогор ратных людей 400 человек, да с соловетц[к]ие вотчины из Сумьские волости 100 человек, да охочих казаков 50 человек, да с Лопских с семи погостов двести человек. И ходили войною в Каянские немцы, а воевали Овлуи реку да Леменгин остров, да Колокол волость, да Остров-волость, да Сиговец реку и иные волости. И ти волости повоевали и пожгли, и живот всякой высекали. И из Немецкие земли дал Бог здраво вышли в ту же в поморскую волость в Шую в Корельскую...» (Корецкий В.И., 1981, с. 242; СЛ-1 XVI в., л. 218 — 218 об.). Данный поход, в котором приняло участие около 1400 человек, был инспирирован

⁵ Подробнее о вооружении Соловецкой крепости см. гл. 4.

⁶ Мотчание, модчание(-ье) — промедление, мешканье (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1982, с. 278).

из Москвы, о чем свидетельствует монастырская опись 1676 г., которая включает грамоту 1589/1590 г. Федора Ивановича игумену Иакову и Степану Колтовскому о ратных людях. В ней предписывалось игумену Иакову «из Соловецкой вотчины приготовить сто человек ратных людей с огненным боем на каинских немец» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 407, 420).

Одному из участников данной военной карательной экспедиции, Третьяку Галичанину, Соловецкий монастырь оплатил лечение раненной ноги в Холмогорах в размере 40 руб. 17 алтын и 3 денги, что было отмечено в записях прихода-расходных книг (*Прихода-расходные книги*, с. 347, 353; Богомазова А.А., Володихин Д.М., 2018, с. 18).

После провала захвата шведами Колы в 1590 г. из Москвы на Север было прислано мощное подкрепление: «Того же, 98-го году, августа в 7 день. Прислал царь и государь и великий князь Федор Иванович всеа Руси с Москвы в Соловецкой монастырь голову Ивана Михайловича Яхонтова да с ним детей боярских Иева Избединова да Петра Постелликова, да сотника стрелецкого Семена Юренева, а с ним сто человек московских стрельцов. Да с Иваном же с Яхонтовым было 500 человек каргопольских ратных людей и жили в монастыре всю осень до Покрова святей Богородицы, а с Покрова выехали на берег в Шую в Корельскую стояти» (*Корельский В.И.*, 1981, с. 242). Известие о приезде на Соловки в это время Семена Юренева с отрядом из 100 московских стрельцов и Ивана Михайловича Яхонтова, «а с ним каргополцев и двинян ратных людей 500 человек» имеется также во Вкладной книге Соловецкого монастыря 1536–1600 гг. (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 15 об. — 16). Скорее всего, были присланы и пушкари, которых упоминает царская грамота 1590/1591 г. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 407).

В 1591 г. шведы предприняли два новых похода. Отряд Ханса Ларсона из 1200 человек вновь пытался захватить Колу, но понес значительные потери и с задачей не справился. Сын Петра Багге — Петерсон, выступил в поход на Беломорье, которое попытался превратить в пустыню. По возвращении он подробно описал в донесении свои жестокие действия.

В 1592 г. шведско-финские войска под предводительством королевских вое-

вод Магнуса Лаврина и Гануса Иверстина опустошили пространство от Ковды и Керети до Вирмы и Сухого Наволока. Но под Сумским острогом они были разбиты. Учитывая масштабы разорения, московское правительство грамотой от 15 апреля 1592 г. освободило на пять лет население Поморья от всяких податей. Соловецкий монастырь должен был починить Сумский острог, приступить к строительству Кемского городка и достроить на Соловках каменную крепость (ААЭ, 1836, т. 1, № 335).

Вскоре на Север были направлены новые войска, дата отправки которых указана во Вкладной книге Соловецкого монастыря: «Да того ж [7]101 (1592/1593 гг.) году государь пожаловал, прислал с Москвы в Соловецкий монастырь и в поморские волости для брежения воевод и ратных людей: князя Ондreja Романовича, да князя Григория Константиновича Волконских, да Второва Акинфеева, да Елизаря Протопопова, Третья Кастремоухова, да сотника стрелецкого Семена Юренева, а с ним 100 человек стрельцов его сотни да другое 100 человек стрельцов Третьякова, сотня Ивашева да 10 сыновьев боярских, да панов и сербян, и волошан, и черкасов 90 человек, да с ними иные многие ратные люди при игумене Иякове» (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 17). Эти войска участвовали в ответном «в походе немецком», о чем более подробно донес сведения Соловецкий летописец XVIII в.: «...поиде в Каянскую землю, и Каянскую землю воева, и многие места разори, и в полон многих людей поима, и в Соловецкий монастырь прииде с великим богатством» (*Летописец*, 1790, с. 46).

В сообщениях 1590 и 1592 гг. важно упоминание сотника Семена Юренева. Как уже отмечалось, ему была адресована грамота Федора Ивановича «об острожном деле» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 407 — 407 об.). **Надо полагать, именно на сотника Семена Юренева в этот момент царем и возлагалась обязанность организовать в Поморье починку пострадавших в ходе военных действий старых острогов и строительство новых.**

В 1595 г. наступил Тявзинский недолгий «вечный мир», хотя в 1597–1599 гг. Дания, претендовавшая на русскую Лапландию, предприняла ряд попыток закрепить за собой Мурманское побережье (*Ушаков И.Ф.*, 1960, с. 5, 11–12).

В самом начале XVII в. тревожная обстановка в Карелии и Поморье сохранялась. Безымянный автор «Сказания о святой великой обители Соловецкой», побывавший на Соловках в 1603/1604 гг., отметил готовность крепости к защите: «Град, башни, стены, пушки и пищали. И всего того запаса несчетно. Караулы и сторожи частыя». Тот же автор пишет о постоянном пребывании в монастыре значительного количества людей, едином братстве монахов, стрельцов, пушкарей и пришлых богомольцев: «А в трапезе ясти и пити добре много, окроме пианственаго. А за стол как садятся в трапезе и в келарьской братии и слуг, и трудников, и швальей, и стрельцов, и токарей, и пушкарей, и польских людей, и приезжих гостей, и монастырских христиан, человек до тысячи. А коли съедутся много и до двоя тысячи» (Сказание 1603–1604 гг., л. 319, 323 об.; Буров В.А., Охотина-Линд Н.А., 2004, с. 160–161). Потенциально это — все защитники монастыря.

В 1608 г. в Карелии наметилась некоторая нестабильность на границе со Швецией. В связи с этим Соловецкий монастырь начал собирать разведывательные данные. В конце лета 1608 г. была щедро оплачена «порубежная служба» одного из разведчиков, о чем было записано в расходной книге: «Михею Леонтьеву корелянину из Вокनावолока с Куйтозера дано ис казны денег 3 рубли за порубежную службу, что он на рубеже про немецкие вести проводывает и монастырь держит» (ПРК 1608–1612 гг., л. 120).

В 1609–1610 гг. в Кемской волости держались караулы: «Послан в Кемскую волость старец Саватей Данилов для караулов немецких, дано ему на расход денег рубль 5 алтын» (ПРК 1608–1612 гг., л. 161).

Летом 1609 г. разведывательная информация о состоянии на границе продолжала собираться: «Дано Реболские волости старосте Ивану да товарищу его Антипе денег 26 алтын 4 денги за то, что они приходили с рубежа в монастырь с немецкими с ратными вестями» (ПРК 1608–1612 гг., л. 167). Аналогичные сведения поступали в монастырь и осенью 1610 г.: «Дано кемлянину Сидорку Трифанову сыну Чихкоеву денег 20 алтын за то, что он ходил на немецкой рубеж для немецких воинских вестей» (ПРК 1608–1612 гг., л. 188 об.).

Полученные данные заставили монастырь предпринять конкретные усилия по укреплению своей обороноспособности. В сентябре–октябре 1610 г. в Сумском остроге было выковано семь самопалов (ПРК 1608–1612 гг., л. 179).

В это же время на Холмогоры за «запасом» (очевидно, в связи с подготовкой к возможной осаде) был послан Трифон «раб божий», а в Каргополь направлен служка: «Послан в Каргополь монастырской служка Алексей Трифанов з грамотами для ратных немецких вестей, дано ему на дорогу 16 алтын 4 денги» (ПРК 1608–1612 гг., л. 181 об. — 182 об.). Чуть позже весть о готовящемся на Поморье шведском походе была отправлена в столицу: «Послан к Москве к бояром в полки монастырской служка Алексеи Петров с отпискою от воевод от Максима Лихарева да от Елизара Беседова, дано ему на дорогу рубль 11 алтын» (ПРК 1608–1612 гг., л. 196).

Запись в расходной книге 7119 года (1610–1611 гг.) без указания месяца события: «119-го ж году нанято в монастыре ратных казаков для осады от приходу немецких людей атамана казака Ивана Муртовкина да другово атамана Бориса Рянниева с товарищи 70 с человеком на месяц, дано им всем 49 рублей 23 алтына две денги по 20 алтын з гривною человеку. Да посылали из монастыря в поезде на немецкой рубеж для немецких вестей тех же ратных Бориса Рянниева с товарищи 21 человек, дано им за ту службу наиму денег 10 рублей и 30 алтын. Да с теми ж ратными посылан в поезде слуга монастырской Иван Ермолин, дано ему ис казны за тое службу на плате денег 2 рубли» (ПРК 1608–1612 гг., л. 197 об. — 198).

Одновременно к Архангельску был направлен старец Мирон, который приобрел семь голландских пушек, свинец, селитру для изготовления пороха, 10 самопальных рогов. В монастыре казаки готовили артиллерию к бою: «Да наряд чистили пушки, дано от тово казаком наиму 3 алтына 3 денги» (ПРК 1608–1612 гг., л. 199 об.).

В 1611 г. в Поморье по-прежнему неспокойно. В феврале шведский король Карл IX, вознамерившийся завладеть московским царским престолом, обратился к соловецкому игумену, которому подчинялись многочисленные земли в Поморье, с письмом о признании себя своим царем.

Получив отказ, шведы начали активные военные действия. Они осадили Кольский острог, разорению подверглись несколько волостей. Летом шведский отряд предпринял попытку добраться до самих Соловков, но приблизился всего на расстояние 30 верст от острова Соловецкого, дойдя до Кузострова (Савич А. А., 1927, с. 67–70). Под прикрытие стен крепости Соловецкого монастыря из поморских селений устремился люд: *«В то же время и беж была в монастырь из Помория от шветов»* (СЛ-1 XVIII в., л. 15 об.). В другом летописце это событие ошибочно помещено под 1606 г. (СЛ XVII в., л. 32).

Из Москвы в Сумский острог были присланы *«для опасения Соловецкого монастыря и поморских волостей»* воевода Максим Лихарев и голова Елизарий Беседного с *«начальными и ратными людьми»* (СЛ XVII в., л. 32 об.). В Соловецком летописце 1814 г. это событие дано под 7119 годом (1611 г.) (СЛ 1814 г., л. 13 об.). В Сумском остроге к концу 1611 г. было выковано еще 10 самопалов (ПРК 1608–1612 гг., л. 204 об. — 205). В Суму, очевидно, для укрепления острога (*«острожного дела»*) прибыли два старца Александр и Вениамин. Стрельцам было выплачено жалование в размере 620 руб. (ПРК 1608–1612 гг., л. 203 — 203 об.). В 1613 г. было заключено перемирие, но угроза для Поморья не была снята. Разгромленные под Москвой отряды *«черкасс»* (украинских казаков, находившихся на службе у польско-литовского правительства), стали продвигаться к Белому морю. Под Холмогорами они потерпели поражение. Но тем не менее их силы оказались достаточно велики, чтобы напасть на Нёноксу, Уну и осадить Сумский острог. Только в 1614 г. при Олонце *«черкасы»* были разбиты (Фруменков Г. Г., 1975, с. 54–56).

Неспокойно было в Поморье и в последующие годы. После избрания в 1613 г. Михаила Романова на царство полководец Якоб Делагарди советовал шведскому королю захватить Холмогоры и оттуда начать завоевывать Поморье с богатейшим Соловецким монастырем. На риксдаге в январе 1614 г. король даже высказался за требование к Москве сдать крепость Гдов, а также Кольский, Сумский остроги и Соловецкий монастырь. В начале 1616 г. на переговорах шведы настаивали, чтобы русские от-

казались от своих прав на Новгород, Ладогу, Копорье, Ям, Ивангород, Гдов, Порхов, Старую Руссу и на все земли и поселения, издавна принадлежавшие Новгородской земле, в том числе Колу, Сумы и Соловецкий монастырь (Видекин Ю., 2000, с. 271–272, 304, 365). Однако Столбовский мир 1617 г. остудил чрезмерные притязания шведской короны на Поморье.

В 1619 г., узнав, что на север России готовится нападение датского короля Христиана IV, из Москвы 1 апреля последовало предписание игумену Иринарху *«тотчас <...> около Соловецкого монастыря и Сумского острогу всякие крепости поделати для того, будет придут к монастырю и к Сумскому острогу датские корабли, и вам бы сидеть было безстрашно»*. Одновременно была высказана решимость противостоять агрессии: *«...а которая рознь или кровопролитье учинитца ныне от их воинских людей, и то учинитца с их стороны, а мы, великий государь, той крови невинны будем, и обид их терпети не учнем, и за наши земли стояти будем, сколько Бог помочи подаст»*. Но, пожалуй, самым мудрым распоряжением было: *«...а с ними за малую обиду брани и крови не всчиняли, а будет учнут воевати волости или к Сумскому и к Кольскому острогу приступать, и вы в тем местом, смотря по мере, людьми помогали, как пригоже, чтоб тех мест уберечь, а людей не потерять и себя не обезлюдить»* (Досифей, 1836, ч. 3, № XXX, с. 107–110; Копии грамот 1742 г., л. 290 об. — 292; ААЭ, 1836, т. 3, № 106, с. 145–146).

В 1620 г. соловецкие монахи жаловались в Москву царю, что *«воровские немецкие корабли на море по вся годы объявляются, а каянские воинские немцы приходят в мелких судах войною Кемью рекою под Сумской острог <...> и в Поморские волости»* (Мюллер Р. Б., 1947, с. 97–98).

Через два года, 5 августа 1621 г., игумену Иринарху последовал новый указ царя Михаила Федоровича. В нем говорилось о необходимости строения в Соловецком монастыре каменных келий для размещения мирских людей в осадное время и об окончании сооружения рва. Примечательно, что в документе подверглись критике теснота и застроенность монастыря деревянными кельями, которые требовалось заменять каменными, очевидно, во избежание возгорания: *«Ведомо нам учинилося,*

что в Соловецком монастыре для мирских людей келей каменных нет, а деревянных келей за теснотою поставити в монастыре нельзе, и как случитца по вестем быти в осаде, и мирским людям в монастыре быти негде, да и ров де около Соловецкого города, который почат выкладывати камнем, не довершен <...>. И мы, и отец наш Великий государь святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Руси указали в Соловецком монастыре для осадного времени, где быти служилым и всяким мирским людям, устроить кельи каменные, сколько пригоже, смотря по тамошнему делу, и ров около города, которой по ся места не докопан и не доделан, указали есмь докопати и камнем выкласти, и чеснокъ побити, чтоб в осадное время в Соловецком городе служилым и всяким мирским людям без келей нужи и тесноты не было, и крепости учиня, в осаде быти безстрашно» (Досифей, 1836, ч. 3, № XXXII, с. 115–117).

С указанными двумя царскими посланиями связывается появление Пристенка, защитившего поваренные службы, стоявшие на берегу Святого озера. Опубликованный летописец конца XVIII в. впервые обнаружил дату возведения Пристенка: «В лето 7129 (1621) построен поваренной каменной пристенок» (Летописец, 1790, с. 43; *СЛ* 1796 г., л. 14 об.). Затем эта дата стала общепризнанной.

Летописцы, составленные в 1833 и 1847 гг. Досифеем, дополняют характеристику Пристенка — «вровень со стенами» и с двумя башнями: «7129 (1621) года, с восточной стороны монастыря, позади поваренной и квасопаренной служб, вдоль оных, прикладен вновь каменный пристенок с двумя башнями наравне с крепостною стеною из дикаго булыжнаго камня» (Досифей, 1833, с. 57; 1847, с. 57). В сочинении 1836 г., комментируя причины льгот, данных Соловецкому монастырю после 1614 г., тот же автор заметил: «Все сии милости оказаны монастырю с тем условием, чтобы все подведомья оному крепостные строения приведены были в совершенное оборонительное состояние на случай осадного времени; почему в непродолжительное время с восточной стороны монастыря, вдоль поваренной службы, сооружен каменный с двумя башнями пристенок, построенны две огромныя двуэтажныя внутри монастыря каменныя палаты для помещения

мирских людей, с двух сторон монастыря (северной и южной) проведены глубокие рвы, выкладенные булыжным камнем, и вокруг обнесены обвостренным тыном». Подчеркнем, что при этом конкретных дат возведения Пристенка и сухих ровов Досифей предусмотрительно не называл (Досифей, 1836, ч. 1, с. 127).

По сведениям В.О. Ключевского, в 1621 г. в Соловецкой крепости на содержании монастыря было более 1040 ратных людей (Ключевский В.О., 1990, с. 30).

Мелетий относил время копки ровов и возведения Пристенка «вскоре после 1619 года». Было распоряжение царя «игумену Иринарху для безопасности устроить нужные укрепления около Соловецкого монастыря» (Мелетий, 1881, с. 186). Но одновременно им приведена надпись на памятной доске, установленной в 1854 г. при архимандрите Александре. Там указана конкретная дата сооружения Пристенка: «Построен этот каменный простенок (так в книге. — В.Б.) при игумене Иринархе святом в 1621 году, спустя 37 лет по построении стены вокруг монастыря» (Мелетий, 1881, с. 84). Так, начиная с Летописца 1790 г. издания и с подачи Досифея, в современной литературе прочно обосновалась дата сооружения Пристенка — 1621 г. (Богуславский Г.А., 1966, с. 60; 1968, с. 59; 1978, с. 62; Савицкая О.Д., 1980, с. 79; 2005, с. 21; Скопин В.В., 1994, с. 120).

Однако дата 1621 г. никак не вытекает из текстов указанных двух грамот. Если следовать тексту первого документа буквально, то возведение Пристенка надо отнести к 1619 г., поскольку грамота предписывала «всякие крепости поделати». В то же время в грамоте 1621 г. говорится не только о недокопанном и не до конца обложенном камнями рве, но и содержится распоряжение «крепости учиня». В таком случае **время сооружения ровов и Пристенка должно приходиться обобщенно на 1619–1622 гг.** С учетом составления грамоты в последнем летнем месяце 1621 г. и необходимым сроком ее доставки на Соловки не ранее чем через месяц, речь в царском указе шла о завершении строительных работ на следующий, 1622 г. Докапывать ров и обкладывать его камнями осенью 1621 г. было уже поздно. На Соловках, как уже говорилось, все сезонные работы продолжались до начала октября.

С учетом корректировки датировок Соловецкую каменную крепость следует считать памятником русского оборонного зодчества конца XVI — первой четверти XVII в. (1582–1595, 1619–1622 гг.).

Такой вывод подтверждает и то обстоятельство, что нам не удалось найти сведения о возведении Пристенка в ранних летописцах. **Впервые сообщение с узкой датой 1621 г. относится к московскому времени, когда происходило переосмысление истории монастыря.** Его приводит летописец краткой, самой старшей редакции конца XVII столетия: «7129 [1621], строен поваренной пристенок каменной»⁷.

В 1623 г. четыре датских корабля подошли к Коле. Из Москвы в Соловецкий монастырь направили игумену грамоту жить «с великим береженьем» и охранять Поморье вместе с воеводой Михаилом Спешневым (ААЭ, т. 3, № 137, с. 193; Досифей, 1836, ч. 3, с. 118).

В 1627 г. могли обложить валунным камнем Сушило: «На[нято] на лето 3-х казаков с весны и до осени пашни пахать им, и город городить, и всякое дело делать по рублю и по 30-ти алтын человеку» (ПРК 1611–1733 гг., л. 43).

В 1630-е гг. наступило затишье. И монахи «били челом» государю, прося его «пожаловати — не велеть в Соловецком монастыре и в Сумском остроге для монастырской скудости воеводам быти». Михаил Федорович выполнил их просьбу и отменил должность воеводы. По грамоте от 31 августа 1637 г. Соловецкая крепость и Сумский острог передавались в ведение игумена и келаря с братией. Последний соловецкий воевода Тимофей Крапивин, сменивший в 1633/1634 г. по царскому указу Михаила Спешнева (Опись СМ 1676 г., л. 434 об.), должен был передать городовые и острожные ключи игумену Варфоломею и келарю, вместе с ними составить опись вооружения и, приехав в Москву, передать отписку в Приказ Большого Дворца (Копии грамот 1742 г., л. 293 об. — 294).

В начале 1640-х гг., несмотря на мирное время, была осуществлена реконструкция Сумского острога, который «огнил и во многих местах обвалился, дерн осыпался, и башни огнили». Требовалось заготовить

две тысячи бревен. По приговору собора от 20 июня 1640 г. в Суму «для городской поделки» направился старец Ефрем Квашнин, однако это не решило проблему. По новому соборному приговору от 30 мая 1643 г. снова предлагалось «худые места те прясла выкинуть да в то место новые поставить по прежнему образцу», для чего добыто три тысячи бревен. Руководить работами послали старца Иева Девочкина. Инициатором острожного строения, как и прежде, выступил игумен Маркелл (будущий архиепископ Вологодский), который в данном случае проявил себя как государственный человек, понимающий, что «то дело государево и земское общее и миновать того дела нельзя никому» (Копии грамот 1742 г., л. 298 — 298 об., 300 об. — 301; Опись СМ 1676 г., л. 434 об.). Однако в ходе реконструкции выяснилось, что латанием стен проблему не решить. Грамота от 18 августа 1643 г. предписывала «в Сумской острог для стенного и башенного дела дати в Выгозерском высечь бревенного и тесового лесу сорок тысяч деревьев» (Копии грамот 1742 г., л. 294). Новый деревянный город Сумский был «четвероугольным» с шестью башнями, с рублеными в два бревна стенами, промежутки между которыми засыпали камнем (Фруменков Г.Г., 1975, с. 64–65).

Другая царская грамота лета 7154-го (1645/1646 г.) за приписью дьяка Алмаза Ивановича повелевала игумену Илье с братией «жить в монастыре з береженьем и проведывать, чтоб немецкие воинские люди к Соловецкому монастырю и к Сумскому острогу безвестно не пришли и дурна не учинили и хлебные б и всякие запасы были з большою прибавкою» (Опись СМ 1676 г., л. 438). Схожее распоряжение было отдано и в лето 7164-е (1655/1656 г.) — «велено в Соловецком монастыре от воинских караблях держать опасенья» (Опись СМ 1676 г., л. 442).

Эхо новой войны со Швецией 1656–1661 гг. в Карелии (Мюллер Р.Б., 1947, с. 140) долетало и до Соловков. В конце 1650-х гг. на сообщение соловецких монахов о том, что «свейские воинские люди хотят приходить войною на наших великаго государя порубежные поморские места

⁷ Благодарю О.В. Панченко за любезно присланный текст летописца из Соловецкого собрания РНБ (№ 245/245).

Кемью рекою и озерами водяным путем в судах и воевать Кемскую волость и вси поморские места, а в той Кемской волости был острог, и тот острог огнил и обвалился весь», Алексей Михайлович в грамоте от 28 мая 1657 г. приказал строить Кемский городок на Леп-острове в устье реки Кемь взамен прежнего сгнившего острога. Но, понимая, что времени и сил на возведение крупной крепости нет, «острог устроить велели по людям смотря небольшой». Ядра и порох предписывалось взять в Архангельске, а если там «промыслить немошно», то взять из монастыря. Одновременно в Кемский городок на «великого государя службу» из Архангельска была послана стрелецкая сотня во главе с сотником Тимофеем Беседным. Уже 25 июня 1657 г. собор Соловецкого монастыря констатировал: «вновь острог поставлен рубленой о дву стенах», а с Соловков направлено четыре пушечки (две дробовые и две скорострельные), 20 пищалей, три пуда пороха и свинья (мера объема) свинца.

Описание Кемского городка опубликовал Г.Г. Фруменков: «Кемский городок в устье Кемь реки, на острове, расстоянием от моря в пяти верстах, деревянный. Рублен в тарасы в две стены. Местами между стен насыпано камень. В округу новый городок с башнями 212 сажень. В вышину стена 3 сажени и крыта тесом на два ската. У того городка 6 башен в вышину 4,5 сажени, крыты по шатровому» (Фруменков Г.Г., 1975, с. 63–64).

Острог поставили вовремя. Уже на следующий, 1658 г. «шведы учинили нападение на все поморские монастырския волости» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 146; 1847, с. 70). «В лето 7166 бежь была из всего Помория в монастырь от шветовъ, и присланы были на береговую с Двины стрелцы в Сумской острогъ сто человекъ и в Кемской городокъ сто жъ человекъ, стояли годъ» (СЛ-1 XVIII в., л. 19 об.; Летописец, 1790, с. 52). Одна из сотен по грамоте от 9 июня 1658 г. получила приказ вернуться в место прежнего расположения (Копии грамот 1742 г., л. 295 — 295 об., 301 об.).

К концу XIX столетия от острога 1657 г. сохранилась покосившаяся, догнивающая башня восьмиугольной формы со сторонами 2 сажени 0,5 аршина и высотой 4 сажени (ил. 9). В ней было четыре отверстия для пушек (Письмо 1890 г., л. 49; Описание

памятников, 1911, с. 135, рис. 29). На основании описи 1661 г. выполнена графическая реконструкция Кемского городка (Куспак Н.В., 1992, с. 167–176).

После заключения в 1661 г. мира со Швецией наступила пауза до конца столетия.

Со второй половиной XVII в. связана одна из ярчайших страниц истории Севера — «Соловецкое сидение». Оно достаточно подробно описано в литературе (Савич А.А., 1927, с. 249–280; Барсуков Н.А., 1954; Борисов А.М., 1966; Чумичева О.В., 1998). Всё началось с того, что в 1667 г. на Соловках не признали церковных реформ патриарха Никона: «Соловецкаго монастыря черницы и бельцы забунтовали, великаго государя указу учинились не послушны, и всему освященному собору непокорны, и во всем противны, и новоисправленных печатных книг не приняли, и пети, и чести, и божественныя службы исправляти по ним не учали» (ПСРЛ, т. 33, 1977, с. 179). Как отметил один из летописцев, «монастырь заперся того жъ 7175 году и былъ въ запоре девять летъ» (СЛ-1 XVIII в., л. 20).

Царь Алексей Михайлович отписал на себя все монастырские вотчины и промыслы, запретил подвоз продовольствия. В мае 1668 г. из Москвы на Двину был послан стряпчий Игнатий Волохов и новый архимандрит Иосиф, а также начальники московских стрельцов Василий Чадуев и Иван Молчанов. «А велено им ехать в Соловецкой монастырь для уговору чернцов и бельцов». Для большей результативности переговоров на Соловки направлялась также сотня двинских стрельцов из Архангельска. Но монастырь встретил прибывших затворенными воротами: «Соловецкий монастырь заперт, и по воротам, и по башням, и по стенам пушки; и с мелким ружьем изготовлены». После состоявшихся переговоров посланников царя Алексея Михайловича обстреляли из пушек. Волохов отплыл к Большому Заяцкому острову, где простоял до начала зимы, а затем перебрался на берег в Сумский острог. Имея небольшой отряд, он даже не предпринимал попытки начать осаду монастыря, на чем настаивали в Москве, и просил подкрепления.

В марте 1669 г. в Соловецком монастыре началась подготовка к отражению возможного штурма: расписывались сотни

и десятки, готовили оружие, на стенах запасали *«каменья дробного»*, котлы для вара. Но Игнатий Волохов всё еще надеялся на действенность переговоров. Бесполезные переговоры затянулись до лета 1672 г. В тот момент, когда московский воевода прилагал усилия разубедить монахов и открыть ворота, архимандрит Никанор ходил непрестанно по башням, где, собственно, и стояли все пушки, кадил и водою кропил и говорил им: *«Матушки де мои галаночки, надежда де у нас на вас, вы де нас обороните»* (Материалы, 1878, с. 327).

В августе 1672 г. на Соловки прибыл новый воевода Климентий Иевлев, а с ним *«начальные люди и градоимцы»*. Но единственное, что сумел сделать новый военачальник со своим войском, так это сжечь все строения вокруг крепости. *«Всё пожег без остатка, а монастыря взять не мог»*, — сообщает Двинской летописец (ПСРЛ, т. 33, 1977, с. 180). Войска продолжали держать монастырь в осаде летом, лишь осенью уходили на зимовку в Сумский острог.

В октябре 1673 г. пришлось снова усилить войска. На Двину был направлен Иван Мещеринов, *«с ним начальные люди, и градоимцы, и лекари, и гранатчики, и огнестрельные мастера, и московские стрельцы»*. Вместе с 500 стрельцами *«сверх прежних»* Мещеринов зимним путем приехал в Сумский острог, где сменил Иевлева. 31 мая 1674 г. он прибыл на Соловки и активизировал действия по осаде крепости. Прежде всего близ монастыря Мещеринов возвел четыре земляных городка, под прикрытием которых разместились царские войска. Но тысячное войско оказалось бессильно против самой мощной крепости Русского Севера. Осенью, разорив возведенные укрепления, войска покинули остров. Зимой они переждали в Сумском остроге.

Вернувшись в 1675 г. на Соловки, Мещеринов приступил к более активным действиям. За невыполнение царского указа о взятии мятежной крепости ему грозила смертная казнь. На этот раз войска обосновывались капитально, на зимовку: *«И близ монастыря вновь многие городки построил и на них деревянные раскаты, а в городках жилые избы, и на Соловецком острове зимовал и с ратными людьми со всеми»*. В 1790 г. инженер-подпоручик Васильев зафиксировал на плане местности в 180–200 саже-

нях к югу от монастыря остатки двух укреплений, а в 150 саженьях к северо-западу — одного укрепления (Васильев, 1790 г., л. 81, пп. 39).

Согласно «Повести Соловецкого монастыря взятие и разорение» XVIII в., Мещеринов *«повеле хитрецем превеликия гранатныя пушки от древа соделати по множеству пороха начиненным, железных ядер вмещаючи, ово бо из них 160 ядер, ово же 260, ово же 360 ядер вмещающимися»*. Очевидно, речь идет об активном применении дробы-картечи против осажденных. Одновременно воевода приказал вокруг монастыря копать рвы, которые подходили к крепостным стенам столь близко, что осажденные *«от высоты забрал из столбов оградных»* могли переговариваться с царскими стрельцами. Были возведены *«градки»* высотой с крепостные стены, подведены подкопы под башни, в которые заложили порох (Повесть XVIII в., л. 79 об. — 82). Однако 23 декабря 1675 г. тщательно готовившийся штурм Соловецкой крепости провалился. Мещеринов вынужден был воспользоваться услугами монаха Феоктиста, которому поначалу не доверял.

«История об отцах» содержит подробное описание событий, произошедших в январскую трагическую ночь 1676 г.: *«Бяше во обители пролаз из сушильня полаты сквозе градовую стену, ким прежде воду во оную полату носиша, и в начале егда затворяхуся во обители, оную скважню плинфами, но не зело крепко заделаха <...> Тогда предреченный предатель с воины, обретши время, плинфы из окна ломали железными выбивши, един по единому вхождаху во оную полату, дондеже и вся наполнися: и шедше, разломиша замки, и врата града отверзше, воинство ратных пустиша во обитель»* (Денисов А., 1907, с. 18–19). Застигнутые врасплох, защитники монастыря не сумели оказать организованного сопротивления. Непрístupная крепость пала. Поздний летописец сообщает: *«Соловецкий монастырь взятъ взятъ въ 7184 (1676) года генваря 22 дня. Мятежники соловецкие порублены и казнены смертию, а иные разосланы въ ссылку въ Кольской и Пустозерской остроги, а которые изъ нихъ Соборной церкви покорились и великому государю вину свою принесли, и те прощены, и жить оставлены в Соловкахъ»* (Летописец, 1790, с. 56).

Расправа Мещеринова над мятежниками была действительно жестокой, *«многих казнил смертью и за ребра вешал»*. Убитые и раненые в раздетом виде были брошены на лед близ морского берега. Позже все они были похоронены без отпевания на маленьком острове Бабя Корга. Длительность осады Соловецкой крепости, продолжавшейся с 1668 по 1676 г., — прекрасный показатель реальных ее фортификационных качеств. Осаждавшим стрельцам не помогли ни мощные обстрелы башен, ни штурмы стен с помощью приставных лестниц, ни подкопы. К тому же осажденные крепили город, быстро устранив три неожиданно выявившихся недостатка крепости в уязвимых местах. Из отписки воеводы Мещеринова государю о ходе Соловецкой осады известно, что низкая стена от Никольских ворот до Квасоваренной башни была значительно усилена: *«...зубцы кирпичные сломали и нарубили на каменной стене деревянные тарасы и покрыли с теми стенами вровень»*. Реконструкции подверглась также Квасоваренная башня и стена у Сушила: *«А башни Квасоваренная была ниска ж, и они (монахи. — В.Б.) на той башне нарубили роскат деревянной, да они же, воры, от Ануфриевы церкви (кладбищенская церковь вне монастыря. — В.Б.) на сушильной палате нарубили роскат деревянный же»* (Барсов Е.В., 1884, с. 88). После этих дополнений монастырь оказался неприступен. Не было и нехватки продуктов. В амбарах имелся большой запас зерна, работала мельница.

Сразу после завершения осады в 1676 г. под руководством прибывших стольника и воеводы князя Владимира Волконского и дьяка Алмаза Чистого состоялась подробная опись монастырских вотчин и самого монастыря, включая крепость и вооружение. Из этого документа следует, что крепость оборонялась с помощью 73 пушек, расставленных в основном на башнях, имелось свыше 700 единиц ручного

огнестрельного оружия. Монастырская военная служба была четко организована. Здесь, как в военной организации, имелись должности *«городничьего старца»* и *«оружейного старца»*. Первый следил за исправным состоянием стен и башен крепости, второму поручалась оружейная казна (*Опись СМ 1676 г.*, л. 524 — 565 об.).

Вновь прибывшие из разных городов на остров 300 стрельцов с *«начальными людьми»* простояли в монастыре год *«для опасения от бунту»* (СЛ-1 XVIII в., л. 21).

К концу 1670-х гг. деревянный Сумский острог, возведенный сто лет назад, еще в 1582 г., отремонтированный в 1643 г., *«огнил и опал»*. В связи с тем, что *«без стен в данной порубежной стране с свейскими немцы для великаго времени нашим великаго государя людем быть нелзе и жить опасно и страшно»*, Соловецкий монастырь обратился в Москву с грамотой о строительстве монастырской казной и монастырскими бобылями городка. Царская грамота от 19 января 1680 г. удовлетворяла эту просьбу (*Копии грамот*, л. 296). От Сумского острога сохранилась Моховая башня с примыкающими стенами, ныне находящаяся в музее-усадьбе Коломенское (ил. 10).

До начала XVIII столетия в Кемском городке и Сумском остроге размещались 125 стрельцов, находившихся на содержании Соловецкого монастыря. Обитель из своей казны за счет доходов, получаемых с вотчин, выплачивала им по три рубля, давала хлеба, ржи и овса по три четверти. Это отмечено в приходе-расходных книгах. Кстати, монахи умели считать свои затраты, и во время первого визита Петра I в Соловецкий монастырь в 1694 г. напомнили ему об израсходованном хлебе для двинских стрельцов в Сумском остроге во время «Соловецкого сидения». Последовал указ вернуть 3 тыс. четвертей ржи из государевых житниц Архангельска (*Летописец*, 1790, с. 63).

1.7. Крепость в XVIII — начале XIX в.

В 1701 г., с началом Северной войны России со Швецией, правительство Петра I провело ряд мероприятий по укреплению Поморья. Полностью был рекон-

струирован Кольский острог, частично поновили крепость в Суме, заложена была каменная Новодвинская крепость, которая в том же 1701 г. встретила и победила

шведскую эскадру (Фруменков Г.Г., 1975, с. 80–81). На Соловки шведы не напали, но прибывший 10 августа 1702 г. на Соловки Петр I осмотрел стены монастыря, оружейную палату, прочие монастырские службы и приказал воеводе Архангельска Василию Ржевскому выдать обители на нужды обороны 200 пудов пороха для пушек и ружей (*Копии грамот 1742 г.*, л. 310; *Досифей*, 1836, ч. 1, с. 181; *Двукратное посещение*, 1872, с. 15; 1902, с. 34). Соловецкая крепость по-прежнему оставалась важным центром обороны Поморья. Затем Ништадский мир изменил политическую карту Европы. Россия вышла на просторы Балтики. Ее границы отодвинулись далеко на запад. Соловецкие острова перестали быть пограничными.

Порох, выданный по распоряжению Петра I, не пригодился обители не только в Северную войну, но и в последующую русско-шведскую кампанию 1743–1744 гг. Правда в 1740-х гг. на границе временами сохранялась напряженность. Так, в 1742 г. староста Панозерского погоста прислал письмо, в котором сообщал об ожидаемом нападении отряда шведских лыжников из 400 человек; приводились расспросные речи крестьян (*Письмо 1742 г.*). А в 1748 г. решено было отремонтировать Сумский острог, для которого крестьяне должны были поставить тес и бревна (*Дело 1748 г.*).

Всё XVIII столетие на Соловках при монастыре находилась воинская команда. Временами составлялись ее списки-реестры. В 1781 г. 109 ее солдат были переподчинены направленному на Соловки прапорщику Иванову (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 35 об.). Последний в 1790 г. составил подробный отчет о состоянии артиллерии, констатировав непригодность многих пушек.

В новую войну со Швецией, начавшуюся в 1788 г., в порядок был приведен Кемский городок. 6 августа 1788 г., «по сношению кемской штатной команды прапорщика Гуселникова для охранения Кемского города от приезда неприятельских караблей и судов и самих шведов при кемском подворье военных снарядов отдано под росписку ему прапорщику Гуселникову: пороху четыре пуда, затинных пицалей четыре, бердышев тридцать два, рогатин з дротиками девяносто две, копее осмнатцать, ружей дватцать четыре, пушка болия чюгунная

одна, другая малая (к ним станков по одному з двумя железными болтами), картечи тысяча двести, свинцу девять пуд, ядер во семдесят пять» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 35 об.).

25 мая 1790 г. для защиты Соловецкого монастыря на остров прибыло дополнительное воинское подкрепление с офицерами. Состав офицерского корпуса в соловецких летописцах указан по-разному. В наиболее известном летописце, изданном Досифеем в 1833 г. (переиздан в 1847 г.), и в привлекаемом нами летописце 1814 г. перечисляются следующие фамилии: «военноначальники господа надворный советник Арсеньев, премьер-майор Беляев, секунд-майор Вашков, капитан Алексеев, инженер-подпоручик Васильев и поручик Филипов с рядовыми военнослужителями, архангельскими и петрозаводскими гарнизонными канонерами и егерями в числе 175 человек, а с соловецкою командою состояло 250 человек» (*Досифей*, 1833, с. 118; 1847, с. 120; *СЛ 1814 г.*, л. 33 — 33 об.). Более подробную информацию дает Соловецкий летописец из собрания Национальной библиотеки республики Карелия. В нем все фамилии указаны с именами и отчествами: «По ордеру правящего должност Олонецкого и Архангельского господина генерал-губернатора и кавалера Тимофея Ивановича Тутолмина в следствие высочайшего ея императорского величества повеления в начавшуюся шведскую войну мая 25-го дня прибыли в Соловецкой м[о]н[а]стырь для приведения оной крепости на случай неприятельского покушения в оборонительное состояние начальные люди: господа надворной советник Иван Тарасьевич Арсеньев, пример-майор Илья Федорович Беляев, секунд-майор Григорей Киртианович Вашков, капитан Александр Николдаевич Алексеев, инженер-подпоручик Яков Васильевич с дернокладчиком Яковом Ивановым, подпоручик Федор Филипов; рядовых: военнослужителей Архангельскаго гарнизона салдат 50 человек, с Петрозаводска канонеров 25 человек, егерей сто человек, соловецкой команды — начальник Василий Иванов — унтер-офицеров 6, рядовых — 60 человек; а всех нижних чинов служителей было во все лето 250 человек...» (*СЛ 1796 г.*, л. 34 об. — 35).

Для нас особенно важно, что мы впервые узнаём имя инженера-подпоручика

Васильева — Яков, человек, сыгравший важнейшую роль в практическом укреплении обороны монастыря под начальством Арсеньева⁸. Правда, оставалось неясно, была ли при этом искажена сама фамилия или же имя дано с отчеством — Васильевич, но без самой фамилии.

Прибывший на остров инженер-поручик Яков Васильев осмотрел крепость, отметил ее *«совершенное запустение»*. Силами соловецкой военной команды (около 70 человек) под его прямым руководством исправили все *«ветхости и недостатки»*, на подступах к монастырю были построены три земляные батареи (Васильев, 1790 г., л. 21). Соловецкий летописец 1796 г. сообщил о благоустройстве прилегающей к крепости территории: *«...по прочту инженер-подпоручика Васильева ко всем кругом крепости воротам отнавожено для засыпки песку довольно число»* (СЛ 1796 г., л. 35). Соловецкая крепость была готова встретить неприятеля. Семь самых мощных 18-фунтовых пушек были установлены в четырех больших башнях (Корожной, Никольской, Архангельской, Прядильной) — *«в верхней обороне»*, а также на куртинах со стороны бухты. Васильевым были составлены чертежи крепости. По сообщению А. И. Фомина, в том же 1790 г. советник Олонецкого правления Арсеньев *«сочинил»* ландкарту Соловецких островов. Такую же карту составили землемеры (Фомин А. И., 1797, с. 20).

В сентябре 1790 г. в связи с прекращением войны прибывшие военные покинули остров. На следующий 1791 г. в монастыре были оставлены всего 33 солдата из соловецкой команды⁹, другие 33 человека были направлены в Кемь (СЛ 1814 г., л. 33 об.). В 1799 г. *«военная артиллерийская команда, состоящая в одном поручике (Кормщикове. — В. Б.) и 3-х фейерверкерах, и 23-х рядовых конанирах»* приняла все имевшиеся в монастыре артиллерийские орудия, включая древние, а также порох. Были исправлены обветшавшие три земляные батареи. Команда из Архангельска оставалась в монастыре до будущего распоряжения (СЛ 1814 г., л. 38 об.).

18 мая 1801 г., *«по случаю происходивших между российской и английской державами немирных обстоятельств»*, по распоряжению Павла I в Соловецкую крепость прибыли на двух гребных судах с пушками и запасом пороха два гранатерских батальона под командой генерал-лейтенанта Д. С. Докторова, будущего героя Отечественной войны. Вместе с ним были полковники Соколов, Лукашевич, Будберг, а также 42 офицера. Общая численность прибывших войск составила 1595 человек (СЛ 1814 г., л. 40 об.). Очевидно, к этому времени относится план 1801 г. с чертежами некоторых башен.

Превращение Соловецкого монастыря в крупный арсенал потребовало новых помещений, и в том же 1801 г. с севера от прежних пороховых погребов был пристроен новый каменный погреб (Досифей, 1833, с. 134; СЛ 1814 г., л. 41 об.). Но уже в июле новый император Александр I заключил с Англией союз на суше и море. По выражению Соловецкого летописца 1814 г., новый монарх *«превратил военные обстоятельства в безвооруженную тишину и беспечность в оных»*. 18 июля войска покинули Соловки, отбыв в города Онегу и Архангельск. Вся артиллерия и порох были оставлены в монастыре и переданы поручику Кормщикову, под началом которого оставалась прежняя команда канониров из 33 человек. В августе того же года из Колы в Соловецкий монастырь были привезены на судах чугунные пушки как ломовые без лафетов, так и боееспособные на лафетах. Вместе с ними поступили на хранение *«во многом количестве»* ядра разных калибров, картечь, артиллерийские снаряды. Всё это было принято по ведомости тем же поручиком Кормщиковым, а затем перепроверено и уточнено присланным специально на Соловки капитаном Скворцовым (СЛ 1814 г., л. 41 — 41 об.). Поскольку северные рубежи России получили гарантию полной безопасности, в том же 1814 г. по требованию Артиллерийского департамента из Соловецкого монастыря была выведена вся артиллерийская команда со всеми годными

⁸ А. И. Фомин, побывавший на Соловках в 1789 г., приписывает все заслуги в укреплении крепости Арсеньеву (Фомин А. И., 1797, с. 100). Но из текста рукописи, составленной Васильевым, следует, что всю практику подготовки Соловецкого монастыря к обороне осуществлял именно он.

⁹ П. И. Челищев пишет, что 22 июня 1791 г. был 91 солдат на караулах и в *«бекете»*, причем солдаты находились при архимандрите на разных работах (Челищев П. И., 1886, с. 44).

орудиями, порохом и свинцом и переправлена в Новодвинскую крепость (г. Архангельск). В то же время, стремясь хоть как-то обеспечить безопасность Соловецкого монастыря, из Архангельска на Соловки было прислано восемь малых шестифунтовых пушек (*Осада 1854 г.*, л. 1 об.).

В первой половине XIX в. крепость неоднократно ремонтировалась. В 1827 г. в связи с обустройством арестантского двора в северо-западном и северном рясах были заложены печуры подошвенного боя (*Дело 1827 г.*). В 1832 г. обновлялась кирпичная кладка верхних ярусов башен (*Дело 1832 г.*). Во второй половине 1830-х гг. на обходной галерее стены на-

стился новый дощатый пол, заменялись деревянные башенные шатры (*Дело 1838 г.*, л. 3 об.).

В то же время многие бойницы подошвенного боя оставались заброшенными. Они приспособлялись под хозяйственные нужды; их стали использовать как дровяники. Еще в книге 1825 г. архимандрит Макарий отметил, что «в арках ограды стены по местам хранятся дрова» (*Макарий*, 1825, с. 45). Следы дровяников неоднократно прослежены археологически во многих бойницах. Раскопки также выявили остатки поленицы первой четверти XX в., сложенной вдоль стены к северу от Успенской башни.

1.8. Крепость в описании инженера-подпоручика Я. В. Васильева 1790 г.

В первой четверти XIX в. произошло важное событие: бывший инженер-подпоручик Васильев оформил два экземпляра рукописной книги о Соловецкой крепости, снабдив их прекрасными одиннадцатью планами, рисунками, чертежами (ил. 11–22) и материалами 1790 г. о пребывании на острове воинской команды. В наши дни как никогда стала очевидна историческая ценность данной работы. **Рукопись Васильева следует рассматривать как первое иллюстрированное историческое сочинение о Соловецкой крепости и Соловецком монастыре.**

Данный труд длительное время оставался неизвестен. Только во второй половине XX столетия он был востребован. Впервые часть рисунков и чертежей была издана в черно-белом варианте в начале 1960-х гг. в связи с выставкой в Академии художеств в Ленинграде (*Русская архитектура*, 1962; 1965). Имя и отчество военного инженера было неизвестно.

Исследователи неоднократно обращались к прекрасным графическим материалам инженера-подпоручика Васильева (*Косточкин В. В.*, 1972, с. 36–37, рис. 1–3; *Скотин В. В.*, *Щенникова Л. А.*, 1982, с. 76–77, ил. 66–67; *Скотин В. В.*, 1994, с. 54–55; *Савицкая О. Д.*, 2005, с. 10–13, ил. 3–7). Однако сама книга так и не была издана. Мы решили восполнить этот пробел (Приложение 2).

Рукопись представлена двумя списками. Один хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (г. Москва) (*Васильев*, 1790 г.), другой — в музее Академии художеств (г. Санкт-Петербург) (*Васильев*, 1825 г.). В соответствии с этим обозначим их как список РГБ и список АХ.

На переплете рукописи списка РГБ указано позднее название — «*О остро-ве Соловецком с чертежами 1790 г.*», а на л. 1 приведено настоящее название: «*Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря с присовокуплением внутреннего и внешнего местоположения острова, о осмотре крепостных стен онаго монастыря со мнениями о оборонительном его действии на случай неприятельских попущений, бывших в 1790-м году. Сочинено в том же году с отрядом войск, в нем бывших, Инженер Подпоручиком Васильевым*». Текст записан в рамочке аккуратным почерком. В списке РГБ 93 листа. После текста вклеено одиннадцать чертежей с римской нумерацией, на которых представлены карта Соловецких островов, планы монастыря и близлежащей местности, планы монастыря в уровне нижних и верхних бойниц, развертки стен и башен, общие виды крепости со стороны морской бухты и Святого озера. Все чертежи заключены в рамку. Укажем

внешний размер рамок, что важно для восприятия масштаба иллюстраций: чертеж I — 24,0×40,0 см; II — 24,7×39,9; III — 23,7×39,9; IV — 23,8×40,1; V — 24,7×39,6; VI — 23,8×40,0 см.

Пояснительная надпись на л. 1 списка РГБ проливает свет на происхождение и назначение обоих списков: «Таковая Книга посвящена Его императорскому величеству Николаю Павловичу! Из Сакулина марта 10-го дня в почтовую кантору с письмом к его величеству! Подана марта 11-го дня 1826-го года». Здесь важно, что московский экземпляр рукописи имеет ряд характерных карандашных пометок, указывающих на то, что перед нами черновик: «Сия страница из беловой книги исключена и не писана» (л. 21, 26, 30 об.); «...речи, за скобками и пунктирами показанные, выключены и в беловую книгу не писано» (л. 24). В таком случае беловой список рукописи из Академии художеств предназначался непосредственно для императора Николая I. Очевидно, это подарочный экземпляр в честь восшествия на престол нового императора. Именно он и был послан 10 марта 1826 г. из местечка Сакулина, где пребывал Васильев. А на следующий день, 11 марта, рукопись доставили адресату. Местечко с таким названием известно в пяти областях: Ивановской, Псковской, Смоленской, Тверской и Ярославской¹⁰. Но за сутки можно было добраться до столицы только из Псковской губернии. Современная деревня Сакулино Красногородского района Псковской области находится к северо-западу от Опочки. От этой деревни до Санкт-Петербурга 412 км. Кстати, от Пушкинских гор, располагавшихся неподалеку, до бывшей имперской столицы 399 км.

Список РГБ и представляет для нас наибольший интерес, поскольку содержит дополнительную информацию. У рукописи РГБ твердый переплет коричневого цвета. Обложка темно-коричневого и черного цветов с разводами. Размер листов рукописи 18,5×22 см. На обложке наклеен листок белой бумаги прямоугольной формы со срезанными уголками. На нем чернилами выведено заглавие: «О острове

Соловецкомъ съ чертежами 1790-го года». На оборотной стороне обложки штампик: «Библиотека П. Ф. Симсона. Отд. II, № 13». Происхождение данного экземпляра неизвестно. На наш запрос в Отдел рукописей РГБ его сотрудник М. В. Могилёва письменно сообщила: «Удалось выяснить только, что рукопись № 4302, ф. 178 поступила в отдел в 1919 г.»¹¹.

Расширяя круг поисков, мы неожиданно нашли в архиве ИИМК отсылку к данной рукописной книге в списке публикаций о Соловецком монастыре, составленном П. П. Покрышкиным (Покрышкин П. П. *рук. 1*). Оказалось, что сочинение Васильева действительно было известно П. Ф. Симсону. В 1902 г. он издал подробное описание хранившихся у него рукописей, включая и нашу под № 13 (Симсон П. Ф., 1902, с. 31–34). Таким образом, уже до 1902 г. рукопись Васильева находилась в его личной библиотеке, но какими путями и от кого она попала туда, осталось неизвестно. Павел Федорович Симсон — ныне почти забытый историк, автор нескольких трудов о древностях Тверской и Московской губерний и о нумизматике (Симсон П. Ф., 1880; 1903; 1909а; 1909б; 1911; 1913). Надо полагать, именно он снабдил рукопись Васильева этикеткой с заголовком «О острове Соловецкомъ съ чертежами 1790-го года».

Черновой список РГБ и чертежи не могут непосредственно датироваться 1790 г.: этой дате не соответствуют три филигранные чертежной бумаги с датой 1794 г., на которой и выполнены чертежи. Из этого следует, что дата чертежей — не ранее 1794 г. Прочие филигранные на чертежной и писчей бумаге бытовали в широкий, но вполне укладывающийся в промежуток 1790–1825 гг. отрезок времени. На ряде листов, включая лист V чертежа, филигранные отсутствуют. В нашем распоряжении 11 филигранных.

1. Филигрань «1794 JWнатмап» (л. IV, X — чертежи) с датой производства, стоящей поверх литерной части, вытянутой в строчку. Бумага английского фабриканта Джеймса Ватмана. С. А. Клепикову были известны подобные водяные знаки, только

¹⁰ См.: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B0%D0%BA%D1%83%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D0%BE>.

¹¹ Ответ от 12.05.1996 г. Пользуясь случаем, приносим М. В. Могилёвой благодарность.

год стоял под именем предпринимателя (Клепиков С.А., 1959, с. 27).

2. Филигрань «1794 JW» того же английского фабриканта, только в сокращении (л. III — чертеж). Нижняя половина литер отрезана.

3. Филигрань «JWнатмап» без даты (л. XI — чертеж).

4. Филигрань «N I» (л. II — чертеж). Такие водяные знаки известны на бумаге самого начала XVIII в., 1708 г. (Клепиков С.А., 1959, с. 90, № 1276).

5. Филигрань «VANDER Ley» без даты (л. VII, VIII — чертежи; л. 1, 2, 5, 13, 18 — текст рукописи).

6. Филигрань «VANDER Ley» под фрагментом герба, оканчивающегося тремя полукружиями, от которого отходит вертикальная полоса с цифрой «4» и перевернутой буквой «V» (л. 31, 34, 38, 40, 46, 50, 64, 66, 68, 70, 71–75, 85, 89, 91–93).

7. Филигрань — Фортуна с шарфом на сфере, ниже — три лигатуры «VDL» — сокращенное имя владельца — «VANDER Ley» (л. VI — чертеж). Полный аналог бумаги в документе 1799 г. (Клепиков С.А., 1959, с. 95, № 1395).

8. Филигрань под названием «Strasburg lilu» — лилия в щитке под короной, наиболее распространенная. В рукописи Васильева она встречена в двух вариантах — на л. I и IX чертежей, 1820-е гг. (Клепиков С.А., 1959, рис. 26: И, № 1291).

9. Филигрань — рожок с перевязью в гербовом щитке, увенчанном короной (Лихачев Н.П., 1899, с. 433). Зафиксирована на бумаге исключительно с текстом (л. 6, 9, 11, 17, 22, 25, 27, 28, 37, 43, 45, 55, 59, 61, 63, 76–78, 80–84, 86).

10. Филигрань из полукружий, внутри которых заключены лигатуры «DXWCB», встречена трижды на чистой бумаге, подклеенной к чертежам (л. III, V, XI). Аналог нам неизвестен.

11. Фрагмент филигрании в виде низа щитка встречен трижды на чистой бумаге, подклеенной к чертежам (л. II, VIII, X). Аналог нам неизвестен.

Планы и рисунки списков РГБ и АХ идентичны, крайне незначительное различие лишь в колере.

Отметим, что в это время создаются еще рисунки с видами Соловецкого монастыря. Хранящийся документ в РГИА уточняет время их создания — 1794 г.

Назван и автор планов — уездный архангельский землемер подпоручик Оконьников, а имя художника осталось неизвестно. В рапорте соловецкого архимандрита Иеронима от 4 июня 1794 г. в Синод говорится, что 30 мая в монастырь прибыл землемер подпоручик Оконьников с письмом от правителя Архангельского наместничества генерала Ливена. Последний в свою очередь ставит в известность о приказе Олонецкого и Архангельского генерал-губернатора Тутолмина: «...отправить в Соловецкий монастырь лутчаго землемера, придав ему такого человека, который бы хорошо рисовать умел, и приказал им Соловецкой монастырь со всех сторон и с разных пунктов снять в шанбер обскур, что самое учинить с Анзерским скитом и с окрестною ситуациею Соловецкого монастыря и Анзерского скита, снимая оную равномерно в разных лутчих местах и с разных пунктов, и все сии виды, по возвращении посланных в Архангельск, приказать наилуччим искусством красками нарисовать» (Дело 1789 г.).

Рукопись Васильева начинается с краткой истории Соловецкого монастыря с 1429 г., с момента прибытия на остров Савватия и Германа, и кончается 1765 г., когда Соловецкий монастырь стал ставропигиальным (л. 1 — 9 об.). Все сведения явно были заимствованы из местных летописцев. При этом Васильев привел несколько неверных дат (год смерти Савватия, год смерти св. Филиппа, время перенесения мощей Филиппа на Соловки и др.).

Далее следует перечень всех каменных строений внутри обители, начиная с церкви. Среди них — оружейная палата, находящаяся рядом с ризницей в так называемых Переходах (от Спасо-Преображенского собора к трапезной), «в коей хранятся древние военные орудия, пращи, пики, бердыши, луки с колчанами и прочее, также сабли и ружей до шести сот». Обзор помещений заканчивается предложением по размещению военных: «Архимандричья и монашеские кельи, монастырские разные погреба, казенная кладовая палата, мучная мельница, портомойня, сушильня, поварня, квасоварня и другие строения, ничем не занимаемые, в которых, если ветхость исправлена будет, поместить можно более двух тысяч человек» (л. 10

об. — 11). Затем приводится перечень церквей, часовен, жилых и хозяйственных построек за пределами монастырских стен, дается описание озер, лесов, растительного и животного мира, климатических условий, островов архипелага (л. 11 — 18 об.). Особый раздел — «*О крепости Соловецкого монастыря*». Здесь Васильев отмечает «*твердейшие каменные стены*» крепости, возведенные из самого крупного камня, описывает захлапленность пространства между крепостной стеной и келейной застройкой, ужасное состояние артиллерии, поврежденность бойниц, словом, отмечает неготовность крепости к обороне: «*Внутренняя коммуникация, для горизонтальной и верхней обороны, по кругу всего монастыря между крепостных и монастырских стен закладена и завалена разным мусором и всякою нечистотою, превышающею настоящей горизонт по сравнению не менее четырех с половиною фут, и сверх того находились выкладенные из кирпича стенки с деревянными пристройками для нужных мест. Аппарелей для взвозу на стены и по башням орудий, равно и для поставления оных, платформ нигде не было; башенные входы и многие бойницы, служащая к непрерывной обороны и защищению крепостного строения закладены были кирпичем. В башнях, где должно иметь артиллерийские орудия для очищения высот, пред крепостью находящихся, балки и с настилкою на них полов совершенно згнили и обвалились. Артиллерийские орудия состояли на весьма ветхих лафетах, так что ни единая выстрела выдержать были не в состоянии, а при том и без всякого приготовления принадлежащих к ним снарядов, равно и тех принадлежностей, коими должно зарезать оные: другие ж без лафетов находились разбросанными во внутренности монастыря по необыкновенным местам. Ядра и кортечи многих калибров по разным местам также были разбросаны; а прочие без всякой сортировки лежали в одной куче чрезмерно оборжавленными. Крепостные стены, особливо бойницы во многих местах поврежденные, требовали по крайней мере необходимости довольно исправления. Перед башнями Коруженною и Никольскою во рву каменные стенки развалились. Со внешних же сторон при самых стенах крепости лежал*

в разных больших кучах кирпичной щебень со всяким хламом и землею смешанной» (л. 19–21).

В последующих разделах — «*О коммуникационных дорогах и всей окружности острова Соловецкого*» и «*Об окружающем местоположении крепости*» — Васильев рассматривает подходы к острову и к монастырю, перечисляет самые высокие горы острова и предлагает установить на них посты для наблюдения за морем, а на ближайших подступах соорудить три укрепления (л. 21 об. — 26 об.).

Далее в рукописи дается ведомость артиллерийских орудий, их укомплектованности боезарядом и расстановки по башням и пряслам-«*куртинам*» (л. 27 — 30 об.). На л. 31 — 49 об. приведен «*имянный список*» команд гарнизона с расстановкой по конкретным постам — на внешних трех бастионах, у крепостных ворот, по куртинам, башням. В списке указаны 459 человек. Затем в деталях описывается тактика обороны в случае высадки неприятеля (л. 50–61).

Васильев обращает внимание на старинное вооружение — 24 пушки и содержимое Оружейной палаты, которое он подробно перечисляет. Этот список включал: 10 «*рубашек кольчужных железных*», до 700 больших и малых карабинов, пищалей, самопалов и мушкетов, 23 пистолета с ветхими ложами, 433 бердышей и топориков, 292 разных копий, 15 рогатин («*рогаток*»), 49 чеканов, алебарду, 10 кистеней на ремнях, 69 луков русских и черемисских, 32 рога (очевидно, пороховницы), 29 колчанов со стрелами, 10 деревянных томаров (стрел), булатный палаш в ножнах, булатную саблю в ножнах — вклад князя Михаила Скопина, ветхую саблю в ножнах, «*дворучный*» палаш в ножнах, одноручный эфес, 57 шведских шпаг с железными эфесами, кортик с медным эфесом, нож, 19 самострельных голеней, 42 тыс. оружейных и пистолетных пуль, 1800 шт. пушечной дробы железной, облитой свинцом, и 1 тыс. чугунной пушечной дробы, одну медную и две железных формы для отливки пуль, 5 знамен. Тем не менее часть вооружения была востребована в 1790 г., о чем не преминул сообщить Васильев. Из 700 пищалей, самопалов, мушкетов «*браны были для вооружения приезжих богомольцев, имеющих во время неприятельского погущения в монастыре задержанными остаться,*

до пяти сот, кои исправлены и вычищены и по окончании войны в Оруженную полату возвращены» (л. 66–68).

После следует описание летних и зимних маршрутов от Санкт-Петербурга до Петрозаводска и от Петрозаводска до Кеми, от Сороки речным путем с волоками до Петрозаводска с указанием отрезков пути в верстах (л. 74 — 78 об.).

На листах 80 — 84 об. дано «изъяснение» к планам построек монастыря и на прилегающей территории. Завершает рукопись документация — ведомость орудий и снарядов от 8 сентября 1790 г. и именной список новодвинской артиллерийской команды из 103 человек, находившейся под командованием Васильева в Кеми, куда он был отправлен с Соловецкого острова (л. 85 — 92 об.).

Знакомство с рукописью инженера-подпоручика Васильева позволило узнать в деталях, как в 1790 г. была подготовлена к обороне Соловецкая крепость, какие работы при этом были осуществлены, каким вооружением располагала соловецкая военная команда, какую выбрали тактику обороны. Создавая данный труд, Васильев явно осознавал историческую значимость для Соловецкого монастыря пребывания в нем военной команды, потому и вписал этот эпизод в контекст общей истории обители. Он оказался летописцем своей эпохи. Приводимые им в книге чертежи являлись первой и наиболее точной для своего времени документацией, зафиксировавшей состояние обители, ее построек на 1790 г. Разрезы стен и башен впервые дали представление о конструктивных особенностях соловецких крепостных сооружений, а планы — о планиграфической структуре крепости и монастыря в масштабе.

Кто такой инженер-подпоручик Васильев? Прежде всего отметим, что, судя по рукописи, посвященной Соловкам, это был специалист своего дела. Такой вывод подтверждают еще две неизданные рукописи, принадлежащие его перу. Они были в личной библиотеке упомянутого выше историка П. Ф. Симсона, но их нынешнее нахождение неизвестно. Первая рукопись на переплете имела надпись с пояснением на первом листе: «О избрании для строения крепостей выгодных местностей»; «Для полезного употребления по службе

инженерной, учинено инженеръ прапорщикомъ Васильевымъ». На втором листе — оригинальное название: «Примечания, служащая къ избранию выгодныхъ местъ для крепостей и о строении оныхъ сообразно общимъ и частнымъ положениямъ положениямъ границъ». Объем рукописи 71 лист в малую четвертку с девятью цветными чертежами. Вторая рукопись с заголовком на переплете «О утверждении фундаментовъ» и с продолжением на обложке — «для полезного употребления по службе инженерной собрано инженеръ-подпоручикомъ Васильевымъ». Объем 116 листов в четвертку. Но это лишь, как гласит надпись на л. 1, «Глава девятая, книга третья» (Симсон П. Ф., 1902, с. 34–35).

Инженерных офицеров такого уровня в России конца XVIII в. могли готовить только в одном столичном учебном заведении — Артиллерийском и инженерном шляхетском кадетском корпусе, размещавшемся на Васильевском острове в здании бывшего дворца Александра Меншикова. С 1731 по 1806 г. этот центр выпустил 940 артиллеристов и 120 военных инженеров (Крылов В. М., 1995, с. 15; 1998).

Здесь готовили образованных офицеров и гражданских чиновников. Помимо военного дела кадетов обучали русскому и иностранным языкам, географии, истории, математике, физике, архитектуре, чистописанию, фехтованию, рисованию, черчению, съемке планов местности. Екатерина II называла корпус «*рассадником великих людей России*». Среди его выпускников были многие выдающиеся личности, например фельдмаршалы П. А. Румянцев-Задунайский, А. А. Прозоровский, генерал П. П. Коновницын, участники партизанского движения генерал-лейтенанты Н. С. Дорохов, А. Н. Сеславин и даже литератор А. П. Сумароков и поэт М. М. Херасков. Выпускники корпуса работали также в межевой канцелярии для черчения карт и осуществления межевания (Висковатов А. В., 1832). Получив столь широкое образование, выпускники кадетского корпуса могли проявить себя в самых разнообразных областях. Вовсе не удивительно, что Васильев, приехав на Соловки с конкретной целью подготовить крепость к обороне, перешагнул очерченные своими должностными обязанностями рамки и создал книгу о Соловках.

Наши попытки в конце 1990-х гг. найти материалы об инженере-подпоручике Васильеве в архиве Музея артиллерии (г. Санкт-Петербург), где хранятся документы инженерного шляхетского корпуса, результатов не дали. Но в 2015 г., вновь обратившись к данной теме, мы неожиданно быстро выявили сведения об инженере-подпоручике Васильеве в Российском государственном военно-историческом архиве (г. Москва). Этому способствовал составленный сотрудниками архива электронный именной указатель. В нем значатся несколько человек с интересующей нас фамилией без указания имени и отчества. И только единственная отсылка была к документу, упоминающему Васильева Якова Васильевича (всё же отчество Васильевич!). «Формулярный список о службе и о протчем состоящим при кронштатской инженерной команде штаб обер офицерам и кондукторам» за первую половину 1803 г. от 11 июня сообщал о пребывании Я. В. Васильева на Соловках: «[1]790-го февраля 13-го по все высочайшему ея императорскаго величества имянному повелению командированъ секретно в Петрозаводскъ, а потомъ съ отрядомъ войскъ до береговъ Белого моря и на островъ Соловецкий для приведения в оборонительное состояние крепости Соловецкой, с коего по окончании шведской войны обратно ноября 20-го в Петербургъ» (ил. 23). Более того, именно за эту военную кампанию он получил награду: «Кавалеръ ордена святого равноапостольнаго князя Владимира 4-ой степени. Всемилостивейше пожалованъ онымъ орденомъ [1]790-го сентября 8-го дня за усердную службу, радение в должности и труды, понесенные в исправлении особо порученныхъ дель по случаю бывшей войны шведской» (Формулярный список 1803 г., л. 587 об. — 588).

Данный документ позволяет узнать многое из жизни Я. В. Васильева. В нем не только перечислены все этапы его военной карьеры, но и указывается происхождение, семейное положение, дается его характеристика как военного специалиста. 11 июня 1803 г., когда создавался формуляр, Якову Васильевичу было 46 с половиной лет, что позволяет определить дату его рождения — декабрь 1756 г. Он происходил из низов — солдатских детей, т.е. был потомственным военным. То, что Васильев к 1803 г. дослужился до звания подполковника, безусловно, ха-

рактеризует его как человека неординарных способностей. И действительно, в графе послужного списка «какия науки знают ли» записано: «*арифметикъ, геометрии, артиллерии, фортификации, архитектуры, рисовать и практике знаетъ*».

Васильеву повезло, поскольку еще в 1762 г. императрица Екатерина II переименовала Дворянскую артиллерийскую и инженерную школу в Артиллерийский и инженерный шляхетский кадетский корпус с присоединением Солдатской школы, названной Школой художеств. Указанная школа предназначалась для обучения именно солдатских детей. Она готовила унтер-офицеров для артиллерийских и инженерных корпусов.

3 сентября 1770 г. Яков Васильев получает чин «*мушкатера*» — мушкетера. Тогда ему было 13 лет — возраст, с которого зачисляли в Школу художеств. В начале учебного года он был определен в пехоту, вооруженную кремневыми ружьями, именовавшимися мушкетами. Учеба длилась четыре года. Явно после ее завершения, 31 декабря 1774 г. Яков получил чин кондуктора 3-го класса — воинское звание, присваивавшееся чертежникам и художникам в главных, окружных и полевых инженерных управлениях, соответствующее унтер-офицеру. Вся последующая служба прошла в инженерном корпусе. 1 ноября 1777 г. Яков Васильев был повышен в чине до кондуктора 2-го класса, а 14 июня 1783 г. — кондуктора 1-го класса. Но уже через два месяца, 20 августа 1783 г., ему присвоили чин прапорщика. 12 мая 1786 г. Васильев — подпоручик. 7 мая 1792 г. им получен чин поручика. С середины 1796 по начало 1797 г. — неожиданно стремительный взлет карьеры: 6 июля 1796 г. Яков Васильевич — квартирмейстер (заведовал хозяйственной частью и работами, включая ремонт вооружения), а 21 декабря того же года он становится инженером-капитаном. Проходит чуть больше месяца, и 27 января 1797 г. ему присваивается звание майора. Через три года, с 3 февраля 1800 г. Я. В. Васильев — инженер-подполковник. В формуляре, составленном за вторую половину того же 1803 г., он значится в прежнем чине, а в графе «*К повышению чина достойны ли и зачем не аттестуются*» Васильев записал: «*О поведении и достоинстве моемъ предаюъ вышнему*

начальству в рассмотрение» (*Формулярный список 1803 г.*, л. 604 об. — 606). Из приказа от 7 августа 1805 г. известно, что бывшему майору, затем подполковнику Якову Васильеву из инженерной команды Петропавловской крепости дан чин полковника¹².

Годы службы Я.В. Васильева прошли в разных гарнизонах. В 1777 г. из Санкт-Петербурга его направили в Ригу, откуда в 1778 г. — снова в столицу. Затем были: Гатчина (1780 г.), Ревельская губерния (1782 г.), Тверь и Новгород (1786 г.), Киев и Новгород (1787 г.), Петербург (1789 г.), Петрозаводск, Соловки, Петербург (1790 г.), Кронштадт (1797 г.). В *«домовых отпусках»* он бывал редко и недолго: 10–13 июля в 1801 г. и 8–19 января в 1803 г. Служил Васильев явно образцово. В графе формуляра *«В штрафахъ, как и по суду, так и безъ суда за что, не были ли»* ответил: *«Не бывалъ»*.

О достаточно высоком социальном статусе, достигнутом простым солдат-

ским сыном, свидетельствует его женитьба на дочери комиссара морского флота Василия Гоголева, Анне. (Корабельный комиссар полностью отвечал за приемку, хранение и правильное распределение продовольствия, обмундирования и денежного жалованья для команды на корабле.) У них было семеро детей, два мальчика и пять девочек. Женился Васильев достаточно поздно, примерно в возрасте 33 лет (1789 г.). На это указывает возраст старшего ребенка, Анастасии, которой в июне 1803 г. исполнилось всего 13 с половиной лет. Прочим детям было: 1 годик (Авдотья), 5 лет (Владимир), 6,5 лет (Татьяна), 8,5 лет (Ольга), 10,5 лет (Гаврила), 12,5 лет (Александра).

Дата смерти Я.В. Васильева неизвестна. Но он явно прожил долгую для своего времени жизнь. В 1826 г., когда готовилась к отправке императору Николаю I рукописная книга о Соловецком монастыре с чертежами 1790 г., ему было 70 лет.

1.9. Оборона Соловецкого монастыря в 1854 г. Письма в Синод архимандрита Александра

Летом 1854 г. Соловецкий монастырь неожиданно оказался в центре военных действий северного театра Восточной (Крымской) войны (1853–1856 гг.). Осуществляя блокаду Русского Севера, Англия направила в Белое море свои корабли. Дальнейшие события еще раз продемонстрировали прочность стен Соловецкой валунной крепости, принявшей на себя мощный удар артиллерии английского флота.

Военные действия на Соловецком архипелаге этого времени достаточно подробно описаны в дореволюционной литературе — в неоднократно переиздававшихся брошюрах, статьях, заметках, в главах монографических сочинений. Многие в них основано на свидетельствах очевидцев (*Горяинов А.*, 1854; *Муравьев А.А.*, 1855; *Соловецкий монастырь*, 1855; *Шарапов П.Н.*, 1855; *Сырцов И.*, 1904; *Богданович М.И.*, 1877, с. 228–234; *Сергеев А.Н.*, 1909, с. 567–575; *Зайончковский А.М.*, 1913,

с. 1244–1248 и др.). Не забывали и не забывают о них и в наше время (*Дивин В.А., Казаков Н.И.*, 1957, с. 141–150; *Мисловский И.С.*, 1958, с. 110–119; *Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 121–157; *Лаушкин А.В.*, 2004, с. 75–77; *Буров В.А.*, 2004, с. 79–94; *Давыдов Р.А., Попов Г.П.*, 2005; *Гостев И.М., Давыдов Р.А.*, 2014, с. 169–187). Остановимся на них кратко.

На Севере России, в отличие от ее южных рубежей, не было тяжелых сражений. Англия и Франция не планировали открывать здесь еще один фронт, хотя при случае они были не прочь завладеть Архангельском — крупнейшим портом Поморья. Все операции развернулись в основном на море. Вошедшая в июле в Белое море англо-французская эскадра из десяти военных кораблей без какого-либо противодействия перекрыла основные морские пути и стала на них господствовать. Два года вражеские корабли целенаправленно и почти безнаказанно разрушали замор-

¹² РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7028. Л. 38 об.

скую торговлю страны, грабили, топили, сжигали русские суда, груженные рыбой и хлебом, блокировали порты, гавани, пристани, обстреливали и предавали огню поморские промысловые становища, села. Свою задачу по нанесению максимально-го ущерба экономике северного края иностранные союзники выполнили: были прерваны торговые связи Севера России с Европой, разорению подверглись десятки селений. Почти полностью были сожжены села Кандалакша и Пушлахта, Кий-остров, город Кола — столица «Российской Лапландии» — центр рыбного промысла на Мурмане, разграблен Крестный монастырь. Общая сумма ущерба, нанесенного экономике Поморья, исчислялась миллионами рублей (*Фруменков Г. Г.*, 1975, с. 146–157). Беспорядочные атаки на русские и лопарские деревни и уничтожение скудного имущества бедных рыбаков в зарубежных публикациях того времени были оценены как «позорные» (*Энгельс Ф.*, 1958, с. 522).

Мирный, слабо вооруженный Русский Север оказался не в состоянии активно противостоять хорошо оснащенным англо-французским кораблям. Мощного отечественного военного флота здесь просто не было. При Новодвинской крепости сумели наспеш снарядить 20 канонерских лодок с экипажем до 40 человек и с двумя пушками на борту. Единственный 16-пушечный бриг «Новая земля» выполнял сугубо таможенные функции. В водах Белого моря плавали лишь мирные парусные суда рыбаков, промышленников, торговцев. Не было на Севере и сильной армии. Сухопутный и морской гарнизон Архангельска состоял из 93 офицеров и 3800 нижних чинов, на его вооружении находилось около 60 старых пушек (*Зайончковский А. М.*, 1913, с. 1246). От окончательного разорения край спасли срочно предпринятые действия по усилению Новодвинской крепости, закрывшей с помощью десятка батарей подходы к Архангельску, и присылка дополнительного вооружения. Как уже неоднократно случалось в истории России, в годину тяжких испытаний выручили героизм и самоотверженность народа. Поморы, вооруженные охотничьими ружьями, об-

стреливали высаживавшиеся с кораблей десанты моряков-мародеров, не давали им провизии, прятали в лесах скот, не шли на переговоры с врагом, прибегали к тактике партизанской войны.

Военные действия в Беломорье не обошли стороной и Соловецкий монастырь, расположенный на перекрестке морских путей. Именно Соловецкой обители и довелось принять на себя первый удар английского флота. Прологом событий явилось объявление в феврале 1854 г. в Архангельской губернии военного положения. А 26 марта Синод распорядился вывезти на материк монастырские ценности — старинные книги и дорогие предметы. 25 апреля их погрузили на гребное судно «Александр Невский», и в сопровождении монашеской братии корабль отплыл в Архангельск. Редчайшее книжное собрание было отправлено на Волгу, в Казанскую духовную академию¹³. Драгоценности из ризницы поместили в Антониев-Сийский монастырь, располагавшийся на р. Сие, притоке Северной Двины. Там они благополучно пережили военную кампанию и в августе 1856 г. вернулись на Соловки. Предпринятые меры были более чем своевременны: 6 июля 1854 г. два английских военных парохода «Бриск» и «Миранда», вооруженные 60 пушками, вошли в бухту Благополучия Большого Соловецкого острова.

В это время стараниями архимандрита Александра (Павловича), бывшего полкового священника, была завершена подготовка обители к обороне, насколько это было возможно в сложившейся ситуации. По монастырю собрали старые пушки. Некоторые пришлось выкапывать из земли. На некоторых читались даты изготовления: 1540, 1550, 1702 гг. Однако из 20 выявленных орудий годными к стрельбе оказались только две медные трехфунтовые пушки, стоявшие у Святых ворот. Древние орудия лопались при пробной стрельбе или крошились при удалении с них ржавчины (*Сырцов И.*, 1904, с. 8).

Из погребов было извлечено около 500 ядер и 20 пудов пороха. В Архангельске запросили новые пушки. Их прислали из Новодвинской крепости только восемь, и то маленьких, шестифунтового калибра.

¹³ Эти книжные сокровища так и не вернулись назад, оказавшись в 1928 г. в Ленинграде в библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ныне РНБ.

С пушками прибыли инженерный офицер Бугаевский и фейерверкер Друшлевский. Новые орудия были расставлены в Стратилатовской (Прядильной) и Корожной башнях и на западной крепостной стене. Началось обучение добровольцев, а также членов инвалидной команды, охранявшей арестантов, стрельбе из ружей и пушек, приемам штыкового боя. При входе в бухту Благополучия соорудили скрытую от взора с кораблей противника земляную батарею, в которой установили две трехфунтовые пушки. Для предотвращения высадки матросов с кораблей набрали группу охотников с ружьями; они должны были прятаться в лесу.

Архимандрит Александр приказал смолить крыши, которые, будучи не просохшими, не смогли бы загореться от зажигательных бомб. На случай пожара по стенам расположили достаточное количество емкостей с водой, мокрые войлоки для тушения возгораний. В дело пошло также старинное оружие из Оружейной палаты: копья, бердыши, секиры, покрытые *«вековой ржавчиной»*. Монахи его достали на случай рукопашного боя и вооружили всех, кто мог держать оружие, — братию, трудников, богомольцев. Высок был дух защитников, которые были готовы умереть, но отстоять святую обитель. Древнее оружие рассматривалось как залог прежней силы обители Соловецкой, ему придавался даже некий сакральный смысл. Аналогию находили в Библии: *«...так некогда для защиты Соломонова храма, во дни нечестивой Гофолии благоговейный первосвященник Иоадаи вынес из хранилища древнее оружие царя Давида, употребленное им против Филистимлян, и раздал оное Левитам»* (Осада 1854 г., л. 1 об. — 3).

Но сможет ли выстоять Соловецкий монастырь, никто не знал. Архимандрит уповал в первую очередь на духовную защиту. Поэтому в церквях не прекращались молебны, был учрежден строгий пост. В своих обращениях к молящимся настоятель воодушевлял их словами о том, что Господь не оставит обитель.

В наэлектризованной атмосфере всеобщего ожидания произошел казус. 6 июля с английского корабля с помощью сигнальных флажков стали вести переговоры

с монастырем. Эту азбуку в обители никто не знал, и монахи на нее никак не отреагировали. Тогда, чтобы привлечь внимание, с борта одного из кораблей дали два холостых выстрела. Сидевшие скрытно в береговой батарее напротив одного из вражеских судов приняли эти выстрелы за начало обстрела монастыря и выпустили в ответ трехфунтовое ядро, пробившее борт парохода «Миранда». Подбитое судно развернулось и ушло на починку. Другой корабль сделал несколько залпов ядрами по Святым воротам и монастырским стенам¹⁴. Оба судна удалились из бухты к юго-западу и встали за одним из мысов.

На следующий день, 7 июля, рано утром, возглавлявший английскую флотилию капитан Омманей в письменной депеше потребовал разоружения и сдачи крепости. Получив около восьми часов утра отказ, он в гневе отдал распоряжение начать обстрел монастыря, чтобы стереть его с лица земли. Обстрел длился девять долгих часов и осуществлялся из 60 корабельных орудий. По монастырю были выпущены сотни снарядов. Однако, ко всеобщему изумлению, разрушения оказались самыми незначительными. В нескольких местах была повреждена крепостная стена, ядра пробили стену паперти Преображенского собора, купол Никольской церкви. Пострадали деревянная Архангельская гостиница и Онуфриевская церковь на кладбище — обе постройки к югу от монастыря. Многие снаряды перелетали через монастырскую ограду и падали в Святое озеро, бомбы не взрывались. Осажденные отвечали из десяти пушек, но ядра размером с кулак чаще всего даже не достигали английских кораблей. Противник не решился на высадку десанта, поскольку в засадах на берегу за деревьями скрывались *«охотники»* с ружьями, открывавшие временами огонь по кораблям. Когда дым рассеялся, то, опять же ко всеобщему изумлению, потерь со стороны братии и богомольцев не оказалось. Не пострадали даже чайки с птенцами, которые с давних времен оккупировали газоны внутреннего двора монастыря. Обитель устояла. Утром 8 июля англичане бесславно покинули Большой Соловецкий остров. Архимандрит Александр и братия ликовали.

¹⁴ По другой версии, выстрелом из пушки был сбит руль у английского парохода. Она была выставлена в Святых воротах (Максимов С. В., 1884, с. 20).

В 1855 г. английские корабли вновь подошли к Соловкам. Но на этот раз монастырь не тронули, ограничились только переговорами с настоятелем о провианте — бычках. Однако получили отказ. Попутно моряки разграбили деревянную церковь Андрея Первозванного на Большом Заяцком острове, перестреляли пасшихся баранов.

В истории Восточной (Крымской) войны указанные события были всего лишь малозначительным эпизодом. Но не в истории Соловецкого монастыря. В спасении обители от вражеских снарядов монахи увидели волю Провидения и заступничество небесных сил. Такой вывод еще укрепился год спустя — после находки на западной паперти Спасо-Преображенского собора за пробитой ядром иконой Знамения Пресвятой Богородицы еще и неразорвавшейся гранаты. *«Сию рану благоволила принять за обитель Царица Небесная, как Сын Ея за весь мир»*, — такая стала формула победы, одержанной Соловецким монастырем над врагом в июле 1854 г. Позже на Соловки хлынули тысячи богомольцев помолиться чудотворной иконе, святым мощам чудотворцев.

Императорским указом от 22 июля 1854 г. архимандрит Александр был награжден наперсным крестом с бриллиантами, монахи Матфей, Варнава, Николай — золотыми наперсными крестами на георгиевской ленте (Богданович М.И., 1877, с. 231). Газета «Архангельские губернские вести» в №39 сообщала об указе Николая I от 22 сентября. В нем по докладу архангельского военного губернатора были награждены военные чины: *«...в воздание за отличие, оказанное ими при отражении 6-го и 7-го июля сего года неприятельского нападения на Соловецкий монастырь: заведывающему инвалидной командой в Соловецком монастыре состоящего, 1-го архангелогородского гарнизонного батальона прапорщику Никоновичу орден Св. Анны 3-й степени с бантом. 1-й бригады Новодвинского артиллерийского гарнизона полуроты №7-го фейервейкеру 4-го класса Вицентию Друшлевскому знак отличия Военного ордена и следующий класс. Прикомандированным к соловецкой инвалидной команде кемской таковой же:*

*унтер-офицером Павлу Николаеву знак отличия Военного ордена и Харламу Пономареву одновременно двадцать пять рублей серебром из Государственного казначейства. Рядовому Николаю Яшникову, показывающиеся у него по формулярному списку штрафы не считать препятствием к преимуществам по службе»*¹⁵.

В 1855 г. архимандрит Александр присутствовал на погребении императора; он благословил его детей, включая будущего императора Александра II.

Награждение соловецких монахов было продолжено после окончания войны. В 1858 г. Александр II посетил Соловецкий монастырь. Он подарил обители колокол (ил. 24), деньги на строительство Троицкого собора с приделом в честь своего патрона Александра Невского и отметил заслуги братии, наградив ряд монахов крестами и медалями (Сырцов И., 1904, с. 34–35). Три медали были обнаружены при раскопках братских келий. На лицевой стороне медали диаметром 28 мм вверху в лучезарном сиянии изображено Всевидящее Око, ниже — две царские короны с вензелями императоров Николая I и Александра II. Внизу — даты Восточной, или Крымской войны: 1853–1854–1855–1856. На оборотной стороне пятистрочная надпись: *«На тя / Господи / уповахом, да / не постыдимся / во веки»* (ил. 25).

В советский период оборона Беломорья и Соловецкого монастыря в годы Крымской войны на большом архивном материале, с привлечением многочисленных источников была заново рассмотрена Г.Г. Фруменковым в книге, увидевшей свет в 1963 г. (переиздана в 1975 г.). Среди документов, которые активно использовал автор, были и письма-донесения соловецкого архимандрита Александра в Синод. Историк приводил небольшие отрывки из этих донесений или давал их краткий пересказ (Фруменков Г.Г., 1975, с. 113–157). При этом он выбирал наиболее важные факты, оставляя за рамками книги многочисленные подробности и детали. В духе социалистической эпохи он бичевал представление монашеской братии и ее пастыря о заступничестве небесных сил за Соловецкий монастырь, усматривая

¹⁵ Приношу глубокую благодарность сотрудникам Архангельской областной научной библиотеки им. Н.А. Добролюбова, предоставившим электронную копию данного документа.

во всем этом тайную корысть (Фруменков Г.Г., 1975, с. 129–130).

Сейчас тирады о «кампании по одурачиванию легковых простаков» ничего, кроме сочувствия их автору, не вызывают. Через призму христианского менталитета можно понять самих людей и их поступки, и история оживает. Она начинает говорить ясным и понятным языком, лишенным социологических схем. Вряд ли вообще уместен прямой, однозначный ответ на вопрос, кто спас Соловецкую обитель от неминуемого разрушения: небесные силы или мощнейшие стены крепости, молитвы и героизм братии или настороженность, нерешительность англичан? Ответ всё равно для людей разного мировосприятия будет свой. А между тем здесь всё переплелось, здесь всё слилось воедино: великая вера защитников монастыря в Спасителя, Богоматерь, соловецких чудотворцев Зосиму и Савватия воодушевляла их на отчаянную бескомпромиссную схватку с более сильным противником. Эта смелость, даже некая иступленная дерзновенная отвага привела в трепет и жутко напугала англичан, увидевших за каждым деревом вместо десятков охотников сотни вооруженных людей (потому десант и не был высажен), принявших грохот нескольких старых монастырских пушек на фоне многочисленных сливавшихся залпов за грохот десятков монастырских орудий. После полного провала своего плана разорить, сжечь и сравнять с землей Соловецкую обитель враг вынужден был признать силу «Русского Бога».

Эти надежды на заступничество небесных сил, веру в то, что монастырь будет защищен только ими, атмосферу тревоги и страха доносят до нас сохранившиеся подлинные письма в Синод соловецкого архимандрита Александра. Они хранятся в Российском государственном историческом архиве (г. Санкт-Петербург). Писем семь. Два письма от 10 июля 1854 г., остальные от 21 июля 1854 г. и 18, 25 июня, 21 августа, 12 сентября 1855 г. Из всех писем повезло только одному, от 10 июля 1854 г. (Приложение 3: документ 1). Оно стало широко известно.

Уже в августе в заметке, опубликованной в журнале «Москвитянин», М.П. Погодин кратко пересказал его содержание и с восторгом о нем отозвался: «Его нельзя довольно начитать» <...> здесь всё любо-

пытно, всё важно, всё дорого, везде бьется сердце, везде дышит любовь, надежда, вера, везде блистает во всей красоте своей этот здравый смысл, этот ясный толк, которым отличается русский человек» (Погодин М.П., 1854, с. 213–218). На следующий год то же донесение было полностью издано в отредактированном виде В. Тиммом в журнале «Русский художественный листок» (1855, № 10) вместе с литографией А. Мюнстера, на которой был изображен обстрел Соловецкого монастыря. На это же письмо ссылался М.И. Богданович (Богданович М.И., 1877, с. 229). Остальные донесения были опубликованы еще год спустя (Сборник известий, 1856). Позже был сделан их пересказ (Мелетий, 1881). Через столетие послания Александра в Синод удостоились краткого пересказа в трудах советского историка Г.Г. Фруменкова (Фруменков Г.Г., 1975, с. 126–129). В 2004 г. мы издали эти письма по подлинникам (Буров В.А., 2004, с. 79–91). Год спустя последовала републикация отрывков первого письма по изданиям 1854 и 1856 гг. (Давыдов Р.А., Попов Г.П., 2005, с. 65–70, 72–73, 75–78). В 2014 г. она была повторена (Гостев И.М., Давыдов Р.А., 2014, с. 173–178).

Все, кто обращался к этим письмам, хорошо понимали их значение для истории, поскольку написаны они не просто очевидцем событий, а их непосредственным и к тому же деятельным участником. Архимандрит Александр владел всей суммой информации, которую он подробно изложил по горячим следам в виде донесений в Синод. В них последовательно описан весь ход соловецкой осады англичанами, поездки архимандрита на Заяцкий остров после оставления его англичанами, раскрываются обстоятельства переговоров архимандрита о бычках в 1855 г. При чтении писем достаточно отчетливо возникает картина произошедшего. Всё это и делает данные документы одним из важнейших первоисточников о событиях на Белом море летом 1854 и 1855 гг. (Приложение 3).

Как эпистолярные произведения донесения написаны неровно: местами так живо, увлеченно, что напоминают даже репортажи с места событий. А порой — тяжелым казенным канцелярским слогом с громоздкими оборотами.

Главная мысль, отчетливо и в полную силу звучащая в письмах, — заступниче-

ство небесных сил за Соловецкую обитель. «Пробоина» в иконе Знамения, стоявшей на западном фасаде паперти Спасо-Преображенского собора, сопоставляется с ранами Христа; Богоматерь спасла монастырь, приняв на себя эту рану, как Христос принял страдание за всё человечество. Действия англичан на Заяцком острове архимандрит характеризует как грабительные. Отсюда отчетливо становится видна подлинная угроза Соловецкому монастырю,

та участь, какая могла бы его постигнуть в случае захвата англичанами: он был бы полностью разорен и разграблен. Из штрихов и деталей складывается общая картина. Отчетливо проявилась отсталость России от промышленно развитых стран Европы. Англичане дарят настоятелю Александру патрон от пистолета, который он, бывший полковой священник, воспринимает как диковинку (ружья русские всё еще заряжались с дула отливными пулями).

1.10. САКРАЛЬНАЯ МУЗЕЕФИКАЦИЯ МОНАСТЫРЯ ПОСЛЕ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ 1854–1855 гг.

В этой истории важным для культурологии является оценка последствий этих событий — того, как в Соловецком монастыре отнеслись к увековечиванию обстрела 1854 г. В спасении обители от вражеских снарядов монахи увидели волю Провидения и заступничество небесных сил.

Архимандрит Александр наметил целую программу увековечивания сохранения обители в 1854 г. «*молитвами Богоматери, преподобных Зосимы и Савватия*». Уже в своем первом обращении в Синод 10 июля 1854 г. он четко перечислил по пунктам основные **мероприятия мемориализации событий 1854 г.**: «*Осмельюсь смиреннейше просить Святейший Синод: а) чтобы дозволено было пробоину на иконе Божией Матери, Знамения Пресвятыя Богородицы, оставить навсегда, заделав легким чем-нибудь, а под иконою сделать надпись означающую событие; б) и в других местах пробоины означить черными красками; в) ежегодно совершать 7-го числа июля строгий пост, а 8-го числа крестный ход вокруг монастыря по стене и служить молебен пред пораженною Божиею Материю, пред дверьми большого собора; г) ежедневно на литургии, по малом входе после тропарей петь Кондак Божией Матери: “Не имамы иныя помощи”; а по окончании литургии — “Под твою милость”, кроме великих господских праздников и д) из ядер и бомб, набросанных в монастыре и вне онаго, кои собраны в большом количестве и еще собираются, сделать в Св. воротах пирамиду с надписью, приличною, и поставить тут же*

те два маленькия монастырския орудия, которыя в оба дни выдержали позицию, мужественно отражались с удивительною храбростию и неприятеля приводили в сильную ярость, что он стрелял в людей из орудий, из ружей, не мог нанести никому вреда. При этих орудиях, как и при пирамиде из ядер, если благословит Святейший Синод, сделаю приличную надпись» (Письма-донесения 1854–1855 гг., л. 7 — 7 об.)

Эта программа была выполнена и перевыполнена. Ее многократно стимулировала спустя год находка на западной паперти Спасо-Преображенского собора за пробитой ядром иконой Знамения Пресвятой Богородицы еще и неразорвавшейся двухфунтовой гранаты. Об этом был даже составлен специальный акт за подписью 82 свидетелей (Акт 1856 г.). «Ранение» иконы дало основание соловецкой братии сформулировать причину победы: «*Сию рану благоволила принять за обитель Царица Небесная, как Сын Ея за весь мир*».

Данная оценка событий 1854 г. нашла широкую поддержку в народе. Она подпитывалась самими монахами. Как верно заметил П. Ф. Федоров, проживший в монастыре несколько лет среди братии в начале 1880-х гг., «*монастырь представлялся тогда народу окруженным ореолом мученичества, несправедливо пострадавшим от нехристей англичан, чудесно избавленным милостию Божией <...> Сами монахи, конечно, не жалели красок для того, чтобы как можно выше опозитизировать и представить чудесной свою борьбу с англичанами. Всё это, без всякого сомнения, возвысило*

монастырь в глазах народа, упрочило веру в его святость и вообще сделало его более популярным» (Федоров П. Ф., 1889, с. 83).

Если бы речь шла только об одной иконе, чудом уцелевшей и в силу этого достойной всеобщего внимания! Монахи демонстрировали паломникам не только эту икону, уже оправленную в драгоценную серебряную ризу, но и установленную рядом с ней каменную плиту с надписью, рассказывающей о чуде. Одновременно в ризницу монастыря рядом с признанными святынями поместили пять предметов как напоминание о тех событиях. Их представляет Главная церковно-ризничная опись 1866 г.: «№ 1098. Ядро чугунное весом 96-ти фунтов, сим ядром пробито икону Знамения Богородицы 7 июля 1854 года. № 1099. Граната чугунная 96-ти фунтов, ею пробито свод церкви Преподобного Онуфрия 7-го июля 1854 года. № 1100. Граната таковая же 26 фунтов, найдена с порохом за иконою Знамения Пресвятыя Богородицы, после нападения англичан. № 1101. Пуля пистолетная, начиненная, прислана англичанами в 1855 году Соловецкому архимандриту Александру. № 1102. Трубок медных от бомб семь, во всех весу пять фунтов с восьмью, найдены 1855 года после нападения англичан» (Опись СМ 1866 г., л. 259 об. — 260).

По всей территории монастыря монахи собрали ядра и неразорвавшиеся гранаты, из которых соорудили пирамиду. Сначала ее поставили при Святых воротах, а затем поместили в специально выстроенную часовню, получившую название Царской. Последняя в свою очередь была построена для колокола, отлитого по указу императора Александра II, посетившего обитель в 1858 г. На самом царском колоколе была изображена сцена обстрела Соловецкого монастыря.

Была развернута по-настоящему **монастырская монументальная пропаганда**. На южном и западном фасадах Спасо-Преображенского собора появились 15 черных кругов, обведенных вокруг «язв» — незаделанных выбоин от снарядов «на воспоминание». Такие же круги появились на досках стены Архангельской гостиницы к юго-западу от монастыря. У правого клироса кладбищенской Онуфриевской церкви в стене хранилась чугунная бомба, пробившая стену храма и «прилетевшая в церковь сквозь каменную стену» (История, 1899, с. 183; *Руководитель*, 1880, с. 48).

На Соловки началось всероссийское паломничество, раскрутившее новый виток увековечивания памяти событий 1854 г. Одна за другой в разных местах монастыря и вне его стали устанавливаться памятные гранитные доски и монументы с подробным описанием событий. Венцом мероприятий стало возведение нескольких новых храмов и часовен. В 1857 г. над церковью святителя Филиппа Митрополита в южной части келейной застройки была надстроена церковь во имя иконы Знамения Божьей Матери. В 1859 г. возведен Троицкий собор, накрывший подклетом часовни прп. Германа и прп. Иринарха и включивший Зосимо-Савватиевский придел Спасо-Преображенского собора. Через дорогу напротив Царской часовни была построена деревянная часовня специально для хранения списка иконы Знамения Божией Матери, «раненной в войну 1854 года» (*Руководитель*, 1880, с. 30).

Появились объекты, которые уже не имели исключительно сакрального назначения, а удовлетворяли познавательный интерес паломников, десятками тысяч поваливших на Соловки. Так, для бойниц крепости изготовили деревянные настилы под пушки, а сами орудия установили на новые лафеты. Была приведена в порядок Оружейная палата в Успенской башне, ставшая музеем старого оружия. Черты музея приобрела монастырская ризница, или сокровищница; в ней наряду с чисто культовыми предметами в стеклянных витринах были выставлены раритеты мирского порядка — сабля князя Пожарского и палаш Скопина-Шуйского. Паломнические маршруты по святым местам в той или иной степени сопровождались экскурсами в историю монастыря. В месте проживания первых иноков Савватия и Германа на берегу озера неподалеку от горы Секирной вместо деревянной часовни в 1856 г. возвели каменный храм во имя иконы Богоматери Смоленской, с которой преподобный прибыл на Соловки (освящен в 1860 г.). Часовню поставили и у подножия Секирной горы, там, где, по преданию жития, ангелы высекали двух жен рыбаков, говоря, что данный остров предназначен только монахам. В Макарьевой пустыни в честь событий 1854 г. была перестроена Александровская часовня.

Архимандрит Александр привел в порядок кладбище. Он заменил несколько старых

намогильных плит новыми с пространными эпитафиями, не забыв при этом увековечить и свое имя. На гранитном надгробии епископа Тамбовского Игнатия († 1718 г.) была сделана приписка: *«Положилъ плиту 1854 года Арх: Ал.»*. Была заменена плита на погребении Калнышевского, последнего атамана Сечи. Внизу ее стоит дата и знакомые инициалы: *«1856 А.А.»*. Новые надгробия появились на могиле архимандрита Паисия († 1825 г.) с дополнением к эпитафии *«Полож. плиту Архим. Алекс[ан]дръ»* и на могиле архимандрита Макария († 1825 г.) с датой ее установки: *«22 ноября. 1854 года. Архим. Александръ»*. Выполнено надгробие на тройном захоронении иеросхимонаха Алимпия († 1848 г.) и двух его сыновей — художников († 1833 и † 1845 гг.). Ниже эпитафии выбиты слова: *«Положилъ плиту Архим. Александръ, 6 дек. 1854 года»* (Буров В.А., 2013, ил. 49, 54–57, 61).

Перечисленные мероприятия позволяют говорить о состоявшейся во второй половине XIX в. **музеефикации Соловецкого монастыря**. Хотя **увековечивание памяти об обстреле 1854 г. и носило ярко выраженный сакральный характер, данная музеефикация одновременно ставила цель представить Соловецкий монастырь как хранилище древностей**, стремилась пробудить интерес к истории обители, делала доступными для обозрения многочисленные объекты прошлого, а не только то, что было связано с обстрелом монастыря в 1854 г. **Монастырь-архипелаг стал преподноситься не только как один из крупнейших в России центров Православия, но и как объект истории**. Не только для религиозных отправок стали приезжать сюда паломники, но и с познавательными целями. **Со второй половины XIX столетия Соловецкий монастырь был превращен в мемориал христианской воинской славы, одновременно он стал выполнять функции музея под открытым небом**.

Сакральная музеефикация Соловецкого монастыря второй половины XIX в. была во многом подготовлена архимандритом Досифеем (1826–1836 гг.). Талантливо написанный и изданный трехтомный труд по истории Соловков немало способствовал пробуждению интереса к прошлому обители. Думается, именно при нем и появились первые образцы мемориальных досок. Они рассказывали о каменной крепости, могилах Савватия, Германа, Маркелла (тексты досок издал сам Досифеем). И уже следующий шаг в музеефикации монастыря сделал архимандрит Александр, а после него и другие архимандриты.

В литературе до настоящего времени не приведена полная подборка памятных плит, установленных в монастыре в XIX в. и увековечивающих не только события 1854 г. Прежние их разрозненные публикации зачастую сопровождались неточной передачей текста. Ниже даем каталог, включающий 22 единицы памятных плит (Приложение 4).

С позиций современных знаний не сложно найти ошибки и неточности в мемориальных текстах. Так, каменную крепость начали возводить не в 1584 г. при Федоре Иоанновиче, а в 1582 г., при Иване Грозном. Церковь во имя Рождества Богородицы была устроена, по словам Мелетия, *«в том самом месте за печью, где явилась св. икона Божией Матери св. Филиппу, именуемая Запечною»* (Мелетий, 1881, с. 61). Однако во времена послушника Филиппа Колычева данного подклета, как и самой каменной трапезной палаты с Успенской церковью, на этом месте просто не существовало. Комплекс был поставлен только в 1552–1557 гг. игуменом Филиппом к северу от первоначальной территории деревянной обители. Историческая реальность в ряде случаев не имела ничего общего с предлагаемыми легендами.

1.11. Судьба крепости в XX в.

Судя по дореволюционным фотографиям, в начале XX столетия весь монастырь, включая крепость, был ухожен (ил. 26–35). Тем не менее, уже наметились признаки невнимания к отдельным объек-

там. Так, тверской крестьянин С. Шустров, посетивший Соловки в 1912 г., отметил, что на камнях крепости уже выросли большие березы и рябины (Шустров С., 1912, с. 593).

В 1920 г. Соловецкий монастырь был упразднен, около трех лет на его базе работал совхоз. Весной 1923 г. советское правительство приняло решение создать вместо упраздненного совхоза концентрационный лагерь. Эти планы не нарушил даже мощный пожар, вспыхнувший 25 мая 1923 г. и бушевавший три дня. Огнем были охвачены все здания центрального комплекса и многие строения периметрической застройки. Пострадала и крепость: сгорели Успенская башня с собранием старинного оружия, значительная часть западного прясла до Прядильной (Стратилатовской) башни и сама башня, Пристенок с Квасоваренной и Поваренной башнями. Весь монастырь представлял печальное зрелище. В надлежащем состоянии остался лишь северный участок стены с Корожной и Никольской башнями (ил. 36–38), а также восточное прясло с Белой башней и юго-западное прясло с Сушилом.

Новые хозяева вначале не знали, что делать с поврежденной крепостью. В июле 1923 г., еще до приезда комиссии, у лагерного начальства были разные планы относительно крепостных стен. Первоначально для предотвращения возможного пожара на стенах предполагалось *«сохранившееся деревянное перекрытие снять, забетонировать площадку, а над кирпичным парапетом устроить скат»* (из письма В. В. Кратюка и А. А. Карпова П. Д. Барановскому с Соловков от 15.VII.1923 г.) (Соловецкий монастырь, 2000, с. 48). Но прибывший на Соловки уполномоченный Отдела музеев Народного комиссариата просвещения архитектор П. Д. Барановский всё расставил на свои места. Согласно составленному им договору Отдела музеев Наркомпроса с Управлением северными лагерями ГПУ, в пользование Управсева-лагерями ГПУ передавались все стены и башни, которые как памятники старины оставались под охраной и наблюдением Музейного отдела НКП. При этом Управсева-лагерями ГПУ было обязано *«произвести весь необходимый ремонт погоревших архитектурных памятников <...> поддерживать и производить в будущем текущий ремонт по всем принятым и используемым Управсева-лагерями ГПУ историческим зданиям»*. Ремонтные работы по крепости

должны были быть проведены в последнюю, четвертую, очередь, кроме «Такелажной» (Стратилатовской) башни, на которой во вторую очередь (после Успенской трапезной и Преображенского собора) требовалось сооружение временной крыши (Соловецкий монастырь, 2000, с. 29–32).

Договор лагерное начальство выполнило. Деревянные покрытия на стенах и башнях были восстановлены к 1930 г. По сути, это были первые послереволюционные реставрационные работы по крепости. На их вероятную дату указывает цифра 1929, прорезанная на железном прапоре шатра Квасоваренной башни. Тогда же был восстановлен и сгоревший шатер Прядильной башни. Авторство реставрации не установлено. Возможно, это был архитектор-реставратор Назимов, которого упоминает в своих «Соловецких записях 1928–1930 гг.» Д. С. Лихачев. В концлагере Назимов, знаток псковской архитектуры, возглавлял раскопочною комиссию. Будущий академик вместе с Назимовым делал обмеры Белой башни¹⁶ (Лихачев Д. С., 1993, с. 29).

С 1939 и до начала 1950-х гг. в крепости обосновались военные моряки: здесь расположился учебный отряд Северного флота. Выпускники Соловецкой школы юнг принимали участие в боевых действиях. Многие башни были использованы под хозяйственные нужды. Их сбережению должного внимания не уделялось.

К началу 1950-х гг. ансамбль памятников архитектуры Соловецкого монастыря, включая крепость, пришел в аварийное состояние. Об этом стало известно академику И. Э. Грабарю, который в начале 1952 г. получил от главного архитектора Архангельской области М. Ф. Кибирева письмо и фотографии руинированных построек. По ним П. Д. Барановский констатировал сильную степень разрушения объектов Соловецкого монастыря: *«Крепостные стены и башни. Стена восточная, разрушена кровля и стропила на большом протяжении, и сильно повреждены бойницы у Никольской башни (между Никольск[ими] ворот[ами] и башней на всем протяжении). Видны только остатки тесов[ой] кровли и стропил и стена (зубцы) с поврежд[енным] кирпичом в верхних частях. Провалилась кровля против Просфорного корпуса и Тро-*

¹⁶ Данная башня названа Д. С. Лихачевым Головленковой.

ицкого собора, а дальше до Архангельской башни цела, но имеет провисание конька, по-видимому, вследствие разборки конструкций. Разрушена крыша между Квасовар[енной] и Поваренн[ой] башнями. Западная. Разрушена кровля почти по всей зап[адной] стене от... до Корожной башни. У Корож[енной] башни разруш[ены] и поврежд[ены] верхние кирп[ичные] части зубцов стены. Покрытие, обвисшее, полуразруш[енное], частью лежит на стене. Прядильная башня: кровля разрушена, [примерно] 1/3 площади» (Соловецкий монастырь, 2000, с. 40; Ефремова С.А., 2010, с. 174–178).

Развернулась борьба общественности за спасение выдающегося памятника древнерусского зодчества. В середине 1950-х гг. именно с Соловецкой крепости на территории монастыря начались реставрационные работы¹⁷. В 1961 г. архитекторы-реставраторы А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая в акте технического состояния крепости отметили удовлетворительное состояние Архангельской, Корожной, Никольской, Успенской, Стратилатовской башен, отсутствие в них трещин. Но в верхнем ярусе Белой башни оказались небольшие вертикальные трещины, а в нижнем ярусе в некоторых местах трещины шли по валунам. Две башни Пристенка пребы-

вали в аварийном состоянии «вследствие нарушения конструкции и осадки грунта» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 3, 5, 7, 10, 12, 15, 17, 21). В результате реставрации Пристенка аварийность его башен в основном была устранена. Но поскольку их основания залегают ниже уровня воды Святого озера, зеркало которого было искусственно значительно поднято в конце XIX столетия, процессы разрушения не были остановлены окончательно.

В 1967 г. на Соловках был создан музей, позже преобразованный в Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник. Средневековая крепость, воздвигнутая на рубеже XVI–XVII вв. по проекту городских мастеров Ивана Михайлова и уроженца поморского села Нёноксы Трифона Кологривова, стала составной частью выдающегося историко-архитектурного ансамбля Соловецкого монастыря.

В 2016 г. начался новый этап реставрации Соловецкой крепости. Проектные работы осуществляет ЦНРПМ.

В 2017 г. исполнилось 435 лет со дня начала строительства на Соловках валунной крепости, не имеющей аналогов не только в отечественной, но и в западно-европейской фортификации.

¹⁷ Реставрационные работы по крепости с перерывами продолжались до начала 1990-х гг. (архитекторы-реставраторы А.В. Воробьев, В.И. Курлов, О.Д. Савицкая, В.В. Сошин, В.В. Владимирская). Краткая история реставрации крепости нашла отражение в литературе (Савицкая О.Д., 2005, с. 63–76).

ГЛАВА 2. СТРУКТУРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОЛОВЕЦКОЙ КРЕПОСТИ ПО ДАННЫМ ПИСЬМЕННЫХ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ

В изданных трудах архитекторы-реставраторы обозначили основные проблемы зодчества Соловецкой крепости и сделали немало для получения достаточно полного представления о первоначальном облике башен и прясел (Савицкая О.Д., 1980, с. 43–129; 2005). Задача нашего исследования — обобщение данных исторических, изобразительных и археологических источников о составных элементах крепости 1582–1595 гг. — 6 башнях, 8 пряслах, 5 воротах, 2 рвах, Пристенке 1619–1622 гг. и Сушиле, дополнительно усиленном в начале XVII в. Для полноты картины мы решили также подробно изложить историю натурного исследования элементов Соловецкой фортификации, для чего привлечена документация научных архивов современных госучреждений — ЦНРПМ, СГИАПМЗ, ИА РАН.

Письменные исторические документы XVI–XIX вв. достаточно полно охарактеризованы (Савич А.А., 1927; Буров В.А., 2011а, с. 13–19; 2013, с. 11–13). Главные из них — монастырские описи, хозяйственные книги, свидетельства современников. Важны сведения о ремонтах и вооружении крепости, описания ее внешнего облика.

Многочисленные изобразительные источники (миниатюры, гравюры, рисунки, планы, фотографии) дают возможность проследить эволюцию отдельных частей крепости с начала XVII столетия до разрушительного пожара 1923 г. Отметим, что отдельные виды Соловецкой каменной крепости на миниатюрах, иконах, гравюрах ранее привлекались в качестве иллюстративного материала (Щенкина М.В., 1945; 2000, с. 56–63; Вереш С.В., 1980, с. 205–229; Мильчик М.И., 1988, с. 316–330), однако сплошной анализ разновременных изображений отдельных ба-

шен, прясел, ворот, рвов не проводился. С этой целью нами использованы 3 миниатюры, 7 икон, 23 гравюры, 6 исторических рисунков, литография, 8 планов, 6 чертежей (ил. 39–80). Не оставлены без внимания дореволюционные фотографии и фотоснимки 1920-х гг., а также изображение Соловецкого монастыря на отлитом медном колоколе 1858 г. На основании вышеперечисленного изобразительного ряда осуществлена в хронологическом порядке подборка изображений каждой из 6 башен, каждого из 7 прясел, всех пяти ворот, включая поздние Никольские, сухих рвов, комплекса Пристенка, Сушила.

Древние художники не могли и не стремились к фотографической достоверности передачи архитектурных объектов. Ими, как правило, создавался обобщенный, художественный образ Соловецкого монастыря. Запечатлеваемую натуру они часто упрощали, и тем самым искажали ее. В редких случаях художник не бывал на Соловках, а создавал фантастический образ крепости. Для нас важно выявить общее и характерное в изображении отдельных крепостных башен и стен на протяжении столетий, установить основные тенденции их эволюции. Но сначала следует уточнить датировки миниатюр, икон, гравюр и оговорить специфику данного источника.

Первое, в значительной степени условное и в то же время во многом правдивое изображение каменной Соловецкой крепости дает лицевая миниатюра Вахрамеевской рукописи жития Зосимы и Савватия, созданная на рубеже XVI–XVII столетий (ил. 39) и скопированная в 1623 г. (ил. 40). Расположение монастыря, окруженного крепостью, здесь показано точно — между Святым озером и морем. Принципиально верно представлена схема

застройки монастыря. В центре выстроились в ряд слева направо три культовых здания: Успенская церковь с верхним приделом Усекновения главы Иоанна Предтечи (1552–1557 гг.), Никольская церковь (1577–1584 г.), Спасо-Преображенский собор с четырьмя верхними и двумя нижними приделами (1558–1566 гг.). Их объединяют деревянные так называемые Переходы. По периметру двора размещена деревянная келейная застройка с каменной надвратной Благовещенской церковью (1595–1600 гг.). В верхнем (северо-восточном) углу расположились каменные здания Квасоварни, Поварни и Рухлядной палаты. Анализ хронологии построек достаточно четко указывает на время создания миниатюры — момент окончания строительства Благовещенского храма над Святыми воротами. Это подтверждает и то, что еще не представлены каменные Переходы и Книжная палата на Переходах (1602 г.). На южном дворе в ряду с деревянными амбарами видим деревянную мельницу, стоящую на водном потоке. Она сгорит в 1601 г., и тогда взамен нее построят каменную (*Скопин В.В.*, 1991, с. 73). Показательно также наличие при Успенской церкви только одного придела в честь патрона Ивана Грозного — Усекновение главы Иоанна Предтечи. Второй придел во имя Дмитрия Солунского будет поставлен только в 1605 г. Отсутствует каменная звонница с тремя шатрами самого начала XVII в. Если брать шире, то на северном дворе не показана Иконописная палата (1615 г.). Хронологическим показателем для миниатюры Вахrameевской рукописи является также отсутствие со стороны озера еще более позднего по времени Пристенка (1619–1622 гг.). Таким образом, всё говорит о том, что лицевая миниатюра Вахrameевской рукописи была написана именно в 1600 г. и что художник создавал ее непосредственно на Соловках.

Достоверно переданное наличие конкретных монастырских построек позволяет внимательно отнестись к изображению крепости на миниатюре, хотя оно и чрезмерно схематично. Крепость представлена в форме квадрата — символа града Небесного. Монастырь как земной образ Царствия Небесного строился по плану Небесного Иерусалима — четвероугольная стена имела ворота на все стороны света

(*Бусева-Давыдова И.Л.*, 1986, с. 201–207; *Романенко Е.В.*, 2002, с. 70). На миниатюре по углам крепости расположены четыре однотипные круглые, явно не соловецкого облика башни наподобие шахматных фигур. Башни венчают шатры с фонарями. Вместо четырех ворот городской стены нарисовано пять. Пятые ворота показаны в северном прясле в примыкании к Никольской башне, что не соответствует действительности, поскольку сама башня была проездная. Реалистично передано наличие деревянной кровли поверх обходной галереи стены, щелевидные бойницы верхнего боя и большие арочные пещеры нижнего боя. Размещение в разных уровнях окон бойниц башен достоверно обозначает несколько ярусов в башнях. На миниатюре Вахrameевской рукописи запечатлена реальная ситуация, при которой восточное прясло крепостной стены разбито на два участка, примыкающих с севера и юга к двум каменным зданиям поварни. Нет башни Успенской и Белой. Как показали натурные исследования реставраторов О.Д. Савицкой и В.В. Сошина, Белой башни первоначально действительно не было. Прясла были подведены с двух сторон к каменному Сушилу, что и показано на миниатюре, и только затем пристроили Белую башню, переделав участок стены. Отсутствию Успенской башни также можно найти объяснение, исходя из ее конструктивных особенностей, о чем будет сказано ниже.

Изображению крепости 1600 г. по своему характеру близок образ фортификации, представленной на среднике иконы из Калужского художественного музея. Она датируется первой четвертью XVII в. (*Мильчик М.И.*, 1980, с. 240, 248) (ил. 41). Изображение построек монастыря мы относим к 1616–1618 гг., так как на северном дворе изображена Иконописная палата 1615 г., но отсутствует Портная (Чоботная) палата 1645 г. Со стороны Святого озера не изображен Пристенек, который строили в период 1619–1622 гг. Здесь также показаны каменные Переходы, соединившие в 1602 г. все постройки центрального комплекса. Иконописец изобразил каменную трехшатровую звонницу начала 1600-х гг., а при Успенском храме — два придела (как уже отмечалось, второй придел был поставлен в 1605 г.). Крепость на иконе

выглядит во многом фантастично. Для изографа она явно не представляла интереса и показана условно в форме квадрата с пятью проездными башнями, круглыми верхними бойницами. Вместе с тем в икону внесены новые, вполне реальные детали: со стороны моря впервые представлена Успенская башня, в крепостной стене показано двое ворот — Городовые, позже названные Святыми, и Рыбные. Также верно передано расположение Благовещенской церкви над Святыми воротами — за крепостной стеной. Но Архангельская башня отсутствует.

На следующей иконе с видом Соловецкого монастыря начала XVII в. дан лишь фрагмент западного прясла с включением в него надвратной Благовещенской церкви (Мильчик М.И., 1980, с. 243) (ил. 42). Последняя, как отмечалось, была возведена в 1600 г. Судя по наличию единственного придела при Успенской церкви, данную икону следует относить ко времени до 1605 г. Изображение крепостной стены здесь фантастично, так как Благовещенский храм на самом деле размещается отдельно от крепости, в ряду келейной застройки, а камни стены с рваными краями на иконе не соответствуют реальным окатанным валунам. Стена верхней обходной галереи никогда не имела малых круглых окон, расположенных над амбразурами верхнего боя.

Столь же фантастично смотрится Соловецкая крепость и на другой иконе начала XVII в. (Мильчик М.И., 1980, с. 247) (ил. 43). Ее следует датировать после 1621/1622 г., поскольку на заднем плане условно изображены две башни Пристенка, расположенные в одном ряду с прочими башнями восточной стены. Крепостные стены образуют правильный прямоугольник с полной симметрией всех восьми башен. Изограф, явно не видевший монастыря, показал кирпичные стены и башни. Неверно передана крепость и на иконе, написанной во второй половине того же столетия (Мильчик М.И., 1980, с. 253). Крепостная стена здесь изображена с тремя рядами бойниц (ил. 44). Заслуживает внимания во многом реалистичный образ крепости на средниках двух икон XVII в. и начала XVIII в., не запечатлевших Пристенков (ил. 45–46), а также на иконе 1709 г. и миниатюре 1711 г. (ил. 47–48).

С конца XVII столетия Соловецкую крепость начинают изображать гравюры и рисунки, в которых гораздо больше реалистичных черт, хотя и они не лишены схематизма (ил. 49). Многие гравюры имеют даты. Однако при использовании данного вида источника следует учитывать перегазировку изображений некоторых построек в более позднее время, что создает анахронизм в восприятии ансамбля Соловецкого монастыря.

План 1743 г. — первое реалистичное, но одновременно во многом схематичное изображение крепости. Здесь передана валунная фактура стен и башен, обозначено небольшое сужение башен кверху. На башнях изображены деревянные шатры со смотровыми вышками и без них. Количество арочных печур подошвенного боя передано со значительным приближением к натуре (ил. 50). Надо полагать, этот рисунок, доставленный в Синод, вызвал в Санкт-Петербурге большой интерес к Соловецкой крепости и к самому монастырю. Только так, на наш взгляд, можно объяснить появление сразу на следующий год на Соловках выдающегося гравера Ивана Зубова. Вместе с братом Алексеем он создал гравюру, полную реализма в передаче деталей монастыря и крепости (ил. 51). Представленная на ней развертка крепостных стен по манере исполнения и пропорциям объектов приближена к чертежу, что позволяет считать это произведение одним из важнейших изобразительных источников. Следующие мастера-граверы посетили Соловки только спустя 20 лет. Но их работы, как и работы последующих граверов конца XVIII — XIX в., смогли лишь отдаленно приблизиться к качеству произведения Зубовых. Впрочем, всем этим художникам, несмотря на упрощенную манеру изображения, нельзя отказать в достоверной передаче конкретных архитектурных деталей крепости (ил. 52–58).

Прекрасный многоплановый иллюстративный материал, включающий рисунки, планы, чертежи Соловецкой крепости, имеется в рукописи инженера-подпоручика Васильева 1790 г. Они конкретны, хотя и не лишены отдельных неточностей. Данный источник фиксирует состояние крепости на самый конец XVIII в. (ил. 14–21). По своему высоко-

му качеству к ним приближается чертеж 1801 г.¹, на котором изображены фасады Корожной и Успенской башен, разрез Стратилатовской башни, разрезы стен, дан общий план Соловецкого монастыря (ил. 59). Данный чертеж был издан (*Ласковский Ф.Ф.*, 1858а, л. 18). На другом чертеже приведены разрезы северного рва и Корожной башни (ил. 60).

Гравюры и литография с видом обители XIX в., планы монастыря и даже его изображение на колоколе (ил. 61–69, 74–78) наряду со схематическими рисунками 1844 г. рукописи «Дорожная книга для богомольцев, путешествующих в Соловецкий монастырь» (ил. 70–73) позволяют фиксировать итоги реконструкции башен крепости 1830-х гг., сопровождавшейся сменой форм шатров башен (*Дорожная книга 1845 г.*). Небезынтересен план монастыря 1884 г., созданный по заказу архимандрита Мелетия в дополнение к его книге о монастыре (ил. 79). С этим планом в 1922–1923 гг. работал П. Д. Барановский, оставивший на нем карандашные пометки с названиями башен. Этот документ лишний раз подтверждает наличие валунных

стен у Северного сухого рва на всем его протяжении с двух сторон (ныне часть их утрачена). Другой план 1889 г. из книги Федорова (*Федоров П.Ф.*, 1889) впервые упоминает о существовании какого-то странного вала вдоль Северного сухого рва (ил. 80).

Фотографии 1888, 1912, 1916, 1922 гг. и другие рубежа XIX–XX вв. отмечают состояние крепости в последние десятилетия существования Соловецкого монастыря (ил. 26–35). С ними контрастируют фотографические снимки, сделанные после майского пожара 1923 г., когда на Соловках начал создаваться концлагерь. Видны следы грандиозных разрушений: крепостные стены без кровель и оставшиеся без шатров остовы Успенской, Стратилатовской башен и Пристенка (ил. 36–38). О состоянии башен крепости в первые годы концлагеря можно судить по акварелям, написанным в августе – сентябре 1925 г. одним из талантливых художников Серебряного века О.Э. Бразом, а также по произведениям другого заключенного – художника С. Каменского (*Кызласова И.Л.*, 2010, с. 112–129; *Сошина А.А.* 2012, с. 104–118).

2.1. Башни

Шесть башен крепости Соловецкого монастыря XVI в. именовались: Архангельская, Белая, Корожная, Никольская, Стратилатовская (Прядильная), Успенская. Описание башен начнем со Стратилатовской – крайней южной западного прясла, а далее – по часовой стрелке по периметру крепости.

2.1.1. СТРАТИЛАТОВСКАЯ (ПРЯДИЛЬНАЯ) БАШНЯ

Данная башня угловая, расположена на некотором удалении от берега морской бухты на пересечении двух прясел – западного и юго-западного (ил. 81–119). Она глухая, непроходная. У башни четыре боевых яруса, подобно остальным круглым башням постройки 1582–1595 гг. На-

ружная облицовка трех нижних ярусов валунная, состоящая из 17–18 горизонтальных рядов камней. Первые два яруса возведены с заметным уклоном внешней стены. Начиная с 3-го яруса угол наклона кладки заметно уменьшается. С каждым ярусом уменьшается и толщина стен, которые уступами отходят от вертикальной оси башни, расширяя тем самым ее внутреннее пространство. Завершение последнего яруса сложено из большемерных кирпичей на известковом растворе, поставленных на кольцевое основание высотой в один валунный камень.

В 1-й ярус башни входили со стороны монастыря через проход в изломе крепостной стены, огибающей башню. Проход в форме палатки с валунными стенами и высоким кирпичным цилиндрическим сводом. Конструктивно он относится

¹ Приношу благодарность О.Г. Волкову за предоставленную копию данного документа из архива ВМФ.

к пряслу, примыкающему к самой башне со стороны Мельничного двора. С двух сторон проход оформлен кирпичными арками. Дальняя арка относится к самой башне, внешняя — к пряслу. Проход изнутри со стороны двора должен был запереться дверью. В его западную стену вмонтированы два железных подстава (верхний и нижний), на которые навешивалось дверное полотнище. На восточной стене имеется железная петля под засов. Ныне вход на 1-й ярус немного присыпан землей.

Вход на 2-й ярус Стратилатовской башни осуществляется также с монастырского двора, но по пристроенной деревянной лестнице. Затем длинный сводчатый коридор в толще прясла и самой башни выводит в интерьер башни. Не прерывающаяся выполненная одновременно кирпичная кладка свода этого коридора свидетельствует о том, что Стратилатовская башня возводилась вместе с примыкающим к ней участком прясла. В толще южной стены коридора, слева, размещена небольшая сводчатая оружейная камера для хранения снарядов (ядер), а в военное время — и для пороха. Это еще одно наглядное подтверждение единовременного возведения углового участка прясла и башни. В противоположной северной стороне коридора устроена лестница, которая через толщу крепостной стены выводит на обходную галерею — боевой ход. С галереи через широкий арочный проем ворот осуществляется вход на 3-й ярус башни. Попасть на верхний, 4-й ярус определенно можно было только по приставной лестнице.

На 1-м ярусе имеется пять печур для пушек, на 2-м и 3-м ярусах — по шесть печур. Всего их 17. Последний, 4-й ярус — с 12 ружейными бойницами. Боковые стены всех печур оформлены двумя или тремя рядами валунов, на которые опираются цилиндрические своды в полтора кирпича. Аналогичная конструкция и у амбразур в печурах, с той разницей, что некоторые своды сложены в один кирпич. Сама бойница (отверстие для стрельбы) в амбразурах сложена из двух боковых камней и перекрыта сверху уплощенным валуном.

Все ярусы башни ранее отделялись дощатым или бревенчатым настилом поверх деревянных балок. На 1-м ярусе до 2013 г.

еще сохранялись мощные, но обветшавшие балочные бревна диаметром 0,46 м. К настоящему времени они спилены.

Башню покрывает деревянный шатер со световым барабаном-ротондой, которая завершается полусферой с лемеховым покрытием и карнизом в виде сухариков.

Башня имеет двойное название, из которых «Прядильная» — позднее. Изначально башня называлась Стратилатовской по ближайшему верхнему юго-западному приделу Спасо-Преображенского собора XVI в., посвященному великому ченику Федору Стратилату — небесному покровителю сына царя Ивана Грозного. Это засвидетельствовали описные книги монастыря 1676, 1694, 1695, 1705, 1709, 1711, 1790 гг. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 548, 550 об.; *Книга 1694а г.*, л. 6; *Книга 1694б г.*, л. 6; *Книга 1695 г.*, л. 6 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 324; *Книга 1709 г.*, л. 3 об.; *Опись СМ 1711 г.*, л. 3 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 4 об.). Обмирщенное наименование башни «Прядильная» появилось в конце XVIII в. на плане монастыря 1770 г., в описи 1789 г., на чертежах 1790 г. (*План СМ 1770 г.*, № 32; *Ведомость 1790б г.*, л. 2, 3; *Васильев, 1790 г.*, или IX вклейки, № 29; *Опись СМ 1789 г.*, л. 3 об.). Но в это время новое наименование еще не прижилось окончательно. Так, в ведомости оружия за январь 1790 г. упомянута Стратилатовская башня, а за октябрь — Прядильная. В XIX столетии новое наименование башни прочно вошло в обиход, вытеснив более раннее, стало применяться в хозяйственных документах (*Дело 1838 г.*, л. 3 об.).

Происхождение позднего названия объясняет подпись к гравюре 1850 г.: «*Башня Прядильная, где основывается пряжа для каната для судов морских*». Ранее данное производство было и рядом на прясле, «*где прядутся канаты и веревки для кораблей больших и гребных судов и на прочия надобности*» (*Дело 1836 г.*, л. 17 об., п. 14). Точное время начала данного производства называет летописец: «*Въ лето 1734, онъ же келарь* (Геннадий. — В.Б.) *канаты спущаашъ устроилъ въ монастыре; а прежде того не спущали, а покупали ихъ у города Архангельскаго*» (*Летописец*, 1790, с. 86). Известный архангельский краевед К.С. Гемп полагала, что «*в нижнем ярусе располагался склад для прядена, канатов и проч. и прядильный завод, в котором вы-*

рабатывали веревки, канаты» (Гемп К. П. рук., 1951, л. 5).

Предложенное же в литературе объяснение наименования башни, будто «в этой башне или расположенном возле нее помещении “прялись” (вязались) сети» (Г. А. Богуславский), не выдерживает критики.

Исторических сведений XVI–XVIII вв. о Стратилатовской башне немного. Все они связаны с вооружением. В 1676 г., сразу после «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.), здесь находилось 10 пушек: на 1-м ярусе — три, на 2-м ярусе — четыре, на 3-м ярусе — три пушки. «В Стратилатовской башне в нижнем бою. Пушка медная, длина три аршина пол третья вершка, станок и колеса окованы, ядро к ней семь гривенок. Пушка железная скорострельная, длина три аршина одиннадцать вершков, станок на колесах окован, ядро к ней семь гривенок с четвертью. Пушка железная хвостушка, длина два аршина три вершка, в станку на колесах, ядро к ней полгривенки. В среднем бою пушка медная проломная, длина три аршина пол десята вершка, станок на колесах, окован, ядро к ней семь гривенок. Пушка медная полковая, длина три аршина три четверти, станок и колеса окованы, ядро к ней три гривенки. Пушка железная чюгунная, длина три аршина одиннадцать вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней пол семь гривенки. Пушка небольшая железная хвостушка, длина два аршина десять вершков, без станку, ядро к ней пол гривенки. В верхнем бою пушка медная большая полковая длина три аршина два вершка, станок на колесах, окован, ядро к ней две гривенки. Пушка небольшая железная кованая, длина три аршина без полутора вершка, в станку, ядро к ней полгривенки. Пушка железная затинная, длина два аршина десять вершков. Ствол пищальной железной без ложи, длина два аршина десять вершков» (Опись СМ 1676 г., л. 550 об. — 552 об.).

Данный перечень орудий свидетельствует об активном участии башни в обороне монастыря от царского войска.

Книги городничих старцев 1694 и 1695 гг. приводят однотипное описание состава артиллерии, размещавшейся в башне. Пушек стало больше на одну, но в это время на нижнем ярусе они не ставились. В 3-м ярусе было 6 пушек во всех шести бойницах, во 2-м ярусе — 5 пушек

на шесть бойниц: «Башня Стратилатовская. В верхнем бою пушка медная прозванием Левик. Пушка медная гладкая русково литья. Две пушки медные Богданова литья. Две пушки железных в станках. У башни замок клинчатой. В среднем бою пушка железная чюгунная большая, в станку. Пушка медная прозванием Левик. Пушка железная хвостушка на вертлюге. Пушка железная скорострельная в станку. Пушка железная гладкая в станку» (Книга 1694б г., л. 6–7; Книга 1695 г., л. 6 об. — 7).

Книга 1696 г. сообщает о нахождении в башне механизма (блока) для подъема артиллерийских орудий: «Векша подъемная железная» (Книга 1696 г., л. 7 — 7 об.).

В 1709 г. количество пушек сократилось до семи: на 1-м ярусе — одна, на 2-м ярусе — четыре, на 3-м ярусе — две пушки. «На Стратилатовской башни. В верхнем бою пушка медная Богдан. Другая железна большая. В среднем бою пушка медная Лев. Другая железна чюгунная большая. Пушка ж железна середня, пушка ж железна хвостушка. В нижнем бою пушка скорострельная железна, а в ней две вкладки без клина» (Книга 1709 г., л. 3 — 3 об.).

Ведомость от 12 января 1790 г. прапорщика Иванова отметила в Стратилатовской башне в верхнем бою три пушки, в среднем — семь (Ведомость 1790а г., л. 4 об.). При этом пять пушек были «старинного маниру», хотя пригодные для стрельбы, но многие колесные лафеты для них пришли в негодность. Вооружение башни явно не было готово к обороне (табл. 1).

Летом 1790 г., во время войны со Швецией, после проведенной работы прибывшей на остров военной команды, подготовившей монастырь к активной обороне, положение изменилось. Ведомость от 21 октября, после ухода с острова военных, фиксирует только пять пушек, но с полным боекомплектом — для стрельбы как ядрами (264 шт.), так и картечью (28 шт.) (Ведомость 1790б г., л. 2) (табл. 2).

Эти данные полностью совпадают с данными времени летней военной кампании, приведенными в рукописи инженера-подпоручика Я. В. Васильева (Васильев, 1790 г., л. 27).

О внешнем облике башни в XVI–XVIII вв. дает представление обширный графический материал (ил. 120–124). Миниатюра Вахрамеевской рукописи

Таблица 1

Сведения о пушках в Стратилатовской башне на 12 января 1790 г.

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
<u>В Стратилатовской</u>		
В верхнем бою		
Пушек медных пятифунтовых	2	Оные сами собою к употреблению годны, поставлены на лафетах, которые за ветхостию совсем не способны
Чюгунная гоубица полупудовая	1	Старинного маниру без станка и лафета, лежащая, в употребление совсем не способна
В среднем этаже пушек		
Медная двухфунтовая	1	Оная и с лафетом в употребление способна
Чюгунных		
Шестифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, стоит на лафете, которой за ветхостию совсем не способен
Двухфунтовая	1	Оные сами собою, хотя и старинного маниру, но к употреблению годны; поставлены на лафетах, кои также, кроме неспособных под ними колес, совсем годны
Полторофунтовая	1	
Полуфунтовая	1	
Фунтовая	1	Старинного маниру, стоит на ветхом лафете, к употреблению совсем не способна
Лотовая	1	Старинного маниру, поставлена на неподвижном ветхом станке, сама собою в употребление способна

Таблица 2

Сведения о пушках в Стратилатовской башне на 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий, разставленных на места и где имянно	Число орудий, поставленных на места	Снарядов		
		ко оным ядер	картечь	книпелей
В башне Прядиленной				
Пушек 3-х фунтовая	1	92	8	—
2-х фунтовая	1	92	—	—
1 ½ фунта	1	40	—	—
½ фунта	1	40	—	—
Дробовик	1	—	20	—

1600 г. и иконы первой половины XVII в. преподносят фантастический образ башни, не нуждающийся в специальном разбирательстве. Но со второй половины XVII столетия появляются изображения Стратилатовской башни, близкие к реальности, хотя башня показана как трехъярусная с конической кровлей, имеющей полицу. Ее более реалистичный образ представили гравюры, на которых она показана круглой с суживающимися кверху стенами. Валунная кладка обозначена и прорисована. Художники чаще изображают верхние бойницы только кирпичной кладки. В валунном массиве обозначены отверстия бойниц.

Наиболее достоверен чертёж Васильева 1790 г., на котором даны планы 1-го и 3-го ярусов с верной передачей коли-

чества печур. На разрезе башни 1790 г. в масштабе прорисованы формы бойниц с амбразурами, указано правильное положение входов. На 1-й ярус попадали с территории монастыря, на 3-й ярус входили с обходной галереи. На верхний 4-й ярус с 3-го яруса вела вертикальная лестница-стремянка. Вход на 2-й не показан. Из более позднего плана 1884 г. мы узнаём, что снаружи к нему была подведена маршевая лестница.

Шатер Стратилатовской башни первоначально был приземистым пирамидальной формы без смотровой вышки. Его всегда венчал прапор. Световое окно на грани шатра со стороны моря не изображалось на большинстве гравюр до середины XVIII в., в том числе на видовой гравюре Зубовых 1744 г. Но затем оно

появляется на гравюрах 1765, 1768, 1791, 1798 гг. и на пяти гравюрах первой четверти XIX в. Между тем его нет на чертежах Васильева.

Шатер имел полицу. Высота шатра по отношению к высоте самой башни на чертеже 1790 г. составляет 0,64, или $\frac{2}{3}$. Если учесть, что применяемая Васильевым трехаршинная сажень² равнялась 2,13 м, то шатер в соответствии с масштабом равняется 9,78 м (4,6 саж.), а четыре яруса башни — 15,12 м (7,1 саж.).

Конструкции шатра представлены в двух вариантах. На чертеже Васильева 1790 г. низ вертикальной центральной стойки шатра установлен на дополнительную балку над потолком 4-го яруса. А затем уже в нее в самом верху врезаются боковые стропила, которые нижним краем упираются в круговую бревенчатую обвязку, уложенную поверх кирпичной кладки парапета. Однако на чертеже 1801 г. центральная стойка опирается на балку межэтажного перекрытия, переброшенную между 3-м и 4-м ярусами. От нее под наклоном вверх лучами отходят три уровня стоек, которые врезаются в наклонные кровельные стропила с обрешеткой.

Смотровая вышка на всех иконах XVII в., гравюрах и чертежах XVIII и даже начала XIX в. не изображалась. Следовательно, ее изначально не было. Исключение составляют единичные гравюры 1699 и 1765 гг. Островерхая вышка постоянно фиксируется, начиная с гравюры 1825 г.

Количество граней шатра Стратилатовской башни на изображениях точно определить нельзя, как и на других башнях, поскольку две боковые параллельные грани могут быть просто не видны или же их вообще может не быть. На гравюре 1744 г. шатровых граней показано 10 или 12, на чертеже 1790 г. — 14 или 16, на гравюре 1765 г. — 6 или 8. Но учитывая качество гравюры Зубовых и чертежей Васильева, следует сделать вывод, что в середине и конце XVIII в. граней было не менее 12.

Устройство перекрытий между ярусами: толстые доски настелены поверх

балок. Между 3-м и 4-м ярусами имелся люк с лестницей. Люк показан и на плане 3-го яруса «для сообщения одного этажа с другим». Примечательно, что смета 1815 г. указывает на наличие в этой угловой башне «потолки спускные лестницы» (Смета СМ 1815 г., л. 4 об.). Люки использовались для подъема орудий. Об этом свидетельствует ранее упоминавшееся сообщение под 1696 г. о наличии в среднем (2-м) ярусе Стратилатовской башни подъемного механизма, блока — «векша железная подъемная» (Книга 1696 г., л. 7 об.).

В XIX столетии башня подверглась ремонту и реконструкции. В 1832 г. она наряду с другими угловыми башнями была «возобновлена и исправлена немалою кирпичною починкою» (Дело 1832 г., л. 2, п. 3). Из документа неясно, о чем идет речь — то ли о вычинке 4-го яруса с амбразурами, то ли об арках печур, то ли о зачеканке промежутков между валунами.

В 1838 г. на башне был сделан шатер по образцу Успенской башни: «Прядильная башня покрыта также», т.е. «фонарь с карнизами и медуллионом, покрыт чешуею, шар, флюгер железный и выкрашены» (Дело 1838 г., л. 3 об., пп. 18 и 19). В 1839 г. шатер «с кумолом» был выкрашен «по приличию красками» (Дело 1839 г., л. 2 об.). Новую смотровую вышку шатра цилиндрической формы с полусферическим завершением запечатлели рисунки 1844 г. И с тех пор она показывается всегда, вплоть до пожара 1923 г. (ил. 124–125).

В 1854 г., во время Крымской войны, когда завязался бой с прибывшей на Соловки англо-французской эскадрой, с Прядильной башни велся огонь из пушек по английским кораблям. При орудиях стояли инвалиды воинской команды. Здесь же находились и послушники для тушения огня на случай пожара. Ответный огонь неприятеля причинил шатру башни небольшое повреждение. Как писал очевидец: «У деревянного шатра Прядильной башни лицом к морю свила чайка гнездо и вывела детей. Башня сия по высоте своей была повреждена, шатер сверху на вылет пробило ядрами, а внизу под чайкиным гнездом вырвало несколько досок и в слуховом

² Установлено нами с помощью контрольных замеров на чертежах в саженях, сопоставленных с существующими величинами в метрах. При дальнейшем описании прочих башен по чертежам Васильева размер сажени не оговаривается.

окне не осталось ни одного стекла» (*Осада 1854 г.*, л. 11 об.). Примечательно упоминание застекленного слухового окна в шатре середины XIX в.

После упразднения Соловецкого монастыря, в канун создания на Соловках концлагеря, в мае 1923 г. башня сгорела. Гибель деревянного шатра башни засвидетельствовала акварель художника О. Э. Браза 1925 г. (ил. 126). Огонь до нее дошел по боевому ходу с северной стороны. Прибывший уполномоченный отдела музеев Народного комиссариата просвещения архитектор П. Д. Барановский составил в августе договор с Управлагерями ГПУ о ремонте памятников архитектуры, в том числе и башни, которая в то время значилась как Такелажная. Восстановительные работы были отнесены ко второй очереди (*Соловецкий монастырь*, 2000, с. 29–33). В это время, согласно описи историко-художественных предметов Соловецкого монастыря, составленной Комиссией отдела музеев Наркомпроса, в башне еще оставались пушки: «В Прядильной (сгоревшей) три пушки на колесах с лафетами» (*Балан С. Б.*, 2006, с. 148). Об этом же вспоминал и один из заключенных ГУЛАГа: «Из амбразур Прядильной башни высовываются жерла пушек XVII и XVIII веков. Монахи палили из них в дни царских торжеств. В первые месяцы концлагеря эта башня и всё содержимое ее, включая пушки, при пожаре рухнуло. И только благодаря Соловецкому обществу краеведения из заключенных — СОК — башню отремонтировали и пушки втащили на прежнее место» (*Розанов М.*, 1979, с. 32–33).

Восстановление шатра состоялось около 1927 г.: «Ныне башня реставрирована музеем», — отметил в своей заметке А. Иванов (*Иванов А.*, 1927б, с. 47), перепутавший Стратилатовскую башню с Белой. В отчете общества за 1924–1926 гг. упоминались и пушки: «Отдельно, в Прядильной башне расположены чугунные пушки XVII и XVIII столетий на лафетах, поставленные против башенных амбразур. Сюда же следовало бы поставить и орудия, находящиеся в коридоре за лазаретом, врытые в землю вместо тумб и находящиеся в разных других местах» (*Отчет*, 1927, с. 21). Вероятным автором проекта восстановления башни был архитектор из Пскова Назимов, которого в своих воспоминаниях

за 1928–1930 гг. называет Д. С. Лихачев и с которым он обмерял Белую башню (*Лихачев Д. С.*, 1993, с. 29).

Два года спустя, в 1929 г., Прядильную башню с целым красным по цвету шатром, очевидно, крытым железом, запечатлел на акварели неизвестный художник, заключенный концлагеря (ил. 127). Но шатру, воссозданному в период ГУЛАГа, была придана более вытянутая, чем у его сгоревшего предшественника, форма. Новый шатер оказался выше даже по отношению к валунно-кирпичному основанию башни.

В 1951 г. по фотографиям архитектора Кибирева П. Д. Барановский сделал рисунок башни с раскрытой кровлей и описал состояние башни: «Прядильная башня: кровля разрушена, примерно $\frac{1}{3}$ площади» (*Соловецкий монастырь*, 2000, с. 40, 145, № 235).

В 1953 г. военный инженер Макеев произвел обмеры всех четырех ярусов башни и вычертил ее разрез (*Крепость, обмеры рук.*, 1954) (ил. 128–132).

В 1961 г. архитекторами-реставраторами А. В. Воробьевым и О. Д. Савицкой был составлен акт технического состояния башни: «Стены выложены в кладке, аналогичной кладке вышеописанных башен. В настоящее время общее состояние стен удовлетворительное. Вертикальных трещин не замечено. С наружной стороны они поражены растительностью, имеются следы выветривания на поверхности отдельных камней. Внутренняя поверхность стен 3-го яруса покрылась плесенью. Большая часть бойниц заложена. Фундаменты не вскрывались. Перекрытие между ярусами сохранилось лишь в виде отдельных фрагментов и находится в аварийном состоянии: круглые балки диаметром 40–45 см и накат из круглых бревен диаметром 20 см совершенно сгнили и грозят обрушением. Крыша шатровая, не является первоначальной. Общее состояние деревянных конструкций шатра удовлетворительное, тогда как железное покрытие почти полностью утрачено. Вследствие этого стены, перекрытия и шатер подвержены постоянному воздействию атмосферных осадков, что способствует разрушению конструкций. Лестница, расположенная в западном прясле и выложенная из валунов, которая ведет с боевой площадки прясла во 2-й ярус башни, хорошо сохрани-

лась. Все деревянные внутренние лестницы полностью утрачены. Столярка и кованые детали (кроме подставов в воротах) не сохранились» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, с. 21, 22). В это же время были выполнены фотографии башни (ил. 133–134). В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманинов сделал стереообмер башни с прилегающим пряслом (ил. 135).

В 1974 г. были проведены неполные обмеры Прядильной башни. Вычерчены планы 1-го и 3-го ярусов, планы двух бойниц 3-го яруса — первой и второй при входе справа, внутрстенная камера при входе на 2-й ярус, а также лестничный валунный всход со 2-го яруса на обходную галерею и фрагмент внутреннего фасада со входом в башню (Савицкая О.Д., Морозевич Е.С., Скопин В.В., Гамбаров А.Г. рук., 1975) (ил. 136–137). Остались не обмеренными 2-й и 4-й ярусы. Примерно в 1970-е гг. шатер башни был подновлен дощатым покрытием.

В 1983 г. инженером И. Липатниковой после обследования Прядильной башни было написано заключение о причинах выявленных трещин в стенах и даны рекомендации по их преодолению. Оно заслуживает внимания: «В конструктивном отношении башня в целом представляет собой очень жесткую и устойчивую конструкцию. Однако повреждения, вызванные развитием значительных деформаций, нарушили целостность и “монолитность” стен башни и тем самым отрицательно повлияли на ее прочность и устойчивость. В юго-западной части башни по всей высоте стена разорвана сквозной вертикальной трещиной. В нижней части башни, где пазухи не заделаны, трещина теряется между валунами. В северо-западной части башни на наружной поверхности стены, диаметрально расположенной вышеописанной трещине, также прослеживаются вертикальные трещины. Ряд вертикальных трещин обнаружен на внутренней поверхности в западной (основной) части башни между 1-м и 3-м ярусами по высоте. Анализируя характер вышеописанных трещин, а также учитывая образовавшуюся выпуклость на наружной поверхности в нижней части башни, можно сделать выводы о причинах развития деформации. Состояние валунной кладки в нижней половине башни неудовлетворительное, кладка

плохо перевязана и полностью не обжата. Материал заделки пазух в верхней половине башни выветрен и практически не выполняет своего назначения, в нижней половине отсутствует вовсе. Вылет свеса кровли защищает стены только до половины высоты. Вода, стекая с кровли и затекая вовнутрь стены, замерзая, образует наледь, которые распирают валунную кладку, а так как процесс оттаивания на наружной поверхности происходит значительно быстрее, чем в толще стены, то наружные плохо перевязанные ряды кладки, находясь в менее напряженном состоянии, под действием внутренних сил распора отслаиваются, образуя вертикальные продольные трещины (в валунной кладке — пустоты). Горизонтальная порядовка валунной кладки в нижней части валунной кладки имеет уклон в сторону понижения рельефа, т.е. с востока на запад, в сторону автодороги, из чего можно сделать предположение, что фундаменты башни заложены в наклонном основании, что могло вызвать сползание валунов фундамента и увеличение напряжения под подошвой наиболее заглубленной западной части фундаментов. Также наклонная порядовка валунной кладки стен, плохо перевязанной, выполненной из валунов разной формы, благодаря особенности работы валунной кладки, могла стать причиной появления горизонтальной составляющей вертикальных нагрузок, направленной в сторону наклона рядов кладки. Следует отметить, что в основном все дефекты в кладке наблюдаются в западной половине башни. Деформации в стенах могли возникнуть также в результате нарушения устойчивости основания под влиянием движения потока грунтовой воды. Не исключено и влияние вибрации от автодороги. Все эти отмеченные выше недостатки, первоначальные строительные и эксплуатационные, связанные с атмосферными воздействиями, способствовали развитию внутренних сил, под действием которых произошло расползание и просадка валунов в нижней части западной половины башни, чем и было вызвано появление трещин. Сквозная вертикальная трещина в юго-западной части стены, возможно, результат температурных воздействий. Кирпичная кладка арок амбразур 1-го яруса и над входом ослабла в результате структурного разрушения материала кладки

в обжатой зоне. Лицевые ряды торцевых поверхностей арки отслаиваются. Несмотря на вышеперечисленные недостатки и повреждения, прочность и устойчивость башни в настоящее время достаточна, однако, дальнейшее развитие деформаций может вызвать аварийное состояние. Так как наблюдения за развитием деформаций не производились, то сделать вывод о прекращении или их продолжении развития не представляется возможным. Рекомендации. Исходя из вышеизложенного, в срочном порядке требуется проведение следующих укрепительных и профилактических работ. 1. Укрепление валунной кладки стен, включающее расклинку слабо обжатых валунов, расчистку, заделку и зачеканку пазух и трещин и, возможно, локальное инъектирование валунной кладки в нижней $\frac{1}{3}$ части башни. 2. Укрепление кирпичной кладки амбразур методом инъектирования. 3. Наблюдение за появлением и дальнейшим развитием трещин с помощью постановки «маяков» и измерительных приборов. Произвести фиксацию выпуклости кладки на наружной поверхности в нижней части башни одним из геофизических способов или методом фототеодолитной съемки, проверяя результаты путем повторных измерений. 4. В случае дальнейшего развития деформаций срочно произвести обследование состояния фундаментов башни и основания и разработать соответствующие мероприятия, исключающие дальнейшее развитие деформаций: монолитную железобетонную обойму на фундаменты, систему анкерирующих устройств и связей и т.п.» (Липатникова И. рук., 1983, с. 4–7).

В 1984 г. были подготовлены рабочие чертежи укрепления валунной и кирпичной кладки стен Прядыльной башни, набросана схема укрепления валунной и кирпичной кладки стен (ил. 139) (Бессонов Г. Б., Липатникова И. рук., 1984). Вскоре были осуществлены реставрационные работы (ил. 138). Трещина была зачеканена, но причины ее образования не были выяснены (Шилова Т. В., 2001, с. 178). В последние годы сошлись во мнении, что виной тому является нахождение рядом с башней автомобильной дороги. В 2014 г. эта дорога была перекрыта.

В 2004 г. вблизи Прядыльной башни была прорыта траншея для укладки электрического кабеля (работы осуществлял

ИПиР), которая вскрыла вблизи южного и юго-западного подножия башни засыпку из валунов, укреплявших это основание на природном склоне.

В 2005 г. в монографии о крепости О. Д. Савицкая дала краткое описание Прядыльной башни и опубликовала чертежи юго-западного фасада и планы 1-го и 3-го ярусов. Здесь же приведена версия архитектора В. В. Сошина о четырех этапах возведения крепости. Прядыльная башня с участком до Святых ворот отнесена им ко второму этапу (Савицкая О. Д., 2005, с. 17, 39, ил. 23).

В 2006 г. О. В. Прусак на основании изданных О. Д. Савицкой и И. Г. Брагинной сильно уменьшенных чертежей провела подсчеты физического объема башни и указала ее основные параметры. Указаны объем 4152 м³, общая высота с прапором 33,00 м, высота до шатра 14,30 м. Было составлено заключение о техническом состоянии башни: «Тесовое покрытие шатра находится в неудовлетворительном состоянии, происходит небольшое зарастание мхом верхнего слоя теса. Полицы обработаны на «пику» и частично утрачены. Стропильная конструкция шатра довольно сложная. В ее состав входит центральный столб, который опирается на две аварийные балки перекрытий четвертого яруса. Утрачена часть лемеха и почти полностью полицы шлемовидной кровли ротонды. Ротонда снаружи обшита досками с устройством оконных проемов. Утрачены оконные переплеты ротонды, утрачен прапор. Общее состояние шатра неудовлетворительное <...> Полы первого яруса вымощены булыжником. Перекрытие второго яруса утрачено. Третьего яруса накат по деревянным балкам. Устройство перекрытия четвертого яруса не завершено, уложены только балки. В местах опирания концов балок в гнезда валунных стен балки сгнили. Под аварийной балкой установлена стойка — подпорка. На две балки (одна из которых аварийная) опирается центральный столб стропильной конструкции шатра, на который передается вся нагрузка от шатра. Сам шатер находится в удовлетворительном состоянии» (Лебедев А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 69, 70). О крайней небрежности заключения говорит то, что полы 1-го яруса Прядыльной башни названы булыжны-

ми (перепутано с Белой башней). Даны два взаимоисключающих заключения о состоянии шатра (удовлетворительное и неудовлетворительное). Все измерения, выполненные по уменьшенным чертежам, в принципе не могут считаться достоверными. В середине 1970-х гг. на 3-м ярусе Стратилатовской (Прядильной) башни развернута экспозиция, посвященная крепости Соловецкого монастыря, установлены три пушки на лафетах.

2.1.2. УСПЕНСКАЯ (ОРУЖЕЙНАЯ) БАШНЯ

Успенская башня размещена в центре западного участка крепостной стены между Святыми и Рыбными воротами, практически на морском берегу напротив бухты Благополучия (ил. 140–168). Своим обликом и конструктивно она разительно отличается от других башен Соловецкой крепости, что обусловлено интересами обороны. Башня не круглая, а квадратная. Три внешние стены с печурами и бойницами были обращены в стороны трех основных направлений обстрела противника. Под прицел ее артиллерии должны были попасть в первую очередь входившие в бухту неприятельские суда, в которых в XVI столетии видели едва ли не главную военную угрозу обители. Вместе с тем башня обеспечивала прикрытие подступов к Святым и Рыбным воротам.

По размерам основания и высоте Успенская башня меньше и ниже остальных. Она не четырех-, а трехъярусная, валунный массив сложен из 11 рядов камней. У нее и меньшее число бойниц — по четыре пушечных печуры на двух нижних ярусах и восемь бойниц на верхнем ярусе. Восточная стена вынесена за линию прясла в сторону монастыря, что необычно. Но это было необходимо для устройства с северной стороны на уровне 2-го яруса аппарели — наклонного марша для доставки пушек. Затем со второго яруса орудия через специальный люк в перекрытии поднимали на верхний этаж, откуда, используя об-

ходную галерею, их могли развозить по соседним башням. «Люк для подъема орудий» указан на плане третьего яруса Успенской башни 1790 г. Книги 1694, 1695 гг. упоминают в среднем ярусе башни специальный подъемный механизм — «*векишу железную подъемную*» (Книга 1694а г., л. 4; Книга 1694б г., л. 4; Книга 1695 г., л. 3). При последующей описи «*векиши подъемной железной не объявилось*» (Книга 1694а г., л. 4 об.).

Вход на первый ярус осуществляется весьма оригинально — через южную печуру подошвенного боя в прясле стены. Архитекторы объясняют это тем, что в непосредственной близости от башни находилась несуществующая теперь постройка (Савицкая О.Д., 2005, с. 44)³.

Первоначально третий ярус был вровень со стенами, представляя единое целое с обходной галереей крепостной стены и являясь как бы ее прямым продолжением. Со стороны боевого хода вместо монолитной стены здесь было ограждение в виде невысокого кирпичного парапета со столбами.

Предшественницу Успенской башни можно найти в Великом Новгороде, где в конце XV в. итальянские фортификаторы поставили башню Раскат, которая не поднималась выше зубцов обходной галереи и не имела шатра, а на ее верхней площадке устанавливались пушки (Алешковский М.Е., 1971, с. 64). Другую ближайшую по хронологии и географии конструктивную аналогию соловецкой башне мы находим в «Карельском городе» — на территории Карелии (ныне город Приозерск Ленинградской обл.). В 1582–1585 гг. здесь во время оккупации города шведами в крепостной стене западноевропейские фортификаторы возвели рондели — новинку бастионной инженерии, представлявшие собой открытые сверху полукруглые выступы стен, функционально связанные с прилегающими пряслами (Кирпичников А.Н., 1984, с. 135; Шперк В.Ф., 1946, с. 92). Надо полагать, первоначально у башни даже не было возвышающегося шатра, она была крыта под одну кровлю с пряслом, сливаясь с ним.

³ Действительно, археологическое изучение келейной застройки монастыря показало, что всего в 3 м от восточной стены Успенской башни, напротив нее, располагались каменные задние кельи братских келий № 5 и 6. Впрочем, на момент строительства данные постройки были деревянные и не имели выступающих задних келий.

Такой вывод напрашивается на основании привлечения миниатюры Вахрамеевской рукописи 1600 г., где Успенская башня не показана вообще. Ее изображение с шатром, хотя и весьма фантастическое, появляется на ряде икон начиная с первой четверти XVII столетия (ил. 168). Благодаря наличию у Успенской башни изначально единой кровли с крепостной стеной основание башни резко не выделялось. И только появившийся позже шатер придал башне завершенные формы (ил. 169).

Название башни происходит от находящейся напротив нее к востоку Успенской церкви с трапезной палатой (1552–1557 гг.). Данное наименование встречено в монастырских описях 1676, 1694, 1695, 1703, 1705, 1709, 1711, 1742, 1789, 1790 гг. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 561; *Книга 1694а г.*, л. 7; *Книга 1694б г.*, л. 7; *Книга 1695 г.*, л. 7 об.; *Книга 1703 г.*, л. 3 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 324; *Книга 1709 г.*, л. 3 об.; *Опись СМ 1711 г.*; *Реестр 1742 г.*, л. 311 об.; *Опись СМ 1789 г.*, л. 3 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 2, 5; *Ведомость 1790б г.*, л. 2 об.). То же название присутствует на планах монастыря 1770, 1790 гг., последней четверти XVIII в., рисунках конца XVIII в. (*План СМ 1770 г.*; *Васильев, 1790 г.*). Но в трех описях городских старцев 1694–1695 гг., как исключение, башня устойчиво именуется Спасской одновременно с Успенской (*Книга 1694а г.*, л. 3 об.; *Книга 1694б г.*, л. 3 об.; *Книга 1695 г.*, л. 2 об.), а в описи 1696 г. — только Спасской (*Книга 1696 г.*, л. 3 об.). В данном случае ее название производили от Спасо-Преображенского собора. Такое кратковременное разночтение, видимо, не случайно появилось вскоре после «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.), когда обновился состав монашеской братии.

В XIX в. башня стала чаще называться Арсенальной, или Оружейной, что было вызвано размещением в ней, видимо, в 1800 г. Оружейной палаты. Дату называет Досифей в летописце (*Досифей, 1836, ч. 1, с. 246*), но документального подтверждения этому пока нет. Это был один из первых и представительных музеев оружия в русском монастыре. На гравюре 1850 г. башня именуется «*Оружейная палата древних орудий*», на плане 1844 г. в «Дорожной книге для богомольцев» — «*Оружейная палата*» (*Дорожная книга 1845 г.*). Название «*Оружейная-Арсеналь-*

ная» закрепилось в поздней литературе (*Мелетий, 1881, с. 83; Иванов А. П., 1927б, с. 10*). Архитектор-реставратор П. Д. Барановский, посетивший в 1922 и 1923 гг. Соловки, обозначил данную башню карандашом на плане Соловецкого монастыря как «*Оружейная (Успенская)*» (*Буров В. А., 2011а, ил. 6*).

Исторических сведений об Успенской башне мало. Для конца XVI в. их нет вообще, а для XVII столетия они единичные. Первые письменные свидетельства о башне встречены в описи монастыря 1676 г., составленной сразу после «Соловецкого сидения». Здесь приведен ее промер по внешним стенам — «*около Успенской башни двенадцать сажень с полусаженю*»; указано количество артиллерийских орудий: «*В Успенской башни в нижнем бою пушка медная, длина два аршина с вершком. Станок на колесах, окован, ядро к ней пять гривенок. Пушка чугунная розстреляна, к стрельбе не годится. В среднем бою пушка чугунная проломная, длина три аршина с вершком. Станок окован, к ней ядро пол осмы гривенки. Пушка медная галанка, длина два аршина семь вершков, станок окован железом, ядро к ней три гривенки. В верхнем бою пушка медная галанка, а на ней вылит лев, длина три аршина семь вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней две гривенки. Пушка небольшая железная хвостушка, длина два аршина два вершка, станок без окова. Пушка небольшая железная кованая, длина три аршина шесть вершков, станок без окова. Пищаль железная затинная небольшая в ложе. Пушка железная кованая хвостушка, длина два аршина бес пят вершков, станок без окова, ядро к ней полторы гривенки*» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 550, 561 — 562 об.).

На двух нижних ярусах имелось по две пушки на каждые четыре бойницы. Надо полагать, что орудия были направлены не в сторону моря, а к Святым и Рыбным воротам, штурмовать которые могли стрельцы московского воеводы Ивана Мещеринова. В таком случае на 1-м ярусе в южной бойнице на колесном лафете могла стоять целая медная пушка, а в северной бойнице оказалась неисправная пушка чугунная. Последняя вышла из строя, потому что усиленно стреляла в северном направлении, прикрывая наиболее доступные Рыбные ворота и вход в северный сухой ров.

Приблизиться же к Святым воротам было просто невозможно. Они находились под прицелом еще и Прядельной башни. Надо полагать, что такая установка двух орудий была и на среднем ярусе Успенской башни. На третьем ярусе в восьми бойницах размещались четыре пушки на станках и одна пищаль. Отсюда по всем направлениям велся более плотный огонь.

В 1694 г. на вооружении Успенской башни стояло десять орудий: на 3-м ярусе башни — семь пушек, на 2-м ярусе — три пушки: «Спаская башня. В верхнем бою пушка медная галанка прозванием Богдан. Да две пушки медных Богданы же. Две пушки медных руского литья в станках. Две пушки железных хвостушки на вертлюгах. В среднем бою пушка чюгунная немецкая болюшая в станке, станок обит железом. Пушка железная чюгунная завинтована. Пушка медная на вертлюгах, векша железная подъемная, сажень дроби во фтулках» (Книга 1694а г., л. 3 об. — 4; Книга 1695 г., л. 2 об. — 3).

В 1696 г. на 3-м ярусе башни прибавилась одна пушка: «Спаская башня. В верхнем бою две пушки медные немецкого литья. Пушка медная галанка прозванием Богдан. Две пушки медные, на них подпись Богдан. Две пушки железные хвостушки. Пушка затинная железная в станке. В среднем бою пушка чюгунная железная немецкого литья болюшая, станок и колеса обиты железом. Пушка железная чюгунная завинтована. Пушка болюшая медная на вертлюге, сажень дроби. Векши подъемной железной

не объявилось» (Книга 1696 г., л. 3 об. — 4 об.). На нижнем ярусе орудий не было вообще. Видимо, их установку здесь посчитали нецелесообразным.

По описи 1709 г., в Успенской башне находилось уже пять артиллерийских орудий — 2 пушки в среднем бою и 3 пушки в верхнем: «Спаская башня. В верхнем бою пушка медная галанка прозванием Богдан да две пушки медных Богданы ж. Две пушки медных руского литья в станках. Две пушки железных хвостушки на вертлюгах. В среднем бою пушка чюгунная немецкая болюшая в станке, станок обит железом. Пушка железная чюгунная завинтована. Пушка медная на вертлюгах, векша железная подъемная, сажень дроби во фтулках» (Книга 1709 г., л. 4). На первом ярусе пушки снова не ставились.

Принцип отсутствия орудий на нижнем ярусе Успенской башни действовал и в конце XVIII столетия. Согласно ведомости от 12 января 1790 г. прапорщика Иванова (Ведомость 1790а г., л. 2 — 2 об.), в башне было девять орудий: 7 — в верхнем бое и 2 — в среднем (табл. 3). Из них только одна пушка была годная, остальные устаревшие и обветшавшие. Башня утратила обороноспособность. Однако уже летом того же года в связи с войной со Швецией прибывшая на остров военная команда привела Соловецкую крепость в военное состояние. Работами руководил инженер-подпоручик Я.В. Васильев (Буров В.А., 2016б, с. 76–86). Артиллерия в Успенской башне была укомплектована

Таблица 3

Сведения о пушках в Успенской башне на 12 января 1790 г.

Успенской, в верхнем этаже	Число оных	В какой исправности состоит и зачем к употреблению годны или не способны
Медная двухфунтовая	1	Поставлена на лафете без передков, в употребление и с лафетом способна
Чюгунных:		
Полуфунтовая	1	Хотя и старинного маниру, но в употребление годна, на станке, которой за ветхостию не способен
Лотовая	1	Старинного маниру на ветхом неподвижном станке, в употребление не способна
Гоубица двенатцатифунтовая	1	Оные все старинного маниру, лежат без станков на земли, отчего ржавчиною переедены и в употребление находятся совсем не способными
Семифунтовая	3	
В среднем этаже пушек чюгунных шестифунтовых	2	Из оных первая кроме колес и передка, которого не имеется, с лафетом в употребление годна, а последняя на станке совсем не способна

Таблица 4

Пушки в Успенской башне по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где имянно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
В башне Успенской				
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
1½ фунта	1	40	—	—
Пушек 6-фунтов	1	92	6	—
2-фунтов медная	2	184	—	—
1½ фунта	1	40	—	—

Таблица 5

Сведения о пушках в Успенской башне на 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий, разставленных на места, и где имянно	Число орудий, поставленных на места	Снарядов		
		ко оным ядер	картечь	книпелей
В башне Успенской				
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
1½ фунта	1	40	—	—
Дробовик	1	—	20	—

пригодными для стрельбы семью пушками (Васильев, 1790 г., л. 28 об., 29 об.) (табл. 4). Примечательно, что две тяжелые дальнобойные 18-фунтовые пушки были снабжены значительным количеством ядер и книпелей. Орудия на этой башне явно предназначались в первую очередь для дальней стрельбы — борьбы с кораблями противника. Книптели применялись для уничтожения парусного снаряжения судов. Бесспорно, учитывалось расположение Успенской башни — напротив морской бухты.

После завершения летней кампании ведомость от 21 октября об имеющихся артиллерийских орудиях зафиксировала только четыре пушки в Успенской башне (Ведомость 1790б г., л. 2 об.) (табл. 5).

Первые крупные ремонты и перестройки башни могли состояться на рубеже XVIII—XIX вв. В 1798 г., по сообщению архангельского краеведа К. П. Гемп, шатер Успенской башни был покрыт железными листами (Гемп К. П. рук., 1951, л. 5). Впрочем, это сомнительно, поскольку далее говорится о деревянной кровле. Так, в 1830 г.: «Оружейная палата, где хранятся древняя воинская доспехи, покрыта новым тесом» (Дело 1830 г., л. 5, п. 23).

Крупные ремонтные работы были проведены в 1838 г.: «На стене крепостной Успенская башня наложена кирпичем в вышину четыре аршина, и вместо деревянной стены⁴ сделана кирпичная, и под нею в среднем ярусе сделана арка, покрыта новым тесом, фонарь с карнизами и “медилионом”, покрыт чешуею, шар, флюгер железный и выкрашены» (Дело 1838 г., л. 3 об., п. 18). Отметим, что 4 аршина составляют 285 см.

Архитектор-реставратор О. Д. Савицкая характеризует данную переделку как фундаментальную. Была разобрана деревянная стена, разделявшая восточную и западную половины 3-го яруса башни; вместо нее сделали кирпичную стену. Под эту новую стену на 2-м ярусе была поставлена кирпичная подпружная арка. Надстроили стену 3-го яруса, для которой также потребовались подпружные арки со стороны обходной галереи стены. Взамен старого возвели новый шатер, завершавшийся круглой в плане смотровой вышкой с полусферическим покрытием. Ремонт завершился на следующий год: в 1839 г. Указана и его основная цель: Успенская башня была «отделана для хранения в ней имеющихся древних орудий» (Дело 1839 г., л. 2 об.).

⁴ Деревянная стена, видимо, появилась во время создания Оружейной палаты, чтобы изолировать помещение 3-го яруса от обходной галереи.

Привлечение изобразительных материалов существенно дополняет и углубляет свидетельства письменных источников об Успенской башне (ил. 168–174). Первые ее изображения во многом условные и даже фантастические. Так, на иконах XVII в. сильно искажена форма башни, увеличено количество ярусов. Между тем здесь впервые после миниатюры Вахрамеевской рукописи 1600 г. показан шатер, из чего можно признать, что время его появления — не позже первой четверти XVII столетия. На наиболее древней гравюре 1699 г. дано вполне реалистичное изображение Успенской башни. Она показана с запада, со стороны морской бухты. Обозначена ее валунная кладка. Низ заметно расширен, парапет сложен из кирпича. Башня постепенно сужается кверху. В плане она четырехугольная. Шатер в форме усеченной пирамиды, завершающейся смотровой вышкой с малым шатром. В основании обоих шатров проходит полица.

Полная реализма гравюра 1744 г. первоклассных мастеров братьев Зубовых подтверждает те же формы деревянного шатра, детализируя их. Смотровая вышка в плане квадратная. Покрывающий ее малый шатер — пирамидальной формы. Полицу имеют не только два шатра, но и основание вышки, дощатые стенки которой забраны в косяк. Данное изображение по качеству приближается к чертежу. Тем не менее художники не избежали ошибки, изобразив на западном фасаде 3-го яруса не четыре, а пять бойниц.

Несколько упрощенное изображение Успенской башни представлено на плане соловецких тюрем 1743 г., где она впервые показана с восточной стороны, от келейной застройки. В целом шатер тех же форм, но нарисован более схематично. Но главное — здесь изображены четыре окна верхнего яруса и пустой дверной проем второго яруса, перед которым аппарат не показан. То есть к середине XVIII в. данный помост не сохранился и не был даже возобновлен.

Уникальными по информативной насыщенности являются масштабные подробные чертежи и рисунки 1790 г. инженера-подпоручика Я. В. Васильева. На них впервые представлен разрез башни с тремя ярусами, отделенными балочными перекрытиями, поверх которых настла-

ны толстые доски пола. Еще один подобный настил имелся и поверх последнего, 3-го яруса, под шатром. Схематично показана конструкция шатра. Наклонные бревенчатые стойки опираются на края досок перекрытия, а не на обвязку. Центральная вертикальная стойка, на которой размещена узкая лестница, ведущая в смотровую вышку, также стоит на досках пола. Единственная полица запечатлена только в основании шатра.

План 1-го яруса Успенской башни с четырьмя печурами, как и другие планы 1801 и 1844 гг., свидетельствует, что она была глухая — без прохода наружу. Впервые арочный проем на месте бойницы в северной стене обозначен на гравюре 1850 г. Эту переделку следует датировать между 1844 и 1850 гг. В конце XIX в. вплотную к проходу была приставлена какая-то небольшая пристройка, отчетливо видная на фотографиях 1888 и 1922 гг. В 1923 г. она сгорела. Во время ГУЛАГа дверь данного прохода опечатывалась свинцовыми пломбами, о чем свидетельствуют их находки в шурфе 2014 г., в 5,9 м к северу от башни (Буров В. А. рук., 2015).

На планах 1790 г. показана система входов. На первый ярус башни попадали с юга через печуру западного прясла. На второй ярус можно было попасть с земли по наклонной аппарели. Длина этого наклонного дощатого помоста 4 саж. (8,92 м) при ширине 1,5 саж. (3,20 м). Его северный край совпадал с центром печуры подошвенного боя крепостной стены к северу от башни. Опирался этот помост на вертикальные столбы. На третий ярус Успенской башни попадали с прясла стены. 3-й и 2-й ярусы сообщались люком, который использовался под лестницу и для подъема орудий. Как уже отмечалось, книги 1694 и 1695 гг. упоминают в среднем ярусе Успенской (Спасской) башни «*векшу железную подъемную*». Она служила для подъема орудий. Со стороны монастыря 3-й ярус Успенской башни не имел глухой восточной стены. Ее заменяли пять кирпичных столбов на парапете, которые смотрятся как прямое продолжение прясла.

На всех гравюрах и рисунках XVIII–XIX вв., кроме 1827 г., шатер башни четырехгранный, снизу подбит полицей, обязательно присутствует смотровая вышка. Покрытие тесовое, изображение

досок отчетливо различимо на ряде гравюр XVIII в. Общая высота шатра по чертежу 1790 г. Васильева 8 саж. (17,04 м); здесь он выше каменного массива башни, который равен 7 саж. (14,91 м). На гравюрах и рисунках начиная с 1844 г. запечатлена уже иная форма шатра, многогранная с купольной кровлей. Это явилось следствием ремонта 1838 г., поскольку надстройка кирпичом стены потребовала и замены деревянного шатра, которому была придана новая форма.

По-видимому, первоначально шатер Успенской башни не имел светового окна для выхода на крышу, так как оно не представлено на многих гравюрах XVIII в., включая реалистичную работу 1744 г. братьев Зубовых, а также рисунки и чертежи 1790 г. инженера-подпоручика Васильева. Отсутствует окно и на плане тюрем 1743 г. Правда, на иных изображениях (1765, 1791, 1801, 1827, 1837 гг.) чердачное окно в основании шатра на западной грани всё же показано, что может свидетельствовать в пользу его появления после 1790 г.

Пирамидальный шатер венчал прапор. На двух гравюрах вместо прапора нарисован шпиль, но это исключение. Шпиль присутствует также на поздних видовых гравюрах 1824–1825 гг. Высота и ширина смотровой вышки по приложенному к чертежу 1790 г. масштабу составляли около 1,2 и 1,5 саж. (соответственно 2,56 и 3,20 м); высота шатрика — около 1,75 саж. (3,73 м).

В 1859 г. восточная стена башни подверглась реконструкции в связи с тем, что к ней был подведен переход на арках со стороны центрального комплекса. Он обеспечивал прямую связь зданий центрального комплекса с музеем оружия, размещенным в Успенской башне. Переход прошел сквозь второй этаж Настоятельского корпуса там, где до перестройки рубежа XVIII–XIX вв. находилась братская келья №6 западного порядка. Этот переход запечатлели фотографии 1888 г. (Лейцингер Я.И., 2005) (ил. 175).

Состояние башни на конец XIX — начало XX в. передают несколько фотографий. Отчетливо видно, что кирпичная кладка 3-го яруса побелена. В последний раз четкие ряды кирпичей этого участка показаны на рисунках, чертежах 1790 г. и гравюрах 1800 и 1827 гг. Появление побелки следует относить к реконструкции

1838 г. в связи с надстройкой последнего яруса, так как понадобилось закрыть новую кирпичную кладку, контрастирующую со старой. Совершенно очевидно, что одновременно должны были переделать и шатер. Действительно, шесть лет спустя рисунки 1844 г. представили обновленную форму шатрового завершения с полусферическим куполом и цилиндрической в плане смотровой вышкой.

В начале XX в. Успенская башня находилась в прекрасном состоянии. Но в советское время ее судьба оказалась трагичной. В мае 1923 г., через три года после упразднения монастыря и организации на Соловках совхоза, башня полностью сгорела. Выгорели все ярусные перекрытия, шатер. Погибло бесценное собрание древнего оружия (ил. 176). Вид сгоревшего валунного остова Успенской башни запечатлел на акварели 1925 г. художник О.И. Браз.

Граница между кирпичными кладками XVI и XIX вв. верхнего яруса отчетливо видна на фотографиях 1923 г. На них также различаются обломки кирпичей от противопожарного кирпичного пола «в елочку», известного ранее по фотографиям 1888 г. Этот пол не смог предохранить от сильного огня балочное межэтажное перекрытие, которое рухнуло вниз вместе с кирпичами и древним оружием.

В это же время появился новый пользователь монастырских зданий — концлагерь. Прибывший на остров уполномоченный отдела музеев Народного комиссариата просвещения архитектор П.Д. Барановский составил в августе договор с Управлениями ГПУ о ремонте памятников архитектуры, включая Успенскую башню. Восстановительные работы на ней были отнесены ко второй очереди (*Соловецкий монастырь*, 2000, с. 29–33). И они действительно были осуществлены через несколько лет. Шатер был восстановлен и обит железом. Это — один из первых опытов реставрации советского периода. Изменена его форма и размеры, он сильно занижен. Вместо многогранника в плане, приближенного к кругу, шатер стал четырехгранником со скругленными углами, в таком виде с подновлениями он дошел до наших дней. После пожара был разобран переход, примыкавший к Успенской башне. В результате в ее восточной

стене на уровне верхнего яруса остался незакрытый дверной проем.

В годы концлагеря в башне между 1-м и 2-м ярусами было сделано железобетонное перекрытие, сохранившееся в полуразрушенном виде до наших дней. О дате его создания говорит надпись в три строки под северным основанием арки, прочерченная по еще не застывшему бетону. С соблюдением орфографии она выглядит так: «1928 года 10 февра[ля] // козлов, с, к, // п, ф, прораб шепелев».

После войны, в 1953 г., когда на Соловецких островах уже надежно обособилась база военно-морского флота, 2-й и 3-й ярусы Успенской башни были обмерены институтом «Военморпроект» № 1 ВМС (ил. 177). К этому времени многие печи оказались закрыты кирпичной кладкой (Крепость, обмеры, 1954; Крепость, материалы рук., 1979).

На рубеже 1950-х — 1960-х гг. в связи с началом проектно-реставрационных работ архитекторы-реставраторы А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая (ЦНПМ, г. Москва) составили акт технического состояния башни, который зафиксировал удручающее положение памятника древнерусского военного зодчества: «Первоначальная связь между помещениями нарушена. Нижний ярус полностью замурован. С внутренней стороны он, вероятно, вследствие имевшей место вертикальной планировки на территории монастыря оказался ниже современного уровня земли. В последнее время башня использовалась под размещение макета гидротехнического сооружения, для чего между нижним и средним ярусами было устроено железобетонное перекрытие <...> Общее состояние стен с наружной стороны удовлетворительное. Трещин нет. Изнутри вследствие произведенной реконструкции они подвержены сырости, что способствует разрушению поверхности кладки. В настоящее время имеются небольшие следы разрушения в бойницах. Фундаменты не вскрывались. Перекрытия — первоначальные — полностью утрачены. В настоящее время существует в несколько поврежденном виде лишь позднейшее железобетонное перекрытие между нижними ярусами башни <...> Бойницы, хорошо сохранившиеся в среднем ярусе башни, заложены и имеют некоторые повреждения в кладке с внутренней стороны. Все

бойницы верхнего яруса реконструированы. Они сохранились фрагментарно в своих верхних частях. Существующие арочные проемы находятся в хорошем состоянии. Покрытие шатровое. Существующая конструкция шатра не первоначальная. Она выполнена по деревянным стропилам, опирающимся на верхнюю и нижнюю обвязку. Обрешетка из досок положена с зазором. Покрытие железное. Поверх шатра устроена деревянная надстройка из теса с купольным покрытием и деревянным карнизом на консолях. В настоящее время деревянные конструкции шатра находятся в удовлетворительном состоянии. Железное покрытие наполовину утрачено, что способствует общему разрушению башни. Побелку снаружи и внутри стены имели лишь в пределах верхнего яруса. В настоящее время в интерьере она почти полностью утрачена. Снаружи в значительной степени повреждена. В настоящее время башня не эксплуатируется. Вследствие плохого состояния кровли она подвержена постоянному воздействию осадков и разрушается» (Воробьев А. В., Савицкая О. Д. рук., 1961а, л. 1–3).

В 1974 и 1979–1980 гг. под руководством О. Д. Савицкой проводился обмер Успенской башни. Вычерчены планы 1–3-го ярусов, восточный (внутренний) фасад, дан разрез. Это позволило выявить заложенные и разрушенные зубцы восточной стены, установить первоначальные архитектурные формы данного памятника. В 1983 г. были выполнены рабочие чертежи укрепления валунной и кирпичной стен. В 2005 г. О. Д. Савицкая опубликовала все три плана башни, ее западный и восточный фасады и разрез (Савицкая О. Д., 2005, с. 43, ил. 27) (ил. 146). В том же году в раскопе, заложенном В. А. Бутовым напротив северного входа на 2-й ярус Успенской башни, прослежено ее валунное основание, ранее скрытое наросшим слоем, и найдено основание сгнившей бревенчатой стойки аппарели (Бутов В. А. рук., 2006) (ил. 142, 144).

В 2006 г. О. В. Прусак, основываясь на чертежах О. Д. Савицкой и В. В. Сошина, произвела подсчеты физического объема башни и указала ее основные параметры. Указаны объем 3870 м³, общая высота с прапором 29,00 м, высота до шатра 14,30 м. Было отмечено, что на Успенской

башне сгнило металлическое покрытие. «На фасадах башни с наружной стороны монастыря кирпичное заполнение между валунами местами выкрошилось и поражено растительностью на всей площади валунной поверхности. Повреждена подкровельная кладка на высоту 1–2 ряда по всему периметру башни <...> Шатер покрыт кровельным железом, находящимся в неудовлетворительном состоянии. Стропильные конструкции в удовлетворительном состоянии. Общее состояние шатра неудовлетворительное» (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 67).

В 2016 г. по проекту ЦНРПМ осуществлена реставрация Успенской башни. Но это уже иная история.

2.1.3. Корожная башня

Корожная башня занимает северо-западный угол крепости, находясь на возвышенности, на самой высокой точке рельефа (ил. 178–223). С запада и севера подступы к ней перекрывает сухой ров. Башня круглая, четырехъярусная, как и остальные четыре башни Соловецкой крепости. Внешняя стена насчитывает 17–18 горизонтальных рядов валунных камней.

Башня проходная, с двумя воротами, одни — с восточной стороны, вторые — с южной. Проход сделан традиционно под углом — «коленом». Внешние ворота с южной стороны прикрыты полуразрушенным валунным откосом.

Три яруса с пушечными печурами сложены из валунов, верхний ярус — из кирпича. На 1-м ярусе — 5 пушечных печур, на 2-м и 3-м ярусах — по 6 печур. В двух нижних ярусах имеется по пороховой камере, очевидно, из расчета на максимальное использование огневой мощи башни. Последний ярус включает 10 бойниц ручного боя, размещенных равномерно по кругу. Башню венчает восстановленный многогранный деревянный шатер со смотровой вышкой, увенчанной конусным шатриком.

Параметры: диаметр основания 24,4 м, высота каменного основания 15,5 м, высота шатра 15,7 м (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 43). Толщина валунной кладки основания 5,5–6,5 м, в уровне 3-го яруса 3–3,5 м. Тол-

щина кирпичных стен 4-го яруса около 2 м. Верхние бойницы имеют лучковую перемычку (Владимирская В. В., Смирнов Н. Н., Любешкин А. рук., 1989).

Название башни древнее. Оно известно по монастырским описям Соловецкого монастыря 1676, 1694–1696, 1703, 1705, 1709, 1789, 1790 гг. (Опись СМ 1676 г., л. 550, 559 об.; Книга 1694а, л. 4; Книга 1694б, л. 4; Книга 1695, л. 3 об.; Книга 1696, л. 4 об.; Книга 1703 г., л. 4; Опись СМ 1705 г., л. 324; Книга 1709 г., л. 4; Опись СМ 1789 г., л. 3 об.; Ведомость 1790а г., л. 2 об.), планам монастыря 1770, 1790, 1801, 1845, 1884 гг. (План СМ 1770 г.; Васильев, 1790 г.; Дорожная книга 1845 г.), подрисуночным подписям к гравюрам последней четверти XVIII столетия.

Этимология названия неясна. Г. А. Богуславский писал, что вариаций названий Корожной башни много (Корюжня, Корожанская, Коржанская, Керженская), но все они восходят к одному термину, значения которого мы точно не знаем (Богуславский Г. А., 1966, с. 56). Некоторые исследователи полагают, что это слово «корга», обозначающее морскую отмель, покрытую камнями, из которых якобы и была сложена башня, или название производно от небольших каменистых островов — корг, хорошо видимых с крепостной стены (Домашнев А. Д., Дроздова Т. Н., 1985, с. 60). Мы же предлагаем обратить внимание на слово «кóрог», которое означало нос судна, штевень, к которому приделан волнорез (Даль В. И., 2002, т. 2. с. 137). Данный элемент у поморов назывался «корга». И со стороны моря поднимающаяся крепостная стена с возвышающейся Корожной башней может вызывать ассоциации с задранном носом корабля.

Архимандрит Досифей полагал, что название «Корожная башня» дано «по имени тюрьмы, в древнее время здесь находившейся» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 256). Временами башню именовали Арестантской, например в рапорте 1833 г. (Дело 1838 г., л. 3 об.) и в статье 1927 г. (Иванов А. П., 1927а, с. 10, 17), поскольку поблизости, в Иконописной палате, с конца XVIII в. располагался дом для арестантов. Башня оказалась включенной в специально выгороженную территорию тюремного острога. На плане 1850 г. эта башня указана как Северная (Ровинский Д. А., 1884, № 27, п. 11). В том

же столетии Кoroжную башню назвали Флагштоковой, или Сторожевой, так как на ней находился флагшток и с нее хорошо просматривались подступы к монастырю с моря (Дунаев Б.И., 1914, вклейка после с. 6; Богуславский Г.А., 1966, с. 56).

Первые сведения о башне касаются ее размеров и вооружения. В 1676 г. башня была промерена («около Кoroжной башни дватцать четыре сажени»). На вооружении башни находилось 9 пушек — на каждом ярусе по три, а на 3-м ярусе еще и пищаль: «В Кoroжной башни в ысподном бою пушка медная, длина три аршина без дву вершков руского дела, станок и калеса, ядро к ней три гривенки. Пушка медная, длина три аршина, руского дела, станок не окован, ядро к ней три гривенки. Пушка хвостуха железная, длина аршин десят вершков, ядро к ней три гривенки. В среднем бою пушка проломная чугунная, длина три аршина четырнатцать вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней семь гривенок. Пушка медная, а на ней вылита львица, длина три аршина пол восма вершка, станок и колеса окованы, ядро к ней две гривенки. Пушка небольшая железная хвостушка, длина два аршина, на колесах, ядро к ней пол гривенки. В верхнем бою пушка медная галанка проломная, три аршина одиннатцать вершков с полвершком. Станок и колеса окованы, ядро к ней семь гри-

венок. Пушка медная дробовик, длина два аршина с вершком. Станок и колеса окованы. Пушка железная хвостуха, длина три аршина, на колесах, ядро к ней пол гривенки. Пищаль затинная железная, длина аршин» (Опись СМ 1676 г., 559 об. — 561).

В 1694–1696 гг. пушки оставались в прежнем количестве, но в иной расстановке — по четыре орудия на 1-м и 2-м ярусах и одна пушка на 3-м ярусе: «Кoroжная башня. В верхнем бою пушка железная в станку. В среднем бою пушка медная галанка болия немецкова литья в станке, станок и колеса обиты железом. Пушка железная хвостушка в сажен. Две пушки медные Китовразы в станках немецкова литья. В нижнем бою пушка медная прозванием Лев. Две пушки медных полковых гладких, пушка чугунная немецкая болия» (Книга 1694а г., л. 4 — 4 об.; Книга 1694б г., л. 4 — 4 об.; Книга 1695 г., 3 об. — 4; Книга 1696 г., л. 4 об. — 5).

В 1709 г. пушек было восемь: в нижнем ярусе — две, в среднем и верхнем бое — по три пушки: «На Кoroжной башни. В верхнем бою пушка медна мала, затинная да пушка железная малая, другая хвостушка железная. В среднем бою две пушки медныя болия Китовразы, да пушка железная хвостушка. В третьем бою пушка медная средняя, другая железная чугунная болия» (Книга 1709 г., л. 4 — 4 об.).

Таблица 6

Сведения о пушках в Кoroжной башне на 12 января 1790 г.

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
<u>В Кoroжной</u>		
В среднем этаже пушек медных		
Семифунтовых	2	Оные сами собою в употребление годны, поставлены на лафетах, которые за ветхостию совсем не способны
Трехфунтовая	1	На неподвижном лежащем на земли станке, в употребление годна
Чугунных		
Полуфунтовая	1	Старинного маниру на лежащем неподвижном станке, в употребление совсем не способна
Пищалей лотовых	3	Оные все старинного маниру на ветхих станках и к употреблению не способны
В нижнем этаже		
Фунтовая	1	—
Пушка чугунная шестифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафете, которой кроме колес, к употреблению также способен

Пушки в Корожной башне по Васильеву 1790 г.

Каких калибров орудий и где имянно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
К горизонтальной обороне в башне Коруженной				
Пушек 1½-ю фунтовых	2	80	–	–
Дробовик 1½-ю фунтовых	1	–	20	–
В верхней обороне в башне Хоруженной				
Пушек				
18-ти фунтовых	3	246	45	45
6-ти фунтов медная	1	92	6	–

Сведения о пушках в Корожной башне на 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий, разставленных на места и где имянно	Число орудий, поставленных на места	Снарядов		
		ко оным ядер	картечь	книпелей
В башне Коруженной				
Пушек				
7-ми фунтов	2	184	—	—
3-х фунтов	1	91	8	—
1-го фунта	1	92	—	—
Дробовик	1	—	20	—

XVIII в. В 1759 г. для башни был сделан прапор, как сообщает запись от 27 июня о выдаче кузнечному старосте Обрасцову на флюгер к Кoroжной башне четырех полиц железа (*ПРК 1759 г.*, л. 75).

В начале XIX столетия, когда в связи с окончанием русско-шведских войн Соловецкая крепость утратила свое военное значение, Корожную башню, тем не менее, поддерживали в порядке. В 1815 г. намечалась смена ее деревянных конструкций (*Смета СМ 1815 г.*, л. 4 об.). По свидетельству очевидцев в ноябре 1818 г. эта «*угольная круглая*» башня горела (*Дело 1819 г.*, л. 1, 7, 16 об.), но она была отремонтирована в 1820 г. (*Досифей*, 1833, с. 140–141). Современник ремонта архимандрит Макарий (1819–1825 гг.) писал: «*Корожная и Никольская с трехъярусными полами <...> 1818 погорели, а 1820 годов возобновлены совершенно*» (*Макарий*, 1825, с. 46; *Досифей*, 1847, с. 143).

В 1832 г. Кожаная башня наряду с другими угловыми башнями была «возобновлена и исправлена немалою кирпичною починкою» (Дело 1832 г., л. 2, п. 3). А в 1838 г. «на Арестантской башне фонарь сделан новый и покрыт чешуею» (Дело 1838 г., л. 3 об., п. 20). Последняя запись

проясняет дату появления цилиндрических дозорных вышек с полусферическим завершением. Дальнейшие сведения касаются флага на башне, который поднимали во время приезда наиболее почетных гостей. Такое случилось в полдень 15 июля 1844 г., когда великий князь Константин Николаевич на судне «Полярная звезда» пожаловал в Соловецкий монастырь «для ночного отдохновения». Важно отметить, что «Полярная звезда» была замечена именно с Корожной башни: «из северной монастырской башни усмотрено в зрительную трубу военное судно, плывущее к монастырю» (*Дорожная книга 1845 г.*, л. 30). Перед нами свидетельство того, что фонарь Корожной башни служил важным наблюдательным пунктом за морской далью.

В конце XIX в. на самый верх Корожной башни был организован доступ для обозрения Соловецкой обители. Сохранились воспоминания, что «ныне любятя богомольцы и посетители с угловой башни, на которой обычно развивается флаг» (*Соловецкая обитель*, 1891, с. 743).

На рубеже XIX–XX вв. выдвигалась версия, что в самой башне находились земляные тюрьмы (*Колчин М.А.*, 1908, с. 12). Краевед К. П. Гемп также писала о нахождении в Корожной башне под землей и в стенах тюрьмы (*Гемп К.П.* рук., 1951, л. 5). Но пока данная версия не подтверждается.

В начале XX столетия в башне стояли орудия. Описание историко-художественных предметов Соловецкого монастыря, составленная в 1923 г. Комиссией отдела музеев Наркомпроса, отмечает: «В Корожной башне семь пушек на колесах и лафетах» (*Балан С.Б.*, 2006, с. 148). Видимо, одна пушка из этого собрания и была найдена в башне в ходе раскопок 1968 г., а рядом с ней 400 ядер (*Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* рук., 1968, л. 3–4; 1969, с. 25–26). Это количество вполне соотносится с боекомплект из 415 снарядов на 21 октября 1790 г. — 387 и 28 картечи (табл. 8).

При изображении круглой Корожной башни на дореволюционных гравюрах и рисунках художники подчеркивали ее мощное основание из валунов и заметное сужение башни кверху. Такой ее можно видеть и на фотографиях 1916 и начала 1920-х гг. (ил. 224–230). Четко обозначена граница между валунной и кирпичной

кладками, на фасаде различаются формы бойниц в валунной стене и щелевидных бойниц в верхнем ярусе, сложенном из кирпича. Верное количество ярусов (их четыре) передано только на иконе начала XVIII в., а также 1772, 1802, 1827 гг., чертежах и рисунках 1790 г. На прочих гравюрах и рисунках бойницы нижних трех ярусов или не показаны вообще, или их количество искажено. Так, на гравюре 1810 г. изображено четыре яруса бойниц с амбразурами в валунной кладке башни, а на гравюрах 1744, 1765, 1791 гг. всего два. Высота каменного основания Корожной башни по масштабу чертежа 1790 г. — 7 саж. (14,91 м), что вполне соответствует действительности. Общая высота шатра по чертежу 1790 г. — 7,5 саж. (15,97 м).

На планах 1790, 1801, 1844 гг. круглая Корожная башня показана глухой. Однако архитектор О.Д. Савицкая отметила, что в XVII в. башня была всё же проездной, а проход заложили позже. К такой мысли она пришла на основании фразы описи 1676 г.: «около Соловецкого монастыря город и башни каменные дикого камня проезжих три башни да глухих пять башен» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 548). Третьей проездной башней, помимо Белой и Никольской, могла быть только Корожная, близ западной стены которой имеется выступ наподобие захоба, типичного для прикрытия ворот (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 26; *Опись СМ 1676 г.*, л. 548). Действительно, при реставрации были выявлены первоначальная арка прохода и внутрискатный канал под засов ворот.

Устройство межэтажных перекрытий здесь было такое же, как и везде, показанное на чертежах 1790 г.: толстые доски уложены на межэтажные бревна-балки. В 1950-х гг. П.Н. Максимов и И.Я. Свирский, заставшие старые перекрытия, отметили, что основой междуэтажных перекрытий являются прогоны из бревен длиной до 10–12 м и диаметром до 80 см, заделанные в каменную кладку стен башни с шагом около 1,5 м; по прогонам устраивался сплошной накат из плотно пригнанного друг к другу круглого леса со слоем засыпки. Часть такого перекрытия имела над третьим ярусом; в перекрытиях первого и второго ярусов осталось лишь несколько прогонов (*Максимов П.Н., Свирский И.Я.*, 1958,

с. 116). Однако с учетом того, что башня горела в 1818 г., указанные конструкции мы должны относить ко времени восстановительных работ 1820 г. после пожара или даже к более позднему времени.

Чертеж 1790 г. разъясняет следующую систему входов на этажи башни. На ее первый ярус попадали с территории двора, на третий — с северного прясла стены. Люк в полу третьего яруса предназначался для спуска на второй ярус (по лестнице) — «для сообщения одного этажа с другим». Одновременно люки использовали для подъема орудий. В 1696 г. в среднем и верхнем ярусах Кожной башни было по блоку: «*векша подъемная железная без колеса*» и «*векша железная подъемная*» (*Книга 1696 г.*, л. 5). На четвертый ярус должны были попадать также по вертикальной лестнице. Примечательно, что документ 1815 г. упоминает «*потолки с пускные лестницы*» (*Смета 1815 г.*, л. 4 об.). Здесь же отметим, что высокое северное и расположенное ниже восточное прясла соединялись лестничным маршем, перекинутым с внешней стороны башни от монастыря, в обход самой башни. Тот же чертеж верно показал пять печур и пороховую камеру на 1-м ярусе, и шесть — на 3-м ярусе. Однако в реальности существовал еще один проход на 2-й ярус с обходной галереи, со стороны Рыбных ворот. Возможно, к 1790 г. он был заложен.

Первоначально шатер Кожной башни имел тесовое покрытие. На большинстве гравюр XVIII в. указано два ряда тесовой кровли по высоте, реже три. Но, судя по конструкции обрешетки, показанной на чертеже 1790 г., тес располагался в три ряда. В основании шатра имелась полица; она представлена на всех гравюрах. К 1916 г. шатер получил железную кровлю, выкрашенную в красный цвет.

Световых окон на изображениях шатра до 1791 г. нет, но они присутствуют на большинстве последующих гравюр по 1850 г. включительно. Видимо, эти окна существовали недолго. В 1824–1825, 1827, 1850 гг. художники изображали световые окна как характерный элемент шатра Кожной башни не в основании шатра, а несколько выше. Дореволюционные фотографии свидетельствуют, что шатер Кожной башни был покрыт железом, световые окна в нем отсутствовали.

Количество граней шатра по материалам графики определить нельзя, так как художники показывали их условно. На гравюрах и рисунках граней отмечено 6–8, 8–10, 10–12 и даже 16–18. На чертежах Васильева представлено 12 граней.

Смотровая вышка — характерная черта Кожной башни. Она присутствует на всех без исключения изображениях башни. Устройство смотрового чердака, или фонаря по гравюрам определить крайне затруднительно из-за плоскостности изображения. Даже по работе 1744 г. зубовых нельзя представить, какая геометрическая фигура лежит в его основании — четырехугольник или многоугольник. Размеры вышки по чертежу Васильева следующие: ширина и высота равны $1\frac{1}{2}$ трехаршинной сажени (2,84 м). Таков и размер шатрика. Он пирамидальный, многогранный, снабжен полицей. К середине XIX в. это завершение получило купольную форму, что связывается с сообщением о ремонте 1838 г. Смотровую вышку всегда украшал прапор.

На дозорную вышку в 1790 г. поднимались по лестнице с 4-го яруса, которая была прикреплена к центральной вертикальной стойке шатра. В 1950-е гг. к наблюдательной вышке с четвертого яруса вела поздняя двухмаршевая деревянная лестница (*Максимов П.Н., Свицкий И.Я.*, 1958, с. 116).

В 1923 г., во время мощного пожара вскоре после упразднения монастыря, Кожная башня уцелела. Это документируют послепожарные фотографии 1923 и акварель 1925 г. художника О. Э. Браза, нарисовавшего ее вместе с Никольской башней. В 1927 г. в поисках следов монастырской тюрьмы ее обследовали сотрудники Соловецкого общества краеведения. В печурах 2-го яруса они засвидетельствовали окна с железными решетками, а в стенах печур 1-го яруса — вбитые крюки и кольца (*Иванов И.П.*, 1927б, с. 16). Последние, между тем, явно служили для крепления цепей пушечных лафетов.

В советский период, включая время на концлагеря, тюрьмы и морской части, заботы о Кожной башне не проявлялось. К 1950-м гг. она заметно обветшала. В 1953 г. в связи с приспособлением и реконструкцией Соловецкого монастыря под военно-морскую часть Северного

флота были проведены обмеры крепости, включая Корожную башню (ил. 231–234). Эти работы осуществлял «Военморпроект» № 1 Министерства обороны СССР. Были вычерчены планы всех четырех ярусов (*Крепость, обмеры*, 1954).

Четыре года спустя архитектор И. Я. Свирский впервые опубликовал схематичные планы четырех ярусов Корожной башни и дал краткое ее описание (*Максимов П. Н., Свирский И. Я.*, 1958, с. 116).

В 1961 г. архитекторы ЦНРМ А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая в преддверии реставрации Корожной башни составили акт ее технического состояния, отметив ее общее удовлетворительное состояние: *«Общее состояние стен удовлетворительное. Трещин нет. Бойницы верхнего яруса имеют в настоящее время лучковые перемычки, выложенные из кирпича, сохранились в удовлетворительном состоянии. В нижних ярусах бойницы аналогичны бойницам во всех других башнях, сохранились в удовлетворительном состоянии. Часть из них заложена. Имеются небольшие разрушения с внутренней стороны. Фундаменты не отрывались. Столб в центре 1-го яруса башни имеет восьмигранную форму в плане, выложен из большемерного кирпича на известковом растворе. На него опирается центральная деревянная стойка. Кладка столба находится в хорошем состоянии. Перекрытия между ярусами почти полностью утрачены. Сохранились лишь отдельные балки большого сечения (40 см), заложённые в гнезда. На третьем ярусе частично сохранился накат из круглых бревен диам. 20 см. Покрытие шатровое с круглой деревянной ротондой и открытой смотровой площадкой вокруг нее. Конструкция шатра не является первоначальной. Покрытие железное по сплошной обрешетке из досок. В настоящее время деревянная конструкция шатра — стропила, обвязки, стойки, обрешетка — сохранилась в удовлетворительном состоянии. Железное покрытие наполовину утрачено. Местами оно заменено толем. Башня не защищена от осадков, что способствует ее разрушению. Полы почти полностью утрачены вместе с перекрытием. Фрагментарно сохранился кирпичный пол в первом ярусе башни. Лестницы между ярусами не существуют. Частично сохранилась непервоначальная деревянная лестница в ша-*

тре. Столярка и поковка почти полностью утрачены. Сохранились лишь подставы в воротах. Побелка имеется только в верхнем ярусе башни. Общее состояние башни удовлетворительное» (*Воробьев А. В., Савицкая О. Д.* рук., 1961, л. 5–6).

В 1961–1962 гг. Б. Н. Рахманинов выполнил стереообмер северного прясла с двумя башнями (*Савицкая О. Д.*, 1980, с. 84, рис. 41). На нем и на фотографиях того же времени Корожная башня предстает с поздней уродливой круговой площадкой вокруг смотрового фонаря (ил. 235–236).

В начале 1960-х гг. смотровая вышка Корожной башни была реставрирована по проекту А. В. Воробьева (ил. 237). Тогда же была разработана проектная документация реставрации шатра башни (*Воробьев А. В., Савицкая О. Д.* рук., 1964) и осуществлено его воссоздание в древних формах.

В 1969 г. под руководством главного архитектора проекта О. Д. Савицкой были выполнены обмерные планы 1-го и 4-го ярусов Корожной башни, план прохода на 1-й ярус, фрагмент плана 2-го яруса — вход с прясла с западной стены на 2-й ярус башни и лестничный переход на северную стену. Вычерчена бойница 4-го яруса, дан разрез башни (*Савицкая О. Д., Дядюк В. И., Соколова В. В.* рук., 1969) (ил. 238–242). Осуществить обмеры двух других ярусов технически оказалось невозможно.

В 1976 г. на 1-м ярусе башни, к югу от центрального восьмигранного кирпичного столба, был заложен археологический шурф. Его цель — выявление подземной тюрьмы, якобы виденной в начале XX в. краеведом К. П. Гемп (она была тогда девочкой). Однако никакой ямы, в которой держали узников, не обнаружилось. Зато данный шурф позволил решить другую проблему. В 1950-е гг., в ходе первых натурных исследований крепости данный столб рассматривался архитекторами как черта оборонного зодчества Соловков XVI в. (*Максимов П. Н., Свирский И. Я.*, 1958, с. 115–116). Такое представление было подхвачено в научно-популярной литературе (*Домашнев А. Д., Дроздова Т. Н.*, 1985, с. 70). Но В. В. Косточкин заметил, что этот столб отсутствует на чертеже 1790 г. Васильева, и датировал его более поздним временем (*Косточкин В. В.*, 1972,

с. 35–37). Стратиграфическая колонка, прослеженная под столбом, четко указала на его позднюю дату. Камни фундамента столба оказались уложены на слой мусора с углем, землей, обломками битого кирпича от ремонта. Столб был поставлен после пожара 1818 г. (Буров В.А. рук., 1976а). Он, видимо, предназначался для подпорки проседавшей центральной балки перекрытия 1-го яруса Корожной башни. Вовсе не случайно столб оказался вскоре изображен на плане 1844 г.

В 1989 г. главный архитектор проекта В.В. Владимирская (НИПМ В/О «Союзреставрация») по заказу Архангельского областного совета по туризму подготовила исходно-разрешительную документацию по Корожной башне. Спустя 28 лет после первого осмотра башни специальной комиссией вместе с архитекторами-реставраторами вновь был составлен акт ее технического состояния. На этот раз состояние основных каменных конструкций было признано неудовлетворительным: «Состояние внешних архитектурно-конструктивных элементов памятника. А. Общее состояние основных каменных конструкций неудовлетворительное. Б. Фундаменты, основание, отмостка: фундаменты башни валунные; отметка земли на южной стороне на 1,5 м ниже отметки земли на северной стороне. Отмостка вокруг башни отсутствует. В. Стены: на высоту второго яруса междувалунные швы выветрены. Влага проникает через всю толщу стены. Проходит процесс инфильтрации известкового раствора из кладки и образование сталактитов в бойницах первого яруса. Вследствие чего происходит внутреннее ослабление кладки, в щельгах сводчатых ниш печур наблюдаются трещины. В кирпичной кладке верхнего яруса обнаружены вертикальные трещины. Верхние два ряда кирпичей, на которые опирается конструкция шатра, разрушены. Корожная башня крыта деревянным шатром, на котором устроена смотровая вышка с шатриком. Г. Шатры, их конструкции и покрытие. Шатер имеет стропильную деревянную конструкцию и крыт тесом в два слоя по обрешетке. Состояние стропильной конструкции удовлетворительное. Есть небольшие участки загнивания теса и полиц. На смотровой площадке утрачено частично ограждение. Конструкция

шатрика в удовлетворительном состоянии. Состояние внутренних архитектурно-конструктивных элементов памятника. А. Общее состояние: конструкции перекрытий находятся в неудовлетворительном состоянии. Б. Перекрытия. Балочные конструкции на всех ярусах одинаковые. Две нижние прогонные балки сечением 50 см уложены с запада на восток в гнезда в валунной кладке. Над ними четыре поперечные балки сечением 40 см. Две нижние балки над первым ярусом наполовину срезаны и опираются на кирпичный столб со сторонами 150×150 см. Поперечные четыре балки срезаны наполовину. Частично сохранился дощатый пол. Прогонные балки третьего яруса сильно провисли и не работают вместе с верхними поперечными балками. Балки сильно поражены гнилью. Настил не сохранился. На четвертом ярусе сохранилась одна нижняя балка. По верхним поперечным балкам уложен накат из бревен, на котором сохранились участки известковой стяжки. Балка и накатные бревна поражены гнилью. В. Полы. Пол первого яруса дощатый, под досками — смешанная подсыпка. Выводы. Необходимо провести противоаварийные работы по консервации кровли, кладки стен, параллельно осуществить реставрационно-восстановительные работы в полном объеме».

Далее приводился перечень необходимых работ: «1. В перекрытии первого яруса восстановить две балки (с восточной стороны) и накат. 2. В перекрытии второго яруса для связи между матрицами и балками забить между ними коротыши. Пораженные гнилью поверхности балок зачистить. Восстановить перекрытие. 3. В перекрытии третьего яруса восстановить матрицу с северной стороны (рекомендуется сборный ригель из двух брусев, положенных один на другой и скрепленных болтами). Ввиду значительности гниlostных поражений древесины балок следует поставить накладку — протезы. Восстановить перекрытие. Трещины на северной стороне парапета в верхнем ярусе заштукатурить, и два верхних ряда кирпичей кладки переложить заново. Переделать опорные узлы стоек и подкосов» (Владимирская В.В. рук., 1989, л. 15–16). Но последовавший в стране экономический кризис на многие годы отодвинул планы по реставрации памятника.

В 1996 г. была заложена траншея от Корожной башни через северный Сухой ров. Оказалось, что нижний валун башни уложен на материк без заглубления в него. Рядом с башней отмечена колонка разновременных подсыпок общей мощностью около 1 м (Буров В.А. рук., 1996).

В 1997 г. И. Г. Брагина, И. Г. Коробейник, Л. А. Петровская обмерили проход в башню по заданию СГИАПМЗ (Брагина И. Г., Коробейник И. Г., Петровская Л. А. рук., 1997).

В 2005 г. О. Д. Савицкая издала обобщенные планы 1-го и 4-го ярусов башни (Савицкая О. Д., 2005, с. 35, ил. 18).

В 2006 г. ООО «Творческая мастерская реставрации и декора» (г. Архангельск) по заказу Соловецкого музея-заповедника подготовила научно-проектную документацию и провела «предварительные исследования» Соловецкой крепости, включая Корожную башню (Лебедев А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006). Была написана очень краткая историческая справка. Для сметы реставрационных работ на основании чертежей, изданных О. Д. Савицкой, произведен подсчет примерного физического объема башни: каменное основание — 4604,5 м³, с шатром — 5744,4 м³. После осмотра Корожной башни описано ее техническое состояние: «Кирпичное заполнение между валунами повреждено растительностью на 40% наружной поверхности стен. Заращение растительностью стен башни в местах примыкания северного и западного прясел (внутри и снаружи монастыря). Повреждена кирпичная кладка в подкровельной части на высоту в три ряда по всему периметру башни (выкрашивание раствора из швов кладки, выпадение отдельных кирпичей). На 4 ярусе башни повреждение лицевой поверхности кирпичной кладки: выветривание раствора, деструкция кирпича в бойницах. Захаб, расположенный на западном фасаде в основании башни, отошел от стены, и разрушен до половины. Кладка захаба находится в ветхом состоянии, раствор между валунами выветрился практически полностью. Наружная поверхность башни имеет известковую окраску в уровне 4 яруса. Общее состояние стен башни удовлетворительное <...> Шатер в плане многогранной формы. Ротонда завершается кровлей в форме шатрика. Утрачена большая часть ограждения ротонды. Кровля ро-

тонды покрыта двумя слоями теса, полицы имеют декоративную обработку. Частично утрачены полицы кровли ротонды, пики полиц в основании ротонды и полиц шатра. Утрачен прапор на завершении кровли. Незначительно повреждены полы ротонды. Тесовое покрытие полиц шатра и завершения ротонды сгнило, состояние теса и стропильных конструкций удовлетворительное. Общее состояние шатра удовлетворительное» (Лебедев А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 67).

После этого никаких реставрационных работ в Корожной башне не последовало. Доступ в нее был закрыт. На ней установили ретранслятор сотовой связи.

2.1.4. Никольская башня

Никольская башня находится в северо-восточном углу крепости, на переднем рубеже обороны (ил. 243–288). Вместе с Корожной башней она защищала подступы к монастырю с севера, где путь к ней преграждает сухой ров. Это вторая по мощности башня после Корожной, которой она немного уступает по параметрам.

Башня круглая и четырехъярусная, как и прочие четыре круглые башни Соловецкой крепости. Три яруса с пушечными печурами сложены из валунов, верхний ярус — из кирпича. Массив башни насчитывает 16–19 горизонтальных рядов камней. На 1-м ярусе — 5 пушечных печур, на 2-м и 3-м ярусах — 5 и 6 соответственно. Пороховая камера имеется только на 2-м этаже. Последний ярус включает 8 бойниц ручного боя.

Оценки параметров Никольской башни у архитекторов разнятся. По данным, основанным на изданных О. Д. Савицкой чертежах, диаметр ее валунного основания 23,5 м, высота основания 17,6 м, высота шатра 15,7 м, общая высота башни 33,3 м (Лебедев А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 43). По другим, более точным промерам, диаметр основания Никольской башни 20,7 м, диаметр верхнего яруса 17,75 м, высота башни до крыши 15,5 м, высота шатра 10,68 м. Общая высота 30,2 м (Вахрамеева Т. И., Копнин В. Г., Ефремов Ф. В. рук., 2011). Толщина стен в основании 6–7 м, в 3 ярусе — 4–4,5 м и в 4-м ярусе — 2 м (Владимирская В. В., Веселова Н. А. рук., 1989).

Никольская башня — единственная проездная с двумя широкими воротами. Проезд размещен под углом — «коленом». Внешние ворота с южной стороны прикрыты валунным откосом, между которым и крепостной стеной встроена сложенная из кирпича стрельница с пятью бойницами. Она предназначалась для надежного прикрытия ворот. Ранее в ней размещался механизм для опускания и подъема железной решетки (герсы). Сохранилась щель. В XVII в. над стрельницей висел набатный колокол.

Источники именуют ворота в башне Никольскими. Впервые эти ворота засвидетельствованы в описи 1639 г.: «*Да на городе над Никольскими ворота колокол набатной*» (Опись СМ 1639 г., л. 153). Упомянуты они и в документах под 1642 г., когда была построена Портная палата «*на две половины*» — «*нижняя для караульных Никольских ворот*» (Досифей, 1833, с. 65). Опись 1645 г. упоминает «*над Никольскими ворота колокол набатной*» (Книги 1645 г., л. 172). Книга 1651 г. сообщает, что «*в онбаре у Никольских ворот*» было складировано 1300 новых топоров (Книга 1651 г., л. 7). Согласно расспросным речам, в 1672 г., во время «Соловецкого сидения», белец Иудка Рогуев стоял на карауле в Никольской башне, но двое черных священников уговорили его уйти с ними из монастыря. И он «*с ними из Никольской башни бойницу ушел*» (Материалы, 1878, с. 332). Никольские ворота фигурируют и в отписке 1674 г. воеводы Мещеринова царю Алексею Михайловичу (Барсов Е. В., 1890, с. 101, 103, 114). Книги 1703 и 1709 гг. говорят о Никольских воротах (Книга 1703 г., л. 4 об.; Книга 1709 г., л. 4 об. — 5). Опись 1705 г. называет ворота «*проезжими*» и содержит сведения о железной «*запускной*» решетке (Опись СМ 1705 г., л. 324). В описи 1789 г. фигурируют Никольские ворота — «*под Никольскою башнею*» (Опись СМ 1789 г., л. 3 об.).

Название башни впервые отмечено в отписке воеводы Ивана Мещеринова времени «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.): «*...а подкоп до Никольские башни осталось вести десять сажен*». Позже,

в описи 1676 г. она фигурирует как проездная: «*около Никольской проезжей башни дватцать три сажени*» (Опись СМ 1676 г., л. 549 об., 551). Никольская башня названа в книгах 1694–1696 гг. (Книга 1694а г., л. 4 об.; Книга 1694а г., л. 4 об.; Книга 1695 г., л. 4; Книга 1696 г., л. 5). Наименование «Никольская башня» имеется и на планах монастыря 1770, 1790, 1845, 1884 гг. (План СМ 1770 г.; Васильев, 1790 г.; Дорожная книга 1845 г.), на гравюре 1850 г. (Ровинский Д. А., 1884), а также в смете 1815 г. (Смета СМ 1815 г., л. 4). Оно дошло до нашего времени без изменений и вариантов.

Наименование башни не имеет отношения к одноименной церкви XVI в. центрального комплекса, находящейся слишком далеко. Башню называли по иконописному образу над воротами, о котором впервые сообщила опись 1696 г.: «*В Никольских воротех над ворота образ Николая чудотворца, затвор слудной. Пред образом фонарь слудной в дереву*» (Книга 1696 г., л. 5 об.). Через 7 лет говорится о двух образах Николы Чудотворца по обе стороны ворот: «*Над воротыи образ в городе Николая чудотворца, у негa привесу поногоя серебряная резная, с другу страну образ Николы чудотворца Можайской да образ Зосимы и Саватия. Все три образа за слудами да фонарь слудной под железом <...> И вновь у Никольских ворот сверх отводных книг три фонаря слудяные: один под белым железом штигранной, два о четырех стенах, деревянные стенки*» (Книга 1703 г., л. 4 об., 7 об.). Это же описание икон повторено и в 1709 г. (Книга 1709 г., л. 5).

Как и в отношении других башен Соловецкой крепости, исторические сведения о Никольской башне скупы. Во время «Соловецкого сидения» 1667–1676 гг. это была самая укрепленная башня, поскольку Никольские ворота являлись главными проезжими воротами обители, через которые осаждавшие стремились попасть в монастырь. По Никольской башне постоянно велся огонь. Воевода Мещеринов приказывал делать под нее подкопы, чтобы взорвать ее, но неудачно⁵.

В 1676 г. в Никольской башне было наибольшее количество пушек — 13 шт.:

⁵ Однако трудно представить, каким образом можно было преодолеть оставшийся 21 м, так как на пути вставал сухой ров глубиной 3 м. Нужно было вести подкоп ниже дна рва. Вряд ли это было реально, учитывая твердость супеси и насыщенность ее камнями.

на 1-м ярусе — три, на 2-м ярусе — шесть, на 3-м ярусе — три, на 4-м — одна. Из них после активного применения во время «Соловецкого сидения» утратила свою боевую годность лишь одна: «В Никольской проезжей башни пушка железная дробовик, длина полтора аршина, станок и колеса гнили. Две пушки железные хвостушки, длиною одна два аршина шесть вершков, другая два аршина с четвертью <...> В верхнем бою пушка железная хвостуха, длина два аршина десять вершков, станок на колесах. В среднем бою пушка медная проломная, длина три аршина шесть вершков, розстрелана, к стрельбе не годится, станок на колесах окован, ядро к ней гривенка. Две пушки железных хвостушки, длиною одна два аршина десять вершков, другая два аршина с четвертью, ядро к ним три гривенки. Да отрывок пушки железной хвостушки, длина два аршина, к стрельбе не годится. Две пушки железные затинные. Длинною одна два аршина шесть вершков, другая аршин шесть вершков. В третьем бою пушка медная проломная дробовик, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы. Пушка медная полковая проломная, длина три аршина три четверти, а на ней вылит змей. Станок и колеса окованы, ядро к ней пол шести гривенки. Пищаль затинная железная, длина два аршина без четверти» (Опись СМ 1676 г., л. 558 — 559 об.).

К январю 1694 г. осталось 8 орудий. Впервые опись упоминает инструмент для тушения пожара, который мог возникнуть в случае, если противник вознамерится поджечь шатер башни: «Никольская башня. В верхнем бою три пушки в станках железных хвостушки. В среднем бою две пушки железные хвостушки. У среднего бою замок немецкой вислой. В воротех в нижнем бою дробовик железной короткой в станке. Две пушки железные в станках, пушка железная на вертлюге. Десять багров железных больших для пожарного времени. У ворот два замка клинчатых, большой да малой» (Книга 1694а г., л. 4 об. — 5).

В ноябре на 2-м ярусе башни стало на пушку меньше: «Никольская башня. В верхнем бою три пушки в станках железных хвостушки. В среднем бою пушка железная хвостушка. У среднего бою замок немецкой вислой. В воротех в нижнем бою дробовик железной кородкой в станке. Две пушки железные в станках. Пушка желез-

ная на вертлюге. Десять багров железных больших для пожарного времени. У ворот два замка клинчатых, большой да малой» (Книга 1694б г., л. 4 об. — 5). Такая ситуация оставалась и в 1695–1696 гг. (Книга 1695 г., л. 4 — 4 об.; Книга 1696 г., л. 5 — 5 об.).

В 1703 г. распределение пушек по ярусам было соответственно: 4, 6 и 4, всего 14 шт.: «На башне в верхнем бою две пушки медных больших, третья ж медна, средняя пушка ж медна затинная. В среднем бою две пушки медные большие, пушка медна дробовка небольшая, три пушки железные хвостушки. В воротах. Пушка железная чугунная большая. Да пушка железная дробовка. Две пушки железные средняя. Десять багров пожарных, в том числе один сломен. Пять топоров, два замка висучих большой да мала» (Книга 1703 г., л. 4 об. — 5).

Обильное вооружение башни сохранялось и в 1709 г.: в верхнем бою — 4, в среднем — 3 пушки и 8 пищалей ручных, в нижнем — 3 пушки, в воротах 4 пушки: «На башни в верхнем бою две пушки медных больших, третья медная средняя да пушка ж медная затинная. В среднем бою две пушки медные большие, осмь пищалей ручных, да пушка железная хвостушка. В нижнем бою пушка медна дробовка, две хвостушки железных. В воротах пушка железная чугунная болия, да пушка железная дробовка, две пушки железные средняя, десять багров пожарных, в том числе один сломен, два топора, два замка висучих большой да малой» (Книга 1709 г., л. 5 — 5 об.).

Январская ведомость 1790 г. прапорщика Иванова отмечает на 1-м ярусе Никольской башни 6 пушек, на 3-м ярусе три орудия и 8 пищалей, «под воротами» два орудия (табл. 9). Многие из них оказались небоеспособны (Ведомость 1790а г., л. 3 — 3 об.).

Летом 1790 г. во время очередной русско-шведской войны крепость Соловецкого монастыря была приведена в боевую готовность инженером-подпоручиком Васильевым. Расстановка орудий в Никольской башне существенно изменилась (Васильев, 1790 г., л. 27 об., 29). Здесь стояло 5 пушек с большим запасом снарядов — 440 ядер и 126 картечи (табл. 10).

К октябрю 1790 г., после окончания военной кампании, поменялся состав пушек (Ведомость 1790б г., л. 3 — 3 об.) (табл. 11).

Таблица 9

Сведения о пушках в Никольской башне на 12 января 1790 г.

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
<u>В Никольской</u>		
В верхнем этаже пушек медных		
Двухфунтовых	2	Оные сами собою в употребление годны, поставлены на лафетах, которые за ветхостию совсем не способны
Чюгунная лотовая	1	Старинного маниру на ветхом станке, к употреблению совсем не способна
Пищалей с ложами	8	Оные все старинного маниру и с ветхими рускими замками, в употребление не способны
В нижнем этаже медных		
Дробовик, у которого в отверстии диаметр против 12-го фунтового, а в камере не более может быть шестифунтовое ядро	1	Сам собою исправен и в употребление годен, поставлен на лафете, которой за ветхостию не способен
Пушек трехфунтовых	2	Оные, как сами собою, так первая и с лафетом, а последняя с одним станком без колес, в употребление способны
Чюгунных		
Гоубица пятифунтовая	1	Старинного маниру на ветхом неподвижном станке, к употреблению совсем не способен
Пушек		
Фунтовая	1	Хотя и старинного маниру, но к употреблению годна, поставлена на лафете, которой также, кроме колес, к надобности не способен
Лотовая	1	Старинного маниру, поставлена на неподвижном ветхом станке, но к употреблению способна
Тои башни под воротами		
Чюгунная	1	—
Гоубица пудовая	1	Старинного маниру без станка и лафета, в употребление не способна

Таблица 10

Пушки в Никольской башне по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где имянно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
На башне Никольской				
Пушек 5-ти фунтовая медная	1	92	8	—
3-х фунтовая медная	1	92	8	—
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	—
3-х фунтов медная	1	92	80	—

Таблица 11

Сведения о пушках в Никольской башне на 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий, разставленных на места и где имянно	Число орудий, поставленных на места	Снарядов		
		ко оным ядер	картечь	книпелей
<u>В башне Никольской</u>				
5-ти фунтов	1	92	8	—
3-х фунтов	5	460	40	—

Пушки стояли в башне и спустя четверть века. В 1815 г. на втором ярусе пушки размещались *«против каждого окна»* (Смета 1815 г., л. 4). То есть их было пять в соответствии с числом пушечных бойниц.

Из прочих сведений о Никольской башне отметим намечавшийся в 1815 г. ремонт ее деревянных конструкций, на который архимандрит Паисий хотел употребить 1 тыс. деревьев (Смета 1815 г., л. 4 — 4 об.). В ноябре 1818 г. эта северо-восточная *«угольная круглая»* башня крепости, как свидетельствуют очевидцы, горела (Дело 1819 г., л. 1, 7). Тогда *«погорели с северной стороны две башни <...> починкою исправлены 1820 года»* (Досифей, 1833, с. 140–141). В 1830 г. башню приспособили под склад, для чего был проведен ремонт: *«В северо-восточной Никольской башне для экономских кладовых в трех этажах сделаны бревенчатые потолки, широкия лестницы, двойныя створчатые двери с замками»* (Дело 1830 г., л. 5, п. 24).

Нахождение в башне склада в более позднее время подтверждает и пояснительная надпись к гравюре 1850 г. — *«башня Никольская складочная»* (Ровинский Д. А. 1884, № 27). В 1832 г. Никольская башня наряду с другими угловыми башнями была *«возобновлена и исправлена немалою кирпичною починкою»* (Дело 1832 г., л. 2, п. 3).

Изобразительные материалы достаточно точно передают представление о внешнем облике Никольской башни: она круглая с расширяющимся валунным основанием, как и прочие башни монастыря (ил. 289–292). Анализ изображений свидетельствует о том, что до середины XVIII в. смотровой вышки не было, поскольку она не представлена на гравюрах этого времени, включая полную реализма работу братьев Зубовых 1744 г. Но со второй половины XVIII столетия изображение вышки у Никольской башни уже дается (1765, 1790 гг.).

Первоначальное завершение вышки было в виде конического шатрика с полицей в основании и с прапором в виде флажка-флюгера. Оно просуществовало до 1830-х гг. На изображениях 1845, 1850, 1852 гг. вышка Никольской башни предстает уже с полусферическим купольным завершением. Это явно реконструкция шатра начала 1830-х гг.

Детальное представление об устройстве Никольской башни можно получить, изучая чертежи и рисунки инженера-подпоручика Васильева 1790 г. Интерьер башни по устройству бойниц и межъярусных перекрытий типичен для башен Соловецкой крепости. На чертежах 1790 г. на 1-м ярусе верно показано пять бойниц подшошвенного боя, на 3-м — шесть. Перекрытие балочное, сверху балок уложены толстые доски. Но отметим, что это дощатое покрытие вскоре заменили бревенчатым, более мощным. Так, в составленной через четверть века смете сказано: *«...в башне ж Никольской внутри наравне с крепостной стеной пол двойной накатной на толстых перекладинах и подъемах из самого был прочнаго лесу, на котором доселе против каждого окна пушки стояли»* (Смета СМ 1815 г., л. 4). На плане башни 3-го яруса 1790 г. показан люк *«для сообщения одного этажа с другим»*. Но он имел и иное назначение. Документ 1696 г. отмечает на 3-м ярусе Никольской башни блок — *«векша железная подъемная»* (Книга 1696 г., л. 5), которая могла использоваться и для подъема пушек.

На рисунках и чертежах 1790 г. над воротами изображена стрельница с наклонной деревянной кровлей. Под № 3 указано *«место над воротами для поднимания и опускания железной решетки»*. Вход в это специальное помещение вел с прясла восточной стены. Стрельница изолирована от 2-го яруса башни, куда был отдельный вход с прясла. На другом чертеже того же времени представлен разрез стрельницы, где грубо дорисован ворот, с помощью которого поднимали и опускали железную решетку, а также внутрстенный паз, куда *«забиралась»* решетка. Высота паза соответствовала высоте арочного проема. Три бойницы стрельницы (в натуре их пять) прикрывают подступ к воротам. Архимандрит Досифей отметил, что у всех ворот Соловецкого монастыря устроены двойные обитые железом деревянные двери, а на случай осадного времени *«толстые железные решетки, которые по надобности мгновенно на воротах могут быть опущены»* (Досифей, 1836, ч. 1, с. 258).

На гравюрах, рисунках, планах 1699, 1743, 1765, 1777, 1802, 1819–1825, 1825, 1837, 1852 гг. изображен арочный проем входа в башню со стороны монастырского

двора. Причем этот проем по размерам и форме не отличается от соседних бойниц подошвенного боя крепостной стены. Данная реалистическая черта наблюдается на фотографии башни 1888 г. (ил. 293), которая в свою очередь позволяет говорить о достаточной мощной поздней подсыпке на северном дворе у Никольской башни.

Устройство деревянного шатра Никольской башни такое же, как и у других башен. Ее детали: нижняя обвязка из бруса, полица, наклонные боковые стропила, три ряда обрешетки под доски кровли, обвязка в основании смотровой вышки, центральная вертикальная стойка. Количество граней определить затруднительно. На гравюре 1744 г. Зубовых их 8–10, на чертеже 1790 г. — 12 граней. В настоящее время их 13. На всех изображениях шатер Никольской башни показан с полицей. Световые окна в шатре, видимо, изначально отсутствовали: их нет ни на одной гравюре до 1791 г. На гравюрах XIX столетия в основании шатра изображено чердачное окно для выхода на кровлю.

Согласно масштабу чертежа 1790 г., высота шатра до смотровой вышки 5,9 саж. трехаршинных ($2,13 \times 5,9 = 12,57$ м), что вполне соответствует данным сметы 1815 г.: *«кумпол башенной, простирающей в вышину до 6-ти сажень, утвержденной из стены в стену подставами и столпами стоящими, кроме наружной тесовой оболочки»* (Смета СМ 1815 г., л. 4). Вышка с шатриком равна 2,8 саж. ($2,13 \times 2,8 = 5,96$ м). Высота каменного основания башни, по чертежам Васильева, составляет 6,9 саж. ($2,13 \times 6,9 = 14,7$ м).

Имеется несколько дореволюционных фотографий башни конца XIX — начала XX в. (ил. 293–295). На одной из них башня представлена со стороны монастырского двора до постройки гостиницы 1907 г. Тогда уже не действовал проезд и проход через нее, поскольку вход в монастырь осуществлялся через специальные ворота, прорубленные в ближайшей к югу печуре городской стены. Старый проход из башни в монастырь был зашит досками, но оставлена дверь для входа на 1-й ярус. Функционировала обходная наружная деревянная лестница с балясинами, соединявшая два входа с прясел на 2-й и 3-й ярусы башни. В связи с новыми городскими воротами был также заделан кирпичом вход в башню

через стрельницу. На фотографии на его месте окно, забранное решеткой.

На цветном фото С.М. Прокудина-Горского 1916 г. шатер Никольской башни обит железом и покрашен зеленой краской (ил. 293). При увеличении этой фотографии на прапоре читается прорезная дата 1910 г. — время ремонта. *«Вероятно, это был последний ремонт, связанный с пристройкой к башне каменного здания с внутренней стороны крепости»* (Вахрамеева Т.И., Копнин В.Г., Ефремов Ф.В. рук., 2011, с. 9).

В послереволюционное время башня не пострадала в огне мощного пожара 1923 г. Об этом, помимо письменных свидетельств, говорит и фотография того же года, на которой показана группа лиц во главе с П.Д. Барановским у подножия башни без каких-либо ее разрушений (ил. 296). О хорошем состоянии Никольской башни в 1920-е гг. можно судить по трем акварелям 1925 и 1929 гг. художников О.Э. Браза и С. Каменского, заключенных концлагеря. Как и на фотографии 1916 г., железная кровля шатра башни безвкусно выкрашена зеленой краской.

Первые обмеры Никольской башни состоялись в 1953 г. Их осуществил Государственный институт № 1 («Военморпроект») в связи с приспособлением зданий монастыря под нужды военно-морской базы Северного флота (ил. 297–300). При этом второй этаж оказался недоступен, а на первом ярусе ряд бойниц был заложен.

В 1961 г. архитекторы-реставраторы А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая (ЦНРПМ ВПНРК) разработали чертежи нового завершения Никольской башни: покрытия — кровли, смотровой вышки, прапора (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961) (ил. 301). Они же составили акт технического состояния башни, отметив ее общее удовлетворительное состояние: *«Общее состояние стен удовлетворительное. Трещин нет. Снаружи они в некоторых местах поросли травой и мхом, что способствует разрушению кладки. Вследствие использования нижнего помещения под склад, отсутствия проветривания, стены в них подвержены сырости. Бойницы в некоторых местах имеют повреждения. Отдельные камни выбиты, раствор выкрошился. Сквозь кладку просачивается вода от осадков. Бойницы 1-го, 2-го и частично 3-го яру-*

сов заложены. Фундаменты не отрывались. Перекрытия между ярусами почти полностью утрачены. Сохранилась лишь часть круглых балок большого сечения под накат второго и третьего ярусов. Накат местами сохранился в виде фрагментов. В удовлетворительном состоянии находится новое перекрытие над 1-м ярусом башни, которое, однако, носит характер временного. Перекрытие. Крыша башни шатровая. Кровля железная по обрешетке из досок вторичного применения, уложенных с зазорами. Деревянная конструкция шатра в хорошем состоянии. Кровля не крашена, местами проржавела и пробиита, вследствие чего сильно протекает. Это способствует общему разрушению башни. Сохранились лишь подставы. Лестницы между ярусами почти полностью утрачены. Сохранились отдельные части деревянной лестницы между пряслами и первоначальные деревянные лестницы в шатре. Полы полностью утрачены вместе с перекрытием. Первоначальная столярка и паковка почти полностью утрачена. Сохранились лишь подставки и первоначальные деревянные двери в воротах 1-го и 3-го ярусов. Общее состояние башни удовлетворительное» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 7–8).

В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманиновым был сделан стереообмер Никольской башни (Савицкая О.Д., 1980, с. 84). Известна фотография 1970 г. (ил. 302).

В 1974 г. под руководством О.Д. Савицкой были обмерены южные ворота башни, план 1-го яруса и одна бойница 1-го яруса — первая справа от южных ворот (Савицкая О.Д. рук., 1974; Савицкая О.Д., Морозевич Е. С., Скопин В.В., Гамбаров А.Д. рук., 1974) (ил. 303–304).

Вновь Никольская башня была осмотрена 28 лет спустя. 25 июля 1989 г. Комиссия из представителей Управления культуры Архангельского облисполкома, Соловецкого музея-заповедника, архитектора и инженера «Союзреставрация» засвидетельствовала неудовлетворительное техническое состояние памятника (Колебакина С.А., Поляруш С.М., Владимирская В.В., Веселова Н.А. рук., 1989). Было приведено инженерное заключение Н.А. Веселовой: «Фундаменты — массивные валунные, со-

стояние неудовлетворительное⁶. Стены башни массивные валунные на известковом растворе, в верхнем ярусе бойницы выложены из кирпича. Состояние кирпичной кладки неудовлетворительное. Два верхних ряда кирпичей разрушены. Пол первого яруса — кирпичный на ребро в «елку». Местами кладка пола отсырела. Перекрытие второго яруса утрачено, сохранились лишь две деревянные балки диам. 300–400 мм. Балки сгнили. Перекрытие третьего яруса. Сохранились балки, вторая с восточной стороны срезана. Все четыре балки опираются на матрицу диам. 400 мм. Состояние балок и матрицы неудовлетворительное. Перекрытие четвертого яруса. Сохранились четыре балки, опирающиеся на матрицу. Верхний слой балок, начиная от северной стены до матрицы, деструктирован. Сохранилась часть покрытия — сплошной накат диам. 150 мм, кирпич, залитый известью. Мауэрлат сборный из коротких брусьев 200×200 мм. Шатер состоит из центрального столба диам. 180 мм (опирается на две параллельные балки), четырех подкосов диам. 180 мм и 14 стоек. Покрытие кровельное по обрешетке 40 мм. Общее состояние конструкции шатра в целом удовлетворительное за исключением опорных узлов стоек шатра — некачественно выполненная работа, стойки опираются более на кирпичную кладку, чем на мауэрлат.

Выводы. Техническое состояние башни в целом неудовлетворительное. Конструктивная жесткость сооружения обеспечена. Необходимо восстановить полностью конструкцию перекрытия первого яруса, нарастить срезанную балку второго яруса (вертикальным зубом на двух панелях), а также восстановить прогоны и перекрытие второго яруса, поставить протезы взамен деструктированных слоев балок перекрытия третьего яруса (деструктированные слои снять и положить брусья накладки толщиной $\frac{1}{3}$ диаметра балок). Покрытие третьего яруса также восстановить. Необходимо также переложить два-три верхних слоя кирпичной кладки бойниц, а также пол первого яруса — местами. Необходимо поменять опорные узлы стоек шатра» (Владимирская В.В., Веселова Н.А. рук., 1989).

⁶ Данное заключение не обосновано. Неясно, на основании чего оно сделано.

В 1996 и 1997 гг. по заданию Соловецкого музея-заповедника под руководством архитектора И. Г. Брагиной была обмерена стрельница Никольской башни (*Брагина И. Г., Коробейник И. Г., Петровская Л. А.* рук., 1997) (ил. 305–307).

В 1996 г. археологически изучалось основание Никольской башни со стороны северного Сухого рва. Перед башней обнаружилась засыпка из песка с крупными валунами, нивелировавшая площадку. Нижний валун основания Никольской башни не удалось проследить из-за данной валунно-песчаной основы (*Буров В. А.* рук., 1996).

В 2005 г. архитектор-реставратор О. Д. Савицкая издала план 1-го яруса и восточный фасад башни, а также план внешних проездных ворот (*Савицкая О. Д.*, 2005, с. 35, ил. 18). В 2006 г., ориентируясь на данное издание, Соловецкий музей-заповедник предложил ООО «Творческая мастерская реставрации и декора» (г. Архангельск) осуществить предварительные работы по всей крепости Соловецкого монастыря, включая Никольскую башню. В кратком заключении инженерного обследования башни было отмечено: «Шатер башни давно не реставрировался. Покрытие шатра по обрешетке кровельным железом. Утрачено несколько металлических листов. Стропильные конструкции шатра обследованию недоступны, но можно предположить, что вследствие протечек кровли и давности последних ремонтно-реставрационных работ находятся в неудовлетворительном состоянии. Ротонда башни с оконными проемами снаружи обшита досками. Ротонда перекрывается шлемовидной кровлей, покрытой лемехом. Прапор и большая часть лемеха утрачены... Общее состояние шатра башни неудовлетворительное». «Полы первого яруса поздние, выстелены кирпичом “в елочку”. Полы на остальных ярусах отсутствуют. Перекрытия второго яруса утрачены, уложены только две балки из бревен. Концы балок сгнили в местах заделки в гнезда стен башни. Устройство перекрытий третьего яруса не завершено. Балки перекрытий из бревен уложены в гнезда, по ним местами

набросан настил из горбылей в виде временных ходовых мостиков. Перекрытия четвертого яруса утрачены⁷» (*Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С.* рук., 2006). Обмеры башни не проводились.

В 2011 г., вскоре после передачи Никольской башни в пользование действующему монастырю, теперь уже по его заданию были вновь осуществлены предварительное исследование Никольской башни. Работу выполнило архитектурно-реставрационное проектное предприятие ЗАО «ЛАД» (г. Петрозаводск), на этот раз более детально. Для проекта первоочередных противоаварийных работ сделаны качественные обмеры всех ярусов башни (ил. 308–312). В акте обследования технического состояния Никольской башни отмечалось: «Подвижек фундамента не обнаружено, деформаций здания, связанных с нарушением фундамента, также не обнаружено». «Состояние крыши недопустимое. Обрешетка обветшала, прогнили опорные части стропил, брус мауэрлата. Имеются повреждения покрытия, в результате временного износа, провоцирующего протечки внутрь башни». «Смотровая. Состояние ограничено работоспособное, на ряде элементов имеются следы пожара⁸, усилена в 2000-е годы металлическим каркасом». «Стрельня. Состояние работоспособное». «Окна-бойницы... большинство имеет позднюю закладку кирпичом». «Наблюдается повреждение кирпича в обрамлении бойниц. Необходимо дополнительное обследование бойниц и печур, подводящих к ним, для определения необходимого объема реставрационных и укрепительных работ». «Первоначальные ворота утрачены, их характеристики определяются по сохранившимся параметрам проемов в стенах, металлическим кованым элементам крепления ворот. Требуется дополнительное тщательное обследование проемов для их восстановления». «Состояние междуярусных перекрытий аварийное, большинство перекрытий между ярусами обрушились. Балки повреждены в местах опоры на стены и по длине». В заключении констатировалось, что общее техническое состояние башни признано аварийным, существует

⁷ Каким образом при обследовании Никольской башни не было замечено перекрытие 4-го яруса, остается загадкой (прим. В. Б.).

⁸ Примечание ниже по тексту: «...вероятно, была повреждена пожаром от удара молнии».

опасность обрушения сохранившихся конструкций междуэтажных перекрытий — балок и настилов. Проект предусматривал восстановление всех перекрытий в историческом виде. Для увеличения несущей способности перекрытий предусмотрено применение балок из лиственницы, а бревенчатого наката — из сосны. В конструкции шатра предусматривается полная замена всех элементов. Сохраняется осевой столб, установленный на два прогона и фиксируемый четырьмя подкосами. 13 стропил образуют различные по ширине грани шатра с опорой непосредственно на стену, минуя верхние бойницы. Оцинкованная кровля красится в зеленый цвет на основании сохранившейся иконографии начала XX в. (*Вахрамеева Т.И., Копнин В.Г., Ефремов Ф.В.* рук., 2011). По расчетам Вахрамеевой, выполненным на основании проведенных в 2011 г. обмеров башни, объем основной части Никольской башни составляет 4506,01 м³, объем основной крыши 1021,4 м³. Всего 5654,4 м³. Эти цифры существенно, на 1800 м³, отличаются от существенно завышенных подсчетов, проведенных в 2006 г. на основании уменьшенных чертежей из монографии О. Д. Савицкой: каменное основание 5841,5 м³, с шатром 7489,0 м³ (*Лебедько А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С.* рук., 2006, л. 43). Предполагалось, что после реставрации Никольская башня будет использоваться одновременно «как кладовые монастырского имущества и объект экскурсионного показа» (*Вахрамеева Т.И., Копнин В.Г., Ефремов Ф.В.* рук., 2011), что заведомо несовместимо. В 2016 г. началась реставрация башни. До этого она была задействована монастырем под склад.

2.1.5. АРХАНГЕЛЬСКАЯ БАШНЯ

Архангельская башня Соловецкой крепости расположена на юго-восточном участке крепости, на берегу Святого озера, всего в нескольких метрах от него (ил. 313–355). Башня круглая, глухая, непроходная, как и симметричная ей западная Стратилатовская (Прядильная), которая стоит вблизи морской бухты.

Башня имеет четыре боевых яруса. Наружный фасад включает 18 горизонтальных рядов валунов. Три нижних яру-

са с печурами пушечного боя, подобно остальным башням Соловецкой крепости, сложены из окатанных валунных гранитных камней. Промежутки кладки заполнены известковым раствором с мелкими камнями, швы снаружи зачеканены кирпичом и мелким камнем на известковом растворе. На 1-м ярусе имеется три пушечных печуры, на втором — пять, на третьем — тоже пять. Конструкция их типичная: в плане они имеют форму трапеции, стены валунные, свод кирпичный; амбразура сложена из валунов. Верхний ярус с 14 бойницами в виде раструбной щели сложен из большемерных кирпичей на известковом растворе.

Вход на 1-й ярус осуществляется со стороны монастыря через короткий арочный проем (длина 1,3 м, ширина 2 м), ведущий во внутрстенный сводчатый коридор шириной 2,5–2,65 м и длиной 4,1 м. В настоящее время вход засыпан землей примерно на две трети высоты. Коридор первоначально закрывался снаружи двухстворчатыми полотнами ворот (не сохранились), о которых свидетельствуют массивные железные кованые подставки, вмонтированные в стены. Пол, дата которого не определена, сложен из кирпича, уложенного на ребро в «елочку».

Вход на 2-й ярус башни осуществляется снаружи по восстановленной в 2002 г. внешней деревянной лестнице. Первоначальная лестница опиралась на консоли, концы которых были вмонтированы в специальные гнезда в толще крепостной стены. Наружный короткий арочный проход выводит в сводчатый коридор, обращенный в интерьер башни. Справа от него, с юга, в толще стены размещена небольшая сводчатая пороховая камера с окном-проходом. С противоположной северной стороны в толще прясла находится лестница шириной 0,94 м, ведущая на обходную галерею — боевой ход, откуда через проем ворот шириной 2,54 м попадали на 3-й ярус башни. Данные ворота запирались изнутри и, чтобы их не смогли снаружи снять с петель, над входом в перекрытии устроен уступ.

Основу конструкций не сохранившихся перекрытий между ярусами составляли массивные бревна-балки. Они укладывались в специальные гнезда диаметром 0,4–0,5 м перпендикулярно входу.

Максимальная длина балок между первым и вторым ярусами составляла 8,6 м, расстояние между центрами бревен — в пределах 1,25–2,25 м. Максимальная длина балок между вторым и третьим ярусами равнялась 8,3 м, расстояние между центрами бревен — в пределах 1,4–2,15 м. Поверх данных балок настилался бревенчатый пол — накат, концы бревен которого диаметром 0,18–0,2 м укладывались на специальный уступ в кладке стен.

Внешняя стена башни утоньшается кверху от 5,5 до 3 м и потому имеет заметный уклон. При этом внутренняя стена на высоту трех ярусов вертикальная. На четвертом ярусе кирпичная стена изнутри идет с отступом, вследствие чего ее толщина составляет всего 1,5–1,7 м.

Башню венчает деревянный десятигранный шатер со световым барабаном-ротондой, которая завершается полусферой с лемеховым покрытием и с карнизом в виде сухариков. На полусфере был установлен железный прапор.

Диаметр основания башни по примерным оценкам, основанным на опубликованных уменьшенных чертежах, 19 м, высота каменного основания 13,6 м, высота шатра 14,5 м (*Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С.* рук., 2006, л. 45).

Наименование Архангельской башни связано с ближайшей придельной церковью собора Архангела Михаила при Спасо-Преображенском соборе (1558–1566 гг.), построенном еще до возведения крепости. Письменные источники впервые упоминают Архангельскую башню под 1659 г.: «7167 года загорелись кровли на крепостной стене и на Архангельской башне от свечного завода, построенного за оградой» (*Досифей*, 1833, с. 69). Далее она упомянута в отписке 1674 г. воеводы Мещеринова (*Барсов Е. В.*, 1890, с. 114). Ее называют монастырская опись 1676 г. («около Архангелской башни шеснатцать сажень»), разные документы 1694–1696, 1705, 1709, 1789, 1790 гг. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 548 об. — 549, 554; *Книга 1694а г.*, л. 5 об.; *Книга 1694б г.*, л. 5 об.; *Книга 1695 г.*, л. 5 об.; *Книга 1696 г.*, л. 6 об. — 6; *Опись СМ 1705 г.*, л. 324; *Книга 1709 г.*, л. 6; *Опись 1789 г.*, л. 3 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 3 об. — 4; *Ведомость 1790б г.*, л. 1 об. — 2).

Название башни указано на планах 1770, 1790 и 1884 гг., рисунках последней

четверти XVIII в. На гравюре 1850 г. отмечено: «*Башня Архангельская складочная*» (*Ровинский Д. А.*, 1884, № 27, п. 15). Тем самым было указано на хозяйственное использование помещений башни во второй половине XIX в.

В начале XX столетия историк соловецких тюрем М. А. Колчин необоснованно полагал, что башня в древнее время носила название Головленковой (*Колчин М. А.*, 1908, с. 11). Судя по приводимому им описанию, он помещал тюремную камеру в пороховом погребе на 2-м ярусе. Однако после проведенного нами комплексного историко-археологического исследования твердо установлено, что Головленкова тюрьма располагалась в третьей печуре подошвенного боя к северу от Архангельской башни (*Буров В. А.*, 2000а). В 1930 г. неверное суждение М. А. Колчина о том, что данная «*Головленкова башня*» являлась тюремной, было повторено. Только на этот раз тюрьма размещалась на первом ярусе: «*Такая же земляная тюрьма* (как и в Коровной башне. — В. Б.) *существовала долгое время и в восточной Головленковой башне, что у Архангельских ворот*» (*Венедиктов-Безюк Д.*, 1930, с. 78–79).

Письменные источники приводят сведения о составе артиллерии, размещавшейся в башне в разные периоды. После «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.), согласно описи 1676 г., в Архангельской башне были зафиксированы следующие орудия: в нижнем бое одна пушка, в среднем две, в верхнем одна пушка и одна затинная пицаль. «*В Архангельской башне в нижнем бое. Пушка железная проломная чюгунная, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы железом, ядро к ней семь гривенок. В среднем бое пушка медная русское дело, длина четыре аршина с четвертью, станок и колеса окованы железом, ядро к ней пол семи гривенки. Пушка железная, отрывок, длина полтретья аршина, к стрелбе не годится, без станка. В верхнем бое пушка железная кованая, дьлина три аршина три четверти, станок окован, ядро к ней три гривенки. Пицаль затинная, длина пол третья аршина*» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 554–555).

В 1694–1696 гг. на 3-м ярусе стояли три пушки, на 2-м — две. Из них две были в обломках: «*Архангельская башня. В верхнем бое ствол железной, жагорник. Пуш-*

ка медная, обломак. Пушка железная хвостушка. В среднем бою полпушки железных в станке. Пушка железная скорострельная» (Книга 1694а г., л. 5 об. — 6; Книга 1694бг., л. 5 об. — 6; Книга 1695 г., л. 5 об. — 6; Книга 1696 г., л. 6 об. — 7).

В 1703–1709 гг. ситуация несколько изменилась: «На Архангельской башне. В верхнем бою пушка медная средняя. Пушка ж медна да пушка железна хвостушка. В среднем бою пушка железна скорострельна, в ней две вкладки, другая железная хвостушка» (Книга 1703 г., л. 5 об.; Книга 1709 г., л. 6 — 6 об.).

Ведомость вооружения от 12 января 1790 г. отмечает, что число пушек на 3-м ярусе увеличилось до четырех, на 2-м ярусе их осталось две. Но при этом пять пушек были непригодны для стрельбы (Ведомость 1790а г., л. 3 об. — 4) (табл. 12).

После подготовки крепости к обороне во время войны со Швецией летом 1790 г. положение было исправлено. Ведомость от 21 октября сообщает уже о четырех орудиях, годных к стрельбе, и перечисляет запас ядер и картечи к ним (Ведомость 1790б г., л. 3) (табл. 13).

Пушки продолжали находиться в Архангельской башне и после упразднения Соловецкого монастыря советской властью. Возможно, именно эту башню в 1922 г. осмотрел П.Д. Барановский: «В одной из башен сохран[ились] в бойницах пушки на колесах. Жаль, что башня завалена всякими железн[ыми] обрезками и хламом» (Соловецкий монастырь, 2000, с. 23). В 1923 г. при составлении описи историко-художественных предметов Соловецкого монастыря Комиссией отдела музеев Наркомпроса было зафиксировано: «В Архангельской башне три пушки без колес» (Балан С.Б., 2006, с. 148). Надо полагать, именно две из них и были найдены археологами в 1968 г. под завалом железа (Кирпичников А.Н., Шилик К.К. рук., 1968, л. 3–4; 1969, с. 25–26).

Из письменных источников известно о трех ремонтах Архангельской башни. Об одном из них можно догадаться на основании приведенного сообщения о пожа-

ре 21 июля 1659 г., когда «загорелись кровли на крепостной стене и на Архангельской башне» (Досифей, 1833, с. 69). В 1759 г. «покрыта в монастыре Архангельская башня тесом» (СЛ-4 XVIII в., л. 70 об.). Третье сообщение о починке кирпичом башни относится к 1832 г., когда Архангельская башня наряду с другими угловыми башнями была «возобновлена и исправлена немалою кирпичною починкою» (Дело 1832 г., л. 2, п. 3). К данному времени, очевидно, следует отнести и смену деревянного шатра.

В 1920 г. шатер был отремонтирован или возобновлен. Об этом свидетельствовала прорезная двухстрочная надпись на железном прапоре «1920 года». Прапор простоял до 2013 г., когда он упал (взят в фонды СГИАПМЗ). На фотографии 1922 г. (до пожара 1923 г.⁹) башню венчает, скорее всего, тот же прапор (Соловецкий монастырь, 2000, с. 116, табл. LXXIII).

Тот факт, что прапор с указанной датой сохранился до нашего времени, является прямым свидетельством, что башня не пострадала во время пожара 1923 г. Тем не менее архитектор-реставратор В.В. Сошин писал, что Архангельская башня горела и что ее шатер был восстановлен после пожара 1923 г. (Сошин В.В. рук., 2003). Данное заключение неверно еще и потому, что в документе от 22.08.1923, составленном на Соловках архитектором П.Д. Барановским о ремонте и сохранении зданий Соловецкого монастыря, прямо говорится: «сгорело 4 башни» (Соловецкий монастырь, 2000, с. 32). Все четыре сгоревшие башни без шатров в том же документе перечислены: Прядильная, Успенская, Поваренная и Квасоваренная. Они же отображены на фотографиях, зафиксировавших последствия бедствия 1923 г. Кроме того, увенчанная шатром Архангельская башня изображена на акварели 1925 г. художника О.Э. Браза, заключенного концлагеря (ил. 361).

На общих видах Соловецкого монастыря Архангельская башня представлена, как правило, издалека, с запада, со стороны моря. Ее заслоняет крепостная стена, виден только шатер и бойницы верхнего

⁹ В указанном издании фотография ошибочно датирована 1923 г. На самом деле она должна быть отнесена к 1922 г., времени первого визита П.Д. Барановского на Соловки. Об этом свидетельствует изображение на заднем плане Поваренной башни Пристенка с целым шатром (шатер был уничтожен огнем в 1923 г.).

Таблица 12

Сведения о пушках в Архангельской башне на 12 января 1790 г.

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
В Архангельской		
В верхнем этаже пушек медных:		
Пятифунтовых	1	Поставлена на лафете, за негодностию к употреблению не способна
Трехфунтовая	1	Поставлена на лафете, с которым в употребление способна
Чюгунных:		
Фунтовая	1	Старого маниру на неподвижном ветхом станке, к употреблению не способна
Лотовая	1	Старинного маниру на неподвижном ветхом станке, в употребление не способна
В среднем этаже		
Пушек чюгунных:		
Трехфунтовая	1	Старинного маниру на ветхом лафете, к употреблению не способна
Лотовая	1	Без станка и лафета, лежачая, старинного манира, к употреблению не способна

Таблица 13

Сведения о пушках в Архангельской башне на 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий, разставленных на места и где имянно	Число орудий, поставленных на места	Снарядов		
		ко оным ядер	картечь	книпелей
В башне Архангельской				
Пушек 18-ти фунтовых	1	82	15	—
5-ти фунтовых	1	92	6	—
3-х фунтовых	1	92	8	—
1 ½ фунта	1	40	—	—

яруса. С востока и юга башня показана полностью лишь на рисунках 1790 и 1844 гг. (ил. 356–359). Она имеет расширяющуюся книзу валунную кладку с тремя ярусами бойниц и кирпичным верхом со щелевидными бойницами и по своему внешнему облику не отличается от прочих башен Соловецкой крепости.

На чертеже 1-го яруса 1790 г. инженера-подпоручика Васильева верно показаны три печуры подошвенного боя. На 2-й ярус попадали по деревянной лестнице, пристроенной с внешней западной стороны крепостной стены и представленной на гравюре Зубовых 1744 г. 3-й ярус, где было пять пушечных печур, сообщался с обходной галереей стены. На самый верхний ярус должны были проникать по лестнице с 3-го этажа. Но на чертеже 1790 г. она почему-то не отображена.

Шатер Архангельской башни на гравюрах и рисунках до второй четверти XIX в. изображался конусообразным без смотровой вышки с флажком-флюгером. Это прямое указание на то, что раньше данной вышки не было. Впервые изображение вышки встречено на двух видовых гравюрах 1827 г. Затем ее силуэт становится традиционным. Появление вышки, видимо, надо отнести ко времени ремонта шатра после 1825 г. На гравюрах и рисунках 1845, 1850 и 1852 гг. конусовидный шатрик заменен полусферическим завершением. Данную замену следует связывать с ремонтом 1832 г. всех угловых башен. Новый тип шатра Архангельской башни запечатлен и на фотографии конца XIX в. (ил. 360). Его изображение присутствует на акварелях 1925 и 1929 гг. В это время он покрашен красной крас-

кой, очевидно, по железному покрытию (ил. 361–362).

У шатра имелась полица, условное изображение которой представлено почти на всех гравюрах и рисунках. О длине полицы судить трудно, так как даже на чертежах 1790 г. она разная: в одном случае заметно выступает, в другом — едва заходит за край кирпичной кладки верхнего яруса башни. Определить точное количество граней шатра Архангельской башни, как и для других башен, невозможно. Шатер показан схематично и чаще всего идеально круглым в основании. На некоторых рисунках и гравюрах шатер дан с 6–8 гранями. Однако по чертежам Васильева 1790 г. граней насчитывалось 12–14, а по другим изобразительным источникам начала XIX в. их было 8–10 или 10–12. Световые окна в шатре не показаны. Исключение составляет их изображение на гравюре 1827 г. На гравюре 1810 г. видно чердачное окно для выхода на кровлю. Высота шатра по масштабу чертежа 1790 г. равнялась 6 трехаршинным саженям. С учетом применявшейся Васильевым сажени, равной 2,13 м, шатер возвышался над башней на 12,78 м. На том же чертеже высота башни составляет 6,5 саж. (12,84 м). Соотношение 6,5:6.

Обследование Архангельской башни началось только в середине XX в. В 1953 г. попытки Государственного института № 1 «Военморпроект» обмерить Архангельскую башню в связи с общим проектом приспособления зданий монастыря под военно-морскую часть не удались. Помешали завалы и отсутствие межъярусных перекрытий (*Крепость, обмеры*, 1954) (ил. 363).

В 1961 г. был произведен первый осмотр Архангельской башни архитекторами-реставраторами А.В. Воробьевым и О.Д. Савицкой, которые составили описание ее технического состояния, признав его удовлетворительным: «*Стены башни выложены из валунов и большемерного кирпича. Кладка аналогична кладке в других башнях. С внешней стороны они покрыты растительностью, что не благоприятствует их сохранению. Имеет место небольшое выветривание, растрескивание и выпадение отдельных камней. Вертикальных трещин нет. Во время дождя вода просачивается в бойницы, вследствие чего имеются некоторые разрушения в кладке.*

Все бойницы 1-го, 2-го и 3-го ярусов заложены, в верхнем ярусе защиты тесом. Общее состояние стен удовлетворительное. Фундаменты открывались с внешней стороны монастыря в углах между стенами и башней с северной и южной стороны. Они выложены из крупных валунов. Глубина заложения в шурфах от 1,2 м до 1,4 м. Подошва лежит ниже уровня грунтовых вод. На всю глубину шурфа грунты насыпные, в основании фундаментов — щебенка. Сохранились в хорошем состоянии. Перекрытия и полы в башне полностью утрачены. Сохранились лишь гнезда в кладке. Крыша шатровая, не первоначальная; кровля из теса. Сохранились в удовлетворительном состоянии. Каменная лестница из валунов в прясле, которая ведет на 2-й ярус башни, хорошо сохранилась. Все деревянные лестницы утрачены. Вся столярка и железные изделия почти полностью утрачены. Сохранились лишь подставы в воротах. Общее состояние башни удовлетворительное» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961, с. 14–15).

Следует обратить внимание на бойницы, заложенные кирпичом или защиты тесом, и представление архитекторов о фундаментах, под которыми понимался нижний ряд валунов стены, а не собственно фундаментная часть. Хотя и отмечено, что грунты насыпные, но не говорится, что это наросший культурный слой. Удовлетворительное состояние шатра документировано фотографией 1962 г. (ил. 364).

Длительное время Архангельская башня не была обмерена. Виною тому были завалы и отсутствие перекрытий. В 1953 г. была приведена только схема 3-го яруса и выполнены обмеры участка обходной галереи, примыкавшей к этому ярусу башни (ил. 363). В начале XXI в. техническое состояние башни вызывало опасение специалистов, которые отметили: «*Неблагополучна Архангельская башня*» (Шилова Т.В., 2001, с. 178).

В 2003 г. для Архангельской башни НИППК «Палата» (пос. Соловецкий) была разработана вся необходимая научно-проектная документация в 7 томах для реставрации памятника. Написана историческая справка, отмечены конструктивные особенности башни. В составленном акте технического состояния башни отмечалось, что «в результате

неблагоприятного воздействия грунтовых вод, близости Святого озера и общего неблагоприятного воздействия гидрологии имеют место вымывания раствора материала основания и, как следствие, деформации и просадки. В целом состояние удовлетворительное. <...> Наблюдаются нарушения кладки, швов между валунами, трещины. С внутренней стороны монастыря высокий уровень культурного слоя (более 1 м). С восточной (внешней) стороны нижняя часть стен закрыта культурным слоем, образовавшимся при строительстве набережной в XIX в.». Отмечены трещины и локальные утраты кирпичной кладки. Также указано на неудовлетворительное состояние шатра Архангельской башни — множественные утраты, протечки, поражения гнилью, следы деформации. Шатер, по мнению В.В. Сошина, появился после пожара 1923 г., во время УСЛОНа. Общий объем памятника оценен в 2586 м³. В сложнейших технических условиях, при отсутствии перекрытий, были осуществлены обмеры всех четырех ярусов башни с бойницами и шатра (ил. 365–371). Были высказаны предложения относительно эскизного проекта реставрации (Сошин В.В. рук., 2003).

В 2005 г. архитектор-реставратор О.Д. Савицкая издала план первого яруса башни с Архангельскими воротами¹⁰ (Савицкая О.Д., 2005, с. 38, ил. 21).

В 2006 г. архитектором ООО «Творческая мастерская реставрации и декора» (г. Архангельск) было сделано следующее заключение о состоянии шатра Архангельской башни: *«Тесовое покрытие шатра в два слоя; нижний слой теса выполнен не сплошным, а с зазорами и поэтому в местах, где утрачены верхние доски теса, образуются сквозные щели. Тесовое покрытие шатра сгнило, 40 % полиц шатра утрачено, свесы кровли не обработаны на “пику”. Стропильная конструкция шатра при визуальном осмотре снизу находится в удовлетворительном состоянии. Конструкции ротонды и кровли ротонды сгнили, утраты лемеха. Полностью утрачено столярное заполнение окон ротонды. Общее состояние шатра башни аварийное <...> Кирпичные полы 1-го яруса повреждены на значительной площади»* (Лебедько А.С., Прусак О.В.,

Фалеев Е.С. рук., 2006, л. 70–72). Был подсчитан физический объем памятника.

В 2017 г. Архангельская башня была реставрирована по проекту ЦНРПМ (г. Москва).

2.1.6. БЕЛАЯ БАШНЯ

Белая башня расположена в юго-восточной части Соловецкой крепости. Это передний край обороны с юга, в комплекс которого наряду с башней была включена хозяйственная постройка при мельнице конца XVI в. — Сушило. Подступы с южной стороны преграждал оформленный камнем ров. Время пристройки Белой башни к пряслу мы относим, как уже отмечалось, к 1595 г. Ее возвели 155 наймитов после 8 июня до 1 октября.

Белая башня круглая четырехъярусная, проходная. Наружная стена сложена из 15–16 горизонтальных рядов валунных камней (ил. 372–416). Проход традиционно размещен «коленом», под углом. Канал для засова при воротах Белой башни имел длину 2,08 м при ширине 0,54 м и высоте 0,42 м. С противоположной стороны под конец бревна имелось гнездо глубиной 0,64, шириной 0,32 и высотой 0,42 м.

Внешние ворота с северной стороны прикрыты валунным откосом. Три яруса с пушечными печурами сложены из валунов, верхний ярус с ружейными бойницами — из кирпича. На 1-м ярусе — 4 пушечных печуры, на 2-м и 3-м ярусах — по 5 бойниц и по пороховой камере. Верхний ярус включает 8 бойниц ручного боя, равномерно распределенных по кругу. На 2-м и 3-м ярусах имеются внутрстенные пороховые камеры. Башню венчает восстановленный многогранный деревянный шатер со смотровой вышкой с конусным шатриком.

Вход на второй ярус осуществлялся по наружной валунной лестнице, ныне наполовину разрушенной. С нее попадали в узкий сводчатый коридор, проложенный в массиве прясла. Из того же коридора кирпичная лестница вела на прясло. На третий ярус башни входили со стороны боевого хода через широкие арочные ворота.

¹⁰ В издании план представлен зеркально.

Название «Белая башня» впервые упоминается во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) в отписке 1674 г. воеводы Мещеринова государю, в которой говорится, что осажденные «*выходили из города на вылазку подлазом за Белую башню к Онуфрею* (кладбищенская церковь к югу от монастыря. — В.Б.) *в шанцы на отводные караулы*» (Барсов Е.В., 1884, с. 72). Далее о Белой башне сообщают многочисленные документы: опись Соловецкого монастыря 1676 г. (Опись СМ 1676 г., л. 548, 552 об.), отводные книги 1694–1696, 1703, 1709 гг. (Книга 1694а г., л. 6; Книга 1694б г., л. 6; Книга 1695 г., л. 6; Книга 1696 г., л. 7; Книга 1703 г., л. 5 об. — 6; Книга 1709 г., л. 6 об. — 7), описи 1705 и 1789 гг. (Опись СМ 1705 г., л. 324; Опись СМ 1789 г., л. 3 об.). Указано данное название и на плане монастыря 1770 г., чертежах 1790 г. инженера-подпоручика Васильева, в ведомостях 1790 г. (План СМ 1770 г.; Ведомость 1790а г., л. 4; Ведомость 1790б г., л. 3; Васильев, 1790 г., л. III, № 30).

Происхождение наименования неясно. Единственное и к тому же анекдотичное объяснение предложено Г.А. Богуславским в популярной книге: «*В белый цвет башня никогда не красилась, не исключено, однако, что цвет этот придавала ей годами оседавшая на ее стенах мука — ведь рядом находилась мельница, а хлебные запасы хранились не только в здании сушила, но и в самой башне*» (Богуславский Г.А., 1966, с. 56; 1978, с. 59). Достаточно реалистичным представляется мнение архитектора-реставратора В.В. Сошина: своим названием башня обязана стоявшему рядом сушилу, кирпичные стены которого до начала XVII в. имели белую обмазку и только позже были обложены валуном. Действительно, на известной лицевой миниатюре Вахрамеевской рукописи рубежа XVI–XVII вв. Сушило, в то время еще не обложенное валунной стеной, показано белым пятном.

Впрочем, не всё так просто, поскольку термин «белый» имел распространение в русском оборонительном зодчестве XVI–XVII вв. Так назывались деревянная башня Сумского острога (Фруменков Г.Г., 1975, с. 64), кирпично-валунная башня

XVI в. Окольного города в самом Новгороде (Монгайт А.Л., 1952, с. 14, рис. 1; Каргер М.К., 1988, с. 102–103)¹¹, кирпичная башня с белокаменным цоколем Нижегородского кремля начала XVI в. (Трофимов И.В., Кирьянов И.А., 1952, с. 341; Кирьянов И.А., 1968; Иванов Ю.Г., 2004, с. 291). Кирпичная Белая башня имелась также в Можайском кремле 1624–1626 гг. (Сергеева-Козина Т.Н., 1952, с. 370). Знаменательно, что новгородская Белая башня XVI в. стояла на завершении Окольного города, неподалеку от протоков Волхова, при дороге. Термин «белый» означал не только цвет. Он имел также значения «чистый», «передний», «главный», в частности применительно ко двору (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1975а, с. 138). Не исключена трактовка данной башни как передней, крайней, а также главной башни крепости, что полностью отвечает ее месту в системе фортификации Соловецкого монастыря.

Один раз, на гравюре 1850 г., башня названа Солодовенной: «*Башня Солодованная, при коей растет солод для квасу*» (Ровинский Д.А., 1884, № 27, пп. 14). В литературе можно встретить и иное название Белой башни — Головленкова. Но оно — явное изобретение времени Соловецких лагерей особого назначения (1923–1936), впервые появилось в статье сборника Соловецкого общества краеведения, будучи придуманным ее автором, проявившим интерес к тюрьмам (Иванов А.П., 1927б, с. 7, 17–19, табл. III–VI). С тех пор это название незаслуженно прошествовало вплоть до наших дней не только по страницам научно-популярной, но и научной литературы (Гемп К.П. рук., 1951, л. 4; Гернет М.Н., 1960, с. 268, рис. 20; Богуславский Г.А., 1966, с. 56; Фруменков Г.Г., 1968, с. 11–12, 15, 17; Савицкая О.Д., 2005, с. 20–22, 34, 83, 84, ил. 17). **Антиисторическое название «Головленкова башня» применительно к Белой башне, якобы связанное с находившейся в ней тюрьмой, до сих пор трудно искоренить.** На самом деле Головленкова тюрьма располагалась к северу от Архангельской башни в толще крепостной стены. Свое наименование она получила по фамилии одного из первых узников Ивана Головленкова и к Белой башне никакого

¹¹ Прежняя датировка башни концом XV в. пересмотрена Г.М. Штендером, который относит ее к XVI столетию. См: Каргер М.К., 1988, с. 231, прим. 34.

отношения никогда не имела (Буров В.А., 2000а). История данной тюрьмы рассмотрена в отдельной главе.

Письменные источники освещают историю Белой башни крайне скупо. В основном они относятся к «Соловецкому сидению» 1667–1676 гг., когда монастырь в течение 10 лет находился в осаде царских войск. Как уже упоминалось, монахи «выходили из города на вылазку подлазом за Белую башню к Онофрею в шанцы на отводные капанулы». Кроме того, воевода Иван Мещеринов намеревался даже зажечь ее кровлю, надеясь, что пожар перекинется на стоявшие по соседству деревянные хлебные амбары и лишит осажденных продовольственных запасов (Барсов Е.В., 1890, с. 102, 114, 123). По его приказу под Белую башню подводили подкоп. По ней били из пушек. Часть монастырских пушек, находившихся в башне, была разбита, прислуга убита (Отписки, 1884, с. 16, 72, 81; Борисов А.М., 1966, с. 273–274).

Белую башню (явно объединяя ее с Сушилом) упоминает монах Феоктист в челобитной царю от 22 января 1676 г.: «Я, нищий твой государев богомолец, тое Белые башни в бойницу вшед и твоих великаго государя ратных людей в город ввел, и у городского тайника, збив замки, ворота отворил, и твои великаго государя ратные люди в город Соловецкого монастыря вошли» (Барсов Е.В., 1890, с. 138–139). Сразу после взятия монастыря были устроены обмеры крепости: «Около Сушиленной и Белой башни дватцать четыре сажени» (Опись СМ 1676 г., л. 548 об.).

Вооружение башни в течение нескольких веков включало от четырех до девяти орудий. В 1676 г. по ярусам они распределялись следующим образом: на 1-м ярусе было две пушки, на 2-м — четыре, на 3-м — две: «В Сушиленной и в Белой башни в нижнем бою пушка железная дробовка, длина полтора аршина, станок и колеса окованы. Отрывок большой пушки медной, длина два аршина без дву вершков, к стрельбе не годится. В среднем бою пушка медная русское дело, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы железом, к ней ядро три гривенки. Пушка железная небольшая хвостушка, длина аршин три вершка, станок на колесах. Пушка железная небольшая скорострельная, длина полтора аршина. Пицаль затинная без замка, длина

полтретья аршина. В третьем бою пушка медная проломная, длина четыре аршина, станок окован, к ней ядро пол семы гривенки. Пушка железная, длина полтора аршина на колесах, к ней ядро пол гривенки. Да подле Белой башни на городской стене две пицали затинные без замков, в длину по аршину по десяти вершков. Пицаль затинная, длина аршин пять вершков. Пушка железная небольшая хвостуша, длина два аршина три вершка» (Опись СМ 1676 г., л. 552 об. — 554).

В июле и ноябре 1694 г. в верхнем бою было отмечено 4 пушки: «Белая башня. В верхнем бою три пушки железных хвостушки. Пушка медная дробовка» (Книга 1694а г., л. 6; Книга 1694б г., л. 6; Книга 1695 г., л. 6; Книга 1696 г., л. 7).

В 1703 и 1709 гг. в верхнем бою стояли 4 пушки, в среднем 3, в нижнем — 2 пушки: «На Белой башне. В верхнем бою пушка медна Богдан. Друга ж медна средняя, третья медна ж малая дробовка да железна небольшая. В среднем бою пушка медна большая Богдан, другая ж медная большая, третья медная ж небольшая затинная. В нижнем бою пушка железная дробовик, другая железная ж хвостуха» (Книга 1703 г., л. 5 об. — 6; Книга 1709 г., л. 6 об. — 7). В январе 1790 г. на 3-м ярусе находились три пушки, на 2-м — четыре пушки, на 1-м ярусе — одна пушка. Из них четыре орудия были непригодны к стрельбе (Ведомость 1790а г., л. 4) (табл. 14).

Летом 1790 г. прибывшая на Соловки военная команда восстановила вооружение на башне. После ее отъезда артиллерия Белой башни включала шесть орудий, укомплектованных 336 ядрами и 6 картечами (Ведомость 1790б г., л. 2, 3) (табл. 15).

Остальные исторические сведения о башне относятся уже к XIX в., когда она утратила свои оборонные функции. Считают, что с 1835 г. именно в ее каземате пребывал декабрист А.С. Горожанский. В качестве доказательства приводят надпись, обнаруженную в 1920-х гг. на одном из камней «каюты» (бойницы) — «14 декабря 1825 года» (Иванов А.П., 1927б, с. 18; Фруменков Г.Г., 1968, с. 148–155).

В середине XIX в. Белая башня использовалась для хозяйственных целей, о чем на гравюре 1850 г. сообщает пояснительная надпись (Ровинский Д.А., 1884, № 27).

Таблица 14

Сведения о пушках в Белой башне на 12 января 1790 г.

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
В Белой		
В верхнем этаже пушек медных		
Трехфунтовых	2	Оные сами собою к употреблению годны, первая и с лафетом, а у последней лафет за ветхостию не способен
Двух с половиною фунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафет, которой за ветхостию не способен
В среднем этаже пушек		
Медная шестифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафете, которой за ветхостию совсем не способен
Чюгунных		
Дробовик полупудовой	1	Старинного манира на неподвижном ветхом станке, в употребление совсем не способной
Пушка полуфунтовая	1	Хотя и старинного маниру, но сама собою в употребление годна, стоит на неподвижном ветхом станке
Пищаль фунтовая	1	Старинного маниру на неподвижном ветхом станке и к употреблению совсем не способна
В нижнем этаже		
Пушка чюгунная семифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафет, которой за ветхостию совсем не способен

Таблица 15

Сведения о пушках в Белой башне на 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий и где именно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
В башне Белой				
Дробовик	1	20	—	—
Пушек 6-ти фунтовых	2	184	6	—
3-х фунтов	1	92	—	—
2 ½ фунтов	1	40	—	—

Сведений о ремонтах башни немного. В 1815 г. намечался ремонт «кумпала» Белой башни (*Смета СМ 1815 г.*, л. 4 об.). Из рапорта архимандрита Досифея известно, что в 1832 г. Белая башня наряду с другими угловыми башнями была капитально вычинена: «Пять главных во ограде монастырской больших угловых башен, которые пришли от долговременности в ветхость, опасны были к разрушению. Оныя возобновлены и исправлены немалою кирпичною починкою, так что на многия лета могут быть прочны, стоили большова труда и издержек» (*Дело 1832 г.*, л. 2, п. 3). Однако не ясно, что под этим подразумевается: то ли реставрация кирпичной стены 4-го яруса со щелевидными бойницами, то ли наружная вычинка кирпичного заполнения про-

межутков между валунами. В изданном Досифеем Соловецком летописце сказано, что в это время башню «чинили кирпичом» (*Досифей*, 1833, с. 155). В это же время фонарь шатра Белой башни получил купольное завершение.

В литературе имеются неподтвержденные пока сведения о том, что зимой 1848 г. Белая башня пострадала от пожара (*Богуславский Г.А.*, 1966, с. 59; 1971, с. 56).

Представление о древнем облике Белой башни и его эволюции дает подборка изобразительных материалов конца XVII — начала XX в. (ил. 417–421). На абсолютном большинстве изображений башню венчает островерхий деревянный шатер со смотровой вышкой — прямое свидетельство того, что такой тип был изначала.

Шатер был покрыт тесом. Изображение досок встречается практически на всех ранних гравюрах и рисунках. Тес показан художниками разлиновкой: в одном случае схематично, в другом — весьма отчетливо. По высоте тес крылся в три ряда-пояса заподлицо. На некоторых изображениях указано два ряда. Шатер был многогранным. Установить точное количество граней на основании графических материалов невозможно. Например, на видовой гравюре 1744 г. Белая башня изображена с четырьмя гранями по западному фасаду. Им должны соответствовать в таком случае еще четыре грани с восточной стороны. При этом очевидно, что северная и южная грани могли полностью выпадать из поля зрения художника. Отсюда общее число граней шатра Белой башни могло быть от 8 до 10. Наиболее достоверным изображением шатра Белой башни следует считать чертеж 1790 г., на котором представлен ее разрез. Там показано семь стоек, соответствующих шести граням половины шатра. То есть всего граней было 12. На рисунках и гравюре 1840–1850-х гг. количество граней от 8 до 12.

Многогранный шатер Белой башни был снабжен полицей. Она четко изображена на гравюре 1744 г. Световые окна в шатре, судя по изобразительным данным, отсутствовали до начала XIX в. Нет окон и в шатре на чертежах Васильева 1790 г. Но в XIX столетии они для Белой башни характерны.

Установить форму вышки по наиболее ранним изображениям не представляется возможным, так как они во многом условны. Более достоверны изображения смотровой вышки Белой башни рубежа XVIII–XIX вв., на рисунке инженера-подпоручика Васильева 1790 г., гравюрах 1810, 1819–1825 гг. Здесь обозначены три грани только с одной стороны, из чего можно заключить, что в указанное время вышка имела в плане форму многогранника с числом граней от шести до восьми. На остальных видовых гравюрах первой половины XIX в. вышка снова изображена условно. Смотровая вышка завершалась кровлей, которая на всех гравюрах и рисунках конца XVII — первой четверти XIX в. представлена малым шатриком пирамидальной формы с полицей в основании. В 1830-х гг. данное пирамидальное завершение заме-

няется купольным. Графический материал 1844 г. фиксирует эту переделку. В начале XX в. фонарь имел два окна: «...шатер круглый, фонарь с двумя чердачными окнами» (Дунаев Б. И., 1914, с. 12).

О параметрах башни. На чертежах 1790 г. Васильева Белая башня в основании имеет диаметр 11 саж. (23,43 м) и высоту 8 саж. (17,04 м). Общая высота деревянного шатра также равна 8 саж. Высота его основания до вышки 5 саж. (10,65 м), высота смотровой вышки 1 саж. (2,13 м), пирамидальной кровли вышки вместе с полицей — 2 саж. (4,26 м). Толщина стен основания Белой башни 3 саж. (6,39 м), 2-го яруса — 2,5 саж. (5,33 м), 3-го яруса — почти 2 саж. (4,26 м), 4-го яруса — менее 1 саж. (2,3 м).

На чертежах 1790 г. инженера-подпоручика Васильева дан план и вертикальный разрез башни с четырьмя ярусами, разделенными балочными перекрытиями. Межэтажные перекрытия имеют люки для сообщения. Края балок опираются на ступенчатые выступы в стенах. На самом деле, как явствует из обмеров, таких резких уступов не было. Толщина стен уменьшается в высоту с каждым ярусом постепенно, что характерно для всех башен Соловецкой крепости (Савицкая О. Д., 2005, с. 34, ил. 17). Поверх балок настланы полы из толстых досок. Пушечных бойниц на 1-м ярусе Васильев ошибочно указал три (на чертеже 1801 г. их правильно дано четыре), на 3-м ярусе — пять и пороховая камера.

Вход на 1-й ярус располагался со стороны мельничного двора. На гравюре 1741 г. со стороны монастыря вокруг Белой башни на уровне 3-го яруса показана обходная галерея (боевой ход) с кровлей. Высокая арка ведет в башню на 1-й ярус.

Белая башня была проходной. Проход располагался в северо-восточной стене. Первое изображение плана ворот Белой башни было представлено в 1770 г. При этом сама башня ошибочно именовалась Архангельской, как и ворота (План СМ 1770 г.). Ворота указаны на чертеже 1790 г. под № 37 и плане 1801 г. В описи 1789 г. о воротах под Белой башней сказано, что им «наименования нет» (Опись СМ 1789 г., л. 3 об.). На плане 1844 г. ворота уже не обозначены. Видимо, к этому времени их и заложили. (Закладка была разобрана реставраторами в 1975 г.)

В публикации 1927 г. утверждалось, что данная башня и Сушило «*сильно пострадали от действия пожара 1923 года*» (Иванов А.П., 1927б, с. 17–18, 47, табл. III–VI). Однако это противоречит известным архивным данным, прежде всего обмерным чертежам П.Д. Барановского 1923 г. (ил. 422–424). Были выполнены кроки разреза башни, планов 2-го и 3-го ярусов. На одном из чертежей дано уникальное изображение каменной лестницы, по которой поднимались на 2-й ярус Белой башни. Ныне она почти полностью разрушена (Соловецкий монастырь, 2000, с. 127–129, табл. ХСVI, ХСVIII, С). Также неверно сообщение, что в 1920-х гг. на Белой башне проводились ремонтно-реставрационные работы, во время которых был обновлен шатер (Приклонский А., 1927, с. 47). Примечательно, что утверждение сделано в сборнике 1927 г., в котором была статья А.П. Иванова. Вероятно, оба автора не были на Соловках в первые годы после пожара. Сообщение о ремонте башни понадобилось, чтобы сгладить противоречие на иллюстрациях. Там представлен остов сгоревшей Прядельной башни и целый шатер Белой башни, рядом с которой стоит целое Сушило (Иванов А.П., 1927б, табл. VI).

В 1945 г. Белая башня привлекла внимание историков искусства. Работая над кандидатской диссертацией, М.В. Щепкина высказала предположение, что на момент окончания строительства крепости Белой башни не было, ее достроили позже. Основанием для данного вывода послужило отсутствие изображения башни на лицевых миниатюрах начала XVII в. (Щепкина М.В. (рук.), 1945, л. 132).

В послевоенное время архангельский краевед К.С. Гемп в устной и письменной форме неоднократно отмечала, что под Белой башней находился секретный подземный проход, который вел на кладбище к Онуфриевской церкви. Но он был закрыт в конце XVII в. после окончания «Соловецкого сидения» (Гемп К.П. рук., 1951, л. 6). Неоднократные проверки данной версии вплоть до наших дней терпели крах.

В 1953 г. Государственный институт № 1 («Военморпроект») в связи с разработкой проекта приспособления зданий монастыря под нужды военно-морской

базы осуществил обмеры всех построек, включая Белую башню. Впервые были составлены схематические планы всех четырех ярусов башни, выполнен чертеж разреза башни (Крепость, обмеры, 1954) (ил. 425–429).

В 1961 г. архитекторы-реставраторы ЦНРМ А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили описание технического состояния Белой башни: «*Стены выложены с уклоном из крупных и средних валунов на известковом растворе с заполнением мелким камнем и кирпичом. Верхний ярус и своды бойниц выложены из кирпича. Толщина стен уменьшается по высоте. В настоящее время в верхнем ярусе имеются небольшие вертикальные трещины. В некоторых местах по низу трещины идут по валунам... Большая часть бойниц в настоящее время заложена. Фундаменты башни не отрывались. Перекрытия, существующие в настоящее время, не первоначальные. Они имеют дополнительные опоры в нижележащих ярусах в виде круглых столбов. Полы настланы из широких досок. Перекрытия под вторым и третьим ярусами и полы в них сохранились в хорошем состоянии. В нижнем ярусе стойки под перекрытие и полы покрыты плесенью и подвержены гниению вследствие долгого использования помещения под склад кислых продуктов и отсутствия проветривания. Первоначальные перекрытия полностью утрачены. Деревянные лестницы между ярусами и в шатре не являются первоначальными и сохранились в удовлетворительном состоянии. Каменная лестница в северо-восточном прясле, ведущая на 2-й ярус башни, замурована, как и входы в нее. Конструкция шатра — мауэрлат, стропила, обрешетка и тесовое покрытие — находятся в хорошем состоянии, но не являются первоначальными. Изнутри все ярусы, кроме нижнего, имеют побелку, которая хорошо сохранилась. Вся первоначальная столярка и паковка почти полностью утрачены. Сохранились лишь подставы в воротах*» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 17–18).

В 1960–1970-е гг. осуществлялась фотофиксация Белой башни (ил. 430).

В 1973 г. от небрежного обращения туристов с огнем загорелась смотровая вышка, а с ней и вся башня. Пожар нанес ей большой ущерб, сгорел шатер и постра-

дали перекрытия (ил. 431–432). В 1974–1977 гг. в срочном порядке архитекторы-реставраторы ВПНРК провели исследование южного узла крепости, включая обмеры, всех четырех ярусов данного южного комплекса вместе с Сушилом. Были вычерчены планы всех четырех ярусов, на 3-м ярусе план и вид изнутри одной бойницы, план и разрезы внутрстенной камеры. На 4-м ярусе — план и вид изнутри одной бойницы. Был подготовлен и утвержден проект реставрации Белой башни (*Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1974–1975; рук., 1978; рук., 1979; рук. 1985; *Савицкая О.Д., Сошин В.В., Склемина С.А.* рук., 1977) (ил. 433–437).

Проект предусматривал полное восстановление башни в древних формах с воссозданием утраченных частей памятника по натурным следам и аналогиям. Предполагалась фрагментарная докомпоновка отдельных конструкций и деталей: лестницы на 4-й ярус, дверей и ворот 2-го и 3-го ярусов, ставен в бойницах 4-го яруса, межъярусных настилов из бревен диаметром 20–22 см. На верхнем ярусе поверх бревенчатого наката планировалась кирпичная выстилка на известковом растворе по аналогии с Никольской и Корожной башнями, где остатки такого пола ранее были зафиксированы А.В. Воробьевым. Реставраторы отметили, что косвенным подтверждением наличия такого пола в Белой башне служит усиление балочной конструкции под накат за счет двух дополнительных прогонов по сравнению с нижними ярусами башни. Установить габариты дверей и их конструкцию позволяли имеющиеся в проемах четверти в кладке и сохранившиеся железные подставы. Предусматривались вычинка каменных стен, кирпичных арочных сводов входов и бойниц, зачеканка швов валунной кладки, инъекция трещин в стене верхнего яруса. Обращалось внимание на качество работ: необходимость использования высушенной древесины, обработка концов заводимых в гнезда балок, сохранение цветовой характеристики древней кладки, использование старого кирпича с очищенной поверхностью и т.д. Тогда же В.В. Сошиным был разработан проект нового шатра в формах XVI в., который уже к осени 1975 г. был восстановлен (*Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1974–1975). Полностью

проект был осуществлен в достаточно короткие сроки. И в настоящее время Белая башня является частью экскурсионного маршрута.

Проведенное О.Д. Савицкой и В.В. Сошиным исследование позволило установить разновременность сооружений южного узла. Арка ворот 1-го яруса Белой башни со стороны Мельничного двора была заглублена в сводчатую нишу, точно повторяющую форму печуры. Существование здесь ранее в стене печуры подошвенного боя, переделанной в ворота, стало очевидной. Это наблюдение дало основание утверждать, что башня является более поздним дополнением примыкающего к ней массива крепостной стены. Так была подтверждена гипотеза М.В. Щепкиной, высказанная еще в 1945 г. Были выявлены и другие признаки фундаментальных переделок прясла: следы упразднения лобовой стены с верхними бойницами (след одной из них прослежен в выступе валунной кладке справа от ворот 3-го яруса башни), швы в поперечных разрезах кладки, устройство заново внутри прясла лестницы для прохода на 2-й ярус с обходной галереи. Исследователи указали на излом первоначальной стены, рядом с которым и была приложена Белая башня. Был отмечен особый характер бойниц верхнего яруса самой башни, заметно отличающихся от остальных верхних бойниц башен. *«Здесь они имеют вид простых арочных окон, заглубленных в широкие ниши с плоскими сводчатыми перемычками. На фасад бойницы выходят небольшими сводчатыми нишками, раструбом, расширяющимся от боевого отверстия наружу. Их стенки выдвинуты в просвет проема, образуя в нем внутреннюю четверть»* (*Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1985).

В 1981 г. внутри башни археолог В.А. Понсов заложил шурф для выявления характера первоначального пола. Отчет слишком краткий и без необходимых чертежей: *«После разборки мусора был снят верхний слой мягкой серо-коричневой земли. Ниже располагался слой почти такой же земли, но гораздо более плотно утрамбованной. Под ним располагался слой глины с незначительной примесью песка. Глина серого цвета вязкая и влажная. По-видимому, первоначальным следует считать земляной пол, лежащий выше этого слоя (утрам-*

бованный слой прослеживается в толщину на 8–10 см)». Земляные полы были отмечены и в пушечных бойницах (Понсов В. А. рук., 1982). В 1980-х гг. при продолжении музеефикации башни пол 1-го яруса был вымощен булыжником.

В 1999 г. был составлен акт осмотра технического состояния Белой башни в связи с тем, что в ее юго-восточной части «в последние годы после подводки к северной части канала с коммуникациями появились и стали развиваться несколько трещин» (Стрельбицкий И. Г. рук., 1999, с. 3).

В 2005 г. архитектор-реставратор О. Д. Савицкая издала план всех ярусов южного оборонительного комплекса, включающего Белую башню и Сушило, а также восточный фасад башни (Савицкая О. Д., 2005, с. 22, 34, ил. 11, 17) (ил. 438–439).

В 2006 г., используя упомянутое издание, ООО «Творческая мастерская реставрации и декора» (г. Архангельск) (ТМРД) по заданию Соловецкого музея-заповедника провела предварительные работы по исследованию крепости — были просчитаны объемы постройки для составления сметы. Однако выполненные не по натуре, а по уменьшенным чертежам, изданным О. Д. Савицкой, эти цифры нуждаются

в серьезной корректировке. В кратком заключении о предварительном инженерном обследовании шатра башни отмечено: «Тесовое покрытие шатра, полиц шатра и кровли ротонды сгнило. Свесы полиц шатра обработаны “на пику”. Частично утрачены полицы шатра, пики в основании ротонды и пики шатрика, покрывающего ротонду. Утрачен прапор. Стропильная конструкция в удовлетворительном состоянии. Кровля Сушила выполнена из кровельного железа. Состояние стропильной конструкции и покрытия кровли удовлетворительное» (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 70).

В последнее время состояние Белой башни вызывает тревогу. Ее массив оказался расколот на три части. Идет активный процесс развития трещин. Контрольные маяки продолжают расходиться на несколько миллиметров. Одной из причин проседания основания данного сооружения справедливо считают незакрытую канаву под теплотрассу конца 1980-х гг. Канаву нарушила глиняный замок набережной, в результате чего вода подошла к стенам монастыря (Шилова Т. В., 2001, с. 178). В ней накапливаются осенние и весенние воды, которые далее инфильтрируются в сторону башни.

2.2. Ворота в городской стене

В пряслах крепости имелось пять внутрисканских ворот: Святые и Рыбные — в западной стене, Архангельские и Водяные (Святозерские) — в восточной, Тайницкие (Сушиленные) — в юго-западном прясле. Устройство первых четырех типично для Соловков. Они сквозные, через стену. В плане каждые из них представляют внутрисканную камеру, перекрытую цилиндрическим или сомкнутым сводом с люком для поражения противника сверху. С двух сторон проход закрывался только воротными створами или воротными створами и опускной решеткой. Наружные створы подпирались изнутри одним или двумя массивными бревенчатыми засовами, убравшимися в глубокие длинные каналы в прясле стены. На противоположной стене прохода для выдвинутого конца бревна имелось неглубокое гнездо. Чтобы

створы нельзя было приподнять и снять с петель, над ними устраивалась специальная полочка — «лобик». Отличие Сушиленных ворот состоит в их неординарном нахождении в торце крепостной стены, проход размещен «коленом».

Внутрисканские ворота имели монастырское, хозяйственное назначение. Они противопоставлялись воротам в башнях, бывших в распоряжении военных.

2.2.1. Святые городские ворота

Это главные, парадные ворота Соловецкого монастыря, обращенные к морской бухте, куда причаливали корабли. Они находятся между Стратилатовской и Успенской башнями в толще крепостной стены и под надвратной Благовещенской

церковью (ил. 440–459). От них дорога ведет сразу к центральному храму обители — Спасо-Преображенскому собору.

Святые городовые ворота выделялись размерами и парадностью. Наружная кирпичная арка крепостной стены декорирована двумя дугами из валиков, между которыми вставлена непрерывная цепочка из ромбов. Над аркой, словно для демонстрации мощи, уложен огромный длинный валун. Его можно наблюдать как снаружи, так и изнутри ворот. Над валуном — киот под икону.

В плане внутриворота камера, или палатка имеет форму равнобедренной трапеции, слегка сужающейся к западу (ил. 460). Расположенные в ней наружные западные ворота запираются двумя толстыми прямоугольными деревянными створами, которые с помощью длинных кованых петель навешены на мощные железные подставы. Обе створы неясной датировки снаружи обиты железными листами, поверх которых под углом, образуя ромбы, наложены железные кованые полосы. Ширина полос 7 см. Они скреплены железными коваными гвоздями с круглыми и квадратными четырехгранными шляпками размером в пределах 4–5×4–5 см. В нижней части северного полотнища имеется малая дверка. Параметры южного полотна ворот: высота 2,71 м, ширина 1,81 м, толщина 18 см. Северное полотно ворот: высота 2,70 м, ширина 2,17 м (почти сажень), толщина 18 см (3 вершка). Однако современная высота ворот неполная: их низ подрублен или подпилен. Поэтому на обеих створах ворот в самом низу отсутствует обрамление из горизонтальной железной кованой полосы, в которую ранее упирались углом орнаментальные ромбы. Первоначальная высота полотнищ ворот составляла не менее 3 м.

В северной валунной стене прохода имеется канал для бревенчатого засова. Его высота 60 см, ширина 50,5 см, глубина 7,41 м¹². В южной стене — гнездо для конца бревенчатого засова. Высота заглубления 51,5 см, ширина 36 см, глубина 45 см. Расстояние между северной и южной стеной в этом месте равно 4,58 м. Это свидетельство того, что длина засова могла быть минимум 5,9 м (4,58 + 0,45 + 0,45),

а с учетом глубины канала его максимальная длина могла составлять 7,4 м. В любом случае столь длинный засов можно вставить единственный раз — только во время строительства. После того как он пришел в негодность, на тыльных сторонах полотен сделали круглые кольца под иной засов.

Опирающиеся на валунные стены четыре кирпичные стены сомкнутого свода подходят сверху к люку прямоугольной формы. В восточной арке прохода сохранилась щель от подъемной решетки. Сама герса не сохранилась. В этой же стене имеется арочная ниша, предназначенная, скорее всего, для привратника.

Впервые наименование «Святые ворота» встречено в описи Соловецкого монастыря, которую составили в мае 1582 г., накануне строительства каменной крепости взамен деревянного «города». Данный термин относился к воротному проходу этого «города» или к оформленному проходу в западной линии келейной застройки, над которой Благовещенской церкви еще не было. Опись перечисляет лишь иконы киота: *«Да на Святых воротах в киоте на отворчатых цках икона местная болия одиннатцатипядная на золоте Пречистая, чудотворица в молении во обители з деянием, а во облаче Спасов образ, одиннатцатипядная на золоте. Да на другой цки в киоте же икона местная болия одиннатцатипядная же Страшной суд на золоте. Да над ними вверху деисус четырепядной в девятере на золоте»* (Описи СМ XVI в., 2003, с. 104).

После возведения каменного «города» все ворота крепости назывались «городовыми». «Святые ворота» соотносились только с проходом непосредственно под надвратным Благовещенским храмом, стоящим в западной линии келий. Такое различие четко обозначено на миниатюре 1600 г. Вахрамеевской рукописи (ил. 461). В том же контексте Святые ворота упоминаются в описях 1604, 1613 гг.: *«Да над Святых воротех храм камен Благовещение Пресвятеи Богородицы»* (Опись СМ 1604 г., л. 60 об.; Опись СМ 1613 г., л. 39). Не ранее второй четверти XVII столетия термин «Святые ворота» был распространен уже и на крепостные

¹² Замер глубины канала выполнен с помощью лазерного дальномера. Оператор В. В. Борисенко.

врата, о чем свидетельствуют документы этого времени.

Опись 1632 г.: «А посреде городовые стены от западные страны Святые ворота. А над Святыми вороты храм камен Благовещение святыя Богородицы <...> [Н]ад Святыми вороты от морские пристани [в го]родовой стене образ болейшой Зосимы и Саватия чудотворцов со обителию на золоте в киоте во облаце Святая Троица. Да во Святых воротах Деисус на золоте в девяттере. Да с монастыря над вороты образ болейшой Благовещение Пречистые Богородицы на золоте в затворчатом киоте» (Опись СМ 1632 г., л. 158 об., 161).

Опись 1640 г.: «А посреди городовые стены от западные страны Святые ворота. А над Святыми вороты храм камен Благовещение Святыя Богородицы» (Опись СМ 1640 г., л. 151 об.).

Опись 1645 г.: «А посреди оградные стены от западные страны ворота Святые. А над Святыми вороты сооружен храм камен во имя Благовещения Пресвятыя Богородицы. Да над Святыми ж вороты от морские пристани на городской стене образ болейшой Зосима и Саватия чудотворцов со обителию на золоте в киоте, во облаце святая Троица. Да во Святых воротах Деисус на золоте в девяттере. Да с монастыря над вороты образ болейшой Благовещение Пресвятыя Богородицы на золоте в затворчатом киоте» (Опись СМ 1645 г., л. 172 об. — 173).

Опись 1668 г.: «Церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы над Святыми вороты <...> Да над Святыми вороты от морские пристани» (Опись СМ 1668 г., л. 64, 66 об. — 67).

Опись 1676 г. впервые привела промеры Святых ворот: «...в Святых воротах по кружалу проезду три сажени» (Опись СМ 1676 г., л. 550 об.).

Книга 1694 г.: «Во Святых воротах Божия милосердия образ Спасов Смоленской в молении преподобнии отцы Зосима и Саватия Соловецкие чудотворцы. Киот, а в нем образ Воскресения Христова, образ распятие Господне, образ Неопалимые Купины, образ Филиппа митрополита на красках. Пред образом Пресвятыя Богородицы Благовещения фонарь слюдой. Да за Святыми вороты пред образы фонарь слюдой же» (Книга 1694а г., л. 2 об.; см. также: Опись СМ 1692 г., л. 165 об.; Опись СМ 1694 г., л. 162 об., 170).

Святые ворота усиленно охранялись. В июле 1694 г. здесь было шесть пушек «да рогаток боевых стрелных полушата и приступных и скоб полушата» (Книга 1694а г., л. 3 — 3 об.). В 1709 отмечено два орудия (Книга 1709 г., л. 2 об.). В январе 1790 г. под Святыми воротами значилось 13 пушек (Ведомость 1790а г., л. 2). В 1835 г. Я. Н. Озерецковский отметил, что «по обеим сторонам Святых ворот на неподвижных лафетах стоят рядом такие же древние орудия, покрытые ржавчиной, как и на стенах» (Озерецковский Я. Н., 1836, с. 25–26). После событий 1854 г. перед Святыми воротами поставили пушку, участвовавшую в обстреле английского судна: «В Святых воротах выставлена и та пушка, которая сбила руль у английского парохода, стрелявшего по монастырю, в недавнюю войну в Крыму. Пушка эта теперь позолочена» (Максимов С. В., 1876, с. 12). Здесь же хранился пожарный инвентарь — медные и железные трубы от водяного насоса (Книга 1694а г., л. 3).

Что касается сведений об устройстве самих ворот, то они впервые приведены в 1705 г. Здесь обращает на себя внимание впервые встреченное в источниках сообщение о том, что створы ворот обиты железом: «В тех во всех проезжих воротах двои затворы деревянные обиты все поличным железом, у тех у всех ворот для запору засовы железные с пробоями» (Опись СМ 1705 г., л. 324). До этого в описи июля 1694 г. упомянута лишь калитка, т. е. малая дверка в полотнище ворот, и замки — вислый большой немецкий и клинчатый замок у калитки (Опись СМ 1694 г., л. 3 об.). Это дает нам основание предполагать, что дошедшая до нашего времени металлическая обивка появилась по крайней мере до 1705 г.

В Святых воротах имелась и подъемная железная решетка, верх которой в 1835 г. был «задвинутый сверху почти до половины» (Озерецковский Я. Н., 1836, с. 26). О толстой железной решетке писал и Досифей (Досифей, 1836, ч. 1, с. 258). Чертежи 1790 г. инженера-подпоручика Васильева вносят в это описание еще одно добавление: в своде ворот был устроен специальный люк для поражения неприятеля. Он обозначен под № 2.

В начале XVIII столетия, в память о посещении Петром I обители в 1694

и 1702 гг., в арке Святых ворот подвесили две модели судов, на которых Петр I совершил плавание на Соловки (Озерецковский Я. Н., 1836, с. 26; *Двукратное посещение*, 1902, с. 38).

В 1881 г. архимандрит Мелетий указал на три деревянных полотна ворот: *«В самих воротах от наружной арки в стене — проход под кирпичными сводами длиной 10,5 саж., над ними находится ход по стене, вход в Благовещенскую церковь и сама церковь. В этой подстенной арке висят трое тяжелых деревянных ворот, из них одни обиты железом с тяжелыми запорами и с висячими старинными огромными замками»* (Мелетий, 1881, с. 85).

В конце XVII столетия перед Святymi воротами со стороны морской бухты появилась парадная пристройка с каменными фигурными в виде бочек столбами, расписанными «ромбами». Она получила название «паперть». Это могло произойти после «Соловецкого сидения», поскольку она не упомянута в описи 1676 г., а ее первое и подробное описание сделано лишь в 1705 г. Паперть имела два каменных столба и обитую лемехом фигурную кровлю, а в боковых стенах — по два окна, остатки которых в 1970-х гг. выявили архитекторы-реставраторы: *«Над святыми воротами от соборной церкви со внутреннюю страну бочка деревянная обита чешуею, в той бочке образ Благовещения <...> да на ворота у перететивья образ, да на другой перететивья. Со внешнюю страну святых ворот от пристани з западную два столпа каменных круглых, с них к городской стены перететивья каменные и две стенки с южную да с северную страну: на тех стенках по два окна великие* (выделено нами. — В.Б.), *в них окончины слюдные в железе и над перететивьями бочка великая с открышкою, да для крепости окончин в тех ж окнах решетки деревянные крашеные, та бочка обита чешуею древяною, и открышка покрыта тесом зубцами. В той бочке з западную страну с приходу верху две окончины большие, а под теми окончинами внизу пять окончин больших все в железе каждой окончиною верху в бочке в киоте древяном Деисус в трех лицах: на холсту писан красками; фонарь слюдной подъемный в четверогранной в древяном стану»* (Опись СМ 1705 г., л. 324 об. — 325 об.).

Первое изображение столбов и бочек паперти встречаем на гравюре 1699 г. (ил. 461), а на прежних иконах XVII в. паперть не показана. Это позволяет нам отнести строительство паперти перед Святymi воротами к промежутку времени между 1676 и 1699 гг. Фигурная бочка, обитая чешуей, представлена на гравюре 1744 г. братьев Зубовых. На бочке установлен барабан с куполом и крестом. Кровля в виде сложной бочки с барабаном и крестом изображалась также на иконе 1709 и миниатюре 1711 г.

Следующее по времени описание ворот приводит Книга отводная 1709 г.: *«На Святых варотех с монастырьскую сторону с лица вместо Спасова образа Смоленского, что был писан на большей доске под воротами Деисус Спасов со апостолы. С лица ж в киоте над воротаы образ Благовещения Пресвятые Богородицы, пред образом фонарь слюдной под железом. Да кивот, а в нем три образа воскресения Господне да распятие да неопалимая купина, да Филиппа митрополита. За Святymi воротаы в бочке 6 образов больших да внизу по сторонам два евангелиста Лука да Марко, да на малой доски противо образ Нерукотворенный. Пред теми же иконы фонарь слюдной в дереве. По вонную сторону бочки Деисус писан на полотне в киоте. Пять труб медных пожарных, десять топоров, замок большой, другой калитишной»* (Книга 1709 г., л. 2 об. — 3 об.).

В 1740-х гг. в Святых воротах осуществили реконструкцию: *«со внешней стороны 1744 года приделана на каменных столбах паперть со кровлею и главкою, покрытыми крашеным листовым железом, с обеих сторон коей вставлены окна со слюдою, на восточной стене изображен живописью иконостас; а крыльцо и пол устроен из тесанаго дикого камня и чугуну»* (Досифей, 1836, ч. 1, с. 257). Однако Соловецкий летописец сообщает, что каменный пол был устроен на следующий, 1745-й, год: *«в июле месяце под Святymi воротами мост каменной новой сделан и ступени новыя деревянные»* (Летописец, 1790, с. 89). Из хозяйственных документов известно, что в 1744 г. был осуществлен какой-то мелкий ремонт внутри ворот: *«За подмазку Святых ворот 6 рублей»* (Дело 1744 г., л. 4).

В 1752 г. архимандрит Геннадий «з братиею» решил заменить деревянные

ступени каменными¹³. Об этом сообщает договор монастыря со строителями, который мы приводим полностью: «...1752 года июня 13 дня Соловецкого монастыря господин архимандрит Геннадий з братиею, разсуждая о имеющейся у Святых ворот рундуке, который выстелен плитовым камнем и кругом ступени деревянные, которые весьма гнилость и переделываются часто; а плить имеются подрядчики оное ступение сделать не плитового камня каргопольского уезда кенозерской волости деревни Вершининой государственный крестьянин Иван Семенов Лоскутов да тое волости деревни Дьяковской государственной же крестьянин Амос Федоров Гусев, которое то ступенье сделают как надлежит бездарного приска других мастеров приказами; оных подрядчиков подрядить вытесать из имеющегося плитового камня на рундук ступене к Святым воротам, в три ступени длиною трехаршинных двадцать девять сажень один аршин в трех ступенях кругом, а мереть по середнему ступеню шириною шесть вершков с половиною толщиною четыре вершка, в которых быть дыркъ для шпилей хотя плита длиною в сажень или аршин в нижней и в верхней по две дыры, а меньше в одного аршина плита не была, кроме привоуду к стене, а глубиною дырью быть по два вершка, а ежели оного плитового камня не достанется, то искать им подряд камни камим около моря недолечь от моря ста саженьях, а ежели от дороги, то сажень за двадцать которой камень где сыщется, тамо и обделать, а вывести оное плитье, где ими обделывается, монастырским коштом, а тесать оное плитье гладко и припущать плотно по правилу збоку и поверху, а задние, хотя и широки будот, не отбивать, за работу рядили по три рубли с сажени трехаршинной, итого восемьдесят рублей, хлеб и харчь и инструменты монастырские, и оную работу им оплачивать конце сего 757 года сентября на 1 число... а наперед выдать им подрядчикам девять рублей, и о выдаче тех денег казначею иеромонаху после ордер и остальные выдать по окончании оного дела, и в том взять с них с подрядчиков запись с поруками по коих ручаются то ешь Конозерской волости церкви Успения Пречистой Богородицы священник Михаил Иванов, крестьянин Сергей... староста Мирон Тимин...»

Однако работы в том году так и не были проделаны, так как «помянутые подрядчики кенозерцы у вышеписанной работы были четыре дни, потом от той работы и отказались за неспособностью на дело и жестокости камня» (Документы, л. 1).

И всё же каменные ступени были сделаны, о чем сообщает летописец: «1761 году октября в первых числах у Святых ворот достроен рундук из каменного брусья. Нижний ряд 28 аршин 12 вершков; верхний ряд 27 аршин 6 вершков, в середине плитьем вымощен; на среднем ряду написано от запада: строил архимандрит Геннадий» (СЛ-4 XVIII в., л. 70).

Побывавший в 1789 г. на Соловках А. Фомин отметил, что «при входе в них (Святые ворота. — В.Б.) рундук с двумя ступеньями, вытесан из гранита, привезенного с островов Боршевых; наверху их — подобное церковному возвышению с главою и крестом» (Фомин А. И, 1797, с. 96). Опись же 1789 г. только упоминает Святые ворота (Опись СМ 1789 г., л. 3 об.).

К 1825 г. пол в паперти был уже белокаменным, а она сама воспринималась как церковь: «...над ними (Святыми воротами. — В.Б.) находится возвышение подобно церкви с главою и крестом; пол в оных наслан из белых плит (Макарий, 1825, с. 46). Досифей называет западную пристройку папертью «с кровлею и главою, покрытыми крашеным листовым железом, с обеих сторон коей вставлены окна со слюдою, на восточной стене изображен живописью иконостас; а крыльцо и пол устроен из тесаного камня и чугуны» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 257).

На гравюрах 1744, 1768, 1790, 1801, 1810, 1825, 1827, 1837, 1847 и 1850 гг. показано примыкающее с запада к рундуку крыльцо со ступенями (ил. 461–464). Пол в некоторых случаях составлен из постелистых валунов. На одной гравюре XVIII в. показаны два окна в южной стенке рундука. На гравюрах 1791, 1802, 1810 и 1837 гг., а также на рисунке 1844 г. изображены два северных окна, на гравюре 1850 г. — два северных и два южных окна.

«Паперть Святых ворот» упоминается в описи 1866 г., где сказано, что «от запада

¹³ Досифей ошибочно пишет, что в 1747 г. деревянные ступени были заменены на каменные — «сделан каменный мост со ступенями» (Досифей, 1833, с. 109).

верх закрыт рамами слюдяными (заменены стеклячатыми разноцветными)» (*Опись СМ 1866а*). Раскопки в 2001 г. к северу от паперти выявили 28 фрагментов цветных витражных стекол. Цвета: синий, темно-синий, фиолетовый, темно-фиолетовый, зеленый, желтый (*Буров В.А. рук., 2002*).

В 1881 г. архимандрит Мелетий назвал данное сооружение аркой, напомнил, что она была сооружена архимандритом Геннадием (1741–1761 гг.) и привел ее описание: «Полукруглая на двух каменных столпах, примкнутая к стене, устроенная при архимандрите Геннадии и крытая по тесу листовым железом, верх коей с золоченым крестом». Далее описываются сами Святые ворота (*Мелетий, 1881, с. 84*). Фигурные, наподобие балясин столбы паперти, «кувшинообразные, отделанные в шашечку», обращали внимание посетителей обители в начале XX в. (*Дунаев Б.И., 1914, с. 8*). К этому времени по обе стороны паперти уже обосновались в двух деревянных пристройках монастырские лавки. Видимо, при их строительстве и были снесены с двух сторон древние кирпичные стены паперти с оконными проемами. Впервые эти пристройки показаны на плане 1884 г. желтыми прямоугольниками. Первая известная фотография данных пристроек относится к 1888 г. (*Лейцингер Я.И., 2005*). Потом они неоднократно попадали в объектив фотоаппарата (*Соберг И.Ю., 2006*).

В 1923 г., уже в первый год концлагеря, в помещении Святых ворот располагался гараж, о чем записал в своем дневнике 11 августа Е.И. Силин (*Силин Е.И. рук., 1923*).

В 1953 г. Святые ворота с надвратной Благовещенской церковью были впервые обмерены в трех уровнях и выполнен чертеж западного фасада, включая витраж паперти (*Крепость, обмеры, 1954*) (ил. 465).

К 1970 г. вся паперть с полукруглым верхом пришла в руинированное состояние (ил. 466). Тогда ее обмерили. Были составлены чертежи фасадов, план, разрезы, выполнены чертежи отдельных деталей и шаблоны (*Савицкая О.Д. рук., 1970в; 1971*). В связи с тем, что постройка грозила

рухнуть, все ее деревянные элементы разобрали. Как гласит акт от 30 июля 1977 г., с санкции Госинспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР был разобран «декоративный арочный портал у западной стороны Святых ворот» (*Савицкая О.Д. рук., 1985, с. 106–108, Прил. 6*)¹⁴. Деревянную резную балку при входе с рельефным растительным орнаментом и надписью «Святые ворота» передали в Соловецкий музей-заповедник, два каменных столба накрыли деревянными коробами наподобие скворечников, что постоянно вызывало недоуменные вопросы у туристов.

В 2006–2007 гг. паперть была восстановлена по проекту архитектора В.В. Сошина¹⁵. Реставрации предшествовали раскопки оснований южной и северной стен (2001 и 2006 гг.) (*Буров В.А. рук., 2002; рук., 2007*).

Шурф 1 — 2001 г. (1,8×4,6 м) был заложен на месте утраченной южной стены, к югу от каменного крыльца Святых ворот между столбом и крепостной стеной (*Буров В.А. рук., 2002, л. 38–39*). Он примыкал к каменным плитам мощения паперти (ил. 467–469). Сразу под дерном оказалась полоса извести шириной 0,6 м с остатками кирпичной кладки из четырех разрушенных кирпичей. Камни фундамента оказались разнородные, от крупных в поперечнике 0,35×0,65 м до мелких, сечением 10 см. Камни образуют небольшую горку со склоном в южном направлении. При исследовании валунного основания стены в западной половине шурфа выяснилось, что ниже залегали камни более мощные, в поперечнике 0,50×0,60 м. Пространство между ними заполняли мелкие камни с песком. Выяснить мощность фундамента южной стены оказалось невозможно.

Шурф 7 — 2006 г. (1,2×4 м) заложен на месте северной стены паперти (*Буров В.А. рук., 2007, л. 29*). На глубине 0,15–0,20 м от поверхности под черной гумусированной и темно-коричневой супесью с современным мусором открылись валуны фундамента (ил. 470). В восточной части в примыкании к крепостной

¹⁴ В публикации О.Д. Савицкой была ошибочно приведена дата 1970 г. (*Савицкая О.Д., 2005, с. 27*). Ошибка возникла из-за того, что за время разборки была принята дата составления обмерных чертежей паперти.

¹⁵ ООО «Палата» (пос. Соловецкий Архангельской обл.).

стене лежали восемь камней размером 0,60×0,70, 0,45×0,80, 0,50×0,80, 0,35×0,45, 0,30×0,30, 0,60×1 м. Промежутки между ними были засыпаны известью и мелким кирпичом. В западной части у столба лежали два камня в поперечнике 0,95×>0,40 и 0,55×>0,60 м. Пространство между ними заполнял темно-коричневый песок. В центральной части валуны отсутствовали, поскольку в конце XIX — начале XX в. здесь был проложен деревянный водосток для отвода воды из Святых ворот. Камни фундамента не несли на себе следов известкового раствора и отпечатка следа стены, в отличие от южной стены паперти. Сразу после окончания раскопок поверх камней на месте стены была выполнена цементная стяжка, на которую потом поставили реконструируемую стену паперти.

Фундамент северной кирпичной стены сеней прослежен в шурфе 6 — 2010 г. (0,6×0,77 м)¹⁶ (Буров В.А. рук., 2011, л. 38–40). Выявлен фундаментный ров, в который было ступенькой уложено два вертикальных ряда валунов. Нижний валун высотой 0,55 м поставлен на плотную серую супесь с прокопкой материка — желтого песка. Верхний валун высотой 0,4 м отстоит от южного края нижнего на 0,25 м. Фундаментный ров прорезал девять более ранних слоев. На уровне верхнего валуна в ров положили камень 20×27 см и осуществили засыпку темно-серой супесью с крупной галькой, а затем и тонким слоем желтого песка с мелким кирпичом. Далее уже насыпали два слоя песчаной подушки под гранитные плиты пола.

2.2.2. РЫБНЫЕ (СЕЛДЯНЫЕ) ВОРОТА

Рыбные ворота находятся в толще западной крепостной стены на участке между Успенской и Корожной башнями.

Со стороны моря их прикрывает навесная бойница над киотом. Снаружи и со стороны монастыря проход в крепость оформлен двумя кирпичными арками, которые закрывают внутристенную камеру (ил. 471–489). Эта камера в форме палатки расположена не строго перпендикулярно крепостной стене, а под небольшим углом, потому имеет форму ромба. Размеры валунных стен ее почти одинаковы. Сверху камера имеет цилиндрический свод, вытянутый по линии С–Ю. Его кирпичная кладка состоит из чередующихся рядов тычковых и ложковых. В центре свода размещен люк для поражения неприятеля. В мирное время его должны были закрывать щитом вровень с кирпичным полом верхнего боевого хода.

Две внешние (западные) створы ворот сделаны каждая из четырех сплоченных досок, скрепленных посередине поперечным брусом на гвоздях. Обе створы обиты железными прямоугольными полицами, соединенными крупными заклепками. Оба полотнища ворот с помощью петель — длинных широких кованых полос — навешены на железные подставы. Изнутри эти ворота запирались двумя бревенчатыми засовами — верхним и нижним. Для этого в южной и северной стене палатки были сделаны гнезда и каналы. На северной стене они заложены. В южной стене верхний канал от засова имеет глубину 4,15 м, нижнее гнездо под край засова глубиной 0,2 м.

Две восточные створы ворот сделаны из трех широких досок каждая. Петли у них тоже кованые длинные, но узкие, посажены на выступающие из стены подставы. В самом низу южного полотнища вырезана дверка. Два восточных полотнища запирались со стороны монастыря особым, вероятно, железным засовом, вставлявшимся в четыре железные петли.

¹⁶ Раскопки носили аварийный характер в связи с тем, что Институт проектирования и реставрации (ИПИР, г. Архангельск) осуществлял прокладку дренажной трубы в паперти Святых ворот с наружной стороны монастыря. В нарушение договоренности, без уведомления археолога на участке 1,9×2,05 м в паперти были сняты гранитные плиты пола и выкопана яма, в которую была уложена труба. Шурф № 6 был заложен рядом с траншеей под трубу для изучения стратиграфии. Для изучения оказался доступен всего лишь маленький участок 0,6×0,77 м к югу от траншеи при мощности оставшихся напластований 0,8 м. В этом небольшом шурфе, по сути зачистке, было отмечено пять горизонтов щепы, связанных с пятью этапами строительства или ремонта. Прослеженные фрагменты досок, перпендикулярно направленные к Святым воротам, вероятно, представляли остатки прежнего деревянного мощения. Однако конкретные выводы сделать невозможно, поскольку Институт проектирования и реставрации осуществил работы по прокладке трубы водостока в проходе Святых ворот варварски — без археологического надзора.

На древнейшей миниатюре Вахрамеевской рукописи 1600 г. название ворот не приведено. Первое сообщение о Рыбных воротах относится только к концу XVII в. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 550). Затем наименование «Рыбные ворота» встречается в описях оружия постоянно вплоть до конца XVIII в. (*Книги 1694а г.*, л. 7; *Книга 1694б г.*, л. 7; *Книга 1695 г.*, л. 7; *Книга 1696 г.*, л. 8; *Книга 1703 г.*, л. 4, 5 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 394 об.; *Книга 1709 г.*, л. 4; *Регистр 1742 г.*, л. 313; *Ведомость 1790а г.*, л. 5 об.; *Ведомость 1790б г.*, л. 2 об.). Эти ворота упоминают в своих трудах известные соловецкие архимандриты (*Досифей*, 1836, с. 257; *Мелетий*, 1881, с. 86). Архитектор П.Д. Барановский, побывавший в монастыре в 1922 и 1923 гг., обозначил данные ворота на плане 1884 г., подписав их название карандашом.

В XX столетии, начиная со времени концлагеря, получает распространение новое, неисторическое наименование ворот — Сельдяные. Оно, как пояснил Г.А. Богуславский, производно от находившегося рядом на берегу сельдяного погребца (*Богуславский Г.А.*, 1966, с. 59). Также полагают, что название ворот связано с ввозом через них рыбы (*Домашнев А.Д., Дроздова Т.Н.*, 1985, с. 71). Новое название постоянно встречается в современных изданиях (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 56; *Осипенко М.В.*, 2014, с. 487). Оно популярно в интернет-заметках о монастыре.

Описание Рыбных ворот в исторических документах встречается редко. Древнейшее из них сообщает о замке: «У Рыбных ворот замок вислой» (*Книга 1694а г.*, л. 7; *Книга 1695 г.*, л. 7; *Книга 1696 г.*, л. 8). По данным описей 1703 и 1709 гг., на обеих сторонах ворот висели образа: «Над Рыбными вороты образ Спасов в молении святыя за слудой. З другу страну образ Казанския Богородицы за слудою <...> над Рыбными вороты образ Зосимы и Соватия за слудой» (*Книга 1703 г.*, л. 4, л. 5 об.; *Книга 1709 г.*, л. 4). Киоты изображены только на гравюрах 1744 и 1765 гг.

Опись 1705 г. описывает створы ворот: «Да на западную страну на стене ворота проезжие, именуемые Рыбные. В тех во всех проезжих воротах двои запоры деревянные, обиты все поличным железом, у тех у всех ворот для запору засовы железные с пробоями» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 324). Надо

полагать, это та оковка, которая сохранилась до наших дней. В литературе ее датировку относят к XVII в. (*Вереш С.В.*, 1967, с. 209). В этом есть свой резон, поскольку на миниатюре 1600 г. и некоторых иконах столетия проем ворот заполнен косой сеткой, однако дерево полотнищ производит впечатление не столь глубокой древности.

На многочисленных изображениях XVIII–XIX столетий (ил. 490–494) створы Рыбных ворот показаны лишь на рисунке 1743 г., гравюрах 1791, 1801, 1810, 1837 гг. На прочих же — только арочный проем в крепостной стене.

В 1755 г. была реконструирована дренажная система ворот: «У Рыбных ворот на монастырь и под воротами мост замощен каменной и канал выкопан, а прежде был мост деревянной и весьма грязно» (*СЛ-4 XVIII в.*, л. 57). Данная конструкция внутри ворот была уничтожена современными коммуникациями в советский период. Но, возможно, ее остатки перед воротами были прослежены в ходе археологических наблюдений в 2004 г. (*Буров В.А.*, 2005). Перед Рыбными воротами был раскрыт огромный уплощенный валунный камень 2,10×2,30 м и высотой около 1 м. Его наличие исключало какие-либо подкопы на данном участке крепости (ил. 495). С южной стороны этот валун соприкасался с менее крупным камнем 1,50×1,50 м и высотой 0,90 м. Между ними была щель треугольной формы, забитая мелкозернистым песком, которую когда-то использовали для водостока. Его дно было устлано расколотыми каменными плитками шириной около 0,30 м.

Внутри Рыбных ворот в южном профиле траншеи, проложенной по неоднократно перекопан, был зафиксирован чудом сохранившийся профиль нетронутых напластований. Южное валунное основание арки покоится на материке. К валунам примыкают многочисленные сменяющие друг друга подсыпки глины и песка общей мощности 0,40–0,50 м. Поверх них идет слой щепы, указывающий на дневную поверхность конца XVI в. — времени окончания строительства крепости. Данная отметка позволяет сделать вывод, что существующие обитые железом створки Рыбных ворот первоначально были длиннее на 0,40 м. И действительно, низ их срублен. Все остальные отложения поверх

щепы, состоящие из 11 прослоев разноцветного песка, наносные¹⁷.

Рыбные ворота обмерялись в 1953 г. Тогда был вычерчен их разрез по стене, воротам (*Крепость, обмеры*, 1954), а в 1971 г. ворота были обмерены полностью (*Савицкая О.Д., Морозевич Е.С., Скопин В.В., Гамбаров А.Д.* рук., 1975, л. 7).

2.2.3. ВОДЯНЫЕ (СВЯТОЗЕРСКИЕ) ВОРОТА

Данные ворота расположены на восточном участке крепости, к югу от Пристенка. Они обращены к Святому озеру, обеспечивая доступ к воде (ил. 496–508). Вход с восточной, береговой стороны оформлен в виде кирпичной арки, размещенной в толще валунной стены. Ее основание погружено в насыпной слой мощностью около 1 м. Над аркой размещена навесная бойница, прикрывавшая сверху подступы к воротам. Западная стена со стороны монастыря целиком кирпичная, с аркой, над которой находится киот для большой иконы.

Проход в виде камеры в плане представляет параллелограмм. Боковые стены, северная и южная, сложены из валунов, промежутки между которыми заполнены участками горизонтальной кладки из кирпича на известковом растворе. Высокий сомкнутый свод, завершающийся квадратным люком, сложен из чередующихся рядов тычков и ложков. Два арочных прохода ранее закрывались створами ворот, петли которых навешивались на вмонтированные в стены железные кованые подставы. Последние сохранились. Ворота со стороны озера подпирались изнутри бревенчатым засовом, для которого в стенах устроены гнездо и канал. С двух сторон прохода выше арок имеется полочка (лобик), которая не позволяет снять створы ворот с подставов.

Ворота впервые упоминает миниатюра 1600 г. Поверх их изображения выведена надпись: «Ворота на озеро». В конце XVII столетия монастырские документы называли ворота Водяными. Очевидно, монахи пользовались ими для прохода на озе-

ро за водой: «У Водяных ворот замок клинчатой» (*Книга 1694а г.*, л. 5 об.; *Книга 1694б г.*, л. 5 об.; *Книга 1695 г.*, л. 5 об.; *Книга 1696 г.*, л. 6 об.). Данное название продержалось еще столетие. На рисунке конца XVIII в. ворота продолжают именоваться Водяными. Опись 1789 г. отмечает: «*между Поваренною и Архангелскою башнями [ворота] Водяные*» (*Опись СМ 1789 г.*, л. 3 об.). Новое наименование ворот — Святозерские, появляется на чертежах 1770 и 1790 гг.

Изображения ворот (ил. 509) сообщают некоторые дополнительные сведения. Так, на чертежах 1790 г. обозначен «люк» над воротами «для поражения неприятеля» и лестница со стороны монастыря перед воротами для подъема на верх крепостной стены. Эта же лестница присутствует и на гравюре 1827 г. На рисунке 1790 г. над аркой ворот со стороны озера показана ниша с полукруглым завершением — так изображена навесная бойница.

В 1983 г. ворота были обмерены архитекторами НИПМ ВПНРК, подготовлены рабочие чертежи (*Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А., Шустов А.Д.* рук., 1983; 1984б) (ил. 510–513). План Святозерских ворот опубликован вместе с планом восточной крепостной стены (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 50, ил. 35).

2.2.4. АРХАНГЕЛЬСКИЕ ВОРОТА

Архангельские ворота находятся к югу от одноименной башни крепости, напротив юго-восточного придела Собора Архангела Михаила Спасо-Преображенского собора (ил. 514–526). Они во многом схожи с Водяными (Святозерскими) воротами. И те, и другие с двух сторон оформлены кирпичными арками. Снаружи имеется навесная бойница. Проезд в виде палатки с боковыми (северной и южной) валунными стенами. Сомкнутые высокие кирпичные своды завершаются люком для поражения неприятеля; такой же характер кладки — чередование горизонтальных рядов тычков и ложков. Железные кованые подставы, вмонтированные в стены с двух сторон прохода, указывают на существование некогда воротных полотнищ. Внешние

¹⁷ Белокаменные плитки пола, ныне лежащие у южной стены и фиксирующие современный уровень земли внутри ворот, относятся к XX в., так как в подушке серого песка под ними найден круглый гвоздь.

воротные створы в древности также подпирались изнутри бревенчатым засовом, для которого в толще крепостной стены сделан канал сечением 0,38×0,4 м и длиной 4,8 м. А в противоположной стороне выложено гнездо под край засова: высота 0,28 м, ширина 0,45 м, глубина 0,4 м.

Выше створ с двух сторон прохода имеется полочка, не позволяющая снять створы ворот с подставов. В настоящий момент восстановленная в 1970-х гг. наружная кирпичная арка разрушается, ее проем частично закрыт современной кирпичной стеной.

Впервые название «Архангельские ворота» появилось в описи 1705 г., затем — в книге 1709 г.: «*Над Архангельскими вороты с обе стороны два образа архистратига Михаила, оба за сюдою*» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 324; *Книга 1709 г.*, л. 6. об.). Его же находим на планах монастыря 1770 и 1790 гг., а также на рисунках конца XVIII в. В описи 1789 г. говорится о воротах: «...*близ Архангельской [башни] Архангельские*» (*Опись СМ 1789 г.*, л. 3 об.).

Изображения ворот с западной и восточной сторон присутствуют на миниатюрах, иконах, рисунках и гравюрах XVII–XIX вв. (ил. 527–528), но они малоинформативные. Интерес может представлять фотография 1916 г., на которой видно, что кирпичную арку ворот покрывает сверху дугой неширокая кровля (ил. 528). Отказ от воспроизведения такой кровли архитекторами в ходе первичной реставрации ворот привел к тому, что новая арка быстро разрушилась от потоков дождевой воды.

На той же фотографии отчетливо видно булыжное мощение внутри ворот, которое находилось ниже современной отметки земли примерно на 0,50 м. Оно было зафиксировано археологически в 2001 г. в раскопе 10 Новобратском (ил. 531–533). Под слоем современного мусора вдоль северной и южной стен прохода Архангельских ворот на глубине были выявлены остатки булыжной мостовой. Булыжник размером около 10–15 см в поперечнике. Отдельные камни вытянутой формы достигают в длину 20 см. Ширина полосы мощения у северной стены 1–1,40, у южной 0,70–1,40 м. В центре прохода на полосе 0,90–1,40 м мощение разрушено современной траншеей. Первоначальная ширина мостовой 3,80 м — на ширину ворот. Булыжные камни уло-

жены хаотично, но на отдельных участках (кв. 3, 5, 6) прослеживаются ряды булыжников по линии С–Ю, поперек прохода. Мощение имеет небольшой уклон в 3–5 см к центру прохода и на 15–20 см в восточном направлении. В юго-восточном углу было частично разобрано мощение, под песчаной подушкой которого обнаружился еще один ярус аналогичной мостовой (ярус 2). Мостовая 2-го яруса не разбиралась. Со стороны канавы-перекопа был прослежен также 3-й ярус мощения из массивных уплощенных камней в поперечнике 15–30 см. Ниже идет засыпка из темно-серого песка с комками извести и обломками кирпичей мощностью 0,40 м. Еще ниже лежит крупный валун, очевидно, цокольного основания крепостной стены. В таком случае песок с известью и кирпичом следует относить к концу XVI в., времени строительства крепости, как и мощение 3-го яруса. Мостовую 2-го яруса предварительно можно датировать XVII–XVIII вв. (*Буров В.А. рук.*, 2002).

В 1953 г. был выполнен чертеж юго-восточного прясла в примыкании к Архангельской башне с Архангельскими воротами (*Крепость, материалы рук.*, 1979). В 1997 г. Архангельские ворота были обмерены вместе с примыкающим длинным проходом под Прачечным корпусом (*Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А. рук.*, 1997) (ил. 529–530).

2.2.5. ТАЙНИЦКИЕ (СУШИЛЕННЫЕ) ВОРОТА

В 1985 г. О.Д. Савицкой и В.В. Сошиным «*при исследовании обрывающегося к (Сушиленной. — В.Б.) палате юго-западного прясла в торце обнаружены внутренние ворота сквозного проезда, который, подобно башенным, а не стеновым проездам, вел с одним поворотом — “коленом”*» (*Савицкая О.Д., Сошин В.В. рук.*, 1985). В 2005 г. был издан план ворот в составе всего комплекса (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 22, ил. 11) (ил. 438).

Данные ворота расположены на участке между Стратилатовской башней и Сушилом Мельничного двора (ил. 534–545). По своему устройству они существенно отличаются от остальных сквозных проездов Соловецкой крепости, поражая своей не-

ординарностью. Данные ворота смотрятся как отдельное сооружение, размещенное не в самом прясле, а рядом с его окончанием, в примыкании к Сушилу. В ходе строительства крепости 1582–1595 гг. торец валунной стены, обращенный к Сушилу, был расширен на один валун. Это позволило образовать «палатку» прохода, которую приставили к угловой северо-западной лопатке кирпичной хозяйственной постройки, при этом закрыв саму лопатку. Вход в ворота разместили рядом со стеной Сушила — от Белой башни. Проход сделали под углом, «коленом». Прямой сквозной проход по линии С–Ю оказался невозможен из-за близкого нахождения мельницы.

В остальном конструкция ворот традиционная. Палатка в плане прямоугольной формы, входы с двух сторон оформлены кирпичными арками. Стены валунные. На них опирается кирпичный сомкнутый свод, сложенный путем чередования рядов тычков и ложков. Люк в своде отсутствует или тщательно заложен. Рядом с аркой при выходе устроены внутристенный канал и гнездо для бревенчатого засова, запиравшего створы ворот. Чтобы створы не сняли с подставов, приподнимая их снизу, с внутренней стороны арок над ними сделано по специальной полочке.

В начале XVII в. при обстройке Сушила двумя наружными валунными стенами южный выход из ворот оказался обращен внутрь нового помещения. Поэтому отсюда был сделан дополнительный арочный проход, но уже в западной стене. Реконструированные ворота оказались с двумя «коленами». Книги конца XVII в. называли ворота у Сушила Тайницкими: «У ворот Тайницких да у башни два замка вислых, клинчатой да трупчатой» (*Книга 1694а г.*, л. 6; *Книга 1695 г.*, л. 6; *Книга 1696 г.*, л. 7). Скорее всего, именно об этих воротах сообщал в своем докладе Иван Мещеринов царю 14 февраля 1674 г.: «...и ту сторону у города есть калитка, а двери деревянная, заперты однем замком деревянным же, а замка де у той калитки нет» (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 45).

Прочие документы о данных воротах хранят упорное молчание. Впервые под цифрой 43 с обозначением «сортня», т.е. выход (франц.), они были представлены на плане монастыря 1790 г. (ил. 546). В 1888 г. наполовину заваленный камнем проем ворот попал в объектив фотоаппа-

рата, который зафиксировал рядом с ними валунный откос (ил. 547). Последний являлся конструкцией Сушила начала XVII в. Данный откос О.Д. Савицкая именует захабом, отмечая, что от него «остался только след» (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 53).

В 1923 г. описание ворот оставил Е.И. Силин: «...Осмотрели место под Сушилом у Белой башни, в которое ворвался воевода Иван Мещеринов со стрельцами в ночь на 22 января 1676 года, воспользовавшись изменой монаха Феоктиста. Очень низкие ворота, в настоящее время наполовину заваленные песком и камнями, вторые — деревянные, из толстого дуба, с громадным дубовым засовом. Вот эти-то ворота и были прорублены в диаметре около аршина, даже до настоящего времени остались следы от удара топора и саблей. Чтобы видеть, пришлось лезть ползком, и то только с помощью других людей только небольшого роста. Какая жуткая картина была в монастыре при внезапном появлении воеводы Мещеринова, нам известно из истории “Возмущение Соловецких монахов-старообрядцев в XVII в. Сочинения И.Я. Сырцова”» (*Силин Е.И.* рук., 1923).

В 2015 г. нами было проведено археологическое исследование руинированного валунного откоса при указанных воротах, прикрывавшего их с первой половины XVII в. Исходя из топографии, мы стали называть их Сушиленными (*Буров В.А.* рук., 2016, л. 6–14). Предварительный внешний осмотр показал, что данное сооружение сложено из крупных валунов в поперечнике около 1 и 1,5 м. Сохранилась платформа основания с остатками трех рядов валунной кладки в высоту у стены Сушила. Похоже, что укладка камней осуществлялась насухо. В пазах между нижними камнями видна только засыпка известковой крошки и мелких осколков кирпича. Наружная зачеканка швов известковым раствором отмечена только в двух местах на северном фасаде. Там же в одном месте два небольших камня скреплены поздним цементным раствором. Старые следы извести видны также на стене Сушила в месте примыкания откоса.

Как показали раскопки, откос при Сушиле представлял собой трехгранную пирамиду с двумя вертикальными и одной наклонной стенками. В основании сооружение имело форму, приближенную

к равносоставленному треугольнику (ил. 548–551). По нашим промерам, размеры оснований двух вертикальных сторон пирамиды равны 3,55 м. В переводе на средневековые единицы измерения это 5 аршин: $71 \text{ см} \times 5 = 355 \text{ см}$. Одна из них, восточная, примыкает к Сушилу без перевязки кладки, вторая обращена к воротам на север. Откос именно прислонен к Сушилу. Со стороны гипотенузы треугольника должна была идти наклонная валунная кладка уступами. Верхний валун откоса примыкал к стене Сушила к низу характерного валунного камня третьего ряда, если счет рядов вести вверх от воротной арки. Это видно на дореволюционной фотоснимке 1888 г. В настоящее время след примыкания сохранился в данном месте в виде остатка известкового раствора. По нашим обмерам, первоначальная высота откоса от уровня земли времени окончания его строительства составляла около 3,55 м (5 аршин).

2.2.6. Никольские ворота

Данные ворота поздние. Они находятся к югу от Никольской башни, в толще крепостной стены, на месте ближайшей к баш-

не печуры подошвенного боя. Их прорубили примерно в середине XIX столетия, когда Соловецкая крепость уже утратила свое военное значение и главная проездная башня со стрельницей перестала быть боевой (ил. 552–554).

На дату появления ворот указывает сопоставление планов и изображений монастыря. В 1837 г. проход осуществлялся еще традиционно через Никольскую башню; на гравюре в соседних печурах изображены пушки на лафетах (ил. 555). Ближайшая к башне печура показана и на плане 1844 г., а на плане 1884 г. ее уже нет. На ее месте изображен проход. Неудобный проезд в Никольской башне «коленом» через стрельницу был закрыт. На фотографии конца XIX в. (*Лейцингер Я. И.*, 2005; *Савицкая О. Д.*, 2005, с. 30, ил. 15) видно, что крепостная стена с Никольскими воротами со стороны монастырского двора, а также стены проема ворот побелены. На фотографиях 1916 и 1928 гг. показан побеленный наружный участок прясла вокруг киота с иконой (ил. 555). Эта побелка была воссоздана возрожденным монастырем в начале 2000-х гг. Тогда же заменили полотнища ворот.

2.3. Прясла городской стены

Между шестью башнями крепости с учетом Сушила в конце XVI в. формально насчитывалось восемь прясел. Из них две стены примкнули с севера и юга к стоявшим на их пути каменным Поварне и Квасоварне, а две другие были подведены с двух сторон к Сушилу. Однако прясла между Белой башней и Сушилом было упразднено при возведении Белой башни, так как оно оказалось внутри крепости¹⁸.

Основной объем стен сложен из валунов, верх — из кирпича и камней, как и башен. Кирпич был задействован также при выкладке арок печур нижнего боя и возведении парапетов и столбов бое-

вого хода. Валунная кладка выполнена местами как с соблюдением горизонтальных рядов, так и с учетом рельефа, делалась перевязка швов на стыке сезонных участков. Со стороны монастыря стена почти вертикальная, с внешней стороны — с легким наклоном. Прясла имеют два боевых яруса: нижний — с печурами и верхний — с бойницами. В настоящее время из-за выросшего слоя многие нижние печуры засыпаны землей. Ни одна из них не дает представления о своих подлинных размерах.

Ниже приводим документированную источниками подборку сведений о пряслах, включая ремонты. К недокументи-

¹⁸ При составлении описи 1676 г. московские писцы насчитали «девять звен». Как единые прясла они измеряли стены между Сушилом с Белой башней и Стратилатовской башней. Самостоятельными они посчитали стену от Стратилатовской башни до Святых ворот и стену от Святых ворот до Успенской башни. Рыбные ворота рассматривались как граница двух прясел между Успенской и Корожной башнями (*Опись 1676 г.*, л. 548 — 549 об.).

рованным данным относим упоминание в рукописи краеведа К. П. Гемп о крупном ремонте стены и всех башен, якобы состоявшемся в 1902 г., когда были восстановлены кирпичной кладкой все обветшавшие части кровли и перекрытий, а также о ремонте крепостной стены 1912–1913 гг. (Гемп К. П. рук., 1951, л. 8).

2.3.1. Участок прясла между Стратилатовской (Прядильной) башней и Святыми воротами

Данное прясло с пятью печурами нижнего боя (№ 1–5) и девятью бойницами верхнего боя (№ 57–65) сохранилось неплохо (ил. 556–597). Наружная стена обходной галереи снаружи облицована валуном под самую кровлю. Кирпичный парапет с 12 столбами (№ 1–12), на которые опираются балки кровли, утрачен частично, только рядом с Благовещенской церковью, что над Святыми вратами. В XX в. галерея была полностью застеклена. Между столбами остались деревянные рамы, несущие поздние резные надписи и знаки советского времени.

Сведений о прясле немного. Опись 1676 г. приводит его промер: «От Святых ворот до Стратилатовской башни городской стены двадцать две сажени» (Опись СМ 1676 г., л. 548).

Из рапорта 1836 г. становится известно, что в первой половине XIX в. пол обходной галереи был дощатый, имел ширину 4 аршина ($0,71 \times 4 = 2,84$ м), и назывался он «мостовой». Данная галерея использовалась как производственное помещение для прядения канатов и веревок: «Внутри крепостной монастырской стены на месте, где прядутся канаты и веревки для кораблей больших и гребных судов и на прочия надобности, зделана вместо обветшавшей новая из пильных досок мостовая длиною на 120 сажень, шириною в 4-ре аршина» (Дело 1836 г., л. 17 об., п. 14). Однако приведенные размеры мастерской, превышающие в пять раз длину прясла между Стратилатовской башней и Святыми воротами ($2,13 \times 120 = 255,6$ м), свидетельствуют о том, что она занимала не только данный участок крепостной стены.

Изображения данного прясла на миниатюрах, иконах, гравюрах и рисунках XVII–XIX вв. во многом условны и схематичны (ил. 598–603). Лишь рисунок фасада и чертежные планы 1790 г. точно фиксируют 5 бойниц подошвенного боя и 9 бойниц верхнего боя. Здесь же представлено 12 кирпичных парапетов и 12 столбов.

Начиная с гравюры 1744 г., примечательно появление изображений деревьев снаружи крепости перед стеной. Равное расстояние между ними свидетельствует о том, что деревья посажены целенаправленно. Их достаточная высота, ассоциируемая с солидным возрастом, позволяет отнести время посадки по крайней мере к первой четверти XVIII столетия, когда крепость, казалось, утратила свое оборонное назначение.

Прасло пострадало в пожаре 1923 г. вместе со Стратилатовской (Прядильной) башней. Оно без сгоревшей кровли запечатлено на акварели 1925 г. художника О. Э. Браза (ил. 126). К 1929 г. кровля была восстановлена. В это время ее изобразил другой неизвестный художник (ил. 127).

В советский период верхняя обходная галерея на данном участке стены была остеклена и закрыта от осадков, для чего в промежутках между столбами вставили оконные рамы. Их можно видеть на фотографии и стереообмере башни 1962 г. (ил. 133, 135).

В 1953 г. западная стена между Прядильной башней и надвратной Благовещенской церковью была обмерена организацией «Военморпроект-27» (Крепость, материалы рук., 1979). Тогда же были составлены планы в уровне 1-го и 2-го ярусов боя (ил. 604).

В 1961 г. А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая составили описание технического состояния прясла между Прядильной и Успенской башнями: «В настоящее время с внешней и внутренней стороны стена сильно поражена растительностью, что способствует разрушению поверхностного слоя. В северной части имеются значительные разрушения в бойницах и по верху стен. Столбы и парапет полностью утрачены. С противоположной стороны некоторые столбы ограждения находятся в аварийном состоянии. Бойницы частично заложены. В нижнем ярусе они также заложены и на половину высоты

засыпаны изнутри землей. Фундаменты не отрывались. Двухскатная конструкция покрытия — стропила, мауэрлаты и обрешетка — находятся в удовлетворительном состоянии. Тесовая кровля протекает. Боевая площадка имеет выстилку из досок, не являющуюся первоначальной. В настоящее время она находится в плохом состоянии и частично утрачена. Хорошо сохранилась каменная лестница в прясле у Прядильной башни» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 37).

В 1971 г. архитекторы-реставраторы осуществили обмер внутреннего (восточного фасада) крепостной стены и составили план в уровне боевого хода, привели разрез по стене, отдельные детали (Савицкая О.Д., Серова И.Г., Бодрова И., Серебрянникова Л. рук., 1971, л. 6) (ил. 605).

2.3.2. Участок прясла между Святыми воротами и Успенской башней

Крепостная стена между Святыми воротами и Успенской башней расположена на слегка понижающемся к северу рельефе. В ней насчитывается 6 печур (№ 6–11) и 9 бойниц верхнего боя (№ 66–74). Не сохранился кирпичный парапет со столбами верхней обходной галереи (ил. 606–629).

В описи 1676 г. указан промер: «От Успенской башни до Святых ворот городской стены дватцать четыре сажени» (Опись СМ 1676 г., л. 550).

Изобразительные источники (ил. 630–634) малоинформативны. Чертеж 1790 г. передает точное количество печур, бойниц, показаны кирпичные столбы и стенки парапета. Святые ворота при этом оказываются практически посередине между Успенской и Стратилатовской башнями. Как и в предыдущем случае, снаружи крепости, у ее стен на гравюрах 1744, 1765 и 1768 гг. показаны посаженные деревья за оградкой. Данные посадки симметрично обрамляли с двух сторон Святые ворота — парадный вход в монастырь. На более поздних гравюрах 1791, 1798, 1802 и 1810 гг. севернее Святых ворот осталось только одно дерево. Очевидно, остальные были сведены в 1790 г., во время приготовления крепости к обороне.

Данное прясло к югу от Успенской башни имеет слабый перелом по отношению к стене, севернее башни. Его описал еще архимандрит Макарий: «Прямость линии западной стены несколько выпуклиста, и перелом сей, сделанный под Успенскою башнею, составляет тупой угол на 3 градуса» (Макарий, 1825, с. 40). В 1923 г. кровля прясла сгорела, что показано на фотографиях 1923 г. из архива П.Д. Барановского (ил. 36). Время восстановления кровли неизвестно.

В 1953 г. прясло между Святыми городовыми воротами и Успенской башней было обмерено Государственным институтом № 1 («Военморпроект»). Вычерчены планы в уровне печур нижнего боя и бойниц боевого хода (Крепость, материалы рук., 1979) (ил. 635).

В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманинов выполнил стереообмер прясла (Савицкая О.Д., 1980, с. 77). В 1971 г. архитекторы ЦНРПМ обмерили внутренний (восточный фасад) крепостной стены, план в уровне боевого хода, разрез по стене, детали (ил. 636), а в 1983 г. были сделаны обмеры стены от Успенской башни до Настоятельского корпуса (ил. 637) (Савицкая О.Д., Серова И.Г., Бодрова И., Серебрянникова Л. рук., 1971, л. 6; Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Сошин В.В., Полевая О.Р., Шустов А.Д., Стерлигов В.А. рук., 1984).

В 1991 г. по заказу Соловецкого музея-заповедника прясло между Благовещенской церковью и Успенской башней детально обмерил НИППК «Палата». Были выполнены подробные чертежи внутреннего фасада, план в уровне печур нижнего боя, план обходной галереи с верхними бойницами, разрезы стены (Брагина И.Г., Сошин В.В., Стерлигов В.В. рук., 1991) (ил. 638–640).

2.3.3. Прясло между Успенской и Корожной башнями

Стена между Успенской и Корожной башнями с Рыбными воротами расположена на перепаде рельефа в 7 м, с возвышением у Корожной башни (ил. 641–689). Со стороны монастыря к пряслу вплотную примыкают Казначейский и Наместнический корпуса, а к северу от Наместнического корпуса — валунная подпорная

Таблица 16

Пушки на прясле между Успенской и Корожной башнями по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где имянно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книппелей
По куртине до Рыбных ворот				
Пушек 18 фунтовых	2	164	30	80
¼ фунта	1	40	—	—
От Рыбных ворот по куртине до башни Хоруженной				
Пушка 1-го фунта	1	40	—	—

127

стенка искусственного рва. Данное прясло включает 7 печур с бойницами нижнего боя (№ 12–18) и 23 бойницы верхнего боя (№ 75–97), причем к северу от Рыбных ворот имеются и навесные бойницы.

В отчетах реставраторов указаны промеры: длина в основании стены 121,5 м, на уровне верхних бойниц 124,5 м, высота стены 10,0 м. Ширина стены в основании 5,3 м (северная часть), ширина верха 4,8 м (северная часть) (*Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С.* рук., 2006, л. 47).

Прясло состоит из двух разнородных участков. Тот, что севернее Рыбных ворот, имеет традиционный боевой ход с кирпичными столбами и парапетом (ныне проемы между столбами заложены). Участок к югу от ворот по конструктивным особенностям устройства боевого хода принципиально отличается от других прясел крепости. Здесь часть боевого хода расширена со стороны монастыря за счет приложенных к валунной стене трех кирпичных арок, поверх которых идет деревянное ограждение, а возле Успенской башни применена консольно-выносная система, восстановленная реставраторами.

Сведений о прясле между Корожной и Успенской башнями немного. Первое упоминание о нем встречено в описи 1676 г., где дан промер: «От Корожной башни до Рыбных ворот городской стены дватцать сажень. От Рыбных ворот до Успенской башни городской стены тридцать сажень» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 550). Всего 50 саж.

Кроме упомянутых промеров, иных сообщений о прясле для XVII в. нет. Изображения стены на иконах и гравюре этого времени особой информации не несут, поскольку они весьма условные (ил. 690–697). Гравюры XVIII в. позволяют лишний раз сделать вывод об утрате крепостью своих оборонных функций к середине

столетия. Так, на гравюре 1744 г. к северу от Успенской башни прямо перед стеной, закрывая печуры подошвенного боя, показаны три штабеля бревен. На другой гравюре с датой до 1777 г. у стен крепости снаружи изображены три хозяйственные постройки: одна в примыкании к Успенской башне и две по обе стороны Рыбных ворот. Капитальная срубная постройка к северу от Рыбных ворот снаружи представлена и на рисунке 1790 г. (ил. 691).

В 1790 г. положение изменилось. Под руководством инженера-подпоручика Я. В. Васильева в печурах были поставлены 4 пушки (*Васильев, 1790 г.*, л. 28 об.) (табл. 16).

Обращает на себя внимание наличие у двух дальнобойных 18-фунтовых пушек по 40 книппелей, применявшихся для поражения парусной снасти судов. Данные пушки должны были располагаться напротив морского залива и стоять на лафетах, а лафеты — на платформах (платформы — потенциальный археологический объект!). На одном из чертежей дан разрез крепостной стены, проходящий по четвертой печуре севернее Успенской башни. Здесь проиллюстрирована пушка на лафете поверх деревянной платформы (ил. 692).

После отъезда военной команды пушки в печурах прясла между Успенской и Корожной башнями остались в прежнем составе, о чем свидетельствует следующая опись оружия от 8 сентября (*Васильев, 1790 г.*, л. 87).

Чертежи и рисунки 1790 г. подпоручика Васильева, на которых имеются планы прясла в двух уровнях, наружные и частично внутренние фасады, достаточно подробно характеризуют данный участок крепости. Точно передано количество бойниц нижнего боя: три печуры к северу от Рыбных ворот и четыре к югу. Но при этом по сравнению с натурой бойниц

верхнего боя изображено на две меньше — 19 вместо 21. Выявляются следующие существенные отличия участка стены между Успенской башней и Рыбными воротами от прочих стен крепости.

1. Стены в примыкании к Успенской башне заметно тоньше.

2. В сторону Рыбных ворот от Успенской башни площадка боевого хода на всем протяжении расширена за счет деревянного помоста на консолях. Один конец лаги заделан в кирпичную кладку верха стены, а другой снизу подперт под углом с опорой на стену короткой переключиной. На лаги установлены вертикальные бревенчатые стойки, поддерживающие стропила кровли, к которым крепится оградка с балясинами. Кирпичные столбы отсутствуют.

3. Только на данном участке в примыкании к стене располагалась единственная в крепости аппарель; она вела на второй ярус Успенской башни. Наличие данного наклонного помоста на столбах существенно облегчало подъем на крепость пушек и пороха.

4. На всем прясле крайне редкое расположение печур подошвенного боя: их всего четыре, хотя могло быть семь или восемь.

5. Необычно также, что площадка боевого хода проходила не мимо Успенской башни, а входила в нее.

Своей спецификой обладает и северный участок прясла от Рыбных ворот до Корожной башни. На чертеже и рисунке 1790 г. отображено существующее заметное повышение рельефа местности к северу, вследствие чего кровле крепостной стены сообщен излом. Из-за разницы высот находящееся ниже западное прясло крепости соединяется каменной лестницей (№ 7) с северным в обход Корожной башни.

В XIX столетии неоднократно проводились починка и реконструкция прясла. В ноябре 1818 г. пожар уничтожил «*от онай [Корожной башни] с западной стороны 30 аршин*» (21,30 м) (Дело 1819 г., л. 7, 16 об.). Этот участок был восстановлен. В 1826–1828 гг. к югу от Корожной башни были осуществлены достаточно крупные ремонтные работы. В рапорте в Синод архимандрит Досифей сообщил о реконструкции стены: «*По западной стороне ограда надделана до самой кровли*» (Дело 1826–1828 гг., л. 4 об., п. 5). Позже Доси-

фей уточнил, что «*против острожного строения с западной и северной стороны, на ограде монастырской вновь складены каменные стены под самую крышечную стропилу*» (Досифей, 1847, с. 151). Характер новой кирпичной кладки проясняет смета от 3 августа 1827 г.: «*К заделке на арестантском дворе толщиною в 2 кирпича десяти амбразур и по верх галереи длиною на 30 саж высотой на 1 саж 30.000 кирпичей*» (Смета 1827 г.). Таким образом, в 1827 г. напротив Арестантского двора в западном и северном пряслах было заложено кирпичом десять бойниц верхнего боя, а также парапет обходной галереи крепостной стены. Тем самым тюремный двор в соответствии со своим новым предназначением получил глухие высокие стены. Его нельзя было увидеть со стороны обходной галереи.

На гравюрах и рисунках XIX в. прясло между Корожной и Успенской башнями безликое, за исключением работы 1810 г., где кирпичная и кирпично-валунная кладки верха прясла четко отражают реальный рубеж между разновременными южным и северным участками. Литография 1881 г. впервые фиксирует вдоль всего прясла деревья, отгороженные от дороги оградой (ил. 696). Деревья низкие и, следовательно, их могли посадить сравнительно недавно. При этом не смогли учесть, что семена от них, попав в кладку, прорастая, начнут ее разрушать. На фотографиях рубежа XIX–XX вв. деревья уже с большими кронами. Те же фотографии свидетельствуют о хорошем состоянии кровли и полов верхней галереи (ил. 697–698).

В 1923 г. пожар полностью уничтожил кровлю стены до Наместнического корпуса. Тогда же должны были пострадать и деревянные полы обходной галереи (ил. 697–699). Художник О. Э. Браз на акварели 1925 г. запечатлел ситуацию после пожара, когда сгоревшую кровлю полностью разобрали (ил. 700).

В 1924/1925 гг. участок прясла к северу от Успенской башни со стороны монастыря был засыпан до верха бойниц подошвенного боя строительным мусором от разборки стоявших рядом келий Настоятельского корпуса.

В 1953 г. был произведен обмер прясла институтом «Военморпроект» (*Крепость, обмеры*, 1954; *Крепость, материалы*

рук., 1979) (ил. 701–702). В 1961–1961 гг. Б. Н. Рахманинов выполнил стереообмер прясла (ил. 704).

В 1961 г. А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая составили описание технического состояния прясла между Успенской и Корожной башнями: «Общее состояние прясла удовлетворительное. Вертикальных трещин нет. Некоторые разрушения имеются в бойницах и по верху кладки. Снаружи она поражена растительностью. В месте, где к пряслу изнутри близко подходит здание, кладка покрыта плесенью и подвержена воздействию сырости. Большая часть бойниц заложена. Фундаменты у прясла не отрывались. Конструкция кровли — стропила, прогоны, обрешетка, как и поддерживающая ее у Успенской башни система стоек и консольных балок — не являются первоначальными и сохранились в хорошем состоянии. Покрытие из двух слоев теса протекает. Выстилка боевой площадки частично утрачена, частично сохранилась, но имеет повреждения» (Воробьев А. В., Савицкая О. Д. рук., 1961а, л. 25–26).

В 1971 г. были проведены обмеры восточного (внутреннего) фасада стены с Рыбными воротами. Составлены планы в уровне нижнего и верхнего боя, разрез (Ю–С) по боевому ходу (Савицкая О. Д., Серова И. Г., Бодрова И., Серебрянникова Л. рук., 1971, л. 7–15). Приведены архивные материалы — фрагменты обмерного чертежа восточного внутреннего фасада прясла 1960-х гг. (ил. 703).

В 1980 г. инженер Г. Б. Бессонов заложил два шурфа по обе стороны прясла к югу от Рыбных ворот. В них была выявлена засыпка камнями ложбины или русла древнего ручья (Бессонов Г. Б. рук., 1980).

24 октября 1984 г. специальной комиссией был составлен акт технического состояния прясла, которое было признано неудовлетворительным (Илатовская Э. М., Шилова Т. В., Владимирская В. В., Бессонов Г. Б. рук., 1984):

«Состояние архитектурно-конструктивных элементов памятника.

А. Общее состояние неудовлетворительное, необходимо проведение реставрационно-восстановительных работ по валунной и кирпичной кладке стены и восстановлению деревянной кровли над пряслом.

Б. Фундаменты не обследовались, внешних просадок фундаментов не наблюдается. Существующая отметка земли выше первоначальной. Под слоем земли в шурфах открыта валунная отмостка предположительно XIX в. [В 1980 г. за Казначейским корпусом были открыты два шурфа с внутренней и внешней стены. В месте прохождения трассы канала наблюдается местная просадка валунной кладки]¹⁹.

В. Стены. Валунная кладка стен находится в неудовлетворительном состоянии. Закладка швов мелкими валунами и кирпичами в значительной степени разрушена. Зачеканка швов мелкими валунами и кирпичами в значительной степени выветрилась, швы с внешней стороны крепости заросли травой. Бойницы подошвенного боя частично заложены кирпичом. Со стороны двора печуры бойниц на значительную высоту засыпаны землей и засыпаны мусором. Кирпичная арка бойницы, прилегающей к Корожной башне, сильно разрушена. На участке прясла за Казначейским корпусом из-за недостаточной инсоляции и отсутствия естественного проветривания валунная кладка печур постоянно находится во влажном состоянии, что приводит к размораживанию и разрушению кладки. На участке между Успенской башней и Больничными палатами стена прикрыта прикладкой из цементного раствора на высоту 1,5 м от уровня земли. От Сельдяных ворот за Больничными палатами к валунной стене прясла пристроена кирпичная стена с арками над печурами бойниц подошвенного боя. Кирпичная кладка здесь местами выветрилась, верхние ряды кладки под нижнюю обвязку разрушены. Контрфорсные кирпичные арки между пряслом и Больничными палатами (Казначейским корпусом XIX в.) частично отреставрированы, арка, примыкающая к переходу от корпуса к стене, рухнула ввиду ее аварийного состояния в 1981 г. В месте перепада рельефа в кладке прясла образовалась трещина на всю высоту кирпичной и валунной кладки, раскрытие трещины 1–3 см. Над пятой от Корожной башни бойницей и до середины валунной кладки проходит сквозная трещина раскрытия до 5 см. По 2-му ярусу на уровне крепостного хода наружная кирпичная

¹⁹ Приписка.

стена частично реставрирована. Качество реставрационной кладки низкое. Бойницы второго яруса частично переложены, некоторые заложены современным кирпичом, в некоторых бойницах требуется вычинка нижней плоскости на высоту 1–3-х ярусов. 2, 3, 4, 5 бойницы от Успенской башни переложены в XIX в., качество перекладки низкое. На участке между Наместническим корпусом и Больничными палатами наружная кирпичная стена надстроена в XIX в. по высоте для выравнивания верха прясла; ширина надкладки 1,5 кирпича с пилястрами. Качество кладки неудовлетворительное. Кирпичная стена, ограждающая крепостной ход от Корожной башни до Наместнического корпуса со стороны монастырского двора, находится в удовлетворительном состоянии.

Г. Перекрытия — второй ярус крепостной стены — боевой ход проходит по верху валунной кладки нижнего яруса прясла. Для увеличения ширины крепостного хода была сделана балочная деревянная консольная конструкция, к настоящему времени полностью утраченная. Существующая в настоящее время стоечно-балочная конструкция на участке от Успенской башни до Больничных палат временная, находится в неудовлетворительном состоянии. От больничных палат до Корожной башни деревянная консольная конструкция переложена в XVIII–XIX вв.

В валунной кладке крепостного хода сохранились гнезда от консольных балок, а в стене Успенской башни и в южной стене перехода от Больничных палат — гнезда от заделки нижней обвязки.

Д. Крыша. Первоначальное покрытие крепостной стены полностью утрачено. Существующее ныне тесовое двухскатное покрытие по деревянной стропильной конструкции временное. На участке от Больничных палат к Успенской башне временная кровля сделана в 1982 г. взамен рухнувшей тоже временной конструкции. На остальных участках стропильная конструкция находится в удовлетворительном состоянии. Тесовое покрытие местами требует замены.

Е. Отделка фасадов. На участке стены, ограждающей крепостной ход от Корожной башни до Наместнического корпуса, сохранилась обмазка и известковая побелка.

Ж. Полы. Первоначальное покрытие крепостного хода и его консольной части не сохранилось. В нише одной из бойниц частично сохранилась кирпичная выстилка, возможно, остатки пола. Существовавшее в XIX в. деревянное покрытие пола также полностью утрачено. На некоторых участках прясла имеется цементная стяжка, сделанная в советское время. Существующая валунная выстилка прясла требует расчистки от мусора и вычинки. Консольная часть крепостного хода требует полного восстановления.

З. Столбы и колонны. Деревянные стойки консольной части крепостного хода требуют полной замены.

И. Двери и окна. Проемы бойниц 2-го яруса частично переложены, некоторые заложены кирпичом в советское время, частично отреставрированы. Качество реставрационной кладки низкое. Деревянные ставни полностью утрачены, в непереложенных бойницах сохранились гнезда от засовов. Заполнение дверного проема в восточной стене прясла у Наместнического корпуса утрачено.

В Рыбных воротах сохранилось подлинное, предположительно XVII в., заполнение ворот. Полотна деревянные, обшитые кованым железом, требуется реставрация.

К. Лестница, соединяющая западное прясло с северным в примыкании к Корожной башне, полностью утрачена» (Владимирская В.В., Бессонов Г.Б. рук., 1984, л. 2–5).

В 1983–1985 гг. под руководством В.В. Владимирской был осуществлен обмер прясла, разработан эскизный проект его реставрации и подготовлена рабочая документация к проекту реставрации, которая затем была осуществлена (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А., Полевая О.Р., Шустов А.Д. рук., 1983; Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а; 1985) (ил. 705–710).

Архитекторы обращают особое внимание на консольную конструкцию боевого хода данного прясла: «Проведенные исследования позволили уточнить консольную систему боевого хода. Были обнаружены гнезда под деревянные балки на всем протяжении прясла от Успенской до Корожной башни. Вероятно, первоначально конструкция с опиранием кровли на деревянные стойки, стоящие на балках,

заделанные в гнезде в стене, была задумана по всему пряслу. Но так как на северном участке боевой ход достаточно широкий, консольный участок существовал только от Успенской башни до Рыбных ворот, выравнивая его по ширине с боевым ходом прясла от Рыбных ворот до Корожной башни. На различных этапах западное прясло подвергалось некоторым реконструкциям. Так, часть деревянных столбов на участке от Корожной башни до Наместнического корпуса была заменена на кирпичные; следов кирпичного парапета обнаружено не было. Позднее в промежутках между кирпичными столбами была устроена кирпичная стена на всю высоту боевого хода, не имеющая перевязки со столбами. В этой части были устроены два проема, один из которых у Наместнического корпуса вел на переходную галерею корпуса, второй — на переходную галерею к Иконописной палате <...> На участке от Рыбных ворот до Казначейского корпуса вместо консольного участка боевой ход был расширен за счет устройства в валунной стене кирпичной арочной прикладки. Основными архивными материалами, позволяющими представить конструкцию консольного боевого хода и кровли, являются чертежи поручика Васильева, составленные в конце XVIII века. На них видно, что консольные балки, заделанные в гнезда в боевом ходу, поддерживались подкосами, упирающимися в валунную кладку. На эти балки был положен бревенчатый накат и на них же были поставлены деревянные стойки, несущие мауэрлат, на который опирается конструкция кровли. Рисунок первоначальных стропильных конструкций также можно представить по чертежам поручика Васильева. Между мауэрлатами перекинута балка, на которых стоят вертикальные стойки, несущие коньковый прогон. Тесовая кровля опирается на обрешетку, крепящуюся к стропилам, лежащим на коньковом прогоне и мауэрлатах. Подтверждением существования такой конструкции кровли служат и чертежи с проектами реставраций, относящиеся к XIX веку. На разрезе по западному пряслу также имеется конструкция с вертикальной стойкой, несущей коньковый прогон. Вынос консольного бревна можно определить по гнезду под

нижнюю обвязку в валунной кладке Успенской башни и в стене Казначейского корпуса. Кроме того, из стены Успенской башни выступает валун, предназначенный для опирания бревенчатого наката. На северном участке стены, над Рыбными воротами, в боевом ходу сохранилось заделанное в гнездо старое консольное бревно, обложенное берестой. На нем сохранилась врубка для опирания нижней обвязки. В конце XIX века эта конструкция кровли была изменена на более простую, состоящую из стропил, скрепленных между собой затяжкой. Такой конструкция видна на фотографиях прясла, относящихся к концу XIX века, и сохранилась до нашего времени. На чертежах Васильева видно, что боевой ход был огражден поручнем и балясинами. Ограждение с балясинами существовало и в конце XIX — начале XX века. Это видно по архивной фотографии. Балясины XIX века были из тонких нешироких досок. Аналогов таких балясин в памятниках Соловецкого монастыря обнаружено не было» (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 10–12).

Важно наблюдение о реконструкции бойниц верхнего боя и стены: «Ряд бойниц был перестроен. Бойницы №2, №3, №4, №5²⁰ были переложены и превращены в арочные. Навесные бойницы №21 и №23 превращены в бойницы дальнего боя с уступчатыми завершениями амбразур в виде городка. Первоначально стена завершалась тычковым рядом по внешнему и внутреннему фасаду. Свидетельством его существования по внутреннему фасаду служат фотографии прясла начала XX века. Сейчас этот ряд читается только по внешнему фасаду, а с внутренней стороны верхние ряды кладки были вычищены без сохранения тычкового ряда. Для выравнивания прясла в месте резкого подъема рельефа на участке между Казначейским и Наместническим корпусами над стеной была устроена накладка в 1,5 кирпича с пилястрами» (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 11–10).

Были выявлены следы переходной деревянной лестницы на северное прясло: «В ходе исследований остатков каменной лестницы с западного на северное прясло обнару-

²⁰ В данном отчете нумерация бойниц была дана от Успенской башни.

жено не было. Остались следы деревянной лестницы — гнездо под балку в боевом ходу северного прясла и следы перил в ограждающей боевой ход в перекинутой с прясла на прясло кирпичной стенке. Вид деревянной лестницы, примыкающей к северной стене Казначейского корпуса, просматривается на фотографии конца XIX века. Следы этой лестницы были обнаружены и при исследовании северной стены корпуса. На фотографиях XIX века видно, что по боевому ходу в это время был устроен дощатый настил» (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 12).

В соответствии с проектным решением, на участке между Успенской башней и Казначейским корпусом была восстановлена стропильная кровля и консольная конструкция боевого хода. Консольные балки были уложены в старые гнезда, а поверх них — нижняя обвязка и накат. Края обвязки завели в прежние гнезда Успенской башни и Казначейского корпуса. Края наката у Успенской башни положили на специально предназначенный для этого выступающий валун. На нижнюю обвязку по осям консольных балок были поставлены столбы, несущие мауэрлат (верхнюю обвязку).

Стропильные конструкции были восстановлены на основании чертежей 1790 г. Васильева. В проекте дано описание конструкции кровли: «Между мауэрлатами с шагом 3 м располагаются затяжки, врубленные “ласточковым хвостом”. На затяжки ставятся стойки, несущие коньковый прогон. К коньковому прогону крепятся стропила, которые таким образом врублены в мауэрлат, что проходят его насквозь. Это позволяет расположить крайнюю обрешетку за мауэрлатом и увеличить вынос тесовой кровли. Сверху на тесовую кровлю кладется охлупень».

На участке между Казначейским и Наместническим корпусами нижнюю обвязку предлагалось укладывать с отступом 15 см от края кирпичной арочной прикладки. Здесь также расчищались старые гнезда от балок для укладки новых бревен. Стойки ставились по осям балок на нижнюю обвязку. За Наместническим корпусом до Коровой башни мауэрлаты укладывались по верху обеих кирпичных ограждений боевого хода. При этом поздние накладки разбирались до первоначального уровня стены.

Переложенные бойницы № 2, 3 и 5 (счет от Успенской башни) предлагалось восстановить по натурным следам. Бойница № 4 с арочной перемычкой оставалась для демонстрации строительного периода. В навесной бойнице № 13 разбирались закладка амбразуры. Бойницы № 21 и 23 восстанавливались как бойницы навесного боя. В бойнице № 20 восстанавливалась амбразура.

На всем протяжении прясла поверх валунной стены устраивалась вымостка из мелких валунов на известково-цементном растворе, а поверх арочной кирпичной прикладки к северу от Казначейского корпуса осуществлялось кирпичное мощение (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 13–15). Предполагалось восстановить деревянную лестницу у Коровой башни.

В 1996 г. подробно исследовались бойницы верхнего боя прясла между двумя башнями (Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А. рук., 1996).

В 2005 г. О.Д. Савицкая издала планы и фасады прясла (Савицкая О.Д., 2005, с. 46, 47, ил. 30, 31) (ил. 642).

В 2002–2005 гг. в ходе археологических раскопок между Казначейским корпусом и Успенской башней был снят слой до уровня пожара 1923 г., раскрыто основание крепостной стены (Буров В.А. рук., 2003–2006). Во второй печуре к северу от Успенской башни найден водосток времени сооружения крепости (Буров В.А. рук., 2005).

В 2006 г. было описано техническое состояние прясла: «На этом участке прясла в 1980-х гг. выполнялись ремонтно-реставрационные работы. С внутренней стороны боевого хода реставрация кладки стен и бойниц выполнена из современного кирпича. Качество выполненных работ невысокое <...> Повреждена подкровельная кладка: утрачено несколько кирпичей. На втором ярусе боевого хода от Коровой башни до Наместнического корпуса кладка не обследована по причине невозможного доступа. С наружной стороны монастыря в примыкании к Коровой башне разобрана кладка бойницы 2-го яруса и частично, небрежно и без перевязки швов, заложена кирпичом. Местами можно наблюдать выпадение отдельных кирпичей, утрачен массив кладки объемом до 0,5 м³ в примы-

кании к Кoroжной башне. Незначительные повреждения» (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 51, 52, 58).

В 2014 г. с наружной стороны прясла было заложено два шурфа. В шурфах вблизи Кoroжной и Успенской башен валунное основание стены было уложено на материк. Под стеной в 5,9 м от Успенской башни обнаружен водосток (Буров В. А. рук., 2015).

2.3.4. Прясло между Кoroжной и Никольской башнями

Северное прясло располагается между двумя башнями — Кoroжной и Никольской напротив северного сухого рва (ил. 711–736). Оно не отличается от большинства других участков крепостной стены по организации устройства бойниц верхнего и нижнего боя, конструкции обходной галереи с кирпичными столбами. Здесь имеется 9 нижних печур и 11 верхних ружейных бойниц. В архивных материалах указана длина 84 м, высота стены 5,4 м, толщина 6,9 м (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 45), но она измерена явно не по натуре, а по уменьшенным чертежам, опубликованным О. Д. Савицкой, и потому точность цифр вызывает сомнение.

Особенность данного прясла — в размещении небольших валунов в срединной части стены. Выше и ниже их — в основании стены и в ее верху — уложены крупные камни. Северное прясло у Кoroжной и Никольской башен соединялось с западным и восточным пряслами с помощью специальных лестниц, ныне утраченных. Со стороны монастырского двора все нижние пушечные бойницы, за исключением крайней западной, ныне находятся внутри пристроенных зданий. Через четыре из них проложены канализационные трубы для сброса отходов в северный ров. С наружной стороны у стены в этих местах имеются ямы, прикрытые щитами из досок.

Сведения о данном участке крепости в письменных источниках XVI в. отсутствуют. Первое свидетельство о стене между Кoroжной и Никольской башнями несет миниатюра 1600 г. Вахрамеевской рукописи (ил. 737). Изображение северного прясла здесь дано со стороны монасты-

ря весьма схематично. Художник не изобразил кирпичный парапет со столбами обходной галереи, а совместил на одном рисунке вид на нижние пять арочных бойниц подошвенного боя (на самом деле их 9) и на 11 верхних щелевидных бойниц (их в действительности 12). В примыкании к Никольской башне в северной стене показаны ворота, закрытые косячатой решеткой; рядом надпись: «ворота на дворец». Это также ошибка, поскольку ворота к озеру, на северном берегу которого находился Дворец с ремесленными строениями, размещались вовсе не в прясле, а в стоящей рядом Никольской проездной башне. Стена прясла сверху накрыта кровлей.

На копии миниатюры 1623 г. количество верхних амбразур ручного боя сокращено до семи. Художник изобразил стену белой. Это можно было бы расценивать как указание на побелку стены, но это маловероятно. Этот цвет выделял все каменные строения. Крепость обозначена каменной кладкой. Другие изображения северной стены на иконах XVII–XVIII вв. достаточно условны. Единственная реалистичная деталь на них — арки печур и прямоугольники проемов парапета верхней обходной галереи.

В первой половине XVII в., по сведениям соловецких летописцев, вблизи стены была построена сначала Иконописная палата (1615 г.), а затем Портная палата (1642 г.) (Досифей, 1833). Возможно, от одной из их печных труб в 1659 г. загорелась кровля стены: «...и переходы подле города, и лестницы все сия огонь пожже» (Владимирская В. В., Смирнов Н. Н., Любешкин А. рук., 1989).

Во время «Соловецкого сидения» данное прясло находилось на переднем рубеже обороны монастыря от царских войск и должно было подвергаться постоянным обстрелам.

В 1676 г. был осуществлен промер северного прясла: «...от Никольской проезжей башни до Кoroжной башни городской стены тридцать четыре сажени» (Опись СМ 1676 г., л. 549 об.).

К 1743 г. относится первое известие об одной из самых «тяжких» соловецких тюрем — Кoroжной тюрьме, которая размещалась в крайней западной бойнице подошвенного боя северной стены крепости.

Согласно описи, тюрьма «первая, называемая Коротая, в городской стене в северную сторону, в первой бойнице (где в случае пушки становятся) поверх земли, длиною и шириною по 4 аршина» (Фруменков Г.Г., 1968, с. 10–11). Изображение Коротой тюрьмы в бойнице представлено на плане 1743 г. (ил. 738). В том же году она была упразднена указом императрицы Елизаветы Петровны. (Позже здесь, у Коротой башни, был создан отдельный тюремный двор, в состав построек которого вошло здание Иконописной палаты.)

План соловецких тюрем 1743 г. передал валунный характер стен. Однако при этом столбы парапета обходной галереи не показаны вообще. Художник не стремился к точности в передаче количества печур подошвенного боя, и вместо 9 показал 13, включая крайнюю западную, где находилась Коротая тюрьма. Изображение местонахождения последней, заложенной кирпичом, и было одной из целей данного плана.

К 1740-м гг. подступы к печурам на участке между Иконописной и Портной палатами были закрыты какой-то пристройкой в виде галереи. Она впервые показана на гравюре братьев Зубовых 1744 г. Эта же пристройка схематично присутствует и на гравюре 1768 г. (ил. 738). Что касается самой стены, то ее боевой ход с двухскатной дощатой кровлей и столбами, подпирающими крышу, достаточно ре-

алистично показан со стороны северного монастырского двора.

В 1790 г. на Соловки прибыла военная команда для подготовки крепости к обороне во время войны со Швецией. На прясле между Никольской и Коротой башнями были расставлены орудия (Васильев, 1790 г., л. 27 об.) (табл. 17).

После отъезда команды в монастыре 8 сентября осталось на том же прясле пять пушек и 200 ядер (Васильев, 1790 г., л. 85 об.) (табл. 18).

На чертежах 1790 г. представлены планы стены между Коротой и Никольской башнями (ил. 739). Здесь дано точное количество верхних и нижних бойниц, показаны столбы и кирпичные парапеты боевого хода. Как и на гравюрах 1791, 1798 гг., подступы к северной стене и ее амбразурам между Иконописной и Портной палатами представлены свободными. Очевидно, в 1790 г., в ходе подготовки монастыря к военным действиям, была убрана мешавшая пристройка. Судя по гравюрам первой половины XIX в. (по крайней мере до 1844 г.), данный участок застраивался только со стороны Иконописной и Портной палат.

В начале XIX в. близость печных труб двух палат к крепостной стене, надо полагать, снова привела к пожару. В 1818 г. с северной стороны монастыря «погорела... монастырская ограда», которая была «совершенно починкою исправлена 1820 года» (Досифей, 1833, с. 140).

Таблица 17

Пушки на прясле между Коротой и Никольской башнями по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где именно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
По куртине				
Пушек 1½-ю фунта	1	40	—	—
1-го фунта	1	92	—	—
¼ фунтовых	2	80	—	—
⅛ фунта	3	120	—	—

Таблица 18

Пушки на прясле между Коротой и Никольской башнями. 8 сентября 1790 г.

Каких калибров орудий и где именно на местах состоят	Число орудий, поставленных на место	Сколько при самих орудиях приуготовленных снарядов находится		
		к оным ядер	картечей	книпелей
По куртине				
Пушек ½ фунтовых	3	120	—	—
¼ фунтовых	2	80	—	—

В 1825 г. в книге архимандрита Макария был приведен второй по времени пример северного прясла — 36 «семифутовых саж.» (Макарий, 1825, с. 40).

В 1827 г. состоялся ремонт, потребовавший «к заделке на арестантском дворе толщиною в 2 кирпича десяти амбразур и по верх галереи длиною на 30 саж. высотой на 1 саж. 30.000 кирпичей» (Смета 1827 г.). Тюремный острог занимал часть северного двора в примыкании к Корожной башне. Здесь было заложено кирпичом десять бойниц верхнего боя западного и северного прясел крепости, а также парапет обходной галереи крепостной стены. Тюремный двор в соответствии со своим новым предназначением получил глухие высокие стены.

В 1830 г. осуществлена переделка амбразур, явно в северном прясле: «Пять амбразур в старинной монастырской стене были использованы для разных надобностей; в одной из амбразур была устроена солдатская кухня с очагом, в трех — размещены солдатские кладовые. О пятой амбразуре сказано, что она употреблена “для литья нечистоты”. Все эти амбразуры были снабжены дверями» (Гернет М. Н., 1961, с. 462–463).

В 1906 г. внутренний участок северного двора между Иконописной и Портной палатами был застроен зданием больницы службы (Дело 1906 г., л. 14 об., 41 об.)²¹. В 1907 г. у Никольской башни была возведена гостиница (Дело 1907 г., л. 5 об.)²². Она закрыла восточную часть прясла вместе с воротами Никольской башни, которая ранее была доступна для обозрения. На фотографии 1888 г. видно, что до возведения гостиницы северная стена было целиком побелена, а деревянная лестница, соединявшая возле угловой Никольской башни северную стену с более низким пряслом, примыкающим к башне с юга, имела ограждение с фигурными балясинами (ил. 741).

Таким образом, в начале XX в. все бойницы, кроме Корожной тюрьмы, оказались в коридорах зданий. Их стали использовать для хозяйственных целей. Через бойницу, где была Корожная тюрьма, проложили существующую поныне трубу для

стока канализационных вод в северный сухой ров.

В послереволюционное время северная стена крепости не пострадала в огне пожара 1923 г., что отлично видно на акварели художника О. Э. Браза 1925 г. (ил. 742).

После длительного перерыва в 1953 г., когда все здания бывшего монастыря были обмерены в связи с предстоящей реконструкцией под военно-морскую часть Северного флота, был составлен чертеж боевого хода с амбразурами (ил. 743) (Крепость, обмеры рук., 1954).

В 1960 г., в связи с начавшимися реставрационными работами, которые осуществляла ЦНРПМ ВПНРК (г. Москва), Б. Н. Рахманинов выполнил стереообмер крепости, в том числе и внешней стены северного прясла (ил. 744).

В 1961 г. А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая составили описание технического состояния стены между Корожной и Никольской башнями: «Общее состояние стены удовлетворительное. Вертикальных трещин нет. С внутренней стороны она полностью застроена, так что столбы и парапет вошли в конструкцию вновь пристроенного здания. Имеются некоторые разрушения в бойницах. Большая часть из них заложена. В бойницах нижнего яруса, которые вошли в состав помещений вновь пристроенного корпуса, постоянная сырость. Конструкция кровли в хорошем состоянии. Тесовая кровля немного протекает. Выстилка боевой площадки в значительной степени утрачена. Фундаменты не отрывались» (Воробьев А. В., Савицкая О. Д. рук., 1961а, л. 27).

В 1971 г. под руководством О. Д. Савицкой прясло было обмерено (Савицкая О. Д., Серова И., Бодрова И., Серебряникова Л. рук., 1971, л. 1).

В 1989 г. северное прясло было дважды осмотрено комиссией и составлено два заключения о его неудовлетворительном и аварийном состоянии. Акт от 02.07.1989: «Северное прясло крепостной стены находится в неудовлетворительном состоянии. Требуется консервация валунной кладки и кирпичных стен парапета. Реставрация мощения по боевому ходу. Смена деревянной кровли прясла. Процент утраты

²¹ По данным: Владимирская В. В., Смирнов Н. Н., Любешкин А. рук., 1989.

²² Там же.

конструктивных элементов и частей северного прясла 50%». Акт от 25.07.1989: «На северном фасаде стены швы выветрены. Кирпичная кладка парапета имеет значительные деформации, амбразуры переложены. Кладка южной парапетной стены со столбами и стены пристроенных зданий сильно разморожены и разрушены. Участок сеней Портной палаты укреплен деревянными противоаварийными подпорными конструкциями. Пол боевого хода постоянно замокает. Кирпичные арки бойниц частично разрушены, сами бойницы с внешней стороны стен засыпаны землей. В средней части прясла под стеной прорыт канал, вероятно, для выпуска канализации; в результате участок валунной кладки стены остался без опоры. Крыша: кровля односкатная, тесовая, временная. В месте примыкания к сеням Портной палаты верх теса уложен рубероид. По всей длине северного боевого хода практически отсутствует примыкание кровли к южной стене, из-за чего кирпичная кладка сильно разморожена и постоянно замокает. На участке от Никольской башни до Портной палаты стропильные конструкции кровли держатся на подпорках из бревен. Стропила в этом месте сгнили. Кровля сильно протекает. Лестницы: у Никольской башни устроена временная деревянная лестница с поручнями на месте утраченной; у Корожной башни лестница, ведущая на боевой ход, не сохранилась.

Выводы. Общее состояние северного прясла аварийное. Южная стена боевого хода требует немедленного проведения противоаварийных работ по укреплению кладки стен, восстановлению кровли. Необходимо провести консервацию всей валунной кладки прясла. Параллельно надо осуществить реставрационно-восстановительные работы в полном объеме» (Владимирская В.В., Смирнов Н.Н., Любешкин А. рук., 1989). Тогда же был определен объем памятника — 4473 м³.

В 1996 г. сотрудники Соловецкого музея-заповедника осуществили обмеры верхних бойниц прясла (Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А. рук., 1996).

В 1997 г. В.А. Буров проследил характер основания в центральной части стены, которое оказалось поставлено на естественный слой песка с валунами (Буров В.А. рук., 1997).

В 2005 г. в монографии о крепости О.Д. Савицкая опубликована план и разрез северного прясла и дала его краткое описание (Савицкая О.Д., 2005, с. 52, ил. 37) (ил. 712). В 2006 г. Соловецкий музей-заповедник предложил ООО «Творческая мастерская реставрации и декора» (г. Архангельск) осуществить предварительное инженерное обследование стены с использованием указанного издания. В заключении отмечалось: «Заполнение между валунами поражено растительностью и выветрилось на 90% от всей наружной поверхности стен. Бойницы второго яруса прясла в аварийном состоянии. Одну целевидную бойницу частично разобрали и заложили кирпичом. У половины бойниц рыхлая кирпичная кладка отслоилась от валунной и накренилась вовнутрь бойницы. Заполнение раствором швов кирпичной кладки небрежное и неполное, плохое сцепление кирпичной кладки бойниц с валунной. Подкровельная кладка по всей длине прясла разрушена, местами кладка переложена на цементном растворе или находится в ветхом состоянии. На этом участке прясла часть бойниц второго яруса заложена с внутренней стороны либо переложена. Со стороны боевого хода и с внутренней стороны монастыря прясло не обследовано вследствие невозможного доступа. Общее состояние стен прясла аварийное». Физический объем прясла определен в 5735 м³ (Лебедев А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С. рук., 2006), что на 22% выше определенного ранее в 1989 г.

2.3.5. Прясло между Никольской башней и Квасоварней

На первом этапе строительства крепости, когда прясло от Никольской башни примкнуло к кирпичному зданию Квасоварни, здесь размещалось пять печур подошвенного боя. Но после возведения в начале XVII в. Пристенка две южные печуры, обращенные внутрь пристроенной территории, оказались лишними, к бою непригодными. А после превращения в середине XIX столетия крайней северной печуры в проездные Никольские ворота боеспособными остались только две средние боевые камеры. Тогда же на южной оконеч-

ности боевого хода появилась надстройка, уничтожившая часть верхних бойниц ручного боя. В итоге не столь длинное боевое прясло между Никольской башней и Пристенком заметно сократилось (ил. 745–762). Согласно описи, составленной в 1676 г., сразу после окончания «Соловецкого сидения», его длина составляла всего 10 сажень: «От Квасоварной башни до Никольской башни городской стены десять сажен» (Опись СМ 1676 г., л. 549 об.).

Сведения об этом участке крепостной стены немногочисленные. Однако из них можно понять, что ему отводилась важная роль в прикрытии подхода к Никольской башне. В 1674 г. в осажденный царским войском монастырь от некоего Фадейки Петрова, сидевшего в тюрьме в Суме, пришло письмо, в котором он «велел им осаду крепить накрепко <...> и по его писму на низких местех по городу нарубили бревнами тарасы и насыпали хрящем» (Барсов Е. В., 1890, с. 121–122). Смысл реконструкции становится ясен из письма воеводы Мещеринова царю Алексею Михайловичу: «...а в монастыре у них, воров, от Никольских ворот до Квасопаренной башни стена была низка, и зубцы были кладены кирпичем, и они, воры, крепя осаду, те зубцы кирпичные сломали и нарубили на каменной стене деревянные тарасы и покрыли с теми (северными. — В. Б.) стенами нарвень» (Барсов Е. В., 1884, с. 59; 1890, с. 101).

Гравюры 1744, 1765, 1777, 1802, 1810 и 1837 гг., а также рисунки рукописи инженера-подпоручика Васильева 1790 г. показывают кирпичную кладку стены с амбразурами, поверх нее — деревянный надруб (ил. 763–766). Только натурные исследования архитекторов могут ответить на вопрос, относится ли сохранившаяся кирпичная кладка парапета верхнего боевого хода к концу XVI столетия (и, следовательно, Мещеринов писал неправду о сломанной кирпичной стене) или она восстановлена после «Соловецкого сидения».

Конструкция надруба в разрезе представлена на одном из рисунков 1790 г. С двух краев кирпичной стены поставлены параллельно две стены из бруса квадратного сечения, между которыми помещена засыпка из камней (ил. 764). Надруб является вторым, дополнительным этажом поверх боевого хода, от которого его отделял

дощатый пол. Другой рисунок запечатлел внешнюю восточную стену надруба с тремя бойницами.

Два плана каменной крепостной стены 1790 г. дают представление о том, как попадали в надруб. По одной деревянной лестнице со стороны монастырского двора поднимались на верх валунной стены, на обходную галерею, а далее шли в сторону Никольской башни, где было еще две лестницы. Крайняя северная соединяла южное и северное прясла крепости в обход Никольской башни, а по южной лестнице поднимались в надруб.

Поскольку на гравюрах 1819–1825 и 1827 гг. надруб отсутствует, можно сделать вывод, что к этому времени его не стало. Примечательно, что в 1815 г. он был целым. Его упоминает монастырская смета 1815 г., содержащая описание конструктивных особенностей надрубов — деревянных стен с перерубами, заполненных камнями: «От оной по линии сначала крепостной стены надрубы на каменном фундаменте против прочих стен в половину до верховой крышки деревянные, в вышину от 3-х, а в длину до 20-ти сажен, внутри коих режы с перерубами, в оных с диким камнем наполнены для прочности, так же переходы, примыкающие к той стене той же и длины» (Смета 1815 г.). Надо полагать, надруб сгорел во время пожара Никольской башни. Известно, что в ноябре 1818 г. Никольская «угольная круглая» башня горела (Дело 1819 г., л. 1, 7) и тогда «погорели с северной стороны две башни <...> починкою исправлены 1820 года» (Досифей, 1833, с. 140–141). Очевидно, при ремонте стены в 1820 г. надруб не стали восстанавливать за ненадобностью, в связи с утратой военного значения самой Соловецкой крепости. В таком случае, авторы гравюр 1827 и 1837 гг. использовали более ранние изображения монастыря.

До 1743 г. в двух ближайших к Никольской башне печурах крепостной стены размещалась тюрьма. Она изображена на плане тюрем 1743 г. Бойницы закрывала деревянная пристройка (ил. 763).

Летом 1790 г., во время войны со Швецией, прибывшая на Соловки военная команда подготовила крепость к обороне: во всех трех бойницах подошвенного боя стены между Никольской башней

Таблица 19

Пушки на прясле между Никольской башней и Пристенком по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где именно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
По куртине к башне Квасоваренной				
Пушек 1-го фунта	1	92	—	—
¼ фунта	2	80	—	—

Таблица 20

Пушки на прясле между Никольской башней и Пристенком. 8 сентября 1790 г.

Каких калибров орудии и где имянно на местах состоят	Число орудий, поставленных на место	Сколько при самих орудиях приготовленных снарядов находится		
		к оным ядер	картечей	книпелей
По куртине к башне Квасоваренной				
Пушек 1-го фунта	1	92	8	—
¼ пицалей в станках	2	80	8	—

и Пристенком были установлены 3 орудия (Васильев, 1790 г., л. 27 об.) (табл. 19).

8 сентября того же года, когда команда уже оставила остров, орудие на прясле осталось в том же составе (Васильев, 1790 г., л. 85 об.) (табл. 20).

Как отмечалось выше, в середине XIX столетия ближайшая к Никольской башне бойница подошвенного боя была упразднена, на ее месте прорубили стену и проем оформили в ворота. Они получили наименование Никольских, очевидно, по образу Николая Чудотворца, помещенного над воротами в киоте.

В 1923 г. половина кровли прясла пострадала в пожаре. Ситуацию проясняют две фотографии. На одной со стороны монастырского двора запечатлена часть прясла с надстроенным зданием в примыкании к Рухлядной палате (ил. 767), на другой снаружи отчетливо видна половина сгоревшей кровли (ил. 768).

В 1953 г. сотрудник Государственного института № 1 («Военморпроект») Иконников выполнил обмеры прясла, начертил планы основания и боевого хода (Крепость, обмеры, 1954) (ил. 769).

В 1961 г. А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили описание технического состояния стены между Никольской башней и северной стеной Пристенка: «Стена сохранилась в хорошем состоянии, но с наружной стороны она дошла до нас в несколько реконструированном виде. Некоторые разрушения имеются по верху стен и в бойницах, большая часть которых

заложена. Фундаменты не отрывались. Двухскатная кровля не является первоначальной. Деревянная конструкция кровли и тесовое покрытие сохранились в хорошем состоянии. Деревянная лестница на северное прясло почти полностью утрачена, сохранились от нее лишь отдельные части» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 28).

В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманинов выполнил стереообмер прясла (ил. 770).

В 1971 г. были обмерены внешний и внутренние фасады прясла, вычерчен план по боевому ходу, дан разрез стены (Савицкая О.Д., Серова И.Г., Бодрова И., Серебрянникова Л. рук., 1971, л. 2).

В 1996 г. была обмерена одна из бойниц боевого хода (Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А. рук., 1996).

В 2005 г. О.Д. Савицкая издала планы прясла в уровне бойниц подошвенного боя и боевого хода, а также западный и восточный фасады (Савицкая О.Д., 2005, с. 51, ил. 35) (ил. 746).

В 2006 г. О.В. Прусак произвела подсчет физического объема прясла между Никольской башней и Пристенком — 1259,3 м³ (Лебедько А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С. рук., 2006).

В 2014 г. нами снаружи прясла напротив печуры южнее Никольских ворот заложен шурф, в котором прослежено основание стены, покоящееся на слое песка с крупной галькой без заглубления в нее, практически поверх почвы со слюдой (Буров В.А. рук., 2015).

2.3.6. Прясло между Поварней и Архангельской башней

Прясло между Поварней и Архангельской башней — самое длинное в Соловецкой крепости. Оно состоит из двух частей, разделенных Святозерскими воротами.

Севернее Святозерских ворот в состав стены были включены древние каменные кельи № 24–27 и Хлебные ворота (ил. 772–795). По фасаду их облицевали валунами. Здесь оборудовали 6 печур. Данный участок примкнул к южной стене Поварни, но в 1621 г. часть его оказалась при Пристенке. Наверху новой крепостной стены устроили 8 бойниц ручного боя (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 51, ил. 34–36; *Буров В.А.*, 2011, с. 178–180, рис. 49, 58, ил. 7 вклейки).

Участок от Святозерских ворот до Архангельской башни был поставлен на берегу Святого озера, вне зоны застройки. В нем насчитывается 11 печур и 20 бойниц верхнего боя (ил. 796–851). Все печи боевые, кроме 3-й от Архангельской башни, в которой вместе с боковыми внутрстенными камерами расположилась Головленкова тюрьма. Толщина стены на всем протяжении неодинаковая. От башни к воротам она постепенно увеличивается от 5 до 8 м. Со стороны Архангельской башни В.В. Сошиным обнаружен строительный шов, свидетельствующий, что башня была возведена одновременно с небольшим участком прясла из двух печур. Далее стену ставили в северном направлении — от башни к Поварне.

Исторические сведения о восточном прясле скудные. Известно, что в 1676 г. оно было обмерено: «От Архангельской башни до Поваренной башни городской стены шестьдесят три сажени» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 548 об. — 549).

Подборка изображений прясла на миниатюрах и гравюрах XVII–XIX вв. малоинформативна (ил. 852–856). Прясло изображается чаще со стороны монастыря, оно загорожено зданиями центрального комплекса и келейной застройкой. На древнейшей миниатюре 1600 г. восточная стена показана схематично как белокаменная. Она подходит вплотную к углу здания каменной поварни, хотя реально

стена примкнута к ее южному фасаду, а до этого включила в свой состав после Святозерских ворот каменные кельи и службы, не показанные на миниатюре. Обращает на себя внимание полная реализма гравюра 1744 г. братьев Зубовых, на которой представлен кирпичный парапет с кирпичными столбами. Важен схематический план соловецких тюрем 1743 г., где в третьей бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни под цифрой 2 указана Головленкова тюрьма. Проведенное комплексное историко-археологическое исследование подтвердило достоверность данного документа²³.

Чертежи и рисунки инженера-подпоручика Васильева фиксируют в деталях состояние крепости на 1790 г. (ил. 853). На них представлены планы основания восточной стены и ее боевого хода. После второй бойницы от Архангельской башни показан излом стены в сторону Святого озера, который имеется в натуре и соотносится со строительным швом, выделяющим южную палатку Головленковой тюрьмы. Между «Святозерскими» воротами (под № 39) и Архангельской башней верно показано именно 11 печур («бойницы со сводами в крепостных стенах») и 20 верхних бойниц («бойницы в стенах»). На чертеже боевого хода изображен кирпичный парапет со столбами. Вплотную у первой бойницы, что у башни, небольшая пристройка с двухскатной крышей (потенциальный объект археологии!). Рядом со Святозерскими воротами расположена деревянная лестница (№ 8), ведущая с территории монастыря на самый верх прясла. В это время между крепостью и келейной застройкой существовал проход. Кровля на рисунке восточного фасада прясла показана деревянная, без «копий» на конце. На чертежах дан план перестроенных помещений к северу от ворот. В рукописи Васильева не указано, что «по куртине» от Пристенка до Архангельской башни в 1790 г. были установлены какие-либо пушки.

Из немногочисленных изобразительных материалов XIX в. интересен план 1801 г., на котором нет нижних бойниц к северу от Святозерских ворот (ил. 854). Видимо, к этому времени они утратили свое боевое назначение. На всех гравюрах

²³ Подробнее об этом см. гл. 5.

показаны кирпичные парапеты со столбами. По фотографии 1888 г. можно судить о хорошем состоянии кровли прясла и фасада стены (ил. 857: 2).

Мы не располагаем точными сведениями о том, в какой мере пострадала восточная стена в пожаре 1923 г. Однако, с учетом того, что выгорели Пристенки и соседнее здание общей трапезы с поварнями, можно сделать однозначный вывод о сгоревшей кровле в сторону Святозерских ворот. На акварели 1925 г. показана целая кровля стены и целое здание общей трапезы (ил. 857: 1). Данные объекты были быстро восстановлены, но кровли нет на крепостной стене.

К 1953 г. относятся обмеры прясла между Архангельской башней и Пристенком, выполненные Государственным институтом № 1 («Военморпроект») (Крепость, обмеры, 1954) (ил. 860). Они проводились в связи с намечавшимся общим приспособлением зданий монастыря под нужды военно-морской базы Северного флота.

В 1961 г., в связи с начавшейся реставрацией монастыря архитекторы А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая составили описание технического состояния стены между Пристенком и Архангельской башней, которое оказалось неудовлетворительным:

«В северной части прясла непосредственно в стену врезается корпус внутренней келейной стены. Ослабление конструкции одновременно с неблагоприятными гидрогеологическими условиями грунтов повлекло значительные деформации и разрушение кладки на данном участке прясла. С внешней стороны имеются широкие вертикальные трещины, провалы в бойницах, выщелачивание раствора и выпадение отдельных валунов. В этой же части поверхность стен наиболее сильно повреждена растительностью. В средней части, там, где внутренняя застройка Кремля близко подходит к стене, имеется тенденция к обветшанию кладки вследствие постоянного воздействия сырости. Стены поросли плесенью и мхом. В этой части прясла совершенно разрушены кирпичные парапеты и столбы и заменены местами деревянными стойками. В южной части общее состояние кладки хорошее. На протяжении всей длины прясла имеются разрушения по верху стен и в бойницах. Парапеты полностью разобраны и сохранились лишь

в виде отдельных фрагментов и следов. Большая часть бойниц заложена. В нижнем ярусе в местах примыкания застройки бойницы почти на всю высоту засыпаны землей, так что над поверхностью выступают лишь замки кирпичных архивольтов арочных ниш. Фундаменты отрывались с наружной стороны у Пристенка и в углу у Архангельской башни. Глубина заложения до 1,3 м от современного уровня земли. Они выложены из таких же валунов, как и стены, без раствора. Уровень грунтовых вод выше подошвы фундамента. Грунты на всю глубину шурфов насыпные. Фундаменты имеют значительные разрушения в месте общего разрушения кладки, с северной стороны у Пристенка. Известково-щебеночная выстилка боевой площадки сохранилась в плохом состоянии; в местах общего разрушения она полностью утрачена. Кровля в южной части двухскатная, в северной — односкатная. Она не является первоначальной и в средней части совершенно отсутствует, вследствие чего прясло не защищено от осадков и подвержено разрушению. Деревянная конструкция — стропила, мауэрлат и обрешетка на сохранившихся участках в хорошем состоянии. Тесовая кровля протекает и местами обветшала. Каменная лестница у Архангельской башни хорошо сохранилась. С другой стороны проход на прясло Пристенка замурован» (Воробьев А. В., Савицкая О. Д. рук., 1961а, л. 31–33). Разрушение прясла документировали фотографии (ил. 858).

В 1961–1962 гг. был выполнен стереообмер восточного прясла Б. Н. Рахманиновым (Савицкая О. Д., 1980, с. 82–83, ил. 40) (ил. 859).

В 1971 г. проведены обмеры и составлен план в уровне боевого хода, выполнены поперечные разрезы по стенам, продольный разрез по боевому ходу С–Ю, обмерен западный фасад прясла (Савицкая О. Д., Серова И. Г., Бодрова И., Серебрянникова Л. рук., 1971, л. 3) (ил. 861). В 1979 г. выполнен обмер прясел в примыкании к Архангельской башне (Савицкая О. Д., Атучина О. Р., 1979) (ил. 862).

В 1983 г. был осуществлен детальный обмер всего прясла с бойницами нижнего боя и западного фасада со Святозерскими воротами (Владимирская В. В., Сошин В. В., Стерлигов В. А., Шустов А. Д. рук., 1983) (ил. 863–864). Затем последовали

ремонтно-реставрационные работы по вычинке и укреплению кирпичной кладки.

В 1996 г. проводилось детальное изучение бойниц верхнего боя прясла. Обмерены и составлены чертежи планов, фасадов и разрезов бойниц (Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А. рук., 1996).

В 1997–1998 гг. были осуществлены раскопки Головленковой тюрьмы, располагавшейся в XVI–XVIII вв. в 3-й бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни. Тюрьма размещалась в самой бойнице и двух палатках внутри крепостной стены к северу и югу от бойницы (Буров В.А. рук., 1998; рук., 1999). После проведения раскопок вход в арку бойницы был зашит досками. Была предложена музеефикация данного объекта (Буров В.А., 2007, с. 9–15). В 1998 г. для археологического изучения фундамента крепостной стены к северу от Архангельской башни были заложены одна траншея и два шурфа (Буров В.А. рук., 1999). В 1999 г. в 4-й бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни была раскопана деревянная платформа под пушку конца XVIII в. (Буров В.А., 2000б, с. 183–193)²⁴.

В 2005 г. О.Д. Савицкая опубликована планы и фасады прясла (Савицкая О.Д., 2005, с. 50–51, ил. 34–35) (ил. 773). В 2006 г. архитекторы осуществили подсчет физического объема прясла и описали его техническое состояние: *«В критическом состоянии находится наружная поверхность стен прясла. Поражение растительностью заполнения валунной кладки стен на 80% от поверхности. На некоторых участках утрачено заполнение между валунами на глубину до 0,5 м. Попадание атмосферных осадков и произрастание растительности активизирует процесс разрушения. Местами забутовка выполнена небрежно. С внутренней стороны поверхность кладки поражена растительностью на 30% за Просфорным корпусом. Подкровельная кладка по всей длине прясла имеет небольшие разрушения. Бойницы 2-го яруса в различном состоянии. Со стороны боевого хода откосы нескольких бойниц разрушены, швы лицевой поверхности кладки бойниц выкрошились. Нижняя площадка бойницы косого боя над аркой Святоозерских ворот*

заросла травой. Несколько бойниц во время проведения последних ремонтно-реставрационных работ были некачественно вычинены современным кирпичом, что не гармонирует с древней кладкой, особенно с наружной стороны. Деструкция кладки арки Святоозерских ворот <...> Кровля выполнена с обработкой свесов кровли на “пику”. Стропильные конструкции находятся в удовлетворительном состоянии, тес — в неудовлетворительном. Тесовое покрытие и охлупень сгнили, верхний слой теса активно зарастает мхом. Общее состояние кровли неудовлетворительное (Лебедько А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С. рук., 2006, л. 54, 59).

2.3.7. Прясло между Архангельской и Белой башнями

Юго-восточное прясло с Архангельскими воротами заключено между двумя башнями — Архангельской и Белой (ил. 865–914). Это единственный участок крепостной стены, который в месте подхода к башне поворачивает к ней под углом. Как установили архитекторы О.Д. Савицкая и В.В. Сошин, первоначально прясло было длиннее и после поворота примыкало к Сушилу. Вследствие пристройки к стене Белой башни прясло стало короче, но излом сохранился. Другая особенность прясла в том, что под ним рядом с Архангельскими воротами проходит подземный канал, поставляющий воду из Святого озера для работы мельницы.

Данное прясло насчитывает 8 печур подошвенного боя и 15 ружейных бойниц на верхней площадке боевого хода (из них две навесные у Архангельских ворот). Со стороны монастыря доступ к пряслу преграждает пристроенное здание Прачечного корпуса XIX в. Здесь от застройки открыты лишь две крайние печи рядом с башнями — северная и южная. Низкий кирпичный парапет со столбами боевого хода оказался включен в состав стены корпуса.

Сведения о прясле между Архангельской и Белой башней краткие. В 1659 г. случился пожар, сообщение о котором донес до нас Соловецкий летописец.

²⁴ Подробнее см. гл. 3.

Таблица 21

Пушки на прясле между Архангельской и Белой башнями по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где имянно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
По куртине				
Пушка ½ фунта	1	92	–	–

Таблица 22

Пушки на прясле между Архангельской и Белой башнями. 8 сентября 1790 г.

Каких калибров орудии и где имянно на местах состоят	Число орудий, поставленных на место	Сколько при самих орудиях приготовленных снарядов находится		
		к оным ядер	картечей	книпелей
По куртине				
Пушек 8-ми фунтовая	1	92	—	—
½ фунтовых	1	92	—	—

Упоминание загоревшихся хлебных амбаров не оставляет сомнения, что речь идет о прясле, примыкавшем к Мельничному двору: «7167 года загорелись кровли на крепостной стене и на Архангельской башне от свечного завода, построенного за оградой. Ветер был сильный, и пламя распространилось на хлебные амбары, которые начали уже гореть во многих местах» (Досифей, 1833, с. 69).

Опись монастыря 1676 г. приводит промер прясла: «От Стратилатовской башни до Сушиленной и до Белой башни городской стены дватцать семь сажень» (Опись СМ 1676 г., л. 548 об.). Позже архимандрит Макарий отметит 42 «семифутовых» саж. (Макарий, 1825, с. 40).

Первое изображение прясла на миниатюре 1600 г. Вахрамеевской рукописи условно. Прясло очень короткое. Оно показано без печур, только с двумя верхними бойницами и Архангельскими воротами (ил. 915). Более реалистична стена на плане 1743 г., где со стороны монастыря представлены валунная стена (правда, без кирпичного парапета), Архангельские ворота в виде арочного проема с закрытыми створами и четыре печуры подошвенного боя вместо восьми. Вплотную к крепостной стене примыкает келейная застройка Мельничного порядка. Гравюра 1744 г. для этого прясла впервые дала фактурное изображение ограды боевого хода — низкого кирпичного парапета со столбами. К стене пристроено каменное здание «молодежни», рядом располагалась деревянная прачечная.

Гравюры второй половины XVIII в. подтверждают наличие на боевом ходе кирпичного парапета со столбами (ил. 915–916). Наконец, план данного прясла 1790 г. инженера-подпоручика Васильева впервые дает точное его изображение с 8 печурами и 13 бойницами верхнего боя без учета навесных бойниц (ил. 916). На плане боевого хода обозначен парапет с кирпичными столбами. В толще стены расположены Архангельские ворота. Южнее них пунктиром обозначена трасса подземного канала с каменными сводами (№ 58), под № 21 — два здания солодовни, а рядом с крепостной стеной разместился хлебный амбар (№ 22).

Появление указанных чертежей было связано с прибытием на остров военной команды. Тогда на прясле (куртине) между Архангельской и Белой башнями была установлена всего одна пушка (табл. 21). Однако уже после отъезда команды на том же прясле оставалось два орудия (Васильев, 1790 г., л. 27 об., 85) (табл. 22).

Гравюры и рисунки XIX столетия продолжают временами схематично изображать парапет со столбами боевого хода (ил. 917–918). К 1884 г. это стало невозможно, поскольку крепостную стену к югу от Архангельских ворот закрыло длинное здание. На плане монастыря 1884 г. к стене примыкает «корпус разных хозяйственных произведений во всех этажах». Ныне он носит название Прачечного. При реконструкции XIX в. все печуры со стеной были защищены деревянными щитами, заполненными березовым углем, что предо-

храняло внутренние помещения от холода и сырости²⁵. (При осуществлении в 2006 г. ремонтно-реставрационных работ в Прачечном корпусе эти щиты были сняты, и печи стали доступны для обозрения.)

В 1923 г. его южный участок в примыкании к Белой башне был обмерен П. Д. Барановским. На чертеже дан совмещенный план стены в уровне бойницы подошвенного боя, прохода, ведущего на 2-й ярус башни, и отходящей от него внутристенной лестницей на площадку боевого хода. Здесь же приводились обмеры бойницы со стороны мельничного двора (ил. 919).

В 1925 и 1929 гг. прясло между Архангельской и Белой башнями было изображено на акварелях (ил. 361–362), которые свидетельствовали о его хорошем состоянии.

В 1953 г. боевой ход с верхними бойницами прясла, а также одну печь с Архангельскими воротами обмерили сотрудники Государственного института № 1 («Военморпроект») (*Крепость, обмеры* рук., 1954) (ил. 921).

В 1961 г. архитекторы-реставраторы А. В. Воробьев и О. Д. Савицкая составили описание технического состояния стены между Архангельской и Белой башнями: «*Общее состояние стены удовлетворительное. Имеются разрушения с внутренней стороны в местах, открытых от застройки, а также по верху стен и башен. Все парапеты и столбы включены в конструкцию стены примыкающего здания. Почти все бойницы в обоих ярусах заложены. Фундаменты отрывались в восточной части, у Архангельской башни. Конструкция их и глубина заложения такие же, как и в вышеописанных шурфах. Уровень грунтовых вод выше подошвы фундаментов. Состояние удовлетворительное. Конструкция кровли — стропила, прогоны и обрешетка, как и каменные арки контрфорсов, в хорошем состоянии. Покрытие из теса и из дранки местами обветшало и течет. Дощатая выстилка боевой площадки в хорошем состоянии. Лестница в прясле у Белой башни замурована*» (Воробьев А. В., Савицкая О. Д. рук., 1961а, л. 33–34).

В 1961–1962 гг. Б. Н. Рахманинов выполнил стереообмер прясла (Савицкая О. Д., 1980, с. 81, ил. 39) (ил. 920).

В 1971 г. архитекторы ВПНРК обмерили боевой ход прясла между Архангельской и Белой башнями, также фрагмент внутреннего фасада стены (Савицкая О. Д., Серова И., Бодрова И., Серебрянникова Л. рук., 1971, л. 4).

В 1983 г. был обмерен участок прясла к югу от Архангельской башни с бойницами верхнего боя и Архангельскими воротами (Савицкая О. Д., Атучина О. Р. рук., 1979) (ил. 862).

В 1996 г. были выполнены чертежи бойниц верхнего боя прясла — планы, фасады, разрезы (Брагина И. Г., Коробейник И. Г., Петровская Л. А. рук., 1996).

В 2001 г. со стороны монастыря археологически было прослежено основание печи, ближайшей к Архангельской башне, а в 2005 г. — основание снаружи стены в примыкании к Белой башне (Буров В. А. рук., 2002; рук., 2006).

В 2005 г. О. Д. Савицкая издала планы и фасады юго-восточного прясла (Савицкая О. Д., 2005, с. 49, ил. 33) (ил. 867). В 2006 г. на основании этой публикации О. В. Прусак провела подсчет физического объема прясла, сделала промеры (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006), которые в силу крупного масштаба чертежей оказались недостоверными. Была указана длина прясла 90,5 м. Приведено техническое состояние прясла: «*Сильное поражение растительностью заполнения валунной кладки стен — 60 % от общей площади наружной поверхности. Заращение валунной кладки травой, деревьями. С внутренней стороны поражение кладки растительностью на небольшом участке в примыкании прясла к Белой башне. Подкровельная кладка по всей длине прясла имеет разрушения. С наружной стороны стены на 2-м ярусе крепостного хода выветривание швов кладки на 30 %. Три бойницы верхнего боя в аварийном состоянии. Образование трещин повлекло за собой отслоение каменного массива кладки в откосах бойниц. У большинства бойниц верхнего и нижнего яруса повреждения лицевой поверхности кладки. Требуется частичная реставрация лицевой поверхности кладки на участках между бойницами 2-го яруса с наружной стороны*

²⁵ Сообщение Н. В. Веселовской.

монастыря. Значительно повреждена лицевая поверхность кладки арки Архангельских ворот: утраты, деструкция кирпича, выветривание раствора из швов кладки. Общее состояние стен прясла аварийное <...> Кровля двускатная, в примыкании к Прачечному корпусу односкатная. В 2006 г. заменено полностью тесовое покрытие» (Лебедев А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 53, 54, 58).

В 2013 в археологической траншее в центральной части прясла снаружи раскрыто основание стены крепости (Буров В. А. рук., 2014).

2.3.8. Прясло между Белой Башней и Сушилом

Как уже отмечалось, прясло, берущее начало от Архангельской башни, первоначально после излома на южной оконечности примыкало к кирпичному зданию Сушила. Однако после реконструкции крепости 1595 г., в ходе которой Белую башню пристроили снаружи к данному пряслу вплотную к Сушилу, между новой башней и Сушилом остался короткий фрагмент прежней стены (11,20 м) — со стороны Мельничного двора. Он также подвергся перестройке. Были сломаны оба парапета, но от их основания в настоящее время осталось до четырех рядов кирпичной кладки. Низ парапета со стороны Мельничного двора сохранил основание столба, обращенного внутрь прохода. Ко времени реконструкции должен относиться и круглый столб, что напротив входа на 3-й ярус Белой башни, сложенный из фигурных сегментов кирпичей (ил. 922–928).

Модернизация также затронула проход от Белой башни мимо Сушила к юго-западному пряслу. Его не стали возводить из кирпича, а сделали деревянный помост, опирающийся на кирпичные столбы. На плане крепости 1790 г. в уровне бойниц верхнего боя под цифрой 5 черного цвета показан «мост деревянный на каменных столбах». Он приставлен к северной стене Сушила. С его внешней стороны прорисованы края трех столбов. Три квадратных столба изображены также на плане крепости 1790 г. в уровне печур (ил. 929).

В 1885 г. был создан чертеж мукомольной мельницы и братской бани с участком деревянного перехода у Сушила и каменного прясла (ил. 930). Ценность данного документа в том, что он показывает не сохранившиеся ныне кирпичные подпорные столбы «моста» — средний и южный. На уровне обходной галереи они становятся тоньше. Между ними — деревянное ограждение с крестообразными вставками. Помост действовал в 1923 г. (Соловецкий монастырь, 2000, табл. XXX).

До настоящего времени сохранился лишь один подпорный кирпичный столб рядом с Белой башней (ил. 928). Вместо второго столба в ходе реставрации 1970-х гг. была поставлена деревянная стойка (ил. 931). В XIX в. вместо третьего разобранного столба была задействована пристройка к Сушилу.

В первой половине 1970-х гг. осуществлена реставрация деревянного перехода перед северным фасадом Сушила и при входе в Белую башню (Савицкая О. Д., 2005, с. 99) (ил. 932).

В 2002 г. в ходе раскопок под бревенчатой стойкой было раскрыто основание среднего кирпичного столба, поддерживавшего деревянный помост обходной галереи рядом с Сушилом (Буров В. А. рук., 2003, с. 65–67). При этом существующая стойка помешала провести полное раскрытие столба. Раскопана только его южная половина (ил. 933). Столб квадратный 0,84×0,84 м. От него остались два ряда кладки большемерного кирпича на известковом растворе. Их параметры: длина 27,5 и 32,5 см; толщина 8 см, 8,2 см, 8,5 см, 8,7 см, 10 см; ширина 14,4 см, 16 см, 16,5 см, 17 см. Нижний ряд кирпичей уложен на белом известковом растворе поверх подсыпанной песчаной подушки толщиной несколько миллиметров. Фундамент отсутствует. В качестве основания использован круглый каменный жернов темно-серого цвета диаметром 1,2 м и высотой 16 см. Он уложен прямо на тонкий культурный слой в 2–3 см поверх материкового песка. Полученные данные позволяют со временем воссоздать этот столб на своем месте.

Основание третьего кирпичного столба должно находиться внутри поздней пристройки к Сушилу.

2.3.9. Прясло между Сушилом и Стратилатовской (Прядильной) Башней

Это юго-западный участок крепостной стены вместе с Сушиленными воротами. Особенность его в том, что под ним проходит мельничный канал, по которому вода сбрасывалась в южный ров. Рельеф здесь повышается к Стратилатовской башне. При горизонтальной кровле высота стены у Прядильной башни меньше, чем у Сушила. Первый ярус прясла включает 7 печур подошвенного боя, второй — 11 бойниц ручного боя. Боевой ход со стороны монастыря ограничен кирпичным парапетом со столбами, поддерживающими кровлю (ил. 934–976).

Первое упоминание о прясле встречено в монастырской описи 1676 г.: «От Стратилатовской башни до Сушиленной и до Белой башни городской стены дватцать семь сажень» (Опись СМ 1676 г., л. 548 об.). В 1825 г. архимандрит Макарий привел промер прясла в других единицах измерения — 38 «семифутовых» саженьей (Макарий, 1825, с. 40).

Данная стена на миниатюрах, иконах, гравюрах XVII — начала XVIII в. изображалась весьма схематически (ил. 977–981). Работы не передают даже валунный характер кладки, точное количество бойниц. На миниатюре 1600 г. изображены

всего четыре печуры и восемь щелевидных бойниц верхнего боя. Примечательно, что Сушило, к которому подходит крепостная стена, изображено как четырехэтажное кирпичное здание, еще не обложенное валунным камнем. Каменная обкладка Сушила, как и валунная кладка самой стены, впервые появляется на иконе 1709 г. Затем наиболее отчетливо они были представлены на плане 1743 г. и гравюре 1744 г. братьев Зубовых (ил. 978).

Первый архитектурный план юго-западного прясла и его зарисовки были выполнены в 1790 г. инженером-подпоручиком Я.В. Васильевым. Здесь верно показано семь камер подошвенного боя и 11 бойниц верхнего боя (ил. 979). На рисунке валунного фасада печурам соответствуют семь небольших вытянутых вверх и завершающихся арками бойниц. Под северо-восточной частью прясла пунктиром намечена трасса мельничного канала.

К 1790 г., ко времени пребывания на острове военной команды, относится сообщение о расстановке четырех орудий на прясле (Васильев, 1790 г., л. 28) (табл. 23).

После отъезда команды на данной стене количество пушек осталось без изменений (Васильев, 1790 г., л. 85) (табл. 24).

Изображения прясла между Прядильной башней и Сушилом на гравюрах и планах XIX в. не содержат особой информации, если не считать указания

Таблица 23

Пушки на прясле между Сушилом и Стратилатовской башней по Васильеву. 1790 г.

Каких калибров орудий и где именно по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
По куртине				
Пушек ½ фунта	2	92	—	—
¼ фунтовых	1	40	—	—
⅛ фунта	1	40	—	—

Таблица 24

Пушки на прясле между Сушилом и Стратилатовской башней. 21 октября 1790 г.

Каких калибров орудий и где именно на местах состоят	Число орудий, поставленных на место	Сколько при самих орудиях приуготовленных снарядов находится		
		к оным ядер	картечей	книпелей
По куртине				
Пушек ½ фунтовых	2	92	—	—
¼ фунтовых	1	40	—	—
⅛ фунтовая пицаль в станке	1	40	—	—

на наличие с южной солнечной стороны у стены грядок огорода (ил. 980–981).

В середине XIX столетия, во время Крымской войны, юго-западное прясло оказалось под обстрелом англо-французской эскадры. Напоминанием об этом служила мемориальная белокаменная плита, вмонтированная в 1856 г. архимандритом Досифеем в стену на обходной галерее к востоку от Прядильной башни, после 4-й бойницы, на месте обстрела участников Крестного хода. В советский период плита была утрачена. На ее месте — ниша шириной 0,74 м, высотой 1,26 м, максимальная глубина в стене на один кирпич 0,30 м. Надпись была неглубокого рельефа в 20 строк.

В 1885 г. был выполнен план мельницы с примыкающим к ней пряслом (ил. 982). Три из четырех печур снаружи были заложены стенами с проходом.

В 1888 г. фотограф Я.И. Лейцингер сделал ряд снимков прясла, которые свидетельствуют о хорошем техническом состоянии объекта в то время (ил. 983–984).

В 1953 г. Государственный институт № 1 («Военморпроект») выполнил обмер боевого хода (*Крепость, обмеры*, 1954) (ил. 985).

В 1961 г. А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили описание технического состояния стены между Сушилом и Прядильной башней: *«Кладка стен хорошо сохранилась с внешней стороны, с внутренней стороны парапет и столбы частично разрушены и поражены растительностью. У Сушила пространство между столбами заложено кирпичной стеной. Имеются небольшие разрушения по верху стен и в бойницах. Все бойницы нижнего яруса заложены и в некоторых местах на половину высоты засыпаны землей. В верхнем ярусе они частично реконструированы в окна, частично заложены. Фундаменты не вскрывались. Дощатый настил поверх боевой площадки не является первоначальным и сохранился в удовлетворительном состоянии. Конструкция кровли — стропила и обрешетка — в удовлетворительном состоянии, тогда как покрытие из дранки и теса пришло в ветхость и сильно протекает. Проход на соседнее прясло у Прядильной башни перекрыт сплошной кирпичной стеной»* (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 35).

В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманинов выполнил стереообмер фасада прясла (ил. 986).

В 1971 г. под руководством О.Д. Савицкой был проведен архитектурно-археологический обмер прясла, вычерчены план и фрагмент фасада (*Савицкая О.Д., Серова И., Бодрова И., Серебрянникова Л.* рук., 1971, л. 5).

В 1996 г. изучались бойницы боевого хода юго-западного прясла (*Брагина И.Г., Коробейник И. Г, Петровская Л.А.* рук., 1996).

В 2005 г. О.Д. Савицкая опубликовала планы и фасад прясла (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 48, ил. 32) (ил. 937).

В 2006 г. на основании изданных чертежей О.Д. Савицкой О.В. Прусак произвела подсчет физического объема прясла и указала его размеры (*Лебедько А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С.* рук., 2006, л. 46). Использование сильно уменьшенных чертежей, а не оригиналов привело к значительным ошибкам. Приведенные выкладки оказались недостоверны. В заключении о техническом состоянии прясла отмечено: *«Заполнение между валунами повреждено растительностью на 30–40% от всей поверхности с наружной и с внутренней стороны монастыря. В нескольких местах кирпичное заполнение имеет плохое сцепление с валунами. Повреждена подкровельная кладка: утрачена часть верхнего ряда кирпичей. Утрачен массив кладки на углу откоса бойницы со стороны боевого хода. Разрушение лицевой поверхности кладки у бойниц второго яруса. Повреждена лицевая поверхность кирпичной кладки между бойницами второго яруса на наружной стене прясла. Небольшие повреждения лицевой поверхности кирпичной кладки печур бойниц подошвенного боя. С наружной и с внутренней стороны монастыря поверхность стен не окрашена. С внутренней стороны монастыря окрашены известковой краской только печуры бойниц подошвенного боя. На втором ярусе боевого хода поверхность стен окрашена известковой окраской в несколько слоев. Общее состояние стен удовлетворительное <...> Кровля двускатная. Выполнена без обработки свесов кровли “на пику” и без “сорок”. В 2005–2006 гг. замечено практически полностью тесовое покрытие и стропильная конструкция кровли <...> дощатый пол из досок толщиной*

40–50 мм по лагам, уложенным поверху валунной кладки стены нижнего яруса. *Состояние полов удовлетворительное»* (Лебедько А. С., Прусак О. В., Фалеев Е. С. рук., 2006, л. 53, 58, 60).

В 1970-е и 2000-е гг. в печурах между Сушилом и Прядильной башней велись археологические исследования (Толмачев Е. А. рук., 1971; Сапожников Н. В. рук., 1974; Буров В. А. рук., 1976а; рук., 1978; рук., 2003). Важным открытием явилось выявление остатков настила под пушку конца XVIII в. во второй бойнице подошвенного боя от Прядильной башни. Определена его конструкция (Буров В. А., 1984а, с. 513–515).

В 1970-х гг. через 3-ю и 7-ю печуры подошвенного боя (счет от Прядильной башни) под крепостной стеной были проложены трубы ливневой канализации. В 2004 г. через бойницу 6-й печуры на территорию монастыря от подстанции были заведены электрические кабели.

В 2014 г. в шурфе с внешней стороны на стыке Прядильной башни и прясла прослежены их валунные основания.

2.3.10. Печуры нижнего боя в ПРЯСЛАХ

Некоторые историки называют печуры казематами (Фриман Л., 1895, с. 17), что неверно, так как это не замкнутое помещение. Замкнутым оно становится, когда снаружи ставится дополнительно стена.

Печуры представляют собой однотипные обширные открытые снаружи помещения, имеющие в плане форму трапеции. Их стенки сложены из нескольких горизонтально или слегка наклоненных к амбразуре рядов валунов, на которые опирается кирпичный цилиндрический свод. В сторону амбразуры этот свод имеет наклон и заметно сужается. Амбразура также сводчатая и повторяет формы самой печуры, только пропорционально значительно короче. Отверстия бойниц квадратные, щеки сложены из валунов, сверху — валунная перемычка. Почти все бойницы имеют следы растески. Заслуживает внимания и характер кирпичной кладки сводов печур — последовательное сочетание рядов из одних тычков и одних ложков. Это резко отличает соловецкую кладку от аналогич-

ной шведской кладки печур в ближайшем аналоге — башне в г. Корела, в которой все ряды состоят только из тычков.

В «Уставе ратных, пушечных и других дел» говорится, что подошвенные бои нужно делать так, *«чтоб они как к приступу, так бы и к простой стрельбе пригожались»* (Радишевский А. М., 1781, с. 94–95). То есть строители должны были уделить особое внимание их прочности, из печур должны были стрелять как из ручного оружия, так и из пушек. Изначала в конце XVI в. печуры нижнего боя Соловецкой крепости предназначались для стрельбы из ручных пищалей. Но постепенно с наращиванием количества соловецкой артиллерии часть печур могла быть задействована и под пушки, для чего боковые валунные стенки бойниц могли растесывать под жерла стволов. Однако опыт осады времени «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) показал, что оборона крепости с помощью пушек наиболее эффективна, когда их расставляют только на башнях. Не случайно опись 1676 г., составленная после штурма монастыря, отмечает именно такую расстановку орудий. Поэтому странное впечатление производит фраза из отписки царю воеводы Иван Мещеринов, чье войско осаждало обитель: *«...а подошвенного бою у них в башнях и в городской стене нет, да и зделать, государь, нельзя, потому что башни и город кладены толсты из дикого большого камени»* (Барсов Е. В., 1890, с. 102).

В 1790 г. посчитали возможным устанавливать артиллерийские орудия на лафетах в печурах прясел. В XIX столетии, в связи с окончательным лишением Соловецкой крепости военных функций печуры утратили свое первоначальное назначение. М. А. Колчин, побывавший на Соловках в 1880-х гг., писал, что некоторые *«арки стен»* были приспособлены для разных хозяйственных нужд. В них устроили кладовые, погреба, сушильни и т. п. (Колчин М. А., 1908, с. 8–9). Обилие щепы и разбросанные доски хозяйственных настилов, постоянно встречаемые нами при раскопках в верхних слоях печур, свидетельствуют о том, что они действительно использовались в позднее время как дровяники. Плотный слой щепы в печуре к северу от Головленковой тюрьмы, слежавшийся поверх деревянной платформы 1790 г., обеспечил ее прекрасную сохранность.

Печуры прясел в начале 1950-х гг. были предметом обмеров инженеров «Военморпроекта», которые впервые создали общий план крепости со всеми камерами нижнего боя. Данный план с корректировками лег в основу позже изданного плана монастыря (*Савицкая О.Д.*, 1980, с. 48, ил. 2; 2005, ил. 10).

О печурах Соловецкой крепости обычно пишут слишком обобщенно. По сути, они обезличены. Между тем, нет ни одной одинаковой печуры по размерам, форме валунной кладки стен и абрису кирпичного свода. Для их индивидуализации и топографической привязки мы сообщили всем им сквозную нумерацию. Ее начало — от первой печуры стены к северу от Стратилатовской башни, и далее — по часовой стрелке до последней печуры № 64 к юго-востоку от Стратилатовской башни (ил. 558). Для получения подробного представления о печурах нами впервые выполнена их всесторонняя и максимально полная фотофиксация (ил. 572–576, 608–613, 649–654, 717–721, 748–752, 776–781, 801–803, 805–815, 872, 874, 876–882, 939–942, 944–949), представленная выше. Она дает представление о состоянии печур на современный момент. Многие из них засыпаны землей, частично разрушены. Отдельные печуры наглухо закрыты поздними стенами пристроек и вообще недоступны.

Археологические раскопки выявили в печурах настилы двух типов, которые показали, что в Соловецкой крепости камеры нижнего боя могли использовать как для стрельбы из ручных пищалей, так и из пушек. Их конструкции рассмотрены в следующей главе.

2.3.11. Бойницы верхнего боя в ПРЯСЛАХ

Валунная кладка стен снаружи завершается парапетом с бойницами верхнего боя. Исторические гравюры, рисунки и чертежи не передают точных форм бойниц. Они изображались в основном стандартно — в виде щелей. Навесная бойница на них показана единожды — на чертеже разреза Рыбных ворот.

Выборочные обмеры прясел с бойницами осуществлялись архитекторами-реставраторами НИПМ на протяжении

1970-х и 1980-х гг. Но капитальное их исследование осуществлено только в 1995 г. под руководством И.Г. Брагиной по заданию Соловецкого музея-заповедника. К сожалению, данный материал до сих пор не издан; он хранится в архиве СГИАПМЗ (*Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А.* рук., 1996).

И.Г. Брагина выполнила сквозную нумерацию всех 158 бойниц верхнего боя прясел объема крепости 1582–1595 гг., а также Пристенка, Сушила, Стрельницы Никольской башни и составила схематический план их распределения, начиная с ближайшей бойницы к югу от Пристенка. Ею предложена классификация данных бойниц по четырем типам с вариантами (ил. 559–566).

Тип 1 — бойницы со щелевидными прорезями между широкими простенками со скошенными гранями, образующими складкой бойниц внутренние «четверти». Варианты: 1 — простые прорези; 2 — прорези со скосом наружных углов («подсечками») на половину высоты наружных углов амбразуры; 3 — прорези со скосом наружных углов на всю высоту наружных углов амбразуры.

Тип 2 — бойницы с «городчатыми» (ступенчатыми) перемычками, заключенные со стороны боевого хода в сужающиеся, открытые поверху ниши со внутренними четвертями. Варианты: 1 — со скосом наружных углов («подсечками»), с поднятыми над полом внутренними нишами; 2 — со скосом наружных углов («подсечками»), с выступом под боевым отверстием, с внутренними нишами, продленными до пола боевого хода; 3 — без скосов наружных углов («подсечек»), с менее глубокими нишами.

Тип 3 — навесные, с наклонными сводчатыми отверстиями в стенах, выходящие на фасады простыми арочками, из которых наружные более вытянуты. Варианты: 1 — с поднятыми над полом внутренними нишами; 2 — с неглубокими внутренними нишами, продленными до низа пола боевого хода.

Тип 4 — с арочными амбразурами. Варианты: 1 — поздние переделанные бойницы с арочными нишами; 2 — бойницы с незамкнутыми поверху нишами.

Данную классификацию привела в своей монографии О.Д. Савицкая (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 53–54, ил. 38–39).

И. Г. Брагиной также были выполнены чертежи 32 наиболее характерных бойниц, дающие представление обо всех имеющихся типах конструкций (бойницы № 5, 9, 13, 28–30, 32, 36, 52, 59, 74, 75, 78, 86, 88, 90, 92, 94, 95, 97, 98, 106, 111, 113, 116, 133, 135, 139, 141, 143, 154, 155). Чрезвычайно важно наблюдение о соотношении некоторых типов бойниц с определенными участками прясла, разделенными вертикальными строительными швами.

Мы приняли нумерацию бойниц (№ 1–158), предложенную И. Г. Брагиной:

№ 1–112 в объеме крепости 1582–1595 гг., № 113–138 — Пристенка, № 139–143 — Стрельницы при Никольской башне, № 144–158 — Сушила. Эта нумерация дополнена нами двумя неучтенными сломанными бойницами над Святыми воротами (№ 159, 160).

В специальной таблице нами воспроизведены сведения о распределении по пряслам верхних бойниц с указанием их типологии (табл. 25). Другая таблица суммирует данные о типах всех 114 верхних бойниц основного массива крепости XVI в. (табл. 26).

Таблица 25

**Типология бойниц верхнего боя основного массива Соловецкой крепости конца XVI в.
(по материалам И. Г. Брагиной)**

Пп., №	Тип бойницы	Типология		Бойница, №	Кол-во	Место размещения
		тип 1	вариант			
1	Щелевидные про- резы	1	1	1–8	44	Пристенки — Водяные ворота
				10–12		К югу от Водяных ворот
			2	70–73		К югу от Успенской башни
			3	13–19		К югу от Водяных ворот
			5	66–69		К северу от Святых ворот
			3	58–65		Стратилатовская башня — Свя- тые ворота
				98, 99, 101, 102, 104, 105, 107, 108		Между Корожной и Николь- ской башнями
		Сломана, заложена	—	159, 160		Святые ворота
2	С «город- чатыми» перемыч- ками	2	1	20–22, 24–28	46	К северу от Архангельской башни
				31		Архангельская башня — Архан- гельские ворота
				33–43		Архангельские ворота — Белая башня
				45–55		Сушило — Стратилатовская башня
				44		К северу от Белой башни
				80–84, 85, 87		К югу от Рыбных ворот
			2	23		К северу от Архангельской башни
				89, 91, 93, 94		
			3	95		К северу от Рыбных ворот, в сторону Корожной башни
			?	97		
3	Навесные	3	1	9	12	Водяные ворота
				29, 30		У Архангельской башни
				32		Архангельские ворота
				74, 75		С двух сторон Успенской баш- ни
				56, 57		С двух сторон Стратилатов- ской башни
			2	86		К югу от Рыбных ворот
				88		Рыбные ворота

Таблица 26

Прясло	Бойница, № по И. Г. Бра- гиной	Рисунок, № по И. Г. Бра- гиной	Тип бойницы	Дополнительная характеристика	
Пристенки — Водяные (Свя- тозерские) во- рота	1	—	Щелевидная	Снаружи без подсечки, кирпичные откосы амбразур выложены на валун- ных подоконниках, сильно выступаю- щих снаружи, нет отверстий для засо- вов. Простые прорезы. Тип 1, вариант 1	
	2	—	Щелевидная		
	3	—	Щелевидная		
	4	—	Щелевидная		
	5	Рис. 1	Щелевидная		
	6	—	Щелевидная		
	7	—	Щелевидная		
	8	—	Щелевидная		
Водяные (Свя- тозерские) во- рота	9	Рис. 2	Навесная над Водяными воротами	Тип 3, вариант 1	
Водяные (Свя- тозерские) во- рота — Архан- гельская башня	10	—	Щелевидная	Снаружи без подсечки, кирпичные откосы амбразур выложены на ва- лунных подоконниках, сильно высту- пающих снаружи, нет отверстий для засовов. Тип 1, вариант 1	
	11	—	Щелевидная		
	12	—	Щелевидная		
	Шов вертикальный в кладке стены				
	13	Рис. 3	Щелевидная	Прорезы с подсечкой на высоту на- ружных углов. Тип 1, вариант 2	
	14	—	Щелевидная		
	15	—	Щелевидная		
	16	—	Щелевидная		
	17	—	Щелевидная		
	18	—	Щелевидная		
	19	—	Щелевидная		
	20	Рис. 4	Городчатая		С «городчатыми» перемычками и на- ружной подсечкой. Тип 2, вариант 1
	21	—	Городчатая		
	22	—	Городчатая		
	23	—	Городчатая	Прорезы с подсечкой на высоту на- ружных углов. Тип 2, вариант 2	
	24	—	Городчатая	С «городчатыми» перемычками и на- ружной подсечкой. Тип 2, вариант 1

Продолжение табл. 26

151

Прясло	Бойница, № по И. Г. Бра- гиной	Рисунок, № по И. Г. Бра- гиной	Тип бойницы	Дополнительная характеристика
Водяные (Свя- тозерские) во- рота — Архан- гельская башня	Вертикальный шов в кладке прясла			
	25	—	Городчатая	С «городчатыми» перемычками и на- ружной подсечкой. Тип 2, вариант 1
	26	—	Городчатая	
	27	—	Городчатая	
	28	Рис. 4	Городчатая	
29	Рис. 5	Навесная	Тип 3, вариант 1	
Архангельская башня — Архан- гельские ворота	30	Рис. 6	Навесная	Тип 3, вариант 1
	31	—	Городчатая	С «городчатыми» перемычками и на- ружной подсечкой, у некоторых вну- три амбразуры приложены подокон- ные четверти. Тип 2, вариант 1
Архангельские ворота	32	Рис. 7	Навесная	Над Архангельскими воротами
Архангельские ворота — Белая башня	33	—	Городчатая, разрушена	С «городчатыми» перемычками и на- ружной подсечкой, у некоторых вну- три амбразуры приложены подокон- ные четверти. Тип 2, вариант 1
	34	—	Городчатая	
	35	—	Городчатая	
	36	Рис. 8	Городчатая	
	37	—	Городчатая	
	38	—	Городчатая	
	39	—	Городчатая	
	40	—	Городчатая	
	41	—	Городчатая	
	42	—	Городчатая	
	43	—	Городчатая	
44	—	Заложена, го- родчатая	С «городчатыми» перемычками. Тип 2, вариант 1	
Сушило — Стратилатов- ская башня	45	—	Городчатая	С «городчатыми» перемычками. Тип 2, вариант 1
	46	—	Городчатая	
	47	—	Городчатая	
	48	—	Городчатая	
	49	—	Городчатая	
	50	—	Городчатая	
	51	—	Городчатая, заложена	
	52	Рис. 9	Городчатая	
	53	—	Городчатая	
	Вертикальный шов в кладке прясла			
	54	—	Городчатая	С «городчатыми» перемычками. Тип 2, вариант 1
	55	—	Городчатая	
	56	—	Навесная, разрушена	Нет данных
Стратилатов- ская башня — Святые ворота	57	—	Навесная, за- ложена	Нет данных
	58	—	Щелевидная	Щелевидные с наружной подсе- чкой, доходящей до верха амбразуры, со скосом наружного угла. Тип 1, вариант 3
	59	Рис. 10	Щелевидная	
	60	—	Щелевидная	
	61	—	Щелевидная

Прясло	Бойница, № по И. Г. Бра- гиной	Рисунок, № по И. Г. Бра- гиной	Тип бойницы	Дополнительная характеристика
Стратилатов- ская башня — Святые ворота	62	—	Щелевидная, с подтеской в виде вы- кружки	Щелевидные с наружной подсеч- кой, доходящей до верха амбразур, со скосом наружного угла. Тип 1, вариант 3
	63	—	Щелевидная	
	64	—	Щелевидная	
	65	—	Щелевидная	
Святые ворота	159	—	Сломана, за- ложена	Нет данных
	160	—	Сломана, окно	Нет данных
Святые воро- та — Успенская башня	66	—	Щелевидная	Щелевидные с наружной подсечкой откосов амбразур. Тип 1, вариант 2
	67	—	Щелевидная	
	68	—	Щелевидная	
	69	—	Щелевидная	
	70	—	Щелевидная	Щелевидные без подсечки. Тип 1, вариант 1
	71	—	Щелевидная	
	72	—	Щелевидная	
	73	—	Щелевидная	
	74	Рис. 11	Навесная	Тип 3, вариант 1
Успенская баш- ня — Рыбные ворота	75	Рис. 12	Навесная	Тип 3, вариант 1
	76	—	С арочной нишей	Переделка XIX в. Тип 4
	77	—	С арочной нишей	
	78	Рис. 13	С арочной нишей	
	79	—	С арочной нишей	
	80	—	Городчатая	С нишами, поднятыми в уровень ам- бразур, с «городчатыми» перемычками и наружной подсечкой. Тип 2
	81	—	Городчатая	
	82	—	Городчатая	
	83	—	Городчатая	
	84	—	Городчатая	
	Вертикальный шов в кладке прясла			
	85	—	Городчатая	Со ступенчатой перемычкой в виде «городка» с подсечкой наружного откоса амбразур. Скос нижней части амбразур на внешнюю сторону. Опу- щена до пола. Тип 2
	86	Рис. 14	Навесная	Тип 3, вариант 2
	87	—	Городчатая	Со ступенчатой перемычкой в виде «городка» с подсечкой наружного откоса амбразур. Скос нижней части амбразур на внешнюю сторону. Опу- щена до пола Тип 2
	Рыбные ворота	88	Рис. 15	Навесная
Рыбные воро- та — Корожная башня	89	—	Городчатая	Со ступенчатой перемычкой в виде «городка» с подсечкой наружного откоса амбразур. Скос нижней части амбразур на внешнюю сторону. Опу- щена до пола. Тип 2

Глава 2. Структурные элементы Соловецкой крепости по данным письменных и изобразительных источников

Прясло	Бойница, № по И. Г. Бра- гиной	Рисунок, № по И. Г. Бра- гиной	Тип бойницы	Дополнительная характеристика
Рыбные воро- та — Коровья башня	90	Рис. 16	Навесная	—
	91	—	Городчатая	Со ступенчатой перемычкой в виде «городка» с подсечкой наружного откоса амбразуры. Скос нижней части амбразуры на внешнюю сторону. Опу-щена до пола. Тип 2
	92	Рис. 17	Навесная	Тип 3, вариант 2
	93	—	Городчатая	Со ступенчатой перемычкой в виде «городка» с подсечкой наружного откоса амбразуры. Скос нижней части амбразуры на внешнюю сторону. Опу-щена до пола. Тип 2
	94	Рис. 18	Городчатая	Со ступенчатой перемычкой в виде «городка» с подсечкой наружного откоса амбразуры. Скос нижней части амбразуры на внешнюю сторону. Опу-щена до пола. Тип 2
	95	Рис. 19	Навесная?	Имеет нишу
	96	—	Разрушена	Опу-щена до пола
	97	Рис. 20	Навесная?	Имеет нишу
Коровья баш- ня — Николь- ская башня	98	Рис. 21	Щелевидная	Узкая прорезь без перемычки, заглу-блена в нишу, основание над полом, со скосом наружного угла на всю вы-соту. Тип 1, вариант 3
	99	—	Щелевидная	
	100	—	Полукруглая	Арочная амбразура; переделана (?)
	101	—	Щелевидная	Узкая прорезь без перемычки, заглу-блена в нишу, основание над полом, со скосом наружного угла на всю вы-соту. Тип 1, вариант 3
	102	—	Щелевидная	
	103	—	Полукруглая	Арочная амбразура; переделана (?)
	104	—	Щелевидная	Узкая прорезь без перемычки, заглу-блена в нишу, основание над полом, со скосом наружного угла на всю вы-соту. Тип 1, вариант 3
	105	—	Щелевидная	
	106	Рис. 22	Полукруглая	Арочная амбразура; переделана Тип 4, вариант 3
	107	—	Щелевидная	Узкая прорезь без перемычки, заглу-блена в нишу, основание над полом, со скосом наружного угла на всю вы-соту. Тип 1, вариант 3
	108	—	Щелевидная	
Никольская башня — При- стенки	109	—	Опущенные ниши с подо- конниками	Наружная стена перелицована, перво-начальная форма бойниц неизвестна
	110	—	Опущенные ниши с подо- конниками

Прясло	Бойница, № по И. Г. Бра- гиной	Рисунок, № по И. Г. Бра- гиной	Тип бойницы	Дополнительная характеристика
Никольская башня — При- стенок	111	Рис. 23	Опущенные ниши с подо- конниками	Наружная стена перелицована, перво- начальная форма бойниц неизвестна
	112	—	Опущенные ниши с подо- конниками	
Пристенок	113	Рис. 24	Городчатая	Заглубленная в нишу. Тип 2, вариант 5
	114	—	Городчатая	
	115	—	Городчатая	
	116	Рис. 25	Навесная	Без внутренней ниши
	117	—	Арочная	Заглубленная в суживающуюся нишу; снаружи подсечка в виде выкружки
	118	—	Арочная	
	119	—	Арочная	
	120	—	Арочная	
	121	—	Арочная	
	122	—	Арочная	
	123	—	Арочная	
	124	—	Арочная	
	125	—	Арочная	
	126	—	Арочная	
	127	—	Арочная	
	128	—	Арочная	
	129	—	Арочная	
	130	—	Арочная	
	131	—	Арочная	
	132	—	Арочная	
	133	Рис. 26	Арочная	
	134	—	Арочная	
	135	Рис. 27	Навесная	Без внутренней ниши; в уровне пола
	136	—	Арочная	—
	137	—	Арочная	
	138	—	Арочная	
Стрельница Ни- кольской башни	139	Рис. 28	Городчатая	С нишей, перекрытой городчатой пе- ремышкой. Тип 2 вариант 6
	140	—	Навесная	С амбразурой в плоскости стены без ниши
	141	Рис. 29	Навесная	
	142	—	Навесная	Заглублено в нишу, поднятую на уров- не светового проема
Сушило	143	Рис. 30	Прямоуголь- ная	
	144	—	Навесная	—
	145	—	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри
	146	—	Навесная	—
	147	—	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри
	148	—	Навесная	—
	149	—	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри
	150	—	Навесная	—

Прясло	Бойница, № по И. Г. Бра- гиной	Рисунок, № по И. Г. Бра- гиной	Тип бойницы	Дополнительная характеристика
Сушило	151	—	Навесная	—
	152	—	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри
	153	—	Навесная	—
	154	Рис. 31	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри
	155	Рис. 32	Навесная	—
	156	—	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри
	157	—	Навесная	—
	158	—	Городчатая	С двумя нишами, заглубленными — снаружи и изнутри

Из приведенных таблиц явствует, что численно преобладают бойницы со щелевидными прорезями и с «городчатыми» перемычками. Причем количественно они почти равны — соответственно 44 и 46 шт. Навесных бойниц оказалось всего 12 шт., переделанных бойниц с арочной нишей — 7 шт. Еще 5 бойниц были разрушены, их тип не определен. Такая статистика позволяет прийти к выводу об использовании зодчими двух основных типов бойниц для отражения атак с дальних подступов. Это — бойницы со щелевидными прорезями и городчатые. Из первых могли стрелять не только из ручного оружия, но и из луков, из вторых — только из ручного оружия. Два остальных типа бойниц (навесные и арочные) — вспомогательные.

Щелевидные бойницы оказались на трех участках: на западном прясле между Стратилатовской и Успенской башнями (18 шт.), северном прясле между Корожной и Никольской башнями (8 шт.) и на восточном прясле к югу от Пристенка (18 шт.).

Городчатые бойницы, наоборот, расположены компактно, цепочкой: на южном участке между Стратилатовской башней

и Сушилом (11 шт.), на прясле между Белой и Архангельской башнями (13 шт.) и к северу от Архангельской башни (9 шт.). Отдаленно от основной зоны концентрации городчатые бойницы имеются на стене между Успенской и Корожной башнями (13 шт.).

Немногочисленные навесные бойницы, предназначенные для ближнего боя, чтобы не допустить противнику подойти вплотную к глухим углам близ башен и к воротам, соответственно располагались по обе стороны башен Архангельской, Успенской, Стратилатовской (вплотную к ним), а также при Архангельских, Водяных, Рыбных, Сушиленных воротах.

Арочные широкие полукруглые бойницы, очевидно, более поздние, переделанные для стрельбы из пушек, способствовали усилению отдельных участков обороны. Мы их застаем рядом с Успенской башней напротив морского залива и на северной стене напротив сухого рва возле Никольской башни.

Более поздние бойницы Пристенка и Сушила заметно выделяются иными формами. Бойницы Стрельницы при Никольской башне слишком индивидуальные.

2.4. Рвы

Соловецкую крепость, расположенную на перешейке между двумя водными пространствами, атаковать можно было только с двух напольных сторон — севера

и юга. Именно здесь для прикрытия подходов к стенам монастыря и были созданы рвы с валунными стенами. Время их сооружения растянулось до 1622 г.²⁶ Еще

²⁶ Обоснование даты создания рвов см. гл. 1, раздел 1.6.

в грамоте от 5 августа 1621 г. царь Михаил Федорович сетовал на то, что *«ров около города, которой по ся места не докопан и не доделан, указали есмя докопати и каменем выкласти, и чеснокъ побити»* (Досифей, 1836, ч. 3, № XXXII, с. 115–117). Рвы могли копать и в 1619 г., поскольку в грамоте от 1 апреля 1619 г. из Москвы последовал приказ *«около Соловецкого монастыря и Сумского острогу всякие крепости поделати для того, будет придут к монастырю и к Сумскому острогу датские корабли, и вам бы сидеть было безстрашно»* (Досифей, 1836, ч. 3, № XXX, с. 107–110; *Копии грамот 1742 г.*, л. 290 об. — 292; ААЭ, 1836, т. 3, № 106, с. 145–146). В любом случае, с 1595 г., со времени окончания возведения стен и башен, крепость стояла без законченных дополнительных земляных укреплений.

В сочинении 1836 г. о Соловецком монастыре архимандрит Досифей по-своему интерпретировал характер работ при сооружении данных фортификаций в XVII в.: *«...проведены глубокие рвы, выкладенные булыжным камнем, и вокруг обнесены обвостренным тыном»* (Досифей, 1836, ч. 1, с. 127).

Опись 1705 г. впервые упоминает о валунной обкладке стен рвов: *«За монастырем за городовою каменною стеною с южную да северную страны выкопан ров, и ради крепости тот ров с обе страны окладен серым диким камнем»* (Опись СМ 1705 г.). Это сообщение повторила опись 1789 г.: *«За оградною стеною с южную да с северную стран выкопан ров, и ради крепости тот ров с обеих сторон окладен серым диким камнем»* (Опись СМ 1789 г., л. 4).

Судьба двух рвов оказалась разной.

2.4.1. СЕВЕРНЫЙ СУХОЙ РОВ

Данный ров вместе с открытым простреливаемым пространством препятствовал прямому подходу к северному пряслу крепости (ил. 987–992). Он протянулся на 190 м при ширине дна от 5 до 8 м. С западной стороны он начинается в основании возвышенности, вблизи Рыбных ворот. Далее ров тянется вверх, полукругом огибая Корожную башню, и следует параллельно северной стене крепости в сторону Святого озера до Никольской баш-

ни. Здесь он начинает делать полукружие, но внезапно прекращается.

В настоящее время валунная кладка слегка наклонных стен из 5–6 рядов камней, уложенных четкими рядами насухо без известкового раствора, отчетливо видна только на трех участках. Это обе стены напротив Корожной башни, начиная от Рыбных ворот, и северная стена напротив Никольской башни, со стороны «поля». Их сохранность в целом удовлетворительная. Остальные участки стен задержаны. Центральная северная стена имеет заметный уклон, и валунов здесь не видно. С напольной северной стороны рва проходит невысокий вал непонятного назначения. Дно рва заросло травой, местами заболочено.

История северного рва освещена в письменных источниках чрезвычайно слабо. В сентябре 1742 г. *«архимандрит Геннадий з братьею приговорили каменный ров близ городской стены от Корожной до Никольской башни, которой по обоим сторонам во многих местах повредился и упал <...> на предбудущее лето починить и для того весною нанять <...> работников тритцать человек»* (Дело 1742 г., л. 56 об.).

К 1790 г. относятся ремонтные работы, выполненные инженером-подпоручиком Я. В. Васильевым, который по прибытии на остров засвидетельствовал неудовлетворительное состояние северного рва: *«Перед башнями Коруженною и Никольскою во рву каменные стенки развалились»* (Васильев, 1790 г., л. 21). На приведенных им планах Соловецкого монастыря под цифрами 10 (л. II) и 59 (л. III) указан *«Сухой ров»* (ил. 993).

Северный сухой ров изображен на ряде гравюр, рисунков и планов XVIII–XIX вв. (ил. 993–995). Самая ранняя из работ относится к 1744 г. Везде ров на всем протяжении показан обложенным камнями, и везде он заканчивается напротив Никольской башни, не имея продолжения. Единственный разрез рва представлен на плане монастыря 1801 г. Напротив Корожной башни показаны две симметричные одинаковые по высоте и с одинаковым углом наклона стенки рва. Снаружи они обложены одним рядом камней. На плане 1881 г. внутри контура вала читается пояснительная надпись: *«Ров и близ него вал»*.

В современной литературе бытует мнение архитекторов-реставраторов, что сухие рвы были именно «*вырыты и обложены камнем*» (Савицкая О.Д., 1980, с. 81).

Приведенные выше сведения не содержали технических характеристик рва. Без ответа остаются многие вопросы: 1) характер валунной кладки южной стены, полностью закрытой дерном, и ее изначальная высота; 2) конструкция валунной кладки южной стены; 3) изначальная глубина рва, ныне заросшего травой; 4) изначальная высота северных стен напротив башен; 5) конструкция валунных северных стен напротив башен; 6) конструкция ныне задернованной стены в центральной части, где не прослеживаются следы камней; 7) характер невысокого «вала» с напольной стороны; 8) имелся ли частокол и где он находился; 9) сохранились ли следы осады Соловецкого монастыря 1667–1676 гг.

Неполнота сведений источников о северном рве была восполнена в ходе археологических исследований 1996–1997 гг. Ров в трех местах был прорезан траншеей: по центру и напротив башен Корожной и Никольской (ил. 996–997). Их длина соответственно равна 18,2 м, 26,5 м, 29 м, ширина 0,6 м. В наиболее важных местах траншеи расширились.

Траншея 1

Траншея 1 была проведена от амбразуры нижней северной печуры 1-го яруса Никольской башни через сухой ров перпендикулярно к нему. Ориентировка С–Ю с небольшим отклонением к западу. Длина траншеи 29 м, ширина 0,6 м. Для удобства фиксации траншея была разбита на 29 неполных квадратов с шагом в 1 м (ил. 998–1006).

Для уточнения характера выявленных фундаментов и валунных кладок на четырех участках траншеи были сделаны прирезки. У северной стены Никольской башни на кв. 1 и частично на кв. 2 траншею расширили к западу на 0,9 м. Параметры прирезки 1 составили 0,9×1,5 м (размеры соответственно западной и северной стенок). Общая вскрытая площадь у северной бойницы Никольской башни, таким образом, равна 1,5×1,3 м. Прирезка 2 к восточной стороне траншеи на кв. 9–13 шириной

1,4 м расчистила фрагмент южной покатой стены Сухого рва от самого верха до основания. Прирезка 3 к восточной стороне траншеи на кв. 20 1,4×1 м сделана у основания северной стены сухого рва для наблюдения за фундаментом стены. Наконец, прирезка 4 на кв. 21–25 пришлась на участок траншеи к северу от сухого рва, на его самый верх. Прирезка произведена к восточной стороне траншеи. Ее ширина 1,4 м, длина 3,8 м; общая вскрытая площадь здесь составила 7,6 кв. м (2×3,8 м).

До проведения работ поверхность земли напротив Никольской башни на всем протяжении траншеи 1 была задернована. Дерн закрывал также низ современной кирпичной закладки бойницы башни и располагавшийся в ее основании валун. Дерном была закрыта практически вся южная стена сухого рва.

Траншея была разбита три участка: участок I — от башни до южной стенки сухого рва (кв. 1–8); участок II — сухой ров с южной и северной валунными стенками (кв. 9–21); участок III — к северу от сухого рва (кв. 22–29).

Участок I (кв. 1–8). Отмечено легкое падение рельефа к северу, ко рву. На расстоянии 8 м оно составляет 0,57 м. Представление о стратиграфии дает чертеж западного профиля. Отмечено нарушение слоя тремя современными перекопами на кв. 2–3 и кв. 6–7.

У северной стены Никольской башни, непосредственно у бойницы на кв. 1 сразу под слоем дерна прослежено шесть слоев (сверху вниз).

Слой 1 (А) — подсыпка светло-желтого мелкозернистого песка мощностью 10–12 см, включения современные бутылочные стекла.

Слой 2 (Б) — темно-коричневая земля толщиной 12–15 см, содержащая включения битого красного кирпича и современного бутылочного стекла, мусора (кости, обломки железа).

Слой 3 (В) — желтый крупнозернистый песок с мелкой галькой без находок; ее мощность 8–14 см.

Слой 4 (Г) — торфообразная масса спрессованного тлена, щепы с фрагментами красного битого кирпича, мощность его 20–30 см. Здесь же найдены следующие железные предметы: шомпол от пищали, ключ, две подковообразные пластины,

скобка, фрагмент чернолощеной керамики. Фрагменты стекол отсутствуют.

Слой 5 (Д) — известь мощностью 8–16 см с битым красным кирпичом и включением крупной щепы.

Слой 6 (Е) — песок мелкозернистый рыжий мощностью 30–45 см. Ниже идут валуны и камни, примыкающие непосредственно к основанию Никольской башни и являющиеся частью валунной конструкции, укреплявшей низ башни.

На кв. 3 поверх рыжего песка было уложено два ряда валунов. Но, как будет сказано ниже, они относились к конструкции Сухого рва. Эти два ряда валунов были временно сняты, что позволило установить резкое падение рыжего песка на участке в 0,5 м на стыке кв. 3 и кв. 4 — от отметки –75 до –106. Здесь находился склон искусственно сформированной перед Никольской башней валунной платформы.

На кв. 4–8 под слоем дерна прослежена иная стратиграфия. Слой 1 (А) имеет продолжение в виде желтого мелкозернистого песка и серой земли мощностью до 13 см. Имеется также слой 3 (В) — желтый крупнозернистый песок с галькой; его мощность от 6 до 10 см. В песке отмечено два обломка красного кирпича и два шлака. Вместо слоя 2 (Б) на кв. 4–8 отмечено четыре слоя (сверху вниз):

Слой 7 (Ж) — желтый песок, белая известь, битый красный кирпич; мощность 8–10 см.

Слой 8 (З) — торфообразная масса темно-коричневого цвета — тлен, щепы; мощность 5–20 см. Включения — осколки слабо патинированного оконного и зеленого бутылочного стекла.

Слой 9 (И) — белая известь с битым кирпичом; мощность 5–12 см. При зачистке этого слоя на кв. 5 на границе с лежащим выше слоем тлена найдена медная монета 1855 г.

Слой 10 (К) — коричневый тлен, истлевшее дерево; мощность 2–3 см.

Под слоем 3 (В) желтого песка с крупной галькой находится засыпка из валунов разных размеров в поперечнике от 15–25 см до 1 м. Среди камней засыпки лежит цокольная плита (–51), сделанная из обработанного валуна, а также обломок красного большемерного кирпича (–55). Между камнями имелись пустоты, заполненные

булыжником. Камни на кв. 2 потревожены перекопом.

Зондаж на стыке кв. 6 и 7, на месте перекопа 3, показал, что закладка камнями уходит вглубь. Мелкие камни удалось разобрать лишь в пространстве между двумя крупными валунами на глубину 0,8 м, до отметки –119. Далее помешало скопление крупных валунов, лежащих ниже. Все эти камни относятся к конструкции южной стены сухого рва. Следовательно, слой 6 (Е) датируется началом XVII в., временем сооружения сухого рва. В таком случае слои 4 (Г) и 5 (Д) относятся к концу XVI в. и связаны с возведением Никольской башни.

Теперь становится ясна последовательность проведенных строительных работ и хронология напластований к северу от Никольской башни. В конце XVI в. сначала выложили из валунов основание Никольской башни и одновременно в примыкании к нему были приложены подпорные валуны. Вокруг Никольской башни с севера была создана высокая каменная площадка шириной примерно 2,5 м. Затем ее сверху засыпали мелкозернистым рыжим песком — слой 6 (Е). В трех метрах к северу от башни песок образовывал склон с заметным падением рельефа. От завершающего этапа строительства башни остался слой 5 (Д) извести с битым кирпичом и слой щепок 4 (Г). Скорее всего, эти два слоя связаны с надстройкой четвертого яруса Никольской башни из кирпича и возведением шатра.

В начале XVII в., когда стали сооружать сухой ров, пространство между искусственным склоном из рыжего песка с валунами южной стены рва было заложено валунами и булыжником. Сверху эти камни присыпали желтым крупнозернистым песком с галькой — слой 3 (В). При этом макушки некоторых камней остались торчать на поверхности. У бойницы тот же песок перекрыл строительный мусор конца XVI в.

После сооружения рва в примыкании к башне (кв. 1–2) в течение нескольких столетий культурные напластования не откладывались. Но в XIX–XX вв. пошло нарастание культурного слоя 2 (Б), составившего у бойницы мощность 12–15 см. Сверху сравнительно недавно он был перекрыт слоем 1 (А) светло-желтого песка,

появившегося здесь, скорее всего, при благоустройстве территории.

Иначе нарастал культурный слой на удалении 4–8 метров от Никольской башни. Два слоя 8 и 9 тлена (З, И) и строительного мусора из битого кирпича и извести слоя 7 (Ж) связаны исключительно с ремонтными работами второй четверти — середины XIX в. Об этом свидетельствует находка медной копейки 1855 г. (кв. 6). В это время был разобран старый деревянный шатер (слой 10 К), вычинена кирпичная кладка 4-го яруса башни (слой 9 И) и сооружен новый деревянный шатер — слой 8 (З). При этом доски старого обветшавшего шатра, по-видимому, были сброшены вниз снаружи башни. Их замели на край рва, где они благополучно сгнили и образовали мощный слой до 20 см.

Поскольку прослежены только следы строительства Никольской башни конца XVI в. и ее ремонта второй четверти — середины XIX в. и поскольку при этом отсутствуют следы капитальных промежуточных ремонтов XVII и XVIII вв., то логичен вывод, что башня не ремонтировалась два с половиной века.

Участок II (кв. 9–21). На него приходится дно рва с южной и северной стенами, выложенными насухо без раствора из валунов. Южная стена состоит из семи рядов крупных валунов, пространство между которыми заполняют более мелкие камни. Она имеет уклон 40–45° со стороны Никольской башни. Нижний валун южной стены сухого рва покоится на материковой серой плотной глине или супеси, он не вкопан. Таким образом, фундамент у южной стены отсутствует. Но небольшое углубление на 20 см под нижний ряд валунов имеется. После укладки валуна это углубление было забросано серой глиной, поверх которой насыпали еще слой рыжего песка с булыжником мощностью 10 см. Затем всё это перекрыли еще одним слоем серой глины мощностью 10–12 см. Получился откос длиной 3,4 м в сторону центральной части рва для отвода воды. После того, как нижний камень был на половину подсыпан грунтом, **видимая высота южной стены рва стала составлять 2,75 м вместо прежней 3,15–3,16 м.**

Северная стена сухого рва состоит из шести рядов крупных валунов, установленных друг на друга ступенчато поч-

ти вертикально. Общий угол уклона стены 80–85°. Фундамента нет, нижний валун покоится на материке — очень плотной серой супеси или глине. Для него в материке сделано небольшое заглубление до 25 см, которое было забросано серой глиной с включением желтого песка; поверх нее сделана подсыпка рыжего песка мощностью до 7 см. Под край валунов основания снаружи подложены небольшие валунные камни в качестве подпорок. **Общая высота северной стены рва по западному профилю траншеи 1 составляет 3,76 м, по восточному — 3,71 м.**

В заполнении сухого рва траншеи 1 под слоем гумуса — рыхлая темно-коричневая и черная земля с включением камней, фрагментов красного кирпича, современного мусора: фрагментов железных предметов, битого стекла, угольных шлаков. Мощность 20–45 см. В центральной части рва на кв. 16–18 под слоем темно-коричневой земли сразу идет плотная серая материковая супесь. В южной части траншеи на кв. 12–15 под темно-коричневой землей следует слой черной земли мощностью 10–20 см с включением современного оконного стекла, обломков железных предметов, тлена. На тех же квадратах ниже — слой серой глины мощностью 10–12 см с редким включением желтого песка. Первоначальное дно рва в центральной части было глубже по сравнению с современным уровнем всего на 0,35 м.

Общее понижение материка во рву с севера на юг в сторону крепости. Учитывая это понижение, а также то, что валун основания северной стены вкапывался в материк, а у валуна основания южной стены делалась подсыпка для отмотки к центру рва, можно сделать предварительный вывод, что данная материковая поверхность — первоначальный уровень земли до начала строительных работ, а южный склон рва у Никольской башни полностью искусственный.

Участок III (кв. 22–29). На северной стороне сухого рва поверхность земли волнистая с незначительными перепадами высот. Далее к северу идет более отчетливое падение рельефа по склону возвышения. Стратиграфия на данном участке следующая.

Слой 1 (А) — ниже дерна, слой плотного темно-серого суглинка мощностью

8–14 см. Включения — осколки современных стекол, каменноугольный шлак, фаянс. Слой 2 (Б) — мелкозернистый плотный песок мощностью 8–20 см. На кв. 22–25 слои 1, 2 (А, Б) прикрывают кладку из валунов, являющуюся конструкцией северной стены сухого рва, своеобразной прикладкой или забутовкой. Общая ширина каменной конструкции северной стены 3,8–4,1 м.

Слой 2 (Б) заполняет пространство между камнями.

Внешняя северная стена рва сложена из ряда крупных валунов размером 0,6×1 м, 0,6×0,7 м, 0,8×1,05 м. К северу от нее идет забутовка, основу которой составляют крупные валуны размером в среднем 0,5×0,7 м. Между ними уложены валуны меньшего размера в поперечнике до 0,3 м, а также булыжник. Забутовка оказалась в несколько ярусов.

Была предпринята попытка выяснить количество рядов валунов забутовки. С этой целью северная часть вскрытой кладки была разобрана. Под ней оказался второй ряд валунов, более мощных. Размер двух из них 0,74×1,25 м и 0,72×0,84 м. В этом раскрытии на небольшом участке прослежено падение рельефа — подрезанный склон возвышенности, к которому прикладывали валунную забутовку северной стены рва (об этом см. ниже).

Верхний ряд валунов со всех сторон был покрыт коркой сухих сплетенных корней истлевшего мха. Это свидетельствует о том, что длительное время валуны были обнажены и после сооружения северной стены сухого рва прошло достаточно много времени, прежде чем валуны были присыпаны серым песком, слоем 2 (Б). После этого снова прошло достаточно много времени, что позволило нарасти слою мха теперь уже поверх серого песка. Прослойка мха обнаружена в прирезке между слоями 1 (А) и 2 (Б). Ее мощность 2–4 см. Спустя некоторое время была сделана еще одна подсыпка из серого суглинка — слой 1 (А).

На квадратах 25–29 в примыкании к валунной кладке ниже слоя 2 (Б) зафиксированы следующие напластования:

Слой 3 (В) — желтый, местами рыжеватый песок мощностью 2–3 см.

Слой 4 (Г) — серый мелкозернистый песок мощностью 4–8 см.

Слой 5 (Д) — рыжий и желтый песок мощностью 2–4 см.

Слой 6 (Е) — черный гумусированный песок с угольками мощностью 3–8 см. Это культурный слой, в котором было найдено десять предметов: обломки железных предметов, обломок ключика бронзового, свинцовая почтовая пломба XIX–XX вв.

Слой 7 (Ж) — угольки мощностью 1–2 см, след пожара.

Слой 8 (З) — рыхлый крупнозернистый песок. Зондаж на кв. 25 показал, что мощность этого слоя 42–45 см.

Слой 9 (И) — валуны.

Второй сверху ряд забутовки валунов на кв. 25 был уложен поверх слоя рыжего крупнозернистого песка с крупной галькой и булыжником, слой 9 (И). Первый ярус камней долгое время возвышался над рыжим песком. Потом после какого-то пожара здесь началось накопление культурного слоя 6 (Е). Затем последовали подсыпки из слоев 3–5 (В, Г, Д).

Отметка материка не выяснена. Слой 9 (И) рыжего рыхлого песка таковым не является. Вместе с находящимися под ним валунами он соотносится с таким же насыпным слоем у Никольской башни. Всё это производит впечатление искусственного холма к северу от рва. Высоту искусственной насыпи и глубину нахождения здесь материка пока установить не удалось из-за обилия больших тяжелых валунов, не поддающихся ручной разборке. Теперь очевидно, что одновременно с возведением Никольской башни шло сооружение рва за счет подсыпки песка и укладки камней с двух сторон. Глубокой копкой земли под ров напротив Никольской башни, по-видимому, не было.

В траншее 1 не прослежены канавки от частокола, который Досифей трактовал как «чеснок», упомянутый в грамоте. Заостренные бревна просто нельзя было вкопать по краю рва в камни. Под «чесноком» следует понимать иной тип преграды: железные спицы, расположенные часто на близком расстоянии между собой и укрепленные, вероятно, одним концом в доску (*Ласковский Ф. Ф.*, 18586, с. 108) или деревянные или железные спицы, укрепленные в деревянной раме крест-накрест, обычно замаскированные в траве или хворосте (*Фриде М. А.*, 1924, с. 141–142). Это было распространенное препятствие. Для

примера, в царском наказе 1631 г. о Каргополе требовалось «*круг острогу бити чes-нок*» (Мильчик М. И., 2008, с. 17, 19, 53).

Траншея 2

Траншея 2 была проведена от амбразуры нижней северной бойницы 1-го яруса Корожной башни через сухой ров перпендикулярно к нему до северной стены рва (ил. 1007–1010). Ориентировка С–Ю с отклонением к западу. Длина траншеи 18,2 м, ширина 0,6 м. Для удобства фиксации траншея была разбита на 19 неполных квадратов с шагом в 1 м. Для уточнения характера выявленных фундаментов и валунных кладок на двух участках траншеи были сделаны две прирезки. У северной стены Корожной башни на кв. 1 и частично на кв. 2 траншеей расширили к западу на 1,1 м. Параметры прирезки 1 составили 1,1×1,1 м, а общая вскрытая площадь у северной бойницы Корожной башни стала равняться 1,1×1,7 м. Прирезка 2 к восточной стороне траншеи на кв. 13 и 14 шириной 1,4 м расчистила фрагмент южной стены сухого рва в ее основании.

На всем протяжении траншеи до проведения работ поверхность земли была задернована. Низ амбразуры, заложённый современным кирпичом на цементном растворе, также был закрыт дерном. Дерн частично покрывал южную стену сухого рва крепости.

Траншея разбита на два участка: участок I — от башни до южной стенки Сухого рва (кв. 1–11); участок II — сухой ров с южной и северной валунными стенками (кв. 12–19).

Участок I (кв. 1–11). Поверхность земли неровная. Наклон к северу, ко рву, падение рельефа составляет 0,97 м. Представление о характере стратиграфии дает чертеж западного профиля. Отмечены нарушения слоя современной ямой. У северной стены Корожной башни, непосредственно у бойницы на кв. 1 сразу под дерном прослежено 12 слоев (сверху вниз).

Слой 1 (А) — земля темно-коричневого цвета с включением красного битого кирпича, белой извести, оконного и зеленого бутылочного стекла. К северу на кв. 2 она переходит в сплошной слой извести с битым кирпичом мощностью 10–12 см. В слое 1 (А) выявлен ряд датированных

предметов. Сразу под дерном у стены отмечены два куса проржавевшего кровельного листового железа, явно от прежнего покрытия башни. Из слоя строительного мусора происходят два обломка красноглиняной посуды с желто-зеленой поливой, фрагмент фарфорового электрического изолятора, зеленое бутылочное стекло. Таким образом, данные отложения относятся к советскому периоду, середине — последним десятилетиям XX в. На кв. 4 слой 1 (А) извести с битым кирпичом кончается. На него на кв. 4–6 сразу под дерном накладывается линза из мелких осколков красного кирпича мощностью до 10 см. Под ней — прослойка истлевшей щепы мощностью 1–2 см, еще ниже — линза серого песка мощностью до 8 см. На кв. 6–12 сразу под дерном на указанные строительные напластования накладывается сверху темно-коричневая земля мощностью 10–20 см, обозначенная нами как слой С. Его стратиграфическая дата — позже слоя 1 (А). Это подтверждают находки фрагмента фарфорового электрического изолятора (кв. 9), оконного стеклышка, пластмассового электрического выключателя (кв. 6).

Слой 2 (Б) — темно-коричневая истлевшая щепка. Показательно, что у самой башни здесь найдены полусгнившие доски с круглыми гвоздями — явный след реставрации кровли башни в 1960-х гг. Мощность слоя 2–4 см. Наряду с современным стеклом в слое найдены фрагменты белой фаянсовой патиновой посуды XIX в. (кв. 2–3). Всё это позволяет предварительно датировать слой 2 (Б) XIX — серединой XX в.

Слой 3 (В) — мелкие фрагменты красного кирпича мощностью 1–2 см. Он может восприниматься как благоустройство или след ремонта башни.

Слой 4 (Г) — торфообразная масса тлена мощностью 1–2 см, местами 3–4 см. На кв. 7 и 8 он прерывается современным перекопом. Находки: сапожная подковка железная, обломок патинованного оконного стекла, толстые бутылочные стекла, потерявшие прозрачность, мелкие кусочки слюды. Здесь же встречен фрагмент современного оконного стекла без патины.

Слой 5 (Д) — серый суглинок достаточно плотный, чтобы принять его сначала за материк. Мощность 10–13 см, местами 25 см. На кв. 4 отмечена округлая ямка у восточного профиля в поперечнике 0,8 м.

Ее заполнение — серый суглинок с черной землей. На дне ямы на отметке –55 и в крае стенки траншеи выявлено шесть осколков чугунного брандкугеля — зажигательного снаряда времени обстрела крепости 1854 г.

Слой 6 (Е) — черный слой супеси поверх гальки с песком мощностью 5–7 см; он производит впечатление покрытия-замощения, хотя таковым не являлся. На кв. 4 имеется ямка в поперечнике 0,6 м, прослеженная еще в вышележащем слое суглинка.

Слой 7 (Ж) — крупнозернистый морской песок мощностью 0,08–0,3 м.

Слой 8 (З) — серая супесь мощностью 0,1–0,3 м.

Слой 9 (И) — черная земля толщиной 1–8 см.

Слой 10 (К) — серый песок с заплывами черной земли и с включением битого кирпича; мощность 2–7 см.

Слой 11 (Л) — серый песок мощностью 2–3 см.

Слой 12 (М) — черная торфообразная масса с истлевшей щепой мощностью 5–8 см. На кв. 3–4 в пределах траншеи выявлено скопление из 16 камней.

Материк — серая глина, переходящая у основания Корожной башни в белый плотный песок. На кв. 3–4 под указанным выше скоплением камней в материке имеется яма овальной формы в поперечнике 1,2 м, уходящая в восточный профиль траншеи. В ней четыре валуна 0,7×0,3 м, 0,45×0,35 м, 0,18×0,3 м. Вынуть валуны и проследить дно ямы не удалось. На кв. 10 материк резко падает вниз по склону естественного холма, существовавшего здесь до начала строительных работ по крепости.

Общая мощность культурного слоя у Корожной башни составляет 1–1,1 м.

На кв. 4–10 между слоями 11 и 12 (Л и М) отмечено еще два слоя. Слой 13 (Н) — тлен, щепы мощностью 2–6 см. Слой 14 (О) — два или три ряда булыжника с песком; мощность слоя 0,1–0,3 м.

Для хронологии напластований важно, что все три слоя истлевшей щепы 2, 4, 12 (Б, Г, М) и черный слой со щепой, который отмечен к северу на продолжении слоя 6 (Е) поверх гальки, на кв. 10 резко уходят вниз по существовавшему здесь до строительства крепости естественному склону. К северу к ним на кв. 10–11 примыкает за-

сыпка из крупных и мелких валунов, уложенных насухо и перекрытых сверху слоем серого суглинка. Эта засыпка относится уже к стене сухого рва начала XVII в. Следовательно, все слои общей мощностью 0,8 м, начиная со слоя щепы 4 (Г) и до материка, стратиграфически датируются концом XVI в. — временем строительства Корожной башни Соловецкой крепости. Наличие предметов XIX столетия в верхнем слое 4 (Г) указывает на то, что здесь в течение почти четырех столетий не было нарастания культурного слоя. В таком случае слой 3 (В) битого кирпича может быть отождествлен с ремонтом башни в середине XIX в. Слои 1 и 2 (А и Б) относятся к XX в.

На кв. 10–11 между слоем темно-коричневой земли и серым суглинком, покрывающим валуны забутовки южной стены сухого рва, прослеживаются еще три прослойки (сверху вглубь): песок мощностью 5–7 см, белая известь мощностью 5–10 см, тлен мощностью 3–8 см (см. западный профиль). Из двух верхних слоев происходят две слюдяные вставки в оконницы.

Стратиграфическая траншея 2 позволила установить, что Корожная башня была поставлена на естественной возвышенности, всего в метре к югу от ее вершины. От этой вершины шло плавное падение рельефа одновременно к югу и к северу. В 10 м севернее Корожной башни возвышенность имела резкий склон.

Можно перечислить четыре этапа инженерно-фортификационных работ к северу от Корожной башни, осуществленных в конце XVI в. Их последовательность теперь предстает в следующем виде. Первый этап строительства башни оставил слой истлевшей щепы 12 (М) поверх материка. Слой щепы тянулся к северу до склона возвышенности, где и обрывался. Его накопление было временно прервано развернувшимися планировочными работами к северу от башни. Западина на склоне была выровнена песком с крупным булыжником мощностью до 0,3 м — слой 14 (О) до самого края возвышенности. Второй этап строительства соотносится со слоем щепы 13 (Н), который лег поверх песка с булыжником. После этого уровень поверхности земли к северу от Корожной башни в ходе ее дальнейшего возведения

был резко поднят на 0,5 м (слои-подсыпки снизу вверх: 11, 10, 8, 7 — Л, К, З, Ж). На третьем этапе строительства башни слой 7 (Ж) крупнозернистого песка с крупной галькой был перекрыт строительным слоем Е щепы, превратившейся со временем в черную землю. Он также подходил к краю возвышенности, где и обрывался.

Накануне четвертого строительного этапа сначала была выровнена явная западина поверхности (на кв. 7–10), которую засыпали серым суглинком — слой 15 (П). Сверху ее перекрыли прослойкой желтого песка, слой 16 (Р), который был призван закрыть раскисавшую под дождем и прилипающую к обуви землю. Такой суглинок отмечен нами непосредственно во рву, что свидетельствует о том, что в это время начались работы по копке сухого рва. Вскоре они были продолжены. Выброс серого суглинка из рва мощностью до 0,1–0,25 м (слой 5 — Д) перекрыл песчано-галечный слой 6 (Е).

Непосредственно с самим четвертым этапом возведения башни соотносится слой щепы 4 (Г), которую уже перекрыли напластования начала XVII в., когда завершилось сооружение сухого рва. После этого вертикальная планировка к северу от Корожной башни не проводилась. Таким образом, данные археологии свидетельствуют о том, что земляные планировочные работы к северу от Корожной башни и сооружение рва проходили одновременно со строительством крепости, но поочередно. Четыре слоя щепы, указывающие на четыре этапа строительства башни, могут быть соотнесены с ее четырьмя ярусами деревянных перекрытий. Очевидно, здесь находилась площадка, на которой работали плотники, тесавшие бревна и изготавливавшие доски. После каждого их ухода на башню для возведения междуэтажных перекрытий сразу же разворачивались планировочные работы, сопровождавшиеся копкой рва.

Участок II (кв. 12–19) приходится на сухой ров с южной и северной валунными стенами. Напластования здесь не нарушены лишь у северной стены рва на кв. 18–19 и частично 17, где отмечен слой мощностью 0,55–0,66 м. Он скрывает два нижних валуна северной стены. Характер напластований сверху вниз следующий: дерн (5–7 см); серая супесь (2–10 см); черная земля с редкими обломками кир-

пичей, современного бутылочного стекла (12–26 см); темно-коричневый суглинок (10–12 см); серая супесь (3–12 см); темно-серый суглинок (8–10 см); материк — серая плотная глина.

Нижний валун северной стены рва покоится на материке и слегка в него заглублен. Фундамента нет. Общая высота семи камней северной стены на данном участке составляет 3,83 м, что почти соответствует высоте той же стены в траншее 1 напротив Никольской башни.

В центре рва на кв. 16 и 17 стратиграфия нарушена современной канавой шириной 1,4 м под канализацию. Нарушение стратиграфии отмечается и к югу от перекопа на кв. 15, где сразу под дерном идет серый суглинок, по цвету и характеру сливающийся с материком. В нем редкие вкрапления черной земли, единичные фрагменты кирпичей. Отметка первоначального дна рва по его центру находилась ниже на 0,55 м от современной поверхности.

На кв. 14 у основания южной стены в прирезке стратиграфия следующая: дерн (5–15 см); серая супесь (3–12 см); черная земля, постепенно переходящая в темно-коричневую, с включением битого кирпича и современного бутылочного стекла (10–20 см); серый суглинок.

В западном профиле траншеи прослежен трухлявый столб, вкопанный или вбитый в землю под углом 60° к северу. Он торчит на поверхности на высоту 12–15 см. Видимая его часть составляет 0,75 м. Диаметр 10 см. Рядом с ним, восточнее, в слое черной земли лежит другое бревно диаметром 12 см под углом 30° к северу. Бревно уходит в слой лежащего ниже суглинка. Его видимая часть составляет 0,5 м. Нижние концы обоих бревен уходят под большой валун, покоящийся в основании южной стены сухого рва. Оба бревна укрепляют наклонный валун, явно вынутый из основания стены. Данное крепление не позволяет прийти в движение остальным верхним валунам стены. Всё это производит впечатление позднего крепления валуна, которое последовало после попытки разборки фрагмента стены.

Следы разборки основания южной стены и его последующего укрепления прослежены и в прирезке на кв. 13–14. Здесь под слоем черной и темно-коричневой земли в сером суглинке сначала было

раскрыто 17 разбросанных камней. Выделялся крупный валун размером $0,4 \times 0,9$ м. Размеры остальных меньшие: $0,3 \times 0,4$ м, $0,28 \times 0,58$ м, в основном около $0,15 \times 0,2$ м.

У основания стены рва в слой серого суглинка были вбиты вертикально три деревянных бревна диаметром 20 см. Все бревна имели пазы, что указывает на их вторичное использование от какой-то постройки.

Крайнее восточное бревно удалось откопать на глубину 0,65 м. Далее помещал чрезвычайно плотный грунт — голубая глина и быстро поступающая в зондаж вода. К тому же здесь было мало места для проведения раскопок.

На южную сторону этого бревна-сваи опиралось другое бревно под углом 20° . Его диаметр 15 см. Оно уходило вглубь, в серый суглинок, под валунное основание стены рва.

Общая высота южной стены рва в пределах траншеи 2 составляет 2,5 м. Основание южной стены рва покоится на материковом сером суглинке. Определить границу материка здесь невозможно из-за однородности слоев. В основании южной стены рва лежат два ряда средних и мелких валунов в поперечнике $0,35 \times 0,42$ м, $0,15 \times 0,2 \times 0,2 \text{--} 0,4$ м. Над ними уложено бревно (!), ориентированное вдоль стены. Его диаметр $0,15 \text{--} 0,18$ м. В длину оно прослежено на 1,4 м. На нем покоятся уложенные выше валуны. Бревно трухлявое. Всё это обуславливает неустойчивость конструкции и грозит в ближайшее время обрушением данного участка южной стены рва.

Отметка верха бревна -385 , что соотносится с отметкой крупного валуна, лежащего перед стеной (-384). Скорее всего, именно этот валун и был вынут из стены, а на его место затем поставили камни меньших размеров. Сверху на них для крепления было уложено бревно.

Таким образом, перед нами следы каких-то работ по разборке основания южной стены и последующего ее укрепления, вероятнее всего, в 1790 г. Спил, взятый с восточного вертикального бревна, даты не дал.

Траншея 3

Траншея заложена перпендикулярно северному пряслу крепости напротив пещеры № 24. Ее длина 26,5 м. Траншея де-

лится на два участка, разбитых на квадраты с шагом 1 м (ил. 1011–1013).

Участок I, примыкающий к пряслу и включающий южный склон сухого рва, состоит из 12 квадратов. Первоначальная ширина траншеи 0,6 м. Затем у крепостной стены для изучения фундамента была сделана прирезка $0,9 \times 1,5$ м, а на кв. 9–12 полоса шириной 2 м раскрыла валунную кладку рва.

Заметное падение уровня земли на кв. 3–5 произошло из-за современного перекопа (яма 1). Другой аналогичный перекоп (яма 2) — на стыке кв. 7–8; в нем оказались два обрубка основания столба, очевидно, осветительного, некогда здесь стоявшего.

На кв. 1–3 у северной стены крепости сразу под дерном и на глубину 0,7 м от поверхности до плотного серого песка прослежено десять слоев основной стратиграфической колонки. Их нумерация дана сверху вглубь.

Слой 1 — черная рыхлая гумусированная земля с песчаной основой; толщина 12–18 см. В сухом виде цвет темно-коричневый. Включения: редкие обломки красного битого кирпича и комки белой извести. Вблизи крепостной стены в толще черной земли заметная концентрация извести — след ремонта.

Слой содержит оконные стекла без патины, керамику с зеленой поливой, медную монету 2 копейки 1938 г. На кв. 5–7 сразу под дерном его перекрывает прослойка кирпичной крошки толщиной 2–7 см, возможно, дорожки. В ней встречен кусок листового железа, очевидно, от ремонта кровли монастырских зданий. На кв. 5 та же кирпичная крошка перекрывает современную яму 1. На кв. 7 слой 1 перекрыт сверху сменяющимися друг друга линзами желтого песка с круглыми гвоздями. На кв. 6–7 слой становится более светлым благодаря большему содержанию серого песка. В его основании располагается прослойка истлевшей щепы с корой сосны и березы. На кв. 6–7 в тлене найден один фрагмент непатинированного стекла, обломок белого фаянса, а в слое 1 — фрагмент сувенирной фаянсовой белой чашки с видом Соловецкого монастыря рубежа XIX–XX вв. На кв. 8–9 слой 1 переходит в светло-коричневую рыхлую землю с песком мощностью до 25 см с включением

валунчиков, битого красного кирпича, двух крупных фрагментов белого фаянса.

Слой 2 — плотный серый песок с включением рыжевато-песка; подсыпка мощностью 10–21 см. Вдоль валунов крепости на глубину слоя проходит полоса белой извести шириной 1 см.

Слой 3 — черная гумусированная земля с вкраплением извести, кирпичной крошки, тлена, редких угольков; мощность 3–7 см. На кв. 1–2 выявлено 113 обломков глиняного горшка из тонкоотмученного теста без дресвы в изломе коричневого цвета. Профиль сосуда реконструируется. Его высота 26,5 см, диаметр горла 40,4 см, диаметр дна 14 см. Исходя из последующей стратиграфии, можно предполагать, что столь большой горшок предназначался для артельных работников — строителей крепости. На кв. 1–2 в слоях 3–4 найдено 105 костей животных, рыб и птиц. В слое 3 встречено свыше десятка бесформенных сколов серого кремня. В кв. 1 найдена серебряная «чешуйка» овальной формы размером 9×11,5 мм; номинал — полкопейки. На лицевой стороне изображен всадник на коне с мечом, на обороте помещена многострочная надпись: «КНЯЗЯ ВЕЛИК[АГО] ИВАН[А]». По определению П. Г. Гайдукова, это монета времени Ивана Грозного до венчания его на царство (1535–1547 гг.). Вес 0,33 г., московский монетный двор. Штемпели денги опубликованы (Мельникова А. С., 1980, № 5–9)²⁷. На кв. 6–7 черный рыхлый слой 3 с включением золы становится тонким, 2–3 см. Он содержит множество мелких фрагментов слюды и фрагмент сильно патинированного стекла.

Слой 4 — тлен мощностью 2–3 см без индивидуальных находок, отмечен только на кв. 1 и частично кв. 2.

Слой 5 — строительный мусор из белой извести и битого кирпича, кирпичной крошки и валунчиков в поперечнике до 8–10 см; мощность 8–10 см. Данный слой отмечен на кв. 1 и 2 непосредственно у крепостной стены полосой шириной 1,5 м. Здесь найден слюдяной кружок.

Слой 6 — тлен мощностью 2–3 см, отмечен только на кв. 1 и частично кв. 2. Из него происходят фрагменты керамики

из красножгущейся глины. Ряд обломков дна из данного слоя подходят к донцу горшка, собранного в слое 3.

Слой 7 — серый мелкозернистый плотный песок с линзами рыжего песка мощностью 40 см, проходит полосой 1,2–1,5 м вдоль крепостной стены. Он заполняет западину.

Слой 8 — черная земля толщиной 2–5 см. Он отмечен лишь на кв. 1–2, лежит под наклоном. Непосредственно у валунов стены слой западает, образуя канавку.

Слой 9 — сплошная истлевшая щепка с редкими мелкими бесформенными фрагментами слюды; мощность 2–8 см. Слой лежит неровно поверх камней с песком и заходит под камни основания крепости. На кв. 8 слой щепы переходит в слой тлена и угольков. На кв. 7–8 щепка включает до сотни мелких фрагментов обрезков слюды от вставок в оконницы. Здесь же найдены и маленькие железные гвоздики от оконниц.

Слой 10 — морской крупнозернистый плотный серый песок, насыщенный валунами и валунчиками.

Слой 11 — очень плотный серый песок, коренная морена. По замечанию геоморфолога Н. А. Никишина, два нижних слоя природного происхождения. Здесь была возвышенность²⁸.

На основании анализа стратиграфии мы приходим к следующим выводам:

1. Северное прясло Соловецкой крепости было поставлено на вершине природной возвышенности, сложенной из природных отложений намывных пляжных песков, лежащих на платформе плотных илистых песков (слои 10, 11).

2. До начала строительства крепости на этом месте велась рубка древесины (слой 9). Очевидно, здесь располагалась строительная площадка.

3. Позже щепу перекрыл выросший слой земли (слой 8).

4. Валуны стены ставились непосредственно на землю.

5. В ходе возведения валунной стены была осуществлена нивелировка примыкающей с севера территории, к камням стены был подсыпан плотный серый песок (слой 7). Песок приносили и высыпали

²⁷ Приношу глубокую благодарность П. Г. Гайдукову за полную атрибуцию находки.

²⁸ Мы признательны Н. А. Никишину за консультацию.

с севера, на что указывает понижение слоев этого песка с севера на юг.

6. Наличие серого плотного песка должно указывать на рытье сухого рва к северу от крепости. Иными словами, строительство стен крепости и возведение сухого рва шло одновременно.

7. Слои 6, 5, 4 напрямую связаны с завершением прясла — возведением кирпичного парапета со столбами, заготовкой теса для кровли и пола.

8. Строительный мусор (слой 5) в виде кирпичного боя, кирпичной крошки и извести ссыпали сверху, на что указывает характер расположения извести, выклинивающейся вверх по камням стены, ее перекрытие более поздним слоем песка 2 непосредственно у стен и уменьшение толщины слоя 5 по мере отдаления от стены.

9. Питание строителей осуществлялось непосредственно на объекте; на это указывает наличие у крепостной стены отложений в виде костей животных и рыб, фрагментов битых горшков из слоев 3, 4, 6. Причем дно горшка состыковалось из двух частей, одна из которых лежала в слое 6 ниже строительного мусора, а другая в слое 3 поверх строительного мусора.

10. Слой 2 серого плотного песка, перекрывающего слои строительства крепости конца XVI в., относится к выбросу из рва. Это указывает на то, что сухой ров докопали после возведения прясла.

11. Отсутствие последующих отложений до XIX в. — свидетельство отсутствия какой-либо деятельности перед северным пряслом в течение нескольких столетий.

Южная стена рва на кв. 9–12 была раскрыта от дерна. Она сложена насуху из плохо подобранных семи рядов валунов, средний размер которых в поперечнике от $0,3 \times 0,5$ до $0,6 \times 1,4$ м. Промежутки между крупными заполняли более мелкие валуны. Строгая рядность кладки отсутствует. **Максимальная высота южной стены, исходя из отметок, равна 2,8 м.** Стена имеет заметный уклон в $40\text{--}50^\circ$, который позволяет легко по ней взобраться. В основании стены лежат более крупные валуны, покоящиеся на сером плотном песке. Снаружи на глубину 0,3 м они также закрыты этим песком. Однако следы вкапывания отсутствуют. Примечательно, что к верхнему камню стены рва примыкает снизу слой серого плотного песка. Поверх

него идет тонкий культурный слой, предшествовавший началу возведения стены крепости. Над ним снова серый плотный песок, перекрытый черным слоем 3 времени окончания возведения прясла. Такая стратиграфия позволяет прийти к выводу, что центральную часть рва начали делать до строительства северного прясла, надо полагать, одновременно со рвом у Кoroж-ной башни, которая и возводилась первой.

Участок II приходится на северный склон сухого рва и край верхней площадки, примыкающей к этому склону. Длина участка 8,5 м, ширина 1,5 м (кв. 12а, 13–20). В самом рву на протяжении 6 м в заболоченной низине между обоими участками раскопки не велись. Северный склон центральной части вала в настоящее время сильно задернован, из-под травы виднеются отдельные валуны. Каменные конструкции стены рва внешне не прослеживаются. Угол уклона северного склона равен $45\text{--}50^\circ$. По краю всей верхней площадки проходит небольшой вал шириной 1,1 м и высотой 0,25 м. На верхней площадке установлено наличие восьми основных слоев. Часть из них сползает на склон рва. Общая мощность от 0,7 до 1,8 м. Раскопки проводились по слоям, в том числе и на склоне. Нумерацию их даем сверху вглубь.

Слой 1 — черная гумусированная земля, почва с включением редких фрагментов битого стекла, обломков красного кирпича. Она начинается на кв. 18 почти сразу за верхним валом и усиливается к северу до толщины 0,2 м.

Слой 2 — серый чрезвычайно плотный тонкозернистый песок. По заключению геоморфолога Г. Н. Колосовой, это тонкозернистый песок сильно иловатый с включением мелкой гальки, плохо окатанной. Он отмечен как на верхней площадке, так и на северном склоне рва. Его пришлось долбить. На стыке кв. 16–17 он подымается вверх и завершается валом высотой 0,25 и шириной 1,1 м. Наименьшая мощность слоя (0,1 м) зафиксирована в северной части траншеи на кв. 20. Она возрастает к югу, и на кв. 16–17 под валом достигает 0,75 м. На вершине склона на кв. 15 серый песок истончается до 0,3–0,4 м. Далее по склону вниз на кв. 13–14 его толщина возрастает по вертикали до 1,1 м. На северном склоне рва данный слой включает валуны, которые набросаны хаотично без си-

стемы в два ряда. Кладка не прослеживается. На кв. 12а–15 около 30 валунов лежат сразу под дерном. Их размер в поперечнике от 0,3 до 0,65 м. А на кв. 13–14 имеется еще и нижний ряд валунов меньших размеров — 0,15–0,4 м. В слое песка на склоне найдено три кованых гвоздя. На границе кв. 17 и кв. 18 под дерном с трудом прослеживается канава шириной 0,23–0,28 м, тянущаяся вдоль верхнего вала к северу от него. Она заполнена таким же плотным серым песком на глубину 0,45 м. Края ее читаются по узкой полоске рыжевато-го песка. В западном профиле траншеи контуры канавки практически не улавливаются. В центре кв. 17 выявлена яма от фонарного столба диаметром 0,26 м, глубиной 0,58 м. Заполнение — рыхлая темно-коричневая земля без находок. Эти столбы попали в кадр кинообъектива в 1928 г. На кв. 15, на склоне рва под тонкой в 2–3 см прослойкой серого песка зачищена линза истлевшего дерева и фрагменты красного битого кирпича. Они вытянуты полосой шириной 0,15 м и толщиной до 0,1 м вдоль склона рва. В профиле ширина полосы тлена до 0,5 м.

Слой 3 — черная земля гумусированная с редкими мелкими угольками, мелкими фрагментами красного кирпича, комки обожженной глины. Слой имеется только на верхней площадке на кв. 16–20. Его мощность до 0,15 м. Слой 3 покрывает сверху камни, которые относятся к нижележащему слою 4.

Слой 4 — серый плотный тонкозернистый песок с включением валунчиков толщиной 0,18 м. Отчетливо фиксируется на кв. 16–20, где он перекрыт вышележащим черным слоем. Далее на юг его верхняя граница размыта, он сливается со слоем 2. На кв. 18–20 расположены 44 валуна размером от 0,15 до 0,35 м. Лежат они в один ряд, достаточно компактно.

Слой 5 — черная гумусированная супесь, культурный слой толщиной 0,05–0,1 м времени до начала сооружения северного рва. Зафиксирован на кв. 15–20, заходит на северный склон рва. На кв. 15 он резко падает вниз. Поверхность его бугристая, что объясняется наличием лежащих

ниже валунов и валунчиков. На кв. 18–20 черная земля сменяется наслоениями толщиной 8–10 см, связанными, очевидно, с каким-то деревянным сооружением. В профиле отчетливо читаются пять горизонтов сверху вниз: зола (1 см), темно-коричневая песчаная масса с тленом (2–3 см), темно-коричневый тлен (2–3 см), уголь (1–2 см), зола (1 см). На кв. 19 при зачистке отмечены фрагменты истлевших досок. Из слоя 5 с кв. 16–20 происходят фрагменты кожаных сапог, тисненой кожи, кожа с железными заклепками.

Слой 6 — материковый желтый крупнозернистый морской песок с галькой и валунчиками. На поверхность выступают отдельные крупные валуны. Для выяснения происхождения слоя 6 и лежащих ниже напластований нами были привлечены специалисты-геоморфологи из Москвы, оказавшиеся в это время на Соловках. 19 августа 1997 г. мы взяли консультацию у Г. Н. Колосовой²⁹. Она отметила слоистое строение толщи, состоящей из разнозернистых песков, в основном среднезернистых, с включением мелкой гальки, алевролита, тонкозернистого кристаллического сланца, ожелезненного песчаника, красных гранитов. Мощность отдельного слоя 5–7 см. Контакты четкие. Имеются слойки желто-серого песка, алевролита, серого песка с включением гальки, появившиеся в обстановке небольшого волнения. Серый плотный песок был characterized ею как тонкозернистый песок сильно иловатый с включением мелкой гальки, плохо окатанной. Коричневатый слой поверх серого песка на кв. 15–17 оказался слабо ожелезненным слойком с включением черных гранитов биотитовых; он возник на границе кислых и щелочных вод. Этот участок суши — моренная терраса, остатки древней лагуны. Скорее всего, здесь был кут — заливчик, спокойный морской залив. 21 августа 1997 г. нас консультировал Николай Алексеевич Никишин³⁰. Им непосредственно на месте, в траншее, при осмотре профиля сделано следующее заключение. Под нижним культурным слоем расположена слоистая перебитая толща, морена, перекрашенная сверху органическими

²⁹ Г. Н. Колосова, сотрудник Российского института культурологии, канд. географ. наук.

³⁰ А. Н. Никишин, зав. лабораторией музейного проектирования Российского института культурологии, канд. географ. наук, специалист, автор ряда работ по геоморфологии Соловецких островов.

кислотами почвообразовательного процесса на глубину 0,5 м. Все 0,7–0,8 м — морские прибрежные пляжные отложения. Еще ниже — коренные моренные отложения (слой 8). Это коренной холм, терраса эпохи голоцена, климатического оптимума. Долгое время здесь был сосновый лес. Как заметил Н. А. Никишин, у крепостной стены и к северу от рва располагались два холма, переходящие один в другой.

Слой 7 — темно-серый плотный песок исключительно на северном склоне сухого рва на кв. 13–15. Он имеет искусственное происхождение: в его толще найдены три фрагмента красного битого кирпича. В слое 7 на кв. 13 отмечен также и третий ряд валунов засыпки. В пределах траншеи слой 7 ограничен с юга выложенными в ряд по линии З–В двумя крупными валунами. Он упирается в эти предварительно положенные валуны, которые могли являться только нижними валунами, подошвой стоявшей здесь стены.

Слой 8 — очень плотный серый тонкозернистый песок, коренная морена. Отмечен на северном склоне рва на кв. 13–15. На кв. 15–16 слой 8 залегает под толщей древних морских прибрежных пляжных отложений. Внутри морены слой содержит крупные валуны. На кв. 15 отмечено падение первоначальной моренной возвышенности к юго-востоку. Оно составляет 6–8 см на 1,5 м.

Наши выводы.

1. При оформлении северной стены сухого рва общая мощность подсыпок на площадке к северу от рва составила 0,5–0,9 м.

2. Исходя из характера напластований, прослеженных на северном склоне сухого рва, и учитывая наличие сохранившегося нижнего ряда подошвенных валунов, уложенных по линии З–В, можно сделать вывод, что на исследованном участке северная стена рва первоначально имела валунное покрытие. Оно было приложено к забутовке из плотного серого песка с засыпкой из валунов.

3. Предварительно можно говорить о трех этапах сооружения северной стены рва и копки рва: первые два во время возведения крепости в 1582–1595 гг. и третий — в 1622 г. На первом этапе, очевидно, был под углом подрезан южный склон северного холма с песчаными напластова-

ниями (слой 6 и ниже) и сделана зачистка по моренной основе (слой 8) стенок и дна проходившей здесь низины между северным и южным холмами. На дне рва трасса стены была обозначена рядом подошвенных валунов. Между этими валунами и склоном была сделана забутовка из серого песка с валунами (слой 7 с третьим рядом валунов). На этом работы приостановились. Началась эрозия вертикальной подрезанной стенки с песчаными слоями. Произошло их выклинивание и сползание на забутовку. Со временем забутовка (слой 7) оказалась перекрытой сверху слоями песка и культурным слоем 5. Последний, судя по его незначительной мощности, мог образоваться или незадолго до начала строительства рва, или чуть позже первого этапа. На втором этапе во время возобновленных незначительных земляных работ этот культурный слой был перекрыт серым плотным песком (слой 4), после чего к северу от рва стал вновь нарастать культурный слой 3. И только на третьем этапе широкомасштабных земляных работ 1622 г. его перекрыл выброс серого песка (слой 2), принесенный явно с другого участка рва. В этот период была воздвигнута каменная кладка стены, приложенная к забутовке серого песка, включавшей два ряда валунов (слой 2 на склоне). После 1622 г. поверх слоя 2 на верхней площадке стал нарастать слой 1.

4. Образование основной массы культурного слоя (слой 5) в промежуток времени между первыми двумя этапами строительства рва должно указывать на достаточно длительный перерыв между этими этапами. По-видимому, северный сухой ров начали возводить впервые в самом начале 1580-х гг.

5. Северный холм имел пологий спуск к юго-востоку, в сторону Святого озера. Ближе к Никольской башне он сходил на нет. Этим и объясняется, почему, по данным траншеи 1 — 1996 г., напротив Никольской башни были проведены большие планировочные работы, в ходе которых данный участок северного рва был существенно поднят путем укладки валунов с мелкими камнями и засыпан песком.

6. Так называемый вал, проходивший вдоль северной площадки, оказался специально сформированным из общей засып-

ки серого песка (слоя 2). Надо полагать, он не допускал проникновения дождевой и талой воды под валунную обкладку северной стены, тем самым оберегая ее от подмыва и разрушения.

Шурф 1

В траншее 3 было установлено, что, несмотря на практически полную разборку валунной обкладки северной стенки сухого рва, камни ее подошвы остались целы. Их не смогли извлечь, поскольку они заглублены в материк. Возникло предположение, что аналогичную картину следует наблюдать на других участках. Для проверки был заложен разведочный шурф 1 размером 0,9×2 м. Он располагался в 11,1 м к востоку от траншеи 3 напротив Никольской башни в основании примыкания сохранившейся валунной стены к задернованному северному склону рва без валунной кладки. Под слоем дерна на склоне идет черная земля мощностью 0,2 м, под ней 7–8 см слоя песка с галькой. Далее до первоначального дна рва — темно-коричневая земля 0,34–0,46 м с включением красного битого кирпича, валуны и комки из 20 коррозированных кованых гвоздей. Материк — плотный серый песок. В основании северного склона рва в темно-коричневом слое выявлено три подошвенных валуна, уложенных в ряд и заглубленных в материк до 0,2 м. Их размер в поперечнике 0,3–0,4, 0,45–0,55, 0,5–0,7 м. Направление ряда соответствует ряду валунов траншеи 3. Таким образом, шурф 1 подтвердил существование в основании не сохранившейся северной валунной стены центральной части подошвенных валунов, заглубленных в материк и не тронутых при разборке самой стены.

Зачистка 1

Как отмечалось, в траншее на кв. 17–18 была прослежена канавка, проходившая по верху северной площадки. Она была заполнена однородным тонкозернистым серым песком, как и слой на прилегающих участках. Ее назначение было неясно. Сначала даже возникло предположение, что это мог быть след изъятых частоколов. Однако для канавки от частокола она была слишком невыразительная — без соответствующего заполнения. Для уточнения характеристики этой канавки в 5 м к за-

паду от траншеи 3 была сделана зачистка 2×2,5 м, где под дерном и почвенным слоем зачищен только верхний слой плотного серого песка. Никаких следов канавки на данном участке не оказалось. В северной части пришлось углубить зачистку на 10 см. Но и здесь получен тот же результат. Основной вывод: частокол, о который так много упоминается в литературе в связи с пересказом грамоты 1621 г. царя Михаила Романова, не выявлен ни по южному, ни по северному краю сухого рва.

Проведенные раскопки северного сухого рва позволили установить следующее:

1. Северный сухой ров крепости Соловецкого монастыря является сложным инженерным сооружением, а не просто выкопан и обложен валунами, как это можно было бы предполагать при интерпретации царской грамоты 1621 г.

2. Ров выстроен с осуществлением по его краям многочисленных подсыпок из земли и камней, что позволило выровнять поверхность земли между башнями и на участке к северу от рва.

3. Непосредственно у Никольской башни прослежена мощная в несколько рядов уходящая вглубь валунная конструкция, засыпанная сверху рыжим песком.

4. Фундамент у стен рва отсутствует, нижние камни уложены поверх материка на плотную серую глину или супесь.

5. Копка рва для заполнения водой исключалась по гидрологическим условиям. Еще один сток из Святого озера, помимо южного, при перепаде уровня озера и моря в 8 м был недопустим; это привело бы к понижению уровня воды, которой оказалось бы недостаточно для нормальной работы мельницы на южном дворе монастыря.

2.4.2. Южный ров

С южной стороны ров был размещен на узком перешейке между Святым озером и морской губой на месте русла ручья, вытекавшего из озера. Его общая длина около 200 м. Ныне о существовании южного рва ничего не напоминает. Вся местность нивелирована и преобразована. По трассе рва размещен морской док 1846 г. и электростанция, построенная в 1912 г. и позже расширенная (ил. 1014). Однако неясно, начинался ли изначально южный ров пря-

мо от Святого озера. На его первом известном изображении на иконе 1709 г. и всех последующих гравюрах XVIII столетия он показан в виде широкой длинной полосы, заполненной потоками воды. Рядом с Белой башней ров обрывается, будучи ограниченным валунной аркой подземного канала, по которому вода вытекает из озера.

«Канал подземный каменный на сводах» на плане 1790 г. изображен между рвом и озерным берегом двойной пунктирной линией под № 58. Но и сам южный ров на данном плане под цифрой 52 обозначен как «канал, коим спускается из озера излишняя вода в залив гаванской». Совершенно очевидно, что стратегическое назначение рва к рубежу XVIII–XIX вв. было забыто, а отчасти и утрачено. Этому способствовали как перемычка суши над подземным каналом со стороны Святого озера, так и «каменный мост, на сводах устроенный» (№ 53), перекинутый через бывший ров рядом с морем.

Валунная обкладка стен южного рва изображалась в XVIII в. по-разному. На одних гравюрах ров обложен камнем с двух сторон. Но наиболее реалистичная гравюра 1744 г. показывает валунную облицов-

ку рва только у южной стены, со стороны кладбищенского холма. Данная гравюра наиболее отчетливо передает и первоначальный рельеф местности — кладбищенский холм с крутым склоном, обращенным к бывшему ручью.

Изобразительные материалы XVIII–XIX столетий демонстрируют постепенное преобразование рва: создание на его месте дока для подъема и ремонта судов, дополнительного накопительного колодца, постройку лесопилки (ил. 1015–1018).

Археологически южный ров не изучался. Но в траншее 5 (2004 г.) напротив первой печуры к западу от Сушила были зафиксированы следы выравнивания поверхности во время строительства крепости. Здесь отмечено природное падение рельефа в южную сторону, скорее всего, к древнему оврагу, по дну которого протекал ручей. Перепад высот составлял 2 м на участке 20 м. Поверх белого материкового песка здесь был отмечен слой углей толщиной 1–3 см — от пожара, а над ним — насыпные серый, желтый песок и плотная серая супесь. Максимальная мощность подсыпки равнялась 1,75 м (ил. 1019–1020).

2.5. Пристенок

Пристенок 1619–1622 гг. — дополнительная со стороны Святого озера низкая пристройка вытянутой П-образной формы с двумя угловыми Поваренной и Квасоваренной башнями, тремя стенами и двумя воротами (ил. 1021–1070). Это необходимая и неотъемлемая часть фортификации в соответствии с требованием защиты водоснабжения крепости, а в нашем случае и поваренных служб. «Устав ратных, пушечных и других дел» 1607 г. требовал «въ томъ бы надобно остерегательну быть, только у града место такое есть, которое на ровномъ месте стоитъ, а можно воду отняти, и какъ бы такое место укрепить и беречи, чтобъ такимъ безъ великаго урону и убытку вскоре воду не отняти, а многихъ бы у нихъ людей изъ наряду побити» (Радишевский А. М., 1781, § 36, с. 93).

Верх обходной галереи Пристенка с бойницами ручного боя традиционно кирпичный. А массив его стен и башен с пе-

чурами подошвенного боя валунный, но в отличие от самой Соловецкой крепости он сложен из небольших валунов. По замечанию В. В. Косточкина, данная черта прямо указывает на разновременность «города» и Пристенка (Косточкин В. В., 1972, с. 37).

Первые краткие сведения о дополнительной пристройке с указанием неточной даты ее возведения привел поздний Соловецкий летописец: «В лето 7129 (1621) построенъ поваренной пристенок каменный» (Летописец, 1790, с. 43). Позже эту дату воспроизвел Досифей «7129 (1621) года с восточной стороны монастыря, позади поваренной и квасоваренной служб, вдоль оных, прикладен вновь каменный пристенок с двумя башнями наравне с крепостною стеною из дикого булыжного камня» (Досифей, 1833, с. 56; 1847, с. 57).

В северной брустверной стенке боевого хода 4 бойницы, в восточной их 18, в южной — 3. Количество печур в вос-

точной стене 8, южной — 1. В северной стене находились Квасоваренные ворота, которые иногда называли иначе: «У Квасопаренных ворот два замка клинчатых вислых» (*Книга 1694а г.*, л. 5; *Книга 1694б г.*, л. 5; *Книга 1695 г.*, л. 4 об. — 5; *Книга 1696 г.*, л. 6). Через них в 1674 г. во время «Соловецкого сидения» представители воеводы Ивана Мещеринова входили в монастырь для переговоров с восставшими (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 108). Ворота в южной стене назывались Поваренными: «У Поваренных ворот два замка вислых, болей да малой клинчатых» (*Книга 1696 г.*, л. 6 об.).

На иконах и гравюрах XVII–XVIII вв. Пристенки традиционно изображали с запада, от моря, наполовину заслоненными монастырскими постройками (ил. 1071–1077). Видны были только островерхие шатры его башен и кровля. На реалистичной гравюре 1744 г. в поле зрения художника попало деревянное ограждение боевого хода с вертикальными стойками и поперечными перекладинами. Сводчатые печуры показаны только один раз на плане 1743 г., при этом их количество увеличено на две, до 10 шт.

Важную информацию несут чертежи 1790 г., на которых представлены планы 1-го яруса и боевого хода Пристенка. Количество печур восточного прясла передано точно (8 шт.), а бойниц ручного боя — на две больше (20 шт.). Изображена консольно-выносная деревянная конструкция боевого хода восточного прясла с 17 квадратными в сечении стойками. На цветных рисунках показана развертка наружных стен с башнями, у которых шатры разной формы и высоты.

Гравюры XIX столетия облик Пристенка передают схематично, даже условно. Фотография 1916 г. запечатлела состояние сооружения на начало XX в. Другое фото выполнено уже после пожара 1923 г., когда были разобраны сгоревшие кровли сооружения (ил. 1078).

2.5.1. Башня Квасоваренная

Квасоваренная башня расположена в северо-восточном углу Пристенка (ил. 1021–1022). По сравнению с основными башнями крепости она низкая, небольшая, прямоугольной формы, увенчана

островерхим деревянным шатром. Низ сложен из валунов, верх — из кирпича. Башня трехъярусная. На первом ярусе три печуры, на втором — четыре, а на третьем — шесть ружейных бойниц. Верхний ярус раскрыт со стороны боевого хода и является его продолжением; тыльной стены со стороны двора он не имеет. Печуры нижнего яруса с кирпичными сводами, второй ярус от третьего отделен деревянным накатом.

Название башни «Квасоваренная», наряду с «Квасопаренная», встречается в описке Мещеринова 1674 г. (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 101, 114), упомянуто в многочисленных описях XVII–XVIII столетий — 1676, 1679, 1694–1696, 1703, 1705, 1709, 1711, 1789 гг. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 549, 554 об.; *Книга 1694а г.*, л. 5 — 5 об.; *Книга 1694б г.*, л. 5; *Книга 1695 г.*, л. 4 об. — 5; *Книга 1696 г.*, л. 6; *Книга 1703 г.*, л. 5; *Опись 1705 г.*, л. 324; *Книга 1709 г.*, л. 5 об. — 6; *Опись СМ 1711 г.*, л. 5 об.; *Опись СМ 1789 г.*, л. 3 об.). Данное название также фигурирует на плане 1770 г., чертеже 1790 г. (*План 1770 г.*; *Васильев, 1790 г.*).

Квасоваренная башня находилась на переднем крае обороны во время «Соловецкого сидения». По ней велся огонь (*Борисов А.М.*, 1966, с. 273–274). Мещеринов сообщал царю об укреплении башни: «...а башня Квасоваренная была ниска ж, и они на той башне нарубили роскат деревяной» (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 101). Раскат представлял собой сруб, образовавший дополнительный верхний ярус. Башня стала четырехъярусной.

В 1676 г., после взятия монастыря царским войском, Квасоваренную башню обмерили вместе с Квасоваренными воротами и пряслом от ворот до места стыка с крепостной стеной XVI в.: «Около Квасоваренной башни четырнадцати сажен» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 549).

Опись 1676 г. указывает, что в Квасоваренной башне было 7 пушек и 4 пищали: «В Квасоваренной башни. В нижнем бою пушка медная дробовик, длина аришин девять вершков, станок колеса окованы. Да в бойницах четыре пищали железные без замков, длина по аришину по десяти вершков. В то же Квасоварной башни в среднем бою пушка медная, длина аришин девять вершков, станок и колеса окованы, и ядро к ней три гривенки. Пищаль затинная железная, длина полтретья аришина.

В среднем ж в другом бою пушка железная с чепью скорострельная, длина двенадцать вершков. Две пушечки железные хвостушки, длиною одна два аршина без дву вершков. Ядро к ней пол гривенки. Другая два аршина шесть вершков» (Опись СМ 1676 г., л. 556 — 557 об.). Сопоставляя данную опись с внутренней планировкой башни, можно сделать следующие выводы. На первом ярусе стояла всего одна пушка, обращенная на север в сторону лагеря стрельцов. Четыре ручные пищали длиной чуть более аршина (71 см) располагались на самом верху в раскате. В двух средних ярусах между раскатом и 1-м ярусом были соответственно: 4 пушки (2-й) ярус и пушка с пищалью (3-й ярус). Столь значительное сосредоточение артиллерии на одной малой башне — свидетельство ее нахождения на передней линии обороны. Но затем башня постепенно разоружалась.

В 1694 г. в Квасоваренной (Квасопаренной) башне оставалось три пушки: «Квасопаренная башня. В верхнем бою две пушки железных хвостушки в станках. Пушка железная скорострельная хвостушка» (Книга 1694а г., л. 5; Книга 1694б г., л. 5; Книга 1695 г., л. 4 об. — 5; Книга 1696 г., л. 6).

В 1703–1709 гг. в башне стояла одна пушка: «На Квасаваренной башне. Пушка железна скорострельна, в ней две вкладки» (Книга 1703 г., л. 5; Книга 1709 г., л. 5 об. — 6).

Но летом 1790 г., во время войны со Швецией, при подготовке крепости к обороне в башне была поставлена «пушка $\frac{1}{2}$ фунта», а к ней 92 ядра (Васильев, 1790 г., л. 27 об.). Она же оставалась и в октябре (Ведомость 1790б г., л. 1 об.).

Изображения Квасоваренной башни на иконах и гравюрах XVII–XIX вв. представлены в основном издали, со стороны моря, откуда чаще виден лишь ее островерхий шатер с прапором и немного основание. До первой четверти XIX в. шатер показывался четырехгранным в виде пирамиды, но затем иногда его рисовали в виде конуса. И хотя башня имеет в основании форму прямоугольника, в большинстве случаев художники изображали ее квадратной или даже круглой.

Наиболее ценную информацию содержат в себе чертежи и рисунки 1790 г. инженера-подпоручика Васильева. Но и

они не лишены противоречий. На фасадах верно обозначены валунная и кирпичная кладки. На плане 1-го яруса показаны три бойницы-печуры, хотя в настоящее время их две. Не означает ли это, что одну печуру тщательно заложили? В то же время на плане 3-го яруса количество бойниц по отношению к современной натуре меньше. Но на рисунке восточного фасада достоверно изображены три бойницы. Поверх первоначального объема башни показан деревянный раскат — надстройка 4-го яруса. Дан его вид снаружи и показан разрез. В него попадали по приставной лестнице. Кирпичные стены 3-го яруса дополнительно утолщены за счет приставленной стены из бруса с заполнением камнем пространства между нею и кирпичной стеной. Ширина прикладки по масштабу составляет одну сажень (2,13 м). Башня изображена с островерхим четырехгранным пирамидальным шатром с полицами. Смотровые вышки отсутствуют, как и световые окна в шатрах. Сверху на рисунках фасадов изображены прапоры. Высота шатра по масштабу 4,25 саж., или 9,05 м (2,13×4,25). Но этот размер может относиться по крайней мере ко времени «Соловецкого сидения», уже после создания раската.

Раскат, по-видимому, был разобран в начале XIX столетия в связи с утратой крепостью своего военного предназначения. Во всяком случае, на гравюрах и рисунках этого столетия он никак не представлен. О переделке шатра в островерхий многогранный вместо пирамидального можно заключить по ряду изображений начиная с 1827 г. (ил. 1077).

В 1916 г. Квасоваренная башня была запечатлена С.М. Прокудиным-Горским (ил. 1078: 1). Она в прекрасном состоянии с высоким узкогранным шатром, более вытянутым, нежели на чертеже 1790 г.

В 1923 г. Квасоваренная башня выгорела вместе со всем Пристенком. Вся крепость была передана в распоряжение концлагеря (Соловецкий монастырь, 2000, с. 30). В 1929 г. шатер на башне был восстановлен. Об этом свидетельствовала прорезная цифра на его железном прапоре, который застали реставраторы в 1950–1960-х гг. (ил. 1080–1085).

В 1953 г. специалист Государственного института №1 («Военморпроект-27»)

И.В. Иконников выполнил обмер всего Пристенка, включая Квасоваренную башню (*Крепость, обмеры*, 1954) (ил. 1079).

В 1956 г. под руководством архитектора-реставратора ЦНРМ В.И. Курлова были проведены обмеры Квасоваренной башни. В них приняли участие И.В. Иконников и В. Исаков. Была проведена фотофиксация объекта, выполнены чертежи южного, восточного, западного, северного фасадов башни, планы всех трех ярусов, кровли, даны разрезы по башне (*Воробьев А.И., Курлов В.В.* рук., 1959) (ил. 1085–1090).

В 1961 г. архитекторы А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили общее описание технического состояния Квасоваренной башни, которое было признано аварийным: «*Общее состояние башни аварийное вследствие нарушения конструкций и осадки грунта. Стены выложены из валунов средних размеров с заполнением мелким булыжником и кирпичом. Верх стены и своды в бойницах выложены из кирпича размером 31×9×16–18 см на белом известковом растворе. Толщина стен в среднем ярусе 1,5 м, в верхнем 1,1 м. Они имеют вертикальные трещины, значительные повреждения в бойницах, а в некоторых местах обрушена кладка. Бойницы в нижних ярусах заложены. Они имеют повреждения в замках, связанные с общим разрушением стены. Фундаменты отрывались с наружной стороны, в углу между южной стеной башни и восточной стеной Пристенка на глубину 1,4 м от современного уровня земли. Они выложены из валуна без раствора. Глубина заложения 1,3 м от современного уровня земли. Их основание лежит ниже уровня грунтовых вод. Грунты на всю глубину шурфа насыпные из земли, кирпичного щебня, раствора и строительного мусора. Под фундаментами — щебенка. Состояние фундаментов удовлетворительное. Перекрытия между ярусами полностью утрачены. Конструкция шатра — обвязка, прогоны, стойки, стропила и обрешетка не являются первоначальными и сохранились в удовлетворительном состоянии. Покрытие из теса в два слоя, в некоторых местах имеет щели и протекает. Некоторые доски выломаны. Каменная лестница в стене заложена. Свод над ней и арки входов частично разрушены. Деревянные лестницы не сохранились. Полы, столярка, паковка*

полностью утрачены. Их остатки могут быть найдены при расчистке нижнего яруса башни. Следов побелки ни в одном из ярусов не обнаружено» (*Воробьев А.В., Савицкая О.Д.* рук., 1961а, л. 10–11).

В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманинов выполнил стереообмер башни (*Савицкая О.Д.*, 1980, с. 83, ил. 40).

Руинированное состояние Квасоваренной башни начала 1960-х гг. засвидетельствовали фотографии (ил. 1081–1083).

В 1980-х гг. под руководством архитектора ЦНРПМ В.В. Владимирской был разработан эскизный проект реставрации Квасоваренной башни (*Владимирская В.В.* рук., 1981а). Вскоре он был воплощен в жизнь.

В 2005 г. О.Д. Савицкая издала планы всех трех ярусов Квасоваренной башни (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 60, ил. 45).

В 2006 г. при осмотре башни было отмечено удовлетворительное состояние шатров после ремонтно-реставрационных работ 1980-х гг. (*Лебедько А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С.* рук., 2006, л. 71).

2.5.2. БАШНЯ ПОВАРЕННАЯ

Башня небольшая, невысокая, в основании овальная. Ее венчает восстановленный островерхий деревянный шатер. У башни три яруса. Низ валунный, верх кирпичный. На первом ярусе три пушечных печуры, на втором их четыре, на третьем ярусе шесть ружейных бойниц. Верхний ярус не имеет тыльной стены со стороны двора. Он является продолжением боевого хода. В отличие от Квасоваренной башни кирпичный свод в нижнем ярусе отсутствует. Все ярусы перекрыты деревянными конструкциями — досками по бревенчатым балкам (ил. 1027–1028, 1051–1067).

Название башни «Поваренная» впервые встречается в отписке Мещеринова 1674 г. (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 114). Затем оно упоминается в многочисленных описях монастыря — 1676, 1679, 1694–1696, 1703, 1705, 1709, 1711, 1789 гг. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 549, 554 об.; *Книга 1694а г.*, л. 5 — 5 об.; *Книга 1694б г.*, л. 5; *Книга 1695 г.*, л. 4 об. — 5; *Книга 1696 г.*, л. 6; *Книга 1703 г.*, л. 5; *Опись 1705 г.*, л. 324; *Книга 1709 г.*, л. 5 об. — 6; *Опись СМ 1711 г.*, л. 5 об.; *Опись*

Таблица 27

Орудия в башне Поваренной. Январь 1790 г.

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
В Поваренной		
Пищалей лотовых	(Нет данных)	Старинного маниру без станков и лафетов, лежащие и за ветхостию в употребление совсем не способны
Корзин железных	14	Оные упователно употребляемы были для носки железных ядер, кои за ветхостию совсем не способны

Таблица 28

Орудия в башне Поваренной. Октябрь 1790 г.

Каких калибров орудий и где имено по местам разставлены были	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
В башне Поваренной				
¹ / ₈ пищаль	1	40	—	—

СМ 1789 г., л. 3 об.). Название читается и на планах Соловецкого монастыря 1770 и 1790 гг. (План 1770 г.; Васильев, 1790 г.).

Опись 1676 г. сообщает о первом промере башни с прилегающим южным пряслон: «Около Поваренной башни двенадцать сажень» (Опись СМ 1676 г., л. 549). Основные исторические сведения о башне относятся к сфере вооружения. В 1676 г. она была прилично укомплектована восемью пушками: на 1-м ярусе — их было три, на 2-м — одна, на 3-м ярусе — четыре: «В Поваренной башни в нижнем бою две пушки железных, длиною одна три аршина с четвертью, чугунная, ядро к ней две гривенки. Другая пушка длина два аршина шесть вершков, ядро к ней полторы гривенки. В среднем бою пушка медная, а на ней вылит орел, длина три аршина с вершком, станок окован, ядро к ней полторы гривенки. В верхнем бою пушка медная, а на ней вылит лев, длина три аршина шесть вершков, станок окован железом, ядро к ней три гривенки. Пушка чугунная проломная, длина четыре аршина без трех вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней осмь гривенки. Пушка чугунная проломная, длина три аршина пять вершков, станок окован, ядро к ней три гривенки. Пушка железная хвостуха, длина два аршина шесть вершков» (Опись СМ 1676 г., л. 555–556).

В 1694–1696 гг. в Поваренной башне оставалось две пушки. Здесь же хранились так называемые козы для обслуживания орудий: «Поваренная башня. В верхнем бою две пушки железных хвостушки. Шестнат-

цать коз железных, в чем жар держат при приступном времени к городу. У средняго бою замок вислой трупчатой. У ворот два замка вислых, бошой да мошой» (Книга 1694а г., л. 5 — 5 об.; Книга 1694б г., л. 5; Книга 1695 г., л. 4 об. — 5; Книга 1696 г., л. 6).

В 1703 и 1709 гг. в башне стояли три пушки и восемь пищалей. На одну козу оказалось меньше: «На Поваренной башне. Пушка железна небольшая, две пушки железных хвостушки, восим пищалей железных затишных. Петнатцать коз железных» (Книга 1703 г., л. 5; Книга 1709 г., л. 5 об. — 6).

В январе 1790 г. в Поваренной башне складировались негодные пищали и корзины для ядер (Ведомость 1790а, л. 5) (табл. 27).

После завершения короткой русско-шведской военной кампании в башне в октябре 1790 г. оставили всего одно орудие с 40 ядрами (Ведомость 1790б г., л. 5) (табл. 28).

Некоторую информацию о Поваренной башне несут ее изображения на гравюрах, рисунках, чертежах XVII–XIX вв. На большинстве из них башня показана издали, со стороны моря. Ее загораживают строения центрального комплекса и поваренная служба. Многие изображения башни весьма схематичны, но они всё же передают ее характерные черты.

Низ башни сложен из валунов, верх из кирпича. Ее покрывает островерхий шатер с полицей. Смотровая вышка отсутствует, как и световые окна в шатре. Шатер сначала изображался пирамидальным

четырёхгранным с флажком-прапором. Но начиная с 1827 г. он предстает на графюрах и рисунках остроконусным и многогранным. Данная смена хронологически увязывается с реконструкцией шатров на остальных башнях крепости.

На чертеже 1790 г. шатровое завершение Поваренной башни по масштабу составляет 2,25 трехаршинных сажени ($2,13 \times 2,25 = 4,80$ м). Здесь же на первом ярусе правильно представлены три пушечные бойницы, на последнем с ошибкой изображено на одну бойницу меньше. Неверно нарисован план верхнего яруса башни в виде прямоугольника, хотя стена здесь полукруглая. Конструкция Поваренной башни показана на чертеже в разрезе. Башня трехъярусная с перекрытиями из бревен и досок. Со стороны внутреннего двора верхняя площадка — с выносной консольной конструкцией пола.

По фотографиям конца XIX в. можно судить о хорошем состоянии Поваренной башни.

В 1923 г. весь Пристенек выгорел дотла. Вся крепость была передана в распоряжение концлагеря (Соловецкий монастырь, 2000, с. 30). В 1929 г. шатер на башне был восстановлен, на что указывала прорезная цифра на его железном прапоре, который застали реставраторы в 1950-х гг. В те же годы снаружи башня производила неплохое впечатление. Однако внутри она была полностью захламлена, что не позволило в 1953 г. специалистам «Военморпроекта» провести ее обмеры. В Поваренной башне имелись трещины (Крепость, обмеры, 1954).

В 1956 г. под руководством архитектора-реставратора В.И. Курлова были проведены обмеры Поваренной башни. В них приняли участие И.В. Иконников и В. Исаков. Выполнены чертежи южного, восточного, западного, северного фасадов башни, планы всех трех ярусов, кровли, приведены разрезы башни (Воробьев А.В., Курлов В.В. рук., 1958) (ил. 1091–1094).

В 1961 г. А.В. Воробьев и О.Д. Савицкая составили общее описание плохого технического состояния Поваренной башни, которая была подвержена постоянно-му разрушению из-за проседания грунтов и нарушений конструкций: «В настоящее время башня находится в плохом состоянии и подвержена постоянному разру-

шению вследствие оседания грунтов и нарушения конструкций. Стены выложены из валунов средних размеров на известковом растворе с заполнением булыжником и кирпичом. Верх стен, своды бойниц и арки входов выложены из кирпича размером $31 \times 15 \times 9$ см при толщине шва 2–3 см. Толщина стены в среднем ярусе 1,6 м, по верху 0,75 м. С восточной и с северной стороны они имеют большие вертикальные трещины в кладке верхних ярусов. Бойницы во всех ярусах заложены. Некоторые из них имеют трещины в замках и частично разрушены. Фундаменты отрывались с наружной стороны в углу между северной стеной башни и восточной стеной Пристенка на глубину 1,4 м. Фундаменты выложены из крупного валуна без раствора. Глубина заложения 1,2 м от современного уровня земли. У подошвы фундамента вода. Весь грунт в шурфе насыпной. Под фундаментом — щебенка. Перекрытия между ярусами полностью утрачены. Сохранились лишь гнезда в каменной кладке стен. Полы утрачены вследствие общего обрушения. Связи не вскрывались. Покрытие шатровое, не первоначальное. Деревянные конструкции шатра — прогоны, обвязки, стойки, стропила и обрешетка в хорошем состоянии. Кровля тесовая по обрешетке из досок, уложенных с зазором. В кровле имеются щели, некоторые доски выломаны. Каменная лестница в северной стене, которая ведет с прясла во второй ярус башни, заложена. Связь с башней и между пряслами нарушена. Деревянные лестницы и переходы между ними не сохранились. Вся столярка и железные детали утрачены. Башня не эксплуатируется. Изнутри до второго яруса она завалена мусором и землей» (Воробьев А.В., Савицкая О.Д. рук., 1961а, л. 12–13).

В 1961–1962 гг. Б.Н. Рахманинов выполнил стереообмер башни (Савицкая О.Д., 1980, с. 83, ил. 40).

В 1981–1985 гг. были проведены обмеры Пристенка, разработан эскизный проект реставрации, подготовлены рабочие чертежи (Савицкая О.Д., Асафов А. рук. 1980; Савицкая О.Д., Бессонов Г.Б., Владимирская В.В. рук., 1985; Владимирская В.В. рук., 1981б; Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Олтаржевская А. рук., 1981) (ил. 1095–1199). Башню реставрировали. В 2005 г. О.Д. Савицкая издала ее планы.

В 2006 г. Поваренную башню осматривала О.В. Прусак, которая отметила удовлетворительное состояние шатров после ремонтно-реставрационных работ 1980-х гг. (*Лебедько А. С., Прусак О.В., Фалеев Е. С.* рук., 2006, л. 71).

2.5.3. Стены Пристенка

Стены Пристенка, включая печуры и обходную галерею с бойницами верхнего

боя, обмеряли в разное время архитекторы В.В. Курлов, О.Д. Савицкая, В.В. Владимирская. В 1980-е гг. был разработан проект и составлены рабочие чертежи, в соответствии с которыми стены были реставрированы (ил. 1100–1106) (*Крепость, обмеры*, 1954, *Воробьев А.В., Курлов В.В.* рук., 1958, *Савицкая О.Д., Асафов А.* рук., 1980; *Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Олтаржевская А.* рук., 1981; *Владимирская В.В.* рук., 1981в, г; *Савицкая О.Д., Бессонов Г.Б., Владимирская В.В.* рук., 1985).

2.6. Сушило

С юго-западной стороны к Белой башне примыкает Сушило. Это одна из первых кирпичных хозяйственных построек монастыря. Его строительство относят ко времени игумена Филиппа (1545–1566 гг.). В Колычевской редакции Жития митрополита Филиппа 1630–1640-х годов сказано: «*Да Филипп же преподобный... на мельнице постави сушило каменное*» (*Лобакова И.А.*, 2006, с. 213). Разные редакции «Сказания о Филиппове строении» XVII–XVIII вв. сообщают: «*Да мельницы пост(ав)и сушило каменное, иде же всякия хлеб суш(ат)*»; «*Да на мелнице постави сушило каменное же*» (*Латышева Г.Г.*, 1974, с. 36).

Здание трехэтажное. Первый этаж отведен под четыре помещения. На втором и третьем этажах расположено по одностолпной палате. Как установили архитекторы-реставраторы О.Д. Савицкая и В.В. Сошин, Сушило в конце XVI в. включили в систему обороны монастыря, примкнув к его кирпичным стенам с двух сторон валунные прясла. Изображение кирпичного Сушила на данный период представлено на известной миниатюре 1600 г. Вахрамеевской рукописи и ее копии 1623 г. Однако потребность в усилении южного узла обороны вскоре потребовала пристроить с востока Сушила Белую башню. А в начале XVII столетия с южной и западной сторон Сушило обстроили валунной стеной, внутри которых разместили на нижнем этаже 3 печуры, на среднем — 2, а на третьем этаже еще 15 бойниц ручного боя (*Савицкая О.Д.*, 1980, с. 94, 96; 2005, ил. 11, с. 22) (ил. 1107–1116). В это же время городовые ворота, располагав-

шиеся рядом в крепостной стене, оказались включены в состав Сушила. С тех пор Сушило стало совмещать хозяйственную и оборонительную функции. Историк Б.Д. Греков, ознакомившись с книгами сушиленной службы, писал, что Сушило — «*учреждение, где хранились запасы съестных продуктов в больших количествах*» (*Греков Б.Д.*, 1926, с. 83).

В описях 1676 и 1705 гг. дается парное упоминание Сушиленной и Белой башен (*Опись СМ 1676 г.*, л. 548 об., 552 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 324), которое свидетельствует о том, что Сушило вместе с примыкавшей к нему Белой башней образовывали единый оборонительный комплекс. Сушило вместе с печурами и бойницами действительно считалось башней.

Сушило хорошо сохранилось до наших дней. Верхний 3-й ярус соединяется с обходной галереей крепости. На западном и южном фасадах в верхнем ярусе имеется 15 бойниц ручного боя, из которых 8 навесные — машикули, не получившие в России широкого распространения, а остальные с городчатыми перемычками. В западной стене находятся ворота, которые книги конца XVII в. называют Тайничками: «*У ворот Тайничких да у башни два замка вислых, клинчатой да трупчатой*» (*Книга 1694а г.*, л. 6; *Книга 1695 г.*, л. 6; *Книга 1696 г.*, л. 7). Мы же именуем их Сушиленными. Они описаны выше.

Исторические сведения о Сушиле немногочисленные. 1 ноября 1600 г. в Сушиле случилось возгорание кровли во время пожара мельницы, о чем сообщает один из списков Жития Зосимы и Савватия:

«...на сушиле кровля гореть переста, никим не гасима» (Латышева Г.Г., 1974, с. 45, прим. 74).

Во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) с Сушилом связана одна из самых трагических страниц истории монастыря, когда через заложенную «у Белой башни в исподнюю бойницу», указанную монахом Феокистом, отряд стрельцов воеводы Мещеринова сумел проникнуть внутрь обители, где устроил кровавую бойню (Барсов Е.В., 1884, кн. 1, с. 24; 1890, с. 137–138). Речь идет об амбразуре южной печуры, которая размещалась в валунной пристройке к Сушилу и часто использовалась как лаз. Валунная пристройка Сушила считалась крепостной, или «градской» стеной: «Бяше во обители пролаз из сушильных полаты сквозе градовую стену, ким прежде воду во оную полату носиша, и в начале егда затворяхуся во обители, оную скважину плинфами, но не зело крепко заделаха» (Денисов А., 1907, с. 28). А до замуровки через нее, как писал царю Мещеринов, осажденные «выходили из города на вылазку подлазом за Белую башню» (Барсов Е.В., 1884, с. 72). Монах Феокист, «тое Белые башни в бойницу вшед, и твоих великого государя ратных людей в город ввел, и у городского тайника, збив замки, ворота отворил» (Барсов Е.В., 1890, с. 138).

В период того же «Соловецкого сидения» Сушило подверглось реконструкции. Для усиления обороны поверх него осажденные надстроили бревенчатый раскат. Воевода Мещеринов писал государю: «...да они ж, воры, от Анофреевы (кладбищенской, вне монастыря. — В.Б.) церкви на сушильной полате нарубили раскат деревянной же, и с тех раскатов по мне, холопе твоём, и по твоим великого государя ратным людям бьют на все стороны из пушек и из мелкого ружья безперестанно» (Барсов Е.В., 1884, с. 59; 1890, с. 101). Раскат изменил пропорции Сушила, которое стало стройнее, выше. Он, безусловно, имел кровлю, необходимую для защиты от осадков, что придало всему зданию облик дополнительной башни. Это было отмечено при составлении монастырской описи в 1676 г., в которой стали фигурировать соприкасавшиеся стенами две башни: «Около Сушиленной и Белой башни дватцать четыре сажени» (Опись СМ 1676 г., л. 548 об.). В том же документе они описаны как

единый оборонительный комплекс, потому вооружение, стоявшее на них, указано вместе — «в Сушиленной и в Белой башни» (Опись СМ 1676 г., л. 552 об.).

В XVIII столетии само Сушило, как и прежде, жило своей отдельной жизнью. В описи 1705 г. говорится: «...у той мельницы близ городской стены сушило каменное о трех жителях со своды. На том сушиле хлебные всякие запасы. Под тем сушилом две кели мирских, где живут той службы работники» (Опись СМ 1705 г., л. 309 — 309 об.). Свидетельство отводной книги 1779 г.: «На сушиле ржи пятьдесят четвертей» (Книга 1779 г., л. 4 об.).

В 1790 г. во время подготовки крепости к обороне Сушило не было задействовано. Орудия были установлены только в Белой башне. На чертеже и рисунке 1790 г. Сушило предстает как монументальная постройка, обложенная валунами. Вверху в толще кирпичной кладки указаны бойницы. На 1-м ярусе Сушила показаны печуры подошвенного боя, в юго-западной стене — ворота. Особенно ценно изображение раската, просуществовавшего столь долго. Он представлен в виде глухого сруба без окон и бойниц, что, видимо, указывает на утрату его военного назначения. Спустя 25 лет он значится как «надруб». Смета 1815 г. называет его параметры: «С восточно-летней стороны Угловой башни возле оной на крепостной стене надруб, что значит на сушиле деревянной, простирающей вокруг до 40 сажен, а в вышину 3-х» (Смета СМ 1815 г., л. 4 об.). Высота указана впервые без единицы измерения. Скорее всего, она дана в аршинах (0,71 м), а не в саженьях, поскольку размер в 3 аршина (2,13 м) ближе к масштабу чертежа 1790 г., на котором высота раската равна трети расстояния от верха кирпичного парапета крепостной стены до верха кирпичной кладки последнего яруса Белой башни. На чертеже 1790 г. раскат выше кирпичной стены крепости в два раза. Сверка с современным чертежом дает снова цифру, близкую к 3 м. В первой половине XIX в. данное бревенчатое сооружение было разобрано. Оно не присутствует на гравюрах 1837 и 1850 гг.

В XVIII столетии добавилось еще одно назначение Сушила — тюрьма. С ней экскурсоводческая традиция, начиная с 1920-х гг. (Иванов А.П., 1927б), связывает

имя последнего атамана Запорожской Сечи Калнышевского.

В 1923 г. Сушило осмотрел П. Д. Барановский, осуществивший архитектурно-археологический обмер здания. На плане последнего этажа *«Сушиленной башни»* были вычерчены все 15 бойниц ручного боя (ил. 424). В дальнейшем Сушило постепенно было заброшено. В 1953 г. специалисты *«Военморпроекта-27»*, ошибочно считавшие, что Сушило — это *«бывшая Головленкова тюрьма»*, не сумели обмерить постройку полностью *«из-за недоступности и завалов»*. Тем не менее схематический план с 15 бойницами ручного боя, что в обходной галерее, был всё же выполнен (ил. 427). К 1953 г. относятся обмерные чертежи планов подвала и верхнего этажа (ил. 425).

Интерес к Сушилу проявили сотрудники Соловецкого музея, первый директор

которого С. В. Вереш в небольшой заметке упомянула два одностолпных интерьера. Причем нижний, служивший камерой для просушивания зерна, был снабжен системой калориферного отопления и вентиляции (Вереш С. В., 1967, с. 208).

Как уже отмечалось, в 1974–1977 гг. архитекторы-реставраторы ВПНРК провели исследование всего южного узла крепости, включая Белую башню и Сушило (ил. 438). Затем была осуществлена реставрация здания, которое ныне полностью музеефицировано.

В данной главе мы подробно рассмотрели структурные элементы Соловецкой фортификации, их историю вплоть до наших дней. Это позволяет перейти к следующей важной теме — крепость Соловецкого монастыря как инженерно-фортификационное сооружение XVI–XVIII столетий.

ГЛАВА 3. СОЛОВЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ — ИНЖЕНЕРНО-ФОРТИФИКАЦИОННОЕ СООРУЖЕНИЕ XVI–XVIII вв.

В конце XV столетия и весь XVII в., когда огнестрельное оружие получило широкое распространение, в Московском государстве осуществлялись активные работы по созданию новых и реконструкции старых крепостных сооружений. При Иване III (1462–1505 гг.) с приходом итальянских зодчих на Русской земле взамен белокаменной фортификации принялись возводить многочисленные крепости из обожженного кирпича — в Великом Новгороде, Москве, Зарайске, Коломне, Нижнем Новгороде, Смоленске, Туле, вокруг Кирилло-Бело-

зерского, Троице-Сергиева, Пафнутьево-Боровского монастырей и т.д. Однако на Соловках в 1582–1583 гг., в последние годы правления Ивана Грозного, стала реализовываться совершенно иная линия развития крепостного зодчества: стены и башни начали складывать из природного валунного камня с частичным применением кирпича. Своим обликом и прочностью эта фортификация резко выделилась среди своих многочисленных кирпичных современниц Московии. Соловецкая валунная крепость — особая страница в истории отечественного оборонного зодчества.

3.1. К истокам соловецкой валунной фортификации

Хотя с приходом на Русь итальянских зодчих кирпич резко вытеснил традиционный местный белый камень — известняк, тем не менее на Северо-Западе кирпичные крепости продолжали одновременно сосуществовать с перестроенными белокаменными крепостями Пскова, Изборска, Ладоги, Острова и отдельными крепостными сооружениями, возведенными из гранитного камня. Еще В. В. Косточкин отметил довольно широкое использование валунов ледникового происхождения в военном зодчестве Новгородской земли с XIV в. (Косточкин В. В., 1962).

В 1364 г. в городе Кореле (ныне г. Приозерск Ленинградской обл.) новгородский посадник Яков поставил крепостную башню: «в Корельскомъ городке посадникъ Яковъ постави костерьъ камень» (ПСРЛ, т. 16. 1889, стб. 90). Данное сообщение первоначально было отнесено к существующей каменной башне (Косточкин В. В., Драги А. А., 1963, с. 6). Однако вскоре археологически были выявлены остатки лето-

писного фортификационного сооружения эпохи Великого Новгорода. Это оказалась трапециевидная постройка со скругленной наружной стороной размером 7,2×9,5 м, сложенная из подтесанного гранитного камня с валунной забутовкой на известковом растворе. Стены толщиной 1,45 м сохранились на высоту от 1,6 м. Валуны в поперечнике 0,2–0,4 м использовались в фундаменте; они были уложены насухо на глубину 1,5 м (Кирпичников А. Н., 1978, с. 352–358; 1984, с. 129–133). Следует подчеркнуть высокий уровень мастерства валунной кладки той поры. Новгородские мастера уже в XIV столетии овладели способом обработки твердого гранита. Однако «Костер» Якова оказался единственной каменной башней в ряду деревянных укреплений новгородского города Корелы.

В том же XIV в. из больших валунов в поперечнике около 1 м была сложена насухо стена на Тиверском городке на р. Вуокса в Карелии. Ее ширина достигала около 4,5 м. Высота сохранившейся до настоящего

времени кладки с внешней стороны стены от подошвы до верха составляет 1,8–3,5 м, с внутренней стороны — до 0,8–1,5 м (*Кирпичников А. Н.*, 1984, с. 149).

В 1352 г. из небольших валунов на известковом растворе с лицевыми выравнивающими прокладками известнякового плитняка строилась крепость Орешек. Ширина открытой при раскопках стены составила 2,7–3,3 м. В высоту она сохранилась на 1,3 м. Размер валунов достигал в поперечнике 0,5–0,7 м. Стена имела фундамент из трех-четырех рядов валунов, уложенных не на растворе, а на глине. Подошва стены покоилась прямо на материковой глине (*Кирпичников А. Н.*, 1984, с. 102–105, рис. 43, 45–48).

В XV в. валун использовали также в качестве фундамента в Порховской крепости (*Кирпичников А. Н.*, 1984, с. 255). Тогда же крупные валуны применялись и для возведения стен Ладоги, которые снаружи обкладывали известняковыми плитами (*Кирпичников А. Н.*, 1984, с. 67). В основном из камней построили Гдовскую крепость (*Кирпичников А. Н.*, 2000).

В самом Великом Новгороде при строительстве крепостей валунные камни также использовались широко. Они были уложены в основании известковой стены посадника Федора 1335 г. (*Арциховский А. В.*, 1949, с. 133, рис. 10–11), в основании стен и башен Новгородского детинца конца XV в. Из валунов с кирпичом сложена Белая башня Окольного города Новгорода (*Монгайт А. Л.*, 1952, с. 14, рис. 1).

Валунный камень активно применялся в фортификации и в соседних землях, например в Великом княжестве Литовском. Замок Лида 1323 г. с выносными консолями на стенах сложен из мелких валунных камней. Кладка из небольших и средних валунов имеется и в основании стены Кревского замка рубежа XIII–XIV вв. Западная башня Верхнего замка 1419–1422 гг. в Вильнюсе включает валуны среднего размера. При возведении Тракайского замка в конце XIV — начале XV в. применялся мелкий и средний валун (*Беляев Л. А.*, 2005, с. 132–136, 142, 144).

Как видим, идея использовать природный валунный гранитный камень для Соловецкой крепости отнюдь не оригинальна. Валунный камень — лишь разновидность природного материала, которым

богата та или иная местность. В центральной части Новгородской земли валун редок. Для фортификации здесь был задействован в основном известняк, залежи которого стали разрабатываться со времен возведения в Новгороде первых христианских храмов. В Приладожье, Карелии, где валуны разбросаны в большом количестве, получил распространение тип валунных укреплений.

В Карелии традиция использовать валун при возведении оборонительных сооружений получила развитие во второй половине XVI в., во времена ее оккупации Швецией. Именно в Кореле спустя два столетия шведы построили более мощную и совершенную башню взамен «Костра» новгородского посадника Якова 1364 г. Это круглая двухъярусная каменная башня высотой 8 м и диаметром 16–18 м. Толщина стен первого яруса 4 м. Башня имеет огнестрельные печуры. В 1582 г. был заложен фундамент башни, а в 1585 г. строительство ее было завершено. Строилась башня шведским фортификатором Якобом ван Стенделем. По имени распорядителя работ ее называли башней Ларса Торстенссона (*Кирпичников А. Н.*, 1978, с. 352–358; 1984, с. 137). По нашим обмерам, в башне применен валун в поперечнике 0,3–0,5 м, максимум 0,7 м. Он укладывался уплощенной стороной наружу без особо строгого соблюдения рядности. При этом многие валуны были не целые, а обколотые. Именно плоской, обколотой стороной они и уложены по фасаду (ил. 1117–1118). Мы полагаем, что при возведении башни шведы вполне могли использовать валун от предшествующего «Костра» 1364 г. Строительство новой башни, надо полагать, было связано с необходимостью более совершенного укрепления, пригодного для пушечного боя.

Активное использование на Соловках валунного камня, несомненно, было северно-европейской, в первую очередь новгородско-псковской традицией. Своеобразие Соловецкого монастыря состояло в том, что применялся исключительно окатанный валун достаточно крупных размеров. Камни укладывались в четкие горизонтальные ряды и явно с предварительной подборкой по размерам. Обилие на острове валуна, превосходящего по твердости обожженную глину кирпича,

естественно, и предопределило его выбор в качестве основного строительного материала для Соловецкой крепости.

Обычный ледниковый окатанный валун на Соловках именовался «диким камнем». Данное определение впервые встречается в «Сказании о Соловецком монастыре» 1594 г.¹: «Велики город круг монастыря делан камнем дичем» (Мильчик М.И., 1988, с. 330). Затем термин, обозначающий валуны на Севере, постоянно упоминают монастырские описи. Приведем подборку.

Опись 1632 г.: «А около монастыря Соловецкаго град камен кладен камень дикой» (Опись СМ 1632 г., л. 158 об.).

Опись 1640 г.: «А около монастыря Соловецкого ограда каменна. Кладен камень дикой» (Опись СМ 1640 г., л. 151 об.).

Опись 1645 г.: «А около монастыря Соловецкого ограда каменная з башнями, построена в камени самород» (Опись СМ 1645 г., л. 172 об.).

Отписка 1674 г.: «башни и город кладены толсты из дикого большого камени» (Барсов Е.В., 1890, с. 102).

Опись 1676 г.: «Около Соловецкого монастыря город и башни каменные дикова камени» (Опись СМ 1676 г., л. 548).

Космография конца XVII в.: «Круг монастыря устроен город зело крепок толст из дикова камени» (Арсеньев Ю.В., 1911, с. 15).

Данный термин продолжал бытовать и в последующее столетие. О «диком камне» крепости писали капитан Я.Я. Мордвинов, посетивший монастырь в 1752 г. («А в стене и башни складен камень дикий, нетесаный»), и побывавший в 1772 г. на Соловках академик И.И. Лепехин (Мордвинов Я.Я., 1888, с. 16; Лепехин И.И., 1805, с. 68; 1822, с. 440). Термин был в ходу и в XIX столетии: «Как башни, так и стены, взгроможжены из неотесанных диких камней; по наружности видны некоторые камни в длину более трех маховых сажен, в вертикальную же толщину от 6 до 7 пяденей; из них прибраны ограненные, а посему легче один на другом лежащие» (Молчанов К.С., 1813, с. 278). Или — «Стены и башни монастыря, воздвигнутые из диких, чрезвычайно великих камней, представляют вид серый <...> Стены взгроможжены из неотесанных

серых камней» (Макарий, 1825, с. 2, 41); «стены из дикаго камня» (История, 1899, с. 56). Архимандрит Досифей писал о нетесанных серых камнях крепости (Досифей, 1836, ч. 1, с. 254).

Здесь следует отметить, что слово «дикий» могло употребляться не только в значении первозданного состояния в природе, но и для обозначения цвета: сероватого, серо-голубого (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1977, с. 245). Действительно абсолютное большинство камней Соловецкой крепости серого цвета или имеет его оттенок. При описании внешнего вида крепости архитектор О.Д. Савицкая отмечает «естественный серо-голубой цвет камня» (Савицкая О.Д., 1980, с. 81). Но при этом чрезвычайно редко, единично попадают камни и иных цветов и оттенков: красноватого, бежевого, коричневого и даже зеленоватого.

Безусловно, валуны для строительства крепости собирали в первую очередь вокруг монастыря. Поэтому и сейчас в радиусе одного-двух километров от обители не встретишь их скопления. Высказанная в литературе версия о привозе камней с Двины (Тихомиров М.Н., 1962, с. 269) абсурдна. Возможно, М.Н. Тихомирова ввели в заблуждение сообщения о привозе с Двины известняка. Известно, что в 1585 г. между деревнями Паниловым и Ступиным, в 30 верстах от Холмогор вверх по Двине, у Орлеца, монастырь выпросил «для монастырского церковного строения и городского дела» четыре версты пустого места, «где камень белый известный ломаты и лес на дрова сещи и известь жещи» (Ключевский В.О., 1866–1867, с. 567; 1990, с. 25).

Успешное использование каменной кладки в крепостном строительстве было подготовлено предшествующим опытом. Кладка рядов подобранных валунов, причем обработанных, была освоена в 1552–1566 гг. на Соловках еще при сооружении достаточно высоких цоколей Успенской церкви с трапезной палатой и Спасо-Преображенского собора (ил. 1119). Также при игумене Филиппе были построены садки для морской рыбы, когда с помощью валунной дамба перегородили небольшой морской залив (ил. 1120). За 30 лет до начала возведения каменной крепости

¹ Датировка наша. См.: Буров В.А., Охотина-Линд Н.А., 2004, с. 156–157.

в монастыре была отработана техника доставки на расстояние и поднятие на небольшую высоту крупных валунов.

В отличие от фортификационных сооружений Северо-Запада, где использовали валун в поперечнике 0,5–0,7 м, но не более 1 м, на Соловках стали применять более крупный валун, а не только камни средних размеров. Наибольшие камни высотой 1,5 и длиной 2–3 м пошли на сооружение Никольской башни. В ее основании уложен и самый длинный валун — длиной 5,83 м и высотой 0,99 м (ил. 1121). Валун длиной 4,77 м, высотой 1,01 м и шириной около 1,3 м взгромодили поверх арки Святых ворот — как своеобразный символ мощи крепости (ил. 443). В 1790 г. военный инженер Васильев восхищался тем, что крепость «*построена из (самого) крупного (натурального) булыжного камня (невероятной величины)*» (Васильев, 1790 г., л. 19 — 19 об.).

Мощная валунная кладка крепости восхищала многих. В 1789 г. член Вольного экономического общества А. И. Фомин благоговел перед валунами размером более трех маховых сажен и высотой от 6 до 7 пядей весом более 500 пудов (Фомин А. И., 1797, с. 97), т. е. 8,15 т (16,3 кг × 500). Литератор П. П. Свиньин, посетивший Соловки в 1828 г., отнес крепость к «*первобытному циклопскому зодчеству*» (Свиньин П. П., 2001, с. 115–116). Путешественник Я. Н. Озерецковский в 1835 г. обратил внимание на «*огромный булыжник*», из которого сложена крепость (Озерецковский Я. Н., 1836, с. 25). В 1859 г. другой писатель о стене монастыря отзывался: «*...стена его пестрела огромными камнями, неотесанными, беспорядочно вбитыми в стену, словно нечеловеческими руками и силою <...> Некоторые камни в длину более 3 маховых сажен, в толщину от 6 до 7 четвертей; в некоторых более 500 пудов весу*» (Максимов С. В., 1884, с. 13; 1984, с. 119). Как видим, автор оказался знаком с книгой А. И. Фомина. Громадные камни крепости постоянно обращали на себя внимание приезжавших на Соловки (Владимирова А., 1894, с. 17).

Такое же восприятие крепости монастыря сохранялось и в последующие века. В «Краткой смете монастырским ветхостям» за 1815 г., составленной архимандритом Паисием с братией, фортификация именуется «*крепостной агромадой*» (Дело

1815 г., л. 4 об.). И даже сейчас, в XXI в., приезжающие на Соловки туристы и паломники не перестают удивляться многотонным валунам, уложенным в основании башен и поднятым на высоту 10 м.

Думается, уместен вывод, что **на отдельных участках Соловецкой крепости выполнена циклопическая кладка**. Для справки: удельный вес гранита 2,7 г/см³ (масса 2,7 т/м³). Указанные выше самые большие камни Никольской башни и Святых ворот могут весить соответственно около 14,2 т (583 × 90 × 100 × 2,7 г/см³) и 16,7 т (477 × 101 × 130 × 2,7 г/см³). Это почти в два раза больше, чем по А. И. Фомину. На этом фоне небольшие и даже специально расколотые валуны башни Корелы, возведенной шведами в 1582–1585 гг., просто меркнут.

О самой технике доставки крупных валунов на расстояние в источниках имеется лишь краткое упоминание. Автор «Сказания о Соловецком монастыре» непосредственно наблюдал, как валун «*человеку 200 или 300 едва волокут*» (Мильчик М. И., 1988, с. 330). Надо полагать, что здесь описан способ доставки наиболее крупных камней. Другой, рядовой способ подвоза камней установила М. Е. Ворожейкина. В 2006 г. в траншее, которую прокладывали под коммуникацию напротив Святых ворот, ею была выявлена брошенная и присыпанная землей сгнившая волокуша с полозьями, на которой лежал валун (Ворожейкина М. Е. рук., 2006, л. 11–12, л. 31–33). Невольно напрашивается вывод, что камни доставляли на объект зимой, а заготавливали их заранее осенью или летом.

Ни один источник не сообщает способ поднятия многотонных глыб наверх. Безусловно, эту сложную работу должны были проводить с использованием специальных механизмов, которые, как известно, привнесли в строительное дело Руси итальянцы, возводившие с XV в. московские храмы и крепости. Подъемные механизмы — вóрот (вал с рукоятями для вращения), роликовый блок (русский термин «белка»), подвешенный к неподвижной перекладине, — могли специально завезти на Соловки, а затем задействовать для подъема железных решеток в Святых и Никольских воротах. Блоки могли остаться и от строительства прежних каменных храмов.

Не исключен и более простой способ поднятия большинства камней наверх — волоком по наклонным деревянным конструкциям. В 2001 г. мы наблюдали картину, как шесть человек вручную достаточно быстро и легко погрузили валуны на борт машины. Изобретательные студенты заволокли десяток камней на высоту более 1 м по наклонным доскам с использованием веревок, привязанных к кожуху, который удерживал камень (ил. 1122). Устройство чем-то напоминало рогатку. Сзади валун подталкивали. В 2013 г. на острове Анзер для доставки бревен на верх горы Голгофы, где велось воссоздание гостиницы, была поставлена специальная наклонная конструкция (ил. 1123). Надо полагать, что в древности подобные наклонные бревенчато-дощатые конструкции могли использовать как для подъема камней, так и для мощных бревенчатых балок перекрытий Соловецкой крепости. Заметим также, что неоднократно с помощью веревок, рычагов и катков по наклонным плоскостям рабочим нашей Соловецкой средневековой археологической экспедиции также приходилось поднимать наверх из раскопа массивные валуны в поперечнике около метра. В их подъеме было задействовано около 10 человек. Архитектор-реставратор В. В. Сошин в устной форме высказал предположение, что для подъема камней могли применять толстые шкуры морских животных, предварительно смазывая наклонные плоскости животным жиром.

К идее использования на Соловках валуна в качестве основного строительного материала для крепости, имевшей протяженность более километра и толщину 5–8 м, должны были в первую очередь подтолкнуть огромные объемы строительства, требовавшие снижения трудозатрат и средств, а также сжатые сроки. Это, видимо, и стало основной причиной, почему отказались от кирпича, производство которого было налажено в 1552 г., за 30 лет до начала возведения крепости. Кроме того, кирпичная кладка потребовала бы огромного количества извести, быструю доставку которой на Соловки затрудняло островное положение монастыря, его удаленность от источников сырья. Известь надо было везти с далекой Северной Двины, да еще по беспокойному морю. Сто-

ила она недешево. Так, доставка одной ладьи извести, которую добывали на Двине, обошлась игумену Филиппу в середине 1540-х гг. в 4 рубля (Буров В. А., 2013, с. 84). Готовый же к укладке крупный валун существенно снижал ее потребление и тем самым удешевлял стройку. К тому же валунный камень являлся своеобразным блоком, готовым к укладке. Применение его опять-таки было экономически выгодно, поскольку в отличие от кирпича он создан самой природой. Себестоимость работ и трудозатрат при кирпичном производстве достигла бы колоссальных величин: огромные средства должны были уйти на добычу, транспортировку глины, формовку кирпичных брикетов, строительство мощных обжигательных печей, заготовку для этих печей дров и их подвоз, наконец обжиг кирпичей квалифицированными мастерами и перевоз продукции на стройку, оплату работы мастеров. Кирпичное строительство огромной крепости оказывалось бы крайне дорогостоящим, экономически затратным и более продолжительным. В условиях военного конфликта нельзя было затягивать эту стройку, тем более что на Беломорском севере строительство можно было вести всего четыре месяца в году — с мая до 1 октября по старому стилю (после Троицы до Покрова Богородицы).

Валунная крепость с шестью башнями для Руси XVI столетия — явление неординарное. Историк искусства В. В. Скопин пишет, что это — «единственная в своем роде валунная крепость» (Скопин В. В., Шенникова Л. А., 1982, с. 52). Исследователь прав, хотя в ее появлении была и некая закономерность. В конце XV — XVI в. русская архитектура испытала необычайный взлет, бурно развивалось каменное зодчество. Именно в это время появились шедевры, которые современные историки искусства не могут вписать в выстраиваемые ими эволюционные ряды. По замечанию М. А. Ильина, в это время новые типы, новые формы, новые декоративные элементы словно извлекались зодчими из неведомого источника. Многие сооружения оказались настолько самостоятельными и оригинальными, что их невозможно сопоставить с предшественниками (Ильин М. А., 1977, с. 286). Очевидно, шедевры и возникают скачкообразно, как

прорыв к неведомым ранее высотам архитектурной мысли, фантазии. К таким произведениям зодчества, разрушающим каноны и создающим неповторимый, необычайно яркий художественный образ, следует отнести и крепость Соловецкого монастыря, не вписывающуюся в привычные узкие рамки времени.

Применение гранитного камня в соловецкой фортификации придало стенам и башням необычную прочность, что было отмечено в 1790 г. инженером-подпоручиком Васильевым: «крепость окружена твердейшими каменными стенами» (Васильев, 1790 г., л. 19). Это решило проблему непробиваемости, незыблемости стен и башен, свело на нет тактику создания проломов в стене путем их обстрела и подрыва. К тому же подкопы под Соловецкую крепость затрудняло крайне плотное материковое основание — серая супесь, перемешанная с валунами. Эту супесь с превеликим трудом берет лопата.

Надо полагать, на Соловках не сразу пришли к мысли о необходимости значительной толщины стен в основании стен и башен — от 5,7 до 8 м. Второе по счету прясло к югу от Рыбных ворот, выполненное, как мы считаем, в 1583 г. Иваном Михайловым, было спроектировано и сделано тоньше — до 4,84–5,5 м. Замена этого зодчего Трифоном Кологривовым в 1584 г., возможно, не была случайной. Другим стенам была задана бóльшая мощь. Причиной тому, на наш взгляд, послужили события 1582 г., произошедшие в Пскове — пролом крепостной стены во время осады Пскова войсками Стефана Батория (Ласковский Ф. Ф. 18586, с. 233–236). Это яркое,

трагическое и в то же время поучительное событие попало во многие летописи. Героическая оборона Пскова была воспета в «Повести о приходе Стефана Батория на град Псков» (*Повесть*, 2005, с. 534–607). Об осаде Пскова сообщал и Соловецкий летописец: «Подо Псков приишол король летовъской Стефан и стоял у Пскова до Рождества» (Корецкий В. И., 1981, с. 240). Недочеты Псковской крепости необходимо было срочно преодолеть.

Таким образом, **соловецкая валунная фортификация пребывала в русле тенденций всей древнерусской архитектуры и общеевропейской линии развития крепостного строительства, когда одной из первоочередных задач было решение проблемы непробиваемости стен, усиление их толщины.** Как показала практика обстрела ядрами из пушек Соловецкой крепости в 1670-х гг. во время «Соловецкого сидения» и в 1854 г. более совершенными снарядами английских корабельных орудий, толстые гранитные валунные стены гарантировали свою непробиваемость. Для сравнения можем привести печальную судьбу крепости Гдова в Псковской земле. В 1614 г. за полтора месяца ее осады шведскими войсками в валунно-известняковой стене было сделано семь проломов шириной около 4 м, а две башни были «збиты до основания» (Кирпичников А. Н., 2000, с. 17).

Напомним, что гранит с полнокристаллической зернистой структурой и массивной текстурой имеет прочность 6–7 единиц по Моосу (у алмаза 10 единиц), в то время как прочность известняка колеблется в пределах 1–5 единиц.

3.2. Прямые аналоги Соловецкой крепости

Порожденная своей эпохой, крепость Соловецкого монастыря не могла не вобрать и растворить в себе многие фортификационные достижения своей и предшествующих эпох. Для крепости Соловецкого монастыря был взят план пятиугольника, который позволил удачно охватить и заключить в себя практически весь монастырь со всеми культовыми, жилыми и основными жизненно необходимыми хозяйственными постройками,

в том числе мельницу, сушило, мельничные амбары, поварню, квасоварню. Более того, с севера была прихвачена дополнительно пустующая резервная территория на возвышенности. На ней в начале XVII в. возвели Иконописную палату (1615 г.), затем Портную (Чоботную) палату (1642 г.). События конца XVII в., когда монастырь противостоял царскому войску во время «Соловецкого сидения», ярко продемонстрировали способность данной фортифи-

кации выдерживать не просто длительную, а многолетнюю осаду.

Соловки — регулярная крепость, укрепление с множеством башен. Размещенные по углам фланкирующие, вынесенные за плоскость стен многоярусные башни предназначались для круговой пушечной обороны, что является характерной чертой каменных крепостей XVI в. (*Косточкин В. В.*; *Алешковский М. Е.*, 1971, с. 37; *Носов К. С.*, 2003, с. 61). Впрочем, появление на Северо-Западе нового типа многобашенных каменных крепостей с фланкирующими башнями относится еще к середине XIV столетия (*Кирпичников А. Н.*, 1984, с. 101). Увеличивалась полезная площадь фасадов башен, и умножалось количество бойниц. В толще прясел размещались многочисленные печуры подошвенного боя, а по верху стен — еще большее количество бойниц ручного боя. Огонь из башен в сочетании с фронтальным огнем со стен создавал на подступах к крепости сплошную зону поражения неприятеля. С напольных сторон доступ к стенам преграждали рвы.

Наши поиски аналогов Соловецкой крепости достаточно быстро привели к двум крепостям Новгородской земли — Ладожской и крепости Орешек (ил. 1124–1125). Ладога располагалась на водном пути из Поморья в Великий Новгород, куда часто ездили с Соловков по церковным и хозяйственным делам, а Орешек — на ответвлении этого пути в Балтику. Налицо явное и неслучайное сходство в планировке, ее заимствование. Это и общий план в виде вытянутого заостренного пятиугольника, и преобладание круглых, выступающих за прясла башен, и присутствие единственной прямоугольной башни. На Соловках, как и в Орешке, даже водный рукав оказался заключен в крепость и под ее стенами.

Что же касается печур нижнего боя, то они более похожи на печуры башни в Кореле постройки 1582–1585 гг. Такие же широкие высокие камеры, свод которых выложен из кирпича. Отличие же состоит в разном характере кладки: в Кореле все кирпичи свода печур уложены тычком вертикально (ил. 1118), а на Соловках всюду отмечена техника ритмичного чередования тычков и ложков в одном ряду.

Сочетание валунной кладки стен с кирпичными сводами бойниц, возможно,

восходит к шведской башне в оккупированной Кореле. В то же время использование кирпича на Соловках в сводах пушечных бойниц вполне закономерно: валун для этой цели не годился, да и техника кирпичных сводов печур в кирпичных крепостях Московии существовала в XVI в. практически повсеместно. В Соловецкой крепости мы впервые для русской фортификации наблюдаем комбинацию этих двух материалов.

Типичным для фортификации своего времени было максимальное использование рельефа местности. Так, крепость Орешек воспользовалась всеми преимуществами своего островного положения, и береговая полоса у стен здесь сделана минимальной. При сооружении Соловецкой крепости было учтено удачное расположение монастыря между двумя водными преградами — морской бухтой и озером. На данных участках с востока и запада крепостные стены заметно отдалили от собственно монастырской застройки, ближе к морскому заливу и к берегу Святого озера. При сужении береговой полосы территория крепости и монастыря оказалась существенно расширена; в нее были включены разбросанные хозяйственные постройки. Так, внутри новой ограды образовались два новых хозяйственных двора — северный и южный. Данная обширная незастроенная территория внутри крепости позволяла укрыть окрестное население в случае опасности. Одновременно перенос укреплений на северную возвышенность позволил заполучить для обороны монастыря стратегическую господствующую высоту над местностью. Вынос Белой башни в южном направлении приближенно к другой возвышенности исключал саму возможность для противника закрепиться на этой высоте и использовать ее для постоянного обстрела монастыря.

Как у других русских крепостей, у Соловецкой имелись рвы с напольной стороны. В данном случае их было два — с северной и южной сторон. Но особенность проявилась и здесь в обкладке стен рвов естественным материалом — валунными камнями. Крепостные рвы на Руси в XVI–XVII вв. делали в основном земляными, без каменных одежд. Исключением являлись два рва Московского

(1508 г.) и Коломенского (1521–1531 гг.) кремлей (Носов К. С., 2013, с. 120). Соловецкая крепость демонстрирует третье исключение.

«Устав ратных дел» предписывал параметры рвов в шагах: *«А рвы делаются шириною въ верьху шеснатцаши шаговъ, а въ почве четырнатцати шаговъ, а въ глубину четырехъ шаговъ, а делаютъ такие рвы во Италии»* (Радишевский А. М., 1781, § 36, с. 96; Носов К. С., 2013, с. 120). Если принять, что шаг соответствует примерно одному аршину (0,71 м), то параметры рва должны быть:

ширина по верху 16 шагов, или $0,71 \times 16 = 11,36$ м;

ширина по низу 14 шагов, или $0,71 \times 14 = 9,94$ м;

глубина 4 шага, или $0,71 \times 3 = 2,13$ м, т. е. сажень.

По данным археологии, параметры северного сухого рва Соловецкой крепости вполне соотносятся с требованиями устава. Напротив Никольской башни ширина рва по верху равна 12 м, по низу 8,5 м, глубина же превышена в полтора раза (3,5 м). Напротив Кoroжной башни ширина рва по верху равна 8 м, по низу 6 м, т. е. они немного занижены; зато глубина превышена в 1,8 раза (3,9 м). По центру ширина рва по верху равна 15 м, по низу 7 м, превышение глубины в 1,4 раза (3 м).

Длинные захабы, имевшиеся в крепостях Новгородской земли, были трансформированы на Соловках в небольшие валунные откосы наклонной треугольной формы. Они присутствуют при проходных башнях Белой, Кoroжной, Сушиле и при главном проезде Никольской башни. Откосы прикрывали проходы ворот, делая их более безопасными для входа, выхода, проезда. Это полностью соответствовало наставлению «Устава ратных дел» 1621 г. об организации защиты ворот: *«...да сметить мочно ль ворота делати, что въ ихъ стрельбою не утеснити, и во время приходу мочно ль безъ вреды выезжати и въезжати»* (Радишевский А. М., 1781, § 36, с. 93).

Неповрежденными сохранились только откосы при Белой и Никольской башнях. У последней между откосом и крепостной стеной спустя некоторое время после завершения строительства была встроена Стрельница. Об этом свиде-

тельствует наличие пушечной печуры на 2-м ярусе Никольской башни, размещенной со стороны Стрельницы. Потом она оказалась лишней. Откос при Кoroжной башне деформирован, очевидно, из-за подвижки основания на природном склоне. Как отмечалось, откос при Сушиле до нашего времени дошел в сильно руинированном виде, но его формы были определены в ходе археологического исследования.

Двое главных ворот Соловецкой крепости (Святые и в Никольской башне) были снабжены типичными герсами — железными решетками, которые поднимали и опускали с помощью воротов. Прочие ворота располагались в толще прясел и с двух сторон запирались толстыми деревянными двустворчатыми воротными полотнищами. Внешние полотнища снаружи были окованы железными пластинами — по́лицами. Внешние двери изнутри запирались мощным горизонтально уложенным засовом — бревном квадратного сечения. Этот засов убирался на всю свою длину в специальный канал, расположенный в толще крепостной стены. В случае необходимости засов вытаскивали, укладывая в специальные железные петли, укрепленные на створах ворот.

Сами ворота представляли собой особое сооружение в толще крепостной стены наподобие палатки, завершающейся сводом. В центре свода размещалось специальное отверстие квадратной формы (люк) для ведения огня.

Вдоль крепостных стен изнутри имелся обязательный свободный проход, обеспечивавший доступ и быстрое перемещение воинов к бойницам подошвенного боя. По верху стен размещался характерный боевой ход (замкнутая обходная галерея) для кругового обхода, перемещения и концентрации сил на наиболее опасных участках.

Как уже отмечалось в литературе, бойницы башен Соловецкой крепости размещены по вертикали с некоторым смещением в шахматном порядке на различных уровнях, по системе так называемой «перебежки» (Бартенев И. А., 1969, с. 7). Это позволяло держать под обстрелом всю прилегающую территорию. В башнях наряду с бойницами имелись глухие, очевидно, пороховые камеры для хранения боеприпасов и запасов пороха (Максимов П. Н.,

Свирский И.Я., 1958, с. 115). Размещение камер следующее:

Архангельская, Никольская, Стратилатовская, Успенская башни — на 2-м ярусе;

Корожная башня — на 1-м и 2-м ярусах;

Белая башня — на 2-м и 3-м ярусах.

Как видим, в четырех башнях было только по одной камере на 2-м ярусе, а в двух башнях — на севере и юге, являвшихся важнейшими в обороне, имелось по две камеры.

Одна из характерных черт Соловецкой крепости состоит в том, что башни и стены имеют не просто расширение в основании, а существенное расширение. Археология выявила нижний цокольный ряд валунов, заметно выступающих наружу. В настоящее время эти камни не видны, так как скрыты наросшим слоем земли. Кверху стены башни заметно зауживаются — наподобие конуса с усеченной макушкой. Для многих же московских кирпичных крепостей XVI в. сужение башни к вер-

ху не столь заметное; здесь многие башни вертикальные или до середины высоты имеют легкий уклон вверх. Совершенно очевидно, что на Соловках более выразительный профиль башен был продиктован в первую очередь самим материалом — валуном, который более «рассыпчат» и кладка которого требовала более тщательной перевязки, чем известняковые плиты, имеющие большую площадь сцепления. Кладка рядов валунов уступом придавала крепостным стенам большую устойчивость. Прав Г.А. Богуславский, рассматривавший такой тип кладки как конструктивный прием, призванный обеспечить всему сооружению надежный запас прочности (Богуславский Г.А., 1966, с. 58). Впрочем, многие исследователи отмечают, что наклонность стен — вообще характерная черта соловецкого каменного зодчества XVI столетия: кирпичные стены Успенской церкви и Спасо-Преображенского собора, возведенные незадолго до крепости, с 1552 по 1566 г., также наклонны.

3.3. О ХАРАКТЕРЕ ИНЖЕНЕРНО-СТРОИТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ВОЗВЕДЕНИЯ КРЕПОСТИ

Большой интерес представляют аспекты, связанные с инженерным искусством возведения Соловецкой крепости: характер фундамента, технология валунной кладки стен и башен, техника зачеканки наружного межвалунного пространства. По данным вопросам в литературе высказаны неоднозначные мнения.

3.3.1. ФУНДАМЕНТ СТЕН И БАШЕН

Первое упоминание о фундаменте Соловецкой крепости встречаем в «Сказании о Соловецком монастыре» конца XVI в.: «Велики город круг монастыря делан камнем дичем, на потшве кладен камень великой» (Мильчик М.И., 1988, с. 330). Слово «потшва» («пошва») имеет несколько значений: 1. Подошва, подметка (обуви); подошвенная кожа. 2. Фундамент, основание, подошва. Из приведенных в Словаре древнерусского языка XI–XVII вв. примеров следует, что главное значение этого слова —

основание, подошва: «Въ толщину земленой валь въ пошве 4 сажени, а вышина земленого валу 2 сажени»; «...столп каменной у Лобнова места, и по государеву указу сломали до пошвы» (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1992, 18, с. 82). Таким образом, согласно Сказанию, при строительстве Соловецкой крепости крупные валуны ее основания были уложены поверх земли без заглубления. К этому добавим, что архимандрит Макарий без ссылок на источник также писал о стенах крепости, «твердо стоящих на каменной почве» (Макарий, 1825, с. 39–46, 77–78).

Между тем первое графическое изображение фундамента Соловецкой крепости, представленное на чертежах и рисунках 1790 г. инженера-подпоручика Васильева, отмечает под пряслами и башнями платформы в материковой траншее (ил. 16, 19). В соответствии с масштабом чертежа при переводе сажени в метры мощность фундаментов стен и башен должна составлять примерно 0,6–0,8 саж., или 1,3–1,7 м (1 саж. = 2,13 м).

Первую попытку изучения фундамента крепости осуществил в середине 1950-х гг. архитектор И.Я. Свирский. По результатам шурфа, заложенного на участке стены между Успенской башней и Рыбными воротами внутри монастыря, он заключил: *«Глубина заложения фундамента крепостной стены превышает 2,5 м при высоте, колеблющейся от 8 до 11 м»* (Максимов П.Н., Свирский И.Я., 1958, с. 114–115, рис. 6). Однако шурф И.Я. Свирского пришелся на участок прясла, где в начале 2000-х гг. в Настоятельском раскопе нами была выявлена мощная подсыпка 1924/1925 гг. Крепостная стена здесь просто «утонула» в строительном мусоре.

В 1961–1962 гг. к изучению технического состояния фундаментов крепости со стороны Святого озера приступила архитектор-реставратор НИПМ ВПНРК О.Д. Савицкая. Рядом со стенами и башнями Пристенка стали закладываться шурфы (ил. 1126). Предполагалось два возможных варианта фундамента Соловецкой крепости: из заглубленных в землю валунов или в виде деревянных свай. Однако *«во многих местах глубина заложения шурфов делалась незначительной в пределах позднего насыпного слоя, границы подошвы фундамента не определились из-за наличия в шурфах валунных кладок или высокого уровня грунтовых вод»*. Но некоторые важные наблюдения всё же удалось сделать. Так, в шурфе 1 — 1961 г. размером 1,2×2 м, заложенном на глубину 0,9 м в углу между восточной крепостной стеной и южной стеной со стороны Поваренной башни, был прослежен насыпной грунт — земля с битым кирпичом. При этом *«фундаментов, как таковых, либо свай не обнаружено* (выделено мною. — В.Б.). *Кладка стен идет на всю глубину заложения шурфа <...> Подстилающим слоем под кладку стен служит песок иловатый, черный»*. Кладка оказалась в плохом состоянии: отдельные валуны выпали, структура кладки оказалась нарушена (Савицкая О.Д. рук., 1965, л. 3–4). Шурф 2 — 1961 г. размером 1,5×2 м и глубиной 1,2 м у северной стены Поваренной башни с внешней стороны дал практически такую же картину. Различие лишь в том, что *«подстилающим под стены слоем служит песок с щебнем»*. Полностью аналогичная картина оказалась в шур-

фе 3 — 1961 г. у южной стены Квасоваренной башни снаружи.

В шурфе 13 — 1961 г. размером 1,3×2 м и глубиной 1,2 м с внешней южной стороны Архангельской башни рядом с пряслом фундамент также не был обнаружен: *«Глубина заложения 1,2 м от земли. Ниже кладка не обнаружена. Сваи не найдены. Грунт на глубину 1,15 м насыпной. Подстилающий слой под стены — черный илистый песок»*. Симметрично расположенный с северной стороны Архангельской башни шурф 13а — 1961 г. докопать до основания стен помешала грунтовая вода. В шурфе 9 — 1961 г. (1,2×2 м, глубина 1,2 м) у восточной стены внутри крепости напротив Казначейской палаты, к югу от Рыбных ворот, обнаружилась засыпка из валунов, закрывшая доступ к самой стене, ее основанию (Савицкая О.Д. рук., 1965, л. 4–8).

В 1970 г. у стен и башен крепости О.Д. Савицкая наметила 13 шурфов (шурфы 1, 2, 10, 11, 26, 27, 31, 50, 53, 54, 55, 58, 61); из них шурфы 10, 11, 31 не состоялись. Остальные разрытия не могли принести информации о фундаменте крепости, так как они осуществлялись для проекта вертикальной планировки и должны были установить лишь мощность мусора, накопившегося после упразднения монастыря. Со временем предполагалось раскрыть крепостные стены *«от поздних наслоений грунта до первоначальных отметок»* (Савицкая О.Д. рук., 1970б, л. 2–24). Под первоначальными отметками подразумевался уровень земли монастырского времени, а под поздними наслоениями — мусор советского периода, коего накопилось достаточно много. Большинство печур было засыпано почти до сводов. На мельничном дворе мощность свалки доходила до 2 м.

Дальнейшую шурфовку на территории Соловецкой крепости по заданию архитектора-реставратора стали осуществлять начинающие археологи. Шурфы 4 и 5, выкопанные в 1971 г. Е.А. Толмачевым на месте старых шурфов 1 — 1970 г. и 2 — 1970 г., не смогли принести новую информацию о крепости, так как они копались до прежних отметок (Толмачев Е.А. рук., 1972). В 1974 г. археолог Н.В. Сапожников заложил шурфы 16 и 17 внутри и снаружи печуры № 59 к западу от Сушила, а также шурф 15 в печуре № 3 к северу от Страти-

латовской башни². Описание фундаментов в обоих случаях было дано «под копирку»: *«Фундамент состоит из огромных валунов. Валуны поставлены один на один. Пространство между ними заполнено более мелкими камнями и кирпичом, не связанными между собой раствором <...> Шурф до материка не докопан»*. Приводился всего один чертеж. Однако эти раскопки мало прояснили ситуацию, поскольку из текста отчета следует, что вместо фундамента описана стена, к которой примыкали напластования — земля темно-коричневого цвета, наполненная мусором (Сапожников Н. В. рук., 1974, с. 7–8).

В 1975 г. тот же исследователь копал шурфы 21, 22, 23, 24, 25, 27 у восточного и юго-восточного прясел, рядом с Белой башней и Сушилом (Сапожников Н. В. рук., 1975). Шурф 2 — 1975 г. размером 1,3×1,6 м располагался у крепостной стены рядом с печурой №47 напротив Новобратского корпуса: *«Фундамент состоит из крупных валунов, пространство между которыми заполнено мелкими камнями и битым кирпичом. Валыны фундамента не связаны между собой раствором. Материк — глина сероватого цвета с мелкой галькой»*. Однако, как следует из приведенного им чертежа, и в данном случае вновь был описан не фундамент, а основание стены крепости, поставленное на материк. Шурф 22 — 1975 г. (1,8×1,8 м) рядом с печурой №45 не был докопан до материка. Только шурф 23 — 1975 г. (1,5×2 м) у западного фасада Белой башни оказался информативным: *«Фундамент Белой башни сложен из огромных валунов, не связанных между собой известковым раствором. Пространство между ними заполнено более мелким булыжником и землей»*. На чертеже шурфа показан фундаментный ровик глубиной 0,6 м, в который уложены сухо камни фундамента башни (ил. 1127: 1). Шурф 24 — 1975 г. (1,8×1,8 м) был отрыт перед входом в Белую башню со стороны Святого озера с единственной целью освободить проход от позднего мусора и раскрыть кирпичную закладку прохода ворот на валунном основании. До материка

шурф не доведен (ил. 1127: 2). Шурф 25 — 1975 г. (1,6×1,8 м и глубиной 2,4 м) в 24,7 м к юго-западу от Архангельской башни раскрыл водоотводный канал, проходящий под крепостной стеной от Святого озера. Выявлена засыпка землей с кирпичом, булыжником и известью. Устье канала оказалось заложено валунами и булыжником, не связанными раствором. В шурфе 27 — 1975 г. (1,8×1,8 м) у южного угла Сушила была отмечена следующая стратиграфия: *«В заполнении шурфа прослежено пять уровней древесного тлена мощностью от 6 до 10 см. Пространство между ними заложено строительным мусором. Вероятно, вокруг Сушила существовали какое-то время деревянные настилы. Между первым и вторым уровнями древесного тлена в юго-восточном углу шурфа прослежена прослойка жженой извести. Под первым уровнем настила идет земля коричневого цвета, не содержащая никаких примесей, за исключением большого количества валунов и булыжника. Здесь же прослеживается и основание фундамента Сушила. Фундамент представляет собой большой каменный блок, который выходит на поверхность. Под слоем чистой земли располагается материковый песок желтого цвета с включением булыжника и валунов»* (Сапожников Н. В. рук., 1975, с. 8). Из чертежа следует, что нижний камень основания стены Сушила уложен поверх земли, которая перекрывает материк (ил. 1127: 3).

В 1976 г. археологические исследования от НИПМ ВПНРК продолжил В. А. Буров (ил. 1128). Шурф 34 — 1976 г. (2×3 м) докапывался у крепостной стены на мельничном дворе рядом с печурой №62³. Было прослежено валунное основание стены крепости, поставленное на материк (ил. 1129). Заглубленного фундамента не оказалось и в шурфе 36 — 1976 г. (так условно названа траншея под ливневую канализацию шириной 1 м и длиной 51 м) с внешней стороны крепости от печуры №62 (Буров В. А. рук., 1976а, с. 7–8, 11–12) (ил. 1130). Прочие шурфы 1977 и 1978 гг. (52а, 53, 53а, 60, 61, 62, 78) между крепостной стеной и корпусами Святительским,

² Здесь и далее нумерация печур наша.

³ Шурф 33 — 1976 г. был заложен на месте шурфов 1 — 1970 г. и шурфа 5 — 1971 г., которые не были доведены до материка, а определили мощность современного мусора, который предстояло удалить. К 1976 г. данный мусор частично был убран, что позволило продолжить раскопки.

Благовещенским, Новобратским с учетом обнаружения булыжного мощения до материка специально не доводились⁴ (*Буров В.А.* рук., 1978, с. 22–23; рук., 1979, с. 4–7, 25).

В 1980 г. семь шурфов в Пристенке археолог П.М. Алешковский копал только до уровня булыжного мощения. Докопать их до материка помешал высокий уровень грунтовых вод (*Алешковский П.М.* рук., 1980). В том же году инженер Г.Б. Бессонов провел инженерно-геологические изыскания к югу от Рыбных ворот напротив Казначейской палаты. В шурфе 7 – 1980 г. (1,8×1,8 м, глуб. 1,8 м) и шурфе 8 – 1980 г. (1,5×1,5 м, глуб. 1,6 м) по обе стороны крепостной стены изучалось основание крепости, нижние валуны которой оказались не заглубленными в землю, а покоившимися на подушке из мелких камней с песком. Размер валунов в поперечнике 25–40 см, более крупных – 50–70 см. Подушка выступала вперед на 0,8 м с внешней стороны крепостной стены и на более чем 1,85 м со стороны монастыря (ил. 1131). Но данный участок не был характерным, и наличие подушки из камней под крепостной стеной здесь было конструктивно оправдано. Как отметил сам Г.Б. Бессонов, к югу от Рыбных ворот проходит трасса засыпанного ручья. Его русло было выявлено в ходе указанных изысканий (*Бессонов Г.Б.* рук., 1980). Отметим, что на чертеже 1790 г. инженера-подпоручика Васильева на этом месте с внешней стороны крепости показан подземный канал «на сводах», что до сих пор представляет загадку.

Таким образом, проведенные в 1961, 1962, 1970, 1971, 1974–1978, 1980 гг. выборочные исследования фундамента крепости показали его отсутствие у башен Квасоваренной, Поваренной, Архангельской и у юго-западного прясла рядом с печурой № 62. Исключение составила Белая башня,

имеющая с западной стороны небольшой заглубленный валунный фундамент. Под крепостной стеной напротив Казначейского корпуса оказалась валунно-песчаная подушка, выполнявшая роль дренажа на месте засыпанного ручья.

Учитывая неудовлетворительное состояние проблемы, мы в 1996 г. приступили к ее дальнейшему изучению. Исследование фундамента крепости осуществлялось попеременно как при целенаправленной закладке шурфов и траншей, так и в ходе охранных раскопок, наблюдений при прокладке траншей под коммуникации. Ставилась задача охватить по всему периметру все участки крепости. Характер основания стен и башен удалось установить в 29 новых раскрытиях. Для полноты картины к ним добавлены наши два шурфа 1976 г. (табл. 29: 30, 31) и траншея 1 – 2005 г. археолога М.Е. Ворожейкиной⁵ (табл. 29: 3).

Ниже приведем новые материалы раскрытий основания стен и башен крепости, заложенных по ее периметру. В таблицу добавлены сведения о мощности слоя и выносном цокольном валуне.

Прясло между Стратилатовской башней и сенями Святых ворот

1. *Траншея 7 – 2004 г.* (табл. 29: 1) шириной 0,6 м снаружи крепости предназначалась под электрический кабель, который выводился из печуры № 3 с территории монастыря (*Буров В.А.* рук., 2004, т. 2, с. 251–252, рис. 195). В ходе археологического надзора была установлена общая мощность слоя 0,85–0,9 м (ил. 1132). Первоначально за материк был принят желтый мелкозернистый песок. В него на 8 см утоплен нижний валун крепости, выступающий на 0,6 м за линию основной стены. Специального заглубленного валунного фундамента не обнаружилось. Как стало

⁴ Шурф 53 – 1977 г. между крепостной стеной и Благовещенским корпусом в 5,5 м не был доведен до материка из-за грунтовых вод. Шурф 52а – 1978 г. в печуре № 5 и шурф 53а в печуре 4 доведены до булыжного мощения под слоем мусора XIX–XX вв. Шурф 60 – 1978 г. – траншея длиной 6 и шириной 0,7 м между Святительским корпусом и крепостной стеной заходила в печуру № 2 западного прясла; была доведена до глубины 0,9 м, до слоя истлевшего дерева настила, который не имело смысла тревожить. Шурф 61 – 1978 г. – траншея длиной 7,9 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,7–1,1 м между Благовещенским корпусом и крепостной стеной заходила в печуру № 1 до слоя истлевшего дерева настила. Шурф 62 – 1978 г. – траншея длиной 5,2 м, шириной 0,7 м, глубиной 0,2–0,4 м между Святительским корпусом и крепостной стеной заходила в печуру № 3 до слоя истлевшего дерева настила. Шурф 78 – 1978 г. – траншея длиной 7,1 м, шириной 0,7 м, глубиной 1,1 м от Новобратского корпуса в сторону печуры № 49; в ней открыт верх деревянного настила.

⁵ Приношу глубокую благодарность М.Е. Ворожейкиной за возможность привлечь данный материал.

ясно из стратиграфии шурфа 2 — 2005 г., в соседней печуре №4 и в траншее 1 — 2005 г. (см. ниже), указанный желтый песок оказался не материком, а насыпным грунтом, которым засыпали существовавшую здесь болотистую низину. Выше него лежит темно-коричневый песок с заплатами земли (2–3 см), еще выше — засыпка желтого песка толщиной 0,3 м. Над ней — желтый песок со щепой, обломками кирпича, скорее всего, от строительства крепости (6–8 см). После окончания строительства слой земли у стены крепости вырос на 0,6 м. На такую величину было выше первоначально и само прясло. Затем поверх строительного мусора насыпали серый песок (10–12 см), а потом появилась темно-коричневая супесь с редкими кирпичами, очевидно, огородная земля, известная по гравюрам.

2. *Шурф 2 — 2005 г. в печуре №4* (табл. 29: 2). Печура вскрывалась широкой площадью (24 м²). Раскопки носили охранной характер в связи с прокладкой современных коммуникаций (Буров В.А. рук., 2006, с. 42–43, рис. 366–418). Ранее в центральной части печуры слой был уничтожен траншеей военных строителей 1953 г., а у амбразуры — археологическим шурфом 15 — 1974 г., который не был доведен до материка; при этом «заполнение шурфа» на всю глубину было охарактеризовано как земля темно-коричневого цвета, насыщенная строительным мусором (Сапожников Н.В. рук., 1974, с. 7–8, фото 14). В результате указанных земляных работ от культурных напластований вдоль северной и южной стенок печуры остались только два небольших фрагмента. Они и позволили установить изначальную стратиграфию в печуре (ил. 1133–1134). Укажем последовательность напластований сверху вглубь. Слой 1 — щепы традиционного дровяника (мощность 15–20 см). Слой 2 — строительная прослойка серого песка с кусками извести и битого кирпича (20–25 см). Слой 3 — темно-коричневая супесь с включением битого кирпича (18–22 см). Слой 4 — снова щепы дровяника, поверх и внутри которой находились остатки сгнившего деревянного настила 1-го яруса (условный слой 5). Слой 6 — светло-желтый и серый песок под настилом и щепой (10–15 см). Ниже — остатки 2-го яруса истлевшего деревянного насти-

ла. Слой 7 — серо-желтый или темно-желтый песок с очень редкими фрагментами битого кирпича — подсыпка толщиной 10–20 см, очевидно, от строительства крепости. (Отсюда мощность выросшего слоя после завершения возведения крепости составила в пределах 0,65–0,8 м.) Слой 8 — черный гумусированный слой с истлевшей щепой (4–5 см). Ниже — рыжий зернистый песок (8–10 см). В специальном зондаже 1 глубиной 0,75 м под рыжим песком залегали две подсыпки: чистый желтый песок мелкозернистый (0,5–0,6 м), ниже — серый плотный песок (0,1 м), еще ниже — слой влажного торфа, органики черного цвета (2–4 см), под которой — природная плотная серая супесь. Валунные стены печуры были уложены на подсыпку желтого песка. Фундамента не оказалось. В песчаной подсыпке был проложен каменный водосток (ил. 1135).

3. *Траншея 1 — 2005 г.* (табл. 29: 3) снаружи крепости напротив печуры №4 наблюдалась М.Е. Ворожейкиной. Здесь, на участке А (2,5×2,5 м), непосредственно под стеной в современной канализационной траншее, обнаружилась надгробная плита архимандрита Фирса Шарапова († 1718). Она «располагалась точно под крепостной стеной и несла нагрузку валунной кладки» (Ворожейкина М.Е. рук., 2006, с. 10–12). На приведенном чертеже профилей участка А траншеи четко показано, что нижние валуны стены уложены поверх мелкозернистого песка мощностью 0,45–0,65 м (ил. 1136). Этот песок явно насыпной. Он в свою очередь покоится на каком-то торфянистом отложении, покрывающем плотную серую супесь, обозначенную как материк. При общей мощности антропогенного слоя 1,25 м верхние 0,5 м накопились после завершения крепости. Нижний валун выступает по отношению к верхним камням на 0,4–0,5 м.

Прясло между сенями Святых ворот и Успенской башней

4. *Раскоп 1 — 2001 г. к северу от сеней* (табл. 29: 4) был подведен к восточному фасаду крепостной стены. Валунное основание стены было вскрыто напротив амбразуры печуры №6 (Буров В.А. рук., 2001, с. 33–37, рис. 138–139, 157–158). Это массивный валун высотой 1,1 м, выступающий

Археологическое исследование фундамента крепости в 1996–2014 гг.

№ п/п	Объект крепости	Траншея, шурф, раскоп, № по отчету с указанием года раскопок и местоположения	
1	Прясло между Стратилатовской башней и сенями Святых ворот	Траншея 7 – 2004 г. снаружи, напротив печуры № 3	
2		Шурф 2 – 2005 г. в печуре № 4	
3		Траншея 1, участок А – 2005 г. снаружи, напротив печуры № 4	
4	Прясло между сенями Святых ворот и Успенской башней	Раскоп 1 – 2001 г. к северу от сеней Святых ворот, снаружи у стены	
5		Шурф 2 – 2006 г. в печуре № 10	
6	Успенская башня	Траншея 9 – 2004 г., южный фасад башни, напротив печуры	
7		Шурф 3 – 2006 г., западный фасад башни	
8		Раскоп 3 Настоятельский – 2005 г., северный фасад башни в монастыре	
9	Прясло между Успенской башней и Рыбными воротами	Раскоп 3 Настоятельский – 2005 г., восточный фасад	
10		Шурф 5 – 2014 г., восточный фасад	
11		Шурф 4 – 2014 г., западный фасад	
12		Раскоп 4 Настоятельский – 2006 г., печура № 13, раскрытие водостока	
13		Шурф 1 – 2006 г., западный фасад, напротив печуры № 14	
14	Рыбные ворота	Траншея 11 – 2004 г. снаружи ворот, раскрытие	
15		Траншея 12 – 2004 г., внутри ворот	
16	Прясло между Рыбными воротами и Корожной башней	Шурф 3 – 2014 г., восточный фасад, напротив печуры № 17	
17	Корожная башня	Траншея 2 – 1996 г., расширение у северного фасада	
18	Прясло между башнями Корожной и Никольской	Траншея 3 – 1997 г., расширение у северного фасада	
19	Никольская башня	Траншея 1 – 1996 г., расширение у северного фасада	
20	Прясло между Никольской башней и Пристенком	Шурф 2 – 2014 г., восточный фасад	
21	Прясло между Пристенком и Архангельской башней	Шурф 1 – 1999 г., восточный фасад напротив северной палатки тюрьмы	
22		Траншея 1 – 1998 г., восточный фасад, расширение напротив печуры № 47 тюрьмы	
23		Шурф 2 – 1999 г., восточный фасад напротив строительного шва	
24	Прясло между башнями Архангельской и Белой	Раскоп 10 Новобратский, участок В – 2001 г., западный фасад, рядом с печурой № 50	
25	Белая башня	Траншея 1 – 2013 г., юго-восточный фасад, напротив печуры № 53	
26		Шурф 1 – 2005 г., у ворот со стороны озера	
27	Прясло между Белой башней и Сушилом	Раскоп 1 – 2002 г., участок у северного фасада Сушила	
28	Прясло между Сушилом и Стратилатовской башней	Траншея 5 – 2004 г. снаружи у южного фасада прясла, напротив печуры № 59	
29		Траншея 4 – 2004 г., в печуре № 59	
30		Шурф 34 – 1976 г. со стороны монастыря рядом с печурой № 62	
31		Шурф 36 – 1976 г. снаружи прясла напротив печуры № 62	
32		Шурф 1 – 2014 г. у юго-западного фасада, в примыкании к башне рядом с печурой № 64

Таблица 29

и корректировка изначальной высоты ее стен

Размеры, м	Общая мощность слоя, м	Мощность подсыпки (м) после строительства крепости	Вынос нижнего валуна по отношению к стене, м
Ширина 0,6	0,85–0,9	0,6	0,6
24 м ²	1,5	0,65–0,8	–
2,5×2,5	1,25	0,5	0,4–0,5
1×5 + 1,5×2 (18 м ²)	1,3	0,55	0,65
3,6 – 4,4×6 (24 м ²)	1,5	1,0	–
Ширина 0,8	1,0	0,8	–
0,3×1,0 (0,3 м ²)	1,2	0,9	0,3
85 м ²	2 м	0,3	–
85 м ²	2 м	0,3	–
1,0×1,5 м (1,5 м ²)	0,65	>0,65	–
1,0×2 м (2 м ²)	1,2	0,9	0,2–0,4
1,8×5,8 м (10,4 м ²)	1,2	–	–
2,3×2,3 (5,3 м ²)	0,5	–	–
2,9×2,65 (7,7 м ²)	1,04	0,5	–
Ширина 0,8	1,0	0,45–0,5	–
1,0×1,8 (1,8 м ²)	0,6–0,8	0,45–0,6	0,5–1,0
1,1×1,7 (1,9 м ²)	1,1–1,3	0,2	0,7
0,9×1,5 (1,35 м ²)	0,9	0,12–0,18	–
1,3×1,5 (1,5 м ²)	0,7–1,0	0,3	–
1,0×1,6 (1,6 м ²)	0,5–0,9	0,7	0,4
2,0×2,5 (5 м ²)	2,02–2,07	1,6	0,9
0,6×9,0 (5,4 м ²)	1,8	1,6	1,4
2,0×2,5 (5 м ²)	>1,56	1,4	1,1
4,1×10 (41,0 м ²)	1,9	1,1	–
1,0×5 (5 м ²)	0,5	0,5	0,2
3,5×6,0 (21 м ²)	1,1	0,7	–
2,0×10,0 (20,0 м ²)	0,3	0,3	0,2
Ширина 1,0 м	1,26	0,9	~0,7
0,8×5,0 (4,0 м ²)	0,7–0,8	0,7–0,8	–
2,0×3,0 (6,0 м ²)	1,2	1,0	–
1,0×4,0 (4,0 м ²)	0,85	0,8	0,55
2,0×2,65 (5,3 м ²)	0,5–0,9	0,35 (прясло); 0,65 (башня)	0,4 (прясло); 0,5 (башня)

на 0,65 м от основной валунной кладки. Под край валуна подоткнут камень (ил. 1137). Материк — серая супесь. Поверх него — рыжий песок с крупной галькой. Выше — черный гумусированный слой, отложившийся после строительства. Общая толщина выросшего слоя после окончания строительства крепости 0,55 м.

5. *Шурф 2 — 2006 г.* (табл. 29: 5) вскрыл всю площадь печуры № 10. Раскопки осуществлялись в связи с прокладкой канализационной трубы. Мощность напластований 1,5 м (*Буров В.А.* рук., 2006, с. 15–23, рис. 128–227). Выявлено семь слоев, из них пять верхних позднего времени (ил. 1138). Слой 1 — современный мусор (20 см). Слой 2 — темно-коричневая супесь с обломками кирпичей, кусками извести (13–30 см). Слой 3 — перепревшая щеп дровяника с корой и с обилием обломков кирпичей (15–20 см). Слой 4 — темно-коричневый песок со щепой дровяника, корой, битым кирпичом (до 25 см). Слой 5 — темно-коричневая супесь с большим включением извести, линзой желтого песка от ремонта здания (7–15 см). Слой 6 — щеп дровяника с незначительными осколками кирпича (до 45 см). В этом слое оказались остатки сгнивших разрушенных четырех настилов. Слой 7 — подсыпка: серый, желтый, серо-желтый и пегий песок разной мощности. У бойницы следует засыпка из крупных камней с песком толщиной 0,9 м. У северной стены печуры песок толщиной 0,23 м включает три ряда камней. У южной стены песок мощностью 0,4 м без камней, но с включением глины, простой и прокаленной, а также куском бревна. Всё это — строительная засыпка конца XVI в., времени сооружения крепости. В юго-западном углу поверх песка тонкая прослойка строительного мусора из осколков кирпичей и извести. Мощность напластований после возведения крепости 1 м. Материк — серый плотный песок, заметно падающий в сторону амбразуры. Нижний валун под амбразурой лежит на сером песке, не касаясь материка. Со стороны печуры он присыпан тем же слоем 7, но с валунчиками. Фундамент стены крепости отсутствует.

Успенская башня

6. *Траншея 9 — 2004 г.* (табл. 29: 6) предназначалась для ввода снаружи кабеля в южную бойницу башни. В профиле траншеи, примыкавшей к башне, отмечены напластования общей мощностью 1 м (*Буров В.А.* рук., 2005, с. 253–255, рис. 196). Материк — серый мелкозернистый песок. В нем прослеживается засыпанный коричневым песком фундаментный ровик, в который уложены подкладочные камни (ил. 1139). Имеется ли глубже продолжение каменной кладки фундамента, неясно. Поверх материка — слой 5 подсыпки толщиной 18–25 см темно-коричневого песка с фрагментами битого кирпича конца XVI в., времени возведения крепости. Ее перекрывает слой 4 — щеп (3–4 см), очевидно, оставшаяся при заготовке теса для шатра и кровли галереи. Выше — слой 3, линза желтого песка благоустройства (4 см), а над ней — мощный слой 2 черной гумусированной супеси с включением костей, битого кирпича (20–50 см). Поверх нее — другой аналогичный слой 1, но с добавлением извести ремонта (до 15 см). Первоначальная высота стены напротив бойницы после возведения башни была больше на 0,8 м.

7. *Шурф 3 — 2006 г.* (табл. 29: 7) перед западным фасадом Успенской башни в 7,65 м к северу от юго-западного угла⁶. На глубине 0,9 м находится засыпка из крупных валунов (ил. 1140–1141), которая укрепляла основание башни со стороны моря, являясь одновременно и засыпкой ложбины у края морского залива (*Буров В.А.* рук., 2007, л. 24–25, рис. 231). Поверх валунных камней зафиксировано 9 слоев (сверху вглубь). Слой 1 — белый мелкозернистый песок (10–12 см), современная подсыпка под плитку дорожки. Слой 2 — оподзоленная темно-коричневая супесь с мусором XX в. Слой 3 — серая оподзоленная супесь со стеклами XVIII–XIX вв., керамикой XIX в. (10–13 см). Слой 4 — уголь, песок с мелкими крохотными угольками, редкими вкраплениями

⁶ Первоначально засыпка из валунов со стороны моря была обнаружена М. В. Ворожейкиной, наблюдавшей за прокладкой коммуникаций в траншее, проходившей по обочине дороги (*Ворожейкина М.В.* рук., 2006). Для уточнения характера засыпки и ее датировки в сторону Успенской башни была прирезана дополнительная траншея, которая показала, что камни действительно прилегают вплотную к основанию башни. Наш шурф поставил задачу послойно изучить напластования поверх валунов у самой башни.

бесформенных фрагментов слюды, мелких кирпичиков, гальки, истлевшей щепы (5–8 см). Предварительно слой датирован временем «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.), когда были сожжены все расположенные вблизи стен постройки. Это не пожар 1923 г. Слой 5 — темно-коричневая супесь (6–12 см) с обильным включением рыбных косточек и мелких обломков слюды. Слой 6 — темно-коричневая супесь (4–15 см) с кусочками желтой извести, мелких осколков кирпичей, кованые гвоздики, фрагмент слюдяной вставки в оконницу. Слой 7 — песок светло-желтый мелкозернистый (2–5 см); налегает на валун башни. Слой 8 — черная гумусированная супесь (6–10 см) с кусочками извести, редких мелких фрагментов битого кирпича, слюды, некоторого количества истлевшей щепы, фрагментами обрезанных костей, костями рыб и птиц. Слой 9 — морской крупнозернистый песок (4–9 см). Слой 10 — черная гумусированная супесь (5–10 см) с рыбными косточками и железной сапожной подковкой XVI в. Низ слоя соответствует горизонту окончания строительства башни, что ясно из характера нижележащего слоя 11 — морской крупнозернистый песок (2–3 см), засыпка поверх набросанных в несколько рядов валунов без засыпки между ними песка. Проследить основание западной стены башни не удалось. Оно скрыто засыпкой из валунов. Со времени завершения строительства башни вырос слой 0,9 м.

8. *Раскоп 3 Настоятельский — 2005 г.*, участок в примыкании к северному фасаду Успенской башни со стороны монастыря (табл. 29: 8). Нижние камни, сложенные без известкового раствора, оказались прикрыты насыпной серой материковой супесью, которая не вскрывалась, за исключением северо-восточного угла башни, где был заложен зондаж 1×1,4 м до материка (Буров В.А. рук., 2006, с. 35.). Нижний угловой валун башни длиной 0,9 и высотой 0,5 м уложен на материк — темно-коричневый крупнозернистый песок (намывные пляжи) мощностью 16–18 см, который, в свою очередь, покоится поверх плотной серой супеси. Снизу валун подоткнут для устойчивости валунчиками (ил. 1142). Таким образом, и на данном участке крепостная стена стоит непосредственно на материке.

Прясло между Успенской башней и Рыбными воротами

9. *Раскоп 3 Настоятельский — 2005 г.*, фрагмент северного профиля (табл. 29: 9) примыкал к восточному фасаду прясла (Буров В.А. рук., 2006, с. 36–37, рис. 254). В нижней части у крепостной стены прослежены следующие слои (ил. 1143–1144). До начала возведения прясла на данном участке был тоненький черный гумусированный слой 11, лежащий на периферии монастыря, явно за деревянными кельями. При возведении крепости этот слой был разрушен, а валуны уложили на слегка снятый материк — темно-коричневый крупнозернистый песок. Специальный фундамент не создавался. Затем на территории началась подсыпка плотным серым песком (слои 10, 8), оказавшимся перебитым внутри слоем 9 щепы и укрытым сверху другим слоем 7 строительной щепы. Два слоя щепы можно трактовать как мусор, оставшийся после работы плотников, заготавливавших материал для кровли и пола обходной галереи крепостной стены. Сверху на эти слои насыпали мелкие куски битого кирпича от парапета стены. Общая мощность подсыпки времени строительства составила 0,6 м. Данная подсыпка выравнивала поверхность и ликвидировала заметное падение рельефа к морю. Одновременно она укрепила и основание прясла и башни.

10. *Шурф 5 — 2014 г.* со стороны монастыря в 5,9 м севернее Успенской башни (табл. 29: 10). Он должен был выявить начало водостока, уходившего под крепостную стену (Буров В.А. рук., 2015, с. 19–21, рис. 164–190). Из-за малых размеров шурфа основание стены не прослежено. Профили трех стенок шурфа дают представление о стратиграфии вглубь (ил. 1145–1146). Слой 1 — темно-коричневая супесь, местами черная земля (толщина 4–10 см). Слой 2 — серая глина с битым кирпичом, комками извести (мощность 25–30 см). Слой 3 — истлевшее дерево, щеп дровяника (толщина 20–25 см). Слой 4 — засыпка из камней, уходящая в глубину. Они прикрывали каменный водосток, проложенный под крепостной стеной. Расчищено начало водостока, специально оформленное со стороны монастырского двора. Это была конструкция с отступом от стены.

Вход в водосток был сверху накрыт своеобразной крышкой — уплощенным камнем длиной 1,10 м, примыкавшим к крепостной стене. Максимальная ширина камня с выносом от крепостной стены 0,6 м, ширина верха 0,45 м. Толщина 0,35–0,65 м. Своим южным краем эта крышка опиралась на валун, а северным — на два камня, поставленных друг на друга и образующих северную стенку общей высотой 0,3 м. Дно водостока выстлано уплощенным камнем. Ширина низа лотка 0,45 м.

11. *Шурф 4* — 2014 г. располагался снаружи крепости перпендикулярно западному фасаду, в 5,9 м севернее Успенской башни (табл. 29: 11). Его ширина 1 м, длина 2 м (Буров В.А. рук., 2015, с. 16–19, рис. 109–163). До материка зафиксировано 9 слоев мощностью 1,2 м (ил. 1147–1148). Верхние слои 1–4 (40–50 см) относятся к советскому периоду, причем углистый слой 4 толщиной 1–10 см, содержащий сгоревшие доски, несомненно, связан с пожаром 1923 г. Под ним — почвенный темно-коричневый слой 5 (10 см), затем наносной слой 6 серой супеси толщиной 30–35 см с разнообразными находками, включая серебряную чешуйку чекана Ивана Грозного царского периода (1547–1584 гг.). Слой 7 — культурный слой, черная гумусированная супесь (2–8 см) с включением щепы, кирпичной крошки — образовался после завершения строительства данного прясла. Всего со времени строительстваросло 0,9 м. Ниже залегает слой 8 — культурный — черный, грязно-серый песок мелкозернистый с мельчайшими угольками, редкой кирпичной крошкой, несколько щепочек, с многочисленными прослоями серого песка, угольков (24–28 см). Последний слой 9 — предматерик, угли с галькой, заплывами песка; он несет след какого-то крупного пожара. Наконец, материк — серый мелкозернистый песок, через который проступают валунчики нижележащего ярко-желтого крупнозернистого песка с камнями, крупной галькой (намывные пляжи). В последнем было сделано заглубление на 35 см, но серой плотной супеси достигнуто не было. Нижние камни крепостной стены оказались уложены в культурный слой 8, поверх углей слоя 9. Специально выполненный прокоп под стену на глубину 0,5 м установил продолжение данных двух слоев. Фундамент у стены крепости

отсутствует. Камни в прямом смысле клали «на пошву», которая накопилась к моменту строительства. Также укладывались и нижние камни обнаруженного в шурфе водостока, который был устроен в основании стены для отвода воды с территории монастыря. Ширина основания водостока 0,45 м, ширина его сверху 0,40 м, высота 0,25 м. Валуны в основании выступают по отношению к стене на 0,2–0,4 м.

12. *Раскоп 4 Настоятельский* — 2006 г. в печуре №13 в пределах траншеи-перекоса 1953 г. шириной 1,8 м (табл. 29: 12). Здесь зафиксирован сложенный из массивных валунов водосток конца XVI столетия (Буров В.А. рук., 2007, т. 2, л. 4–6, рис. 5–18). Боковые стенки лотка имеют уплощенную поверхность, неплотно подвинуты друг к другу (ил. 1149–1151). Камни южной стены лотка длиной 1,1 и 0,95 м, другие три камня длиной 1,5 м. Длина каменной северной стенки лотка: 1,0, 0,95, 0,9, 0,8 и 0,7 м. Высота боковых стенок в среднем 0,5 м, ширина лотка от 40 до 50 см. Дно выстлано гладкими уплощенными камнями. Оно достаточно ровное. В пределах печуры и на входе в нее лоток водостока до середины XX в. перекрывали массивные валуны. Но в 1950-х гг. при прокладке деревянного короба канализации они были сняты. По-видимому, таких валунов было шесть: ныне шесть крупных камней лежат поблизости у крепостной стены на внутреннем дворике. Их параметры: 0,55×0,80×0,98 м; 0,9×1,3×0,6 м; 0,5×0,7×1 м; 0,6×1,0×1,4 м; 0,5×0,75×0,85 м; 0,6×1,0×1,1 м.

На удалении 5,8 м от печуры к востоку сохранилась в целости часть водостока. Здесь его перекрывает большая плоская каменная плита длиной 1,7 м, шириной более 1 м и толщиной около 20 см. Сбоку, затыкая крупные щели, уложены небольшие камни. Всё сооружение сверху и по краям присыпано темно-серым мелкозернистым песком с редкой галькой времени возведения водостока. Сразу после насыпки песка здесь образовался невысокий вал. Мощность серого песка поверх плиты составляет 5–6 см. С южного края она возрастает, ниспадая до 0,6 м. Ниже серого песка — темно-серый, черноватый слой песка с бесформенными фрагментами слюды, который существовал до водостока; толщина слоя 15–18 см. Под ним — тонкий слой крупнозернистого ржавчатого песка

толщиной 4–6 см — типичный материк поверх очень плотной серой супеси. Валуну водостока уложены на материк или слегка заглублены в него. Таким образом, до сооружения водостока здесь были небольшие культурные отложения.

Особо важный момент для понимания стратиграфии. Под амбразурой водосток сверху накрыт уплощенным валунном, на который налегают камни стены. Нет каких-либо следов переделок, встраивания водостока в стену. Это говорит о том, что водосток был построен одновременно со стеной или до крепостной стены. Ориентируясь на его направление, можно сделать вывод, что он берет начало у северного фасада трапезной палаты (1552–1557 гг.). Там в 1977 г. этот водосток был впервые открыт (Буров В.А., 1984). В 1980 г. вблизи Казначейской палаты со стороны монастырского двора его проследил П.М. Алешковский. Теперь найден его третий участок. Еще ранее нами было высказано предположение, что данный водосток обеспечивал сброс хозяйственной воды из келарской палаты.

Общая длина каменного водостока под амбразурой крепостной стены составляет 2,9 м. Здесь он был полностью забит темно-серым песком. В ходе работ канал освободили от засора. Дно его оказалось неровным, выстлано слегка уплощенными камнями. Проследить на данном участке фундамент крепости не представилось возможности.

13. *Шурф 1 — 2006 г.* снаружи крепости, напротив печуры № 14 (табл. 29: 13) (ил. 1152–1153). Раскопки носили охраненный характер, поскольку рядом была проложена траншея под коммуникации (Буров В.А. рук., 2007, т. 2, л. 14, рис. 115–126). Верхний слой (15–30 см) — черная и темно-коричневая супесь с перемешанным слоем, в котором встречены обломки кирпичей, куски извести, осколки камней, пластины современного шифера, бутылочные стекла 1970-х гг., оконные стекла, обломки поливного шара от наверхия монастырской ограды рубежа XIX–XX вв. Ниже — прослойка толщиной 1 см углей пожара 1923 г. Под углями — погребенный дерн (2–3 см), под которым — большая валунная уплощенная плита, прикрывающая лоток каменного водостока, выходящего из-под стены крепости. Форма плиты — неправильный четырехугольник 1,2×1,9 м.

С востока она примкнута снаружи к стене крепости, щели заткнуты небольшими и средними камнями. Это явно очень позднее сооружение по отношению к крепости. К северу от плиты следует сплошная засыпка из небольших камней. Канал высотой около 80 см и шириной примерно 70 см (аршин = 71 см). Стенки канала сложены из двух и трех рядов валунов, уложенных друг на друга. Канал забит песком с камнями. Проследить основание крепости на данном участке не удалось.

Рыбные ворота

14. *Траншея 11 — 2004 г.* перед входом в Рыбные ворота со стороны морской бухты, с востока 14 (табл. 29: 14). Она предназначалась под электрический кабель (Буров В.А., 2005, т. 2, с. 258–261). Траншея должна была войти в Рыбные ворота, однако у самих ворот рабочие наткнулись на скопления валунов, что потребовало дополнительного раскрытия площади (2,9×2,65 м) (ил. 1154–1155). На глубине 0,8 м был выявлен современный перекоп, который, очевидно, возник в 1950-х гг., во время прокладки через ворота водопроводной трубы. Оказалось, что перед Рыбными воротами уложен огромный валунный камень с плоской вершиной, формы, близкой к пятиугольной, размером 2,1×2,3 м, высотой около 1 м. Его назначение — исключить подкоп под ворота, под обитые железом полотна — створки ворот. С южной стороны данный валун соприкасался с менее крупным камнем 1,5×1,5 м и высотой 0,9 м. Между ними была щель треугольной формы, забитая мелкозернистым песком, которую когда-то использовали специально для водостока. Его дно было устлано расколотыми каменными плитками шириной около 30 см. К западу от щели прослежено полуразрушенное продолжение водостока. Конструкция его вполне ясна. Дно было устлано разномерными колотыми каменными плитами 25×30, 30×40, 42×50 см. Южная стенка состояла из валунных камней высотой около 40 см, а северная оказалась сложена из ряда большемерных кирпичей на белом известковом растворе. Валуну были потревожены и отвалены в сторону. Кирпичная кладка сохранилась. Внутреннее сечение водостока: ширина 52 см, высота 38 см.

Он был перекрыт такой же каменной плиткой, как и пол.

Внутри Рыбных ворот водосток со стороны щели между камнями полностью уничтожен современным перекопом от траншеи под канализацию и водопровод. Водосток мы датируем временем сооружения Рыбных ворот. На это указывают три факта. Во-первых, в начале самих ворот дренажную щель между валунами прикрывала сверху плоская каменная плита. Причем ее северный край опирался на огромную валунную плиту, а южный уходил в толщу валунной кладки стены самих Рыбных ворот. То есть плита уложена во время строительства ворот. Во-вторых, плитки дна водостока со стороны ворот лежали практически на материке, а на выходе из межвалунной щели — на небольшой подсыпке 18 см, что была опять-таки поверх материка⁷. В-третьих, стратиграфия траншеи 11 указывает на то, что укладка валунов перед воротами, между которыми пропущен водосток, предшествовала появлению кирпичного мусора, оставленного строителями ворот (кирпич использовался при выкладке арки, возведении бруствера обходной галереи стены с бойницами). Ниже приводим описание юго-восточного профиля траншеи 11 в примыкании к валуну у Рыбных ворот. Общая мощность напластований 1,04 м. Профиль был зачерчен на наиболее ответственном участке длиной 2,5 м. Из него следует, что при строительстве Рыбных ворот к принесенной большой пятиугольной валунной плите с севера и с юга было приложено по валунному камню высотой 0,9 м. К этому моменту поверх материка (серого мелкозернистого песка) уже был отложен небольшой черный гумусированный культурный слой, включавший незначительное количество слюды. Затем произвели подсыпку серым песком с крупной галькой (около 0,4 м). Данная подсыпка была необходима, чтобы закрыть водосток. Поверх нее лежит темно-коричневая супесь 5–10 см, затем слой битого кирпича с известью 4–6 см. Выше — подсыпка из смеси глины, песка, битого кирпича от 10 до 30 см. Ее перекры-

вает черный гумусированный культурный слой 2–10 см, поверх которого и выросла земля темно-коричневого цвета мощностью от 20 до 50 см. Данная стратиграфия позволяет полагать, что большая валунная плита первоначально образовывала ступеньку. Со времени окончания строительства выросло 0,5 м земли.

15. *Траншея 12 — 2004 г.* внутри Рыбных ворот (табл. 29: 15). Она предназначалась под электрический кабель, копалась по старому перекопу (Буров В.А., 2005, рис. 198). В сохранившемся фрагменте южного профиля данной траншеи до материка на глубине 1 м зафиксирована следующая стратиграфия (ил. 1156). Валунное основание южной арки ворот покоится на материке без заглубления в него. К валунам примыкают многочисленные сменяющие друг друга подсыпки глины и песка общей мощностью 40–50 см. Они появились при сооружении в воротах водостока. Их мощность соответствует его высоте. Поверх этих подсыпок идет слой щепы, отмечающий дневную поверхность конца XVI в. — время окончания возведения крепости. Все остальные отложения поверх щепы, состоящие из 11 прослоев разноцветного песка мощностью 45–50 см, наносные, после строительства. Отсюда очевиден и другой вывод: существующие обитые железом створки Рыбных ворот первоначально были длиннее примерно на 40 см. И действительно, если присмотреться к ним, то обнаружим, что их нижний край срублен.

Плиты из белого камня, которые сохранились у самой стены, относятся уже к самому последнему периоду истории Рыбных ворот, XX столетию. Плиты уложены на подушку серого песка, в которой выявлен круглый гвоздь.

Прясло между Рыбными воротами и Коровой башней

16. *Шурф №3 — 2014 г.* заложен в 10,5 м к югу от Коровой башни снаружи крепости, рядом с амбразурой печуры №17, на склоне возвышенности (табл. 29:

⁷ При укладке электрических кабелей руины водостока пострадали. Кабели были пропущены через щель водостока между камнями, что оказалось единственным возможным вариантом. При этом были сняты со своего места каменные плитки дна водостока (они были оставлены нами рядом в пределах раскрытия камней) и разобраны два боковых южных камня лотка.

16). Размер шурфа 1×1,8 м, он расположен перпендикулярно стене (Буров В.А. рук., 2015, с. 13–15). Общая мощность напластований поверх материка из шести слоев равнялась 0,6–0,75 м (ил. 1157–1158). Материк — серая плотная супесь с крупной галькой и камнями в поперечнике 8–15 см. В восточной части поверх нее отмечен серый мелкозернистый песок толщиной 3 см. Материковая серая супесь на глубину 0,7 м прослежена в специальном зондаже 0,6×0,8 м.

Фундамент как таковой у крепостной стены отсутствует. Нижние валуны уложены поверх плотной серой супеси или с небольшим заглублением в нее. Камни выступают из основного массива стены на 0,5–1 м, образуя расширенный цоколь или специальную платформу прясла. Снизу к этим валунам приложен ряд небольших камней в поперечнике 0,3–0,4 м, которые дополнительно укрепляют основание стены, препятствуя ее сползанию. Для большей прочности камни присыпаны сверху песком с крупной галькой (слой 5). Верх этой засыпки указывает на горизонт окончания строительства крепости. Отсюда первоначальная высота крепостной стены на данном участке была выше на 45–60 см по сравнению с современным состоянием. В свою очередь слой 5 перекрыл другое напластование времени строительства (слой 6). Это — бурая плотная торфообразная супесь с галькой и мелким гравием, истлевшая масса дерева, щепы. В нижней части слоя со стороны крепости, на границе с материком, имеется обилие мелких угольков, след какого-то пожара (скорее всего, лесного). Угольки не прослежены в западной половине шурфа. Толщина истлевшей древесной массы возрастает к западу. Если у камней крепости она составляет 4 см, то в заглублении у западного борта шурфа (возможно, от валунной ямы) ее максимальная мощность доходит до 25 см.

После завершения строительства крепости выросли следующие слои. Слой 4 — черный загрязненный песок с просветами желтого песка, скорее всего, оподзоленная почва (толщина 1–3 см). Слой 3 — серо-желтый песок с редкими кусками извести, мелкими фрагментами кирпича (10–15 см) может быть отнесен к XVIII–XIX вв., включая время ремонта крепости в первой половине XIX столетия. Слой 2 —

такая же темно-коричневая гумусированная супесь с немногочисленными фрагментами битого кирпича (в том числе большемерного со следами известкового раствора), камней, редкой известковой крошкой, очевидно, след осыпания заполнения пазухов между камнями. Имеются включения желтого песка с мелким гравием. Толщина слоя около 15 см. По находкам стекол слой 2 предварительно датируется XIX в. По-видимому, он связан с почвообразованием (погребенная почва). Слой 1 — современный, темно-коричневая гумусированная супесь с немногочисленными фрагментами битого кирпича, камней, с обильным включением современного оконного и бутылочного стекла. В XX в. продолжилось бурное нарастание почвенного слоя, в который стал попадать современный мусор. Обильное задернование, очевидно, связано с потеплением, изменением климата, которое на Соловках наблюдается с XX в.

Корожная башня

17. *Траншея 2* — 1996 г., проложенная со стороны северной бойницы 1-го яруса Корожной башни через северный сухой ров, имела у башни расширение 1,1×1,7 м (табл. 29: 17). Выявленная мощность напластований 1,1–1,3 м (Буров В.А. рук., 1996, л. 19–29). Стратиграфия подробно описана в разделе о северном сухом рве. Мы лишь отметим, что материк — серая глина, переходящая в серо-белую плотную супесь. Нижний валун высотой 1,2 м в основании амбразуры бойницы покоится сразу на материке. За линию стены он выступает на 0,7 м. Снизу он подперт девятью камнями в поперечнике 20–30×10–15 см, уложенными в два горизонтальных ряда; имеется еще один камень, более крупный, размером 25×40 см (ил. 1159). Специальный фундамент у башни отсутствует.

Прясло между башнями Корожной и Никольской

18. *Траншея 3* — 1997 г. заложена перпендикулярно северному пряслу крепости через сухой ров в 32 м к западу от Никольской башни, напротив амбразуры печуры № 24 (табл. 29: 18) (Буров В.А. рук., 1997, л. 6–22). Перед стеной сделано расширение

0,9×1,5 м. Характер и последовательность напластований подробно описаны в главе о северном сухом рве. Интересующий нас фундамент у стены отсутствует. Нижние валуны уложены на слой щепы, который покрывает материк — природную песчано-валунную подушку. Наиболее крупные валуны подушки достигают в поперечнике 0,3–0,6 м. Ниже этого песка — очень плотная серая супесь (ил. 1160–1161).

Никольская башня

19. *Траншея 1* — 1996 г. к северу от Никольской башни была проведена от амбразуры ее нижней северной бойницы 1-го яруса через сухой ров (табл. 29: 19) (Буров В.А. рук., 1996, л. 6–18). Непосредственно у башни сделано расширение 1,3×1,5 м. Здесь под слоем дерна прослежено шесть слоев на глубину 0,7–1 м (ил. 1162–1163). Все они описаны в разделе о северном сухом рве. Отметим только, что под нижним слоем мелкозернистого рыжего песка мощностью 30–45 см залегают валуны и камни, которые примыкают непосредственно к основанию Никольской башни и являются частью валунной конструкции, укреплявшей ее основание. Большой валун размером 1,1×1,2 м подпирает с севера валун бойницы. Здесь же раскрыт камень 0,4×0,45 м и маленькие валунчики в поперечнике 11–18 см. Все камни засыпаны сверху морским песком.

Между большим валуном и основанием валуна бойницы выложены в ряд последовательно десять булыжников. Они зачеканили имевшуюся щель, выявленную после снятия одного булыжника, в западной части кладки. Для прочности кладки булыжники были пролиты известковым раствором, который в настоящее время утратил свои скрепляющие свойства и легко крошится. Сквозь узкую щель было видно, что валун основания бойницы уходит далее вглубь, но насколько, неясно. Второй ближайший булыжник вынуть не удалось, настолько плотно он был зажат и заклинен двумя валунами. Вынутый нами первый булыжник был уложен на место, вбит и присыпан сверху известью. Данное обследование показало, что материк находится гораздо глубже под валунами, которые закрывают к нему доступ. Но ясно, что нижний валун бойницы должен поко-

иться по крайней мере на еще одном валуне. Прослеженный к северу от башни подпорный валун и примыкающие к нему прочие валуны были призваны поднять с северной стороны Никольской башни уровень земли и образовать специальную площадку, что-то наподобие платформы. Эта площадка выравнивала поверхность участка с наружной стороны крепости между Корожной и Никольской башнями и одновременно укрепляла основание Никольской башни.

Прясло между Никольской башней и Пристенком

20. *Шурф 2* — 2014 г. заложен с наружной стены крепости в 10,7 м к северу от Пристенка (табл. 29: 20). Его размер 1,0×1,6 м (Буров В.А. рук., 2015, л. 11–12). Он расположен перпендикулярно стене крепости. Поверх материка прослежено пять слоев общей мощностью 0,5–0,9 м (ил. 1164–1165). Слой 1 — черная гумусированная супесь (10–40 см). В самом верху под дерном — засыпка из булыжника и кирпичей — примитивное мощение второй половины XX в. Здесь найдены осколки бутылок зеленого стекла, в том числе дно с датой «[19]56», монета 10 коп. 1982 г. Слой 2 — серо-желтый песок, мелкозернистый, толщиной всего 1 см. Слой 3 — темно-коричневая супесь толщиной 10 см с включением мелких осколков кирпичей, известковой крошки. Среди находок — коррозированная металлическая пуговица от мундира. Слой 4 — углистый, включающий мелкие угольки, песок с галькой (11–13 см). Находки: гвозди железные кованые, кость рыбы, бутылочные стекла зеленые патинированные. Последние могут относиться к XVII–XVIII вв., а сам слой с углем, скорее всего, относится ко времени «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.), когда вокруг монастыря накануне осады сжигались заслонявшие крепость постройки. Слой 5 — серо-белый мелкозернистый песок с вкраплениями углей (13 см). В западной части шурфа перед нижними валунами стены слой 4 отсутствует, так как он был срыт при укладке этих камней. Здесь отмечена канава шириной от 10 до 28 см на всю глубину слоя. В нее были уложены мелкие камни в поперечнике около 15–20 см, подоткнутые под валуны стены.

Материк — песок ярко-желтый крупнозернистый, с крупной галькой и небольшими камнями в поперечнике до 30 см (намывной пляж). На данный песок уложены нижние валуны прясла. Для контроля материк перед камнем стены был заглублен нами на 0,35 м, а под саму стену сделан подкоп в глубину на 0,45 м. Фундамент стены не выявлен. Непосредственно под нижними камнями прослежен серо-черный загрязненный тонкий слой с мелкими обломками слюды, который остался после выборки предматерикового слоя 5. Камни и здесь клались на материк. Нижние валуны выступают за пределы основного массива стены на 0,4 м. Данное расширение является валунным цоколем.

Мощность слоя, появившегося после строительства у стены, составила 0,7 м. Это следует учитывать при определении первоначальной высоты стены крепости на данном участке.

Прясло между Пристенком и Архангельской башней

21. Шурф 1 — 1999 г. размером 2,0×2,5 м был заложен с внешней стороны крепости, в 33,8 м к северу от Архангельской башни и в 2,5 м к северу от траншеи 1 — 1998 г. — напротив северного помещения Головленковой тюрьмы (табл. 29: 21) (Буров В.А. рук., 2000, л. 6–18). Глубина у стены до материка 2,02–2,07 м. Поверх материка зафиксирован 31 слой (ил. 1166–1168). Слой 1 — булыжная мостовая, покоящаяся на подушке из светло-желтого мелкозернистого сыпучего песка. Общая мощность 18–20 см. Слой 2 — темно-серый песок мелкозернистый, насыщенный мелкой известью, комочками извести и мелкими осколками красного битого кирпича (4–6 см). Слой 3 — морской темно-коричневый песок с черноватым оттенком, включает гальку, известь, куски сбитой известковой штукатурки (4 см). Слой 4 — известковая крошка с мелкими осколками красного битого кирпича и бесформенными комками извести в поперечнике до 7 см. Мощность слоя 14–20 см. Слой 5 — темно-серый песок с редкой известковой крошкой, мелкими красными осколками кирпича, галькой. Встречаются щепочки, множество кусков гранита, некоторые с известковым налетом (4–6 см). Это явно

строительный мусор от перестройки какого-то здания. Слой 6 — белая известковая крошка с очень редким битым кирпичом (6–15 см). Слой 7 — темно-серый песок с мелкой известковой крошкой и редкой щепой, на поверхности — березовая кора (1–3 см). Встречены оконные стекла со слабой патиной, фрагмент стеклянного донца пузырька или стакана, слабо патинированного. Слой 8 — щепы и редкая березовая кора, редкие включения осколков красного кирпича. Найдены осколки оконного слабо патинированного стекла, обломки кирпичей XIX в. Слой 9 — серый песок с включением редкой щепы, оконного патинированного стекла (3–4 см). Слой 10 — темно-серый песок с мелкими угольками, оконным слабо патинированным стеклом (2–3 см). У стены — фрагменты кирпичей. Слой 11 — белая плотная известь с комками извести, штукатурки (2–4 см). Включения — фрагменты оконного стекла. Слой 12 — серый, местами темно-коричневый песок с мелкими кусками красного кирпича и кирпичной крошкой (мощность 2–6 см); включения — редкие угольки и щепочки. Вдоль валунов крепостной стены отмечена полоса тлена шириной 10–27 см, уходящая в нижний слой. Слой 13 — известковая крошка с редким битым кирпичом. Вдоль валунов стены — тлен полосой 20–40 см. Слой 14 — серый песок мелкозернистый (1–2 см); в нем осколок оконного прозрачного стекла. Слой 15 — известь, осколки кирпича (6 см). Слой 16 — черная гумусированная супесь с включением щепы (толщина до 4–5 см). Встречены фрагменты слюды, кости. Это культурный слой. Слой 17 — серая глина мягкая, поверхность неровная, из нее выступают кирпичи, галька, валунчики. Мощность слоя 2–4 см.

Особо следует отметить слой 18 — черную гумусированную супесь, землю сырую влажную с запахом навоза (10–18 см). Данный слой соответствует слою 14 соседней траншеи 1 — 1998 г. По самому верху слоя много щепок. В юго-восточной части шурфа отмечен развал досок. В северо-восточном углу — палки толщиной 1 см, шириной 4–5 см и длиной более 90 см. Это остатки какой-то постройки. Рядом с досками — скопление колотых костей животных, кованые железные гвозди. Перед нами явные следы жизнедеятельности у самых стен крепости. В западной половине

шурфа непосредственно у валунов крепости на полосе шириной 20–30 см отмечено скопление из нескольких сотен рыбных костей, которые тяготеют к месту выхода сгнившего деревянного желоба из северного помещения Головленковой тюрьмы⁸. Для датировки слоя важно, что данная тюрьма функционировала в самом начале XVII в. и была закрыта в 1743 г. Неподалеку от вала найдены обрезки слюды, фрагмент слюдяной вставки в оконницу, свинцовая пуля диаметром 18 мм, фрагменты чернолощеной керамики. Внизу слоя 18 выявлены осколки оконного прозрачного стекла, темного непрозрачного стекла, шесть фрагментов стеклянного сосуда, покрытые толстой плотной коричневой коркой патины.

Выброс рыбных костей из северной палатки Головленковой тюрьмы встречен и в четырех нижележащих слоях 19–22. (Всего из слоев 18–22 происходят 1084 рыбных косточки.) Это позволяет датировать слой 22 если не самым концом XVI столетия, когда было завершено возведение крепости, то по крайней мере самым началом XVII в., когда тюрьма уже функционировала. Слой 19 — серая глина толщиной 0,5–2 см. В юго-западном углу она переходит в скопление кусков извести и осколков битого кирпича мощностью до 10 см. Слой 20 — черная гумусированная земля со щепой, влажная, с мелкой щепой и редкими косточками; толщина 1–1,5 см. Скопление рыбных косточек по-прежнему наблюдается у валунов крепости. Слой 21 — известковая крошка с песком, щепой, кирпичной крошкой (2–6 см). Много мелких рыбных костей. Слой 22 — темно-коричневая гумусированная супесь, плотная, с редкими угольками, щепой и фрагментами кирпича (4–8 см). У валунов крепости напротив желоба отмечена концентрация рыбных костей.

В слое 23 серо-желтого песка с редкой щепой (2–4 см) рыбных косточек не наблюдалось. Он соответствует слою 20 траншеи 1 — 1998 г., который также прикрывает угли пожара. Слой 24 — слой углей (1–3 см). И, как в траншее, следующий слой должен быть отнесен ко времени

окончания возведения прясла. Слой 25 — темно-коричневый песок с галькой, кирпичной крошкой, редкими обломками кирпича, щепой (1 см). С момента завершения крепости стена в основании на данном участке оказалась закрыта разными напластованиями на высоту 1,6 м.

Слой 26 — серый однородный чистый мелкозернистый песок мощностью около 4 см⁹. Слой 27 — темно-коричневый крупнозернистый песок с обильным включением щепы; имеет запах навоза или болотного перегноя (16–18 см). Встречены единичные кусочки слюды; стекла нет. Слой 28 — тонкая прослойка серого песка до 1 см. Слой 29 — полностью аналогичен слою 27. Мощность 12–18 см. Слой 30 — серый песок с гумусированным слоем-включением мощностью 2–4 см. Слой 31 — сплошная щепка (2–3 см). Материк — мелкозернистый серо-белый илистый песок с черной органикой, что указывает на заболоченный, сильно увлажненный участок, заболоченную низину у берега Святого озера.

Валунное основание крепостной стены находится на глубине чуть более 2 м от современной поверхности. Фундамент у стены отсутствует. Камни уложены прямо на материк — серый заиленный песок и небольшие камни. Валунное основание неоднородное. В северной части шурфа нижний камень достигает высоты 1,3 м, но рядом с ним к югу поставлены друг на друга два камня высотой 0,7 м и 0,4 м. Нижние два валуна заметно выступают к востоку на 0,9 м, образуя в основании стены расширенную цокольную платформу.

22. *Траншея 1 — 1998 г.* длиной 9 и шириной 0,6 м была заложена с внешней стороны крепости, в 30,7 м к северу от Архангельской башни, напротив печуры № 47, в которой до 1743 г. размещалась Головленкова тюрьма (табл. 29: 22) (Буров В. А. рук., 1999, л. 6–18). Под дерном у валунов стены до материка зафиксировано 22 слоя общей мощностью 1,8 м у стены. На кв. 4 мощность напластований составляла почти 2 м (ил. 1169). Слой 1 — булыжное мощение, уложенное на подушку из желтого песка (общая толщина 18–20 см). Слой 2 — темно-коричневый песок с редкими вкра-

⁸ О самом желобе см. раздел о Головленковой тюрьме.

⁹ Данный слой, как и последующие, вскрывался только на северной половине, так как шурф стало заливать водой, которую пришлось постоянно откачивать.

плениями извести (мощность 2–5 см). Слой 3 — битый кирпич и известь, немного песка (10–12 см). По находке фрагментов фаянсовой чашки с печатным рисунком архитектурного пейзажа в темно-зеленых тонах слой датируется серединой — второй половиной XIX в. Слой 4 — серый песок толщиной 1–1,5 см. Слой 5 — известь с битым кирпичом (6–16 см). Слой 6 — темно-серый песок (3–10 см). Среди находок мелкие осколки белой фаянсовой керамики без рисунка. Слой 7 — известь с включением битого кирпича (4–10 см). Слой 8 — черный гумусированный слой со щепой (6–10 см). Мелкие осколки патинового оконного стекла и фрагмент белого фаянсового блюда с узкой красной каемочкой указывают на XX столетие. Слой 9 — известь с битым кирпичом (до 10 см). Продолжаются находки фрагментов патинированных оконных стекол. Слой 10 — черный гумусированный слой (5–9 см). Включения — редкие обломки кирпичей, косточек, угольки, 9 фрагментов оконных стекол патинированных с серебристо-синеватым отливом. Отнести слой 10 к концу XVIII в. позволяет сильно потертая медная монета достоинством 2 копейки с вензелем Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). По бокам вензеля указан год чекана: слева отчетливо «17», справа различима только первая цифра «5». Другая цифра стерта. Такие монеты выпускались с 1757 г. (Дьячков А.Н., Уздеников В.В., 1978, с. 394–395, 454, группа VIII). Слой 11 — тлен (1–2 см). В слое пять мелких фрагментов стекол зеленого цвета и с синим оттенком. Слой 12 — серый песок с известью (10–16 см), восемь крошечных фрагментов полихромного рельефного изразца конца XVII — начала XVIII в. Слой 13 — засыпка из битого кирпича, извести (4–6 см). На кв. 4–6 она переходит в известь с битым кирпичом. На кв. 6 мощность слоя достигает 40 см. Всё это — строительный мусор от перестраивавшихся келий. Он перекрывает культурный слой 14 — черную плотную землю (16–24 см), которая пахнет навозом. Вероятнее всего, здесь была хозяйственная зона. Примечательно, что на кв. 1 вдоль стены, поверх слоя 14 отмечена линза черной земли с навозом шириной 1,4 м. По краям она обрамлена досками, очевидно, это остатки какого-то сооружения для скота,

типа загона. В слое найден осколок патинового оконного стекла прозрачного, обломок чернолощеной черепицы XVII в., фрагмент полихромного рельефного изразца конца XVII — начала XVIII в. Поверх слоя под строительным мусором выявлен фрагмент посуды из белого фаянса. Всё это позволяет относить слой 14 к XVIII столетию. Впрочем, ликвидация загона для скота у крепостной стены может отождествляться с событиями времени «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.), когда при подготовке крепости к обороне вокруг нее были убраны все хозяйственные сооружения. Слой 15 — серый песок (2–4 см). Отсутствует у стены, но, начинаясь на кв. 1, далее на кв. 5 он переходит в подсыпку битого кирпича и перекрывает в целом слой пожара. Слой 16 — угли (1–2 см). На кв. 1 слой углей резко поднимается вверх на 0,3 м по абрису вала стены и примыкает к крепостной стене. Слой 17 — известковая крошка с мелкими кусочками кирпича. Он зафиксирован только на кв. 1 и 2 под слоем угля 16 поверх нижнего валунного камня и рядом с ним. Этот слой логично отнести ко времени строительства крепости (1582–1595 гг.). Слой 18 — серый песок (10–12 см) у нижнего вала на кв. 1 и 2. Далее к востоку, на кв. 3–6, он тоньше до 2–5 см. Слой 19 — темно-коричневая земля со щепой, включениями слюды, битого кирпича, мелкой известковой крошки, стенок керамических сосудов, комков обожженной глины, фрагментов чернолощеной керамики и фрагмента слюдяной вставки в оконницу. Это культурный слой на берегу озера. Слой 20 — серый песок (2–10 см). Очевидно, им присыпали нижележащий слой пожара. Слой 21 — пожарная прослойка углей толщиной около 1 см. Ее можно связать с пожаром монастыря 1538 г.: «погоре Соловецкий монастырь весь до основания» (Досифей, 1847, с. 22). Слой 22 — темно-коричневый гумусированный песок с галькой, с прослоями серого песка и прослоями черной земли. Редкие включения обрезков слюды, мелких фрагментов битого кирпича, угольков, щепы. Встречены единичные невыразительные фрагменты глиняной керамики, находки: кованые гвозди, бронзовая булавка, подковка сапожная железная, скобка железная, прут железный с трубкой на конце. Это явный культурный слой,

отложившийся на берегу Святого озера до пожара 1538 г., за первое столетие существования монастыря. Его минимальная мощность у стены 20 см. Далее к востоку мощность слоя возрастает. На границе кв. 2 и 3 она составляет уже 30 см, а на кв. 4 даже 45 см и более. Ниже слоя 22 находится материк — желтый морской песок с галькой.

Фундамент у стены отсутствует. Ее нижний валун уложен непосредственно на материк. На данный камень высотой 0,75 м поставлен валун высотой 1,05 м. Последний является одновременно низом амбразуры. По сравнению с основной кладкой стены эти два камня выдаются вперед на 1,4 м: нижний — на 0,9 м, верхний — на 0,5 м. Кладка двух валунов уступом связана с расширением площади валунного основания стены крепости с целью создания широкой прочной платформы на прибрежном грунте. По сути, это цоколь. Заглубленность нижнего валуна в материковый песок на 13 см может свидетельствовать о том, что стена на данном участке просела под тяжестью многотонной кладки или была слегка вкопана. Мы полагаем, что нижний валун всё же был вкопан не только в материк, но и в слои 18–21, хотя следов ровика не наблюдается. Такое возможно, если камень был вплотную подложен к стенке канавы. Подобное мы наблюдали на других шурфах. Проследить более детально ситуацию здесь помешала вода, постоянно затапливавшая траншею.

Если верно определен горизонт начала возведения крепости, следует вывод, что восточная стена на месте траншеи 1 с конца XVI в. оказалась скрыта под землей на 1,6 м.

23. *Шурф 2 — 1999 г.* размером 2,5×2 м был заложен в 23,5 м к северу от основания Архангельской башни напротив строительного шва крепостной стены, указанного нам архитектором-реставратором В.В. Сошным (табл. 29: 23) (*Буров В.А.* рук., 2000, л. 19–28). На данном участке шов читается отчетливо по перебивке, нарушению рядности валунной кладки, заполнению в верхней части шва поставленными вертикально кирпичами, разному уровню уклона стены и по заметной разнице ширины основания крепостной стены. Совершенно очевидно, что здесь крепостная стена возводилась от Архангельской башни в сторону севера.

Незавершенному торцу стены с южной стороны была придана форма уступа-лесенки, что оставляло возможность перевязки его с последующей кладкой.

В шурфе было зафиксировано 18 слоев (ил. 1170–1171). Шурф был доведен до глубины 1,3 м, или на 1,56 м ниже уровня дерна у стены. Ниже копать помешали грунтовые воды. Слой 1 — булыжная мостовая, которая находится сразу под дерном. В примыкании к стене она перекрыта линзами глины и извести с битым кирпичом. Поверх последних лежит угольная прослойка пожара 1923 или 1932 гг. Мостовая уложена на подушку из мелкозернистого желтого песка. Мощность булыжной выкладки с песком 12–18 см. Слой 2 — темно-серый песок мелкозернистый, насыщенный мелкими комочками извести и редкой кирпичной крошкой (2–6 см). Слой 3 — известь, битый кирпич (2–5 см). Слой 4 — серый песок с галькой и мелкой кирпичной крошкой, редкими комками извести и щепочками (2–5 см). Слой 5 — белая известь с небольшим включением фрагментов кирпича (3–7 см). Слой 6 — серый песок мощностью 4–7 см. Слой 7 — слой белой извести с редким кирпичом (4–10 см). Слой 8 — темно-серый песок с редкой щепой и небольшим количеством глины (2–3 см). Из находок отметим дно стеклянного граненого бокальчика. Слой 9 — белая известь и обломки красного кирпича (3–10 см). Встречен осколок белого патинированного стекла.

Перечисленные выше девять слоев общей мощностью до полуметра, представляющие последовательное чередование серного песка и извести с битым кирпичом, являются строительным мусором, вынесенным с территории монастыря. Включение в его состав слюды от древних оконниц, побывавших в употреблении железных кованых гвоздей, обломков большемерного кирпича, чернolощеной керамики указывает на то, что это следы перестройки каких-то старых зданий в монастыре. Примечательно, что серым песком постоянно присыпалась известь. Вся данная засыпка почти одновременная или с небольшими интервалами. Последний вывод подтверждается отсутствием между всеми слоями культурного слоя, не успевшего отложиться за краткие промежутки времени. Очевидно, заметное поднятие уровня

Святого озера и устройство в 1890-е гг. гранитной набережной сопровождалось значительными подсыпками строительного мусора на набережной вдоль крепости.

Слой 10 — черная гумусированная супесь с большим количеством битого красного кирпича, камней и щепы (2–13 см). Известковая крошка редкая. Найдено пять патинированных оконных стекол, дно чернолощеной керамики, донце и стенка фаянсовой посуды, украшенной красной линией, горлышко стеклянной бутылочки, фрагмент чернолощеной черепицы. Слой 11 — серый песок с редкой известковой крошкой, мелким битым кирпичом и крайне редкими щепочками (2–4 см). Слой 12 — известь и битый кирпич толщиной 2–8 см. Проходит полосой только вдоль восточной стены шурфа полосой 0,2–0,45 м. Слой 13 — рыхлая темно-коричневая гумусированная супесь с включением известковой крошки, битого кирпича мощностью 3–5 см. Выявлено три фрагмента оконного стекла с патиной, фрагмент оконного стекла с закругленным краем, фрагмент мисы чернолощеной, подковка железная, фрагмент красноглиняной черепицы, изготавливавшейся на Соловках на рубеже XVIII–XIX вв. Слой 14 — темно-коричневая местами черная гумусированная супесь с битым кирпичом и редкой щепой мощностью 16–20 см. Имеется редкая мелкая слюда, патинированные зеленые стекла, два обломка красноглиняной черепицы рубежа XVIII–XIX вв., обломок курительной голландской трубки (чубук) из белой глины. Слой 15 — серый песок (2–7 см). Это засыпка пожарища. Слой 16 — однородная масса мелких углей мощностью 2–10 см. Попадаются отдельные головки длиной до 6 см и толщиной 1,5–2 см. Изредка встречается слюда. Слой 17 — серый песок до 10 см только в восточной половине. Слой 18 — черный гумусированный слой с галькой, редкими кусочками слюды, мелкими угольками и отдельными скоплениями угольков. Раскопки слоя велись на 15–30 см в глубину от его поверхности, до уровня грунтовых вод. Дальнейшие земляные работы могли уже повредить сохранности стены, поскольку шурф заложен напротив строительного шва и снятие плотного грунта могло впоследствии открыть свободный проход воде именно по границам основания шва.

Шов прослежен и в основании стены. Валуны ее южного торца также уложены уступом. При этом новый участок с севера был расширен на 1,1 м за счет прикладки снаружи дополнительного ряда валунов. Это привело к тому, что юго-восточный край нового валуна, уложенного в перевязку поверх прежних валунов цоколя, оказался без опоры и повис в воздухе. Утолщение крепостной стены к северу от Архангельской башни следует объяснить тем, что здесь в толще прясла должны были возвести тюрьму. Для ее южной и северной камер потребовалось увеличение ширины всей крепостной стены.

Прясло между башнями Архангельской и Белой

24. *Раскоп 10 Новобратский — 2000 г., участок В*, располагался на территории монастыря, к востоку от прохода Архангельских ворот, между Новобратским корпусом и крепостной стеной с печурой № 50, заложенной кирпичом (табл. 29: 24). Общая мощность напластований от материка 1,9 м (*Буров В.А.* рук., 2001, л. 25–32). Под балластом советского периода выявлено 16 слоев (ил. 1172). Слой 1а — условный. Это известковая штукатурка, облетевшая с кирпичной арки ворот. Она может рассматриваться как датирующий признак: такое могло случиться только после упразднения Соловецкого монастыря в 1920 г. и основания в нем в 1923 г. концлагеря. Тогда надлежащий контроль над монастырскими строениями перестал осуществляться. Известно, что до этого обитель содержала в хорошем состоянии все здания, постоянно осуществляя побелки их фасадов и ремонты. Слой 1 — черный и темно-коричневый песок с мелкими обломками битого кирпича, галькой, комочками извести (10–20 см). Это верхний монастырский долагерный слой. Слой 2 — засыпка из ярко-желтого песка с комочками извести, обломками битого кирпича (2–10 см). Слой 3 — угли с битым кирпичом в северной части участка напротив бойницы, что позволяет предполагать существование в печуре № 50 какого-то производства (возможно, традиционно кузнечного или бронзолитейного). Мощность углей 10–12 см. Они частично перекрывают плиту при входе в печуру перед две-

рю. Слой 4 — темно-коричневый песок с битым кирпичом и камнями (12–17 см). Он не доходит до кирпичной стены бойницы. Среди находок — осколок стекла от керосиновой лампы. Слой 5а — прослойка серого песка или суглинка с мелкими кирпичиками (1–2 см). На ней лежит плита перед входом в бойницу. Слой 5 — светло-коричневый песок и желтоватый с прозрачными стеклами (10–20 см). На позднюю дату указывает фрагмент черепицы красноглиняной монастырского производства рубежа XVIII–XIX вв. и фрагменты горшков соловецкой гончарной мастерской второй половины XIX в. Слой 6 — темно-коричневый песок с ислевшим деревом, щепой, обломки черепицы красноглиняной (4–10 см). Слой 7 — серый песок с комочками извести (2–6 см). Это, очевидно, строительный мусор времени возведения Новобратского корпуса в 1823 г. и разорения пребывавшей в нем бронзолитейной мастерской, о чем говорят многочисленные находки тиглей, а также монета 1820 г. Среди массового материала — белые и зеленые оконные стекла, два осколка красноглиняных черепиц. Слой 8 — темно-коричневый песок со щепой мощностью до 15 см. Найденные здесь же исключительно зеленые стекла (5 шт.) и слюды (208 шт.) указывают на XVIII столетие. Слой 8а — это подразделение нижнего горизонта слоя 8 с плотной щепой и с включением мелких кусочков слюды без белых прозрачных стекол. Слой 9 — серая глина с комками обожженной глины (2 см). Слой 10 — темно-коричневая и черная супесь с угольками и редкой слюдой (2–4 см). Слой 11 — белая известь с мелкими обломками битого кирпича (2–4 см), что можно связать со строительством в первой половине XVII в. каменных келий. Слой 12 — черная супесь толщиной до 12 см, скорее всего, до первой четверти XVII в. Он должен был накопиться с конца XVI в., когда завершилось возведение крепостной стены. Слой 13 — темно-серая супесь с серой глиной, обломками кирпичей, булыжного камня. Это засыпка времени возведения каменной крепости конца XVI в. Мощность около 40 см. После нее уровень земли поднялся на 1,1 м, закрыв часть печуры и крепостной стены. Слой 14 — темно-серый, с песком, редкой щепой, заплывами культурного слоя

(10–18 см). Еще одна засыпка времени строительства крепости. Слой 15 — битый кирпич, мелкий, с черным песком, очевидно, мусор от строительства крепости 1582–1595 гг. Слой 16 — черный культурный слой времени до начала возведения крепости. Материк — желтый песок, покаты к востоку, в сторону Святого озера. Под ним отмечены линзы болотистой почвы со специфическим запахом.

Основание крепости прослежено только в небольшом раскрытии, доведенном до материка. На высоту нижнего вала прослежена засыпка, содержащая суглинок и глину. Она носила конструктивный характер. После раскопок данная засыпка нами была водворена на место и тщательно утрамбована. Фундамента как такового у стены не оказалось. Нижний валун прясла рядом с печурой № 50 был уложен на материк, а под его края подоткнуты небольшие камни. Это всё тот же знакомый по другим участкам крепости «цокольный ряд» валунов, поверх которого и возводилась стена с бойницами. Цокольный ряд имеется и в самой печуре.

25. *Траншея 1 — 2013 г.* длиной 5 м и шириной 1 м была заложена с внешней стороны крепости в 45,95 м к югу от Архангельской башни напротив печуры № 53 (табл. 29: 25) (*Буров В. А.* рук., 2014, л. 5–9, рис. 2–67). В восточную часть траншеи частично вошла обшитая досками известковая яма шириной 2,3 м, засыпанная мусором в начале 1930-х гг., в период концлагеря. Зачистка ее южной стены после снятия досок позволила получить общий разрез, включая геологический, на глубине 1,8 м от поверхности (ил. 1173–1174). Непосредственно у амбразуры бойницы поверх материка под дерном прослежено три слоя общей мощностью 0,5 м. Слой 1 — черная или темно-коричневая гумусированная супесь, почва толщиной 10–20 см. Вблизи стены за счет утолщения слоя, включавшего обломки кирпичей (след ремонта), образовался вал, который тянется практически вдоль всего прясла. В нем оказался в основном мусор XX в.: круглые гвозди, бутылочные стекла, фаянсовые электроизоляторы. Слой 2 — темно-коричневый песок с галькой, который также содержал осколки бутылочного и оконного стекла. Толщина слоя у стены 12 см, через 2 м к востоку от стены он схо-

дит на нет. Вместо него через 1 м появляется тонкий слой 3 черной земли, почвы (1–3 см). Она же была зафиксирована под нижними камнями крепости. Материк — желтый чистый без включений песок мощностью 15–18 см. На расстоянии 1,3–1,9 м от крепости материковый песок исчезает. Под ним появляется плотная серая супесь. Ее удалось проследить в глубину на 1,5 м в зачистке стены известковой ямы. Удивительно, но на данном участке отложенный монастырского времени не оказалось совсем.

Фундамент у крепостной стены отсутствует. В ее основании под амбразурой лежит валун длиной 2,3 м и высотой 0,8 м. Он выступает на 0,2 м от стены. С внешней стороны, снизу под его внешний край подложено два ряда небольших камней 15×20 см и камни высотой 18–20 см и длиной более 0,5 и 0,7 м. Часть подкладочных камней уложена непосредственно на материковый песок, а часть — поверх тонкого слоя почвы. Под материком — плотная серая природная супесь с крупным валуном.

Белая башня

26. *Шурф 1 — 2005 г.* площадью 24 м² был заложен снаружи Белой башни у ворот при ходе со стороны озера (табл. 29: 26) (*Буров В.А.* рук., 2006, с. 39–41). Все верхние четыре слоя мощностью около 0,5 м оказались практически советского периода с предметами XVIII–XX вв. Предпоследний слой — серый мелкозернистый песок мощностью 5–8 см, лежал поверх плотной серой супеси. В специальном зондаже 1 эта супесь прослежена на глубину 1,32 м (ил. 1175). Ниже пробиться не удалось из-за малого размера зондажа и из-за плотности самого слоя, который к тому же включал валунчики, колотые камни, редкие мелкие обломки кирпичей. Это — подсыпка технического назначения времени возведения Белой башни — 1595 г., которая укрепляла основание стены и откоса, придавая им большую устойчивость, исключала подкоп под ворота. Кроме того, такие подсыпки делались и для выравнивания поверхности на перепаде высот, на склонах. Лежащий выше слой мелкозернистого песка — благоустройство того же времени. На данном участке характер фундамента установить не удалось.

Прясло между Белой башней и Сушилом

27. *Раскоп 1 — 2002 г.* был заложен перед входом в Белую башню и у Сушила со стороны Мельничного двора (табл. 29: 27) (*Буров В.А.* рук., 2003, с. 26–62). Раскрытие от нарощей земли (0,3 м) места примыкания прясла со стороны башни к восточному фасаду Сушила позволило установить отсутствие специального заглубленного фундамента у данных сооружений. Нижние валуны прясла крепости и Сушила покоятся на тонкой полоске культурного слоя, который в свою очередь лежит поверх материка — плотной серой супеси (ил. 1176).

Прясло между Сушилом и Стратилатовской башней

28. *Траншея 5 — 2004 г.* отрыта ИПиР для прокладки кабеля снаружи крепости напротив печуры № 59 (табл. 29: 28). Нами был осуществлен археологический надзор с обратным просеиванием слоя (*Буров В.А.* рук., 2005, с. 248–249, рис. 194). Мощность напластований 1,26 м. Верх дерна всего лишь на 20 см ниже амбразуры (ил. 1177–1178). Прослежена следующая стратиграфия. Материк — белый мелкозернистый песок (скорее всего, это подсыпка рядом с мельничным каналом). Поверх него — угольный слой 1–3 см пожара, произошедшего еще до возведения крепости, поэтому на данной пожарной прослойке покоится нижний валун крепостной стены. Заглубленного в землю фундамента стены нет. Поверх слоя угля снаружи был насыпан серый и желтый песок с крупной галькой (25 см) — результат вертикальной планировки. Непосредственно у крепостной стены прослежен строительный мусор времени ее возведения (20 см) — слой извести и битого кирпича от завершения бруствера обходной галереи. Он был присыпан темно-коричневым песком (5 см). Выше — оподзоленный серый песок, огородная почва (20–40 см). Огороды, ограниченные оградой, на данном месте изображены на гравюрах 1744, 1800 гг., планах монастыря 1790, 1884, 1889 гг., рисунке 1844 г., фотографиях рубежа XIX–XX вв. Все остальные вышерасположенные слои общей мощности 0,65–0,8 см, включающие

цемент, битый кирпич, известковую крошку, относятся ко времени после 1923 г. На период завершения строительства крепости в конце XVI столетия высота ее стены рядом с печурой № 59 по сравнению с современным состоянием была больше на 0,9 м.

29. *Траншея 4 — 2004 г.* была выкопана в печуре № 59 рабочими ИПиР скрытно, без привлечения археолога (табл. 29: 29). Позже мы осуществили археологический надзор с обратным просеиванием слоя (Буров В. А. рук. 2005, с. 245–248, рис. 193). В западном профиле траншеи прослежен слой мощностью 0,7–0,8 м (ил. 1179). Материк (скорее всего, это подсыпка рядом с мельничным каналом) — желтый песок, поверх которого проходит тонкая прослойка черного гумусированного слоя (1–2 см). На нее уложен нижний камень крепостной стены под амбразурой. Это лишний раз подтверждает, что у крепости нет фундамента, камни укладывались прямо на землю, лежащую на материковом песке. Выше черного слоя — серый и желтый песок с запылами земли (10–15 см). Над ним — остатки истлевшего деревянного боевого настила. При входе в амбразуру на участке длиной 2 м прослежен 2-й ярус истлевшего настила. Остальную часть настила уничтожила яма под свалку битого оконного стекла, фрагментов слюды, кирпичного боя и осколков стеклянной посуды первой четверти XIX в. (слой толщиной 70 см).

30. *Шурф 34 — 1976 г.* размером 2,0×3,0 м у крепостной стены на Мельничном дворе рядом с печурой № 62 (табл. 29: 30); раскопки велись в рамках работ НИПМ ВПНРК¹⁰ (Буров В. А. рук., 1976а, с. 7–8). Отмечены следующие слои общей мощностью 1,2 м (ил. 1129). Слой 1 — современный мусор (20–40 см). Слой 2 — прослойка истлевшей щепы (4–5 см); переходит в засыпку песка со щепой (22 см). Очевидно, это дровяник. Слой 3 — известь (20 см). Слой 4 — песок с включением обломков кирпичей. Слой 5 — истлевшее дерево настила (2–3 см), открытого в печуре № 62. Слой 6 — известь (18 см). Общая мощность напластований выше пушечного

настила 1 м. Материк — плотная серая глина, отмечена под валунами крепости. Фундамента у крепостной стены как такового не существует. Ее основание состоит из одного ряда небольших валунов высотой 15–20 см, уложенных на материк. На них сверху установлены большие валуны. Нижний ряд засыпан песком с крупной галькой.

31. *Шурф 36 — 1976 г.* — так условно названа траншея под ливневую канализацию шириной 1 м и длиной 51 м, которая была проложена с внешней стороны крепости от печуры № 62 (табл. 29: 31) (Буров В. А. рук., 1976а, с. 11–12). Она зафиксировала падение первоначального рельефа в южную сторону через 6 м на 0,84 м. Непосредственно у стены мощность под дерном двух слоев равна 0,85 м (ил. 1130). Слой 1 — угли, зола, тлен (до 5 см). Слой 2 — земля темно-коричневого цвета, перегнившая органика (0,8 см). Материк — плотная темно-серая глина. Следы строительства отсутствуют. Прямо на материк уложены валуны основания стены. Валун в основании стены выдается на 0,55 м.

32. *Шурф 1 — 2014 г.* заложен снаружи крепости, в месте примыкания юго-западного прясла к Стратилатовской (Прядильной) башне, рядом с печурой № 64 (табл. 29: 32) (Буров В. А. рук., 2015, с. 7–11, рис. 1–51). Толщина напластований составила 0,5–0,9 м (ил. 1180–1182). В двух профилях отмечено шесть слоев. Северо-восточный профиль у прясла наиболее простой. Слой 1 — дерн с землей, наросшей за последние 30 лет (7–10 см). Слой 2 — современный мусор в темно-коричневой супеси (2–5 см) появился после ремонта середины 1980-х гг. Слой 3 — темно-коричневая гумусированная супесь, огородная земля с включением обильных костей рыб и животных (20–22 см). Дата — конец XVI — начало XX в. О нахождении здесь огородов свидетельствуют гравюры 1744, 1810 гг. и планы Соловецкого монастыря 1790, 1884 гг. Слой 4 — желтый мелкозернистый песок (3–10 см), подсыпка после строительства крепости конца XVI в. Слой 5 — желтый материковый песок с крупной галькой и мелкими обломками красного кирпича времени окончания

¹⁰ Шурф 34 — 1976 г. был заложен на месте шурфов 1 — 1970 г. и 5 — 1971 г. (ил. 1126), которые не были доведены до материка, а только определили мощность современного мусора, который предстояло удалить. К 1976 г. данный мусор частично был убран, что позволило продолжить исследования.

строительства. Слой 6 — серая плотная супесь с включением камней. У прясла стены она уходит на глубину 0,25 м. Поверх нее лежит нижний валун юго-западного прясла без заглубления.

Стратиграфия в юго-западном профиле у стены Стратилатовской башни помимо указанных шести слоев имеет дополнительные строительные прослойки. Две из них оказались внутри почвенного слоя 3. Верхняя прослойка с известковой крошкой относится к ремонту середины 1980-х гг., когда зачеканивали пазухи между валунами. Другая прослойка с известью и обломками кирпича соотносится с ремонтом 1832 г. В это время Стратилатовская (Прядильная) башня наряду с другими угловыми башнями была *«возобновлена и исправлена немалою кирпичною починкою»* (Дело 1832 г., л. 2, п. 3). Третья, самая нижняя прослойка с включением извести, покрытой сверху истлевшей щепой, оказалась под слоем почвы 3. Она относится непосредственно ко времени возведения башни. Щепа, скорее всего, относится к возведению шатра. Общая мощность слоев в примыкании к башне 0,9 м.

Фундамента у данного участка крепости не оказалось. Камни покоятся на слое плотной серой супеси, без заглубления и уложены с учетом рельефа без его выравнивания. За 400 лет слой, появившийся после возведения Стратилатовской башни, вырос снаружи на 0,65 м, у прясла — на 0,35 м.

Подведем итоги. Археологические раскопки показали, что заглубленный фундамент как строительная несущая конструкция у Соловецкой крепости отсутствует. Здесь нет деревянных вбитых свай, которые рекомендовались в начале XVII в. «Уставом ратных, пушечных и других дел». В документе предписывалось, если *«град строится на ровном месте, и кругом града бывают болота, мхи, потоны или вода»*, то прежде чем *«каменную стену вести»*, необходимо *«досмотрети, добро ли место к подошве»*, а затем уже *«сваи бити и поперечины и длинники деревянные, класти»* (Радишевский А. М., 1781, с. 92–93). На Соловках отсутствует заполненный валунами фундаментный ров. Отсутствует и особая конструкция, наблюдаемая в дру-

гих крепостях. Например, при возведении крепости Смоленска (1596–1601 гг.) поверх дубовых свай укладывали бутовый камень, залитый глиной. Затем сверху делали глиняный замок, на котором и возводили белокаменный цоколь кирпичной стены (Модестов Ф. Э., 2003, с. 37–38).

Соловецкая крепость в соответствии со Сказанием конца XVI в. действительно поставлена поверх «потшвы». Установлено несколько вариантов грунта, на который укладывались нижние валуны:

1) плотная серая супесь (или серая плотная глина) с обилием камней, с которой предварительно был убран материковый песок (раскрытия 12, 15–18, 21, 22, 30–32); это коренная морена;

2) материковый желтый или рыжий песок с крупной галькой — так называемые намывные пляжи (раскрытия 4, 8, 24);

3) мелкозернистый желтый песок, как правило — подсыпка для выравнивания поверхности (раскрытия 1–3, 5, 6, 28, 29, 31);

4) культурный слой, существовавший ко времени строительства крепости; при этом ниже слоя лежал крупнозернистый морской песок (раскрытия 9, 11, 20, 25) или была серая плотная супесь (раскрытия 14, 27).

Первые два слоя, по замечанию геоморфолога Н. А. Никишина, природного происхождения. Перед нами отложения намывных пляжных песков, лежащих на платформе плотных илистых песков (серой плотной супеси)¹¹. Толщей данных четвертичных отложений, относящихся к ледниковым отложениям (донная морена), покрыта вся территория острова (Горелик Л. С. рук., 1961).

Серая плотная супесь с валунами и есть *«каменная почва»*, на которую указал в своем сочинении начала XIX в. соловецкий архимандрит Макарий. Она встречена нами всюду, но на разной глубине под указанными первыми тремя слоями. Ее прочность и объясняет отсутствие фундамента не только у Соловецкой крепости, но и у других монастырских зданий. **Плотная серая супесь или глина, содержащая валуны, а также материковый песок с обильной крупной галькой, камнями являли собой естественное прочное основание под крепость.** Подтверждением

¹¹ Благодарю Н. А. Никишина за консультацию (1997 г.).

Если мы посмотрим на высотные абсолютные отметки отдельных участков Соловецкой крепости, то увидим, что намывные пляжи из желто-рыжих крупнозернистых песков и подстилающая их плотная серая супесь занимают наиболее высокие точки — у Корожной и Никольской башен (отметки современной поверхности 12,31 м и 13,77 м). Здесь находится возвышенность. Те же отложения отмечены и на ее обоих южных склонах рядом с примыкающими к башням пряслами (10,00 м). Подобная картина наблюдается на морском берегу, напротив горловины бухты до Успенской башни (2,85 м) и близ небольшой возвышенности у Святых ворот (4,50 м). Южнее Святых ворот в сторону Стратилатовской башни — на берегу залива, прикрытого с запада, с моря, Сельдяным мысом, — идет низина только с серой супесью, местами заболоченная. Ее строители и вынуждены были засыпать песком. Далее к югу за низиной серая су-

Прежде всего отметим, что в шурфах и траншеях снаружи в основании стен и ряда башен во многих местах выявлены нижние валуны, заметно выступающие за линии стен на 0,4–1,6 м, реже на 0,2 м (табл. 29). Сейчас они не видны, поскольку скрыты наросшим культурным слоем, образовавшимся за столетия после строительства. Резко выступающие валуны бесспорно цокольные. Таким образом, у **Соловецкой крепости впервые археологически засвидетельствовано валунное цокольное основание, выступающее по отношению ко второму и третьему рядам валунов.** При отсутствии фундамента цокольное подножие конструктивно оправдано. Широкий цоколь принимает на себя нагрузку основной возвышающейся части строения. Цоколь (талус) получил распространение в русских крепостях с конца XV в. (*Носов К. С.*, 2003, с. 60). **Наличие цоколя, являющегося архитектурным элементом, меняет представление о первоначальном внешнем виде крепостных стен и башен Соловецкого монастыря.**

¹² В литературе Д. С. Лихачев высказал мнение, что ансамбль Соловецкого монастыря расположен на искусственно спланированной территории между бухтой Благополучия и Святым озером и что строители приподняли территорию искусственной насыпью из привозного грунта (*Шилова Т. В.*, 2001, с. 175). Между тем это всего лишь гипотеза, высказанная в 1961 г. по предварительным результатам геобурения на территории монастыря. Гравелистые пески с содержанием гравия и гальки до 33%, встреченные *«или непосредственно под дерном, или булыжником, или под насыпным слоем, состоящим из строительного мусора»*, инженер Р. С. Слоним считает образованием искусственного порядка, что в ряде случаев верно. Однако отсюда без учета данных археологии сделан широко обобщенный и поспешный вывод о том, что *«основанием древних сооружений Соловецкого кремля является искусственная насыть»* (*Слоним Р. С.* рук., 1961, л. 10).

В западных пряслах цокольная платформа, сложенная из горизонтального ряда валунов, располагается только под стенами, обходя печуры нижнего боя с земляным полом. Однако на участке между Пристенком и Архангельской башней на данной платформе стоят и печуры. Пол в раскопанных печурах № 46, 47, а также в исследованных двух боковых внутрстенных камерах Головленковой тюрьмы приподнят на высоту одного валуна. Пространство между валунами внутри печур и камер заполнено более мелкими камнями и засыпано песком (ил. 1183). Вход в ближайшую печуру № 50 южнее Архангельской башни перегораживают два ряда камней в высоту (ил. 1172). Итак, **со стороны Святого озера на конкретном участке зафиксирована сплошная цокольная платформа под стеной с заходом в печуры.** Однако насколько данная конструкция характерна для всей восточной стены, осталось неясно.

Раскопки в печурах № 4, 13, 14 западных прясел выявили каменные водостоки, проложенные под стенами (ил. 1135, 1149–1153). Расположенные со стороны моря внизу покатого склона, на котором разместился сам монастырь, они играли роль дренажей, отводивших сезонные осадки от стен, а некоторые одновременно были задействованы и для сброса отходов из зданий. Чисто дренажную функцию несли каменные водостоки (или каналы), обнаруженные в проходе Рыбных ворот и под пряслом к северу от Успенской башни (ил. 1154–1156, 1146–1147). С востока, со стороны Святого озера, откуда и началось падение рельефа к западу, дренажи в печурах подошвенного боя пока не прослежены и, похоже, их там не следует ожидать. Упомянувшаяся ранее дренажная система к югу от Рыбных ворот в виде засыпки из камней (ил. 1131) обеспечивала отток воды по руслу старого ручья под крепостной стеной (Бессонов Г.Б. рук., 1980). Впрочем, на плане 1790 г. инженера-подпоручика Васильева между 1-й и 2-й бойницами к югу от Рыбных ворот пунктиром рядом с цифрой 58 показана трасса «канала подземного каменного на сводах». Но существовал ли он в действительности?

В траншеях при прокладке коммуникаций вблизи внешних сторон двух западных башен обнаружилась прикладка из круп-

ных валунов, предназначавшихся для усиления основания башен на естественных склонах при перепаде высот в сторону моря. Одну из них, примыкавшую с юга и запада к Стратилатовской башне, вскрыла траншея под кабель в 2004 г. Другая прослежена в 2006 г. М.Е. Ворожейкиной на участке траншеи, проходившей вдоль западного фасада Успенской башни. Здесь отмечено три яруса ранее неизвестной валунной выкладки (ил. 1184). Располагаясь от самого подножья башни до береговой валунной стенки бухты Благополучия, камни были призваны предотвратить размывание берега и сползание башни в сторону моря (Ворожейкина М.Е. рук., 2007, с. 27).

Расширенное цокольное основание, цокольная платформа, дренажная система, прикладки из валунов у основания башен на ответственных участках — все эти инженерные решения ставили одну цель: усилить устойчивость стен и башен, не имевших специального заглубленного фундамента.

3.3.3. О ХАРАКТЕРЕ ВАЛУННОЙ КЛАДКИ И ЗАДЕЛКЕ МЕЖВАЛУННЫХ ШВОВ

Первое описание техники укладки валунов на известковом растворе и закладки снаружи полостей между валунами «каменного города» относится к 1790 г. Инженер-подпоручик Я.В. Васильев отметил, что «*между камней пустоты, щебенены колотым диким камнем и выложены кирпичем на извести*» (Васильев, 1790 г., л. 19 — 19 об.). К 1813 г. относится сообщение К.С. Молчанова: «*При округленных их углах (камней. — В.Б.) остающиеся полости малыми камнями с известью замешаны*» (Молчанов К.С., 1813, с. 278). Архимандрит Макарий в 1825 г. ограничился замечанием: «*Камни вси прибраны более ограненные и потому плотно один на другом лежащие*». Он же указал на «замещение» пустот между валунами малыми камнями с известью (Макарий, 1825, с. 42).

В 1834 г. чинилась стена крепости, у которой щебеночная закладка между большими камнями высыпалась «от долговременности», образовавшиеся выбоины «заросли было мхом и травой», отчего крепость пришла «в совершенную ветхость».

В тот же год «стена вся заново на известке с кирпичом разделана <...> что составляло больших трудов и издержек» (Дело 1834 г., л. 2 об.; Фруменков Г.Г., 1975, с. 33).

В 1960–1970-х гг. в ходе наблюдений за руинированными участками крепости О.Д. Савицкая описала характер заполнения между валунами: «В качестве связующего материала применен белый известковый раствор с использованием кирпича или кирпичного боя для выравнивания рядов валунной кладки и заполнения пустот между камнями» (Савицкая О.Д., 2005, с. 33). Архангельский историк Г.Г. Фруменков в работе 1975 г., основываясь явно на своих наблюдениях, заметил: «Неотесанные глыбы булыжника строители искусно подгоняли друг к другу. Неизбежные при такой кладке пустые места заполнялись мелким камнем и кирпичным щебнем, связанным известковым раствором» (Фруменков Г.Г., 1975, с. 32).

За период с 1996 по 2006 г. нами было отмечено несколько свидетельств характера кладки и заполнения межвалунного пространства внутри крепостных стен и башен.

1. В 2001 г. при установке новых полотнищ Никольских ворот, которые были прорублены в начале XIX в. на месте печуры №28, монахи ныне действующего Спасо-Преображенского монастыря сбили известковую штукатурку северной и южной стенок проезда. В результате **первые достаточно полно была обнажена валунная забутовка поперечного разреза крепостной стены**. Она включает камни разного размера. Полости между ними оказались залиты белым известковым раствором без пустот (ил. 553, 1185).

2. На восточном фасаде Архангельской башни в ее основании произошел разлом и оседание валунной кладки с подвижкой камней. В обнажившемся пространстве четко просматривается внутренняя забутовка из кирпичного щебня и обломков камней на известковом растворе (ил. 1186).

3. К северу от Белой башни на восточном фасаде стены у амбразуры печуры №49 в настоящее время идет постепенное проседание валунов подошвы, сопровождающееся деформацией нижних рядов кладки и выпадением камней, уложенных выше современной поверхности земли¹³. Во внутреннем пространстве заполнения кладки стены отчетливо видна забутовка известкового раствора с мелкими камнями и мелким редким кирпичным щебнем (ил. 1187).

4. Внутри печуры №10, рядом с Успенской башней, произошло обрушение части амбразуры корнями выросшей березки. Внутренняя кладка — из камней на известковом растворе.

В трех из четырех случаев наблюдается однотипный характер содержания внутреннего объема стен крепости между наружными облицовочными валунами — **мелкие и средние камни на известковом растворе, заполняющие все пустоты и тем самым превращающие стену в монолит**. Только в двух случаях визуально определен в качестве мелкого заполнения кирпичный щебень с колотым камнем. Но следует признать, что использование мелких обломков колотого кирпича было на самом деле чаще. Они плохо различимы, так как со всех сторон их обволакивает известковая пленка.

Мы также обратили внимание на чистую, без загрязненности поверхность застывшего известкового раствора, отслоившегося от окатанных валунов. Надо полагать, что **камни, как наружные, так и в заполнении межвалунного пространства, проходили очистку перед укладкой, что было важно для сцепления их с раствором**.

Другая особенность современной Соловецкой крепости — использование кирпича на известковом растворе для заполнения промежутков между валунами на фасадах. Однако была ли она изначальная? Дошедшие до нашего времени кирпичные закладки на многих участках крепостной стены

¹³ Причина ускорения разрушения здесь кладки, на мой взгляд, совершенно очевидна. Рядом, до 1-й бойницы подошвенного боя к северу от Белой башни, в 1980-е гг. была подведена теплотрасса, проект которой впоследствии был забракован. Бетонные коробы с трубами сверху прикрыли плитами, а с боков траншея не была засыпана. В итоге там образовались полости, куда и уходит вся дождевая и внешняя вода. Более того, вода нашла выход в южном направлении — под основание Белой башни, на стенах которой появились большие трещины. Все мои докладные записки в дирекцию СГИАПМЗ о необходимости разобрать остатки теплотрассы не имели действия, поскольку хозяин труб не установлен. Процесс разрушения крепости на этом участке медленно продолжается.

явно поздние, переделанные. К тому же первое свидетельство о применении кирпича для закрытия пазухов относится только к 1834 г., когда велся ремонт стен. Ответ дала археология. В ходе раскопок в нескольких местах нам удалось **проследить in situ подлинную наружную зачеканку между валунами конца XVI столетия.**

1. С внешней стороны печуры № 6 (раскоп 1 — 2001 г., раскрытие 4). Закладка щели между двумя валунами под амбразурой выполнена из двух уплощенных камней (ил. 1128, 1137).

2. На западном фасаде Успенской башни в шурфе 3 — 2006 г. (раскрытие 7) нижний участок валунной кладки, закрытый после строительства поздними слоями, представил смешанный тип зачеканки швов. Между валунами — обломками кирпичей и камней на известковом растворе (ил. 1188).

3. Внизу стены севернее Успенской башни со стороны монастыря (раскоп 3 — 2005 г., раскрытие 9), присыпанной землей при окончании строительства крепости, в пазухах швов между валунами прослежены обломки кирпичей на известковом растворе (ил. 1189).

4. На соседнем участке также фиксируется использование булыжника и кирпича для заполнения лакун между камнями стены (шурф 5 — 2014 г., раскрытие 10) (ил. 1146).

5. На восточном фасаде стены к северу от Успенской башни над выявленным внутренним каналом (водостоком) пустоты между камнями замазаны известковым раствором с использованием обломков кирпичей и булыжника (шурф 4 — 2014 г., раскрытие 11) (ил. 1147).

6. В основании восточной стены южнее Корожной башни, рядом с печурой № 17, щели между валунами заткнуты камнями и обломками кирпичей (шурф 3 — 2014 г., раскрытие 16) (ил. 1157).

7. Пазухи между валунами у амбразуры Никольской башни заполнены мелкими камнями и мелкими частицами кирпича (траншея 1 — 1996 г., раскрытие 19) (ил. 1162–1163).

8. Пустоты между камнями в основании стены к югу от Никольской башни, рядом с печурой № 29 (шурф 2 — 2014 г., раскрытие 20) заложены мелкими камнями, сверху пролит известковый раствор

с применением фрагментов кирпичей (ил. 1164–1165).

9. Швы между валунами стены напротив северной камеры Головленковой тюрьмы заложены обломками кирпичей и камней на известковом растворе (шурф 1 — 1999 г., раскрытие 21) (ил. 1168).

10. Пазухи между камнями стены к северу от Архангельской башни напротив строительного шва заделаны известковым раствором с использованием небольших камней и обломков кирпичей (шурф 2 — 1999 г., раскрытие 23) (ил. 1170).

11. Внизу стены, в примыкании к Стратилатовской башне с востока швы между валунами зачеканены камнями и битым кирпичом на известковом растворе (шурф 1 — 2014 г., раскрытие 32) (ил. 1082).

12. Швы между валунами в основании Стратилатовской башни с востока закрыты камнями с битым кирпичом на известке (шурф 1 — 2014 г., раскрытие 32) (ил. 1081).

Перечисленные наблюдения свидетельствуют о трех видах техники закрытия наружных пустот между валунами с конца XVI столетия. В одном случае это были только небольшие камни и их осколки, в другом варианте мелкие камни сочетались с обломками кирпичей. В третьем случае шов заполняли только кирпичи на известковом растворе. Но все техники могли соседствовать на одном участке крепости. Единообразия не было и не могло быть, так как использовался любой подручный материал, включая камень и кирпичный бой (не пропадать же ему), с единственной целью закрыть все щели, придать фасадам целостность.

Техническая необходимость заполнения промежутков между валунами фасадной кладки соблюдалась в более ранний период в других новгородских крепостях. Так, в Орешке в 1352 г. с этой целью применяли известковые плиты (*Кирпичников А.Н.*, 1984, с. 102–103, рис. 43). Но тогда и кирпич не применялся в фортификации.

3.3.4. О ПОБЕЛКЕ КРЕПОСТНЫХ СТЕН

В настоящее время на многих внутренних участках крепостной стены со стороны монастыря по ее внутреннему периметру

на валунах виднеются остатки побелки. В литературе не ставился вопрос о времени ее появления. Между тем собранные нами сведения указывают на то, что побелка валунных стен изнутри крепости не могла появиться ранее XIX столетия. В 1790 г. о ней Васильев ничего не сообщает. Более того, на рисунках и чертежах крепости им показаны камни натурального серого и темно-серого цвета, а кирпичные парапеты стен и башен сохраняют свой ярко-красный цвет.

Из сочинения архимандрита Макария становится известно, что **к 1825 г. был побелен кирпичный верх обходной галереи крепости** — «*кирпичные парапеты беленыя*» (Макарий, 1825, с. 2). **Побелку же самих валунных стен изнутри крепости, придававшую сооружению характер белокаменного сооружения, фиксируют лишь фотографии конца XIX в.** — северо-восточный угол крепости у Никольской башни с двух сторон — со стороны монастырского двора (ил. 294) и стена у Рыбных ворот (ил. 493). В это время снаружи побелили арки Архангельских, Никольских, Рыбных ворот, Стрельницу Никольской башни (ил. 293, 494, 528, 555).

Фактор изначального отсутствия побелки чрезвычайно важен для восстановления первоначального визуального восприятия крепостного зодчества Соловецкого монастыря. Когда в 2006 г. в ходе реставрации прясла между Никольской башней и Квасоварней была удалена вся поздняя побелка со стороны северного дворика¹⁴, данный участок предстал совершенно в ином виде (ил. 748). Кирпичная кладка парапета верхней галереи с арками печур заиграла красноцветием. По восприятию Соловецкая крепость сблизилась с краснокирпичными крепостями Московской Руси. Даже основа крепостной стены — серые валуны, щели между которыми на отдельных участках были зачеканены красным кирпичом на белой извести, стали менее бросаки.

Однако некоторые сомнения по данному вопросу всё же остаются, поскольку на всех ранних графических изображениях Соловецкой крепости XVII — начала XVIII в. стены и башни обозначены белой краской. Но, скорее всего, перед нами художественный прием, когда изограф белым цветом выделял каменные сооружения в противовес деревянным.

3.4. ДЕРЕВЯННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ФОРТИФИКАЦИИ

Исторические сведения о деревянных конструкциях стен и башен немногочисленные. Это — или очень краткие упоминания в монастырских документах, или поздние фотографии. На данном фоне большую ценность для реставраторов составили чертежи 1790 г. инженера-подпоручика Я. В. Васильева.

3.4.1. Полы, кровля, междуэтажные перекрытия, шатры

Полы обходной галереи. В 1789 г. А. И. Фомин отмечал, что «*для прохода по всей стене вокруг положен дощатой пол*» (Фомин А. И., 1797. с. 98). Данный пол из тонких досок изображен на чертеже Я. В. Васильева 1790 г. в разрезе стены к се-

веру и югу от Успенской башни. К началу XIX в. относится еще одно свидетельство: «*для перехода по всей стене вокруг сделан деревянный мост*» (Молчанов К. С., 1813, с. 278). Любопытно, что термин «мост» здесь в соответствии с древнерусским значением использован для обозначения мостовой. В 1838 г. «*на крепостной стене, обведенной около монастыря, настлан из досок новый пол, погонных 350 сажень, шириною в 5 аршин*» (Дело 1838 г., л. 3 об.). Ремонтировалась примерно одна треть обходной галереи. На фотографии 1888 г. представлено деревянное мощение боевого хода севернее Успенской башни (Лейцингер Я. И., 2005). Доски неровные, плохо подогнаны, со щелями, уложены не строго прямолинейно (ил. 698–699). Такое покрытие сохранялось до пожара 1923 г. (ил. 697).

¹⁴ Реставрацию осуществлял кооператив «Палата» под руководством В. В. Сошина. Счищали известку с помощью пескоструйной техники и отмывки.

По боевому ходу в примыкании к южной стене Пристенка архитектором-реставратором В.В. Сошиным был найден фрагмент, как считает сам исследователь, древнего деревянного настила пола. Это две короткие прошитые, скрепленные доски (ил. 1190) (Савицкая О.Д., 2005, с. 11; рук., 1984; Сошин В.В. рук., 1982). Однако сама конструкция выдает вторичный характер использования досок от бортовой обшивки морского судна. Это типичная, хорошо известная технология шитья поморских судов (Наймарк М.Л., 2004, с. 9–28).

Деревянная кровля на крепостных стенах впервые была изображена на известной миниатюре Вахrameевской рукописи начала XVII в. Далее она представлена на многочисленных гравюрах двух последующих столетий и на фотографиях конца XIX — начала XX в. Ее наличие и обеспечивало веками хорошую сохранность прясел. Первое письменное свидетельство о кровле относится к 21 июля 1659 г., когда *«во время утреннего пения загорелись кровли на крепостной стене и на Архангельской башне от свечного завода, построенного за оградой»* (Досифей, 1833, с. 69). В 1674 г. воевода Иван Мещеринов, осаждавший монастырь, намеревался *«и на городу зажечь кровли»* (Барсов Е.В., 1890, с. 102). В описи 1676 г. говорится: *«а покрыт тот город и башни тесом з зубцами»* (Опись СМ 1676 г., л. 324). Здесь важно упоминание формы теса. К.С. Молчанов отметил *«крышечные стропила»*, которые поддерживают столбы (Молчанов К.С., 1813, с. 278). В 1790 г. чертежи стропильной конструкции в форме треугольных «крышек» выполнил Я.В. Васильев. В позднем варианте стропильная конструкция кровли известна по фотографиям 1888 г. Я.И. Лейцингера. Эту конструкцию воссоздали современные реставраторы.

Межэтажные перекрытия в башнях. Ярусы в башнях отделялись прочными деревянными настилами, известными под именем «мостов». На данный тип конструкции (лаги, поверх которых настилались доски или бревна настила) впервые указал воевода Мещеринов в 1674 г. в грамоте Алексею Михайловичу: *«А в башнях, государь, у них каменных сводов нет, а сделаны мосты деревянные, и как бы на тех башнях у них, воров, кровли зажечь, и у них*

бы, государь, воров, пушки все обвалились на землю» (Барсов Е.В., 1890, с. 102). Надо полагать, столь простая конструкция междуэтажных перекрытий была обусловлена и даже предопределена валунным характером кладки стен. К тому же она давала выигрыш во времени строителям, которым не требовалось возводить своды по специальным опалубкам, и позволяла существенно экономить строительный материал — кирпичи.

На чертежах Я.В. Васильева 1790 г. представлены разрезы всех башен Соловецкой крепости с межъярусными перекрытиями. Бревенчатые балки уложены на края стен; сверху по ним настелены именно доски (ил. 16). Архитекторы-реставраторы определяют часть конструкции башенных перекрытий как *«балки-прогоны, введенные в гнезда валунной кладки»* (Савицкая О.Д., Сошин В.В. рук., 1985, л. 12).

В конце 1950-х гг. архитектор И.Я. Свирский застал подлинные перекрытия монастырского периода в Кoroжной башне. Он писал: *«Основой междуэтажных перекрытий являются прогоны из бревен длиной до 10–12 м и диаметром до 80 см, заделанные в каменную кладку стен башни с шагом около 1,5 м; по прогонам устраивался сплошной накат из плотно пригнанного друг к другу круглого леса со слоем засыпки. Часть такого перекрытия имеется над третьим ярусом; в перекрытиях первого и второго ярусов остались лишь несколько прогонов»* (Максимов П.Н., Свирский И.Я., 1958, с. 116, рис. 8). Мы полагаем, что описанная конструкция хотя и относилась ко времени существования монастыря, могла быть сделана не ранее пожара 1818 г., после которого состоялся ремонт этой башни.

Для Кoroжной башни тот же исследователь описал систему проходов на разные ярусы: *«Первый ярус сообщается проемом с дворовой частью монастыря, второй ярус — с галереей западной стены, третий — с галереей северной стены. Между собой яруса, по-видимому, были связаны лестницами, о чем можно судить по сохранившимся проемам в перекрытиях»* (Максимов П.Н., Свирский И.Я., 1958, с. 116). Сообщение между этажами посредством лестниц характерно для крепости (Ласковский Ф.Ф., 18586, с. 125; Носов К.С., 20096, с. 74, 75). В то же время

люки использовались для подъема орудий и припасов. В 1925–1926 гг. музейные сотрудники соловецкого концлагеря восстановили два подъемных станка в одной из башен и с их помощью подняли на второй и третий ярусы пушки для экспозиции (Богуславский Г.А., 1966, с. 59).

Систему балочной конструкции описал В.В. Косточкин: *«Верхние этажи башни в плане круглые, как и сама башня; с нижним этажом связи они не имели. Друг от друга они отделялись мостами — плоскими перекрытиями по деревянным балкам; от них в стенах остались гнезда. Судя по ним, направление балок мостов одного этажа было перпендикулярным направлению балок другого. Это делалось, по-видимому, для того, чтобы не ослаблять кладку стен гнездами»* (Косточкин В.В., 1962, 1972).

Шатры. С начала 1950-х гг. среди краеведов и популяризаторов, далеких от архитектуры, сложилось устойчивое представление, что шатры на соловецких башнях поставили не сразу. *«Первоначально башни не имели кровли. Точных данных о том, когда они были устроены, не имеется»*, — писала архангельский краевед К.П. Гемп (Гемп К.П. рук., 1951, л. 4). Данная мысль была подхвачена рядом авторов. Географ Г.А. Богуславский считал, что шатры появились только в XVII в. и что первоначально башни завершались на уровне зубцов. Это, по его мнению, придавало им грозный и суровый вид (Богуславский Г.А., 1966, с. 58). Данную идею разделяли ученый-химик и художник-архитектор, авторы популярной книги о Соловках (Домашнев А.Д., Дроздова Т.Н., 1985, с. 60). В то же время даже архитектор И.А. Бартенев высказывался о появлении башенных шатров над площадками для орудий аж в XVIII столетии (Бартенев И.А., 1969, с. 7).

Однако представить в суровых северных условиях отсутствие шатров на башнях крепости просто невозможно. Кровля выполняла защитную функцию. Она

не только предохраняла от разрушения (намокания с последующим замораживанием и размораживанием) кирпичную и валунную кладку верхнего яруса, но и не допускала быстрой деградации деревянных межъярусных перекрытий. Не говоря уже о том, что шатер защищал от осадков, активной сырости железные и чугунные пушки. К тому же хорошо известно, что шатры на башнях Соловецкой крепости показаны на гравюрах, иконах, наконец, на древнейшей миниатюре с видом Соловецкого монастыря 1600 г. И хотя на последней изображения башен весьма условны¹⁵, как и ряд других объектов, сам факт наличия на миниатюре башенных шатров весьма красноречив.

Документы впервые упоминают шатры на башнях Соловецкой крепости под 1659 г. Тогда загорелись кровли на крепостной стене и на Архангельской башне (Досифей, 1833, с. 69). В 1674 г., во время осады монастыря воевода Иван Мещеринов в письме царю высказал намерение *«на башнях <...> зажечь кровли»* (Барсов Е.В., 1890, с. 102). Задумка не удалась, и два года спустя целые шатры на башнях засвидетельствовала опись, составленная сразу после штурма обители: *«а покрыт тот город и башни тесом з зубцами»* (Опись СМ 1676 г., л. 324). В 1759 г. была *«покрыта в монастыре Архангельская башня тесом»* (СЛ-4 XVIII в., л. 70 об.). В 1815 г. должны были отремонтировать какой-то башенный шатер: *«кумпол башенной, простирающей в вышину до 6-ти сажень, утвержденной из стены в стену подставами и столпами стоячими, кроме наружной тесовой оболочки»* (Смета СМ 1815 г., л. 4). В 1832 г. каждая из пяти угловых башен была *«возобновлена и исправлена немалую кирпичною починкою»* (Дело 1832 г., л. 2, п. 3). Но чисто технически одновременно должны были заменить у них и шатры. В 1838 г. ремонта дождалась Успенская башня. Она была *«покрыта новым тесом, фонарь с карнизами и “медилионом”, покрыт чешуею, шар,*

¹⁵ *«Каменные крепостные башни даны на миниатюре с расширениями сверху, несомненно, отражающими машикули крепостных сооружений, и перекрыты низкими шатровыми кровлями. В действительности башни Соловецкого монастыря, сохранившие свою первоначальную и исключительно оригинальную форму, не имеющую повторений в других памятниках зодчества, никогда не имели расширяющегося верха и машикулей и сохранили деревянные шатры высоких пропорций. Следовательно, и в данном случае изображение башен на миниатюре не отвечает действительности»*, — отзыв П.Д. Барановского о статье М.В. Щепкиной «Соловецкий монастырь в изображении миниатюры XVI века» (15.X.1954 г.) (Соловецкий монастырь, 2000, с. 51).

флюгер железный и выкрашены» (Дело 1838 г., л. 3 об., п. 18). Тогда же по образцу Успенской башни «Прядиленная башня покрыта также», т. е. «фонарь с карнизами и медилионом, покрыт чешуею, шар, флюгер железный и выкрашены» (Дело 1838 г., л. 3 об., пп. 18 и 19). В 1839 г. ее шатер «с кумолом» был выкрашен «по приличию красками» (Дело 1839 г., л. 2 об.). В 1838 г. «на Арестантской башне фонарь сделан новый и покрыт чешуею» (Дело 1838 г., л. 3 об., п. 20). Изобразительные материалы достаточно точно передают представление о новом внешнем облике башен (см. гл. 2).

Впервые чертежи шатров выполнил в 1790 г. инженер-подпоручик Я. В. Васильев (ил. 16, 1191). Шатры Соловецкой крепости были представлены четырьмя формами:

а) многогранные пирамиды без вышек (башни Архангельская, Стратилатовская);

б) многогранные усеченные пирамиды со смотровыми вышками (башни Белая, Корожная, Никольская);

в) четырехгранные усеченные пирамиды с вышкой (башня Успенская);

г) четырехгранные усеченные пирамиды без вышки (башни Квасоваренная, Поваренная).

Конструкция всех шатров стропильная. Ее основу составлял центральный вертикальный осевой столб, опирающийся нижним концом на срединную балку потолка последнего яруса или на сдвоенные балки, уложенные одна на другую. На завершении столба крепился прапор. Центральная стойка удерживалась боковыми наклонными стропилами, которые нижним концом упирались в обвязку из бруса, уложенную поверх кирпичного парапета. В шатрах, не имевших смотровой вышки, боковые стропила крепились к самому верху центральной стойки, фиксируя грани пирамиды кровли. В шатрах с вышками верхний край боковых стоек врубался в специальную многогранную или четырехгранную обвязку, на которую и устанавливалась вышка.

Боковые стропила в двух уровнях были скреплены бревенчатыми обрешетками, к которым прибивались наклонные

доски кровли. Нижние края досок обшивки шатра примыкали к доскам полицы («юбки»), крепившейся слегка наклонно к обвязке, что поверх кирпичного парапета. Из уже приводимого сообщения 1815 г. о ремонте шатра узнаем названия конструктивных деталей шатра. Вертикальная стойка именуется «столпом», а боковые стропила — «подставами».

Первоначальная высота шатров Соловецкой крепости неизвестна. Для конца XVIII столетия она вычисляется только на основе чертежей 1790 г., выполненных в масштабе 1 сажень = 2,13 м:

Архангельская башня 6 саж. (12,80 м);

Белая башня 8 саж. (17,04 м);

Корожная башня 7,5 саж. (16,00 м);

Никольская башня 8,6 саж. (18,43 м);

Стратилатовская башня 4,5 саж. (9,60 м);

Успенская башня 8 саж. (17,04 м);

Квасоваренная башня 4,5 саж. (9,60 м);

Поваренная башня 2 саж. (4,27 м).

О точном количестве граней шатров судить сложно. На чертеже 1790 г. у пяти шатров угловых башен в разрезе показано семь наклонных стропил (три по бокам и одна, скрытая за центральной стойкой). Из этого следует, что боковых стропил могло быть всего 12 (7+5) или 14 шт. Здесь надо принимать во внимание, что разрез мог не учесть еще две грани, расположенные параллельно с обеих сторон, подобно тому, как это произошло с четырехгранной Успенской башней: для нее показаны пять стропил только для одной северной стороны без учета двух параллельных боковых сторон — западной и восточной¹⁶. Таким образом, на чертеже 1790 г. все башни, кроме Успенской и Пристенка, представлены с шатрами из 12 или 14 граней.

Башни Архангельская, Стратилатовская, Никольская первоначально не имели дозорных вышек (фонарей). Вышки были только на Белой, Корожной и Успенской башнях.

Для каждой башни в отдельности в соответствующих разделах мы приводили размеры смотровых вышек, которые вычислены по чертежам Я. В. Васильева 1790 г. Обобщим эти сведения (табл. 30).

¹⁶ На чертеже 1790 г. (л. V) разрезы обозначены буквой N и цифрой. Из контекста следует, что буква всегда ставилась слева разреза, поэтому на разрезе Успенской башни показана северная стена. Справа, на восточной стене, поверх парапета верно представлены в профиль кирпичные столбы, которые были тоньше парапета.

Башня	Высота вышки	Ширина вышки	Высота шатрика
Белая	1 саж. (2,13 м)	1,5 саж. (3,2 м)	1,5 саж. (3,2 м)
Корожная	1½ саж. (2,84 м)	1½ саж. (2,84 м)	1½ саж. (2,84 м)
Успенская	1 саж. (2,13 м)	1 саж. (2,13 м)	1½ саж. (2,84 м)

ты были введены в армии Венецианской республики в середине XV в. командиром кондотьеров Коллеони. К началу XVI в. лафет получил применение в Германии, а в XVI в. — в России (*Арциховский А. В.*, 1944, с. 54). Пушечные деревянные помосты получили особо широкое распространение в XVIII–XIX вв., однако, несмотря на сравнительно малый исторический период, отделяющий нас от того времени, современной отечественной археологической науке не был известен ни один целый подобный настил. Дерево быстро гниет, превращаясь в тлен, хотя еще в середине XIX столетия военные историки имели возможность судить о подлинных платформах двух типов — платформе с поворотной рамой и настильной. Но к концу XX в. этот шанс оказался полностью утрачен. Платформы остались только в чертежах и описаниях. Их конструкция состояла из продольных и поперечных лежней, врытых в землю, и настила из трехдюймовых досок, скрепляемых боковыми или нажимными брусьями (*Ласковский Ф., Болдырев Н.*, 1864а, с. 77–80; *Ласковский Ф. Ф.*, 1858а, л. V, чертеж 7). В связи с этим каменная крепость Соловецкого монастыря, построенная в конце XVI в. и поддерживавшая свою обороноспособность вплоть до рубежа XVIII–XIX вв., представляет исключительный интерес.

Впервые о существовании деревянных платформ в бойницах подошвенного боя Соловецкой крепости мы узнаем из записок академика И.И. Лепехина, посетившего Соловки в 1772 г. Говоря о трех разновидностях бойниц, он констатирует: «...третьи (бойницы. — В.Б.) равным образом круглые окна в некотором отстоянии от основания башен, в старину подошвенным боем называемые; при них внутри сделаны помосты для поставления орудий» (Лепехин И.И., 1805, с. 68; 1822, с. 440; Молчанов К.С., 1813, с. 278).

К 1790 г. данные настилы пришли в полную негодность. Этим можно объяс-

Как известно, печуры в русских крепостях появились только в XVI в. в связи с широким распространением огнестрельного оружия и необходимостью усиления обороноспособности. В камерах нижнего боя прясел Соловецкой крепости прослежены помосты двух типов: под пушки и для стрельцов.

С платформ под пушки XVIII–XIX вв. могли стрелять как из пушек, так и из ручных пицалей и мушкетов. С изобретением лафетов под артиллерийские орудия потребовались специальные помосты. Лафе-

нить описание крепости, которое выполнил инженер-подпоручик Я.В. Васильев: «...по башням орудий, равно и для поставления оных платформ, нигде не было» (Васильев, 1790 г., л. 20). Но по прошествии времени, 8 сентября, в специальной ведомости Васильев отчитывается: «Вновь построенных платформ сто восемь» (Васильев, 1790 г., л. 91 об., 108). Другие 12 платформ были сооружены при трех земляных укреплениях на подступах к монастырю (Васильев, 1790 г., л. 92). Расходная ведомость от 21 октября 1790 г. сообщает о неиспользованном материале: «Гвоздей, от платформ отставших, двадцать три» (Ведомость 1790б г., л. 8).

Изображения пушечных платформ представлены в рукописи Я.В. Васильева на чертежах V и VIII в 4-й бойнице подошвенного боя к северу и в 6-й аналогичной бойнице к югу от Успенской башни¹⁷ (ил. 16, 19, 1192). В разрезе показаны торцы досок помоста, уложенные на толстую балку. Сверху установлена пушка. На чертеже XI представлены в плане все 12 платформ на земляных укреплениях вне крепости. Они имеют форму вытянутой равнобедренной трапеции (ил. 22).

Сведения об этих работах попали в Соловецкий летописец 1814 г.: «По проекту инженера-подпоручика по башням и по куртинам плантсформы приведены в исправное состояние, да за крепостью не в дальнем расстоянии в трех местах построены вновь земляные батареи в фашинной одежде с амбразурами и с плантсформами» (СЛ 1814 г., л. 33 об.). Затем данную информацию почти дословно в 1833 г. воспроизвел архимандрит Досифей, отметивший, что в 1790 г. «по проекту инженера-подпоручика Васильева, платформы по башням и по куртинам проведены в исправное положение» (Досифей, 1833, с. 118).

Строительство платформ не прекратилось в XIX в. в связи с обороной монастыря в годы Крымской войны. По данным ведомости о постройках 1854 г., в Соловецком монастыре были возобновлены некоторые настильные платформы под пушки и изготовлены новые лафеты: «Сделано лафетов с оковкою их железом и окрашиванием для старых чугунных и монастырских орудий на случай военных действий 17. Плат-

форм досчатых под пушки для 3-х батарей за монастырем и на крепостной стене 25» (Дело 1854 г., л. 2 об.).

Раскопанные в 1977 и 1999 гг. на Соловках платформы под пушку, как целые, так и их остатки, впервые позволяют восстановить их со всеми индивидуальными особенностями, а в ряде случаев изучить с документальной точностью. Так была **введена в научный оборот еще одна практически не изученная археологическая категория Нового времени (Буров В.А. 1984а, с. 513–515).**

Платформа 1. XVIII в.

Остатки первой платформы под пушку были обнаружены в шурфе 35 — 1976 г. в ходе работ по вертикальной планировке на территории мельничного двора на участке между Сушилом и Пряжильной башней (третья бойница к востоку от Пряжильной башни — печура № 62) (Буров В.А. рук., 1976а, л. 8–11). Сначала при освобождении печуры от мусора обнаружился толстый слой тлена. Для изучения его характера был заложен шурф по всей площади бойницы и на прилегающем к ней участке шириной 2 м. Он выявил следующую стратиграфию. Слой 1 — мусор 0,4–0,5 м. Слой 2 — древесный уголь; его мощность у амбразуры составляет 0,3 м, затем сходит на нет при входе в бойницу (пожар 1923 г.). Слой 3 — тлен толщиной 0,13–0,2 м (поздний настил). Слой 4 — прослойка извести с редким включением битого кирпича (0,03–0,1 м). Слой 5 — тлен мощностью 3–5 см. Слой 6 — песок-подсыпка. Ниже — слой серой супеси валунами.

Остатки настила соотносились со слоем 5 и представляли собой истлевшую спрессованную однородную массу, поверхность которой имела общий наклон в сторону амбразуры. Разница нивелировочных отметок поверхности тлена около амбразуры и у входа в бойницу со стороны мельничного двора составляла 0,18–0,23 м.

Местами в массе тлена прослеживался горбыль, направление которого совпадало с направлением крепостной стены. Ширина отдельных выявленных при зачистке досок неодинакова — 0,12, 0,18, 0,30 м, толщина от 3 до 5 см. Последняя явно

¹⁷ По нашей нумерации это соответственно печура № 15 и печура № 6. В них раскопки не велись.

была больше, поскольку под давлением вышележащих слоев истлевший горбыль, пропитанный влагой, деформировался. Расчистка помоста показала, что он был уложен на специальную конструкцию из трех поперечных и четырех продольных бревен-лежней диаметром 0,18–0,20 м. Бревна не сохранились, но от них остались отпечатки в песчаной подсыпке (ил. 1193–1195). В заглублениях от продольных лежней в слое тлена найдены кованые гвозди, крепившие горбыль к бревенчатой основе настила. Средняя длина гвоздей 14 см.

Разная глубина отпечатков бревен позволяет утверждать, что три поперечных лежня были целые, круглые в сечении, а четыре продольные — расколоты пополам. В местах врубок продольных и поперечных бревен вбивались длинные, до 20 см, кованые гвозди, которые крепили всю срубную конструкцию. Два таких гвоздя были выявлены в юго-восточном и юго-западном углах бойницы, в местах пересечения продольных и поперечных заглублений, оставшихся от бревен (гвозди № 1 и 3). Гвоздь № 3 сохранил свое прежнее положение: он стоял строго вертикально на месте истлевшего узла врубки бревен. Шляпка гвоздя была на уровне песчаной подсыпки.

Северные концы продольных бревен заходили под булыжную вымостку, располагавшуюся перед самым входом в бойницу. Ширина ее 0,50–0,70 м. Поверхность вымостки возвышается над песчаной подсыпкой на 10–12 см, что непременно соответствовало отметкам поверхности дощатого помоста, стелившегося на заглубленную в песчаную подушку конструкцию сруба. С учетом этих данных, а также того, что слой тлена располагался на 0,96 м ниже самой амбразуры, можно высчитать примерную глубину залегания досок помоста от амбразуры — 0,84 м.

Между досками помоста и землей, по-видимому, существовал воздушный зазор, предохранявший доски от гниения. Величину этого зазора позволило определить одно наблюдение. Ряд гвоздей (№ 2, 5, 8, 10, 12) имеют загиб, который мог образоваться в месте соприкосновения гвоздя с лежнем после прохождения его через горбыль. Если это так, то по высоте не-

загнутой части гвоздя можно судить о толщине горбыля, составляющей 7–10 см. Воздушный зазор в таком случае равен высоте, на которую возвышается каменная вымостка над песчаной подушкой, минус толщина горбыля, т. е. не более 2–5 см.

Время существования настила устанавливается по двум находкам. Одна из них — фаянсовая чашечка с печатным рисунком середины — второй половины XIX в.¹⁸ (ил. 1193: 2). Она связана со временем упразднения настила, происходит из слоя извести, перекрывающего каменную выстилку и часть горбыля у входа в бойницу. Другая находка — монета 1731 г. — была обнаружена перед каменной вымосткой в толще земли, нанесенной ногами. Она свидетельствует, что в первой половине XVIII в. настильная платформа под пушку могла уже существовать. Какие-то настилы под пушки видел в 1772 г. И. И. Лепехин.

Платформа 2. 1790 г.

Еще одна уникальная по своей сохранности деревянная платформа под пушку была обнаружена в 4-й бойнице подошвенного боя к северу от Архангельской башни (печура № 46), в раскопе 2 — 1999 г. (Буров В. А. рук., 2000; 2000б, с. 183–193; 2001б, с. 9–10). Находка залегала на глубине 0,9–1,3 м от современной поверхности под мощным слоем мусора XX в., а также под слоями щепы, извести, битого кирпича и четырьмя разновременными деревянными хозяйственными настилами XIX в. Поверхность настила находилась ровно на 1 аршин (0,71 м) ниже амбразуры (ил. 1196–1203).

Дерево плах пушечного настила осталось прочным, выдерживало вес человека, при этом доски не прогибались. Столь хорошая сохранность археологической древесины, уникальная для Соловков, объяснялась двумя обстоятельствами. Во-первых, на данном участке, обращенном к Святому озеру, достаточно высокий уровень грунтовых вод, что связано с резким поднятием зеркала водоема в 1890-х гг. Кроме того, в направлении нашей бойницы с территории монастыря постоянно шел и продолжает идти сток дождевых

¹⁸ Определение сотрудника музея-усадьбы «Кусково» В. А. Попова. 1976 г.

вод, последствия которого мы испытали в ходе раскопок, когда после дождя бойница вместе с настилом оказалась сильно подтоплена. Во-вторых, настил под пушку был перекрыт тонким (2–5 см), но сильно спрессованным слоем щепы и коры, который «закупорил» настил сверху, ограничив к нему доступ воздуха.

Данный настил состоял из трех конструктивных элементов: плах, верхних боковых нажимных досок и лаг. В общей сложности платформа была собрана из 24 деталей. Все они были нами маркированы, получили единую нумерацию. Это — 18 плах (№ 1–18), две боковые прижимные доски (№ 19–20), три большие длинные лаги (№ 21–23) и малая дополнительная лага (№ 24). Форма настила — вытянутая по направлению к амбразуре трапеция, верхняя сторона которой равна 2,87 м, нижняя 3,51 м, правая грань 3,80 м, левая 4,00 м; высота трапеции 3,86 м. Платформа занимала не всю площадь бойницы подопленного боя, а располагалась в ее глубине, в 1 м от входа в пещуру.

Поверхность платформы под пушку казалась идеально ровной. Верхняя сторона всех плах затесанная. Плахи почти вплотную примыкали друг другу без уступов и были хорошо подогнаны, хотя между некоторыми из них всё же имелись щели шириной до 2–8 мм. Нивелировочные отметки¹⁹ правого южного края настила составляли –154/–156, т. е. с разницей всего в 2 см, северного левого края –151/–159, с разницей в 8 см. По центру перепад высот поверхности равнялся 4 см с уклоном в сторону амбразуры (–152/–156).

Все 18 плах колоты из бревен диаметром 0,16–0,30 м. При этом 16 плах имеют ширину в пределах 0,18–0,22 м, одна (№ 9) 0,16–0,17 м и одна плаха (№ 1) 0,25–0,30 м (табл. 31). Плаха № 1 исключение: ее значительную ширину задал выступавший из стены камень, под который требовалась вырубка.

Минимальная длина плахи у амбразуры (№ 1) составляет 2,87 м, максимальная со стороны входа в бойницу (№ 17) 3,51 м. Левые северные края плах № 3–5 оказались подрубленными, чтобы уступить место камню, выступающему из стены крепо-

сти. По той же причине укорочена на 0,7 м и последняя плаха № 18 до длины 2,98 м, а на ее правом южном крае сделана вырубка под другой камень. В 0,5 м от южного края плахи № 1 на ширину 0,15 и длину 0,35 м также сделана вырубка, чтобы оставить место для другого камня. Плотники, сооружавшие настил, подгоняли доски по месту.

Толщина плах варьирует в пределах 5–14 см, что объясняется характером и полнотой обработки нижней поверхности плах, которые выкалывали из бревен. Собственная толщина всех плах на тех участках, которые укладывались прямо на лаги, неизменная, в пределах 6–7 см. На остальных участках не у всех плах и не по всей длине округлая часть бревен нашего настила срубалась до этой толщины. На тыльных сторонах шести плах (№ 1, 4, 7–9, 14) наблюдаются необработанные участки, полукруглые в сечении. На этих же плахах обнаруживаются лишние вырубки под лаги. Расположение дополнительных вырубков в стороне от мест прилегания настила к лагам (там остались четкие отпечатки) недвусмысленно свидетельствует о том, что все шесть плах предназначались для настила с иной конструкцией: не из трех, а четырех лаг. Данные плахи не были вторичного использования, поскольку у них отсутствуют следы прежнего крепления.

Для крепления плах и досок платформы к лагам было использовано в общей сложности 54 кованых железных и деревянных гвоздя. Из них ровно 30 экз. (55%) составили нагели, 24 экз. (45%) — железные гвозди. Для нагелей в плахах и лагах были одновременно высверлены круглые отверстия (табл. 32).

Железные гвозди сильно проржавели и во время разборки настила разломались по месту крепления плахи к лаге. Длина двух целых гвоздей 12,0 и 12,5 см. У них квадратные и прямоугольные шляпки 1,6×1,6 и 1,6×1,8 см. Сечение стержней прямоугольное, со стороной не более 10 мм.

Нагели лучшей сохранности. После разборки платформы почти половина из них (13 экз.) осталась на месте вбитыми

¹⁹ Нивелировочные отметки брались от условного репера, который был привязан к геодезическому знаку на Троицком соборе.

в лаги, девять застряли в плахах. Восемь нагелей переломились: основание осталось в лаге, а верх — в плахе. Из плах № 3 и 12 выпало по нагелю. Их длина 18,0 и 20,5 см, диаметр 3–3,5 см. Окончание деревянных гвоздей четырехгранное, заостренное на длину 4,5–9 см. Длина прочих нагелей, застрявших в плахах, равна 18,8 см (плаха № 6), 20 см (плаха № 7), 19,5 см (плахи № 8, 9). В плахах № 11 и 16 у нагелей обломился заостренный конец, и они сохранились на высоту 14–15 см. Таким образом, длина нагеля была в пределах 18–20,5 см.

Эту картину дополняют сведения о нагелях, вбитых в лаги (табл. 33). Из нее явствует, что диаметр нагелей в пределах тех же 3–3,5 см, но для некоторых из них диаметр чуть уменьшается непосредственно перед лагой. Отдельные торчащие нагели возвышаются над лагой на 8,5 см, т.е. их макушка торчала над настилом на 1–1,5 см. Они были вбиты не до конца.

Прослеживается некая закономерность расположения железных и деревянных гвоздей, носящая, очевидно, конструктивный характер. Вдоль центральной линии настила все плахи, за исключением плахи № 2, крепились нагелями, что, вероятно,

было сделано с учетом попеременного давления пушки на настил во время стрельбы и при ее откате. Нагели должны были обеспечить по центру платформы свободную вибрацию и прогиб досок, которые, сотрясаясь, должны были подниматься и опускаться под весом орудия по нагелю, как по оси. Гвозди здесь были бы просто выдернуты. В то же время по краям досок настила преобладало крепление из гвоздей: по северному краю применено только 5 нагелей из 18 (28%), по южному 7 нагелей (39%). При этом обращает на себя внимание и тот факт, что через каждые три или пять плах (№ 4, 10, 11, 15) делалось крепление исключительно нагелями. Нагельные стержни выполняли своеобразную роль гибкого каркаса, при котором помост под пушку обладал не жесткой, а подвижной конструкцией. В то же время, чтобы исключить соскальзывание досок с нагелей, по краям плах сверху были уложены и прибиты железными гвоздями боковые нажимные доски (№ 19 и 20), скреплявшие всю конструкцию.

Рассматриваемый настил, по-видимому, был резервным и не использовался в боевых целях: следов колес лафета на нем

Таблица 31

Основные параметры плах настила под пушку

Плаха №	Длина, м	Ширина, м	Толщина, см	
			минимальная	максимальная
1	2,87	25–30	6–7	11–12
2	2,91	22–23	6	
3	2,95	20–22	7–7,5	
4	2,94	20–23	6	10–11
5	3,02	20–22	6,5–7	
6	3,07	17–18	6–8	
7	3,11	20–22	6–7	13–14
8	3,15	19–21	6–6,5	13
9	3,24	16–17	7	12–14
10	3,17	19–20	6,5–7	
11	3,24	20–22	6,5–7	
12	3,27	21–22	6,5–7	
13	3,31	18–20	6–7	
14	3,34	21–22	5,5–7	
15	3,42	21–23	6,5–7	
16	3,46	18–19	5,5–7	
17	3,51	18–20	5–7	
18	2,98	20	5,7	

Примечание. Длина плахи № 3 реконструирована. Край сгнил. На момент замера после выноса плахи из раскопа ее длина составляла 2,87 м.

Таблица 32

Схема крепления плах гвоздями к лагам

Плаха №	Место крепления плахи гвоздем или нагелем		
	северный край	центр	южный край
1	гвоздь	нагель	гвоздь
2	гвоздь	гвоздь	гвоздь
3	гвоздь	нагель	гвоздь
4	нагель	нагель	нагель
5	гвоздь	нагель	гвоздь
6	гвоздь	нагель	гвоздь
7	нагель	нагель	гвоздь
8	гвоздь	нагель	гвоздь
9	гвоздь	нагель	гвоздь
10	[нагель]	нагель	нагель
11	нагель	нагель	нагель
12	гвоздь	нагель	нагель
13	гвоздь	нагель	гвоздь
14	гвоздь	нагель	гвоздь
15	нагель	нагель	нагель
16	гвоздь	нагель	нагель
17	гвоздь	нагель	нагель
18	гвоздь	нагель	гвоздь

Примечание. В северном крае доски № 10 вообще отсутствует крепление, но имеется разметка отверстия под нагель — чашевидное заглубление глубиной 1 см.

Таблица 33

Основные сведения о нагелях, вбитых в лагу

Лага №	Нагели		
	диаметр верха, см	диаметр низа, см	высота над лагой, см
21	3	3	7
	3	2,5	8,5
	3	2,7	8,5
22	3	2,5	6,2
	3,2	3	6,4
	3,4	3,2	7
	3,5	3,5	7,2
	3,3	3	7,2
	3,3	3	6,8
	3,4	3,2	6,8
	3,3	3	7
23	3	3,1	5
	3,5	3	6,8

не отмечено. Видные на фотографии две параллельные полосы оставлены лагами вышележащего хозяйственного настила.

Плахи помоста были уложены на три длинные лаги (№ 21–23) и одну короткую (№ 24). Для изготовления лаг использованы бревна диаметром в пределах 0,16–0,26 м, каждое из которых обтесывали с двух противоположных сторон, создавая гладкие ровные поверхности. Для южной лаги № 21 использовано бревно длиной 3,92 м и диаметром 0,19 и 0,23 м с каждого края. Его обтесали с двух сторон до толщины 16–16,5 см (3¼ вершка). Для центральной лаги № 22 выбрано бревно длиной 4,19 м и диаметром 0,21 и 0,26 м по краям. Оно было стесано со стороны меньшего диаметра на высоту 13,5 см (3 вершка), со стороны расширения — до 16 см (около 3¼ вершка). Для лаги № 23 взяли бревно длиной 3,59 м и диаметром 0,20–0,22 м. Со стороны меньшего диаметра его стесали до 15,2 см (почти 3½ вершка), со стороны большого диаметра — до 16 см (около 3¼ вершка). Лага № 24 длиной 0,92 м была сделана из бревна диаметром 0,17 м, обтесана на высоту 15,5 см (ровно 3½ вершка). Таким образом, высота лаг была в пределах 3½–3¾ вершков.

Крайние лаги были уложены в бойнице под небольшим наклоном по отношению к центральной лаге. У амбразуры промежуток между северной лагой № 23 и центральной № 22 составил 0,9 м, между южной лагой № 21 и центральной — 0,8 м, а у входа в бойницу — соответственно 1,2 и 0,9 м. Дополнительная короткая лага № 24 была уложена под последние четыре плахи настила у входа в бойницу, специально для плахи № 18, северный край которой был обрублен из-за камня и лишился опоры. Во время укладки лаг в бойницу крайняя северная и крайняя южная из них неудачно легли на крупные валуны цокольного основания крепостной стены. Поэтому бревна пришлось подгонять по месту и сделать необходимые в них углубления. Центральная лага заходит под валун амбразуры внутрь стены на 0,2 м.

Стратиграфическая датировка настила — до середины XIX в. (в начале XIX в. он существовал). Для определения времени его создания особое внимание было уделено расположенным под ним слоям и находкам. Сразу под плахами лежала

щепа с корой березы, оставшаяся от рубки дров; в ней встречено несколько фрагментов оконных стекол со слабой патиной. Лаги же платформы были уложены на слой серого песка с редкой известковой крошкой, который устилал всё пространство бойницы перед настилом, вплотную к нему и под ним. В песке перед настилом найдена медная монета XVIII в. На аверсе вместо вензеля — незаполненная квадратная рамка. На реверсе помимо надписи «денга» указана дата, предпоследняя цифра в которой стерта: «17...7».

Всё это соотносится с пребыванием с 25 мая по сентябрь 1790 г. на Соловках военной команды в 250 человек, которая готовила крепость к обороне во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. Исследовав в лаборатории естественно-научных методов ИА РАН четыре образца спилов настила, А. А. Карпухин отметил: *«Абсолютное датирование с помощью программного пакета COFESHA, с некоторой долей осторожности, позволяет предположить следующие календарные даты: 1779, 1787, 1788, 1794 гг.»*.

По окончании раскопок настил был полностью разобран и передан в Соловецкий музей для последующей реставрации, которую осуществила С. Б. Балан. Часть настила демонстрируется в Белой башне.

Платформа 3. XVIII в.

Остатки платформы под пушку прослежены в шурфе 16а — 1977 г., в первой бойнице к западу от Сушила (печура № 58) (Буров В. А. рук., 1978, с. 30–32). Его восточная половина была уничтожена траншеей 1950-х гг.; в 1974 г. этой траншеей воспользовались для ливневой канализации. Настил обнаружился после срезки грунта в ходе вертикальной планировки. Он почти полностью сгнил. В слое тлена прослежен истлевший лежень диаметром 0,2 м, на котором лежали горбыли помоста шириной 0,2–0,3 м (ил. 1204). По конструкции данный настил представлял собой полную аналогию уже изученному в печуре № 62. Он имел срубную конструкцию из трех поперечных и четырех продольных бревен, поверх которых стелились доски. Для скрепления бревенчатого каркаса платформы в местах врубок поперечных и продольных бревен приме-

нялись длинные кованые костыли. Один из них длиной 0,37 м найден в слое тлена. Настил не разбирался. После зачистки его засыпали слоем песка.

3.4.3. Помосты для стрельцов XVI–XVII вв.

На Соловках удалось проследить лишь остатки трех таких помостов, однако и те оказались разрушены во время прокладки современных коммуникаций. Данный тип боевых настилов отличался от помостов под пушки своими размерами, иной ориентацией лаг и плах. Существенное различие заключалось в разной глубине залегания от уровня амбразуры. Если пушечные платформы размещали на один аршин (0,71 м) или чуть более (0,84 м) ниже амбразуры, чего требовала установленная на колесный лафет пушка, то помосты для стрельцов зафиксированы на глубине 1,2–1,5 м от амбразуры. Стоя на нем, стрельцы из ручного оружия могли стрелять, полулежа на камне бойницы или просто положить пищаль на камень.

Дощатый настил 1. XVI–XVII вв.

Данный настил прослежен в профиле браконьерской траншеи 4 — 2004 г., прорытой рабочими ИПиР через центр 2-й бойницы к западу от Сушила (печура № 59) (Буров В. А. рук., 2005, с. 245–248). От настила осталась тонкая прослойка истлевших досок и поперечные расколотые пополам истлевшие три бревна-лаги (ил. 1179). На существование четвертой лаги указывает канавка в песке при входе в печуру. Все лаги лежали не перпендикулярно амбразуре, а были ориентированы по направлению прясла. Три лаги внутри бойницы находились друг от друга на расстоянии 1,4 м. Крайняя лага на выходе отстояла всего на 0,8 м. Общая длина настила 4,7 м. Настил размещался на глубине 1,3 м от камня амбразуры. Это почти в два раза ниже уровня, необходимого для установки пушки на лафете. Для человека, стоящего на настиле, амбразура была на уровне груди, т. е. первоначально, в XVI в., из данной бойницы могли вести огонь только из пищали.

Данный настил был какое-то время заброшен, о чем свидетельствует прослой-

ка поверх него извести и битого кирпича (4–5 см) и лежащая еще выше прослойка черной земли толщиной 5–10 см. Но затем настил был возобновлен. При входе в амбразуру на участке длиной 2 м прослежен 2-й ярус настила в виде тлена и одной истлевшей поперечной лаги. Остальную часть настила уничтожила свалка стекла и битого кирпича первой четверти XIX в. Отсюда 2-й ярус настила надо датировать до начала XIX столетия.

Дощатый настил 2. XVI–XVII вв.

Жалкие остатки еще одного настила обнаружены в шурфе 2 — 2005 г. при раскопках широкой площадью в печуре № 4 к северу от Стратилатовской башни (Буров В.А. рук., 2006, с. 42–43). Стратиграфия здесь была нарушена траншеей под канализацию 1950-х гг., которая в свою очередь раскрыла сверху каменный водосток XVI в. От настила сохранились всего лишь четыре обрубка двух лаг, расположенных напротив друг друга в центральной части печуры на северном и южном останцах нетронутого слоя (ил. 1135). Их ширина от 18 до 24 см, толщина 5 см. По отношению к камню амбразуры они залегают глубже на 1,2 м. Доски настила, которые должны располагаться перпендикулярно бойнице, не сохранились.

Дощатый настил 3. XVI в.

Развал еще одного настила, уничтоженный поздними перекопами, обнаружился в шурфе 2 — 2006 г., в печуре № 10 (Буров В.А. рук., 2007, с. 15–23). Он залегал в самом низу слоя 6 щепы дровяников (ил. 1205) и сохранился только в юго-западном углу рядом с бойницей. Это пять досок шириной 19–20 см, уложенные поверх лаги. Лага сегментовидного профиля лежа-

ла полукруглой стороной вверх; ее ширина 26–28 см, толщина 8–10 см. Гвозди крепления досок отсутствуют. Лага лежит поверх песка со строительным мусором — кусками извести и мелких обломков кирпича. Поэтому она должна быть отнесена ко времени после сооружения крепости, т.е. к самому концу XVI в. При входе в печуру у южной стены лежат три доски в примыкании друг к другу. Можно предположить, что первый настил находился только у амбразуры. Это площадка для стрельца. Отметка верха настила –153, отметка камня амбразуры –43. Таким образом, разница высот составляет 1,1 м. Даже с поправкой на усадку от сгнивших досок эта высота не может соотноситься с пушечным настилом. Перед нами платформа для стрельца, который стоя должен был вести огонь из пищали через амбразуру, облокотившись на нее. Таким образом, в данной бойнице подошвенного боя первоначально амбразура не предназначалась для стрельбы из пушки.

Находка в печурах деревянных настилов двух типов, относящихся к разному времени, позволяет прийти к выводу, что платформа под пушку в Соловецкой крепости появилась только в XVIII столетии. Не ранее. Следует полагать, печуры в пряслах, как и в других крепостях, предназначались изначально для стрельбы только из пищалей. Такой вывод снимает вопрос о том, что имел в виду воевода Иван Мещеринов, когда во время осады монастыря в «отписке» 1674 г. уведомлял царя, что *«у них, у воров, подошвенного боя нет, а сделать невозможно за прочностью камня»* (Барсов Е.В., 1884, с. 60).

Архитектор-реставратор В.В. Сошин в беседе заметил, что многие амбразуры в бойницах подошвенного боя растесаны под пушки, щеки валунов сколоты. Это согласуется с выводом о вторичном появлении в печурах пушечных деревянных помостов.

3.5. СТАТИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБОРОНОСПОСОБНОСТИ КРЕПОСТИ

Объемную характеристику любой крепости наиболее полно и достоверно должны передавать только конкретные цифры,

называющие количественный состав основных элементов крепостного сооружения и их параметры.

3.5.1. О количестве печур и бойниц

Эти цифры очень важны. Только на основании подсчета печур пушечного боя и бойниц ручного боя в башнях и пряслах может быть оценена максимальная возможность огневой мощи Соловецкой крепости. Дальнейшее сопоставление полученных данных с реальным количеством оружия, которым располагала крепость, укажет на ее готовность к обороне.

В башнях 1582–1595 гг. количество пушечных печур было разное – от 8 до 17 (табл. 34–36). Наибольшее их число (17 шт.) приходится на Корожную и Стратилатовскую башни, расположенные со стороны моря. Первоначально 17 печурами располагала и Никольская башня, но после возведения при входе в нее Стрельницы одна печура оказалась не востребована. Юго-восточные башни со стороны Святого озера – Архангельская и Белая – располагали соответственно 13 и 14 печурами. Меньше всего печур было в Успенской башне – 8 шт. Скорее всего, здесь сказалась ее специфика: из этой фортеции должны были вести прямой наводкой огонь по входившим в морскую бухту кораблям противника, а с флангов прикрывать подступы к Святым и Рыбным воротам.

Таким образом, в 1595 г. в башнях Соловецкой крепости насчитывалось 85 башенных печур пушечного боя, для которых в то время и предназначалась вся артиллерия. Это показала опись 1676 г. после «Соловецкого сидения»: пушки стояли исключительно в башнях. Данное свойство в целом характерно для XVII в. (Носов К. С., Зароштинская Н. О., 2008, с. 181).

На 85 печур в 1597 г. приходилось 68 пушек (здесь и далее см. Приложение 1), на 17 единиц меньше требуемого количества. Тем не менее степень укомплектованности крепости артиллерией была достаточно высокая, 80%.

В 1613 г. Соловецкая крепость имела на вооружении уже 130 артиллерийских стволов, явно с избытком для одних только башен. Данный факт может указывать на то, что значительная часть пушек предназначалась для печур прясел. Избы-

ток мог быть резервом для материковых острогов.

После того как в 1622 г. в строй были введены Пристенек с двумя башнями (13 печур) и Сушило (5 печур), башенных печур стало 103. Превышение составило 27 пушек.

Затишье 1630–1640-х гг. сказалось на вооружении. В 1632 г. в крепости вместо прежних 130 пушек оставалось 86. Теперь недокомплект составил 44 орудия. Недокомплект в артиллерии сохранялся и в годы «Соловецкого сидения». После взятия крепости в 1676 г. там насчитали только 73 артиллерийских орудия. Но даже его при грамотной расстановке оказалось достаточно, чтобы обеспечить надежную оборону монастыря. Для сравнения отметим, что в Троице-Сергиевом монастыре в 1641 г. было 90 орудий (Токарева Т. Ю., 2015, с. 6).

Амбразуры на последних ярусах башен предназначались для ручного боя – не только для огнестрельного оружия, но и луков. На последнее указывает наличие саадаков и стрел, хранившихся в соловецкой оружейной казне. Показательно, что в 1630 г., по сообщению документов, вокруг Новоспасского монастыря стали возводить стены с башнями «с *мушкетным, лучковым и пушечными боями*» (Низовский А. Ю., 2005, с. 27).

В 1595 г. в башнях Соловецкой крепости было 60 амбразур ручного боя, плюс 3 навесные стрельницы Никольской башни. Всего 63 шт. Соотношение в разных башнях амбразур для ручного оружия на верхних ярусах с пушечными печурами в этих же башнях находилось в обратной пропорции. Их наибольшее число оказалось у Архангельской башни – 14 шт., а наименьшее – от 8 до 10 шт. – у Белой, Корожной, Успенской башен. Никольская и Стратилатовская башни располагали соответственно 11 и 12 амбразурами на верхнем ярусе.

В это же время по верху семи прясел между башнями имелось еще 119 бойниц ручного боя разных типов²⁰. Для ручного боя первоначально могли использовать некоторые из 64 печур в подошве прясел.

²⁰ Из них 112 сохранились до наших дней (Брагина И. Г., Коробейник И. Г., Петровская Л. А. рук., 1996). Еще 7 верхних бойниц, располагавшихся в примыкании к Поварне и Квасоварне, были сломаны после пристройки Пристенка (4 с севера и 3 с юга).

Таблица 34

Башни Соловецкой крепости. Состав печур пушечного боя и амбразур для ручного оружия. Конец XVI – начало XVII в.

227

№ п/п	Башня по алфавиту	Ярусы	Печуры для пушек (1–3-й ярусы)	Амбразуры для ручного оружия (4-й ярус)	Пороховая камера	Соотношение печур для пушек / амбразур для ручниц
Основная крепость 1582–1595 гг.						
1	Архангель- ская	1	3	–	–	13/14
		2	5	–	1	
		3	5	–	–	
		4	–	14	–	
2	Белая	1	4*	–	–	14/8
		2	5	–	1	
		3	5	–	1	
		4	–	8	–	
3	Корожная	1	5	–	1	17/10
		2	6	–	1	
		3	6	–	–	
		4	–	10	–	
4	Никольская	1	5	–	–	16/11
		2	5	–	1	
		3	6	–	–	
		4	–	8	–	
		Стрельница	–	3	–	
5	Стратила- товская	1	5	–	–	17/12
		2	6	–	1	
		3	6	–	–	
		4	–	12	–	
6	Успенская	1	4	–	–	8/8
		2	4	–	1	
		3	–	8	–	
Всего			85	63	8	85/63
Пристенки 1619–1622 гг.						
7	Квасоварен- ная	1	2	–	–	6/5
		2	4	–	–	
		3	–	5	–	
8	Поваренная	1	3	–	–	7/6
		2	4	–	–	
		3	–	6	–	
Всего			13	11	–	13/11
Сушило начала XVII в.						
9	Сушиленная	1	3	–	–	5/15
		2	2	–	–	
		3	–	15	–	
Всего			5	15	–	5/15
Итого			103 печуры	89 амбразур	8 камер пороховых	103/89

Примечание. *Одна печура после пристройки к Сушилу валунной стены оказалась заблокирована.

Таблица 35

Прясла Соловецкой крепости. Состав печур, амбразур, навесных бойниц для ручного оружия. Конец XVI – начало XVII в.

Table with 6 columns: № п/п, Прясла, Подожженные печуры для ручного оружия, Амбразуры для ручного оружия, Навесные бойницы над воротами и рядом с башнями для ручного оружия, Соотношение подожженных печур / амбразур для ручного оружия. The table is divided into two main sections: 'Основная крепость 1582–1595 гг.' and 'Пристенки 1619–1622 гг.', with a final 'Итого' row.

Примечания. * – 2 печуры находились в боевом положении в примыкании к Квасоварне, пока к 1622 г. не оказались закрыты Пристенком; ** – 3 верхние амбразуры прясла от Никольской башни до здания Квасоварни, в примыкании к Квасоварне и 4 амбразуры к югу от Поварни не сохранились. Они были уничтожены в результате надстройки поверх стены нового корпуса.

Таблица 36

Башни и прясла. Состав печур для пушечного боя и и печур, амбразур, навесных бойниц для ручного оружия. Конец XVI — начало XVII в. Итоговый подсчет

Местоположение печур и амбразур	Дата сооружения	Количество	Итого
Печуры для пушек			
На 1–3-м ярусах в башнях	Крепость 1582–1595 гг.	85	103
	Пристенок 1619–1622 гг.	13	
	Сушило нач. XVII в.	5	
Печуры для ручного оружия нижнего боя			
В основании прясел между башнями	Крепость 1582–1595 гг.	64 (+2)	73
	Пристенок 1619–1622 гг	9	
Амбразуры для ручного оружия, включая навесные бойницы			
На верхнем ярусе в башнях	Крепость 1582–1595 гг.	63	92
	Пристенок 1619–1622 гг.	11	
	Сушило нач. XVII в.	15	
Стрельница	Никольские ворота 1582–1595 гг.	3	139
Наверху прясел между башнями	Крепость 1582–1595 гг.	112 (+7)	
	Пристенок 1619–1622 гг.	27	

Итого, 246 бойницы (63+119+64), на которые в 1597 г. приходилось 413 ручниц и 35 самопалов, что в 1,8 раза больше нормы. На вооружении имелись еще луки с комплектами стрел (25 саадаков) и самострелы (8 шт.). Словом, вооруженность Соловецкой крепости после строительства была с превышением норм. Это говорит о том, что **монастырь стратегически рассматривался как арсенал Беломорья**, который в военное время должен был дополнительно обеспечить вооружением материковые остроги и полностью вооружить монастырскую братию. В 1613 г. количество ручного огнестрельного оружия существенно возросло (430 ручниц, 250 самопалов) — превышение в 2,7 раза.

С введением в строй Пристенка и Сушила прибавилась 51 ручная бойница (36 шт. в двух башнях и на стенах Пристенка и 15 шт. Сушила), но убавилось 7 бойниц прясла, оказавшихся внутри Пристенка. Всех верхних ручных амбразур в Соловецкой крепости стало насчитываться 226 шт. (63+119–7+51).

В 1632 г. на складе хранилось 290 ручниц и 516 самопалов с фитилями. Избыточными были 580 единиц ручного оружия (806–226). Мы не считаем луки, число которых достигло 55 шт. **Такой арсенал**

превратил Соловецкую крепость в мощнейший центр обороны всего Беломорья. Даже в 1676 г. монастырь располагал 728 пищалями, 27 карабинами, 20 пистолетами (Приложение 1).

3.5.2. О количестве настилов под пушки в 1790 г.

Как уже отмечалось, в 1790 г. инженером-подпоручиком Я.В. Васильевым было сооружено 108 платформ. Ясно, что настилы могли ставить только в уровне печур 1-го яруса. Исходя из их значительного количества, логично предположить, что настилы были установлены по всему периметру крепости, включая башни. Для проверки следует воспользоваться данными из табл. 34–36: печуры в пряслах, действующих — 63 шт.²¹; печуры поземные в башнях — 26 шт.²²; печуры поземные Пристенка — 15 шт.; печуры поземные Сушила — 3 шт. Итого: 107 шт.

Разница в одну платформу вполне объяснима. В северной стене Пристенка архитекторы ныне фиксируют камеру, в то время как на чертеже Васильева здесь показана печура. Вывод: в 1790 г. платформы под пушки действительно были

²¹ К 1595 г. между Никольской башней и Квасоварней было 5 печур, из которых две после возведения Пристенка оказались обращены внутрь него. Со временем одна печура вошла в состав пристроенного корпуса, а со стороны северного двора остались открыты четыре печуры. Их и показал на плане Васильев.

²² С учетом одной закрытой Сушилом в Белой башне.

прясло от Святых ворот до Успенской
башни — 3 орудия;

башня Успенская — 4 орудия (*Васильев, 1790 г., л. 27–30*).

Отсюда следует, что деревянные пушечные настилы делались не под конкретные орудия, а с запасом, поскольку в случае военных действий расстановка пушек могла измениться в соответствии с конкретной ситуацией. В таком случае орудия просто бы переставили на уже готовые помосты.

Промеры Соловецкой крепости осуществлялись неоднократно с конца XVII по XX в. Цифры при этом часто не совпа-

Первые промеры стен и башен по внешнему периметру Соловецкой крепости были выполнены в 1676 г. после завершения «Соловецкого сидения»: «От Святых ворот до Стратилатовской башни городской стены 22 сажени. Около Стратилатовской башни 18 сажен. От Стратилатовской башни до Сушиленной и до Белой башни городской стены 27 сажен. Около Сушиленной и Белой башни 24 сажен. От Белой башни до Архангельской башни городской стены 39 сажен. Около Архангельской башни 16 сажен. От Архангельской башни до Поваренной башни городской стены 63 сажени. Около Поваренной башни 12 сажен. От Поваренной башни до Квасоварной башни городской стены 25 сажен. Около Квасоваренной башни 14 сажен. От Квасоварной башни до Николской башни городской стены 10 сажен. Около Николской проезжей башни 23 сажени. От Николской проезжей башни до Корожной башни городской стены 34 сажени. Около Корожной башни 24 сажени. От Корожной башни до Рыбных ворот городской стены 20 сажен. От Рыбных ворот до Успенской башни городской стены 30 са

жен. Около Успенской башни 12 сажен с полусаженью. От Успенской башни до Святых ворот городской стены 24 сажени. И в Святых воротах по кружалу проезду 3 сажени». Всего 440,5 саж. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 548 — 550 об.).

Обратим внимание, что промеры в 1676 г. начинались от Святых ворот и осуществлялись против часовой стрелки, т.е. против движения солнца в соответствии с направлением хождения крестного хода по новым церковным правилам. **Ровное количество сажен без долей для разных участков крепости, кроме Успенской башни, — свидетельство того, что план Соловецкой крепости в 1582 г. был точно выверен и на местности была сделана его разметка в саженях, в соответствии с которой и укладывались нижние валуны стен и башен.**

Следующий промер крепости состоялся в 1705 г.: «Тот город и с башнями мерою кругом пять сот девять сажен трех аршинных» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 324 об.). Однако ведомость монастыря 1740 г. указала меньший размер: «Ограда из дикого камня, вокруг оной ограды и с башнями в трехаршинную сажень 496 сажень и три четверти аршина. В вышину оная стена по местам от 3-х до 4-х сажен и выше. Толщиною от 3-х же до 4-х сажен и толще, крыта тесом на два ската» (*Копии грамот 1742 г.*, л. 233). Книга 1765 г. и опись 1789 г. снова назвали 509 саж. (*Книга 1765 г.*, л. 29 об.; *Опись СМ 1789 г.*, л. 3 об.). Эта же цифра была приведена в соловецких летописях под редакцией архимандрита Досифея: «...мерою вокруг с башнями 509 саженьей трехаршинных» (*Досифей*, 1833, с. 47; 1847, с. 47).

В 1797 г. сведения о параметрах крепости привел А.И. Фомин, проведя измерения по чертежу Арсеньева 1790 г. (на самом деле чертеж был выполнен инженером-подпоручиком Васильевым): «Длина стен в 7 футовую сажень. Северная между башнями 36 сажен с башнями, совокупно 50. Восточная между башнями 115, с башнями 128. Западная, кроме угловых башен

110, с угловыми башнями 125. Южно-восточная между башнями 42, с башнями 60. Южно-западная между башнями 38, с башнями 58. Между внешностями восточной и западной стен в ширину чрез монастырь самое большое расстояние 70. Между внешностями северною и южною наибольшая длина всего монастыря 160» (*Фомин А.И.*, 1797, с. 93–94).

В 1825 г. Макарий также приводил размеры расстояний между башнями в семифутовой сажени (*Макарий*, 1825, с. 40).

Как видим, в XVIII–XIX вв. использовали трехаршинную и семифуттовую сажени. Это, в принципе, одно и то же. С 11 октября 1835 г., согласно указу Николая I «О системе российских мер и весов», длина сажени была приравнена к длине 7 английских футов, т.е. ровно к 2,1336 м²³.

Промер Соловецкой крепости в 509 трехаршинных саженей современные авторы переводят в метры и называют цифру 1084 м (*Богуславский Г.А.*, 1966, с. 54), что соответствует арифметическим подсчетам (509 саж. × 2,13 м = 1084,17 м). Цифру эту с тех пор воспроизводят многочисленные издания.

В 1950-х гг. архитекторы П.Н. Максимов и И.Я. Свирский привели следующие промеры: длина северной стены 106,5 м, восточной 272,6 м, западной 266,3 м, юго-восточной 127,8 м, юго-западной 123,5 м (*Максимов П.Н., Свирский И.Я.*, 1958, с. 114). Без учета угловых башен совокупно 896,7 м. О.Д. Савицкая по данным геосъемки 1968 г. высчитывает общую протяженность стен и башен крепости по внешнему абрису около 1200 м (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 30).

Чтобы разобраться в ситуации, нами в 2014 г. были проведены специальные обмеры крепости по периметру с использованием жесткой 50-метровой железной рулетки²⁴. Каждое прясло и каждая башни фиксировались отдельно. Результаты представлены в табл. 37.

Данные промеры важны тем, что они позволяют вычислить размер сажени,

²³ 1 сажень = 7 английских футов = 84 дюйма = 2,1336 м.

²⁴ В 1960-е и 1970-е гг. архитектурно-археологические обмеры велись с помощью матерчатых рулеток, имевших существенный недостаток: они со временем растягивались. Кроме того, в жаркую погоду эти рулетки сильно высыхали и сжимались, а в дождливую вытягивались. Отсюда возникали погрешности и несовпадения ряда промеров. Любые обмеры крепости, сложенной из выпуклых валунов, не могут претендовать на высокую степень точности. Погрешности в измерении неизбежны. Они, несомненно, были в XVII–XIX вв.

Таблица 37

Промеры крепости в описи 1676 г. и в 2014 г.

№ п/п	Участок крепости	Промеры по описи 1676 г.		Промеры 2014 г., м
		сажени	метры 1 саж. = 2,44 м	
1	Святые ворота — Стратилатовская башня	22	53,68	53,30
2	Стратилатовская башня	18	43,92	43,70
3	Стратилатовская башня — Сушило	27	65,88	65,84
4	Сушило и Белая башня	24	58,56	73,42
5	Белая башня — Архангельская башня	39	95,16	94,75
6	Архангельская башня	16	39,04	38,69
7	Архангельская башня — Пристенок	63	153,72	151,69
8	Поваренная башня	12	29,28	29,45
9	Поваренная башня — Квасоваренная башня	25	61,00	59,63
10	Квасоваренная башня	14	34,16	36,12
11	Квасоваренная башня — Никольская башня	10	24,40	24,60
12	Никольская башня	23	56,12	59,40
13	Никольская башня — Корожная башня	34	82,96	82,30
14	Корожная башня	24	58,56	55,17
15	Корожная башня — Рыбные ворота	20	48,80	47,81 ²⁵
16	Рыбные ворота — Успенская башня	30	73,20	75,10
17	Успенская башня	12,5	30,50	31,70
18	Успенская башня — Святые ворота	24	58,56	57,10
19	Святые ворота — «по кружалу»	3	7,32	3,03 ширина прохода
Итого		440,5	1074,82	1081,80

использованной при строительстве крепости. Для этого необходимо брать только промеры прясел, поскольку они всегда осуществлялись строго по прямой линии в отличие от башен, для которых неясно, как обмеряли выступающие откосы. Вычисленный размер сажени устойчиво колеблется в пределах 2,41–2,46 м:

Архангельская башня — Пристенок: 2,41 м (151,96 м : 63 саж.).

Белая башня — Архангельская башня: 2,42 м (94,75 м : 39 саж.).

Корожная башня — Успенская башня: 2,45 м (122,76 м : 50 саж.).

Никольская башня — Корожная башня: 2,42 м (82,30 м : 34 саж.).

Никольская башня — Пристенок: 2,46 м (24,60 м : 10 саж.).

Стратилатовская башня — Святые ворота: 2,42 м (53,30 м : 22 саж.).

Стратилатовская башня — Сушило: 2,44 м (65,84 м : 27 саж.).

Успенская башня — Святые ворота: 2,37 м (57,10 м : 24 саж.).

Отсюда вывод, что **с учетом взаимной погрешности обмеров (при выпуклости камней) в 1676 г. крепость обмеряли великой саженью, равной 2,44 м.** Она чуть меньше великой косо́й сажени (2,48 м) (Черняев А. Ф., 1998)²⁶.

Промеры 2014 г. показали, что в отличие от прясел норма кратности ширины проезда ворот сажени была соблюдена только один раз:

Архангельские ворота — 1 саж. (2,47 м);

Рыбные ворота — 0,87 саж. (2,12 м);

Святозерские ворота — 1,16 саж. (2,83 м);

Святые ворота — 1,24 саж. (3,03 м).

Выявляются расхождения реальных параметров башен с указанными в описи

²⁵ Промер с включением ширины самих ворот (45,54+2,27 = 47,81 м).

²⁶ А. Ф. Черняев приводит набор 12 древних саженей, полученный методом усреднения многих образцов измерительных инструментов: городова́я — 284,8 см; без названия — 258,4 см; великая — 244 см; греческая — 230,4 см; казенная — 217,6 см; царская — 197,4 см; церковная — 186,4 см; народная — 176 см; кладочная — 159,7 см; простая — 150,8 см; малая — 142,4 см; без названия — 134,5 см.

1676 г. Особенно они велики и необъяснимы для Белой башни:

Архангельская башня — 16 саж.; в реальности 15,86 саж. (38,69 м).

Белая башня с Сушилом 24 саж.; в реальности башня до Сушила 15 саж. (36,60 м), а само Сушило 15,25 саж. (37,22 м). Всего 30,25 саж.

Корожная башня — 24 саж.; в реальности 22,61 саж. (55,17 м).

Никольская башня — 23 саж.; в реальности 24,34 саж. (59,40 м).

Стратилатовская башня 18 саж.; в реальности 17,91 саж. (43,70 м).

Успенская башня — 12 саж.; в реальности 13 саж. (31,70 м).

Обращение к натуре проясняет некоторые интересные нюансы строительства крепости. Оказывается, участки последовательно возводимых за один строительный сезон прясел также кратны великой сажени. Так, расстояние от Корожной башни к югу до валуна в основании стены первого возведенного прясла 1582 г., фиксирующегося по наличию ясно видимого строительного шва, составляет 63,36 м, или 26 саж. ($63,36 \text{ м} : 2,44 \text{ м} = 25,97 \text{ саж.}$). В то же время размер от этой границы до Успенской башни равен 59,40 м, или 24,34 саж. ($59,40 \text{ м} : 2,44 \text{ м}$).

Другой пример. К северу от Архангельской башни В. В. Сошиным выявлен строительный шов, свидетельствующий о том, что башня была возведена одновременно с небольшим участком прясла. Расстояние от башни до валуна в основании строительного шва равно 10,06 саж. ($24,57 \text{ м} : 2,44 \text{ м}$). Но расстояние от башни до Святозерских ворот 45,25 саж. ($110,43 \text{ м} : 2,44 \text{ м}$). Строители могли применять в метрической системе крепости и четверти сажени.

Остается отметить, что в реальности периметр крепости оказался на 6,98 м больше, чем по описи 1676 г. и на 2,5 м меньше данных 1705 г. Столь небольшая разница при всей сложности обмеров с неизбежными погрешностями на местности свидетельствует о близости окончательных цифр, описывающих длину стен и ба-

шен данной фортификации. Соловецкая крепость оказалась всего на 200 м короче стен Троице-Сергиева монастыря.

3.6.2. ПАРАМЕТРЫ БАШЕН

Поскольку башни построены из валунов с выпуклыми поверхностями, то невозможно осуществить их параметры с большой точностью. Любые обмерные цифры для Соловецкой крепости следует воспринимать усредненными, с некоторым допуском²⁷. Тем не менее приводимые ниже цифры, взятые из архивных чертежей, а в отдельных случаях полученные в ходе обмеров самим автором (табл. 38), всё же достаточно красноречивы, чтобы сопоставить шесть основных башен 1582–1595 гг. по параметрам.

3.6.2.1. Общие размеры башен

Самой широкой была Никольская башня с главными проездными воротами, которые несли наибольшую опасность прорыва в крепость с севера. Диаметр ее основания без учета стрельницы 22,30–24,30 м; диаметр верха 17,90 м. С ней соперничает Корожная башня с основанием 20,75–21,60 м, верха 16,80 м. Затем следует Белая башня (низ 19,50 м, верх 16 м). Меньшего диаметра в основании Стратилатовская (17,70 м) и Архангельская (17,30 м) башни.

В убывающей последовательности цифр основания башен улавливается закономерность: все они приближены к четкому количеству великой сажени (2,44 м), с помощью которой были размечены и прясла. С оговоркой неровности сторон валунов следует полагать, что изначально башням могли быть заданы следующие диаметры:

7 саж. = 17,08 м (Архангельская, Стратилатовская башни);

8 саж. = 19,52 м (Белая башня);

9 саж. = 21,96 м (Корожная башня);

10 саж. = 24,40 м (Никольская башня).

В таком случае великая сажень (2,44 м) являлась модулем при разметке

²⁷ Мы брали за основу, прежде всего, чертежи архитекторов-реставраторов, в основном отказавшись от чертежей «Военморпроекта» 1954 г., которые зачастую оказывались схемами, где не совпадают с масштабом многие цифры, иногда весьма значительно. Выявляется значительное количество разночтений для разновременных замеров. Например, на чертеже 1954 г. 4-го яруса Белой башни указан диаметр помещения 12,25 м, а на чертеже 1977 г. архитекторов-реставраторов ВПНРК — 12,40 м (*Крепость, обмеры*, 1954; *Савицкая О. Д., Сошин В. В., Склемина С. А.* рук., 1977).

Башни. Основные параметры, м

№ п/п	Параметры, м	Ярус	Башни					
			Архан- гельская	Белая	Корож- ная	Николь- ская	Стратила- товская	Успенская
1	Диаметр в основании яруса	1	17,20	19,50	20,75– 21,60	22,30– 24,30	17,70	16,15 (З–В) 16,20 (С–Ю)
		2	15,00	20,00	14,20– 14,85	20,25– 21,60	17,00	16,05 (З–В) 14,05 (С–Ю)
		3	13,95	17,90	17,10– 18,30	19,30	15,50–16,15	14,13 (З–В) 13,76 (С–Ю)
		4	13,00	16,00	16,80	17,90	12,10–12,40	Яруса нет
2	Диаметр помещения	1	7,60	9,22	9,40	11,20	8,60	6,35 (З–В) 7,10 (С–Ю)
		2	7,72	9,90	10,00	11,30; 12,00	9,00	7,70 (З–В) 7,55 (С–Ю)
		3	8,00	9,72	10,00	11,70	9,50	10,53 (З–В) 9,20 (С–Ю)
		4	9,45	12,40	13,60	14,00	11,50–11,70	Яруса нет
3	Толщина стен	1	4,75–5,00	5,40	4,30– 6,50	4,10*; 5,50; 7,50**	4,40–4,70	4,55 (Ю) 4,90 (В) 4,90 (З) 4,55 С)
		2	3,60	5,05	4,20– 4,85	3,90; 5,10	3,98–4,20	3,8 (З) 3,30 (Ю) 3,20 (С) 4,50 (В)
		3	3,00	4,10	3,55– 4,15	3,90	2,90–3,50	1,50 (Ю) 1,85 (С) 1,90 (З) 1,10 (В)
		4	1,76	2,00	1,75	1,95	2,60–2,90	Яруса нет
4	Высота до шатра	1–4	13,30	17,00	14,70	16,30	14,30	14,30

Примечания. Табл. 38 составлена на основании обмерных чертежей реставраторов: *Сошин В.В.* рук., 2003 (Архангельская башня); *Савицкая О.Д., Сошин В.В., Склемина С.А.* рук., 1977 (Белая башня); *Крепость, обмеры*, 1954 (Корожная башня); *Савицкая О.Д., Дядюк В.И., Соколова В.В.* рук., 1969 (Корожная башня); *Вахрамеева Т.И., Коттин В.Г., Ефремов Ф.В.* рук., 2011 (Никольская башня); *Савицкая О.Д., Морозевич Е.С., Скопин В.В., Гамбаров А.Д.* рук., 1974 (Никольская башня); *Савицкая О.Д., Морозевич Е.С., Скопин В.В., Гамбаров А.Г.* рук., 1975 (Стратилатовская башня); * — утонышение в Никольской башне с запада напротив 1-й бойницы; ** — утолщение в Никольской башне в наружном проезде в Стрельнице.

на местности плана всей крепости целиком, для ее башен и прясел. Впрочем, это и соответствовало правилам фортификации: *«Прежде подобает съ прилежанием место осмотрети и размерити по ге-*

ометрийскому, сиречь по земномерному обычаю» (Радишевский А.М., 1781, § 36, с. 91).

Толщина стен 1-го яруса Корожной, Никольской, Архангельской и Стратила-

товской башен, если не брать расширение за счет откосов при проходах первых двух башен, колеблется в пределах 4,30–5,00 м, что приближено к 2 саж. (4,88 м). Это, очевидно, основной заданный в проекте размер, точно соблюсти который было весьма затруднительно при валунной кладке. Стена 1-го яруса самой поздней по времени Белой башни была дополнительно увеличена до 5,40 м, поскольку она оказалась на переднем южном рубеже обороны.

Все остальные параметры, на первый взгляд, не укладываются в метрику великой сажени (2,44 м). Объяснение может быть двоякое. Первое. Возведение стен следующих двух валунных ярусов башен осуществлялось в каждом случае индивидуально. Строителями творчески соблюдался только главный принцип: стена с последующим ярусом должна становиться тоньше, а внутреннее пространство понемногу расширяться. Второе. Строителями всё же задавалась какая-то доля сажени, но установить ее по существующим обмерным чертежам невозможно²⁸. Должно быть проведено отдельное исследование.

Определим тип сажени для последнего, 4-го яруса с кирпичным парапетом. Толщина парапета 175–176 см для Архангельской и Коровой башен соответствует маховой сажени — 176 см. Толщина 200 см для Никольской и Белой башен соотносится с царской саженью 197,4 см. Обе сажени были заданы каменщикам, причем на Белой и Никольской башнях поставили самые толстые кирпичные парапеты.

Точно назвать высоту башен до шатра практически невозможно, поскольку они стоят на местности с перепадом высот и к тому же их основание прикрыто культурным слоем. На данный момент мы можем выстроить башни по ранжиру и только на основании архитектурно-археологических обмеров. И снова на первом месте оказываются Белая (17 м) и Никольская (16,30 м) башни. Затем следуют Коровая (14,70 м), Стратилатовская (14,30 м), Успенская (14,30 м) и Архангельская (13,30 м) башни.

3.6.2.2. Параметры пушечных печур башен

Печуры башен представляют собой высокие камеры трапециевидной или удлиненные прямоугольной в плане формы. Для удобства веерной стрельбы они размещены как перпендикулярно, так и под углом. Их три боковые стены сложены из нескольких рядов валунов, а свод — из кирпича. Кирпичной была и амбразура с валунной бойницей.

Все печуры даже одной башни нестандартны²⁹. Нет ни одной, повторяющейся по размерам и пропорциям. Разные величины имеют левые и правые стены, разная ширина печур при входе и со стороны амбразуры. Разброс параметров весьма и весьма значительный даже в пределах одного яруса круглых башен (табл. 39–45). Для 1-го яруса минимальный размер левой стены печуры 1,87 м, максимальный 5,44 м, правой стены — соответственно 2,08 и 5,25 м.

Таблица 39

Пушечные печуры Архангельской башни. Параметры (см)

№ п/п	Элемент обмера печуры	Печура, № (счет по часовой стрелке)												
		1-й ярус			2-й ярус					3-й ярус				
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	Левая стена	364	309	396	266	227	203	220	167	105	206	204	211	173
2	Правая стена	378	364	360	195	212	212	200	232	163	219	206	205	112
3	Ширина при входе в печуру	330	280	277	226	321	298	328	250	288	330	308	364	283
4	Ширина у амбразуры	320	242	276	220	248	261	250	258	229	262	271	307	250

Примечание. Обмеры 2-го и 3-го ярусов В. В. Сошина. Обмеры 1-го яруса В. А. Бузова.

²⁸ Можно высчитать доли великой сажени, равной 244 см: $\frac{1}{2}$ — полсажени — 122 см; $\frac{1}{4}$ — локоть — 61 см; $\frac{1}{8}$ — пядь — 30,5 см; $\frac{1}{16}$ — пясть — 15,25 см; $\frac{1}{32}$ — вершок — 7,62 см.

²⁹ Обмер печур проведен нами принципиально в их основании, поскольку только эти параметры, а не на условном нулевом уровне дают объективное представление о размерах пушечной камеры.

Таблица 40

Пушечные печиры Белой башни. Параметры (см)

№ п/п	Элемент обмера	Печура № (счет по часовой стрелке)													
		1-й ярус				2-й ярус					3-й ярус				
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Левая стена	438	614	480	453	405	326	377	367	351	266	235	309	256	258
2	Правая стена	430	409	398	405	483	355	353	335	325	340	289	251	234	238
3	Ширина при входе	259	310	321	248	291	280	269	270	280	280	297	293	269	290
4	Ширина у амбразуры	251	224	279	248	236	253	268	250	248	281	254	256	248	252

Примечание. Обмеры В. А. Бурова, 2015, 2016 гг.

Таблица 41

Пушечные печиры Корожной башни. Параметры (см)

№ п/п	Элемент обмера	Печура № (счет по часовой стрелке)																
		1-й ярус					2-й ярус						3-й ярус					
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Левая стена	610	516	490	505	290	250	435	345	365	365	288	180	270	250	260	280	240
2	Правая стена	477	480	470	495	290	334	310	310	370	320	250	210	235	245	210	250	240
3	При входе	250	250	267	265	275	274	295	250	325	325	260	250	276	245	280	285	261
4	Ширина у амбра- зур	222	253	232	225	241	237	254	230	260	242	240	260	260	250	250	243	246

Примечание. Обмеры В. А. Бурова, 2014 и 2015 гг.

Таблица 42

Пушечные печиры Никольской башни. Параметры (см)

№ п/п	Элемент обмера	Печура № (счет по часовой стрелке)															
		1-й ярус					2-й ярус					3-й ярус					
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	Левая стена	187	535	415	449	424	241	370	343	400	382	240	264	281	273	284	196
2	Правая стена	208	465	449	422	457	264	371	395	337	435	230	300	303	282	216	245
3	Ширина при входе	204	280	275	275	314	272	296	306	317	315	292	290	297	318	300	247
4	Ширина у амбразуры	203	280	270	244	260	248	256	297	290	240	242	250	248	258	239	340

Примечание. Обмеры В. А. Бурова, 2016 г.

Для 2-го яруса наименьший размер левой стены 1,67 м, максимальный 4,00 м; для правой стены – соответственно 1,95 и 4,62 м. Для 3-го яруса левая стена печур имела минимальный размер 1,05 м, наибольший 2,84 м, правая стена в пределах

1,12–3,40 м. Габариты пушечных печур в башнях уменьшались с каждым ярусом в связи с уменьшением толщины стен по мере сужения башен кверху.

Ширина печур со стороны входа также сильно варьировала для 1-го яруса в грани-

Таблица 43

Пушечные печи Стратилатовской башни. Параметры (см)

№ п/п	Элемент обмера	Печура, № (счет по часовой стрелке)																
		1-й ярус					2-й ярус					3-й ярус						
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
1	Левая стена	318	251	282	268	268	290	246	214	303	347	234	260	213	187	206	235	148
2	Правая стена	336	259	248	269	250	227	263	215	207	235	114	133	200	195	158	180	134
3	Ширина при входе	280	293	287	279	279	281	341	309	312	352	271	262	367	276	316	361	295
4	Ширина у амбразуры	284	276	268	247	277	259	288	246	269	275	216	228	284	259	270	264	244

Примечание. Обмеры В. А. Бурова, 2015, 2016 гг.

Таблица 44

Пушечные печи Успенской башни. Параметры (см)

№ п/п	Элемент обмера	Печура, №							
		1-й ярус				2-й ярус			
		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Левая стена	282	295	290	270	117	200	170	141
2	Правая стена	261	290	360	210	124	180	190	164
3	Ширина при входе	265	360	270	275	346	382	302	355
4	У амбразуры	260	270	260	245	299	298	283	322

Примечание. Обмеры В. А. Бурова, 2016 г.

Таблица 45

Обобщенные размеры печур башен Соловецкой крепости 1582–1595 гг.

№ п/п	Башни, минимальные и максимальные параметры, см						
	элемент обмера печуры	Архангельская	Никольская	Корож-ная	Белая	Стратилатовская	Успен-ская
1-й ярус							
1	Левая стена	309–396	187–535	290–610	415–544	251–318	270/295
2	Правая стена	360–378	208–465	290–495	383–405	248–336	210/360
3	Ширина при входе в печуру	277–330	204–314	250–275	243–329	279–293	265/275
4	Ширина у амбразуры	242–320	203–280	222–253	190–257	247–284	245/262
2-й ярус							
5	Левая стена	167–266	241–400	250/435	304–387	214–347	117/200
6	Правая стена	195–232	264–435	250/370	253–462	134–195	124/190
7	Ширина при входе в печуру	226–321	272–317	250/325	279–296	271–352	302/382
8	Ширина у амбразуры	220–261	240–290	230/260	233–269	216–288	283/322
3-й ярус							
9	Левая стена	105–211	196–284	180–280	235–266	148–260	Печур нет, имеются бойницы верхнего боя
10	Правая стена	112–232	216–303	210–250	234–340	133–200	
11	Ширина при входе в печуру	283–364	247–318	245–285	269–297	276–367	
12	Ширина у амбразуры	229–307	242–340	243–260	248–281	244–284

цах 2,04–3,30 м, для 2-го яруса 2,26–3,21 м, для 3-го яруса 2,47–3,67 м, а обобщенно — от 2,04 до 3,67 м, с разницей в 1,63 м. То же касается и ширины печур со стороны амбразуры. Здесь колебание размеров для всех трех ярусов башен было в границах 1,90–3,20 м.

Высоты печур при входе в них также разные.

Приведенные данные свидетельствует о том, что **печуры выстраивали без чертежей по месту, не заботясь о стандартизации их параметров. В определенной степени на формы и размеры печур влиял разнотип природный камень.**

3.6.2.3. Параметры верхних бойниц башен

На последних ярусах башен, выложенных из кирпича, располагаются бойницы четырех типов: щелевидные (Архангельская, Стратилатовская, Успенская³⁰ башни), щелевидные с амбразурой (Никольская башня), арочные (Корожная). Белая башня имела кирпичные печуры с арочными амбразурами и бойницами.

Архангельская башня — 14 щелевидных простых бойниц в виде расширяющегося раструба имеют в плане форму вытянутой равнобедренной трапеции, широкое основание которой обращено внутрь башни. Их ширина изнутри 118–124 см, снаружи 36–40 см, размер боковых сторон в пределах 168–174 см. Шаг, с которым размещены по окружности бойницы, равен 76, 78, 85, 86, 89, 91, 92, 94 см.

Никольская башня имеет 8 щелевидных бойниц в сочетании с амбразурами. Амбраура в плане широкой равнобедренной трапеции переходит в двойной раструб, расширенный сначала внутрь бойницы, а затем к внешней стороне башни. Разница ширины амбразур при входе доходит до 59 см (202, 220, 227, 234, 239, 240, 261 см), со стороны бойницы — 53 см (175, 179, 193, 194, 196, 197, 228 см). Ширина раструба с внешней стороны бойницы четко выверена и составляет ровно 90 см, что почти равно пяти пядям (88,9 см). Только в двух случаях она отклоняется на 1–2 см (88 и 91 см). Ширина раструба со стороны амбразуры колеблется с разницей 13 см

(87, 91, 92, 93, 94, 97, 100 см), а в самом узком месте с разницей 15 см (44, 46, 53, 55, 56, 59 см). Всё это говорит о том, что строители не применяли шаблоны, а делали кладку «творчески» — с заметными допусками.

Стратилатовская башня имеет 12 щелевидных бойниц в виде сдвоенных расширяющихся раструбов. Полные обмеры не были проведены. На чертеже 1953 г. указан лишь один параметр — ширина раструба со стороны внутреннего помещения башни. Ее величина колеблется в пределах 110–141 см (110, 112, 115, 119, 121, 127, 140, 141 см).

Корожная башня — 10 арочных бойниц в виде сдвоенных расширяющихся раструбов перед нишей. На обмерных чертежах величины бойниц не проставлены, кроме общей ширины со стороны помещения 4-го яруса. Она в пределах 190–220 см (190, 191, 193, 195, 200, 203, 210, 220 см).

Белая башня в отличие от остальных круглых башен на 4-м ярусе имеет сложенный из камней парапет со вставленными короткими кирпичными арочными печурами, амбразурами и бойницами. Все параметры сведены в табл. 46. Из нее явствует, что форма трапеции, лежащая в плане печур, не равнобедренная, а слегка перекошенная. Размеры левых стенок в пределах 83–131 см, правых — 92–120 см. Основания трапеций (ширина прохода) также сильно различаются в пределах 211–254 см, а размер верха трапеции, со стороны амбразуры, колеблется от 161 до 222 см. Амбраура при печуре также трапециевидной формы с левой стенкой в пределах 49–62 см и правой 45–63 см, основанием 87–118 см и вершиной 56–68 см. Раструб бойницы достаточно симметричен: левая стенка 42–56 см, правая 42–53 см. Снаружи ширина бойницы 41–63 см, со стороны амбразуры 67–87 см.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что все верхние бойницы не были стандартными. Их делали не по шаблону, а с большими допусками, соблюдая лишь заданную форму и установленное количество.

Верхние бойницы Успенской башни были переделаны в XIX в. Сама башня надстроена.

³⁰ Это первоначальная форма бойниц до надстройки Успенской башни в 1838 г.

Бойницы 4-го яруса Белой башни. Параметры

Элемент обмера	Элемент обмера	Бойница ручного боя, №							
		1	2	3	4	5	6	7	8
Печура	Левая стена	100	130	101	87	106	131	92	83
	Правая стена	101	107	106	120	111	94	92	97
	При входе	237	253	254	247	226	211	218	220
	От амбразуры	205	189	222	206	190	161	194	193
Амбразура	Левая стенка	62	54	52	56	48	49	54	52
	Правая стенка	63	50	52	56	45	53	49	52
	От печуры	118	101	101	112	88	87	93	89
	От бойницы	68	61	63	63	62	60	61	56
Бойница	Левая стенка	42	49	47	48	41	44	56	45
	Правая стенка	45	45	50	45	42	51	53	45
	От амбразуры	46	42	63	43	43	43	41	43
	Снаружи	74	73	73	67	73	78	87	67

Примечание. Обмеры В. А. Букова, 2016 г.

3.6.3. ПАРАМЕТРЫ ПРЯСЕЛ

Полная метрическая характеристика крепостных стен должна включать следующие показатели: 1) высота стен на момент окончания строительства; 2) толщина стен в основании; 3) ширина верха стены на уровне боевого хода; 4) ширина боевого хода; 5) толщина бруствера со стороны монастыря; 6) толщина внешнего бруствера; 7) параметры печур в основании стены; 8) расстояние между бойницами печур; 9) параметры бойниц верхнего боя; 10) параметры городских ворот.

3.6.3.1. Расчет первоначальной высоты крепостных стен и башен

Может показаться странным, но до сих пор не выяснена точная высота стен и башен. Начиная с XIX столетия разные авторы неоднократно приводили сведения о высотных параметрах крепости, но все цифры или весьма приблизительные, или слишком обобщенные. В 1825 г. архимандрит Макарий писал: «Возвышение стен по неравности грунта неодинаково, но по глазомеру простирается от 3 до 4 сажень» (Макарий, 1825, с. 41). В последней монографии о крепости архитектор-реставратор О. Д. Савицкая приводит обобщенные цифры: «Средняя высота каменного массива стен от 6 до 9 м, башен основного массива 12–17 м <...> В Пристенке средняя высота каменного

массива стен 6–6,5 м, Квасоваренной башни — 7,5 м, Поваренной — 8,5 м» (Савицкая О. Д., 2005, с. 30–31). Чертежи прясел с башнями опубликованы сильно уменьшенными, что не позволяет нам точно вычислить высоты, которые брались «от современного уровня земли до верха кладки» (Савицкая О. Д., 1980, с. 81).

В такой ситуации только раскопки способны дать представление о первоначальной высоте каждого прясла и башни. Анализ стратиграфии шурфов, траншей и раскопов у стен и башен позволяет весьма точно определить толщину разновременного мусора, образовавшегося после окончания строительства до нашего времени. Горизонт 1582–1595 гг. определяется чаще всего по нижнему слою извести с битым кирпичом у стен — мусору от возведенных парапетов с бойницами и столбами. В некоторых случаях отмечен насыпной слой вертикальной планировки того времени. Оказалось, что мощность поздних напластований имеет существенный разброс в пределах 0,2–1,6 м (см. табл. 29). Распределяется она по периметру крепости весьма неравномерно:

Прясло Стратилатовская башня — сени Святых ворот 0,55–0,8 м;

Успенская башня, южный фасад 0,8 м;

Успенская башня, западный фасад 0,9 м;

Прясло Успенская башня — Рыбные ворота 0,9 м;

Рыбные ворота — Корожная башня 0,4–0,6 м;

Корожная башня — Никольская башня
0,2–0,3 м;

Никольская башня — Пристенок 0,7 м;

Пристенок — Архангельская башня 1,4–
1,6 м;

Архангельские ворота — Белая башня 0,5–
0,7 м;

Сушило — Стратилатовская башня 0,7–
0,8 м;

Стратилатовская башня, восточный фасад
0,35–0,65 м.

За более чем 400-летний период слой нарос менее всего перед северным пряслон, на 0,2–0,3 м, что вполне объяснимо. Это напольная, наиболее ответственная сторона, отвечавшая за оборону вплоть до начала XIX в. Наибольшее количество мусора было свезено из монастыря на берег Святого озера. Он прикрыл два нижних ряда валунов стены на высоту 1,4–1,6 м. При этом многие амбразуры печур оказались скрыты землей или чуть выше земли. Данная сторона считалась наименее опасной при осаде. Кроме того, существенное поднятие уровня земли здесь произошло в конце XIX — начале XX в. в связи с возведением гранитной набережной, которая соответствовала существенно поднятому уровню Святого озера для лесопилки и электростанции. На остальных участках низ крепости оказался закрыт в пределах 0,35–0,8 м, но везде заметная прибавка мусора появилась в советское время.

Для установления первоначальной высоты стены на конкретном участке необходимо суммировать толщину наросшего после строительства слоя и размер от дерна до верха стены. Итог дан в табл. 47. Из нее явствует, что первоначальная высота прясел на разных участках была в пределах 7,6–10,5 м. Наиболее высокая стена 10,5 м оказалась севернее Успенской башни. Прясло между Успенской и Стратилатовской башнями на метр ниже (9,56–9,65 м), но и эта стена самая высокая. Заметим, оба участка расположены напротив морской бухты, откуда предположительно должна была исходить наибольшая опасность обстрела Соловецкой крепости кораблями противника. Высоту чуть более 9 м (9,14 м) имела южная приступная стена в примыкании к Сушилу, но далее в сторону Стратилатовской башни она понижалась до 7,97 м, поскольку там было природное возвышение. Северная сте-

на между Корожной и Никольской башнями, хотя и располагалась на переднем крае обороны, была немногим более 8,5 м (8,67–8,73 м). Однако подступы к ней защищал глубокий сухой ров. А недостаточность высоты стены между Никольской башней и Пристенком (8,33 м), т.е. менее 8,5 м, осознали во время «Соловецкого сидения», потому здесь и был дополнительно надстроен раскат. Однако между Рыбными воротами и Корожной башней зафиксирована еще более низкая стена (7,75–7,90 м), которая в ходе «Соловецкого сидения» у находящихся в осаде тревоги не вызвала, поскольку доступ к ней прикрывал сухой ров и неудобный крутой подъем. Заметим, что данное невысокое прясло относится к самому первому этапу строительства 1582–1583 гг., когда зодчий Иван Михайлов только осваивал валунную фортификацию. Все последующие прясла стали строить высотой не менее 8,7 м, которая стала считаться оптимальной. Для нового графического восприятия стен и башен крепости следовало бы наложить полученные измерения на чертежи фасадов прясел из книги О.Д. Савицкой.

К сожалению, приобщить полученные данные к проекту вертикальной планировки невозможно. Срезка грунта вокруг крепости до первоначальных отметок в настоящий момент исключена. Со стороны Святого озера этому препятствуют высокий уровень зеркала воды и высокие отметки увязанной с ним гранитной набережной конца XIX в. Южнее крепости непреодолимым препятствием служат расположенные поздние сооружения — электростанция, док и при нем сложенный из гранитных блоков накопительный колодец. Вдоль западной стены, со стороны морской бухты, проходят коммуникации, глубина заложения которых определена нормативами.

3.6.3.2. Основные параметры стен

Все прясла между башнями индивидуальны. Они разнятся протяженностью, толщиной основания, шириной верха, шириной боевого хода и шириной парапетов, обрамляющих его. Все данные представлены в табл. 48.

Наибольшую трудность доставило выяснение толщины стены в подошве. Это можно было сделать только через печуры,

Таблица 47

**Определение первоначальной высоты стен крепости
после завершения ее строительства на месте шурфов и траншей**

241

№ п/п	Объект крепости	Траншея, шурф, раскоп, № по отчету с указанием года раскопок и местоположения	Мощность подсыпки (м) после строительства крепости (поправка)	Расстояние от верха стены до современного дерна, м	Вычисленная первоначальная высота стены, м
1	Прясло между Стратилатовской башней и сенями Святых ворот	Траншея 7 — 2004 г. снаружи, напротив печуры № 3	0,6	8,98	9,58
2		Траншея 1, участок А — 2005 г. снаружи, напротив печуры № 4	0,7	8,86	9,56
3	Прясло между сенями Святых ворот и Успенской башней	Раскоп 1 — 2001 г. к северу от сеней, снаружи у стены	0,85	8,80	9,65
4	Прясло между Успенской башней и Рыбными воротами	Шурф 4 — 2014 г., западный фасад	0,9	9,58	10,48
5	Рыбные ворота	Траншея 12 — 2004 г., внутри ворот	0,45–0,5	8,25	8,7–8,75
6	Прясло между Рыбными воротами и Кожаной башней	Шурф 3 — 2014 г., восточный фасад, напротив бойницы № 17	0,45–0,6	7,3	7,75–7,9
7	Прясло между башнями Кожаной и Никольской	Траншея 3 — 1997 г., расширение у северного фасада	0,12–0,18	8,55	8,67–8,73
8	Прясло между Никольской башней и Пристенком	Шурф 2 — 2014 г., восточный фасад	0,7	7,63	8,33
9	Прясло между Пристенком и Архангельской башней	Траншея 1 — 1998 г., восточный фасад, расширение напротив печуры № 47 тюрьмы	1,6	7,3	8,9
10	Прясло между башнями Архангельской и Белой	Траншея 1 — 2013 г., юго-восточный фасад, напротив печуры № 53	0,5	7,07	7,57
11	Прясло между Сушилом и Стратилатовской башней	Траншея 5 — 2004 г. снаружи у южного фасада прясла, напротив печуры № 59	0,9	8,24	9,14
12		Шурф 1 — 2013 г. у юго-западного фасада, в примыкании к башне рядом с печурой № 64	0,35	7,62	7,97

но их бойницы в своем большинстве замурованы, а валуны основания снаружи закрыты слоем земли. Потому приводимые цифры являются близкими к исходным. Наименьшая толщина стены 4,84 и 5,25 м отмечена на участке между башней Успен-

ской и Рыбными воротами, максимальная — вблизи Святозерских (Водяных) ворот — 8,13 м — за счет расширения стены у этих ворот.

Неодинакова ширина верха прясел. Она минимальна севернее Успенской

Таблица 48

Параметры прясел

№ п/п	Прясло	Параметры, м					
		длина сна- ружи	толщина основания	общая ширина верха	ширина парапета от двора	ширина боевого хода	ширина внешнего парапета с валунами
1	Стратилатовская башня — Святые ворота	53,30	6,10 6,85 6,95	4,89 4,89 5,02	0,68 0,68 0,70	2,41 2,43 2,52	1,82 1,78 1,80
2	Святые ворота — Успенская башня	57,10	8,00 8,02	5,26 5,30 5,39	0,53 0,52 0,52	2,67 2,65 2,92	2,06 2,13 1,85
3	Успенская башня — Рыбные ворота	122,91	4,84 5,25	3,27 3,21 3,51	Парапет отсутствует	1,84 1,89 2,06	1,43 1,32 1,45
4	Корожная башня — Никольская башня	82,30	Нет данных	Нет данных	Нет данных	2,49 3,10 2,87	1,71 1,65 1,78
5	Никольская башня — Пристенок	24,60	5,74	Нет данных	0,52	3. 90 2,96	Нет данных
6	Пристенок — Святозерские ворота	38,43	Нет данных	3,32 3,08 3,10	Парапет отсутствует	1,42 1,42 1,60	1,90 1,66 1,50
7	Святозерские ворота — Архангельская башня	110,43	8,13	5,00 4,28 4,16 4,15 4,30	0,52 0,52 0,52 0,52 0,52	2,78 2,14 2,04 2,35 2,46	1,70 1,58 1,60 1,28 1,32
8	Архангельская башня — Белая башня	94,75	6,04 6,30	4,82 5,10 4,89 4,95	0,52 0,52 0,52 0,52	2,74 2,84 2,66 2,61	1,66 1,74 1,72 1,82
9	Сушило — Стратилатовская башня	65,84	7,80	4,97 4,96 5,05 5,07	0,52 0,53 0,58 0,56	2,85 2,70 2,68 2,67	1,60 1,79 1,79 1,84
10	Северное прясло Пристенка	10,95	3,67	2,70	Консоль	1,75	0,95
11	Восточное прясло Пристенка	59,73	3,45	2,57 2,59 2,29		1,77 1,85 1,47	0,80 0,74 0,82
12	Южное прясло Пристенка	8,00	3,65	3,29		2,33	0,96

Примечание. Все промеры выполнены автором. По И. Г. Брагиной, толщина внешнего кирпичного парапета с бойницами на некоторых участках иная (Приложение 5). Для бойницы № 5 0,92 м. Для бойницы № 9 над Святозерскими воротами 1,48 м. Для бойницы № 13 1,22 м. Для бойницы № 28 1,21 м. Для бойницы № 29 1,20 м. Для бойницы № 30 1,36 м. Для бойницы № 32 1,49 м. Для бойницы № 36 1,67 м. Для бойницы № 52 1,71 м. Для бойницы № 59 1,71 м. Для бойницы № 74 1,47 м. Для бойницы № 75 1,45 м. Для бойницы № 78 1,31 м. Для бойницы № 86 1,41 м. Для бойницы № 88 1,42 м. Для бойницы № 90 1,42 м. Для бойницы № 92 1,43 м. Для бойницы № 94 1,49 м. Для бойницы № 95 1,45 м. Для бойницы № 97 1,41 м. Для бойницы № 98 1,50 м. Для бойницы № 106 1,50 м. Для бойницы № 113 0,96 м. Для бойницы № 116 0,92 м. Для бойницы № 133 0,85 м. Для бойницы № 135 1,25 м. Для бойницы № 139 0,78 м.

башни; но здесь для расширения узкого боевого хода была сделана деревянная консольная конструкция, а перед Рыбными воротами приложены к валунной стене кирпичные арки.

Узкий верхний боевой ход имеется также и на участке Пристенок — Святозерские ворота. Однако это вынужденная мера: здесь крепость подошла вплотную к старым кельям, которые пришлось

включить в состав фортификации, и к их восточному фасаду приложили тонкую валунную крепостную стену, чтобы та была вровень с остальным пряслем.

Ширина кирпичных парапетов со столбами и внешних валунно-кирпичных парапетов в целом выдержана в определенных рамках.

Обращают на себя внимание два резких расширения стены к югу от Святозерских ворот и к северу от Архангельской башни. В первом случае сделали так, чтобы ворота не выступали за линию прясла. Во втором случае расширение делали специально для Головленковой тюрьмы, которая первоначально здесь явно не планировалась. Корректировка произошла непосредственно в ходе строительства.

Своеобразные результаты дали примеры расстояния между кирпичными столбами парапетов обходной галереи крепости (табл. 49). В пределах одного прясла показатели колебались иногда весьма значительно, но в большинстве случаев соблюдались близкие параметры. Наиболее сильный разброс цифр дало прясло между Никольской башней и Квасоварней — от 3,4 до 4,29 и 4,43 м. Не исключаем, что это результат поздней переделки после ликвидации раската, надстроенного во время «Соловецкого сидения». Наиболее часто, через 2,5–2,6 м, были поставлены столбы на северном прясле между Корожной и Никольской башнями. На остальных участках промежутки между столбами укладывались в устойчивый интервал около 3,1–3,2 м (Святые ворота — Успенская башня), 3,2–3,3 м (Стратилатовская башня — Святые ворота), 3,3 м (к югу от Архангельской башни), 3,6 м (к северу от Белой башни), 3,7 м (Святозерские ворота — Архангельская башня).

Колебание размеров между соседними столбами может быть объяснено принципом кирпичной кладки самого парапета. Столбы — составная часть парапета. Они были шире его и выступали либо внутрь обходной галереи, либо на внешнюю сторону. При укладке кирпичей в ряд из-за разброса их параметров и толщины известковых швов технически невозможно было выдержать абсолютно одинаковое расстояние между столбами. Набегали сантиметры (по современной метрологии)

из-за разной ширины кирпича (тычок — около 16 см) или его длины (ложок — около 30–32 см). Это и приводило к подвижке столбов. Достаточно взглянуть на таблицу, чтобы увидеть разности.

Столбы не коррелируют с расположением простенков между бойницами верхнего боя прясел. По отношению к ним они производны и могут стоять как напротив центра простенка, так и напротив самой бойницы. Кровля, прикрывавшая прясло, конструктивно была самостоятельна по отношению к бойницам и столбам, так как стропила опирались на обвязку.

При замере высоты внешнего бруствера нижние отметки брались от каменного основания прохода, а там, где был уложен современный дощатый пол, учитывалась толщина досок и лаг. В целом высота внешней стены была в пределах 1,80–2,35 м, выше человеческого роста (табл. 50). Наибольшая высота (2,20; 2,35; 2,40 м) отмечена со стороны морской бухты и на северном прясле. Так, от Святых ворот бруствер постепенно увеличивается в высоту от 2,05 до 2,25 м в сторону Успенской башни. У прясла Успенская башня — Корожная башня возрастание размеров высоты бруствера до 2,32–2,35 м наблюдается вблизи Рыбных ворот напротив Казначейского и Наместнических корпусов. На северном прясле максимум высоты бруствера 2,40 м отмечен по центру. Между Пристенком и Святозерскими воротами бруствер высотой 2,20 м, а далее к югу его высота доходит до 2,05 м. Подобные параметры имеют брустверы Сушила и прясло между Сушилом и Стратилатовской башней. Наименьшая высота внешней ограды оказалась у прясла между Архангельской и Белой башнями 1,80–1,90 м. Возможно, это издержки реставрации, так как весь верх стены в настоящее время выложен современным кирпичом.

В Пристенке северное прясло располагает еще более низким бруствером, 1,75 м. Вероятно, это следствие перестройки после «Соловецкого сидения», когда был убран надстроенный раскат. Восточное прясло Пристенка у той же башни имело высоту уже 2,10 м, а далее к югу, к Поваренной башне, уменьшалось до 1,90 м.

Таблица 49

Расстояние между столбами обходной галереи (боевого хода)

№ п/п	Участок обходной галереи – боевого хода	Участок между столбами, №	Размеры, м
1	Стратилатовская башня – Святые ворота	154 угловой – 1	2,84
2		1–2	3,39
3		2–3	3,24
4		3–4	3,29
5		4–5	3,30
6		5–6	3,14
7		6–7	3,38
8		7–8	3,21
9		8–9	3,35
10		9–10	3,09
11		10–11	2,54
12		11–12	3,22
13		12–13	3,24
14		13–14	Не сохранились
15	Святые ворота	14–15	Не сохранились
16		15–16	
17		16–17	
18	Святые ворота – Успенская башня	17–18	Не сохранились
19		18–19	
20		19–20	3,20
21		20–21	3,17
22		21–22	3,20
23		22–23	3,10
24		23–24	3,15
25		24–25	3,27
26		25–26	2,33
27		26–27	Не сохранились
28		27–28	
29		28–29	
30		29–30	
31		30–31	
32		31–32	
33		32–33	
34	Рыбные ворота (от Наместнического корпуса) – Кожаная башня	34–35	Парапеты первоначально отсутствовали
35		35–36	
36		36–37	
37		37–38	
38		38–39	
39		39–40	
40		40–41	
41		41–42	
42	Кожаная башня – Никольская башня	43–44	2,72
43		44–45	2,50
44		45–46	2,59
45		46–47	2,60
46		47–48	2,62
47		48–49	≈2,50
48		49–50	≈2,50

№ п/п	Участок обходной галереи — боевого хода	Участок между столбами, №	Размеры, м
49	Корожная башня — Никольская башня	50–51	2,58
50		51–52	2,65
51		52–53	2,62
52		53–54	2,63
53		54–55	2,65
54		55–56	2,72
55		56–57	Не сохранились
56		57–58	
57		58–59	
58		59–60	
59		60–61	
60		61–62	
61		62–63	
62		63–64	
63		64–65	
64		65–66	
65	Никольская башня — Квасоварня	67–68	3,48
66		68–69	3,82
67		69–70	3,75
68		70–71	4,43
69		71–72	4,29
70		67–68	3,48
71		68–69	3,82
72		72–73	Уничтожены при строительстве корпуса XIX в.
73	Поварня — Святозерские ворота	73–74	
74		74–75	
75		75–76	
76		76–77	
77		78–79	Столбы. Парапеты между столбами отсутствовали из-за близости стены келий
78	Поварня — Святозерские ворота	79–80	
79		80–81	
80		81–82	
81		82–83	
82		83–84	
83	Святозерские ворота — Архангельская башня	85–86	3,11
84		86–87	3,21
85		87–88	3,50
86		88–89	3,31
87		89–90	3,98
88		90–91	3,32
89		91–92	3,63
90		92–93	3,55
91		93–94	3,70
92		94–95	3,64
93		95–96	3,66
94		96–97	3,64
95		97–98	3,69
96		98–99	3,63
97		99–100	3,67
98		100–101	3,68
99		101–102	3,64

№ п/п	Участок обходной галереи — боевого хода	Участок между столбами, №	Размеры, м
100	Святозерские ворота — Архангельская башня	102–103	3,68
101		103–104	3,76
102		104–105	3,59
103		105–106	3,74
104		106–107	3,77
105		107–108	3,26
106		108–109	3,42
107		109–110 угловой	3,06
108		110 угловой — 111	3,84
109	Архангельская башня — Белая башня	111–112	4,21
110		112–113	3,08
111		113–114	4,15
112		114–115	3,66
113		115–116	3,64
114		116–117	3,64
115		117–118	3,63
116		118–119	3,66
117		119–120	Не сохранились
118		120–121	
119		121–122	
120		122–123	
121		123–124	3,34
122		124–125	3,35
123		125–126	3,34
124		126–127	3,34
125		127–128	3,41
126		128–129	3,32
127		129–130	3,31
128		130–131	3,32
129		131–132	3,33
130		132–133	3,36
131	Белая башня — Сушило	134 круглый — 135	3,08
132		135–136	4,20
133	Сушило — Стратилатовская башня	137–138	3,41
134		138–139	3,41
135		139–140	3,43
136		140–141	3,32
137		141–142	3,31
138		142–143	3,39
139		143–144	3,21
140		144–145	3,41
141		145–146	3,45
142		146–147	3,39
143		147–148	3,45
144		148–149	3,48
145		149–150	3,39
146		150–151	3,38
147		151–152	3,47
148		152–153	3,45
149		153 — 154 угловой	3,11

Примечание. Обмеры В. А. Бурова, В. В. Борисенко. 2017 г. Все расстояния определены с помощью лазерного дальномера «Leica DISTO D2».

Таблица 50

Высота внешней стены боевого хода (обходной галереи)

№ п/п	Прясло	Высота, м
1	Стратилатовская башня — Святые ворота	2,05–2,10
2	Святые ворота — Успенская башня	2,05–2,25
3	Успенская башня — Рыбные ворота	2,15–2,35
4	Рыбные ворота — Корожная башня	2,20–2,32
5	Корожная башня — Никольская башня	2,10–2,40
6	Никольская башня — Пристенек	1,85–1,90
7	Северное прясло Пристенка	1,75
8	Восточное прясло Пристенка	2,05–2,10
9	Южное прясло Пристенка	1,90–1,95
10	Пристенек — Святозерские ворота	2,20
11	Святозерские ворота — Архангельская башня	2,20–2,05
12	Архангельская башня — Белая башня	1,90–1,80
13	Сушило	1,75–2,10
14	Сушило — Стратилатовская башня	2,00–2,05

247

3.6.3.3. Параметры печур подошвенного боя в пряслах

Судя по конструкции выявленных настилов, в Соловецкой крепости печуры могли использоваться как для стрельбы из пушек, так и из ручных пищалей. Печуры историки называют еще казематами (Фриман Л., 1895, с. 17). В «Уставе ратных, пушечных и других дел» говорится, что подошвенные бои нужно делать так, *«чтоб они как к приступу, так бы и к простой стрельбе пригожались»* (Радишевский А. М., 1781, с. 94–95).

Печуры нижнего боя в конце XVI в., видимо, изначально предназначались для стрельбы из ручных пищалей. Но постепенно с наращиванием количества соловецкой артиллерии часть печур могла быть задействована и под пушки, для чего боковые валунные стенки бойниц могли растесывать под жерла стволов. Опыт осады времени «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) показал, что оборона крепости с помощью пушек наиболее эффективна, когда они расставлены на башнях. Не случайно опись 1676 г., составленная сразу после штурма монастыря, отмечает пушки исключительно в башнях. Поэтому странное впечатление производит фраза из отписки царю воеводы Ивана Мещеринова, чье войско осаждало обитель: *«...а подошвенного бою у них в башнях и в городской стене нет, да и сделать, государь, нельзя, потому что башни и город кладены толсты*

из дикого большого камня» (Барсов Е. В., 1890, с. 102).

Как уже отмечалось, в 1790 г. посчитали возможным устанавливать артиллерийские орудия во всех печурах прясел. В XIX столетии в связи с окончательным лишением Соловецкой крепости военных функций печуры утратили свое первоначальное предназначение. М. А. Колчин, побывавший на Соловках в 1880-х гг., писал, что некоторые *«арки стен»* были приспособлены для разных хозяйственных нужд. В них устроили кладовые, погреба, сушильни и т. п. (Колчин М. А., 1908, с. 8–9). Обилие щепы, постоянно встречаемое при раскопках в верхних слоях печур, свидетельствует о том, что они действительно использовались в позднее время как дровяники. Плотный слой щепы в печуре к северу от Головленковой тюрьмы, слежавшийся поверх деревянной платформы 1790 г., обеспечил ее прекрасную сохранность.

О печурах Соловецкой крепости исследователи пишут обобщенно. По сути, они обезличены. Для их индивидуализации и топографической привязки мы сообщили всем им сквозную нумерацию. Начало нумерации — с первой печуры нижнего боя к северу от Стратилатовской башни, и далее — по часовой стрелке до последней печуры № 64 к юго-востоку от Стратилатовской башни (ил. 558).

Печуры представляют собой однотипные обширные камеры в плане в форме трапеции. Их стенки сложены из нескольких

Таблица 51

Параметры основания печур нижнего боя в пряслах Соловецкой крепости

№ п/п	Элемент обмера	Печура №													
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
1	Левая стена	380	460	438	444	365	Заложена	590	414	554	644	590	315	350	325
2	Правая стена	389	481	432	436	338		580	396	578	563	560	320	345	330
3	При входе	404	446	402	443	336		424	416	380	431	467	384	427	398
4	У амбразуры	28	290	263	255	255		273	288	240	266	265	199	250	230

№ п/п	Элемент обмера	Печура №													
		15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	28
1	Левая стена	341	Заложена	480	407	378	401	?	431	490	440	477	Заложена	Заложена	Уничтожена
2	Правая стена	332		460	410	354	376	?	444	462	420	497			
3	При входе	384		390	420	334	400	?	429	444	464	355			
4	У амбразуры	201		275	256	203	213	?	180	?	?	210			

№ п/п	Элемент обмера	Печура №													
		29	30	31	32	33	34	35	36	37	38	39	40	41	42
1	Левая стена	386	380	401	382	256	242	207	245	251	218	600	662	517	523
2	Правая стена	350	385	392	414	243	235	208	217	243	218	600	634	490	540
3	При входе	433	363	494	450	170	112	183	201	101	190	405	401	345	416
4	У амбразуры	270	235	223	206	106	116	113	105	109	106	240	283	253	291

№ п/п	Элемент обмера	Печура №													
		43	44	45	46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
1	Левая стена	505	516	478	495	501	380	350	447	461	422	Заложена	480	478	476
2	Правая стена	509	495	475	480	482	355	338	395	435	365		460	520	512
3	При входе	430	420	405	427	328	390	395	430	364	454		432	417	440
4	У амбразуры	279	277	283	308	295	262	279	309	270	212		298	153	246

№ п/п	Элемент обмера	Печура №							
		57	58	59	60	61	62	63	64
1	Левая стена	445	403	440	530	Заложена	390	405	432
2	Правая стена	425	400	467	462		433	447	416
3	При входе	440	499	472	470		405	448	416
4	У амбразуры	307	231	280	254		246	252	253

Примечание. Замеры произведены в основании печур по максимальным параметрам. Печура №38 завалена кирпичом. Размеры требуют уточнения. Нами не учитывалась высота печур, поскольку большинство из них присыпано землей. Они кажутся небольшими и низкими. Однако в 26 случаях, когда печуры оказались не засыпаны или засыпаны частично, их неполная высота при входе составляет от 2 до 3 м. Раскопки подтверждают изначальную высоту печур 3 м и более.

горизонтально или слегка наклонно к амбразуре рядов валунов, на которые опирается кирпичный цилиндрический свод. В сторону амбразуры этот свод имеет наклон и заметно сужается. Амбразура также сводчатая и повторяет формы самой печуры, только пропорционально значительно короче. Отверстия бойниц квадратные, щеки сложены из валунов, сверху — валунная перемычка. Почти все бойницы имеют следы растески. Заслуживает внимания и характер кирпичной кладки сводов печур. Он резко отличен от аналогичной кладки печур в ближайшем аналоге — башне в г. Корела. В отличие от шведской фортификации того же времени своды печур Соловецкой крепости состоят не из рядов кирпичей, уложенных только тычками, а традиционно — с последовательным сочетанием тычков и ложков. Мы постарались выполнить максимально полную фотофиксацию всех доступных для исследования печур.

Печуры прясел в начале 1950-х гг. были предметом обмеров инженеров «Военморпроекта», которые создали общий план крепости с расположением монастырских построек. Данный план с корректировками лег в основу позже изданного плана мо-

настыря (Савицкая О.Д., 1980, с. 48, ил. 2; 2005, ил. 10)³¹.

Печуры в пряслах на разных участках отличаются параметрами (табл. 51), что в первую очередь увязано с толщиной крепостной стены. В настоящее время практически все печуры присыпаны мусором, что не дает представления об их первоначальных размерах. Для метрологической характеристики печур мы брали четыре доступных параметра по самому низу: размер левой и правой стен, размер стены перед амбразурой и ширину при входе, как и в башнях. Они достаточно ярко характеризуют разноразмерность печур в пряслах, подтверждая выявленный нами принцип — «как валун ляжет».

3.6.3.4. Расстояние между центрами амбразур печур

Расстояние только между печурами по центру бойниц неодинаково на разных пряслах³². Оно колеблется от 9,50 до 18,60 м (табл. 52). Данное расстояние — показатель плотности размещения печур. Их наименьшая плотность отмечена на участке крепостной стены между Успенской и Кoroжной башнями, между

Таблица 52

Расстояние между центрами амбразур печур в пряслах крепости XVI в. (промеры снаружи)

№ п/п	Участок крепости	Участок между амбразурами печур №	Расстояние, м
1	Стратилатовская башня — Святые ворота	До № 1	6,60
2		№ 1 — № 2	9,50
3		2–3	9,6
4		3–4	9,94
5		4–5	10,58
6		№ 5 — ворота	9,47
7	Святые ворота — Успенская башня	Ворота — № 6	7,36
8		6–7	10,17
9		7–8	10,11
10		8–9	10,01
11		9–10	10,25
12		10–11	9,79
13		№ 11 — башня	2,10

³¹ В 2013–2014 гг. обмеры Соловецкой крепости были выведены на новый уровень. Архитекторы-реставраторы ЦНРПМ практически полностью сканировали крепость. Все материалы были переведены в электронный вид. Данными результатами мы не пользовались, так как даже эти обмеры не могут дать абсолютных цифр промеров из-за округлости валунов.

³² При этом мы не принимаем во внимание участки примыкания бойниц к башням и воротам.

Продолжение табл. 52

№ п/п	Участок крепости	Участок между амбразурами печур №	Расстояние, м
14	Успенская башня — Рыбные ворота	Башня — № 12	13,99
15		12–13	17,66
16		13–14	18,60
17		14–15	18,10
18		№ 15 — ворота	6,38
19	Рыбные ворота — Кожаная башня	Ворота — № 16	6,00
20		16–17	13,43
21		17–18	17,75
22		№ 18 — башня	8,17
23	Кожаная башня — Никольская башня	Башня — № 19	4,13
24		19–20	8,66
25		20–21	9,77
26		21–22	10,16
27		22–23	9,24
28		23–24	8,10
29		24–25	8,67
30		25–26	8,42
31		26–27	7,94
32		№ 27 — башня	7,02
33	Никольская башня — Квасоварня	Башня — № 28	5,70
34		28–29	8,07
35		29–30	8,86
36		30–31	8,00
37		31–32	8,61
38	Святозерские ворота — Архангельская башня	№ 32 — Квасоварня	3,14
39		Ворота — № 39	5,65
40		39–40	6,80
41		40–41	10,80
42		41–42	9,10
43		42–43	9,88
44		43–44	8,47
45		44–45	9,20
46		45–46	9,35
47		46–47	9,64
48		47–48	12,36
49		48–49	12,29
50	Архангельская башня — Архангельские ворота	№ 49 — башня	6,56
51		Башня — № 50	3,76
52	Архангельские ворота — Белая башня	№ 50 — ворота	6,42
53		Ворота — № 51	8,08
54		51–52	15,71
55		52–53	10,42
56		53–54	11,35
57		54–55	10,11
58		55–56	10,71
59		56–57	10,57
60		№ 57 — угол стены	4,80

Окончание табл. 52

№ п/п	Участок крепости	Участок между амбразурами печур №	Расстояние, м
61	Сушило — Стратилатовская башня	Сушило — № 58	4,62
62		58–59	8,98
63		59–60	10,74
64		60–61	9,16
65		61–62	9,00
66		62–63	10,37
67		63–64	10,43
68		№ 64 — башня	2,54

Примечание. Для № 33–39 данные не приведены, поскольку это не печуры, а оконные и дверные проемы келий, примыкавших к югу к поварне и существовавших до крепости. Для усиления оборонительных функций крепости это кирпичное здание было обложено снаружи валунной стеной.

печурами № 12–18. С юга на север расстояние составляет 17,66, 18,60, 18,10, 13,43, 17,75 м. В остальных пряслах данный параметр в пределах 8,00 м — немногим более 10 м. Причины этого мы находим в разных подходах к фортификации двух мастеров — Ивана Михайлова и Трифона Кологривова, о чем будет сказано ниже.

3.6.3.5. Расстояние между центрами бойниц верхнего боя в пряслах

Данные параметры важны для выяснения частоты распределения бойниц

в бруствере обходной галереи, в Пристенке и Сушиле. Расстояния между центрами амбразур крепости конца XVI в. не совпадают, порой весьма значительно. Как исключение, минимальный размер равен 2,24 м, максимальный 8,23 м. В большинстве случаев отдаленность друг от друга амбразур бойниц верхнего боя выдерживается в средних пределах 5,50–6,50 м (табл. 53). В Пристенке начала XVII в. бойницы верхнего боя расставлены в среднем через 3 м, а в Сушиле через 2,20–2,70 м, т. е. они были рассчитаны на более плотный огонь из пищалей.

Таблица 53

Расстояние между центрами бойниц верхнего боя в пряслах крепости XVI в. (промеры со стороны боевого хода)

№ п/п	Участок крепости	Участок между бойницами №	Расстояние, м	№ п/п	Участок крепости	Участок между бойницами №	Расстояние, м
1	Стратилатовская башня — Святые ворота	57–58	4,91	17	Успенская башня — Кожаная башня	75–76	6,97
2		58–59	6,35	18		76–77	6,17
3		59–60	5,90	19		77–78	6,05
4		60–61	5,24	20		78–79	6,07
5		61–62	6,10	21		79–80	5,61
6		62–63	5,75	22		80–81	6,06
7		63–64	6,04	23		81–82	6,11
8		64–65	7,34	24		82–83	6,13
9	Святые ворота — Успенская башня	66–67	5,37	25		83–84	6,31
10		67–68	5,87	26		84–85	6,96
11		68–69	6,31	27		85–86	6,59
12		69–70	6,43	28		86–87	3,45
13		70–71	6,45	29		87–88	3,25
14		71–72	6,04	30		88–89	3,52
15		72–73	5,90	31		89–90	3,69
16		73–74	8,08	32		90–91	6,84

Продолжение табл. 53

№ п/п	Участок крепости	Участок между бойницами №	Расстояние, м
33	Успенская башня – Кожаная башня	91–92	6,80
34		92–93	4,37
35		93–94	7,27
36		94–95	5,16
37		95–96	3,99
38		96–97	4,26
39	Кожаная башня – Никольская башня	98–99	5,35
40		99–100	6,23
41		100–101	8,00
42		101–102	6,79
43		102–103	6,59
44		103–104	6,55
45		104–105	6,41
46		105–106	6,65
47		106–107	7,14
48		107–108	6,58
49	Никольская башня – Пристенки	109–110	6,19
50		110–111	6,16
51		111–112	6,22
52	Пристенки, восточная стена	117–118	2,96
53		118–119	2,96
54		119–120	2,53
55		120–121	3,07
56		121–122	3,49
57		122–123	2,89
58		123–124	3,96
59		124–125	3,70
60		125–126	2,80
61		126–127	3,35
62		127–128	3,41
63		128–129	3,44
64		129–130	3,24
65		130–131	3,38
66		131–132	3,52
67		132–133	3,16
68		133–134	3,52
69	Пристенки, южная стена	135–136	0,92
70		136–137	2,21
71		137–138	2,31
72	Пристенки – Святозерские ворота	1–2	4,42
73		2–3	3,04
74		3–4	5,38
75		4–5	4,52
76		5–6	5,19
77		6–7	4,24
78		7–8	4,57
79		8–9	5,87

№ п/п	Участок крепости	Участок между бойницами №	Расстояние, м
80	Святозерские ворота – Архангельская башня	9–10	5,67
81		10–11	5,74
82		11–12	6,27
83		12–13	5,80
84		13–14	5,54
85		14–15	5,58
86		15–16	5,61
87		16–17	5,67
88		17–18	5,68
89		18–19	5,70
90		19–20	5,65
91		20–21	5,49
92		21–22	5,68
93		22–23	5,65
94		23–24	5,66
95		24–25	5,76
96		25–26	4,85
97		26–27	6,02
98		27–28	6,22
99		28–29	2,91
100	Архангельские ворота – Белая башня	30–31	5,98
101		31–32	4,84
102		32–33	5,04
103		33–34	7,80
104		34–35	8,20
105		35–36	7,58
106		36–37	8,23
107		37–38	6,02
108		38–39	5,77
109		39–40	5,80
110		40–41	6,04
111		41–42	6,03
112		42–43	5,86
113		43–44	6,14
114	Сушило	144–145	2,52
115		145–146	2,56
116		146–147	2,20
117		147–148	2,13
118		148–149	2,11
119		149–150	2,35
120		150–151	2,46
121		151–152	2,52
122		152–153	2,70
123		153–154	1,76
124		154–155	2,27
125		155–156	1,72
126		156–157	2,08
127		157–158	1,43

Окончание табл. 53

№ п/п	Участок крепости	Участок между бойницами №	Расстояние, м
128	Сушило — Стратилатовская башня	45–46	6,20
129		46–47	6,10
130		47–48	6,21
131		48–49	6,10
132		49–50	6,27
133		50–51	6,13

№ п/п	Участок крепости	Участок между бойница- ми №	Расстоя- ние, м
134	Сушило – Стратилатов- ская башня	51–52	6,14
135		52–53	6,19
136		53–54	6,05
137		54–55	5,12
138		55–56	2,24

253

3.6.4. ПАРАМЕТРЫ ГОРОДОВЫХ ВОРОТ

Размеры в основании городских ворот, соответственно и их пропорции варьируют (табл. 54). Самые большие — Святые ворота, главный вход в монастырь. Общая длина их прохода с включением расширения для подъемной решетки (герсы) 8,82 м. Ширина прохода от моря 3,11 м, от монастыря — 3,05 м. Стены квадратной в плане «палатки» в пределах 4,34–4,43 м; высота свода от уровня гранитных плит пола XIX в. 5,72 м.

Со Святыми воротами неожиданно конкурируют Святозерские ворота. Длина их прохода 8,13 м, меньше на аршин; ширина прохода снаружи 2,87 м, со стороны монастыря 2,78 м. «Палатка» Святозерских ворот даже больше «палатки» Святых ворот. В плане она в виде ромба — скошенного подпрямоугольника со сторонами 4,03–4,09×5,03–5,13 м. Однако свод ниже, чем у Святых ворот. Наличие вторых крупных ворот в городской стене, пусть даже со стороны Святого озера, с военной точки зрения не рационально. Можно предполагать их активное хозяйственное назначение. Через них по-

сле окончания первого этапа возведения крепости (1595 г.) в отсутствие Пристенка могла осуществляться доставка воды в поварню, квасоварню и кельи.

Размеры остальных трех ворот заметно меньше. На третьем месте стоят Архангельские ворота, на четвертом — Рыбные, которые также должны были иметь бытовое и хозяйственное назначение: первые обеспечивали доступ к озерной воде проживавшим в южной келейной застройке, через вторые, судя по названию, на поварню поступала выловленная рыба.

Самые маленькие — Сушиленные ворота, длина прохода которых 4,8 м, ширина прохода снаружи 1,23–1,38 м, со стороны двора 1,40 м. Подпрямоугольная в плане «палатка» имеет размер 3,19–3,24×2,19–2,58 м. И опять с точки зрения обороноспособности крепости данные ворота с напольной стороны не логичны, однако они рациональны для доставки зерна на расположенное рядом Сушило (сооружение для хранения зерна — древний элеватор). Для меньшей уязвимости Сушиленные ворота сделали небольшими.

Таблица 54

Основные параметры внутрисканских крепостных ворот, м

№ п/п	Ворота	Общая длина прохода	Ширина прохода снаружи	Ширина прохода со двора	Стены «палатки»				Высота свода
					север	восток	запад	юг	
1	Святые городские	8,82	3,11	3,05	4,43	4,49	4,34	4,39	5,72
2	Рыбные	5,92	2,27	2,39	3,31	3,24	2,88	3,27	4,22
3	Святозерские	8,13	2,87	2,78	5,13	4,03	4,09	5,03	4,56
4	Архангельские	7,20	2,58	2,89	3,83	3,59	3,70	3,93	4,88
5	Сушиленные	4,80	1,23–1,38	1,40	2,58	3,19	3,24	2,19	4,39

Примечание. Обмеры В. А. Букова, В. В. Борисенко. 2017 г. Высота свода от существующего уровня земли определена с помощью лазерного дальномера «Leica DISTO D2».

3.7. ОПЫТ ПОДСЧЕТА ОБЪЕМОВ СТРОИТЕЛЬНОГО МАТЕРИАЛА КРЕПОСТИ 1582–1595 гг.

Данная проблема для Соловецкого монастыря ставится впервые. Она крайне важна для выяснения объема произведенных работ, их последовательности и понимания технологии зодчества. Наше первоочередное внимание было направлено на древнейшую часть крепости постройки 1582–1595 гг. Подсчет валунов и кирпичей осуществлялся по отдельным башням, пряслам, воротам. Он велся попеременно в экспедиционный летний период на протяжении четырех лет (2014–2017 гг.) тремя способами: непосредственно на натуре, с использованием фотографий и с привлечением архивных обмерных чертежей. Внешние валуны стен и башен преимущественно учитывались на основании фотографий, на которых камни отдельных участков нумеровались по горизонтальным рядам (ил. 1206–1207). Во всех печурах и на внешних парапетах со стороны боевого хода счет камням и кирпичам велся непосредственно на месте, так как фото часто не давало необходимого ракурса или панорамы. Для подсчета кирпичей в сводах ворот из-за сложной многорядной кладки снова использовались увеличенные фотографии. Все данные заносились в соответствующие таблицы (табл. 55–73), которые неоднократно перепроверялись и уточнялись.

Итоговые цифры нельзя считать абсолютными, поскольку отдельные части крепости, например печуры в пряслах, оказались недоступны. Они были наглухо заложены поздними стенами или закрыты поздними пристройками. Некоторые участки крепости до нашего времени не сохранились, будучи полностью разобранными или перестроенными. В единичных случаях в помещения башен и стен попасть не удалось по чисто техническим причинам — они наглухо заперты железными дверьми. При подсчете приходилось принимать во внимание археологический факт, что основание крепости — нижний ряд валунов — находится ниже современного уровня земли, он скрыт наросшим культурным слоем. Для всех «мертвых зон» цифра давалась по аналогии с ближайшими нижними рядами валунов. Не-

избежная в таком случае погрешность, на наш взгляд, пребывает в рамках допустимой. Все необходимые оговорки специфики подсчетов даны в тексте и в примечаниях к некоторым таблицам.

Проведенное исследование позволило установить, что **на облицовку Соловецкой крепости в конце XVI в. было использовано в общей сложности чуть более 31 тыс. камней ($\approx 31\,339$ шт.):**

башни — 9115 шт.

прясла — 21 770 шт.

ворота — 454 шт.

Особо подчеркнем, что эти валуны относятся только к внешней обшивке стен; камни внутри панциря недоступны для подсчета.

В свою очередь, данная **итоговая цифра позволяет рассчитать примерную скорость использования валунов за один строительный сезон.** Она составляет около 2,2 тыс. камней ($31\,339:14 = 2238$ шт.). Сезон длился с Троицы до Покрова (1 октября). Поскольку День Святой Троицы переходной праздник, отмечавшийся через 50 дней после Пасхи, то срок начала строительства ежегодно колебался. Но в целом он составлял около четырех месяцев. В таком случае ежемесячно укладывалось в среднем 560 камней ($2238:4 = 559,5$ шт.), а за рабочий день с учетом выходных и праздников — 22 камня ($560:25 = 22,4$ шт.). Если представить, что рабочий день составлял 12 часов, то в час строители укладывали в среднем два наружных валуна — скорость вполне реальная. Понятно, что при строительстве нижних ярусов количество уложенных валунов за час было больше, чем при подъеме их на высоту.

Становится также ясно, что четкий ритм строительства мог быть выдержан при условии тщательной организации труда и огромной подготовительной работы. Валуны были не только заранее доставлены к объекту, но и рассортированы по размеру, что позволяло их укладывать сразу в ряды определенной высоты. Заготавливать камни могли и осенью, а привезти зимой санным путем. Отдельно собирались небольшие камни для внутренней забутовки.

Крепость Соловецкого монастыря только при беглом взгляде можно охарактеризовать как валунную. На самом деле это валунно-кирпичное сооружение, хотя и со значительным преобладанием природных камней. Кирпич — важный и необходимый строительный материал. Из него выложены менее приметные своды печур прясел и башен, стены пороховых камер, завершения верхних ярусов башен с бойницами ручного боя, бойницы, парапеты и столбы боевого хода прясел, своды и арки ворот.

Подсчет количества использованных кирпичей должен позволить более наглядно представить объем не только материала, но и трудозатрат. Если валуны — природный материал, который надо было лишь собрать и доставить к строительной площадке, то на изготовление кирпичей требовались большие усилия с привлечением значительного числа исполнителей, включая квалифицированных мастеров. Понятно, что глину надо было добыть, привезти ее на кирпичный завод, подготовить массу, сформовать из нее партию кирпичей и осуществить их обжиг в печах. Хотя печи на Соловках существовали со времени игумена Филиппа (Колычева) и производили достаточно кирпича для храмов, производственных строений (Поварни, Квасоварни, Сушила), отдельных келий, всё же они требовали постоянного ухода и ремонта, замены устаревших. Много усилий прилагалось для заготовки дров. И только в финале готовая партия кирпичей подвозилась к строящимся стенам и башням крепости с кирпичного завода, который располагался в 2 км от монастыря рядом с горой — «варакой» (Скопин В.В., 2013, с. 156–159; 2012, с. 63–66).

Наши подсчеты показали, что за 14 лет строительства — 1582–1595 гг. — на возведение Соловецкой крепости ушло немногим более 532 тыс. кирпичей ($\approx 532\,393$ тыс. шт.)

башни — 215 849 шт.

прясла — 301 927 шт.

ворота — 14 617 шт.

Как и в случае с валунами, полученный результат дает шанс представить объемы производства кирпича на Соловках и скорость кладки. В год крепость требовала в среднем почти 38 тыс. кирпичей ($532\,393:14$), в один из четырех рабочих ме-

сяцев — около 9,5 тыс. кирпичей ($38\,098:4 = 9524$ шт.), для одного рабочего дня — около 381 кирпича ($9524:25$), в час — 32 кирпича ($381:12$). Примечательно, что цифра 38 тыс. соотносится с годовой нормой выработки соловецкого кирпича во второй половине XVI в., времени игуменства Филиппа (Колычева). В «Сказании о Филиппове строении» говорится: «А на вараке кирпичной жгут в печи кирпичей на монастырский обиход по 40000. А стоит печь та в трех устьях, а тамо тружуются на варачи той братия многия, тако же и мирстии люди своего ради спасения» (Буров В.А., Охотина-Линд Н.А., 2004, с. 165). Это позволяет иначе взглянуть на проблему использованного материала для возведения Соловецкой крепости. **Если бы в соответствии с общерусской традицией было принято решение возводить фортификацию из кирпича, то его при соблюдении сроков строительства потребовалось бы на порядок больше. Для этого нужно было строить новые печи, заготавливать большее количество дров, существенно увеличить число obsługi.**

Не поддаются подсчету объемы примененного известкового раствора, прежде чем приготовить который, надо было наломать известняк на Двине, привезти на судах по морю, преодолев путь в 300 миль, гасить известь в ямах. Загадкой останется и количество собранных в гнездовьях птичьих яиц, использованных для придания клейкости раствору.

Ниже приводим систему описания всех подсчетов.

3.7.1. ПОДСЧЕТ КОЛИЧЕСТВА ОБЛИЦОВОЧНЫХ ВАЛУНОВ БАШЕН

Подсчет валунов башен осуществлялся в четыре приема: а) на фасаде; б) внутри печур по отдельным ярусам; в) в интерьере по отдельным ярусам между печурами (без учета камней печур); г) в интерьере верхних ярусов в простенках между бойницами (табл. 55–60). Итоги следующие:

Архангельская башня 1421 валун (679 снаружи, 742 в интерьере);

Белая башня 1315 валунов (536 снаружи, 779 в интерьере);

Корожная башня 1750 валунов (725 снаружи, 1025 в интерьере);

Никольская башня 1784 валуна (836 снару-
жу и 948 в интерьере);
Стратилатовская башня 1650 валунов (714
снаружи и 936 в интерьере);
Успенская башня — 1195 валунов (482
снаружи и 723 в интерьере).

**Всего в 1582–1595 гг. при строитель-
стве шести башен для их облицовки было
использовано немногим более 9 тыс. ва-
лунов (около 9115 шт.).** Подсчитать же
количество более мелких камней, пошед-
ших на забутовку, технически невозможно.

Таблица 55

**Подсчет количества облицовочных валунов по фасаду и внутри Архангельской башни.
1582–1595 гг.**

Башня	Ярус	Печура №	Кол-во валунов				Итого
			печура с амбразурой	стена вне печур по кругу	поро-ховая камера	проход в башню со двора или с галереи	
Архан-гель-ская	1	1	42	138	–	61	339
		2	44				
		3	54				
	2	4	15	68	1	6	162
		5	14				
		6	17				
		7	18				
		8	23				
	3	9	10	96	–	8	177
		10	18				
		11	14				
		12	16				
		13	15				
	4	Изнутри по кругу*					
1–4	Наружный фасад**						649
1	Ряд камней под землей (примерно)						≈30
Всего							≈1421

Примечания. * — для печур 1-го яруса и прохода в башню добавлено минимальное количество ва-
лунов (10 шт.), которые должны располагаться ниже современного уровня земли; ** — в данный
подсчет включен сектор верха башни, обращенный к пряслу. Из чертежа видно, что он равен трети
диаметра (*Савицкая О.Д.*, 2005, с. 38, ил. 21). В натуре это шесть горизонтальных рядов камней
примерно по 23 валуна в каждом, всего 132 валуна.

Таблица 56

**Подсчет количества облицовочных валунов по фасаду и внутри Белой башни.
1582–1595 гг.**

Башня	Ярус	Печура, №	Кол-во валунов					Итого
			печура с амбразурой	стена вне печур по кругу	камера	проход со двора или с галереи	проход с озера	
Белая	1	1	20	52	–	7	21	193
		2	25					
		3	33					
		4	35					
	2	5	22	68	22	8	–	191
		6	18					
		7	18					
		8	16					
		9	19

Окончание табл. 56

Башня	Ярус	Печура, №	Кол-во валунов					Итого
			печура с амбразурой	стена вне печур по кругу	камера	проход со двора или с галереи	проход с озера	
Белая	3	10	19	133	6	20	–	250
		11	20					
		12	20					
		13	18					
		14	14					
	4	Изнутри по кругу						145
	1–4	Наружный фасад*						513
	1	Ряд камней под землей (примерное кол-во)						≈23
Всего								≈1315

Примечание. * — с учетом 53 камней под крышей со стороны Сушила.

Таблица 57

Подсчет количества облицовочных валунов по фасаду и внутри Коровожной башни.
1582–1595 гг.

Башня	Ярус	Печура №	Кол-во валунов						Итого
			печура с ам-бразу-рой	стена вне печур по кругу	камера	проход в башню со двора	проход с воротами с выхо-дом к югу	проход на гале-рею	
Корожная	1	1	60	124	20	—	32	—	404
		2	52						
		3	46						
		4	47						
		5	23						
	2	6	23	101	≈20*	—	—	21	298
		7	29						
		8	26						
		9	30						
		10	27						
		11	21						
	3	12	15	143	—	—	—	≈2	268
		13	20						
		14	25						
		15	21						
		16	22						
		17	20						
	4	Изнутри по кругу							55
	1–4	Наружный фасад							693
	1	Ряд камней под землей (примерно)							≈32
Всего									≈1650

Примечание. * — в камеру 2-го яруса нет доступа.

Таблица 58

Подсчет количества облицовочных валунов по фасаду и внутри Никольской башни.
1582–1595 гг.

Башня	Ярус	Пещура №	Кол-во валунов					Итого	
			пещура с амбразурой	стена вне печур по кругу	камера пороховая	проезд под стрельницей	проезд из башни в монастырь		проход на галерею и арка
Никольская	1	1	42	111	—	51	31	—	408
		2	≈42						
		3	42						
		4	44						
		5	45						
	2	6	17	80	—	—	—	—	208
		7	26						
		8	19						
		9	14						
		10	16						
		11	16						
	3	12	16	107	—	—	—	7	222
		13	21						
		14	17						
		15	24						
		16	17						
		17	13						
	4	Изнутри по кругу							110
	1–4	Наружный фасад*							≈806
1	Ряд камней под землей (примерно)							≈30	
Всего									≈1784

Примечание. * — подсчет включает также примерный подсчет валунов юго-западного сектора верха башни по фотографии 1888 г., сделанной до строительства монастырской гостиницы в 1902 г. (Лейцингер Я.И., 2005). Хотя изображение плохого качества и силуэты валунов кладки едва различимы, но с определенным допуском подсчитать камни всё же можно (53 шт.), приплюсвав к ним еще пять рядов невидной кладки, расположенной ниже (65 шт.), и камни со стороны помещения стрельницы (19 шт.), а также над аркой прохода на 2-й ярус (5 шт.). Печура №2 закрыта; количество валунов указано примерно.

Таблица 59

**Подсчет количества облицовочных валунов по фасаду и внутри Стратилатовской башни.
1582–1595 гг.**

Башня	Ярус	Печура №	Кол-во валунов				Итого
			печура с ам-бразурой	стена вне печур по кругу	камера	проход в башню	
Стратилатовская	1	1	38	146	—	90	419
		2	34				
		3	35				
		4	40				
		5	36				
	2	6	14	113	27	28	253
		7	14				
		8	15				
		9	15				
		10	13				
		11	14

Башня	Ярус	Печура №	Кол-во валунов				Итого
			печура с ам- бразурой	стена вне печ- ур по кругу	камера	проход в башню	
Стратила- товская	3	12	11	102	–	2	193
		13	17				
		14	14				
		15	15				
		16	17				
		17	15				
	4	Изнутри по кругу					71
	1–4	Наружный фасад					678
1	Ряд камней под землей по наружному фасаду					≈36	
Всего							≈1650

Таблица 60

Подсчет количества облицовочных валунов по фасаду и внутри Успенской башни.
1582–1595 гг.

Башня	Ярус	Печура №	Кол-во валунов				Итого
			печура с амбразурой	стена вне печур	камера	проход в башню	
Успен- ская	1	1	29	105	—	41	272
		2	35				
		3	38				
		4	24				
	2	5	28	170	52	27	362
		6	34				
		7	27				
		8	24				
	3	Стена с амбразурами в интерьере					49
		Стена с восточными столбами в интерьере					≈40
	1–3	Наружный фасад от моря					220*
		Фасад со стороны монастыря					211
	1	Ряд камней под землей по наружному фасаду от моря					≈21
		Ряд камней под землей по фасаду со стороны монастыря					≈30
Всего							≈1195

Примечание. * — с учетом 10 валунов разрушенной северной бойницы, превращенной в XIX столетии в арочный проход.

3.7.2. ПОДСЧЕТ КОЛИЧЕСТВА
ОБЛИЦОВОЧНЫХ ВАЛУНОВ ПРЯСЕЛ

Подсчет камня, ушедшего на облицовку прясел, проводился в несколько этапов: а) на наружных стенах; б) в печурах подошвенного боя; в) на стенах со стороны монастыря между печурами; г) на внешних парапетах со стороны обходной галереи. Итоги следующие. На наружных стенах 10 участков между башнями, а также между башнями и хозяйственными по-

стройками, включенными в крепость, мы насчитали в общей сложности примерно **8587** валунов (табл. 61). На сооружение печур в пряслах ушло примерно **3883** камней (табл. 62). На фасад стен со стороны монастыря пошло около **6826** валунов (табл. 63). На внешних парапетах верхних обходных галерей (простенки между бойницами ручного боя и сами бойницы) — **2474** валуна (табл. 64). **Всего при возведении прясел было задействовано около 22 тыс. облицовочных валунных камней (≈21 770 шт.).**

Таблица 61

Подсчет количества облицовочных валунов снаружи прясел между башнями.
1582–1595 гг.

№ п/п	Прясло		Кол-во валунов			Итого
			снаружи	под землей один ряд	в парапете с амбразурами	
1	Стратилатовская башня — Святые ворота		587	≈34	116	737
2	Святые ворота (фасад от паперти)		22	≈2	13	37
3	Святые ворота — Успенская башня		402	≈19	143	564
4	Успенская башня — Корожная башня		708 до шва	≈44 до шва	107	1672
			771 после шва	≈42 после шва		
5	Корожная башня — Никольская башня		885	≈75	185	1145
6	Никольская башня — Квасоварня	до ворот Никольских	52	≈5	—	585
		до Пристенка	206	≈25		
		закрыто стеной Пристенка	≈60	≈4		
		до Квасоварни	216	≈17		
7	Пристенки — Архангельская башня	от Поварни до Пристенка	17	≈4	358	1720
		закрыто кирпичной стеной	≈24	≈6		
		закрыто стеной Пристенка	≈25	≈6		
		от Пристенка до башни	1166	≈114		
8	Архангельская башня — Белая башня		869	64	166	1099
9	Белая башня — Сушило*		≈82	≈8	≈14	≈104
10	Сушило — Стратилатовская башня		847	≈48	29	924
Всего						≈8587

Примечание. * – поскольку прясло между Белой башней и Сушилом снаружи закрыто пристроенной Белой башней, то о первоначальном количестве камней можно судить приблизительно. Согласно обмерному чертежу (Савицкая О.Д., 2005, с. 22, 49, ил. 11, 33), длина данного прясла равна двойному расстоянию от Белой башни до печуры №57, а это примерно 14 камней вверх на парапете, 82 валуна в самой стене и 8 валунов в земле. Всего 104 камня.

Таблица 62

Подсчет количества облицовочных валунов печур подошвенного боя крепостных стен
1582–1595 гг.

Печура №	Количество валунов печуры				Итого (примерно)
	левая стена	правая стена	у амбразуры	скрыты под землей (примерно)	
1	22	22	5	12	61
2	23	22	6	13	64
3	22	22	8	12	64
4	24	27	6	12	69
5	28	26	10	12	66
6	Печура закрыта наглухо				≈69
7	27	25	8	13	73
8	19	19	≈6	10	54
9	21	23	5	10	59
10	31	33	13	–	77

Продолжение табл. 62

Печура №	Количество валунов печуры				Итого (примерно)
	левая стена	правая стена	у амбразуры	скрыты под землей (примерно)	
11	33	31	9	8	81
12	27	30	11	11	79
13	28	26	10	10	74
14	29	21	5	15	70
15	11	≈11	2	≈20	≈44
16	Печура закрыта наглухо				≈69
17	≈28	≈26	≈10	–	≈64
18	29	26	8	15	78
19	25	39	15	–	79
20	11	11	5	26	52
21	Доступ ограничен				≈50
22	Доступ ограничен				≈50
23	Доступ ограничен				≈50
24	Доступ ограничен				≈50
25	18	15	3	≈15	≈51
26	Печура закрыта наглухо				≈50
27	Печура закрыта наглухо				≈50
28	В XIX в. печура переделана в проездные Никольские ворота				≈50
29	13	22	4	≈12	51
30	14	19	4	≈13	52
31	7	6	2	≈32	47
32	16	22	14	–	52
33	Сложена из кирпича (бывшее окно «кельи во рву»)				–
34	Сложена из кирпича (бывший проход из «кельи во рву»)				–
35	Сложена из кирпича (бывшее окно «кельи во рву»)				–
36	Сложена из кирпича (бывшее окно «кельи во рву»)				–
37	Сложена из кирпича (бывший проход из «кельи во рву»)				–
38	Сложена из кирпича (бывшее окно «кельи во рву»)				–
39	17	21	6	13	57
40	19	18	5	14	56
41	26	25	8	16	74
42	22	25	5	20	72
43	17	18	2	29	66
44	17	15	2	32	66
45	14	14	5	28	61
46	27	25	15	–	67
47	20	23	14	4	61
	Северная палатка – 59			12	71
	Южная палатка – 32			15	47
48	17	15	2	20	54
49	19	14	2	18	53
50	31	35	7	24	97
51	39	40	7	–	86
52	43	32	8	–	84
53	Печура закрыта наглухо современной кирпичной стеной				≈75
54	26	30	13	–	69
55	34	30	8	10	82
56	31	35	6	10	82

Окончание табл. 62

Печура №	Количество валунов печуры				Итого (примерно)
	левая стена	правая стена	у амбразуры	скрыты под землей (примерно)	
57	24	29	9	8	70
58	30	29	6	–	75
59	27	28	7	–	62
60	29	30	3	13	75
61	Печура закрыта наглухо кирпичной стеной бани XIX в.				≈70
62	26	32	11	–	69
63	29	28	10	–	67
64	33	25	8	–	66
Всего					≈3883

Таблица 63

Подсчет количества облицовочных валунов прясел со стороны монастыря вне печур.
1582–1595 гг.

1

№ п/п	Участок прясла Стратилатовская башня – Святые ворота	Кол-во валунов	Итого
1	Над входом в башню в стене 1-го яруса	23	≈635
2	У входа на 2 ярус до 1-й печуры	67	
3	Над печурой № 1	53	
4	Между печурами № 1 и 2	71	
5	Над печурой № 2	35	
6	Между печурами № 2 и 3	68	
7	Над печурой № 3	36	
8	Между печурами № 3 и 4 до распорной арки	93	
9	Над печурой № 4	36	
10	Между печурами № 4 и 5	58	
11	Над печурой № 5	28	
12	До перегородки прохода к Святым воротам	45	
13	Закрытая часть в проходе к Святым воротам	≈22	

2

№ п/п	Участок прясла Святые ворота – Успенская башня	Кол-во валунов	Итого
1	Закрытая часть в проходе от Святых ворот до печуры № 6	≈33	≈480
2	Над печурой № 6	≈30	
3	От печуры № 6 до печуры № 7	57	
4	Над печурой № 7	34	
5	Между печурами № 7 и 8	58	
6	Над печурой № 8	31	
7	Между печурами № 8 и 9	59	
8	Над печурой № 9	26	
9	Между печурами № 9 и 10	49	
10	Над печурой № 10	28	
11	Между печурами № 10 и 11	48	
12	Над печурой № 11 до башни Успенской	27

Продолжение табл. 63

3

263

№ п/п	Участок прясла Успенская башня — Корожная башня	Кол-во валунов	Итого
1	От Успенской башни до печуры № 12	≈250	≈1634
2	Над печурой № 12	49	
3	Между печурами № 12 и 13	≈240	
4	Над печурой № 13	35	
5	Между печурой № 13 и кузницей	≈74	
6	Стена, закрытая кирпичной пристройкой до печуры № 14	≈190*	
7	Над печурой № 14	≈40**	
8	Между печурами № 14 и 15	≈240***	
9	Над печурой № 15	≈40**	
10	Между печурой № 15 и Рыбными воротами	≈20	
11	Над Рыбными воротами	44	
12	От Рыбных ворот до Наместнического корпуса	30	
13	Стена, закрытая Наместническим корпусом до печуры № 16	≈90*	
14	Между печурами № 16 и 17	≈120	
15	Над печурой № 17	25	
16	Между печурами № 17 и 18	54	
17	Над печурой № 18	14	
18	От печуры № 18 до входа в Корожную башню	79	

Примечания. * — камни, закрытые стеной, высчитаны в соответствии с соотношением длины видимой стены; ** — взята средняя величина для печур № 12 и 13; *** — участок по длине соответствует расстоянию между печурами № 12 и 13.

4

№ п/п	Участок прясла Корожная башня — Никольская башня*	Кол-во валунов	Итого
1	От Корожной башни до печуры № 19	30	≈1230
2	Над печурой № 19	55	
3	Между печурами № 19 и 20	≈80	
4	Над печурой № 20	≈55	
5	Между печурами № 20 и 21	≈80	
6	Над печурой № 21	≈55	
7	Между печурами № 21 и 22	≈80	
8	Над печурой № 22	≈55	
9	Между печурами № 22 и 23	≈80	
10	Над печурой № 23	≈55	
11	Между печурами № 23 и 24	≈80	
12	Над печурой № 24	≈55	
13	Между печурами № 24 и 25	≈80	
14	Над печурой № 25	≈55	
15	Между печурами № 25 и 26	≈80	
16	Над печурой № 26	≈55	
17	Между печурами № 26 и 27	≈80	
18	Над печурой № 27	≈55	
19	От печуры № 27 до Никольской башни	≈65	

Примечание. * — данный участок со стороны монастыря практически полностью закрыт пристройками. За основу подсчета камней над печурами взята печура № 19, на $\frac{2}{3}$ закрытая корпусом. Количество камней между печурами усредненное, примерное между печурами № 24 и 25, пространство между которыми наполовину закрыто потолочной перегородкой.

Продолжение табл. 63

5

№ п/п	Участок прясла Никольская башня — Поварня	Кол-во валунов	Итого
1	От башни до печуры № 28*	≈54	≈360
2	Над печурой № 28**	≈10	
3	Между печурами № 28 и 29	54	
4	Над печурой № 29	9	
5	Между печурами № 29 и 30	55	
6	Над печурой № 30	14	
7	Между печурами № 30 и 31	60	
8	Над печурой № 31 — 16 шт.	16	
9	Между печурами № 31 и 32	53	
10	Над печурой № 32***	≈15	
11	Между печурой № 32 и поварней****	≈20	

Примечания. * — ныне участок закрыт гостиницей. Количество камней примерно соответствует камням между печурами № 28 и 29; ** — в XIX в. переделана в Никольские ворота; *** — ныне в составе Поваренного корпуса; **** — стена закрыта пристройкой.

6

№ п/п	Участок прясла Святозерские ворота — Архангельская башня	Кол-во валунов	Итого
1	От ворот до печуры № 39	22	≈935
2	Над печурой № 39	13	
3	Между печурами № 39 и 40	15	
4	Над печурой № 40	18	
5	Между печурами № 40 и 41	44	
6	Над печурой № 41	21	
7	Между печурами № 41 и 42	41	
8	Над печурой № 42	24	
9	Между печурами № 42 и 43	54	
10	Над печурой № 43	18	
11	Между печурами № 43 и 44	36	
12	Над печурой № 44	28	
13	Между печурами № 44 и 45	44	
14	Над печурой № 45	31	
15	Между печурами № 45 и 46	46	
16	Над печурой № 46	27	
17	Между печурами № 46 и 47	41	
18	Над печурой № 47	26	
19	Между печурами № 47 и 48	76	
20	Над печурой № 48	23	
21	Между печурами № 48 и 49	116	
22	Над печурой № 49	22	
23	От печуры № 49 до входа в Архангельскую башню	106	
24	Над аркой входа в башню 1-го яруса (в том числе в земле)	43	

7

№ п/п	Участок прясла Архангельская башня — Белая башня	Кол-во валунов	Итого
1	От уступа возле Архангельской башни до печуры № 50	59	≈697
2	Над печурой № 50	32	
3	Между печурой № 50 и Архангельскими воротами	≈11	
4	Между Архангельскими воротами и печурой № 51	≈44

Окончание табл. 63

265

№ п/п	Участок прясла Архангельская башня — Белая башня	Кол-во валунов	Итого
5	Над печурой № 51	≈21	
6	Между печурами № 51 и 52	≈44	
7	Над печурой № 52	≈21	
8	Между печурами № 52 и 53	≈44	
9	Над печурой № 53	≈21	
10	Между печурами № 53 и 54	≈44	
11	Над печурой № 54	≈21	
12	Между печурами № 54 и 55	≈65	
13	Над печурой № 55	21	
14	Между печурами № 55 и 56	≈90	
15	Над печурой № 56	25	
16	Между печурами № 56 и 57	≈44	
17	Над печурой № 57	27	
18	От печуры № 57 до входа в Белую башню	≈9	
19	Лестница на 2-й ярус Белой башни	54	

Примечание. Фасад крепостной стены с печурами № 51–55 закрыт стеной Прачечного корпуса. Подсчеты здесь невозможны. За количество валунов над печурами и между печурами здесь приняты минимальные цифры камней, что над печурой № 55 (21 шт.) и для промежутка между печурами № 56 и 57 (44 шт.).

8

№ п/п	Участок прясла Белая башня — Сушило	Кол-во валунов	Итого
1	От входа в башню до Сушила	41	41

9

№ п/п	Участок прясла Сушило — Стратилатовская башня	Кол-во валунов	Итого
1	Юго-восточный торец в примыкании к Сушилу с аркой ворот	94	≈814
2	Над печурой № 58	38	
3	Между печурами № 58 и 59	56	
4	Над печурой № 59	48	
5	Между печурами № 59 и 60	≈81	
6	Над печурой № 60	≈40	
7	Между печурами № 60 и 61	≈80	
8	Над печурой № 61	≈30	
9	Между печурами № 61 и 62*	≈80	
10	Над печурой № 62	30	
11	Между печурами № 62 и 63	79	
12	Над печурой № 63	27	
13	Между печурами № 63 и 64	68	
14	Над печурой № 64	28	
15	От печуры № 64 до входа в башню	35	
Всего на фасадах прясел со стороны монастыря			≈6826

Примечание. * — пространство между печурами № 61 и 62 немногим менее, чем наполовину, закрыто стеной бани. На открытой части насчитывается 46 камней. Минимально здесь должно быть 80 камней.

Таблица 64

Подсчет количества облицовочных валунов на верхних обходных галереях на внешних парапетах: простенки между бойницами ручного боя и сами бойницы. 1582–1595 гг.

1

Участок прясла Пристенки — Архангельская башня																		Итого	
Бойница №		1		2		3		4		5		6		7		8			9
Валуны	9	4	5	4	6	6	10	3	8	2	14	1	9	3	10	2	16		1
Бойница №		10		11		12		13		14		15		16		17			18
Валуны	16	2	16	2	19	1	19	2	24	2	23	3	22	2	26	2	22		2
Бойница №		19		20		21		22		23		24		25		26			27
Валуны	26	2	22	3	25	2	26	3	20	4	20	2	31	8	28	9	29		6
Бойница №		28		29															
Валуны	41	8	13	5	28														

2

Участок прясла Архангельская башня — Белая башня																		Итого	
Бойница №		30		31		32		33		34		35		36		37	38		
Валуны	12	3	22	6	16	2	17	5	26	4	33	7	24	6	27	2	13		3
Бойница №		39		40		41		42		43		44							
Валуны	13	3	18	4	20	4	18	5	20	6	18	5	12						

3

Участок прясла Сушило – Стратилатовская башня																		Итого	
Бойница №		45		46		47		48		49		50		51		52			53
Валуны	12	6	16	5	15	4	12	8	13	4	7	2	6	2	13	5	9	4	197
Бойница №		54		55		56		Далее без валунов											
Валуны	18	4	19	3	4	3	3												

4

Участок прясла Стратилатовская башня – Святые ворота																			Итого
Бойница №		57		58		59		60		61		62		63		64		65	
Валуны	10	2	16	3	22	3	33	4	24	2	30	4	28	4	19	4	31	4	33
																			276

5

Участок прясла над Святыми воротами		Итого
Валуны	Общее количество	57

6

Участок прясла Святые ворота – Успенская башня																				Итого
Бойница №		66		67		68		69		70		71		72		73		74		259
Валуны	16	4	17	4	21	6	26	7	28	4	28	5	23	4	26	2	34	2	2	

7

Участок прясла Успенская башня — Корожная башня																			Итого	
Бойница №		75		76		77		78		79		80		81		82		83		
Валуны	4	2	19	2	23	6	31	4	21	3	22	7	25	4	20	5	25	4		21
Бойница №		84		Далее кирпичная кладка																
Валуны		6	15																	
																			269	

Участок прясла Корожная башня — Никольская башня																		Итого
Бойница №		98		99		100		101		102		103		104		105		106
Валуны	30	4	16	4	22	4	32	2	26	4	29	3	24	2	28	3	30	4
Бойница №		107		108														363
Валуны	31	3	26	1	35													

Участок прясла Никольская башня — Пристенки										Итого
Бойница №		109		110		111		112		0
Валуны	Отсутствуют									
Всего валунов										2474

3.7.3. Подсчет количества облицовочных валунов ворот

В пяти воротах крепости конца XVI в. валуны использовались при возведении стен проходов («палаток»), поверх которых сооружали кирпичный свод. Подсчеты осуществлялись для всех четырех стен с учетом пребывания одного ряда камней ниже современного уровня земли (табл. 65). Общий итог: на возведение ворот крепости 1582–1595 гг. ушло примерно 454 валуна.

3.7.4. Подсчет количества кирпичей башен

В каждой из шести башен подсчет кирпичей осуществлялся отдельно по ярусам — сначала в сводах пушечных печур с амбразурами, а затем — в бойницах ручного боя и стенах верхнего яруса. Отдельно подсчитывался материал во внутрстен-

ных пороховых камерах, арках и стенах проходов. Результаты были суммированы. Указанные подсчеты для печур оказались менее затруднительны после того, как была уяснена система кладки. Она оказалась основана не просто на традиционном чередовании тычковых и ложковых, а на комплектах кирпичей, уложенных в определенных порядках, — отдельно для сводов печур и отдельно для сводов амбразур (схема А).

Комплект кирпичей для сводов печур представлен двумя вариантами, каждый — из трех кирпичей. Вариант 1: один нижний кирпич уложен горизонтально ложком вверх, а на него два кирпича поставлены вертикально тычками. Вариант 2: два нижних кирпича поставлены вертикально тычками, а поверх них уложен один кирпич горизонтально ложком. На внешней стороне арок сводов печур, всех без исключения, отчетливо видно, как два варианта перемежаются.

Комплект кирпичей для сводов амбразур состоит из двух кирпичей. Он представлен также двумя вариантами.

Таблица 65

Подсчет количества облицовочных валунов внутри ворот. 1582–1595 гг.

№ п/п	Ворота	Количество валунов в стенах «палатки»					Итого
		северная	южная	западная	восточная	под землей	
1	Архангельские	35	35	9	11	≈14	104
2	Рыбные	43	44	5	7	≈20	119
3	Святозерские	15	19	2	2	≈20	58
4	Святые	27	31	12	3	≈10	83
5	Сушиленные	24	15	29	6	≈16	90
Всего							≈454

Схема А. Система кладки кирпичей в сводах печур и амбразур башен

Вариант 1: два кирпича уложены горизонтально ложками друг на друга в два ряда по вертикали. Вариант 2: два кирпича поставлены вертикально тычками вниз, а ложками друг к другу в ряд. При этом в арке амбразуры последовательно перемежаются два варианта: в ней мы наблюдаем в торце один стоящий вертикально ложок, а рядом в примыкании уложенные друг на друга два тычка.

Для выяснения количества кирпича в сводах печур и амбразур остается только просчитать количество данных комплектов во внешней арке и количество комплектов в ряду свода — в глубь печуры или амбразуры, затем умножить соответственно на цифру 3 для печур или цифру 2 для амбразур. Иногда в ряду оказывается половина ложка. Тогда добавляется 0,5 комплекта. Например, снаружи арка печуры №2 Архангельской башни включает 26 комплектов по три кирпича в каждом, т.е. 78 кирпичей (3×26). В отдельном ряду свода насчитывается 11 комплектов, которые высчитываются по количеству вытянутых в ряд ложков или пары тычков от наружного края до амбразуры. Итого 858 кирпичей (78×11).

Арка свода амбразуры той же печуры №2 снаружи включает 24 комплекта по два кирпича, т.е. 48 кирпичей. В самом своде в продольном ряду укладывается по два комплекта. Итого 96 кирпичей. Далее обращаем внимание на кирпичи, заложенные в щель поверх арки амбразуры. Это в основном колотые кирпичи. В данной амбразуре их 4 шт. Все цифры

суммируем. Итог: для устройства печуры №2 с амбразурой Архангельской башни потребовалось 958 кирпичей ($858 + 96 + 4$). Далее проводим подсчет для всех 13 печур этой башни всех трех ярусов. Точно так же — для всех печур и амбразур остальных пяти башен крепости. Иногда требуется дополнительно приплюсовывать кирпичи под пятами арок (табл. 66). Итог следующий. **На печуры башен ушло примерно 90 тыс. кирпичей (90 125 шт.):**

Архангельская башня — 13 475 шт.;

Белая башня — 18 088 шт.;

Корожная башня 18 466 шт.;

Никольская башня 18 987 шт.;

Стратилатовская башня 15 597 шт.;

Успенская башня 5512 шт.

Кирпичи бойниц верхнего яруса, пороховых камер и проходы в башню.

Подсчет кирпичей бойниц верхних ярусов очень сложен из-за сложности самих объектов и доступа к ним. В ряде случаев на последних ярусах отсутствуют перекрытия или же они неполные. Непростой бывает и конфигурация самих бойниц ручного боя. Поэтому цифры здесь могут быть только усредненные. Главный принцип — подсчет ведется по простенкам, зубцам, которые формируют бойницу. Для каждой башни был свой подход, имелись свои сложности, описанные ниже. Подсчет кирпичей в проходах и пороховых камерах гораздо легче с учетом расклада кирпичей по комплектам. Результаты сведены в табл. 66.

Архангельская башня. Ее верхний ярус располагает 14 кирпичными зубцами, образующими бойницы. Почти все они частично переделаны. За основу взят один наиболее характерный «усредненный» зубец из 10 рядов по вертикали. Для него выполнен расклад кирпичей (схема Б). В одном уровне оказался 41 кирпич. На основе этого сделан расчет примерного количества кирпича для всех зубцов 4-го яруса башни: $41 \times 10 \times 14 = 5740$ шт. На пороховую камеру, что на 2-м ярусе, было затрачено 2678 кирпичей. Для прохода на 1-й ярус Архангельской башни ушло 1560 кирпичей, для прохода на 2-й ярус — 1231 шт., на арку входа 3-го яруса — 1198 шт. В общей сложности при возведении Архангельской башни было использовано почти 26 тыс. кирпичей ($\approx 25\,882$ шт.) (табл. 67: 1).

Таблица 66

Кирпичи свода печур с амбразурами в башнях 1582–1595 гг.

Печура №	Кол-во кирпичей в своде печуры				Кол-во кирпичей в своде амбразуры					Итого
	кол-во кирпичей в комплекте	кол-во комплектов во внешней арке свода	кол-во ря- дов из одно- го комплек- та в своде	итого в своде	кол-во кирпичей в комплекте	кол-во комплектов во внешней арке свода	кол-во ря- дов из одно- го комплек- та в своде	итого в своде	кладка по- верх свода	
Архангельская башня										
1	3	39	10,5	1229	2	20	3	120	27	1376
2	3	26	11	858	2	24	2	96	4	958
3	3	29	12	1044	2	22	3	132	30	1206
4	3	39	7	819	2	21	2	84	10	913
5	3	47	7	987	2	26	5	260	12	1259
6	3	40	7	840	2	23	3	138	8	986
7	3	42	7	882	2	22	2,5	110	11	1003
8	3	44	7	924	2	23	2,5	115	12	1051
9	3	41	4,5	554	2	25	3	150	13	717
10	3	47	6,5	917	2	26	1,5	78	35	1030
11	3	46	7	966	2	29	1,5	87	25	1078
12	3	52	6	936	2	29	2	116	38	1090
13	3	42	5	630	2	27	3	162	16	808
Всего ≈ 13475										
Белая башня										
1	3	33	12	1188	2	29	2	116	22	1326
2	3	35	13,5	1418	2	28	3	168	8	1594
3	3	33	12	1188	2	32	2	128	44	1360
4	3	29	12,5	1088	3	27	2	162	30	1280
5	3	37	12	1332	2	47	1	94	20	1446
6	3	35	10	1050	2	31	2	124	30	1204
7	3	38	11	1254	2	32	2,5	160	30	1444
8	3	33	9	891	2	25	1,5	75	27	993
9	3	38	10	1140	2	31	1,5	93	30	1265
10	3	44	10	1320	2	33	2	132	52	1504
11	3	42	8	1008	2	35	2	140	35	1183
12	3	47	7	987	2	36	2,5	180	30	1197
13	3	38	8	912	2	38	3	228	10	1150
14	3	38	8	912	2	37	2,5	185	45	1142
Всего ≈ 18088										
Корожная башня										
1	3	23	15	1035	2	17	2,5	85	20	1140
2	3	24	17,5	1260	2	20	2	80	20	1360
3	3	26	14,5	1131	2	17	2	68	12	1211
4	3	24	17	1224	Амбразура разрушена			≈80	≈10	1314
5	3	34	9,5	969	2	22	4	176	10	1155
6	3	36	9	972	2	24	1,5	72	3	1047
7	3	35	11	1175+ 20	2	24	2	96	20	1291
8	3	31	10	930	2	32	3	192	10	1132
9	3	39	10	1170	2	29	1,5	87	—	1257
10	3	38	9,5	1083	2	24	1,5	72	10	1165
11	3	38	8	912	2	24	2	96	10	1018

Печура №	Кол-во кирпичей в своде печи				Кол-во кирпичей в своде амбразуры					Итого
	кол-во кирпичей в комплекте	кол-во комплектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	итого в своде	кол-во кирпичей в комплекте	кол-во комплектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	итого в своде	кладка по верх свода	
12	3	38	5,5	627	2	25	2	100	10	737
13	3	40	8	960	2	24	2	96	25	1081
14	3	36	7	756	2	26	2	104	5	865
15	3	34	7	714	2	27	2	108	5	827
16	3	40	7,5	900	2	27	1,5	81	5	986
17	3	35	7,5	788	2	24	1,5	72	20	880
Всего ≈ 18 466										
Никольская башня										
1	3	37	6	666	2	23	4,5	207	5	878
2	3	30	≈6	≈540	Печура закрыта, доступ ограничен					≈1000
3	3	30	13	1170	2	17	2	68	2	1240
4	3	28	12	1008	2	21	2	84	5	1097
5	3	37	12,5	1388	2	19	1,5	57	13	1457
6	3	40	7	840	2	23	2	92	20	952
7	3	37	10,5	1166	2	22	2	88	25	1279
8	3	40	10	1200	2	23	2	92	25	1317
9	3	41	11	1353	2	22	2	88	12	1453
10	3	40	13	1560 + 8	Амбразура разрушена			≈88	≈12	≈1668
11	3	55	6	990 + 156	2	22	2	88	5	1239
12	3	34	6,5	663	2	25	2	100	10	773
13	3	35	7	735	2	25	2	100	8	843
14	3	36	7	756	2	21	3	126 + 8	24	914
15	3	36	7,5	810	2	28	2,5	140	25	975
16	3	36	7,5	810	2	25	2	100	5	915
17	3	45	6,5	878	2	26	2	104	5	987
Всего ≈ 18 987										
Стратилатовская башня										
1	3	34	10	1020	2	19	2	76	1	1097
2	3	33	8	792 + 26	2	23	3	138	4	960
3	3	33	8	822 + 12	2	22	3	112	4	950
4	3	33	7,5	743	2	23	4	184	10	937
5	3	32	8	768 + 9	2	22	3,5	154	2	933
6	3	38	7,5	855 + 15	2	20	2	80	21	971
7	3	46	7,5	1024 + 16	2	29	2	116	16	1172
8	3	40	6,5	780	2	21	2	84	17	881
9	3	39	8	936	2	22	2,5	110	21	1067
10	3	50	8	1200 + 9	2	30	2,5	150	23	1382
11	3	40	6	720	2	21	2	84	13	817
12	3	31	3	279	2	21	2	84	5	368
13	3	49	6	882	2	24	2	96	20	998

Окончание табл. 66

271

Печура №	Кол-во кирпичей в своде печуры				Кол-во кирпичей в своде амбразуры					Итого
	кол-во кирпичей в комплекте	кол-во комплектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	итого в своде	кол-во кирпичей в комплекте	кол-во комплектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	итого в своде	кладка по верх свода	
14	3	40	6	720	2	23	2	92	8	820
15	3	42	5	630	2	24	2	96	24	750
16	3	50	6	900	2	28	2	112	10	1022
17	3	35	3,5	368	2	24	2	96	8	472
Всего ≈ 15 597										
Успенская башня										
1	3	21	8	504	2	22	2,5	110	15	629
2	3	28	9	756	2	19	2	76	10	842
3	3	23	9,5	656	2	17	2,5	85	18	759
4	3	24	9	648	Амбразура разрушена			≈50	15	713
5	3	30	4	360	2	20	3	120	25	505
6	3	36	6	648	2	26	3	156	21	825
7	3	26	5,5	429	2	24	2	96	2	527
8	3	38	5	570	2	21	3	126	16	712
Всего ≈ 5512										
Общий итог ≈ 90 125										

Примечание. Со знаком плюс указывается количество кирпичей, уложенных под пятами арок.

Белая башня. Ее верх непосредственно под шатром сложен в виде замкнутого кольца исключительно из кирпичей, уложенных попарно с чередованием тычка и ложка. По нашим подсчетам, один горизонтальный ряд со стороны интерьера по кругу включает 71 такую пару-комплект по три кирпича, или 213 шт. При длине кирпича 30–32 см на толщину стены 180–190 см должно приходиться 6 комплектов, а в одной плоскости ряда кольца не менее 1278 кирпичей ($71 \times 3 \times 6$). В кольце до верха вытянутых арок оконных ниш в западной половине башни отмечено по вертикали 9 рядов кирпичной кладки, в восточной — 11 рядов, в среднем 10 рядов. Следовательно, верхнее кольцо должно включать не менее 12780 кирпичей.

Ниже кирпичного кольца размещается 8 арочных ниш с окнами-бойницами, чередующимися с восемью валунно-кирпичными простенками. Вытянутые арки ниш сложены из комплекта в два кирпича с чередованием тычков и ложков, как в амбразурах печур. В одной арке снаружи в среднем 32 комплекта с 64 кирпичами, на толщину стены это 384 кирпича (64×6).

Общий объем кирпичей для восьми арок 3072 кирпича.

В простенках между арками окон ниже верхнего кольца в кирпичной кладке поверх валунов существенно разнится количество рядов и количество комплектов из тычка и ложка. Усредненно на промежуток между арками окон № 1 и 2 приходится шесть комплектов кладки в каждом из семи вертикальных рядов, всего 42 комплекта по 3 кирпича, или 126 шт. Поскольку в толще плоскости стены укладывается 6 комплектов, то общее количество кирпичей для всего данного участка составляет 756 кирпичей (126×6).

Аналогичные расчеты для остальных проемов дают следующие результаты: для участка между окнами № 2 и 3 — 756 кирпичей ($6 \times 3 \times 7 \times 6$), между № 3 и 4 — 350 шт. ($5 \times 3 \times 5 \times 6$), между № 4 и 5 — 504 шт. ($4 \times 3 \times 7 \times 6$), между № 5 и 6 — 432 шт. ($4 \times 3 \times 6 \times 6$), между № 6 и 7 — 90 шт. ($5 \times 3 \times 1 \times 6$), между № 7 и 8 — 108 шт. ($2 \times 3 \times 3 \times 6$), между № 8 и 1 — 216 шт. ($4 \times 3 \times 3 \times 6$). Всего — 3212 кирпичей.

Остается подсчитать кирпичное заполнение под арками в примыкании

Архангельская

Стратилловская

Никольская

Корожная

Успенская — столбы восточной стороны

Схема Б. Примерный расклад киртичей в простенках между бойницами верхнего боя башен

Таблица 67

Итоговый подсчет кирпичей башен по ярусам. 1582–1595 гг.

1

273

Башня Архан- гельская	Ярус	Печуры №	Количество кирпичей, шт.					Итого
			своды печур с амбра- зурами	арка входа со двора или галереи	свод прохода в башню	арка входа в интерьер	камера пороховая	
	1	1–3	3540	420	540	600	–	5100
	2	4–8	5212	265	966	–	2678	9121
	3	9–13	4723	1198	–	–	–	5921
4	Общее количество кирпичей в зубцах между бойницами						5740	
Всего								≈25 882

2

	Ярус	Печуры №	Количество кирпичей, шт.							Итого
			своды пе- чур с ам- бразурами	арка вхо- да со дво- ра или галереи	свод прохода в башню	арка вхо- да в инте- рьер	камера пороховая	арка на- ружных ворот	свод прохода от наруж- ных ворот	
Башня Белая	1	1–4	5560	105	625	–	–	99	782	7959
	2	5–9	6352	1740	340	–	524	–	–	8950
	3	10–14	6176	930	–	405	713	–	–	8268
	4	Верхнее кольцо ≈ 12 780								≈23 320
		Арки бойниц (8 шт.) ≈ 3072								
		Простенки между арками (8 шт.) ≈ 3212								
		Кладка вокруг бойниц-окон (8 шт.) ≈ 4256								
Всего										≈48 497

3

Башня Корож- ная	Ярус	Печуры №	Количество кирпичей, шт.							Итого
			своды печур с ам- бразурами	арка входа с галереи и проход	свод юж- ных ворот	арка юж- ных ворот	камера по- роховая	арки вос- точных ворот	свод вос- точных ворот	
	1	1–5	6180	–	913	294	1503	615	780	10 285
	2	6–11	6910	531	–	–	≈ 1500	–	–	8941
	3	12–17	5376	696	–	–	–	–	–	6072
	4	Стена с амбразурами-окнами								≈ 16380
Всего										≈ 41 678

4

Башня Николь- ская	Ярус	Печуры №	Количество кирпичей, шт.							Итого
			своды пе- чур с ам- бразура- ми	проход под Стрельни- цей и ее фасад	Стрель- ница, 2-й ярус	кладка стен в инте- рьере	ка- мера поро- ховая	ворота на се- верный двор	проход на прясло	
	1	1–5	5672	2652 + 2641*	–	540	–	2120	–	13625
	2	6–11	7908	–	4537	305	1000	–	3570	17320
	3	12–17	5407	–	–	–	–	–	1716	7123
	4	Стена с амбразурами								≈10 760
Всего										≈48828

Примечание. * — включая кирпичи фасада Стрельницы до 2-го яруса.

Башня Страти- латов- ская	Ярус	Печуры №	Количество кирпичей, шт.					Итого
			своды пе- чур с ам- бразурами	арка входа со двора или галереи	свод прохода в башню	арка входа в интерьер	камера пороховая	
	1	1–5	4877	450	720	432	–	6479
	2	6–11	6290	139	1224	–	866	8519
	3	12– 17	4430	412	–	342	–	5184
4	Стена с амбразурами						≈11 050	
Всего								≈31 232

Башня Успен- ская	Ярус	Печуры №	Количество кирпичей, шт.						Итого
			свод пе- чуры	свод ам- бразуры	камера	арка входа с аппарели стены	свод прохода в башню	арка прохода в башню	
	1	1—4	2564	379	—	—	561	140	3644
	2	5—8	2007	562	1251	560	390	—	4770
	3	Западные бойницы							8219
Стена восточная парапета со столбами со стороны монастыря							3099		
Всего									≈ 19732
Всего в шести башнях									≈ 215849

к оконным проемам бойниц. Окно № 1 возьмем в качестве образца. По раскладу под аркой в плоскости одного ряда по обе стороны окна размещается 32 кирпича. В высоту таких рядов округленно 14 — из 448 кирпичей ($32 \times 14 = 448$). Ниже подоконника еще семь рядов вертикальной кладки из четырех комплектов (тычколожек) по три кирпича ($7 \times 4 \times 3 = 84$). Итого 532 для одного окна-бойницы. Для 8 окон цифра составляет 4256 кирпичей. На весь 4-й ярус Белой башни ушло не менее 23 348 кирпичей.

На две пороховые камеры 2-го и 3-го ярусов было затрачено 1237 кирпичей, а на все арки и своды проходов — 5026 кирпичей.

Целиком на всю Белую башню с учетом проходов с арками первых трех ярусов ушло в общей сложности около 48,5 тыс. кирпичей (табл. 67: 2).

Корожная башня. На верхнем ярусе Корожной башни имеется 10 простенков в плане шестиугольной формы с амбразурами растробом, перекрытыми арками. Длина простенков, обращенных в интерьер, колеблется от 145 до 266 см (145, 165, 190, 225, 240, 245, 249, 253, 261, 266 см). Усредненный размер 240 см при средней ширине простенка 160 см. В та-

ком шестиугольнике укладывается в один горизонтальный ряд около 115 кирпичей. Но при этом верхние 9 горизонтальных рядов состоят только из кирпичей ($115 \times 9 = 1035$ шт.). Для 10 простенков это 10 350 кирпичей. Нижние 7 рядов включают валуны взамен около 40 кирпичей. По самым приблизительным подсчетам для 10 простенков могло быть использовано кирпичей 5250 ($75 \times 7 \times 10$).

В одной арке, перекрывающей бойницу, 30 кирпичей, во всех десяти арках их 300 шт. В основании амбразуры в качестве подоконника — заставка еще из порядка 48 кирпичей, во всех 10 амбразурах их число составляет около 480 шт. Итого при возведении 4-го яруса Корожной башни было использовано примерно 16 380 кирпичей ($10\,350 + 5250 + 300 + 480$).

На две пороховые камеры 1-го и 2-го ярусов ушло около 3003 шт. кирпичей. На нижнем ярусе восточных ворот — вход в башню с монастырского двора, включает две арки и проход с арочным сводом между ними. Внешняя восточная арка сложена с чередованием двух ложек с двумя тычками, в комплекте два кирпича. Таких комплектов снаружи 55, а в глубину в среднем 2,5. Итого 275 кирпичей ($2 \times 55 \times 2,5$). Арка изнутри башни сложена по такой же схе-

ме. Она состоит также из 55 комплектов по два кирпича, в глубину в среднем по два комплекта. Итого 220 кирпичей. Поверх данной арки — кирпичная закладка с обеих сторон из 120 кирпичей. Всего в двух арках 615 кирпичей.

Проход между указанными арками со сводом сложен из кирпичей по схеме тычок-ложок по три кирпича в комплекте. По длине прохода уложено четыре комплекта в одном ряду. Таких рядов на обеих стенах и своде 65. Общее количество кирпичей 780 шт. ($3 \times 65 \times 4$).

Южный вход с галереи на 2-й ярус Корожной башни включает большую арку ($3 \times 27 \times 4,5 = 365$ кирпичей) с закладками (26 кирпичей) и сводчатый проход ($2 \times 35 \times 2 = 140$ кирпичей). В них 531 кирпич. Большая арка с северной галереи на 3-й ярус башни сложена из 318 кирпичей ($3 \times 53 \times 2$), а арочный проход — из 378 кирпичей ($3 \times 43 \times 3$). Всего на два прохода ушло примерно 1227 кирпичей.

В общей сложности при строительстве Корожной башни израсходовано более 41,5 тыс. кирпичей ($\approx 41\,678$ шт.) (табл. 67: 3).

Никольская башня со Стрельницей. На 4-м ярусе Никольской башни из кирпича выполнены 8 зубцов сложной конфигурации с амбразурами в виде заглубленной ниши с растробом. Длина зубцов, обращенных в интерьер, в пределах 225–422 см (225, 258, 286, 308, 321, 347, 373, 422 см). Суммарно это 2540 см.

Для расчета был взят зубец длиной 258 см. В нем со стороны интерьера в горизонтальной кладке прослежен один тычок и четыре чередования из тычков и ложков, что соответствовало ширине кирпича 16 см, а раствора — 1 см. Снаружи насчитано 10 таких же чередований плюс тычок. Щеки амбразуры были сложены с тем же сочетанием. С учетом толщины зубца 170 см был сделан расклад кирпичей одного горизонтального ряда. В нем оказалось 115 кирпичей. Длина данного зубца составляет практически десятую часть (9,8) суммарной длины всех восьми зубцов, высчитываем количество кирпичей одного горизонтального ряда — 1130 шт. ($115 \times 9,8$).

Однако из кирпича сложены только верхние 8 рядов, на которые могло понадобиться 9040 кирпичей (1130×8). Ниж-

ние же ряды зубцов имеют смешанную валунно-кирпичную кладку, что затрудняет подсчеты. Кирпичная кладка снаружи и внутри на уровне валунов остается только по сторонам амбразур — по 18 рядов для каждой щеки амбразуры, что по нашему раскладу составляет примерно по 20 кирпичей на один ряд. Таких рядов для каждой амбразуры 18. Это составляет 360 кирпичей. А для всех боковых 16 сторон амбразур должно было уйти порядком 720 кирпичей. В основании щели 8 амбразур имеются еще стены из 100 кирпичей (5 вертикальных рядов в среднем по 20 кирпичей в каждой). Это 1 тыс. кирпичей. Итого, в кладке 4-го яруса Никольской башни было применено около 10 760 кирпичей ($9040 + 720 + 1000$).

На устройство пороховой камеры на 2-м ярусе ушло порядка 1 тыс. кирпичей.

Основную сложность вызвал подсчет кирпичей главного прохода ворот под Стрельницей. В первой арке при входе 302 кирпича ($3 \times 67 \times 1,5$ комплекта). Вторая арка состояла из 196 кирпичей ($1 \times 49 \times 4$); над нею в закладке 480 кирпичей. Кирпичи прохода между арками: левая стена $12 \times 16 = 192$ шт.; правая стена $12 \times 16 = 192$ шт.; свод $12 \times 40 = 480$ шт. Стена за щелью под герсу к северу: $3 \times 50 \times 5 = 750$ шт. Докладки кирпичей слева и справа 60 шт. Итого 2652 кирпича. К этому следует приплюсовать около 2641 кирпичей фасада Стрельницы 1-го яруса.

Внутри башни свод западного прохода на северный двор монастыря состоит из 2120 кирпичей: 53 комплекта по 4 кирпича. Таких комплектов 10 ($4 \times 53 \times 10 = 2120$). Угловая юго-западная стена 1-го яруса при входе состоит из 18 вертикальных рядов кирпичей, она включает 540 кирпичей, уложенных по системе тычок-ложок ($3 \times 10 \times 18 = 540$).

На втором ярусе Никольской башни размещается сводчатый кирпичный проход на прясло к Стрельнице. В нем в сечении по всем стенам и своду 45 рядов из комплектов по три кирпича, а в длину прохода насчитывается 19 комплектов. Всего 2565 кирпичей ($3 \times 45 \times 19 = 2565$). В стене, обрамляющей вход со стороны прясла, 240 кирпичей. В стене со стороны интерьера в арке 330 кирпичей ($3 \times 55 \times 2 = 330$), и поверх нее, а также с востока приложено

около 135 кирпичей, в стене с запада около 300 кирпичей ($3 \times 25 \times 4 = 300$). Итого с данным проходом связано 3570 кирпичей.

В интерьере 2-го яруса имеется кирпичная кладка из 305 кирпичей, на 2-й ярус Стрельницы пришлось еще примерно 4537 кирпичей.

Арка прохода на галерею с 3-го яруса — двойная: внешняя из 1248 кирпичей ($3 \times 64 \times 6,5$), внутренняя — из 468 кирпичей ($3 \times 52 \times 3$). Всего 1716 шт.

Общий подсчет всех кирпичей Никольской башни с печурами, бойницами верхнего боя и стенами, Стрельницей, проходами дал цифру чуть менее 49 тыс. кирпичей ($\approx 48\,828$ шт.) (табл. 67: 4).

Стратилатовская башня. Бойницы 4-го яруса образуют 12 зубцов, которые в плане имеют форму шестиугольника, состоят из смешанной кирпично-валунной кладки. Ширина зубцов со стороны интерьера в пределах 100–224 см (100, 121, 162, 165, 179, 180, 184, 184, 204, 204, 214, 224 см). В сумме 2131 см. На один зубец при длине 214 см и толщине стены 180 см понадобилось 85 кирпичей в одном ряду. По вертикали в 13 рядах — 1105 кирпичей (85×13). В общей сумме зубцов зубец длиной 214 см укладывается 9,96 раз, а с погрешностями — 10 раз. Таким образом, всего на 12 зубцов приходится примерно 11050 кирпичей (1105×10).

При возведении пороховой камеры на 2-м ярусе израсходовали около 866 кирпичей.

На проход с двумя арками для 1-го яруса башни потребовалось примерно 1602 кирпича ($450 + 720 + 432$). На оформление арки и прохода на 2-й ярус со стороны обходной галереи ушло 139 и 1224 кирпичей (1363 шт.). На арку с проходом с 3-го яруса башни на северное прясло ушло около 754 кирпича ($412 + 342$).

В общей сложности на всю Стратилатовскую башню был израсходовано немногим более 31 тыс. кирпичей (табл. 67: 5).

Успенская башня. Сложность подсчета кирпичей для верхнего яруса Успенской башни состоит в том, что весь верхний ярус был перестроен в XIX в. Но мы воспользовались опубликованным планом с реконструкцией первоначальных западных бойниц верхнего боя, выполненным на основании натурных исследований (Савицкая О.Д., 2005, с. 43, ил. 27). План

каждого из девяти зубцов бойниц был отдельно увеличен в масштабе и на его основе продлан расклад большемерных кирпичей (схема В). При этом сама реконструкция кирпичной кладки давалась условно, но принцип чередования тычковых с ложками на внешней стороне стен башни в основном соблюдался. Главное было выяснить, сколько кирпичей могло разместиться в одном уровне каждого зубца. Затем полученное число для каждого зубца умножалось на количество вертикальных рядов кирпичной кладки в конкретном зубце. Количество рядов видно в натуре. Западные бойницы верхнего боя оказались сложены примерно из 8219 кирпичей (табл. 68).

Восточная стена Успенской башни состояла из пяти кирпичных столбов. Контуры только двух из них — крайних северного и южного — читались отчетливо в кладке до отделочных работ 2016 г. Северный столб состоит из 23 вертикальных рядов кирпичной кладки по 25 кирпичей в каждом (573 шт.). Южный столб включает 22 вертикальных ряда кладки по 33 кирпича (726 шт.).

Между столбами первоначально располагался парапет, который в примыкании к северному столбу сохранился на шесть рядов кирпичей в высоту. Поверх него в XIX столетии во время пристройки к башне перехода от Настоятельского корпуса поставили окна, что и зафиксировало данный уровень верха стены. Данная невысокая стенка поставлена на валунное основание. Расстояние между северным и южным столбами составляет 12,02 м, в него укладывается вытянуто в ряд ложками наружу 43 кирпича. Стена же парапета состояла из пяти таких рядов, т.е. из 1290 кирпичей ($43 \times 5 \times 6$).

Несохранившиеся три других столба, стоявших на стене, включали в высоту 17 кирпичных рядов. В одном горизонтальном ряду квадратного столба, исходя из ширины стены, было не менее 10 кирпичей. Всего на возведение трех столбов могли затратить около 510 кирпичей ($10 \times 17 \times 3$). Суммируя все данные, получим для восточной стены 3-го яруса 3099 кирпичей ($573 + 726 + 1290 + 510$), а для всего 3-го яруса башни примерно 11,43 тыс. израсходованных кирпичей ($3099 + 8219$).

Схема В. Примерный расклад кирпичей в зубцах
между бойницами верхнего боя 3-го яруса Успенской башни

Печура №	Кол-во кирпичей в своде печуры				Кол-во кирпичей в своде амбразуры					Итого
	кол-во кирпичей в ком-плекте	кол-во ком-плектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	итог	кол-во кирпичей в ком-плекте	кол-во ком-плектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	кладка по-верх свода	итог	
1	3	31	12	1116	2	14	4	57	169	1285
2	3	37	13,5	1499	2	22	3,5	71	162	1661
3	3	34	13	1326	2	15	5	39	189	1515
4	3	33	13	1287	2	17	5	25	195	1482
5	3	39	15	1755	2	20	3	49	169	1924
6	Печура закрыта наглухо									≈1950

Продолжение табл. 69

279

Печура №	Кол-во кирпичей в своде печуры				Кол-во кирпичей в своде амбразуры					Итого
	кол-во кирпичей в ком-плексе	кол-во ком-плектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	итог	кол-во кирпичей в ком-плексе	кол-во ком-плектов во внешней арке свода	кол-во рядов из одного комплекта в своде	кладка по-верх свода	итог	
7	3	36	17,5	1890	2	16	3	21	117	2007
8	3	35	≈17,5	1855	Амбразура закрыта кирпичной стеной				≈125	1980
9	3	35	17,5	1855	2	20	3	16	136	1991
10	3	36	18,5	1998	Амбразура разрушена полностью				≈150	2148
11	3	38	17,5	1995	2	19	3	69	183	2178
12	3	36	9	972	2	20	3	7	127	1099
13	3	42	10	1260	2	20	2,5	21	121	1381
14	3	38	9,5	1083	2	26	2,5	44	174	1257
15	3	50	10,5	1575	2	23	2	—	92	1667
16	Печура закрыта наглухо									≈1700
17	3	48	14	2016	2	23	3	—	138	2154
18	3	44	12	1584	2	23	3	—	138	1722
19	3	35	12	1260	Амбразура отсутствует (помещение тюрьмы)				—	≈1260
20	3	49	14	2058	2	19	3	—	114	2172
21	Нет доступа									≈2000
22	3	41	14	1722	2	19	4	8	152	≈1882
23	3	≈64	14	2688	Доступ ограничен					≈2750
24	3	63	14	2646	2	21	1,5	—	63	2709
25	3	51	15	2325	2	21	2	—	84	2409
26	Печура закрыта наглухо современной перегородкой									≈2400
27	Печура закрыта наглухо современной перегородкой									≈2400
28	В XIX в. печура переделана в Никольские ворота									≈2300
29	3	59	11,5	2036	2	23	4,5	58	265	2301
30	3	55	13	2145	2	24	3	23	167	2312
31	3	69	12	2484	2	24	3	2	146	2630
32	3	63	12	2268	2	27	4,5	10	253	2521
39	3	40	18	2160	2	25	2	58	158	2318
40	3	43	19,5	2516	2	23	2	110	202	2718
41	3	35	16	1680	2	18	2	64	136	1816
42	3	40	16	1920	2	19	3,5	84	217	2137
43	3	50	16	2400	2	22	4	—	176	2576
44	3	45	15	2025	2	23	3	85	223	2248
45	3	46	14,5	2001	2	14	2	122	178	2179
46	3	46	14,5	2001	2	16	2,5	137	217	2218
47	3	45	14	1890	2	16	2	142	206	2096
	Северная палатка: свод — 1221; стены — 48+32+52 = 132; арка входа — 96									1449
	Южная палатка: свод — 1053; арка входа — 52									1105
48	3	32	11	1056	2	16	3	38	134	1190
49	3	33	11	1056	2	≈23	3,5	46	207	1263
50	3	43	15	1935	2	25	3	72	222	2157
51	3	37	12,5	1388	2	25	2	25	125	1513
52	3	40	14	1680	2	29	3	25	199	1879
53	Печура закрыта наглухо поздней кирпичной стеной									≈1700
54	3	37	12,5	1388	2	18	3	44	152	1540

Примечание. Для печур № 33–38 данные не приведены, так как до 1582 г. это были окна и проходы жилых и хозяйственных помещений, расположенных к югу от Поваренного корпуса. Все их стены кирпичные.

В среднем на одну печуру приходилось около 2 тыс. кирпичей (1974 шт.), но на самом деле разброс был достаточно большим. Так, для печур № 1 и 19 было использовано соответственно 1285 и 1260 кирпичей. А на печуру № 40 ушло 2700 кирпичей. Как уже отмечалось, сложенная из некалиброванных валунов, каждая печура индивидуальная.

Парапет верхней обходной галереи со стороны монастыря в большинстве случаев представляет собой низкую кирпичную стену высотой 0,7–0,8 м и шириной 0,5 м со встроенными кирпичными столбами, которые поддерживают конструкцию деревянной кровли. Исключением явля-

Не все кирпичные столбы ограды сохранились до нашего времени. Их частичная утрата произошла еще к концу XVIII столетия, что нашло отражение на плане 1790 г. Так, на месте примерно 9 столбов северного прясла показана стена пристройки Портной палаты, а на участке стены между Архангельской и Белой башнями некоторые столбы поглощены стеной пристройки Прачечного корпуса. Были также утрачены столбы на участке прясла в примыкании севера к Квасоварне. В 1827 г. в связи с оформлением Арестантского двора столбы парапетов в примыкании к Корожной башне с юга и востока оказались заложены глухими стенами. К середине XX в., времени начала реставрации комплекса Соловецкого монастыря, отсутствовали кирпичные столбы к югу и к северу от Святых ворот. Указанные обстоятельства служат препятствием для оценки количества кирпичей, потребовавшихся для сооружения столбов парапета.

№ 137

№ 138

№ 144

№ 145

№ 3

№ 132

Схема Г. Схема кладки кирпичей столбов обходной галереи

тов в конце XVI в. Однако недостающие сведения о числе утрат восполняются по остаткам кладки в натуре с привлечением плана 1790 г.

Для удобства подсчета кирпичей все столбы, в том числе и несохранившиеся, получили сквозную нумерацию. Ее начало велось по часовой стрелке от Стратилатов-

ской башни. По нашим подсчетам, на всех внутренних парапетах крепости первоначально было 154 кирпичных столба и три нижних подпорных столба для навесного деревянного прохода («моста») рядом с Сушилом. По предлагаемым расчетам, на это ушло порядка 33,8 тыс. кирпичей (около 33 832 шт.) (табл. 70).

Таблица 70

Кирпичи столбов обходной галереи внутреннего парапета

Участок верхней обходной галереи	Столб №	Параметры, см	Кол-во кирпичей в ряду (комплект)	Кол-во рядов до пола	Общее кол-во кирпичей	Итого
Стратилатов- ская башня — Святые ворота	1	66×82	10	19	190	≈2950
	2	67×82	10	19	190	
	3	66×81	10	21	210	
	4	66×84	10	20	200	
	5	66×82	10	21	210	
	6	66×82	10	21	210	
	7	67×83	10	22	220	
	8	66×83	10	21	210	
	9	66×83	10	21	210	
	10	66×83	10	21	210	
	11	66×82	10	21	210	
	12	66×82	10	22	220	
	13	66×82	10	23	230	
	14	Не сохранился			≈230

Продолжение табл. 70

Участок верхней обходной галереи	Столб №	Параметры, см	Кол-во кирпичей в ряду (комплект)	Кол-во рядов до пола	Общее кол-во кирпичей	Итого
Святые ворота	15	Не сохранились; их сломали после организации выхода из Благовещенской церкви на галерею крепости. Они выявляются по раскладу			≈200	≈600
	16				≈200	
	17				≈200	
Святые ворота — Успенская башня	18	Не сохранился; выявляется по раскладу			≈200	≈3070
	19	70×80	10	20	200	
	20	66×84	10	20	200	
	21	66×84	10	19	190	
	22	66×82	10	19	190	
	23	[66]×84	10	19	190	
	24	[66]×84	10	19	190	
	25	[66×84]	10	19	190	
	26	[66×84]	10	19	190	
	27	Не сохранились; выявляются по раскладу			≈190	
	28				≈190	
	29				≈190	
	30				≈190	
	31				≈190	
	32				≈190	
	33				≈190	
Рыбные ворота — Корожная башня	34	Не сохранились; выявляются по раскладу			≈240	≈2190
	35				≈240	
	36				≈240	
	37				≈240	
	38	[66]×82	10	24	240	
	39	[66]×83	10	25	250	
	40	[66]×85	10	24	240	
	41	[66]×84	10	25	250	
Корожная башня — Никольская башня	42	[66]×82	10	25	250	≈5280
	43	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	44	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	45	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	46	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	47	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	48	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	49	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	50	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	51	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	52	[≈66]×84	10	[22]	≈220	
	53	Не сохранились. Известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева	10	[22]	≈220	
	54		10	[22]	≈220	
	55		10	[22]	≈220	
	56		10	[22]	≈220	
	57		10	[22]	≈220	
	58		10	[22]	≈220	
	59		10	[22]	≈220	
	60		10	[22]	≈220	
	61		10	[22]	≈220	
	62		10	[22]	≈220

Продолжение табл. 70

283

Участок верхней обходной галереи	Столб №	Параметры, см	Кол-во кирпичей в ряду (комплект)	Кол-во рядов до пола	Общее кол-во кирпичей	Итого
Корожная башня — Ни- кольская башня	63	Не сохрани- лись. Извест- ны по чер- тежу 1790 г. Я. В. Васи- льева	10	[22]	≈220	
	64		10	[22]	≈220	
	65		10	[22]	≈220	
	66		10	[22]	≈220	
Никольская башня — Ква- соварня	67	102×142	24	20	480	≈2250
	68	64×82	10	16	160	
	69	65×80	10	17	170	
	70	67×84	10	18	180	
	71	70×83	10	18	180	
	72	68×81	10	18	180	
	73	68×81	10	18	180	
	74	Уничтожены в XVIII в. пристройкой к Поваренному корпусу			≈180	
	75				≈180	
	76				≈180	
	77				≈180	
Поварня — Святозерские ворота	78	Известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева. За аналог взяты столбы к югу от Святозерских ворот			≈190	≈1330
	79				≈190	
	80				≈190	
	81				≈190	
	82				≈190	
	83				≈190	
	84				≈190	
Святозерские ворота — Ар- хангельская башня	85	(65×84)	10	19	190	≈5020
	86	(65×84)	10	19	190	
	87	(65×84)	10	19	190	
	88	(65×84)	10	19	190	
	89	(65×84)	10	19	190	
	90	(65×84)	10	19	190	
	91	(65×84)	10	19	190	
	92	(65×84)	10	19	190	
	93	(65×84)	10	19	190	
	94	65×82	10	21	210	
	95	66×84	10	22	220	
	96	66×84	10	22	220	
	97	66×86	10	22	220	
	98	66×83	10	23	230	
	99	66×83	10	24	240	
	100	66×82	10	21	210	
	101	70×82	10	22	220	
	102	65×81	10	20	200	
	103	67×86	10	20	200	
	104	66×85	10	20	200	
	105	66×84	10	20	200	
	106	65×85	10	19	190	
	107	[65]×86	10	19	≈190	
	108	70×88	10	18	180	
	109	66×82	10	17	170

Продолжение табл. 70

Участок верхней обходной галереи	Столб №	Параметры, см	Кол-во кирпичей в ряду (комплект)	Кол-во рядов до пола	Общее кол-во кирпичей	Итого
Архангель- ская башня — Белая башня	110 угловой	68×96	12	16	192	≈4482
	111	66×78	10	16	160	
	112 угловой	73×82	10	17	170	
	113	72×82	10	18	180	
	114	[66]×82	10	18	180	
	115	[66]×83	10	18	180	
	116	[66]×85	10	19	190	
	117	[66]×82	10	18	180	
	118	[66]×83	10	19	190	
	119	[66]×84	10	19	≈190	
	120	В толще стены Прачечного корпуса			≈190	
	121				≈190	
	122				≈190	
	123	[66]×83	10	19	≈190	
	124	[66]×82	10	19	≈190	
	125	[66]×82	10	19	≈190	
	126	[66]×81	10	19	≈190	
	127	[66]×83	10	19	≈190	
	128	[66]×80	10	19	≈190	
	129	[66]×82	10	19	≈190	
	130	[66]×82	10	19	≈190	
	131	[66]×82	10	19	≈190	
	132	66×86	10	19	190	
	133	70×86	10	20	200	
Белая баш- ня — Сушило	134 круглый	Диаметр 66	6	18	108	≈2688
	135	Не сохранился			≈180	
	136	[66×82]	10	≈18	≈180	
	1-й нижний подпорный столб	91×108	20	37	740	
	2-й нижний подпорный столб	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева и раскопкам			≈740	
	3-й нижний подпорный столб				≈740	
Сушило — Стратилатов- ская башня	137	90×108	21	18	378	≈3972
	138	66×86	12,5	18	225	
	139	66×84	12,5	18	225	
	140	66×84	12,5	18	225	
	141	66×83	12,5	18	225	
	142	66×84	12,5	18	225	
	143	66×84	12,5	18	225	
	144	70×88	12,5	19	238	
	145	70×83	10,5	19	200	
	146	70×83	10,5	19	200	
	147	68×80	10	20	200	
	148	68×82	10	20	200	
	149	66×82	10	19	190

Участок верхней обходной галереи	Столб №	Параметры, см	Кол-во кирпичей в ряду (комплект)	Кол-во рядов до пола	Общее кол-во кирпичей	Итого
Сушило — Стратилатовская башня	150	64×78	10	19	190	
	151	66×80	10	19	190	
	152	67×82	10	19	190	
	153	67×83	10	19	190	
	154 угловой	63×145	16	16	256	
Всего						≈33832

Примечание. В круглых скобках указаны параметры столбов, воссозданных реставраторами, в квадратных скобках — реконструируемые по аналогиям параметры застроенных столбов, оказавшихся в толще стены.

При составлении таблицы указывались параметры столба, свидетельствующие о его прямоугольной форме. Исключение составил круглый столб рядом с Белой башней. Затем называлось количество кирпичей в одном горизонтальном ряду кладки (одном комплекте) и число таких рядов по вертикали. Чтобы вычислить количество кирпичей в одном комплекте разных столбов, составлялись вспомогательные рабочие схемы кладки (схема Г).

На участке Святые ворота — Успенская башня сохранилось в высоту 9 столбов (№ 19–26). Столб № 18 со стороны Святых ворот был уничтожен поздней стеной. Парапет с семью столбами № 27–33 в примыкании к Успенской башне полностью уничтожен, на его месте для опоры конструкции кровли уложен горизонтальный брус с вертикальными стойками. Для столбов между Корожной и Никольской башнями, сохранившихся в высоту на 17 рядов, в квадратных скобках было указано реконструируемое их первоначальное количество — 22. Интерес представляет одно наблюдение: параметры подпорного столба для помоста напротив Сушила и столба № 137 возле Сушила оказались одинаковы.

3.7.7. Подсчет количества кирпичей внутренних парапетов обходной галереи

Кирпичные парапеты между столбами невысокие, сложены в среднем из 7–8 рядов кладки (80 см). Их ширина около 50 см, что соотносится с системой кладки в полтора кирпича, образующей комплект из 4,5 кирпичей. При этом в центре столба укладывались половинки кирпичей, а снаружи соблюдалось чередование тычков и ложков (схема Д). Расстояние между столбами неодинаковое — от 280 до 365 см, редко до 420 см — с разным количеством комплектов (табл. 71).

Многие участки парапета пострадали, будучи полностью разобранными или застроенными. Поэтому пришлось привлекать план крепости 1790 г. и брать в качестве аналогии целые участки прясел с определенным количеством столбов, что делает итоговую цифру **27 тыс. кирпичей** достаточно приблизительной, тем не менее близкой к истине. Речь может идти о погрешности, а не о разнице на порядок.

Схема Д. Расклад кирпичей внутреннего парапета обходной галереи. Комплекты из 4 целых кирпичей и одной половинки в центре, всего 4,5 шт.

Таблица 71

Кирпичи внутренних парапетов обходной галереи между столбами

Участок обход- ной галереи	Парапет между стол- бами, № – №	Расстояние между стол- бами, см	Кол-во кирпичей в ряду кладки с уче- том количества ком- плектов	Кол-во вер- тикальных рядов кладки	Общее кол-во кирпичей	Итого
Стратилатовская башня — Святые ворота	154–1	284	4,5×6+1,5	6	171	≈3058
	1–2	339	4,5×7	6	189	
	2–3	324	4,5×6+3	7	210	
	3–4	329	4,5×6+4	8	248	
	4–5	330	4,5×7	8	252	
	5–6	314	4,5×6+1,5	8	228	
	6–7	338	4,5×7	8	252	
	7–8	321	4,5×6+3	8	210	
	8–9	335	4,5×7	8	252	
	9–10	309	4,5×6+1,5	8	228	
	10–11	254	4,5×5	8	180	
	11–12	322	4,5×6+3	8	210	
	12–13	324	4,5×6+1,5	8	228	
	13–14	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева			≈200	
Святые ворота	14–15	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева			≈600	≈600
	15–16					
	16–17					
Святые ворота — Успенская башня	17–18	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева			≈360	≈2860
	18–19					
	19–20	320	4,5×6+3	6	180	
	20–21	317	4,5×6+3	6	180	
	21–22	320	4,5×6+3	6	180	
	22–23	310	4,5×6+1,5	6	171	
	23–24	315	4,5×6+1,5	≈6	171	
	24–25	327	4,5×6+3	≈6	180	
	25–26	233	4,5×6+3	≈6	180	
	26–27	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева.			≈1250	
	27–28					
	28–29					
	29–30					
	30–31					
31–32						
32–33						
Рыбные ворота — Корожная башня	34–35	Кирпичные парапеты отсутствовали			—	—
	35–36					
	36–37					
	37–38					
	38–39					
	39–40					
	40–41					
41–42						
Корожная баш- ня — Никольская башня	43–44	272	≈4,5×5+2	6	147	≈3177
	44–45	250	≈4,5×5	6	135	
	45–46	259	≈4,5×5	6	135

Продолжение табл. 71

287

Участок обход- ной галереи	Парапет между стол- бами, №–№	Расстояние между стол- бами, см	Кол-во кирпичей в ряду кладки с уче- том количества ком- плектов	Кол-во вер- тикальных рядов кладки	Общее кол-во кирпичей	Итого
Корожная баш- ня — Никольская башня	46–47	260	≈4,5×5	6	135	
	47–48	262	≈4,5×5	6	135	
	48–49	≈250	≈4,5×5	6	135	
	49–50	≈250	≈4,5×5	6	135	
	50–51	258	≈4,5×5	6	135	
	51–52	265	≈4,5×5+1	6	141	
	52–53	262	≈4,5×5+1	6	141	
	53–54	263	≈4,5×5+1	6	141	
	54–55	265	≈4,5×5+1	6	141	
	55–56	272	≈4,5×5+2	6	147	
	56–57	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева. С учетом общей длины за аналог взята сумма первых де- сяти парапетов данного прясла			≈1374	
	57–58					
	58–59					
	59–60					
	60–61					
	61–62					
	62–63					
	63–64					
	64–65					
	65–66					
Никольская баш- ня — Квасоварня	67–68	348	4,5×7	6	≈189	≈2580
	68–69	382	4,5×7+3	7	223	
	69–70	375	4,5×7+1,5	7	221	
	70–71	443	4,5×9	8	324	
	71–72	429	4,5×8+1	9	333	
	72–73	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева. С учетом общей длины за аналог взята сумма первых пяти парапетов данного прясла			≈1290	
	73–74					
	74–75					
	75–76					
	76–77					
Поварня — Свя- тозерские ворота	78–79	Столбы показаны на чертеже 1790 г. Я. В. Васильева. Они не сохранились. Парапеты между столбами отсутствова- ли из-за близости стены келий			—	—
	79–80					
	80–81					
	81–82					
	82–83					
	83–84					
Святозерские ворота — Архан- гельская башня	85–86	311	4,5×6+1	7	196	≈5820
	86–87	321	4,5×6+2	7	203	
	87–88	350	4,5×7+2	7	203	
	88–89	331	4,5×7	7	220	
	89–90	398	4,5×9	7	284	
	90–91	332	4,5×7	7	220	
	91–92	363	4,5×8	7	252	
	92–93	355	4,5×7+2	7	235	
	93–94	370	4,5×8	6	216	
	94–95	364	4,5×8	6	216

Продолжение табл. 71

Участок обход- ной галереи	Парапет между стол- бами, № – №	Расстояние между стол- бами, см	Кол-во кирпичей в ряду кладки с уче- том количества ком- плектов	Кол-во вер- тикальных рядов кладки	Общее кол-во кирпичей	Итого
Святозерские ворота — Архан- гельская башня	95–96	366	4,5×8	6	216	
	96–97	364	4,5×8	6	216	
	97–98	369	4,5×8	6	216	
	98–99	363	4,5×8	6	216	
	99–100	367	4,5×8	6	216	
	100–101	368	4,5×8	6	216	
	101–102	364	4,5×8	6	216	
	102–103	368	4,5×8	7	252	
	103–104	376	4,5×8+2	7	266	
	104–105	359	4,5×7+3	7	242	
	105–106	374	4,5×8+1,5	8	300	
	106–107	377	4,5×8+1,5	7	262	
	107–108	326	4,5×6+3	7	203	
	108–109	342	4,5×7	8	252	
	109 – 110 угловой	306	4,5×6+1	7	196	
Архангельская башня — Белая башня	110 угло- вой — 111	384	4,5×16	6	432	≈5005
	111–112	421	4,5×9	6	243	
	112–113	308	4,5×6+1	8	240	
	113–114	415	4,5×10	8	360	
	114–115	366	4,5×7	8	252	
	115–116	364	4,5×7	8	252	
	116–117	364	4,5×7+1,5	8	264	
	117–118	363	4,5×7	9	284	
	118–119	366	4,5×7	8	252	
	119–120	Не сохранились; известны по чертежу 1790 г. Я. В. Васильева. За аналог взята сумма ближайших четырех парапетов данного прясла			≈972	
	120–121					
	121–122					
	122–123					
	123–124	334	4,5×6+3	8	240	
	124–125	335	4,5×7	8	252	
	125–126	334	4,5×6+3	8	240	
	126–127	334	4,5×6+3	8	240	
	127–128	341	4,5×7	8	252	
	128–129	332	4,5×6+3	8	240	
	129–130	331	4,5×6+3	8	240	
	130–131	332	4,5×6+3	8	240	
131–132	333	4,5×6+3	8	240		
132–133	336	4,5×6+3	9	270		
Белая башня — Сушило	134 круг- лый — 135	308	4,5×6+1	≈6	≈168	≈384
	135–136	420	4,5×8	≈6	≈216	
Сушило — Стра- тилатовская башня	137–138	341	4,5×7	7	220	≈3604
	138–139	341	4,5×7	7	220	
	139–140	343	4,5×7	7	220	
	140–141	332	4,5×6+3	7	210

Участок обходной галереи	Парапет между столбами, № – №	Расстояние между столбами, см	Кол-во кирпичей в ряду кладки с учетом количества комплектов	Кол-во вертикальных рядов кладки	Общее кол-во кирпичей	Итого
Сушило — Стратилатовская башня	141–142	331	4,5×6+3	7	210	
	142–143	339	4,5×6+3	7	210	
	143–144	321	4,5×6+1,5	7	200	
	144–145	341	4,5×7	7	220	
	145–146	345	4,5×7	7	220	
	146–147	339	4,5×7	7	220	
	147–148	345	4,5×7+1,5	7	231	
	148–149	348	4,5×7+1,5	7	231	
	149–150	339	4,5×7	7	220	
	150–151	338	4,5×7	7	220	
	151–152	347	4,5×7	6	189	
	152–153	345	4,5×7	6	189	
	153–154	311	4,5×6+2	6	174	
Всего						≈27 083

3.7.8. Подсчет количества кирпичей внешнего парапета обходной галереи с бойницами верхнего боя

Внешний парапет крепости из-за разной конфигурации отдельных участков и сочетания кирпичной кладки с валунами оказался наиболее сложным для подсчета кирпичей. Мы пошли по пути отдельного подсчета кирпичей бойниц и простенков между бойницами. Задачу в какой-то мере облегчала сама система кладки тычок-ложок, а также возможность привлечь чертежи наиболее характерных бойниц — планы и разрезы, выполненные архитектором-реставратором И. Г. Брагиной (*Брагина И. Г., Коробейник И. Г., Петровская Л. А.* рук., 1996). Чертежи в сочетании с фотографиями и изучением натуре позволяли уточнить толщину стены и сделать раскладку кирпичей в горизонтальных рядах, по которым и велся подсчет с последующим умножением на количество вертикальных рядов кладки (табл. 70). При этом для каждой бойницы и простенка по месту вносились коррективы с учетом их индивидуальных особенностей.

Прясло между Пристенком и Архангельской башней. Небольшой объем кирпичной кладки позволил здесь провести подсчет материала непосредственно на месте с последующими уточнениями по фотографиям.

Прясло между Архангельской и Белой башнями. За основу расчета количества кирпичей здесь взята бойница № 36. Расклад кирпичей для нее выполнен на основании обмерного чертежа И. Г. Брагиной и изучения натуре (ил. 562). Ширина крепостной стены равна пяти кирпичам, вытянутым в цепочку тычками друг к другу. Горизонтальный ряд каждой двух боковых стенок состоит из семи кирпичей — двух тычков и двух ложков и одного ложка, подрезанного под углом со стороны галереи (схема Е). Снаружи крепости амбразура по сторонам оформлена из четырех кирпичей: комплекта тычка и ложка и двух кирпичей боковых щек. В основании самой щели, поверх валунов, лежат два кирпича. Сверху амбразура перекрыта рядами кирпичей.

Подсчет. Всего в нижнем первом ряду бойницы отмечено 24 кирпича, включая заполнение из двух кирпичей пода амбразуры (7+7+4+4+2). Над ним — еще пять рядов по 22 кирпича, без кирпичей в амбразуре (110 шт.). Верхние три ряда включают по 25 кирпичей (75 шт.). Итог — 209 кирпичей, которые пошли на оформление бойницы № 36 (24+110+75). Расчет материала для остальных бойниц данного прясла был скорректирован с учетом количества вертикальных рядов боковых стенок, которые из-за применения камней могли колебаться в пределах семи (№ 33,

Схема Е. Схемы раскладки
кирпичей бойниц верхнего боя
внешних парпетов

40, 41), 8 (№ 35), 9 (№ 42, 43), 10 (№ 34, 37, 38, 39, 44), 11 (№ 31) вертикальных рядов кирпичей.

При расчете количества кирпича, затраченного на простенок между бойницами, учитывалось количество комплектов из трех кирпичей (тычок-ложок) в горизонтальных и вертикальных рядах кладки стены. Так, между бойницами № 35 и 36 на внешнем фасаде стены по горизонтали в каждом ряду насчитывается 12 полных комплектов по три кирпича. К ним примыкает ложок, т.е. два сдвоенных кирпича. Всего 38 кирпичей ($3 \times 12 + 2$). В высоту наружная кладка состоит из восьми рядов, т.е. из 304 кирпичей (38×8). Со стороны галереи по горизонтали наблюдается 11 полных комплектов из трех кирпичей (33 шт.), а по вертикали — только четыре ряда из-за применения валунного камня; всего 132 кирпича ($3 \times 11 \times 4$).

Как следует из общего расклада, вся стена в толщину состоит из пяти рядов комплектов. 304 кирпича относятся к 1-му ряду, 132 кирпича — к 5-му ряду. Они входят только в состав двух рядов внешних стен. Можно полагать, что 4-й ряд, очевидно, продолжающий лежать поверх валунов, также насчитывает примерно 130 кирпичей. Количество же кирпичей во 2-м и 3-м рядах должно быть менее 300 шт. С учетом скошенных стенок бойниц 2-й ряд может включать уже 290 кирпичей, а 3-й — около 250 шт. Всего на простенок между бойницами № 35 и 36 ушло примерно 1100 кирпичей.

Прясло между Сушилом и Стратилатовской (Прядильной) башней. Здесь бойницы № 45–55 однотипны. Для расчета привлечен чертеж бойницы № 52 (ил. 563), а затем в сопоставлении с натурой нами сделана схема раскладки кирпичей нижнего горизонтального ряда, аналогично — и для бойницы № 53 (см. схему Е). В нижнем ряду амбразуры с мощеным подом кирпичей оказалось 11 шт., в следующих пяти рядах, без трех кирпичей пода, — 40 шт., по 8 шт. в каждом. Наконец, в верхних четырех рядах — 44 шт. Итого 95 кирпичей ушло на формирование только амбразуры.

На нижний ряд одной боковой стенки бойницы № 52 было применено 7 кирпичей, а во всех 10 вертикальных рядах двух стенок — соответственно 140 шт. Итого, только на амбразуру бойницы № 52 было

израсходовано 235 кирпичей. Вплотную к каждой стенке бойницы высотой 10 рядов кладки приложено по 9 кирпичей. Для обеих стенок это 180 кирпичей.

В свою очередь амбразура, боковые стенки и примыкающие кирпичи к стенкам установлены на основание, сложенное из кирпичей по высоте от 3 до 4 вертикальных рядов. В каждом ряду по раскладу насчитывается по 66 кирпичей (11×6), в трех рядах — 198 кирпичей (бойницы № 45–47, 53), в четырех рядах — 264 шт. (бойницы № 48–52).

Таким образом, на бойницы № 45–47, 53 и их основание было затрачено 613 кирпичей ($95 + 140 + 180 + 198$), а для бойниц № 48–52 — 679 кирпичей ($95 + 140 + 180 + 264$).

У бойниц № 54 и 55 нет кирпичного основания, к тому же здесь при возведении боковых стенок был применен валун. Это скорректировало подсчет кирпичей — около 220 шт.

Между бойницами в одном горизонтальном ряду осталась выкладка из кирпичей в форме прямоугольника со сторонами из шести комплектов кирпичей (поперек стены) и восьми комплектов (вдоль стены). (Один комплект традиционно состоит из трех кирпичей с чередованием по фасаду тычка и ложка.)

Пример расчета. Горизонтальный ряд (а их 6) включает 144 кирпича ($8 \times 3 \times 6$). На всю высоту 12 рядов данная кладка образована из 1728 кирпичей (144×12). В отдельных случаях приходится вносить коррективы из-за наличия дополнительных кирпичей.

Прясло между Стратилатовской (Прядильной) башней и Святыми воротами. За образец взята бойница № 59 (ил. 564). По одному из вариантов боковая стена включает один тычок и три ложка, всего в каждом горизонтальном ряду получается 6 кирпичей. Но это только верхние пять рядов, нижние пять рядов короче из-за применения валуна. Таким образом, в пяти верхних горизонтальных рядах в обеих стенках насчитывается 60 кирпичей ($2 \times 6 \times 5$), а в нижних пяти рядах, примыкающих к валунам, — наполовину меньше, только 30 кирпичей. В прикладках к стенам в верхних пяти рядах с каждой стороны по 10 кирпичей; всего 100 шт., а в нижних прикладок нет. Щелевидная

амбразура в горизонтальном ряду имеет, как и прежде, 8 кирпичей в 10 рядах, их 80 шт. Таким образом, в одной бойнице № 59 отмечено 270 кирпичей (60+30+100+80).

Для бойниц № 58, 60 с 11 рядами можно насчитать кирпичей 300 кирпичей (72+30+110+88 = 300). В бойнице № 61 8 рядов кирпичной кладки поверх валунов. Суммарно на нее было затрачено 352 кирпича (96+160+96), а в бойнице № 62 – 384 кирпича (96+32+160+96), в бойнице № 63 с 9 верхними рядами и 12 рядами кирпича в амбразуре – 408 кирпичей (108+24+180+96). В бойницах № 64 и 65, в которых 14 рядов кирпичей, мы насчитали 520 и 418 кирпичей соответственно.

Две бойницы над Святыми воротами И. Г. Брагина пропускает. Мы присваиваем им № 66а и 66б. Количество кирпичей для них и прясел взято условно по аналогии с ближайшими бойницами и пряслами.

Прясло от Святых ворот до Успенской башни располагает бойницами двух разновидностей: у одних горизонтальный ряд боковых стен состоит из двух тычков и двух ложков, у других – из двух ложков и трех тычков. При вычислении количества материала учитывались только кирпичи амбразуры и обеих стен, так как стены были приложены сразу к валунным камням.

Прясло к северу от Успенской башни до Корожной включает бойницы № 75–97 и 25 простенок. Расклад кирпичей для бойницы № 78 (ил. 565) показал, что толщину стены образуют 4,25 ряда кирпичей, если их уложить цепочкой тычками друг к другу (см. схему Г). Данное прясло от-

личается разнообразием форм бойниц, которые имели ниши, кирпичные ступеньки и мощные подоконники. Это принималось во внимание.

Северное прясло между Корожной и Никольской башнями сохранилось в крайне плохом состоянии, претерпев многочисленные перелицовки и замену кирпича. В некоторых местах явно недостает отдельных камней, частично утрачена кирпичная кладка. С использованием чертежа бойницы № 98 (ил. 566) был сделан расклад кирпичей для верхних шести рядов кладки боковых стен бойницы, примыкающих к валунам (см. схему Е). Подсчет материала по рядам показал, что на бойницу № 98 было затрачено примерно 270 кирпичей. На последующие бойницы кирпичей ушло в пределах 270, 280 и 290 шт. Для простенков между бойницами, сложенных до самого верха из валунов, кирпич был использован только для их покрытия сверху одним слоем. Причем кирпичи были уложены ложком на ребро перпендикулярно направлению стены, а тычки, соприкасаясь друг с другом, образовывали по ширине стены 4,5 ряда. Поверх валунного бруствера между бойницами № 98 и 99 один ряд кладки включал 30 кирпичей, а 4,5 ряда 135 шт. Для других участков, в том числе с утраченной кирпичной кладкой, был сделан примерный расчет. Оказалось, при строительстве северного прясла было израсходовано около 4800 кирпичей.

По общему подсчету, **на возведение всего внешнего парапета с бойницами ушло примерно 125 тыс. кирпичей (≈126 519 шт.)** – табл. 72.

Таблица 72

Кирпичи внешних парапетов обходной галереи с бойницами

Участок обходной галереи	Бойница, №; простенок между бойницами № – №	Кол-во рядов кладки кирпичей	Общее кол-во кирпичей	Итого
Пристенок – Архангельская башня	До бойницы № 1	–	≈365	≈8360
	Бойница № 1	12	≈240	
	№ 1 – № 2	–	≈255	
	Бойница № 2	13	≈195	
	№ 2 – № 3	–	≈30	
	Бойница № 3	13	≈260	
	№ 3 – № 4	–	≈20	
	Бойница № 4	13	≈170	
	№ 4 – № 5	–	≈100	
	Бойница № 5	13	≈170

Продолжение табл. 72

293

Участок обходной галереи	Бойница, №; простенок между бойницами № — №	Кол-во рядов кладки кирпичей	Общее кол-во кирпичей	Итого
Пристенки — Архангельская башня	№ 5 — № 6	—	≈90	
	Бойница №6	13	≈170	
	№ 6 — № 7	—	≈60	
	Бойница № 7	12	≈155	
	№ 7 — № 8	—	≈110	
	Бойница № 8	12	≈70	
	№ 8 — № 9	—	≈30	
	Бойница № 9	12	≈390	
	№ 9 — № 10	—	≈100	
	Бойница № 10	11	≈90	
	№ 10 — № 11	—	≈70	
	Бойница № 11	11	≈90	
	№ 11 — № 12	—	≈10	
	Бойница № 12	12	≈170	
	№ 12 — № 13	—	≈200	
	Бойница № 13	13	≈160	
	№ 13 — № 14	—	≈180	
	Бойница № 14	13	≈190	
	№ 14 — № 15	—	≈180	
	Бойница № 15	13	≈180	
	№ 15 — № 16	—	≈200	
	Бойница № 16	12	≈170	
	№ 16 — № 17	—	≈180	
	Бойница № 17	12	≈160	
	№ 17 — № 18	—	≈80	
	Бойница № 18	11	≈160	
	№ 18 — № 19	—	≈80	
	Бойница № 19	12	≈170	
	№ 19 — № 20	—	≈200	
	Бойница № 20	11	≈110	
	№ 20 — № 21	—	≈100	
	Бойница № 21	11	≈110	
	№ 21 — № 22	—	≈40	
	Бойница № 22	10	≈100	
	№ 22 — № 23	—	≈200	
	Бойница № 23	11	≈110	
	№ 23 — № 24	—	≈150	
	Бойница № 24	10	≈80	
	№ 24 — № 25	—	≈150	
	Бойница № 25	11	≈110	
	№ 25 — № 26	—	≈50	
	Бойница № 26	11	≈130	
	№ 26 — № 27	—	≈150	
	Бойница № 27	11	≈130	
	№ 27 — № 28	—	≈180	
	Бойница № 28	10	≈110	
	№ 28 — № 29	—	≈100	
	Бойница № 29	10	≈200	
	№ 29 — башня		≈50

Продолжение табл. 72

Участок обходной галереи	Бойница, №; простенок между бойницами № – №	Кол-во рядов кладки кирпичей	Общее кол-во кирпичей	Итого
Архангельская башня – Белая башня	До бойницы № 30	5	≈180	≈17 600
	Бойница № 30	7	≈100	
	№ 30 – № 31	6, 7	≈810	
	Бойница № 31	10	≈255	
	№ 31 – № 32	6	≈700	
	Бойница № 32	10	≈100	
	№ 32 – № 33	6	≈400	
	Бойница № 33	10	≈220	
	№ 33 – № 34	5, 6	≈600	
	Бойница № 34	10	≈190	
	№ 34 – № 35	5, 7	≈800	
	Бойница № 35	8	≈185	
	№ 35 – № 36	8	≈1120	
	Бойница № 36	9	≈209	
	№ 36 – № 37	10	≈1000	
	Бойница № 37	10	≈235	
	№ 37 – № 38	10	≈1270	
	Бойница № 38	10	≈235	
	№ 38 – № 39	10	≈1080	
	Бойница № 39	10	≈235	
	№ 39 – № 40	10	≈1080	
	Бойница № 40	10	≈200	
	№ 40 – № 41	8, 10	≈1090	
	Бойница № 41	10	≈190	
	№ 41 – № 42	8, 9	≈1150	
	Бойница № 42	10	≈235	
	№ 42 – № 43	8, 9	≈1080	
	Бойница № 43	9	≈210	
	№ 43 – № 44	8, 9	≈900	
	Бойница № 44	10	≈235	
	№ 44 – угол поворота	10	≈1000	
	Угол поворота – башня	17	≈1275	
Сушило – Стратилатовская башня	До бойницы № 45	12	≈1296	≈22 972
	Бойница № 45	10	≈613	
	№ 45 – № 46	12	≈1728	
	Бойница № 46	10	≈613	
	№ 46 – № 47	12	≈1728	
	Бойница № 47	10	≈613	
	№ 47 – № 48	13	≈1872	
	Бойница № 48	10	≈679	
	№ 48 – № 49	12	≈2100	
	Бойница № 49	10	≈679	
	№ 49 – № 50	13	≈1872	
	Бойница № 50	10	≈679	
	№ 50 – № 51	13	≈1872	
	Бойница № 51	10	≈679	
	№ 51 – № 52	13	≈1872	
	Бойница № 52	10	≈679	
	№ 52 – № 53	13	≈1625

Продолжение табл. 72

295

Участок обходной галереи	Бойница, №; простенок между бойницами № — №	Кол-во рядов кладки кирпичей	Общее кол-во кирпичей	Итого
Сушило — Стратилатовская башня	Бойница № 53	10	≈613	
	№ 53 — № 54	15	≈325	
	Бойница № 54	10	≈250	
	№ 54 — № 55	3	≈105	
	Бойница № 55	11	≈220	
	№ 55 — № 56	5	≈120	
	Бойница № 56	11	≈90	
	Бойница № 56 — башня	7	≈50	
Стратилатовская башня — Святые ворота	Башня — бойница № 57	—	≈20	≈4552
	Бойница № 57	11	≈300	
	№ 57 — № 58	—	≈150	
	Бойница № 58	11	≈300	
	№ 58 — № 59	—	≈140	
	Бойница № 59	10	≈270	
	№ 59 — № 60	—	≈160	
	Бойница № 60	11	≈300	
	№ 60 — № 61	—	≈150	
	Бойница № 61	12	≈352	
	№ 61 — № 62	—	≈150	
	Бойница № 62	12	≈384	
	№ 62 — № 63	—	≈150	
	Бойница № 63	12	≈408	
	№ 63 — № 64	—	≈200	
	Бойница № 64	14	≈520	
	№ 64 — № 65	—	≈70	
	Бойница № 65	14	≈418	
	№ 65 — 65а	—	≈80	
Святые ворота	Бойница № 65а	13	≈240	≈700
	№ 65а — № 66б	—	≈80	
	Бойница № 66б	13	≈240	
	№ 66б — № 66	—	≈140	
Святые ворота — Успенская башня	Бойница № 66	13	≈240	≈2830
	№ 66 — № 67	4	≈200	
	Бойница № 67	13	≈240	
	№ 67 — № 68	2	≈120	
	Бойница № 68	12	≈235	
	№ 68 — № 69	1	≈50	
	Бойница № 69	11	≈240	
	№ 69 — № 70	—	≈10	
	Бойница № 70	11	≈215	
	№ 70 — № 71	1,5	≈10	
	Бойница № 71	12	230	
	№ 71 — № 72	1	≈50	
	Бойница № 72	13	≈240	
	№ 72 — № 73	1	≈60	
	Бойница № 73	14	≈230	
	№ 73 — № 74	2	≈120	
	Бойница № 74	9	≈140

Продолжение табл. 72

Участок обходной галереи	Бойница, №; простенок между бойницами № – №	Кол-во рядов кладки кирпичей	Общее кол-во кирпичей	Итого
Успенская башня – Корожная башня	Башня – бойница № 75	5, 8	≈130	≈44420
	Бойница № 75	12	≈270	
	№ 75 – № 76	10	≈920	
	Бойница №76	16	≈370	
	№ 76 – № 77	9	≈1110	
	Бойница №77	13	≈270	
	№ 77 – № 78	9	≈1110	
	Бойница №78	15	≈315	
	№ 78 – № 79	8,5	≈990	
	Бойница №79	15	≈315	
	№ 79 – № 80	9	≈1050	
	Бойница №80	14	≈475	
	№ 80 – № 81	9	≈850	
	Бойница №81	15	≈490	
	№ 81 – № 82	9	≈1090	
	Бойница №82	13	≈370	
	№ 82 – № 83	6	≈730	
	Бойница №83	13	≈435	
	№ 83 – № 84	7	≈850	
	Бойница №84	12	≈360	
	№ 84 – № 85	5; 20	≈2470	
	Бойница №85	18	≈500	
	№ 85 – № 86	20	≈2700	
	Бойница №86	19	≈350	
	№ 86 – № 87	20	≈1170	
	Бойница №87	19	≈585	
	№ 87 – № 88	20	≈900	
	Бойница №88	20	≈350	
	№ 88 – № 89	20	≈1170	
	Бойница №89	20	≈490	
	№ 89 – № 90	20	≈1260	
	Бойница № 90	21	≈360	
	№ 90 – № 91	21	≈2790	
	Бойница № 91	21	≈775	
	№ 91 – № 92	21	≈2700	
	Бойница № 92	21	≈260	
	№ 92 – № 93	21	≈1530	
	Бойница № 93	22	≈710	
	№ 93 – № 94	22	≈2870	
	Бойница № 94	22	≈810	
	№ 94 – № 95	22	≈2270	
	Бойница № 95	22	≈300	
	№ 95 – № 96	22	≈1585	
	Бойница № 96	22	≈830	
	№ 96 – № 97	22	≈1585	
	Бойница № 97	23	≈200	
	Бойница № 97 – башня	23	≈400	
Корожная башня – Никольская башня	Башня – бойница № 99	1	≈170	
	Бойница № 98	11	≈270

Окончание табл. 72

297

Участок обходной галереи	Бойница, №; простенок между бойницами № — №	Кол-во рядов кладки кирпичей	Общее кол-во кирпичей	Итого
Корожная башня — Никольская башня	№ 98 — № 99	1	≈135	≈4805
	Бойница № 99	11	≈270	
	№ 99 — № 100	1	≈135	
	Бойница № 100	12	≈290	
	№ 100 — № 101	—	≈170	
	Бойница № 101	12	≈280	
	№ 101 — № 102	—	≈135	
	Бойница № 102	12	≈280	
	№ 102 — № 103	—	≈135	
	Бойница № 103	12	≈280	
	№ 103 — № 104	—	≈135	
	Бойница № 104	12	≈290	
	№ 104 — № 105	—	≈135	
	Бойница № 105	12	≈280	
	№ 105 — № 106	—	≈135	
	Бойница № 106	12	≈280	
	№ 106 — № 107	—	≈135	
	Бойница № 107	12	≈280	
	№ 107 — № 108	—	≈135	
	Бойница № 108	12	≈280	
	Бойница № 108 — башня	1	≈170	
Никольская башня — Квасоварня	Башня — бойница № 109	15	≈660	≈10280
	Бойница № 109	15	≈590	
	№ 109 — № 110	18	≈1800	
	Бойница № 110	19	≈650	
	№ 110 — № 111	18	≈1940	
	Бойница № 111	18	≈630	
	№ 111 — № 112	18	≈2120	
	Бойница № 112	17	≈600	
	№ 112 — Пристенки	18	≈1290	
Всего				≈126519

3.7.9. Подсчет количества кирпичей ворот

Подсчет кирпичей во всех пяти воротах крепости 1582–1595 гг. осуществлялся на основании увеличенных фотографий объектов. На месте это выполнить было невозможно из-за сложной многорядной кладки сводов и наличия в отдельных местах побелки. Результаты сведены в табл. 73.

В Архангельских, Святозерских, Святых, Сушиленных воротах кирпичи для каждой из четырех треугольных стен сомкнутых сводов подсчитывались отдельно по горизонтальным рядам снизу вверх. Данную процедуру упрощала система кладки — чередование горизонтальных

рядов тычков и ложков. Тычок воспринимался как один кирпич, а ложок — как два кирпича, уложенных друг к другу. По количеству кирпичных рядов самый высокий сомкнутый свод оказался у Святозерских ворот, а самый низкий — у Сушиленных.

В четырех стенах свода Святых ворот в 28 рядах мы насчитали примерно 1900 кирпичей: 470 шт. в южной стене, 466 шт. в западной стене, 490 шт. в восточной стене, 475 шт. в северной стене.

Четыре стены свода Святозерских ворот включали около 2556 кирпичей: 555 шт. в 32 рядах южной стены, 618 шт. в 36 рядах западной стены, 663 шт. в 39 рядах восточной стены, 720 шт. в 35 рядах северной стены.

Таблица 73

Подсчет количества кирпичей внутри ворот. 1582–1595 гг.

№ п/п	Ворота	Количество кирпичей, шт.								Итого
		стены свода				арки со стенами			фасад + за- кладки при арках	
		север- ная	юж- ная	запад- ная	восточ- ная	запад- ная	восточ- ная	юж- ная		
1	Архан- гельские	331	393	406	500	338	360	–	20	≈2348
2	Свято- зерские	720	555	618	663	441	450	–	625+130+116	≈4318
3	Святые	475	470	466	490	1026	878	–	662+70+230	≈4767
4	Суши- ленные	169	205	≈200	242	–	300	198	66+115	≈1505
5	Рыбные	1012				277	333	–	57	≈1679
Всего										≈14617

Четыре стены свода Архангельских ворот состояли примерно из 1630 кирпичей: 331 шт. в составе 24 рядов северной стены, 393 шт. в 26 рядах южной стены, 406 шт. в 25 рядах западной стены и 500 шт. в 32 рядах восточной стены.

В четырех стенах свода Сушильных ворот оказалось около 816 кирпичей: 205 шт. в 19 рядах южной стены, 200 шт. в 17 рядах западной стены, 242 шт. в 16 рядах восточной стены, 169 шт. в 16 рядах северной стены.

Цилиндрический свод Рыбных ворот имеет аналогичную систему кладки – чередование горизонтальных рядов из одних тычков и одних ложков. Сначала по тычкам было определено количество кирпичей в одном ряду (22 шт.), а затем оно было умножено на число рядов (46 шт.). Итог – 1012 кирпичей.

Традиционным методом, как в печах, подсчитывались кирпичи в обеих арках ворот. К полученным цифрам приплюсовывались кирпичи на фасаде стен по бокам арки и над ней. Обе арки главных Святых ворот вполне закономерно оказались наиболее массивными. На входную западную арку, поверх которой лежит огромный валун, ушло 1026 кирпичей (3×57×6), на две

восточные арки с прорезью для подъемной решетки-герсы было задействовано в общей сложности 878 кирпичей (3×45×3,5 = 473; 3×45×3 = 405). Арки прочих ворот были менее масштабны. В них насчитывается 441 и 450 кирпичей (Святозерские ворота), 338 и 360 кирпичей (Архангельские ворота), 277 и 333 кирпичей (Рыбные ворота), 300 и 198 кирпичей (Сушильные ворота).

Подводя итоги, отметим, что больше всего кирпичей пошло на Святые ворота (4767 шт.), немногим меньше на Святозерские (4318 шт.), у которых со стороны монастырского двора фасад был целиком кирпичный. На остальные ворота было затрачено кирпича в два или в три раза меньше: 2348 шт. (Архангельские ворота), 1679 шт. (Рыбные ворота) и 1505 шт. (Сушильные ворота). **Всего на строительство пяти ворот крепости ушло примерно 14,6 тыс. кирпичей.**

Приведем общий итог подсчета кирпичей (шт.):

башни 215 849;

ворота 14 617;

прясла 301 927.

Итак, на постройку Соловецкой крепости в 1582–1595 гг. было затрачено примерно 532 тыс. кирпичей (≈ 532 393 шт.).

3.8. Авторство крепости Ивана Михайлова (1582–1583 гг.) и Трифона Кологривова (1584–1595 гг.)

Детальная характеристика Соловецкой крепости как инженерно-фортификационного сооружения приблизила нас

вплотную к решению проблемы авторства зодчих Ивана Михайлова, работавшего в 1582–1583 гг., и Трифона Кологривова,

продолжившего строительство крепости в 1584–1595 гг. А начнем с того, что в крепости имеется прясло, которое по своим конструктивным особенностям резко отличается от всех прочих участков стены. Оно расположено со стороны моря между Успенской и Корожной башнями на перепаде высот в 7 м, имеет излом при подъеме рельефа к северу, к Корожной башне (ил. 641–710).

В 1983 г. данное прясло было обмерено, и его особенности были детально изучены архитекторами-реставраторами (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А., Полевая О.Р. рук., 1983). Ими же был подготовлен эскизный проект его реставрации (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а).

Исследователи обратили внимание на своеобразие стены — изначальную консольную конструкцию боевого хода, наличие на одном участке кирпичной арочной прикладки и опору кровли на деревянные стойки, а не на кирпичные столбы на всем протяжении стены: «Проведенные исследования позволили уточнить консольную систему боевого хода. Были обнаружены гнезда под деревянные балки на всем протяжении прясла от Успенской до Корожной башни. Вероятно, первоначально конструкция с опорой кровли на деревянные стойки, стоящие на балках, заделанные в гнезде в стене, была задумана по всему пряслу. Но так как на северном участке боевой ход достаточно широкий, консольный участок существовал только от Успенской башни до Рыбных ворот, выравнивая его по ширине с боевым ходом прясла от Рыбных ворот до Корожной башни. На различных этапах западное прясло подвергалось некоторым реконструкциям. Так, часть деревянных столбов на участке от Корожной башни до Наместнического корпуса была заменена на кирпичные; следов кирпичного парапета обнаружено не было. Позднее в промежутках между кирпичными столбами была устроена кирпичная стена на всю высоту боевого хода, не имеющая перевязки со столбами. В этой части были устроены два проема, один из которых у Наместнического корпуса вел на переходную галерею корпуса, второй — на переходную галерею к Иконописной палате <...> На участке от Рыбных ворот до Казначейского корпуса вместо консольного участка боевой ход

был расширен за счет устройства в валунной стене кирпичной арочной прикладки» (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 10).

Привлечение чертежей 1790 г. инженера-подпоручика Васильева позволило реставраторам представить конструкцию консольного боевого хода. «На них видно, что консольные балки, заделанные в гнезда в боевом ходу, поддерживались подкосами, упирающимися в валунную кладку. На эти балки был положен бревенчатый накат и на них же были поставлены деревянные стойки, несущие мауэрлат, на который опирается конструкция кровли. Рисунок первоначальных стропильных конструкций также можно представить по чертежам поручика Васильева <...>. На чертежах Васильева видно, что боевой ход был огражден поручнем и балясинами. Ограждение с балясинами существовало и в конце XIX — начале XX века. Это видно по архивной фотографии. Балясины XIX века были из тонких нешироких досок. Аналогов таких балясин в памятниках Соловецкого монастыря обнаружено не было». Было также обращено внимание на выступающий из северной стены Успенской башни валун, предназначенный для опоры бревенчатого наката (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 11–12). Данная конструкция была восстановлена.

Изучение стены позволило архитекторам прийти к выводу, что она возводилась в течение двух лет, о чем свидетельствуют прослеженные в кладке швы: «Есть основание считать, что западное прясло на участке от Успенской до Корожной башни строилось в два этапа — вероятно, в два летних строительных сезона. Об этом говорят следующие раскрытия, сделанные при обследовании памятника. В стене между бойницами № 1 и № 2 второго яруса у Успенской башни (условная нумерация бойниц второго яруса идет от Успенской башни к Корожной) и на участке между Казначейским корпусом и Рыбными воротами, между бойницами № 10 и № 11 второго яруса в валунной кладке стены прослеживаются швы. Шов у Успенской башни хорошо прослеживается из-за сужения примерно на 0,5 м ширины боевого хода участка, прилегающего к башне. Шов в центре прясла прослеживается по внешнему и внутреннему фасаду. В этом месте валунная кладка

в массиве стены имеет перепад по высоте. Швы имеют значительные уклоны, позволяющие установить очередность строительства. Первым был возведен участок прясла от Корожной башни до шва между Казначейским корпусом и Рыбными воротами. При этом был оставлен наклонный край для продолжения строительства. Затем к этому участку был пристроен следующий до шва у Успенской башни. Небольшой — 5 м участок от шва до башни был сооружен одновременно с Успенской башней».

Указанные два участка имели явные различия, которые были перечислены: «1. В северной части стена ограждения боевого хода (с внешней стороны, с запада. — В.Б.) целиком кирпичная. В южной — выполнена в основном из валуна с использованием большемерного кирпича для выкладки бойниц и выравнивания верха стены под кровлю. 2. В северной части ниши бойниц устроены почти на всю высоту стены, отстоя от уровня боевого хода на высоту двух-трех рядов кладки. Основания бойниц заглублены в эти ниши. В южной части основание внутренних ниш бойниц совпадает с основанием самих амбразур. 3. Различия наблюдаются и в мелких деталях кладки самих бойниц. Так, при общности форм уступчатого завершения бойниц в виде городка и наличия на наружных боковых гранях амбразур откосов в $\frac{1}{4}$ часть кирпича амбразуры бойниц северного участка имеют еще и откосы оснований, а у бойниц южного участка основания бойниц плоские. 4. Северный и южный участки различаются и по толщине стены. Боевой ход северного участка на отрезке от Корожной башни до Рыбных ворот около 3 м в ширину. Затем стена сужается и имеет ширину одинаковую с южным участком — около 2 м. 5. Северный участок выделяется от всех остальных участков крепостных прясел количеством бойниц навесного боя — 6. Это объясняется его местом в системе оборонительных сооружений крепости. Две навесные бойницы расположены у Корожной башни, три — над Рыбными воротами» (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 8–9).

Причину своеобразия прясла к северу от Успенской башни архитектор-реставратор В.В. Сошин увидел в позднем появлении данного участка крепости: «В нашем случае применена консольно-

выносная система боевого хода, аналогичная с крепостными сооружениями Пристенка — 1621 год. Исходя из этого, по аналогии можно предположить, что западное прясло между Успенской и Корожной башнями было сооружено в конце XVI — начале XVII в., несколько позднее основных крепостных сооружений, построенных в 1582–1596 гг. при участии зодчего Трифона» (Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А. рук., 1984а, с. 8).

Спустя некоторое время исследователь скорректировал эту точку зрения. Соловецкая крепость строилась отдельными «захватами», не по периметру, а одновременно с севера и юга. Сами участки определяются им по строительным швам. В изложении О.Д. Савицкой концепция В.В. Сошина звучит так: «К первому периоду отнесены северная часть крепости от Поварен до второй бойницы к югу от Рыбных ворот и южный угол от Прядильной башни, примерно до середины юго-восточного прясла. Затем была выстроена Прядильная башня с участком западной стены до Святых ворот и завершено юго-восточное прясло с возведением Архангельской башни, включая одноименные ворота и одну бойницу. На третьем этапе выстроены западная стена от Святых ворот (включая их) до Успенской башни и сама башня, а с востока — прясло от Архангельской башни до Святозерских ворот. И, наконец, предположительно где-то уже в начале XVII в. крепостная стена была замкнута заполнением прорыва между Успенской башней и Рыбными воротами» (Савицкая, 2005, с. 17–18).

Однако гипотеза о позднем происхождении прясла к северу от Успенской башни вызывает недоумение. Неужели ответственный участок защиты монастыря со стороны моря оставался неприкрытым целое десятилетие? Не учитывает данная концепция и исторической тенденции развития древнерусской фортификации. Как было установлено В.В. Косточкиным, с появлением артиллерии на Руси в конце XIV в. военные зодчие стремились к утолщению стен ради их непробиваемости ядрами (Косточкин В.В., 1964). Здесь же всё наоборот: на последнем этапе строительства стену делают тоньше.

Кроме того, концепция В.В. Сошина основана всего лишь на единичной ассоциа-

ции с консольной конструкцией Пристенка 1621 г. Высказана она без проведения комплексного историко-архитектурного анализа, а главное, полностью игнорируются показания письменных источников, которые сообщают о завершении крепости в 1594 г., когда на Соловки прибыла «комиссия» с воеводой для ее принятия. В Соловецком летописце первой половины XVII в. говорится: «В лето 7102-го (1594) году присланы были в Соловки Иоаннь Яхонтовъ с начальными людьми, да с ними же и посоха с волостей, того жъ году и город каменной довершенъ» (СЛ-1 XVII в., л. 32). Аналогичное известие имеется и в летописцах конца XVIII в. (СЛ-1 XVIII в., л. 13 об.; СЛ-2 XVIII в., л. 13 об.) и 1814 г. Последний под 7102 годом сообщает: «Присланы были в Соловецкой монастырь Иван Яхонтов и начальные особы с прочими для обозрения строящейся крепости и собрания с оной в помощь из монастырских волостей людей. И в тот же год сия внимания достойная крепость строением завершена» (СЛ 1814 г., л. 11 об.; Досифей, 1836, ч. 1, с. 85). Правда, необходимо уточнить, что позже была пристроена Белая башня (Савицкая, 2005, с. 19)¹.

Мы полагаем, что стену между Успенской и Кoroжной башнями возводили не на самом последнем этапе, а наоборот — на первом. В таком случае ее должен был строить Иван Михайлов. В пользу этого говорят три обстоятельства.

Во-первых, из соотношения количества лет деятельности на Соловках двух мастеров (2:12) следует, что участок крепости Ивана Михайлова должен составлять примерно седьмую часть (14,3%) общей длины фортификации. При общей длине крепости 1081 м это чисто арифметически и весьма примерно 154 м.

Во-вторых, данный участок должен включать не только стену, но и башню. Запись в приходно-расходной книге, датируемая нами из последовательности изложения материала примерно декабрем 1583 — январем 1584 г., говорит о несчастном случае на строительстве крепости: «Михайло Горбатой, а в иноцех Меркурей, что з башни бревном убило, дал вкладу 2 ру-

бля 7 алтын 4 деньги» (ПРК 1583–1585 гг., л. 30 об.).

В-третьих, участок первого мастера даже теоретически должен отличаться от других участков, поскольку каждому зодчему свойственна своя манера, свой стиль и архитектурная концепция.

Кусок крепости между Успенской и Кoroжной башнями отвечает указанным выше требованиям. Его длина по нашим промерам составляет 122,91 м. Если прибавить к нему Кoroжную башню (Успенская башня, как заметил выше В.В. Сошин, строилась позже прясла с консолями), то в сумме это и составит $\frac{1}{7}$ периметра крепости. Именно в своеобразии данного прясла и проявился почерк первого мастера — Ивана Михайлова.

В таком случае возведение крепости в 1582 г. Иван Михайлов начал с Кoroжной башни и прясла с Рыбными воротами, что объяснимо с точки зрения стратегии обороны. Важно было занять господствующую высоту над местностью, включая бухту, и тем самым защитить деревянный острог 1578–1579 гг. от приступа с севера и огня вражеской корабельной артиллерии с моря. В 1583 г. Михайлов удлинил прясло южнее Рыбных ворот.

Наличие трех вариантов крепостной стены можно объяснить тем, что зодчий, впервые соприкоснувшийся с необычным материалом — валуном, экспериментирует. Он предлагает три концепции прясла. Первый вариант от Кoroжной башни до Рыбных ворот — с мощной толстой валунной стеной, редкими печурами — бойницами подошвенного боя в основании этой стены, внешний кирпичный парапет боевого хода с двумя рядами верхних бойниц, включая навесные, и несколько необычные бойницы с углубленными нишами, тыльный деревянный парапет с бревенчатыми стойками — опорами кровли.

Второй вариант от Рыбных ворот к югу — в стиле многочисленных кирпичных крепостей конца XV — первой половины XVI в. с приложенными кирпичными арками (Великий Новгород, Москва, Смоленск, Коломна, Нижний Новгород и проч.) (ил. 1208). Знаменательно, что

¹ Время пристройки Белой башни к пряслу мы относим к 1595 г. на основании записи в приходо-расходной книге лета 7104 от 3 сентября о найме наймитов к городовому делу. В ранней статье (Буров В.А., Скопин В.В., 1985) мною была неверно пересчитана дата — 1596 г.

в двух арках отсутствуют бойницы нижнего боя. Внешний парапет боевого хода валунно-кирпичный, а тыльный парапет деревянный с бревенчатыми стойками-опорами кровли.

Третий вариант в примыкании к месту, где потом поставят Успенскую башню — более тонкая валунная стена с валунно-кирпичным внешним парапетом боевого хода, бревенчатой консольно-выносной системой и редкими нижними печурами. Такая консольная конструкция была свойственна многим ранним крепостям. В качестве примера можно привести белокаменную крепость Пскова. В крепостном строительстве в конце XVI в. консольная конструкция была архаична, но зато она позволяла расширить боевой ход за счет уменьшения толщины стены. Но зачем уменьшалась толщина стены в нашем случае? Можно предположить, что это было вызвано необходимостью сооружения аппарели для подъема орудий на будущую квадратную Успенскую башню, которую еще предстояло возвести. Если это так, то проект Успенской башни должен также принадлежать Ивану Михайлову, а ее строительство выпало уже на долю Трифона Кологривова.

Таким образом, Иваном Михайловым были предложены и воплощены на практике основы конструкции валунной крепостной стены в трех вариантах с разной конструкцией внешнего и внутреннего парапетов боевого хода и однотипной конструкцией печур нижнего боя. На выбор давались два вида башни с балочной конструкцией перекрытий (квадратная и круглая), с системой пушечных печур и бойниц верхнего боя. Наконец, был дан образец городских ворот — большая внутрисканная камера (или палатка) с сомкнутым сводом, запираемая с двух сторон полотнищами ворот, подоткнутыми изнутри бревенчатым засовом, убираемым в толщу стены. Свод завершался люком на случай прорыва неприятеля внутрь ворот.

Имея представление о крепости, мы можем утверждать, что Иван Михайлов предопределил валунный характер материала крепости, разработал систе-

му подъема наверх валунов и их укладку в ряды, пришел к идее необходимости наклона прясел и башен для их большей устойчивости. При этом зодчий учел и характер местных грунтов — песка с галькой и очень плотной серой супеси, отказавшись от фундамента как такового. Нижние валуны крепости укладывались непосредственно на «пошву». Мастер разработал конструкцию валунной стены, взяв за ее основу традиционную конструкцию кирпичных крепостей: снаружи с двух сторон панцирь (только на Соловках не кирпичная обшивка, а валунная), а внутри — забутовка из мелких и средних камней на известковом растворе.

Без сомнения, и план всей крепости принадлежал Ивану Михайлову: по правилам фортификации, о чем говорилось выше, к строительству крепости приступали только после создания общего плана. При этом для разметки на местности была взята великая сажень (2,44 м). Именно данному профессиональному фортификатору могла принадлежать концепция включения в состав каменной крепости северной возвышенности и территории к югу от деревянного острога до другого ручья, протекавшего у подножия лесного холма, на котором позже возникнет монастырское кладбище.

Теперь, обратившись к остальной части крепости, нетрудно понять и зримо представить, что нового внес в Соловецкую фортификацию продолжатель дела Ивана Михайлова Трифон Кологривов. Принимая во внимание всё возрастающую мощь артиллерии, монах-зодчий сделал упор на увеличение толщины стен — вместо 5,25 м у Рыбных ворот и 4,80 м близ Успенской башни до 7,00 м между Стратилатовской башней и Святыми воротами, 8,00 м между Святыми воротами и Успенской башней, 8,15 м к югу от Водяных (Святозерских ворот), 5,75 м к югу от Никольской башни.

Он также отказался от консольно-выносной конструкции боевого хода², деревянных стоек и оград парапетов и стал делать их основательно — из кирпича с кирпичными столбами.

² Что касается консольной конструкции, примененной в Пристенке 1621 г., то для XVII столетия она являлась архаикой. Но в тылу обороны монастыря при дополнительном прикрытии поваренной и кварцеванной служб с тонкими стенами она вполне себя оправдывала.

Вместо редкого размещения печур, когда между центрами их бойниц расстояние составляло 17,66–18,60 м (7–7,5 великих саженей), Трифон сократил этот параметр в среднем вдвое, от 3,2 до 4,4 саж., единично до 4,6 саж.:

7,94–10,16 м, или 3,2–4,1 саж. (прясло между башнями Кoroжная и Никольская);

8,00–8,86 м, или 3,2–3,6 саж. (прясло между Никольской башней и Квасоварней);

6,80–10,80 м, или 2,8–4,4 саж. (прясло от Водяных ворот до Архангельской башни), наличие же здесь увеличенного разрыва между печурами до 12,29 м и 2,36 м объяснимо созданием в толще стены Головленковой тюрьмы;

8,08–11,35 м, или 3,2–4,6 саж. (прясло от Архангельских ворот до Белой башни), разрыв между печурами № 51 и 52 в 15,71 м произошел из-за мельничного канала, протекающего под стеной крепости;

8,98–10,74 м, или 3,7–4,4 саж. (прясло между Сушилом и Стратилатовской башней);

9,50–10,58 м, или 3,9–4,3 саж. (прясло между Стратилатовской и Успенской башнями).

Печуры стали ставить плотно друг к другу, тем самым Соловецкой крепости была придана большая огневая мощь. Она теперь стала рассчитывать на большее число огнестрельного оружия.

В то же время монах Трифон воспринял практически полностью всю инженерно-конструктивную часть проекта крепости, предложенную Иваном Михайловым. Это — рядность валунной кладки прясел и башен, наклон стен, конструкция печур и бойниц верхнего боя, планировка,

структура круглых башен, балочная конструкция их перекрытий, устройство деревянного шатра, устройство городских ворот. Он также продолжил ставить крепость без специального фундамента, укладывая нижний ряд валунов на почву, без особого заглубления в нее.

Зодчий-фортификатор Кологривов пошел по принципу создания симметрично расположенных «башен-близнецов», в чем была определенная эстетика, но одновременно это упрощало строительство крепости. Так, Никольская башня лишь с небольшой вариацией повторила Кoroжную, возведенную по проекту Ивана Михайлова. Это был важный опыт для Трифона. Архангельская и Стратилатовская (Прядильная) башни, почти аналогичные по системе входов и конструкции ярусов, возводились уже самим Трифоном. Весьма оригинально, с входом через торец прясла, были устроены Сушиленные ворота. Однако на южном узле укреплений зодчий всё же допустил ошибку, отказавшись от угловой башни на изломе прясел, сделав упор на Сушило. В 1595 г. ее пришлось исправлять и пристраивать Белую башню, прорубив в толще стены два коридора для входа на 2-й ярус Белой башни и выхода на обходную галерею. Заодно была поставлена каменная лестница для 2-го яруса башни, а для соединения восточного и юго-западного прясел изобрели конструкцию деревянного помоста на трех кирпичных столбах.

Иван Михайлов и Трифон Кологривов — два выдающихся мастера, каждый со своим почерком, оставили яркий след в истории отечественной фортификации.

3.9. СТРАТЕГИЯ ОБОРОНЫ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ И ЕГО ОСАДЫ В XVI–XVIII ВВ.

Выше мы в деталях рассмотрели Соловецкую крепость как фортификационное сооружение. Это позволяет увидеть во всей полноте замысел стратегии защиты монастыря. Его суть — пассивная оборона с расчетом на долговременную осаду. Отсюда проистекали и требования к фортификации — предельная надежность и мак-

симальная защищенность от разрушения всех ее элементов, высокая вооруженность отдельных участков крепости.

Сложенные не из кирпича (обожженной глины), а из природного твердого гранитного валуна, толстые стены Соловецкой крепости исключали саму возможность применить по отношению к ним

традиционную тактику штурма — пробить пушечными ядрами проломы для вторжения внутрь. Исключительно повезло с геологическим строением Соловецкого острова. Крепость была поставлена на твердой, насыщенной валунами супеси, которая копается с превеликим трудом. Вследствие этого исключались или, по крайней мере, чрезвычайно затруднялись подкопы для закладки под стены и башни пороха с целью их подрыва.

Крепость была чрезвычайно удачно размещена на местности с максимальным использованием рельефа. Взять ее прямым штурмом оказалось практически невозможно. Узкие полоски суши, оставшиеся со стороны морской бухты и Святого озера, делали бесперспективным подход к стенам с запада и востока. Особенно это касалось восточной стороны. Не случайно прясло со стороны Святого озера имеет наибольшую протяженность между башнями. Реальный доступ здесь был возможен только в зимнее время по льду. Но совершенно очевидно, что такой вариант осады строители исключали. С одной стороны, они не мыслили, чтобы враг мог остаться на Соловках на зимовку, будучи до весны отрезанным от материка непроезжимым незамерзающим морем. А с другой — открытая снежная равнина на месте озера превращала наступающих в хорошие мишени. Кроме того, в первой четверти XVII в. здесь появился Пристенок с двумя башнями, прикрывший беззащитные поваренную и квасоваренную службы. Западную сторону крепости могла обстрелять корабельная артиллерия. Но и здесь строго напротив морской бухты была поставлена Успенская башня, из которой по кораблям противника можно было бить из пушек прямой наводкой.

Указанные обстоятельства позволили сосредоточить основную оборону на двух направлениях — северном и южном. На севере две высокие башни — Корожная и Никольская — наряду с пряслом заняли возвышенность. Приблизиться к крепости под сплошным огнем, ведущимся с господствующей высоты, было крайне затруднительно. К тому же серьезным препятствием у самых стен служил сухой ров глубиной 2,5–3,8 м, обложенный валунами. По распоряжению Алексея Михайловича во рву надо было набить чеснок. Чеснок состоял

из железных спиц, расположенных часто на близком расстоянии между собой и укрепленных, вероятно, одним концом в доску (Ласковский Ф. Ф., 18586, с. 108).

Южная сторона крепости находилась в менее выгодной экспозиции, ниже противостоящего ей холма (в начале XVII в. отведенного под кладбище). Однако этот фланг был серьезно усилен мощной Белой и Сушиленной башнями и рвом, обложенным валунами. Во время «Соловецкого сидения» на верху Сушила был дополнительно надстроен деревянный раскат для стрельбы из пушек, что усилило артиллерийскую мощь на южном участке. Раскат — это часть открытого укрепления ограды, которая предназначалась для помещения орудий, где орудия раскатывались во время действий (Ласковский Ф. Ф., 1858а, с. 74).

Крепость строилась с учетом как военных, так и бытовых нужд монастыря, и потому она имела многочисленные ворота. Но при этом все ворота были надежно защищены. Пять ворот в пряслах (Святые, Рыбные, Архангельские, Святозерские, Сушиленные) были монастырские. В толще стен размещались сводчатые помещения, прикрываемые с двух сторон толстыми деревянными створами, снаружи обитыми железными полицами. Наружные ворота запирались изнутри толстыми бревенчатыми засовами, которые выдвигались из специальных каналов, находившихся в толще стен. Специально выполненные в кирпичной кладке полочки (лобик) предохраняли снятие с петель полотнищ ворот в затворенном состоянии. Святые ворота дополнительно прикрывала железная решетка (герса), опускавшаяся с помощью вóрота. Вверху свода всех проходов ворот имелось по отверстию для поражения противника, если тот всё же преодолеет первые створы.

Ворота находились в трех башнях: Корожной, Никольской, Белой. Проход в них был сделан под углом — «коленом». Они также закрывались деревянными створами, скорее всего, обитыми полицами, и подпирались изнутри бревенчатыми засовами. Главные проездные ворота Никольской башни имели стрельницу и опускающую решетку. В военном отношении ворота в башнях предназначались для вылазок. Их входы прикрывали от обстре-

ла валунные откосы, которые в литературе неверно именуют «захабами».

О высоком потенциале вооруженности Соловецкой крепости (способности принять максимальное количество оружия) свидетельствует наличие многочисленных бойниц. На момент окончания строительства в 1595 г. в башнях имелось 85 пушечных бойниц и 63 верхних бойницы — для ручного оружия. В пряслах было 64 печуры подошвенного боя для стрельбы из ручниц и 112 бойниц верхнего боя для стрельбы из ручниц и луков. Итого 85 пушечных и 239 ружейно-лучковых. С появлением Пристенка добавилось 13 пушечных бойниц и 12 для ручного оружия, а после введения в строй Сушиленной башни — еще 5 пушечных и 15 ручного боя. В начале XVII столетия Соловецкая крепость могла разместить максимально в башнях 103 пушки, а по стенам и башням 266 ручниц и луков. Значительное количество бойниц, их частое, а в башнях еще и веерное размещение исключали во время обороны наличие мертвых зон на подступах к крепости.

Безуспешная длительная осада монастыря царским войском во время «Соловецкого сидения» (1667–1676 гг.) показала, что крепость является совершенной фортификацией. Она пала только в результате предательства монаха Феоктиста.

Из описи вооружения, составленной сразу после взятия крепости, следовало, что практически все пушки стояли только на башнях и, как исключение, рядом с башнями — на самых ответственных участках. Их мощи оказалось вполне достаточно для отражения атак наступающих. Орудия, расположенные в нижнем, среднем и верхнем ярусах, могли успешно поражать дробом наступающих, обстреливать ближние и дальние подступы к крепости, разрушать инженерные сооружения неприятеля. Стрельба из ручного оружия, которая велась с обходной галереи и подошвенных печур крепостной стены, существенно повышала эффективность обороны. Обороняющиеся понесли минимальные потери. Выдержав многолетнюю осаду, Соловецкая крепость продемонстрировала свою неприступность. Это была типичная стратегия обороны, показавшая свою эффективность и в других крепостях, например в Троице-Сергиеве монастыре (Токарева Т. Ю., 2015, с. 1–63).

В XVIII столетии стратегия обороны изменилась. Пассивная круговая оборона крепости должна была сочетаться с активной. Теперь ставилась цель отразить неприятеля на дальних подступах. Поэтому инженер-подпоручик Я. В. Васильев осуществил строительство батарей неподалеку от монастыря. Он полагал, что неприятель мог высадить десант у мыса Перечь Наволок или же со стороны Реболды, на берегу губы Глубокой. И действительно, в XVII в. рать воеводы Мещеринова высадилась именно в Глубокой губе, в память о чем был поставлен деревянный крест, сгнившие остатки которого в 1920-е гг. видел Д. С. Лихачев (Лихачев Д. С., 1997, с. 226–227). Оттуда, писал Я. В. Васильев, *«неприятель к осаде крепости без всякого важного себе препядствия может артиллерию и войско свое подвести с лутчею выгодою. То, дабы не воспользовался он и к самой крепости таковым же безпрепятственным приближением и не произвел бы против оной вдруг намерения своего в действо, обращено было более внимания к сей части и, где ему неминуемо к крепости проходить долженствовало, избраны самые лутчие и выгоднейшие к занятию тремя укреплениями следующие места. 1-е, занимающее пространство от Святого озера при урочище Табарском. 2-е, командующее между онаго и озера Гагарья. 3-е, командующее между морского берега и озера Гагарья»* (Васильев, 1790 г., л. 25 об. — 26).

Согласно замыслу Я. В. Васильева, военные действия должны были развернуться непосредственно на подходе к крепости. Бастионы должны были воспрепятствовать подходу врага с артиллерией к ее стенам. Неприятель, *«дойдя под выстрелы»* бастионов, вряд ли *«отважился скоропостижно штурмовать оные»*. Кроме того, бастионы предназначались, чтобы *«ретирующиеся в крепость войска защитить, а дерских за оными преследователей жестоко наказать и совершенно опрокинуть»* (Васильев, 1790 г., л. 26 об.). Однако насколько эффективным оказался бы данный план, проверить не удалось. Неприятель к Соловецкому монастырю не подошел.

Земляные бастионы 1790 г. В трех местах к северу от Соловецкого монастыря располагаются невысокие всхолмления, покрытые дерном. Это — остатки трех

земляных бастионов конца XVIII столетия. Бастион — полукруглые площадки в углах ограды для фланкирования рва.

В рукописной книге инженер-подпоручик Я.В. Васильев называет дату их строительства, дает точную привязку батарей на карте местности и приводит их планы (лист II, пункт 40: «Укрепления, построенные в 1790-м году»). Эту датировку подтверждает план Соловецкого монастыря 1770 г. На нем бастионы не показаны. Все три батареи в 1976 г. обследовал ленинградский археолог О.В. Овсянников (Овсянников О.В., 1984, с. 107–110).

Бастион 1 располагался к северо-востоку от крепости. Ведомость 1790 г.: «1. При местечке Табарском в проходе между онаго и озера Святаго. Из земляного парапета с фашиною одеждою состоящие из двух фасов с флангами с прорезанием четырех амбразур и з деланием при оных прочных платформ» (СЛ 1814 г., л. 38 об.). На чертеже Васильева длина бастиона по фронту 14 саж. Платформы для пушек имели форму трапеции.

Бастион 2. Ведомость 1790 г.: «2. В проходе между онаго и озера Гагарья такою жь фигуροю из земляного парапета с фашиною одеждою с прорезанием пяти амбразур и з деланием при оных прочных платформ» (Ведомость 1790б г., л. 8 об.). На чертеже Васильева длина бастиона по фронту 18 саж.

Бастион 3. Ведомость 1790 г.: «3. В проходе между морскаго берега и озера Гагарья из земляного парапета с фашиною одеждою с прорезанием трех амбразур и з деланием при оных прочных платформ, состоящей из трех фазов» (Ведомость 1790б г., л. 8 об.). На чертеже Васильева длина бастиона по фронту 19 саж.

Оставляя в 1790 г. остров, военные в составленной специально для архимандрита Соловецкого монастыря ведомости орудий и укреплений отметили, что бастионы — долговременные укрепления (Ведомость 1790б г., л. 8). Иными словами, монастырь должен был взять их под свою опеку. Но непрочность данных фортификационных сооружений обнаружила себя достаточно скоро. Через девять лет, в 1799 г., под наблюдением прибывшего с небольшой командою поручика «*поправили за монастырем построенные в минувшую шведскую войну обветшавшие земляные три батареи*» (СЛ 1814 г., л. 38 об.). Поздний Соловецкий летописец отмечает, что их построили в 1790 г. по проекту инженера-подпоручика Васильева и дает их краткое описание: «*Земляные батареи в фашинной одежде с амбразами и плантсформами*» (СЛ 1814 г., л. 33 об.). Далее они не упоминаются, в военных целях негодились вообще. Правда, посетивший Соловки в 1791 г. отставной секунд-майор П.И. Челищев высказал сомнение по поводу целесообразности данных укреплений: «*В предосторожность нынешней со Шведом войны прислан был в Соловецкий монастырь с несколькими человек военной команды из Петрозаводска советник, который на Соловецком острове сделал три ничего не значащих батареи, чрез коих рвы мы с Сергеем Николаевичем Синявиным (капитан-лейтенантом. — В.Б.) через перескакивали*» (Челищев П.И., 1886, с. 44). Соловецкие земляные бастионы представляют собой редкий памятник фортификационного инженерного искусства конца XVIII в. Они требуют изучения и восстановления для показа.

ГЛАВА 4. ОРУЖЕЙНАЯ КАЗНА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ В XVI–XIX ВВ.

Вооружение Соловецкой крепости постоянно пополнялось с конца XVI в., времени деревянного «города», до конца XVIII в. — последней русско-шведской кампании. На определенных этапах устаревшее оружие выбраковыва-

лось, складировалось или вывозилось. Его заменяли новым. К началу XIX столетия многие образцы оружия превратились в раритеты, став экспонатами музейного собрания оружейной казны Соловецкого монастыря.

4.1. ИСТОРИЯ ОРУЖЕЙНОЙ КАЗНЫ

Источники по истории оружейной казны Соловецкого монастыря вводились в оборот постепенно. В середине XIX столетия был опубликован отрывок *«Росписи, сколько в Соловецком монастыре по башням и по городской стене пушек медных и железных, больших и затинных»*, который происходил из документов Пушечного приказа (*Роспись*, 1853, с. 373–374). Его дата *«184 (1676), генваря в 24 день»*, выведенная почерком, современным изданию, объясняла проявленный к нему интерес. Опись была составлена спустя всего два дня после взятия Соловецкой крепости царским войском и расправы над участниками знаменитого «Соловецкого сидения».

В 1917 г. на книги оружейной казны и книги городничего старца второй половины XVII в. обратил внимание Б.Д. Греков, осмотревший монастырский архив и ограничившийся перечнем рукописей (*Греков Б.Д.*, 1926, с. 84–85). И только полстолетия спустя, в 1960–1970-е гг., историк Г.Г. Фруменков ввел в оборот отдельные отводные книги оружейных старцев, дающие, по его замечанию, полное представление о количестве и качестве вооружения и запасах боеприпасов. Однако далее выборочных сведений о вооружении из этих книг исследователь не пошел (*Фруменков Г.Г.*, 1975, с. 14). Проблема создания детальной картины состава и эволюции всего

военного оснащения крепости историками не ставилась. Оставался неизданным и без подробных комментариев основной источник по вооружению Соловков — 27 описей соловецкой оружейной казны, разрозненно хранящиеся в исторических архивах Москвы и Санкт-Петербурга.

Готовя к публикации указанные описи, мы не присоединили к ним изданную в 1853 г. роспись вооружения от 24 января 1676 г., поскольку она вызывает сомнения. Предпринятые усилия отождествить ее текст с известной описью вооружения того же года результатов не дали. Налицо явное расхождение как в системе описания, так и в составе оружия. Например, опись оружия в росписи заканчивалась описанием его в Стратилатовской башне, а опись монастыря начиналась с этой башни. В росписи описание пушек шло по солнечному кругу — часовой стрелке, а в описи монастыря 1676 г. — наоборот, против солнца. Имелось также явное различие по составу, количеству и в названии пушек. В качестве примера приведем описание орудий, стоявших в Архангельской башне (табл. 74). Смущает даже само наименование документа росписью, в то время как остальные известные описи вооружения Соловецкого монастыря назывались книгами.

Анализ 27 документов позволяет ответить на вопросы о составе и качестве воо-

Разночтения о составе оружия в Архангельской башне по данным двух документов 1676 г.

Роспись «24 января 1676 г.»	Книга описная монастыря 1676 г.
<i>В Архангельской башне в среднем бою. Пушка железная «Брилы», длиною 4 аршина без дву вершков, ядро 5 фунтов, на станку и колесах. Пушка железная «Хвостуша», длиною полтретья аршина, ядро полфунта, на станку и на колесах. Две затинных железных пищали. Пушка медная «Богдан», длиною 4 аршина, ядро 4 фунта, на станку и колесах. Пушка железная «Брилы», длиною 4 аршина, ядро 4 фунта, на станку и колесах.</i> <i>В нижнем бою. Пушка железная скорострельная, длина 3 аршина, ядро 2 фунта, на станку и на колесах. Пушка железная «Тарбей», длина 3 аршина, ядро 9 фунтов, на станку и на колесах.</i>	<i>В Архангельской башне в нижнем бою. Пушка железная проломная чугунная, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы железом, ядро к ней семь гривенок.</i> <i>В среднем бою пушка медная русское дело, длина четыре аршина с четвертью, станок и колеса окованы железом, ядро к ней пол семы гривенки.</i> <i>Пушка железная, отрывок, длина полтретья аршина, к стрельбе не годитца. без станка.</i> <i>В верхнем бою пушка железная кованая, дьлина три аршина три четверти, станок окован, ядро к ней три гривенки.</i> <i>Пищаль затинная, длина пол третья аршина.</i>

ружия одной из самых северных и мощнейших крепостей России в эпоху позднего Средневековья и Нового времени.

Начало формирования оружейной казны Соловецкого монастыря было положено распоряжением Ивана Грозного в конце 1570-х гг., во время Ливонской войны, когда над Поморьем нависла реальная угроза завоевания Швецией. В 1578 г. в ответ на сообщение соловецких монахов о надвигающейся на Соловецкую обитель опасности царь наряду с приказом строить вокруг монастыря деревянный острог направил на Соловки из Москвы и Вологды военный отряд с оружием — 100 ручниц, 5 затинных пищалей, 4 пищали, а также 400 ядер и 115 пудов пороха (АСМ, 1990, № 666, с. 115).

Эти сведения царской грамоты полностью подтверждает и уточняет монастырская Вкладная книга 1536–1600 гг., которая сообщает, что в лето 7086 (1577/1578) царь пожаловал обители «*наряд и зелье*»: 2 медные полуторные и 2 медные девятипядные пищали и 5 затинных пищалей железных, 100 ручниц, 400 железных ядер и 115 пудов пороху (Книга 1536–1600 гг., л. 15). Медные пищали привезли из Вологды, железные — из Москвы.

Из царской грамоты также явствует, что военный отряд из 19 человек (10 стрельцов, 8 пушкарей и военачальник) должен был доукомплектоваться за счет местного поморского населения до сотни стрельцов и 9 пушкарей и затинщиков — «*прибрать девяносто человек в стрельцы да пять в затинники, а ручницы и затинные готовы*». Его численность вместе с сотником Михаилом Озеровым возрастала до 110 человек.

Это было компактное военное подразделение — сотня стрельцов с приданным десятком пушкарской (артиллерийской) команды. Если учесть, что обычная стрелецкая сотня подразделялась на две полусотни во главе с пятидесятниками, а полусотни в свою очередь делились на десятки под началом десятников (Романов М. Ю., 2004, с. 89–90), то нетрудно сделать вывод, что в 1578 г. на Соловки прибыли именно десятки, которые и должны были набрать из поморов рядовых стрельцов в свои подразделения. Присланный на Соловки «*государев наряд*» в количественном отношении (100 ручниц) предназначался для такой сотни. Ручницы без ударно-кремневых замков, с фитилями составляли основу ее вооружения.

Задачам обороны деревянного Соловецкого острога соответствовали и пять затинных пищалей — небольших пушек малого калибра, относившихся к «*затинным*», т. е. предназначенным для стрельбы «из-за тына» (частокола). Более мощными были две пушки полуторные — среднего размера (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1990, с. 275) (полтора аршина; аршин — 68–72 см) и две девятипядные (длинною девять пядей; пядь — в пределах 18–23 см) (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1977, с. 199; 1995, с. 89).

В следующее лето, 7087-е (1579 г.), от государя последовало второе жалование: три пищали да пуд с четвертью пороха. Оружие было привезено сотником Андреем Загряжским (Книга 1536–1600 гг., л. 15 — 15 об.). Таким образом, на вооружении деревянного города — первого фортификационного сооружения Соловецкого монастыря — оказалось в общей

сложности 12 пушек, 100 ручниц, 116 пудов с четвертью пороха (табл. 75). С этого царского «наряда» Ивана IV Грозного и началась история оружейной казны Соловецкого монастыря. Данный «наряд» не указан в описи имущества монастыря 1582 г. (*Описи СМ XVI в.*, 2003, с. 86–116). Это говорит о том, что оружие в то время не значилось за монастырем, а находилось непосредственно в распоряжении военного отряда, расположенного на Соловках.

Далее вооружение Соловецкого города не пополнялось в течение последующих 11 лет. Только в 1590 г., на шестой год правления Федора Иоанновича, когда приближалось к завершению строительство каменной крепости, начатое в 1582 г., соловецкий арсенал был дополнен четырьмя затинными пищалями, 62 пудами пороха и 62 пудами свинца. В 1592 г. на Соловки царь прислал еще пять затинных пищалей, 600 ядер железных и 390 «свинчатых» ядер (для затинных пищалей). Количество артиллерии достигло в общей сложности 21 единицы. Это свидетельство возросшей артиллерийской мощи крепости Соловецкого монастыря. Для ее obsługi требовалось увеличение команды пушкарей. Однако при этом не менялось количество рушниц (100 единиц), а следовательно, и численность отряда стрельцов.

В 1593 г. часть вооружения была послана в Сумский острог: две медные полуторные пищали, к ним два железных ядра, 10 ручниц, 11 пудов пороха и 20 пудов свинца. Как следует из сопоставления данных о вооружении на 1590 г. с описью 1597 г., на Соловки вернулись и пищали, и 10 рушниц.

Введенная в строй в 1594–1595 гг. каменная Соловецкая крепость, шесть башен и стены которой по протяженности составляли по периметру чуть более одной версты, потребовала значительного доукомплектования оружием. Подсчеты, произведенные по данным монастырской описи 1597 г. (табл. 76), дают следующие цифры. Пушек стало 68 — в три раза больше прежнего. Увеличение артиллерии произошло не за счет царского жалования, а за счет трофеев, орудий монастырского производства и закупки. Прибыло восемь трофейных орудий — следствие успешных военных действий. Среди последних — четыре волконейки, или малокалиберные пушки (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1975б, с. 314) и четыре пушки сороковые железные длинные — по длине в 40 калибров (*Кирпичников А. Н.*, 1976, с. 91). Сам монастырь активно включился в приобретение и изготовление оружия. Было куплено две пушечки медные скорострельные, выковано 33 железные пушки. К 1597 г. Соловецкий монастырь стал крупнейшим оружейным центром Поморья. Его оружейная казна перестала зависеть от поставок из Москвы от государя.

Количество ручных ружей (ручниц) также возросло. Их стало 413. Прежние 100 ручниц царского жалования находились в строю, но к ним добавилось еще 313 неясного происхождения, которые хранились в сухом амбаре. Их количество, как и 300 копий и рогатин, соотносится с численностью монашеской братии в монастыре в это время: «В лето 7107 (1598/1599) пожаловал блаженный памяти по государе царе и великом князе Феодоре Иоанновиче

Таблица 75

Оружие и припасы Соловецкого монастыря царского жалования за 1578–1592 гг.

Оружие, припасы	1578 г.	1579 г.	1590 г.	1592 г.	Расход 1593 г. в Сумский острог
Пищаль полуторная медная	2	—	2	—	2
Пищаль девятипядная медная	2	—	—	—	—
Пищали затинные	5	3	4	5	—
Ядра железные	400	—	—	600	2
Ядра «свинчатые»	—	—	—	390	—
Ручницы	100	—	—	—	10
«Зелье» — порох к наряду	115 пудов	1 пуд с четв.	512 пудов	—	11 пудов
Свинец	—	—	512 пудов	—	20 пудов 7 гривенок с четв.

Таблица 76

Оружейная казна Соловецкого монастыря по описям конца XVI – XVII в.

Основной состав оружейной казны монастыря	Характер предмета	Опись, год							
		1597	1604	1613	1632	1640	1645	1651	1676
Пушки государева жалованья	Медные полуторные	6	6	6	4	4	4	–	Всего 73 пушки
	Девятипядные	2	2	2	2	2	2	–	
	Пищали затинные	17	17	17	–	–	–	–	
Пушки монастырские купли	Пушечки медные скорострельные и полуторные	2	2	23	2	2	2	–	
	Девятипядные	–	–		9	10	10	–	
	Волконейки	–	–	–	4	4	4	–	
Пушки монастырского кованья	Железные скорострельные	5	5	54	3	3 пищали	3 пищали	–	
	Железные полуторные и девятипядные	8	8		4	4	4	–	
	Тюфяки дробовые	–	–		4	4	4	–	
	Хвостуши	–	–		–	–	–	–	
	Пищали затинные	20	20	20	29	29	29	–	
	Волконейки	–	–	–	17	17	17	–	
Пушки литья монастырского	Пищали медные девятипядные	–	–	–	2	2	2	–	–
Пушки немецкие полонянки	Пушечки железные сороковые	4	4	4	–	–	–	–	–
	Хвостуши	–	–	–	4	–	4	–	–
	Волконейки	4	4	4	–	–	–	–	–
	Хвостуши железные	–	–	–	4	4	4	–	–
Ручницы государева жалованья	Ручницы	100	100	100	100 самопалов	100 самопалов	–	–	–
Ручницы – пищали монастырские	Ручницы	313	315	330	–	–	–	–	–
	Пищали ручницы	–	–	–	290	290	–	–	–
	Пищали с жаграми	–	–	–	–	–	190	189	–
	Пищали	–	–	–	–	–	–	–	123
	Пищали ручницы маленькие	–	–	–	–	–	2	–	–
	Пищали сломанные	–	–	–	–	–	–	–	17
	Стволы пищалей	–	–	–	–	–	–	–	8
	Пищали и мушкеты	–	–	–	–	–	–	–	514
	Замки пищальные	–	–	–	–	–	–	–	44
Карабины		–	–	–	–	–	–	–	27
Пистолеты	Пистолы	–	–	–	–	–	–	–	20
Самопалы	Шведские с фитилями, поршницами, флажками	35	35	250	400	400	–	–	–
	Английские	–	–	–	1	1	–	–	–
	Ливонские	–	–	–	14	14	17	17	–
	Турецкие	–	–	–	1	1	1	1	–
	Двоязарядный	–	–	–	–	–	5	5	–
	Долгие и короткие гладкие	–	–	–	–	–	514	545	–
	Вкладной	–	–	–	–	–	–	1	–

Основной состав оружейной казны монастыря	Характер предмета	Опись, год							
		1597	1604	1613	1632	1640	1645	1651	1676
Ядра	К затинным железные	—	—	—	—	—	1200	1200	—
	Облитые свинцом к затинным пищалям	—	—	—	—	—	—	2030	4200
	Облитые свинцом к полковым пищалям	—	—	—	90	90	90	90	79
Дробь	Железный	—	—	—	3 кади	3 кади	1 бочка	1 бочка	—
Пульки	К самопалам и пищалям	—	—	—	690	По фунту	—	По фунту	—
	Пищальные и самопальные в ящиках	—	—	—	21 пуд 12 гривенок	21 пуд 12 гривенок	22 пуда 28 гривенок	22 пуда 28 гривенок	—
	Свинцовые в двух ящиках	—	—	—	—	—	—	24 пуда 20 фунтов	—
	Облитые	—	—	—	3050	3050	2010	—	—
	К затинным железные	—	—	—	1600	1600	—	—	—
Заряды	Бумажные с зельем	—	—	—	7600	7600	7720	7720	—
«Зелье»-порох	Порох	132 пуда	132 пуда	280 пудов	523 пуда с четв.	523 пуда с четв.	523 пуда с четв.	—	328 пудов 20 фунтов
	Крупяной	—	—	—	—	—	3 пуда 2 четв.	—	—
	Пушечный	—	—	—	—	—	1 пуд	—	—
	Порох	—	—	—	—	—	—	—	10 бочек 69 пудов
Свинец	В свинях и лемехах	109 пудов	109 пудов	270 пудов	550 пудов	550 пудов	550 пудов	2 свиньи без четв.	—
Селитра		—	—	—	15 пудов, 2 четв.	15 пудов, 2 четв.	—	—	—
Роги	Не указано, чьи	—	—	—	350	350	—	—	—
	Немецкие	—	—	—	13	13	12	9	13
	Самопальные с зельем по фунту	—	—	—	—	—	236	370	300
	Самопальные с зельем по полуфунту	—	—	—	—	—	122		
	Буйволоный	—	—	—	—	—	2	1	—
Лядунки	Суконных и кожаных с порохом	—	—	—	80	80	79	74	50
	Кожаных	—	—	—	—	—	—	—	70

Основной состав оружейной казны монастыря	Характер предмета	Опись, год							
		1597	1604	1613	1632	1640	1645	1651	1676
Порошницы	К ручницам с зельем по фунту	—	—	—	—	200	200	200	250
	С зельем по полуфунту	—	—	—	—	—	90	90	
Натруски		—	—	—	—	—	—	—	100
Фляжки	Малые затравочные	—	—	—	530	530	639	599	—
	Большие	—	—	—	—	—	2		—
	Новые	—	—	—	—	—	—	40	—
	С раковинами	—	—	—	—	—	—	—	10
	Деревянных	—	—	—	—	—	—	—	27
Луки	С ножики и тетевой	—	—	—	1	1	1	—	—
	Мяклики с тетивами	—	—	—	55	55	—	—	—
	С тетивами	—	—	—	—	—	34	34	—
	Без тетив новые	—	—	—	—	—	—	15	—
	Луки	—	—	—	—	—	—	—	74
Самострелы	Железные с храпы и поясом	8	8	18	15	15	18	23	21
Саадаки	Полные	25	25	37	36	36	38	38	1
Лубье	(Чехол на саадак)	—	—	—	—	—	—	15	—
Колчаны	Со стрелами	—	—	—	—	—	—	—	27
Тохтуй	(Чехол на колчан)	—	—	—	—	—	—	30	—
Тур	Киндячный (налучник)	—	—	—	—	—	—	1	—
Стрелы	Железные к самострелам в саадаках	—	—	—	950	—	1000	890	—
	Самострельные	—	—	—	—	—	—	1007	1000
	Самострельные с железцами	—	—	—	—	—	—	—	30
	Ратницы	—	—	—	2570	2570	2700	—	—
	Томары	—	—	—	—	—	—	30	—
Сабли	Железные	—	—	—	70	70	80	—	—
	Булатные	—	—	—	3	3	3	3	—
Сабли	Турецкая	—	—	—	—	—	1	1	—
	Простые	—	—	—	—	—	—	106	—
	Сабли	—	—	—	—	—	—	—	149
Шпаги		—	—	—	—	—	—	—	2
Палаши	Стальные	—	—	—	1	1	2	1	—
Кинжалы	Булатные	—	—	—	1	1	1	1	—
Алебарды		—	—	—	1	1	—	—	—
Бердыши		—	—	—	2	2	528	528	334
Копья	Долгие	—	—	—	—	—	—	5	—
Рогатины	Без ратовищ	—	—	—	—	—	—	4	—
	Звериные	—	—	—	—	—	—	—	3
Копья и рогатины	С ратовищами	300	300	450	560	560	—	—	—
Чеканы		—	—	—	50	50	50	49	50
Топоры		—	—	500	—	—	—	1300	—
Топорки		—	—	—	—	—	5	6	—
Панцири		7	7	7	7	7	9	10	10
Кольчуга		1	1	1	1	1	1	1	—
Шапка железная	Мисюрка	1	1	1	1	1	2	2	2

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Характер предмета	Опись, год							
		1597	1604	1613	1632	1640	1645	1651	1676
Наручи		1	1	1	1	1	1	1	1
Щит		–	–	–	1	1	1	–	–
Узды	Старческие и служные	–	–	–	100	100	100	99	–
Стремена	Железные	–	–	–	–	–	–	9	–
Возжи		–	–	–	–	–	–	9	–
Плети	С костыми	–	–	–	–	–	–	15	–
	Простые	–	–	–	–	–	–	8	–
Хомуты		–	–	–	–	–	–	9	–
Седла	Простые	27	27	27	68	68	77	22	–
	Игуменское	–	–	–	–	–	–	1	–
	Старческое	–	–	–	–	–	–	1	–
	Со снастью	–	–	–	–	–	–	55	–
	Седельшки ветхие	–	–	–	–	–	–	13	–
Войлоки	Новые и ветхие	–	–	–	–	–	–	64	–
Попоны	Волоские и черкасские	–	–	–	8	8	5	25	–
Ольстеры	Пищальные, карабин- ные, пистольные	–	–	–	–	–	–	–	90
Япанчи		33	33	36	115	115	76	64	–
Тебеняки		8	8	10	9	9	–	–	–
Полсти		–	–	–	47	47	–	53	–
Пологи	Новые и старые	–	–	–	28	28	17	28	–
Медведно		–	–	–	50	50	50	58	–
Шатер	Круглый	–	–	–	1	1	1	1	–
Шатрики		–	–	8	–	–	–	–	–
Палатки	Полотняные большие и малые	–	–	2	21	21	22	2	–
Чердаки	Кожаный и суконный	–	–	–	2	2	2	2	–
Знамена		–	–	–	1	1	2	2	4
Набаты-бара- баны	Турецкие	–	–	–	2	2	1	2	1
Инструменты	Колыпцы	–	–	–	–	–	–	21	–
	Лейка для свинца	Же- лез- ная	–	–	–	–	–	1	1
	Формы	–	–	–	–	–	–	4	24
	Коромысло весовое	–	–	–	–	–	–	1	–
	Лудильница с оловом 10 фунтов	–	–	–	–	–	–	–	1
	Безмен	–	–	–	–	–	–	2	–
	Контарь	–	–	–	–	–	–	2	–
	Везни (весы)	–	–	–	–	–	–	18	24
	Терпуг	–	–	–	–	–	–	5	–
	Топоры	–	–	–	–	–	–	6	–
	Наковальни	–	–	–	–	–	–	2	–
	Пилки	–	–	–	–	–	–	4	–
	Молоты	–	–	–	–	–	–	2	–
	Точила	–	–	–	–	–	–	4	–
	Тиски	–	–	–	–	–	–	2	–
	Напарьи для лож	–	–	–	–	–	–	6	8
	Сверла для пищалей	–	–	–	–	–	–	17	–

Окончание табл. 76

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Характер предмета	Опись, год							
		1597	1604	1613	1632	1640	1645	1651	1676
Инструменты	Сверла большие и ма- лые	–	–	–	–	–	–	–	27
	Трещетки	–	–	–	–	–	–	–	105

Оружейная казна Соловецкого монастыря

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Пушки	Медные и железные	58 пу- шек	57 пу- шек	Кол-во пушек не указано	58 пушек	Кол-во пушек не указано	62 пуш- ки все- го	
Пушечки	Медные в станках де- ревянных аршин, пол- и четверть аршина	–	–	12	12	12	–	
	Железные	–	–	–	–	3	–	
Банники	С прибойниками разных калибров	–	–	–	–	–	–	
Ручницы- пищали монастырские	Пищали ручницы	–	–	680 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	680 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	680 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	–	
	Рушницы	–	–					
Пищали	Пищали	–	–	3	–	1	–	
	Пищали с жаграми	–	–	–	–	3	–	
	Пищали с замками	–	–	–	–	10	–	
	Пищали длинные глад- кие	–	–	1	1	1	–	
	Пищали длинные тур- ские голубовские	–	–	4	4	4	–	
	Пищали турецкие «о дву зарядах»	–	–	–	–	–	–	
Влага- лица пищаль- ные	Ветхие	–	–	25	25	25	–	
	Ветхие кожаные	–	–	–	2	–	–	
Винтов- ка	Винтовка арамовская	–	–	–	–	1	–	
Караби- ны	Большие в ложах	–	–	–	–	–	–	
	Большие и малые	–	–	43	43	43	–	
	В раздаче	–	–	–	5	–	–	
	Двоствольные	–	–	1	1	1	–	
	С «костями» большие	–	–	8	7	8	–	
Мушке- ты	Без замков	–	–	–	–	14	–	
Фузеи	Фузеи с медной оправой	–	–	–	–	–	–

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Характер предмета	Опись, год							
		1597	1604	1613	1632	1640	1645	1651	1676
Инструменты	Доска винтовная	—	—	—	—	—	—	1	—
	Винтовник	—	—	—	—	—	—	1	—
	Клещицы	—	—	—	—	—	—	1	—

Таблица 77

по описям конца XVII — XVIII в.

год								
1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795	
58 пушек всего	Кол-во пушек не указано	Кол-во пу- шек не ука- зано	71 пушка	65 пушек	75 пушек, из них 35 негодные	83 пуш- ки, все годные	60 пушек. 4 негодные	
12	12	12	11	—	1	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	4	—	
680 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	695 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	697 пи- щалей, самопалов и мушкетов	680 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	760 пи- щалей, самопалов и мушке- тов	728 пища- лей, самопа- лов и муш- кетов	—	28 пища- лей, са- мопалов и мушке- тов	
—	—	—	—	—	—	—	—	
—	—	—	1	—	—	—	—	
—	—	—	—	—	—	—	—	
1	—	—	—	—	—	—	—	
4	4	4	—	—	—	—	—	
—	2	2	2	—	—	—	—	
25	25	25	—	—	—	—	—	
2	—	—	—	—	—	—	—	
—	1	1	9	—	—	—	—	
—	15	15	—	—	—	—	—	
43	28	28	71	—	—	—	—	
5	—	—	—	—	—	—	—	
1	1	1	—	—	—	—	—	
8	8	8	8	—	—	—	—	
—	6	6	—	—	—	—	—	
—	—	—	2	—	—	—	—

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Писто- леты	Пистолеты, пары	–	–	–	–	–	–	
	Без замка	–	–	–	2	–	–	
	Большие и малые	–	–	31 пара	31 пара	31 пара	–	
	В раздаче	–	–	–	2	–	–	
	С ложами	–	–	–	–	–	–	
	С серебряной оправой	–	–	3	3	3	–	
Стволы	Всякие ветхие	–	–	10	–	10	–	
	Карабинный	–	–	1	–	1	–	
	Пищалей	–	–	–	–	3	–	
	Пищальные, без ложей, замков	–	–	–	11	–	–	
	Рваные, ломаные	–	–	13	11	13	–	
Шомпо- лы	Шенпуры мушкетные простые	–	–	60	60	60	–	
	Шенпуры мушкетные с трубками и трещетками	–	–	60	60	60	–	
Замки	Пищальные	–	–	4	4	2+5	–	
	Пищальные «школские»	–	–	1	1	1	–	
Дробь	Железная, облита свин- цом	–	–	–	–	–	–	
	Чугунная	–	–	–	–	–	–	
Картель	Малая без картузов	–	–	–	–	–	–	
Картельные занаряды, изготовлены в жестяных цилиндрах, насыпаны пулями чугунными	3-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	5-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	6-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	7-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	8-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	18-фунт.	–	–	–	–	–	–	
Пули	Патроны с пулями	–	–	–	–	–	–	
	Пульки железные к за- тинным	–	–	2 ящика	2 ящика	2 ящика	–	
	Пульки свинцовые (ящи- ки)	–	–	12 ящиков	12 ящиков	12 ящиков	–	
	Пули фузейные и писто- летные	–	–	–	–	–	–	
Мошна	Пулечная	–	–	–	300	–	–	
Заряды	«Занаряды» бумажные в ящиках	–	–	2 ящика	2 ящика	2 ящика	–	
	Заряды в ящиках	–	–	2 ящика	8 ящиков	–	–	
	Заряды и пульки в ящи- ках	–	–	15 ящиков	–	8 ящиков	–	
Свинец	Свинец	–	–	609 пудов	747 пудов 12 фунтов	601 пуд 8 фунтов	–

Продолжение табл. 77

317

год								
1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795	
2	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
31 пара	31 пара	32 пары	–	–	–	–	–	
2	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	23	23	–	23	
3	3	3	3	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
11	20	20	–	–	–	–	–	
11			–	–	–	–	–	
60	60	60	–	–	–	–	–	
60	60	60	–	–	–	–	–	
4	–	–	–	–	–	–	–	
1	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	1810	1810	–	–	
–	–	–	–	1000	1000	–	–	
–	–	–	–	–	387	–	–	
–	–	–	–	–	–	80	–	
–	–	–	–	–	–	20	–	
–	–	–	–	–	–	25	–	
–	–	–	–	–	–	22	–	
–	–	–	–	–	–	18	–	
–	–	–	–	–	–	70	–	
–	–	–	–	–	200	–	–	
2 ящика	2 ящика	2 ящика	–	–	–	–	–	
12 ящиков	12 ящиков	12 ящиков	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	42 600	42 600	–	42 600	
300	–	–	–	–	–	–	–	
2 ящика	–	–	–	–	–	–	–	
2 ящика	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	10 пудов 30 фунтов	–	593 пуда 25 фунтов	500 пудов	500 пудов	–	500 пудов

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Ядра	Железные к железным пушкам	—	—	—	2464	—	—	
	Железные к затинным пицалям	—	—	—	1365	—	—	
	Железные к медным пушкам	—	—	—	1434	—	—	
	Картечные	—	—	—	—	—	—	
	Чугунные (1–36 фунтов)	—	—	—	—	—	—	
	Чугунные (0,5 фунта)	—	—	—	—	—	—	
	1 фунт	—	—	—	—	—	—	
	1,5 фунта	—	—	—	—	—	—	
	2 фунта	—	—	—	—	—	—	
	2,5 фунта	—	—	—	—	—	—	
	3 фунта	—	—	—	—	—	—	
	3,5 фунта	—	—	—	—	—	—	
	4 фунта	—	—	—	—	—	—	
	5 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	6 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	7 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	36 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	Раздвижные 3 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	Раздвижные 15 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	С концами 5 фунтов	—	—	—	—	—	—	
Корзины для ядер	Железные	—	—	—	—	—	—	
	Железные	—	—	—	—	—	—	
Бомбы	Нечиненные 4 пуда	—	—	—	—	—	—	
	Нечиненные 1 пуд	—	—	—	—	—	—	
Книппе- ли мор- ские	Раздвижные прямые большие 14 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	С цепями 12 фунтов	—	—	—	—	—	—	
	Средние 6 фунтов	—	—	—	—	—	—	
Гранаты	Гренадерские ручные (3 фунта)	—	—	—	—	—	—	
	Кубышки гранатные чи- неные	—	—	14	14	14	—	
	Ручные нечиненные	—	—	—	—	—	—	
Порох, селитра	Бочки новые с порохом	—	—	—	—	—	—	
	Бочки старые с порохом	—	—	—	—	—	—	
	Бочки пороха	—	—	5 бочек 2 ведра 9 пудов	5 бочек 2 ведра 9 пудов	—	—	
	Ведра пороха	—	—	15 фунтов	15 фунтов	—	—

Продолжение табл. 77

319

4.1. История оружейной казны

год								
1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	120	–	–	120	
–	–	–	–	3156	–	–	2000	
–	–	–	–	264	26	–	–	
–	–	–	–	–	11	–	–	
–	–	–	–	–	909	–	–	
–	–	–	–	–	104	–	–	
–	–	–	–	–	30	–	–	
–	–	–	–	–	787	–	–	
–	–	–	–	–	22	–	–	
–	–	–	–	–	30	–	–	
–	–	–	–	–	433	–	–	
–	–	–	–	–	766	–	–	
–	–	–	–	–	6	–	–	
–	–	–	–	–	1	–	–	
–	–	–	–	–	3	–	–	
–	–	–	–	–	6	–	–	
–	–	–	–	9	–	–	–	
–	–	–	–	–	4	–	–	
–	–	–	–	–	6	–	–	
–	–	–	–	–	1	–	–	
–	–	–	–	–	14	–	–	
–	–	–	–	–	1	–	–	
–	–	–	–	–	1	–	–	
–	–	–	–	6	–	–	–	
–	–	–	–	4	4	–	–	
–	–	–	–	3	–	–	–	
–	–	–	–	10	–	–	–	
14	14	14	–	14	–	–	–	
–	–	–	–	–	11	–	–	
–	–	–	30	–	–	–	–	
–	–	–	35	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–	
–	–	–	–	–	–	–	–

Основной состав оружейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Порох, селитра	Голова пороховая, обшита нерпой	–	–	200	–	200	–	
	Порох в бочке	–	–	5 бочек	–	1 пуд	–	
	Порох в ведре	–	–	2 ведра	–	30 фунтов	–	
	Порох пистольный мелкий	–	–	–	–	–	–	
	Порох пушечный и мушкетный	–	–	–	309 пудов 19 фунтов	–	–	
	Порох ружейный	–	–	–	–	–	–	
Шуфль — совок медный для пороха	К 2,5-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
	К 3-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
	К 5-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
	К 6-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
	К 7-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
	К 8-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
	К 18-фунт. пушкам	–	–	–	–	–	–	
Картузы готовые, насыпанные порохом с ядрами	0,5 фунта	–	–	–	–	–	–	
	1,5 фунта	–	–	–	–	–	–	
	2-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	2,5-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	3-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	5-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	6-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	7-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	8-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	18-фунт.	–	–	–	–	–	–	
Картузы без ядер	2-фунт.	–	–	–	–	–	–	
Картузы, не насыпанные порохом, приготовленные	1,5 фунта	–	–	–	–	–	–	
	2,5 фунтов	–	–	–	–	–	–	
	3-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	5-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	6-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	7-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	8-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	18-фунт.	–	–	–	–	–	–	
	К дробовикам	–	–	–	–	–	–	
Сита	Сита, чем порох сеют	–	–	1	1	1	–	
Меры пороха	Опыты пороховые медные	–	–	2	2	2	–	
Рога	Буйволоный черный	–	–	–	1	–	–	
	Деревянные с буйволыми костями	–	–	1	–	1	–	
	Деревянные, покрыты хозом	–	–	1	1	1	–

Продолжение табл. 77

321

год								
	1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795
	–	218	218	218	215	–	–	160
323 пуда	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	16 пудов	–	–
–	1 пуд	–	–	–	340 пудов	288 пудов	–	340 пудов
–	–	–	–	–	–	36 пудов	–	–
–	–	–	–	–	–	–	1	–
–	–	–	–	–	–	–	11	–
–	–	–	–	–	–	–	2	–
–	–	–	–	–	–	–	5	–
–	–	–	–	–	–	–	3	–
–	–	–	–	–	–	–	2	–
–	–	–	–	–	–	–	13	–
–	–	–	–	–	–	–	21	–
–	–	–	–	–	–	–	58	–
–	–	–	–	–	–	–	67	–
–	–	–	–	–	–	–	31	–
–	–	–	–	–	–	–	100	–
–	–	–	–	–	–	–	20	–
–	–	–	–	–	–	–	42	–
–	–	–	–	–	–	–	35	–
–	–	–	–	–	–	–	35	–
–	–	–	–	–	–	–	139	–
–	–	–	–	–	–	–	60	–
–	–	–	–	–	–	–	23	–
–	–	–	–	–	–	–	53	–
–	–	–	–	–	–	–	188	–
–	–	–	–	–	–	–	12	–
–	–	–	–	–	–	–	30	–
–	–	–	–	–	–	–	26	–
–	–	–	–	–	–	–	15	–
–	–	–	–	–	–	–	15	–
–	–	–	–	–	–	–	42	–
1	1	1	1	–	–	–	–	–
2	2	2	2	–	2	–	–	–
1	–	–	–	–	–	–	–	–
–	–	–	–	–	–	–	–	–
1	1	–	–	–	–	–	–	–

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Рога	Казачие	–	–	–	–	–	–	
	Пороховые	–	–	107	107	107	–	
	Пороховые, обшиты нер- пой	–	–	107	200	–	–	
	Пороховые с усами ки- товыми	–	–	–	1	–	–	
Лядун- ки, меха, натру- ски, по- роховни- цы	Лядунки бархатные, шиты серебром	–	–	1	2	1	–	
	Лядунки в коже	–	–	23	23	23	–	
	Лядунки в сукне	–	–	12	8	12	–	
	Лядунки крытые сукном и кожей	–	–	–	–	–	–	
	Мех пороховой кожаный	–	–	1	1	1	–	
Натру- ски, по- роховни- цы	Натруски деревянные	–	–	8	8	8	–	
	Натруски костяные	–	–	1	1	1	–	
	Натруски простые	–	–	290	290	290	–	
	Натруска роговая длин- ная	–	–	1	1	1	–	
Фитиль		–	–	1 пуд	30 фунтов	1 пуд	–	
Кремень	Орлецкий	–	–	1 ларь	1 ларь	1 ларь	–	
	Пищальный	–	–	30 фунтов	25 фунтов	27 фунтов	–	
Ольстры (седель- ные кобуры)	Карабинные клееные	–	–	–	20	15	–	
	Пистольные	–	–	–	–	–	–	
	Пистольные и карабин- ные кожаные	–	–	–	20	15	–	
	Пищальные, карабинные, пистольные	–	–	30	–	30	–	
	С сукнами	–	–	–	6	–	–	
	С сукнами и без сукон	–	–	6	–	6	–	
Алебар- ды, бер- дыши, копья, протазан- ы, рога- тины	Алебарда	–	–	1	1	1	–	
	Бердыши большие и ма- лые	–	–	349	351	349	–	
	Бердыши двойные	–	–	1	1	1	–	
	Бердыши и топоры	–	–	–	–	–	–	
	Копья (копья с дротика- ми)	–	–	328	328	328	–	
	Копья ломаные	–	–	–	6	–	–	
	Протазан	–	–	1	–	1	–	
	Рогатины	–	–	–	–	–	–	
	Рогатины звериные	–	–	2	2	2	–	
Штыки	Богинеты	–	–	–	–	–	–	
Топоры	Топорки двойные	–	–	1	–	–	–	
	Топорки дорожные	–	–	69	70	76	–	
Кистени, чеканы	Кистени железные на ремнях	–	–	12	20	12	–	
	Чеканы польские	–	–	49	49	49	–

Продолжение табл. 77

323

год								
	1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795
	–	–	92	92	–	–	–	–
	107	92	–	–	–32	–	–	32
	200	–	218	–	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	1	2	2	–	–	–	–	–
	23	23	23	–	–	–	–	–
	8	11	11	–	–	–	–	–
	–	–	–	11	13	–	–	13
	1	1	1	–	–	–	–	–
	8	4	4	4	–	–	–	–
	1	1	–	–	–	–	–	–
	290	290	294	294	–	–	–	–
	1	1	1	–	–	–	–	–
	30 фунтов	1 пуд	1 пуд	–	–	–	–	–
	1 ларь	1 ларь	1 ларь	–	–	–	–	–
	Кулек	17 фунтов	17 фунтов	–	–	–	–	–
	15	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	6	–	–	–	–	–
	15	–	13	–	–	–	–	–
	–	30	–	–	–	–	–	–
	–	6	–	–	–	–	–	–
	6	–	–	–	–	–	–	–
	1	1	1	1	1	–	–	1
	351	269	269	269	–	–	–	–
	1	1	1	1	–	–	–	–
	–	–	–	–	433	433	–	390
	328	300	300	300	292	(292)	–	92
	6	–	–	–	–	–	–	–
	1	1	–	–	–	–	–	–
	–	9	11	5	5	5	–	15
	2	2	–	–	–	–	–	–
	–	–	3	2	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	70	99	99	99	–	–	–	–
	20	11	11	–	10	10	–	10
	49	49	49	50	49	49	–	40

Основной состав ору- жейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Доспехи	Колчюги (рубашки кол- чужные)	–	–	11	11	11	–	
	Наручи железные	–	–	1	1	1	–	
	Шапка железная латушка	–	–	–	–	–	–	
	Шапка железная мисюр- ка	–	–	1	1	1	–	
	Щит деревянный (боевой)	–	–	1	1	1	–	
Луки	С табун в концах, Пожар- ского	–	–	–	–	–	–	
	Буйволовы, в концах 2 ножа	–	–	–	1	–	–	
	С тетивами и черемис- ские	–	–	73	73	73	–	
Само- стрелы	Самострелы с железом	–	–	4	–	3	–	
	Самострелы с полосами укладными	–	–	–	4	–	–	
Детали само- стрелов	Голени самострельные	–	–	–	–	–	–	
	Голени самострельные без полос	–	–	6	6	6	–	
	Голени самострельные с полосой	–	–	1	1	1	–	
Жилы	Мятные, чем арчаки и луки жилият	–	–	5 фунтов	5 фунтов	3 фунта 3 четв.	–	
Колча- ны, саа- даки	Колчаны со стрелами	–	–	31	31	31	–	
	Лубье саадашные	–	–	35	35	35	–	
	Саадаки	–	–	–	–	1	–	
	Саадаки, в концах ножи булатные	–	–	1	–	1	–	
Стрелы	Полосы самострельные	–	–	–	–	–	–	
	Стрелы «з железцы» к самострелам	–	–	37	37	37	–	
	Стрелы луковые в ларях	–	–	1 ларь	1 ларь	1 ларь	–	
	Томары деревянные без делеза (самострельные)	–	–	9	9	9	–	
Кин- жалы, ножи, палаши, сабли, шпаги, кортики	Кинжалы булатные	–	–	–	1	–	–	
	Ножи булатные	–	–	–	–	–	–	
	Ножи подсайдачные в ножнах	–	–	1	1	1	–	
	Палаш булатный с сере- бряным наконечником	–	–	1	1	1	–	
	Палаш двоеручный Ско- пинский	–	–	1	1	1	–	
	Палаши одноручные про- стые	–	–	2	2	2	–	
	Полоса палашевая	–	–	2	–	–	–	
	Сабли	–	–	169	161	169	–	
	Сабля в серебряных нож- ная	–	–	1	1	1	–

Продолжение табл. 77

325

год								
	1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795
	11	11	11	11	10	–	–	9
	1	1	1	1	–	–	–	–
	–	–	–	–	1	–	–	1
	1	1	1	1	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	1	–	–	–	–	–
	1	1	1	1	–	–	–	–
	73	73	73	73	69	69	–	–
	–	3	3	–	–	–	–	–
	4	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	19	–	–	10
	6	6	6	–	–	–	–	–
	1	1	1	–	–	–	–	–
	5 фунтов	3 фунта	3 фунта	–	–	–	–	–
	31	31	31	29	29	–	–	29
	35	35	35	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	4	–	–	–
	37	–	–	–	–	–	–	–
	1 ларь	1 ларь	1 ларь	–	–	–	–	–
	9	9	9	–	10	–	–	10
	1	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	4	–	–	–	–	–
	1	1	1	–	1	–	–	–
	1	1	1	1	1	–	–	–
	1	1	1	1	1	1	–	1
	2	2	2	1	1	2	–	1
	–	–	–	–	–	–	–	–
	161	169	169	178	–	2	–	–
	1	1	1	1	1	–	–	–

Основной состав оружейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Кинжалы, ножи, палаши, сабли, шпаги, кортики	Терпуг сабельный	–	–	2	2	2	–	
	Шпаги	–	–	–	–	17	–	
	Шпаги, эфес медный	–	–	–	–	–	–	
	Шпаги шведские, эфес железный	–	–	–	–	–	–	
	Хортик в ножнах бархатных	–	–	–	–	1	–	
	Хортъ стальной в ножнах, оклеен кожей	–	–	–	1	–	–	
	Хортъ толочановский	–	–	1	–	1	–	
Посохи	Железный	–	–	1	1	1	–	
	С кинжалцем (кинжалом) стальным	–	–	1	1	1	–	
	Шпага в посохе	–	–	1	1	1	–	
Сулеба	С оправой железной с серебром	–	–	–	1	–	–	
	В ножнах	–	–	–	–	1	–	
Портупея	В красной коже	–	–	–	–	17	–	
Знамена	Знамя	–	–	–	–	–	–	
	Знамя крашенинное	–	–	2	1	2	–	
	Знамя тафтяное	–	–	1	2	1	–	
	Прапорок крашенинный	–	–	–	–	–	–	
Барабаны	Барабаны	–	–	1	1	1	–	
Мишени	Медные	–	–	–	–	1	–	
Конское снаряжение	Бич	–	–	1	1	1	–	
	Плети ременные	–	–	1	29	18	–	
	Седла брацкие и мирские	–	–	8	8	9	–	
	Седла крымские	–	–	1	1	1	–	
	Седла немецкие	–	–	–	–	2	–	
Палатки, шатры	Палатки полотняные	–	–	2+4	2	2	–	
	Шатер круглый с полами	–	–	1+1	1	1	–	
Одежда, головные уборы	Япанчи (валенные — 1714)	–	–	3+4	14	5	–	
	Полсти	–	–	10	16	23	–	
	Шляпа ветхая	–	–	1	–	1	–	
Сумки	Сумки выючные	–	–	6	6	6	–	
	Сумки заплечные нерпичьи	–	–	10+7	10	5	–	
Сумки	Сумки переметные ветхие	–	–	20	19	–	–	
Чемоданы	Чемоданы в раздаче	–	–	–	17	–	–	
	Чемоданы кожаные	–	–	8	8	15	–	
Покрывала	Медведна белые	–	–	–	–	–	–	
	Медведна старые	–	–	13	–	14	–

Продолжение табл. 77

327

год								
	1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795
	2	–	–	–	–	–	–	–
	–	18	18+1	–	–	–	–	–
	–	–	–	3	–	–	–	–
	–	–	–	–	57	57	–	57
	–	1	1	1	1	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	1
	–	1	1	1	1	–	–	–
	1	1	1	–	–	–	–	–
	1	1	1	1	1	–	–	–
	1	1	1	1	1	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	–	1	1	1	1	–	–	–
	–	17	17	–	–	–	–	–
	–	–	–	4	5	–	–	5
	1	2	–	–	–	–	–	–
	2	1	3	–	–	–	–	–
	–	2	2	–	1	–	–	–
	1	1	1	–	1	–	–	1
	–	–	–	–	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	29	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	1	1	–	–	–	–	–
	–	2	2	–	–	–	–	–
	2	2	2	–	3	–	–	–
	1	1	–	–	–	–	–	–
	–	1	4	–	–	–	–	–
	–	19	19+6	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	6	6	–	–	–	–	–
	–	5	5	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	8	15	22	–	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–

Основной состав оружейной казны монастыря	Предметы, материал	Опись,						
		1696	1703	1704	1705	1708	1709	
Покрывала	Медведна черные	–	–	–	11	–	–	
	Полсти	–	–	8+17	10	23	–	
Кожи	Судовые покрывальные	–	–	2+1	2	5	–	
Инструмент	Вывертка пушечная	–	–	1	1	1	–	
	Доска винтовая	–	–	1	2	1	–	
	Ключ колесный немецкий	–	–	1	1	1	–	
	Напарья долгая	–	–	3	–	3	–	
	Напарья долгая плотническая	–	–	–	3	–	–	
	Напарья пищальная	–	–	1	–	1	–	
	Напарьи плотничные	–	–	3	–	3	–	
	Пилы большие (без лучков)	–	–	2	2	2	–	
	Пилы лучковые	–	–	3	3	3	–	
	Свердель пищальная	–	–	–	1	–	–	
	Ставок с мазью медный	–	–	2	2	2	–	
	Стол круглый столярный	–	–	–	–	–	–	
	Топор польский	–	–	1	1	1	–	
	Топоры ветхие	–	–	2	2	2	–	
	Трещетки пушечные	–	–	4	4	4	–	
	Форма железная	–	–	1	1	1	–	
	Форма медная	–	–	1	1	1	–	
Весы	Вески медные с железными коромыслами	–	–	2	2	2	–	
	Контари с гирями	–	–	2	2	2	–	
	Фунт дробный мерный	–	–	1	1	1	–	
	Безмены разновесные малые	–	–	2	2	2	–	
	Безмен «троепудовый»	–	–	–	–	1	–	
	Безмен «полторы пуд»	–	–	–	–	1	–	
	Безмен пудовый	–	–	1	1	2	–	
	Безмен двухпудовый	–	–	3	3	–	–	
Гири	Железные	–	–	–	–	2	–	
	Медные	–	–	–	–	1	–	
Взъем	Тележный (подъем)	–	–	1	1	1	–	
Пожарный инвентарь	Багры железные	11	10	–	–	–	10	
	Топоры	–	10+5	–	–	–	12	
	Трубы медные	4	5	–	–	–	5	
	Трубы железные	1	–	–	–	–	–	
	Насосы водяные медные	–	–	–	–	–	–	
	Насосы водяные железные	–	–	–	–	–	–	
Козы	«В чем жар держат»	16	15	–	–	–	16

Окончание табл. 77

329

год								
	1711	1712	1714	1742	1788–1799	1790 12 янв.	1790 21 окт.	1795
	14+1	14+1	14+1	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	4	–	–	–	–	–	–
	1	1	–	–	–	–	–	–
	1	1	1	–	–	–	–	–
	1	1	1	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	3	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	2	2	2	–	–	–	–	–
	3	3	3	–	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	2	–	1	1	1	–	–	–
	–	1	1	–	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	2	–	–	–	–	–	–	–
	4	1	1	–	–	–	–	–
	1	1	1	–	2	–	–	–
	1	1	1	–	1	–	–	–
	2	2	2	–	–	–	–	–
	2	2	2	–	–	–	–	–
	1	–	–	–	–	–	–	–
	2	–	–	–	–	–	–	–
	–	1	1	–	–	–	–	–
	–	1	1	–	–	–	–	–
	–	1	2	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	2	2	–	–	–	–	–
	–	1	1	–	–	–	–	–
	–	1	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	–
	–	–	–	5	–	–	–	–
	–	–	–	–	–	–	–	3
	–	–	–	–	–	–	–	–

на 300 братьев 165 рублей» (*Летописец*, 1790, с. 37). Вполне возможно, данные копия и рогатины предназначались на крайний случай для вооружения 300 монахов на случай осады. У шведов было отвоено 35 самопалов — ручное огнестрельное оружие.

В оружейной казне в 1597 г. хранился единственный комплект доспеха: кольчуга, «шапка железная», одни наручи. Если учесть, что подобные доспехи могли принадлежать только знатым особам, их происхождение следует связать с двумя первыми погибшими в сражениях соловецкими сотниками — Михаилом Озеровым († 1579 г.) или Киприаном Оничковым († 1581 г.). Оба они были похоронены в обители, потому доспехи и остались в монастыре. В казне хранились также 7 панцирей — оборонительных доспехов.

Из прочего вооружения отметим 8 самострелов (арбалетов), а также 25 саадаков — луков с налучьем и колчаном со стрелами (крепилась к специальному поясу).

Снаряжение конское включало седла «со снастью» двух разновидностей: старческие — для монастырских старцев и служилые — для служилых людей, стрельцов. Всего 27 шт.

Явно для крепостных сторожей предназначались 8 кебеняков — верхняя суконная одежда с башлыком для ненастной погоды, или зимняя шапка, а также 33 япанчи — плаща без рукавов.

Таким образом, в 1597 г. каменная Соловецкая крепость была хорошо укомплектована вооружением. В его состав входили:

- 1) артиллерия (68 пушек разного калибра и, следовательно, предназначенных для поражения разнообразных целей и на разных расстояниях);
- 2) ручное огнестрельное оружие (413 ручниц, 35 самопалов);
- 3) холодное древковое оружие (300 копий и рогатин);
- 4) луки с комплектами стрел (25 саадаков), самострелы (8 шт.);
- 5) снаряжение для 27 всадников (седла «со снастью»).

Судя по общему количеству огнестрельного оружия ($68+413+35 = 516$ шт.), оно предназначалось для пяти сотен человек. За данными цифрами стоит рассчитываемая численность не только соловецкого

гарнизона, но и материковых крепостей. Данное количество вооружения предназначалось для обороны всего Поморья, а не только Соловецкого монастыря.

О распределении оружия по конкретным объектам и среди защитников крепости можно судить по описи 1597 г., которая делит оружие на три части по месту дислокации. Сначала упомянуто вооружение непосредственно на стенах и башнях («да на городе наряду») — все 68 пушек и 100 ручниц. Это — для соответствующего количества пушкарей и стрельцов. Затем дается перечень того, что хранилось в монастырском «анбаре»: 313 ручниц, 35 самопалов, 300 копей и рогатин. Данное вооружение предназначалось, очевидно, для монашеской братии на случай осады (300 человек) и, скорее всего, для трудников или паломников (около 50 человек). Амбары, как известно, размещались на южном Мельничном дворе. Они были выбраны не случайно — как сухие помещения. Наконец, «под полатю» складировались общий порох и свинец, 8 самострелов, 27 седел, 7 панцирей, кольчуга, 33 япанчи, 8 кебеняков. Местоположение палаты с порохом не указывается. Мы полагаем, что это каменная двухэтажная палата в северной части центрального монастырского двора напротив келарской и квасоварни. Ее возвели в 1573–1576 гг. (*Мельник А.Г.*, 2000, с. 91). Позже она и стала собственно Казенной палатой для монастырского имущества — казны, в том числе и оружейной.

В 1604 г., спустя 7 лет, вооружение Соловецкого монастыря осталось в прежнем полном составе без малейших изменений (табл. 76). Сказались последствия подписанного в мае 1595 г. со Швецией Тязвинского «вечного мира». Безымянный автор «Сказания о святой великой обители Соловецкой», побывавший на Соловках в 1604 г., отметил готовность крепости к защите и поразился количеству вооружения: «Град, башни, стены, пушки и пищали. И всего того запаса несчетно» (выделено нами. — В.Б.). *Караулы и сторожи частые*» (*Буров В.А., Охотина-Линд Н.А.*, 2004, с. 160–161).

Начавшиеся в 1610 г. на севере военные действия (*Фруменков Г.Г.*, 1963, с. 34–57) внесли существенные коррективы в вооружение Соловков. Опись 1613 г.

свидетельствует, что к этому времени возобновилось монастырское производство пушек, обобщенно именованных «пищальми». Их было изготовлено 54 шт., причем самых разнообразных типов и калибров. Это пушки скорострельные, и полуторные, и девятирядные, и тюфяки, и хвостуши. Был освоен новый тип орудий, предназначенный для поражения живой силы противника — дробовые тюфяки (дроб — прототип картечи). Одновременно сам монастырь закупил 21 медную пушку. Общее число пушек почти удвоилось.

М.И. Мулло вслед за С.В. Бахрушиным называет место производства соловецкого монастырского огнестрельного оружия — Сумский посад, завод «Железная пустынь» на речке Пяле, в 20 верстах от Сумы. И это действительно документируют материалы археологии (Бахрушин С.В., 1952, с. 68; Мулло И.М., 1992, с. 151–165). В то же время письменные источники прямо указывают и на другой крупный центр изготовления оружия — Большой Соловецкий остров. Автор рукописи «Написание, сицево изложено бысть вкратце о святей и велицей обители Соловецкой», посетивший в 1617–1618 гг. монастырь, перечисляет многочисленных мастеров, которые вместе с братией садились за стол в трапезной и келарской палатах: «...и литухов пушечных и колоколных, и кузнецов пушечных и самопальных <...> и бронников самопальных и доспешных» (Буров В.А., Охотина-Линд Н.А., 2004, с. 162).

К 1613 г. ручниц стало больше на 15. Количество самопалов шведских с фитилями, «порошницами» и фляжками подскочило с 35 шт. до 250. Среди них могли быть как трофеи военных действий 1611 г., так и оружие монастырского изготовления. Известно, что в 1611 г. в Сумах кузнец сковал 10 самопалов, и в том же году «кузнец самопальщик» Сава сковал пять самопалов с замками и трещотками в «казну Соловецкого монастыря» (Бахрушин С.В., 1952, с. 68). Число копий и рогатин возросло на 150 шт. Были взяты на вооруже-

ние 500 топоров, которые, как мы полагаем, могли предназначаться для «всяких монастырских работников, и трудников, и приезжих гостей всяких различных градов, и многих стран, и весей, и бережных монастырских всяких христиан», коих, согласно упомянутому «Написанию», вместе с монахами, трудниками, стрельцами было «человек до тысячи, а коли съедутся много — и до двою тысящ бывает» (Буров В.А., Охотина-Линд Н.А., 2004, с. 163). Количество саадаков стало больше на 12, достигнув 37 шт.; самострелов — на 10 шт., стало 18 шт. Запасы пороха и свинца увеличились более чем в два раза.

Всего Соловецкая крепость в 1613 г. имела на вооружении:

- 1) артиллерия — 130 стволов;
- 2) ручное огнестрельное оружие — 430 рушниц, 250 самопалов;
- 3) холодное древковое оружие — 450 копий и рогатин;
- 4) луки с комплектами стрел — 37 саадаков, самострелы — 18 шт.;
- 5) снаряжение (седла «со снастью») для небольшой конницы из 27 всадников.

Это был период наивысшего могущества вооружения крепости Соловецкого монастыря за всю ее историю. Здесь следует обратить внимание на соотношение пушечных бойниц и количество артиллерии. Во всех шести башнях основного массива крепости насчитывалось 85 пушечных печур (13 — Архангельская башня, 14 — Белая, 17 — Корожная, 16 — Никольская, 17 — Стратилатовская, 8 — Успенская). В пряслах было еще 64 печуры, но из них под пушки реально можно было задействовать только 57¹. В двух башнях Пристенка имелось также 13 пушечных бойниц в печурах. Итого — 154 пушечные бойницы. Таким образом, Соловецкая крепость была почти максимально укомплектована артиллерией: 130 пушек из 154 возможных². А сумма 430 рушниц и 250 самопалов вообще превышала общее количество имевшихся бойниц ручного боя³ в 3,75 раза (680:181). Такая статистика может указывать на то, что

¹ Бойницы, находившиеся со стороны Святого озера к северу от Святозерских ворот в примыкании с юга к Поварне (№31–38), были переделаны из узких оконных и дверных проемов, располагавшихся здесь до крепости каменных келий, но к стрельбе не годились и снаружи были заложены валунами.

² Ниже будет отмечено, что печуры в пряслах первоначально не предназначались под пушки. Учитывая указанное выше соотношение, можно предположить, что первоначальная растеска бойниц печур под артиллерийские орудия произошла уже в начале XVII в.

³ Совокупно 138 бойниц боевого хода, оставшиеся 24 печуры прясел и 9 нижних печур Пристенка.

Соловки в это время являлись арсеналом Беломорья.

После Столбовского мирного договора 1617 г. со Швецией ситуация на Русском Севере в целом нормализовалась, хотя временами и возникали отдельные угрозы нападения на Соловецкий монастырь датских кораблей (*Фруменков Г.Г.*, 1963, с. 60–61). Опись 1632 г. фиксирует снижение уровня вооруженности Соловецкого монастыря только в артиллерии. Резко, на 44 ствола, сократилось количество пушек — до 86 единиц. Но лишние пушки, по-видимому, были перераспределены в остроги и крепости на материке. Вместе с тем к 1632 г. на Соловках было выковано 26 железных и отлито 2 медные пушки. Выполнить данную работу могли лишь опытные пушечные кузнецы и литцы, очевидно, прибывшие из Москвы. Примеры посылки из Москвы пушечных мастеров в другие города известны (*Лобин А.Н.*, 2016, с. 111; *Малов А.В.*, 2016, с. 177). Шла замена старого оружия на новое. Число устаревших ручниц с фитилями сократилось до 290 шт., одновременно возросло количество самопалов с фитилями — до 516. Общая же сумма ручниц и самопалов увеличилась на 26 единиц. Копий стало также больше на 110 шт., добавилось еще два бердыша, одна алебарда. На смену 500 топорам появилось 50 чеканов. Упомянутся 55 луков.

В это время в юго-западных крепостях русского порубежья и в центральных городах насчитывалось в основном до 20 орудий. И только 46 было в Переславле-Рязанском, 32 шт. в Можайске, 38 шт. в Ярославле, 29 шт. в Брянске (*Карпов Д.А.*, 2009, с. 221, Приложение 1). В 1630–1640-е гг. Соловецкая крепость по уровню оснащенности пушками не уступала русским городам, военное значение которых особо признавалось и на укрепление которых были направлены главные усилия государства. Такие стратегические центры имели от 50 до 100 артиллерийских орудий (*Кирпичников А.Н.*, 1954, с. 273).

Опись 1632 г. впервые фиксирует в оружейной казне монастыря 73 сабли, из них три булатные, и один стальной палаш. Седел стало больше на 41. Отмечено знамя тафтяное (тонкого шелка) и два барабана. Существенно больше стало покрывал и одежды. Следует отметить, что в XVII столетии московские стрельцы,

помимо ручниц, имели в своем распоряжении бердыши и сабли. Бердыши могли заменяться топорами. Обычной стрелецкой сотне полагалось свое знамя, барабаны, под дробь которых осуществлялся марш (*Романов М.Ю.*, 2004). Указанные предметы мы и находим в вышеприведенных соловецких описях первой половины XVII в.

В 1640 г. сохранялся почти прежний состав вооружения. Прибыло 38 луков с тетивами, одна пушка монастырской купли, выбыло шесть пушек-пищалей государева жалования конца XVI в. По уровню оснащенности пушками Соловецкий монастырь в это время сравним с Троице-Сергиевой лаврой, где в 1641 г. имелось 90 орудий (*Балдин В.И.*, *Манушева Т.Н.*, 1996, с. 151).

В 1645 г. количество пушек не изменилось. Количество самопалов с фитилями увеличилось на 16 шт. (532 шт.), добавилось пять самопалов нового типа — двозарядных. Зато число ручниц, которые стали именовать теперь пищалами, уменьшилось на 100, их стало 190. Исчезли рогатины, отсюда при подсчете общее количество копий с бердышами уменьшилось до 528 шт.

В 1640-х гг. на Соловках прекратилось производство собственного вооружения. Результат — складирование инструмента оружейников в Казенной палате. Данный инструментарий в 1651 г. включал: сверла, «*чем пищали вертят*», напари (тип бурава), винтовник для нарезки винтовой резьбы, доска винтовая, коловороты, клещи, пилки, подпилки (терпуги), точила, наковальни, молоты, весы большие и малые — безмены, в том числе контарь. Складирована была применявшаяся при изготовлении пуль лейка для топки свинца и специальные формы — железные, медные, каменные. Малые формы для отливки пуль назывались «*кальтыцы*». Но при этом мастера-монахи оставались в монастыре. Так, во вкладной книге под 1652/1653 гг. назван «*старец Васьян пушечный литец*», который сделал вклад 5 рублей и икону Николая Чудотворца за 5 рублей (*Книга 1539–1770 гг.*, л. 198 об.).

Опись 1651 г. не включила пушки на стенах и башнях, а только то, что хранилось в оружейной казне, в Казенной палате. Изменений за шесть лет произошло немного. Стало больше на один ливонский

самопал, на 34 коротких однозарядных самопала и 36 сабель. Топоров отмечено 1300. Добавилось 15 новых луков, пять самострелов, один панцирь, 30 стрел томаров. Новое вооружение — пять мушкетов, которые отличались большей длиной ствола, большим калибром и большей тяжестью. Стреляли из мушкетов со специальной опоры, подсошки. Они появились на вооружении в середине XVI в. в Италии и Испании, затем распространились по всей Европе. Употреблялись до конца XVII в. (Квасневич В., 2007, с. 89).

Опись вооружения, составленная в 1676 г. сразу после знаменитого «Соловецкого сидения», содержит следующие данные: 73 пушки, 728 шт. пицалей, включая ручницы, 27 карабинов, 20 пистолетов. Отсутствие в списке самопалов следует объяснить заменой термина московскими писцами: самопалы отнесли к ручницам и пицалам. Чеканов оказалось, как и раньше, 50 шт. Копий и бердышей стало меньше, 334 шт. вместо 528. Луки — практически в прежнем составе. Количество сабель возросло на 43 (149 шт.), добавилась шпага. Это весьма солидный арсенал для северного монастыря.

Для сравнения отметим, что в 1675 г. на вооружении всего Новгорода находилось 72 пушки (а на Соловках 73 шт.); правда, в 1678 г. количество артиллерийских стволов выросло здесь до 130 единиц. В Пскове в 1678 г. было 247 пушек, а в Ладоге всего 32 артиллерийских орудия. Но Псков и Новгород — крупные города. При этом крепости центральных районов Московии (Владимир, Муром, Суздаль, Переславль-Залесский, Зарайск, Кашира, Коломна, Одоев, Серпухов и др.) были вооружены слабо, от 8 до 40 стволов. Исключение составляла Тула (61 пушка). В окраинном Белгороде было 115 орудий (Носов К. С., Зароштинская Н. О., 2008, с. 174–196; Носов К. С., 2009, с. 118–130). Во всем Енисейском уезде в 1697 г. насчитывалось 15 пушек, в Красноярском уезде в 1672 г. — 22 пушки, в Томске в 1665 г. — 11 пушечных стволов (Барахович П. Н., 2015, с. 80–84).

Новое описание вооружения крепости, причем только пушек, было сделано в 1694–1696 гг. четырежды. Самое раннее из них — за июль 1694 г. — по времени совпадает с плаванием Петра I по Белому морю и пер-

вым посещением Соловецкого монастыря. Вряд ли это случайное совпадение.

В середине 1690-х гг. численность артиллерии на Соловках за минувшие 20 лет упала почти вдвое и составила в 1694 и 1696 гг. 58 пушек. Две из них были негодные, а многие, такие как «Богдан», с именем мастера, середины XVI в., явно устарели. Всё это говорит о том, что к концу XVII в. военное значение Соловецкой крепости существенно снизилось. Тем не менее она продолжала оставаться важнейшим русским военным центром и надежным оплотом защиты Русского Севера. Один из списков «Космографии» того времени сообщал о Соловках: «Наряду пушечного, всяких пушек и пороховой казны много и свинцу преизобильно, а мелко ружья, пицалей и иного всякого зело множество» (Арсеньев Ю. В., 1911, с. 15). К слову заметим, что почти в это же время, в 1701 г., крепость Троице-Сергиева монастыря была вооружена 73 пушками (Токарева Т. Ю., 2015, с. 33).

В XVIII столетии, как и в предшествующие два века, состояние оружейной казны Соловецкого монастыря определялось военно-политической ситуацией в Поморье. Военные действия затяжной кровопролитной Северной войны (1700–1721 гг.), начатой Россией против Швеции за выход к Балтийскому морю, затронули и Русский Север. В самом начале военной кампании в Беломорье был проведен ряд необходимых мероприятий по укреплению обороноспособности края: полностью был реконструирован Кольский острог, частично поновлена крепость в Суме, заложена каменная Новодвинская крепость. Эти мероприятия себя оправдали. В 1701 г. Новодвинская крепость встретила и победила шведскую эскадру (Фруменков Г. Г., 1975, с. 80–81).

На Соловки шведы не напали, но прибывший в 1702 г. на остров Петр I осмотрел стены монастыря, оружейную палату, прочие монастырские службы и приказал выдать обители на нужды обороны 200 пудов пороха (Досифей, 1833, с. 102).

На следующий год после посещения государем Соловков была устроена проверка состояния оружейной казны. А еще два года спустя, в 1705 г., составили детальную опись пушек. В соответствии с запросами и правилами новой эпохи

каждому орудию дали подробную характеристику с указанием веса, длины, калибра, количества имеющихся к нему ядер. Сопоставление состава пушек описей 1696 и 1705 гг. ясно показывает, что Петра I вполне удовлетворила степень вооруженности Соловецкой крепости: ни одного дополнительного мощного орудия монастырь не получил. Более того, крепость лишилась 13 прежних пушек. Из нее вывезли четыре из 28 медных пушек — два дробовика и два «Левики». Остальные медные орудия: «Китоврас» (2 шт.), «Богдан» (5 шт.), «Лев» (1 шт.), четыре дробовика и 12 прочих, — остались на своих местах. Число железных пушек сократилось на девять единиц. При этом вместо убывших четырех пушек (хвостушки, полушки и двух железных) поступили всего две — дробовик и чугунная. На место семи хвостушек поставили семь затинных пищалей, имевших иную характеристику — «мелкое ружье». Надо полагать, изъятые орудия перевезли в другие модернизированные крепости Поморья для их усиления.

Одновременно опись 1704 г. отмечает придачу 12 малых медных пушечек (аршин, пол- и четверть аршина). Это явно неравноценная замена вывезенным орудиям. Но фиксация данных орудий после визита Петра в монастырь невольно наталкивает на мысль, что это был царский подарок: в предыдущую поездку на Соловки в 1694 г. Петр приплыл именно на 12-пушечной яхте (*Письма и бумаги*, 1887, с. 506).

В 1705 г. по своему составу артиллерия, расставленная в основном на башнях Соловецкой крепости, была разнообразной, а в количественном отношении достаточной, чтобы осуществлять действенную круговую оборону. Среди пушек была как тяжелая дальнобойная артиллерия, предназначенная для разрушения укреплений и поражения техники противника (вес таких орудий достигал 60–80 пудов), так и дробовики, поражавшие живую силу на более близком расстоянии. Для нужд обороны хватало и ядер, предназначенных в общей сложности на 5261 суммарный залп: для железных пушек ядер насчитывалось 2462 шт., для медных — 1434 шт., для затинных пищалей — 1365 шт.

В 1704–1705 гг. обитель продолжала располагать значительным количеством

ручного, хотя и устаревшего огнестрельного оружия: 688 пищалей, самопалами, мушкетами (табл. 77). Их дополняли 43 больших и малых одноствольных карабина, двуствольный карабин и восемь парадных карабинов «с костми», т.е. с костяными деталями, вставками, украшениями (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1980, с. 374). По сравнению с концом XVII в. число пистолетов возросло на 11 пар и составило 31 пару; еще три пистолы являлись парадными с серебряной оправой. Однако пороховых рогов (216 шт.), лядунок (36 шт.), натрусок (300 шт.) к ним суммарно не доставало. Осталась неясна судьба более чем 600 «фляжек затравочных» описей середины XVII в. (Порох воспламенялся через затравочное отверстие.)

Для ручного огнестрельного оружия в 1704–1705 гг. предназначались свинцовые пульки, уложенные в 12 ящиках, 15 ящиков зарядов и пулек, 300 мошон пулечных. Кроме того, имелось огромное количество свинца в слитках. В 1704 г. его вес равнялся 609 пудам, а в 1705 г. он возрос до 747 пудов. Для отливки пуль располагали одной железной и одной медной формами. Пороху в 1705 г. в общей сложности было 318 пудов 34 фунта.

В 1704–1705 гг. в монастырской оружейной казне продолжали храниться бердыши (350 шт.), копыя (328 шт.), железные кистени (12 шт.) и чеканы (49 шт.), луки (73 шт.), колчаны со стрелами (31 шт.), саадаки (35 шт.). Стрелами был наполнен также целый ларь. Складиrowались на Соловках и самострелы (4 шт.) со стрелами (37 шт.). Все они, кроме копий, уже не применялись в петровской армии первой четверти XVIII столетия (*Бранденбург Н.Е.*, 1877, с. 75–76). Но сабли (119 шт.) активно стояли на ее вооружении. Их количество в оружейной палате Соловецкого монастыря по сравнению с 1676 г. даже возросло на 20 единиц.

Спустя 40 лет, в 1740-е гг., состав оружейной казны Соловецкого монастыря претерпел некоторые изменения, на что прямое воздействие оказала напряженная обстановка периода русско-шведской войны 1741–1743 гг. Возросли количественные показатели видов оружия Соловецкой крепости (табл. 77). Согласно описи 1742 г., число пушек увеличилось до 71 (вместо прежних 58 описи 1711 г.).

Пищалей, самопалов, мушкетов вместо 680 шт. стало 760, карабинов вместо 43 стало 71 шт. Из холодного оружия незначительно увеличилось число сабель: с 161 шт. до 178, топорков с 69 шт. до 99. Одновременно убывало устаревшее холодное оружие: сократилось количество бердышей с 349 шт. до 269, копий — с 328 шт. до 300.

В последовавший мирный период, почти всю вторую половину XVIII в., ружейной казне монастыря не уделялось должного внимания. Подробного описания ее не составлялось. Она была заброшена, превратившись в склад раритетов. Посетивший в 1772 г. Соловецкий монастырь академик И. И. Лепехин так охарактеризовал собрание оружия, хранившегося под монастырской ризницей в «нижней палате»: *«Оружейная монастырская палата наполнена множеством оружия, предками нашими употреблявшегося, каковы суть: бердыши, разных видов палаши, сабли, метательные дротики, копы и стрелы. Немалое же количество есть и огнестрельного мелкого оружия, между коими большое число составляют ружья с фитилями разного вида, величины и сложения так, что знающий хорошо древния оружия нашел бы в них и самую редкия»* (Лепехин И. И., 1822, с. 443, прим. 1).

Пушки, оставленные на произвол судьбы, выходили из строя. Новая война России со Швецией 1788–1790 гг. заставила вспомнить о Соловецком монастыре как о крепости. Проведенные в 1788–1789 гг. и в январе 1790 г. описи оружия выявили его утраты и плохое состояние. Из 75 пушек чуть менее половины (35 шт.) оказались негодными. Из 760 старых пищалей, самопалов, мушкетов осталось 728. Не стало пистолетов; все они были розданы. Имелись картечь, дробь, 42 600 пулек, 500 пудов свинца, 550 пудов пороха. Пороховых рогов осталось всего 32, лядунок 13. Не было натрусок. Пришедшие в негодность сабли изъяли и заменили на шведские шпаги, но в меньшем количестве (всего 57 шт.).

Основные работы по восстановлению боеспособности Соловецкой крепости пришлось на лето 1790 г. Как сообщает Соловецкий летописец, 25 мая 1790 г. для защиты Соловецкого монастыря на остров прибыло дополнительное воинское подкрепление численностью 250 человек

с офицерами (СЛ 1814 г., л. 33 — 33 об.). Детальное обследование крепости, проведенное инженером-подпоручиком Васильевым, выявило ее удручающее состояние — *«совершенное запустение»*, но силами соловецкой военной команды (около 70 человек) были исправлены все *«ветхости и недостатки»* (Васильев, 1790 г., л. 19 об. — 20). Многие пушки на Соловках были старые. В такой ситуации не приходилось пренебрегать ручным оружием XVI–XVII вв. Инженер-подпоручик Васильев сообщил, что из 700 пищалей, самопалов, мушкетов *«браны были для вооружения приезжих богомольцов, имеющих во время неприятельского попущения в монастыре задержанными остаться, до пяти сот, кои исправлены и вычищены и по окончании войны в Оруженную палату возвращены»* (Васильев, 1790 г., л. 66). В сентябре 1790 г. в связи с прекращением войны прибывшие военные покинули остров. На вооружение было поставлено 83 пушки.

В 1791 г. путешествовавший по северу отставной секунд-майор П. И. Челищев обратил внимание в оружейной казне монастыря лишь на три шпаги: *«В ружейной палате множество старинных ружей, ружейных стволов, лож порошниц, луков, стрел, пистолетов, шпаг, шишаков и прочаго стариннаго военного орудия и несколько платья, что все не составляет важности, а есть только три жалованных от государей с золотыми и серебряными в высечках булатных шпаги в хороших позолоченных, серебром оправленных ножнах, а других никаких любопытных вещей нет»*. Он также заметил, что на монастырской стене и в башнях оставались лежать множество *«изрядной величины»* негодных пушек (Челищев П. И., 1886, с. 43–44).

Вскоре после этого часть привезенных пушек была забрана с Соловков, о чем свидетельствуют результаты описи 1795 г. Это последняя известная нам опись оружейной казны Соловецкого монастыря. Вместо прежних 83 исправных пушек в ней зарегистрировано всего 56 орудий, способных к стрельбе. Изменений состава и количества прочего вооружения не произошло.

Чтобы оценить обеспеченность пушками Соловецкой крепости в 1795 г., сопоставим уровень ее вооруженности

Таблица 78

**Вооружение северных крепостей России
в 1794 г.**

Крепость	Количество пушек	Количество мортир и гаубиц
Соловецкая	56	—
Нейшлот	48	12
Шлиссельбург	50	9
Санкт-Петербург	80	12
Кексгольм	84	18
Новодвинская	100	20
Дерпт	136	32
Кронштадт	190	38
Ревель	200	36
Выборг	240	44
Нарва	250	48

с другими русскими крепостями на Балтике этого времени. По общему количеству пушек она уступала им всем, иногда в разы (*Вооружение крепостей 1794 г.*) (табл. 78). Но это говорит лишь о том, что Поморье не было на переднем плане военных действий. Приоритет отдан Балтике.

В самом начале XIX столетия Русский Север вновь оказался на грани войны. Для уяснения событий тех лет важна запись Соловецкого летописца 1814 г. 18 мая 1801 г.: *«по случаю происходивших между российской и английской державами немирных обстоятельств по распоряжению Павла I в Соловецкую крепость прибыли на двух гребных судах с пушками и запасом пороха два гранодерских батальона под командой генерал-лейтенанта Докторова. Вместе с ним были полковники Соколов, Лукашевич, Будберг, а также 42 офицера. Общая численность прибывших войск составила 1595 человек. Для привезенного пороха потребовалось новое помещение. И в том же 1801 г. с севера от прежних пороховых погребов был пристроен новый каменный погреб»* (СЛ 1814 г., л. 40 об., 41 об.).

Но уже в июле новый император Александр I заключил с Англией союз на суше и море. По выражению автора-летописца, новый монарх *«превратил военные обстоятельства в безоружную тишину и беспечность в оных»*. 18 июля, ровно через два месяца, войска покинули Соловецкий монастырь, отбыв в города Онегу и Архангельск. Вся артиллерия

и порох были оставлены в монастыре и переданы поручику Кормщикову, под началом которого оставалась прежняя команда из 33 человек. В августе того же года из Колы в Соловецкий монастырь были привезены на судах чугунные пушки, как ломовые без лафетов, так и боеспособные на лафетах. Вместе с ними поступили на хранение *«во многом количестве»* ядра разных калибров, картечь, артиллерийские снаряды. Всё это было принято по ведомости тем же поручиком Кормщиковым, а затем перепроверено и уточнено присланным специально на Соловки капитаном Скворцовым (СЛ 1814 г., л. 41 — 41 об.).

Однако уже в 1814 г. по требованию Артиллерийского департамента из Соловецкого монастыря была выведена вся артиллерийская команда со всеми годными орудиями, порохом и свинцом и переправлена в Новодвинскую крепость. Вес вывезенного артиллерийского имущества составил 14 тыс. пудов. Историк Г. Г. Фруменков трактует данное событие как разоружение Соловецкого монастыря (Фруменков Г. Г., 1975, с. 111–112). Но по сути это означало, что в 1814 г. оружейная казна Соловецкого монастыря прекратила свое существование. На Соловках осталось старое, непригодное к реальным боевым действиям оружие XVI–XVII вв. По сообщению Досифея, с 1800 г. оно размещалось в Успенской башне крепости (Досифей, 1836, ч. I, с. 246). В издании 1813 г. К. С. Молчанов привел следующее описание собрания соловецкого оружия: *«В оружейной палате показываются старого калибра пушки медные и чугунные, пищали длинные, пищали турецкие о двух зарядах, большие и малые карабины, фузеи с медною оправою, пистолеты с серебряною оправою, пищали самопалы, мушкеты в ложах, пищали с жагрой, винтовки, палаши, сабли булатные, луки, шпаги, богонеты, копья, рогатины, бердыши, колчаны со стрелами, кортики, рога козачьи, алебарды, знамена, метательные дротики разного вида, величины и сложения, так, что знающий хорошо древния орудия, может найти в них и самую редкия»* (Молчанов К. С., 1813, с. 319). В книге 1825 г. архимандрит Макарий почти дословно повторил данное описание (Макарий, 1825, с. 77).

В 1828 г. «против оружейной палаты сделаны большие кирпичные арки и на ограду новая лестница, со стены в палату переходы с покрытием, и еще большая лестница с ограды в башню из брусowego леса, обшита тесом» (Дело 1828 г., л. 7 об., пункт 28). Через два года новым тесом была обшита и сама башня: «Оружейная палата, где хранятся древния воинския доспехи, покрыта новым тесом» (Дело 1830 г., л. 5, пункт 23). В 1838 г. Успенская башня была специально «отделана для хранения в ней имеющихся древних орудий» (Дело 1839 г., л. 2 об.).

В 1835 г. оружейную палату монастыря кратко описал путешественник Я. Н. Озерецковский: «В оружейной палате лежит горами старинное оружие: секиры, бердыши, кистени, пистолеты, ружья и прочее. Без сомнения более от небрежения и времени, нежели от употребления, оно пришло почти в совершенную негодность, и, конечно, весь этот любопытный арсенал был бы растаскан или сделан бы достоянием ржавчины, если бы не спасло его благоразумие архимандрита. Он намерен по возможности привести его в порядок» (Озерецковский Я. Н., 1836, с. 38).

В 1836 г. Досифей привел длинный список содержимого хранилища: «В оружейной монастырской палате сохранилось также от древних времен много достопримечательных старинных орудий, как то: старого калибра различной величины железные и чугунные пушки, длинные затинные пищали, турецкие о двух зарядах большие и малые карабины, фузеи с медною и пистолеты с серебряною оправою, пищали и самопалы с жагрюю, мушкетеры в ложах и без оных, винтовки, палаши, сабли булатные, луки, шпаги, богонеты, копья, рогатины, колчаны со стрелами, кортики, казачьи роги, алебарды, знамена и метательные дротики разного вида, величины и сложения» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 302).

Коллекция оружейной палаты в Успенской башне составляла гордость Соловецкого монастыря, превратившись со временем в одно из наиболее богатых и представительных собраний средневекового русского оружия в России. Именно из нее осенью

1876 г. Н. Е. Бранденбургом было отобрано 180 предметов, вывезенных на следующий год в Санкт-Петербург (Бранденбург Н. Е., 1877; 1889; Кирпичников А. Н., 1995, с. 29–33). Остатки вооружения весь конец XIX в. и начало XX в. хранились в Успенской (или, как ее тогда называли, Арсенальной) башне, ставшей настоящим музеем.

Описание соловецкого собрания оружия приводит ряд авторов второй половины XIX в. Так, архитектор-реставратор В. В. Суслов отмечает: «В одной из башен этого укрепления находится арсенал, где сохраняются остатки бывшей весьма интересной коллекции всевозможного оружия (стрелы, пищали, пороховницы, топоры, бердыши, самострелы и т. д.) <... > Наиболее интересные вещи поступили в Артиллерийский музей при Петропавловской крепости Санкт-Петербурга» (Суслов В. В., 1888, с. 56).

В «Путеводителе по северу России» XIX в. сказано: «Интересное и богатое собрание оружия и воинских доспехов с 1578 г. Палата находится под ведением отца казначея. В палате находятся пушки медные и чугунные, турецкие пищали о двух зарядах, карабины, фузеи, пистолеты с серебряною оправою, самопалы, мушкетеры в ложах, палаши, сабли, луки, шпаги, копья, бердыши, колчаны со стрелами, кортики, рога казачьи, алебарды, знамена, метательные дротики» (Путеводитель, б. г., с. 61).

В 1888 г. архангельским фотографом Я. И. Лейцингером были выполнены два снимка интерьера Успенской башни. Из них следует, что на Соловках существовала подлинная музейная экспозиция средневекового вооружения, включавшая собрание пищалей, шпаг, копий, стрел, железных ядер, дроби и малых пушечек начала XVIII столетия. В то время было цело даже знамя на древке. Зафиксирована была одна пушка на лафете в башне (История, 1899, вклейка после с. 145; Лейцингер Я. И., 2005). Видимо, ее наблюдал в 1922 г. архитектор П. Д. Барановский: «В одной из башен сохранились в бойницах пушки на колесах» (Соловецкий монастырь, 2000, с. 23). В хорошем состоянии коллекция вооружения Соловецкой крепости благополучно сохранялась до рокового 25 мая 1923 г.

4.2. СУДЬБА ВООРУЖЕНИЯ КРЕПОСТИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В 1922 г., когда судьба Соловецкого монастыря была окончательно предрешена, архитектор П.Д. Барановский предпринял попытку спасти это великое культурное наследие, предложив образовать на Соловках музей. Составной частью нового музея должна была стать оружейная палата в Успенской башне. Об этом П.Д. Барановский писал в особой записке: «*Оружейная палата монастыря имеет собрание древнего оружия, служившего при обороне крепости в XVI и XVII веках*» (Соловецкий монастырь, 2000, с. 25). Однако весной 1923 г. советское правительство приняло решение создать на Соловецких островах концлагерь ГПУ. А далее произошла трагедия.

Оружейная палата погибла в последние дни мая 1923 г., во время грандиозного пожара. Впервые подробности о судьбе старинных предметов сообщил Г.А. Богуславский в одной из популярных книг: «*Успенская башня, находившаяся рядом с очагом пожара, обвалилась и хранившиеся здесь вещи были засыпаны. Через несколько лет музей СЛОН предпринял разборку этих завалов. Было обнаружено много бердышей, копий, стрел, ядер и пр.*» (Богуславский Г.А., 1978, с. 54).

В архиве архитектора-реставратора П.Д. Барановского нам удалось найти уникальные документальные свидетельства последствий пожара оружейной палаты — две фотографии с завалом из остатков оружия (ил. 176). Они могут служить прекрасной иллюстрацией письма студентов-архитекторов А.А. Карпова и В.В. Кратюка П.Д. Барановскому с Соловков от 26 июня 1923 г.: «*Кстати, сообщим Вам о состоянии т[ак] наз[ываемой] Ружейной башни. Вы, вероятно, знаете, что в одной из башен монастырских стен находился склад старинного оружия (пищали, пушки, бердыши, ядра и пр.). Башня эта пострадала, все древние части ее выгорели. Жалкие остатки этого, по всей вероятности, ценного собрания безобразной грудой валяются на дне колодца, который представляет в настоящее время башня. Сохранились только металлические*

части оружия. М[ожет] б[ыть], если бы покопаться, то можно найти и сохранившиеся образцы, то же, что видно, не представляет никакой ценности и годны только на переплавку» (Соловецкий монастырь, 2000, с. 43).

11 августа того же года прибывший на Соловки специалист по древнерусскому искусству, заведующий музеем-собором Василия Блаженного Е.И. Силин оставил запись в своем дневнике от 11 августа: «*В 10 ч. осматривали башню в крепостной стене, где хранилось оружие. Пожар 1923 г. уничтожил внутри всё, что могло сгореть. Оружие валяется на земле, под слоем земли и грудой кирпича, осталось по стенам на сводах. Мы кое-что поразрыли, железо цело, но деревянные части погибли. Это такое ужасное зрелище, не поддающееся описанию. Так погиб знаменитый Музей Оружия XVI–XVII века. Что еще удастся спасти, не знаем. Решили начать работу по раскопкам и поручить руководить Н.А. Попову⁴*» (Силин Е.И. рук., 1923; Кызласова И.Л., 2012, с. 182). Но раскопки состоялись позже.

П.Д. Барановский сохранил вырезку из газеты «Вечерняя Москва» от 5 декабря 1928 г. с сообщением о раскопках: «*Главнаукой получено сообщение об интересных археологических раскопках, произведенных на Соловецком острове специальной комиссией <...> При раскопках Арсенальной башни, разрушенной во время пожара 1923 года, найдено свыше 375 экземпляров различного старинного оружия*». Та же заметка сообщала, что 207 пищалей были обнаружены при раскопках в подклетах Преображенского собора⁵. Остается только добавить, что раскопки осуществили узники концлагеря — сотрудники Соловецкого общества краеведения (СОК).

К сожалению, судьба откопанных ими вещей осталась неизвестна. Но не вызывает сомнений, что благодаря именно усилиям П.Д. Барановского в 1939 г. в Государственный исторический музей с Соловков поступило несколько бердышей, секир, наконечников копий. Ныне часть из них

⁴ А.Н. Попов — сотрудник Архангельского музея. Приношу благодарность Т.А. Тутовой за предоставленные фрагменты дневника Е.И. Силина.

⁵ ГНИМА. Фонд П.Д. Барановского (ед. хр. 34).

представлена в экспозиции филиала ГИМ, музей-усадьбе «Коломенское».

По воспоминаниям одного из узников концлагеря, после пожара несколько пушек были установлены как древние экспонаты: «*Вдоль северной стены кремля теперь появились древние пушки, прежде стоявшие врытыми в землю вместо тумб у коридора за концлагерным лазаретом*». В Прядильной башне после ее реставрации водрузили на место стоявшие там орудия (Розанов М., 1979, с. 32–32).

Судьба разбросала предметы соловецкого вооружения по пяти музеям. До наших дней дошла лишь его крайне незначительная часть. Представительной соловецкой коллекцией оружия располагает Военно-исторический музей артиллерии, первый соловецкий экспонат которого оказался в столице Российской империи еще в 1808 г. Это — пицаль XVI в. эпохи Ивана Грозного (Бранденбург Н.Е., 1877, ч. I, с. 140, № LXIV). Впрочем, еще в 1757 г. в Санкт-Петербург, в военную походную канцелярию по запросу генерала Шувалова с Соловков также привозили предметы древнего вооружения: рубашку кольчужную, шапку-мисюрку, нагрудник, наручи, мушкет, пистолет, саблю, копье, топорок, чекан, деревянную пороховую голову, обшитую кожей нерпы, и казачий рог (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 36). Судьба данных предметов осталась неизвестна.

Огромная заслуга в создании коллекции Артиллерийского музея принадлежит его первому заведующему Н.Е. Бранденбургу. В сентябре 1876 г. он посетил Соловецкий монастырь и отобрал из оружейной палаты 181 предмет. В июле 1877 г. данная коллекция прибыла в столицу (Ломакин Н.В., 1999, с. 325). Она была опубликована Н.Е. Бранденбургом лишь частично. В наши дни известный историк оружия А. Н. Кирпичников высоко оценил деятельность Н. Е. Бранденбурга, который, как показали события XX в., спас от гибели основную, наиболее ценную часть соловецкого арсенала (Кирпичников А.Н., 1995, с. 29–33). К сожалению, за 100 лет хранения в Военно-историческом музее артиллерии многие предметы древнего вооружения соловецкого собрания были депортированы. Сотрудник ВИМАИВиВС Н.В. Ломакин приложил усилия по атрибуции холодного оружия. Огнестрельное

же оружие с Соловков: ручницы, пищали, тюфяки — представлено в современной постоянной экспозиции музея.

Предметами вооружения Соловецкой крепости располагает также Архангельский областной краеведческий музей. Это в основном поступления из Архангельского епархиального древлехранилища, куда их доставили из монастыря в 1904 г. В 2006 г. данные раритеты впервые были представлены на выставке «Наследие Соловецкого монастыря» в Архангельске.

Скромным собранием соловецкого оружия располагает и Государственный музей истории религии в Санкт-Петербурге. Его коллекция возникла в 1939 г. за счет экспонатов бывшего музея Соловецкого общества краеведения, существовавшего при концлагере.

Другая коллекция древнего соловецкого монастырского вооружения после упразднения Соловецкой тюрьмы особого назначения (СТОН) попала в Государственный исторический музей (ГИМ) и его филиал — музей-усадьбу «Коломенское». Известно, что в 1939 г. накануне передачи комплекса зданий бывшего Соловецкого монастыря военным морякам на Соловки приезжали представители Государственного исторического музея (Соловецкий монастырь, 2000, с. 36–37). Надо полагать, что важную роль в организации данного собрания сыграл П.Д. Барановский, в то время первый директор музея-усадьбы «Коломенское».

Значительная коллекция вооружения бывшего монастыря имеется и в Соловецком государственном историко-архитектурном и природном музее-заповеднике (СГИАПМЗ), образованном в 1967 г. В его собрании представлены пушки, ядра, секиры, бердыши, стволы пищалей, ружейные замки и пр.

В настоящее время две пушки установлены на реконструируемых лафетах в Белой башне и три в Стратилатовской (Прядильной) башне. Девять орудий перенесли на территорию Мельничного двора, в пещуру № 57 к северу от Белой башни. Среди них присутствуют и те, что были выявлены в ходе первых раскопок на Соловках, осуществленных в 1967 и 1976 гг. А. Н. Кирпичниковым. Исследователь целенаправленно провел поиск старинных орудий в Архангельской и Корожной башнях

и нашел помимо них многочисленные ядра (Кирпичников А. Н., Шилик К. К. рук., 1968; рук., 1971; Кирпичников А. Н., 1976, с. 86).

Ряд экспонатов музея-заповеднику в начальные годы его образования передал ГИМ. Часть предметов была найдена на территории монастыря в ходе разных земляных работ и археологических исследований. За последние 20 лет список артефактов, относящихся к вооружению Соловецкой крепости, существенно расширился за счет стволов пищалей, обломков пушек, бердышей, ядер, пуль, кремневых ружейных замков, наконечников стрел, наконечников пик, арбалетных болтов, шрапнели. Эти предметы были добыты Соловецкой средневековой археологической экспедицией под руководством В. А. Бурова и экспедицией Института археологии РАН, возглавляемой М. Е. Ворожейкиной.

Наконец, упомянем небольшую коллекцию случайных находок оружия, собранную в Церковно-археологическом кабинете действующего Спасо-Преображенского соловецкого ставропигиального мужского монастыря.

Изучение предметов соловецкого вооружения из фондов ГИМ исследователи начали в 1950-х гг. (Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н., 1953). В 1990-е гг. изучалось ручное оружие из собрания Военно-исторического музея артиллерии (Ломакин Н. В., 1996, с. 324–328). Сотрудник Соловецкого музея-заповедника С. Б. Балан подготовила сначала сокращенный, а затем наиболее полный каталог из 120 предметов вооружения из фондов СГИАПМЗ. В него вошли 12 наконечников пик, 2 наконечника копий, 18 бердышей, вток для копья, клинок шпаги, 19 наконечников стрел, 5 наконечников арбалетных болтов, 32 ствола ручных пищалей, ствол пистолета, 8 замков ружейных ударно-кремневых, 17 стволов пушек, 5 ядер (Балан С. Б., 2006, с. 141–156; 2013).

На повестку дня важно поставить вопрос о создании полного каталога всего дошедшего до наших дней оружия Соловецкой крепости XVI–XVIII вв. Несомненно, это должен быть коллективный труд, требующий привлечения специалистов разных научных учреждений.

4.3. Состав и эволюция собрания оружия

Главным источником по данной теме служат 27 описей, составлявшихся с конца XVI до конца XVIII в. (Приложение 1). Сам характер описания оружия и характеристики артиллерийских орудий, стоявших на вооружении Соловецкой крепости, менялся от столетия к столетию. До третьей четверти XVII в. первостепенное внимание уделялось происхождению пушек: государева пожалования, монастырской покупки, монастырского изготовления или трофейные. И только затем назывался материал (медь, железо) и длина ствола — в вершках, пядях или аршинах. В такой классификации артиллерии по четырем категориям нашла отражение общая система учета ценностей, свойственная именно монастырской казне, для которой были важны источники поступления. Описи не отмечали даже место установки «наряда».

В 1676 г., после «Соловецкого сидения», завершившегося сменой монашеской братии, перешли на другие принци-

пы описания орудий. Князем Волконским и дьяком Чистого дается подробная профессиональная роспись расстановки пушек по ярусам башен крепости с краткой характеристикой каждого ствола: металл, тип орудия, длина, наличие станка на колесах, вес ядра. Но уже в описях 1690-х гг. городничие соборные старцы, поскольку они не были профессиональными военными, кратко перечислили по башням пушки с указанием металла и типа орудия.

В 1705 г. дьяком Карпом Андреевым снова составляется профессиональная детальная опись пушек по ярусам башен. Указывается название пушки или ее тип, металл, вес, длина, количество ядер, вес ядра. А в 1709 г. соборный старец городничий вновь пренебрегает этими характеристиками. Его описание «наряда» весьма беглое — только металл и тип пушки.

В 1711 г. подполковник Иван Кокошкин возвращается к системе описания 1705 г., но не указывает месторасположение пушек. Следующий реестр пушек

1742 г. приводит лишь общую сводку наличия медных и железных пушек с указанием веса каждой в пудах и фунтах.

В 1789 г. комиссия во главе с архимандритом пересчитала и взвесила все пушки, даже не отметив, где они располагались, словно речь шла о простом металле. Их работу в январе 1790 г. пришлось переделывать прапорщику Иванову, который профессионально расписал пушки по месту нахождения, назвал их тип, металл, наличие станка, выборочно — вес ядра и общее количество ядер разного веса. Всё это было важно знать военным для оценки состояния обороноспособности Соловецкой крепости. В октябре 1790 г. следует новая роспись орудий по башням с указанием количества пушек по весу ядер и количества снарядов. Последняя опись вооружения 1795 г. самая формальная и лаконичная: названо только общее количество медных и чугунных пушек «разных калибров» и общее количество к ним ядер. Тем самым она свидетельствует об окончательной утрате интереса к вооружению Соловецкой крепости в это время, поскольку центр обороны Поморья переместился в Новодвинскую крепость под Архангельском.

4.3.1. Артиллерия — «наряд»

В эпоху средневековья артиллерия определялась словом «наряд». Все артиллерийские стволы изначально назывались пищальми (от польского *pistula* — «дудка»), при этом определения «пушка» и «пищаль» были тождественны: «Да железных монастырьского кованя пушек скорострельных и полуторных, и девятипядных, и дробовых тюфяков, и хвостушь — пятьдесят четыре пищали» (*Опись СМ 1613 г.*, л. 111 об.).

В XVI–XVII вв. артиллерия в зависимости от металла делилась на медную — из литой бронзы, и железную — кованую. В XVII в. старые медные орудия постепенно вытесняются железными (*Носов К. С., Зарощинская Н. О.*, 2008, с. 177).

Железные и медные пищали-пушки в описях вооружения Соловецкой крепости подразделялись на затинные, девятипядные, полуторные, скорострельные, хвостухи. Просто пушками именовались:

волконейки, сороковые, тюфяки дробовые, проломные, полковые, мортиры. Некоторые медные и железные пушки указывались без обозначения типа.

4.3.1.1. Пищали-пушки затинные

Пищаль затинная в XVI–XVII вв. — обобщенное название крепостных пушек малого калибра, предназначенных для настильной стрельбы железными ядрами. На Соловках затинные пищали появились в 1578 г. в количестве пяти единиц как дар царя Ивана IV Грозного. В 1579 г. к ним добавились еще три. В 1590 и 1592 гг. от царя Федора Иоанновича прибыли сначала четыре, потом еще пять затинных пищалей. К моменту завершения строительства крепости было 17 затинных пищалей. В 1597 г. этих орудий за счет 20 шт. монастырского производства стало 37 шт. Более прибавления затинных пищалей не было, и в 1613 г. их оставалось столько же, но к 1632–1645 гг. количество затинных пищалей сократилось до 29 единиц (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 15 — 16 об.; *Опись СМ 1597 г.*, л. 113 об.; *Опись СМ 1604 г.*, л. 115 — 116 об.; *Опись СМ 1613 г.*, л. 111 — 112 об.; *Опись СМ 1632 г.*, л. 161 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 155; *Опись СМ 1645 г.*, л. 173 об.).

Прямое указание на то, что затинные пищали это пушки, стрелявшие свинцовыми и железными ядрами, имеется во вкладной книге, в записи под 1592 г. Тогда же для их obsługi прибыли московские пушкарники: «Да в [7]100 (1592) году пожаловал царь и государь 5 пищалей затинных, а к ним ядер 390 свинчатых да 600 ядер железных, а привезли те пищали и ядра московский пушкарники Яков Тверитин, сам третьей с товарищи» (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 16 об.).

Опись 1676 г. стала различать два их типа — пищаль затинная и пушка затинная (табл. 79). Первых было девять, вторых три (*Опись 1676 г.*, л. 550 об. — 562), а 17 прежних затинных пищалей стали значиться как просто «семнатцат пищалей без замков и ломанных» (*Опись 1676 г.*, л. 525 об.).

В книгах 1694 и 1695 гг. затинные орудия не называются, а в книге 1696 г. указана всего одна «пушка затинная железная в станке» (*Опись СМ 1696 г.*, л. 4). В 1703 г. было «восемь пищалей железных затиных» на Поваренной башне (*Книга 1703 г.*, л. 5).

Таблица 79

Затинные пищали и пушки по описи 1676 г. Длина и размещение в башнях

Длина	Наименование	Нахождение в башне	Ярус башни	Кол-во, шт.
Небольшая в ложе	Пищаль затинная	Успенская	Верхний	1
1 аршин	Пищаль затинная	Корожная	Верхний	1
2 аршина 6 вершков	Пушка затинная	Никольская	Средний	1
1 аршин 6 вершков	Пушка затинная	Никольская	Средний	1
2 аршина без четверти	Пищаль затинная	Никольская	Верхний	1
2,5 аршина	Пищаль затинная	Квасоваренная	Средний	1
2,5 аршина	Пищаль затинная	Архангельская	Верхний	1
2,5 аршина	Пищаль затинная	Белая	Средний	1
1 аршин 5 вершков	Пищаль затинная	Стена у Белой башни	–	1
1 аршин 10 вершков	Пищаль затинная	Стена у Белой башни	–	1
1 аршин 10 вершков	Пищаль затинная	Стена у Белой башни	–	1
2 аршина 10 вершков	Пушка затинная	Стратилатовская	Верхний	1
Всего				12

Таблица 80

Затинные пищали и пушки по описи 1705 г. Длина и вес

Нумерация	Наименование	Металл	Длина	Вес
18-я	Пушка затинная хвостуша	Железная	2 аршина 10 вершков	2 пуда (32,76 кг)
20-я	Пушка затинная хвостушка	Железная	2 аршина 9 вершков	1 пуд 13 фунтов (21,71 кг)
21-я	Пушка затинная	Железная	2 аршина 9 вершков	1,5 пуда (24,54 кг)
22-я	Пищаль затинная хвостушка	Железная	1 аршин 9 вершков	1 пуд 10 фунтов (20,48 кг)

Таблица 81

Затинные пищали и пушки по описи 1709 г. Длина и размещение в башнях

Размер	Наименование	Металл	Нахождение в башне	Ярус башни	Кол-во, шт.
–	Пушка затинная	Медная	Успенская	Верхний	1
Малая	Пушка затинная	Медная	Корожная	Верхний	1
–	Пушка затинная	Медная	Никольская	Средний	1
Небольшая	Пушка затинная	Медная	Белая	Средний	1

Таблица 82

Затинные пищали и пушки по описи 1711 г. Длина и вес

№ по описи	Тип орудия	Металл	Длина	Вес
20-я	Пушка затинная хвостушка	Чугун	2 аршина 10 вершков	1 пуд 13 фунтов (21,71 кг)
21-я	Пушка затинная	Чугун	2 аршина 9 вершков	1,5 пуда (24,54 кг)
22-я	Пищаль затинная хвостовая	Чугун	1 аршин 9 вершков	1 пуд 10 фунтов (20,48 кг)
23-я	Пищаль затинная хвостовая	Чугун	2 аршина 2 вершка	1 пуд 10 фунтов (20,48 кг)

В 1705 г. перечислены три затинных пушки и одна затинная пищаль (*Опись 1705 г.*, л. 329 об.) (табл. 80). В 1709 г. все четыре затинных орудия обозначены как пушки (*Книга 1709 г.*, л. 4–5, 7) (табл. 81), а в 1711 г. — как затинные две пушки и две пищали (*Книги 1711 г.*, л. 199 об.) (табл. 82). Это указывает на то, что в начале XVIII в. выделили две разновидности затинных орудий: затинные пищали и затинные пушки.

Различие по длине этих орудий конца XVI в. было порой существенное. Затинные орудия конца XVI в. были как короткие, так и длинные. Согласно описям 1676 и 1711 гг., длина пищалей и пушек колебалась от 1 до 2,5 аршин⁶. Но среди затинных пушек превалировали длинные (более двух аршин). При этом пищали затинные были всё же чуть короче затинных пушек и немногим меньше весом, хотя и те и другие были достаточно тяжелыми по сравнению с ручным оружием. Их вес составлял более одного пуда (16,38 кг), но менее двух пудов (32,76 кг)⁷. Отсюда можно сделать вывод, что затинные пушки — это легкая артиллерия.

Затинные пушки, имевшие большую длину ствола, большой пороховой заряд в соответствии с большей массой орудия, должны были иметь большую дальность стрельбы. Они предназначались для поражения живой силы противника (пехоты, конницы) на дальнейшее расстояние. Поэтому их никогда не устанавливали на первом ярусе соловецких башен, а только на среднем или верхнем. Во время «Соловецкого сидения» малокалиберная дальнобойная затинная пушка была в обязательном порядке на каждой башне.

Затинные пищали и затинные пушки различались по калибру. Книга 1632 г. отмечает, что затинные пищали стреляли железными и покрытыми свинцом пулями: «*Да 3050 пулек облитых к затинным <...> Да железных 1600 пулек к затинным*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164). О том же свидетельствует и опись 1705 г.: «*В сундуках ж в дву ящиках пули железные затинных пищалей, а иные облиты свинцом*». Но при этом затинные пищали называют «*мелким ружьем*», которое стреляет еще и мелкими

ядрами. Ядрами стреляли затинные пушки: «*К тому вышеписанному мелкому ружью к затинным пищалам мелких тысяча три ста шестьдесят пять ядер железных <...> Всего железных больших и малых тридцать четыре пушки и 3 затинным, к темь пушкам по кружалу две тысячи четыре ста шездесят четыре ядра железных*» (*Опись 1705 г.*, л. 293 об., 330 об.). Калибр затинных пищалей был меньше затинных пушек.

Резкое сокращение затинных пищалей и затинных пушек к концу XVII — началу XVIII столетия свидетельствует о том, что их практически сняли с вооружения Соловецкой крепости. После 1711 г. они не упоминаются, хотя и находились в резерве монастыря: 6 августа 1788 г. четыре затинные пищали были отправлены в Кемь, на монастырское подворье «*от приезда неприятельских караблей и судов и самих шведов*» (*Опись 1788–1789 гг.*, л. 35 об.). Это последнее их упоминание.

4.3.1.2. Пищали-пушки девятипядные

Пушки-пищали девятипядные, медные и железные. С учетом размера одной пяди⁸ длина ствола равнялась 160,02 см. Изначально было две медных девятипядных пищали — дар Ивана Грозного 1578 г. Далее они упомянуты в описях до середины XVII в. или как пищали, или пушки (*Опись СМ 1597 г.*, л. 113; *Опись СМ 1604 г.*, л. 115; *Опись СМ 1613 г.*, л. 111; *Опись СМ 1632 г.*, л. 161; *Опись СМ 1640 г.*, л. 154 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 173). Но одновременно на рубеже столетий в арсенале появилось несколько железных девятипядных пушек-пищалей без указания их количества (*Опись СМ 1597 г.*, л. 113 об.; *Опись СМ 1604 г.*, л. 115 об.; *Опись СМ 1613 г.*, л. 111 об.). В 1632, 1640 и 1645 гг. названы еще и четыре железные девятипядные пищали «*монастырского дела*», две медные монастырского литья и 10 медные монастырской покупки (*Опись СМ 1632 г.*, л. 161 об., 162; *Опись СМ 1640 г.*, л. 155, 155 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 173, 173 об.). Всего — 18 пушек.

В описи 1676 г., как и в последующих документах, девятипядные орудия

⁶ Аршин = 68–72 см. Вершок = 4,29 см; с XVIII в. — 4,44 см.

⁷ Пуд = 16,38 кг. 1 пуд = 40 фунтам. Фунт = 0,41 кг.

⁸ 1 пядь = $\frac{1}{12}$ сажени = $\frac{1}{4}$ аршина = 4 вершка = 7 дюймов = 17,78 см.

не фигурируют, поскольку там вообще не указывается длина ствола. А опись 1705 г. приводит замеры уже в аршинах и вершках. 9 пядей должны соответствовать примерно двум аршинам ($68-72 \times 2 = 136-144$ см) и 3,6–5,4 вершкам. Таким параметрам соответствует одна медная «*третия надесять пушка немецкого литья, весом двадцать три пуда двадцать фунт, длиною два аршина пять вершков. К ней по кружалу семьдесят пять ядер, по два фунта ядро*» (Опись СМ 1705 г., л. 327). Из железных пушек подходит тоже одна «*первая на десять пушка железная, весом четыре пуд тридцать четыре фунта, длина два аршина пять вершков. К ней по кружалу семдесят четыре ядра, по полуфунту ядро*» (Опись СМ 1705 г., л. 328 об.). Возможно, это всё, что осталось от прежних девятипядных орудий к началу XVIII столетия.

В 1711 г. прежние сведения повторены (Опись СМ 1711 г., л. 195, 198). В 1742 г. указанные пушки легко определяются по весу, обе в разных графах под № 13 (*Регистр 1742 г.*, л. 311), а в 1788–1789 гг. под № 11 и 15 (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 30 об., 31). Но в 1790 г. данных пушек уже не оказалось.

Девятипядные пушки на Соловках были разного калибра. При одинаковой длине ствола они снабжались ядрами весом 2 фунта⁹ ($0,49 \text{ кг} \times 2 = 0,98 \text{ кг}$) и 0,5 фунта ($0,49 \text{ кг} \times 0,5 = 0,255 \text{ кг}$).

4.3.1.3. Пищали-пушки полуторные

Название орудий производно от полутора десятка пядей ($15 \times 17,78 \text{ см} = 266,7 \text{ см}$), или от полутора маховых саженьей ($1,5 \times 177,8 \text{ м} = 2,667 \text{ м}$). Полуторные медные пищали появились на Соловках в 1578 г. Их прислал Иван IV. В 1593 г. арсенал крепости пополнился еще двумя такими орудиями из Сумского острога (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 15, 17 об.). С 1597 г.

произошла смена терминологии: пищали стали называть пушками; было около 10 полуторных пушек (Опись СМ 1597 г., л. 113; Опись СМ 1604 г., л. 115, 155 об.). В 1613 г. количество медных полуторных пушек в общей сложности стало более 6 шт., а железных несколько десятков — сколько, точно неизвестно (Опись СМ 1613 г., л. 111, 111 об.). В книгах первой половины XVII в. было названо только шесть медных полуторных пищалей, принадлежавших монастырю, а железные не упомянуты (Опись СМ 1632 г., л. 161, 162; Опись СМ 1640 г., л. 154 об., 155 об.; Опись СМ 1645 г., л. 173, 173 об.). Далее полуторные пушки на Соловках не упоминались.

Вес ядер в описях Соловецкого монастыря не был обозначен. Однако известно, что в XVI в. московские пушечные мастера первоначально изготавливали полуторные пищали 14 разновидностей по калибру — от $\frac{1}{3}$ до 8 гривенок¹⁰, или от 0,68 до 1,64 кг. Созданный в 1570-х гг. Пушкарский приказ унифицировал данное орудие. С 1560 по 1648 г. на Пушечном дворе массово отливались одинаковые большие полуторные пищали калибром 6 фунтов, длиной ствола 4 аршина и весом 40–50 пудов (Лобин А. Н., 2004; 2016, с. 130; Вышенков В. П., Маковская Л. К., Сидоренко Е. Г., 1961). В современной системе мер это калибр ядра 2,94 кг, длина пушки 2,84 м, а ее вес 655–812 кг.

Полуторные пушки, калибр которых был 6 и менее фунтов, упоминаются неоднократно при описании вооружения крепостей. Их применяли и при осаде, в частности при штурме Казани в 1552 г. (Михайлов А. А., 1995).

4.3.1.4. Пищали-пушки полковые

Первое свидетельство о трех размещенных в башнях медных полковых пушках встречено в описи 1676 г., составлен-

⁹ Петр I ввел в качестве измерения калибра орудий артиллерийский фунт — чугунное ядро диаметром 2 дюйма (50,8 мм) и весом 115 золотников (490 г).

Калибр орудия в фунтах	Масса ядра в кг	Диаметр ядра в мм
1	0,49	50,8
2	0,98	64
3	1,47	71
4	1,96	84
6	2,94	96

¹⁰ 1 гривенка малая = 2 полугривенкам = 48 золотникам = 204,8 г.

ной сразу после «Соловецкого сидения». На нижнем и верхнем ярусах Стратилатовской башни стояло по пушке: *«Пушка медная полковая, длина три аршина три четверти, станок и колеса окованы, ядро к ней три гривенки <...> В верхнем бою пушка медная большая полковая, длина три аршина два вершка, станок на колесах, окован, ядро к ней две гривенки»* (Опись 1676 г., л. 551 об. — 552). Длина первой пушки 2,66 м, второй 2,21 м. Калибр ядер соответственно равнялся 614 и 409 грамм. Третья медная пищаль в Никольской башне длиной 2,66 м и калибром ядра 1,126 кг, названная одновременно полковой и проломной.

Время появления полковых пушек на Соловках, на первый взгляд, неясно. Однако описи вооружения 1630–1650-х гг. называют снаряды к этим пушкам, но не указывают сами пушки: *«Да 90 ядер облитых же к полковым пицалем»* (Опись 1632 г., л. 164; Опись 1640 г., л. 157 об.; Опись 1645 г., л. 175 об.; Книга 1651 г., л. 3). В 1676 г. отмечено уже меньшее число покрытых свинцом ядер к полковым пушкам: *«Семдесят девять ядер облиты свинцом полковых пицалей»* (Опись СМ 1676 г., л. 529 — 529 об.). Это дает основание говорить, что во время «сидения» восставшие выпустили из полковых пушек по правительственному войску всего 11 ядер. Следовательно, полковые пушки стояли на вооружении Соловецкой крепости и до 1676 г. Приведенный материал позволяет нам сделать вывод, что в 1676 г. к полковым пушкам были причислены пушки полуторные, которые были такого же малого калибра. На наш взгляд, это произошло в силу того, что с 1638 г. начали массово отливать «полковые» пушки 2-, 3-, 4-фунтового калибра, которые предназначались для формировавшихся полков, и отказались от громоздких 6-фунтовых полуторных пушек (Лобин А.Н., 2016, с. 143–146).

В 1694 г. в Святых воротах стояли сначала *«три пушечки медные полковые небольшие на вертлюгах»*, а затем их стало на одну больше: *«Четыре пушечки медные полковые небольшие в станках»*. Еще *«две пушки медных полковых гладких»* размещались на первом ярусе Корожной башни (Книга 1694а г., л. 3, 4 об.; Книга 1694б г., л. 3, 4 об.; Книга 1695 г., л. 2, 4; Книга 1696 г., л. 3 об., 4 об.). Далее полковые пушки не упоминаются.

4.3.1.5. Пищали-пушки скорострельные

Это быстрозаряжаемые орудия с складными картузами и специальными казнозарядными горизонтальными или вертикальными клиновыми затворами. В качестве снаряда использовалась картечь или ядро, которые были уложены в деревянный поддон или матерчатый мешок с отмеренной порцией пороха. Наличие готовой вкладки и принцип заряда с казны с клиновым затвором резко сократили время, необходимое для подготовки орудия к выстрелу.

Первое упоминание данных медных и железных скорострельных орудий в Соловецкой крепости встречено под 1597 г.: *«Да монастырские купли две пушечки медных скорострельных. Да монастырского кованья пять пушек скорострельных железные»* (Опись СМ 1597 г., л. 113 об.). Семь пушек оставалось и спустя семь лет (Опись СМ 1604 г., л. 115, 115 об.; Опись СМ 1613 г., л. 111 об.). К 1632 г. крепость имела только *«три пищали железные же скорострельные»* (Опись СМ 1632 г., л. 161; Опись СМ 1640 г., л. 155; Опись СМ 1645 г., л. 173 об.). Их использовали во время «Соловецкого сидения». По описи 1676 г. одна скорострельная пушка стояла в нижнем бою Стратилатовской башни: *«Пушка железная скорострельная, длина три аршина одиннадцать вершков, станок на колесах окован, ядро к ней семь гривенок с четвертью»*. Другая пушка была в среднем бою Белой башни: *«Пушка железная небольшая скорострельная, длина полтора аршина»*. Третья — в Квасоваренной башне: *«В среднем ж в другом бою пушка железная с чепью скорострельная, длина двенадцать вершков»* (Опись СМ 1676 г., л. 551, 553, 557). Документ впервые указывает длину скорострельных пушек — 3 аршина 11 вершков (263,19 м), 1,5 аршина (1,08 м), 12 вершков (0,51 м). Вес ядра для первого орудия 7¼ гривенки (1,43 кг).

В 1694, 1695, 1696, 1703 и 1709 гг. скорострельные железные орудия оставались в Стратилатовской и Квасоваренной башнях. При этом внесли уточнение, что пушка из Стратилатовской башни была *«в станку»*, а в Квасоваренной башне — *«с чепью»* (Книга 1694 г., л. 5, 6 об.; Книга 1695 г., л. 5, 7; Книга 1696 г., л. 6, 7 об.; Книга 1703 г., л. 3 об., 5; Книга 1709 г., л. 3 об., 6).

Пушки скоростные по описи 1705 г. Длина и вес ядра

№, по описи	Металл	Длина	Вес пушки	Кол-во ядер	Вес ядра	Кол-во вкладок
7-я	Железо	3,5 аршина	14 пудов 10 фунтов (233,42 кг)	75	0,5 фунта (0,245 кг)	2
12-я	Железо	3 аршина	13 пудов 15 фунтов (219,09 кг)	41	1,5 фунта (0,735 кг)	3
17-я	Железо	1 аршин	3 пуда 9 фунтов (52,83 кг)	—	—	2

Вместо Белой башни пушку теперь установили в среднем ярусе Архангельской башни (*Книга 1694 г.*, л. 6; *Книга 1695 г.*, л. 6; *Книга 1696 г.*, л. 6 об.; *Книга 1703 г.*, л. 5 об.; *Книга 1709 г.*, л. 6 об.). Упоминаются вклады для пушек: «да вклады в скорострелные пушки шесть» (*Книга 1694 г.*, л. 7 об.; *Книга 1695 г.*, л. 7 об. — 8; *Книга 1696 г.*, л. 3). У пушки в Стратилатовской башне было «две вклады без клина», в Квасоваренной и Архангельской башнях — по «две вклады» (*Книга 1709 г.*, л. 3 об., 5 — 5 об.).

В описях 1705 г. после посещения Петром I Соловецкого монастыря фигурируют уже иные три тяжелых орудия — железные пушки¹¹ без указания их нахождения: «Седмая пушка железная скорострелная, весом четырнадцать пуд десять фунт. Длина полчетверта аршина, к ней по кружалу семдесят пять ядер, по пол фунта ядро да две вклады»; «Вторая надесять пушка железная скорострелная, весом тринадцать пуд пятнадцать фунт. Длина три аршина. К ней по кружалу сорок одно ядро, весом по полтора фунта ядро, да три вклады»; «Седмая надесять пушка железная скорострелная, весом три пуда девять фунт. Длина аршин. К ней две вклады» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 328 об. — 329). Впервые полно приведены их тактико-технические характеристики (табл. 83).

Эти данные почти дословно повторены в описи 1711 г., только пушки названы чугунными (*Книги 1711 г.*, л. 197 об. — 198, 199).

В 1742 г. скоростных пушек было две, из которых только одна прежняя весом 3 пуда 9 фунтов (№16), а другая новая (№17) весом 2 пуда 29 фунтов (*Реестр*

1742 г., л. 311). Обе под теми же номерами названы в описи 1798–1789 гг. (*Опись 1788–1789 гг.*, л. 31). Но в 1790 г., во время пребывания на острове отряда военных, укрепивших оборону монастыря, скоростные пушки были изъяты из крепостного арсенала.

4.3.1.6. Пищали-пушки хвостухи

Название соотносится с орудиями, имеющими удлиненный вингард — «хвост». Пушка часто заряжалась с казны. Впервые данные орудия появились на Соловках в начале XVII столетия в качестве трофея: «Да немецкого полонского наряду 4 пищали железные хвостуши» (*Опись СМ 1613 г.*, л. 162). Они продолжали числиться в составе наряда и в середине того же века (*Опись СМ 1640 г.*, л. 155 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 174)¹².

В 1676 г. на вооружении Соловецкой крепости находилось уже 17 железных пушек хвостух, или хвостушек (*Опись СМ 1676 г.*, л. 551 об., 552 об., 553–554, 556, 557–561, 562 — 562 об.). Для семи пушек указано, что они стояли на станках (лафетах) с колесами (табл. 84). Самые малые хвостухи имели длину ствола менее 1 аршина (0,63 и 0,83 м), другие — в пределах 2–3 аршин (1,51–2,13 м). К ним были ядра двух калибров 0,5 и 3 гривенки — 102,4 и 614,4 г.

В 1694 г. хвостушек насчитывалось 17 шт. Три пушки отмечены на вертлюгах — шарнирах для вращения ствола в двух плоскостях, что позволяло менять угол вертикальной и горизонтальной наводки (*Носов К. С., Зарощинская Н. О.*, 2008, с. 179).

В Успенской (Спасской) башне на верхнем ярусе было «две пушки желез-

¹¹ Расхождение данных 1705 и 1709 гг. говорит о том, что в 1709 описи делались городничим старцем «под копирку» с описи 1703 г., без проверки.

¹² В описи 1640 г. «хворостуши».

Пушки железные хвостухи по описи 1676 г.

Название	Длина	Ядро	Лафет	Нахождение в башне	Ярус башни
Хвостушка	2 аршина без 5 вершков (1,63 м)	1,5 гривенки (409,6 г)	Станок без окова	Успенская	Верхний
Хвостушка небольшая	2 аршина 2 вершка (1,51 м)	—	Станок не окован	Успенская	Верхний
Хвостуха	3 аршина (2,13 м)	0,5 гривенки (102,4 г)	На колесах	Корожная	Верхний
Хвостушка небольшая	2 аршина (1,42 м)	—	На колесах	Корожная	Средний
Хвостуха	1 аршин 10 вершков (1,14 м)	3 гривенки (614,4 г)	—	Корожная	Нижний
Хвостуха	2 аршина с четвертью (1,60 м)	3 гривенки (614,4 г)	—	Никольская	Средний
Хвостуха	2 аршина 10 вершков (1,85 м)	3 гривенки (614,4 г)	—	Никольская	Средний
Хвостуха	2 аршина 10 вершков (1,85 м)	—	Станок на колесах	Никольская	Верхний
Хвостуха	2 аршина с четвертью (1,60 м)	—	—	Никольская	Нижний
Хвостуха	2 аршина 6 вершков (1,68 м)	—	—	Никольская	Нижний
Хвостуха	2 аршина 6 вершков (1,68 м)	—	—	Квасоваренная	Средний
Хвостуха	1 аршин без 2 вершков (0,63 м)	0,5 гривенки (102,4 г)	—	Квасоваренная	Средний
Хвостуха	2 аршина 6 вершков (1,68 м)	—	—	Поваренная башня	Верхний
Хвостуша небольшая	2 аршина 3 вершка (1,55 м)	—	—	У Белой башни на городской стене	Верхний
Хвостушка небольшая	1 аршин 3 вершка (0,83 м)	—	Станок на колесах	Белая	Средний
Хвостушка	2 аршина 3 вершка (1,55 м)	0,5 гривенки (102,4 г)	Станок на колесах	Стратилатовская	Нижний
Хвостушка небольшая	2 аршина 10 вершков (1,85 м)	0,5 гривенки (102,4 г)	Без станка	Стратилатовская	Средний

ных хвостушки на вертлюгах». В среднем ярусе Стратилатовской башни была установлена еще одна «пушка железная хвостушка на вертлюге». В Корожной башне на среднем ярусе стояла «пушка железная хвостушка в сажень». В Никольской башне «в верхнем бою три пушки в станках железных хвостушки», а «в среднем бою две пушки железные хвостушки». В Квасоваренной башне «в верхнем бою две пушки железных хвостушки в станках». В Поваренной башне в верхнем бою было «две пушки железных хвостушки». На верхнем ярусе Архангельской башни — «пушка железная хвостушка». В Белой башне — «в верхнем бою три пушки железных хвостушки» (Книга 1694а г., л. 3 об. — 6 об.). Одна хвостушка в Квасоваренной башне

оказалась скорострельной — ранее она была учтена нами среди скорострельных. Такое положение сохранялось в течение трех лет (Книга 1694б г.; Книга 1695 г.; Книга 1696 г.). В 1703 г. хвостушек осталось 11 шт. (Книга 1703 г., л. 3 об. — 6).

При составлении последующей описи орудий в 1705 г. были приведены сведения только о семи хвостушках, очевидно, только годных к стрельбе. Из прежних пушек 1676 г., которые совпадают по длине с хвостушками описи 1705 г., осталось четыре (№ 13, 18, 20, 24): «Третья надесять пушка железная хвостуша, весом пять пуд дватцать фунт. Длина два аршина. К ней по кружалу пятьдесят пять ядер, по фунту без четверти ядро». «Осмая надесять пушка железная хвостушка

Таблица 85

Железные пушки и пищали затинные хвостушки по описи 1705 г.

№ по описи	Пушки	Хвостушки	Длина	Вес пушки	Кол-во ядер	Вес ядра
13-я	Пушка	Хвостуша	2 аршина (1,42 м)	5 пудов 29 фунтов (96,11 кг)	55	1 фунт без четверти (кг)
18-я	Пушка затинная	Хвостушка	2 аршина 10 вершков (1,85 м)	2 пуда (32,76 кг)	—	—
20-я	Пушка затинная	Хвостушка	2 аршина 10 вершков (1,85 м)	1 пуд 13 фунтов (22,75 кг)	—	—
22-я	Пищаль затинная	Хвостушка	1 аршин 9 вершков (1,10 м)	1 пуд 10 фунтов (21,28 кг)	—	—
23-я	Пищаль	Хвостушка	2 аршина 2 вершка (1,51 м)	1 пуд 9 фунтов (20,79 кг)	—	—
24-я	Пищаль	Хвостушка	2 аршина с четвертью (1,60 м)	1 пуд 31 фунт (29,90 кг)	—	—
27-я	Пищаль	Хвостушка	1 аршин с четвертью (0,89 м)	1 пуд 20 фунтов (24,58 кг)	27	¼ фунта (0,10 кг)

затинная, весом два пуда, длина два аршина десять вершков». «Двадцатая пушка железная хвостушка затинная, весом пуд тринадцать фунт, длина два аршина девять вершков». «Двадцать вторая пищаль затинная железная хвостушка, весом пуд десять фунт, длина аршин девять вершков». «Двадцать третья пищаль железная хвостушка, весом пуд девять фунт, длина два аршина два вершка». «Двадцать четвертая пищаль железная хвостушка, весом пуд тринадцать один фунт. Длина два аршина с четвертью». «Двадцать седьмая пищаль железная хвостушка, весом пуд дватцать фунт, длина аршин с четвертью. К ней по кружалу дватцать семь ядер, по четверти фунта ядро» (Опись СМ 1705 г., л. 329 — 329 об.). Длина ствола в пределах одного — немногим более двух аршин. Вес пушек в пределах более одного — более пяти пудов. Только к двум из них имелся комплект ядер весом менее фунта (табл. 85).

Данные описи 1705 г. повторены в книгах 1711 г. подполковника Кокошкина (Книги 1711 г., л. 198 об. — 200).

В 1709 г. железные пушки хвостушки, как и по книгам 1694–1696, 1703 гг., продолжали находиться во всех башнях, кроме Квасоваренной — их было 12: Стратилатовская, Успенская, Корожная (2 шт.), Никольская (3 шт.), Поваренная (2 шт.), Архангельская (2 шт.), Белая (Книга 1709 г., л. 3 об. — 7).

В Реестре орудий 1742 г. названия пушек не приведены, но показательно, что по весу 1 пуд 10 фунтов и 1 пуд 20 фунтов с хвостушками совпадают только две пушки (№ 19, 21) (Реестр 1742 г., л. 311).

4.3.1.7. Пушки волконейки

Это полковые пушки, изготавливавшиеся в большом количестве и применявшиеся для обороны крепостей. Их изобрели в Италии в начале XVI в. и называли фальконеты (соколики)¹³. К волконейкам относили все длинноствольные орудия калибром от ½ до 2 фунтов (Лобин А.Н., 2012, с. 116).

На вооружение Соловецкого монастыря данные орудия поставили в 1597 г. Вначале было четыре трофейные пушки: «Да немецких полонянок четыре волконейки» (Опись СМ 1597 г., л. 113 об.). Далее они упомянуты в описях первой половины XVII в. с уточнением материала — «Да 4 пищали волконейки медные». При этом книги 1632–1645 гг., вероятно, ошибочно, относят их к разряду монастырской купли (Опись СМ 1604 г., л. 115 об.; Опись СМ 1613 г., л. 111 об.; Опись СМ 1632 г., л. 162; Опись СМ 1640 г., л. 155 об.; Опись СМ 1645 г., л. 174). К 1632 г. к данным орудиям прибавилось еще «17 пищалей железных волконеек» монастырского производства (Опись СМ 1632 г., л. 161; Опись СМ 1640 г., л. 155; Опись СМ 1645 г., л. 173 об.).

¹³ См.: URL: ru.wikipedia.org/wiki/Фальконет.

Калибр, длина ствола не были указаны. Во второй половине XVII столетия волконейки на Соловках не упоминались. Не исключено, что они фигурировали среди просто артиллерийских орудий, тем более что данные орудия были собственностью монастыря.

4.3.1.8. Пушки сороковые

Это многоствольные орудия, применявшиеся в разных западноевропейских армиях в XVI — начале XVII в. Там их называли органами по сходству с музыкальным инструментом, а в России именovali сороковыми пушками. Орудия имели от 3 до 24 скрепленных в несколько рядов стволов для одновременного или последовательного запала. На Соловках сороковые пушки попали в качестве трофея от шведов. Впервые они указаны под 1597 г., последнее сообщение — под 1613 г.: «*Да немецких четыре пушечки полонянки сороковых железные*» (Опись СМ 1597 г., л. 113 об.; Опись СМ 1604 г., л. 115 об.; Опись СМ 1613 г., л. 111 об.). Дальнейшая судьба их неизвестна. Впрочем, органы вышли из употребления в начале XVII столетия из-за неудобства обращения с ними.

4.3.1.9. Тюфяки дробовые, дробовики

Под тюфяком обычно понимали орудие с расширенной камерой для стрельбы дробом (картечью) для массового поражения живой силы противника. В описях вооружения Соловецкого монастыря первое упоминание «*дробовых тюфяков*» отмечено в 1613 г. (Опись СМ 1613 г., л. 111 об.). В 1630–1640-е гг. на вооружении крепости стояли монастырского производства «*4 пушечки железные тюфяки дробовые*», к которым полагались «*3 кади дробу железного*» (Опись СМ 1632 г., л. 161 об., 164; Опись СМ 1640 г., л. 155, 157 об.; Опись СМ 1645 г., л. 173 об.), а в 1645 и 1651 гг. и «*бочка дробу железного*» (Опись СМ 1645 г., л. 176; Книга 1651 г., л. 5 об.).

Во время «Соловецкого сидения» восставшие располагали двумя железными и четырьмя медными дробовиками в окованных станках на железных колесах. Опись 1676 г. зафиксировала сосредоточение дробовиков в Никольской башне и у ее ворот: «*В Никольской проезжей башни*

пушка железная дробовик, длина полтора аршина, станок и колеса гнили»; «*У Никольских ворот в городской стене в бойнице пушка медная, хвост железной, дробовик отрывок, длина аршин два вершка, станок не окован*»; «*В третьем бою пушка медная проломная дробовик, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы*». Данный подход с северо-востока к монастырю прикрывался и со стороны ближайшей Квасоваренной башни Пристенка: «*В нижнем бою пушка медная дробовик, длина аршин девять вершков, станок и колеса окованы*». По одной дробовке находилось в проходных Кoroжной и Белой башнях: «*В Сушиленной и в Белой башни в нижнем бою пушка железная дробовка, длина полтора аршина, станок и колеса окованы*»; «*Пушка медная дробовик (верхний бой Кoroжной башни. — В.Б.), длина два аршина с вершком. Станок и колеса окованы*» (Опись СМ 1676 г., л. 552 об., 556 об., 557 об. — 558, 559, 560 об. — 561). Перечисленные пушки были разной длины: обе железные по 106,5 см (1,5 аршина), медные — 221,6 см (3 аршина 2 вершка), 109,6 см (1 аршин 9 вершков), 146,3 см (2 аршина с вершком).

В 1694–1696 гг. осталось три дробовки: при Святых воротах («*пушка медная дробовка в станке ж, ядро большое железное нарядное ж железное*»), при Никольских воротах («*в нижнем бою дробовик железной кородкой в станке*») и на верхнем ярусе Белой башни («*пушка медная дробовка*») (Книга 1694 г., л. 3, 4 об., 6; Книга 1695 г., л. 2, 4 об., 6; Книга 1696 г., л. 3 об., 5 об., 7). При этом пушка при Святых воротах была подготовлена и для стрельбы ядрами.

В 1703 г. количество дробовок возросло до 5 единиц за счет пушек в Никольской и Белой башнях. В Святых воротах — «*пушка медная дробовка*», в Никольских воротах — «*пушка железная дробовка*», на верху Никольской башни — «*пушка медна дробовка небольшая*», на верху Белой башни — «*медна ж малая дробовка*» и в нижнем бою — «*пушка железная дробовик*» (Книга 1703 г., л. 3, 4 об., 5–6). Под 1704–1711 гг. указан фунт дробный медный (Книги 1704 г., л. 5 об.; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.).

Такой же состав орудий из трех медных и двух железных, их аналогичную

Пушки дробовки по описи 1705 г. Длина и вес

№ по описи	Металл	Длина	Вес пушки
6-я	Медь	3¼ аршина (2,66 м)	33 пуда 21 фунт (550,83 кг)
7-я	Медь	3 аршина 2 вершка (2,22 м)	32 пуда (524,16 кг)
19-я	Медь	1,5 аршина (1,07 м)	5 пудов 9 фунтов (86,31 кг)
20-я	Медь	1,5 аршина (1,07 м)	5 пудов 2 фунта (82,88 кг)
10-я	Железо	1 аршин 6 вершков (0,97 м)	19 пудов (311,22 кг)
14-я	Железо	1,5 аршина (1,06 м)	13 пудов (212,94 кг)

расстановку по башням называет опись 1709 г. (*Книга 1709 г.*, л. 3, 5 об., 6 об., 7). Однако в описи 1705 г. указывается на одну медную пушку больше. Это может указывать на то, что еще один медный дробовик мог находиться на хранении в оружейной казне и на башне не стоял. В 1705 г. была дана подробная характеристика шести дробовиков: «Шестая пушка дробовик ломанный литья, весом тридцать три пуда двадцать один фунт, длиною три аршина с четвертью»; «Седьмая пушка дробовик ж руского литья, весом тридцать два пуда, длиною три аршина два вершка»; «Девятая надесять пушка дробовик, весом пять пуд девять фунт, длиною полтора аршина»; «Двадесятая пушка дробовик же, весом пять пуд два фунта, длиною полтора аршина»; «Десятая пушка железная дробовик, весом девятнадцать пуд, длина аршин шесть вершков»; «Четвертая надесять пушка железная дробовик, весом тринадцать пуд, длина полтора аршина» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 326, 327 об., 328 об., 329; *Книги 1711 г.*, л. 194а, 195 об., 196, 198 — 198 об.). Как видим, длина ствола медных и железных соловецких дробовиков была в пределах 0,97–2,66 м, вес от 82,88 до 550,83 кг (табл. 86).

В 1742 г., как и в 1788–1789 гг., имелось 8 дробовок чугунных в ложах. К ним полагалось 1810 пушечной железной дробы, облитой свинцом, и 1000 чугунной (*Реестр 1742 г.*, л. 311; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 31 об., 33 об.).

В январе 1790 г. в монастыре на вооружении осталось три дробовика. Первый — в проходе Святых ворот: «Под Святими воротами медных: дробовик, у которого в отверстии диаметр против 12-ти фунтового, а в камаре не более может быть, шестифунтовое ядро; сам собою исправен и в употребление способен, поставлен на лафете, которой за ветхостию и ста-

рым маниром совсем неспособен». Второй — в нижнем бою Никольской башни медный «дробовик, у которого в отверстии диаметр против 12-го фунтового, а в камаре не более может быть шестифунтовое ядро; сам собою исправен и в употребление годен, поставлен на лафете, которой за ветхостию неспособен». Третий — в среднем бою Белой башни: «чугунный дробовик полупудовой, старинного манира на неподвижном ветхом станке, в употребление совсем неспособной». Для них предназначалось 1810 железной, облитой свинцом, и 1000 чугунной пушечной дробы (*Ведомость 1790а г.*, л. 2–4, 6).

Пребывавшая на острове летом того же года военная команда усилила оборону башен дополнительным дробовиком, расставив орудия несколько иначе. В октябре 1790 г. в Корожной, Белой, Прядильной и Успенской башнях находилось по одному дробовику. К ним полагалось по 20 картечей и было приготовлено в общей сложности 42 ненасыпанных картуза (*Ведомость 1790б г.*, л. 1 об. — 2 об., 4 об.). Эти же дробовики были последний раз кратко описаны в 1795 г.: «Дробовиков четыре» (*Опись СМ 1795 г.*, л. 257).

4.3.1.10. Пушки проломные

Данные медные и чугунные орудия упомянуты только в описи 1676 г. в количестве 11 шт. (*Опись СМ 1676 г.* л. 551, 553–554, 555 об. — 556, 559, 560 — 560 об., 561 об.). Они стояли во всех башнях, кроме Квасоваренной. Орудия имели окованные железом станки на колесах; шесть пушек медных, пять чугунных. Стволы длинные от трех аршин с одним вершком до четырех аршин (2,17–2,84 м). Ядра разного калибра, вес 1–7 гривенок (0,204 — 1,434 кг) (табл. 87). Данный тип пушек в соответствии с наименованием

Пушки проломные по описи 1676 г.

Название	Башня/ярус	Металл	Длина	Вес ядра	Станок
Проломная	Стратилатовская, средний бой	Медь	3 аршина 5 вершков (2,31 м)	7 гривенок (1,434 кг)	Станок на колесах, окован
Проломная	Белая, третий бой	Медь	4 аршина (2,84 м)	6,5 гривенки (1,331 кг)	Станок окован
Проломная	Архангельская, нижний бой	Чугун	3 аршина 2 вершка (2,21 м)	7 гривенок (1,434 кг)	Станок и колеса окованы железом
Проломная	Поваренная, верхний ярус	Чугун	4 аршина без 3 вершков (2,71 м)	8 гривенок (1,638 кг)	Станок и колеса окованы
Проломная	Поваренная, верхний ярус	Чугун	3 аршина 5 вершков (2,31 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок окован
Проломная, к стрельбе не годится	Никольская, средний бой	Медь	3 аршина 6 вершков (2,47 м)	1 гривенка (0,204 кг)	Станок на колесах окован
Проломная дробовик	Никольская, верхний бой	Медь	3 аршина 2 вершка (2,21 м)	—	Станок и колеса окованы
Проломная полковая, вылит змей	Никольская, верхний бой	Медь	3¼ аршина (2,66 м)	5,5 гривенки (1,126 кг)	Станок и колеса окованы
Проломная	Корожная, средний бой	Чугун	3 аршина 14 вершков (2,73 м)	7 гривенок (1,434 кг)	Станок и колеса окованы
Проломная, галанка	Корожная, верхний бой	Медь	3 аршина 11,5 вершков (2,62 м)	7 гривенок (1,434 кг)	Станок и колеса окованы
Проломная	Успенская, средний бой	Чугун	3 аршина 1 вершок (2,17 м)	6,5 гривенки (1,331 кг)	Станок окован

должен относиться к осадному парку артиллерии. Однако малый калибр опровергает это. Возможно, произошла путаница.

4.3.1.11. Мортиры

Мортира — артиллерийское орудие с коротким стволом для навесной стрельбы, которое предназначалось для разрушения особо прочных оборонительных сооружений и для поражения целей, укрытых за стенами или в окопах. Мортира применялась с XV столетия, но в Соловецкой крепости, как сказано в описи начала XVIII столетия, «*мортиров и бомб нет*» (Книги 1711 г., л. 201).

4.3.1.12. Пушки медные иностранные «галанки» и русские без указания типа

Впервые медные артиллерийские орудия без указания типа упомянуты в описи 1632 г.: «*Да монастырские купли немецких медных пищалей*» (Опись 1632 г., л. 161 об.). Затем эти же импортные пушки-пищали мелькают в описях 1640 и 1645 гг. (Опись 1640 г., л. 155; Опись 1645 г., л. 173 об.).

Опись 1676 г. перечисляет 13 медных пушек во всех башнях, кроме Никольской (Опись СМ 1676 г., л. 550 об., 552 об., 553, 554–555, 556 об. — 557, 559 об. — 562). Среди них с большой степенью вероятности можно назвать кандидатов на медные пушки монастырской покупки начала XVII в. Это две «*галанки*» и орудия с изображениями льва, львицы, орла. Среди прочих пушек четыре русского производства и четыре неназванного происхождения (табл. 88). Длина ствола медных пушек в пределах 1 аршина 9 вершков — 4¼ аршина (1,10–3,02 м). Вес ядра колебался от 1,5 до 7 гривенок (0,307–1,434 кг).

После «Соловецкого сидения», к июлю 1694 г., произошла замена медных пушек. Их количество возросло до 17, совсем иным стало их расположение (табл. 89). Медными орудиями была усилена Успенская (6 шт.), Корожная (4 шт.), Стратилатовская (5 шт.) башни. По одной медной пушке было в Святых воротах и в Архангельской башне. 12 пушек отлили «немецкие мастера» и три — русские литейщики. Шесть пушек стояли на станках с колесами, одна была на вертлюге (Книга 1694а г., л. 3–4, 5 — 6 об.). Но в ноябре

Медные пушки по описи 1676 г.

Производство	Изображение	Башня, ярус	Длина	Вес ядра	Станок
—	—	Стратилатовская, нижний ярус	3 аршина 2,5 вершка (2,24 м)	7 гривенок (1,434 кг)	Станок и колеса окованы
—	—	Белая, нижний ярус	Отрывок большой пушки 2 аршина без двух вершков (1,33 м)	—	—
Русское дело	—	Белая, средний ярус	3 аршина 2 вершка (2,22 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок и колеса окованы железом
Русское дело	—	Архангельская, средний ярус	4¼ аршина (3,02 м)	6,5 гривенки (1,331 кг)	Станок и колеса окованы железом
—	Орел	Поваренная, средний ярус	3 аршина с 1 вершком (2,17 м)	1,5 гривенки (0,307 кг)	Станок окован
—	Лев	Поваренная, верхний ярус	3 аршина 6 вершков (2,39 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок окован железом
—	—	Квасоваренная, средний ярус	1 аршин 9 вершков (1,10 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок и колеса окованы
Русское дело	—	Корожная, нижний ярус	3 аршина без 2 вершков (2,04 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок и колеса
Русское дело	—	Корожная, нижний ярус	3 аршина (2,13 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок не окован
—	Львица	—	3 аршина 7,5 вершков (2,45 м)	2 гривенки (0,409 кг)	Станок и колеса окованы
—	—	Успенская, нижний ярус	2 аршина 1 вершок (1,46 м)	5 гривенок (1,024 кг)	Станок на колесах окован
«Галанка»	—	Успенская, средний ярус	2 аршина 7 вершков (1,72 м)	3 гривенки (0,614 кг)	Станок окован железом
«Галанка»	Лев	Успенская, верхний ярус	3 аршина 7 вершков (2,43 м)	2 гривенки (0,409 кг)	Станок и колеса окованы

зафиксировано на одну медную пушку меньше: не стало орудия в Святых воротах (*Книга 16946 г.*, л. 3 об. — 4, 5 об. — 6 об.). Такая же ситуация оставалась на 15 января 1695 г. (*Книга 1695 г.*, л. 2 об. — 3 об., 5 об., 6 об., 7). Некоторые орудия с именем «Богдан» были отлиты еще при Иване Грозном мастером Богданом, который перешел на службу из Литвы и работал в 1560-е гг.

В описи 1696 г. две медные пушки русского литья в Успенской башне отнесены к немецкому литью, и не упомянута пушка на вертлюгах. В Корожной башне две пушки Китоврас названы большими (*Книга 1695 г.*, л. 4–5, 6 об. — 7 об.).

В 1703 г. количество медных пушек оставалось прежним — 17 шт. (*Книга 1703 г.*, л. 3 — 4 об., 5 об. — 6). Однако их расстановка по башням изменилась. В Успенской башне оставлена одна пушка, три в Корожной, две в Стратилатовской башнях. В Никольской и Белой башнях появилось соответственно пять и четыре пу-

шечных стволов, а в Архангельской башне добавилась одна медная пушка (табл. 90).

Те же 17 медных пушек без указания типа оставались и в 1709 г. (*Книга 1709 г.*, л. 3 об. — 5, 6–7).

В описях 1705 и 1711 гг. перечислены явно прежние 16 медных пушек (№ 1–5, 8–18), к которым добавлены небольшие орудия, заряжавшиеся мушкетными ядрами (№ 21–24). Указаны их основные характеристики (табл. 91). Данные орудия длинные — от двух до четырех аршин, тяжелые — весом от 17 до 60 пудов, стрелявшие ядрами калибром 2, 4, 6 фунтов.

В тех же документах отмечены еще хранящиеся в оружейной палате небольшие «двенатцать пушек медных в аршин, и в пол аршина, и в четверть аршина в станках деревянных» (*Книги 1704 г.*, л. 3; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292 об., 325 об. — 327; *Книги 1711 г.*, л. 191 об., 194 об. — 196 об.). Мы полагаем, что это подарок монастырю Петра I, который приплыл в 1702 г. на яхте с 12 пушками на борту; после он мог прислать эти пушечки в дар.

Таблица 89

Медные пушки по описи 1694 г., июль

Производство	Изображение, «надпись» на пушке	Башня, ярус	Примечание	Станок
Немецкая	—	Святые ворота	«Ошиток»	В станке
«Галанка»	«Богдан»	Успенская (Спасская), верхний бой	—	—
—	«Богдан»	Успенская (Спасская), верхний бой	—	—
—	«Богдан»	Успенская (Спасская), верхний бой	—	—
Русское литье	—	Успенская (Спасская), верхний бой	—	В станке
Русское литье	—	Успенская (Спасская), верхний бой	—	В станке
—	—	Успенская (Спасская), средний бой	На вертлюгах, сажень дрови во фтулках	—
«Галанка», немецкое литье	—	Корожная, средний бой	Большая	Станок и колеса обиты железом
Немецкое литье	Китоврас	Корожная, средний бой	—	В станке
Немецкое литье	Китоврас	Корожная, средний бой	—	В станке
—	Лев	Корожная, нижний бой	—	—
—	—	Архангельская, верхний бой	Обломок	—
—	Левик	Стратилатовская, верхний бой	—	—
Русское литье	—	Стратилатовская, верхний бой	Гладкая	—
—	«Богдан»	Стратилатовская, верхний бой	—	—
—	«Богдан»	Стратилатовская, верхний бой	—	—
—	Левик	Стратилатовская, средний бой	—	—

Таблица 90

Медные пушки по описи 1703 г.

Изображение, «надпись» на стволе	Башня, ярус	Размер	Станок
—	Успенская (Спасская), верхний бой	Средняя	—
«Китоврас»	Корожная, средний бой	Большая	—
«Китоврас»	Корожная, средний бой	Большая	—
—	Корожная, верхний бой	Средняя	—
—	Никольская, верхний бой	Большая	—
—	Никольская, верхний бой	Большая	—
—	Никольская, верхний бой	Средняя	—
—	Никольская, средний бой	Большая	—
—	Никольская, средний бой	Большая	—
—	Архангельская, верхний бой	Средняя	—
—	Архангельская, верхний бой	—	—
«Богдан»	Белая, верхний бой	—	—
—	Белая, верхний бой	Средняя	—
«Богдан»	Белая, средний бой	Большая	—
—	Белая, средний бой	Большая	—
«Богдан»	Стратилатовская, верхний бой	—	—
«Лев»	Стратилатовская, средний бой	—	—

Таблица 91

Медные пушки по описям 1705 и 1711 гг.

№ по описи	Наименование	Производство	Длина	Вес	Кол-во ядер	Вес ядра
1-я	Китоврас	Немецкое литье	3 аршина 9 вершков	60 пудов 31 фунт	56	6 фунтов
2-я	Китоврас	Немецкое литье	3 аршина 9 вершков	60 пудов 31 фунт	56	6 фунтов
3-я	Богдан	Немецкое литье	3,5 аршина	60 пудов 9 фунтов	60	4,5 фунта
4-я	Богдан	—	4 аршина	40 пудов 20 фунтов	65	4,5 фунта
5-я	—	—	4 аршина	38 пудов	60	4 фунта
8-я	Лев	—	3 аршина 6 вершков	32 пуда 22 фунта	75	2 фунта
9-я	—	—	3 аршина 6 вершков	32 пуда 9 фунтов	75	2 фунта
10-я	—	—	3 аршина без 2 вершков	31 пуд 13 фунтов	180	3 фунта
11-я	—	—	3 аршина 5 вершков	28 пудов 9 фунтов	110	3 фунта
12-я	—	—	3 аршина	28 пудов	185	3 фунта
13-я	—	Немецкое литье	2 аршина 5 вершков	23 пуда 20 фунтов	75	2 фунта
14-я	Богдан	—	2¾ аршина	21 пуд	183	3 фунта
15-я	Богдан	—	3 аршина 2 вершка	18 пуд 9 фунтов	75	1 фунт
16-я	Богдан	—	2 аршина	17 пудов 20 фунтов	74	2 фунта
17-я	—	—	2 аршина	18 пудов 9 фунтов	60	4 фунта
18-я	—	—	2¾ аршина	20 пудов	40	1¾ фунта
21-я	—	—	2 аршина	4 пуда 11 фунтов	—	Ядро мушкетное
22-я	—	—	2 аршина	4 пуда 10 фунтов	—	Ядро мушкетное
23-я	—	—	2 аршина без вершка	2 пуда 6 фунтов	—	Ядро мушкетное
24-я	—	—	2 аршина без вершка	2 пуда 5 фунтов	—	Ядро мушкетное

Из всех указанных выше пушек в 1742 г. остались на вооружении только 11 в станках и 10 крупных орудий и 4 небольших (№ 1, 2, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 17, 18, 21–24), что следует из сопоставления веса орудий в двух документах (*Реестр 1742 г.*, л. 311, № 1, 2, 7, 8, 10, 12–16, л. 311 об.). Все

они, кроме № 21, благополучно сохранились до переписи 1788–1789 гг. (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 30 — 30 об.).

К январю 1790 г. в башнях стояли 12 медных пушек без указания типа (*Ведомость 1790а г.*, л. 2 — 4 об.). Вес ядер — 2, 3, 5, 6 и 7 фунтов (табл. 92). Орудия стояли на лафетах, большинство которых были ветхими.

Таблица 92

Медные пушки по описи января 1790 г.

Башня	Ярус	Кол-во пушек	Вес ядер, фунты
Успенская	Верхний	1	2 фунта
Корожная	Средний	2	7 фунтов
Никольская	Верхний	2	2 фунта
	Нижний	2	3 фунта
Архангельская	Верхний	1	5 фунтов
Белая	Верхний	2	3 фунта
	Средний	1	6 фунтов
Стратилатовская	Верхний	2	5 фунтов
	Средний	1	2 фунта

4.3.1.13. Пушки железные без указания типа

В 1676 г. пушек железных кованых, а также чугунных литых было восемь и четыре железные «пищали» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 551 об. — 552, 553 об., 554 об. — 555, 556 об., 562). Это были длинные орудия от 2 до 3 аршин разнообразного калибра от 0,5 до 6,5 гривенки (табл. 93). Почти все стволы стояли на станках. Пушки отсутствовали только в трех башнях: Корожной, Никольской и Квасоваренной.

Железные пушки без указания типа по описи 1676 г.

Металл	Примечание	Башня, ярус	Длина	Вес ядра	Станок
Железная, чугунная	—	Стратилатовская, средний ярус	3 аршина 11 вершков	6,5 гривенок	Станок и колеса окованы
Железная	Небольшая кованая	Стратилатовская, верхний ярус	3 аршина без 1,5 вершков	0,5 гривенки	В станке
Железная	—	Белая, верхний ярус	1,5 аршина	0,5 гривенки	На колесах
Железная	Отрывок, к стрельбе не годится	Архангельская, средний ярус	2,5 аршина	—	Без станка
Железная	Кованая	Архангельская, верхний ярус	3¼ аршина	3 гривенки	Станок окован
Железная чугунная	—	Поваренная, нижний ярус	3¼ аршина	2 гривенки	—
Железная	—	Поваренная, нижний ярус	2 аршина 6 вершков	1,5 гривенки	—
Железная	Небольшая кованая	Успенская, средний ярус	3 аршина 6 вершков	—	Станок не окован
Железная пицаль	Без замка	В стене при Квасоваренной башне	1 аршин 10 вершков	—	—
Железная пицаль	Без замка	В стене при Квасоваренной башне	1 аршин 10 вершков	—	—
Железная пицаль	Без замка	В стене при Квасоваренной башне	1 аршин 10 вершков	—	—
Железная пицаль	Без замка	В стене при Квасоваренной башне	1 аршин 10 вершков	—	—

К 1694–1696 гг. количество железных пушек, тип которых не обозначен, возросло до 14 (*Книга 1694а г.*, л. 3 — 4 об., 5 об. — 7; *Книга 1694б г.*, л. 3 — 4 об., 5 об. — 7; *Книга 1695 г.*, л. 2, 3 — 4 об., 5 об. — 7; *Книга 1696 г.*, л. 3, 4 — 5 об., 6 об., 7 об.). Они находились в Святых воротах и во всех башнях, кроме Белой и Квасоваренной, на станках (табл. 94). Некоторые из них можно было бы отнести, скорее всего, к затинным пицальям описи 1676 г. Три орудия были иностранного производства, все большие. Калибр ядер не назван. Пушка в Святых воротах стреляла ядрами, рогатками, скобами, дробом, о чем подробно сообщается только в описи 1696 г.: «*Да у той же пушки в станковом ящике шесть вкладок скорострелных пушек, да пушечных ядер и рогаток боевых стрелных и приступных, и скоб да занаряды в копьях с порохом; ящик без мала неполон, у ящика замок вислой клинчатой*» (*Книга 1696 г.*, л. 3).

В описи 1703 г. железные пушки без указания типа не перечислены в Архангельской башне и в верхнем ярусе Стратилатовской башни. В Успенской башне вместо целой отмечен обрывок пушки, а для Поваренной и Белой башен, где данных

железных пушек не было, сообщается о наличии небольших пушек (*Книга 1703 г.*, л. 3–4, 5 — 5 об.). Всего 11 орудий.

В 1705 г. было описано 14 железных пушек без указания типа (*Опись СМ 1705 г.*, л. 328 — 330 об.). Впервые были приведены их характеристики длины и веса (табл. 95). Сопоставление с описью 1676 г. говорит о том, что в начале XVIII в. произошла замена практически всех этих железных пушек. В данной категории орудий имелись самые тяжелые пушки весом 82 пуда. В 1711 г. сведения были повторены (*Книги 1711 г.*, л. 196 об. — 199, 200).

В 1709 г. в башнях назвали только 12 пушек железных (табл. 96).

К 1742 г. из перечисленных 14 пушек осталось 8 (№ 1, 2, 5, 8, 9, 11, 19, 26), которые отождествляются по весу. Все они названы чугунными, т.е. литыми (*Реестр 1742 г.*, л. 311, № 1, 2, 5, 7, 8, 13, 18, 20).

В 1788–1789 гг. было 32 чугунных пушки. Из восьми чугунных пушек предыдущей описи осталось шесть орудий — № 1, 5, 8, 9, 11, 26 (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 30 об. — 31 об., № 1, 5, 8, 11, 15, 26). Отождествить их с пушками октября 1790 г. не представляется возможным (*Ведомость 1790б г.*).

Таблица 94

Железные пушки без указания типа по описи 1694 г., июль

Производ-ство	Примечание	Ворота, башня, ярус	Снаряды	Станок
Немецкая	Большая чугунная	Святые ворота	В казне занаряды в копьях с порохом	Станок и колеса окованы железом
Немецкая	Большая чугунная	Успенская (Спасская), средний бой	—	Станок обит железом
—	Железная чугунная завинтованная	Успенская (Спасская), средний бой	—	—
—	Железная	Корожная, верхний бой	—	В станке
Немецкая	Большая чугунная	Корожная, нижний бой	—	—
—	Железная	Никольская, нижний бой	—	В станке
—	Железная	Никольская, нижний бой	—	В станке
—	Железная на вертлюге	Никольская, нижний бой	—	—
—	Железная, ствол жагорник	Архангельская, верхний бой	—	—
—	Железная, половина пушки	Архангельская, средний бой	—	В станке
—	Железная	Стратилатовская, верхний бой	—	В станке
—	Железная	Стратилатовская, верхний бой	—	В станке
—	Большая железная чугунная	Стратилатовская, средний бой	—	В станке
—	Железная гладкая	Стратилатовская, средний бой	—	В станке

Таблица 95

Железные пушки без указания типа по описям 1705 и 1711 гг.

№ по описи	Металл	Длина	Вес пушки	Кол-во ядер	Вес ядра
1-я	Пушка железная чугунная	3 аршина 13 вершков	82 пуда 18 фунтов	135	7 фунтов
2-я	Пушка железная чугунная	3 аршина 13 вершков	82 пуда 18 фунтов	56	6 фунтов
3-я	Пушка чугунная	3 аршина 13 вершков	82 пуда 18 фунтов	56	6 фунтов
4-я	Пушка железная чугунная	3 аршина 1 вершок	55 пудов	56	6 фунтов
5-я	Пушка железная чугунная	3 аршина	54 пуда	35	7 фунтов
6-я	Пушка железная чугунная	3 аршина 18 вершков	19 пудов 20 фунтов	40	1¼ фунта
8-я	Пушка железная чугунная	3 аршина 3 вершка	17 пудов	110	2¼ фунта
9-я	Пушка железная	3 аршина 3 вершка	14 пудов	100	1 фунт
11-я	Пушка железная	2 аршина 5 вершков	4 пуда 34 фунта	74	0,5 фунта
15-я	Пушка железная	1 аршин 7 вершков	2 пуда 25 фунтов	74	0,5 фунта
16-я	Пушка железная	3 аршина	4 пуда 15 фунтов	27	¼ фунта
19-я	Пушка железная	1 аршин 2 вершка	2 пуда 13 фунтов	74	0,5 фунтов
25-я	Пушка железная	2 аршина	2 пуда	74	0,5 фунтов
26-я	Пушка железная жагорник	2,5 аршина	1 пуд 20 фунтов	—	—

Железные пушки по описи 1709 г.

Башня	Ярус	Металл	Размер
Стратилатовская	Верхний	Нет данных	Малая
	Средний	Чугунная	Большая
		Железная	Средняя
Успенская	Средний	Железная чугунная	Большая
		Чугунная	Обрывок
Корожная	Верхний	Железная	Малая
	Нижний	Железная чугунная	Большая
Никольская	В воротах	Железная чугунная	Большая
		Железная	Средняя
		Железная	Средняя
Поваренная	Нет данных	Железная	Небольшая
Белая	Верхний	Железная	Небольшая

В августе 1788 г. на Кемское подворье из монастыря «для охранения Кемского города от приезда неприятельских каравел и судов и самих шведов» была отправлена «пушка большая чугунная одна, другая малая; к ним станков по одному з двумя железными болтами» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 35 об.).

4.3.2. Ручное оружие

Ручное огнестрельное оружие — это ручницы («рушницы»), мушкеты, фузеи, самопалы, винтовки, карабины. В XVII в. ручницы могли называть просто «пищалами», а в конце XVIII столетия ручное оружие — обобщенно «ружьями». 6 августа 1788 г. «для охранения Кемского города от приезда неприятельских каравел и судов и самих шведов» на Кемское подворье было отправлено «ружей дватцать четыре» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 35 об.). Были и пистолеты (пистоли).

4.3.2.1. Пищали-ручницы

В 1578 г. состоялось пожалование Иваном Грозным соловецкому острогу 100 ручниц (Книга 1536–1600 гг., л. 15). Это подтверждает последующая книга 1597 г., но одновременно в ней сообщается о новом пополнении: «Да в анбаре триста тринадцатъ рушниц» (Опись СМ 1597 г., л. 113 об. — 114). В 1604 г. названо только 315 ручниц, в амбаре (Книги 1604 г., л. 115 — 115 об.). Речь должна идти о су-

хом хлебном амбаре на Мельничном дворе. В 1613 г. ручниц стало 330 шт., и все они были помещены в оружейную палату (Опись СМ 1613 г., л. 111 — 111 об.). В описях 1632 и 1640 гг. ручницы именуются пищалами-ручницами: «Да 290 пищалей рушниц» (Опись СМ 1632 г., л. 163; Опись СМ 1640 г., л. 156 об.).

В 1645 г. количество ручниц (они же теперь пищали) резко сократилось: «Да 190 пищалей з жаграми. Да две пищали маленькие рушницы з жаграми же, одна медная, а другая железная» (Опись СМ 1645 г., л. 175). Приведенный отрывок примечателен тем, что он констатирует наличие в комплекте пищалей-ручниц пальников — жагр. В 1651 г. пищалей с жаграми осталось 189 шт. (Опись СМ 1651 г., л. 2). В 1676 г., после взятия Соловецкой крепости царским войском в оружейной палате было засвидетельствовано огромное количество ручного оружия (654 единицы), которое подсчитали вместе с мушкетами. Туда же принесли неиспользованное во время «сидения» оружие, хранившееся в амбаре: «Триста девяносто пять пищалей и мушкетов. Сто девятнадцать пищалей и мушкетов, что из анбара з житнова двора привезены. В верху в той же полате сто дватцать три пищали. Семнатцатъ пищалей без замков и сломанных. Восемь стволин без лож. Итого шестьсот пятьдесят четыре пищали и мушкетов и сломанными, кроме стволин» (Опись СМ 1676 г., л. 525 об. — 526). Упоминание дефектных 17 пищалей без замков и 8 стволов без лож дает основание полагать исправность

Таблица 97

Железные пищали без указания типа по описям 1705 и 1711 гг.

№ по описи	Металл	Длина	Вес
28-я	Пищаль железная	1 аршин 9 вершков	30 фунтов
29-я	Пищаль железная	1 аршин 9 вершков	1 пуд 15 фунтов
30-я	Пищаль железная	1,5 аршина	27 фунтов
31-я	Пищаль железная	1,5 аршина	27 фунтов
32-я	Пищаль железная	1 аршин 9 вершков	26 фунтов
33-я	Пищаль железная	1¾ аршина	25 фунтов
34-я	Пищаль железная	1,5 аршина	20 фунтов

остальных пищалей-ручниц и наличие у них исправных лож.

В конце XVII в. одни пищали поступали в монастырь с материка, другие, наоборот, раздавались стрельцам. Некоторые из этих пищалей были изготовлены на Соловках. 1 октября 1688 г. «*принята ис Керети пищаль гладкая да топорик*». С августа 1688 г. по сентябрь 1690 г. из оружейной палаты было выдано стрельцам 24 пищали. 1 мая 1691 г. «*оружничей старец Варлам принял у старца Аввакума пищаль, а на ней клеймо монастырское*» (выделено нами. — В.Б.). 13 мая 1691 г. было «*выдано из оружейной казны по приказу келаря старца Игнатия сумскому стрельцу Никите Куимову пищаль, да по подписной челобитной Мишке Архипову выдана пищаль с натрускою*»; «*Мишке Архипову выдана пищаль с натрускою да бердыш. Алексею Федосееву дан бердыш. Июня в 1 день кемскому стрельцу Артюхе Спицыну дан бердыш*» (Книги 1688–1691 гг., 2, 3, 6 об. — 8 об.).

Состоявшаяся после длительного перерыва в 1704 г. перепись имущества оружейной палаты отметила 685 единиц складированного ручного оружия: «*Четыре пищали турецкие длинные голубовские. Да пищаль новая длинная ж, дача архимандрита <...> Шестьсот восемьдесят пищалей винтовальных и невинтовальных, и турок, и мушкетов школских, и саналов, все з замками*» (Книги 1704 г., л. 2 об. — 3). Эти данные с иными акцентами были воспроизведены в 1705 и 1711 гг.: «*Четыре пищали турецкие длинные. Пищаль новая длинная глаткая с прикладом <...> Шестьсот восемьдесят мушкетов и саналов, и винтовальных, и глатких пищалей, в том числе два мушкета з жаграми, да два без замков*» (Опись СМ 1705 г., л. 292; Книги 1711 г., л. 191). Но в тех же описях указано семь

иных пищалей (Опись СМ 1705 г., л. 328 — 330 об.; Книги 1711 г., л. 200 — 200 об.) с параметрами (табл. 97).

К 1708 г. относится новая запись о 693 пищалях, мушкетах и самопалах: «*Шесть сот восемьдесят пищалей винтовальных и невинтовальных, и турок, и мушкетов школских, и саналов, все з замками, один в них мушкет з жагрою. Три пищали з жаграми. Десять пищалей з замками. Два замка да три ствола, что присланы с Красного бору*» (Книга 1708 г., 2 об. — 3).

В 1712 г. было зафиксировано 701 ручное оружие, включая пищали: «*Четыре пищали турецкие длинные голубовские. Две пищали турецкие о дву зарядах. Шесть сот девяносто пять пищалей винтовальных, и невинтовальных, и турок, и мушкетов шкотских, и саналов, все з замками, один в них мушкет з жагрою*» (Книги 1712 г., л. 3 об. — 4).

26 июня 1713 г. старец-келарь Иллаион привез из Москвы, с монастырского подворья, пищаль польскую (Книги 1712 г., л. 14 об.).

В 1742 г. на Соловках имелось 770 единиц ручного оружия, большей частью пищали. Среди них: «*Пищалей длинных 7. Пищалей турок о дву зарядах 2. Пищалей, самопалов и мушкетов в ложах 760. Пищаль з жагрою 1*» (Реестр 1742 г., л. 311 об.).

В 1788–1795 гг. оружейная палата располагала 728 единицами ручного оружия: «*Карабинов больших и малых, при том пищалей самопалов и мушкетов семьсот двадцать восемь. А сколько и каких имянно, разобрать обстоятельно невозможно, потому что все одного старинного манира нерусскими замками*» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32; Опись СМ 1795 г., л. 257).

Как писал инженер-подпоручик Васильев, в 1790 г. многие из 700 пищалей,

самопалов, мушкетов «браны были для вооружения приезжих богомольцев, имеющих во время неприятельского погрома в монастыре задержанными остаться, до пяти сот, кои исправлены и вычищены и по окончании войны в Оруженную полату возвращены» (Васильев 1790 г., л. 66–68).

4.3.2.2. Мушкеты

Мушкет — тяжелое длинноствольное ружье, как правило с граненым стволом, ложем. Это разновидность ручного оружия. Первое свидетельство о мушкетах на Соловках относится к 1651 г.: «5 мушкетов ременных держанных» (Книга 1651 г., л. 4 об.). В 1688 г. в Соловецкий монастырь из Серговского уоулья привезли пять мушкетов, «а ложи у всех приломаны, у одного мушкета и замка нет» (Книги 1688–1691 гг., л. 2).

В XVII в. мушкеты имелись в арсенале русских крепостей Северо-Запада, например Опочки. Там было 1618 мушкетов и 718 мушкетных стволов (Михайлов А. А., 1995) — количество, несопоставимое с Соловками.

В 1676, 1704, 1708, 1711 и 1714 гг., как отмечалось выше, подсчет мушкетов велся вместе с пищалями, самопалами. Всего оружия данных типов было свыше шести сотен (Опись СМ 1676 г., л. 525 об.; Книги 1704 г., л. 3 — 3 об.; Книга 1708 г., 2 об. — 3; Книги 1711 г., л. 190 об. — 191; Книга 1714 г., л. 3 об.). Однако о точном количестве мушкетов в начале XVIII столетия можно судить по записи о мушкетных шомполах из оружейной палаты: «Сто дватцать шенпуров мушкетных, в них 60 с трубками и трещетками» (Книги 1704 г., л. 6; Опись СМ 1705 г., л. 293 об. — 294; Книга 1708 г., л. 7; Книги 1711 г., л. 194; Книги 1712 г., л. 8 об.; Книги 1714 г., л. 7).

В описях перечислялись неисправные мушкеты: «Шесть мушкетов без замков. Восмь мушкетов без замков в новых ложах» (Книга 1708 г., л. 3; Книги 1712 г., л. 4). В 1713 г. из московского подворья монастыря был привезен мушкет (Книги 1712 г., л. 14 об.). Один мушкет с Соловков в 1757 г. был затребован в военную походную канцелярию генерала графа Шувалова (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 36).

Общая система подсчета ручного оружия, включающая мушкеты, действова-

ла и в 1742, 1788–1789 и 1795 гг. (Реестр 1742 г., л. 311 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32; Опись СМ 1795 г., л. 257). О том, что в конце XVIII в. значительное количество мушкетов стояло на вооружении Соловецкой крепости, свидетельствует тот факт, что в 1790 г. из Новодвинской крепости в монастырь было доставлено 25 пудов мушкетного пороха. Всего его было 108 пудов, и хранился он в 36 бочках (Ведомость 1790б г., л. 5 об.).

4.3.2.3. Фузеи

Фузея — дульнозарядное гладкоствольное ружье с усовершенствованным ударно-кремневым замком. В 1742 г. в соловецкой оружейной палате хранились две фузеи с медной оправой. Они снабжались двумя багинетами — штыками. (Реестр 1742 г., л. 311 об., 312 об.). Пуль фузейных и пистолетных насчитывалось 42600 шт. (Опись СМ 1788–1789 г., л. 33 об.; Ведомость 1790а г., л. 6; Опись СМ 1795 г., л. 258).

4.3.2.4. Самопалы

Термин «самопал» — старопольский и украинский, первоначально означал «самострельное» ружье, ручницу с колесным, позднее кремневым замком (Квасневич В., 2007, с. 168). На Соловках это иностранное огнестрельное оружие с коротким или длинным стволом. В конце XVI в. на Соловках насчитывалось 35 самопалов: «Да тритцать пять самопалов свитцких, с ветили, и с порошницами, и со фляшки» (Опись СМ 1597 г., л. 114; Опись СМ 1604 г., л. 115 — 115 об.). В первой половине XVII столетия их количество резко возросло сначала до 250 экз., а затем до 416 и 537 экз.: «Да двести пятдесят самопалов свитцких с вятилями, и с порошницами, и со фляшками» (Опись СМ 1613 г., л. 111 об.); «Да 14 самопалов ливонских долгих и коротких со влагалищами, а влагалища дубленые да суконные. Да самопал аглинской, ствол золотом навожен. Да самопал на турское дело с серебряными пояски. Да 400 самопалов свитских» (Опись СМ 1632 г., л. 163; Опись СМ 1640 г., л. 156 — 156 об.); «Да 17 самопалов ливонских долгих и коротких. Да самопал на турское дело с серебряными пояски. Да 5 самопалов двоезарядных гладких. Да 514 самопалов долгих

и коротких однозарядных гладких» (*Опись СМ 1645 г.*, л. 174 об.).

Происхождение перечисленных самопалов неизвестно. Однако один, покрытый золотом, и другой с серебряными поясками вполне могли быть и трофейными.

В 1651 г. самопалов стало 569 шт.: «17 самопалов ливонских больших и малых да самопал вкладной винтовальной Гаврила Ильина. Самопал на турецкое дело с серебряными пояски, да 5 самопалов двоезарядных гладких. Самопалов долгих и коротких, однозарядных гладких 545 самопалов» (*Книга 1651 г.*, л. 2). Их численность в два раза превосходила рушницы-пищали, однако для защиты крепости в 1632 и 1640 гг. было задействовано всего 100 самопалов: «Да 100 самопалов дано стрелцом» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156). Во время «Соловецкого сидения» самопалов на Соловках, очевидно, уже не было, так как они не фигурируют в описях оружейной палаты. Их судьба неясна, но в то же время в оружейной казне хранилось 300 пороховых рогов самопальных (*Опись СМ 1676 г.*, л. 527 об.).

Под 1704 г. упомянуты два самопала (*Книги 1704 г.*, л. 8). В последующих описях самопалы называются в общем перечне с пищалью и мушкетами, но их явно небольшое количество (*Книги 1711 г.*, л. 190 об. — 191; *Реестр 1742 г.*, л. 311 об.; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32; *Опись 1795 г.*, л. 257). 26 июня 1713 г. старец-келарь Илларион привез из Москвы, с монастырского подворья, три самопала (*Книги 1712 г.*, л. 14 об.). В конце столетия уже не различали типы оружия, «потому что все одного старинного манера нерусскими замками». Самопалы стреляли пулями, как и пищали-ручницы: «Да у самопалов и у пищалей по фунту пулек» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163 об.).

4.3.2.5. Винтовки

Винтовка — дульнозарядное ручное оружие с нарезным стволом (штуцер). На Соловках имелись единичные образцы. Впервые нарезной ствол упомянут под 1651 г. применительно к самопалу: «...самопал вкладной винтовальной Гаврила Ильина» (*Книга 1651 г.*, л. 2). Но сам термин «винтовка» наиболее часто был связан с пищалью. 15 декабря 1689 г.

монастырем была продана «пищаль винтовка» шуречанину Евдокиму за 2 рубля 8 алтын 2 денги (*Опись СМ 1688–1691 гг.*, л. 5). Под 1704–1714 гг. упоминались пищали «винтовальные», хранившиеся в оружейной палате монастыря (*Книги 1704 г.*, л. 2 об. — 3; *Книги 1711 г.*, л. 190 об. — 191; *Книга 1714 г.*, л. 3 об.). В описи 1708 г. встречается первое противопоставление пищали и винтовки как типа оружия: «Винтовка да пищаль гладкая, что дал иеродиакон Иоарам» (*Книга 1708 г.*, л. 3). Данная «винтовка Арамовская» упомянута дважды (*Книги 1712 г.*, л. 4 об.; *Книга 1714 г.*, л. 4). В 1742 г. на вооружении крепости находилось 9 винтовок (*Реестр 1742 г.*, л. 311 об.).

4.3.2.6. Карабины

Карабин — оружие кавалерии, его ствол по сравнению с мушкетом укорочен. В 1676 г. на вооружении крепости было 27 карабинов, которые подразделялись на большие и малые, одноствольные и двухствольные (*Опись СМ 1676 г.*, л. 526). В начале XVIII в. насчитывалось около 50 карабинов, а ближе к середине века их число приблизилось к 80.

1704 г.: «Осмь карабинов с костью больших <...> Сорок три карабинов простых больших и малых <...> Вкладной карабин двое ствольной об одном замке верхового уставшика Ивана Стефанова <...> Да ствол карабинной». Два карабина были даны московскому строителю Александру (*Книги 1704 г.*, л. 2 об. — 3, 8).

1705, 1711 гг.: «Семь карабинов больших в ложах з замками, у них в ложи с костью, в том числе у дву карабинов замки колесчатые <...> Сорок три карабина больших и малых, в том числе у пяти карабинов замки колесчатые, в том числе один кара[бин] без замка <...> Карабин двоествольной об одном замке <...> Да в роздаче для посылки пять карабинов» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 292 — 292 об.; *Книги 1711 г.*, л. 190 об. — 191).

1708 г.: «Восмь карабинов с костью больших. ...Сорок три карабинов простых больших и малых. Вкладной карабин двоествольной об одном замке верхового уставшика Ивана Стефанова» (*Книга 1708 г.*, л. 2 об. — 3).

1712, 1714 гг.: «Восмь карабинов с костью больших. Двациать восмь ка-

рабинов простых больших и малых <...> Пятнацать карабинов же в ложах <...> Карабин двоествольней об одном замке дачи верхового уставщика Ивана Стефанова» (Книги 1712 г., л. 3 об. — 4 об.; Книга 1714 г., л. 3–4).

В 1742 г. количество карабинов больших и малых возросло до 79 шт. (*Реестр 1742 г.*, л. 311 об.). Неясно, сколько их осталось к концу столетия, так как всё ручное оружие пришло в ветхость и типы его уже не различали (*Опись СМ 1795 г.*, л. 257).

4.3.2.7. Пистолеты

Это короткоствольное портативное оружие ближнего боя, которым стреляют одной рукой. Оно появилось в Европе еще в конце XV в. Пистолеты впервые на Соловках были отмечены в описи Оружейной казны 1676 г. — «*двадцать пар пистолей*» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 526). В 1691 г. было продано три пистолета (*Опись СМ 1688–1691 гг.*, л. 4 об.). В описях оружия 1704–1711 гг. фигурирует 36 пар больших и малых попарно пистолетов, у некоторых — чеканная серебряная оправка: «*Тритцать адна пара пистолетов больших и малых, парами разнятица; многие, в том числе у одной ложа разбита. Три пистоли, оправка серебряная <...> Сверх отводных книг в лишке в оружейной полате пара пистолей*» (*Книги 1704 г.*, л. 2 об., 9 об.; *Книга 1708 г.*, л. 2 об.); «*Тритцать одна пара пистолетов больших и малых, в том числе у дву пар замки колесчатые. Две пары пистолетов без замков. Три пистоли, у них оправы сребренны чеканны*» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 292; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.; *Книги 1712 г.*, л. 4).

6 июня 1713 г. старец-келарь Илларион привез из Москвы с монастырского подворья три пистолета (*Книги 1712 г.*, л. 14 об.).

Опись 1742 г. отметила в оружейной палате только три пистолета с серебряной оправой без указания остальных (*Реестр 1742 г.*, л. 311 об.). В 1757 г. из Соловецкого монастыря в военную походную канцелярию генерала, графа П. И. Шувалова был затребован в качестве образца один пистолет (*Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 36). Описи 1788–1795 гг. упоминают 23 пистолета с ветхими ложами (*Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 32; *Ведомость 1790а г.*, л. 6; *Опись СМ 1795 г.*, л. 257).

4.3.3. СНАРЯДЫ, ПОРОХ, СВИНЕЦ И ПРОЧЕЕ

По количеству снарядов, пороха и свинца можно судить, как постепенно наращивалась артиллерийская мощь Соловецкой крепости.

4.3.3.1. Ядра

Первые 400 ядер были пожалованы царем в 1578 г. для пушек-пищалей деревянного острога. В 1592 г. для каменной крепости прислали еще «*ядер 390 свинчатых да 600 ядер железных*», а на следующий год два ядра железных (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 15 — 16 об., 17 об.). Итого — 1392 ядра без указания калибра.

С 1632 г. в оружейной палате упоминаются «*90 ядер облитых же к полковым пищалем*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 156 об.; *Опись СМ 1651 г.*, л. 3), а также 2030 затинных облитых и 1200 затинных железных ядер (*Опись СМ 1645 г.*, л. 157; *Книга 1651 г.*, л. 3). Всего 3320 ядер.

В 1676 г., после взятия монастыря стрельцами, внутри монастыря осталось 79 облитых ядер к полковым пищалям и 4200 облитых свинцом к затинным пищалям (*Опись СМ 1676 г.*, л. 529 — 529 об.). Железные ядра не упомянуты. Неясно, были ли они все израсходованы, или оставшиеся находились в башнях при орудиях, и их не подсчитали по каким-то причинам. Воевода Мещеринов дважды сообщает о весе ядер, которыми осажденные из крепости обстреливали в 1674 г. московское войско: «*...из монастыря с раскатов и с башень стреляли из большого наряду безпрестано, ядро по 9 и по 7 фунтов*»; «*они, воры и изменники, били по мне, холопе твоем, и по ратным людям из города и с новых раскатов и с башен из большего наряду ядро по девяти фунтов*» (*Барсов Е. В.*, 1890, с. 101, 129).

В 1705 г. «*к мелкому ружью к затинным пищалям*» имелось мелких железных 1365 ядер, к 34 большим и малым пушкам 2464 железных ядра. 410 железных ядер оказались лишними, поскольку они не годились ни для одной пушки (*Опись СМ 1705 г.*, л. 330 об.). Всего 3829 ядер. В 1711 г. на одно ненужное ядро оказалось меньше (*Книги 1711 г.*, л. 200 об. — 201). В конце XVIII в. ядер насчитывалось:

Ядра по описи января 1790 г.

№ п/п	Калибр ядер, фунт	Кол-во
1	36	1
2	7	6
3	6	766
4	5	433
5	4	30
6	3,5	22
7	3	787
8	2,5	30
9	2	104
10	1,5	909
11	1	11
12	0,5	26

чугунных весом 1–36 фунтов – 3156 шт.,
весом 0,5 фунта – 264 шт., картечных –
120 шт., в итоге – 3540 шт. (*Опись СМ
1788–1789 гг.*, л. 31 об.). 6 августа 1788 г.
в Кемь было передано 85 ядер (*Опись СМ
1788–1789 гг.*, л. 35 об.).

Единственная за всё время действия Соловецкой крепости подробная и последняя роспись ядер к пушкам была выполнена в январе 1790 г. (*Ведомость 1790а г.*, л. 5 — 5 об.). В ней перечислено 3225 снарядов 12 калибров (табл. 98).

По данным описи 1795 г., чугунных ядер на Соловках оставалось 2000, картечных 120 (*Опись СМ 1795 г.*, л. 257).

Для археолога важно выделить ядра, оказавшиеся на территории монастыря во время его обстрела кораблями англо-французской эскадры в 1854 г. Здесь нам поможет свидетельство отставного коллежского асессора Соколова, который для передачи депеши противника побывал вблизи военных пароходов: **«Один фрегат имеет 28 орудий, из коих 14 бросают 2-х пудовыя ядра и 1½ пудовыя бомбы** (здесь и далее выделено нами. — В.Б.) **и 14 — 30-фунтовыя ядра и 20-ти фунтовыя бомбы. Второй фрегат в деке имеет 32 орудия, на палубе две 2-х пудовыя мортиры и одну 3-х пудовую пушку; всего 35 орудий, из коих 2-х пудовых — 17 и 30-ти фунтовых — 16»** (Сырцов И., 1904, с. 16). Одно чугунное ядро весом 96 фунтов было выставлено в монастырской ризнице как свидетельство чуда: **«сим ядром пробило икону Знамения Богородицы 7 июля 1854 года»** (Опись СМ 18666 г., л. 259 об. — 260).

4.3.3.2. Ядра картечные

Ядра чугунные картечные в количестве 120 шт. упомянуты только один раз, в конце XVIII в. (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32). Представляли собой полые ядра, наполненные порохом и дробом. По сути, это гранаты.

4.3.3.3. Картечь

Картечь — разрывной артиллерийский снаряд, который делался из чугунных пуль, насыпанных в жестяной цилиндр. Впервые в описи 1788 г. говорится о 120 ядрах чугунных картечных, а 6 августа в Кемь было отправлено 1200 картечи (*Опись СМ 1788—1789 гг.*, л. 32, 35 об.). В январе 1790 г. на Соловках имелось 387 малых картечных ядер без картузов — мешков для артиллерийского порохового заряда. В октябре 1790 г. насчитывалось 235 зарядов, весивших 3, 5, 6, 7, 8, 18 фунтов каждый (*Ведомость 1790б г.*, л. 4 об.), а в Корожной, Белой, Прядельной и Успенской башнях находилось по одному дробовику, к каждому из которых полагалось по 20 картечей (*Ведомость 1790б г.*, л. 1 об. — 2 об.).

4.3.3.4. Дроб

Дроб — рубленные куски железа, которые могли покрыть свинцом. Дроб хранился в отдельных бочках: «*3 кади дробу железного*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 161 об., 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 155, 157 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 173 об.), а в 1645 и 1651 гг. и «*бочка дробу железного*» (*Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 5 об.). В XVII столетии дроб предназначался для дробовых тюфяков, с конца века и в последующее время — для пушек дробовок. Данные орудия упомянуты выше. В 1742 г., как и в 1788–1790 гг., для восьми дробовок предназначалось 1810 дробей пушечной железной, облитой свинцом, и 1000 чугунной (*Реестр 1742 г.*, л. 311; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 31 об., 33 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 2–4, 6).

4.3.3.5. Гранаты

Граната — разрывной снаряд, наполненный черным порохом и имеющий фитиль в запальной трубке. Гранаты были ручные и артиллерийские шарообразные

снаряды (Квасневич В., 2007, с. 11, рис. на с. 14). В арсенале Соловецкой крепости ручные гранаты появились в небольшом количестве и поздно. Соловецкие описи упоминают их с начала XVIII в. как «кубышки гранатные»: «Четырнатцать кубышек гранатных чененых» (Книги 1704 г., л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.; *Книга 1708 г.*, л. 4 об. — 5; *Книги 1711 г.*, л. 192 об.; *Книги 1712 г.*, л. 6; *Книга 1714 г.*, л. 5; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32).

Между тем известно, что при Михаиле Федоровиче в Москве, в Пушкарском приказе, изготавливали гранаты еще в 1618 г. Было налажено их производство, ими начинают интенсивно снабжать войска (Малов А.В., 2002, с. 131). Царское войско использовало гранаты при осаде монастыря во время «Соловецкого сидения». В 1674 г. воевода Иван Мещеринов пожаловался царю на отсутствие ручных гранат. В июле на Соловки были посланы «гранатчики, которые к огнестрельному делу навьчны и учились у иноземцов». Также царь приказал послать 150 шт. пудовых гранат (Барсов Е.В., 1890, с. 102–103, 118, 132).

Эти снаряды с порохом упомянуты в документах 1788–1790 гг.: «Гранат гранатерских ручных трех фунтовых десять» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32); «Гранат ручных нечиненых 11. Оные все хранятся в особливом месте Успенской церкви под крыльцом в каменном чулане» (*Ведомость 1790а г.*, л. 5 об.). Примечательно, что в том же сухом помещении с 1744 г. под северным крыльцом с восточной стороны трапезной палаты держали и порох¹⁴.

Две иностранные неразорвавшиеся гранаты хранились в монастырской ризнице: «№ 1099. Граната чугунная 96-ти фунтов, ею пробито свод церкви Преподобного Онуфрия 7-го июля 1854 года. № 1100. Граната таковая же 26 фунтов, найдена с порохом за иконою Знамения Пресвятыя Богородицы, после нападения англичан. № 1101» (*Опись СМ 1866б г.*, л. 259 об. — 260).

4.3.3.6. Книппели

Данные снаряды применялись в морской артиллерии для поражения такелажа парусных судов противника (Квасневич В., 2007, с. 11, рис. на с. 14). В соловецких опи-

сках вооружения они встречены трижды — в 1788–1789 гг., в январе и октябре 1790 г. Книппели подразделялись на цепные, раздвижные и со шпилями. Цепных 12-фунтовых книппелей, представлявших собой два ядра, связанных цепью, было 4 шт. Раздвижные книппели, состоявшие из двух половинок ядра, соединенных цепью, классифицировались по весу на 15-фунтовые (6 шт.) и 3-фунтовые (3 шт.). Книппель с острыми шпилями оказался единственным, его вес 6 фунтов (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32; *Ведомость 1790а г.*, л. 5 об.). Впрочем, в той же описи имеется уточнение, что «ядер же с концами пятифунтовых девять» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32).

В октябре 1790 г., после того как остров покинула военная команда, на хранение в крепости оставили 315 книппелей (*Ведомость 1790б г.*, л. 8). Все эти снаряды хранились в чулане вместе с гранатами.

4.3.3.7. Рогатки стрельные

Рогатки — противопехотные заграждения, соединявшиеся друг с другом скобами, упоминались лишь в описях 1694–1696 гг.: «Да рогаток боевых стрелных и приступных и скоб полушата» (*Книга 1694а г.*, л. 3; *Книга 1694б г.*, л. 3; *Книга 1695 г.*, л. 2 об.; *Книга 1696 г.*, л. 3). Они хранились в ящике лафета чугунной пушки, стоявшей в Святых воротах: «Да у той же пушки в станковом ящике шесть вкладок скорострельных пушек, да пушечных ядер и рогаток боевых стрелных и приступных, и скоб да занаряды в котях с порохом; ящик без мала неполон, у ящика замок вислой клинчатой» (*Книга 1696 г.*, л. 3).

4.3.3.8. Корзины для ядер

В январе 1790 г. в крепости имелось 14 негодных корзин для переноски ядер. О них сказано: «Оные упователно употребляемы были для носки железных ядер, кои за ветхостию совсем неспособны» (*Ведомость 1790а г.*, л. 5).

4.3.3.9. Козы для жара

Это необходимое на военный период приспособление, о котором в описях сказано: «Шестнатцать коз железных,

¹⁴ О порохе см. далее.

в чем жар держат при приступном времени к городу». В 1694 и 1695 гг. они складировались в верхнем бою Поваренной башни, в 1696 г. — на среднем ярусе этой башни (*Книга 1694 г.*, л. 5 об.; *Книга 1694б г.*, л. 5 об.; *Книга 1695 г.*, л. 5; *Книга 1696 г.*, л. 6)¹⁵. Жар был необходим для пушечных пальников, зажигания фитилей. Как следует из других источников, коза могла применяться и для освещения: «...а в тех козах зажигали смолье для свету и для <...> ночного приступу, чтоб от того видети было <...> людей за стеною» (*Сл. РЯ XI–XVII вв.*, 1980 с. 222; *Ласковский Ф. Ф.* 1858б, с. 103).

Указанное число коз-жаровень для Соловецкой крепости точно соответствовало числу башен (их восемь) и числу участков стен между этими башнями (их тоже восемь). В начале XVIII столетия коз стало 15 шт., затем снова 16 шт. (*Книга 1703 г.*, л. 5; *1709 г.*, л. 6).

4.3.3.10. Пули

Пули были железные и литые свинцовые. Они предназначались для разнообразного ручного оружия: пищалей, самопалов, фужей, пистолетов.

Пули для самопалов и пищалей в первой половине XVII в. всегда описывались вместе. Для каждого из ружей обязательно предназначался комплект пулек весом один фунт, насыпанных в мешочках: «*Да у самопалов и у пищалей по фунту пулек*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163 об.); «*У всех по фунту пулек в мошнях*» (*Книга 1651 г.*, л. 2 — 2 об.). Но в то же время отдельно в специальных ящиках держали основной запас пуль: «*[Да в] ящичех же пулек литых пицал[ных] и самопалных 21 пуд 12 гривенок*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164). К 1651 г. он незначительно увеличился до 22 пудов 28 гривенок (*Опись СМ 1645 г.*, л. 175 об.; *Книга 1651 г.*, л. 3). После взятия Соловецкого монастыря царским войском в 1676 г. там оставалось в двух ящиках 24 пуда 20 фунтов пулек свинцовых (*Опись СМ 1676 г.*, л. 529).

Свинцовые пули отливали в специальных формах (колыпцах) с использованием

лейки: «*21 калыпцов малых. Лейка, в чем свинец топят*» (*Книга 1651 г.*, л. 6).

Пули для затинных пищалей (малых пушечек) были особые — железные, покрытые свинцом, и просто железные. Они также хранились в ящиках или сундуках, как для самопалов и ручных пищалей:

«*Да 3050 пулек облитых к затинным*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157);

«*Да железных 1600 пулек к затинным*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 175);

«*Да к затинным облитых же две тысячи десять пулек*» (*Книги 1645 г.*, л. 175 об.);

«*В сундуке ж в дву ящичах пулки железные затинных пищалей, а иные пулки облиты свинцом*» (*Книги 1704 г.*, л. 5 об.; *Описи СМ 1705 г.*, л. 293 об.; *Книги 1711 г.*, л. 194; *Книги 1712 г.*, л. 8 об.);

«*В сундуке в дву ящичах пулки железные затинные и пицалные*» (*Книга 1714 г.*, л. 6 об.).

В мирное время пули к пищалам выдавались стрельцам в строгом количестве от 5 до 10 шт.:

1688 г. 10 августа «*новоприборному стрельцу Кемского горотка Тимофию Яковлеву Ресцу дана пицаль, бердыш, порошница, мошня, 6 пулек, кремьнь. В том число Петрушке Картину сумскому стрельцу переменена пицаль <...> Да в то ж число выдано сумскому стрельцу Мишки Иванову на токову пицаль, бердыш, натруска, мошня, кремьнь, 6 пулек*» (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 7 об.);

1689 г. 3 августа «*сумским же стрельцам новопоставленным Герасимку Плешку выдано оружя пицаль да бердыш, порошница, мошня пулешная, 6 пулек. Да новоприборному ж стрельцу Онуфрейку Кашкину дано оружя пицаль да бердыш, порошница, да мошня, да кремьнь, да 6 пулек*» (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 7 — 7 об.);

1689 г. 6 октября «*дано по подписной челобитной новоприборным стрельцам Ивашику Насонову, Андриюшке Иванову, Делке Ильину, Якиму Колтакову по пицали по гладкой да по бердышу, по натруске, да по мошне, в чем пулки держат, по кремьню, по десяти пулек*» (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 6 об.);

¹⁵ В описи 1695 г. имеется поправка: «*Шестнатцать коз железных, в чем жар держат при приступном времени к городу* (на поле: *14 коз, пятна[деся]т отдана*)» (*Книга 1695 г.*, л. 5). Видимо, коза была быстро возвращена, если в 1696 г. вновь отмечено 16 коз.

1689 г. 19 октября «дано по подписной челобитной сумскому новоприборному стрелцу Ивашку Онегину пицаль да бердыш, натруска, мошна, в чем пульки держат, 6 пулек да кремень. Того же числа выдано по подписной челобитной сумскому ж новоприборному стрелцу Ивашку Филипову пицаль да бердыш, натруска, мошна, в чем пульки держат, кремень да 6 пулек» (Книги 1688–1691 гг., л. 6 об. — 7);

1690 г. 5 сентября «выдано оружье новопоставленным стрельцам Ермолки да Ротки Ивановы Крюковым по пицали да по бердышу, по порошнице, по мошни, по кремню, по 5 пулек» (Книги 1688–1691 гг., л. 8);

1690 г. 21 сентября «новопоставленному стрелцу Федору Филипову выдано оружье пицаль, бердыш, натруска, мошна, 5 пулек, кремень» (Книги 1688–1691 гг., л. 8 об.);

1691 г. 7 июля «выдано оружье новопоставленному стрелцу Никифорку Сумскому против подписной челобитной пицаль да бердыш, натруска, да кремень, да мошня, да пять пулек» (Книги 1688–1691 гг., л. 8 об.).

В XVIII столетии пули по-прежнему держали в сундуках, внутри которых были еще и ящички. При описании не говорилось, для какого вида ручного оружия предназначались пули: «Сундук, в нем двенадцать ящичков насыпаны, полны пулек свинцовых. В сундуке ж два ящичка зарядов неполны <...> Да под денежною казною в полатке под крыльцом сундук, в нем осмь ящичков з зарядами и з пулками» (Книги 1704 г., л. 5 об.); «Триста мошен пулечных <...> Сундук, в нем двенадцать ящичков насыпаны, полны пулек свинцовых <...> В сундуках ж два ящичка неполных з зарядами <...> У денежной же казенной полаты под крыльцом в малой полатке сундук, а в нем осмь ящичков з зарядами и с пулями» (Опись СМ 1705 г., л. 293 об., 294 об.); «Сундук, в нем двенадцать ящичков насыпаны пулек свинцовых. Одиннадцать ящичков полных, двенадцатой неполон. В сундуке ж два ящичка зарядов неполны. В сундуке же в дву ящичках пулки железные затинных пицалей, а иные пулки облиты свинцом. Под денежною казною <...> В поладке под крыльцом сундук, в нем осмь ящичков з зарядами и с пулками» (Книга 1708 г., л. 6 об. — 7, 8); «Триста мошен пулечных <...> Сундук, в нем двенадцать

ящичков, насыпаны, полны пулек свинцовых. Два ящичка неполных з зарядами» (Книги 1711 г., л. 193 об.); «Сундук, в нем двенадцать ящичков, насыпаны пулек свинцовых» (Книги 1712 г., л. 8 об.); «Сундук, а в нем двенадцать ящичков насыпаны пулек свинцовых» (Книга 1714 г., л. 6 об.).

Пули для фузей и пистолетов. О них говорится в описях 1788–1795 гг.: «Пуль фузейных и пистолетных 42600. Оные все в употреблен[ии] находятся способными» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33 об.; Ведомость 1790а г., л. 6; Ведомость 1795 г., л. 258). Их отливали в специальных железных и медных формах: «Фурм, в которые пули лют, железных две, медная одна» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33 об.).

4.3.3.11. Заряды

Это готовые заряды с определенным количеством пороха в бумажном пакете: «Да в ящичках деланых готовых бумажных 7600 занарядов» (Опись СМ 1632 г., л. 163 об.; Опись СМ 1640 г., л. 157). «Да в ящичках самопальных дьланых готовых бумажных зарядов 7720 зарядов з зельем» (Опись СМ 1645 г., л. 175 — 175 об.). «Зарядов бумажных самопальных, деланых в ящичках и в лядунках 7720» (Книга 1651 г., л. 2 об. — 3).

4.3.3.12. Лядунки

Лядунка — специальная подсумка, из комплекта снаряжения, предназначенная для боевых припасов («зарядов»). Первое упоминание под 1632 г.: «Да 80 лядунок зарядных с порохом» (Опись СМ 1632 г., л. 163 об.; Опись СМ 1640 г., л. 156 об.). «Зарядов бумажных самопальных, деланых в ящичках и в лядунках 7720» (Книга 1651 г., л. 2 об. — 3).

Лядунки изготавливались из дерева, сверху покрывались сукном, кожей, иногда обшивались бархатом с серебром:

«Да 79 лядунок суконных и кожаных» (Опись СМ 1645 г., л. 175). «Да 74 лядунок суконных и кожаных» (Книга 1651 г., л. 2 об.). «Лядунок, крытых сукном и кожею 11» (Реестр 1742 г., л. 313.);

«Пятдесят лядунок новых и старых под сукном» (Опись СМ 1676 г., л. 527 об.). «Двенадцать лядунок в сукне» (Книги 1704 г., л. 5; Книга 1708 г., л. 6). «Восмь лядунок в сукне» (Опись СМ 1705 г., л. 293;

Книги 1711 г., л. 193). «Одиннацеть лядунок в сукне» (Книги 1712 г., л. 8; Книга 1714 г., л. 6);

«Семьдесят лядунок кожаных» (Опись СМ 1676 г., л. 528). «Дваццать три лядунки в кожах» (Книги 1704 г., л. 5; Опись СМ 1705 г., л. 293; Книга 1708 г., л. 6; Книги 1711 г., л. 193; Книги 1712 г., л. 8; Книга 1714 г., л. 6). «Лядунок кожаных: три, на них накладки с гербами, у ремней пряжки и наконешники медные» (Описи СМ 1788–1789 гг., л. 33 об.; Опись СМ 1795 г., л. 258 об.). «Пять обшитых кожей, у ремней пряжки железные» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 34; Опись СМ 1795 г., л. 258 об.);

«Лядунка бархатная, шита серебром» (Книги 1704 г., л. 5; Книга 1708 г., л. 6; Книги 1711 г., л. 193). «Две лядунки бархатные, шитые серебром» (Опись СМ 1705 г., л. 293; Книги 1712 г., л. 7 об.; Книга 1714 г., л. 6);

«Пять простых, у трех ремней пряжки медные, две без пряжек» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 34; Опись СМ 1795 г., л. 258).

Из приведенных сведений следует, что количество лядунок за полтора столетия постепенно уменьшилось от 80 до 13 экз. Правда, в 1676 г. их было отмечено 120 шт.: 1632–1640 гг. — 80 шт., 1645 г. — 79 шт., 1651 г. — 74 шт., 1676 г. — 120 шт., 1704–1714 гг. — 36 шт., 1742 г. — 11 шт.; 1788–1795 гг. — 13 шт.

4.3.3.13. Фитили

Фитиль — неплотно скрученный шнур из конопли или льна, пропитанный щелочью из гашеной извести или в воде с селитрой (Квасневич В., 2007, с. 180). Фитиль для пушек и ручного оружия измерялся пудами и фунтами: «фитиллю пудъ» (Книги 1704 г., л. 5 об.; Книга 1708 г., л. 7; Книги 1712 г., л. 8 об.; Книга 1714 г., л. 7); «фитель тритцать фунтов» (Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книги 1711 г., л. 194); «фитиля фунтов десять» (Ведомость 17906 г., л. 5 об.).

4.3.3.14. Селитра

Селитрой пропитывали фитили. Ее применяли для приготовления пороха. А в 1674 г., во время «Соловецкого сиде-

ния», использовалось «на зажигательные ядра селитры литрованной пуд с пятнацеть». Состав для зажигательных ядер включал помимо селитры «серы горючей пять пуд, воску два пуда, терпеттину¹⁶ пуд 20 гривенок, смолы, сколько надобно будет, льну десять пуд, дехтю, сколько надобно будет» (Барсов Е.В., 1890, с. 118). Смолу топили в медном котле: «Иготь медная с толкушкою медною, в чем составы в зажигательные ядра толочь» (Барсов Е.В., 1890, с. 119).

В описях оружейной палаты селитра упомянута дважды с указанием общего веса: «Да селитры весом 15 пуд 2 четверти» (Опись СМ 1632 г., л. 162 об.; Опись СМ 1640 г., л. 155 об.).

4.3.3.15. Порох

Постоянный и тщательный учет пороха-«зелья» велся с момента основания Соловецкой деревянной крепостицы и появления в ней артиллерии. В 1578 г. царь «пожаловал зелья к тому наряду 115 пудъ». На следующий год добавился еще «пуд зелья с четвертью». В 1590 г. новое пожалование — 5 бочек пороха весом 62 пуда (Книга 1536–1600 гг., л. 15–16).

Первоначальное место хранения пороха — денежная палата, отдельное двухэтажное здание, стоявшее к северу от келарской палаты трапезного комплекса. Там хранилось 132 пуда пороха государева жалования и монастырской покупки, а в 1613 г. — 280 пудов пороха (Опись СМ 1597 г., л. 114; Опись СМ 1613 г., л. 112). К 1632 г. из-за военной обстановки в Поморье количество пороха в монастыре увеличилось в два раза: «Да в желеиной казне пушечного и п[ищал]ного зелья в бочках 523 пу[д] с четвертью. Да селитры весом 15 пуд 2 четверти» (Опись СМ 1632 г., л. 162 об.; Опись СМ 1640 г., л. 155 об.; Опись СМ 1645 г., л. 174). К 1651 г. на изготовление 7720 зарядов бумажных самопальных и в лядунках ушло 4 пуда 2 гривенки зелья (Книга 1651 г., л. 2 об. — 3).

В 1676 г. мы застаем пороховую казну у Рыбных ворот, в двух палатках северной линии келейной застройки, а также под кельями южного мельничного порядка. Там

¹⁶ Терпентин («терпеттин») — смола из надрезов хвойных деревьев, из которой готовят разные лаки и мази; из нее же получается канифоль, скипидар и пр.

оставалось 328 пудов 28 фунтов пороха из прежнего запаса. Надо полагать, **за время восстания 1667–1676 гг. было израсходовано почти 200 пудов пороха (523–328 = 195)**. Оказывается, во время «Соловецкого сидения» порох держали и под Никольской церковью (там размещалась оружейная палата), откуда в 1676 г. 9 бочек весом «з *деревом*» 69 пудов перенесли в пороховую казну (*Опись СМ 1676 г.*, л. 565 — 565 об.).

По распоряжению монастырского казначея мелкие порции выдавались или продавались разным лицам. Летом 1691 г. охотнику Волкодаву дважды выдавалось по фунту пороха вместе со свинцом для отливки пуль. Фунт пороха получил кузнец Феофан. Некому шуеречанину был продан фунт пороха по цене 1 алтын. Тогда же в Сумский острог был послан пуд пороха со стрельцом Овдушком Савиным (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 3 об. — 4 об.).

В 1704–1707 гг. в оружейной казне, что под Никольской церковью, хранилось «*двесте голов пороховых, обшиты нерпою*», а в палатке под денежной казной — 5 бочонков и 2 ведра мушкетного, пушечного и мелкого пороха весом 9 пудов 15 фунтов (*Книги 1704 г.*, л. 5, 7; *Книга 1708 г.*, л. 6). Появление «голов» пороха в описи 1704 г. следует сопоставить по их весу с упоминанием пороха, «*жалованного от великих государей царей и великих князей, а особливо в 1702-м году во второе блаженныя и вечной славы достойной памяти государя императора Петра Великаго в Соловецкой монастырь пришествие, двести пуд*» (выделено нами. — В.Б.)» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 34). Под 1712, 1714 и 1742 гг. в оружейной палате упоминаются 218 пороховых голов, обшитых кожей нерпы (*Книги 1712 г.*, л. 7 об.; *Книга 1714 г.*, л. 6; *Реестр 1742 г.* л. 312 об.). В описи 1788–1789 гг. указано просто 215 «голов пороховых» (*Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 32 об.), а спустя всего пять лет их осталось 160 шт. «Голова пороховая» — специальный деревянный футляр, который сверху обшивали прочной водонепроницаемой кожей: «*...голова деревянная пороховая обшита кожей нерпой*» (*Васильев, 1790 г.*, л. 72 об.).

Опись 1705 г. сообщает о запасах пороха в основном месте его хранения — пороховой казне: «*От Рыбных ворот под брацкими кельями полата со сво-*

дами глухая кладовая. А в ней в бочках пороху пушечного и мушкетного весом 309 пуд 19 фунтов и з деревом» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 294 об.). В 1708 г. под денежной казной осталось пороха вместе с бочкой один пуд, а в ведре с учетом его веса 30 фунтов (*Книга 1708 г.*, л. 7 об. — 8). В 1711 г. в бочках пороховой казны имелось 323 пуда пороха, из которого в Сумский острог и Кемский городок «*для опасения неприятельских людей*» было передано 5 бочек весом по 7 пудов каждая (*Книги 1711 г.*, л. 201). В 1742 г. 30 новых и 35 старых бочек находилось в погребе у Рыбных ворот. Но 11 сентября 1744 г., по-видимому, из-за сырости, эти запасы были распределены по двум местам: «*...оной порох из вышеписанного погреба вынят и положен в погреб же, что под оружейной и ризной полатами, где было сало, 60 бочек; и пять бочек положено под Успенское крыльцо в каменной малой чулан за железные двери*» (*Реестр 1742 г.*, л. 313). В последнем случае речь идет о сухом теплом чулане под северной папертью трапезной палаты, где годом раньше располагалась тюрьма.

В 1758 г. пришедший в негодность порох был отправлен в Архангельск и заменен на 394 пуда 4 фунта нового пороха, «*но за употреблением с того 1758 по 1789 годы по древле установленному в Соловецком монастыре и поныне неп[е]ременяемому обычаю в высоко торжественные ежегодно и другие случающиеся радостные временно дни ис пушек палбу и в дачю на отправляющихся в летнее время мореходные суда по случающимся от морских штурмов опасностям, в расход остаточного триста сороку пуд*» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 34 — 34 об.). Кроме того, 6 августа 1788 г. прапорщику Гусельникову «*для охранения Кемского города от приезда неприятельских каравелей и судов и самих шведов при Кемском подворье военных снарядов отдано под росписку*» 4 пуда пороха (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 35 об.).

В январе 1790 г. был расписан состав пороха: пушечный (288 пудов), ружейный (36 пудов), пистольный (16 пудов) (*Ведомость 1790а г.*, л. 5 об.), в совокупности 340 пудов. Такое количество оставалось и в 1795 г. (*Опись СМ 1795 г.*, л. 257 об., 258 об.).

4.3.3.16. Свинец

Свинец — второй после пороха вид стратегического сырья. Его использовали для изготовления пуль, малых ядер, обливных ядер. Он подлежал строгому учету. Первые 12 и 50 пудов свинца были пожалованы царем двумя партиями довольно поздно, в 1590 г., для каменной крепости. До этого в 1578 г. на Соловки для деревянного города был доставлен вместе с артиллерией готовый «наряд» (*Книга 1536–1600 гг.*, л. 16 об.). 62 пуда свинца хранилось в казне и в 1604 г. (*Опись СМ 1604 г.*, л. 115 об.). К этому времени монастырь самостоятельно стал приобретать свинец. Его количество в размере 47 пудов позволяет установить запись в книгах 1597 и 1604 гг.: «*Да свинцу государева жалованья и монастырские купли сто девять пуд*» (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116): $109 - 62 = 47$ пудов.

Затем в тревожное для Поморья время запасы свинца стали стремительно наращиваться. В 1613 г. свинца было уже 270 пудов (*Опись СМ 1613 г.*, л. 112), а в 1632, 1640 и 1645 гг. монастырь имел «*свинцу в свинях в лемехах 550 пуд*» (*Книги 1632 г.*, л. 162 об.; *Книги 1640 г.*, л. 156; *Книги 1645 г.*, л. 174). В 1651 г. на изготовление «*зарядов бумажных самопальных деланых в ящиках и в лядунках 7720*» ушло свинца 6 пудов 15 гривенок (*Книга 1651 г.*, л. 2 об. — 3). Некоторая часть свинца отправлялась в береговые крепости. 1 июня 1691 г. «*отпущено по памяти в Сумской острог к приказному соборному старцу Лаврентию свинцу два пуда послано со стрельцом Овдушком Савиным*» (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 4 — 4 об.).

В начале XVIII столетия 104 части свинца общим весом 609 пудов хранились «*под денежною казною в полатке под крыльцом*» (*Книги 1704 г.*, л. 7). На следующий год там же «*свинцу в свинках и в усечках*» лежало 747 пудов 12 фунтов (*Опись СМ 1705 г.*, л. 294 об.). В 1708 г. свинца было засвидетельствовано 601 пуд 8 фунтов (*Книга 1708 г.*, л. 8), а в 1711 г. — 487 пудов 15 фунтов (*Книги 1711 г.*, л. 201). В 1742 г. (1742 г., л. 313) в казенной палате хранилось «*свинцу в свинках*» 593 пуда 25 фунтов. В 1788–1795 гг. свинца было 500 пудов, и он хранился «*в кусках и свинках*» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 34 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 5 об.; *Опись 1795 г.*, л. 258 об.).

Колебание количества свинца надо связывать с его отправкой в береговые крепости Поморья. Так, 6 августа 1788 г. «*для охранения Кемского города от приезда неприятельских караблей и судов и самих шведов при Кемском подворье военных снарядов отдано под росписку ему прапорщику Гуселникову свинцу девять пуд*» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 35 об.).

4.3.3.17. Порошницы

Порошница (пороховница) — емкость различной формы для хранения небольшого количества пороха. Изготавливалась из разного материала, в описях оружия Соловецкого монастыря порошницы упоминаются только в 1632–1676 гг. Изначала они входили в комплект с ручницами, доставленными из Москвы. В 1632 и 1640 гг. их было 200 шт., в 1645 и 1651 гг. — 290 шт., в 1676 г. — 250 шт. Объем пороха в данных порошницах был выверен и составлял 0,5 или 1 фунт:

«*Да 200 порошниц рушничных, а зелья в них по фунту же*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157);

«*Да двести порошниц з зельем, а зелья в них по фунту. Да девяносто порошниц з зельем же, а зелья в них по полу фунта*» (*Опись СМ 1645 г.*, л. 175 — 175 об.);

«*200 порошниц с порохом, не все. 90 порошниц с порохом, а пороху в них по полуфунта*» (*Книга 1651 г.*, л. 2 об.).

«*Двести пятьдесят порошниц*» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 527 об.).

4.3.3.18. Рога

Рога — разновидность порошницы из полого рога животного (быка, вола, буйвола) или вырезанная из дерева. В соловецких документах указаны «*рог буйволовою черной*» (*Опись СМ 1645 г.*, л. 175; *Книга 1651 г.*, л. 2 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 293; *Книги 1711 г.*, л. 193 об.), «*рог древянной*» (*Книги 1704 г.*, л. 5 об.). Рога имели украшения — «*с буйловыми костми*» (*Книги 1704 г.*, л. 5 об.; *Книга 1708 г.*, л. 6 об.), «*с усами китовыми*» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 293; *Книги 1711 г.*, л. 193 об.). Они покрывались также тканью — «*хозом черным*» (*Книги 1704 г.*, л. 5 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 293; *Книга 1708 г.*, л. 6 об.; *Книги 1711 г.*, л. 193 об.; *Книги 1712 г.*, л. 8) или были «об-

шиты нерпою» — кожей (*Опись СМ 1705 г.*, л. 293; *Книги 1711 г.*, л. 193).

Широкий конец рога, закрытый, как правило, металлом, являлся дном, на противоположном тонком конце находился затвор. Рог носился через плечо или прикреплялся к поясу: «46 крючков железных поясных, что вешают роги з зельем» (*Книга 1651 г.*, л. 3 — 3 об.).

Первые упоминания о пороховых рогах в оружейной палате относятся ко второй четверти XVII в. Из них следует, что пороховые рога находились в комплекте с самопалами и пищалью, количество пороха в них было отмерено по 1 или по 0,5 фунта: «Да в казне же к самопалом и пищалем 350 рогов, а зелья в [них] по фунту» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156 об.); «Да двесте тритцать шесть рогов самопальных з зельем, а зелья в них по фунту <...> Да 122 рога самопальные ж з зельем, а зелья в них по полуфунта» (*Книги 1645 г.*, л. 175); «Да 370 рогов самопальных с порохом, а иные в том же числе и без пороху» (*Книга 1651 г.*, л. 2 об.).

Последнее упоминания «рогов самопальных» имеется в описи монастыря, составленной сразу после «Соловецкого сидения» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 527 об.). Более они не встречаются. В документах перечисляются просто рога пороховые, среди которых фигурируют также «немецкие костяные с железными носками», «рога немецкие» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157; *Опись СМ 1645 г.*, л. 1; *Книга 1651 г.*, л. 2 об.; *Опись СМ 1676 г.*, л. 527 об.), «рога казачьи» (*Книга 1714 г.*, л. 6; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 36).

Можно проследить количество пороховых рогов по годам: 1613 и 1640 гг. — 363 шт.; 1645 г. — 371 шт.; 1651 г. — 380 шт.; 1676 г. — 313 шт.; 1704 г. — 108 шт.; 1705 г. — 310 шт.; 1708 г. — 108 шт.; 1711 г. — 310 шт.; 1712 г. — 92 шт.; 1714 г. — 92 шт.; 1742 г. — 92 шт.; 1788–1789 гг. — 33 шт.; 1795 г. — 32 шт. Отчетливо выявляется тенденция их небольшого увеличения к 1651 г., а затем резкого сокращения с 1712 г.

4.3.3.19. Натруски

Это еще одна разновидность небольшой порошницы, в которой хранился затравочный порох (*Квасневич В.*, 2007, с. 94).

Первое их упоминание в описи 1676 г.: «Сто натрусок малых ветхих» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 527 об.). В записях оружейной казны 1688–1691 гг. говорится о выдаче вновь прибывшим на Соловки стрельцам 7 натрусок в комплекте с пищалью, а всего «натрусок в росходе 22 натруски» (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 8 об.).

О материале большинства натрусок, хранившихся в соловецкой оружейной палате, ничего не сказано. Они определяются как «простые». Их было ровно 290 шт. в начале XVIII столетия (*Книги 1704 г.*, л. 5; *Опись СМ 1705 г.*, л. 293; *Книга 1708 г.*, л. 6; *Книги 1711 г.*, л. 193; *Книги 1712 г.*, л. 7 об.). Затем стало 294 простые натруски, которые сохранялись и в 1742 г. (*Книга 1714 г.*, л. 6; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.). 10 других натрусок были изготовлены из дерева, кости и рога: «Осьм натрусок деревянных да натруска костеная <...> Натруска роговая длинная» (*Книги 1704 г.*, л. 5; *Опись СМ 1705 г.*, л. 293 — 293 об.; *Книга 1708 г.*, л. 5 об., 6 об.; *Книги 1711 г.*, л. 193 — 193 об.). В 1712–1742 гг. деревянных натрусок оставалось четыре (*Книги 1712 г.*, л. 7 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.). В 1714 г. «Натруска костяная не объявилась» (*Книга 1714 г.*, л. 6). (Примечательно, что именно в 1714 г. простых натрусок стало на 4 шт. больше.)

4.3.3.20. Фляжки

Фляжки — тоже порошницы, только соответствующей формы. Первые сведения о них появляются под 1597 г., затем под 1604 г., где они перечислены в составе комплектов шведских самопалов: «Да тритцать пять самопалов свитцких, с ветили, и с порошницами, и со фляшки» (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 115 об.). В 1613 г. количество фляжек в комплекте с самопалами возросло до 250 шт. (*Опись СМ 1613 г.*, л. 111 об.).

В XVII в. фляжки были в большом количестве: 1632–1640 гг. — 530 шт., 1645 г. — 641 шт., 1651 г. — 639 шт. Но после «Соловецкого сидения» осталось всего 37 фляжек.

Большинство фляжек было небольшого размера, выполнены из дерева с железной оправой: «Да 530 фляжек маленьких затравочных деревянных з железными носками» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163 об.; *Опись*

СМ 1640 г., л. 157); «Да шестьсот тритцать девять фляжек маленьких заправочных, деревянных з железными носками» (Опись СМ 1645 г., л. 175 — 175 об.); «Фляжек деревянных 599 фляжек»; «Да фляжек новых деревянных же 40 фляжек» (Книга 1651 г., л. 2 об.).

Имелись также «2 фляжки большие» (Опись СМ 1645 г., л. 175), «десять фляжек с раковинами» (Опись СМ 1676 г., л. 527 об.), «двадцать семь фляжек деревянных с поясками» (Опись СМ 1676 г., л. 528).

4.3.3.21. Мех пороховой

Мех пороховой кожаный предназначался для хранения пороха. Упомянут только в начале XVIII в. (Книги 1704 г., л. 5; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книга 1708 г., л. 6; Книги 1711 г., л. 193 об.; Книги 1712 г., л. 8).

4.3.3.22. Сито

«Сито, коим порох сеют» (Книги 1704 г., л. 5; Опись СМ 1705 г., л. 294; Книги 1711 г., л. 194; Книга 1708 г., л. 6 об.; Книги 1712 г., л. 8; Книга 1714 г., л. 6 об.). В 1674 г., во время «Соловецкого сидения» гранатчики в списке необходимых предметов назвали три вида сит: «...одно честное доброе, другое середнее, третье редко» (Барсов Е. В., 1890, с. 119).

4.3.3.23. Кремень

Кремень пищальный, предназначенный для соответствующих ружейных ударных замков, противостоял кремню орлецкому, происходившему из местности Орлецы на Северной Двине. Эти два вида кремней хранились отдельно — в кулках и ларях. В чем их различие, неясно. Оценивались они по весу в фунтах:

«Кременья пищального тритцать фунтов. Ларь кременья орлецкого» (Книги 1704 г., л. 4 об.);

«В кулке кремней пищальных весу дватцать пять фунт. Ларь кременья орлецкого» (Опись СМ 1705 г., л. 292а об.);

«Кременья пищального дватцать семь фунт. В ларю кременья орлецкого» (Книга 1708 г., л. 5 об.);

«В кулке кременье пищальное. Ларь кременья орлецкого» (Книги 1711 г., л. 192 об.);

«Кременья пищального с кулком семнатцать фунт. Кременья ж орлецкого в ларю» (Книги 1712 г., л. 7; Книга 1714 г., л. 5 об.).

Каждый стрелец в обязательном порядке к кремневым замкам пищали получал кремень, что следует из ранее приведенного перечня вооружения «новопоставленным» стрельцам конца 1680-х гг. (Книги 1688–1691 гг., л. 6 об. — 8 об.). В качестве исключения кремни из оружейной казны могли выдать монахам. Так, в записи от 5 сентября 1690 г. «старцу Мартирию дано десять кремней красных» (Книги 1688–1691 гг., л. 8).

4.3.4. Холодное наступательное оружие — колющее и рубящее

Холодное оружие (клинковое, древковое и прочее) представлено в большом разнообразии. Это — ножи, кинжалы, кортики, сулебы, палаши, сабли, шпаги, посохи, бердыши, топоры и топорики, алебарды, чеканы, копья, рогатины, протазаны, багинеты, кистени.

4.3.4.1. Ножи

Ножи в оружейной казне Соловецкого монастыря были представлены двумя типами. Первый тип — «ножи булатные», которые упомянуты только единожды в описи 1714 г. без наименования и количества (Книга 1714 г., л. 4 об.). Второй тип — нож подсадачный (входил в комплект к саадаку): «нож подсадачный в ножнах» (Книги 1704 г., л. 3 об.; Опись СМ 1705 г., л. 292 об.; Книга 1708 г., л. 4; Книги 1711 г., л. 191 об.; Книги 1712 г., л. 5 об.; Опись СМ 1788–1789 г., л. 33 об.). Или — «саадак, в коньцах ножи булатные» (Книги 1704–1705 гг., л. 4). Это — специализированное длинноклинковое оружие, тонкие кинжалы с граненым клинком обратного изгиба (Висковатов А. В. 1899; Двуреченский О. В., 2016, с. 70).

4.3.4.2. Кинжалы

Кинжалы — холодное короткоклиновое оружие. Единственный «кинжал булатной» пребывал в оружейной палате на Соловках с 1632 по 1711 г. (Опись СМ 1632 г., л. 164 об.; Опись СМ 1640 г., л. 158; Опись СМ 1645 г., л. 176 об.; Книга 1651 г.,

л. 4). Только один раз он описан с ножнами: «*Кинжал булатной, ножны оклеены бархатом черным*» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 293; *Книги 1711 г.*, л. 193).

4.3.4.3. Кортики

Кортики — холодное короткоклинковое оружие. В оружейной казне Соловецкого монастыря с 1704 по 1795 г. хранилось от одного до двух кортиков. Один именовался «хорт», а другой — «хортик». За первым закрепилось определение «хортъ толочановский» (*Книги 1704 г.*, л. 3 об.; *Книга 1708 г.*, л. 4; *Книги 1712 г.*, л. 5; *Книга 1714 г.*, л. 4; *Реестр 1742 г.*, л. 312). Но было и другое описание: «хортъ стальной в ножнах, оклеен кожею черною» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 292 об.; *Книги 1711 г.*, л. 191 об.). В 1708 г. появился «хортик в ножнях бархатных черных», явно парадный (*Книга 1708 г.*, л. 5 об.). Он же «хортик в ножнях бархатных черных» (*Книги 1712 г.*, л. 7), он же «хортик, ножны крыты бархатом черным» (*Книга 1714 г.*, л. 5 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 321 об.). Но в 1788 г. их, похоже, перепутали при описании: «Хортъ толочановской в ножнях бархатных» (*Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 33 об.); «кортик, ефес медной в ножнях кожаных» (*Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 33 об.; *Опись СМ 1795 г.*, л. 258).

4.3.4.4. Сулебы

Сулеба — клинковое оружие неопределенной характеристики. Одни считают, что это род меча, только более короткого и с изогнутым лезвием, другие видят в сулебе укороченную саблю, третьи — удлиненный нож с отогнутым концом. Первое упоминание в рукописи 1704 г. Сулеба была дана иеродиакону Гавриле (*Книга 1704 г.*, л. 8 об.). На следующий год она, видимо, была возвращена, так как попала в опись казны: «Сулеба. Оправа железная, насечена серебром» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 293). В последующих описях оружие значится как «сулеба в ножнях» (*Книга 1708 г.*, л. 5 об.; *Книги 1712 г.*, л. 7; *Книга 1714 г.*, л. 5 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.; *Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 33 об.).

4.3.4.5. Палаши

Палаш — холодное рубяще-колющее клинковое оружие, разновидность меча с широким к концу прямым клинком. Ранние палаши обоюдоострые, поздние — однолезвийные с обухом (*Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н.*, 1953, с. 22). Единственный стальной палаш засвидетельствован впервые на Соловках описью оружейной казны 1632 г. — «палаш стальной». Затем его наличие подтверждено в 1640 г. В описи 1645 г. названы «два палаша стальные», в описи 1651 г. — «палаш стальной» (зачеркнуто, сверху — «полусаблишко») (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 4).

В отводной книге оружейной казны от 19 июня 1704 г. было зафиксировано четыре палаша, из которых двуручный палаш принадлежал известному полководцу Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому¹⁷: «Полаж булатной, ножны обложены бархатом красным, черен, и на ножнах наконечники, да три средины сребрены золоченые; на ножнах и на ч[е]рене вставки бирюзы, а иные каменья красные в ставках, все в целости. Сто шеэдесят девять сабель всяких. **Полажъ двоеручной Скопинской** (выделено нами. — В.Б.). Два палаша простых» (*Книги 1704 г.*, л. 3 об.). На следующий год 26 июля при описании добавились еще «полоса палашевая, другая полоса бес черена» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 291, 292 об.). Как видим, двоеручный скопинский палаш противопоставляется булатному палашу в драгоценных ножнах и двум простым палашам, о происхождении которых ничего не сказано. В последующих описях по 1712 г. описание повторяется (*Книга 1708 г.*, л. 3 об. — 4; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.; *Книги 1712 г.*, л. 5).

Опись 1714 г. неожиданно меняет трактовку и приписывает Скопину уже иной палаш — в драгоценной оправе: «Палаш булатной, **оправа серебряная с камнем, Скопинская** (выделено нами. — В.Б.). Палашъ двуручной. Два палаша простых» (*Книга 1714 г.*, л. 4). Но книга 1742 г.

¹⁷ Поздний Соловецкий летописец под 1609 г. именует Скопина знаменитым: «В сем году на наем шведских войск противу поляков и литовцев, стоявших под Москвою с новым Лжедмитрием, послано из Соловецкаго монастыря в Великий Новгород знаменитому русскому воеводе Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому 2000 рублей» (*Досифей*, 1833, с. 52).

атрибуцию палашам вообще не дает: «Палаш булатной, ножнах обложены бархатом красным, черен и у ножен наконечники и три средины серебрянные золоченые; на тех ножнах и на черене вставки бирюзы и камень красное в гнездах — 1. Палаш двуручной в ножнах — 1. Палашей одноручных в ножнах — 2» (Реестр 1742 г., л. 312).

В описании оружия 1788–1789 гг. М. В. Скопину-Шуйскому вдруг стала приписываться сабля, которая до этого фигурировала вместе с палашом в драгоценных ножнах: «Палаш булатной, ножны обложены бархатом красным, черен, и у ножен наконечник и три средины серебрянные золоченые, на тех ножнах и на черене вставка бирюзы и камень красное в гнездах да четыре места порозжих. Сабля булатная. Ефес и ножни, оправа серебрянная, золочена, с камнем. В оправе дватцати камней нет. Она сабля вкладу князя Михаила Скопина (выделено нами. — В.Б.). Палаш двоеручной в ножнах. Палаш одноручной, ефес железной, рукоядка костяная, в ножнах кожаных» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33). Это же описание имеется и в рукописи подпоручика Васильева (Васильев, 1790 г., л. 67 об. — 68), хотя при описании оружия 12 января 1790 г. назвали только один двуручный и два одноручных палаша (Ведомость 1790а г., л. 6).

В описи 1795 г. одноручный палаш уже один: «Полаш двоеручной в ножнах. Полаш одноручной, ефес железной, рукоятка костяная в ножнах кожаных» (Опись СМ 1795 г., л. 257 об. — 258).

Из приведенной подборки можно сделать следующие выводы.

1. **Изначально М. В. Скопину приписывался двуручный палаш без ножен. Это был особый тип оружия, который удерживали двумя руками. Ни с каким иным клинком его нельзя было перепутать.** Впервые он упомянут в описи 1704 г., таковым признавался и в описях 1705, 1708, 1711 и 1712 гг.

2. **Скопинский палаш был не из булатной стали.**

3. **В 1714 г. за палаш Скопина принимали иной — уже булатный в ножнах, покрытых красным бархатом, с драгоценными позолоченными накладками и камнями.**

4. К 1742 г. у двуручного палаша появились ножны, и он стал упоминаться просто как обыкновенный палаш двуручный в ножнах.

5. К 1788–1789 гг. Скопину стали приписывать не двуручный палаш, а саблю в драгоценных ножнах.

Тем не менее в книге 1836 г. архимандрит Досифей, привлекая какие-то архивные материалы, написал именно о палаше, хранившемся в ризнице Соловецкого монастыря с 1647 г.: «Окольничий князь Семень Васильевич Прозоровский по князе Иоанне Иоанновиче Шуйскомъ-Скопине далъ палашъ въ серебряной оправе съ камнями, собственный князя Михаила В. Шуйско-Скопина»; «Палашъ съ серебромъ-злащенною оправою съ камнями, князя Михаила Васильевича Шуйскаго Скопина» (Досифей, 1836, ч. 1, с. 228–229, 301). Позже данный факт отметила М. М. Денисова (Денисова М. М., 1956, с. 5–7).

В 1866 г. Главная церковно-ризничная опись Соловецкого монастыря отметила в ризнице находившиеся на хранении палаш Скопина-Шуйского и саблю Пожарского (Опись СМ 1866б г., л. 257–258, № 1096, № 1097). Фотографии этих двух реликвий были изданы (Описание памятников, 1911, с. 162, рис. 64).

Таким образом, **в соловецкой ризнице в XIX в. на хранении находился не подлинный палаш М. В. Скопина-Шуйского. Подлинный палаш, впервые упомянутый в описи 1704 г., изначально был описан как двуручный и без ножен, он не был булатным.** Позже этот другой палаш оказался в Москве. В августе 1920 г. в связи с упразднением монастыря и изъятием из его ризницы драгоценностей сотрудники Архгубчека вывезли с Соловков две «шашки с камнями». По словам заведующего совхозом¹⁸ «Соловецкий» Александровского, это были «шашки Пожарского и Шуйского». Предполагали, что «палаш и саблю Скопина-Шуйского и Пожарского» могли сдать в Госохрану. Их поисками занялся П. Д. Барановский (Соловецкий монастырь, 2000, с. 44, 49).

В дальнейшем булатный палаш в драгоценных ножнах попал в коллекцию оружия ГИМ (№ 14193) и в соответствии с монастырской традицией считается ору-

¹⁸ Совхоз на Соловках был создан в 1920 г., после упразднения монастыря.

жием князя М. В. Скопина-Шуйского: «Относится к самым ранним из сохранившихся палашей. Клинок палаша прямой, обоюдоострый, гладкий. Рукоять наклонная, крестовина с опущенными к лезвию концами имеет еще перекрестье, или “огниво”. Оправа рукояти серебряная, золоченая, чеканная, украшенная крупной бирюзой и лалами, в набалдашнике вставлен темный гранат. Ножны обтянуты алым бархатом, устье наконечника и четыре обоймицы серебряные, чеканные, украшенные также лалами (лал — драгоценный камень алого цвета). Уножен два серебряных кольца для пояса, расположенных с одной стороны. Оправа восточного характера. Россия, начало XVII века. Размеры: общая длина 99 см, длина клинка 86 см, ширина клинка у пяты 4,3 см» (Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н., 1953, с. 23, табл. I: 4). Недавно данный палаш с обоюдоострым прямым гладким клинком вновь воспроизвел О. В. Двуреченский (Двуреченский О. В., 2016, с. 52, рис. 11).

Между тем в 1876–1877 гг. с Соловков Н. Е. Бранденбургом для Музея артиллерии Санкт-Петербурга был привезен двуручный палаш, который до сих пор там и хранится (ВИМАИВиВС, инв. № 108/156). Его атрибутировал В. Н. Ломакин, привлекая монастырские описи. Правда, назвал он его мечом: «Меч двуручный. Клинок стальной, прямой, дулезвийный, линзовидного сечения, с серединным узким долом длиной в 1/3 клинка. С одной стороны на концах дола насечены две прямые линии, между которыми орнамент из колец овальной формы и вырезаны буквы “RB” и цифры “1593” (вероятно, дата изготовления клинка), а также два одинаковых клейма — “волчок” (предположительно, имитация), выполненные в технике таушировки золотом и расположенные симметрично относительно друг друга. С другой стороны клинка — такие же линии и орнамент, клейма: симметрично расположенные относительно друг друга полукруг с косым крестом, схематическое изображение меча в технике таушировки золотом, изображение усатой головы в тюрбане и буквы “TS”. Эфес состоит из гарды и рукояти с грушевидной головкой. Гарда образована железными крестовинами и овальными замкнутыми дужками, расположенными симметрично и незначительно

отогнутыми от плоскости крестовины, а также металлической пластины, закрывающей дужки и закрепленной у рукояти. Рукоять деревянная, обтянута кожей. Эфес закреплен на клинке расклепанным хвостовиком клинка. Длина 1140+350 мм, ширина клинка у рукояти 67 мм, размах крестовины 365 мм, масса 3400 г. Меч изготовлен в 1593 (?) г. в Германии, предположительно в Золингене. Принадлежал князю М. В. Скопину-Шуйскому (?) (выделено нами. — В. Б.). В оружейной палате Соловецкого монастыря со второй четверти XVII в.» (Ломакин Н. В., 1996, с. 325–327, рис. — вклейка после с. 272). Остается загадкой, действительно ли парадный палаш в драгоценных ножнах принадлежал Скопину и могли ли хранить этот раритет не в ризнице, а в общей оружейной казне? Или же оба оружия принадлежали видному полководцу — одно боевое, другое парадное?

4.3.4.6. Сабли

Сабля — длинноклинковое рубящее оружие ближнего боя с изогнутым клинком разной кривизны. На Соловках она служила бессменно до середины XVIII в., пока ее полностью не заменила шпага. Это не совпало с тенденцией в русской армии, когда при Петре I сабля осталась на вооружении казаков.

Сабли в описях подразделялись на простые, вероятно, отечественного производства и дорогие булатные и турецкие («турские»). Для простых прослеживается тенденция постепенного увеличения их общего количества — от 70 до 179 сабель: 70 шт. (1632–1640 гг.), 80 шт. (1645 г.), 106 шт. (1651 г.), 149 шт. (1676 г.), 169 шт. (1704 г.), 161 шт. (1705, 1711 гг.), 169 шт. (1708, 1712, 1714 гг.), 179 шт. (1742 г.) (Опись СМ 1632 г., л. 164 об.; Опись СМ 1640 г., л. 158; Опись СМ 1645 г., л. 176; Книга 1651 г., л. 4; Опись СМ 1676 г., л. 526; Книги 1704 г., л. 3 об.; Опись СМ 1705 г., л. 291 об.; Книга 1708 г., л. 4; Книги 1711 г., л. 190 об.; Книги 1712 г., л. 5; Книга 1714 г., л. 4; Реестр 1742 г., л. 312). Дважды сообщается, что простые сабли были «в ножнах с поясами ременными, на ножнах оправы железные» (Опись СМ 1705 г., л. 291 об.; Книги 1711 г., л. 190 об.). В ноябре 1757 г. 178 вышедших из употребления сабель

были отправлены в Санкт-Петербург, в походную канцелярию генерала графа Шувалова. Им на замену прислали шпаги. А до этого в августе из монастыря в столицу отправили в качестве образца одну шпагу (*Опись СМ 1778–1789 гг.*, л. 36).

Единственная дорогая турецкая сабля упомянута только в описях 1645 и 1651 гг. (*Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 4). Что же касается очень дорогих булатных сабель, то в 1630-х — начале 1650-х гг. их было всего три (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 4), но в описях XVIII столетия уделялось внимание лишь одной из них¹⁹. Ее подробное описание дается в разных вариантах. Фиксируется постепенная утрата драгоценных вставок: сначала 14 камней, затем 15, а потом и 20 камней. В 1788 г. впервые сообщается, что данная сабля принадлежала знаменитому полководцу Михаилу Скопину-Шуйскому:

«Сабля булатная, ножны и черен, оправа серебряная золоченая с камнем, в конце в черену камень изумрудъ зеленой в золотом гнезде; на ножнах и в черену в розных местах четырнадцати вставок нет» (*Книги 1704 г.*, л. 3 — 3 об.; *Книга 1708 г.*, л. 3 об.; *Книги 1712 г.*, л. 4 об.);

«Сабля булатная, ножны и черен оправлены все серебром золоченым с камнем бирюзами, в конце камень изумруд в золотом гнезде на ножнах и в черену, в четырнадцати местех вставок нет» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 291; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.);

«Сабля булатна, оправа серебряная с камнем (15 камней нет)²⁰» (*Книга 1714 г.*, л. 4);

«Сабля булатна, ефес и ножны, оправа серебряная золоченая с камнем» (*Реестр 1742 г.*, л. 312);

«Сабля булатная. Ефес и ножны, оправа серебрянная золочена с камнем. В оправе дватцати камней нет. **Оная сабля вкладу Михаила Скопина** (выделено нами. — В.Б.)» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33).

Неясно, откуда взялась данная атрибуция, тем более что со Скопиным связывали только палаш, а сабля относилась именно

к главе Второго народного ополчения князю Пожарскому. Она хранилась в ризнице: «Сабля въ сребропозлащенной оправе и съ камнями; дана вкладомъ от князя Димитрия Михайловича Пожарскаго». Время поступления сабли «съ серебряною оправою и съ дорогими камнями» 1647 г. через С.В. Прозоровского (*Досифей*, 1836, ч. 1, с. 228, 302; *Денисова М.М.*, 1956, с. 5–7).

Как уже отмечалось, в 1920 г. данная сабля вместе с палашом Скопинским была вывезена с Соловков, а затем попала в ГИМ. Описание сабли князя Пожарского из данного музейного собрания приводят М.М. Денисова и О.В. Двуреченский (*Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н.*, 1953, с. 30; *Двуреченский О.В.*, 2016, с. 51–52, рис. 9). Другая сабля Пожарского, выставленная в витрине №3 Государственной оружейной палаты Московского Кремля была привезена в Оружейную палату из Троице-Сергиева монастыря в 1829 г. по распоряжению императора Николая I. Ее описание дано в описи Оружейной палаты Московского Кремля 1884 г. (*Двуреченский О.В.*, 2016, с. 48, прим. 33, рис. 7). К Соловкам она не имеет отношения.

4.3.4.7. Шпаги

Шпаги — клинковое колюще-рубящее оружие с прямым сужающимся книзу лезвием. Они появились в России в конце XVII в. и сначала были в полках нового строя у рейтар и копейщиков. В 1708 г. Петр I вооружил шпагами всю пехоту (*Шокарев Ю.В.*, 2005, с. 184–185; *Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н.*, 1953, с. 26).

На Соловках первые две шпаги находились еще в 1676 г. (*Опись СМ 1676 г.*, л. 526). Их забирали на время из оружейной палаты (возможно, для поездок), но затем возвращали. Так, 21 июля 1690 г. было «дано денежному казначею иеромонаху Инокентию в казну шпага» (*Опись СМ 1688–1691 гг.*, л. 8 об.). В 1704–1705 гг. на Соловках шпаг не оказалось вообще, но к 1708 г. внезапно объявилось 17 шпаг в ножнах с 17 портупьями из красной кожи

¹⁹ Надо полагать, что фигурирующие позже в описях «два терпуга сабельных» относятся именно к булатным саблям (*Книга 1704 г.*, л. 5; *Опись СМ 1705 г.*, л. 293 об.; *Книга 1708 г.*, л. 6; *1711 г.*, л. 193 об.).

²⁰ Вписано другими чернилами: «15 камней нет».

(*Книга 1708 г.*, л. 5 об.). Это, видимо, связано с отмеченным выше перевооружением армии. Четыре года спустя стало 19 шпаг в ножнах, одна из них числилась за слугой Родионом Кирилловым. Портупей из красной кожи оставалось по-прежнему 17 шт. (*Книги 1712 г.*, л. 6 об.; *Книги 1714 г.*, л. 5 об.). В 1742 г. в палате монастыря отмечено только три хранившиеся шпаги с медными эфесами, что закономерно, поскольку шпаги к 1741 г. оставались в основном у офицеров и в гвардейских полках. В 1758 г. по приказу генерала Шувалова на Соловки из оружейного двора в Санкт-Петербурге было отпущено 89 железных шведских шпаг с железными эфесами взамен изъятых сабель (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 36). Однако в 1788–1789 гг. опись зафиксировала только 57 шведских шпаг; они оставались на Соловках и в середине 1790-х гг. (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 6; *Опись СМ 1795 г.*, л. 258).

4.3.4.8. Посохи

Старшим командирам полагалась трость. В описях соловецкого вооружения трости именуются «посохами». Их было три вида: посохи железные, посохи с кинжалом, посохи со шпагой. Все они в описях оружейной палаты впервые были зафиксированы в 1704 г. «*Посох железный*» в казне пребывал недолго и был изъят после 1714 г. (*Книги 1704 г.*, л. 3 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292 об.; *Книги 1708 г.*, л. 4; *Книги 1711 г.*, л. 191 об.; *Книги 1712 г.*, л. 5; *Книга 1714 г.*, л. 4). Посох с кинжалом, или «*кинжальцем*» пролежал в хранилище до конца XVIII столетия. Он оказался дефектным: «...в нем кинжал сталной без черена» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 292 об.; *Книга 1708 г.*, л. 4; *Книги 1711 г.*, л. 191 об.; *Книги 1712 г.*, л. 5; *Книга 1714 г.*, л. 4; *Реестр 1742 г.*, л. 312; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33 об.), что указывает на его использование еще до 1714 г. «*Шпага в посоху*» также хранилась в монастыре весь XVIII в. (*Опись СМ 1705 г.*, л. 292 об.; *Книга 1708 г.*, л. 4; *Книги 1711 г.*, л. 191 об.; *Книги 1712 г.*, л. 5; *Книга 1714 г.*, л. 4; *Реестр 1742 г.*, л. 312; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33 об.). Трость являлась статусным «оружием» командира полка (полковника или генерала) (*Малов А.В.*, 2006, с. 285).

4.3.4.9. Бердыши

Бердыши — длиннодревковое колюще-рубящее оружие пешего воина наподобие большого уплощенного топора с длинным искривленным лезвием в форме полумесяца и острым верхним концом. К длинному древку (ратовищу) бердыш прикреплялся при помощи гвоздиков через специальные отверстия в обухе. Нижняя часть лезвия завершалась косицей, которая также прибивалась к древку и перевязывалась ремнем. Это непревзойденное по своей универсальности и эффективности главное оружие рукопашной схватки (*Малов А.В.*, 2006, с. 336). Бердышом противника рубили: в 1674 г. во время осады монастыря защитники крепости при вылазке «*срубили бердышем*» стрельца (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 114).

Время появления бердышей в Европе относят к концу XV в. (*Власов Д.А.*, 2012, с. 456–478). На Руси они появились в последней трети XVI — начале XVII в. и дожили до начала XVIII столетия (*Двуреченский О.В.*, 2008, с. 15, 16; 2016, с. 165–228). География распространения данного оружия широкая, вплоть до Сибири (*Писарев А.Е.*, 2008, с. 15–29; *Бобров Л.А.*, 2011, с. 300–307).

На Соловках бердыши впервые упоминаются в описях 1632 и 1640 гг. Тогда в соловецкой оружейной казне на хранении имелось всего два бердыша (*Опись 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись 1640 г.*, л. 158). Немного погодя они перечисляются вместе с копьями и рогатинами с указанием общего количества: в 1645 и 1651 гг. — 528 шт., в 1676 г. — 334 шт. (*Опись 1645 г.*, л. 176 об.; *Книга 1651 г.*, л. 4; *Опись 1676 г.*, л. 526 об.). Бердышами были вооружены стрельцы, осаждавшие Соловецкий монастырь. Воевода Иван Мещеринов в отписке царю 1676 г. упомянул 30 стрельцов с бердышами (*Барсов Е.В.*, 1890, с. 144).

В 1688 г. от соборного старосты с. Курицкого на Соловки поступило 2 бердыша, очевидно, ранее выданные (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 2). Но почти одновременно в 1688–1690 гг. из соловецкой оружейной казны сумским и кемским стрельцам, а также соловецким старцам было выдано в общей сложности 26 бердышей (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 6 об. — 8 об.).

В начале XVIII столетия в оружейной палате находились три с половиной

сотни бердышей, что должно свидетельствовать о массовом складировании данного оружия, явно вышедшего из применения: «Триста пятьдесят бердышей больших и малых, в том числе один двойной» (Книги 1704 г., л. 4; Книга 1708 г., л. 4 об.). В других описях указывается 352 бердыша (Опись СМ 1705 г., с. 292а; Книги 1711 г., л. 192). В 1712 г. количество бердышей заметно уменьшилось: «Двести семьдесят бердышей больших и малых, в том числе один бердыш двойной» (Книги 1712 г., л. 5 об.; Книга 1714 г., л. 4 об.). Такое количество называет и опись 1742 г. (Реестр 1742 г., л. 312 об.), что является свидетельством их неустраиваемости.

В 1772 г. академик И. И. Лепехин отметил, что оружейная монастырская палата, находившаяся под монастырской ризницей, «наполнена множеством оружия, предками нашими употреблявшегося». Первыми в списке архаичного оружия им были указаны именно бердыши (Лепехин И. И., 1822, с. 443, прим. 1).

Монастырские описи 1788–1790 гг. отметили в палате 433 «бердышей и топоров» с примечанием: «Оные все старинного манеру и от давнего положения и неупотребления все перержавели, почему и в употребление совсем не способны» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32; Ведомость 1790 г., л. 6). Спустя пять лет их количество сократилось — «бердышей и топоров триста девяносто» (Опись СМ 1795 г., л. 257 об.).

По сообщению Досифея, в 1800 г. собрание старого оружия было переведено в Успенскую башню крепости (Досифей, 1836, ч. 1, с. 246). О бердышах в его составе в XIX столетии писали постоянно (Молчанов К. С., 1813, с. 319; Макарий, 1825, с. 77; Озерецковский Я. Н., 1836, с. 38; Суслов В. В., 1888, с. 56; Островский Д. Н., 1899, с. 61).

В 1854 г., во время Крымской войны, бердыши и другое старинное оружие, покрытое «вековой ржавчиной», монахи достали из оружейной палаты на случай рукопашного боя с англичанами, до этого обстрелявшими Соловецкий монастырь. Им вооружили братию, трудников, богомольцев (Осада 1854 г., л. 1 об. — 3).

Осенью 1876 г. Н. Е. Бранденбург отобрал 180 предметов, в том числе пять бердышей, вывезенных на следующий год в Санкт-Петербург для создаваемого Артиллерийского музея. На одном из них

имелось клеймо «СОЛОВКИ», а на древке вырезано имя «Ивана Вутовина» (Бранденбург Н. Е., 1877; Ломакин Н. В., 1996, с. 327).

Бердыши из Соловецкого монастыря имели форму полумесяца (узкого или широкого), саблевидную с расширенным верхом или были двойными. Первые были наиболее широко распространены, остальные редкие (Бранденбург Н. Е., 1877; Ломакин Н. В., 1996; Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н., 1953, с. 44, табл. VIII: 64; Балан С. Б., 2006, с. 145).

4.3.4.10. Топоры и топорки

Топоры относились к разряду древнего вооружения пехоты, горожан. Последнее по времени детальное исследование, посвященное данному оружию, выполнено О. В. Двуреченским (Двуреченский О. В., 2008; 2016, с. 127–162). В XVII в. для русских войск топоры не были характерны, поскольку на вооружении тогда находились разновидности топоров — секиры и бердыши. Однако в Соловецкой крепости в начале XVII столетия опись фиксирует их весьма значительное количество — 500 шт. (Опись СМ 1613 г., л. 112). Мы полагаем, что речь идет о простых хозяйственных топорах, которые в критической ситуации могли стать массовым боевым оружием, предназначенным для рукопашной схватки при обороне монастыря. В случае прорыва врага внутрь крепости для сражения с иноверцами топорами могли вооружить трудников, паломников. Более того, в середине XVII столетия топоров становится в 2,6 раза больше — «в онбаре у Николских ворот топоров новых 1300 топоров» (Книга 1651 г., л. 7). Обращает на себя внимание место их хранения всего в нескольких десятках метров от кузницы, стоявшей на северном берегу Святого озера, и при главных проездных воротах монастыря. Невольно напрашивается вывод, что данный «хозяйственно-боевой инструмент» был изготовлен непосредственно на Соловках.

Спустя столетие в описях отмечается всего три топора: «два топора ветхих, топор полской» (Книги 1704 г., л. 5 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.); «два топора с топоричами, топор полской» (Опись СМ 1705 г., л. 293 об.). В 1788–1790 гг. топоры подсчитали вместе с бердышами — всего 433 шт.

(*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 5 об., 32; *Ведомость 1790а г.*, л. 6). В 1795 г. и тех, и других насчитывалось 390 шт. (*Опись СМ 1795 г.*, л. 257 об.).

В 1640 г. впервые были упомянуты топорки — «6 топорков с обушками» (*Опись СМ 1640 г.*, л. 158; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176 об.; *Книга 1651 г.*, л. 4). В отличие от других топоров они были явно боевыми, имели удлиненный обух, один край которого выступал, не соприкасаясь с широким лезвием. Под 1688 г. упомянут «топорик» (*Книги 1688–1691 гг.*, л. 2). Численность их росла. В 1704, 1705 и 1711 гг. в оружейной палате хранилось 70 топорков, в 1711 г. — 76 шт., в 1712, 1714 и 1742 гг. — 99 шт. (*Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192; *Книги 1712 г.*, л. 5 об.; *Книга 1714 г.*, л. 4 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.). Один топорок указан как польский. В 1757 г. из Соловецкого монастыря в военную походную канцелярию генерала графа Шувалова был передан топорок (*Опись СМ 1778–1789 гг.*, л. 36). Образцы соловецких топоров известны (Ломакин Н.В., 1996, с. 325).

4.3.4.11. Алебарда

Алебарда — древковое оружие в виде фигурного топорика, насаженного на древко с завершающимся копейным острием. В монастырской оружейной палате была всего одна алебарда. Она указана в описях начала XVIII в. (*Книги 1704 г.*, л. 4 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.; *Книга 1708 г.*, л. 5; *Книги 1711 г.*, л. 192 об.; *Книги 1712 г.*, л. 6 об.). Позже алебарда названа большой (*Книги 1714 г.*, л. 5 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32 об.; *Опись СМ 1795 г.*, л. 257 об.). Соловецкий экземпляр хранится в Музее артиллерии (ВИ-МАИВиВС, № 124/852) (Ломакин Н.В., 1996). Алебарда — штатное оружие урядников солдатского строя, которые находились в подчинении сержантов (Малов А.В., 2006, с. 285).

4.3.4.12. Копья

Копье — колющее длиннодревковое (5–6 м) оружие пехоты. Оно состояло из деревянного древка и металлического наконечника разнообразной формы. В оружейной палате первоначально копья

учитывали вместе с рогатинами. В 1597 и 1604 гг. вместе их было 300 шт., в 1613 — 400 шт., в 1632 и 1642 гг. — 560 шт., в 1645 и 1651 гг. — 528 шт. и «5 копей долгих», т.е. пикинерских пик западного образца (Малов А.В., 2002, с. 132). В 1676 г. в оружейной казне осталось 334 копия (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 115 об.; *Опись СМ 1613 г.*, л. 111 об.; *Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176 об.; *Книга 1651 г.*, л. 4; *Опись СМ 1676 г.*, л. 526 об.). В самом начале XVIII в. копей было 328 целых и 6 шт. сломанных (*Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 — 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192). Затем — 300 «копей всяких» (*Книги 1712 г.*, л. 5 об.; *Книга 1714 г.*, л. 4 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.). В конце века — 292 копия (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32 об.; *Ведомость 1790а г.*, л. 6; *Опись СМ 1795 г.*, л. 257 об.). 6 августа 1788 г. в Кемь временно были переданы 18 копий (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 35 об.). Последний факт красноречиво говорит о том, что потребность в копье как виде оружия существовала даже в самом конце XVIII в. Сохранилось пять наконечников копий с Соловков (*Двуреченский О.В.*, 2016, с. 354, табл. 3, № 32–36).

4.3.4.13. Рогатина

Рогатина — разновидность копья, имеет большой широкий обоюдоострый наконечник. Это боевое и охотничье древковое оружие: рогатина применялась для рукопашного боя или для охоты на крупного зверя. Одновременно она могла участвовать в церемониях, став одним из самых популярных видов оружия на воинском смотре (*Двуреченский О.В.*, 2016, с. 107). Как отмечалось выше, до середины XVII в. в описях соловецкой оружейной казны рогатины учитывали вместе с копьями (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 115 об.; *Опись СМ 1613 г.*, л. 111 об.; *Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158). Затем их стали записывать отдельно. Это позволило установить, что рогатин было крайне мало: 4 шт. — в 1651 г., 3 шт. — в 1676 г., 2 шт. — в 1704, 1705, 1708 и 1711 гг., 11 шт. — в 1712 и 1714 гг., 15 шт. — в 1742 и 1788–1795 гг. (*Книга 1651 г.*, л. 4; *Опись СМ 1676 г.*, л. 526 об.; *Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 — 4 об.;

Книги 1711 г., л. 192; Книги 1712 г., л. 5 об.; Книга 1714 г., л. 4 об.; Реестр 1742 г., л. 312 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32 об.; Ведомость 1790а г., л. 6; Опись СМ 1795 г., л. 257 об.). Непонятно, какие 92 рогатины с дротиками были выданы временно в Кемь в августе 1788 г. (*Опись СМ 1788–1789 гг., л. 35 об.*). Н. Е. Бранденбург привез из Соловецкого монастыря две рогатины (*Бранденбург Н. Е., 1877, № CLXVI, CLXVII*).

4.3.4.14. Протазан

Протазан — разновидность копья, колющее древковое оружие с длинным, широким, плоским наконечником на длинном древке. В оружейной палате монастыря большой протазан хранился в начале XVIII столетия (*Книги 1704 г., л. 4 об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1712 г., л. 6 об.*). Отметим, что в середине XVII в. в выборном государевом полку протазаны имели начальные люди — капитаны и поручики. Это штатное оружие (*Малов А. В., 2006, с. 285*).

4.3.4.15. Багинеты

Багинет — прообраз штыка, который вставлялся в дуло ручного оружия. Его происхождение ведут от рогатины. Появился он примерно в 1645 г. во Франции (*Квасневич В., 2007, с. 193*). В 1714 г. на Соловках было «три баганита», и 2 экз. — в 1742 г. (*Книга 1714 г., л. 4; Реестр 1742 г., л. 312 об.*).

4.3.4.16. Кистени

Это ударное древковое оружие на короткой рукоятке, к концу которой с помощью ремешка или цепи крепился груз — камень, гирька или многогранная металлическая отливка (*Двуреченский О. В., 2016, с. 241–246*). Формы груза были разнообразными, чаще встречалась шаровидная, но она могла быть усилена шипами, гранями, выступами. Соловецкие описи оружейной казны упоминают их только в начале XVIII столетия. Они значатся в описях как «кистени железные на ремнях». Их количество колебалось: 12 шт. (1704, 1708 гг.); 20 шт. (1705 г.); 11 шт. (1712, 1714 гг.); 10 шт. (1788–1790 гг.) (*Книги 1704 г., л. 5; Опись СМ 1705 г., л. 294; Книга 1708 г., л. 6; Книги 1711 г., л. 194; Книги 1712 г., л. 5 об.; Кни-*

га 1714 г., л. 4 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32 об.; Ведомость 1790а г., л. 6). В январе 1790 г. им был вынесен вердикт: «Оные все старинного маниру и от давнего положения и неупотребления все перержавели, почему и в употребление совсем не способны».

О форме кистеней ничего не говорится. Известны два кистеня с Соловков. Один — с кованой четырехгранной гирькой, с надрезами по углам, отогнутыми в виде шипов (*Бранденбург Н. Е., 1877, № CLXXXV; Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н., 1953, с. 48, табл. IX*).

4.3.4.17. Чеканы

Чеканы — разновидность боевого кавалерийского топорика с узким недлинным лезвием, насаженного на короткую рукоять. Заостренная форма некоторых топоров напоминала клюв птицы, потому их называли клевцами (*Шокарев Ю. В., 2005, с. 176*). В русском войске чеканы были на вооружении в XVII столетии (*Двуреченский О. В., 2008, с. 17*). На Соловках их количество оставалось практически неизменным на протяжении двух столетий — или 49, или 50 шт. Впервые 50 польских чеканов засвидетельствовала опись монастырской оружейной палаты 1632 г. (*Опись СМ 1632 г., л. 164 об.; Опись СМ 1640 г., л. 158; Опись СМ 1645 г., л. 176 об.*). В 1651 г. оказалось 49 чеканов, но в 1676 г. их снова 50 шт. (*Книга 1651 г., л. 4; Опись СМ 1676 г., л. 526 об. — 527*). Однако в начале XVIII в. в оружейной казне опять значилось 49 чеканов (*Книги 1704 г., л. 4 об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1711 г., л. 192 об.; Книги 1712 г., л. 6; Книга 1714 г., л. 5*). В 1742 г. их снова 50 шт., но в 1788–1790 гг. записано 49 чеканов (*Реестр 1742 г., л. 312 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32 об., 36; Ведомость 1790а г., л. 6*). Лишь в 1795 г. чеканов заметно убавилось — до 40 шт. (*Опись СМ 1795 г., л. 257 об.*).

В январе 1790 г. о соловецких чеканах было сказано: «Оные все старинного маниру и от давнего положения и неупотребления все перержавели, почему и в употребление совсем не способны» (*Ведомость 1790а г., л. 6*).

Соловецкие экземпляры чеканов имеются в коллекциях ГИМ, Музея артиллерии в Санкт-Петербурге (*Денисова М. М., Портнов М. Э., Денисов Е. Н., 1953, с. 47, табл. XI: 73; Двуреченский О. В., 2016, с. 241*).

4.3.5. Ручное метательное оружие — луки и стрелы

Данный вид оружия активно использовался не только в XVI в., но и в XVII столетии. С учетом его в крепостных стенах и башнях Московии продолжали делать соответствующие щелевидные бойницы. Так, вокруг московского Новоспасского монастыря на средства первых Романовых повелено было возводить стены «с мушкетным, **лучковым** (выделено нами. — В.Б.) и **пушечными боями**» (Низовский А.Ю., 2005, с. 27). Соловецкие материалы свидетельствуют о том, что в начале XVIII столетия луки уже не рассматривались как реальное оружие. Они не пополнялись и не выбраковывались, оставаясь несписанным балластом в оружейной казне.

4.3.5.1. Саадаки

Саадак представлял собой набор вооружения конного лучника. В его полный состав входили: лук с налучником, стрелы в колчане (туле), чехол для колчана (тохтуи, или тахтуи). По данным соловецких описей, саадаки сохраняли целостность до 1670-х гг. В ружейной казне Соловецкого монастыря они впервые упоминаются под 1597 г., затем под 1604 г.: «*Да дватцать пять саадаков полные*» (Книги 1597 г., л. 114; Книги 1604 г., л. 116). Далее их количество только возросло и достигло 38 единиц: «*Да тритцать семь саадаков полные*» (Книги 1613 г., л. 112); «*Да 36 саадаков с стрелами*» (Книги 1632 г., л. 164; Книги 1640 г., л. 157 об.); «*Да тритцать восемь саадаков с стрелами*» (Книги 1645 г., л. 176). В 1651 г. в 38 саадаках имелось 890 стрел «*новых и держаных*» (Книга 1651 г., л. 3 об.). Однако в 1676 г. при ревизии оружейной казны в ней значился всего один «*саадак с лубьем и ножами булатными*» (Книга 1676 г., л. 526 об.), просуществовавший до 1704 и 1708 гг. — «*саадак, в коньцах ножи булатные*»²¹ (Книги 1704 г., л. 4; Книга 1708 г., л. 4 об.). Следовательно, утрата саадаков как целостного набора вооружения произошла во время обороны монастыря — «Соловецкого сидения». В 1676 г. было зафиксировано разрозненное хранение чехлов саадаков, чехлов колчанов, самих колчанов, луков и стрел.

4.3.5.2. Чехлы саадака

«*Лубье саадашное*» — сделанный из луба футляр, или чехол саадака (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1981, с. 290). В 1676 г. футляров было 15 шт., в 1704–1714 гг. 35 шт. (Опись СМ 1676 г., л. 526 об.; Книги 1704 г., л. 4; Опись СМ 1705 г., л. 292а; Книга 1708 г., л. 4 об.; Книга 1714 г., л. 4 об.).

4.3.5.3. Колчаны

Колчаны со стрелами вместе с лубьем саадашным впервые перечисляются в описи 1676 г. (27 шт.). Далее их количество незначительно возросло: 31 шт. в 1704–1714 гг., а затем уменьшилось до 29 шт. в 1742 г. и не прибавлялось по 1795 г. включительно (Опись СМ 1676 г., л. 526 об.; Книги 1704 г., л. 4; Опись СМ 1705 г., л. 292а; Книга 1708 г., л. 3 об.; Книги 1711 г., л. 192; Книги 1712 г., л. 5 об.; Книга 1714 г., л. 4 об.; Реестр 1742 г., л. 312 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 32 об.; Ведомость 1790а г., л. 6; Опись СМ 1795 г., л. 257 об.). Единственный кожаный колчан с Соловков имеется в фондах Музея артиллерии (Двуреченский О.В., 2016, с. 256, рис. 159: 1, 21).

4.3.5.4. Тохтуй

Тохтуй — налучник, чехол на колчан, предохраняющий стрелы от сырости и непрерывного трения одна о другую. В описи 1651 г. указано 30 тохтуев. Второе наименование предмета — «*тур*», что следует из контекста описи только применительно к чехлу из хлопчатобумажной ткани: «*30 тохтуев да то ж тур киндячной*» (Книга 1651 г., л. 3 об.).

4.3.5.5. Луки

Луки вне комплекта саадаков впервые упомянуты в описи 1632 г. В первой половине XVII в. они различались: луки мятляки с тетивами (55 шт. в 1632–1640 гг.) и просто луки с тетивами (38 шт. в 1640 г., 34 шт. подержанные в 1645–1651 гг.). Был еще единственный лук с тетивой, в концах два ножа (1632–1651 гг.), который в описях 1705–1742 гг. характеризуется как буйловый, в концах два ножа булатные,

²¹ Очевидно, здесь речь идет о подсаадашных ножах в комплекте с саадаком (см. выше).

«насечены серебром» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157 об. — 158; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 3 об.; *Опись СМ 1676 г.*, л. 526 об.; *Опись СМ 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192; *Книги 1712 г.*, л. 5 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312). Более поздняя пометка на полях описи 1714 г. непонятно на каком основании приписывала лук с двумя булатными ножами, насеченными серебром («с табун в концах»), князю Пожарскому (*Книга 1714 г.*, л. 4 об.).

В 1651 г. появилось 15 «луков новых без тетив», что удобно для хранения. Сам факт постановки на вооружение новых луков свидетельствует о том, что даже в середине XVII столетия данный вид оружия был востребован для обороны Соловецкой крепости. При описании оружейной казны в 1676 г. названо общее число луков (74 шт.), включая луки черемисские. Описи XVIII столетия перечисляют общее количество луков — 73 шт., «в том числе черемисские» в 1704–1742 гг., 69 шт. в 1788–1790 гг. и 60 — в 1795 г. (*Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192; *Книги 1712 г.*, л. 5 об.; *Книга 1714 г.*, л. 4 об.; *Реестр 1742 г.*, л. 312 об.; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32 об.; *Ведомость 1790а*, л. 6; *Опись СМ 1795 г.*, л. 257 об.). Как видим, в конце XVII и в XVIII столетии пополнения луков, как и колчанов, не последовало. Но они по-прежнему оставались на хранении в оружейной казне и даже могли быть проданы. Запись от 1 мая 1691 г. позволяет узнать цену одного комплекта лука — 20 алтын: «Продан из казны лук и с колчаном с лубом, и стрелами, и с тавтуем, и с каменной, а денег взято за все 20 алтын, а денги отданы казначею старцу Евлогию» (*Опись СМ 1688–1691 гг.*, л. 4).

4.3.5.6. Жилы

В оружейной палате хранились запасные жилы для луков. Их количество определялось по весу. С 1704 по 1714 г. вес жил уменьшился с 5 до 3 фунтов: «Пять фунтов жил мятных, чем арчяки и луки жилят» (*Книги 1704 г.*, л. 6; *Опись СМ 1705 г.*, л. 294; *Книга 1708 г.*, л. 7; *Книги 1711 г.*, л. 194); «Три фунта жил мятных» (*Книги 1712 г.*, л. 9; *Книга 1714 г.*, л. 7).

4.3.5.7. Стрелы и наконечники стрел для луков

Описи оружейной казны знают две разновидности стрел для луков: луковые и томары. Неизвестно, была ли еще одна разновидность стрел: в 1674 г. Мещеринов жаловался на отсутствие зажигательных стрел (*Барсов Е. В.*, 1890, с. 102–103).

Стрелы луковые находились в ларе; количество их не указано: «Ларь со стрелами луковыми не вполне» (*Книги 1704 г.*, л. 4 об.). Древки к наконечникам, которые именовали «ратницами стрелковыми», лежали в отдельных ящиках, перевязанные «в пущах»: 2570 шт. в 1632–1640 гг., 2700 шт. в 1645–1651 гг. (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 3 об.). То, что «ратницы» — это древки именно для боевых наконечников стрел, удалось установить из Описи низовых городов 1701–1704 гг.: «3000 стрел без ратниц, в пожар изломаны и погнули» (*Опись НГ 1701–1704 гг.*, л. 49).

Томары, или охотничьи стрелы упоминаются впервые в описи 1651 г. (30 шт.). В 1704–1714 гг. деревянных «томаров самострелных без желез» было 9 шт., в 1788–1795 гг. 10 шт. Лишь один раз, в описи 1651 г., указан материал для оперений стрел — «перья орловых крыл» (10 шт.) (*Книга 1651 г.*, л. 3 об.; *Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192 об.; *Книги 1712 г.*, л. 6; *Книга 1714 г.*, л. 5; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32 об.; *Опись СМ 1795 г.*, л. 257 об.).

К концу XVIII в. 69 луков с колчанами и стрелами пришли в полную негодность. В январе 1790 г. было констатировано: «Оные все старинного маниру и от давнего положения и неупотребления все перержавели, почему и в употребление совсем не способны» (*Ведомость 1790а г.*, л. 6). Стрелы с древками и оперением сохранялись в большом количестве в музее оружия Соловецкого монастыря до пожара 1923 г. Их можно различить на фотографии 1888 г. интерьера Успенской башни. Будучи воткнутыми в стойку, они образуют оригинальную «пальму». Отдельные экземпляры стрел, найденные при раскопках, изданы (*Балан С. Б.*, 2013).

4.3.5.8. Самострелы

Самострелы — разновидность метательного оружия. В Западной Европе их называли арбалетами. Это преимущественно охотничье оружие. Не исключалось их военное применение. Описи характеризуют оружие как «самострелы железные с храпы и поясы». Количество их постепенно возрастало: 8 шт. (1597–1604 гг.), 18 шт. (1613, 1645 гг.), 15 шт. (1632–1640 гг.), 23 шт. (1651 г.), 21 шт. (1676 г.). Но в самом начале XVIII столетия осталось всего несколько самострелов «с железом, или полосами укладными»: 4 шт. (1704, 1705, 1711 гг.), 3 шт. (1708, 1712, 1714 гг.) (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114 об.; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112; *Опись СМ 1632 г.*, л. 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176; *Книга 1651 г.*, л. 3 об.; *Опись СМ 1676 г.*, л. 526 об. — 527; *Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192; *Книги 1712 г.*, л. 6; *Книга 1714 г.*, л. 4 об.). Небольшое число самострелов и указывает в первую очередь на их предназначение для охоты. Об этом говорит и наличие в оружейной казне томаров — стрел деревянных без железа самострельных в описях XVIII в.

В оружейной палате лежали также детали самострелов. В 1651 г. это были храпы (стальные дуги) (10 шт.); в 1704 г. «Крестного монастыря архимандриту Ефрему даны храпы самострельные ради обрасца». Среди деталей самострела в описи 1651 г. названы «2 коловорота самострельные». Были также тулова (20 шт. в 1651 г. и 13 шт. в 1676 г.). В XVIII в. — «голени самострельные с полосами и без полос»: 7 шт. (1704–1714 гг.), 19 шт. (1788–1789 гг.) и 10 шт. в 1795 г. Полосы самострельные — 4 шт. (1788–1789 гг.) (*Книга 1651 г.*, л. 3 об. — 4; *Опись СМ 1676 г.*, л. 527; *Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192 об.; *Книги 1712 г.*, л. 6; *Книга 1714 г.*, л. 5; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33 об.; *Опись СМ 1795 г.*, л. 258).

О том, что самострелы были в ходу в начале XVIII в., свидетельствует сообщение 1704 г. о том, что архимандриту Крестного монастыря Ефрему были отданы из Соловецкого монастыря на время храпы самострельные «ради обрасца» (*Опись*

СМ 1705 г., л. 7 об.). Сохранился один самострел, происходящий из Соловецкого монастыря (Балан С.Б., 2006, с. 152, фото на с. 152).

4.3.5.9. Стрелы к самострелам

Наконечники стрел к самострелам (арбалетам) называют болтами. В 1651 г. было «стрел самострельных: 1007 з железцы» (*Книга 1651 г.*, л. 4). Опись 1676 г. называет «1000 стрел самострельных, 30 стрел самострельных железницами» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 527). Они же фигурируют практически в том же количестве и в предыдущих описях, хотя и не определяются как самострельные: «950 стрел с железцы» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164; *Опись СМ 1640 г.*, л. 157 об.), «1000 стрел з железцы» (*Опись СМ 1645 г.*, л. 176). Эти запасы к началу XVIII в. резко поредели: «9 томаров самострельных без желез, 37 семь стрел самострельных з железом» (*Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.; *Книга 1708 г.*, л. 5; *Книги 1711 г.*, л. 192 об.), «9 томаров без железа; ларь со стрелами самострельными и луковыми з железом и без железа» (*Книги 1712 г.*, л. 6; *Книга 1714 г.*, л. 5). В Музее артиллерии хранятся пять арбалетных болтов из оружейной палаты Соловецкого монастыря (Двуреченский О.В., 2016, с. 320–321, рис. 201, 202: 2, 3, 6).

4.3.6. Доспехи

Первые доспехи были сложены в оружейной казне в самом конце XVI в. Они включали панцири, кольчуги, наручи, мисюрки, щит. Опись 1597 г. перечислила комплект доспеха из кольчуги, «шапки железной», наручей. Как уже отмечалось, скорее всего, это доспех одного из погибших сотников — Михаила Озерова († 1579) или Киприана Оничкова († 1581).

4.3.6.1. Панцири

В 1597–1613 гг. было семь «пансырей», в 1632–1645 гг. — девять. В 1651 г. добавился один «пансырь худенек», который в описи 1676 г. обозначен как «один ветх» (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112; *Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156;

Опись СМ 1645 г., л. 174 об.; *Книга 1651 г.*, л. 2; *Опись СМ 1676 г.*, л. 525). Далее сведений о панцирях нет. Но к 1757 г. относится сообщение, что «нагрудник с задом» передан в столицу, в военную походную канцелярию генерала, графа Шувалова (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 36).

4.3.6.2. Кольчуги

Первое упоминание кольчуги — в описи 1597 г. По 1651 г. она значится именно как «кольчуга» (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112; *Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156; *Опись СМ 1645 г.*, л. 174 об.; *Книга 1651 г.*, л. 2). С 1704 г. появился термин «рубашки кольчужные железные». В 1704–1742 гг. их было 11, причем одна оказалась ветхой, а три без «ошейников» (*Книги 1704 г.*, л. 2 об.; *Книга 1708 г.*, л. 2; *Книги 1712 г.*, л. 3; *Книга 1714 г.*, л. 3; *Реестр 1742 г.*, л. 311 об.). Дважды они названы «укладными» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 291 об.; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.), т.е. из сырцово-стали. В 1757 г. одну кольчужную рубашку передали в Санкт-Петербург в военную походную канцелярию генерала графа Шувалова (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 36). Поэтому в описи 1788–1789 гг. указали на одну кольчужную рубашку меньше; здесь же назвали общий вес 10 рубашек — 3 пуда 21,5 фунта (*Опись СМ 1778–1789 гг.*, л. 32), что в переводе 56,7 кг. Вес одной кольчуги составлял в среднем 5,67 кг. В 1795 г. осталось 9 кольчужных рубашек железных (*Опись СМ 1795 г.*, л. 257).

4.3.6.3. Мисюрки

Мисюрка — тип шлема с кольчужной бармицей. В описях 1597–1613 гг. она упомянута как «шапка железная», а в описях 1632 и 1640 гг. определена уже как «шапочка мисюрская». С 1645 г. их указано две. С 1676 г. происходит смена терминологии: «две шапки мисюрки». С 1704 по 1742 г. упомянута одна «шапка мисюрка» (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112; *Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156; *Опись СМ 1645 г.*, л. 174 об.; *Книга 1651 г.*, л. 2; *Опись СМ 1676 г.*, л. 525; *Книги 1704 г.*, л. 2 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 291 об.; *Книга 1708 г.*, л. 2; *Книги 1712 г.*, л. 3; *Книга 1714 г.*, л. 3; *Ре-*

естр 1742 г., л. 311 об.). В 1757 г. ее должны были отдать в военную походную канцелярию генерала, графа Шувалова. Но ее явно не отдали, так как «латушка, или шабка железная же одна, весу фунт три четверти» фигурирует в последующих описях (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32, 36; *Опись СМ 1795 г.*, л. 257).

4.3.6.4. Наручи

Согласно описям, с 1597 по 1757 г. наручи железные в единственном комплекте находились в оружейной палате. В описи 1705 г. было указано, что они ветхие (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112; *Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156; *Опись СМ 1645 г.*, л. 174 об.; *Книга 1651 г.*, л. 2; *Опись СМ 1676 г.*, л. 525; *Книги 1704 г.*, л. 2 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 291 об.; *Книга 1708 г.*, л. 2; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.; *Книги 1712 г.*, л. 3 об.; *Книга 1714 г.*, л. 3; *Реестр 1742 г.*, л. 311 об.; *Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 36). Затем их отправили в Санкт-Петербург, в военную походную канцелярию.

4.3.6.5. Щит

Первое его упоминание — в описи 1632 г., последнее — в 1711 г. В описях 1704, 1705, 1708 и 1711 гг. щит назван «боевым» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156; *Опись СМ 1645 г.*, л. 174 об.; *Книги 1704 г.*, л. 4; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а; *Книга 1708 г.*, л. 4 об.; *Книги 1711 г.*, л. 192).

4.3.7. Воинские регалии и атрибуты

К данной категории относятся знамена, прапоры, набаты.

4.3.7.1. Знамена

Знамена являлись важной регалией воинских подразделений (Яковлев Л., 1865; Николаев Н.Г., 1898). В оружейной казне Соловецкого монастыря с XVII по конец XVIII столетия хранилось от одного до восьми знамен, на древках («древцах») и без них. При инвентаризации основой их краткой и формальной характеристики служил вид материи: тафта, дорога, киндяк, крашенина. Только в описи

Знамена по описям монастырской Оружейной казны

№ п/п	Материя	Цвет	Чем обложено и обшито кругом древка	Крест	Герб	Год упоминания в описи
1	Тафта (шелк)	Пять полос разных цветов	Крашенина кирпичная	Крест четырехконечный тафты малиновой	—	1632, 1640, 1654, 1651, 1676, 1704, 1705, 1711, 1714, 1742, 1788–1789
2		Белая в середине	Тафта черная. Кругом древца крашенина синяя	Крест восьмиконечный	—	1705, 1788–1789
3		Три разноцветных полосы	—	—	Герб тафты черной	1714, 1788–1789, 1795
4	Дорога (шелк)	Темно-малиновая	Тафта желтая. Кругом древца сукно красное	Крест тафты белой	—	1676, 1788–1789, 1795
5	Киндяк (х/б)	?	?	?	—	1645, 1651, 1676,
6		?	?	?	—	1704, 1708
7	Крашенина (холст)	Середина красная	Синий холст	Крест восьмиконечный крашенины синей	—	1676, 1704, 1708, 1788–1789, 1795
8		?	?	?	—	1704, 1708

1788–1789 гг. появились дополнительные сведения о цвете полотнища, материале и цвете опушки, форме креста или указание на герб. Иногда сообщалось о материи, обшитой «круг древка»; такой кусок материи, называвшийся «мешочком», позволял надевать или снимать в нужный момент полотнище с древка (Малов А. В., 2001, с. 7; 2006, с. 230). Размеры знамен не приводились. Ниже для удобства пользования мы сообщаем всем знаменам нумерацию по табл. 99.

Древнейшее из знамен (№ 1) — тафтяное, т. е. из гладкой тонкой шелковой ткани. Оно отмечено в описи 1632 г. В 1705 г. прибавилось еще одно тафтяное знамя (№ 2), а в 1714 г. — третье (№ 3) (*Опись СМ 1632 г.*, л. 163; *Опись СМ 1640 г.*, л. 156; *Опись СМ 1645 г.*, л. 174 об.; *Книга 1651 г.*, л. 6; *Опись СМ 1676 г.*, л. 525; *Книги 1704 г.*, л. 2 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 291 об.; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.; *Книга 1714 г.*, л. 3; *Реестр 1742 г.*, л. 313). Подробное описание всех трех знамен со своей нумерацией относится к концу XVIII столетия: «1-е на пяти полосах тафтянных разных цветов, крест четвероконой тафтянной же малиновой, обложено крашениной кирпичной, на деревце. <...> 3-е. Средине тафта белая, крест осмьконой, и обложено тафтой

черной, кругом деревца обшито крашениной синей. <...> 5-е. Тафты разноцветной три полосы, герб тафты черной, без деревца» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32 об. — 33). В последующей описи слово «деревце» заменено на «деревце» — древко (*Опись СМ 1795 г.*, л. 258 об. — 259).

Другой тип знамени — дорожное (№ 4), тоже из шелковой ткани (дороги), большей частью полосатой или клетчатой, иногда струйчатой с золотыми, серебряными и шелковыми деревцами и травами (*Полный церковно-славянский словарь*, 2010, с. 151). По краям оно было обшито холстом — «опушено крашенинное». Его появление на Соловках относится к промежутку 1651–1676 гг., до «Соловецкого сидения» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 525). Скорее всего, сохранилось именно его более позднее описание: «2-е. Средине дорожная темно-малиновая, крест белой тафтянной, обложено тафтой желтой; кругом деревца обшито сукном красным» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 32 об.; *Опись СМ 1795 г.*, л. 258 об.).

Не вызывает сомнения, что шелковые знамена (№ 1, 2, 4) принадлежали стрелецким сотням. Напомним, что с 1580-х гг. и до самого конца XVII столетия в Соловецкой крепости и в острогах службу нес-

ли стрелецкие сотни. Хотя в 1637 г. последний соловецкий военачальник Тимофей Крапивин передал городовые и острожные ключи игумену Варфоломею и келарю, всё вооружение по описи осталось на Соловках. В 1658 г., во время военного столкновения со Швецией, в соловецких вотчинах вновь появились стрельцы: были направлены «на береговую с Двины стрельцы в Сумской острог сто человек и в Кемской городок сто жъ человек, стояли годъ» (СЛ-1 XVIII в., л. 19 об.; *Летописец*, 1790, с. 52). В 1668 г. на Соловки против монахов, не принявших реформы Никона, была послана сотня двинских стрельцов из Архангельска. В 1673 г. для осады непокорной обители прибыли 500 стрельцов с воеводой Мещериновым, а после ее успешного взятия в 1676 г. произошла смена военного контингента. Из разных городов 300 стрельцов с «начальными людьми» простояли в монастыре год «для опасения от бунту» (СЛ-1 XVIII в., л. 21).

Все названные шелковые знамена имели кресты: четырехконечный (№ 1) и восьмиконечный (№ 2). Цвета крестов: белый, малиновый и синий. Всё это типично для сотенных знамен. Для последних особо характерен четырехконечный крест, пересекающий полотнище на четыре части (Малов А.В., 2006, с. 238). Восьмиконечный степенный православный крест, как и четырехконечный, нашивался из полос материи другого цвета. Крест помещался в верхнем углу или по центру полотнища (Малов А.В., 2004, с. 18). Исключение составляет трехполосное тафтяное знамя с двуглавым орлом (№ 3): «тафты разноцветной три полосы, герб тафты черной без деревца» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33). Это флаг Российской империи. Его можно связать с воинской командой, которая всё XVIII столетие находилась при монастыре, при тюрьме. В 1781 г. 109 ее солдат были переподчинены направленному на Соловки прапорщику Иванову (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 35 об.).

Два знамени киндячные — хлопчатобумажные (№ 5, 6), одно из которых впервые упомянуто в описи 1645 г., вполне могут быть определены как знамена стрельцов, солдат, казаков, находившихся под началом городских воевод. Такие знамена обычно шили из бумажных тканей на местах (Яковлев Л., 1865; Николаев Н.Г.,

1898). Известно, что в 1611 г. в монастырь и Сумский острог «для опасения Соловецкого монастыря и поморских волостей» прибыли воевода Максим Лихарев и голова Елизарий Беседного с «начальными и ратными людьми» (СЛ XVII в., л. 32 об.). В том же году монастырь нанял на месяц 74 ратных казака с двумя атаманами (ПРК 1608–1612 гг., л. 197 об. — 198).

Некоторые из знамен до пожара 1923 г. пребывали в экспозиции музея оружия, расположенного в Успенской башне. Смутные очертания четырех из них проглядывают на фотографиях 1888 г. (История, 1899; Лейцингер Я.И., 2005).

4.3.7.2. Прапоры

Флажки-прапоры с треугольными откосами принадлежали военачальникам — стрелецким головам, сотникам, полковникам, подполковникам, майорам, капитанам. Первое упоминание о двух соловецких прапорах позднее: «Два прапорка крашенные на древках» (Книги 1712 г., л. 3 об.; Книга 1714 г., л. 3). В 1788–1789 и 1795 гг. остался один из них, который описан: «Прапор кумачной красной, пять звезд, холстинные белые, на деревце, у которого копье плоское» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33; Опись СМ 1795 г., л. 259). Количество звезд на знаменах обычно указывало на номер подразделения (Малов А.В., 2006, с. 233; Соболева Н.А., Казакевич А.Н., 2006). В 1673–1676 гг. пять стрелецких сотен осаждали восставший монастырь.

4.3.7.3. Набаты

Набат — воинский сигнальный ударный инструмент определенной высоты звучания. В первой половине XVII в. их было два, и оба турецкие — «2 набата турецкие» (Опись СМ 1632 г., л. 163; Опись СМ 1640 г., л. 156). К 1645 г. остался один целый набат (Опись СМ 1645 г., л. 174 об.), второй был непригоден, без ножек: «Набат турецкой целой, другою набата дерево без ножищи» (Книга 1651 г., л. 2). Упоминание «ножищ» является прямым свидетельством того, что речь идет о парных литаврах — разновидности барабанов в виде котлов на подставках, сверху обтянутых кожей. После «Соловецкого сидения» при описании оружейной казны монасты-

ря произошла смена терминологии. Указан единственный «барабан» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 525 об.). В следующем столетии этот барабан значится как «ветхий» (*Книги 1704 г.*, л. 2 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 291 об.; *Книга 1708 г.*, л. 2 об.; *Книги 1711 г.*, л. 190 об.; *Книги 1712 г.*, л. 3 об.; *Книга 1714 г.*, л. 3; *Опись СМ 1788–1789 г.*, л. 33; *Опись СМ 1795 г.*, л. 259). В 1888 г. в Успенской башне среди экспонатов на одном из верхних стеллажей хранились два цилиндрических барабана, которые запечатлел фотограф Я. И. Лейцингер (*История*, 1899).

4.3.8. СНАРЯЖЕНИЕ ВСАДНИКА И КОНЯ

Среди данного снаряжения описи оружейной казны называют седла, попоны, уздечки, хомуты, вожжи, плети, стремяна. Это говорит о том, что снаряжение всадника имело стратегическое значение, а монастырь в военное время должен был предоставлять конское снаряжение (а заодно и лошадей) стрельцам, стоявшим в Соловецкой крепости. Тем самым обеспечивалось быстрое перемещение воинов на материке к острогам.

Седла. На рубеже XVI–XVII вв. седел было в общей сложности 27 шт.: «*Да дватцать семь седел старческих и служних со всею снастью*» (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112). Как видим, они подразделялись по принадлежности к монахам-старцам и монастырским слугам. Но в то же время данные седла перечислялись вместе с оружием. К середине XVII в. количество седел возросло. В 1632 и 1640 гг. было «68 седел старческих и служних с снималники и без снималников, новых и держаных» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об.; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158 об.), затем 77 шт. (*Опись СМ 1645 г.*, л. 176 об.). Опись оружейной палаты 1651 г. сообщает уже о 92 седлах: «*Седло игуменское с снималником вишневым суконной и со всею седельною снастью. Седло старческое бархатное, с травы по красной земли, зеленые луки с костью, писано золотом, с войлоки и снастью седельною. Да 22 седла старческие с снималниками и снастью седельною, да 55 седел снастью езжалых без войлоков. 13 седлишек старинных плохих и ломаных. 9 снастей седельных новых*» (*Книга 1651 г.*, л. 4 — 4 об.).

В конце XVI в. седла в оружейной палате уже не хранились, поэтому описи 1676, 1694–1696 гг. их не указывают. Из документа 1704 г. становится известно о существовании в Соловецком монастыре специальной седельной палаты, располагавшейся под денежной казною. Там находилось «*Осьмь седел братских и мирских. Да седло крымское, верхъ бархатной*», которые относились к оружейной казне (*Книги 1704 г.*, л. 6). В 1705 г. отмечено 9 седел: «*Осьмь седел брацких и мирских ветхих. Седло крымское, оклеено бархатом травчатым*» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 294). В 1708 г. под денежной палатой было 12 седел: «*Под денежною казною. Девять седел братских и мирских. Два седла немецкие. Да седло крымское, верх бархатной*» (*Книга 1708 г.*, л. 7 об.). Но в 1712 г. остались только «*два седла немецкой работы да седло крымское, верх бархатной*» (*Книги 1712 г.*, л. 9 об.), а в 1714 г. — одно седло немецкое и одно крымское (*Книга 1714 г.*, л. 7 об.).

Попоны — покрывала на лошадей. В 1632 и 1640 гг. их было 8 шт. — «8 попон волоских и черкасских» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 165; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158 об.), в 1645 г. их осталось 5 шт. (*Опись СМ 1645 г.*, л. 176 об.). Под 1651 г. упомянуто 26 попон: «*одна попоны волоская белая*», «*4 попоны суконные пестрые игуменские*», «*20 попон новых бисаяжных*», «*попоны сермяжная серая*» (*Книга 1651 г.*, л. 5 об.).

Уздечки. В 1632, 1640 и 1645 гг. в оружейной палате хранилось «100 узд новых и держаных, старческих и служних» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 164 об. — 165; *Опись СМ 1640 г.*, л. 158 об.; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176 об.). Состав их указывает опись 1651 г.: «*4 узды окованные. 35 узд ременных держаных. 60 узд ременных новых монастырьского и новгородского дела*» (*Книга 1651 г.*, л. 4 об.). Конская узда изготавливалась и на Соловках в это время.

Хомуты упомянуты только один раз: «*9 хомутов с подклейками и хвостами, дерева крашеные резные*» (*Книга 1651 г.*, л. 5).

Вожжи были кожаные, расшитые цветной тканью, и из кожи нерпы. В 1651 г. опись оружейной казны отметила «*5-ры возжи, обшиты сукном лазоревым и зеленым. 10-ры возжи нерпечьи*» (*Книга 1651 г.*, л. 5).

Плети. В описи 1651 г. упомянуто «*15 плетей с костью; 8 плетей простых*»

(Книга 1651 г., л. 5). В 1704, 1705 и 1711 гг. — «Двадцать девять плетей ременных да бич» (Книги 1704 г., л. 5; *Опись СМ 1705 г.*, л. 294; Книги 1711 г., л. 194). В 1708 г. в оружейной палате имелось «осмнатцать плетей ременных да бич» (Книга 1708 г., л. 6).

Стремена в количестве 9 шт. упомянуты при описании оружейной палаты всего один раз: «9-ры стремяна железные» (Книга 1651 г., л. 4 об.).

4.3.9. ИНСТРУМЕНТ, ОБОРУДОВАНИЕ, ВСЯКАЯ СНАСТЬ

В оружейной казне Соловецкого монастыря в разные годы кратковременно или на длительный срок складировалась всякая снасть разного назначения. Это — слесарный и столярный инструмент, приспособления, оборудование, позволявшие осуществлять ремонт и изготовление оружия, производство снарядов. В книге оружейной казны 1651 г. приведены сведения об инструменте одного из мастеров — Семена Бронникова: «Да тое ж ружничьи казны Семен Бронников сказал у себя бо-рошню, 2 тиски, 3 терпуга сабельные, 6 на-парей, чем ложки вертят, 17 сверел, чем пи-щали вертят, доска винтовная, винтовник, клещицы, две стрелки громовые» (Книга 1651 г., л. 6 об.).

4.3.9.1. Кузнечный инструмент

Молоты. Их указано 2 шт.: «молот большой, молот маленькой» (Книга 1651 г., л. 6).

Молотки — 2 шт. (*Ведомость 17906 г.*, л. 5).

Наковальни — «две наковальни малые» (Книга 1651 г., л. 6). С молотами и молотками наковальни составляли кузнечный комплект для изготовления и ремонта холодного оружия. Из описи Ярославля XVII в. узнаем об их еще одном назначении: «4 наковальни железных, на что ядра куют» (Кирпичников А. Н., 1954, с. 273).

4.3.9.2. Слесарный инструмент оружейника

Вывертка пушечная — железный ручной слесарный инструмент. Современный инструмент с таким же названием при-

меняется для болтов. В оружейной казне была всего одна вывертка пушечная, которую упомянули книги 1704–1712 гг. (Книги 1704 г., л. 4 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1711 г., л. 192 об.; Книги 1712 г., л. 6 об.).

Взъем (подъем), проще — домкрат. «Взем тележной» назван под 1704–1712 гг. (Книга 1704 г., л. 4 об.; *Опись СМ 1705 г.*, л. 292 об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1712 г., л. 6 об.).

Доска винтовная (винтовальная) и винтовник — станок для нарезки стволов — впервые отмечена под 1651 г., затем под 1704–1714 гг. (Книга 1651 г., л. 6 об.; Книги 1704 г., л. 4 об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1711 г., л. 192 об.; Книги 1712 г., л. 6 об.; Книга 1714 г., л. 5). В 1705 г. было две такие доски (*Опись СМ 1705 г.*, л. 292а об.).

Доска каменная в рамах — еще одно оборудование оружейника (Книги 1712 г., л. 9).

Клещи («клещицы») — 1 шт. (Книга 1651 г., л. 6 об.).

Сверла пищальные — сверла для высверливания канала ствола. Подразделялись на большие и малые. В 1651 г. было «17 сверел, чем пищали вертят» (Книги 1651 г., л. 6 об.). В 1676 г. отмечено «двадцать семь сверл болиших и малых» (*Опись СМ 1676 г.*, л. 528). В 1705 и 1711 гг. была одна «свердель пищальная» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 293 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.). По московским источникам 1667 г. для высверливания канала ствола применялась железная «вертельня», «сверлечное колесо» с «пальцами» (Орленко С. П., 2017, с. 361–362).

Ставок медный с «мазью». Под последней, видимо, следует понимать смазку колес лафетов или телег. В 1704–1711 гг. имелось «два ставка с мазью» (Книги 1704 г., л. 5 об.; Книга 1708 г., л. 7; Книги 1711 г., л. 194). В книге 1712 г. упомянут один «ставка медной с кровлею весом пол четверта фунта» (Книги 1712 г., л. 9). Он же назван под 1714 г. как «ставка медной с кровлею» (Книга 1714 г., л. 7), а в конце XVIII столетия — «ставка медной луженой с крышкою» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33 об.).

Тиски — 2 шт. (Книга 1651 г., л. 6 об.).

Точила — инструмент, применявший-ся для обточки, заглаживания ядер после ихковки. В середине XVII в. было четыре точила: «Два точила болиших новых. Да два

точила малых новых же» (Книга 1651 г., л. 6 об.).

Трещотки — инструмент для очищения канала орудий от ржавчины и загрязнений, образующихся при сторании заряда. Впервые отмечены в описи 1676 г.: «в ящичке сто пять трещеток» (Опись СМ 1676 г., л. 528 об.). В начале XVIII столетия указаны четыре трещотки пушечные (Опись СМ 1704 г., л. 4 об.; Опись СМ 1705 г., л. 292а об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1711 г., л. 192 об.), затем 1 шт. (Книги 1712 г., л. 6 об.; Книга 1714 г., л. 5.). В октябре 1790 г. насчитывалось «трещеток разных калибров восминацать» (Ведомость 1790б г., л. 5 об.).

4.3.9.3. Столярный инструмент

Напарьи — разновидность бурава. Данный инструмент, «чем ложки вертят», часто применялся для изготовления лож под ствол оружия. Напарьи были трех видов: 1. «Чем ложка вертят» (6 шт.) (Книга 1651 г., л. 6 об.); «восмь напарей ложных» (Опись СМ 1676 г., л. 528). 2. «Напаря пицалная» (Книги 1704 г., л. 5 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.). 3. «Три напарьи долгих плотнических» (Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.); «три напари долгих» (Книги 1704 г., л. 6, л. 5 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.); «три напари плотничных» (Книги 1704 г., л. 5; Книга 1708 г., л. 6).

Пилы трех типов: 1. Лучковые (3 шт.) (Книги 1704 г., л. 6.; Опись СМ 1705 г., л. 294; Книга 1708 г., л. 7; Книги 1711 г., л. 194; Книги 1712 г., л. 8 об.; Книга 1714 г., л. 7). 2. Большие (2 шт.) (Книги 1704 г., л. 6.; Опись СМ 1705 г., л. 294; Книга 1708 г., л. 7; Книги 1711 г., л. 194; Книги 1712 г., л. 8 об.; Книга 1714 г., л. 7). 3. Малые — «4 пилки» (Книга 1651 г., л. 6).

Стол столярный круглый был один: «стол круглой столярной, писан краски» (Книги 1712 г., л. 9); «стол круглой столярной, доска каменная» (Книги 1714 г., л. 7).

4.3.9.4. Оборудование для изготовления снарядов

Колышцы, или литейные формы для отливки пуль. В середине XVII в. в оружейной палате было «21 калыпцов малых» (Книга 1651 г., л. 6). Колышцы упоминались вместе с лейкой.

Лейка для топки свинца определялась как «лейка, в чем свинец топят» (Книга 1651 г., л. 6), и «лейка железная, в ней свинец топят» (Опись СМ 1676 г., л. 528 об.). Она была задействована для отливки пуль и малых ядер.

Лудильница — «лудилница, а в ней олова десять фунт» (Опись СМ 1676 г., л. 529).

Фурмы (формы) литейные. В книге оружейной казны Соловецкого монастыря отмечено, что «фурм, в которые пули льют, железных две, медная одна» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33 об.). Было три вида фурм: 1. Каменные — 2 шт. (Книга 1651 г., л. 6; Опись СМ 1676 г., л. 528 об.). 2. Железные — в середине XVII в. была одна такая форма (Книга 1651 г., л. 6), затем их отмечено 21 шт. (Опись СМ 1676 г., л. 528) и вновь 1 шт. (Книги 1704 г., л. 5 об.; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.; Книги 1712 г., л. 8 об.; Книга 1714 г., л. 6 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33 об.). 3. Медная, всегда была в 1 экз. (Книга 1651 г., л. 6; Опись СМ 1676 г., л. 528 об.; Книги 1704 г., л. 5 об.; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.; Книги 1712 г., л. 8 об.; Книга 1714 г., л. 6 об.; Опись СМ 1788–1789 гг., л. 33 об.).

Осенью 1790 г. в оружейной казне хранились также три зубила, один пробойник, четыре паяльника, одно шило (Ведомость 1790б г., л. 5).

4.3.9.5. Весы

Весы требовались для взвешивания «зелья» — дозировки пороха, селитры. Упомянуты три типа весов: весы с коромыслами, безмены и контари. «Вески медные с железными коромыслами» — небольшие весы. Их было 2 шт. (Книги 1704 г., л. 5; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.; 1712 г., л. 8.; Книга 1714 г., л. 6 об.). В 1651 г. в палате хранилось также коромысло от сломанных весов — «коромысел весковой» (Книга 1651 г., л. 6 об.). Безмен — простые рычажные, коромысловые весы. В 1651 г. имелось два безмена (Книга 1651 г., л. 6 об.). Под 1704–1711 гг. уточняется, что это были «два безмена розвесных малых пороховых» (Книги 1704 г., л. 5 об.; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.). Большие по весу

безмены подразделялись по весу. Было двое весов пудовых с медными и железными гириями: *«безмен пудовик, гиря медная»* (Книги 1704 г., л. 6 об.; Книга 1708 г., л. 7 об.; Книга 1714 г., л. 8); *«безмен пудовой, гиря железная»* (Опись СМ 1705 г., л. 294 об.; Книга 1708 г., л. 7 об.; Книга 1712 г., л. 9 об.); *«два безмена пудовой»* (Книги 1712 г., л. 9 об.; Книга 1714 г., л. 8). Один безмен был *«полторник, гири медные»* (Книга 1708 г., л. 7 об.; Книги 1712 г., л. 9 об.; Книга 1714 г., л. 8). *«Три безмена дву пудовые с медными гириями»* (Книги 1704 г., л. 6 об.; Опись СМ 1705 г., л. 294 об.). *«Безмен троепудовой, гиря железная»* (Книга 1708 г., л. 7 об.; Книги 1712 г., л. 9 об.; Книга 1714 г., л. 8). Существовал еще и мерный *«фунт дробный медный»* (1 шт.) (Книги 1704 г., л. 5 об.; Опись СМ 1705 г., л. 293 об.; Книга 1708 г., л. 6 об.; Книги 1711 г., л. 193 об.).

Вязни (везни) — весы (болг.). Их было сначала 18 шт. (Книга 1651 г., л. 3), затем *«двадцать четыре вязни ветхих»* (Опись СМ 1676 г., л. 528).

Контарь (кантарь) — металлический стержень с постоянным грузом на одном конце и крючком или чашкой на другом для взвешивания груза. В 1704–1714 гг. имелось *«два контаря з гириями железными»* (Книги 1704 г., л. 4 об.; Опись СМ 1705 г., л. 292а об.; Книга 1708 г., л. 5; Книги 1711 г., л. 192 об.; Книги 1712 г., л. 6 об.; Книга 1714 г., л. 5).

4.3.10. Покрывала, одежда, походное снаряжение

В оружейной казне хранились многочисленные вещи, связанные с походным снаряжением, покрывала для дальних поездок, одежда для несения дозорной службы. Перечислим сведения о них в алфавитном порядке.

Борошня, или борошень. Это сумка (или мешок) для боеприпасов, которая носилась на поясе (Сл. РЯ XI–XVII вв., 1975а, с. 299). Названа всего лишь одна борошня (Книга 1651 г., л. 6 об.).

Кебеняки (тебеняки) — верхняя одежда с капюшоном. В 1597–1604 гг. их было 8 шт., в 1613 г. — 10 шт., а в 1632 г. — 9 шт. (Опись СМ 1597 г., л. 114 об.; Опись СМ 1604 г., л. 116; Опись СМ 1613 г., л. 112; Опись СМ 1632 г., л. 164 об.). В 1640 г. упо-

мянуто *«девять тебеняков новых и подержанных»* (Опись СМ 1640 г., л. 158 об.).

Кожы судовые использовались во время плавания по морю в качестве покрывал. В 1651 г. относятся сведения о 12 кожах *«съемных»* (Книга 1651 г., л. 6). В 1704 г. значилось *«две кожи судовых покрывальных»*, одна *«кожа судовая»* была отдана в Сумский острог соборному иеромонаху Проклу (Книги 1704 г., л. 6, 9). Под 1705 г. упомянуты *«две кожи покрывальных судовых»* (Опись СМ 1705 г., л. 294), под 1708 г. — *«пять кож судовых покрывальных, ветхие»* (Книга 1708 г., л. 7 об.).

Медведна — медвежья шкура, использовавшаяся как покрывало во время зимних поездок. В 1632–1645 гг. их было 50 шт., в 1651 г. — 58 шт. (Опись СМ 1632 г., л. 165; Опись СМ 1645 г., л. 177; Книга 1651 г., л. 5 об.). 1 октября 1688 г. медведно было принято у курецкого соборного старца Лаврентия, *«да усолскаго старца Тарасия принято 2 медведна, одно большее, другое мало»* (Книги 1688–1691 гг., л. 2). В 1704 г. указано *«тринадцатъ медведин старых»* (Книги 1704 г., л. 6), в 1705 г. — *«одиннадцатъ медведен черных ветхих»* (Опись СМ 1705 г., л. 294). В 1708 г. в монастыре находилось *«четырнадцатъ медведен старых»* (Книга 1708 г., л. 7 об.), в 1712 г. — *«четырнадцатъ медведен черных старых и ветхих, медведно новое»* (Книги 1712 г., л. 9 об.). В 1714 г. добавилось еще *«медведно белое»* (Книга 1714 г., л. 7 об.) — шкура белого медведя.

Ольстры — седельные кобуры, кожаные футляры для ручного оружия (Квасневич В., 2007, с. 97). Приводим подборку сведений о них, начиная с 1676 г. *«Девяносто ольстров суконных и кожаных пищальных, и карабинных, и пистолных»* (Опись СМ 1676 г., л. 527 об.). *«Однакая малая пистоль медная и с олстрами»* (Книги 1688–1689 гг., л. 4 об.). *«Шестеры ольстры с сукнами и без сукон. Тритцатъ ольстръ пищальных, и карабинных, и пистолных кожаных»* (Книги 1704 г., л. 4 об.). *«Двадцатъ олстръ карабинных клеевых. Двадцатъ олстръ пистолных и карабинных кожаных. Шестъ олстр с сукнами»* (Опись СМ 1705 г., л. 293). *«Шестеры с ольстры с сумками и бес сумок. Тритцатъ ольстръ пищальных, и карабинных, и пистолных кожаных»* (Книга 1708 г., л. 5 об.). *«Пятнадцатъ олстр карабин-*

ных клееных. Пятнацать олстр пистольных и карабинных кожаных. Шесть олстр с сукнами» (Книги 1711 г., л. 192 об. — 193). «Шестеры олестры с сумками и без сумок. Тритцать олестров пицалных и карабинных и пистольных держаных и ветхих» (Книги 1712 г., л. 7). «Шестеры олстры пистольные. Тринацетъ олстров пицалных и карабинных и пистольных ветхих» (Книга 1714 г., л. 5 об.).

Палатки. В 1613 г. было всего две полотняных палатки, очевидно, в форме шатра. В 1632–1640 гг. значились 21 большая и одна малая палатка. В 1645 г. их стало 25 (Опись СМ 1613 г., л. 112; Опись СМ 1632 г., л. 165; Опись СМ 1640 г., л. 159; Опись СМ 1645 г., л. 177). Под 1651 г. упомянуты палатка игуменская, палатка столовая и еще 24 «малых палаток подержанных» (Книга 1651 г., л. 5 об.). В начале XVIII столетия осталось всего 2 палатки (Книги 1704 г., л. 6 об.; Опись СМ 1705 г., л. 294; Книга 1708 г., л. 7 об.; Книги 1711 г., л. 194; Книги 1712 г., л. 9; Книга 1714 г., л. 7). В конце XVIII в. оставалось «полаток полевых с прибором разных три» (Опись СМ 1788–1789 гг., л. 34).

Пологи «для покрытия ружей бисяжные» (т.е. из попон, бисяги). В книгах разных лет указано «28 пологов новых и держаных» (Опись СМ 1632 г., л. 165; Опись СМ 1640 г., л. 159; Книга 1651 г., л. 5 об.) и 17 шт. таких же (Опись СМ 1645 г., л. 177).

Полсти — подстилки, покрывала, занавесы (Даль В.И., 1882, т. 3, с. 219). Они подразделялись на пушенные и непущенные, белые и серые. В 1632–1640 гг. было «47 полстей новых и держаных» (Опись СМ 1632 г., л. 164 об.; Опись СМ 1640 г., л. 158 об.). В 1651 г. указано 53 полсти, среди которых находилась принадлежавшая игумену: «Полсть суконная игуменская синяя, да розхожих 37 полстей новых, держаных 15 полстей» (Книга 1651 г., л. 5). В книге 1704 г. всего указано 27 полстей. Сначала перечислены «две полсти пушенных; осьмь полстей непущенных белых и серых», затем приведены сведения о 16 полстях в палатке под денежной казной: «три полсти пушенных держаные да полсть пушенная ветхая; тринацать полстей белых и серых непущенные». Говорится и о 10 полстях в раздаче (Книга 1704 г., л. 6, 8–9, 10). К 1705 г. относятся

сведения о 16 полстях: «Да шесть полстей белых же и серых. Две полсти белые, опушены крашениною. Осьмь полстей белых же и серых неопущенных» (Опись СМ 1705 г., л. 294). В 1708–1712 гг. под денежной казной хранилось 19 полстей — «пять полстей пушенных обшитых, четырнадцатъ полстей необшитых новых» (Книга 1708 г., л. 7 об.; Книги 1712 г., л. 9). В промежуток времени между 1708–1711 гг. было выдано под расписку монахам и трудникам 12 полстей, из которых было 5 белых (Книга 1714 г., л. 9 — 9 об.). В 1714 г. значилось «шесть полстей обшитых держаных, в том числе две ветхи; девятнадцатъ полстей необшитых новых» (Книга 1714 г., л. 7 об.).

Пологи — реденькие покрывала, иногда шатром над ложем (Даль В.И., 1882, т. 3, с. 211). В середине XVII в. имелось «28 пологов новых и держаных» (Опись СМ 1632 г., л. 165; Опись СМ 1640 г., л. 159; Книга 1651 г., л. 5 об.). В 1645 г. их значилось 17 шт. (Опись СМ 1645 г., л. 177).

Сумки назывались по-разному и разного назначения. 1. Переметные «20-ры сумки переметных езжалых», т.е. «держаные ветхие» (Книга 1651 г., л. 5; Книги 1704 г., л. 6; Опись СМ 1705 г., л. 294 об.). 2. Выючные «6-ры сумки выючных» (Книга 1651 г., л. 5; Книги 1704 г., л. 6; Опись СМ 1705 г., л. 294 об.; Книга 1708 г., л. 7 об.; Книги 1712 г., л. 9 об.; Книги 1714 г., л. 7 об. — 8). 3. Хребетные — «сумка хребетная» (Книга 1651 г., л. 5). 4. Заплечные — «Десять сумок заплечных нерпячьих» (Книги 1704 г., л. 6 об.; Опись СМ 1705 г., л. 294 об.). «Пять сумок заплечных ветхих» (Книга 1708 г., л. 7 об.; Книги 1712 г., л. 9 об.; Книги 1714 г., л. 7 об.). О назначении некоторых сум говорится: «Для ношения зарядов кожаных сум с заматами и перевезми двенатцать» (Ведомость 1790б г., л. 5).

Чемоданы — общее название чехлов. Некоторые из них предназначались для знамен (Малов А.В., 2001, с. 8). В 1651 г. имелось 11 чемоданов (Книга 1651 г., л. 5), которые спустя столетия обветшали: «Осьмь чамоданов кожаных, в них три ветхих» (Книги 1704 г., л. 4 об.). В тот же год все чемоданы были розданы в дорогу монахам, монастырским слугам, мастерам (Книги 1704 г., л. 7 об. — 9). В 1705 г. в монастыре было «Осьмь чемоданов кожаных ветхих. Да в раздаче в посылках

17 чемоданов кожаных» (*Описи СМ 1705 г.*, л. 293). В 1708–1712 гг. чемоданов было 15 шт. (*Книга 1708 г.*, л. 5 об.; *Книги 1711 г.*, л. 193; *Книги 1712 г.*, л. 9 об.), а в 1714 г. зафиксировано «*двадцать два чемодана, в том числе осмь получемоданов держаных и ветхих*» (*Книга 1714 г.*, л. 8).

Чердаки — разновидность чехлов, в том числе для знамен и доспехов. В 1632–1651 гг. в монастыре насчитывалось «*два чердака, один кожаной с полами, а другой суконной лазорев*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 165; *Опись СМ 1640 г.*, л. 159; *Опись СМ 1645 г.*, л. 176 об. — 177; *Книга 1651 г.*, л. 5 об.).

Шатры использовались монахами и стрельцами во время дальних походов и путешествий. В 1613 г. было 8 шатриков (*Опись СМ 1613 г.*, л. 112). Далее упоминается «*шатер круглой с полами*» (*Опись СМ 1632 г.*, л. 165; *Опись СМ 1640 г.*, л. 159; *Опись СМ 1645 г.*, л. 177; *Книга 1651 г.*, л. 5 об.). К 1704 г. этот шатер обветшал: «*шатер с полами ветхий*» (*Книги 1704 г.*, л. 6 об.; *Книга 1708 г.*, л. 7 об.). В описях 1705 и 1711 гг. назван его материал — он полотняный (*Опись СМ 1705 г.*, л. 294; *Книги 1711 г.*, л. 194).

Япанчи (спанчи) — широкие плащи без рукавов. Они требовались для сторожевой службы и были удобны в походах и поездках. На рубеже XVI–XVII вв. их было сначала 33 шт., затем 36 шт. (*Опись СМ 1597 г.*, л. 114 об.; *Опись СМ 1604 г.*, л. 116; *Опись СМ 1613 г.*, л. 112), а в 1632 г. стало 115: «*Да 115 япанеч белых, и черных, и серых, новых и держаных*» (*Книги 1632 г.*, л. 164 об.; *Книги 1640 г.*, л. 158 об.). Вскоре число япанчей резко уменьшилось до «*76 япанев бѣлых, и черных, и сѣрых, новых и держаных*» (*Книги 1645 г.*, л. 176 об.); потом до «*япанеч новых черных, и белых, и серых 56*» и 8 подержанных (*Книга 1651 г.*, л. 5). В 1704 г. монастырскому слуге, московскому строителю, головщику и кормщику на время поездок было выдано 7 «*епанч*» (*Книги 1704 г.*, л. 8–9). В 1705 г. оставалось «*семь япанеч белых валяных, в том числе ветхих три япанчи, да в роздаче для посылок семь япанеч белых*» (*Опись СМ 1705 г.*, л. 294). Через три года имелось «*три япанчи новые, две япанчи самые ветхие*» (*Книга 1708 г.*, л. 8). Затем оказалась «*япанча серая малодержана*» (*Книги 1712 г.*, л. 9 об.), «*четыре япанчи валенных*» (*Книга 1714 г.*, л. 7 об.).

4.3.11. Пожарный инвентарь

Говоря о тактике поджога крепости во время ее осады, Ф. Ф. Ласковский писал о контрмерах, предпринимаемых осажденными: «*Оборонявшееся войско для предотвращения подобной опасности за благовременно приготавливало все средства к тушению пожаров при самом их начале*» (*Ласковский Ф. Ф.*, 18586, с. 209).

Книги оружейной казны позволяют сделать вывод, что только с самого конца XVII столетия Соловецкая крепость была оснащена специальным пожарным инвентарем: насосами с трубами, баграми и топорами. Появление данного инвентаря на Соловках произошло спустя полвека после выхода в апреле 1649 г. «Наказа о градском благочинии» царя Алексея Михайловича. Данным документом в городах была введена обязательная пожарная служба.

Насосы водяные. Первое свидетельство о них встречено под 1694 г. Упоминаются пожарные трубы, находившиеся в Святых воротах: «*Четыре трубы медных да пятая труба железная — пожарных*» (*Книга 1694 г.*, л. 3; *Книги 1694б г.*, л. 3; *Книга 1695 г.*, л. 2 об.; *Книга 1696 г.*, л. 3 об.); «*пять труб медных пожарных*» (*Книга 1703 г.*, л. 3; *Книга 1709 г.*, л. 3 — 3 об.). И только очень поздно, во время последней военной кампании со Швецией в конце 1780-х гг., появится сам термин: «*Насосов водяных медных пять*» (*Опись СМ 1788–1789 гг.*, л. 33 об.). Отметим соответствие числа насосов числу труб. Чуть позже их количество уменьшилось: «*Нососов водяных железных три*» (*Опись СМ 1795 г.*, л. 258).

Багры железные, которые могли применяться во время пожара для растаскивания горящих деревянных конструкций, хранились в воротах Никольской башни: «*Десять багров железных больших для пожарного времени*» (*Книга 1694 г.*, л. 5; *Книга 1694б г.*, л. 5; *Книга 1695 г.*, л. 4 об.). В 1696 г. названо 11 багров, а позже их количество стало прежним: «*Десить богров пожарных, в том числе один сломлен*» (*Книга 1696 г.*, л. 5 об.; *Книга 1703 г.*, л. 5; *Книга 1709 г.*, л. 5 об.).

Топоры как пожарный инвентарь в количестве 10 шт. находились при в Святых воротах, упомянуты только дважды (*Книга 1703 г.*, л. 3; *Книга 1709 г.*, л. 3 об.).

Анализ 27 описей оружейной казны Соловецкого монастыря позволил во всех деталях проследить состав вооружения Соловецкой крепости и его эволюцию. Описные книги конца XVI–XVIII столетий свидетельствуют о том, что на протяжении почти двух веков крепость была превосходно вооружена и снабжена всем необходимым для успешного отражения любого неприятеля.

Столь детальный расклад вооружения одной из древнерусских крепостей выполнен впервые. Со временем, когда подобные исследования будут осуществлены и для других фортификаций, станет ясна подробная общая картина вооружений русских крепостей эпохи позднего Средневековья и Нового времени. Тогда и возможно будет установить рейтинг их вооруженности в разные периоды.

ГЛАВА 5. КРЕПОСТЬ-ТЮРЬМА

В начале XVI столетия митрополитом и царем на Соловецкий монастырь была возложена обязанность изолировать от общества противников церковной и государственной власти, опасных преступников. Так на Соловках возникла церковная и государственная тюрьма. В этом нет ничего особенного: в русском, как и в западноевропейском, средневековые тюрьмы часто размещали в крепостях и в монастырях. Не стала исключением и Соловецкая обитель. В ее глухих камерах под надежными затворами узника могли погresti заживо.

У тех, кто перенес всю тяжесть пребывания в ее застенках и выжил, остались весьма тягостные впечатления. Выходец из тульских крестьян Авель, отсидевший с 1802 г. 11 лет в соловецких застенках за оскорбительные слова о царской фа-

мии, вспоминал: *«Десять раз был под смертью, сто раз приходил в отчаяние»*. Бывший белгородский губернский секретарь Максим Пархомов, оказавшийся в соловецких казематах при Елизавете Петровне, умолял *«с радостью души»* перевести его на каторжные работы *«из студеного, крайсветного, темного, нелюдимого острова, где не только здоровье человеческое, но и железа ржавеют»*. Удаленность и отрезанность острова от внешнего мира делали побег отсюда практически невозможным, хотя были и исключения. Ссылные были обречены здесь на *«неисходное содержание и вечные труды»*, *«на неисходное жительство»* (Описание документов, 1914, стб. 554; Гернет М.Н., 1960, с. 277–278; Фруменков Г.Г., 1968, с. 37–38). Соловецкая тюрьма просуществовала около 400 лет.

5.1. ИЗ ИСТОРИИ СОЛОВЕЦКИХ ТЮРЕМ

Тюрьма на Соловках возникла в первые десятилетия XVI в., еще при московских князьях, а упразднили ее в 1903 г. при императоре Николае II. Как отметил историк А.А. Савич, на Соловки высылали *«за измену»*, *«воровство»*, *«дурость»*, *«продерзновенное житье»*, *«богохульние»*, *«непристойные речи»*. Среди заключенных были бунтовщики, государственные преступники, раскольники, бродяги, убийцы, фальшивомонетчики и пр. (Савич А.А., 1927, с. 1). Усилиями исследователей М.А. Колчина и Г.Г. Фруменкова, авторов двух наиболее полных трудов об узниках соловецких застенков, составлен весьма обширный, хотя и не окончательный перечень заключенных. Он восстановлен буквально по крупицам

(Колчин М.А., 1908; Фруменков Г.Г., 1965; 1968).

Одним из первых обитателей соловецких застенков оказался противник официальной церкви, сторонник движения нестяжателей Сильван, считавший себя последователем известного философа и публициста Максима Грека. Здесь он и закончил свой жизненный путь в конце 1520-х гг. Нестяжатели обличали ростовщичество монастырей, их тяжбы из-за земли, спекуляцию хлебом в голодные годы. Выступали они и против монастырских вотчин.

Второй соловецкий узник — игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий — также пострадал из-за своей приверженности к идеям нестяжательства. Он резко

осуждал монастырское землевладение, настаивал на рационалистическом пересмотре церковной литературы. Собор 1553 г. обвинил его в ереси. Сопроводительная грамота митрополита Макария предписывала игумену Филиппу содержать Артемия *«внутри монастыря с великою крепостию и множайшим хранением, заключену ж ему быти в некоей келье молчательной, да яко и тому душевредный и богохульный недуг от него ни на единого же да не распространится»*. Тем не менее узнику удалось бежать с Соловков в Литву.

Третьим заключенным в Соловецкий монастырь стал протопоп Сильвестр, некогда могущественный и влиятельный человек из окружения царя Ивана Грозного. В 1560 г. его обвинили в отравлении жены Грозного, царицы Анастасии, и сослали в монастырь, где он принял монашеский постриг.

На рубеже XVI–XVII столетий в соловецких застенках пребывали двое именитых заключенных: Авраамий Палицын и царевич Симеон Бекбулатович. Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванович) происходил из древнего дворянского рода. На Соловки его сослал в 1588 г. царь Федор Иванович. Полагают, что Палицын стал жертвой дворцовых интриг: царедворец Борис Годунов заподозрил его в заговоре бояр Шуйских. В монастыре Палицын принял монашество. В 1594 г. его перевели в Троице-Сергиев монастырь, где он стал келарем. В течение 16 месяцев, с сентября 1608 по январь 1610 г., Палицын активно участвовал в обороне Троицкого монастыря от польско-литовских войск и описал эту осаду. В 1620 г. соловецкий пострижник Авраамий приехал на Соловки, чтобы провести здесь последние годы жизни. Он скончался через семь лет. Его могила расположена у южной стены Преображенского собора.

Крещеный татарский царевич Симеон Бекбулатович провел в соловецкой тюрьме шесть лет (1606–1612 гг.). В молодости Симеон был любимцем Ивана Грозного, который даже на короткий срок, с осени 1575 до лета 1576 г., передал ему царскую власть над всей Россией, а сам остался великим московским князем. Симеон попал в опалу при Борисе Годунове, лишившем его царского звания и отправившем в Тверь. Лжедмитрий I за антипольские

настроения приказал постричь бывшего царевича в монахи Кирилло-Белозерского монастыря. А пришедший к власти Василий Шуйский указом от 29 мая 1606 г. велел упрятать Симеона в Соловецкий монастырь. Боярский царь мстил Симеону за близость его к своим противникам — Мстиславским. И только по распоряжению Дмитрия Пожарского от 25 июля 1612 г. слепого старца перевели в Кирилло-Белозерский монастырь, где он скончался спустя четыре года.

Реформы патриарха Никона, приведшие к глубокому расколу русского общества, отразились на составе заключенных Соловецкого монастыря. Во второй половине XVII в. в его застенках томились противники патриарха-реформатора: управляющий печатным двором князь Львов и архимандрит Саввино-Сторожевского монастыря Никанор.

В XVIII столетии количество заключенных увеличилось. Самым именитым был Петр Алексеевич Толстой, любимец Петра I, дипломат, сенатор с чином тайного советника, лейб-гвардии капитан, президент коммерц-коллегии, управляющий тайной канцелярии. Манифест Петра II от 27 мая 1727 г. объявлял его и его сына Ивана мятежниками, решившими выбрать императора по своей воле. Сначала Петр Толстой как организатор заговора против Петра II был даже приговорен к смертной казни, но Екатерина I заменила ее на ссылку в Соловецкий монастырь. Толстые не выдержали заточения. Иван Толстой умер в 1728 г., а Петр Алексеевич — в январе 1729 г.

Василий Лукич Долгорукий — сенатор, князь, сподвижник Петра I, воспитатель Петра II Алексеевича. Его объявили государственным преступником за то, что он, будучи членом Верховного тайного совета, попытался ограничить власть императрицы Анны Ивановны и находящегося при ней Бирона. Указом от 14 июля 1730 г. Долгорукого направили на Соловки. 4 августа его заключили в ту же келью, где ранее сидели Толстые. В 1739 г. выявились какие-то новые обстоятельства дела В.Л. Долгорукова. Его вывезли в Нижний Новгород и там отрубили голову.

После упразднения Запорожской Сечи в соловецкие застенки был заключен последний кошевой атаман Петр Калнышев-

ский. Здесь он просидел с 1776 по 1801 г. В возрасте 110 лет бывшего запорожца освободил именным указом Александр I. Но старец не пожелал возвращаться на родину и остался в монастыре, где умер на 112-м году жизни.

Можно перечислять и перечислять соловецких узников... Среди них мы найдем рядового матроса Никифора Куницына, крестьянина Василия Щербакова, раскольников Афанасия Белокопытова, Григория Дружинина, декабриста Александра Горюжанского, членов тайного кружка братьев Критских, участников Казанской демонстрации 1876 г. М. Григорьева и Я. Потапова. Познали застенки соловецких казематов даже иностранцы: француз Август Турналь, испанец Николай де Мелло, грек Арсений, румыны Михаил Ратицов и Михаил Попескуль.

Осенью 1903 г. тюрьма на Соловках была упразднена, поскольку к этому времени монастырь стал местом всероссийского массового паломничества. В стране же имелись другие места для размещения заключенных и ссыльных, например Сибирь.

Первые тюремные помещения на Соловках появились еще в период, когда постройки монастыря были сплошь деревянные. По-видимому, под тюрьму, где сидел вышеупомянутый нестяжатель Сильван, переоборудовали обычную келью, которая, как и весь монастырь, сгорела в испепеляющем пожаре 1539 г. В деревянной «*келье молчательной*» отстроившегося монастыря сидел и второй узник — игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий. Но каменное строительство, развернувшееся в монастыре во второй половине XVI в., кардинально изменило характер тюремных помещений. Они прочно разместились в каменных строениях. Длительное время на Соловках не было единого тюремного здания. Узников помещали в отдельных тюрьмах-казематах в разных частях обители. Только в 1798 г. на северном дворе монастыря, близ Корожной башни, выгородили специальный тюремный двор и под тюрьму отвели стоявшую здесь Иконописную палату, возведенную еще в 1615 г. Эта тюрьма просуществовала до 1903 г.

Наиболее полно о составе и характере ранних тюрем-казематов, существовавших

в монастыре до конца XVIII в., мы впервые узнаём из описи тюрем Соловецкого монастыря 1743 г. и плана того же времени. Оба документа относятся к первым годам правления императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.). Тогда возник скандал по поводу так называемых «*земляных тюрем*», где якобы людей гноили заживо.

Слухи об ужасных подземных тюрьмах дошли до Петербурга в 1741 г. Уже 20 января 1742 г. императрица подписала указ, предписывавший засыпать в Соловецком монастыре все подземные ямы для колодников. В ответ на него соловецкий архимандрит Геннадий направил донесение архангелогородскому архиепископу о том, что в «*Соловецком монастыре подземных тюрем прежде сего не имелось и ныне подлинно нет, а которые тюрьмы и есть, и те все поземные, тяжкие каменные, а не подземные*» (Дело 1758 г., л. 3 — 3 об.). На заседании 2 августа 1742 г. Синод высказал недоверие заверениям соловецких монахов о том, что у них нет подземных тюрем. Основанием послужило якобы доношение архангельского архиепископа Варсонофия, указавшего на «*подземные*» Кoroжную и Головленкову тюрьмы. Синод отнесся к сведениям, сообщенным Варсонофием, как к показаниям свидетеля, «*яко бывшему в том монастыре двадцать лет архимандритом и о той тюрьме весьма знающему*» (Дело 1742–1743 гг., л. 6 об.).

Между тем 3 июля 1743 г. архиепископ Варсонофий составил «Опись находящимся в Соловецком монастыре тюрьмам», среди которых не было ни одной подземной (Дело 1758 г., л. 12 — 12 об.; *Описание документов*, 1914, стб. 50–51). Всё утихло. Но почему-то спустя 15 лет, 19 января 1758 г., последовал новый указ императрицы о соловецких тюрьмах. В его исполнение 25 января Сенат велел «*для осмотру зделанных в Соловецком монастыре ради колодниковъ в земле погребовъ отправить из оной канцелярии нарочного штапъ-афицера немедленно и тому сенаторскому курьеру ехать при нем, и ежели те, зделанные в земле погреба поныне еще имеются и не засыпаны, то ему, нарочно посланному, велеть при себе оные неотменно засыпать все, и буде во оныхъ есть колодники, техъ толко вывести из оныхъ тюремныхъ погребовъ в другие места, куда пристойно, однако не свободждать*». Но «по

осмотру посланных архангелогородского гарнизона секунд-маэра Ивана Путимцова и сенатского куриера Василья Степанова ни одной подземной тюрьмы не выявилось» (Дело 1758 г., л. 4, 8 об.). Дело было окончательно закрыто и погребено в архиве, зато историки получили удивительные по полноте документы, дающие подробное представление о девяти соловецких тюрьмах начала 1740-х гг.

Первым важнейшим архивным документом является план тюрем Соловецкого монастыря с их перечнем. Правда, дата его не указана, но она устанавливается на основании явной приуроченности плана к письму Варсонофия от 3 июля 1743 г. с той же нумерацией тюрем (План 1743 г.). План без комментариев издал В.В. Скопин, автор нескольких книг о Соловецком монастыре (Скопин В.В., Щенникова Л.А., 1982, с. 75, рис. 65). Размер плана 41,5 × 63 см. На нем дан реестр и представлены в рисунке изображения всех девяти тюрем Соловецкого монастыря (ил. 1209). Бумага имеет водяной знак в виде букв «РФ» («Русская фабрика»), что соответствует времени. Данная филигрань известна на документах 1734–1744 и 1742 гг. (Кукушкина М.В., 1958, с. 297–298; Лихачев Н.П., 1891, табл. 579). Второй документ — «Опись находящимся в Соловецком монастыре тюрьмам» — составлен летом 1743 г., издан в 1914 г. (Описание документов, 1914, стб. 889–991). Сопоставляя сведения двух исторических источников, ознакомимся с соловецкими тюрьмами. Достаточно крупное изображение этих тюрем на рисунке позволяет разглядеть многие детали.

Начнем с Салтыковой тюрьмы, указанной на плане под №3. Она находилась в помещении под каменным крыльцом, ведущим на второй этаж в Келарскую палату. Сама палата являлась частью комплекса Успенской церкви с трапезной. Документ 1743 г. описывает ее следующим образом: «[При] Успенской церкви под выходным каменным крыльцом в северную сторону подле хлебопекарной печи (от которой в той тюрьме находится тепло); внутренняя теплая палатка длиною 5 аршин 10 верхов, шириною 2 аршина 3 четверти. У ней двери железные, предсенник каменный с дверми стоячими тынами, длиною 5 аршин, шириною 3 аршина 3 четверти». На момент

составления описи здесь содержался расстрига Матвей Непеин, сложивший с себя духовный или монашеский сан.

На время начала функционирования данной тюрьмы указывает царская грамота 1647/1648 гг. игумену Илье (Пестрикову) «о сыльном воре Ивашке, которой назвался Салтыковым» (Опись СМ 1676 г., л. 439 об.).

Из описания Салтыковой тюрьмы следует, что условия пребывания в ней были вполне сносные. От размещавшейся в соседнем подклете печи сюда поступало тепло. Тюрьма состояла из основного помещения (каменной палатки) и каменного предсенника. Последний снаружи был перегорожен тыном из вертикально поставленных бревен. Бревенчатый фасад Успенской тюрьмы и запечатлел художник на рисунке 1743 г. Бревна тына обозначены вертикальными линиями. Внизу по центру на уровне земли их разрывает белый прямоугольник низкой двери. Г.Г. Фруменков, изучивший дело сидевшего в этой тюрьме в 1791 г. разжалованного поручика русской армии Михаила Попескуля, выходца из румынской знати, оставил несколько ценных наблюдений. Он отметил, что внутренний погреб имел перегороженное железными прутьями окошко и двойные двери, закрываемые на замок: внутренние железные и наружные деревянные (Фруменков Г.Г., 1968, с. 105). Помещения Салтыковой тюрьмы не сохранились. Они были разобраны вместе с упраздненной каменной лестницей.

Под №6 фигурирует тюрьма «под Келарскими кельями» (позднее Благовещенский корпус). Она занимала подклет корпуса, в котором проживал келарь — монах, ведавший хозяйством Соловецкого монастыря. На рисунке 1743 г. эта тюрьма изображена к югу от надвратной Благовещенской церкви, неподалеку от Святых ворот. На второй этаж келарских апартаментов ведет деревянная лестница. А под ней, на уровне первого этажа, нарисованы два дверных проема. Здесь было два тюремных помещения. Они соответствуют двум бывшим монашеским кельям №55 и 56 середины XVII в., поверх которых тогда размещались гостиные кельи (Буров В.А., 2011а, с. 254–255). Надо полагать, что именно в данных кельях-тюрьмах в 1727–1728/1729 гг. отбывали срок графы Толстые. Их, как известно,

поместили в тесный и темный наземный каземат. По дошедшему до нас описанию, келья П.А. Толстого находилась именно к югу от Святых ворот. Здесь было так сыро, что одежда на графе сгнила за полтора года (*Фруменков Г.Г.*, 1968, с. 45). В то время эта тюрьма называлась Антоновская. В 1730–1739 гг. в ней сидел другой вельможа — В.Л. Долгорукий.

Под № 7–9 на плане 1743 г. отмечены три тюрьмы «на мельничном валу под кельями с южной стороны» (Святительский корпус). Здесь изображена келейная застройка в южной части монастыря сплошным рядом с выступающими помещениями задних келий с двухскатными кровлями. Входы обозначены прямоугольниками дверных проемов. Цифры 7, 8, 9 стоят как раз напротив этих дверей, из чего следует, что именно в задних кельях с южной сторо-

ны и располагались указанные три тюрьмы. Художник дал их точную привязку, нарисовав рядом с ними в южной келейной стене проездные ворота на Мельничный двор. Это кельи № 43–45 по описи 1641–1674 гг. Что касается Мельничного вала, упоминаемого в надписи на плане 1743 г., то на самом рисунке он никак не обозначен. Как следует из источников, вал — сплошная застройка из келий, объединенных в один ряд (*Буров В.А.*, 2011а, с. 75–76, рис. 184). Тюрьмы № 7–9 не сохранились. На их месте в 1799 г. воздвигли церковь св. Филиппа. Разрушены были и арочные ворота.

Наше особое внимание должны привлечь сюжеты, связанные с использованием крепости под тюремные казематы. Три тюрьмы размещались в толще крепостных стен — Корожная, у Никольских ворот и Головленкова.

5.2. КОРОЖНАЯ ТЮРЬМА В ПЕЧУРЕ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ

Под № 1 на плане 1743 г. значится Корожная тюрьма — «Корожная», располагавшаяся рядом с одноименной башней в северо-западном углу монастыря. Она занимала печуру № 19 подошвенного боя крепостной стены. Опись этого же года сообщает о ней следующее: *«Первая, называемая Корожная, подле башни, именуемой Корожней, в городской стене с северную сторону, в первой бойнице (где в случае пушку станowiąт) поверх земли, длиною и шириною по 4 аршина (1 аршин = 71 см. — В.Б.)»*. Обращают на себя внимание два слова — «поверх земли». Тем самым особо подчеркнуто, что никакого пола, кроме земляного, в этой тюрьме не было.

На плане 1743 г. художник нарисовал условно наклонно Корожную башню, а правее ее — печуру, имеющую наружную кирпичную стену. Старательно вырисованы кирпичики. Обозначен прямоугольный дверной проем. Мелкие штрихи видны и на фоне двери, что соответствует сообщению о закладке двери Корожной тюрьмы камнем. Художник уже не смог изобразить частокольную ограду. К моменту создания рисунка специальный тын перед тюрьмой, состоявший из вкопанных в землю длинных заостренных вертикально поставленных бревен, был разобран.

В настоящее время половина печуры закрыта более поздними пристройками. Частично сохранилась кирпичная кладка внешней стены Корожной тюрьмы. Можно только представить, каково было узнику находиться в этом сыром, холодном, с земляным полом помещении. Недаром Корожная тюрьма считалась *«первотяжкой»*. В протоколе заседания Синода от 2 августа 1742 г. записано по донесению архангелогородского архиепископа Варсонофия: *«Известие есть, что тюрьма тамо подземная темная, называемая Коржняя есть, в которой напредь сего содержался монах Подвинской»* (Дело 1742–1743 гг., л. 6 об.).

Первое обследование, точнее осмотр, этой тюрьмы провел А.П. Иванов во главе комиссии историко-археологической секции Соловецкого общества краеведения. В статье 1927 г. он дал ее описание, искажив при этом ее название — Корожанская. Печуру нижнего боя он назвал нишей-камерой, указал размеры (*Иванов А.П.*, 1927б, с. 14–16).

В 1989 г. археолог А.Н. Рябцев, по заданию А.Я. Мартынова, раскопал Корожную тюрьму. Помещение оказалось заполнено мусором XX в. (*Мартынов А.Я.* рук., 1990 г.).

5.3. Поиски Корожной тюрьмы в Корожной башне

Первые сведения о тюрьме в Корожной башне привел в книге 1825 г. архимандрит Макарий: *«Под ней была огромная пресстрашная, вовсе глухая подземная тюрьма, называемая Коржня»* (Макарий, 1825, с. 45). Источник этих сведений остался неизвестен. Спустя 11 лет архимандрит Досифей объяснял происхождение названия Корожной башни *«по имени тюрьмы, в древнее время здесь находившейся»* (Досифей, 1836, ч. 1, с. 256). На существовании тюрьмы в Корожной башне настаивают многие авторы, в частности А.С. Пругавин: *«Корожная башня с земляными тюрьмами»* (Пругавин А.С., 1905, с. 86).

М.А. Колчин предполагал, что внутри башни было несколько земляных тюрем, хотя делал оговорку, что во время посещения монастыря в 1880-е гг. их лично не видел. Вход в башню был замурован. Тем не менее он утверждал: *«По старинным описаниям земляных тюрем, это были вырытые в земле ямы аришина три глубины; края у них были обложены кирпичом; крышка состояла из досок, на которые была насыпана земля. В крышке находилось небольшое отверстие, закрываемое дверью, запирающееся на замок, в которое опускали и поднимали узника, а равно подавали ему пищу. Для спанья пол устилался соломой. Были ли в этих погребах печи, наверное сказать не могу. Так как почвенный уровень воды в Соловках стоит на трех четвертях, то эта башня, обрытая с возвышенной северной стороны глубоким рвом, единственная, в которой возможно было устроить земляные тюрьмы»* (Колчин М., 1908, с. 12). Из приведенного описания следует, что глубина ям в башне могла составлять одну трехаршинную сажень, т.е. 2,13 м. Эту точку зрения затем разделял Д. Венедиктов-Безюк, писавший, что Корожная башня называлась по тюрьме, здесь имелась *«вовсе глухая подземная тюрьма»* (Венедиктов-Безюк Д., 1930, с. 79).

Г.Г. Фруменков полагал, что монахи сознательно скрывали факт существования тюрем в Соловецком монастыре и потому во всех официальных запросах правительства о таковых тюрьмах они упорно их отрицали. Исследователь приводил текст постановления Синода от 20 мая 1721 г., согласно которому Захару Патоке, распо-

лагавшему сведениями о заговоре Мазепы, был вынесен приговор: *«...вырезать язык и сослать в Соловецкий монастырь в заточение в Корожанскую тюрьму вечно»* (Фруменков Г.Г., 1968, с. 32, 61–62). Архангелогородский епископ Макарий в XIX в. также писал о существовании подземных тюрем в Соловецком монастыре (Макарий, 1825, с. 35; Фруменков Г.Г., 1968, с. 11).

Выбор места раскопок в Корожной башне предопределили детские воспоминания К.П. Гемп, которая в 1909–1910 гг. якобы видела земляную тюрьму. Яма располагалась при входе в башню *«слева от столба»*. (Кирпичный столб расположен на первом ярусе башни и ныне.) Закрывалась она двустворчатыми дверками. В каждой створке по окошку. Между ямой и столбом был проход. Эти сведения перед началом раскопок были сообщены мне директором Соловецкого государственного музея-заповедника Л.В. Лопаткиной. По ее инициативе в сентябре 1976 г. и были осуществлены исследования (Буров В.А. рук., 1976).

Раскоп 4×3 м был заложен с южной стороны центрального кирпичного столба 1-го яруса башни. Ориентирован строго по сторонам света, разбит на 12 квадратов размером 1×1 м каждый. Исследования велись по слоям.

Слой I (0,2 м) — вымостка из валунных камней в поперечнике 0,2–0,4 м, промежутки между которыми заполнены более мелкими камнями диаметром до 10 см (ил. 1210). Большинство крупных камней уплотненные или расколотые, т.е. специально подобраны для вымостки. Камни уложены на песчаную подушку, промежутки между ними заполнены крупнозернистым песком. Качество вымостки плохое. Ее поверхность неровная вследствие того, что мелкие камни оказались втоптаннами в песок. Вымостка имеет уклон в юго-западную сторону. Под песком прослойка 3–5 см из угольков, щепы, черной земли. Она прослежена во всех профилях. Ее происхождение может быть связано с пожаром 1818 г., когда в Соловецком монастыре *«погорели с северной стороны две башни (речь идет о Корожной и Никольской башнях. — В.Б.)... всё совершенно починкою исправлено 1820 года на монастырскую сумму»*;

«Корожная и Никольская с трехъярусными полами <...> 1818 погорели, а 1820 годов возобновлены совершенно» (Макарий, 1825, с. 46; Досифей, 1847, с. 143). Это единственное известие о пожаре Корожной башни за ее длительную историю. В таком случае каменная вымостка Корожной башни датируется временем не ранее 1820 г.

Слой II — подсыпка толщиной 0,08–0,2 м светло-серого мелкого песка с включением небольшого количества мелких камней и гальки. Поверхность слоя неровная, изобилует впадинами (ил. 1211).

Слой III — темно-коричневый песок вперемешку с темно-коричневой глиной мощностью 0,12–0,22 м. Включения — отдельные валуны, галька. Трудно увидеть здесь систему выстилки. Скорее всего, это подсыпка. В западной части раскопа выявлено пятно черного цвета подпрямоугольной формы с четкими краями (ил. 1212). Длина его сторон $1,86 \times 1,37$ м. Толщина 4–5 см. Его заполнение — черная земля с углем. Под пятном песок темно-коричневого цвета, как и на остальных квадратах. Первоначально оно было принято за контур земляной ямы. Его происхождение, очевидно, связано с каким-то сгоревшим щитом, досками или дверью.

Слой IV — темно-коричневый песок с включением глины; мощность 0,2–0,3 м (ил. 1213).

Наконец, материк — плотная светло-серая глина. Покатость материка в юго-западную сторону. Фиксация его на всех

квадратах снимает вопрос о расположении земляной тюрьмы в Корожной башне к югу от столба.

В ходе раскопок удалось сделать стратиграфическое наблюдение у основания восьмигранного кирпичного столба. Оказалось, что непосредственно под столбом прослежено четыре слоя. Фундамент столба не заглублен, а покоится на самом верхнем слое (ил. 1214). Причем камни фундамента уложены не на самой выстилке, а на мусоре (угли, обломки битого кирпича, земля и т. д.), который перекрывал эту выстилку. Если слой I датируется нами не ранее 1818 г., то соответственно и кирпичный столб появился еще позднее. Следовательно, он не является современником крепости XVI в. и не может быть признан чертой оборонного зодчества Соловков, как об этом писали некоторые архитекторы. Высказывалось мнение, что «этот столб с опирающейся на него круглой деревянной стойкой диаметром 1,1 м, которая сохранилась в пределах второго яруса, должен был поддерживать шатровую кровлю башни» (Максимов П. Н., Свирский И. Я., 1958, с. 115–116). В. В. Косточкин, отметивший отсутствие данного столба на чертеже 1790 г. и потому датировавший столб более поздним временем (Косточкин В. В., 1972, с. 37), оказался прав. Мы полагаем, что столб мог появиться как следствие пожара, чтобы подпереть балки перекрытия между первым и вторым ярусом.

5.4. ТЮРЬМА У НИКОЛЬСКИХ ВОРОТ

Тюрьма возникла поздно. В 1676 г. ее не было. Опись 1676 г.: «У Никольских ворот в городской стене в бойнице пушка медная, хвост железной, дробовик — отрывок» (Опись СМ 1676 г., л. 558).

Участок стены между Никольской башней и Пристенком знаменит в истории Соловецкого монастыря своей тюрьмой. В описи 1705 г. о ней говорится: «У тех ж Николаевских ворот в городской каменной стене тюрьма камена. У той тюрьмы в дверях затвор окован железом, перед тою тюрьмою ради крепости от городской каменной стены с трех стран тын стоячей деревянной, тот тын весь покрыт тесом

в две тесницы и прибит тот тес весь гвоздем железным. В той тюрьме ссыльные люди, которые сосланы в Соловецкий монастырь по указу великого государя и по грамотам, а велено их держать в крепкой тюрьме. Монах Иоаникей Лопухин, монах Иоасаф Подвинской, монах Нифонт Полян» (Опись СМ 1705 г., л. 323 об.).

Опись 1743 г. дает следующее описание тюрем: «Третья и четвертая — у Никольских ворот в городской же стене (в нижних) в две бойницы. Первая от ворот длиною 3 аршина 14 верхов, шириною 6 аршин 1 четверть; вторая — длиною 5 аршин, шириною 5 же аршин 3 четверти. Перед

ними два тына (или полисада) деревянных в 6 аршин с половиною ж. В них одной связи с покрывкою, длиною каждой по 5 аршин с половиною, шириною по... (пропуск. — В.Б.) содержатца порознь рострига Буяновский да бывшей Мошнегорского монастыря игумен раскольник Иоасаф» (Фруменков Г.Г., 1968, с. 11). Из описи явствует, что высота частокола составляла 4,5 м.

Изображение данных тюрем имеется на плане 1743 г. (№ 4 и 5). В названии их дана топографическая привязка: «у Никольских ворот». Никольские ворота располагались в проездной Никольской башне в северо-восточном углу крепости. Из рисунка мы узнаём, что эти две тюрьмы находились к югу от Никольской башни в примыкании к ее воротам. Художник показал длинную одноэтажную пристройку с односкатной дощатой крышей и двумя малыми прямоугольниками дверных проемов. Ее стены не похожи на тын. Скорее всего, это и есть палисад-ограда описи, точнее, некое бревенчатое сооружение наподобие тамбура. Над крышей возвышаются две трубы. Они явно указывают на наличие в данной пристройке двух печей, очевидно, для ох-

раны. Два входа и две печи подчеркивают изолированность двух тюрем.

В книге архимандрита Макария о тюрьме упомянуто кратко: «*близ сих (ворот под Никольской башней. — В.Б.) были в бойнице две темные тюрьмы*» (Макарий, 1825, с. 46). О двух тюрьмах в ближайших печурах к Никольской башне пишет и Досифей (Досифей, 1836, ч. 1, с. 257).

Время уничтожило следы данных двух тюрем в печурах нижнего боя. Крайняя северная тюрьма из них под № 4, ближайшая к Никольской башне, была полностью разрушена в XIX в. На ее месте (печура № 28) в крепостной стене сделали большой арочный проезд, который получил название «Никольские ворота». В наше время это основной проезд в монастырь со стороны поселка. Вторая печура № 29, что южнее (тюрьма № 5), оказалась присыпана землей. Здесь вырос культурный слой, который сверху был подрезан «стараниями» монахов начала XXI в. Следы «*полисада*», возможно, еще сохраняются в земле и со временем их, как и остатки Никольской тюрьмы, смогут изучить археологи.

5.5. Головленкова тюрьма

Как уже отмечалось, под № 2 на рассматриваемом нами плане 1743 г. указана Головленкова тюрьма. Она размещалась в толще восточного прясла, что со стороны Святого озера, в третьей печуре подошвенного боя к северу от Архангельской башни. В отличие от прочих зияющих чернотой печур художник залил ее серым цветом и покрыл мелкими штрихами. Всё это производит впечатление стены, наглухо закрывавшей вход.

Опись 1743 г. сообщает об этой тюрьме достаточно подробные сведения: «*Вторая, называемая Головленкова, в городской же стене, с востока в бойнице, по сторонам две палатки в стене же. В первой палатке с южной стороны внутри длиною пять аршин, шириною четыре аршина; вторая в северную сторону, длиною и шириною по четыре аршина*». Головленкова тюрьма названа «первотяжской». В примечании отмечено, что дверь заложена камнем, а ранее находившийся при ней тын «отнесен прочь».

Из всех вышеперечисленных тюремных казематов Соловецкого монастыря Головленкова тюрьма представляет наибольший интерес. Обращает на себя внимание ее расположение в специальных палатках в толще самой крепостной стены. Перед нами явно не ординарный памятник средневекового зодчества. Если предположить, что тюремные помещения были специально построены в крепостной стене, а не приспособлены под нее, то это в корне может поменять общее представление о самой крепости: Соловецкая крепость, возведенная 1582–1595 гг., изначально должна была выполнять отнюдь не только оборонительные функции. Она возводилась и как крепость-тюрьма.

Последней точки зрения придерживался исследователь начала XX в. М.А. Колчин, который писал: «*Местами заключения для ссылочных подначальных людей в XVI, XVII, XVIII столетиях служили казематы, построенные в стенах и башнях*

монастырской крепости <...> соловецкий монах Трифон немало поработал, чтобы устроить внутри крепостной стены такие казематы, из которых не только не мог бы выйти заключенный, но и свет Божий только украдкою входил бы в эти гробы для живых людей» (Колчин М.А., 1908, с. 11–12). Однако советский историк Г.Г. Фруменков рассматривал появление тюрем в крепости как вторичное явление: «По замыслу архитектора каменные мешки должны были служить погребам для снарядов и пороха в военное время, но предприимчивое монастырское начальство нашло для них другое применение. Погребов превратили в казематы монастырской тюрьмы» (Фруменков Г.Г., 1968, с. 9). Головленкова тюрьма в пещуре № 47 является тем объектом, с помощью которого можно решить данный исторический спор.

5.5.1. Узники Головленковой тюрьмы

Свое название Головленкова тюрьма получила, очевидно, по имени первого узника — Ивана Головленкова. Сведения о нем собрал В.Б. Кобрин, занимавшийся изучением состава опричного двора Ивана Грозного (Кобрин В.Б., 1960, с. 35–36; 1972, с. 283). По материалам данных статей торжокский краевед В. Суслов написал в местной газете заметку «Башня Головленкова» (Суслов В., 1975)¹.

Было два брата — Афанасий Васильевич и Иван Васильевич Головленковы, мелкие дворяне из Торжка. Оба они являлись участниками походов на Девлет-Гирея в сентябре 1570 г. и летом 1571 г., а весной 1572 г. — на шведов. При этом Афанасий был сначала поддатней ко второму саадаку, а затем к большому саадаку у царевича Ивана Ивановича. В 1573 г. он даже присутствовал на свадьбе принца Магнуса. Иван Головленков был также поддатней сначала к доспеху, а затем к шелому у царевича. В 1569/1570 гг. Иван Головленков совершил дерзкий поступок, незаконно завладев вотчиной С.В. и Н.В. Ергольских и А.И. Бурухина, высланных в земщину.

В 1581/1582 гг. Иван Головленков купил за 80 руб. вотчину в Переславльском уезде, село Терпилово у И.И. Бобрищева-Пушкина. В 1580 г. он сделал вклад в Троице-Сергиев монастырь в размере 100 руб. Выступал Иван также в качестве послуха при данной Троице-Сергиеву монастырю опричника князя Г.П. Бельского на вотчину в Тверском уезде. В.Б. Кобрин также установил, что сестра Головленковых Мария была замужем за князем Г. Долгоруковым. Но под конец жизни, замечает исследователь, Иван Головленков оказался замешан в каком-то серьезном деле и попал на Соловки. В архивной описи Соловецкого монастыря 1733 г. сообщалось, что в ящике 22 хранились «две грамоты царей Бориса Федоровича, Василия Ивановича о присылке в монастырь в тюрьму Ивана Головленкова, он же и старец Иосиф, и велено его держать в тюрьме к стене прикована в железа» (выделено нами. — В.Б.), 7095 и 7114 году» (Кобрин В.Б., 1960, с. 35–36). Грамота 7114 (1605/1606) г. «Соловецкого монастыря к игумену Антонию о Иване Головленкове» действительно существовала (Опись СМ 1676 г., л. 427 об.; Белокуров С.А., 1888, с. 67, № 2470).

Приведенные материалы чрезвычайно ценные, поскольку они позволяют установить, что на Соловки Иван Головленков был сослан по грамоте всесильного Бориса Годунова еще при царе Федоре Ивановиче в лето 7095, т.е. не позже 1 сентября 1586 г., но до 31 августа 1587 г. Напомним, что Годунов стал царем гораздо позже, 17 февраля 1598 г. Ссылка Ивана Головленкова состоялась на четвертый или пятый год после начала строительства крепости. Но вопрос о начале функционирования тюрьмы в прясле крепостной стены остается открытым. Не исключено, что она могла принять первого узника до официального введения в строй данного фортификационного сооружения². Он оказался первым заключенным в данное тюремное помещение. В связи с этим и саму тюрьму стали называть по его имени.

Вторую грамоту лета 7114 (1605/1606 гг.) Василия Шуйского можно было бы считать подтверждающей

¹ Приношу благодарность тверскому археологу П.Д. Малыгину за данное сообщение.

² Как уже отмечалось в гл. 2, в 1594 г. крепость осматривалась специальной комиссией, в целом принявшей объект, а в 1595 г. была достроена Белая башня.

на продление пребывания Головленкова в тюрьме, как считал В. Б. Кобрин, если бы не выявленная нами запись от 1 мая 1607 г. в приходо-расходных книгах: *«Дано старцу Иосифу Головленкову 5 рублей денег, как поехал был к Москве по государеве грамоте, а в тех место денег на Москве старец Пратасей взял у его сына у Офонася Головленкова»* (ПРК 1602–1608 гг., л. 197). Документ многое проясняет. Иван стал монахом под именем Иосифа и был вызван в Москву. То есть грамота 7114 г. нового царя Василия Шуйского освобождала принявшего постриг Головленкова из тюрьмы. Время ее написания должно относиться к концу 1606 г., так как избрание нового царя состоялось 19 мая, и первоочередных проблем у него было более чем достаточно. Грамота должна была прийти на Соловки поздно осенью 1606 г., под самый конец навигации. И только на следующий год, с началом плавания по Белому морю, старец Иосиф смог уехать в Москву. Взятые в долг 1 мая из монастырской казны 5 рублей на дорогу возместил его сын Афанасий, нареченный, видимо, в честь дяди.

Мы не знаем, чем закончилась встреча с новым государем. Но, скорее всего, соловецкий монах Иосиф вернулся в свой монастырь, где и был похоронен в 1619 г. Нам стала известна даже точная дата кончины бывшего узника: *«Сентября ж в 27 день. Преставися Иван Головленков во иноцех Иосиф, взято после его живота денег в казну рубль 5 алтын. Да по нем же взято у священноинока Паисея сорокоустных денег 20 алтын»* (ПРК 1619–1622 гг., л. 8 об. — 9). Это запись ничем не отличается от аналогичных сообщений о смерти монашеской братии. Свои последние дни жизни монах Иосиф провел на Соловках.

Представители рода Головленковых и в следующем веке оставались приближены к трону. Так, в 1703 г. стольник Василий Федорович Головленков был направлен в Ростов и Переславль-Залесский для сбора плотников и отправки их в Воронеж (*Письма и бумаги*, 1889, с. 471).

В. Б. Кобрин пишет, что заключение Головленкова на Соловках было, видимо, в глазах современников значительным событием, поскольку спустя почти полвека, в 1652–1653 гг., давались приказы са-

жать *«в тюрьму, где сидел Иван Головленков»* (Кобрин В. Б., 1972, с. 283; 1960, с. 36, прим. 247)³.

Исторических свидетельств о прочих заключенных Головленковой тюрьмы крайне мало. Высказано предположение, что после Ивана Головленкова там же в 1606–1612 гг. сидел Симеон Бекбулатович (Суслов В., 1972). Назовем еще грамоту от 22 декабря 1701 г. архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия соловецкому архимандриту Фирсу. В ней говорится о присылке на Соловки по указу Петра I расстриги Ивашки Шангина: *«за его воровство ис Холмогор велено его сослать к вам в Соловецкой монастырь и посадить его в Головленкову тюрьму и быть ему в той тюрьме до кончины живота его неусходно, а пища ему давать противъ такихъ же подначальныхъ, а чернилъ и бумаги ему, Ивашку, давать отнюдь не велено и ни от ково к нему писемъ не принимать и не отдавать такъ же и от него ни х кому никаких писемъ не принимать же и не отдавать»* (Грамота 1701 г.).

М. А. Колчин утверждал, что в 1701 г. *«в Головленкову башню, в уединенное место»* был заточен тамбовский епископ Игнатий (Колчин М. А., 1908, с. 12). Имя последнего узника Головленковой тюрьмы называет архиепископ Варсонофий в донесении в Синод от 4 июля 1743 г. Это отсидевший 10 лет *«раскольник Аврам Иванов с 1733 годов в Головленковой тюрьме»* (Дело 1742–1743 гг., л. 6 об.). О том же последнем узнике сообщает и другой документ: *«Из каковых (тюрем. — В. Б.) ныне содержится в одной раскольник Авраам Иванов»*. После закрытия Головленковой и Корожной тюрем их *«двери закладены камнем и бывшие у тех тюрем тыны отнесены проч»* (Описание документов, 1914, стб. 889–891). Авраамий Иванов был прислан *«в вечное содержание в Головленкову тюрьму»* с приказом *«содержать его неусходно в Соловецком монастыре в Головленковой тюрьме и никого не допускать, чернил и бумаги не давать»* (Венедиктов-Безюк Д., 1930, с. 78). Интересно, что более ста лет спустя о Головленковой тюрьме помнили. В 1856 г. ею интересовался начинающий писатель С. В. Максимов (Максимов С. В., 1984, с. 146). В литературе о Соловках

³ *Опись СМ 1733 г.*, л. 125 об., 127.

вскользь мелькнуло сообщение, что паломникам показывали «Авраамиеву щель». Полагаю, что так могло именоваться в позднее время одно из узких оконцев в западной стене Головленковой тюрьмы.

5.5.2. О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ТЮРЬМЫ

Местоположение Головленковой тюрьмы у историков вызвало споры. М. А. Колчин, явно опиравшийся на найденный им в монастырском архиве документ, в котором говорилось о нахождении Головленковой тюрьмы «у Архангельских ворот», трактовал его так: «Головленкова — в башне у Архангельских ворот, на восточной стороне крепости». Он полагал, что в древности сама башня к северу от этих ворот называлась Головленковой (Колчин М. А., 1908, с. 11–12). В башне им было осмотрено помещение тюрьмы, составлено его описание. Однако, как выяснили мы при осмотре самого помещения, М. А. Колчин описал пороховой погреб 2-го яруса Архангельской башни.

Версии М. А. Колчина придерживалась и К. С. Гемп. Тюрьма, по ее мнению, размещалась в стене Архангельской башни, носившей название Головленковской. «Вход в каземат вел из темного прохода, в котором была лестница на верх башни. Каземат по своим размерам был каменным мешком, длина его 1,4 м (2 аршина), ширина 1,06 м (полтора аршина) и высота 2,1 м (3 аршина). Мешок не имел окон, только в дверях была прорезана форточка для приема пищи. Этот каземат можно было осматривать еще в начале текущего века» (Гемп К. П. рук., 1951, л. 34).

В советский период последующие авторы стали отождествлять Головленкову тюрьму с Белой башней, примыкавшей к тому же пряслу крепостной стены с Архангельскими воротами, но отстоявшей далеко к югу. Так поступал А. П. Иванов, который и внес всю последующую путаницу. Для него Головленкова тюрьма — это Белая башня и Сушило; он даже привел фотографию и план этих сооружений, комментируя их как тюремные казематы (Иванов А. П., 1927б, с. 17–18, 47, табл. III–VI). Историк Г. Г. Фруменков также полагал, что Белая башня и Головленкова тюрьма это одно и то же (Фруменков Г. Г., 1968,

с. 12; 1975, с. 32). Данное представление очень прочно вошло в литературу (Богуславский Г. А., 1966, с. 56; 1968, с. 51; 1978, с. 59; Бартенев И. А., 1969, с. 7; Тельтевский П., 1969, с. 19) и в практику экскурсоводов Соловецкого музея-заповедника. Его даже не смог поколебать изданный в 1982 г. В. В. Скопиным (и им никак не комментированный) план соловецких тюрем, хотя именно этот рисунок со всей определенностью указывал на нахождение Головленковой тюрьмы в толще крепостной стены, в третьей печуре подошвенного боя к северу от Архангельской башни. Сила традиции оказалась слишком велика.

Впрочем, можно найти и другое объяснение. Г. Г. Фруменков, автор широко известной книги «Узники Соловецкого монастыря», отрицал достоверность Описи соловецких тюрем. Он был твердо убежден, что это фальшивка, сфабрикованная монастырским начальством. Ее цель — «скрыть наличие земляных тюрем, обмануть общественное мнение в том случае, если документ будет обнародован». Историк называл Головленкову и прочие тюрьмы не «подземными», а «подземными», «земляными». Перефразируя М. А. Колчина, он реконструировал их облик следующим образом: «Земляная тюрьма представляла собой вырытую в земле яму глубиною до двух метров, обложенную по стенам кирпичом и покрытую сверху дощатым настилом, на который насыпалась земля. В крышке прорубалась дверь, запиравшаяся на замок после того, как туда опускали узника или пищу ему. Для сна давали охапку соломы» (Фруменков В. В., 1968, с. 15–16). Однако данная реконструкция была основана на слухах, ходивших в монастыре в середине XIX в. Точно такими же словами в 1856 г. описали Корожную тюрьму монахи начинающему писателю (Максимов С. В., 1984, с. 155).

Историка не смог убедить даже рапорт архиепископа Архангелогородского и Холмогорского Варсонофия в Синод от 22 августа 1743 г., в котором он писал о неземляной Головленковой тюрьме «у Архангельских ворот в городской стене»: «На обитель святую показано весьма несправедливо и ложно, понеже имеется в Соловецком монастыре, как в кельях и в ограде, здание все надземное, и колодников в таких земляных тюрьмах никого не имеется, а что же де напреж сего и были две тюрьмы, именуемые одна при

Корожной башне в бойнице, другая Головленкова у Архангельских ворот в городской стене, и те неземляные, но на верх же земли, кои в прошлом 1742-м году по силе указов закладены, и те де тюрьмы Корожная и Головленковская оным маэру и куриэру объявлены» (Дело 1742–1743 гг., л. 8 об.). Однако Г.Г. Фруменков безапелляционно с пафосом обличал монахов: «Сейчас мы знаем, что это была грубая ложь. Заделанные мусором, песком, кирпичом тюрьмы были подземельями. Если бы они были поверх земли, то не было бы надобности и засыпать их» (Фруменков Г.Г., 1968, с. 17).

Твердость позиций магнетизировала читателей. Сказывалась и литературная традиция считать Белую башню Головленковой тюрьмой. Потому изданный В.В. Скопиным план соловецких тюрем 1743 г. не был оценен по достоинству. Между тем в РГАДА, в фонде Паниных, В.В. Скопин обнаружил еще один, неизвестный ранее план Головленковой тюрьмы. Судя по почерку и характеру писчего материала, это копия XIX в., выполненная на плотной белой бумаге без водяных знаков (*План XIX в.*). Размер листа 21 × 34,1 см (ил. 1215). В верхней части читается сопроводительная надпись: «*Чертеж имеющийся в Соловецком монастыре тюрьмы, именуемой Головленковой, в которой никакого свету не имеется*». На самом деле это схема без масштаба. В апреле 1997 г. В.В. Скопин любезно предоставил мне в распоряжение данный документ, отказавшись при этом от каких-либо комментариев и определения местонахождения Головленковой тюрьмы⁴.

Данный план не знает равных. Он уникален своей информативностью. Здесь показан фрагмент прясла крепостной стены, снабженный разъяснениями: «*Стена от имеющегося за монастырем озера, толщиной слишком в 4 сажени*». Из чего следует, что изображен участок восточного прясла крепости — со стороны Святого озера. С внутренней стороны монастыря расположена «*линия келий братских*». Вход в тюрьму преграждает полукруг бревенчатого частокола с воротами. Внутри полукружия перед крепостной стеной над-

пись: «*Острогъ деревянный изъ стоячихъ бревень*». С внешней стороны острога дается еще одно пояснение: «*Ворота въ острогъ изъ монастыря запираются*». Изображение частокольной ограды, разобранной, как мы знаем, к июлю 1743 г., выдает и дату составления чертежа — до лета 1743 г.

Согласно плану, Головленкова тюрьма состояла из одного большого центрального помещения и расположенных от него по обеим сторонам двух боковых малых помещений. Все помещения прямоугольной формы. Вход в центральное помещение со стороны монастыря преграждала толстая стена с проходом, по обе стороны которого имелись внутренняя и наружная двери («*Двери запираются замкомъ*»). Надпись разъясняет назначение центрального помещения: «*Казарма, въ которой часовой солдатъ бываетъ*». Здесь показана низкая, очевидно, с лежанкой, печь, имеющая полукруглое устье. Над ее изображением подпись: «*Печь*». В боковые малые помещения, расположенные в толще крепостной стены, ведут крайне узкие (по отношению к главному входу) проходы. По обеим сторонам каждого такого прохода имеются двери. С наружной стороны проходов две однотипные надписи: «*Двери запираются замкомъ*». По другую сторону проходов двери запираются иначе: «*Двери запираются железнымъ засовомъ*». Назначение двух боковых помещений, расположенных симметрично по отношению к центральному, разъясняется: «*Тюрьма колодничья*». В каждом из них из стены со стороны монастыря выступает по цепи, рядом с которыми надпись: «*Цепь стенная*».

Местоположение Головленковой тюрьмы на восточном участке стены крепости, вблизи Святого озера, обозначенное на вновь открытом чертеже, полностью совпало с локализацией этой тюрьмы на плане 1743 г. Но самое главное — на данном чертеже представлены именно две палатки, которые упомянуты в описи 1743 г. В них закованные в колоды узники сидели за пятью замками.

Данная тюрьма в толще восточной крепостной стены (без указания, что это

⁴ Мы глубоко признательны В.В. Скопину за предоставленные сведения о существовании данного плана Головленковой тюрьмы в фондах РГАДА. Эта находка предопределила направленность археологических исследований в 1997–1999 гг.

именно Головленкова), оказывается, была описана в «Спутнике при поездке в Соловецкий монастырь» 1910 г. издания: *«Почти как раз напротив усыпальницы (первоначального места погребения прп. Зосимы, оказавшегося позже под алтарем каменного Спасо-Преображенского собора. — В. Б.) в монастырской стене видно через окружающий ее ветхий, кое-как сколоченный забор полукруглое, аркообразное отверстие — это ничто иное, как вход в два сохранившихся до настоящего времени в этом месте почти в полной исправности каземата, где в эпоху преследования раскола томились его приверженцы, а также помещались и некоторые из политических преступников. Посетитель попадает сначала как бы в сени, направо и налево которых расположены камеры. Особенно интересен по своей почти полной сохранности каземат, находящийся налево. Узкое отверстие, шириною в 3 четверти аршина и вышиною не более 2-х аршин с массивными пробоями для дверных петель (самих дверей не сохранилось), ведет в помещение каземата, отверстие это столь тесно и низко, что арестанта, по всей вероятности, приходилось почти в буквальном смысле впихивать. Вошедшего охватывает почти абсолютная темнота, так что рассматривать каземат необходимо со свечой. Ни малейший луч света, когда закрывалась за заключенным тяжелая дверь, не проникал туда, узник находился в буквальном смысле в темнице, сырой, мрачной и холодной, так как, хотя по сохранившемуся отверстию для трубы и можно предполагать, что была печь, но, во-первых, покрывающая толстым слоем стены каземата угольная пыль указывает на то, что топка была крайне неисправна, а во-вторых, как не быть сырости в помещении с земляным полом, находящимся ниже уровня земли в толще неотопливаемых крепостных стен. Да, это был вполне глухой каменный мешок размером в 1 куб. саж. На полу уцелела вся закоптелая дореволюционная доска с тремя глиняными широкогорлыми старинной формы пузатыми кувшинами; в них приносили заключенным,*

по вероятности, воду, а может быть, и какое-нибудь варево, если только кроме хлеба и воды им давали что-нибудь. В стене камеры сохранился толстый пробой; к нему прикреплялась цепь, за которую приковывались заключенные» (Спутник при поездке, 1910; 2006, с. 23–24).

Таким образом, все известные документы и сообщения не противоречат, а только дополняют друг друга, доказывая тем самым свою полную достоверность. Нахождение Головленковой тюрьмы теперь получило абсолютно надежную привязку. О существовании каких-то двух внутрискладных камер в крепостной стене севернее Архангельской башни напротив Новобратского корпуса было известно архитекторам-реставраторам О. Д. Савицкой и В. В. Сошину еще с 1970-х гг. Но эти помещения В. В. Сошин трактовал как пороховые погреба⁵, очевидно, в соответствии с представлениями Г. Г. Фруменкова. Осмотреть и детально их изучить реставраторам не представлялось возможным, поскольку вся печура (по нашей нумерации №47) и ведущие из нее узкие проходы в боковые камеры были засыпаны землей (ил. 1216). Не случайно на всех обмерных чертежах 1970–1980-х гг. рисовали обычную бойницу. Требовались археологические раскопки.

5.5.3. ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ, НАЧАЛО РАСКОПОК

После точной привязки Головленковой тюрьмы осталось только исследовать сам объект. Раскопки были осуществлены Соловецким отрядом Института археологии РАН в 1997–1999 гг. при поддержке Соловецкого государственного музея-заповедника⁶. Они ставили следующие задачи:

- 1) изучить характер напластований в печуре и обеих камерах;
- 2) установить время засыпки тюрьмы;
- 3) дать развернутый археологический комментарий к чертежу Головленковой тюрьмы из фонда Паниных;

⁵ Я благодарен архитектору-реставратору В. В. Сошину, который в 1996 г. не только указал мне на данные помещения «пороховых погребов», но и поставил вопрос о необходимости их археологического исследования.

⁶ Благодарим добровольных участников раскопок Е. А. и А. А. Армарчук, Н. А. Атавину, В. В. и Н. В. Борисенко, В. Е. Флерову и особенно А. Ю. Буланова, а также Архангельский городской штаб школьников под руководством В. Н. Дурнева.

4) проверить версию Г. Г. Фруменкова о наличии в Головленковой тюрьме земляных ям;

5) выяснить, одновременна ли Головленкова тюрьма с крепостью (по М. А. Колчину) или же под тюрьму позднее отводились пороховые погреба (по Г. Г. Фруменкову);

6) установить, чем кормили узников.

Раскопки велись непосредственно в печуре № 47, а также в северной и южной палатках, перед входом в печуру и снаружи северной палатки со стороны Святого озера. Обобщенные результаты исследования представлены в итоговом документе — архитектурно-археологическом плане этой тюрьмы и профилях (ил. 1217–1219).

5.5.4. КАЗАРМА ДЛЯ ЧАСОВОГО СОЛДАТА

Печура подошвенного боя на историческом плане Головленковой тюрьмы именуется казармой для часового солдата. Ее боковые стороны сложены из крупных валунов. Сверху она перекрыта кирпичным цилиндрическим сводом с наклоном к амбразуре. В плане печура близка к вытянутой трапеции: удлиненная с основаниями 3 м у амбразуры и 3,4 м при входе; высота трапеции 4,8 м. Общая площадь 15,3 кв. м.

Раскопки подтвердили, что после упразднения Головленковой тюрьмы в начале 1740-х гг. вход в печуру и проходы в боковые камеры никто специально не засыпал. Они были открыты для посещения даже в начале XX в. Зафиксированные же верхние напластования мощностью 0,5 м перед печурой и 1,2 м в центре ее составлял разнородный, в основном строительный мусор времен концлагеря, тюрьмы (1923–1939 гг.) и пребывавшей затем на территории монастыря до начала 1960-х гг. морской части. В мусоре была даже обнаружена выброшенная из разоренной церкви прп. Германа белокаменная памятная надгробная плита XVIII в. архиепископа Вологодского и 34-го игумена соловецкого Маркелла (1639–1645 гг.)⁷. Она лежала поверх деревянного настила, дата рубки дерева которого 1935/1936 гг. (определение Н. Б. Черных).

Выяснилось также, что со второй половины XVIII по начало XX в. печура упраздненной тюрьмы не пустовала. Она использовалась для каких-то хозяйственных целей. Об этом свидетельствуют раскопанные четыре яруса сгнивших дощатых настилов на лагах (настилы 1–4, счет сверху вниз). В промежутках времени между функционированием настилов здесь размещался дровяной склад. О дровянике напоминают слои щепы и коры под досками всех четырех настилов и найденные три топора. По находке медной монеты 1801 г. Павла I (1796–1801 гг.) был сделан вывод, что 3-й настил прекратил свое существование на рубеже XVIII–XIX вв. Уложенный под ним 4-й настил должен относиться к середине XVIII в.

Под западными концами досок настила 3-го яруса были обнаружены остатки разобранной кирпичной стены с дверным проемом, известной по «чертежу» Головленковой тюрьмы, где она закрывает снаружи вход в печуру-«казарму» (ил. 1220). Кирпичную стену построили на цокольном основании из пяти мощных валунов высотой 0,7–0,8 м, уложенных в ряд (ил. 1221). Пространство между ними было заложено валунчиками, кирпичами и пролито известью. Валуны цоколя уложили на материковый песок с крупной галькой. С низу валунов щели были заполнены мелкими камнями.

От самой кирпичной стены сохранился только нижний ряд кирпичной кладки из крупных фрагментов большемерных кирпичей толщиной 10 см и шириной 14,5–15 см. Кирпичи были уложены на известковом растворе поверх валунного основания (ил. 1222). В южной части стены кладку прерывал плоский валунный камень 0,64 × 0,72 м, который обычно кладут в проходе. Под его восточный край была сделана специальная подсыпка песка. Само расположение камня указывает на то, что вход в печуру находился не по центру стены, а смещен к югу. Большемерные кирпичи, использованные в кирпичной кладке, характерны для помещений самой тюрьмы конца XVI в., т. е. входная стенка одновременно крепости. Разобрать ее могли во второй половине XVIII в. В общей сложности она простояла менее 200 лет.

⁷ Плита издана (Буров В. А., 2013, с. 465, ил. 44).

Западный край стены со стороны монастыря сохранил четкую линию, а восточный, внутри печуры, оказался разрушенным, особенно в северной части. Судить о ширине стены можно с большой степенью точности только по ее целому южному окончанию: 0,44–0,46 см, т.е. полтора большемерных кирпича. Основание же стены в северной части сохранилось на ширину всего 0,32 м. Разрушение кладки здесь, очевидно, произошло из-за недосмотра строителей. Дело в том, что ширина валунов цоколя оказалась невелика, и край стены изнутри печуры стал опираться не на камень, а на песчаную подсыпку.

Основание разобранной стены не лежит строго под аркой печуры. Западный край арки проецируется по вертикали вниз на восточный край стены. Здесь возможны два варианта кладки стены.

Вариант 1. Стена была наклонной. Она подводилась строго под кирпичную арку печуры вровень с наружным краем кирпичного свода.

Вариант 2. Стену приставили к арке печуры с западной стороны, снаружи. На наш взгляд, более вероятен второй вариант, поскольку с ним соотносятся остатки конструкции балок полукруглой кровли, закрывавшей выступающую кирпичную кладку стены от дождевых осадков. Это — три гнезда в самой кирпичной арке печуры и торчащие торцы спиленных небольших бревен. Таким образом, существование специальной стены, закрывавшей вход в печуру и тем самым превращавшей обычную печуру крепости в помещение для стражника (в XVIII в. — «казарму» для часового солдата), получило археологическое подтверждение.

Внутри печуры-«казармы» выявлен полностью сгнивший деревянный пол (настил 5-го яруса), что дополняет наши представления о благоустройстве Головленковой тюрьмы. На историческом «чертеже» он не указан. Дощатый настил имеет форму вытянутой трапеции — по форме печуры, которая сужается от входа к амбразуре. Параметры трапеции: верхнее основание 2,9 м, нижнее около 3,4 м; высота фигуры 4,2 м (ил. 1222).

Для археологов и реставраторов важно в деталях изучить настил. Он состоял из 17 сгнивших досок, уложенных перпендикулярно боковым валунным стенам пе-

чуры. Контуры досок читались не всегда отчетливо. В центральной части печуры две доски (возможно, и три) превратились в тлен с едва различимыми очертаниями. Истлело также покрытие пола при входе внутрь печуры, слева у стены; здесь фиксируется сплошная масса сгнившей древесины. Все доски пропитались влагой, стали тоньше — до 2–3 см. Поверхность сгнившего настила оказалась крайне неровной, волнообразной. Доски сильно прогнулись, очертив контуры трех бревенчатых лаг и торчащие из основания печуры отдельные валуны. На поверхности валунов, уложенных при строительстве в основание крепостной стены и оказавшихся внутри печуры под настилом, доски истлели до нескольких миллиметров.

Ширина досок колеблется в пределах 15–36 см. Но размеры всех досок строго по ширине не выдержаны: один край всегда уже другого. Это показатель того, что доски кололись из бревен; при этом они приобрели контуры утончающегося ствола дерева. Чтобы избежать перекоса при сооружении помоста чередовали доски с узким и широким концом. Длина досок колеблется в пределах от 2,9 до более чем 3,5 м, в зависимости

Таблица 100

Параметры досок пола 5-го яруса
Головленковой тюрьмы

№ доски со стороны амбразуры	Длина, м	Ширина, м	
		левый северный край	правый южный край
1	2,90	0,20	0,33
2	2,96	0,24	0,22
3	1,70	0,22	0,20
4	1,68	0,18	0,17
5	3,18	0,25	0,35
6	3,30	0,33	0,36
7	3,30	0,28	0,18
8	3,35	0,20	0,19
9	3,40	0,22	0,21
10	>3,40	0,22	0,15
11	>3,30	0,20	0,16
12	>3,30	0,30	0,40 (?)
13	>3,35	0,36	0,28
14	>3,30	0,19	0,18
15	>3,30	0,26	0,30
16	>3,50	0,18	0,22
17	>3,40	0,19	0,18

Железные кованые гвозди в лагах пола 5-го яруса Головленковой тюрьмы

№ п/п	№ гвоздя	Размеры стержня, мм			Шляпка, мм	
		длина	сечение	высота прямой части под шляпкой	высота	параметры
1	328	134	5×5	40	2	14×15
2	329	125	5×5	30	2	15×17
3	330	>98*	6×6	40	3	Сломана
4	331	122	5×6	40	Не сохранилась	
5	332	>114*	4×5	46	6	D = 15–16
6	337	68**	5×6	43	Не сохранилась	
7	338	51**	5×9	>51	7	D = 25–27
8	340	74**	5×9	74	6–9	22×17
9	342	132	7×8	65	6–9	27×29
10	344	>115*	5×8	20	5	17×15
11	345	143	5×5	49	4	17×18
12	346	85	6×7	25	6	15×15
13	347	144	5×7	20	6	14×16

Примечания. * — кончик гвоздя отломан; ** — обломок.

от ширины печуры, которая постепенно суживается от входа к амбразуре. Две доски совсем короткие (1,68 и 1,70 м) из-за наличия опечка. Со стороны входа концы некоторых досок были заведены под низ камней стен амбразуры. Концы сгнили, потому судить об их первоначальной длине не представляется возможным. Сведения о параметрах досок представлены в табл. 100.

Доски пола были уложены на бревна-лаги, к которым они крепились гвоздями, четырнадцать из которых сохранились на своих местах, будучи вбитыми в толщу бревна. Данные о них можно найти в табл. 101. Применялись гвозди длиной 125–144 мм и сечением от 4 × 5 до 7 × 8 мм, чаще 5 × 6 мм. Шляпки у двух гвоздей круглые, у остальных квадратные. Размеры шляпок в поперечнике колеблются от 15 до 29 мм, но в основном 15–18 мм. На толщину доски, в которую вбивались гвозди, может указывать наиболее распространенная высота прямой части стержня под шляпкой (4–4,6 см). Это, очевидно, связано с тем, что, пробив доску и встретив далее более прочную лагу, гвоздь начинал загигаться. Кроме того, один гвоздь торчал из лаги на высоту 6 см (на толщину доски). Таким образом, толщина досок пола была в пределах 4–6 см.

Пол имел общий наклон от входа к амбразуре, что фиксируют нивелировочные отметки⁸ верха досок, перепад которых от входа к амбразуре на расстояние 4,2 м равен 24 см. Однако эти цифры не могут служить основанием для вывода об абсолютном угле наклона помоста в силу крайне плохой сохранности и сильной деформации досок. По отметкам верха лаг, по которым стелились доски, это падение могло составлять всего 10–11 см. Но и лаги также сильно сгнили. Поэтому данные цифры приблизительные.

Печь в казарме, у которой грелся часовой, не сохранилась. Но о ее наличии свидетельствуют остатки конструкции так называемого опечка в северо-восточном углу печуры. На него и ставилась печь. От опечка сохранились два бруска длиной 0,85 и 1,12 м, шириной 8–10 см и толщиной 7–8 см, уложенные перпендикулярно амбразуре. Расстояние между ними 71 см (ровно один аршин). Между брусками на участке 0,44 × 0,71 м доски пола отсутствуют. Здесь прослежен серый песок с мелкими угольками. Короткий южный брусок целиком покоится на четырех досках пола. Более длинный северный брусок опечка со стороны амбразуры лежит на двух досках, далее он опирается на плоский валунный камень, а затем — снова

⁸ Нивелировочные отметки брались от условного репера, который имел привязку к геодезическому знаку на Троицком соборе.

Таблица 102

Лаги настила 5-го яруса
Головленковой тюрьмы

Лага	Длина, м	Диаметр, м	
		западный край	восточный край
Северная	4,48	0,18	0,22
Центральная	4,15	0,22	0,17
Южная	4,12	0,15	0,15

на доску пола. Для общего усиления конструкции настила, который должен был испытывать тяжесть печи, под низ восточных концов бревен-лаг, по которым уложены доски пола, были подведены дополнительные бревна (ил. 1047). Одно, северное, диаметром 0,14 м и длиной 1,7 м. Под восточный край южной лаги подложен обруб бревна диаметром 0,12 и длиной 0,6 м.

Параметры трех лаг — двух боковых и одного центрального бревна — указаны в табл. 102. Все бревна к настоящему времени сгнили, превратившись в труху. Северная боковая лага шла почти параллельно северной стене печуры на удалении 0,2–0,3 м от нее. Направление центральной лаги — строго перпендикулярно амбразуре. Пролет между этими двумя лагами у амбразуры составил 0,84 м, при входе в печуру 1 м. Южная боковая лага, в отличие от северной, оказалась под заметным углом к южной стене. Рядом с входом в печуру восточный край лаги оказался в 0,8 м от стены, в то время как ее западный край был в 0,2 м от той же стены. Пролет между западными краями южной и центральной лаг составлял 0,8 м, между восточными краями тех же лаг, у амбразуры, 1,3 м. Обращает на себя внимание, что минимальный пролет между центральной и боковыми лагами в 0,8 м отмечен дважды. В одном случае столь небольшое расстояние оправдано наличием печи, в другом — постоянными нагрузками на пол напротив двери при входе в печуру.

Низ лаг был заглублен в слой песка с известкой (ил. 1223). Под досками пола ранее был воздушный зазор 8 см.

Таким образом, раскопки впервые установили наличие в печуре дощатого пола и подтвердили существование печи. Дым, очевидно, выводился через амбразуру.

Непростым оказался вопрос о дате создания настила 5-го яруса. Теоретически пол в Головленковой тюрьме должен

относиться ко времени начала ее функционирования с момента завершения строительства крепости. Однако археологически эта дата не подтверждается. Дело в том, что под досками пола среди битых кирпичей выявлены два крупных фрагмента поливных полихромных рельефных печных изразцов конца XVII — начала XVIII в. (ил. 1224) и несколько осколков оконного прозрачного слабо патинированного стекла. Последние не могут датироваться также ранее XVIII в. Напрашивается вывод, что настил поздний и появился он в XVIII в. До этого пол был земляной, а печи не было. Такой вывод позволяет датировать исторический план Головленковой тюрьмы с изображением печи (сам план, но не его позднюю копию) также первой половиной XVIII в. Поздний термин «казарма» только подкрепляет данный вывод. Можно было бы предположить, что в начале XVIII в. настил обновили и новые доски уложили на старые лаги XVII в., но это маловероятно.

Выкопанный в центре печуры небольшой зондаж позволил уточнить, что под тонким слоем песка с известковой крошкой и битым кирпичом идет засыпка из серого галечного песка, покрывающего крупные валуны. Стало ясно, что отмеченные сразу под полом гладкие валунные камни выходят на поверхность только своими макушками. Они конструктивно относятся к цокольной платформе восточной стены.

5.5.5. СЕВЕРНАЯ ПАЛАТКА

В северной стене печуры имеется арочный проход в «*тюрьму колодочную*», обозначенный на известном историческом плане. Он выложен из большемерного кирпича, к моменту раскопок был сильно засыпан (ил. 1225). Ширина его 0,47–0,49 м, высота 1,4 м. Длина стен прохода разная: западной — 1,13 м, восточной — 1,32 м. Он столь узкий, что в него буквально приходится протискиваться, согнувшись. Столь малые габариты вступают в противоречие с прежней идеей реставраторов о нахождении в северном помещении порохового погреба: было невозможно в боевой обстановке быстро и беспрепятственно проникнуть туда, тем более выкатить оттуда бочку с порохом.

Входной арочный проем оформлен утопленной на ширину кирпича прямоугольной нишей. С правой стороны сохранились два дверных железных подстава для петель именно кованой железной двери. Слева из стены выступает железная петля для замка, на который запиралась дверь. Напомним о надписи на историческом чертеже: «Двери запираются замком».

Северная палатка имеет в плане квадратную форму размером $2,9 \times 2,9$ м. Это полностью соответствует параметрам северной палатки описи соловецких тюрем 1742 г.: 4×4 аршина, или $2,84 \times 2,84$ м. Высота камеры от древнего пола 2,4 м. Западная, северная и восточная стены на высоту 1,4–1,6 м от пола сложены из четырех рядов валунов длиной 0,6–0,9 м и высотой 0,3–0,5 м. Промежутки между камнями заполнены обломками красных большемерных кирпичей на известковом растворе, что характерно в целом для стен крепости. Кладка южной стены смешанная: арочный проход — из кирпича, остальное — из валунов. Свод помещения цилиндрический из большемерного красного кирпича со сторонами $14\text{--}16 \times 30\text{--}32 \times 8\text{--}9$ см. Кладка представляет собой чередование на всю длину свода рядов, состоящих только из ложков и только из тычков (ил. 1227–1228).

На западной стене в основании свода почти по центру отмечается нарушение кирпичной кладки. Это — заложенное отверстие продуха размером по вертикали 0,18 м и по горизонтали 0,25 м (ил. 1229). С наружной стороны отверстие канала продуха открыто и видно на восточном фасаде стены (ил. 1230). Оно обрамлено валунами, форма прямоугольная, удлиненная сверху. Размеры по горизонтали 0,22–0,23 м, по вертикали 0,40–0,42 м. Внутрстенный канал имеет наклон вверх под углом 20° . На историческом плане продух не показан. Толщина западной стены на этом участке около 1,7 м.

На отдельных участках цилиндрического свода имеются небольшие куски известковой штукатурки толщиной 0,3–1 см. Все они сверху несут слой копоти. Появление самой штукатурки должно быть отнесено ко времени закладки продуха, так как верхний левый угол закладки сохранил в углублении точно такой же фрагмент известкового покрытия (тоже прокопченного).

По верху полукружия кирпичной кладки южной стены проходит неглубокая штраба (канавка) с отпечатками краев досок. Это следы дощатой опалубки свода. На противоположной северной стене таких гнезд нет. Следовательно, сначала была возведена южная стена помещения, на полукружие которой были уложены края досок опалубки, а затем сделали свод. После затвердения кладки опалубку разобрали и под свод подвели северную стену. Такая техника выдает само направление возведения крепостной стены с юга на север, от Архангельской башни.

На южной стене с дверным проемом имеются гнезда от гвоздей квадратного сечения глубиной 4–9 см и клиньев размером $2,5 \times 3\text{--}6$ см. В одном гнезде — истлевшее дерево. В той же стене у юго-западного угла имеется малая, выложенная из кирпичей неглубокая ниша. В ее глубине расположена выпуклая стенка валуна. В нише лежала стенка чернолощеного кувшина.

Между двумя верхними валунами западной стены на удалении 1,07 м от юго-западного угла помещения покоится *in situ* железная кованая полоса с петлей на конце (ил. 1231). Наружный диаметр петли 8–8,5 см, внутренний 5–5,5 см, сечение $1,5 \times 1,8$ см. Ширина полосы у петли 4,5 см. Она уходит вглубь кладки и прослеживается на 47,5 см. Назначение петли проясняет исторический план Головленковой тюрьмы, где на западной стене указана «цепь стенная». Это — петля для крепления цепи, в которую был закован колодник. Путеводитель 1910 г. называет ее пробоем. Безо всякого сомнения, железную полосу с петлей уложили во время возведения крепости. Следов ударов по металлу, если бы полосу вбивали между валунов, не отмечено. Бесспорно, данное помещение строилось сразу как тюрьма. О том же свидетельствует и утолщение прясла на данном участке специально под тюрьму.

На той же западной стене к югу от железной полосы на удалении 0,61 м от юго-западного угла имеется гнездо от штыря. Начальное отверстие овальное $3,5 \times 4,2$ см, глубина 9 см. Очевидно, гнездо осталось от штыря с кольцом. Подобный штырь с кольцом (скорее всего, это он и есть) в настоящее время прикреплен на западном фасаде крепостной стены

между валунами к северу от нашей печуры ниже кирпичной кладки обходной галереи.

На противоположной восточной стене у юго-восточного угла на высоте 0,6 м от пола имеется другое отверстие канала $0,22 \times 0,28$ м, ранее замазанное известью (ил. 1232–1233). Пробка извести цилиндрической формы, слегка сужающейся на конус, диаметром 18–20 см и длиной около 30 см, была кем-то вытягивалась и валялась на земле. Канал был заполнен коричневой землей, содержащей труху дерева и редкие рыбные косточки. В глубину его удалось прочистить только на 1,5 м. Со всех сторон к каналу примыкают валунчики, один из которых обвалился и помешал провести расчистку дальше. Заполнение канала указывает на то, что при строительстве здесь был уложен деревянный желоб, служивший для сброса бытовых отходов из тюремного помещения. В канале найдено 34 кости рыб, одна кость птицы и две животного. Наличие остатков деревянного желоба, уложенного в толщу валунной кладки стены во время строительства крепости и предназначенного для выведения из помещения пищевых отходов, окончательно снимает вопрос о возможном предназначении палатки в качестве порохового погреба.

Раскопанный с внешней стороны крепости шурф 1 позволил установить, что канал выходил наружу в просвете между двумя крупными валунами, ныне оказавшимися ниже уровня земли. Сечение желоба на восточном крае составляло чуть более 15×15 см. В самом внутрстенном канале, на выходе, выявлен шейный позвонок птицы и два фрагмента извести с плоскими отпечатками дерева. Остеологическая находка подтвердила назначение желоба, а две другие позволили установить, что желоб был не долбленным, а сколоченным из четырех досок. После выхода из валунной кладки край желоба длиной 0,8 м должен был лежать на мощном цокольном валуне. Как показали замеры, общая длина желоба с учетом выноса составляла немногим более 2,4 м. Во время укладки желоб обложили с боков и сверху мелкими камнями на известковом растворе. После того как дерево сгнило, один или два камня выпали на выходе, забив канал. В культурных напластованиях в основном XVIII в. напротив окончания желоба было отмечено скопление

из 1084 рыбных костей (ил. 1234–1235). Так удалось установить основной продукт питания узников Головленковой тюрьмы в указанное время. Как отмечалось в литературе, судя по грамотам XVI–XVII вв., узникам предписывалось «*давать токмо один хлеб и воду*». Лишь спустя много десятилетий их разрешили кормить «*противу одного монаха*», т.е. давать такую же пищу, как и монахам. Ревизия 1818 г. констатировала, что пища арестантов состояла из трех блюд: щей, рыбы и каши (Венедиктов-Безюк Д., 1930, с. 79, 83).

В северной палатке были проведены археологические раскопки с окончательным удалением земли. Под слоями мусора XX в. отмечен развал средних и крупных камней, в пространстве между которыми залегал слой XVII–XIX вв. — черная гумусированная земля, жирная на ощупь, с включением тлена. Его мощность 0,1 м, а в северо-западном и юго-восточном углах до 0,2 м. В земле выявлено 220 остеологических находок: костей животных — 62 экз., рыб — 145 экз., птиц — 11 экз., грызунов — 2 экз. Здесь же найдено 53 фрагмента одного чернолощеного кувшина для воды (ил. 1236). Напомню, что еще в начале XX столетия в этом помещении паломники видели три пузатых широкогорлых старинных кувшина. О них упоминал путеводитель 1910 г. (*Спутник при поездке*, 1910; 2006, с. 23–24). У северной стены нашлись кованые железные гвозди № 119–122, 124, 125, 127–130, железная скобка № 126 и обломок железной жиковины № 123 (нумерация полевой описи). Гвозди, очевидно, происходят от крепления досок деревянного пола хозяйственного настила 2-го яруса XIX в. В черной земле обнаружены также осколки потолочной штукатурки со следами копоти и осколки стеклянного колпака керосиновой лампы. Ко времени функционирования Головленковой тюрьмы из всех находок с большей степенью вероятности можно отнести лишь чернолощеному кувшину и часть костей — остатки продуктов питания заключенных.

Ниже выявлен слой серой плотной глины мощностью около 4–6 см с включением извести и мелкого битого кирпича. При этом почти все камни развала остались лежать на месте, выступая из глины. Оказалось, что эти камни находятся здесь со времен строительства тюрьмы.

Для дальнейшего уточнения стратиграфии был заложен зондаж в юго-западном углу при проходе. Под плотной глиной мощностью 6–8 см пошел влажный желтый крупнозернистый песок, заполнявший пространство между крупными и мелкими валунами. На дне были крупные валуны, над ними в промежутке валунчики. Таким образом, серая глина с известью и битым кирпичом с торчащими камнями — это земляной пол Головленковой тюрьмы (ил. 1237). Находка перед проходом в глине фрагмента оконного стекла XVIII в. сообщает верхнюю дату этому слою. Очевидно, данный плотный слой глины был сделан специально для понижения уровня сырости в помещении. Все эти данные совпадают с сообщением рапорта 1743 г. о том, что Головленкова тюрьма *«неземляная, но на верх же земли»*. Прослеженные в глубине песчаной подсыпки валуны составляли цокольную платформу пряслица крепости и одновременно являлись специальной засыпкой, чтобы исключить какой-либо подкоп.

Тот же зондаж показал, что южная кирпичная стена ставилась поверх песка на тонкую известковую проливку. Это объясняет ее непрочность, вскрывает причины просадки и разрушения ее в отдельных частях.

5.5.6. Южная палатка

Проход, ведущий из «казармы»-печуры в южное помещение, почти идентичен северному (ил. 1239–1241). Ширина его 0,42–0,44 м, длина 0,82 м. Высота 1,5 м. Его ширина на 5 см меньше, а по длине он на 0,5 м короче северного прохода. Он также сложен из кирпича, имеет арку, нишу под дверь, утопленную на полкирпича. При входе, с левой стороны, сохранились два железных подстава, предназначенные для петель кованой железной двери.

В отличие от северной камеры южная не квадратной, а трапециевидной формы, ее размеры меньше. Стороны равны 2,45 м (западная и южная), 2,74 м (восточная) и 2,64 м (северная). По необъяснимым причинам это противоречит параметрам южной палатки Описи тюрем 1742 г.: 4×5 аршин (или 2,84×3,55 м). Высота свода 2,35 м.

Свод камеры цилиндрический, но в примыкании к южной стене четкость его абриса нарушена изломом, что указывает на небрежность кладки. Как и в северной камере, большемерные кирпичи свода уложены чередующимися рядами, состоящими только из тычков и только из ложков.

Западная и восточная стены на высоту 0,8–1 м от пола сложены из двух рядов крупных валунов, промежутки между которыми зачеканены обломками кирпичей на известковом растворе. Поверх валунов западной стены идет кирпичная кладка, постепенно переходящая в цилиндрический свод. На восточной стене поверх больших валунов уложено два ряда кирпичей, а затем еще один ряд валунных камней; на последние опирается кирпичный свод (ил. 1242). Южная стена, наоборот, снизу сложена из 10 рядов кирпичей, а верх — из четырех рядов средних валунов, обрамленных с краев кирпичной кладкой. В верхней части южной стены сразу под сводом имеется узкая полоска заглубления от концов досок опалубки. То, что данная канавка проходит, как и в северной камере, по верху именно южной стены, подтверждает ранее высказанную мысль, что возведение самой крепостной стены велось с юга на север, со стороны Архангельской башни. Северная стена без такой канавки; она полностью кирпичная с арочным проходом. В южной и северной стенах имеются маленькие ниши.

В кирпичной кладке западного свода, в 0,85 м от северо-западного угла, на высоте около полутора метров от пола, имеется узкий внутрстенный канал — продух (ил. 1243). Его размеры: ширина 0,18 м и высота 0,28 м. Снаружи параметры несколько иные: ширина 0,14–0,19 м и высота 0,22–0,23 м (ил. 1244). Канал выходит наружу крепостной стены под наклоном вверх 20°. Его длина 1,08 м. Найденные в культурном слое камеры мелкие гвоздики от оконницы и фрагмент слюдяной пластины вставки в оконницу позволяют с долей вероятности говорить о том, что продух изнутри камеры был снабжен маленьким окошечком.

На удалении 0,4 м к югу от продуха, ниже его на высоте 1,15 м от первоначального пола, из кирпичной кладки выступает обломанный проржавевший наподобие двузубой вилки конец железной

полосы. Это — вмонтированная во время строительства железная полоса с петлей на конце, для крепления цепи колодника (ил. 1245). Сама петля на конце полосы не сохранилась. Ее расположение соответствует указанной на историческом плане тюрьмы «*цепи стенной*». Тот факт, что железная полоса была вмонтирована в кирпичную кладку во время строительства крепости, позволяет сделать вывод, что и южное тюремное помещение также отводилось под тюремную камеру изначально.

К этой петле или петле в северном помещении мог быть прикован цепью Иван Головленков, присланный в 1586/1587 гг. на Соловки с приказом «*держать в тюрьме к стене прикована в железах*».

Существенное отличие южного помещения от северного состояло в том, что канала для сброса отходов в восточной стене не оказалось.

До проведения раскопок южная камера Головленковой тюрьмы была сильно захламлена современным мусором мощностью 0,1–1,15 м. Культурный слой — темно-коричневая супесь, содержащая органику, — оказался незначительным, всего 5–9 см, и сильно перемешанным. Раскопки велись зачистками по квадратам с детальным просмотром земли. Только на кв. 1 в северо-западном углу слой был полностью промыт.

В верхней части культурного слоя и в его глубине выявлены незначительные остатки разоренного деревянного хозяйственного настила 2-го яруса XIX в. — продолжение аналогичного настила, бывшего в печуре. В самом слое встречены 18 мелких фрагментов чешуек слюды и 31 фрагмент слабо патинированных мелких оконных и несколько бутылочных стекол, в том числе в самом низу, 177 рыбных и птичьих косточек. Из 44 индивидуальных находок отметим 28 гвоздей, в том числе мелкие гвоздики от оконницы, пять фрагментов белой фаянсовой тарелки, орнаментированной коричневой полосой и синими точками, 11 фрагментов горшка конца XIX в., костяная пуговица, железная накладная пластина. Находки, которые можно определенно связать именно с периодом тюрьмы начала XVII в. и до 1743 г., выделить нельзя. Предположительно это остатки оконницы и рыбные косточки (по аналогии с выбросом из северной камеры).

Ниже темно-коричневого слоя по всей поверхности помещения идет песок с крупной галькой и валунчиками. Он включает известковую крошку и мелкие обломки кирпича. Из песка выступают отдельные валунные камни. Зондаж 0,6 × 0,6 м, заложенный в юго-восточном углу помещения, установил, что мощность песка 6 см, а под ним находится плотное скопление крупных валунных камней, пространство между которыми заполнено валунчиками и серым песком мощностью 0,18 м (ил. 1246). Ниже — засыпка из желтого песка. Таким образом, установлено, что южная палатка также была «*поземной*» тюрьмой, т.е. находилась поверх земли и не имела деревянного пола. Валуны, оказавшиеся под полом южной палатки, исключали саму возможность подкопа под стену.

5.5.7. ЧАСТОКОЛ И КРЫЛЬЦО ПРИ ВХОДЕ В ТЮРЬМУ

Раскопки с внешней стороны «казармы» Головленковой тюрьмы имели своей целью выявить остатки деревянного острога, который на историческом плане представлен в виде полукруга из вертикально стоящих бревен. Однако исследования здесь были осложнены многочисленными современными перекопами. После выборки перекопа до материка выявить ровики от частокола не удалось. На плане острог показан схематично. Надо полагать, его северная и южная границы были отнесены дальше продухов — вентиляционных каналов, выходивших из камер. В таком случае получит объяснение назначение самого острога: он не позволял посторонним приблизиться к оконцам тюремных палаток. И, следовательно, ямы от оснований вкопанных в материк заостренных бревен могут быть обнаружены при дальнейших археологических исследованиях севернее и южнее продухов.

Вместе с тем раскопки позволили установить, что перед стеной, закрывавшей печуру, напротив двери существовало деревянное крыльцо срубной конструкции (ил. 1218). Нахождение его здесь вполне закономерно в связи с присутствием валунного цоколя у кирпичной стенки, закрывающей саму печуру, которая оказалась приподнята над землей на высоту

одного валуна, т. е. около 0,8 м. Чтобы компенсировать данный порог, и требовалось крыльцо.

От срубной конструкции крыльца осталось три бревна. С севера — обрубок бревна длиной 0,6 м и диаметром 9 см. С юга — два фрагмента бревна: одно истлевшее диаметром 0,11 и длиной 0,88 м, а под ним — 0,74 м и диаметром 0,12 м. Рядом с верхним бревном под небольшим наклоном к нему покоится фрагмент бревна длиной 0,10 м, что производит впечатление угла срубной конструкции, рубленной в обло. На существование западных венцов сруба указывает канавка, прослеживаемая в профиле З–В на расстоянии 0,7 м от валуна основания каменной стены. Всё это позволяет реконструировать размеры крыльца: ширина 0,8 м и длина 2,9–3 м. Данных о высоте нет.

Основные выводы. Проведенное комплексное историко-археологическое исследование позволило установить, что Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря располагалась к северу от Архангельской башни в третьей печуре № 47 подошвенного боя. Тюрьма включала три помещения: печуру — казарму для часового и две палатки для колодников. Вход в печуру закрывала стенка в полтора кирпича на валунном цоколе, от которой остался ряд валунной и один ряд кирпичной кладки. Перед входом найдены остатки срубной конструкции крыльца. В печуре имелся деревянный настил, состоящий из трех бревен-лаг, поверх которых гвоздями были прикреплены 17 досок. О наличии в печуре печки свидетельствует опечек. Настил и печь появились не ранее начала XVIII в. Палатки для колодников представляли небольшие помещения с земляными полами. В западных стенах имелось по вентиляционному каналу-продуху и по одной вмонтированной железной полосе с петлей на конце для крепления цепи («железа»). В северной палатке в толщу крепостной стены при строительстве тюрьмы был вмонтирован деревянный желоб для сброса отходов. Внутри него и в шурфе 1 на выходе снаружи выявлено свыше одной тысячи косточек рыб, указывающих на основной продукт питания узников. В северной палатке найдены остатки чернолощеного кувшина.

Таким образом, раскопки во многом дополнили и детализировали сведения письменных и графических источников о Головленковой тюрьме — уникальном памятнике древнерусской истории и крепостного зодчества.

Головленкова тюрьма не была подземной. Монахи были правы, когда писали, что эта тюрьма поземная, т. е. поверх земли — с земляным полом.

Уровень пола в тюрьме был приподнят на 0,7–0,8 м над землей и соответствовал верху цокольной платформы крепостной стены, сложенной из крупных валунов, пространство между которыми было заложено камнями меньшего размера и засыпано песком. Эта конструктивная особенность помещений исключала возможность каких-либо подкопов.

Участок восточного прясла каменной крепости с третьей по счету от Архангельской башни печурой подошвенного боя предназначался под тюрьму изначально. Об этом свидетельствуют и вмонтированные в толщу стен кованые железные полосы с петлями на концах для крепления цепи колодников, и внутрстенный канал с деревянным желобом для вывода отходов из северной палатки. Таким образом, уже при строительстве Соловецкой крепости ей были предписаны не только оборонные функции, но и функции пенитенциарного учреждения.

5.5.8. К ПРОЕКТУ МУЗЕЕФИКАЦИИ ГОЛОВЛЕНКОВОЙ ТЮРЬМЫ

Итоги исследования свидетельствуют о том, что данный объект представляет большой интерес как памятник эпохи. Он достоин музеефикации. По нашему мнению, проект музеефикации Головленковой тюрьмы должен включать три составляющие: 1) реставрация помещений тюрьмы и размещение экспозиции; 2) воссоздание деревянного острога; 3) организация подходов к тюрьме, что позволит не только в полном объеме восстановить все элементы данной тюрьмы, но и привести в порядок прилегающую территорию.

Реставрацию самой тюрьмы следует начать с воссоздания кирпичной стены, некогда закрывавшей вход в печуру подошвенного боя, бревенчатого крыльца

и полукруглой кровли на выносных балках над входом. Должна быть произведена вычинка арочных проходов в северную и южную палатки, восстановлены двери и деревянный настил в печуре. Земляные полы в обеих камерах следует оставить в прежнем состоянии. В северной камере в пустой канал в основании восточной стены, использовавшейся для сброса отходов, можно вставить фрагмент деревянного желоба на место сгнившего. На цепь, крепящуюся к выступающей из западной стены железной петле, посадить манекен — узника Головленковой тюрьмы.

Основную экспозицию предлагаем расположить на воссозданной кирпичной стене при входе. На внутренней ее стороне размещаются следующие материалы: 1) копия плана Соловецких тюрем 1743 г.; 2) копия плана Головленковой тюрьмы XVIII в.; 3) краткая историческая справка о тюрьме; 4) фотографии процесса раскопок; 5) реставрированный чернолощенный кувшин XVIII в. для воды; 6) выявленные при раскопках кости рыб и птиц.

Для воссоздания частокола острога на прежнем месте и организации подходов к Головленковой тюрьме потребуются дополнительные археологические раскопки. Основание деревянной частокольной стены из бревен, полукольцом окружавшей подступ к тюрьме, может быть прослежено в материке в виде округлых ям — пустых или заполненных сгнившим деревом. Тем самым будут оформлены внешние исторические границы тюрьмы. Между Новобратским корпусом и Троицким собором важно раскрыть остатки разрушенных келий XVII в. На уровне современной поверхности земли следует выложить абрис их стен для обозначения древней планировки, а со стороны крепости раскрыть остатки задних келий. Они обозначат естественный рубеж келейной периметрической застройки. Для спуска к крепости на перепаде высот поставить деревянную лестницу. Раскопки, которые будут сопровождаться выборкой нарощего слоя в проходе между кельями и крепостью, одновременно решат и проблему вертикальной планировки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, длившееся с перерывами не один десяток лет, призвано дать по возможности наиболее полную и всестороннюю характеристику крепости Соловецкого монастыря как памятника истории, археологии и фортификационного зодчества. С этой целью были привлечены многочисленные исторические документы, изобразительные материалы, данные археологических раскопок, архивные материалы натурных исследований архитекторов-реставраторов, осуществлены и самостоятельные обмеры. Выполнена масштабная фотографическая фиксация памятника, которая позволяет в деталях получить представление обо всех его составных элементах: башнях, воротах, пряслах. Основные итоги исследования можно свести к следующему.

1. Анализ исторических источников позволил уточнить датировки крепостных сооружений на Соловках. Время создания деревянного «города», возведенного вместо первоначально предполагавшегося «острога», отнесено к концу 1578 — 1579 г., что соответствует полному «лету 7087». Авторство Соловецкого деревянного города 1578–1579 гг. должно принадлежать Андрею Васильевичу Загряжскому.

2. Первый этап возведения каменной крепости, сменившей деревянную фортецию, длился 14 лет (1582–1595 гг.). Именно осенью 1595 г. было завершено возведение всей крепости с шестью башнями вокруг монастыря. Стоимость данного объекта оценена нами в сумму около 2 тыс. руб. Второй этап, связанный с завершением северного и южного рва и строительством Пристенка, обобщенно датирован 1619–1622 гг.

3. Анализ структуры крепости конца XVI в. с учетом авторского подчерка позволил говорить, что в 1582–1583 гг. мастер

Иван Михайлов сын (Иван Михайлович) возводил только северо-западный участок стены от Корожной до Успенской башни с Рыбными воротами. Им также была поставлена Корожная башня и создан проект Успенской башни. Иван Михайлов задал тон архитектуре крепости, определил ее валунный облик, разработал технологию валунной кладки стен, башен, ворот, печур, бойниц верхнего боя. Им также были предложены разные варианты прясел — с выносными консолями, с прикладными кирпичными арками и широкая монолитная стена — все с разной частотой размещения печур. Монах Трифон Кологривов, завершивший за последующие 12 лет это строительство, успешно воспользовался данными наработками. Он взял за основу вариант с толстыми стенами и более плотно расставил печуры. Нет ничего удивительного в том, что соловецкий инок продолжил дело профессионального фортификатора. Род Кологривовых входил в состав элиты Русского Севера и был связан с солеварением, требовавшим определенных инженерных знаний.

4. В результате целенаправленных разысканий на основании двух послужных списков было установлено, что инженера-подпоручика Васильева, основного организатора обороны монастыря в 1790 г., звали Яков Васильевич. Он оставил после себя замечательные подробные чертежи, рисунки, планы монастыря и неопубликованную рукопись — первое в нашей трактовке историческое сочинение о Соловецком монастыре и Соловецкой крепости. Выявлены этапы его биографии. Я. В. Васильев происходил из солдатских детей. В 1770 г. он был зачислен в Артиллерийский инженерный шляхетский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, а в 1774 г. успешно его закончил, став профессиональным

военным инженером. Затем Яков Васильев служил в разных гарнизонах и дослужился до чина полковника. Его рукопись, в которой подробно изложена стратегия обороны с указанием расстановки орудий и списков солдат, подготовлена к публикации (Приложение 2).

5. Оборона Соловецкого монастыря в 1854 г. подробно рассмотрена на основании всех семи писем в Синод архимандрита Александра, опубликованных нами по первоисточнику (Приложение 3). Выполнена подборка 22 памятных плит, знаков, установленных на Соловках в связи с событиями 1854–1855 гг. Это было масштабное мероприятие по мемориализации событий, но одновременно и сакральная музеефикация монастыря (Приложение 4).

6. Для получения полнейшего представления о самой крепости 1582–1595 гг. и ее прошлом крайне важно было охарактеризовать натуру — хорошо сохранившиеся шесть башен, пять городских ворот, семь прясел, а затем дать подборку сведений об их истории (ремонт, расстановка орудий, пожары и т. д.) вплоть до современности, включая реставрацию 1960–1980-х гг. Подборка исторических изображений в хронологическом порядке всех элементов крепости позволяет, как в кинематографе, увидеть движение — изменение облика башен, ворот, прясел, которое особенно наглядно проявило себя в XIX и XX столетиях. В первую очередь это касается шатрового завершения. Изначала смотровые вышки с конусовидными завершениями были на Белой, Корожной, Никольской башнях. Архангельская и Стратилатовская (Прядильная) башни их не имели. В конце 1830-х гг. была осуществлена реконструкция шатрового завершения. На всех башнях появились смотровые вышки с полусферическим завершением, крытым лемехом. В пожаре 1923 г. сгорели Успенская и Стратилатовская (Прядильная) башни, весь Пристенный, что документировано материалами из архива П. Д. Барановского.

7. Для удобства пользования все 64 печуры в пряслах были идентифицированы, им сообщена сквозная нумерация. Подборка фотографий для отдельных печур дает представление об облике их внешних арок свода, самом своде, обеих боковых стенах, амбразурах.

8. Северный сухой ров исследовался археологически тремя поперечными траншеями. Было установлено, что это сложное инженерное сооружение. Он не просто выкопан и обложен валунами. Его стены укреплены дополнительными засыпками из камней. Ров выстроен с осуществлением многочисленных подсыпок из земли и камней для выравнивания наклонной поверхности между Корожной и Никольской башнями и северной стороны. Валунные стены рва, как и их фундамент, сложены насухо, без раствора. Нижние камни уложены на плотную серую глину или супесь поверх материка без заглубления в него. В настоящее время ров заполнен землей с мусором толщиной 0,35–0,55 м. Изначальная высота северной стены рва напротив Никольской башни составляет 3,71–3,75 м, напротив Корожной башни 3,83 м. В центральной части валунная обкладка северной стены не сохранилась. Время ее слома неясно. Общая высота наклонной южной стены рва 2,5–2,75 м. Ширина рва напротив Никольской башни по верху равна 12 м, по низу 8,5 м. Ширина рва напротив Корожной башни — по верху 8 м, по низу 6 м. В центральной части напротив прясла северный ров имел ширину по верху 15 м, по низу 7 м. Всё это немногим меньше требований «Устава ратных дел» XVII в., зато по глубине превышение было в 1,3 и 1,8 раза. Канавки от частокола, предположительно ограждавшего ров, не прослежены.

9. Южный ров не изучался. Но в строительной траншее было зафиксировано естественное падение рельефа от крепости в сторону рва и подсыпка для общего выравнивания поверхности ото рва до прясла. У северного края рва мощность подсыпки составила 1,75 м.

10. Соловецкая крепость подробно рассмотрена как инженерно-фортификационное сооружение. Истоки соловецкой валунной фортификации отнесены к новгородско-псковской традиции XIV–XV вв. Однако для Соловков своеобразием явилось использование исключительно окатанного валунного камня. На отдельных участках выполнена циклопическая кладка. Так, над Святыми воротами уложен камень длиной 4,77 м и высотой 1,1 м. В основании Никольской башни покоится валун длиной 5,83 м и высотой 1 м. Исто-

дя из удельного веса гранита, они должны весить примерно 16,9 и 15,6 тонн. Толстые валунные стены обеспечили крепости непробиваемость. Тем самым была решена первоочередная общеевропейская проблема крепостного строительства в связи с появлением и развитием артиллерии. Запас прочности стен Соловецкой крепости был задан на три века развития артиллерии. Их не пробili английские ядра во время обстрела 1854 г.

11. Прямым аналогом плана регулярной Соловецкой крепости стали две крепости Новгородской земли — Ладожская и Орешек. У них одинаков общий план в виде вытянутого пятиугольника с круглыми башнями, вынесенными за линию стен. Имеется также единственная прямоугольная башня. Для всех указанных крепостей максимально использован рельеф местности, крепость приближена к береговой линии.

12. Несмотря на мощь сооружения, археология со всей очевидностью показала отсутствие у стен и башен Соловецкой крепости заглубленного в материк фундамента. Нижние валуны уложены или на материковый песок с обильной крупной галькой, или на очень плотную серую супесь с валунами. Была обыграна особенность геологического строения острова. Соловецкая крепость в соответствии со Сказанием конца XVI в. действительно поставлена поверх «потшвы» — почвы. Данная черта геологического строения Соловецкого острова предоставила возможность строителям существенно сократить время и трудозатраты на возведение Соловецкой крепости.

13. В основании стен и башен археологически засвидетельствовано валунное цокольное основание, ныне сокрытое толщей выросшего культурного слоя. Нижний ряд валунов заметно выступает по отношению к уложенным выше рядам камней. Наличие цоколя, являющегося архитектурным элементом, меняет представление о первоначальном внешнем виде крепостных стен и башен Соловецкой крепости. Со стороны Святого озера — к северу от Архангельской башни — в основании прясел в печурах отмечена цокольная платформа. Она состояла из одного ряда валунов, промежутки между которыми были закрыты мелкими камнями и засыпаны песком.

14. Наблюдение за раскрытиями в проеме Никольских ворот, прорубленных в XIX столетии на месте печуры № 28, позволило зафиксировать в поперечном разрезе стены обнажение валунной забутовки на известковом растворе. Известь с камнями, заполнившая пустоты, превратила стену в монолит.

15. В раскопах и шурфах, раскрывших низ стены, в промежутках между валунами выявлена подлинная наружная зачеканка из камней или кирпичей конца XVI в.

16. Подборка изображений деревянных конструкций шатров башен на чертежах 1790 г. показывает разнообразие их форм и параметров. Указанный на чертежах масштаб позволил выяснить их высоту в это время: 9,6 м (Стратилатовская башня), 16,8 м (Архангельская башня), 16 м (Корожная башня), 17,04 м (Белая и Успенская башни), 18,43 м (Никольская башня).

17. Получившее распространение в литературе мнение, что башни первоначально, в XVI в., вообще не имели кровли, не выдерживает элементарной критики. Кровля выполняла защитную функцию, предохраняя в суровых условиях севера от разрушения не только кладку, но и деревянные межъярусные перекрытия, да и сами пушки от сырости, не давая им оказаться в снежных сугробах.

18. Впервые в печурах стен прослежено археологически шесть деревянных настилов. Они делятся на два типа — настильные платформы под пушки и настилы для стрельцов. Одна деревянная пушечная платформа сохранилась полностью, что позволило ее изучить во всех деталях, включая лаги, плахи, кованые железные гвозди и деревянные гвозди — нагели. Тем самым раскопки ввели в научный оборот еще одну практически не изученную археологическую категорию Нового времени. Изученные платформы построили в 1790 г. под руководством инженера-подпоручика Я. В. Васильева. Тогда было сооружено 108 платформ под пушки, что практически соответствует количеству печур 1-го яруса прясел, башен, Пристенка и Сушила.

19. На примере Соловецкой крепости мы пришли к выводу о необходимости в обязательном порядке давать изучаемым крепостям подробную статистическую и метрическую характеристику. Только

так можно получить наиболее полное, объективное и конкретное представление о фортификации. На основании подсчета количества печур пушечного боя и бойниц ручного боя можно оценить максимальную возможность огневой мощи крепости. Сопоставление полученных данных с реальным количеством оружия, имеющегося в крепости, может указать на укомплектованность вооружением и готовность ее к обороне.

20. На первом этапе, в 1595 г., башни Соловецкой крепости имели 85 печур и 63 бойницы ручного боя. В пряслах было 64 печуры и 119 бойниц верхнего боя. Поскольку первоначально печуры прясел могли использовать для ручного оружия, общее количество бойниц ручного боя равнялось 246. Для пушек предназначалось 85 печур в башнях. Согласно описи вооружения, в 1597 г. крепость имела 68 пушек (80% укомплектованности), но одновременно здесь было 413 ручниц, 35 самопалов, что в 1,8 раз больше нормы. Имелись еще и 25 полных саадаков и 8 самострелов. В 1613 г. количество артиллерийских стволов возросло до 130 шт., а ручниц до 430 шт., самопалов до 250 шт. Явная избыточность оружия свидетельствовала о том, что в условиях мира Соловецкий монастырь рассматривался как арсенал Беломорья. С возведением к началу 1620-х гг. Пристенка, прикрывшего поваренные службы, и Сушила, обстроенного валунной стеной с бойницами, возросла и обороноспособность Соловецкой крепости.

21. Для характеристики масштаба фортификации важны в обязательном порядке метрические данные. В специальные таблицы сведены следующие параметры: а) внешний периметр крепости; б) размер отдельных башен (высота, поярусный диаметр, поярусная толщина стен, размер печур и верхних бойниц; в) размер прясел (длина, ширина, высота); г) размер печур и верхних бойниц прясел; д) параметры городских ворот.

22. Зафиксированная в шурфах толщина слоя, выросшего после окончания строительства крепости, уточняет первоначальную высоту стен и башен. Они были выше по сравнению с современным уровнем земли на разных участках от 0,2 до 1,6 м. Наиболее мощная подсыпка оказалась со стороны Святого озера.

23. Все печуры стен и башен нестандартные. Нет ни одной, повторяющейся по размерам и пропорциям. Печуры выстраивали без чертежей по месту, по принципу — как камень ляжет. На формы и размеры печур влиял разнотип природных камней.

24. Выполненные в 1676 г. промеры крепости содержат равное количество сажен, без долей для разных участков крепости. Это свидетельство того, что Соловецкая крепость возводилась по четкому плану, точно выверенному и привязанному к местности. Была сделана его разметка в саженях, в соответствии с которой и укладывались нижние валуны стен и башен.

25. Вычислен размер сажени, использованной при строительстве крепости в 1582–1595 гг. Для разных ровных участков прясел он устойчиво колеблется в пределах 2,41–2,46 м, что указывает на использование великой сажени, равной 2,44 м.

26. В монографии впервые предпринята попытка дать количественную оценку использованного строительного материала, осуществлен примерный подсчет облицовочного валуна, использованного при возведении основного массива крепости в 1582–1595 гг. Валунов внешних стен оказалось немногим более 31 тысячи. Количество камней забутовки внутри стен подсчету не подлежит.

27. Полученная цифра позволяет рассчитать примерную скорость использования валунов для облицовки за один летний строительный сезон. Она составляет около 2,2 тыс. камней. Ежемесячно укладывалось в среднем 560 камней, а за рабочий день в среднем 22 камня. В час строители укладывали в среднем два наружных валуна — скорость вполне реальная. Четкий ритм строительства мог быть выдержан при условии тщательной организации труда и огромной подготовительной работы. Валуны были не только заранее доставлены к объекту, но и рассортированы по размеру, что позволяло их укладывать сразу в ряды определенной высоты. Заготавливать камни могли и осенью, а везти — зимой санным путем. Отдельно собирались небольшие камни для внутренней забутовки.

28. Кирпичей, примененных для возведения сводов печур и ворот, арочных проходов, бойниц ручного боя, внешней стены и парапета обходной галереи со столба-

ми, насчитано 533 тысячи. Теперь можно представить объемы производства кирпича на Соловках и скорость кладки. В год крепость требовала в среднем почти 38 тыс. кирпичей, в один из четырех рабочих месяцев около 9,5 тыс. кирпичей. Для одного рабочего дня в среднем требовалось примерно 380 кирпичей, в час 32 кирпича. Примечательно, что цифра 38 тыс. соотносится с годовой нормой выработки соловецкого кирпича во второй половине XVI столетия. В «Сказании о Филипповом строении» указывается, что производительность соловецкого кирпичного завода составляла 40 тыс. кирпичей в год.

29. Использование валуна должно было сократить объем примененного дорогостоящего известкового раствора. Прежде чем приготовить этот раствор, надо было наломать известняк за 300 км на Двине, привезти его на судах по морю. Загадкой останется и количество собранных в гнездовьях птичьих яиц, использованных для придания раствору клейкости.

30. Упрощению подсчетов кирпича способствовала система кладок, основанная на определенном сочетании позиции тычков и ложков. В арках печур использовался комплект из трех кирпичей, в амбразурах — из двух. В парапетах комплект включал 4,5 кирпича.

31. Детальный анализ 27 описей оружейной казны Соловецкой крепости с кон-

ца XVI в. по 1795 г. (Приложение 1) с помощью таблиц позволил прояснить вопрос о составе и количестве вооружения, его эволюции и судьбе. Для своего времени Соловецкая крепость располагала почти всеми видами и типами оружия.

32. Отдельные помещения Соловецкой крепости с момента основания и вплоть до 1743 г. использовались как тюрьма. Привлечение исторических планов позволило локализовать и провести комплексное историко-археологическое исследование Головленковой тюрьмы. Она оказалась в толще стены крепости в двух помещениях. Вход в них вел из третьей печуры подопленного боя, что к северу от Архангельской башни. Выявлены детали, которые не указаны на планах: крыльцо перед входом в печуру, узкие окна в западной стене, канал сброса отходов из северного помещения, деревянный пол в печуре и земляной пол в тюремных помещениях.

33. Археологическая попытка выявить земляную тюрьму в Коровой башне к югу от центрального столба, где она якобы располагалась согласно легенде, успехом не увенчалась.

Крепость Соловецкого монастыря — неординарное явление отечественной и европейской фортификации. Приведенных в книге данных вполне достаточно, чтобы получить ответ на вопрос, как построить Соловецкую крепость.

Приложение 1.

ОРУЖЕЙНАЯ КАЗНА СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ ПО ДАННЫМ МОНАСТЫРСКИХ ВКЛАДНЫХ КНИГ, ОПИСЕЙ ВООРУЖЕНИЯ И ИМУЩЕСТВА КОНЦА XVI — XVIII в.

Документ 1. Книга вкладная Соловецкого монастыря 1536–1600 гг. Черновик

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 125 (*Книга 1536–1600 гг.*).

- л. 15 Лета 7086 (1578 г.). Пожаловал царь и государь великий князь Иван Васильевич всеа Руси в Соловецкий монастырь две пищали полуторных медные. Да две пищали девятипядные медные же, а к ним 400 ядер железных. Да 5 пищалей затинных, да 100 рушниц, да государь же пожаловал зелья к тому наряду 115 пуд. А привез государева жалованья наряд и зелье в Соловецкий монастырь Михаил Володимиров сын Озеров, при игумене Варламе.
- л. 15 об. [7]087 (1579) году государева ж жалованья привез в Соло // вецкий монастырь Ондрей Загрянской 3 пищали затинных да пуд зелья с четвертью при игумене ж Варламе.
Лета 7098 (1590)... //
- л. 16 Да того же году царь и государь пожаловал 4 бочки зелья, а весу 50 пуд, да свинцу 50 пуд, а привезли в Соловецкий монастырь зелие и свинец московские пушкари Федор Бояринов, сам третей с товарищи, при игумене Иякове. Того ж году царь и государь пожаловал 4 пищали затинных да бочку зелья 12 пуд, //
- л. 16 об. да свинцу 12 пуд, а привез те пищали и зелие, и свинец в Соловецкий монастырь Митрофан Кукин при игумене Иякове.
Да в [7]100 (1592) году пожаловал царь и государь 5 пищалей затинных, а к ним ядер 390 свинчатых да 600 ядер железных, а привезли те пищали и ядра московский пушкари Яков Тверитин, сам третей с товарищи, при игумене Иякове <...>. //
- л. 17 об. Да того же [7]101 (1593) году Елизарей Протопопов отвел в Сумском остроге по государеве грамоте государева жалованья соловецким старцом Петру да Доментияну две пушки медных полуторных, а к ним 2 ядер железных, да 10 рушниц, да зелья 11 пуд, да свинцу 20 пуд 7 гривенок с четю. А был тот наряд и зелье, и свинец с воеводами со князем Андреем да со князем Григорем Волконскими с товарищи в походе немецком при игумене Иякове.

Документ 2. Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Исидору 1597 г.

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 127 (*Книги 1597 г.*).

Опубликован: *Описи СМ XVI в.*, 2003, с. 167–168.

- л. 113 Да на городе наряду.
Государева жалованья 6 пушек медных полуторных, да две пушки девятипядные медные же. //
- л. 113 об. Да семнатцать пищалей затинных, да сто рушниц.

- Да монастырские купли две пушечки медных скорострелных.
Да монастырского кованья пять пушек скорострелных железные.
Да восемь пушек железных полуторных и девятипядных.
Да немецких четыре пушечки полонянки сороковых железные.
Да затинных пищалей монастырского кованья дватцать пищалей.
Да немецких полонянок четыре волконейки. //
- л. 114 Да в анбаре триста тринацать рушниц.
Да тритцать пять самопалов свитцких, с вители, и с порошницами, и со фляшки.
Да триста копей и рогатин.
Да зелья под полатою государева жалованья и монастырские купли сто тритцать два пуда.
Да свинцу государева жалованья и монастырские купли сто девять пуд.
Да семь пансырей, да колчюга, да шапка железная, да наручи.
Да дватцать пять саадаков полные. //
- л. 114 об. Да восемь самострелов железных с храпы и с поясы.
Да дватцать семь седел старческих и служних со всею снастью.
Да тритцать три япанчи, да восемь кебяняков.

Документ 3. Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Антонию. 1604 г.

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 128 (*Книги 1604 г.*).

- л. 115 Да на городе наряду.
Государева жалованья шесть пушек медных полуторных. Да две пушки медные девятипядные. Да семнатцать пищалей затинных. Да сто рушниц.
Да монастырские купли две пушечки медных скорострелные. //
- л. 115 об. Да монастырского кования пять пушек железных скорострелные.
Да восемь пушек полуторных и девятипядных. Да дватцать пищалей затинных железные ж.
Да немецких полонянок четыре пушечки, сороковые железные. Да четыре волконейки.
Да в анбаре триста пятнатцать рушниц.
Да тритцать пять само[па]лов свитцких с вители, и с порошницами, и со фляшки.
Да триста копей и рогатин.
Да зелья под полатою государева жалования и монастырские купли сто тритцат два пуда. //
- л. 116 Да свинцу государева ж[аловани]я и монастырские купли сто девять пуд.
Да семь пансырей, да колчюга, да шапка железная, да наручи.
Да дватцать пять саадаков полные.
Да восемь самострелов железные с храпы и с поясы.
Да дватцать семь седел старческих и служних со всею снастью.
Да тритцать три япанчи, да восемь кебяняков.

Документ 4. Книги отписные Соловецкого монастыря игумена Иринарха. 1613 г.

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 130 (*Книги 1613 г.*).

- л. 111 Да на городе наряду государева жалования шесть пушек медных полуторных.
Да две пушки медные девятипядные.

- Да семнатцать пищалей затинных да 100 рушниц. //
- л. 111 об. Да монастырские купли медных скорострелных и полуторных, и девятипядных пушек — дватцать три пищали.
Да железных монастырского кованя пушек скорострелных и полуторных, и девятипядных, и дробовых тюфяков, и хвостушь — пятьдесят четыре пищали.
Да 20 пищалей затинных железные ж.
Да немецких полонянок четыре пушечки сороковые железные, да 4 волконеики.
Да в полате триста тритцать рушниц, да двести пятьдесят самопалов свитцких с вятилями, и с порошницами, и со фляшками.
Да четыреста пятьдесят копей и рогатин. //
- л. 112 Да зелья под полатою двести восьмьдесят пуд.
Да свинцу двести семдесят пуд.
Да семь пансырей, да колчуга, да шапка железная, да наручи.
Да тритцать семь саадаков полные.
Да восмнатцать самострелов железные с храпы и с поясы.
Да дватцать семь седел старческих и служних со всею снастью.
Да пятсот топоров, да тритцать шесть япанечь, да десять тебяняков, да восьмь шатриков, да две полатки полотняные.

Документ 5. Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря игумену Рафаилу. 1632 г.

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 137 (*Книги 1632 г.*).

- л. 161 А наряду на городе по башням и в воротех.
Блаженные памяти великаго государя царя и великаго князя Ивана
- л. 161 об. Васильевича всеа Руси жалованье медных 4 пищали полуторных да // две пищали девятипядные.
Да монастырского ж дела 4 пищали железные девятипядные.
Да три пищали железные же скорострельные.
Да 4 пушечки железные тюфяки дробовые.
Да 17 пищалей железных волконеек.
Да 29 пищалей затинных.
Да монастырские купли немецких медных пищалей. //
- л. 162 [Дв]е пищали медных полуторных.
[Д]а 10 пищалей девятипядные медные.
Да 4 пищали волконеики медные же.
Да немецкого полонского наряду 4 пищали железные хвостуши. //
- л. 162 об Да в зелеиной казне пушечного и п[ищал]ного зелья в бочках 523 пу[д] с четвертью.
Да селитрые весом 15 пуд 2 четверти.
Да свинцу в свиняхи в лемехах 550 пуд. //
- л. 163 [Д]а в оружейной полате ратного.
[Зн]амя тафтяное. Да 2 набата турские. Да 9 пансырей, да колчюга. Да шапочка мисюрская. Да наручи. Да щит.
Да 14 самопалов ливонских долгих и коротких со влагалищами, а влагалища дубленные да суконные.
Да самопал аглинской, ствол золотом навожен.
Да самопал на турское дело с серебряными пояски.
Да 400 самопалов свитских.
Да 290 пищалей рушниц.
Да 100 самопалов дано стрелцом. //

- л. 163 об. Да в казне же к самопалом и пищалем 350 рогов, а зелья в [них] по фунту.
Да 80 лядунок зарядных с порохом.
Да 200 порошниц рушничных, а зелья в них по фунту же.
Да у самопалов и у пищалей по фунту пулек.
Да 13 рогов немецких костяных з железными носками.
Да 530 фляжек маленьких затравочных деревяных з железными носками.
Да в ящикех деланых готовых бумажных 7600 занарядов. //
- л. 164 [Да в] ящикех же пулек литых пищал[ных] и самопалных 21 пуд 12 гривенок.
Да 3050 пулек облитых к затинным.
Да 90 ядер облитых же к полковым пищалем.
Да железных 1600 пулек к затинным.
Да 3 кади дробу железного.
Да 15 самострелов железных с храпы и с поясы, а к ним 950 стрел з железцы.
Да 36 саадаков с стрелами.
Да лук с ножыки и тетивою.
Да 55 луков мякляков с тетивами ж. //
- л. 164 об. Да в ящикех 2570 стрел[ковых] ратниц.
Да 70 сабель. Да три сабли булатные. Да палаш стальной.
Да 2 бердыша. Да либарда, да 50 чеканов. Да кинжал булатной.
Да 560 копей и рогатын с ратовищами.
Да 115 япанечь белых, и черных, и серых, новых и держаных.
Да 9 тебяняков новых и подержаных, да 47 полстей новых и держаных.
Да 100 узд новых и держаных, старческих и служних.
Да 68 седел старческих и служних с снималники и без снималников, новых и держаных. //
- л. 165 8 попон волоских и черкаских.
Да 2 чердака, один кожаной с полами, а другой суконной лазорев.
Да 21 полатка, болших и малых.
Да шатер круглой с полами.
Да 28 пологов новых и держаных.
Да 50 медведен.

Документ 6. Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря игумену Маркеллу. 1640 г.

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 139 (*Книги 1640 г.*).

- л. 154 об. А наряду на городе по башням и воротех.
Блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии жаловане медных четыре пищали полуторных да две пищали девятипядные. //
- л. 155 Да монастырского литья две пищали медные девятипядные.
Да монастырьского ж дела четыре пищали железные девятипядные.
Да три пищали железные ж скорострелные.
Да четыре пушечки железные, тюфяки дробовые.
Да семнатцать пищалей железных волконеек.
Да дватцать девять пищалей затинных.
Да монастырьские купли немецких медных пищалей. //
- л. 155 об. Две пищали медных полуторных.
Да десять пищалей девятипядные медные.
Да четыре пищали волконееки медные ж.
Да немецкого полонского наряду четыре пищали железные хворостушки.

- Да в зеляной казне пушечного и пищального зелья в бочках пятьсот двадцать три пуда с четвертью.
Да селитры весом пятнатцать пуд две четверти. //
- л. 156 Да свинцу в свинях и в лемехах пять сот пяддесят пуд.
Да в оружейной полате ратного.
Знамя тафтяное да два набата турьские.
Да девять пансырей, да кольчюга, да шапочка мисюрская, да наручи, да щит.
Да четырнатцать самопалов ливонских долгих и коротких со влагалищами, а влагалища дубленные да суконные. //
- л. 156 об. Да самопал аглинской, ствол золотом навожен.
Да самопал на турьское дело с серебряными пояски.
Да четыреста самопалов свитцких.
Да двесте девяносто пищалей рушниц.
Да сто самопалов дано стрелцом.
Да в казне же к самопалом и пищалем триста пяддесят рогов, а зелья в них по фунту.
Да восмидесят лядунок зарядных с порохом. //
- л. 157 Да двесте порошниц рушничных, а зелья в них по фунту же.
Да у самопалов и у пищалей по фунту пулек.
Да тринацать рогов немецких костяных з железными носками.
Да пятьсот тритцать фляжек маленьких затравочных деревяных з железными носками.
Да в ящикех в деланых готовых бумажных семь тысячь шесть соть занарядов.
Да в ящикех же пулек литых пищальных и самопальных двадцать один пуд двенатцать гривенок. //
- л. 157 об. Да три тысячи пяддесят пулек облитых к затинным.
Да девяносто ядер облитых ж к полковым пищалем.
Да железных тысяча шестьсот пулек к затинным.
Да три кади дробу железного.
Да пятнатцать самострелов железных с храпы и с поясы, а к ним девятьсот пяддесять стрел з желесцы.
Да тритцать шесть саадаков с стрелами.
Да тритцать восемь луков с тетивами. //
- л. 158 Да лук с ножики и с тятивою.
Да пяддесят пять луков мякляков с тетивами же.
Да в ящике ж две тысячи пятьсот семдесят стрельковых ратниц.
Да семдесят сабель. Да три сабли булатные. Да палаш стальной.
Да два бердыша, да липарда, да пяддесят чеканов, да кинжал булатной.
Да пятьсот шездесят копей и рогатин с ратовищами. //
- л. 158 об. Да сто пятнатцать япанчь белых, и черных, и серых, новых и держаных.
Да сорок семь полстези белых и черных, новых и держаных.
Да девять тебеньков новых и подержаных.
Да сто узд новых и держаных старческих и служних.
Да шестьдесят восемь седел старческих и служних с снималники и бес [с]нималников новых и держаных.
Да восьмь попон волоских и черкаских. //
- л. 159 Да два чердака, один кожаной с полами, а другой суконной лазорев.
Да двадцать одна полатка, болших и малых.
Да шатер круглгой с полами.
Да двадцать восемьпологов новых и держаных.
Да двадцать два медведна.

Документ 7. Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Илье. 1645 г.

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 141 (*Книги 1645 г.*).

425

- л. 173 А наряду на городе по башням и в воротех.
Блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси жаловане медных четыре пищали полуторных да две пищали девятипядные.
Да монастырского литья две пищали медные девятипядные. //
- л. 173 об. Да монастырского ж дела четыре пищали железные девятипядные.
Да три пищали железные ж скорострелные.
Да четыре пушечки железные, тюфяки дробовые.
Да семнатцать пищалей железных волконеек.
Да дватцать девять пищалей затинных.
Да монастырские купли немецких медных пищалей.
Две пищали медных полуторных.
Да десять пищалей девятипядные медные. //
- л. 174 Да четыре пищали волконенки медные ж.
Да немецкого полонского наряду четыре пищали железные хвостуши.
Да в зеляной казне пушечного и пищалного зелья в бочках пятсот дватцать три пуда с четвертью.
Да свинцу в свинах и в лемехах пятьсот пятьдесят пуд. //
- л. 174 об. Да в оружейной полате ратного.
Знамя тавтяное, другое киндячное на древце.
Да набат турской, да 9 пансырев.
Да колчюга, да 2 шапочки мисюрские, да наручи, да щит.
Да 17 самопалов ливонских долгих и коротких.
Да самопал на турское дело с серебряными пояски.
Да 5 самопалов двоезарядных гладких.
Да 514 самопалов долгих и коротких однозарядных гладких. //
- л. 175 Да 190 пищалей з жаграми.
Да две пищали маленькие рушницы з жаграми же, одна медная, а другая железная.
Да двесте тритцать шесть рогов самопальных з зельем, а зелья в них по фунту.
Да рог буйволовой, да 2 фляжки большие.
Да 122 рога самопальные ж з зельем, а зелья в них по полуфунта.
Да 12 рогов немецких з железными носками порозжи.
Да 79 лядунок суконных и кожаных.
- л. 175 об. Да двѣсте порошниц з зельем, а зелья // в них по фунту.
Да девяносто порошниц з зельем же, а зелья в них по полу фунта.
Да шестьсот тритцать девять фляжек маленьких заправочных, деревяных з железными носками.
Да в ящиках самопальных дѣланных готовых бумажных зарядов 7720 зарядов з зельем.
Да в ящикех пулек литых самопальных 22 пуда 28 гривенок.
Да девяносто ядер облитых к полковым пищалем.
Да к затинным облитых же две тысячи десять пулек. //
- л. 176 Да железных тысяча двѣсте ядер к затинным.
Бочка дробѣ железного.
Да 18 самострелов железных с храпы и с поясы, а к ним 1000 стрел з железцы.
Да тритцать восемь саадаков с стрелами.
Да тритцать четыре лука с тетивами.
Да лук с ножики и с тетивою.
Да в ящикех и в пуцках две тысячи семсот стрел новых ратниц.

- Да восьмьдесят сабел, да три сабли булатные, да сабля турецкая, да 2 палаша стальные. //
- л. 176 об. Да пятьдесят чеканов, да кинжал булатной, да пять топорков с обушками. Да пятсот дватцать восемь копей и бердышев с ратовищами. Да семдесят шесть япанчев бьлых, и черных, и сърых, новых и держаных. Да сто узд новых и держаных, старческих и служних. Да семдесят семь седел старческих и служних, с снималники и без снималников, новых и держаных. Да пять попон волоских и черкаских.
- л. 177 Да два чердака, один коженой с полами, // а другой суконной лазорев. Да дватцать две полатки болших и малых. Да шатер круглой с полами. Да семнатцать пологов новых и держаных. Да пятьдесят медведен.

Документ 8. Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря ружничьему старцу Моисею. 1651 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 251 (*Книга 1651 г.*).

- л. 1 об. [7]158-го году октября в 3 д[ень] переписали в монастырь ружничью казну у старого ружничего старца Силуяна новому ружничему старцу Моисею ружья и всякие служивые рухляди. В полате Божия милосердия 2 образа чудотворцы Зосимы и Саватия на золоте, образ Пречистые Богородицы на золоте, по полям чудотворцы, образ Николы чудотворца на празелени, образ архангела Михаила пядница, три креста деревяных. //
- л. 2 Да и в тои ж полате розного ружья 9 пансырей, да колчюга, да пансырь худенек, 2 шапочки мисюрские, наручи. Набат турецкой целой, другово набата дерево без ножищи, 17 самопалов ливонских больших и малых да самопал вкладной винтовальной Гаврила Ильина. Самопал на турецкое дело с серебряными пояски, да 5 самопалов двоезарядных гладких. Самопалов долгих и коротких, однозарядных гладких 545 самопалов.
- л. 2 об. Пищалей з жаграми 189. У всех // по фунту пулек в мошнях. Да 370 рогов самопалных с порохом, а иные в том же числе и без пороху. Да рог буйволовоу, да 2 фляшки большие. Да 9 рогов немецких з железными носками без пороху. Да 74 лядунок суконных и кожаных. 200 порошниц с порохом, не все. 90 порошниц с порохом, а пороху в них по полуфунта. Фляжек деревяных 599 фляжек. Да фляжек новых деревянных же 40 фляжек.
- л. 3 Зарядов бумажных самопалных, // деланых в ящиках и в лядунках 7720, зелья в них 4 пуда 20 гривенок, а свинцу в них 6 пуд 15 гривенок. Писаны по старым отводным книгам, а не считаны, ни вешены. В ящике пулек самопалных 22 пуда 28 гривенок. Пороху крупеного 3 пуда 2 четверти да пушешного пороху пуд. 90 ядер облитых к полковым пищалем. Да к затинным облитых же 2030 ядер, да к затинным же железных 1200 ядер. Да 18 везен.
- л. 3 об. 46 крючков железных поясных, // что вешают роги з зельем. Лук с ножиками з булатными, с тетивою буйлов. Держаных 34 лука с тетивами ж, да тетив лучных 44 тетивы лучных новых.

- 15 луков новых без тятив, стрел новых в дву ящиках да в пучках 2700.
Саадаков 38, а стрел в них новых и держаных 890.
Да 30 тохтуев, да то ж тур киндячной, 10-ры перя орловых крыл с хвостами.
Да самострелов 23 целых. 10-ры храпы, 4 сохи. 20 тулов самострелных. //
- л. 4 Стрел самострелных: 1007 з желесцы, 30 томаров.
Копей и бердышев с ратовищами 528.
5 копей долгих.
4 рогатины без ратовищ.
2 коловорота самострелные.
3 сабли булатные, да сабля турская, да палаш сталной¹.
Да 106 сабель простых.
Кинжал булатной.
Да 49 чеканов, 6 топорков с обушками. Седло игуменское с снималником вишне-
нев суконной и со всею седелною снастию.
- л. 4 об. Седло старческое бархатное, с травы по красной земли, зеленые луки // с кость-
ми, писано золотом, с войлоки и снастью седелною.
Да 22 седла старческие с снималниками и снастью седелною, да 55 седел сна-
стью езжалых без войлоков.
13 седлишек старинных плохих и ломаных.
Да 34-ры войлоки новых да ветхих 30-ры войлоки.
9-ры стремяна железные.
9 снастей седелных новых.
5 мушкетов ременных держаных.
4 узды окованные.
35 узд ременных держаных.
60 узд ременных новых монастырьского и новгородцкого дела. //
- л. 5 5-ры возжи, обшиты сукном лазоревым и зеленым.
10-ры возжи нерпечи.
9 хомутов с подклейками и хвостами дерева, крашенные резные.
15 плетей с костью.
8 плетей простых.
11 чемоданов.
20-ры сумки переметных езжалых.
6-ры сумки выючных.
Сумка хребетная.
Япанеч новых черных, и белых, и серых 56.
Подержаных 8 япанеч.
Полсть суконная игуменская синяя, да розхожих 37 полстей новых, держаных
15 полстей. //
- л. 5 об. 58 медведен.
Одна² попона волоская белая.
4 попоны суконные пестрые игуменские.
20 попон новых бисяжных.
Попона сермяжная серая.
4 полотенца бисяжные, чем покрывают ружье.
2 чердака холщевые, чердак кожаной с полами, чердак суконной лазоревой.
Полатка игуменская.
Полатка столовая.
Шатер круглой с полами, да малых полаток подержаных 24 полатки.
28 пологов.
Бочка дробу железного. //
- л. 6 21 калыпцов малых.

¹ В ркп. слово *зачеркнуто*, *сверху*: полусаблишко.

² В ркп. первоначально *проставлена* цифра 2, но была *зачеркнута*.

Лейка, в чем свинец топят.

Фурма железная.

Фурма медная.

12 кож съемных.

Знамя тафтяное, другое киндячное на древце.

2 фурмы каменные.

Вереги со крестом.

Коромысел весковой.

2 контяря, 2 безмена, 2 терпуга, 6 топоров.

Две наковални малые, 4 пилки, молот большой, молот маленькой.

Свинцу 2 свини без четверти. //

л. 6 об. Кожа сыромятная новая. Да 5 кож новых мячинных кровельных.

5 замков самопальных новые, да шестой замок самопальной ж старой.

2 точила больших новых.

Да два точила малых новых же.

Да тое ж ружничьи казны Семен Бронников сказал у себя борошню, 2 тиски, 3 терпуга сабельные, 6 напарей, чем ложки вертят, 17 сверел, чем пищали вертят, доска винтовная, винтовник, клещицы, две стрелки громовые.

л. 7 Да в оружейной же казне замок луженой большой висучей четвер- // угольной, чем запирают ружничью казну.

Да в онбаре у Николских ворот топоров новых 1300 топоров.

Да железа цренных полиц новых 2200 полиц.

Укладу 202 пуда.

Да порубней цренных 54 порубня.

Да 16 якорей.

Да 12 веретен мельничных.

Да 67 связей.

Да 21 голен якорных.

Документ 9. Книга описная Соловецкого монастыря стольника и воеводы князя Владимира Андреевича Волконского да дьяка Алмаза Чистого. 1676 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 45 (*Книга 1676 г.*).

л. 524 В Оружейной полате... //

л. 525 В той же полате десять пансырей и в том числе один ветх. Две шапки мисюрки. Наручи.

Знамя тафтяное.

Другое знамя дорогилное, опущено, крашениною на древках.

Знамя киндяшное. //

л. 525 об. Знамя крашенинное.

Барабан.

Триста девяноста пять пищалей и мушкетов.

Сто девятнадцать пищалей и мушкетов, что из анбара з житнова двора привезены.

В верху в той же полате сто дватцать три пищали.

л. 526 Семнатцат пищалей без замков // и сломанных.

Восемь стволин без лож.

Итого шестсот пятьдесят четыре пищали и мушкетов и сломанными, кроме стволин.

Дватцать семь карабинов.

Дватцать пар пистолей.

- Сто сорок девят сабель да две шпаги. //
- л. 526 об. Триста тритцать четыре копыя и бердышев с ратовищи.
Три рогатины звериные.
Саадак с лубьем и ножами булатными.
Семьдесят четыре лука.
Пятнатцатеро лубьей.
Дватцать семь колчанов с стрелами.
Дватцать один самострел. //
- л. 527 Тринатцать тулов самострелных.
Тысяча стрел самострелных.
Тритцать стрел самострелных железницами.
Пятьдесят чеканов.
Сорок четыре замка пищальные новые, в том числе два замка о двух спусках. //
- л. 527 об. Девяносто ольстров суконных и кожаных пищальных, и карабинных, и пистол-
ных.
Двести пятьдесят порошниц.
Триста рогов самопальных.
Тринатцать рогов немецких.
Пятьдесят лядунок новых и старых под сукном.
Сто натрусок малых ветхих.
Десять фляжек с раковинами. //
- л. 528 Дватцать семь фляжек деревянных с поясками.
Семьдесят лядунок кожаных.
Дватцать четыре вязни ветхих.
Восмь напарей ложных.
Дватцать семь сверл больших и малых.
Дватцать одна фурма железных. //
- л. 528 об. Лейка железная, в ней свинец топят.
Фурма медная.
Две фурмы каменные, в ящике сто пять трещеток. //
- л. 529 Лудилница, а в ней олова десять фунт.
В дву ящиках дватцать четыре пуда дватцать фунт пулек свинцовых.
- л. 529 об. Семдесят девять ядер, // облиты свинцом полковых пищалей.
Четыре тысячи двести ядер, облитых свинцом затинных пищалей...
- л. 550 об. Да в Соловецком же монастыре по городу и по башням наряду и затинных пи-
щалей.
В Стратилатовской башне в нижнем бою. Пушка медная, длина три аршина
пол третя вершка, станок и колеса окованы, ядро к ней семь гривенок. //
- л. 551 Пушка железная скорострелная, длина три аршина одиннатцать вершков, стан-
нок на колесах окован, ядро к ней семь гривенок с четвертью.
Пушка железная хвостушка, длина два аршина три вершка, в станку на колесах,
ядро к ней полгривенки.
В среднем бою пушка медная проломная, длина три аршина пол десята вершка,
станок на колесах, окован, ядро к ней семь гривенок. //
- л. 551 об. Пушка медная полковая, длина три аршина три четверти, станок и колеса око-
ваны, ядро к ней три гривенки.
Пушка железная чюгунная, длина три аршина одиннадцать вершков, станок
и колеса окованы, ядро к ней пол семь гривенки.
Пушка небольшая железная хвостушка, длина два аршина десят вершков, без
станку, ядро к ней пол гривенки. //
- л. 552 В верхнем бою пушка медная большая полковая, длина три аршина два вершка,
станок на колесах, окован, ядро к ней две гривенки.
Пушка небольшая железная кованая, длина три аршина без полутора вершка,
в станку, ядро к ней полгривенки.
Пушка железная затинная, длина два аршина десят вершков.

- л. 552 об. Ствол пицальной железной без ложки, // длина два аршина десят вершков.
В Сушиленной и в Белой башни в нижнем бою пушка железная дробовка, длина полтора аршина, станок и колеса окованы.
Отрывок большой пушки медной, длина два аршина без дву вершков, к стрельбе не годитца.
- л. 553 В среднем бою пушка медная, руское дело, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы железом, к ней // ядро три гривенки.
Пушка железная небольшая хвостушка, длина аршин три вершка, станок на колесах.
Пушка железная небольшая скорострелная, длина полтора аршина.
Пицаль затинная без замка, длина полтретя аршина.
- л. 553 об. В третьем бою пушка медная проломная, длина четыре аршина, // станок окован, к ней ядро пол семы гривенки.
Пушка железная, длина полтора аршина на колесах, к ней ядро пол гривенки.
Да подле Белой башни на городской стене две пицали затинные без замков, в длину по аршину по десяти вершков.
Пицаль затинная, длина аршин пять вершков. Пушка железная небольшая // хвостуша, длина два аршина три вершка.
- л. 554 В Архангельской башне в нижнем бою.
Пушка железная проломная чугунная, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы железом, ядро к ней семь гривенок.
- л. 554 об. В среднем бою пушка медная, руское дело, длина четыре аршина с четвертью, станок и колеса окованы железом, // ядро к ней пол семы гривенки.
Пушка железная, отрывок, длина пол третья аршина, к стрельбе не годитца, без станка.
В верхнем бою пушка железная кованая, дѣлина три аршина три четверти, станок окован, ядро к ней три гривенки.
- л. 555 Пицаль затинная, длина // пол третья аршина.
В Поваренной башни в нижнем бою две пушки железных, длиною одна три аршина с четвертью, чугунная, ядро к ней две гривенки.
Другая пушка длина два аршина шесть вершков, ядро к ней полторы гривенки. //
- л. 555 об. В среднем бою пушка медная, а на ней вылит орел, длина три аршина с вершком, станок окован, ядро к ней полторы гривенки.
В верхнем бою пушка медная, а на ней вылит лев, длина три аршина шесть вершков, станок окован железом, ядро к ней три гривенки.
- л. 556 Пушка чугунная // проломная, длина четыре аршина без трех вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней осмь гривенки.
Пушка чугунная проломная, длина три аршина пять вершков, станок окован, ядро к ней три гривенки.
Пушка железная хвостуха, длина два аршина шесть вершков.
В Квасоваренной башни. //
- л. 556 об. В нижнем бою пушка медная дробовик, длина аршин девять вершков, станок и колеса окованы.
Да в бойницах четыре пицали железные без замков, длина по аршину по десяти вершков.
- л. 557 В тое ж Квасоварной башни в среднем бою пушка медная, длина аршин девят вершков, станок и колеса // окованы, и ядро к ней три гривенки.
Пицаль затинная железная, длина полтретья аршина.
В среднем ж в другом бою пушка железная с чепью скорострелная, длина двенадцать вершков.
- л. 557 об. Две пушечки железные хвостухи, длиною одна два аршина без дву вершков, // ядро к ней пол гривенки.
Другая два аршина шесть вершков.
В Николской проезжей башни пушка железная дробовик, длина полтора аршина, станок и колеса гнили.

- Две пушки железные хвостухи, длиною одна два аршина шесть вершков, другая два аршина с четвертью.
- л. 558 У Николских ворот // в городской стене в бойнице пушка медная, хвост железной, дробовик отрывок, длина аршин два вершка, станок не окован. В верхнем бою пушка железная хвостуха, длина два аршина десять вершков, станок на колесах.
- В среднем бою пушка медная проломная, длина три аршина шесть вершков, розстрелана, к стрельбе не годится, станок на колесах окован, // ядро к ней гривенка.
- л. 558 об. Две пушки железных хвостухи, длиною одна два аршина десять вершков, другая два аршина с четвертью, ядро к ним три гривенки.
- Да отрывок пушки железной хвостухи, длина два аршина, к стрельбе не годится.
- л. 559 Две пушки железные затинные // длиною одна два аршина шесть вершков, другая аршин шесть вершков.
- В третьем бою пушка медная проломная дробовик, длина три аршина два вершка, станок и колеса окованы.
- Пушка медная полковая проломная, длина три аршина три четверти, а на ней вылит змей. Станок и колеса окованы, ядро к ней пол шесты гривенки //
- л. 559 об. Пищаль затинная железная, длина два аршина без четверти.
- В Корожной башни в исподном бою пушка медная, длина три аршина без двух вершков, русского дела, станок и колеса, ядро к ней три гривенки.
- Пушка медная, длина три аршина, русского дела, станок не окован, ядро к ней три гривенки.
- л. 560 Пушка хвостуха железная, // длина аршин десять вершков, ядро к ней три гривенки.
- В среднем бою пушка проломная чугунная, длина три аршина четырнадцать вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней семь гривенок.
- л. 560 об. Пушка медная, а на ней вылита львица, длина три аршина пол восьмь вершка, станок и колеса окованы, ядро // к ней две гривенки.
- Пушка небольшая железная хвостушка, длина два аршина, на колесах, ядро к ней пол гривенки.
- В верхнем бою пушка медная галанка проломная, длина три аршина одиннадцать вершков с полвершком. Станок и колеса окованы, ядро к ней семь гривенок.
- л. 561 Пушка медная дробовик, // длина два аршина с вершком. Станок и колеса окованы.
- Пушка железная хвостуха, длина три аршина, на колесах, ядро к ней пол гривенки.
- Пищаль затинная железная, длина аршин.
- В Успенской башни в нижнем бою пушка медная, длина два аршина с вершком. Станок на колесах, окован, ядро к ней пять гривенок. //
- л. 561 об. Пушка чугунная розстреляна, к стрельбе не годится.
- В среднем бою пушка чугунная проломная, длина три аршина с вершком. Станок окован, к ней ядро пол осмы гривенки.
- Пушка медная галанка, длина два аршина семь вершков, станок окован железом, ядро к ней три гривенки.
- л. 562 В верхнем бою пушка медная // галанка, а на ней вылит лев, длина три аршина семь вершков, станок и колеса окованы, ядро к ней две гривенки.
- Пушка небольшая железная хвостушка, длина два аршина два вершка, станок без окова.
- Пушка небольшая железная кованая, длина три аршина шесть вершков, станок без окова. //
- л. 562 об. Пищаль железная затинная небольшая в ложе. Пушка железная кованая хвостушка, длина два аршина бес пят вершков, станок без окова, ядро к ней полторы гривенки.

- л. 565 В пороховой казны пороху монастырского триста дватцать восемь пуд дватцать фунт порох.
Да из под церкви Николая чудотворца в пороховую ж казну поставлено девять бочек пороху весом и з деревом шесть десят девять пуд. //
- л. 565 об. А тот порох в дву полатках каменных против больницы да в мелничном порядке под кельями.

Документ 10. Книги оружейной казны Соловецкого монастыря старца Варлаама. 1688–1691 гг.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 298 (*Книги 1688–1691 гг.*).

- л. 1 об. Майя в 15 день куплено цренного железа 100 полиц. //
- л. 2 Из Сереговского усолья 5 мушкетов, а ложи у всех приломаны, у одного мушкета и замка нет.
197 [1688] октября в 1 день принята ис Керети пищаль гладкая да топорик.
Того ж числа принято у курецкого соборного старца Лаврентия 2 бердыша да медведно, да усолскаго старца Тарасия принято 2 медведна, одно болшее, другое малое... //
- л. 3 199 [1691] — году майя в 1 день Соловецкаго монастыря оружничей старец Варлам принял у старца Аввакума пищаль, а на ней клеймо монастырское, //
- л. 3 об. 199 [1691] — году майя с 1-го числа расход оруженья казны оружничего старца Варлама свинцу, и пороху, и продажа оружейная. Выдано Волкодаву
- л. 4 свинцу и пороху по фунту, // кузнецу Феофану выдано свинцу и пороху по фунту.
Продажа.
Продано пороху фунт шуеречанину, денег взято 1 алтын.
Да три фунта свинцу, денег взято три алтына 2 денги, а денги отданы казначею иеромонаху Фирсу.
Продан из казны лук и с колчаном с лубем, и стрелами, и с тавтуем, и с каменной, а денег взято за все 20 алтын, а денги отданы казначею старцу Евлогию.
- л. 4 об. Июня в 1 день отпущено по памяти // в Сумской острог к приказному соборному старцу Лаврентию свинцу два пуда да пороху пуд, послано со стрельцом Овдушком Савиным.
Июля в 20 день дворянину С...ирцу продана пара пистолей да однакая малая пистоль медная и с олстрами да шесть луков, взято за всю продажу денег два рубли 31 алтын 4 денег. //
- л. 5 Волкодаву дано пороху и свинцу по фунту по приказу казначееву.
198 [1689] году декабря в 15 день продана пищаль винтовка шуеречанину Евдокиму, денег взято два рубли осмь алтын 2 денги. //
- л. 6 об. Майя в 13 день выдано из оружейныя казны по приказу келаря старца Игнатия сумскому стрельцу Никите Куимову пищаль да по подписной челобитной Мишке Архипову выдана пищаль с натрускою да бердыш.
Алексею Федосееву дан бердыш.
Июня в 1 день кемскому стрельцу Артюхе Спицыну дан бердыш.
198 [1689] октября в 6 день дано по подписной челобитной новоприборным стрельцам Ивашку Насонову, Андрюшке Иванову, Делке Ильину, Якиме Колпакову по пищали по гладкой да по бердышу, по натруске, да по мошне, в чем пулки держат, по кремению, по десяти пулек.
Октября в 19 день дано по подписной челобитной сумскому новоприборному стрельцу // Ивашку Онегину пищаль да бердыш, натруска, мошна, в чем пулки держат, 6 пулек да кремьень.
- л. 7

- Того же числа выдано по подписной челобитной сумскому ж новоприборному стрельцу Ивашку Филипову пищаль да бердыш, натруска, мошна, в чем пульки держат, кремь да 6 пулек.
- 198 [1690] июля в 30 день выдано оруженое приборным старцам Ивашку Курикову да Васки Маселгину по пищали да по бердышу. 197 [1689] году августа в 3 день сумскому старцу Стенки Павлову выдан бердыш да сумским же стрельцам новопоставленным Герасимку Плешку выдано оружия пищаль да бердыш, порошница, мошна пулешная, 6 пулек. //
- л. 7 об. Да новоприборному ж стрельцу Онуфрейку Кашкину дано оружие пищаль да бердыш, порошница, да мошна, да кремь, да 6 пулек.
- 196 [1688] году августа в 10 день новоприборному стрельцу Кемского горотка Тимофию Яковлеву Ресцу дана пищаль, бердыш, порошница, мошна, 6 пулек, кремь.
- В том число Петрушке Картину сумскому стрельцу переменена пищаль.
- Да сумским стрельцам Якушки Каргину да Ивашку Володимирову выдано оружье вместо того оружия, что в серегов было оставлено.
- Да в то ж число выдано сумскому стрельцу Мишки Иванову на токову пищаль, бердыш, натруска, мошна, кремь, 6 пулек. //
- л. 8 197 [1689] году июня в 7 день по соборном приговору выдано оружи сумским стрельцам Нестерцу Семенову с товарищи, шти человеком, вместо того оружия, которое у них было оставлено в Серговском усоле: пищали, и бердыши, и натруски, и машини. и по кремню.
- 199 [1690] году сентября в 5 день выдано оружье новопоставленным стрельцам Ермолки да ротки Ивановы Крюковым по пищали да по бердышу, по порошнице, по мошни, по кремню, по 5 пулек.
- Старцу Мартирию дано десять кремней красных. //
- л. 8 об. Сентеври в 21 день новопоставленному стрельцу Федору Филипову выдано оружье пищаль, бердыш, натруска, мошна, 5 пулек, кремь.
- Сумскому стрельцу Стефану Кирилову дан бердыш малой руки да пищаль.
- Июля в 7 день выдано оружье новопоставленному стрельцу Никифорку Сумскому против подписной челобитной пищаль да бердыш, натруска, да кремь, да мошна, да пять пулек.
- Июля в 21 день дано денежному казначею иеромонаху Инокентию в казну шпага. //
- л. 9 Да натрусков в росходе 22 натруски.
- Стрельцам роздано да мошон, столке же пулечных.

Документ 11. Книга отводная Соловецкого монастыря городничего старца Варсонофия городничему старцу Гермогену. Июль 1694 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 353 (Книги 1694а г.).

- л. 2 Лета 7202-го июля в де[нь]³. По благословению господина отца нашего архимандрита Фирса, келаря старца Ионы, казначея иеромонаха Инокентия и соборных старцов Соловецкаго монастыря того же Соловецкого монастыря старец Варлам Мусин, пересмотря по городской стене и в башнях во всех бойницах, в верхних, и в средних, и в нижних, всякого оружия, пушок медных, и железных, и затинных, и скорострелных, и пищалей, а пересмотря, переписав, отвел от прежняго городничего старца Варсонофия новому городничему старцу Гермогену налицо, и то писано в сих кн[и]гах порознь по статьям имянно. //

³ В ркп. день не указан.

- л. 2 об. Во Святых воротах Божия милосердия образ Спасов Смоленской в молении преподобнии отцы Зосима и Саватия Соловецкие чудотворцы. Киот, а в нем образ Воскресения Христова, образ распятие Господне, образ Неопалимые Купины, образ Филиппа митрополита на красках. Пред образом Пресвятыя Богородицы Благовещения фонарь слюдной. Да за Святыми ворота пред образы фонарь слюдной же.
- л. 3 В воротах пушка чюгунная не//мецкая болшая в станке, станок и колеса окованы железом, в казенке занаряды в копьях с порохом. У казенки замок вислой немецкой.
Три пушечки медные полковые небольшие на вертлюгах.
Да пушка медная ошиток немецкой небольшой в станке.
Пушка медная дробовка в станке же. Ядро большое железное нарядное.
Да рогаток боевых стрелных и приступных и скоб полшата.
Четыре трубы медных да пятая труба железная — пожарных. //
- л. 3 об. У тех же Святых ворот замок вислой немецкой болшой, у калитки замок клинчатой.
Спаская башня. В верхнем бою пушка медная галанка прозванием Богдан да две пушки медных Богданы ж.
Две пушки медных руского литья в станках.
Две пушки железных хвостушки на вертлюгах.
В среднем бою пушка чюгунная немецкая болшая в станке, станок обит железом.
Пушка железная чюгунная завинтована. //
- л. 4 Пушка медная на вертлюгах, векша железная подъемная, сажень дробы во футлах.
Корожная башня. В верхнем бою пушка железная в станку.
В среднем бою пушка медная галанка болшая немецкова литья в станке, станок и колеса обиты железом.
Пушка железная хвостушка в сажен.
Две пушки медные Китовразы в станках немецкова литья.
В нижнем бою пушка медная прозванием Лев. //
- л. 4 об. Две пушки медных полковых гладких, пушка чюгунная немецкая болшая.
Никольская башня. В верхнем бою три пушки в станках железных хвостушки.
В среднем бою две пушки железные хвостушки.
У средняго бою замок немецкой вислой.
В воротах в нижнем бою дробовик железной короткой в станке.
Две пушки железные в станках, пушка железная на вертлюге. //
- л. 5 Десять багров железных болших для пожарного времени.
У ворот два замка клинчатых, болшой да малой.
Квасопаренная башня. В верхнем бою две пушки железных хвостушки в станках.
Пушка железная скорострелная хвостушка.
У Квасопаренных ворот два замка клинчатых вислых.
Поваренная башня. В верхнем бою две пушки железных хвостушки. //
- л. 5 об. Шестнатцать коз железных, в чем жар держат при приступном времени к городу.
У средняго бою замок вислой трупчатой.
У ворот два замка вислых, болшой да малой.
У Водяных ворот замок клинчатой.
Архангельская башня. В верхнем бою ствол железной, жагорник.
Пушка медная, обломак; пушка железная хвостушка.
- л. 6 В среднем бою полпушки желез//ных в станке.
Пушка железная скорострелная.
У ворот и в верхнем бою у дверей два замка клинчатых.
Белая башня. В верхнем бою три пушки железных хвостушки.

- Пушка медная дробовка.
У ворот Тайницких да у башни два замка вислых, клинчатой да трупчатой.
Башня Стратилатовская. В верхнем бою пушка медная прозванием Левик. //
- л. 6 об. Пушка медная гладкая русского литья.
Две пушки медные Богданова литья.
Две пушки железных в станках.
У башни замок клинчатой.
В среднем бою пушка железная чюгунная болшая, в станку.
Пушка медная прозванием Левик.
Пушка железная хвостушка на вертлюге.
Пушка железная скорострелная в станку. //
- л. 7 Пушка железная гладкая в станку.
У Рыбных ворот замок вислой.
Успенской башни у нижнего бою замок вислой немецкой.
И всего по сим книгам отведено всякого оружья на всех башнях и в бойницах
пушек медных болших и малых и со шитками 24 пушек да железных болших
- л. 7 об. и малых 34 пушек, да ствол, жагорник железной, // да вкладки в скорострелные
пушки шесть.

**Документ 12. Книга отводная Соловецкого монастыря
городничего старца Гермогена городничему старцу Леонтию.
19 ноября 1694 г.**

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 357 (*Книга 1694б г.*).

- л. 2 Лета 7203-го ноября в 19 де[нь]. По блъгословению Господина отца нашего архимандрита Фирса, келаря старца Ионы, казначея иеромонаха Инокентия и соборных старцов Соловецкого монастыря того же Соловецкого монастыря иеромонах Авфоний, пересмотря по городской стене и в башнях во всех бойницах, в верхних, и в средних, и в нижних, всякого оружья, пушек медных, и железных, и затенных, и скорострелных, а, пересмотря, переписав, отвел от прежнего городничего старца Гермогена новому городничему старцу Леонтию налицо, и то писано в сих кн[и]гах порознь по статьям имянно. //
- л. 2 об. Во Святых воротех Божия милосердия образ Спасов Смоленской в молении преподобнии отцы Зосима и Саватия Соловецкие чудотворцы.
Киот, а в нем образ Воскресения Христова, образ распятие Господне, образ Неопалимая Купины.
Образ Филиппа митрополита на красках. Пред образом Пресвятыя Богородицы Благовещения фонарь слюдной.
Да за Святыми ворота пред образы фонарь слюдной же.
- л. 3 В воротех пушка чюгунная не//мецкая болшая в станке, станок и колеса окованы железом, в казенке занаряды в копьях с порохом, у казенки замок вислой немецкой.
Четыре пушечьки медные полковоя небольшие в станках.
Пушка медная дробовка в станке ж. Ядро болшое железное нарядное.
Да рогаток боевых стрелных и приступных и скоб полушата.
Четыре трубы медных да пятая труба железная — пожарных. //
- л. 3 об. У тех же Святых ворот замок вислой немецкой болшой, у калитки замок клинчатой.
Спаская башня.
В верхнем бою пушка медная галанка прозванием Богдан.
Да две пушки медных Богданы же.
Две пушки медных русского литья в станках.

- Две пушки железных хвостушки на вертлюгах.
В среднем бою пушка чугунная немецкая большая в станке, станок обит железом.
Пушка железная чугунная завинтована. //
- л. 4 Пушка медная на вертлюгах, векша железная подъемная, сажень дробы во фтулках.
Корожная башня.
В верхнем бою пушка железная в станку.
В среднем бою пушка медная галанка Большая немецкава литья в станке, станок и колеса окованы железом.
Пушка железная хвостушка в сажень.
Две пушки медных Китовразы в станках немецкова литья.
В нижнем бою пушка медная прозванием Лев. //
- л. 4 об. Две пушки медных полковых гладких.
Пушка чугунная немецкая большая.
Никольская башня.
В верхнем бою три пушки в станках железных хвостушки.
В среднем бою пушка железная хвостушка.
У среднего бою замок немецкой вислой.
В воротех в нижнем бою дробовик железной кородкой в станке.
Две пушки железные в станках.
Пушка железная на вертлюге. //
- л. 5 Десять багров железных больших для пожарного времени.
У ворот два замка клинчатых, большой да малой.
Квасоваренная башня.
В верхнем бою две пушки железных хвостушки в станках.
Пушка железная скорострелная хвостушка.
У Квасоваренных ворот два замка клинчатых вислых.
Поваренная башня.
В верхнем бою две пушки железных хвостушки. //
- л. 5 об. Шестнатцать коз железных, в чем жар держат при приступном времени к городу.
У среднего бою замок вислой трупчатой.
У ворот два замка вислых, большой да малой.
У Водяных ворот клинчатой замок.
Архангельская башня.
В верхнем бою ствол железной, жагорник.
Пушка медная, обломак.
Пушка железная хвостушка.
- л. 6 В среднем бою полпушки железных // в станке.
Пушка железная скорострелная.
У ворот и в верхнем бою у дверей два замка клинчатых.
Белая башня.
В верхнем бою три пушки железных хвостушки.
Пушка медная дробовка.
У ворот Тайнических да у башни два замка — вислых клинчатой да трупчатой
Башня Стратилатовская.
В верхнем бою пушка медная прозванием Левик. //
- л. 6 об. Пушка медная гладкая русково литья.
Две пушки медные Богданова литья.
Две пушки железных в станках.
У башни замок клинчатой.
В среднем бою пушка железная чугунная большая, в станку.
Пушка медная прозванием Левик.
Пушка железная хвостушка на вертлюге.
Пушка железная скорострелная в станку. //

- л. 7 Пушка железная гладкая в станку.
У Рыбных ворот замок вислой.
Успенской башни у нижнего бою замок вислой немецкой.
И всего по сим книгам отведено всякого оружия на всех башнях и в бойницах
пушек медных больших и малых и со шитками 24 пушек да железных больших
и малых 34 пушек, да ствол, жагорник железной, // да вкладки в скорострельные
пушки шесть⁴.
- л. 7 об.

**Документ 13. Книга отводная Соловецкого монастыря
городничего старца Леонтия городничему старцу Афанасию.
15 января 1695 г.**

Текст по рукописи. РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 359 (*Книга 1695 г.*).

- л. 1 Лета 7203-го генваря в 15 де[нь]. По благословию господина отца нашего
архимандрита Фирса, келаря старца Ионы, казначея иеромонаха Инокентия
и соборных старцов Соловецкого монастыря иеромонах Авфоний, пересмотря
по городской стене и в башнях во всех бойницах, в верхних, и в нижних, и в
средних, всякого оружия, пушек медных и железных и затейных и скорострель-
ных а пересмотря, переписав, отвел от прежнего упокойного
- л. 1 об. городничего монаха Леонтия новому городничему // иеромонаху Афанасию
налицо, и то писано в сих книгах порознь по статьям и имянно.
Во Святых воротах Божия милосердия образ Спасов Смоленской в молении
преподобнии отцы Зосима и Савватий Соловецкии чудотворцы.
Киот, а в нем образ Воскресения Христова.
Образ распятие Господне и образ Неопалимыя Купины.
Образ Филиппа митрополита на [з]олоте. //
- л. 2 Пред образом Пресвятыя Богородицы фенарь слюдной.
Да за Святыми вороты пред образы фенарь слюдной.
В воротех пушка чюгунная немецкая большая в станки, станок и колеса окова-
ны железом, в казенки занаряды в копьях с порохом, у казенки замок вислой
немецкой.
Четыре пушечки медные полковые небольшие в станках.
Пушка медная дробовка в станки ж. //
- л. 2 об. Ядро большее железное нарядное.
Да рогаток боевых стрелных и приступных и скоб польушата.
Четыре трубы медных да труба железная — пожарных.
У тех же Святых ворот замок висучей немецкой болшей, у калитки замок клин-
чатой.
Башня Спаская.
В верхнем бою пушка медная галанка прозванием Богдан да две пушки медных
Богданы же. //
- л. 3 Две пушки медных русского литья в станках⁵.
Две пушки железных хвостушки на вертлюгах⁶.
В среднем бою пушка чюгунная немецкая большая в станки, станок обит же-
лезом.
Пушка железная чюгунная завинтована.
Пушка медная на вертлюг, векша железная подъемная, сажень дробы во фтул-
ках. //

⁴ В ркп. в конце подпись: Сумский стрелец Петрушка Васков руку приложил.

⁵ В ркп. справа на поле: одна; ниже: другая и ветха.

⁶ В ркп. справа на поле: пушка, но дробовка.

- л. 3 об. Корожная башня.
В верхнем бою пушка железная в станку.
В среднем бою пушка медная галанка немецково литья в станке, станок и колеса окованы железом.
Пушка железная хвостушка в сажень.
Две пушки медные Китовразы в станках немецково литья.
В нижнем бою пушка медная прозванием Лев. //
- л. 4 Две пушки медных полковых гладких⁷.
Пушка чугунная немецкая большая ж[елез]ная подем[ная].
Никольская башня.
В верхнем бою три пушки в станках железных хвостушки⁸.
В среднем бою пушка железная хвостушка⁹.
У среднего бою замок немецкой вислой. //
- л. 4 об. В воротех в нижнем бою дробовик железной короткой в станки¹⁰.
Две пушки железных в станках.
Пушка железная на вертлюге.
Десять багров железных болших для пожарного времени.
У ворот два замка клинчатых, болшой да малой.
Квасопаренная башня.
В [ве]р[хн]ем бою две пушки железных //
- л. 5 хвостушки в станках.
Пушка железная скорострелная хвостушка.
У Квасопаренных ворот два замка клинчатых вислых¹¹.
Поваренная башня.
В верхнем бою две пушки железных хвостушки.
Шестнатцать коз железных, в чем жар держат при приступном времени к городу¹². //
- л. 5 об. У средняго бою замок вислой трупчатой.
У ворот два замка вислых, болшой да малой.
У Водяных ворот замок клинчатой.
Архангельская башня.
В верхнем бою ствол железной, жа[го]рник.
Пушка медная, обломок.
Пушка железная хвостушка. //
- л. 6 В среднем бою полпушки железных в станке.
Пушка железная скорострелная.
У ворот и в верхнем бою у дверей два замка клинчатых.
Белая башня.
В верхнем бою три пушки железных хвостушки.
Пушка медная дробовка¹³.
- л. 6 об. У ворот Тайницких да у башни // два замка — вислых клинчатой да трупчатой.
Башня Стратилатовская.
В верхнем бою пушка медная прозванием Левик.
Пушка медная гладкая русково литья.
Две пушки медных Богданова литья.
Две пушки железных в станках¹⁴.

⁷ В ркп. справа на поле: векша ж[елез]ная подем[ная]. Край листа оборван.

⁸ В ркп. справа на поле: 2 пушки да векша ж[елез]ная подем[ная].

⁹ В ркп. справа на поле: 4 пушки.

¹⁰ В ркп. сверху: Образ Николы чюдотвор[ца] на красках свенцо[в]ы[х], образ Зосимы и Савватия. В воротах с прихода образ Николы чюдотворца Можайск[ого].

¹¹ В ркп. справа на поле: другой (далее неясное слово).

¹² В ркп. справа на поле: 14 коз, пятна[деся]т отдана.

¹³ В ркп. справа на поле: в нижнем бою пушка железная.

¹⁴ В ркп. справа на поле: одна на верт[л]югах ветша.

- л. 7 У башни замок клинчатой. //
- л. 7 В среднем бою пушка железная чюгунная большая, в станку.
Пушка медная прозванием Левик.
Пушка железная хвостушка на вертлюге.
Пушка железная скорострелная в станку.
Пушка железная гладкая в станку.
У Рыбных ворот замок вислой. //
- л. 7 об. Успенской башни у нижнего бою замок вислой немецкой.
И всего по сим книгам отведено всякого оружья на всех башнях и в бойницах
пушек медных болших и малых и со шитками 24 пушек, да железных болших
л. 8 и малых 33 пушек, да ствол, жагорник железной, // да вкладки в скорострелные
пушки шесть.
Сего году июня в 5 де[нь]. По благословению господина отца нашего архи-
мандрита Фирса и по приговору келаря старца Ионы, казначея иеромонаха
Инокентия з братьею того ж Соловецкого монастыря новой городничей старец
Иринарх Дернов, осмотра по сим отводным книгам после прежняго городниче-
го иеромонаха Афанасия по городе всякое оружье, пушки медные и железные
принял все в целости. Иринарх Дернов руку приложил. //
- л. 8 об. Сего года июля в 7 де[нь]. По благословению господина отца нашего архи-
мандрита Фирса и по приговору келаря старца Ионы, казначея иеромонаха
Инокентия з братьею того же Соловецкого монастыря новой городничей ста-
рец Ларионов, осмотра по сим отводным книгам после прежняго городничего
старца Иринарха Дернова по городу всякое оружье, пушки медные и железные,
принял все налицо в целости.

Документ 14. Книга отводная Соловецкого монастыря городничего старца Сергия городничему старцу Иринарху Леонтьеву. 10 Сентября 1696 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 376 (*Книга 1696 г.*).

- л. 2 Лета 7205-го сентября в 10 де[нь]. По благословению господина отца нашего
архимандрита Фирса и по приказу келаря иеромонаха Инокентия, казначея
иеромонаха Варсонофия и соборных старцов Соловецкого монастыря собор-
ной старец Иринарх Леонтиев, осмотра с сотником и пятидесятником и стрель-
цами по городской стене и в башнях, во всех бойницах, в верхних, и в средних,
и в нижних, всякого ружья, пушек медных, и железных, и затинных, и скоро-
стрелных, переписав, принял он, соборной старец Иринарх Леонтиев
л. 2 об. от прежнего городничего старца // Сергия налицо, а что по осмотру объявилось
какого ружья и снаряду и что писано в сих книгах подлинно порознь ниже сего.
Во Святых воротех Божия милосердия образ Спасов Смоленский в молении
преподобнии отцы Зосима и Савватий Соловецкие чудотворцы.
Киот, а в нем образ Воскресение Христово, образ распятие Господне, образ
л. 3 Неопалимые Купины. Образ Филиппа митрополита на золоте. // Пред обра-
зом Благовещения пресвятые Богородицы фонарь слюдной в железе.
Да за Святыми вороты пред образы фонарь слюдной в дереве.
В воротех пушка чюгунная железная немецкого литья в станке большая, стан-
нок и колеса окованы железом. Да у той же пушки в станковом ящике шесть
вкладок скорострелных пушек, да пушечных ядер и рогаток боевых стрелных
и приступных, и скоб да занаряды в копьях с порохом; ящик без мала неполон,
у ящика замок вислой клинчатой. //
- л. 3 об. Четыре пушечки медные полковые небольшие в станках.
Пушка медная дробовка в станке ж. Ядро большее нарядное ж железное.

- Четыре трубы медных да труба железная пожарные.
У тех же Святых ворот замок висучей немецкой большей, у калитки замок клинчатой.
- л. 4 Спасская башня. В верхнем бою две пушки медные // немецкого литья.
Пушка медная галанка прозванием Богдан.
Две пушки медные, на них подпись Богдан.
Две пушки железные хвостушки.
Пушка затинная железная в станке.
В среднем бою пушка чюгунная железная немецкого литья большая, станок и колеса обиты железом.
Пушка железная чюгунная завинтована.
- л. 4 об. Пушка небольшая медная на вертлюге, // сажень дроби.
Векши подъемной железной не объявилось.
Корожная башня. В нижнем бою пушка чюгунная железная немецкого литья большая.
Пушка медная прозванием Лев.
Две пушки полковых гладких медных.
В среднем бою пушка медная галанка немецкого литья, станок и колеса окованы железом. //
- л. 5 Две пушки медные большие прозванием Китоврас немецкого литья, станки и колеса окованы железом.
Пушка железная хвостушка.
Векша подъемная железная без колеса.
В верхнем бою пушка железная в станку.
Никольская башня. В верхнем бою три пушки железные хвостушки в станках.
Векша железная подъемная. //
- л. 5 об. В среднем бою пушка железная хвостушка в станке.
У дверей среднего боя замок вислой немецкой.
В Никольских воротех над вороты образ Николая чудотворца, затвор слюдной.
Пред образом фонарь слюдной в дереве.
В воротех пушка дробовик железная же короткая в станке.
Две пушки ж железные в станках, одна на вертлюге.
Пушка чюгунная железная большая.
Одиннатцать багров железных для пожа[r]ного времени. //
- л. 6 У ворот два замка вислые, большей да малой, клинчатые.
Квасопаренная башня. В верхнем бою две пушки хвостушки железные в станках.
Пушка железная хвостушка с чепью скорострелная.
У ворот два замка — клинчатой да трупчатой.
Поваренная башня. В верхнем бою две пушки железные хвостушки.
В среднем бою шеснатцеть коз железных, в чем жар держат на приступном времени к городу.
У среднего бою замок вислой. //
- л. 6 об. У Поваренных ворот два замка вислых, большей да малой клинчатые.
У Водяных ворот замок клинчатой.
Архангельская башня. В верхнем бою ствол железной, жагорник.
Пушки медной обломок.
Пушка железная хвостушка.
В среднем бою пушка железная скорострелная.
Полпушки железные в станку.
У ворот и у верхнего бою два замка клинчатых вислых. //
- л. 7 Белая башня. В верхнем бою три пушки железные хвостушки, одна в станке.
Пушка медная дробовка.
У ворот Тайницких да у башни два замка клинчатой да три трупчатой вислые.
Стрелиатовская башня. В верхнем бою пушка медная прозванием Левик.
Пушка медная гладкая русского литья. //

- л. 7 об. Две пушки медных Богданова литья.
Две пушки железных в станках.
В среднем бою пушка железная чюгунная большая, станок и колеса обиты железом.
Пушка медная Левик.
Пушка железная на вертлюге.
Пушка железная скорострелная.
Пушка железная гладкая в станке.
Векша подъемная железная. //
- л. 8 У Рыбных ворот замок вислой клинчатой.
И всего по сим книгам отведено всякого ружья на всех башнях и в бойницах пушек медных болших и малых и со шитками 24 пушки, да железных пушек болших и малых 34 пушек, да ствол, жагорник железной.
А у осмотру и у переписки и у приему были сотник Михайло Одинцов да
- л. 8 об. пятидесятник Андрей Каменской // и рядовые стрелцы Евдоким Борков, Иван Нестеров, Андрей Кашкин, Иван Колпаков, Иван Кубан. А книги писал стрелец Сенка Потемин, будучи у досмотру, и он жи руку приложил.

**Документ 15. Книга отводная соловецкого монастыря
от городничего соборного старца Сергия городничему старцу
Серапиону. 14 июля 1703 г. и последующих отводов 2 сентября
1705 г. и 18 января 1709 г.**

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 769 (*Книга 1703 г.*).

- л. 2 1703-го году иулия в 14 день. По благословению преподобнаго отца нашего архимандрита Фирса, келаря старца Илариона, казначея иеромонаха Инокентия и соборных старцов Соловецкого монастыря ружейничей чернец Антоний отвел от прежнего соборнаго старца и городничего Сергия новому городничему старцу Сериопиону по городу, и по башням, и по стене, и во всех бойницах, в верхних, и в средних, и в ниж[ни]х, всякого ружья, пушек медных и железных и пищалей затинных и скорострелных, все налицо, имянно по стотьям... //
- л. 3 В тех же Святых воротех пушка медная дробовка, другая чюгунная железная. Пять труб медных пожарных. Десять топоров, замок большой, другой колитошной.
- л. 3 об. На Стратилатовской башни. В верхнем бою пушка медная Богдан, // другая железна большая.
В среднем бою пушка медная Лев, другая железна чюгунная большая.
Пушка ж железна середня, пушка ж железна хвостушка.
В нижнем бою пушка скорострелная железна, а в ней две вкладки без клина.
На Успенской башне.
В верхнем бою пушка медная средняя, другая затиная медная ж.
Третья железна хвостушка.
В среднем бою пушка железна чюгунная большая. //
- л. 4 Другой пушки обрывок чюгунной.
Над Рыбными вороты образ Спасов в молени святыя за слудой. З другу страну образ Казанския Богородицы за слудой.
На Корожной башне. В верхнем бою пушка медная малая затиная да пушка железна малая.
Другая хвостушка железна.
В среднем бою две пушки медные большие Китоврасы да пушка железна хвостушка.

- В третьем бою пушка медна средняя.
Другая железна чюгунная большая. //
- л. 4 об. Никольские ворота.
Над воротыи образ в городе Николы чюдотворца. У негa привесу поногея серебряная резная, с другу страну образ Николы чюдотворца Можайской да образ Зосимы и Саватия. Все три образа за слудами да фонарь слудной под железом. На башне в верхнем бою две пушки медных больших, третья ж медна, средня пушка ж медна затинная.
В среднем бою две пушки медные большие, пушка медна дробовка небольшая, три пушки железны хвостушки. //
- л. 5 В воротах.
Пушка железна чюгунна большая.
Да пушка железная дробовка.
Две пушки железные средния.
Десить богров пожарных, в том числе один сломлен.
Пять топоров, два замка висучих большой да мала.
На Квасаваренной башне.
Пушка железна скорострелна, в ней две вкладки.
На Поваренной башне.
Пушка железна небольшая, две пушки железных хвостушки, восим пицалей железных затиных.
Петнатцать коз железных. //
- л. 5 об. На Архангельской башне.
В верхнем бою пушка медная средняя.
Пушка ж медна да пушка железна хвостушка.
В среднем бою пушка железна скорострелна, в ней две вкладки, другая железная хвостушка.
Над Архань[г]ельскими вороты с обе стороны два образа Архистратига Михаила, оба за слудой, да над Рыбными вороты образ Зосимы и Саватия за слудой.
На Белой башне.
В верхнем бою пушка медна Богдан.
Друга ж медна средня, третья медна ж малая дробовка да железна небольшая. //
- л. 6 В среднем бою пушка медна большая Богдан, другая ж медная большая, третья медная ж небольшая затинная.
В нижнем бою пушка железная дробовик, другая железная ж хвостуха.
И всего ружья по городу, и по башнем, и в воротах медных пушек больших и средних, и дробовок, и затинных дватцать четыре пушки. Да железных больших чюгунных, и средних, и скорострелных, и хвостушек, и затиинных пицалей всего тритцать восим пушек. //
- л. 6 об. И всего по городу, и по башнем, и по воротам ружья, пушек медных и железных, дробовиков, и затинных пицалей, и хвостушек всего шесдесят две пушки. //
- л. 7 1705-го году сентября в 2 день по сим книгам отведено от прежняго городничего соборного старца Иосифа за нового городничего иеродиакона Гавриила по башням всякое оружие, пушки затинные, и мелкие, и скорострелные медные, и железные в целости. //
- л. 7 об. 1709-го году генвара в 18 день по сим отводным книгам отведено после умершаго городничего соборного старца Иотсифа новому городничему соборному старцу Васияну по башням пушки затинные, и мелкие, и скорострелные медные, и железные все в целости, кроме Спасова образа у Святых ворот. По скаске сумских салдат, взял Спасов образ иеродиакон Силвестр в Сосновую, да на Николском карауле трех топоров не явилось. И вновь у Николских ворот сверх отводных книг три фонаря слудяные: один под белым железом штигранной, два о четырех стенах, деревянные стенки.

Документ 16. Книги отводные оружейной казны соловецкого монастыря от оружейного соборного старца Антония оружейному старцу Иринарху Дернову. 19 июня 1704 г. и 26 июля 1705 г.

443

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 792 (*Книги 1704 г.*).

- л. 1 об. 1704-го июня в 19 де[нь]. По благословению господина отца нашего архимандрита Фирса и по приговору келаря старца Илариона, казначея иеромонаха Инокентия з братиею Соловецкого монастыря старец Авфоний, осмотра в Соловецком монастыре оружейную казну и переписав, отвел налицо от прежняго оружейнаго соборного старца Антония новому оружейному старцу Иринарху, а что чего налицо по осмотру и по переписке в оружейной казне объявилось, и то писано в сих книгах порознь статьями. //
- л. 2 В оружейной полате¹⁵.
Оружие.
- л. 2 об. Адиннатцать рубашек колчужные, в том // числе одна ветхая да три без ошейников.
Шапка мисюрка.
Наручи железные.
Три знамени на древах, одно тафтяное, два крашенинных.
Барабань ветхой.
Осмь карабинов с костми болших.
Четыре пищали турецкие длинные голубовские.
Да пищаль новая длинная ж, дача архимандрита Фирса.
Сорок три карабинов простых больших и малых.
Тритцать адна пара пистолетов больших и малых, парами разнятца; многие, в том числе у одной ложа разбита.
Три пистоли, оправа серебряная.
- л. 3 Шесть сот восмдесят пищалей // винтовальных и невинтовальных, и турок, и мушкетов школских, и саналалов, все з замками, один в них мушкет з жагрою. Вкладной карабин двое ствольной об одном замке верхового уставшика Ивана Стефанова.
Десять стволов всяких ветхих без лож и без замков.
Да ствол карабиной.
Тринатцать мест стволин рваных и ломаных.
Двенатцать пушечек на станках в аршин, и в польаршина, и в четверть аршина, медные.
Сабля булатная, ножны и черен, оправа серебряная золоченая с каменьем, в конце в черену камень изумрудь зеленой в золотом гнезде; на ножнах и в черену в розных местах, // четырнатцати вставок нет.
- л. 3 об. Полаж булатной, ножны обложены бархатом красным, черен, и на ножнах наконечники, да три средины сребрены золоченые; на ножнах и на ч[е]рене вставки бирюзы, а иные каменья красные в ставках, все в целости.
Сто шездесят девять сабель всяких.
Полажь двоеручной Скопинской.
Два палаша простых.
Хорт толочановской.
Пять замков пищальных, в том числе один школской.
Посох, в нем кинжалець без черена.
Посох железной.
Одна шпага в посоху.
Нож подсайдачной в ножнах. //

¹⁵ В ркп. далее идет перечень икон.

- л. 4 Триста тритцать копей, в них две рогатины звериные.
Семдесят топорков.
Триста пятьдесят бердышев больших и малых, в том числе один двойной.
Саадак, в коньцах ножи булатные.
Семдесят три лука и с черемискими.
Тритцать один колчан со стрелами.
Щит боевой деревянной.
Тритцать пятеры лубья саадашные.
Четыре самострела.
Шесть голеней самострелных без полос, седьмая с полосою.
Девять томаров без железа.
Тритцать сем стрел самострелных з железом.
Четырнатцать кубышек гранатных чененых. //
- л. 4 об. Ларь со стрелами луковыми не вполне.
Дватцать пять влагалищ пицальных ветхих.
Сорок девят чеканов.
Протазан большой. Алебарда.
Два контаря з гирями.
Възем тележной.
Четыре трещетки да выверьтка пушечных.
Доска винтовальная.
Кременья пицального тритцать фунтов.
Ларь кремения орлецкого.
Шестеры ольстры с сукнами и без сукон.
Тритцать ольстрь пицальных, и карабиных, и пистолных кожаных.
Осмя чамоданов кожаных, в них три ветхих. //
- л. 5 Два опыта пороховых медных.
Осмя натрусок деревянных да натруска костеная.
Двесте девяноста натрусок простых.
Двесте голов пороховых, обшиты нерпою.
Сто седмь рогов пороховых.
Лядунка бархатная, шита серебром.
Двенатцать лядунок в сукне.
Дватцать три лядунки в кожах.
Ключ колесной немецкой с травами.
Шляпа ветхая.
Мех пороховой кожаной.
Три напарь плотничных.
Дватцать девять плетей ременных да бич.
Два терпуга сабелных.
Двенатцать кистеней железных.
Сита, чем порох сеют.
Двои вески мерные, коромыслы железные. //
- л. 5 об. Фунт дробной медной.
Два безмена розвесных малых.
Рог деревянной с буйловыми костми, другой покрыт хозом черным.
Натруска роговая длинная.
Два топора ветхих.
Топор полской.
Фурма медная. Фурма железная.
Напаря пицальная.
Три напарь долгих.
Сундук, в нем двенатцать ящичков насыпаны, полны пулек свинцовых.
В сундуке ж два ящичка зарядов неполны.

- В сундуке ж в дву ящиках пулки железные затинных пищалей, а иные пулки облиты свинцом.
Два ставка с мазью.
Фитилю пудь. //
- л. 6 Сто дватцать шенпуров мушкетных, в них 60 с трубками и трещетками.
Три пины лучковые да две пины больших.
Пять фунтов жил мятных, чем арчяки и луки жият.
Ему жь отведено под денежною казною в седельной полате.
Две полсти пушенных.
Осмы полстей непушенных белых и серых.
Тринатцать медведин старых.
Осмы седел братских и мирских.
Да седло крымское, верхъ бархатной.
Две кожи судовых покрывальных.
Шесть сум выюнных.
Дватцетеры сумки переметные держаных и ветхих. //
- л. 6 об. Десять сум запялечных.
Две полатки да шатер с полами ветхие.
Три безмена дву пудовые с медными гириями.
Четвертой безмен пудовик, гиря медная.
Пятой безмен дву пудовой, гиря железная.
Дватцать полиц железных двойных немецких большие руки.
Тритцать семь полиц адинаких немецких большие руки.
Тысяча двесте дватцать пять полиц цренного железа.
Суклади шуезерской дватцать пять пуд дватцать фунтов.
Маслазерского укладу четыре пуда.
Шесть полиц свинцовых, весу пуд с четью. //
- л. 7 Да под денежною казною в полатке под крыльцомъ.
Сундук, в нем осмы ящичков з зарядами и з пулками.
Пороху в пяти боченках да в дву ведрах, весу и з деревем девять пуд пятнатцать фунтов мушкетного, и пушечного, и мелкого.
Сто четыре места свинцу, весом в них шестьсот девять пуд, а тот свинець принет за прежним счетом и весом.
Железа телепленого сто пятдесят осмы пуд, а то железо отведено по прежнему без весу.
- л. 7 об. А та вышеписанная казна пороховая // и свинцовая отведена ему, старцу Иринарху, против сих книг налицо.
Да ему ж отведено по росписи Антониевой и по роспискам, что, куды дано на время.
Соборному подячему Ивану Артемьеву сыну Третьякова чамодан¹⁶.
Служебнику Ивану Мокееву чемодан¹⁷.
Служебнику Максиму Яковлеву, поехав в Нюхчу, дан чемодан.
Крестного монастыря архимандриту Ефрему даны храпы самострелные ради обрасца. //
- л. 8 Яз, Антоний, с собою взял чемодан, пищаль глаткую, полсть белую.
Слуге Григорию Иванову чемодан да полсть.
Слуге Иосифу Григореву оконничнику чемодан.
Слуге Козме Евсееву чемодан.
Подячему Михайле Ключареву чемодан красной.
Слуге мурманскому Денису Иванову полсть.
Слуге пертомскому Андрею Родионову чемодан.

¹⁶ В ркп. зачеркнуто: Соборному подячему Ивану Артемьеву сыну Третьякова чемодан. Другими чернилами: Взят.

¹⁷ В ркп. зачеркнуто: Служебнику Ивану Мокееву чемодан. Другими чернилами: Взят.

- Строителю московскому Александру два карабина, два санапала, рог пороховой, натруска, чемодан, две епанчи. //
- л. 8 об. Подячему Василию Кирилову чемодан.
Слуге Ивану Трафимову чемодан да епанча¹⁸.
Слуге Василию Иванову Иверскому чемодан да полсть.
Слуге вологодскому Ивану Артемеву 5 полсть да чемодан.
Иеродиякону Гаврилу лядунка, натруска да натруска круглая, кинжал, сулеба, седло братцкое, рог козачей.
Да по ево ж Антониевой дачи, что кому дано без росписок. //
- л. 9 Сумского острога соборному иеромонаху Проклу два чемодана, кожа судовая.
Да служебнику ево Денису чемодан.
Курецкому приказному старцу Илариону два карабина.
Головшику Павлу, что на Мурманское поехал, епанча.
Кормщиком Трафиму Потеряхе да Тимофею Щрикову по епанче¹⁹.
Пертомскому приказному старцу Киприяну дано полсть, чемодан. //
- л. 9 об. 1705-го июля в 26 де[нь]. По благословению господина отца нашего архимандрита Фирса, келаря старца Илариона, казначея иеромонаха Инокентия з братиею Соловецкого монастыря конархист монах Геронтий, осмотря оружейную казну, отвел, что есть налицо против прежних отводных книг и что против прежних книг явилось в лишке, от прежняго оружейного монаха Иринарха новому оружейному монаху Серапиону, а что, чего отведено, и то писано ниже сего.
Сверх отводных книг в лишке в оружейной полате.
Пара пистолей.
Полоса палашевая, другая полоса бес черена.
Три пищали, в том числе одна испорчена.
Четыре полатки да шатер с полами ветхие. //
- л. 10 Да в полатке под денежною казною налицо три полсти пушенных держаные да полсть пушенная ветхая.
Три епанчи старых.
Четыре епанчи новых белые.
Тринатцать полстей белых и серых непущенные.
Кожа судовая.
Семь сум заплечных.
Шездесят семь полиц цренного железа.
А в прежних отводных книгах написано во всех тысяча двести дватцать пять полиц.
Суклади шуезерской тритцать пуд. //
- л. 10 об. Маслозерского укладу пуд.
Суклади тянутой отметной пять пуд.
Да нынешней сумской покупки суклади сорок восемь пуд.
Той же покупки телепневой суклади пять пуд.
Сумской же покупки железа цренного тысяча четыреста девятнатцать полиц да после сыскана пять полиц.
В полатке ж под крыльцом в четырех бочках да в четырех ведрах всякого пороху весом и з деревом девять пуд, а отведено все в отдаточной весь.
Сундук, в нем семь ящиков зарядов полны. //
- л. 11 Осмой початой.
А досталное все против прежних отводных книг в отводе явилоса сходно.

¹⁸ В ркп. зачеркнуто: Слуге Ивану Трафимову чемодан да епанча. Другими чернилами: Взято.

¹⁹ В ркп. зачеркнуто: Кормщиком Трафиму Потеряхе да Тимофею Щрикову по епанче. Другими чернилами: Взято.

**Документ 17. Опись соловецкого монастыря и вотчин его,
составленная дьяком Карпом Андреевым по указу Петра I.
1705 г.**

Текст по рукописи: ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1404 (*Опись СМ 1705 г.*).

- л. 291 Полата ружейная.
В той же полате ружья.
Сабля булатная, ножны и черень оправлены все серебром золоченым с камением бирюзами, в конце камень изумруд в золотом гнезде, на ножнах и в черену в четырнадцати местах вставок нет. //
- л. 291 об. Палаш булатной, ножны обложены бархатом красным, черен и на ножнах нако-
нечники, да три середины серебряные золочены, на ножнах и на черену вставки
бирюзы и камень красное в гнездах²⁰.
Палаш двоеручной Скопинской.
Сто шестьдесят одна сабля в ножнах с поясами ременными, на ножнах оправы
железные.
Одиннадцать рубашек колчужных укладных, в том числе одна ветхая, а три без
ошейников.
Шапка мисюрка ветхая.
Наручи железные ветхие.
Два знамени тафтяные.
Знамя крашениное.
Барабан ветхой. //
- л. 292 Семь карабинов²¹ больших в ложах з замками, у них в ложи с костми²², в том
числе у дву карабинов замки колесчатые.
Четыре пищали турецкие длинные.
Пищаль новая длинная глаткая с прикладом.
Сорок три карабина болших и малых, в том числе у пяти карабинов замки ко-
лесчатые, в том числе один кара[бин] без замка.
Тритцать одна пара пистолетов больших и малых, в том числе у дву пар замки
колесчатые.
Две пары пистолетов без замков.
Три пистолы, у них оправы сребренные чеканные.
Шесть сот восемьдесят мушкетов и санапалов, и винтовальных, и глатких пища-
лей, в том числе два мужкета з жаграми, да два без замков. //
- л. 292 об. Карабин двоествольной об одном замке.
Одиннадцать²³ стволов пищальных без вложей и без замков.
Одиннадцать ж стволов рваных и ломаных.
Двенатцать пушек медных в аршин, и в пол аршина, и в четверть аршина в стан-
ках деревянных.
Да в роздаче для посылок пять карабинов да два пистолета.
Два палаша од[но]ручные простые.
Хорть стальной в ножнах, оклеен кожей черною.
Посох, в нем кинжал стальной без черена.
Пять замков пищальных, в том числе один шкотцкой.
Шпага в посоху.
Нош подсадной в ножнах.
Посох железной. //

²⁰ В ркп.: в негдах.

²¹ В ркп.: карабанов.

²² В ркп.: к с остми.

²³ В ркп.: одиннадцатть.

- л. 292а Триста тритцать копей, в них две рогатины звериных.
Шесть копей ломаных.
Семдесят топорков дорожных.
Триста пятьдесят два бердыша болших и малых, в том числе один в них бердыш двойной.
Лук буйловой, в нем по концам два ножа булатные, насечены серебром.
Семдесят три лука, в том числе есть и черемиские.
Тритцать один колчан со стрелами.
Два влагалища пицалних ветхих кожаных.
Щит боевой деревянной.
Тритцать пятеры лубье саадашное.
Четыре самострела с полосами с укладными. //
- л. 292а об. Шесть голеней самострелних без полос.
Седмая с полосою.
Девять томаров самострелных без желез.
Тритцать семь стрел самострелных з железом.
Четырнатцать кубышек гранатных чиненых.
Ларь со стрелами луковыми неполон.
Дватцать пять влагалищ пицалних ветхих.
Сорок девять чеканов полских.
Алебарда.
Два контаря з гирями железными.
Взьемь тележной железной.
Четыре трещетки да вывертка пушечные.
Две доски винтовальные.
В кулке кремней пицалних весу дватцать пять фунт.
Ларь кремения орлецкого. //
- л. 293 Дватцать олстрь карабинных клееных.
Дватцать олстрь пистолних и карабинных кожаных.
Шесть олстр с сукнами.
Два опыта пороховые медные.
Осмь чемоданов кожаных ветхих.
Да в роздаче в посылках 17 чемоданов кожаных.
Восмь натрусок деревяных да натруска костяная²⁴.
Двести девяносто натрусок простых.
Двести рогов пороховых, обшиты нерпою.
Две лядунки бархатные, шитые серебром.
Восмь лядунок в сукне.
Дватцать три лядунки в коже.
Сулеба, оправа железная, насечена сребром.
Кинжал булатной, ножны оклеены бархатом черным.
Ключ немецкой колесчатого замка с травами.
Сто семь рогов пороховых.
Рог буйловой черной.
Рог пороховой же с усами китовыми.
Рог покрыт черным хозом. //
- л. 293 об. Мех пороховой кожаной.
Натруска роговая длинная.
Два терпуга сабелных.
Триста мошен пулечных.
Двой вески медные, коромысла железные.
Фунт дробной медной.
Два безмена малых розвесных пороховых.

²⁴ В ркп.: востяная.

- Фурма медная.
Два топора с топорищами.
Топор полской.
Фурма железная.
Свердель пищальной.
Три напарьи долгих плотнических.
Сундук, в нем двенадцать ящичков насыпаны, полны пулек свинцовых.
В сундуках ж два ящичка неполных з зарядами.
В сундуках ж в дву ящичках пули железные затинных пищалей, а иные облиты свинцом.
Два стафка с мозью.
Фитель тритцать фунтов.
Сто дватцать шенпуров мушкетных, в них шестьдесят с трубками и с трещетками. //
- л. 294 Шестьдесят шенпуров простых.
Три пилы лучковых.
Две пилы больших.
Пять фунтов жил мятых, чем арчаги и луки жилият.
Дватцать девять плетей ременных конских да бич.
Дватцать кистеней железных на ремнях.
Сито, чем порох сеют.
Две полатки да шатер полотняные с полами ветхие.
В другой полате, что у денежной казенной полаты под сводами:
Две полсти белые, опушены крашениною.
Осмь полстей белых же и серых неопушенных.
Одиннатцать медведен черных ветхих.
Семь япанеч белых валяных, в том числе ветхих три япанчи.
Да в роздаче для посылок семь япанеч белых.
Да шесть полстей белых же и серых.
Осмь седел брацких и мирских ветхих.
Седло крымское, оклеено бархатом травчатим.
Две кожи покрывальных судовых. //
- л. 294 об. Шесть сумок вьюшечных ветхих.
Девятнатцатеры сумки переметные держаные ветхие.
Десять сумок заплечных нерпячьих.
Три безмена дву пудовые, у них гири медные.
Четвертой безмен пудовой ж, у него гиря железная.
Дватцать полиц железных больших дверных.
Тритцать пять полиц железных одинаких дверных же средней руки, да цренного железа тысяча триста тритцать три полицы.
Шесть полиц свинцовых весом пуд десять фунтов.
Суклади ломаной семьдесят шесть пуд.
Суклади ж неломаной, телепневого железа сто пятьдесят осмь пуд.
Укладу четыре пуда.
У денежной же казенной полаты под крыльцом в малой полатке сундук, а в нем осмь ящичков з зарядами и с пулями, да пушечного мушкетного пороху в пяти боченках да в дву ведерках, и з деревом весом шесть пуд пятнатцать фунт.
Свинцу в свинках и в усечках сто два места весом семьсот сорок семь пуд двенатцать фунтов.
Да от Рыбных ворот под брацкими кельями полата со сводами глухая кладовая. А в ней в бочках пороху пушечного и мушкетного весом триста девять пуд 19 фунтов и з деревом. В той полате в дверях затворы железные, //
- л. 295 те двери закладены кирпичем и замазаны глиною... //

- л. 325 об. В Соловецком монастыре по городу и по башням наряду пушек и затинных пищалей медных и железных, и сколько в которой пушки весу, и каковы по кружалу к ним ядра.
Пушки медные.
Первая пушка прозванием Китоврас немецкого литья, весом шездесят пуд тритцать одну фунт, длиною три аршина девять вершков, к ней по кружалу пятьдесят шесть ядер, пошти фунт ядро.
- л. 326 Вторая пушка Китоврас немецкого ж литья, // весом шездесят пуд тритцать один фунт, длина три аршина ж десять вершков, к ней по кружалу пятьдесят шесть ядер, пошти фунт ядро.
Третья пушка прозванием Богдан немецкого литья, весом шездесят пуд девять фунт, длина полчетверта аршина. К ней по кружалу шездесят ядер, по полу пята фунта ядро.
Четвертая пушка прозванием Богдан ж, весом сорок пуд дватцать фунт, длиною четыре аршина, к ней по кружалу шездесят пять ядер, по полупята фунта ядро.
Пятая пушка весом тритцать осмь пуд, длиною четыре аршина. К ней по кружалу шездесят ядер, по четыре фунта ядро.
Шестая пушка дробовик русского литья, весом тритцать три пуда дватцать один фунт, длиною три аршина с четвертью.
Седмая пушка дробовик ж русского литья, весом тритцать два пуда, длиною три аршина два вершка. //
- л. 326 об. Осмая пушка прозванием Лев, весом тритц[а]ть два пуда дватцать два фунта, длиною три аршина шесть вершков. К ней по кружалу семдесять пять ядер, по два фунта ядро.
Девятая пушка весом тритцать два пуда девять фунт, длиною три аршина шесть вершков. К ней по кружалу семдесять пять ядер, по два фунта ядро.
Десятая пушка весом тритцать один пуд тринатцать фунт, длиною три аршина без двух вершков. К ней по кружалу сто восьмьдесят ядер, по три фунта ядро.
Первая надесять пушка весом дватцать осмь пуд девять фунт, длина три аршина пять вершков. К ней по кружалу сто десять ядер, по три фунта ядро.
Вторая надесять пушка весом дватцать осмь пуд, длина три аршина. К ней по кружалу сто осмьдесят пять ядер, по три фунта ядро. //
- л. 327 Третья надесять пушка немецкого литья, весом дватцать три пуда дватцать фунт, длиною два аршина пять вершков. К ней по кружалу семьдесят пять ядер, по два фунта ядро.
Четвертая надесять пушка прозванием Богдан, весом дватцать один пуд, длиною два аршина три четверти. К ней по кружалу сто осмьдесят три ядра, по три фунта ядро.
Пятая надесять пушка Богдан же, весом осмнатцать пуд девять фунт, длиною три аршина два вершка. К ней по кружалу семдесять пять ядер, по фунту ядро.
Шестая надесять пушка Богдан же, весом семнатцать пуд дватцать фунт. К ней по кружалу семдесять четыре ядра, по два фунта ядро.
Седмая надесять пушка весом осмнатцать пуд девять фунт, длиною два аршина. К ней по кружалу шездесят ядер, по четыре фунта с четвертью ядро. //
- л. 327 об. Осмая надесять пушка весом дватцать пуд, длиною два аршина три четверти. К ней по кружалу сорок ядер, по два фунта без четверти ядро.
Девятая надесять пушка дробовик, весом пять пуд девять фунт, длиною полтора аршина.
Двадесятая пушка дробовик же, весом пять пуд два фунта, длиною полтора аршина.
Дватцать первая пушка весом четыре пуда одиннатцать фунт, длиною два аршина, ядро к ней мушкетное.
Дватцать вторая пушка весом четыре пуда десять фунт, длиною два аршина. Ядро к ней мушкетное.

- Двадцать третья пушка весом два пуда шесть фунт, длиною два аршина без вершка. Ядро к ней мушкетное.
- Двадцать четвертая пушка весом два пуда пять фунт, длиною два аршина без вершка, ядро к ней мушкетное ж.
- Всего в Соловецком манаст[ы]ре двадцать четыре пушки медных, в них весу шесть сот шесть пуд три фунта. К ним по кружалу тысеца четыреста тритцать четыре ядра. //
- л. 328 Пушки железные.
- Первая пушка железная чюгунная, весом восемьдесят два пуда восмнатцать фунтов, длиною три аршина тринацать вершков. К ней по кружалу сто тритцать пять ядер, по семи фунт ядро.
- Вторая пушка железная чюгунная, весом восемьдесят два пуда восмнатцать фунт, длина три аршина тринацать вершков. К ней по кружалу пятьдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
- Третья пушка чюгунная ж, весом восемьдесят два пуда восминатцать фунт. Длина три аршина тринацать вершков. К ней по кружалу пятьдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
- Четвертая пушка железная чюгунная, весом пятьдесят пять пуд, длиною три аршина с вершком. К ней по кружалу пятьдесят шесть ядер, пошти фунт ядро.
- Пятая пушка железная чюгунная, весом пятьдесят четыре пуда три аршина. К ней по кружалу сто тритцать пять ядер, весом по семи фунтов ядро. //
- л. 328 об. Шестая пушка железная чюгунная, весом девятнатцать пуд двадцать фунт. Длина три аршина осмнатцать вершков, к ней по кружалу сорок ядер, весом по два фунта без четверти ядро.
- Седмая пушка железная скорострелная, весом чetyрнатцать пуд десять фунт. Длина полчетверта аршина, к ней по кружалу семдесят пять ядер, по пол фунта ядро да две вкладки.
- Осмая пушка железная чюгунная, весом семнатцать пуд. Длина три аршина три вершка, к ней по кружалу сто десять ядер, по два фунта с четвертью ядро.
- Девятая пушка железная, весом чetyрнатцать пуд, длина три аршина три вершка. К ней по кружалу сто ядер, по фунту ядро.
- Десятая пушка железная дробовик, весом девятнатцать пуд, длина аршин шесть вершков.
- Первая на десять пушка железная, весом четыре пуд тритцать четыре фунта, длина два аршина пять вершков. К ней по кружалу семдесят четыре ядра, по полуфунту ядро. //
- л. 329 Вторая надесять пушка железная скорострелная, весом тринацать пуд пятнатцать фунт. Длина три аршина. К ней по кружалу сорок одно ядро, весом по полтора фунта ядро, да три вкладки.
- Третья надесять пушка железная хвостуша, весом пять пуд двадцать фунт. Длина два аршина. К ней по кружалу пятьдесят пять ядер, по фунту без четверти ядро.
- Четвертая надесять пушка железная дробовик, весом тринацать пуд, длина полтора аршина.
- Пятая надесять пушка железная, весом два пуда двадцать пять фунт, длина аршин семь вершков, к ней по кружалу семдесят чет[ы]ре ядра, по полу фунт ядро.
- Шестая надесять пушка железная, весом четыре пуда пятнатцать фунт, длина три аршина. К ней по кружалу двадцать семь ядер, по четверти фунта ядро.
- Седмая надесять пушка железная скорострелная, весом три пуда девять фунт. Длина аршин. К ней две вкладки. //
- л. 329 об. Осмая надесять пушка железная хвостушка затинная, весом два пуда, длина два аршина десять вершков.
- Девятая надесять пушка железная, весом два пуда тринацать фунт, длина аршин два вершка, к ней по кружалу семдесят четыре ядра, по полуфунту ядро.

- Двадесятая пушка железная хвостушка затинная, весом пуд тринадцать фунт, длина два аршина девять вершков.
- Двадесятая первая пушка железная затинная, весом полтора пуда, длина два аршина девять вершков.
- Двадесять вторая пицаль железная хвостушка, весом пуд десять фунт, длина аршин девять вершков.
- Двадесять третья пицаль железная хвостушка, весом пуд девять фунт, длина два аршина два вершка.
- Двадесять четвертая пицаль железная хвостушка, весом пуд тринадцать один фунт. Длина два аршина с четвертью.
- л. 330 Двадесять пятая пушка железная, // весом два пуда, длина два аршина. К ней по кружалу семдесят чety[ре] ядра, по полуфунта ядро.
- Двадесять шестая пушка железная, жагорник, весом пуд дватцать фунт, длина полтретья аршина.
- Двадесять седмая пицаль железная хвостушка, весом пуд дватцать фунт, длина аршин с четвертью. К ней по кружалу дватцать семь ядер, по четверти фунта ядро.
- Двадесять осмая пицаль железная, весом тринадцать фунт, длина аршин девять вершков.
- Двадесять девятая пицаль железная, весом пуд пятнадцать фунт, длина аршин девять вершков.
- Три десятая пицаль железная, весом дватцать²⁵ семь фунт, длина полтора аршина.
- Тридесять первая пицаль железная, весом дватцать семь фунт, длина полтора аршина.
- л. 330 об. Тридесять вторая пицаль железная, // весом двацать шесть фунт, длина аршин девять вершков.
- Тридесять третья пицаль железная, весом дватцать пять фунт, длина аршин три четверти.
- Тридесять четвертая пицаль железная, весом дватцать фунт, длина полтора аршина.
- К тому вышеписанному мелкому ружью к затинным пицалям мелких тысяча три ста шестьдесят пять ядер железных.
- Железных же чetyре ста десять ядер, весом ядро по фунту с четвертью, а пушек и пицалей по тем ядрам нет.
- Всего железных больших и малых тринадцать чetyре пушки и з затинными, к тем пушкам по кружалу две тысяи чetyре ста шездесят чetyре ядра железных, кроме тех ядер, которые по кружалу ни х которой пушки не годятца.

Документ 18. Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного монаха Серапиона оружейному иеромонаху Афонию. 13 июня 1708 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 201 (*Книга 1708 г.*).

- л. 1 об. Лета [1]708-го июня в 13 день. По благословению господина отца нашего архимандрита Фирса и по приговору келаря монаха Илариона, казначея иеромонаха Дорофея з братиею Соловецкого монастыря монах Епифаний, осмотра в Соловецком монастыре оружейную казну и, переписав, отвел налицо от прежнего оружейного старца Серапиона новому оружейному иеромонаху Авфонию, а что, чего налицо по осмотру и по росписке во оружейной казне объявилось, и то писано в сих книгах порознь статьями. //

²⁵ В ркп. на поле слева: дватцаць.

- л. 2 Во оружейной полате Божия милосердия образ всемилостиваго Спаса писан краски. Крест Господен деревянной резной. Образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия, писан на золоте. Образ ввидения Сергия чудотворца. Образ Николая чудотворца, на полях Зосимы и Савватия, писан краски. Образ над полатными дверми за слюдою Архангела Михаила.
- Оружье.
- Одиннатцать рубашек колчужные, в том числе одна ветхая да три без ошейников.
- Шапка мисюрка. Наручи железные. //
- л. 2 об. Три знамени на древах, одно тафтяное, два крашенинных.
- Барабан ветхой.
- Восемь карабинов с костью больших.
- Четыре пищали турецкие длинные голубовские да пищаль новая длинная архимандрита Фирса.
- Сорок три карабинов простых больших и малых.
- Тритцать одна пара пистолетов больших и малых, парами разнятца. Многие, в том числе у одной, ложа розбита.
- Три пистолы, оправа серебряная.
- Шесть сот восемьдесят пищалей винтовальных и невинтовальных, и турок, и мушкетов школьских, и санпалов, все с замками, один в них мушкет с жагрюю. //
- л. 3 Три пищали с жаграми.
- Десять пищалей с замками.
- Два замка да три ствола, что присланы с Красного бору.
- Шесть мушкетов без замков.
- Восемь мушкетов без замков в новых ложах.
- Винтовка да пищаль гладкая, что дал иеродиакон Иоарам.
- Вкладной карабин двоествольной об одном замке верховаго уставщика Ивана Стефанова.
- Десять стволов всяких без ложь и без замков, да ствол карабинной.
- Тринатцать мест стволин рваных и ломаных. //
- л. 3 об. Двенатцать пушечек на станках в аршин и в поларшина и в четверть аршина медные.
- Три пушечки иеродиакона Гаврила железные²⁶.
- Мешень медная.
- Сабля булатная, ножны и черень, оправа серебряная золоченая с камнем; в конце в черену камень изумруд зеленой в золотом гнезде на ножнях, и в черену в разных местах четырнатцати ставок нет.
- Палаж булатной, ножны обложены бархатом красным, черень, и на ножнях наконечники, да три средины сребренные золоченые; на ножнях // и на чрене вставки бирюзы, а иные камни красные в ставках, все в целости.
- л. 4 Сто шестьдесят девять сабель всяких.
- Палашь двоеручной Скопинской.
- Два палаша простых.
- Хорть толочановской.
- Пять замков пищальных²⁷, в том числе один шкотский.
- Посох, в нем кинжалец без черена.
- Посох железной.
- Одна шпага в посоху.
- Нож подседашной в ножнях.
- л. 4 об. Триста тритцать копей, в них // две рогатины звериные.
- Семдесять шесть топоров.
- Триста пятьдесят бердышев больших и малых, в том числе один двойной.

²⁶ В ркп. на поле слева: Взял назад.

²⁷ В ркп. на поле справа: нет.

- Саадак, в концах ножи булатные.
Семдесять три лука и с черемискими.
Тритцать один колчан со стрелами.
Щит боевой деревянной.
Тритцать пятеры лубья саадашные.
Три самострела.
Шесть голеней самострелних бес полос, седьмая с полосою.
Девять томаров без железа. //
- л. 5 Тритцать семь стрел²⁸ самострелних з железом.
Четырнатцать кубышек гранатных чиненых.
Ларь со стрелами луковыми не в полне.
Дватцать пять влагалишь пищалних ветхих.
Сорок девять чеканов.
Протазан большей, алебарда.
Два контаря з гирями.
Въземь тележной.
Четыре трещетки.
Да вывертка пушечных.
Доска винтовальная.
Две доски железные, что бують ручные часы и к полуношнице, и к повечерию. //
- л. 5 об. Семнатцать шпаг в ножнях.
Семнатцать протупей в красной кожи.
Сулеба в ножнях.
Хортик в ножнях бархатных черных.
Кременья пищального дватцать семь фунт.
В ларю кременья орлецкого.
Шестеры с олыстры с сумками и бес сумок.
Тритцать олыстрь пищалних, и карабинных, и пистолних кожаных.
Пятнатцать чемоданов кожаных держаных и ветхих.
Два опыта пороховых медных.
Осмь натрусок деревянных.
Да натруска костяная. //
- л. 6 Двести девяносто натрусок простых.
Двести голов пороховых, обшиты нерпою.
Сто семь рогов пороховых.
Лядунка бархатная, шита серебром.
Двенатцать лядунок в сукне.
Дватцать три лядунки в кожах.
Ключ колесной немецкой с травами.
Шляпа ветхая.
Мех пороховой кожаной.
Три напары плотнишних.
Осмнатцать плетей ременных.
Да бичь.
Два терпуга сабелних.
Двенатцать кистей железных. //
- л. 6 об. Сито, чем порох сеют.
Двои вески медные, коромыслы железные.
Фунт дробной медной.
Два безмена розвесных малых.
Рог деревянной з буйловыми костми, другой покрыт хозом черным.
Натруска роговая длинная.

²⁸ В ркп. на поле слева: стрелл.

- Два топора ветхих.
Топор полской.
Фурма медная.
Фурма железная.
Напаря пищальная.
Три напаря долгих.
Сундук, в нем двенадцать ящичков насыпаны пулек свинцовых. //
- л. 7
Одиннадцать ящичков полных, двенадцатой неполон.
В сундуке ж два ящичка зарядов неполны.
В сундуке же в дву ящичках пулки железные затинных пищалей, а иные пулки облиты свинцом.
Два ставка с мазю.
Фитилю пуд.
Сто дватцать шенпуров мушкетных, в них шестьдесят с трупками и с трещетками.
Три пилы лучковые да две пилы больших.
Да отведено три фунта три четверти жил мятных, чем арчаки и луки жият. //
- л. 7 об.
Под денежною казною.
Девять полстей пушенных.
Четырнатцать полстей непушенных.
Четырнатцать медведен старых.
Девять седел братцких и мирских.
Два седла немецкие.
Да седло крымское, верх бархатной.
Пять кож судовых покрывалних, ветхие.
Пять сумок заплечных ветхих.
Шесть сум вьюшных.
Две полатки да шатер с полами ветхие.
Безмен троепудовой, гиря железная.
Безмен полуторых пуд.
Другой пудовой, гири медные.
Безмен пудовой, гиря железная. //
- л. 8
Семнатцать полиц железных немецких двойных.
Тритцать одна полица одинаких.
Тысеча сто семдесят чetyре полицы цренного железа.
Суклади девять пуд тритцать пять фунт.
Шесть полиц свинцовых.
Сто дватцать пуд железа телепневаго.
Шесть сот один пуд восемь фунт свинцу.
Три япанчи новые.
Две япанчи самые ветхие.
Пороху в бочке весом и з бочкою пуд.
Пороху ж в ведре весом и с ведром тритцать фунт.
В поладке под крыльцом сундук, в нем осмь ящичков з зарядами и с пулками. //
- л. 8 об.
Да ему ж отведено, что оружейные давали кому чемоданы, и полости, и япанчи, и пищали.
Служебнику Максиму Яковлеву, поехав в Нюхчю, дан чемодан.
Крестного монастыря архимандриту Ефрему даны храпы самострелние ради обрасца.
Соборному старцу Антонию чемодан, пищаль гладкая, полсть белая.
Слуге Григорию Иванову чемодан да полсть.
Слуге Козме Евсеевичу чемодан.
Подячему Михаилу Ключареву чемодан красной.
Слуге Денису Иванову полсть. //

- л. 9 Слуге пертемскому Андрею Родионову чемодан.
Строителю московские службы Александру два карабина, два санапала, рог пороховой, натруска, чемодан, две епанчи.
Подячему Василию Кирилову чемодан.
Слуге Василию иверскому чемодан да полсть.
Слуге вологоцкому Ивану Артемьеву полсть да чемодан.
Да без росписок давал соборной старец Антоний.
Сумского острога соборному иеромонаху Проклу два чемодана, кожа судовая.
Да служебнику ево Деонисию чемодан. //
- л. 9 об. Курескому приказному старцу Илариону дано два карабина.
Головщику Павлу, что на Мурманское поехал, дана японча.
Пертемскому приказному старцу Киприяну дана полсть да чемодан.
Да по роспискам взял, что давал кому, оружейной старец Сирапион:
У пертемского приказного старца Диодора полсть черную.
У монаха Дософея Резина чемодан ветхой. //
- л. 10 У бывшего подкеларника монаха Маркела чемодан ветхой.
У слуги Ивана Морянинова чемодан держаной.
У слуги Потапа Феодулова полсть новую серую непущеную.
У вологоцкого приказного иеромонаха Василиска сумки переметные две, япончи, кожукар да с нею два чемодана.
Кушерецкие волости у таможенника Петра Родионова чемодан да полсть. //
- л. 10 об. Дано нюхоцкому приказному старцу Галасию пищаль гладкая, полсть белая.
У кемского таможенника Тимофея Петрова полсть серую.
У старца Евагрия чемодан ветхой.
Сии отводные книги писал монах Епифаний своею рукою.

Документ 19. Книга отводная городничих старцев Соловецкого монастыря, «что по башням оружия». 7 июля 1709 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 206 (*Книга 1709 г.*).

- л. 2 Лето 1709-го году июля в 7 день по благословению господина отца нашего архимандрита Фирса и келаря монаха Илариона, казначая иеромонаха Дорофея и соборных старцов Соловецкого монастыря. Прежде бывший городничей соборной старец Васян отвел новому городничему иеромонаху Иоаникию по городу, и по башням, и по стене в верхних, и в средних, и в нижних бойницах всякаго оружия, пушек медных и железных и пищалей затинных и скоростреленых, все налице, именно по статьям. //
- л. 2 об. На Святых воротех с монастырьскую сторону, с лица, вместо Спасова образа Смоленского, что был писан на большей доске под воротами, деисус Спасов со апостолы. С лица ж в киоте над вороты образ Благовещения Пресвятые Богородицы, пред образом фонарь слюдной под железом. Да кивот, а в нем три образа Воскресение Господне, да Распятие, да Неопалимая Купина, да Филиппа митрополита.
- л. 3 За Святыми вороты в бочке 6 образов больших да внизу // по сторонам два евангелиста Лука да Марко. Да на малой доске противу образ Нерукотворенный. Пред теми же иконы фонарь слюдной в дереве. По воную сторону бочки деисус писан на полотне в киоте.
В тех же Святых воротех пушка медна дробовка, другая чюгунная железная. Пять труб медных пожарных. //
- л. 3 об. Десять топоров, замок большой, другой калитошной.
На Стратилатовской башне. В верхнем бою пушка медная Богдан. Пушка малая.

- В среднем бою пушка медная Лев, друга чугунна большая, третья железна средняя, четвертая железная хвостушка.
В нижнем бою пушка железна скорострелена без клина.
На Успенской башне. //
- л. 4 В верхнем бою пушка медна средняя, друга затинная медна жь, третья железна хвостушка.
В среднем бою пушка железна чугунная большая, дру[го]й пушки обрывок чюгунной.
Над Рыбными воротаы образ Спасов в молении святыя за слюдою. З другую страну образ Казанския Богородицы за слюдою.
На Корожной башни.
- л. 4 об. В верхнем бою пушка медна мала, затинная да пушка // железная малая, другая хвостушка железная.
В среднем бою две пушки медныя большия Китоврасы, да пушка железная хвостушка.
В третьем бою пушка медная средняя, другая железная чугунная большая.
Никольские воротаы.
- л. 5 Над воротаы образ в городе Николая чюдотворца, у него при//весу панагия сребренная резная, з другую страну образ Николы ж чюдотворца Можайска да образ Зосимы и Саватия. Все три образа за слюдами, да фонарь слюдной под железом, два в дереве.
На башни в [верхнем]²⁹ бою две пушки медных больших, третья медная средняя да пушка ж медная затинная.
В среднем бою две пушки медныя большия, осмь пицалей ручных, да пушка железная хвостушка. //
- л. 5 об. В нижнем бою пушка медна дробовка, две хвостушки железных.
В воротах пушка железная чугунная болшая, да пушка железная дробовка, две пушки железныя средня, десять багров пожарных, в том числе один сломлен, два топора, два замка висячих большой да малой.
На Квасопаренной башни. //
- л. 6 Пушка железна скорострелная, в ней две вклатке.
На Поваренной башни.
Пушка железна небольшая, две пушки железных хвостушки, 16 коз железных.
На Архангельской башне.
В верхнем бою пушка медна средняя, пушка ж медна да пушка железна хвостушка.
- л. 6 об. В среднем бою пушка железна скорострелная, // в ней две вкладке, другая железная хвостушка.
Над Архангельскими воротаы с обе стороны два образа архистратига Михаила, оба за слюдою.
На Белой башне.
В верхнем бою пушка медная Богдан, другая медная средняя, третья жь медная ж малая, дробовка да железна небольшая.
- л. 7 В среднем бою пушка медная большая Богдан, другая // медная большая, третья медная ж небольшая затенная.
В нижнем бою пушка железная дробовик. Другая железная жь хвостуха.
И всего оружья по городу и по башням, и в воротах медных пушек, больших и средних, и дробовок, и затенных дватцать чetyре пушки. Да
- л. 7 об. железных больших чюгунных и средних и скоростреленых и хвосту//шек и затинных пицалей. Всего тритцать восемь пушек.
И всего по городу, и по башням, и по воротам оружья пушек медных и железных, дробовиков и затинных пицалей и хвостушек всего шезтьдесят две пушки.

²⁹ В ркп. явная описка: среднем.

Документ 20. Книги переписные соловецкого монастыря подполковника Ивана Кокошкина. 1711 г.

458

Текст по рукописи: Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 154 (*Книги 1711 г.*).

л. 190 об. Полата оружейная. В той же полате оружия.

Сабля булатная, ножны и черен оправлен все серебром золоченым с камнем бюрюзами, в конце камен изумруд в золотом гнезде. На ножнах и в черену в четырнатцати местах вставок нет.

Палаш булатной, ножни обложены бархатом красным, черен и на ножнах нако-нешники, да три середины серебряны и золочены, на ножнах и на черену вставки бирюзы, а камень красное в гнездах.

Палаш двоеручной Скопинской.

Сто шездесят одна сабля в ножнях с поясами ремеными, на ножнах оправы же-лезные.

Одиннатцать рубашек колчужных укладных, в том числе одна ветхая, а три без ошейников.

Шапка мисюрка ветхая.

Наручи железные ветхие.

Два знамени тафтяны.

Знамя крашенинное.

Барабан ветхой.

л. 191 Восмь карабинов больших в ложах // з замками, у них в ложи кости, в том чис-ле у дву карабинов замки колесчаты.

Четыре пищали турские длинные.

Пищаль новая длинная гладкая с прикладом.

Сорок три карабина больших и малых, в том числе у пяти карабинов замки ко-лесчаты, того ж числа один карабин без замка.

Тритцать одна пара пистолетов больших и малых, в том числе у дву пар замки колесчаты.

Две пары пистолетов без замков.

Три пистоли, у них оправы серебряны чеканные.

Шесть соть восьмьдесят мушкетов и самапаловь и винтовалних и гладких пища-лей в том числе, два мушкета з жаграми, два без замков.

Карабин двоес[т]валной об одном замке. //

л. 191 об. Одиннатцать с[т]волов пищальных без ложе и без замков.

Одиннатцать с[т]волов рваных и ломаных.

Двенатцать пушек медных в аршин, и в пол аршина, и в четверть аршина, в станках деревяных.

Да в роздачи для посылок пять карабинов да два пистолета.

Два палаша одноручны простыя.

Хорт стальной в ножнах, оклеен кожей черною.

Посох, в нем кинжал стальной без черена.

Пять замков пищальных, в том числе один шкодцкой.

Шпага в посоху.

Нож подсадной в ножнах.

Посох железной. //

л. 192 Триста тритцать копей, в них две рагатины звериных.

Шесть копей ломаных.

Седмьдесят топорков дорожных.

Триста пядьдесят два бердыша болших и малых, в том числе один в них бердыш двойной.

Лук буйловой, в нем по концам два ножа булатные, насечены серебром.

Семдесят три лука, в том числе есть и черемиския.

Тритцать один колчан со стрелами.

- Два влагалища пищальных ветхие кожаных.
Щит боевой деревянной.
Тритцать пятеры лубье сайдашные.
Четыре самострела с полосами укладными.
- л. 192 об. Шесть голений самострелных без полос, // седмая с полосою.
Девять томаров самострелных без желез.
Тритцать семь стрел самострелных з железом.
Четырнатцеть кубышек гранатных чиненых.
Ларь со стрелами луковыми, неполон.
Дватцеть пять влагалища пищальных ветхих.
Сорок девять чеканов полских.
Алебарда.
Два контаря з гилями железными.
Две доски часовых железных немецкого дела.
Четыре трещетки да вывертка пушечные.
Одна доска винтовальная.
В кульке кременье пищальное.
Ларь кремения орлецкого.
Пятнатцать олстр карабинных //
- л. 193 клееных.
Пятнатцать олстр пистолных и карабинных кожаных.
Шесть олстр с сукнами.
Два опыта пороховые медные.
Восмь чемоданов кожаных ветхих.
Восмь натрусков деревянных да натруска костяная.
Двести девяносто натрусков простых.
Двести рогов пороховых, обшиты нерпами.
Одна³⁰ ляду[н]ки пороховые бархатные, шиты серебром.
Восмь лядушек в сукне.
Дватцать три лядушки в кожи.
Сулеба, оправка железная, насечена сребром.
Кинжал булатной, ножны оклеены бархатом черным.
Ключ немецкой колчатого замка с травами. //
- л. 193 об. Сто семь рогов пороховых.
Рог буйловой черной.
Рог с усами китовыми.
Рог покрыт черным хозом.
Мех пороховой кожанной.
Натруска роговая длинная.
Два терпуга сабелных.
Триста мошен пулечных.
Двои вески медные, коромысла к ним железные.
Фунт дробной медной.
Два безмена малых пороховых розвесных.
Фурма медная.
Два топора с топорщами.
Топор полской.
Фурма железная.
Свердель пищальной.
Три напари долгих плотничных.
Сундук, в нем двенатцать ящиков, насыпаны, полны пулек свинцовых.
Два ящика неполных з зарядами. //

³⁰ В кп. первоначально: два. Затем исправлено, отсюда несогласование.

- л. 194 В сундуке ж в двух ящиках пули железные затинных пищалей, а иные облиты свинцом.
Два ставка с мазью.
Фителю тритцать фунт.
Сто дватцет шенпуров мушкетных. В них шездесят с трубками и с трещетками.
Шездесят шенпуров простых.
Три пины луковые.
Две пины болших.
Пять фунтов жил, чем арчаги и луки жилият.
Дватцат девять плетей ременных конских да бичь.
Дватцет кистеней железных на ремнях.
Сито, чем порох сеют.
Две полатки да шатер полотняные с полосами ветхие. //
- л. 194 об. Да по городу и по башням снаряду пушек. И затинных пищалей медных и железных, и сколько в которой пушке весу, и каковы по калибером к ним ядра.
Пушки медныя.
Первая пушка прозванием Китоврас немецкаго литья, весом шездесят пуд тритцетъ один фунт, длиною три аршина девять вершков. К ней по калиберу пятьдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
Вторая пушка Китоврас же немецкаго ж литья, весом шездесят пуд тритцетъ один фунт, длина три аршина девять вер[ш]хов. К ней по калиберу пятьдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
Третья пушка прозванием Богдан немецкаго литья, весом шездесят пуд девять фунт, длина полчетьверта аршина, к ней по калиберу шездесят ядер. По полупята фунта ядро. //
- л. 194а Четвертая пушка прозванием Богдан же, весом сорок пуд дватцетъ фунт, длиною четыре аршина, к ней по калиберу шездесят пять ядер, по полупята фунта ядро.
Пятая пушка, весом тритцетъ восемь пуд, длиною четыре аршина, к ней по калиберу шездесят ядер, по четыре фунта ядро.
Шестая пушка дробовик рускаго литья, весом тритцетъ три пуда дватцетъ один фунт, длиною три аршина с четвертью.
Седмая пушка дробовик рускаго литья, весом тритцетъ два пуда, длиною три аршина два вершка.
Восмая пушка прозванием Лев, весом тритцетъ два пуда дватцетъ два фунта, длиною три аршина // шесть вершков, к ней по калиберу седьмдесят пять ядер, по два фунта ядро.
Девятая пушка, весом тритцетъ два пуда девять фунтов, длиною три аршина шесть вершков, к ней по калиберу седьмдесят пять ядер, по два фунта ядро.
Десятая пушка, весом тритцетъ один пуд тринатцетъ фунт, длиною три аршина без двух вершков, к ней по калиберу сто восьмдесят пять ядер, по три фунта ядро.
Первая надесять пушка, весом дватцетъ восемь пуд девять фунт, длина три аршина пять вершков, к ней по калиберу сто десять ядер, по три фунта ядро. //
- л. 195 Вторая на десять пушка, весом дватцетъ восемь пуд, длина три аршина, к ней по калиберу сто восьмдесят пять ядер, по три фунта ядро.
Третья на десять пушка немецкаго литья, весом дватцат три пуд дватцетъ фунтов, длиною два аршина пять вершков, к ней по калиберу седьмдесят пять ядер, по два фунта ядро.
Четвертая на десять пушка прозванием Богдан, весом дватцетъ один пуд, длиною два аршина три четверти, к ней по калиберу сто восьмдесят три ядра, по три фунта ядро.
Пятая на десять пушка, весом восьмнатцетъ пуд девять фунтов, длиною два аршина, к ней по калиберу седьмдесят пять ядер, по фунту ядро. //

- л. 195 об. Шестая на десять пушка прозванием Богдан, весом семнатцет пуд дватцать фунт, к ней по калиберу седмьдесят четыре ядра, по два фунта ядро.
Седмая на десять пушка, весом восмьнатцет пуд девять фунт, длиною два аршина, к ней по калиберу шездесят ядер, по четыре фунта с четвертью ядро.
Восмая на десять пушка, весом дватцет пуд, длиною два аршина три четверти, к ней по калиберу сорок ядер, по два фунта без четверти ядро.
Девятая на десять пушка дробовик, весом пять пуд девять фунт, длиною полтора аршина. //
- л. 196 Двдцетая пушка дробовик же, весом пять пуд два фунта, длиною полтретья аршина.
Двдцет первая пушка, весом четыре пуда десять фунт, длиною два аршина, ядро к ней мушкетное.
Двдцет вторая пушка, весом четыре пуда десять фунтов, длиною два аршина, ядро к ней мушкетное.
Двдцет третья пушка, весом два пуда шесть фунтов, длиною два аршина без вершка, ядро к ней мушкетное.
- л. 196 об. Двдцет четвертая пушка, весом два пуда пять фунтов, // длиною два аршина без вершка, ядро к ней мушкетное.
Всего медных двдцет четыре пушки (весу в них 620 пуд 2 ф.)³¹. К ним по калиберу тысяща четыреста тритцет четыре ядра.
Пушки чюгунные.
Первая пушка чюгунная, весом восмьдесят два пуда восмьнатцет фунтов, длиною три аршина тринатцет вершков, к ней по калиберу сто тритцет пять ядер, по семи фунтов ядро. //
- л. 197 Вторая пушка чюгунная, весом восмьдесят два пуда восмнатцет фунт, длина три аршина тринатцет вершков, к ней по калиберу пдтдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
Третья пушка чюгунная ж, весом восмьдесят два пуда восмнатцет фунт, длина три аршина тринатцет вершков, к ней по кружалу пдтдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
Четвертая пушка чюгунная, весом пдтдесят пять пуд, длиною три аршина с вершком, к ней по кружалу пдтдесят шесть ядер, по шти фунт ядро.
Пятая пушка чюгунная же, весом пдтдесят четыре пуда, длиною три аршина, к ней по кружалу сто тритцет пдт ядер, весом по семи фунт ядро. //
- л. 197 об. Шестая пушка чюгунная, весом девдтнатцет пуд двдцет фунт, длиною три аршина восмнатцет вершков, к ней по калиберу сорок ядер, весом по два фунта без четверти ядро.
Седмая пушка чюгунная скорострелная, весом четырнатцет пуд десять фунт, длина полчетверта аршина, к ней по калиберу семьдесят пять ядер, по полфунту ядро да две вклады.
- л. 198 Восмая пушка чюгунная, весом семнатцет пуд, длина три аршина три вершка, к ней по калиберу сто десять ядер, по два фунта с четвертью ядро. //
- Девятая пушка чюгунная, весом четырнатцет пуд, длина три аршина три вершка, к ней по калиберу сто ядер, по фунту ядро.
Десятая пушка чюгунная дробовик, весу в ней девдтнатцет пуд, длина аршин шесть вершков.
Первая надесдт пушка чюгунная, весом четыре пуда тритцет четыре³² фунта, длина два аршина пять вершков, к ней по кружалу семдесят четыре ядра, по полфунту ядро.
Вторая надесдт пушка чюгунная же скорострелная, весом тринатцет пуд пдтнатцет фунт, длина три аршина, к ней по калиберу сорок одно ядро, весом по полтора фунта ядро да три въкладки. //

³¹ В ркп. вписано карандашом.

³² В ркп. слово четыре вписано сверху теми же чернилами.

- л. 198 об. Третья на десять пушка чюгунная хвостуша, весом пять пуд дватцать фунт, длина два аршина, к ней по калиберу пядьдесят пять ядер, по фунту без четверти ядро.
Четвертая надесять пушка чюгунная дробовик, весом тринадцать пуд, длина полтора аршина.
Пятая надесять пушка чюгунная же, весом два пуда дватцать пять фунт, длина аршин семь вершков, к ней по калиберу семьдесят четыре ядра, по полуфунту ядро.
- л. 199 Шестая надесять пушка чюгунная же, // весом четыре пуда пятнадцать фунтов, длина три аршина, к ней по калиберу дватцать семь ядер, по четверти фунта ядро.
Седьмая надесять пушка чюгунная скорострелная, весом три пуда девять фунтов, длина аршин, к ней две вкладки.
Восьмая надесять пушка чюгунная хвостушная, весом два пуда, длина два аршина десять вершков.
Девятая надесять пушка чюгунная, весом два пуда тринадцать фунтов, длина аршин два вершка, к ней по калиберу семьдесят четыре ядра, по полуфунту ядро.
Двадцатая пушка чюгунная жъ хвостушная затинная, весом пуд //
- л. 199 об. тринадцать фунтов, длина два аршина десять вершков.
Двадцать первая пушка чюгунная затинная, весу полтора пуда, длина два аршина девять вершков.
Двадцать вторая пицаль чюгунная затинная хвостовая, весом пуд десять фунтов, длина аршин девять вершков.
Двадцать третья пицаль чюгунная затинная хвостовая, весом пуд десять фунтов длиною два аршина два вершка.
Двадцать четвертая пицаль чюгунная хвостовая, весом пуд тритцать один фунт, длина два аршина с четвертью. //
- л. 200 Двадцать пятая пушка чюгунная, весом два пуда, длина два аршина.
К ней по калиберу семдесят четыре ядра, по полфунту ядро.
Двадцать шестая пушка чюгунная, жагорник, весом пуд дватцать фунтов, длина полтретья аршина.
Двадцать седьмая пицаль железная хвостовая, весом пуд дватцать фунтов, длина аршин с четвертью, к ней по калиберу дватцать семь ядер, по четверти фунта ядро.
Двадцать восьмая пицаль чюгунная, весом тритцать фунтов, длина аршин девять вершков.
Двадцать девятая пицаль чюгунная, весом пятнадцать фунтов, длина аршин девять вершков. //
- л. 200 об. Тридцатая пицаль железная, весом дватцать семь фунтов, длина полтора аршина.
Тридцать первая пицаль чюгунная ж, весом дватцать семь фунтов, длину полтора аршина.
Тридцать вторая пицаль железная, весом дватцать шесть фунтов, длина аршин девять вершков.
Тридцать третья пицаль железная, весом дватцать пять фунтов, длина аршин три четверти.
И к тому вышеписанному мелкому ружью, к затынным пищалем мелким тысяща триста шездесят пять ядер железных. Железных же чатыреста девять ядер, весом ядро по фунту с четвертью, а пушек и пищалей по тем ядрам нету.
- л. 201 Всего железных больших и малых // тритцать чатыре пушки и з затынными, к тем пушкам по калиберу две тысящи чатыре ста шездесят чатыре ядра железных, кроме тех ядер, которые по калиберу ни х которой пушки не годятца.
А те вышеписанныя пушки на станках с колесами, а иныя и без колес на окованных и на неокowanych. А мартиров и бомб нет.

Да в полате пороху в бочках триста дватцать три пуда. И ис того вышеписаннаго пороху отдано в Сумской острог и в Кемской городок для опасения неприятельских людей пять бочек, весом по семи пуд в бочке.
Свинух четыреста возмьдесят семь пуд пятнатцать фунтов.

Документ 21. Книги отводные оружейной казны соловецкого монастыря от оружейного иеродиакона Николая оружейному соборному старцу Герману Писареву. 28 мая 1712 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 848 (Книги 1712 г.).

- л. 2 [Лета] 1712 году мая в 28 день. По благословению господина отца нашего архимандрита Фирса, келаря монаха Илариона, казначея иеромонаха Дорофея и соборных старцов Соловецкого монастыря монах Епифаний Девятого в Соловецком монастыре, пересмотря оружейную казну, переписав, отвел от прежняго оружейного старца Николая за нового оружейного соборного старца Гермона Писарева, а что по осмотру и по переписке в оружейной казны налицо
- л. 2 об. всякаго ружья объявилось // в отво[де], и то [писано в книгах сих] ниже сего...³³ В оружейной казны Божия милосердия святых икон. Образ всемилостиваго Спаса писан краски. Образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия писан на золоте. Образ видения Сергия чудотворца. Образ Николая чудотворца, на полях Зосимы и Савватия, писан краски. Крест Господен деревяной резной. //
- л. 3 Образ [ип]остаснаго Божества... [Бо]жественною венча. Пречистую Богородицу писан на полотне, большой с силами небесными. У той же полаты над дверми с переходов образ святаго Михаила Архангела в киоте за слюдою. В той же полате ружья. Одиннатцать рубашек колчюжные, в том числе одна рубашка ветхая да три рубашки без ошейников. Шапка мисюрка. //
- л. 3 об. Наручьи железны[е]. Три знамени на др[евках]. Знамя тафтяное же без древка. Два праперка на древках крашенинные. Барабан ветхой. Четыре пищали турецкие длинные голубовские. Две пищали турецкие о дву зарядах. Восемь карабинов с костью больших. Дватцать восемь карабинов простых больших и малых.
- л. 4 Пятнатцать карабинов же в ложах // ...щание. Тритца[ть] одна пара пистолетов больших и малых, а те пистолеты парами все разнятца, в них один пистолет без замка, в том ж числе три пистоли, оправа серебряная. Шесть сот девяносто пять пищалей винтовалних, и невинтовалних, и турок, и мушкетов шкотцких, и саналов, все з замками, один в них мушкет з жагрою. Шесть мушкетов без замков.
- л. 4 об. Дватцать стволов рваных и нерванных. //
- Винтовка Арамо[вская]. Карабин двоестволней об одном замке дачи верхового уставщика Ивана Стефанова.

³³ Обрыв невосстанавливаемого текста. В квадратных скобках восстановленный текст по фрагментам букв и по описям 1711 и 1714 гг.

- Двенатцать пушек на ставках в аршин, и в поларшина, и в четверть аршина медные.
- Сабля булатная, ножны и черен, оправа серебряная золоченая с камнем в черену, камень изумруд зеленой в золотом гнезде на ножнях и в черену, в разных местах четырнатцати ставок нет. //
- л. 5 ...тной ножны покрыты бархато[м к]расным, черен и на ножнях.
Наконечники да три средины серебряные золочены, на ножнях и на черене вставки бирюзы, а иные каменье красное в ставках в целости.
Сто шестьдесят девять сабел всяких.
Палаш двоеручной Скопинской.
Два палаша простых.
Хортъ толочановской.
Посох, в нем кинжалец без черена.
Посох железной.
Шпага в посоху. //
- л. 5 об. В ножнях нож п[одсайдачный].
Триста копей.
Одиннатцать рогатин, в том числе две звериные.
Двести семдесят бердышев больших и малых, в том числе один бердыш двойной.
Девяносто девять топорков.
Лук, в концах ножи булатные.
Семдесят три лука черемиские.
Тритцать один колчан со стрелами.
Одиннатцать кистеней. //
- л. 6 [Тритцать пя]теры лубье сайдашные.
Три самострела.
Шесть голеней самострелних бес полос.
Седьмая голень с полосою.
Девять томаров без железа.
Ларь со стрелами самострелними и луковыми з железом и без железа.
Четырнатцать кубышек гранатных чиненых.
Дватцать пять влагалищ пицалних ветхие. //
- л. 6 об. Взем тележ[ной].
Сорок девять чеканов.
Протазан большей, алебарда.
Два контаря з гирями железными.
Трещетка да вывертка пушечные железные³⁴.
Доска винтовальная.
Две доски железные, что часы бьют, ручные.
Восмнатцать шпаг в ножнях.
Шпага у слуги и Родиона Кирилова. //
- л. 7 С[улеба в нож]нях.
Хортик в ножнях бархатных черных.
Семнатцать протупей красной кожи шпажных.
Кременья пицалного с кулком семнатцать фунт.
Кременья ж орлецкого в ларю.
Шестеры олестры с сумками и без сумок.
Тритцать олестров пицалних и карабиньных и пистолних держаных и ветхих. //
- л. 7 об. Два опыта порохов[ых].
Четыре натруски деревянных.
Натруска костяная.

³⁴ В ркп. слева на поле: Вывертки не объявились.

- Двести девяносто натрусок простых.
Двести осмнатцать голов пороховых, обшиты нерпою.
Девяносто два рога простые пороховые.
Две лядунки бархатные шиты серебром. //
- л. 8 Один[н]адцать лядунок в сукне.
Дватцать три лядунки в кожах.
Ключ колесной немецкой железной с травами.
Мех пороховой кожаной.
Сито, коим порох сеют.
Двои вески медные с коромыслы железными.
Рог покрыт хозом черным.
Натруска роговая длинная. //
- л. 8 об. Две фурмы, одна [медная,] др[угая] железная.
Сундук, в нем двенатцать ящыков, насыпаны пулек свинцовых. В сундуке же в дву ящиках пулки железные затинных пицалей, а иные пулки облиты свинцом.
Фитиль весом пуд.
Сто шонпуров мушкетных, в них шесть десят шонпуров с трубками и с трещетками.
Три пилы лучковые.
Две пилы большие без лучков. //
- л. 9 Т[р]и фунта жил мятных, которыми арчагы и луки жилият.
Две полатки да шатер с полами.
Ставок медной с кровлею весом пол четверта фунта.
Стол круглой столярной, писан краски.
Доска каменная в рамах.
Да под денежною казною в полаты пять полстей пушенных обшитых.
Четырнатцать полстей необшитых новых. //
- л. 9 об. Япанча серая малодержана.
Четырнатцать медведен черных старых и ветхих.
Медведно новое.
Два седла немецкой работы.
Да седло крымское, верх бархатной.
Пять сумок заплечных.
Шесть сумок выюшных.
Пятнатцать чемоданов.
Безмен трепудовой, гиря железная. //
- л. 10 Бе[з]мен пудовой з железною гирею.
Два безмена пудовой да полуторник, гири медные.
Шеснатцать полиц железных немецких битых двойных больших.
Дватцать пять полиц немецкой же работы битых одинаких.
Тысеча осьмьсот пятьдесят полиц цренного железа.
- л. 10 об. Железа телепневого семьсот // дватцать телепней.
Суклади ломаной весом пуд осмнатцать фунт.
Четыре сковороды железных новых блинных.
Пять полиц свинцовых битых небольших.
Штука свинцу по старому отводу десять пуд тритцать фунт.
Пороху пушешного пуд. //
- л. 11 Три кожи новых, четвертая ветхая, что в карбасах покрываются от дожьжа. //
- л. 11 об. *Пустой //*
- л. 12 Да ему ж, соборному монаху Гермону, отведено росписок, что, кому давано из оружейной казны:
Росписка на слугу на Ивана Моренинова, взят по нем чемодан дачи иеромонаха Авфония [1]708-го году.
Росписка на служебника Потапа Феодулова в полсти белой неопушенной дачи иеромонаха Иоаникия [1]709 году.

- Росписка на монаха Евагрия в чемодане ветхом дачи старца Серапиона [1]707-го году. //
- л. 12 об. Росписка на подячего на Ивана Патрикиева в чемодане дачи Авфониевой [1]710 году.
Росписка трудника Стефана Иванова в полсти да в чемодане дачи Авфониевой [1]710 году.
Росписка портного шваля Ивана Артемьева в полсти да в чемодане дачи [1]700 году.
- л. 13 Росписка на Семена Яковлева в полсти серой пушеной дачи [1]708-го году. //
- Росписка на кушерецкого приказного старца Игнатия в кожи укывной ветхой дачи [1]709 году.
Росписка на служебника Михаила Афанасева, что ныне слугою на Вологде, в чемодане кожаном держаном, дачи [1]708-го году.
Две росписки на служебника, на Козму Евсевиева в чемодане да в полсти.
Росписка на слугу, на Михаила Званова в чемодане дачи [1]710-го году.
Росписка на монаха Досифея Резина в чемодане ветхом. //
- л. 13 об. Росписка на иеродиакона Гаврила, взят по ней пицаль турка Арамовская да сабля.
А шпага и рог принято тако ж, да и лядунка принята.
Росписка на монаха Филарета в полсти валяной.
По росписи дачи Иринарха Зернова прошлого [1]704-го году взят на служебнике Потопе Феодулове полсть.
На стряпчем на Семене Яковлеве кожа судовая.
На иеродиаконе Гавриле полсть пушенная с подкладкою. //
- л. 14 Р[осписка н]а монаха Киприяна в полсте валеной дани Николаевой [1]711-го году. //
- л. 14 об. [1]713-го июня в 26 день ему отдано [по] приезде господина келаря старца Илариона, которое привезено с Москвы с монастырского подворья. Мушкет, три санапала, пицаль полская, две турски, карабин, три пистолета, шпага швецкая, три багинета, две сабли, две суммы патронных, три подсумка, три рога казачьих, четыре натруски.

Документ 22. Книги отводные оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного старца Германа Скорнякова Писарева городничему монаху Серапиону. 2 марта 1714 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 941а (*Книга 1714 г.*).

- л. 2 Лета 1714-го марта в 2 день. По благословению господина отца архимандрита Фирса, келаря монаха Илариона Стромилова и соборных старцов Соловецкого монастыря чеботные казны казначей монах Илия Кушников в Соловецком монастыре, пересмотря оружейную казну, переписав, отвел от прежняго оружейного соборного // старца Германа Скорнякова Писарева за городничего монаха Серапиона, а что по осмотру и по переписке в оружейной казны налицо всякого ружья объявилось в отводе, и то писано в сих книгах ниже сего статьями ж. В верхней полате Божия милосердия пять иконь да крест, да на дверех с переход икона. //
- л. 3 Ружья.
Одиннатцеть рубашек колчужных, в том числе одна ветха да три без ошейник. Шапка мисюрка.
Наручи железные.
Три знамени тяфтяных на древках.
Два прапорка крашенинные на древках.

- Борабан ветхой.
Четыре пищали турки длинные.
Две пищали турких о дву зарядах.
Осмь карабинов больших с костью. //
- л. 3 об. Дватцетъ осмь карабинов простых больших и малых.
Пятнатцетъ карабинов же в ложах, обломки пищалных.
Тритцетъ две пары, один пистолет — больших и малых. В том же числе три пистолета, оправы серебряная, да один без замка.
Шестьсот девяносто седмь пищалей винтовальных и гладких, и мушкетов з замками, один з жагрою.
Шесть мушкетов без замков.
Дватцетъ стволов рваных. //
- л. 4 Винтовка арамовская.
Карабин двоествольной с одним замком.
Двенатцетъ пушечек медных на станках и беза станков.
Сабля булатна, оправы серебряная с камнем³⁵.
Палаш булатной, оправы серебряная с камнем, Скопинская.
Сто шестьдесят девять сабель всяких.
Палашъ двуручной.
Два палаша простых.
Посох железной.
Хорт толочановской.
Шпага в посоху.
Посох, в нем кинжалец без черена.
Три баганита. //
- л. 4 об. Нож подсадашной в ножнах.
Триста копей всяких.
Одиннатцетъ рогатин.
Двести седмьдесятъ бердышей, в том числе один бердыш двойной.
Девяносто девять топорков.
Лук с танбун в концах³⁶.
Ножи булатные.
Седмьдесятъ три лука черемиския.
Тритцетъ один колчан со стрелами.
Одиннатцетъ кистеней.
Тритцетъ пять лубья садашные.
Три самострела. //
- л. 5 Шесть голеней самострелных бес полос.
Одна голень с полосою.
Девять томаров без железа.
Ларь со стрелами самострелными и с луковыми.
Четырнатцетъ кубышек гранатных чиненых.
Дватцетъ пять влагалищ пищалных, ветхи, подем тележной.
Сорок девять чеканов.
Алебарда болшая.
Два контаря з гилями железными.
Трещетка пушечная.
Доска винтовальная. //
- л. 5 об. Две доски железныя, что часы бьютъ.
Осмьнатцетъ шпагъ в ножнах.
Шпага у Родиона Кирилова.
Сулеба в ножнах.

³⁵ Вписано другими чернилами: 15 камней нет.

³⁶ На левом поле другими чернилами: Пожарского.

- Хортик, ножны крыты бархатом черным.
Седьмнатцеть портупеев.
Кремней пищальных с кулком весом семнатцеть фунтов.
Кременья ж орлецкого в ларю.
Шестеры олстры pistolные.
Тринатцеть ольстров пищальных и корабинных и pistolных ветхих. //
- л. 6 Два опыта пороховых медные.
Четыре натруски деревянных.
Натруска костяная не объявилась.
Двести осьмнатцеть голов пороховых, обшиты нерпою.
Двести девяносто четыре натруски простых.
Девяносто два рога казачьих.
Две лядунки бархатные, шиты серебром.
Одиннатцеть лядунок в сукне.
Дватцеть три лядунки в кожах. //
- л. 6 об. Ключ колесной.
Мех пороховой, в нем пороху мелково пять фунтов.
Сито, чем порох сеют. Рог крыт хозом черным.
Двои вески медные.
Натруска роговая длинная.
Две фурмы.
Сундук, а в нем двенатцеть ящиков насыпаны пулек свинцовых.
В сундуке в дву ящиках пулки железные затинные и пищальные. //
- л. 7 Фитель весом пуд.
Сто шонпулов мушкетных, в том числе шестьдесят с трупками и трещетками.
Три пилы с лучками.
Две пилы без лучков.
Три фунта жил мятых.
Две полатки.
Ставок медной с кровлею.
Стол круглой столярной, доска каменная.
Боченок сала квашенинного. //
- л. 7 об. Да под денежной казной в полате.
Шесть полстей обшитых держаных, в том числе две ветхи.
Девятнатцеть полстей необшитых новых.
Четыре япанчи валеных.
Медведно белое.
Четырнатцеть медведен черных ветхи.
Медведно новое.
Седло крымское крыто бархатом.
Два седла немецких.
Пять сум заплочных. //
- л. 8 Шесть вьючных.
Дватцеть два чемодана, в том числе осмь получеоданов держаных и ветхих.
Безмен трепудной, гиля железная.
Безмен пудовой, гиля железная.
Два безмена пудовой да полуторник, гири медные.
Железа.
Пятнатцеть полиц немецких двойных.
Дватцеть три полиц одинаких. //
- л. 8 об. Три тысяцы седмь сот сорок полиц цренного железа.
Телепневого седмь сот дватцеть телепней.
Девять сковород блинных новых да сковорода ветхая.
Пять полиц свинцу.
Свинцу ж кус большой, не вешен.

- Четыре кожи кровельных. //
- л. 9 Росписки.
Росписка Ивана Морянинова в чемодане [1]708 году.
Росписка Потапа Федулова в полсти белой новой [1]709.
Росписка трудника Степана³⁷ Иванова в полсти да в чемодане [1]710 году.
Росписка портного Ивана Артемьева в полсти да в чемодане [1]710 году.
Росписка Семена Яковлева в полсти [1]708 году.
Росписка Кушрецкого старца Игнатия в коже кровельной [1]709 году. //
- л. 9 об. Росписка служебника Михаила Афонасева в чемодане [1]708 году.
Росписка монаха Филарета в полсти.
Росписка иеродиякона Гаврила в четырех полстях белых.
Росписка монаха Авфония в чемодане.
Росписка Афонася Иванова в полсти.
Росписка иеродиякона Спиридона в полсти.
Росписка монаха Киприяна в полсти в [1]711 году.

Документ 23. РЕЕСТР пушек Соловецкой крепости и оружейной палаты. 1742 г.

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1707 (*Реестр пушек 1742 г.*).

- л. 311 Реестр имеющимся в Соловецком монастыре на городской стене, по башням и под Святыми враты медным и чугунным пушкам, тако ж и в руженной палаты медного ружья:

Пушки медные			Пушки чугунные		
№	Пуды	Фунты	№	Пуды	Фунты
1	60	31	1	82	18
2	60	31	2	82	18
3	45	20	3	80	—
4	38	20	4	64	19
5	38	—	5	54	—
6	33	21	6	19	—
7	32	22	7	17	—
8	32	9	8	14	—
9	32	—	9	14	—
10	31	13	10	13	15
11	28	20	11	13	15
12	28	—	12	5	20
13	23	20	13	4	34
14	21	—	14	4	30
15	20	—	15	4	10
16	18	9	16	3	9
17	18	9	17	2	29
18	17	20	18	2	13
19	5	9	19	1	20
20	5	2	20	1	20
21	4	11	21	1	10
22	4	10	22	—	31

Всего в медных 24-х пушках весу шесть-сот три пуда восемь фунтов

Всего в чугунных 25-ти пушках весу 502 п[уда] 20 фу[нтов],
Кроме 14, что показана без весу и 8 дробовок, что в ложах

Скорострельная

14 пушек чугунных малых, а весу в них не показано, в том числе одна пушка обрывок

³⁷ В ркп.: монаха.

23	2	6		23	—	29	Еще 8 дробовок чюгунных в ложах
24	2	5		24	13	—	
				25	2	—	
Всего медных и чюгунных пушек и дробовок 71							

л. 311 об.

В ружейной полате медного ружья и аммуниции	Счет
Рубашек колчюжных	11
Шапка мисюрка	1
Наручи железные	1
Пищалей длинных	7
Пищалей турок о дву зарядах	2
Карабинов больших с костми	8
Фузеи с медною оправою	2
Карабинов больших и малых	71
Пистолетов с серебрянной оправою	3
Пищалей, самопалов и мушкетов в ложах	760
Пищал з жагрою	1
Винтовок	9
Пушек медных в станках // (л. 312)	11
Палаш булатной, ножнах обложены бархатом красным, черен и у ножен наконечники и три середины сребрянные золочены; на тех ножнах ³⁸ и на черене вставки бирюзы и ка-мень красное в гнездах	1
Сабля булатная, ефес и ножны, оправа сребрянная, золочена с камнем	1
Лук буйловой, в нем по концам 2 ножа булатные насечены серебром	1
Саблей всяких	178
Палаш двуручной в ножнах	1
Палашей одноручных в ножнах	2
Хортъ толочановской	1
Шпага в посоху // (л. 312 об.)	1
Посох, в нем кинжалец бес черена	1
Богинетов	2
Копей всяких	300
Рогатин	15
Бердышей	269
Бердыш двойной	1
Топорков	99
Луков русских и черемисских	73
Колчанов со стрелами	29
Шпаг с медными ефесы	3
Сулеба в ножнах	1
Хортик, ножны крыты бархатом черным	1
Натрусок пороховых и деревянных	4
Голов пороховых, обшитых нерпою	218
Натрусок простых	294
Рогов казачьих	92
Чеканов	50
Алебарда большая // (л. 313)	1
Лядунок, крытых сукном и кожею	11
Пороху в новых бочках	30

³⁸ В ркп.: нождах.

Да в старых	35
Итого в 65 бочках в погребу под кельями, что от квасоварни до Рыбных ворот подле салного погреба. 1744 года сентября 11 дня оной порох из вышеписанного погреба вынят и положен в погреб же, что под оружейной и ризной полатами, где было сало, 60 бочек; и пять бочек положено под Успенское крыльцо в каменной малой чулан за железные двери	
Знамен	4
Свинцу в свинках 593 п[уда] 25 фу[нтов]. Положен у казенной полате под крыльцом.	

Документ 24. Опись Соловецкого монастыря за подписью архимандрита Иеронима, иеромонахов — наместника Симона, казначея Антония, духовника Клеопы, уставщина Иоанникия, Паисия, иеродиаконов — ризничного Григория и Феоктиста. 1788–1789 гг.

Текст по рукописи: РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2421д. Кн. 5 (*Опись СМ 1788–1789 гг.*).

- л. 30 Описание имеющимся в Соловецком монастыре старинным орудиям и каких оныя калибров, между которыми большее число жалованные от великих государей царей и великих князей на случай в тогдашние времена опасности неприятельских на Соловецкий монастырь нападений, к обороне которыми действовали по грамотам учрежденные стрельцы, ныне же называющиеся солдаты.
- А имянно:
- По ограде монастырской в башнях, под воротами пушек медных.
- Первая: весу шездесят пуд тритцать один фунт.
- Вторая: шездесят пуд тритцать один фунт.
- Третья: тритцать восемь пуд дватцать фунтов.
- Четвертая: тритцать восемь пуд.
- Пятая: тритцать три пуда дватцать один фунт.
- Шестая: тритцать два пуда дватцать два фунта.
- Седьмая: тритцать два пуда девять фунтов.
- Осьмая: тритцать два пуда. //
- л. 30 об. Девятая: тритцать один пуд тринатцать фунтов.
- Десятая: дватцать восемь пуд дватцать фунтов.
- Одиннатцатая: дватцать восемь пуд.
- Двенатцатая: дватцать три пуда дватцать фунтов.
- Тринатцатая: дватцать один пуд.
- Четырнатцатая: дватцать пуд.
- Пятнатцатая: осмнатцать пуд девять фунтов.
- Шеснатцатая: осмнатцать пуд девять фунтов.
- Семнатцатая: семнатцать пуд дватцать фунтов.
- Восемнатцатая: пять пуд девять фунтов.
- Девятнатцатая: пять пуд два фунта.
- Двадесятая: четыре пуда десять фунтов.
- Дватцать первая: два пуда шесть фунтов.
- Дватцать вторая: два пуда пять фунтов.
- Дватцать третья: тритцать четыре фунта.
- Дватцать четвертая: дватцать три фунта.
- Дватцать пятая: дватцать два фунта.
- Чюгунных.
- Первая: восемьдесят два пуда осмнатцать фунтов. //

- л. 31 Вторая: восемьдесят пуд.
Третья: шездесят четыре пуда девятнатцат фунтов.
Четвертая: пятьдесят четыре пуда.
Пятая голбица: девятнатцать пуд дватцать фунтов.
Шестая: девятнатцать пуд.
Седьмая голбица: семнатцать пуд.
Осьмая: семнатцать пуд.
Девятая: четырнатцать пуд девять фунт.
Десятая: четырнатцать пуд.
Первая надесять: четырнатцать пуд.
Вторая надесять: тринацать пуд пятнатцать фунтов.
Третья надесять голбица: тринацать пуд.
Четвертая надесять: пять пуд дватцат фунтов.
Пятая надесять: четыре пуда тритцать четыре фунта.
Шестая надесять: три пуда девять фунтов.
Седьмая надесять: два пуда дватцать пять фунтов.
Осьмая надесять: два пуда пятнатцать фунтов.
Девятая надесять: два пуда четырнатцать фунтов. //
- л. 31 об. Дватцатая: два пуда.
Дватцать первая: два пуда.
Дватцать вторая: два пуда.
Дватцать третья: пуд тритцать один фунт.
Дватцать четвертая: пуд дватцать девять фунтов.
Дватцать пятая: пуд дватцать фунтов.
Дватцать шестая: пуд дватцать фунтов.
Дватцать седьмая: пуд пятнатцать фунтов.
Дватцать осьмая: пуд десять фунтов.
Дватцать девятая: пуд пять фунтов.
Тридесятая: пуд.
Тритцать первая: дватцать девять фунтов.
Тритцать вторая: дватцать шесть фунтов.
Дробовок в ложах деревянных восемь.
Ядер чюгунных.
От тритцати шести до одного фунта три тысячи сто пятьдесят шесть.
Полуфунтовых двести шездесят четыре. //
- л. 32 Картечных сто дватцать.
Ядер же с концами пятифунтовых девять.
Гранат гранадерских ручных трех фунтовых десять.
Кубышек гранатных чиненых четырнатцать.
Книпелей морских.
С цепми двенатцати фунтовых четыре.
Раздвижных прямых больших четырнатцати фунтовых шесть.
Средних шести фунтовых три.
Рубашек колчюжных железных десять, в них весу три пуда дватцать один фунт с половиною.
Латушка, или шабка железная же одна, весу фунт три четверти.
Карабинов больших и малых, при том пищалей, самопалов и мушкетов семьсот дватцать восемь. А сколько и каких имянно, разобрать обстоятельно неможно, потому что все одного стариннаго манира нерусскими замками³⁹.
Пистолетов с ложами ветхих дватцать три.
Бердышей и топоров чetyреста тритцать три. //
- л. 32 об. Копей всяких двести девяносто два.
Рогатин пятнатцать.

³⁹ В ркп. данное примечание — на полях.

- Чеканов сорок девять.
Лебарда болшая одна.
Кистеней на ремнях десять.
Луков русских и черемиских шездесять девять.
Голов пороховых двести пятнатцать.
Рогов тритцать два.
Колочанов со стрелами дватцать девять.
Томаров деревянных без железов десять.
Знамен.
1-е на пяти полосах тафтянных разных цветов, крест четвероконечной тафтян-
ной же малиновой, обложено крошениной кирпичной, на деревце.
2-е. Средина дорогилная темномалиновая, крест белой тафтянной, обложено
тафтой желтой; кругом деревца обшито сукном красным.
3-е. Средина тафта белая, крест осмьконечной, и обложено тафтой черной кру-
гом деревца, обшито крашениной синей⁴⁰. //
- л. 33 4-е. Средина красного, а обложено синим холстом, крест осмьконечной кра-
шеный синей.
5-е. Тафты разноцветной три полосы, герб тафты черной без деревца⁴¹.
Прапор кумачной красной, пять звезд, холстинные белые, на деревце, у которо-
го копые плоское.
Барабан ветхой.
Палаш булатной, ножны обложены бархатом красным, черен, и у ножен нако-
нешник и три средины серебрянные золоченые, на тех ножнах и на черене встав-
ка бирюзы и камень красное в гнездах да четыре места порозжих.
Сабля булатная. Ефес и ножни, оправа серебрянная, золочена, с камнем.
В оправе дватцати камней нет. Она сабля вкладу князя Михаила Скопина.
Палаш двоеручной в ножнах.
л. 33 об. Палаш одноручной, ефес железной, руковыдка костяная, в ножнах кожаных. //
- Шпаг шведских с железными ефесами пятьдесят семь.
Сабля ветхая, черен костяной, по нем полоска серебрянная, в ножнах кожаных.
Шпага в посоху.
Кортик, ефес медной в ножнах кожаных.
Хорт толочановской в ножнах бархатных.
Посох, в нем кинжалец без черена.
Нож посадной в ножнах.
Сулеба в ножнах.
Полос самострелных четыре.
Голеней самострелных девятнатцать.
Пуль фузейных и пистолетных 42600.
Пушечной дробы железной, облитой свинцом, 1810, чюгунной 1000.
Фурм, в которые пули льют, железных две, медная одна.
Насосов водяных медных пять.
Ставок медной луженой с крышкою.
Опыт медной пороховой.
Лядунок кожаных.
л. 34 Три, на них накладки с гербами, у ремней пряшки и наконешники медные. //
- Пять простых, у трех ремней пряшки медные, две без пряжек.
Пять обшитых кожей, у ремней пряшки железные.
Полаток полевых с прибором разных три.
Пороху, жалованного от великих государей царей и великих князей, а особливо
в 1702-м году во второе блаженныя и вечной славы достойной памяти государя
императора Петра Великого в Соловецкой монастырь пришествие, двести пуд

⁴⁰ В ркп. примечание к пунктам описи 1–3: Оные все знамена.

⁴¹ В ркп. примечание к пунктам описи 4–5: Прапор, весьма ветхое.

- и покупного в древние времена на монастырские денги, которой в силу присланных ко архангелогородской артиллерийской команды ис канцелярии главной артиллерии и фортификации указов и генерал фелд-цехмейстера графа Петра Ивановича Шувалова повелительного ордера в 1758-м году от оной Архангелогородской артиллерийской команды на отправленном из Соловецкого монастыря негодной переменен, и прислано имелось (кроме дерева чистого) триста девяносто четыре пуда четыре фунта, но за употреблением с того 1758 по 1789 годы по древле установленному в Соловецком монастыре и поныне неп[е]ременяемому обычаю в высоко торжественные ежегодно и другие случающиеся радостные временно дни ис пушек палбу и в дачю // на отправляющихся в летнее время мореходные суда по случающимся от морских штурмов опасностям, в росход остаточного триста сороку пуд.
- л. 34 об. Свинцу пятьсот пуд... //
- л. 35 об. 1788-го года августа 6 дня по сношению кемской штатной команды прапорщика Гуселникова для охранения Кеми города от приезда неприятельских караблей и судов и самих шведов при Кемском подворье военных снарядов отдано под росписку ему прапорщику Гуселникову:
- Пороху четыре пуда.
Затинных пищалей четыре.
Бердышев тритцать два.
Рогатин з дротиками девяносто две.
Копей осмнатцать.
Ружей дватцать четыре.
Пушка большая чюгунная одна, другая малая; к ним станков по одному з двумя железными болтами.
Картечи тысяча двести.
Свинцу девять пуд.
Ядер восемьдесят пять. //
- л. 36 По указом из архангелогородской духовной консистории, а в тое консисторию присланных из святейшаго правительствующаго Синода указов 1757-го году августа 18 дня отпущено из Соловецкого монастыря в военную походную генерала фелдцехмейстера графа Шувалова канцелярию военных орудий по одной вещи.
А имянно:
Рубашка колчюжная
Шапка мисюрка
Нагрудник с задом
Два ожерелья
Наручи
Мушкет
Пистолет
Сабля
Копье
Топорок
Чекан	Все железные.
- Голова деревянная пороховая, обшита кожей нерповой.
Рог казачей.
По рассмотрению ис показанных орудий по присланному от генерал фелдцехмейстера Шувалова письму того 757 года ноября отпущено из Соловецкого монастыря в предписанную походную канцелярию:
Сабель сто семдесят восемь.
1758 года генваря 19 дня отпущено из Санкт-Петербурга со ружейного двора потребных в Соловецкой монастырь вместо оных сабель, которые оказались негодными, шпаг салдацких с железными ефесы швецких восемьдесят девять.

Документ 25. Ведомость вооружения Соловецкого монастыря прапорщика Иванова. 12 января 1790 г.

Текст по рукописи: РГИА. Ф. 796. Оп. 71. Д. 5 (*Ведомость 1790а г.*).
л. 2 Ведомость, учиненная об артиллерийских орудиях и всяких воинских снарядах, в Соловецком монастыре хранящихся

475

Звание орудий, какого калибра и где оные хранятся	Число оных	В какой исправности состоят и зачем к употреблению годны или не способны
Под Святыми воротами медных: Дробовик, у которого в отверстии диаметр против 12-ти фунтового, а в камаре не более может быть, шестифунтовое ядро	1	Сам собою исправен и в употребление способен, поставлен на лафете, которой за ветхостию и старым маниром совсем неспособен
Пушек		
Двухфунтовая	1	Как сама собою, так и лафет в употребление способны
Лотовых	5	Из оных четыре и с лафетами в употребление годны, а последняя за старинным маниром предвидится неспособною
Трехфунтовая	1	Как сама собою, так равно и станок под нею подвижной на малых колесах за негодностию в употребление неспособны
Чюгунных		
Шестифунтовая	1	Старого манира ис карабельных, сама собою к употреблению годна, на лафете, которой за ветхостию неспособен
Лотовых	4	Малых подвижных станках, в употребление способны
В башнях		
Успенской, в верхнем этаже		
Медная двухфунтовая		Поставлена на лафете без передков, в употребление и с лафетом способна // (л. 2 об.)
Чюгунных		
Полуфунтовая	1	Хотя и старинного маниру, но в употребление годна, на станке, которой за ветхостию неспособен
Лотовая	1	Старинного маниру на ветхом неподвижном станке, в употребление неспособна
Гоубица двенатцатифунтовая	1	Оные все старинного маниру, лежат без станков на земли, отчего ржавчиною переедены и в употребление находятся совсем неспособными
Семифунтовая	3	
В среднем этаже пушек чюгунных шестифунтовых	2	Из оных первая кроме колес и передка, которого не имеется, с лафетом в употребление годна, а последняя на станке совсем неспособна
В Корожной		
В среднем этаже пушек медных		
Семифунтовых	2	Оные сами собою в употребление годны, поставлены на лафетах, которые за ветхостию совсем неспособны
Трехфунтовая	1	На неподвижном лежащем на земли станке, в употребление годна
Чюгунных		
Полуфунтовая	1	Старинного маниру на лежащем неподвижном станке, в употребление совсем неспособна // (л. 3)
Пищалей лотовых	3	Оные все старинного маниру на ветхих станках и к употреблению неспособны

В нижнем этаже		
Фунтовая	1	
Пушкка чюгунная шестифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафете, которой кроме колес, к употреблению также способен
В Никольской		
В верхнем этаже пушек медных		
Двухфунтовых	2	Оные сами собою в употребление годны, поставлены на лафетах, которые за ветхостию совсем неспособны
Чюгунная лотовая	1	Старинного маниру на ветхом станке, к употреблению совсем неспособна
Пищалей с ложами	8	Оные все старинного маниру и с ветхими рускими замками, в употребление неспособны
В нижнем этаже медных		
Дробовик, у которого в отверстии диаметр против 12-го фунтоваго, а в камаре не более может быть шестифунтовое ядро	1	Сам собою исправен и в употребление годен, поставлен на лафете, которой за ветхостию неспособен
Пушек трехфунтовых	2	Оные, как сами собою, так первая и с лафетом, а последняя с одним станком без колес, в употребление способны
Чюгунных		
Гоубица пятифунтовая	1	Старинного маниру на ветхом неподвижном станке, к употреблению совсем неспособен // (л. 3 об.)
Пушек		
Фунтовая	1	Хотя и старинного маниру, но к употреблению годна, поставлена на лафете, которой также, кроме колес, к надобности не способен
Лотовая	1	Старинного маниру, поставлена на неподвижном ветхом станке, но к употреблению способна
Тои башни под воротами		
Чюгунная		
Гоубица пудовая	1	Старинного маниру без станка и лафета, в употребление неспособна
В Архангельской		
В верхнем этаже пушек медных		
Пятифунтовых	1	Поставлена на лафете, за негодностию к употреблению неспособна
Трехфунтовая	1	Поставлена на лафете, с которым в употребление способна
Чюгунных		
Фунтовая	1	Старого маниру на неподвижном ветхом станке, к употреблению неспособна
Лотовая	1	Старинного маниру на неподвижном ветхом станке, в употребление неспособна
В среднем этаже		
Пушек чюгунных		
Трехфунтовая	1	Старинного маниру на ветхом лафете, к употреблению не способна // (л. 4)
Лотовая	1	Без станка и лафета, лежащая, старинного манира, к употреблению неспособна
В Белой		
В верхнем этаже пушек медных		
Трехфунтовых	2	Оные сами собою к употреблению годны, первая и с лафетом, а у последней лафет за ветхостию неспособен

Двух с половиною фунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафет, которой за ветхостию неспособен
В среднем этаже пушек		
Медная шестифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафете, которой за ветхостию совсем неспособен
Чюгунных		
Дробовик полупудовой	1	Старинного манира на неподвижном ветхом станке, в употребление совсем неспособной
Пушкка полуфунтовая	1	Хотя и старинного маниру, но сама собою в употребление годна, стоит на неподвижном ветхом станке
Пищаль фунтовая	1	Старинного маниру на неподвижном ветхом станке и к употреблению совсем неспособна
В нижнем этаже		
Пушкка чюгунная семифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, поставлена на лафет, которой за ветхостию совсем неспособен // (л. 4 об.)
В Стратилатовской		
В верхнем бою		
Пушек медных пятифунтовых	2	Оные сами собою в употреблению годны, поставлены на лафетах, которые за ветхостию совсем неспособны
Чюгунная гоубица полупудовая	1	Старинного маниру без станка и лафета, лежащая, в употребление совсем неспособна
В среднем этаже пушек		
Медная двухфунтовая	1	Оная и с лафетом в употребление способна
Чюгунных		
Шестифунтовая	1	Сама собою в употребление годна, стоит на лафете, которой за ветхостию совсем неспособен
Двухфунтовая	1	Оные сами собою, хотя и старинного маниру, но к употреблению годны;
Полуторофунтовая	1	поставлены на лафетах, кои также, кроме неспособных под ними колес, совсем годны
Полуфунтовая	1	Старинного маниру, стоит на ветхом лафете, к употреблению совсем неспособна
Фунтовая	1	Старинного маниру, поставлена на неподвижном ветхом станке, сама собою в употребление способна // (л. 5)
Лотовая	1	
В Поваренной		
Пищалей лотовых		Старинного маниру без станков и лафетов, лежащие и за ветхостию в употребление совсем неспособны
Корзин железных	14	Оные упователно употребляемы были для носки железных ядер, кои за ветхостию совсем неспособны
Бомб нечиненных:		
Четырехпудовая	1	
Пудовая	1	
Ядер		
Тритцати шестифунтовое	1	Оные все хранятся в особливом месте Успенской церкви под крыльцом в каменном чулане
Семифунтовых	6	
Шестифунтовых	766	
Пятифунтовых	433	

Четырехфунтовых	30	
Трех с половиною фунтовых	22	
Трехфунтовых	787	
Двух с половиною фунтовых	30	
Двухфунтовых	104	
Полуторофунтовых	909	
Фунтовых // (л. 5 об.)	11	
Полуфунтовых	26	
Морских с цепми и 12-ти фунтовых	4	
Роздвижных: 15-ти фунтовых	6	
3-х фунтовых	3	
С острыми шпильями: 6-ти фунтовое	1	
5-ти фунтовое	6	
3-х фунтовое	4	
Гранат ручных нечиненых	11	
Картечь малых без картузов	387	Оной хранится внутри монастыря самых Рыбных ворот в особливой полате
Пороху, пуд: пушечного	288	
Ружейного	36	
Мелкого пистолетного	16	Оной имеется в особливом каменном чулане под казною со стоящею в ведомстве монастырского казначея // (л. 6)
Свинцу в кусках и свинках, пуд	500	
В оружейной полате огнестрелного оружия и протчаго воинскаго снаряду:		
Карабинов больших и малых, пищалей и ружей с ложами	728	Из ружей, сколко каких имянно посортно, разобрать обстоятелно неможно, потому что все старинного маниру с рускими замками, почему как оные ружья, так и другие вещи за ветхостию в употребление находятся не способными
Пистолет в ложах	23	
Шпаг швецких с железными ефесами	57	
Палашей: Двоеручной	1	
Одноручных	2	
Сабель	2	Из оных в употребление одна годная, а другая за ветхостию не способна
Бердышей и топорков	433	Оные все старинного маниру и от давнего положения и неупотребления все перержавели, почему и в употребление совсем не способны
Копей з дротиками	292	
Рогатин	15	
Чеканов	49	
Кистеней на ремнях	10	
Луков с колчанами и стрелами	69	Без лафета и станка, да и казна, по-видимому, от паления оторвана, почему и в употребление не способна
Пушкка медная лотовая	1	
Патронов с пулями	220	Оные все в употреблен[ии] находятся способными
Пуль фузейных и пистолетных	42600	
Пушечной дроби:		
Железной, облитой свинцом	1810	
Чюгунной	1000	

(л. 6 об.) Итого по сей ведомости состоит дробовиков и пушек медных годных 23, в употребление совсем неспособных 4. Чюгунных гоубиц пушек и пищалей в употребление годных 17. Совсем неспособных 31.

Всего всех дробовиков, гоубиц, пушек и пищалей находится 75. Под которыми у лафетов передков не имеется также: банников, прибойников, пыжевников и протчих к тому принадлежностей, хотя и есть весьма малое Число, но и то в самой ветхости находится.

Документ 26. Ведомость об имеющихся при Соловецкой крепости артиллерийских орудиях с принадлежащими к оным снарядами и принадлежностями, порохом разного сорта, свинца и протчаго. 21 октября 1790 г.

479

Текст по рукописи: РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1944 (Ведомость 1790б г.)

л. 1 об.	Каких калибров орудий, разставленных на места, и где имянно	Число орудий, поставленных на места	Снарядов ко оным		
			ядер	картечь	книпелей
	<u>В башне Коруженной</u>				
	Пушек				
	7-ми фунтов	2	184	—	—
	3-х фунтов	1	91	8	—
	1-го фунта	1	92	—	—
	Дробовик	1	—	20	—
	<u>По куртине</u>				
	Пушек				
	1 ½ — го фунтовых	3	120	—	—
	¼ — ми фунтовых	2	80	—	—
	<u>В башне Никольской</u>				
	5-ти фунтов	1	92	8	—
	3-х фунтов	5	460	40	—
	<u>По куртине в башне Квасоваренной</u>				
	Пушек 1-го фунта	1	92	—	—
	⅛ пицалей	2	—	—	—
	<u>По башне Квасоваренной</u>				
	Пушка ½ фунта	1	92	—	—
	<u>В башне Архангелской</u>				
	Пушка 2 ½ футов	1	92	—	—
л. 2	<u>По куртине</u>				
	Пушек 8-ми фунтовая	1	92	—	—
	½ фунтовая	1	92	—	—
	<u>В башне Белой</u>				
	Дробовик	1	20	—	—
	<u>По куртине пушек</u>				
	½ фунтовых	2	92	—	—
	¼ фунтовых	1	40	—	—
	1/8 пицаль	1	40	—	—
	<u>В башне Прядиленной</u>				
	Пушек 3-х фунтовая	1	92	8	—
	2-х фунтовая	1	92	—	—
	1 ½ фунта	1	40	—	—
	½ фунта	1	40	—	—
	Дробовик	1	—	20	—
	<u>По куртине до Святых ворот</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	8
	1 ½ фунтов	2	40	—	—

л. 2 об.	½ пищалей	1	40	–	–
	<u>От Святых ворот до Успенской башни</u>				
	Пушек 3-х лотовых	3	90	–	–
	<u>По куртине</u>				
	Пушек 3-х фунтовых	2	184	–	–
	<u>В башне Успенской</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
	1 ½ фунта	1	40	–	–
	Дробовик	1	–	20	–
	<u>По куртине до Рыбных ворот</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
	¹ / ₈ пищаль	1	40	–	–
	<u>От Рыбных ворот по куртине до башни Коруженной</u>				
	Пушек 1-го фунта	1	40	–	–
	<u>В башне Коруженной</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	3	246	45	45
	6-ти фунтовых	1	92	6	–
	<u>В башне Никольской</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	–
	8-ми фунтовых	1	92	–	–
л. 3	3-х фунтовых	1	92	8	
	<u>В башне Поваренной</u>				
	¹ / ₈ пищаль	1	40	–	–
	<u>В башне Архангельской</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	1	82	15	–
	5-ти фунтовых	1	92	6	–
	3-х фунтовых	1	92	8	–
	1 ½ фунта	1	40	–	–
	<u>В башне Белой</u>				
	Пушек 6-ти фунтовых	2	184	6	–
	3-х фунтов	1	92	–	–
	2 ½ фунтов	1	40	–	–
	<u>В башне Прядиленной</u>				
	Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	30
	6-ти фунтовых	2	92	6	–
	2-х фунтовых	1	92	8	–
	<u>В башне Успенской</u>				
	Пушек 6-ти фунтовых	1	92	6	–
	2-х фунтовых	2	184	–	–
л. 3 об.	1 ½ фунта	1	–	–	–
	В числе показанных орудий медных пушек разных калибров				
	А имянно		–	–	–
	8-ми фунтов	2	–	–	–
	7-ми фунтов	2	–	–	–
	6-ти фунтов	1	–	–	–
	5-ти фунтов	2	–	–	–
	3-х фунтов	8	–	–	–
	2 ½ фунтов	1	–	–	–
	2-х фунтов	3	–	–	–
	1 ½ фунтов	1	–	–	–
	Всего всех двадцать	20	–	–	–

	Негодных		—	—	—
	5-ти фунтовая	1	—	—	—
	1-го фунта с кладною каморою	1	—	—	—
	3-х лотовых	2	—	—	—
	Итого	4	—	—	—
	Чюгунных малых лотовых пушек год-ных	4	—	—	—

л. 4		Щетом
	Банников с прибойниками разных калибров семдесят четыре	74
	Для скорострелной палбы цепов пар три	3
	Шуфль медных	
	к 18-ти фунтовым тринадцать	13
	8-ми фунтовых две	2
	7-ми фунтовых три	3
	6-ти фунтовых пять	5
	5-ти фунтовых две	2
	3-х фунтовых одинатцать	11
	2 ½ фунтовых одна	1
	Картузов, насыпанных порохом и ядрами	
	18-ти фунтов сто тритцать девять	139
	8-ми фунтов тритцать пять	35
	7-ми фунтов тритцать пять	35
	6-ти фунтов сорок два	42
	5-ти фунтов дватцать	20
	3-х фунтов сто	100
	2 ½ фунтов тритцать один	31
	2-х фунтов шездесят семь	67
	1 ½ фунтов пядесят восем	58
	½ фунта	21
л. 4 об.	Двух фунтовых насыпанных порохом без ядер картузов шездесят	60
	А во всех картузах пороху сорок восемь пуд с половиною	
	Ненасыпанных картузов приготовлено	
	18-ти фунтов двести семь	207
	8-ми фунтов пятнатцать	15
	7-ми фунтов дватцать шесть	26
	6-ти фунтов тритцать	30
	5-ти фунтов двенатцать	12
	3-х фунтов сто восемдесять восемь	188
	2-х ½ фунтов пядесят три	53
	1 ½ фунта двадцать три	23
	к дробовикам сорок два	42
	Картечных зарядов изготовленов жестяных цилиндрах, насыпанных пулями чюгунными	
	18-ти фунтов семдесят	70
	8-ми фунтов восминадцать	18
	7-ми фунтов дватцать два	22
	6-ти фунтов дватцать пять	25
	5-ти фунтов дватцать	20
	3-х фунтов восмидесят	80
	Итого	235

л. 5	К орудиям лафетов, привезенных из Архангельска запасных		Щетом
	8-ми фунтов один		1
	7-ми фунтов два		2
	6-ти фунтов четыре		4
	2 фунтов три		3
	к 2 ½ фунта один		1
	к 1 ½ фунта один		1
	Итого		12
	Для ношения зарядов кожаных сум с заметами и перевезми двенатцать		12
	Лямок пушечных кожаных с железными крюками семнатцать		17
	Капильярумсов для ношения пороху с ремнями двенатцать		12
	К лямкам крючков железных тритцать два		32
	К лафетам колец с пробоями железных дватцать пять		25
	Затравок пушечных разных сортов дватцать четыре		24
	Молотков два		2
	Зубил три		3
	Пробойник один		1
	Высечка одна		1
	Паяльников четыре		4
	Шило набивное одно		1
	Для стирания составов лотков пять		5
л. 5 об.	Токмачев три		3
	Форм свечных на поддонах с прибоинками пять		5
	Для делания палителних свеч валков четыре		4
	Болванов разных для шитья картузов двенатцать		12
	Калиброванных деревянных лекал для ядер двенатцать		12
	Крышек для закрытия при пушках затравок семдесят восемь		78
	Вътулок к пушкам семдесят восемь		78
	Аншпугов березовых сто восемьдесят семь		187
	Трещеток разных калибров восминатцать		18
	Пыжевников девять		9
	Палников пятьдесят		50
	Скорострелных отрубок семь сот сорок шесть		746
	Палителных свечь четыре ста тритцать две		432
	Ящиков снарядных пять		5
	Свинцу пуд пять сот восемьдесят шесть		586
	Фитиля фунтов десять		10
	Пороху		
	Полагая в том числе и доставленной сюда в Соловецкой монастырь от господина генерал порутчика и кавалера Ивана Романовича Ливена. По ассигнации канцелярии главной артиллерии и фортификации из Новодвинской артиллерийской команды в 51 бочке трех пудового весу пушечного 125 и мушкетного 25 пуд	Пушечного во сте девятнатцати бочках, в каждой по три пуда, всего триста пятьдесят шесть	356
		Мушкетного в тритцати шести бочках, в каждой по три пуда, всего сто шесть пуд	106
л. 6	Пистолетного в двух бочках три пуда дватцать шесть фунтов		3 пу 26 фу
	Мякоти три пуда дватцать шесть фунтов		3 пу 26 фу
	Инструментов		
	Киюр каменотесных семь		7
	Долот тритцать		30
	Лопаток годных шездесят три		63
	негодных пять		5

Гвоздей, от платформ отставших, дватцать три	23
Ломов четырнатцать	14
Железа лопаточного штук тритцать	30
Ватерпас с отвесом один	1
Реек с выкрашенными дощечками две	2

Итого по сей ведомости артиллерийских орудиев разных калибров годных медных и чюгунных пушек, пицалей и дробовиков состоит 79 да чюгунных малых лотовых пушек 4, ядер разных калибров 5033, картечь разных же калибров 408, книпелей 315.

Документ 27. Опись Соловецкого монастыря. 1795 г.

Текст по рукописи: РГИА. Ф. 796. Оп. 72. Д. 225 (*Опись СМ 1795 г.*).

- л. 256 об. Пушек медных
разных калибров, годных дватцать, негодных четыре. //
- л. 257 Чугунных
разных калибров тритцать шесть.
Дробовиков четыре.
Ядер чугунных две тысячи.
Картечных сто дватцать.
Рубашек колчужных железных девять.
Латушка, или шапка железная одна.
Карабинов больших и малых, притом пицалей, самопалов и мушкетов, семь-
сот дватцать восемь, но за ветхостию и старо колибром показать, сколько каких
имянно, невозможно.
Пистолетов с ложами ветхих дватцать три. //
- л. 257 об. Бердышей и топоров триста девяносто.
Копей всяких двести девяносто два.
Рогатин пятнатцать.
Чеканов сорок.
Лебарда большая одна.
Кистеней на ремнях десять.
Луков русских и черемиских шездесят.
Голов пороховых сто шездесят.
Рогов тритцать два.
Колчанов со стрелами дватцать девять.
Томаров деревянных без железов десять.
Полаш двоеручной в ножнах.
- л. 258 Полаш одноручной, ефес // железной, рукоятка костяная в ножнах кожаных.
Шпаг швецких с железными ефесами пятьдесят семь.
Кортик, ефес медной в ножнах кожаных.
Голеней самострелных десять.
Пуль фузейных и пистолетных сорок две тысячи шесть сот.
Нососов водяных железных три.
Лядунок кожаных три, на них накладки с гербами, у ремней пряжки и нако-
нешники медные.
Пять простых, у трех у ремней пряжки медные, без пряжек. //
- л. 258 об. Пять обшитых кожей, у ремней пряжки железные.
Пороху триста сорок пуд.
Свинцу пятьсот пуд.
Знамен ветхих.

л. 259

1-е. На пяти полосах тафтяных разных цветов, крест четвероконечной тафтяной же малиновой, обложено крашениной кирпичной, на древке.

2-е. Срединка дорожная темномалиновая, крест белой тафтяной, обложено тафтой желтой, кругом древки обшито сукном красным.

3-е. Срединка тафта белая, крест осмиконечной, обложено тафтой черной, кругом древки обшито крашениной синей. //

4-е. Срединка красного, обложено синим холстом. Крест осмиконечной крашенины синей.

5-е. Тафты разноцветной три полосы, герб тафты черной, без древки.

Прапор кумачной красной, пять звезд холстяные белые, на древке, у коего копьё плоское.

Барабан ветхой.

Приложение 2.

Рукопись инженера-подпоручика Я. В. Васильева с чертежами 1790 г.

Текст по рукописи: ОР РГБ. Ф. 178.
Д. 4302 (Васильев, 1790 г.).

(л. 1) Таковая книга посвящена его императорскому величеству Николаю Павловичу! Из Сакулина марта 10-го дня 1826 года! В почтовую Кантору с письмом к его величеству! Подана марта 11-го дня 1826-го года¹.

СОКРАЩЕННОЕ

историческое описание Соловецкого монастыря с присовокуплением внутреннего и внешнего местоположения острова. О осмотре крепостных стен онаго монастыря со мнениями о оборонительном его действии на случай неприятельских покушений, бывших в 1790-м году. Сочинено в том же году с отрядом войск, в нем бывших, Инженер Подпоручиком Васильевым. //

(л. 2) Соловецкий остров Архангельского наместничества лежит на Белом море под 64° 4' северной широты и под 53° долготы. Большая его длина, простирающаяся от севера к югу, до дватцати пяти, ширина от запада к востоку до пятнадцати верст, расстоянием от Санкт-Петербурга чрез город Архангельской 1645-ть верст.

Сей остров с 1429-го года получил первых обитателей преподобных отцов Савватия и Германа. В 1437-м году преподобный Савватий во время отбытия Германа на Онегу реку последовал с острова чрез море в небольшом судне к устью реки Выги в селение, называемое Сорокою, где в том же году сентября // (л. 2 об.) 27-го дня по представлении и погребен.

В 1438-м году прибыл на Соловецкий остров основатель монастыря и общества монашествующих преподобный Зосима. В 1471-м году из Сороки в Соловецкой монастырь чудотворцом Зосимою перенесены мощи преподобного Савватия. В 1538 году мая 1-го дня устроенной и разпространенный монастырь от молнии згорел до основания, а потом паки приведен в первобытное состояние.

В 1548-м году при игумне Филиппе² проточными канавками соединено озер // (л. 3) пятьдесят два, и из Святого озера во внутренность монастыря к поварне, колдцу и мельнице с протомойнею чрез здельные под горизонтом каменные со сводами каналы проведена вода, построено каменным зданием собор Преображения Господня, церковь Успения Пресвятыя Богородицы, мучная мельница с протомойнею и многие другие полезные работы изобретены и совершены, и на острову заведены олени, а в монастыре разных родов голуби.

В 1561-м году в июне месяце шедшие от города Архангельского в монастырь с разным грузом и людьми во время морского штурма пятнадцать больших мореходных судов потонуло. //

(л. 3 об.) В 1566-м году по указу его величества государя царя Иоанна Васильевича игумен Филипп взят из монастыря в Москву на митрополию.

В 1568-м году генваря 9-го дня Филипп митрополит из Москвы из соборной церкви отослан в монастырь Отрочь; в оном же году в сентябре месяце прибывшие в Соловецкой монастырь суздальский

¹ Надпись на л. 1 другим почерком густыми чернилами над рамкой, в которую вписан заголовок. В нижнем левом углу круглая печать. В центре размытая надпись в две строки: ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ. Вокруг по кругу нечеткая надпись: Российская государственная библиотека.

² Примечание на полях: Федор Степанович Колычев 30-ти лет в 1537-м году пострижен в Соловецком монастыре и в монашеском чине наименован Филиппом.

архиерей Пафнутий и князь Василей Темкин взяли к Москве бывшего у Филиппа учеником игумена Паисия с несколькими человеками.

В 1569-м году по указу его величества государя царя Иоанна Васильевича из Соловецкого монастыря взят к Москве ж с десятию человеками монах Зосима. //

(л. 4) В 1570-м году декабря 23-го дня Филипп митрополит скончался от Малюты Скуратова в монастыре Отроче, где и тело его погребено.

В 1584-м году перенесены мощи Филиппа митрополита из монастыря Отроча в Соловецкой и погребены в церкви Чудотворцов под папертью, а построенная каменная церковь святителя Николая Чудотворца освящена, и в том же году от угрожающей опасности шведских войск повелением его величества государя царя Феодора Иоанновича вокруг всего монастыря монахом Трифаном застроена крепость с шестью башнями каменная и в 1594-м году окончена.

В 1596-м году начата строением каменная церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы и в 1601-м // (л. 4 об.) году окончана, и освящена.

В 1611-м году начальники шведских войск чрез посланные к игумну Антонию письма требовали здачи Сумскаго острога и покорения монастыря с крепостью Соловецкою, которой, ни мало не устрасаясь им, в том отказал, а приморские жители от нападения шведских войск уходили в монастырь, для чего в защищение оных прислан был с войском из Москвы в Сумской острог воевода Максим Лихарев. В оном же году взят в Кирилов монастырь белозерский монах Стефан, что был царь Симеон казанский.

В 1613-м году шведские ж войски, черкасы и российские изменники под именем литовцов зимним временем // (л. 5) приморские селения опустошали. В 1621-м году от восточной стороны крепости Соловецкой пристроена вновь каменная с двумя башнями стена. В 1622-м году обречение мощей преподобнаго Германа. В 1635-м году в монастыре было наводнение. В 1646-м году мая 30-го дня перенесены мощи святителя Филиппа митрополита в соборную церковь Преображения Господня и поставлены в раке против правого крылоса блись иконостаса.

В 1651-м году марта 2-го дня по указу его величества государя царя и великаго князя Алексея Михайловича учреждено быть в Соловецком монастыре архимандриту, почему и посвящен Никаном митрополитом во архимандриты Соловецкаго // (л. 5 об.) монастыря игумен Илия.

В 1652-м году по указу его величества государя царя Алексея Михайловича преосвященным Никоном митрополитом новгородским с боярином Иваном Никитичем Хованским перенесены мощи святителя митрополита Филиппа в Москву в Успенской собор, а часть оных оставлена в Соловецком монастыре в соборной церкви Преображения Господня, в той же раке в ковчеге серебряном.

В 1656-м году по указу государя царя Алексея Михайловича присланы в монастырь вновь исправленные служебные книги, отчего в последующие годы происходило возмущение. В 1658-м году вторично приморские жители от нападения шведских // (л. 6) войск в монастырь уходили, почему и откомандировано было с реки Двины в Сумской острог и городок Кемь пристойное число стрельцов.

В 1666-м году построена за монастырем церковь деревянная во имя преподобнаго Ануфрия Великаго. В 1667-м году присылаемые для увещания соловетских мятежников духовные особы тщетно старались согласить их к отправлению службы божией по вновь исправленным книгам. Когда ж посланной из Москвы голова Иван Лопатин взял с собою из монастыря князя Михайлу Львова да келаря Савватия Обрютина, то от сего времени еще и более последовало между ими возмущения, и в том же году с общего совету затворились и прибывшаго паки из Москвы // (л. 6 об.) на увещание архимандрита Иосифа со стряпчим Игнатием Волоховым и чиновниками да з Двины сто человеками стрельцов к себе не приняли.

В 1671-м году Соловецкой монастырь осажден войсками, состоявшими в числе более тысячи человек под предводительством московских стрельцов головы Клементья Иевлева. Из числа сих осаждающих войск при урочище Табарском командированною из монастыря сильною выласкою побито чиновников и рядовых сто тринадцать человек, коих и тела погребены на том же бранном месте, а в последующие годы

построена часовня, в которой и ныне оным поимянно память совершается.

С 1673-го года. Под предводительством воеводы князя Ивана Мещерского, // (л. 7) прибывающего с приумножением войск и принадлежащих ко взятию орудий, при нем случившееся в монастыре моровое поветрие истребило до 700 человек.

Князь Мещерской со времени пребывания своего с устроенных к осаде монастыря в разных местах батарей и окопов производимую в оной жестокою пушечною стрельбою и другими всевозможными средствами к покоривости мятежников принудить не мог, почему и на зимнее время, не отступая от монастыря, с войском расположился, приказав все потребное к штурмованию онаго приуготовить.

В 1675-м году декабря 23-го дня князь Мещерской по неудачном приступе принужден был с войском своим уступить в окопы. // (л. 7 об.) В 1676-м году после сего несчастливого предприятия удалившейся из монастыря монах Феоктист, прибыв к войскам, в окопах находящимся, объявил, что есть внутрь крепости с южной стороны тайной и ничем не укрепленной проход, в которой в том же году генваря 22-го дня ночным временем перед утреннею зарею, когда утружденные старцы с постов своих отошли по кельям на отдохновение, а на места их другие еще вступить не успели, по повелению воеводы князя Мещерского отделенные войски, войдя во внутренность и победив двух начальников, с тритцатью воинами до последнего человека храбро защищавшихся, ворота отворили, посредством // (л. 8) коих Соловецкая крепость взята и монастырь покорен совершенно.

По истреблении соловецких мятежников по указу его величества государя царя Феодора Алексеевича прислан в монастырь из Тифина архимандрит Макарий с собранными из разных мест монахами, а для описания монастыря стольник и воевода князь Володимер Волконской с дьяком Алмаз Чистаго и с прочими чиновниками и войском, из стрельцов в трех стах человеках состоявшим, с коими в разсуждении опасности от бунта пребывание имел целый год.

В 1687-м году застроена церковь святителя Филипа митрополита московского и в 1690-м году окончена, и освящена. // (л. 8 об.)

В 1694-м году июня 7-го дня. Его императорское величество государь Петр Великий от города Архангельского прибыть изволил, пожаловав на монастырь знатную сумму денег, и по исходе пристани близ стен крепости Соловецкой повелел водрузить крест и над ним построить часовню, и 10-го числа того ж месяца возвратился обратно.

В 1701-м году сентября 6-го дня. Соборную церковь Преображения Господня во время совершающейся литургии при случившейся страшной буре с необычайным громом и молниею во многих местах повредило.

В 1702-м году августа 10-го дня. Вторичное его императорского величества пришествие с царевичем Алексеем // (л. 9) Петровичем и со многою свитою знатнейших особ на тринадцати военных караблях, остановясь на якорь близ острова Заецкаго, а оттоль в малом судне, прибыв к монастырю, со внешней стороны вокруг всей крепости обойти изволил, а потом и внутрь острова для осмотра верхом ездил, и того ж месяца 15-го числа под вечер обратно в свой путь отправился.

В 1764-м году по состоявшемуся о положении монастырей указу вотчины с людьми и со всеми угодья отобранны, а монастырь назначен быть по штату перво-класным. Того ж года по всевысочайшему ея императорского величества имянному указу оставлены при Соловецком // (л. 9 об.) монастыре по прежнему Сумскаго острога и Кемскаго городка салдаты и их дети.

В 1765-м году по таковому ж ея императорского величества указу Соловецкой монастырь учинен ставропигиальным.

Во внутренности монастыря строение, кроме трех хлебных анбаров, Чудотворной житницы и двух к стенам пристроек с водoleyною избою, все без изыятия каменное и состоит из двух и трех этажей.

Церквей. Собор Преображения Господня с двумя внизу и четырьмя вверху пределами, а имянно: внизу Архангела Михаила с правой, Зосимы и Савватия с левой стороны, в коем и мощи сих чудотворцов в серебряных раках опочивают; в верху над сводами Феодора Стратилата, Двенатцати // (л. 10) и Семидесяти апостолов, Иоанна писателя Лествицы. Церковь Николая чудотворца. Собор Успения

Богородицы с трапезою, в которой все приезжающие на богомолie мужеска полу имеют от монастырскаго иждивения стол. Вверху над сводами два предела: Усекновения главы святаго Иоанна Предтечи и святаго Димитрия Мироточиваго.

Церковь святаго Филиппа митрополита, при ней больница, примкнувшаяся к келейной стене.

Над Святыми воротами церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы. Две часовни, в коих опочивают мощи преподобных отцев Германа, и Иринарха игумена, и вологодскаго архиепископа Маркела. А всего внутри // (л. 10 об.) монастыря престолов 13-ть и две часовни, колокольная вышиною до дватцати пяти сажень, на ней колоколов дватцать девять, из коих девять весом от ста до тысячи ста пуд.

Под церквями и в переходах помещены хлебная и просвирная пекарня, и книгохранительница, и ризница, оружейная полата, в коей хранятся древние военные орудии, пращи, пики, бердаши, луки с колчанами и протчее, также сабли и ружей до шести сот. Архимандричья и монашеские кельи, монастырские разные погреба, казенная кладовая палата, мучная мельница, портомойня, сушильня, поварня, квасоварня и другие строения, ничем не занимаемые, // (л. 11) в которых, естли ветхость исправлена будет, поместить можно более двух тысяч человек.

За монастырем деревяннаго строения. Церковь преподобнаго Ануфрия и пять часовень. Первая подле западной стены монастыря, близ Святых ворот, воздвигнутая в память бытности государя императора Петра Великаго в 1694-м году, что на кресте, в ней водруженном, резными золочеными литерами писано. Вторая позади монастыря по Ребальдской дороге, на месте, где погребались умершие из войска, присланнаго для покорения взбунтовавшагося монастыря. // (л. 11 об.) Третья Филимоновская по той же дороге. Четвертая Зосимины по Исакиевской дороге. Пятая Германова по той же дороге.

Гостинницы мужские и женские, мастерские, баня, поварня, пивоварня, разные жилые строения и для поклажи материалов и съестных припасов, магазейны и анбары с лавками для торговых людей, кои приезжают на Петров день и продают свои товары, составляя в то время для

монастырян и съезда поморцов некоторую ярмонку. //

(л. 12) Точильный анбар на водяном протоке в Святое озеро, в коем есть водяная несложная машина, действующая разными точилами, на одной оси водянаго колеса оборачивающимися. Вода, движущая колесо, стремление делает в два устроенные русла, из коих подколесное отпирается, когда инструменты точить надобно, а другое отпирается, когда нет точильной работы и когда колесу надобно быть в покое. Один мужик, собрав иступленные инструменты, сносимые от всех работников в одно место, вытачивает их способно и кладет туда, откуда взял. Сие изобретение полезно для всякаго большаго заведения.

Конюшенной и скотной дворы со службами, в которых содержится // (л. 12 об.) более ста пятидесяти лошадей, рогатого ж скота, быков, не менее двух сот. Кузница о восьми горнах, братская баня, кухня и кожевенный завод в два жилья каменные.

В гавань соловецкую с земли пропущены три каменные плотины, к коим с судами пристают весьма способно.

В сей монастырь на богомолie каждое лето отъвсюду стекается довольно число разнаго звания людей, и, как известно, со стороны Санкт-Петербурга и Новагорода не менее десяти тысяч, чрез город Архангельской из внутренней России более пяти тысяч. А равно и от всей приморской окружности с Летняго и Карельскаго берегов на 29-е июня сплывается немалое количество. // (л. 13) В разных по острову местах четыре пустыни, разстоянием от монастыря: Исаакова при озере того ж имени десять, Савватиева при том же озере двенатцать, Сосновая при Сосновской губе пятнатцать, Ребольда при переправе в Анзерской скит четырнатцать верст.

По внутренности Соловецкаго острова множество озер и, кроме малых, две большие губы, вливающиеся внутрь острова, называются: первая с северную сторону Сосновая, а последняя с восточную от острова Муксальмы — Глубокая. Обе помещают внутрь себя много островов, лесом поросших. Глубокая губа едва не пресекла острова на две части, ибо перешеек между ею и монастырем // (л. 13 об.) составляет около двух верст разстояния. Глубину ея считают до семидесяти сажень,

каковой в окольном блиском море не примечено. В озерах ловятся щуки, окуни, лещи, плотва, ерши, налимы и протчее.

От монастыря в разстоянии трех верст при морском берегу два пруда, зделанные при игумене Филиппе для сажения рыбы, с обложением берегов булыжным камнем. И многие озера на острове сообщаются между собою вырытыми протоками, испуская одно в другое излишнюю воду; но из Святого озера, лежащего позади монастыря, для стоку воды в гавань монастырскую устроено таковых копей две. Одна для // (л. 14) стоку излишней внешней и дождевой воды чрез вешняк, а другая чрез глубокой канал, проведенной под стенами и зданиями монастырскими и заровненной на сводах землею. На сем канале поставлена, как выше сказано, мукомольная мельница с тремя ставами, и к ней присоединены мукосейные машины. На той же воде протомойна, моющая стремлением воды съпускаемое в нее на крючках братское и работничье белье и освобождающая трудников от непривычной мущинам прачешной работы.

По острову лес растет, из хвоистых деревьев — сосна, ель и можжевельник, из лиственных — береза, ольха, осина, ива, рябина и мало черемухника, из плодовых кустарьников // (л. 14 об.) — малинник, черной смородинник, и дикой перец. Травы для скотского корма и сенных покосов весьма довольно.

Ягоды роятся на мхах и болотах изобильно, морошка и клюква, по пригоркам растет брусница, черница, голубель и вороника, и прозябают грибы разных родов. Из помянутых лесов немногие попадают годными в постройку, но дровяных великое изобилие.

На полях удобренных сеется и снимается иногда урожайно одна репа. С посевом ячменя делан был опыт, но ранние морозы во время цвета оной побивали. В огородах, стенами монастырскими от ветров защищаемых, садят в весьма малом количестве редьку, морковь, картофели, лук, чеснок и капусту зеленую. //

(л. 15) По окружности острова блись берегов бывает весьма изобильной сельдяной промысел, а особливо при Анзерском острове в губе Троицкой, вливающейся внутрь острова на четыре версты, в куте которой выстроен скит Анзерской.

Ловятся самые лутчие беломорские сельди. И сверх того посылаются на собственных при монастыре имеющих больших мореходных судах промышленники в море за ловлею разных зверей и больших рыб.

Кроме заведенных на острове лошадей, быков, кошек и диких оленей, есть лисицы, зайцы и белки, приносные с твердой земли на льдах, серка, по веснам из Севернаго ледовитаго океана в Белое море пригребающая, нерпа и морские зайцы, за всегда во оном около островов // (л. 15 об.) пребывающие и на берега выползывают. Змиев и ящериц, как тамошние обитатели сказывают, вовсе нет.

В монастырь и к морским берегам ежегодно весною слетается великое множество больших чаек, которые, выведя детей, на все лето остаются и в обращении своем подобны дворовым птицам, и, естли чем хотя одна огорчена будет, тот час поднимаются кучею вверх над тем человеком с превеликим криком и с высоты калом своим марают. По исходе лета начинают уменьшатся и в половине осени по причине замерзающих около островов пространных припайков к морю отлучаются, // (л. 16) а вместо их прилетают вороны, которые и остаются во всю зиму по то самое время, как обыкновенно чайки обратно прилетать начинают.

В летнее время приятностию погоды постоянно пользоваться не можно, ибо коль скоро направится сильной ветер от севера, а особливо от севера востока, толь скоро от его холодной пронзительности укрываться должно шубами и согреваться в теплых покоях, которые во все лето там нагревают; морозы бывают самим жителям несносны: зимою как губы островския и проливы, так самое море около островов замерзают, и промерзший к берегам немалое пространство, лед называется припайком. // (л. 16 об.) Часто таковые припайки ветрами и течением отламываются и относятся в море, и часто приносимы с других берегов ледовые поля к сим припайкам примерзают.

Прилив морской бывает в сутки два раза и идет мимо Соловецкаго острова от севера к югу, в Онежскую губу. Обыкновенное возвышение бывает три фута с четвертью. (Ежедневно двоекратные приливы и отливы воды по разности местоположения различны, обыкновенно, то есть,

кроме ветров и полнолуния, поднимается поверхность прибывлой воды выше палой, в Мезенской губе пятнадцать, при двинских устьях три, при Онеге семь футов, Сказывают, что глубина Белого моря везде корабли проходная и безопасная. Кроме прохода Терским берегом и Канинскою землею, где есть известные мореходцам мели, называемые северные кошки, и кроме Мезенской губы, где стремительностию приливов и отливов и многия мелкия места для незнающих бедственны. Большая глубина моря до ста шестидесяти сажень.) //

(л. 17) Соловецкой остров комуникацию свою имеет с твердою землею в последних числах апреля, а более в начале мая месяца, которая и продолжается до сентября или до первых чисел октября. В протчее ж время от стоящаго при берегах и плавающего по всему пространству Белого моря льда сообщения не бывает. //

(л. 17 об.) На сем острове собственного хлебопашества и огородных произрастений никаких нет, почему все потребное для содержания жительствующих привозится летним временем от города Архангельского и из других близъ лежащих мест.

Острова Соловецкой, Муксальмы и Заяцкие берега имеют низкие, а средины возвышенные. Анзерской же напротив того, берега возвышенные, а средину плоскую или униженную, кроме одного высокого бугра, называемого горою Голгофою. На сем острове две церкви, //

(л. 18) из коих одна с кельями и службами составляет Анзерской скит, а другая на означенной горе в четырех от онаго верстах с кельями ж составляет отшельническую пустынь.

Между острова Соловецкого и Муксальмы пролив усыпан большими камнями и быстрота прилива и отлива здесь весьма стремительна, почему и называют его Железными воротами. Канал же между обеими Муксальмами не судопроходен, и в палую воду оной по камням переходить можно.

На острове Заяцком церковь //

(л. 18 об.) святаго апостола Андрея Первозванного, и при ней кельи, кухня, погреб и баня и небольшая, но весьма спокойно устроенная гавань, в коей поместится может употребляемых для перевоза богомольцов малых судов, называемых карбасами, более десяти. //

(л. 19) О крепости Соловецкаго монастыря.

Крепость Соловецкая стоит между берегов по одну сторону гавани Соловецкой, загражденной с моря около двух верст разными островами, оставившими для прохода больших судов узкия ворота, ознаменованные с обеих сторон на каменных насыпях крестами деревянными. А по другую озера Святаго на несколько возвышенном косогористом месте окружена (с твердейшими) каменными стенами с восемью башнями, и имеющая понизу для горизонтальной обороны со сводами бойницы, а таковые ж в башнях и поверху стен всей крепости, построена из (самаго) крупнаго (натуральнаго) булыжнаго //

(л. 19 об.) камня (невероятной величины). В бойницах щеки, между каменье пустоты, защищены колотым диким камнем и выкладены кирпичем на извести, но в разсуждении тогдашняго ея состояния находилась в совершенном запущении, ибо при осмотре оказалось следующее.

Внутренняя коммуникация, для горизонтальной и верхней обороны, вокруг всего монастыря между крепостных и монастырских стен закладена и завалена разным мусором и всякою нечистотою, превышающею настоящей горизонт по сравнению не менее четырех с половиною фут, и сверх того находились выкладенные из кирпича стенки с деревянными //

(л. 20) пристройками для нужных мест. Апарелей для взвозу на стены и по башням орудей, равно и для постановления оных платформ, нигде не было. Башенные входы и многия бойницы, служащая к неременной обороне и защищению крепостнаго строения, закладены были кирпичем. В башнях, где должно иметь артиллерийские орудия, для очищения высот, пред крепостью находящихся, балки и с настилкою на них полов совершенно згнили и обвалились.

Артиллерийские орудия состояли на весьма ветхих лафетах, так что ни единого выстрела выдержать //

(л. 20 об.) были не в состоянии, а при том и без всякаго приуготовления принадлежащих к ним снарядов, равно и тех принадлежностей, коими должно зарезать оные: другие ж без лафетов находились разбросанными во внутренности монастыря по необыкновенным местам. Ядры и картечи многих ка-

либров по разным местам также были разбросаны, а прочие без всякой сортировки лежали в одной куче чрезмерно обожженными. Крепостные стены, а особливо бойницы, во многих местах поврежденные, требовали по крайней необходимости довольно исправления. // (л. 21) Перед башнями Коруженною и Никольскою во рву каменные стенки развалились. Со внешних же сторон при самых стенах крепости лежал в разных больших кучах кирпичной щебень, со всяким хламом и землею смешанной. Все выше изъясненные ветхости и недостатки, к защищению крепости Соловецкаго монастыря принадлежащие, исправлены и совершены были в свое время с желанным успехом³. //

(л. 21 об.) О коммуникационных дорогах и всей окружности острова Соловецкаго.

От крепости в восточную сторону до пустыни Ребольды и пролива Анзерскаго разстояния верст четырнатцать. По сему проливу во всегдашнее время безпрепятственной ход больших судов, но только что за отдаленною от берегов отмелью и многими подводными и наружными камнями те суда, кроме мелких, к берегам приставать не могут. Ширина пролива между берегов острова Соловецкаго и Анзерскаго верст пять.

К помянутой пустыне дорога // (л. 22) идет сухими гористыми местами, имея с левой стороны озера, сухие и топкие болота и многие между ими возвышенности, поросшие частым лесом, а с правой губу, называемую Глубокая. Сия губа из морскаго пролива вдаль внутрь острова так далеко, что от оной до крепости остается разстояния не более двух верст. Вход в оную с морской стороны легкими, однако ж невоенными судами быть может при полной воде до самого ея зближения с крепостью в именуемые Большие и Малые Железные ворота.

Близь оных по проложенному пешеходному пути чрез частой лес, сухие и топкие болота с Ребольдской дороги в правую, а от Железных // (л. 22 об.) ворот в левую сторону разстоянием от крепости не далее осми верст есть немалой высоты гора, называемая Гедеоновскою, которая примечательна более потому, что с высоты оной

как вход Железными воротами в губу, так и далее в море, омывающее берега острова Соловецкаго, удобно видеть можно.

От крепости на север идущая дорога близь морскаго берега к мысу Перечь Наволок, отстоящему на шестнатцать верст. При коем арматеры, или легкие военные суда, к самым берегам свободно подходить могут. По тракту оной, в правой стороне между озер Волочья и Исаковского // (л. 23) разстоянием от крепости в семи верстах, гора Секерная, которая знатностию своей высоты на всем острове пред прочими преимуществует, ибо с оной многие части, во внутренности острова находящиеся, совершенно видны, а особливо прилежащую по окружности берегов онаго западную и северную часть моря на весьма далнее разстояние усматривать можно. С сей же в правую сторону большая дорога к пустыням Исааковой, Савватиевой и Соновой.

Дорога, начавшаяся с южной стороны крепости, далее продолжается весьма малую пешеходную тропкою чрез частой лес и топкие болота, имея по левую сторону озера // (л. 23 об.) и, продолжаясь до берегов острова к урочищу Печеки разстоянием от крепости на девять верст, против котораго легкие военные суда, в разсуждении отмелей и лежащих подводных камней, к берегу не ближе четырех сот пятидесяти сажен подходить могут.

С западной стороны крепости (с открытаго моря) способнейший вход легких военных судов и самое сближение с крепостью посредством вдавшейся губы, называемую Соловецкая гавань.

Протчая окружность всего острова имеет везде простирающиеся от берегов отмели и великое множество подводных и на поверхности // (л. 24) лежащих камней, почему и судовых пристаней нигде нет.

(А как) выше изъяснено, что по окружности острова в некоторых местах есть оные, которые, хотя и следовало тогда ж на случай неприятельскаго в судах к острову приближения и высадки на берег войск занять укреплениями, но, как отряженных войск и артиллерии находилось не более, как только для единственной обороны и защищения стен крепости Соловецкаго

³ Слева на поле л. 21: Сия страница из белой книги изъключена и не писана.

монастыря, то по сему и к исполнению предполагаемого приступить было невозможно.

Для надлежащего примечания и извещения о неприятельском на остров Соловецкий покушении⁴ // (л. 24 об.) расположены были в пристойных местах посты, и именно на высотах гор Гедеоновской, Секирной, у мыса Перечь Наволок и при урочище Печеки.

Об окружающем местоположении крепости Соловецкого монастыря.

1-е. Крепостные полигоны, лежащие от востока, заграждены озером Святым, а далее топкими болотами, и иными до самых берегов затруднительнейшими местами, так что с сей стороны от неприятельской атаки крепость остается безопасною. // (л. 25)

2-е. От юга неприятельское пришествие сопряжено великим неудобством, ибо с сей стороны береговой пристани и дороги совсем нет, кроме малой пешеходной тропы чрез частой лес и весьма топкие болота, а посему не может он к осаде крепости в доставлении артиллерии с ея принадлежностями быть надежным.

3-е. От запада артиллерию, или легкими военными судами, приближаясь к Соловецкой губе против самой крепости, однако ж неуповательно, чтоб неприятель мог противустоять, поражаем будучи с двух полигонов и трех крепостных башен безпрепятственно сильными горизонтальными и наклоненными выстрелами. // (л. 25 об.)

4-е. От севера несравненно против прочих удобнее, ибо, высадив десант у мыса Перечь Наволок или же от Ребольдской стороны на берег губы Глубокой, откуда неприятель к осаде крепости без всякого важного себе препятствия может артиллерию и войско свое подвести с лутчею выгодною. То, дабы не воспользовался он и к самой крепости таковым же безпрепятственным приближением и не произвел бы против оной вдруг намерения своего в действо, обращено было более внимания к сей части и, где ему неминуемо к крепости проходить должноствовало, избраны самые лутчие и выгоднейши // (л. 26) к занятию тремя укреплениями следующие места. 1-е, занимающее пространство от Святого озера при урочище Табарском. 2-е, командующее между онаго и озера Гагарья. 3-е, командующее между морского берега и озера Гагарья.

При расположении сих укреплений сколько возможности было сообразить с местным положением соблюдено и взаимное между оными оборонительное действие, да и нет нигде пред ними такового предмета, которой бы неприятель мог употребить к своей пользе или б, дойдя под выстрелы⁵, // (л. 26 об.) отважился скоропостижно штурмовать оные, а сверх того и самая крепость неприятельскому приближению возбранять; ретирующиеся в крепость войска защитить, а дерских за оными преследователей жестоко наказать и совершенно опрокинуть может. //

(л. 27) **Ведомость об имеющихся при крепости Соловецкого монастыря артиллерийских орудиях с показанием каких калибров, сколько находилось к оным приуготовленных снарядов, и где имено к защите стен Соловецкой крепости, и на вновь построенных трех укреплениях (согласно мнения о оборонительном действии расположенных войск) по местам разставлены были значит под сим**

Каких калибров орудии и где имянно по местам разставлены было	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
К горизонтальной обороне в башне Хоруженную				
Пушек 1½-ю фунтовых	2	80	—	—
Дробовик 1½-ю фунтовых // (л. 27 об.)	1	—	20	—
По куртине				
Пушек 1½-ю фунта	1	40	—	—
1-го фунта	1	92	—	—
¼ фунтовых	2	80	—	—
⅛ фунтовых	3	120	—	—

⁴ На л. 24 в самом низу под рамкой: Речи, за скобками и пунктиром показанные выключены и в белую книгу не писаны.

⁵ На л. 26 слева на поле о последнем абзаце: Сие изъяснение в белую книгу не внесено.

На башне Никольской				
Пушек 5-ти фунтовая медная	1	92	8	–
3-х фунтовая медная	1	92	8	–
По куртине на башне Квасоваренной				
Пушек 1-го фунта	1	92	–	–
⅛ фунта	2	80	–	–
В башне Квасоваренной				
Пушка ½ фунта	1	92	–	–
В башне Архангельской				
Пушка 2½-	1	92	–	–
По куртине				
Пушка ½-	1	92	–	–
// (л. 28) В башне Белой				
Дробовик	1	–	20	–
По куртине				
Пушек ½ фунта	2	92	–	–
¼ фунта	1	40	–	–
⅛ фунта	1	40	–	–
В башне Прядиленной				
Пушек 3-х фунтовых	1	92	8	–
2-х фунтовых	1	92	–	–
1½-ю фунта медная	1	40	–	–
1½-ю фунта	1	40	–	–
Дробовик	1	–	20	–
По куртине до Святых ворот				
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
1½-ю фунта	2	40	–	–
⅛ фунта	2	40	–	–
// (л. 28 об.) От Святых ворот до Успенской башни				
Пушек 3-х лотовых	3	90	–	–
В башне Успенской				
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
1½-ю фунта	1	40	–	–
Дробовик	1		20	–
По куртине до Рыбных ворот				
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
⅛ фунта	1	40	–	–
От Рыбных ворот по куртине до башни Хоруженной				
Пушка 1-го фунта	1	40	–	–
К верхней обороне в башне Хоруженной				
Пушек 18-ти фунтовых	3	246	45	45
6-ти фунтов медная	1	92	6	–
// (л. 29) В башне Никольской				
Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	–
3-х фунтов медная	1	92	80	–
В башне Поваренной				
⅛ фунта	1	40	–	–
В башне Архангельской				
Пушек 18-ти фунтов	1	82	15	–
5-х фунтов медная	1	92	6	–
3-х фунтов медная	1	92	8	–
1½-ю фунта	1	40	–	–

В башне Белой				
Пушек 6-ти фунтов	2	184	6	—
3-х фунтов медная	1	92	—	—
2½-ю фунтов медная	1	40	—	—
В башне Прядиленной				
Пушек 18-ти фунтов	2	164	30	30
6-ти фунтов	2	92	6	—
3-х фунтов медная	1	92	8	—
// (л. 29 об.) В башне Успенской				
Пушек 6-ти фунтов	1	92	6	—
2-х фунтов медная	2	184	—	—
1½-ю фунта	1	40	—	—
Ко вновь расположенным вне крепости трем укреплениям				
На первое при урочище, именуемом Табарское Пушек 7-ми фунтовых медных	2	184	18	—
8-ми фунтовых медных	2	184	16	// (л. 30)
На второе, между выше упоминаемого урочища и озера Гагарьего Пушек 3-х фунтов	4	368	32	—
На третье, между берегов морского и озера Гагарьего Пушек 3-х фунтов медных	3	276	24	—
Итого всех орудий:	81	5191	458	315

// (л. 30 об.)⁶

Каких калибров орудии одного рода с снарядами разставлено было	Число орудий	Снарядов		
		ядер	картечей	книпелей
Дробовиков	4	—	80	—
Пушек 3-х лотов	3	90	—	—
Пушек ⅛ фунтовых	10	360	—	—
Пушек ¼ фунтовых	3	120	—	—
Пушек ½ фунтовых	5	316	—	—
Пушек 1-го фунтовых	3	224	—	—
Пушек 1½-ю фунтовых	9	320	—	—
Пушек 2-х фунтовых	3	276	—	—
Пушек 2½-ю фунтовых	2	132	—	—
Пушек 3-х фунтовых	13	1196	96	—
Пушек 5-ти фунтовых	2	184	14	—
Пушек 6-ти фунтовых	6	460	24	—
Пушек 7-ми фунтовых	2	184	18	—
Пушек 8-ми фунтовых	2	184	16	—
Пушек 18-ти доставленных из Петрозаводска	14	1148	210	315

(л. 31) **Военный имянной список разных команд, в Гарнизоне крепости Соловецкого монастыря находящихся, с показанием кто имянно, на какой пост (согласно мнения о оборонительном действии) к защите оной и на вновь построенные три укрепления назначены**

№	На первое укрепление при урочище, именуемом Табарское	Ретирующиеся с укреплений войски, какие имянно места занять в крепости должны
	Начальник, при нем нижних служителей	К горизонтальной обороне от башни Поваренной до Никольской чрез полигон до Хоруженной
1	Каптенармус Егор Кононов	К посту при воротах Никольских

⁶ На л. 30 об. слева на поле: Сей страницы об орудиях в белую книгу не внесено.

2	Капрал Василий Тимофеев // (л. 31 об.)	По куртине между башен Квасоваренной и Поваренной и во фланг оной
3	Егеры	
4	Лазарь Максимов	
5	Никита Пудов	
6	Михайло Григорьев	
7	Прохор Устинов	
8	Гаврила Кандратьев	
9	Семен Прокофьев	
10	Дементей Антонов	
11	Филип Устинов	
12	Никита Курятков	
13	Еремей Александров	
14	Иван Ушаков	
15	Петр Дьяковской	
16	Иван Суровцов	
17	Сергей Дмитриев	
18	Григорей Кабрин	
19	Андрей Карпов	К посту при воротах Никольских
20	Федор Колобов	
21	Никифор Телеков	
22	Кандратей Агафонов // (л. 32)	
23	Федор Васильев	
24	Барабанщик Федор Карпов	К горизонтальной обороне в куртину между Рыбных ворот и башни Хоруженной с двумя 7-ми фунтовыми орудиями, оставя к каждому из монастырских служителей по два человека
1	К четырем, двум 8-ми и двум 7-ми футовым орудиям Канонир новодвинской артиллерийской команды Гаврила Красиков	
2	Петрозаводских: Яков Тарасов	
3	Аверкей Спицин	
4	Федул Киприянов	К горизонтальной обороне по куртине между башен Никольской и Квасоваренной с двумя 8-ми фунтовыми орудиями, оставляя к каждому из монастырских служителей по два человека, прочие шеснатцать
5	Матвей Никитин	
6	Архип Петров	
7	Игнатей Шеметев	
8	Мирон Кокорин // (л. 32 об.)	
9	В помощь канонирам монастырских служителей Савва Гнутов	
10	Терентей Дряпин	
11	Степан Попов	
12	Юда Власов	
13	Трофим Шубин	
14	Калина Астафьев	
15	Илья Трепицын	
16	Сила Кушаков	
17	Гур Прокофьев	
18	Сила Зотов	
19	Ворфоломей Салябьев	
20	Макар Печников	
21	Сафрон Васильев	
22	Мирон Григорьев	
23	Савва Клотов	
24	Сергей Петров

25	Архип Михайлов	
26	Василей Иванов // (л. 33)	
27	Карп Гуцин	
28	Лука Антипов	
29	Семен Жухов	
30	Юрий Самошин	
31	Аким Козов	
32	Симан Володимеров	
1	На второе укрепление между урочища Табарского и озера Гагарья Егерьского дивизиона сержант Иван Толицкой	Сии к верхней мушкетной обороне, начиная от башни Квасоваренной по куртине до Никольской и от сей куртины до Хоруженной и по куртине до башни Успенской
2	Капрал Степан Терентьев	
3	Егери Терентей Лупков	
4	Савин Иванов	
5	Иван Семенов	
6	Иван Трофимов	
7	Никон Мелентьев	
8	Устин Никанов // (л. 33 об.)	
9	Матвей Савинов	
10	Кирила Григорьев	
11	Петр Усачев	
12	Иван Чудов	
13	Константин Иванов	
14	Иван Косаков	
15	Аммос Николаев	
16	Семен Иванов	
17	Иван Иванов	
18	Алексей Спиридонов	
1	К четырем 3-х футовым орудиям Канонир новодвинской артиллерийской команды Тимофей Андреев	К горизонтальной обороне в башню Никольскую с двумя 3-х фунтовыми орудиями, оставляя при каждом из монастырских служителей по два, прочие по семь, к вышеупомянутой верхней обороне равно и остальные два орудия по въезду к башне Никольской, располагая оные по флангам с полным числом монастырских служителей
2	Петрозаводские Василей Курятков	
3	Гаврило Федоров // (л. 34)	
4	Александр Верецагин	
5	Фотей Соболев	
6	Макар Козмин	
7	Зиновей Семенов	
8	Ефим Демидов	
9	В помощь канонирам монастырских служителей Фома Васильев	
10	Семен Панфилов	
11	Козма Рубцов	
12	Иван Абрамов	
13	Клемент Зевахин	
14	Илья Сычев	
15	Сафрон Залетов	
16	Тимофей Карнеев	
17	Савва Щербатой	
18	Семен Иванов	
19	Антип Лукошин	
20	Исай Тимофеев

21	Еремей Михайлов // (л. 34 об.)	
22	Роман Дьячков	
23	Степан Соболев	
24	Федот Ульянов	
25	Прокофей Усков	
26	Сила Кондратьев	
27	Михайла Яковлев	
28	Николай Смарьчков	
29	Мина Иванов	
30	Кирила Минин	
31	Григорей Петров	
32	Илья Коробкин	
1	На третье укрепление между морского берега и озера Гагарья Начальник, при нем нижних служителей Сержант Иван Орлов // (л. 35)	К горизонтальной мушкетной обороне, начиная от башни Хоруженной чрез два полигона до башни Предиленной
2	Егерьскаго дивизиона капрал Трофим Лукин	
3	Егери Тимофей Ефимов	
4	Алексей Артемьев	
5	Яков Семенов	
6	Андрей Грибанов	
7	Евстигней Карпов	
8	Артемей Сергеев	
9	Афанасей Ларионов	
10	Василей Антонов	
11	Савва Григорьев	
12	Петр Агорельцов	
13	Нестер Артемьев	
14	Игнатей Клементьев	
15	Иван Семенов	
16	Карп Васильев	
17	Сергей Федотов	
18	Корнила Емельянов // (л. 35 об.)	
1	К трем 3-х фунтовым орудиям Канонир новодвинской артиллерийской команды Алексей Шмонин	С оными тремя орудиями к верхней обороне по въезду к башне Хоруженной, располагая по флангам оной с полным числом монастырских служителей
2	Петрозаводские: Матвей Петров	
3	Алексей Иванов	
4	Влас Макарьев	
5	Гаврила Петров	
6	Агафон Логинов	
7	В помощь канонирам монастырских служителей: Антип Сапожников	
8	Мартын Петров	
9	Аника Демидов	
10	Платон Гуров // (л. 36)	
11	Алексей Степанов	
12	Митрофан Вьюшкин	
13	Веденей Степанов	
14	Гаврила Суконин	
15	Иван Михайлов

16	Андрей Болотов	
17	Марко Сухарев	
18	Иван Лобанов	
19	Антон Кромин	
20	Сидор Требухов	
21	Петр Посников	
22	Тит Вознов	
23	Карп Глотов	
24	Иев Логинов	
1	К крепостной артиллерии Начальник, при нем нижних служителей // (л. 36 об.) Архангельского баталиона сержант Максим Ахаткин	К поставленным на нижних батаре- ях шеснатцати орудиям в башнях Хоруженной, Никольской, между оними по куртине и до башни Ква- соваренной
2	Соловецкие канониры Матвей Щанников	
3	Иван Месельгин Меньшой	
4	Матвей Суханов	
5	Степан Зубов	
6	Григорей Месельгин	
7	Андрей Колотков	
8	Петр Нестюков	
9	Степан Зуев	
10	Лука Зубков	
11	Петр Зубков	
12	Матвей Умбачев	
13	Григорей Умбачев	
14	Малолетных Федор Умбачев	
15	Федор Щанников // (л. 37)	
16	В помощь канонирам монастырских служителей Артемей Михайлов	
17	Панкратей Иванов	
18	Ефрем Семенов	
19	Яков Боров	
20	Сергей Хашов	
21	Иван Подшивалов	
1	Архангельского баталиона Капрал Михайло Ордин	В башнях Архангельской, Белой и между оними по куртине к трем орудиям
2	Соловецкие канониры Андрей Умбачев	
3	Петр Умбачев	
4	Степан Умбачев	
5	Малолетных Проход Саханов	
6	Андрей Мошников // (л. 37 об.)	
1	Архангельского баталиона Капрал Иван Гусев	От башни Белой по куртине до башни Пределенной к четырем орудиям
2	Соловецкие канониры Петр Естифеев	
3	Андрей Кочнев	
4	Осип Кочнев	
5	Малолетных Герасим Корнилов

1	Архангельского баталиона сержант Иван Людьяков	В башне Предиленной и по куртине до Святых ворот к одиннадцати орудиям
2	Соловецкие канониры Михайла Кочнев	
3	Козьма Навагин	
4	Федор Умбачев	
5	Семен Понозеров // (л. 38)	
6	Василей Умбачев	
7	Илья Масельгин	
8	Иван Колотков	
9	Федор Нестюков	
10	Иван Панозеров	
11	Проход Берников	
12	Малолетные Иван Умбачев	
13	Григорей Кашкин	
14	Андрей Щанников	
15	Федор Зубков	
16	Иван Иконников	
17	Фома Масельгин	
18	Монастырских служителей Герасим Абросимов	
19	Корней Халин	
1	Архангельских баталионов Фурьер Михайло Конев // (л. 38 об.)	По куртине от Святых ворот и к башне Успенской к семи орудиям
2	Соловецкие канониры Антон Панозеров	
3	Петр Каменской	
4	Иван Батарин	
5	Максим Потемин	
6	Григорей Навагин	
7	Алексей Умбачев	
8	Иван Умбачев	
9	Малолетных Гаврила Мошкин	
10	Степан Саханов	
11	В помощь монастырских служителей Антон Ефимов	
12	Симон Кочаргин	
13	Федор Прокофьев	
14	Артамон Скалин // (л. 39)	
1	Архангельского баталиона Капрал Дмитрий Черной	По куртине до Рыбных ворот и от оной до башни Хоруженной к четырём орудиям
2	Соловецкие канониры Иван Меднеков Большой	
3	Евдоким Щаннин	
4	Петр Умбачев	
5	Антон Умбачев	
6	Максим Умбачев	
7	Малолетные Иван Масельгин	
8	В помощь монастырских служителей Устин Чеботарев	
9	Иван Ломтев	
10	Лаврентей Петров	
11	Савва Гостев // (л. 39 об.)

1	К верхним по башням батареям Новодвинской артиллерийской команды Фурьир Петр Апарин	В башню Никольскую к трем орудиям
2	Соловецкие канониры Матвей Кочнев	
3	Иван Маселгин Большой	
4	Еким Масельгин	
5	Прохор Саханов	
6	Иван Щанников	
7	В помощь монастырских служителей Аксен Вотинов	
8	Дмитрей Шовин	
9	Лука Козырев	
1	Новодвинской артиллерийской команды Капрал Илья Тимоханов // (л. 40)	В башню Хоруженную к четырем орудиям
2	Соловецкие канониры Максим Иконников	
3	Алексей Чалков	
4	Иван Умбачев	
5	Михайло Умбачев	
6	Иван Мошников	
7	Степан Берников	
8	В помощь монастырских служителей Потап Яковлев	
9	Осип Васильев	
10	Семен Кузмин	
11	Кузма Карпов	
1	Канониры Новодвинской артиллерийской команды Иван Естифеев	В башню Успенскую к четырем орудиям
2	Соловецкие Иван Медников Меньшей // (л. 40 об.)	
3	Антон Колотков	
4	Евстрат Зубков	
5	В помощь монастырских служителей Филип Чеснаков	
6	Данила Егоров	
1	Новодвинской артиллерийской команды Бомбардир Тимофей Полетаев	В башню Прядиленную к пяти орудиям
2	Соловецкие канониры Василей Медников	
3	Василей Саханов	
4	Григорей Панозеров	
5	Илья Иконников	
6	Иван Берников	
7	Сидор Корнилин // (л. 41)	
8	В помощь монастырских служителей Терентей Батов	
9	Фома Игнатьев	
10	Корнила Савин	
11	Ипат Журкин	
1	Архангельских баталионов каптенармус Петр Зверев	В башню Белую к четырем орудиям
2	Соловецкие канониры Петр Кириков

3	Петрозаводские Иван Миронов	В башню Архангельскую и Поваренную к пяти орудиям
4	Денис Андреев	
5	Мина Агафонов	
6	В помощь монастырских служителей Богдан Носов	
7	Агафон Сулейн // (л. 41 об.)	
1	Архангельских батاليонов капрал Михайла Дедеулов	
2	Канониры новодвинской артиллерийской команды Василей Мальцов	
3	Соловецкие Максим Кочнев	
4	Михайло Колотков	
5	Иван Кочнев	
6	В помощь монастырских служителей Федор Галактионов	От Квасоваренной башни до Хоруженной по верхним бойницам
7	Емельян Мельников // (л. 42)	
1	К мушкетной обороне, начиная от башни Квасоваренной до Успенской по верхним и нижним бойницам в башнях и куртинах Начальник, при нем служителей архангельских баталионов Сержант Михайла Быков	
2	Рядовые Евдоким Никифоров	
3	Петр Панков	
4	Монастырских служителей Симон Лихмин // (л. 42 об.)	
5	Терентей Зыбин	
6	Евсей Крепов	
7	Влас Горлов	
8	Капрал Егор Батманов	В башню Никольскую
9	Рядовые Степан Гайманов	
10	Иван Андреев	
11	Монастырских служителей Кузма Воронов	
12	Терентей Лаптев	
13	Рядовые Захар Меринов	По куртине до башни Хоруженной
14	Илья Сакулов	
15	Федор Елисеев	
16	Василей Неверов // (л. 43)	
17	Монастырских служителей Емельян Аверкиев	
18	Самойла Петров	
19	Карнила Лесков	
20	Агап Тягин	
21	Антроп Ляхов	
22	Трифан Колачов	
23	Ерофей Михайлов	
24	Роман Жопов	
25	Савва Терентьев	
26	Антон Скобкин

27	Фуръир Игнатей Пяхкирев	В башне Хоруженной и от оной по куртине до Успенской
28	Рядовые Степан Попов	В башню Хоруженную
29	Иван Бураков	
30	Монастырских служителей Агай Лукашев // (л. 43 об.)	
31	Петр Барышников	
32	Николай Баранов	
33	Андрей Базаров	
34	Рядовые Гаврила Филипов	По куртине до башни Успенской
35	Андрей Алексеев	
36	Константин Павлов	
37	Иван Черепанов	
38	Монастырские служители Григорей Решетников	
39	Василей Орлин	
40	Степан Коноплин	
41	Христофор Симаков	
42	Ефим Жулин	
43	Григорей Гарцов	
44	Фуръир Андрей Лукин // (л. 44)	От башни Квасоваренной до Хоруженной по нижним бойницам к горизонталь- ной обороне
45	Рядовые Егор Жидоусов	По куртине от башни Квасоваренной в башню Никольскую
46	Сергей Попов	
47	Федор Терской	
48	Монастырских служителей Иван Естифеев	
49	Данила Агарков	
50	Рядовые Прокофей Пешков	По куртине
51	Василей Боровой	
52	Иван Раков	
53	Монастырских служителей Семен Гущин	
54	Гурьян Антропов	
55	Алексей Поташев	
56	Дементей Скрыпин	
57	Зиновей Антипов	
58	Максим Сергеев // (л. 44 об.)	
59	Семен Агапов	
60	Елизар Чиркин	
61	Антип Уткин	
62	Федосей Рыбин	
63	Фуръир Дмитрей Онегин	В башне Хоруженной и от оной по куртине до башни Успенской
64	Рядовой Дмитрей Петровской	В башне Хоруженной
65	Монастырских служителей Савва Крылов	
66	Исай Коршунов

67	Рядовыя Василей Камышев	По куртине до башни Успенской
68	Тит Корзников	
69	Федор Замятин	
70	Барабаншик Михайла Власов	
71	Монастырских служителей Ефим Ситников	
72	Мартемьян Чулков // (л. 45)	
73	В башне Успенской и от оной по куртине в башню Прядиленную и по куртине ж до башни Белой, по верхним и нижним бойницам. Начальник, при нем нижних служителей Капрал Василей Степанов	По нижним бойницам
74	Егерьского дивизиона рядовыя Ермолай Севастьянов	В башне Успенской
75	Петр Назарьев	
76	Иов Иванов	
77	Кондратей Зиновьев	По куртине
78	Иван Посников	
79	Василей Мартынов	
80	Абакум Семенов // (л. 45 об.)	
81	Монастырских служителей Ерофей Желваков	
82	Иван Пирогов	
83	Афонасей Бурцов	В башне Предиленной
84	Михайла Творогов	
85	Рядовыя Афонасей Пирогов	
86	Степан Федоров	
87	Роман Тимофеев	По куртине
88	Иван Пинаев	
89	Иван Никитин	
90	Еремей Ефремов	
91	Петр Павлов	
92	Андрей Игнатьев	В нижние бойницы к горизонталь- ной обороне
93	Архангельских баталионов Капрал Иван Заревин // (л. 46)	
94	Егерьского девизиона Рядовыя Афонасей Теплухин	По куртине между башен Успен- скою и Предиленную
95	Михайла Харин	
96	Кондратей Григорьев	
97	Макар Калитин	
98	Монастырских служителей Захар Курицын	
99	Яков Медведев	
100	Степан Волков	
101	Харитон Квасов	
102	Рядовыя Иван Молчанов	От башни Предиленной до Белой по куртине
103	Егор Киприянов	
104	Гаврила Алексеев	
105	Григорей Егоров	
106	Филип Васильев // (л. 46 об.)

107	Архангельского баталиона Сержант Петр Гусев	В башне Белой и от оной по куртине до башни Архангельской к верхним и нижним бойницам
108	Егерьского дивизиона Рядовый Иван Шераков	По верхним бойницам в башню Белую
109	Андрей Иванов	
110	Монастырских служителей Сергей Иванов	
111	Дмитрей Тарасов	
112	Рядовой Тимофей Архипов	По куртине
113	Монастырских служителей Логин Шлюпкин	
114	Тарас Кононов	
115	Аристарх Плотников	
116	Матвей Поселянов	
117	Ион Варницов // (л. 47)	
118	Рядовой Парамон Максимов	В нижние бойницы к горизонтальной обороне в башню Белую
119	Монастырских служителей Александр Марков	
120	Дорофей Бекренев	
121	Филат Ялков	
122	Рядовой Елисей Веденеев	По куртинам
123	Монастырских служителей Тимофей Крашенинников	
124	Исай Телегин	
125	Яков Обрубов	
126	Михайло Васильев	
127	Антон Трифанов // (л. 47 об.)	
128	Архангельских баталионов Капрал Андрей Орлов	В башне Архангельской и от оной по куртине и во флангах башни Поваренной по верхним и нижним бойницам
129	Егерьского дивизиона рядовой Андрей Карпов	В башне Архангельской по верхним бойницам
130	Монастырских служителей Еким Исаев	
131	Ксенифонт Куркин	
132	Лев Кудрин	
133	Ипат Трошкин	По куртинам
134	Федот Сапов	
135	Илья Богомоллов	Во фланге башни Поваренной
136	Артамон Луков	
137	Никита Васнин	В нижних бойницах в башне
138	Фадей Еремеев	
139	Антип Ильин // (л. 48)	По куртине
140	Захар Слепин	
141	Осип Семенов	
142	Ульян Антипов	
143	Устин Славин	Во фланге башни Поваренной
144	Семен Перфилов	
145	Тихон Росляков

1	Архангельских баталионов каптенармус Егор Воронин	При гоубтвахте
2	Капрал Степан Запевалов	
3	Рядовые Василей Смирнов	
4	Григорей Соколов	
5	Иполит Попов	
6	Иван Мырцов	
7	Осип Неверов	
8	Василей Галкин	
9	Федор Чикин	
10	Петр Ершев // (л. 48 об.)	
11	Петр Власов	
12	Федор Гневашев	
13	Алексей Карачев	
14	Илья Кереневской	
15	Иван Бикетов	
16	Монастырских служителей Фрол Семенов	
17	Прокофей Васильев	
18	Абросим Григорьев	
19	Никифор Рыгин	
20	Яков Никифоров	
21	Кузма Забродин	
22	Артемей Калмыков	
23	Михайла Артемьев	
24	Естифей Гайков	
25	Игнатей Стропин	
26	Андрей Евсеев	
27	Лаврентей Арехов	
28	Тимофей Замков // (л. 49)	
29	Петрозаводской штатной команды барабанщик Андрей Трифанов	
1	Архангельских баталионов Сержант Николай Шапошников	При особом карауле
2	Соловецкие салдаты Иван Щанников	
3	Андрей Берников	
4	Степан Тупиков	
5	Василей Нестюков	
6	Василей Чалков	
7	Иван Титов	
8	Аммос Батарин	
1	Архангельских баталионов фурьер Матвей Кокорин // (л. 49 об.)	При пользовании больных
2	Егерьскаго дивизиона цырюльник Естифей Ефимов	
3	Архангельских баталионов барабанщик Михайло Власов	При командующем

Итого, в гарнизоне крепости Соловецкаго монастыря,
кроме богомольцов, состояло 459-ть человек. //

(л. 50) Мнение

о действии расположенных войск в трех укреплениях, вне крепости находящихся.

1-е. Начальствующий на двумя первыми укреплениями по приложенному выше сего военному имянному списку, приняв в команду свою как артиллерию со всеми к ней принадлежащими снарядами и служителями, так и отряженных к прикрытию оных тридцать шесть егерей при двух унтер офицерах и столько же капралов, отделя из оных особенно на второе укрепление одного исправнейшего унтер офицера, капорала и шестнатцать рядовых.

2-е. Начальствующий третьим укреплением, сообразно первому, приняв в команду свою артиллерию с ея // (л. 50 об.) снарядами и служителями и отряженных к прикрытию оных шестнатцать человек егерей при одном унтер офицере и капорале.

3-е. Сии начальствующие должны учинить исполнение следующего содержания. Как скоро неприятельской авангард приблизится на пушечной выстрел от укрепления или же в таком расстоянии примечено будет намерение ево к укреплению войск своих заложением каких-либо траншементов или батарей, то, не давая ему ни минуты на то времени, всемерно стараться побуждать канонир к храброму и расторопному действию из орудий, продолжая стрельбу непрерывно ядрами, в случае же зближения неприятеля и картечными выстрелами. Наблюдая всегда скорострельную // (л. 51) и цельную пальбу, дабы с желанным успехом по долгу верноподданической присяги собою давая примеры и рождая во всех подчиненных мужественную неустрашимость защищаться, и ежели невозможно будет совсем опрокинуть неприятеля, то по крайней мере причинить чувствительной ему вред и урон.

4-е. Впрочем, буде превосходство неприятельских сил толико возрастет, что не останется уже не единого средства к сопротивлению, то получив тогда от главнокомандующаго решительное к ретиреде повеление, употребить всевозможную и без замешательства в отступлении стройность с первого и второго укрепления к Никольским, а с третьяго к Рыбным воротам таким порядком, чтоб канониры получив от начальствующих укреплениями //

(л. 51 об.) повеление в то же самое время, оставя оные, ретировались с заряженными орудиями, аммуницию, имея в авангарде, как наивозможно поспешнее в показанные места; по назначенным особливо для того путям, дабы дерзновенных по оным преследователей привлечь под крепостную анфиладу, прикрываемы будучи в арьергарде егерями, которые должны, с неустрашимостию неприятельские намерения встречая, опровергать оныя так, чтоб артиллерия, отступая, сохранно могла в крепость возвратиться в назначенные ей по военному имянному списку места или быть готовой исполнять новыя по случаю надобности от начальствующих даваемые повеления. //

(л. 52) Мнение

о оборонительном действии расположенных войск к защите стен крепости Соловецкого монастыря.

1-е. Полагая, что неприятель, приближаясь арматирами с западной стороны или высадя с оных десант от Ребольдской стороны на берег губы, называемой Глубокою, или же и от мыса Перечь Наволок, откуда может он войско свое к атаке северной части крепости подвести с лутчею выгодою; иначе же восточная сторона крепости, заграждаема будучи Святым озером, остается безопасною, южная от урочища Печеки, как и выше изъяснено, неопасна, потому что высадка войск не может не быть самотруднейшею, а паче доставление // (л. 52 об.) к оным орудиям по неимению инаго пути, как пешеходную тропу, проложенную в частом и мелком лесе по болотам весьма топким, и так по всем сим обстоятельствам три полигона, лежащие, один к северу и два к западу, наиболее требуют защиты почему.

2-е. Коль скоро получится известие чрез отводные пикеты, разставленные первой на высоте горы Секерной, второй против больших и малых Железных ворот от Ребольдской стороны на высоте ж горы Гедеоновской, третий у мыса Перечь Наволок и четвертой при урочище Печеке о неприятельских к острову приближениях, то в то ж самое время должен дан быть тремя пушечными выстрелами // (л. 53) сигнал для обвещения вне крепости живущих и по разным монастырским надобностям по острову вдали находящихся, а при гоубтвахтном карауле, когда приказано будет

барабанщику бить принадлежащей к сему збор, дабы разные команды, состоящие в гарнизоне Соловецкой крепости, будучи в готовности, собрались как наискорее в назначенные места и именно:

3-е. Начальствующей всею крепостною артиллерийскою командою на плаце против Архангельских ворот.

4-е. Командующий егерским четвертым дивизионом офицер со всеми нижними чинами на особливо отделенной площади близи башни Никольской. // (л. 53 об.)

5-е. Командующий архангельских батальонов со всеми нижними чинами на плаце против церкви Святого Филиппа.

6-е. Командующей богомольцами со всеми штатными и наемными монастырскими служителями на большую площадь против соборной церкви Преображения Господня.

7-е. Частные начальники команд по получении от главнокомандующаго наставления должныствуют каждый с своею командою тот час итти к верным им постам.

8-е. Командующий крепостною артиллериею, отделив назначенных // (л. 54) в списке ево двух унтер офицеров четырех капоралов и канонир, приказывает в нижних батареях по башням и куртинам немедленно каждому из них своею частию занять назначенные по росписанию или списку к орудиям для фланговой, фронтальной горизонтальной обороны места с действительною точностию.

9-е. Сам же поспешает, учредив в верхних по башням батареях к поставленным на оных орудиях назначенных для лутчаго действия к соловецким канонирам артиллерии из новодвинских унтер офицера к Никольской, капорала к Хоруженой, канонира в Успенскую, бомбардира в Прядиленную башни, и из архангельских батальонов капоралов // (л. 54 об.) в башню Белую и Архангельскую по одному, наблюдая всемерно, паче всего, чтоб выстрелы все производимы были с наивозможною поспешностию целью и удачною пальбою, также, чтоб в перевождении людей по случаю надобности из одного этажа в другой или из башни в другую и при перемещении тяжелых орудий (к чему должны ему приданы быть из монастырских работников) употребил он точное распоряжение, как о том в списке изъяс-

нено. В прочем должен он в разсуждении исправности каждого из команды своей содержать с желаемою точностию и неупускать ничего того, что споспешествовать может к отражению противной стороны, со всею славою и честию императорскаго российского оружия. // (л. 55)

10-е. Командующий архангельскими батальонными служителями, состоящими из унтер офицеров, капоралов и рядовых с приданными в отряд его монастырских штатных и наемных людей, занимает подзащитие мушкетною обороною наиважнейшую часть крепости, начиная от Квасоваренной башни до Успенской, распределив команду свою в башнях и куртинах нижних и верхних бойницах под особенным смотрением при каждой части унтер офицеров и капоралов, с точною того сообразностию, как в военном именном списке назначено. При том кроме общей обязанности каждого верноподданнаго относительно ввереннаго ему начальства мушкетной обороны, регулярнаго и иррегулярнаго войска надлежит особенно ему пещись о защите стен Соловецкой крепости и при благонадежности // (л. 55 об.) их всемерно соблюдать общего согласия и совета с главнокомандующим участвовать по усмотрению в начальственных распоряжениях.

11-е. Командующии остальными от прикрытия внешних укреплений егерскаго четвертаго дивизиона и архангельских батальонов рядовыми с принадлежащими к ним нижними чиновниками и отряженными из монастырских штатных и наемных служителей занимает нижнюю горизонтальную и верхнюю мушкетную оборону от башни Успенской до Белой, разделя людей в башни, по куртинам, в верхние и нижние бойницы, соображаясь с точным распоряжением даннаго списка и находясь в зависимости у вышеписаннаго в 10-м пункте начальника. // (л. 56)

12-е. От Белой башни до Архангельской отделенные архангельских батальонов сержант с рядовыми и несколькими числом монастырских служителей, разделя оных сходственно списку по башням и куртинам, в верхних и нижних бойницах, должен состоять под непосредственным начальством и управлением вышеписаннаго в 10-м пункте начальника, от коего по случаям получать должен надлежащие наставления.

13-е. От Архангельской башни до Поваренной при одном капорале и несколько монастырских служителей отряжается к мушкетной обороне и наиприлежнейшему и бдительному примечанию по сей части крепости за движением неприятельских сил, которой // (л. 56 об.) отряд имеет получать о poste своем наставлении от начальника, упоминаемого в 10-м пункте.

14-е. Гоубтвахт, состоящей из тринадцати архангельских баталионов рядовых при одном исправнейшем того же баталиона унтер офицере, капорале и тринадцати ж из монастырских служителей, в разсуждении имеющихся здесь важных арестантов, долженствует содержать посты при Святых, Рыбных, Никольских и Архангельских воротах и при пороховом погребе. Протчие ж, как и все богомольцы и разного рода люди с здешними ружьями, остаются в резерве, готовыми по повелению начальствующаго на подкрепление какой-либо ослабшей стороны и туда, куда // (л. 57) неприятель сильнейше употребит стремление; или же к вспомоществованию в скорейшей перевоске артиллерийских орудий в те места, где востребуется нужда и, словом, на всякие непредвидимые могущия быть надобности.

15-е. Когда неприятель находящуюся на укреплениях артиллерию и прикрывающее оная войско вынудит к неизбежной ретире, то, следуя точно по предписанному в распоряжениях порядку и войдя в крепость чрез Никольские ворота, тотчас имеют разставлены быть для горизонтальной обороны из привезенных орудий в Никольской башне трех-фунтовых пушек две, по куртине между оной и Квасоваренной, осми фунтовых две, а стоявшие // (л. 57 об.) в оных перевести во фланг и фаз башни Квасоваренной, две семи фунтовые в куртине между Рыбных ворот и башни Хоруженной, придав для действия из оных канонир и по два монастырских служителей, сам же начальник остается при командовании горизонтальною обороною от башни Поваренной до Никольской и от сей чрез полигон до Хоруженной, отделя к имеющемуся при Никольских воротах посту с унтер офицером пять егерей для усиления мушкетной обороны также, и чтоб в случае надобности означенные ворота закрыть. Пятнадцать егерей при капорале для умноже-

ния ж горизонтальной защиты по куртине между башен Квасоваренной и Поваренной и во фланге ея, // (л. 58) а остальных егерей шеснатцати и дватцати четырех монастырских служителей немедленно препроводить при унтер офицере и капорале к командующему верхнею обороною, которой имеет тот час их расположить на вверенном ему особенно poste.

16-е. С третьего укрепления ретирующиеся в Рыбные ворота должны трех фунтовые три орудия немедленно въезжены быть по въезду к башне Хоруженной, а оставшиеся от первых двух укреплений того ж калибра две пушки по въезду к башне Никольской. И по соединении их разставить по флангам сих башен с полным числом канонир и монастырских служителей, дабы действием оных приближающагося неприятеля жесточае и повсеместно анфилировать // (л. 58 об.) было можно. Начальник же онаго укрепления остается при горизонтальной обороне от башни Хоруженной, простирающейся чрез два полигона до Прядиленной с находившимися при отряде ево егерями, имея наиприлежнейше бдение за сими полигонами, а особливо за постами в Рыбных и Святых воротах. И сколь скоро о уничтожении оных от главнокомандующаго будет повеление, то не теряя ни минуты времени, употребить к тому пришедшей отряд, прибавя к нему на сей случай других в ближайшем разстоянии расположенных людей, и по окончании отправить оных к заступлению прежних мест, что согласно и начальник первых двух укреплений в своем poste исполнить должен. // (л. 59)

17-е. Когда неприятель подступит грудью к самым стенам крепости, оставляя без сумнения по выгоднейшему местоположению, с одной стороны по левую, а с другой по правую, приближения своего высоты, закрывающая его от горизонтальных с крепости поражении, и сколь скоро достигнет он до прямого берега по косоугру, лежащему против части между башни Хоруженной и ворот Рыбных, то в ту ж минуту открыть по фронту ево сильное анфилирование, а по приближении к стенам фланговой обороне картечными выстрелами не менее действовать по нем, равно и, полагая подход ево с другой стороны крепости к воротам Никольским и куртине

не их, таковую ж // (л. 59 об.) жестокость употребить должно.

18-е. Буде покусится неприятель к штурму крепостных стен, то с неустрашимостию повсеместно защищаясь, канониры из поставленных в башнях пушек фланговыми картечными, протчие ж при своих постах находящиеся мушкетными выстрелами и приготовленными заблаговременно на стенах орудиями, как то пиками, чинеными порохом и простыми бревнами, бомбами, гренадами, камнями и протчим безпрерывною и единомысленною, возбуждаясь храбростию, преодолевать его дерзновенность и тем // (л. 60) совершить победу со славою императорского всероссийского оружия.

19-е. В случае же несчастного приключения, могущаго произойти от неприятельского бомбардирования или от другого чего, ежели загорятся на стенах или строениях кровли, то отделенной для того части людей посредством находящихся и в удобных местах расположенных при каждой куртине и протчих строениях к тому потребных разных инструментов, ливеров и бочек с водою, елико возможно, и, не давая пламени раздалиться, поспешать угасить или же и совсем на стенах // (л. 60 об.) оную низвергнуть на внешние стороны крепости, всемерную наблюдая при том осторожность, дабы при гашении или ломании не сделать себе и сотоварищам своим вреда.

20-е. Поелику монастырское строение по внешней окружности от крепостных стен в некоторых местах отстоит не далее шести-семи и двенадцати сажен, коим неприятель, завладев, останется от горизонтальной, фланговой и фронтальной пушечной и мушкетной с крепости нашей стрельбы закрытым, а паче, что каменные кузнецы и кожевню и другие деревянные строения употребив // (л. 61) с великою себе выгодою, причинить может чувствительной крепости вред, почему, ежели не успеется с пользою все сие до времени неприятельского сюда нападения снести, то с получения первого о том известия долженствует быть истреблено огнем или иначе, как наискорее и безвреднее возможно. //

(л. 61 об.) *Пустой*⁷.

(л. 62) Список с описания имеющагося в Соловецком монастыре старинным орудиям, каких оные калибров, между которыми большее число жалованные от великих государей царей и великих князей на случай бывших в тогдашние времена опасностей от неприятельских на Соловецкой монастырь нападения, к обороне которыми действовали по грамотам, учрежденные стрельцы, ныне же называющиеся солдаты.

По ограде монастырской в башнях под воротами. Пушек медных. Первая — весу шездесят пуд тритцать один фунт. Вторая — шездесят пуд тритцать один фунт. // (л. 62 об.) Третья — тритцать восемь пуд дватцать фунтов. Четвертая — тритцать восемь пуд. Пятая — тритцать три пуда дватцать один фунт. Шестая — тритцать два пуда дватцать два фунта. Седмая — тритцать два пуда девять фунтов. Осмая — тритцать два пуда. Девятая — тритцать один пуд тринадцатъ фунтов. Десятая — дватцать восемь пуд дватцать фунтов. Одиннадцатая — дватцать восемь пуд. Двенадцатая — дватцать три пуда дватцать фунтов. // (л. 63) Тринадцатая — дватцать один пуд. Четырнадцатая — дватцать пуд. Пятнадцатая — осмнатцать пуд девять фунтов. Шестнадцатая — осмнатцать пуд девять фунтов. Семнатцатая — семнатцать пуд дватцать фунтов. Восмнатцатая — пять пуд девять фунтов. Деветнатцатая — пять пуд два фунта. Дватцатая — четыре пуда десять фунтов. Дватцать первая — два пуда шесть фунтов. Дватцать вторая — два пуда пять фунтов. // (л. 63 об.) Дватцать третья — тритцать четыре фунта. Дватцать четвертая — дватцать три фунта. Дватцать пятая — дватцать два фунта.

Чюгунных. Первая — восемьдесят два пуда осмнатцать фунтов. Вторая — восемьдесят пуд. Третья — шездесят четыре пуда девятнатцат фунтов. Четвертая — пятьдесят четыре пуда. Пятая гоубица — девятнатцать пуд дватцать фунтов. Шестая — девятнатцать пуд. // (л. 64) Седьмая гоубица — семнатцать пуд. Осмая — семнатцать пуд. Девятая — четырнатцать пуд девять фунтов. Десятая — четырнатцать пуд. Одиннадцатая — четырнатцать пуд. Двенадцатая — тринадцатъ

⁷ *Вверху над рамкой:* Далее в белую книгу, кроме изъяснения чертежам летняго, и зимняго, и верхняго маршрута, ничего не писано.

пуд пятнатцать фунтов. Тринатцатая, гоубица — тринатцать пуд. Четырнатцатая — пять пуд дватцат фунтов. Пятнатцатая — четыре пуда тритцать четыре фунта. Шестнатцатая — три пуда девять фунтов. Семнатцатая — два пуда // (л. 64 об.) дватцать пять фунтов. Осмнатцатая — два пуда пятнатцать фунтов. Девятнатцатая — два пуда четырнатцать фунтов. Дватцатая — два пуда. Дватцать первая — два пуда. Дватцать вторая — два пуда. Дватцать третья — пуд тритцать один фунт. Дватцать четвертая — пуд дватцать девять фунтов. Дватцать пятая — пуд дватцать фунтов. Дватцать шестая — пуд дватцать фунтов. Дватцать седьмая — пуд пятнатцать фунтов. // (л. 65) Дватцать осмая — пуд десять фунтов. Дватцать девятая — пуд пять фунтов. Тридесятая — пуд. Тритцать первая — дватцать девять фунтов. Тритцать вторая — дватцать шесть фунтов. Дробовиков в ложах деревянных восемь.

Ядер чугуновых. От тритцати шести до одного фунта три тысячи сто пятьдесят шесть. Полуфунтовых двести шездесят четыре. // (л. 65 об.) Картечных сто дватцать. Ядер же с концами пятифунтовых девять. Гранат гранодерских ручных трехфунтовых десять. Кубышек гранатных чиненых четырнатцать.

Книпелей морских. С цепми двенатцати фунтовых четыре. Раздвижных прямых больших четырнатцати фунтовых шесть.

В Оруженной полате.

Сред них шестифунтовых три. Рубашек колчужных железных десят, в них весу три пуда дватцать один фунт с половиною. // (л. 66) Латушка, или шапка железная ж одна. Весу фунт три четверти. Карабинов больших и малых, при том пищелей самопалов и мушкетов до семи сот. А сколько, каких имянно, разобрать обстоятельно неможно, потому что все одно старинного манира и с рускими замками, и из оных в 1790-м году браны были для вооружения приезжих богомольцов, имеющих во время неприятельскаго покушения в монастыре задержанными остатся до пяти сот, кои исправлены, и вычищены, и по окончании войны в оруженную полату возвращены.

Пистолетов с ложами ветхих дватцать три. // (л. 66 об.) Бердышев и топорков чetyреста тритцать три. Копей всяких двести девяносто два. Рогаток пятнатцать. Че-

канов сорок девять. Лебарда большая одна. Кистеней на ремнях десять. Луков русских и черемиских шездесят девять. Голов пороховых двести пятнатцать. Рогов тритцать два. Кольчанов со стрелами дватцать девять. Томаров деревянных без железов десять. // (л. 67)

Знамен. 1-е на пяти полосах тафтяных разных цветов, крест четвероконечной тавтяной же малиновой, обложено крашеной кирпичной на деревце, ветхое. 2-е. Средина дорогильная темномалиновая, крест белой тафтяной, обложено тафтой желтой кругом деревца, обшито сукном красным, ветхое. 3-е. Средина тафта белая, крест осмиконечной, обложено тафтой черной кругом деревца, обшито крашеной синей, ветхое. 4-е. Средина красного, обложено синим холстом, крест осмиконечной крашенины синей, ветхое. // (л. 67 об.) 5-е. Тафты разноцветной три полосы, герб тафты черной без деревца, ветхое. Прапор кумачной красной, пять звезд, холстинные белые на деревце, у котораго копые плоское, ветхой. Барабан ветхой.

Палаш булатной, ножны обложены бархатом красным, черен и у ножен наконешники и три средины серебряные золочены, на тех ножнах и на черене вставки бирюзы и камень красное в гнездах чetyреместа порозжие. Сабля булатная. Ефесы, и ножни, и оправа серебрянная, золочена, с камнем. В оправе дватцати камней нет. Она сабля вkladу князя Михаила Скопина. // (л. 68) Палаш двоеручной в ножнах. Палаш одноручной, ефес железной, руковятка костяная в ножнах кожаных. Шпаг шведских с железными ефесами пятьдесят семь. Сабля ветхая, черен костяной, по нем полоска сребряная, в ножнах кожаных. Кортик, ефес медной в ножнах кожаных. Хорт толочановской в ножнах бархатных. Нож посадной в ножнах. Сулеба в ножнах.

Полос самострельных чetyре. Голеней самострельных девятнатцать. Пуль фузейных и пистолетных 42000. Пушечной дробы железной, облитой свинцом, 1810, чугунной 1000. // (л. 68 об.) Форм, в которые пули льют, железных две, медная одна. Насосов водяных медных пять. Ставок медной луженой с крышкою.

Лядунок кожаных три, на них накладки с гербами, у ремней пряжки и наконешники медные. Пять простых, у трех у ремней пряжки медные, две без пряжек. Пять

обшитых кожей, у ремней пряжки железные. Палаток полевых с прибором разных три. //

(л. 69) В пороховом погребе. Пороху жалованного от великих государей царей и великих князей, а особливо в 1702-м году во второе блаженные и вечной славы достойной памяти государя императора Петра Великого в Соловецкой монастырь пришествие, двести пуд и покупного в древние времена на монастырские деньги, которой в силу присланных ко архангельской артиллерийской команде ис канцелярии главной артиллерии и фортификации указов и генерал фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова повелительного ордера в 1758-ом году // (л. 69 об.) от оной Архангельской артиллерийской команды на отправленной из Соловецкаго монастыря негодной порох переменен свежим хорошим, и прислано онаго в монастырь триста девяносто четыре пуда четыре фунта, но за употреблением с того 1758-го по 1789-й годы по установленному в Соловецком монастыре и поныне неперемняемому обычаю в высокотожественные ежегодно и другие случающиеся радостныя времянно дни ис пушек пальбу и в дачю на отправляющиеся в летнее время мореходные суда по случающимся от морских штурмов опасностям в расход остаточнаго триста сорок пуд. // (л. 70) Свинцу пятьсот пуд.

Да в ведомстве онаго Соловецкаго монастыря при Сумском и Кемском подворьях, в которых местах в древние времена для опасности в нашествии немецких людей устроены были деревянные крепостцы, по тогдашнему названию остроги, военных же орудий.

При Сумском. Знамен ветхих три, из них два тафтяных на древках, крашенных, в чехлах суконных, крашенинное одно. Пушек чугунных от дватцати осми пуд дватцати трех фунтов до пятнатцати фунтов пятнатцать. // (70 об.) Ядер чугунных от дватцати пяти и двух фунтовых двести девяносто одно. Мелких девяносто девять. Картечь двести пятьдесят. Протозанов два. Копей офицерских два. Ружья мелкаго и мушкетов двести четыре. Бердышев и топорков двести четырнатцать. Копей, пик и рогатин на шестах сто шестдесят шесть. Самострелов ветхих четыре. Стрел луковых триста. Колчанов кожаных

девять. Голов пороховых шесть. Рогов двенатцать. Пороху старого пять пуд. // (л. 71) Дроби сеченой три пуда. Пуль свинцовых и чугунных обливанных свинцом дватцать фунтов.

При Кемском. Знамен ветхих два, из них одно средина зеленой, по полям белой голи, ко древки пришит кумачь красной, другое кумачное по полям белаго холсту. Пушек чугунных от дватцати осми пуд до пуда пятнатцати фунтов тринацать. Ядер пушечных девяносто пять. Малых дватцать. Дроби тысяча двести. Пищалей затинных одинатцать, из них две без лож. Мушкетов шездесят два. // (л. 71 об.) Бердышев тритцать два. Копей на деревках дватцать два. Рогатин на деревках же девяносто две, лебарда одна. Копей со знаками два. Копье с кистью одно. Рогов пороховых ветхих два. Голов пороховых ветхих же пять. Пороху четыре пуда. Свинцу девять пуд.

1788-го года августа 6 дня по сношению кемской штатной команды прапорщика Гусельникова для охранения Кемги города от приезда неприятельских кораблей и судов и самих шведов к предосторожности из вышеписанных бывших при Кемском подворье военных // (л. 72) снарядов отдано под росписку ему, прапорщику Гусельникову, пороху четыре пуда, затинных пищалей четыре, бердышев тритцать два, рогатин з дротиками девяносто две, копей осмнатцать, ружей дватцать четыре, пушка большая чугунная одна, другая малая (к ним станков по одному с двумя железными болтиками), картечей тысяча двести, свинцу девять пуд, ядер во семдесят пять.

По указам из архангельской духовной консистории, а в ту консисторию присланных из святейшаго // (л. 72 об.) правительствующаго Синода Указов, 1757-го году августа 18-го дня отпущено из Соловецкаго монастыря в военную походную генерала фельдцейхмейстера графа Шувалова канцелярию военных орудий по одной вещи. А имянно: рубашка колчужная, шапка мисюрка, нагрудник с залом, два ожерелья, наручни, мушкет, пистолет, сабля, копье, топорик, чекан (все железные), голова деревянная пороховая обшита кожей нерпой, рог казачей. По рассмотрению ис показанных орудий по присланному от генерал фельдцейхмейстера Шувалова писму того 757-го

года ноября отпущено из Соловецкого монастыря в предписанную походную канцелярию: сабель сто семдесят восемь (1758-го года генваря 15-го дня отпущено из Санкт-Петербурга с оруженнаго двора потребных в Соловецкой монастырь вме-

сто оных сабель, которые оказались негодными, шпаг салдатских с железными ефесами шведских восемьдесят девять). // (л. 73) Пустой. // (л. 73 об.) Пустой. //

(л. 74) Маршруд от Санкт-Петербурга до Петрозаводска и от Петрозаводска до города Кеми зимним и летним трактом, и от Соловецкого острова до Петрозаводска водяным путем

От Санкт-Петербурга до Петрозаводска	Версты
От Санкт-Петербурга до Мурзина	14
От Мурзина до Пеллы	22
От Пеллы до Шлисельбурга	26
От Шлисельбурга до Шальдихи	28
От Шалдихи до Лемасарской	25
От Лемасарской до Ладоги	36
От Ладоги до Шехнова	30
От Шехнова до Паши	27
От Паши до Заостровья	36
От Заостровья до Каномы	20
От Каномы до Александровой слободы // (л. 74 об.)	12
От Александровой слободы до Алонца	34
От Алонца до Котказер	42
От Котказер до Святозера	45
От Святозера до Пряжи	16
От Пряжи до города Петрозаводска	50

Итого, от Санкт-Петербурга до Петрозаводска 463

Зимним транспортом от Петрозаводска к городу Кеме	Версты
От Петрозаводска село Шуя	15
Андреев Наволок	28
Кондопоги	15
Мянсельга	18
Лижма	16
Шунской погост	30
Город Повенец // (л. 75)	30
Деревня Волозеро	15
Масельга	15
Телекина	10
Выгозеро	30
Карасозеро	30
Воремжи	20
Сумастров	10
Лапина	15
Сумской острог	20
Веремская волость	15
Суховолоцкая	14
Сорока	16
Шуя	25
Городок Кемь	25

Итого, от Петрозаводска до города Кеми 412 //

(л. 75 об.)

Летним трактом от Петрозаводска до города Кеми	На по- восках	Верховым	Водяным	Пешком
	число верст			
Петразаводскаго уезда				
От Петрозаводска до Шуйскаго погоста	15	—	—	—
От Шуи до Сунской волости	25	—	—	—
От Суны до Кондопоги	18	—	—	—
От Кондопоги до Мянселги	18	—	—	—
От Мянселги до Лижмы	16	—	—	—
Повенецкаго уезда				
От Лижмы до Нямпянселги	36	—	—	—
От Нямпянселги до Пергубы		26	—	—
От Пергубы до Лунбуши	18	—	—	—
От Лунбуши до Шаровары	—	25	—	—
От Шаровары до Маселги	—	21	—	—
От Масельги до Евъгоры	—	16	—	—
От Евъгоры до Падонска // (л. 76)	—	20	—	—
От Падонска до Сондалы	—	13	—	—
От Сондалы в Сяргозеро	—	10	—	—
От Сяргозера в Кунт Наволок	—	30	—	—
От Кунт Наволока чрез Ондозерской (Кончезерской) медной рудник в деревню Елжезеро	—	20	—	—
С Елжезера в Ругозеро	—	30	—	—
Кемскаго уезда				
От Ругозера до Березова Наволока	—	30	10	—
От Березова Наволока до Кевят озера	—	20	—	—
От Кевят озера до Офоника	—	6	5	3
От Офоника до Масленова	—	—	24	—
От Масленова до Подужемья	—	—	1½	34½
От Подужемья до Кеми	—	—	16	—
Итого	146	267	57½	37½

А всего 508 //

(л. 76 об.)

От Соловецкаго острова до Петрозаводска водою	Верст
От Соловецкой крепости до островов, называемых Кузовые	40
От оных до устья реки Кеми	24
Рекою до города Кеми	6
От города Кеми рекою ж Кемью	6
Белым морем до устья Сороки реки	52
Устьем до волости Сороки	2
От оной по реке Выгу порогами: 1-й — Дубинин, 2-й — Морской, 3-й — Носы, 4-й — Левиттей, 5-й — Русской, 6-й — Чоботок, черным волоком 250 сажен, 7-й — Золотец, 8-й — Шокрукша до деревни Выгскаго острова.	8
Примечанию достойно, что от Сороки до порога Чобот по Выгу считается обывателями островов сто семдесят один. //	
(л. 77) От оной плюсом 6 верст порогами: 1-й — Сосновец, длиною 100 сажен, плюсом 1 верста. 2-й — Моткажня, длиною 1 верста, при котором два волока, первый длиною 50 сажен, второй 120-ть сажен, плюсом одна верста. 3-й — Русло, длиною 110 сажен. 4-й — Крючки, длиною 1 верста, плюсом 1 верста 200 сажен. 5-й — Оленьи, называемые, и плюсом 2 версты, плюса 3 версты. 6-й — Щитной, длиною 2 версты, плюсом 2 версты. 7-й — Летней, длиною 600 сажен. 8-й — Пола Корга, длиною 150 сажен. 9-й — Ромеж Корги, длиною 2 версты 160 сажен, плюсом 2 версты. 10-й без имянной, длиною 250 сажен, плюсом 300 сажен. 11-й — Кривец, длиною 200 сажен. 12-й — // (л. 77 об.) Павкажни, длиною 4 версты, плюсом до деревни Парандова 16-ть верст, а всего от деревни Выгострова до Порондова.	68

От оной плюсом 2 версты порогами: 1-й — Кочками, длиною 1 верста, плюсом 4½ версты. 2-й — Шавань, длиною 4 версты. При оном волоком 100 сажен, плюсом длиною 3 версты. 3-й — Воицкой, которой имеет перпендикулярно падения более 6 сажен, длиною 1½ версты, оное разстояние переезжать до селения волоком; при оном волость Воицкая, волостью до Золотого рудника, называемого Воецким, 1 верста, а всего от Парандова до волости Воицкой.	16
От оной рекою 1 верста, озером // (л. 78) Выгозеро 29 верст, всего до деревни Реваш Наволок	30
От оной тем же озером	20
Рекою Телекикою до деревни Телекина, на которой небольшие пороги, называемые Ленты, Ольховец и Осиновец	40
Волоком 1 верста, в сем месте река весма уска и чрезвычайно порожиста. На сем же месте при государе императоре Петре Великом были пушечные заводы. Озером Маткозеро до деревни Масельги 9 верст, всего	10
Сухим путем волоком	5
Узкими озерами	18
Сухим путем до города Повенца	10
От онаго до Петрозаводска // (л. 78 об.) озером Онегою считается 148 верст	
Сухим путем от Повенца до Лумбуши	18
От Лумбуши до Перегуба	18
От Перегубы до Кямпесельги должно ехать верхом	26
От Кампесельги до Лижмы	36
От Лижмы до Мянсельги	16
От Мянсельги до Кондопоги	18
От Кондопоги до Суны	18
От Сунской волости до Шуи	25
От Шуи до Петрозаводска	15

Итого 545
(л. 79) *Пустой*⁸. //
(л. 79 об.) *Пустой*. //
(л. 80) Изъяснение к генеральному чертежу листа II. 1. Монастырь. 2. Кладбищенская церковь святого Онуфрия. 3. Часовня, в память бытности государя императора Петра Великого построенная. 4. Филиповская. 5. Табарская. 6. Кладовые анбары для съестных и судовых припасов, и в одном из них часовня и лавки для торговых людей. 7. Гостиные. 8. Сарай судовые и бочкарные с избами. 9. Кухня. 10. Канал. 11. Шлюзы. 12. Кузница каменная. 13. Анбар для железа и угля. // (л. 80 об.) 14. Изба для кузнецов. 15. Для прядильщиков и сетковязов. 16. Сухой ров. 17. Изба для столяров и плотников с сараями бочкарным и плотничьим. 18. Огородная. 19. Анбар на погребу для сушеной и копченой рыбы. 20. Погреб сельдяной с анбаром. 21. Изба сетковязная. 22. Для рыбаков. 23. Анбар соляной. 24. Сальной. 25. Конюшенной двор. 26. Скотной двор. 27. Поварня. 28. Пивоварня. 29. Точильной анбар. 30. Скотные сараи. 31. Конюшня нарядничья и седель-

ная. 32. Кожевня о двух этажах каменная. 33. Погреб. 34. Кухня // (л. 81) каменная. 35. Баня гостиная. 36. Баня братская каменная. 37. Дрововозка. 38. Шатнева. 39. Укреплении, бывшие во время девятилетнего обложения монастыря. 40. Укреплении, построенные в 1790-м году. 41. Чрез протоки деревянные мосты.
(л. 81 об.) *Пустой*. //
(л. 82) Изъяснение внутреннему строению к плану листа III-го. 1. Собор Преображения Господня. 2. Церковь Николая Чудотворца. 3. Собор Успения Богородицы. 4. Церковь святого Филиппа, больничная. 5. Над проходом Святых ворот Благовещения Богородицы. 6. Колокольная соборная. 7. Две часовни Святого Германа. 8. Кельи архимандричьи. 9. Кельи Наместничьи и братские. 10. Братския и мастерския. 11. Пороховые // (л. 82 об.) погреба. 12. Палата кладовая, казенная в три этажа. 13. Чоботарная и портная. 14. Иконописная. 15. Кладовая кожевенная. 16. Погреб. 17. Общая кухня. Квасоварня и кельи. 18. Мельница мукомольная водяная. 19. Портомойня вододействующая. 20. Сушило. 21. Солодовня. 22. Анба-

⁸ Листы 79, 79 об., 81 об. пустые, дана только рамка.

ры хлебные. Все вышеписанные строения состоят в два, а некоторые и в три этажа. 23. Изба для водолюбцев. 24. Житница чудотворная. // (л. 83) 25. Колодезь под кровлею. 26. Бойницы со сводами в крепостных стенах и башнях. 27. Башня Корожная. 28. Успенская. 29. Прядильная. 30. Белая. 31. Архангельская. 32. Поваренная. 33. Квасоваренная. 34. Никольская. 35. Ворота Рыбные. 36. Святые. 37. Белья. 38. Архангельские. 39. Святозерские. 40. Поваренные. 41. Квасоваренные. 42. Никольские. 43. Сортия. 44. Огороды. Вне монастыря. 45. Кладовые анбары для съестных и судовых // (л. 83 об.) припасов, и в одном из них часовня и лавки для торговых людей. 46. Гостиная мужеская. 47. Часовня, выстроенная в память бытности блаженной и вечно достойной памяти

Государя императора Петра Великого. 48. Гостиная для отличных богомольцев. 49. Гостиная большая, в которой квартировал государь Петр Великий. 50. Гостиная женская. 51. Кухня для женской гостиной. 52. Канал, коим // (л. 84) спускается из озера излишняя вода в залив гаванской. 53. Каменной мост, на сводах устроенной. 54. Шлюз для спуска из озера в покрытой сводом канал воды, коею действует мельница и портомойна и коя изливается в залив гаванской. 55. Анбар на погребу для сушеной и копченой рыбы. 56. Погреб сельдяной с анбаром. 57. Сарай. 58. Каналы подземные каменные на сводах. 59. Сухой ров. Из вышепоказанных деревянных // (л. 84 об.) зданий как гостиные, так и многие другие построены о двух жильях. //

(л. 85) Ведомость об имеющихся при Соловецкой крепости пробных и калиброванных артиллерийских орудиях со вновь исправленными к вонным лафетам и принадлежащими к ним снарядами, принадлежностями, порохом разного сорта, свинцом и прочим, по которой в ведомство премьер майора Беляева здача учинена сентября 8-го дня 1790 года

Каких калибров орудия и где именно на местах состоят	Число орудий, поставленных на место	Сколько при самих орудиях приуготовленных снарядов находится		
		к оным ядер	картечи	книпелей
В башне Хоруженной пушек 7-ми фунтов	2	184	—	—
3-х фунтов	1	91	8	—
1-го фунта	1	92	—	—
Дробовик	1	—	20 //	—
(л. 85 об.) По куртине Пушек ½ фунтовых	3	120	—	—
Пушек ¼ фунтовых	2	80	—	—
В башне Никольской 5-ти фунтов	1	92	8	—
3-х фунтов	5	460	40	—
По куртине к башне Квасоваренной Пушек 1-го фунта	1	92	8	—
½ пицалей в станках	2	—	8	—
Под башнею Квасоваренною Пушка ½ фунта	1	92 //	—	—
(л. 86) В башне Архангельской Пушка 2½ фунтов	1	92	—	—
По куртине Пушек 8-ми фунтовая	1	92	—	—
½ фунтовая	1	92	—	—
В башне Белой Дробовик	1	—	20	—
По куртине Пушек ½ фунтовых	2	92	—	—
¼ фунтовая	1	40	—	—
½ фунтовая пицаль в станке	1	40	—	—

В башне Прядиленной Пушек 3-х фунтовых	1	92	8 //	—
(л. 86 об.) Пушек 2-х фунтовых	1	92	—	—
1½ фунта	1	40	—	—
½ фунта	1	40	—	—
Дробовик	1	—	20	—
По куртине до Святых ворот Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
1½-ю фунта	2	40	—	—
⅛ пищалей в станках	2	40	—	—
От Святых ворот до Успенской башни Пушек 3-х лотовых	3	90	—	—
По куртине Пушек 3-х фунтовых	2	184 //	—	—
(л. 87) В башне Успенской Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
1½-ю фунта	1	40	—	—
Дробовик	1	—	20	—
По куртине до Рыбных ворот Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	80
⅛ пищаль в станке	1	40	—	—
От Рыбных ворот по куртине до башни Хору- женной Пушка 1-го фунта	1	40	—	—
В башне Хоруженной Пушек 18-ти фунтовых	3	246	45	45
6-ти фунтовых	1	92	6 //	—
(л. 87 об.) В башне Никольской Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	—
3-х фунтовых	1	92	8	—
8-ми фунтовых	1	92	—	—
В башне Поваренной ⅛ пищаль в станке	1	40	—	—
В башне Архангельской Пушек 18-ти фунтовых	1	82	15	—
5-ти фунтовых	1	92	6	—
3-х фунтовых	1	92	8	—
1½ фунтовых	1	40	—	—
В башне Белой Пушек 6-ти фунтов	2	184	6	—
3-х фунтовых	1	92	—	—
2½ фунтов	1	40 //	—	—
(л. 88) В башне Прядиленной Пушек 18-ти фунтовых	2	164	30	30
6-ти фунтовых	2	92	6	—
2-х фунтовых	1	92	8	—
В башне Успенской Пушек 6-ти фунтов	1	92	6	—
2-х фунтов	2	184	—	—
1½-ю фунта	1	—	—	—
В числе показанных орудий медных пушек разных калибров, а имянно: 8-ми фунтовых	2	—	—	—
7-ми фунтовых	2	—	—	—
6-ти фунтовых	1	—	—	—
5-ти фунтовых	2 //	—	—	—

(л. 88 об.) 3-х фунтов	8	—	—	—
2½-ю фунта	1	—	—	—
2-х фунтов	3	—	—	—
1½-ю фунта	1	—	—	—

Всего всех 20

Сверх вышеписанного числа совершенно негодных медных пушек 5-ти фунтовая	1	—	—	—
1-го фунта с вкладною каморою	1	—	—	—
3-х лотовых	3	—	—	—

Итого 5

Чюгунных малых лотовых пушек, годных 4
Вновь построенных планцформ сто восемь 108 //

(л. 89)

К вышеписанным орудиям вновь сделанных принадлежностей и заготовленных снарядов и протчаго	Щетом
Банников с приборниками разных калибров	74
Для скорострельней пальбы цепов, пар	13
Шуфль медных к 18-ти фунтовым	13
8-ми фунтовым	2
7-ми фунтовым	2
6-ми фунтовым	5
5-ми фунтовым	2
3-м фунтовым	11
2½-ю фунтовым	1
Картузов из армяку съшитых и насыпанных порохом с ядрами на шпигелях 18-ти фунтовых	139
8-ми фунтов	35 //
(л. 89 об.) 7-ми фунтов	35
6-ти фунтов	42
5-ти фунтов	20
3-х фунтов	100
2½ -ю фунтов	31
2-х фунтов	67
1½-ю фунта	58
½ — фунта	21
2-х фунтов	60
А во всех картузах пороху сорок восемь пуд с половиною Ненасыпанных 18-ти фунтов	207
8-им фунтов	15
7-ми фунтов	26
6-ти фунтов	30
5-ти фунтов	12
3-х фунтов	188
2½ фунтов	53
1½ фунта	23 //
(л. 90) К дробовикам	42
Вышеписанных калибров к ядрам Деревянных точеных шпигелей	696

Картечных зарядов в жестяных цилиндрах с чугунными пулями и пересыпкою у оных каждого ряда деревянными опилками со ктиглями	
18-ти фунтовых	70
8-ми фунтов	18
7-ми фунтов	22
6-ми фунтов	25
5-ми фунтов	20
3-х фунтов	80
К орудиям лафетов, привезенных из Архангельска запасных	
8-ми фунтов	1
7-ми фунтов	2
6-ми фунтов	4
2-х фунтов	4
1½-ю фунта	1 //
(л. 90 об.) Для ношения зарядов коженных сум з заматами и перевезми	12
Капьярмусов для ношения пороху	12
Лямок пушечных кожных с железными крюками	18
К лямкам крюков железных	32
К лафетам колец с пробоями железных	25
Затравок пушечных разных сортов	24
Молотков	2
Зубил	3
Пробойник	1
Высечка	1
Паяльников	4
Шило набивное	1
Для стирания составов лотков	5
Токмачев	3
Форм свечных на поддонах с прибойниками	5 //
(л. 91) Для делания палительных свеч вальков	4
Болванок разных для шитья картузов	12
Для ядер калиброванных деревянных лекал	12
Крышек для закрытия при пушках затравок	78
Втулок к пушкам	78
Аншпугов березовых	187
Трещеток разных калибров	18
Пыжевников	9
Палников	50
Скорострельных трубок	746
Палительных свечь	432
Фителя, фунтов	10
Ящиков для содержания снарядов	5 //
Свинцу, пуд	586
(л. 91 об.) Пороху	
Пушечного в семидесяти семи бочках, в каждой по три пуда	231
Мушкетного в дватцати семи бочках, в каждой по три пуда, всего	81
Пистолетного в двух бочках, 3 пуда дватцать шесть фунтов	3 п 26 ф
Мякоти, три пуда дватцать шесть фунтов	3 п 26 ф
Инструментов	
Киюр каменотесных	7
Долот	30
Лопат железных годных	63
Лопат железных негодных	5

Гвоздей от платформ, оставших	23
Ломов	14
Железа лопаточного, штук	30
Ватерпас с отвесом	1
Реек для унивелирования с выкрашенными дощечками	2
Туров пушечных	496
Ружейных	510
Фашин	1110
Рогаток складных полевых, окованных железом, длиною 10½ фут, штук	879

(л. 92) Итого, по сей ведомости артиллерийских орудиев разных калибров на лафетах годных медных и чугунных пушек; на станках пищалей и дробовиков состоит семдесят девять да чугунных малых лотовых пушек четыре, ядер разных калибров пять тысячь тридцать три, картечи разных же калибров четыреста восемь, кнпелей триста пятнатцать.

Вне крепости построенных укреплений три. Первое при местечке Табарском. Второе между онаго и озера Гагарья. Третье между морского берега и озера Гагарья. При оных укреплениях плацформ двенатцать. Сверх показанного в сей ведомости количества артиллерийских снарядов и пороха еще доставлено было на судах из Архангельска, а сколько чего за отправлением моим с острова неизвестно. //

(л. 92 об.) **Имянной список новодвинской артиллерийской команды, и петрозаводских егерских дивизионов, канонирам и соловецким салдатам для приобучения к стрельбе и действию из орудий, а также и для приуготовления к ним разных снарядов и всех прочих принадлежностей, состоящим в команде моей в городе Кемь и при Соловецкой крепости апреля с 1-го сентября по 8-е число 1790-го года**

Число людей	Звание имян
	Новодвинской артиллерийской команды
1	фурьер Петр Опарин
2	капрал Илья Тимоханов
3	бомбандир Тимофей Полетаев
4	канониры Гаврило Красиков
5	Иван Естифеев
6	Алексей Шмонин
7	Василий Мальцов
8	Тимофей Андреев
9	кузнечной подмастерья Федор Неиграев
10	Петрозаводских егерских дивизионов канониры Яков Тарасов
11	Аверкей Спицын
12	Федул Киприянов
13	Матвей Никитин
14	Архип Петров
15	Игнатей Шеметев
16	Мирон Кокорин
17	Матвей Петров
18	Фалелей Иванов
19	Влас Макарьев
20	Григорей Петров
21	Агафон Логинов
22	Иван Миронов

23	Денис Андреев
(л. 93) 24	Гаврило Федоров //
25	Василей Курятков
26	Зиновей Семенов
27	Ефим Демидов
28	Хотей Соболев
29	Макар Козмин
30	Александр Верещагин
31	Мина Агафонов
32	Соловецкие салдаты Матвей Щаников
33	Иван Месельгин Меньшей
34	Матвей Соханов
35	Григорей Месельгин
36	Андрей Колотков
37	Петр Нестюков
38	Степан Зуев
39	Лука Зубков
40	Петр Зубков
41	Матвей Умбачев
42	Григорей Умбачев
43	Андрей Умбачев
44	Иван Масельгин Меньшей
45	Степан Умбачев
46	Петр Евстифеев
47	Андрей Кочнев
48	Михайло Кочнев
49	Осип Кочнев

50	Козма Навагин
51	Федор Бугаев
52	Семен Панозеров
53	Василей Умбачев
54	Илья Масельгин
55	Иван Колотков
56	Федор Нестюков
57	Прохор Берников
58	Иван Панозеров
59	Антон Панозеров
60	Петр Каменской
61	Иван Батарин
62	Максим Потемин
63	Григорей Навагин
64	Алексей Умбачев
65	Иван Умбачев
66	Иван Кочнев
67	Иван Медников Меньшей
68	Евдоким Щаников
69	Петр Умбачев
70	Антон Умбачев
71	Максим Умбачев
72	Матвей Кочнев
73	Иван Масельгин Большой //
(л. 93 об.) 74	Яким Масельгин
75	Прокофей Соханов
76	Иван Мошников

77	Иван Щаников
78	Алексей Чалков
79	Иван Умбачев
80	Михайло Умбачев
81	Максим Умбачев
82	Петр Умбачев
83	Антон Колотков
84	Евстратей Зубков
85	Иван Щаников
86	Андрей Берников
87	Стефан Тупиков
88	Василей Медников
89	Василей Нестюков
90	Василей Чалков
91	Иван Титов
92	Василей Соханов
93	Амос Батарин
94	Михайло Колотков
95	Григорей Панозеров
96	Степан Берников
97	Илья Иконников
98	Иван Берников
99	Сидор Корнилин
100	Максим Иконников
101	Петр Кириков
102	Григорей Каменской
103	Степан Зубков

Приложение 3.

Письма-донесения архимандрита Александра в Синод. 1854–1855 гг.

Текст по рукописи: РГИА. Ф. 796.
Оп. 135. Д. 1217.

Письмо № 1. 10 июля 1854 года

(л. 3) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиального Первокласного Соловецкого Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

Имею честь Святейшему и Правительствующему Синоду почтительнейше донести о нападении Англичан на уединенную Соловецкую обитель.

Предшествующие обстоятельства сего события были следующие.

Мы имели уже достоверные слухи, что Англичане обещаются придти судами своими к нашему монастырю. От того известия приняты были у нас заблаговременно все меры предосторожности и приготовления к обороне, если последует нападение от неприятеля.

Сего июля месяца 6-го числа в 8 часу до полудня сторожа с башни монастырской увидели два судна неприятельских, которые, подойдя к Монастырю на 10 верст, остановились на якорь; я тот час, по отслужении молебна Божией Матери и Преподобным Соловецким, сделал крестный ход вокруг монастыря по стене¹ с чудотворными иконами, сказал должное увещание нижним чинам и всем другим живущим в монастыре для // (л. 3 об.) богомоления, стать храбро за веру, за св. обитель и что

каждый получит награду от Бога и от Царя, такое предложение сделал и арестантам, на кого надеялся, а на кого не мог положить, того и вызова не принял, всех увещеванием воодушевил и предался в волю Божию.

Судна неприятельския, простоявши на якорях около пяти часов, снялись и поплыли при сильном попутном ветре как будто в г. Кемь; в то время я и заведывающий Инвалидною Командою прапорщик Никонович, отправились верхами, взявши два трех фунтовых орудия, с охотниками следить за лесом неприятеля, хотя и была уже батарея сделана за два дня пред тем, но мы хотели еще особо пикет устроить, ездили и ходили по острову около четырех часов, как вдруг завидели, что два трехмачтовых фрегата с архиметными машинами, с орудиями на каждом около шестидесяти², те самые, которые удалялись в море, подходят прямо к монастырю, я и прапорщик Никонович отправились в монастырь, а фейерверкер артиллерийский с двумя орудиями, да два унтер-офицера и 10 рядовых инвалидов с охотниками, коим ружья выданы были часть из старых монастырского Арсенала³, а часть из крестьянских, остались в батарее в таком положении, что их и незаметно; неприятельское судно стало противу самой батареи и пустило ядро в монастырь, в Святые ворота, но не попало, а в стену [к ногам], и стало продолжать бомбандировку с одного судна, а другое в недалеком расстоянии стало на якорь; по третьем выстреле⁴ // (л. 4)

¹ Стена крепости монастыря. Ее протяженность чуть более 1 версты.

² Здесь неточность. Было всего 60 орудий на двух кораблях.

³ Арсенал в 1854 г., по сути, представлял собой хранилище музейного оружия.

⁴ Сообщив сначала о выстрелах из английских пушек по Святым воротам ядрами и о третьем ответном выстреле с нашей батареи, архимандрит Александр слукавил. Первые два выстрела были холостыми. И только после получения пробоины «Мирандой» англичане выстрелили по Святым воротам ядрами.

сделан выстрел с нашей батареей с двух орудий трех фунтовых так метко и удачно, что от нескольких выстрелов сделано повреждение в неприятельском судне (и говорят, что при этом еще ранен один Англичанин), которое, пустивши около тридцати выстрелов, удалилось к другому судну неподалеку от берега, стало на якорь и тут же в глазах наших производило починку; за это дело я поцеловал фейерверка и поздравил всех, находившихся в батарее, с славною победою и царскою наградою.

Ночь с 6 на 7-е число все в монастыре провели спокойно на молитве и на страже.

На другой день 7 числа накануне праздника Казанския Божия Матери по утру в начале 6-го часа при конце утрени в соборной Преображения Господня церкви прислана с парохода фрегата, именуемаго «Бриск», на гребном парламентарском судне под белым флагом депеша на английском языке с другою, переведенною с нее на русской, на которой подпись значит следующая: «6/18 июля Эрасмус Омманей капитан фрегата Ея Великобританскаго Величества и Главнокомандующий эскадроном⁵ в Белом море» и проч. и проч. В ней он объявлял, что со стороны монастыря принят на себя характер военной крепости и делана 6 числа пальба на английский флаг, предложил за это монастырю во удовлетворение в депеше своей кондиции в 4-х пунктах, требуя оными, чтоб комендант гарнизона лично (полагая, что у нас есть комендант) сам отдал свою шпагу чрез // (л. 4 об.) три часа и без условно весь гарнизон с пушками, оружием и проч. чрез шесть часов, и что в случае нападения на Парламентерский флаг, бомбандирование монастыря немедленно последует. На конверте сей депеши написано по-русски следующее: «По делам Ея Великобританской Величества Его Высокоблагородию, Главному офицеру по военной части Соловецкой».

По распечатании депеши, узнав грозное содержание ея, сделан был немало не медля за подписью «Соловецкий монастырь» письменный ответ с отказом в требовании неприятелем, и о бывшей пальбе изъяснено, что от Соловецкаго монастыря

не прежде началась оная, как сперва с парохода открылась с ядрами, и тогда уже необходимость заставила монастырю обороняться. Ответ послан на судне с живущим для богомоления отставным коллежским Ассесором Соколовым, при получении коего, объявлено ему, что за отказом начнется бомбандирование и монастырь со всем будет разорен, и при этом высадутся находящиеся на пароходе русские пленные. Соколов на это ответил, что без согласия Архимандрита принять пленных на берег не можно; но они повторили, что сделают; но однако ж не высадили никого, вероятно потому, что видели из леса выглядывающих охотников с ружьями, которые действительно поставлены были, для того чтобы под предлогом пленных не высадили своих стрелков.

Оба экземпляра неприятельской депеши — одну на Английском языке, а другую переведенную на русский — имею честь при сем Святейшему Синоду почтительнейше // (л. 5) представить оригиналом, а с ответа на оные от монастыря — копию.

Неудовлетворенный неприятель в его желаниях начал изготавляться к нападению на монастырь, и, разведя пары, в 7³/₄ часа 7-го числа утра открыл из двух судов канонаду ужасную в продолжении 9¹/₄ часов ядрами, бомбами, гранатами, картечью, 3-х пудовыми, 96 фунтовыми, 36 фунтовыми и 24-х фунтовыми калеными ядрами⁶.

С нашей стороны отстреливались к неприятелю из монастырской стены присланными из г. Архангельска по распоряжению Господина Военнаго Губернатора, 8-ми пушек 6-ть фунтоваго калибра ядрами и монастырскими из батареи двух орудий.

Между тем в трех церквах монастыря производилось Богослужение для испрошения Господа Бога против врагов помощи. Сделали из Соборной Преображения Господня церкви вторичной крестной ход с Чудотворными Иконами вокруг монастыря по крепостной стене под деревянною крышею ея, в то время, когда происходила яростная пальба и из двух судов в одно место и, О! Видимо, сам Господь поборал по нас, пробивало крышу ядра-

⁵ Английский переводчик перепутал слова «эскадра» и «эскадрон».

⁶ Каленые ядра — сильно нагретые, раскаленные ядра, которые должны были зажигать деревянные сооружения и конструкции, чтобы вызвать пожар.

ми, в очах крестного хода, но никому вреда не причинило, все со слезами и радостью шли по стене; а по окончании такового еще послан был монах с Чудотворным образом Божией Матери для обнесения по стене, чтобы находящиеся на ней у пушек и для разных других работ люди могли приложиться Царице Небесной. По крестном ходе я со всею братиею находился без выходно в церкви св. Угодников Божиих Зосимы и // (л. 5 об.) Савватия Соловецких чудотворцев, выходя для нужных распоряжений на малое время, пели молебны пения: Преображению Господню, Божией Матери, Святителю Николаю Чудотворцу, Преподобным Отцам Зосиме и Савватию, Святителю Филиппу, — до самого прекращения пальбы, которая продолжалась девять с четвертью часов, кончилась в пять часов; в оба боевые дня из людей монастыря не было ни одного убитого, ни раненого, хотя они по усердию своему под летавшими над ними ядрами исполняли свое дело внутри и вне монастыря и по стене крепостной крыши, которая в некоторых только местах пробита неприятельскими ядрами, сделавшими небольшие пробоины.

О! Великое ходатайство и заступление пред Богом Соловецких чудотворцев о св. обители, все безчеловечные усилия неприятеля, клонившиеся к тому, чтоб совершенно нанести разрушение ей своими страшными снарядами, остались посрамленными и постыженными. Обитель остается в целости, и повреждения оказались самые незначительные, могущие исправленными быть в несколько часов, ни где возгорания от снарядов не было и где огонь и показывался, но и то малый, немогущий зажечь, который в то же время легко утушали накидкою войлоков, смоченных водою и малыми заливными бранспойтами, разставленными по крепостной стене.

Повреждена состоящая за монастырем огромная деревянная гостиница двухэтажная⁷, которая бывает занимаема в летнее время приезжающими богомольцами, но и ее стоящую на открытом месте без защиты неприятель не мог ни зажечь, ни разрушить калеными ядрами. //

(л. 6) Хотя мы и полагали, что на другой день, т.е. 8-го числа, неприятель начнет опять бомбандирование, но этого — благодарение Господу Богу, не допустившему вредить св. обители, не случилось. Ибо неприятель, за без успешностью своих напряжений к разрушению ея, ушел 8-го числа по утру в 7 часу с обеими судами своими, и мы, воздав Всевышнему благодарение, с приложением 3-х дневного поста сухоядением и крестного хода по стене, остаемся до сего времени в совершенном спокойствии.

Церковей внутри их ни что ни мало не коснулось, хотя неприятель старался метить все в них и в купола церковныя; сие видимо из того, что на Никольской церкви виден небольшой пролом снарядом, коим сорван лист железной и дерева немного захвачено, но он опять вылетел из пролома, не сделав другого вреда; да в кладбищенской церкви, находящейся за монастырем⁸, есть знак, что ядро на вылет прошло сквозь стены церковную и вырвало в месте пролета своего немного кирпичца, даже в часовни пушал бомбы, которые в противной стороне от монастыря и в близком расстоянии от берега, но ядра не попадали.

При возвращении своем от монастыря в море, неприятель обезславил себя и святотатством: дошед до острова, именуемого Заяцким, на нем имеется деревянная церковь во имя святого Апостола Андрея Первозванного, построена по велению Петра Великого в бытность Его Величества в Соловецком монастыре, сделал несколько выстрелов на остров и остановился, сошел // (л. 6 об.) на остров и, не заходя в гостиницу и дом для сторожей, а прямо устремился в церковь, разрубил двери топором, разломал кружку, рассыпал медные деньги по полу, растворил Царския врата, раскрыл святой жертвенник и, уходя, взял три колокольчика в четырнадцать фунтов и снял с Матери Божьей два крестика, повешенных за несколько дней пред тем богомольцами, и отправился к Архангельску или Онеге; при этой церкви живут двое стариков отставных нижних чинов, любящих пустынную жизнь, имея присмотр за церковью и строением, они неподалеко церкви сидели в каменной горе и все видели происходившее.

⁷ Архангельская гостиница к югу от монастыря.

⁸ Церковь прп. Онуфрия на монастырском кладбище к югу от монастыря.

Достойно удивления то, что: а) при сильной канонаде по всему монастырю падали целые и кусками бомбы и картечи, и не только из людей ни кого не ранило, но даже маленьких птичек, чаек, которые на земле по всему монастырю сидели, не оперевшись еще, а немало бомб падало в Святое озеро, имевшееся за монастырем, а иные найдены начиненные порохом неразорвавшиеся, и б) последний выстрел был в монастыре 7-го числа в 5 часов, когда колокол возвестил, что наступает время молитвы заступницы усердной нашего любезного Отечества Казанской Божией Матери Знамения Пресвятыя Богородицы, икона эта в большом виде отличной древней живописи, над западными дверями, при входе в большой холодной собор, времен святителя Филиппа, эту рану благоволила Царица Небесная принять за нас, как Сын ее за весь мир, и мы, кончивши вечернюю // (л. 7) молитву, начали по всем церквам Всенощную Казанской Божией Матери, а на другой день 8-го числа, отслуживши пораньше литургию по всем церквам, опять сделали крестных ход по стенам, и в то время стал сниматься с якоря в очах наших неприятель; по окончании крестного хода отслужили на дворе перед пораненною Божиею Материею Соборно молебен, и я читал со слезами Акафист Божией Матери, и все народы на коленях плакали и молились от избытка чувств радости.

Божией Матери лицо на иконе как будто бледно сделалось из темного, после поражения иконы.

Осмелюсь смиреннейше просить Святейший Синод: а) чтобы дозволено было пробойну на иконе Божией Матери, Знамения Пресвятыя Богородицы, оставить навсегда, заделав легким чем-нибудь, а под иконою сделать надпись означающую событие; б) и в других местах пробойны означить черными красками; в) ежегодно совершать 7-го числа июля строгий пост, а 8-го числа крестный ход вокруг монастыря по стене и служить молебен перед пораненною Божиею Материею, перед дверьми большого собора; г) ежедневно на литургии, по малом входе после тропарей петь Кондак Божией Матери: *Не имамы иныя помощи*; а по окончании литургии: *Под твою милость*, кроме великих господских праздников, и д) из ядер и бомб, набросан-

ных в монастыре и вне онаго, кои собраны в большом количестве и еще собираются, сделать в Св. воротах пирамиду с надписью, приличною, и поставить тут же // (л. 7 об.) те два маленьких монастырских орудия, которые в оба дни выдержали позицию, мужественно отражались с удивительною храбростию и неприятеля приводили в сильную ярость, что он стрелял в людей из орудий, из ружей, не мог нанести ни кому вреда. При этих орудиях, как и при пирамиде из ядер, если благословит Святейший Синод, сделаю приличную надпись.

Вашего святейшества всенижайший послушник, архимандрит Александр.

10 июля 1854 года.

[Здесь же ответ на письмо англичан:]

(л. 12) На требование господина командира военного парохода Ея Великобританского Величества «Бриск», начальство Соловецкого монастыря имеет честь сим ответствовать, что от Соловецкого монастыря выстрела не было сделано в пароход, как уже тогда, когда с парохода наипервые началась пальба в монастырь ядрами, тогда необходимость заставила монастырю обороняться.

1-е. Гарнизона солдат Ея Императорского Величества монастырь не имеет, а только солдат для охранения живущих в монастырю служащих Господу Богу, подвизающихся для спасения своих душ, монашествующих и посторонних усердствующих богомольцов, и сдавать Гарнизона за неимением онаго нечего, и флагов, и орудий, и прочаго, не имеется.

2-е. Нападение со стороны монастыря на парламентарский флаг не могло последовать и не сделано, а принята присланная депеша в тишине.

3-е. Коменданта Гарнизона в Соловецком монастыре никогда не бывало, и теперь нет, и солдаты находятся только для сохранения как выше написано жителей.

4-е. Так как в монастыре гарнизона // (л. 12 об.) нет, а только охраняющие солдаты, упоминаемая в 3-ем пункте, то и сделаться как военными пленными некому.

Соловецкий монастырь.

7/19 дня июля 1854 года.

Письмо № 2. 10 июля 1854 года

(л. 1) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиального Первокласного Соловецкого Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

Донося почтительнейше Святейшему Синоду о милосердии Божиим над Соловецкою Обителью, Священным долгом поставляю свидетельствовать об отличном исполнении своей обязанности всею братиею, послушниками, богомольцами и Инвалидною Командою⁹ 53 человеками, во время бомбандирования Англичанами монастыря, но в особенности из братии: Наместник Иеромонах Матфей, был отличным моим помощником, по всем частям для предохранения от пожара и под выстрелами бегал для распоряжения, Духовник Иеромонах Варнава, всех использовал и увещевал не страшиться смерти, и Благочинный Иеромонах Николай послан был мною для освящения батарей, что с охотою выполнил, Прапорщик 1-го Аргангелогородского Гарнизонного батальона Никонович, заведывающий Командою при Соловецком монастыре, храбро исполнял свое дело распорядительностью и хладнокровием, фейерверкер Новодвинского Артиллерийского Гарнизона 4-го класса Друшлевский сделал 6-го числа повреждение неприятельскому судну и два унтер-офицера Инвалидной Команды Пономарев и Николаев, два дня были в батарее¹⁰ под сильным огнем неприятеля и палили с орудий и ружий, и двадцать нижних чинов // (л. 1 об.) в течение двух дней 6 и 7 чисел попеременно в охотниках находились в батарее, многие, будучи из них штрафованы, сим желали очистить себя, а другие хотели участвовать в сражении с неприятелем, отменно оказали свое мужество и достойны прощения от штрафа; из богомольцев отличались уволенный от службы Коллежский Ассесор Соколов, поступивший по Высочайшему повелению в послушники из фельдфебелей Пыжьянов, отставной унтер-офицер из Гвардии Николай Крылов, иностранец из Норвегии Андрей

Гардер, прибывший в монастырь не более как за 6 дней пред нападением Англичан, для любопытства, в батарее с ружьями был два дня, удивительное смелое производил стрельбу в судно неприятеля, и за спасение его жизни, желает принять православное вероисповедание, находящийся по Высочайшему повелению под присмотром в монастыре рядовой Веселаго, и дворянин титулярный советник Якубовский, бывший студент Георгий Андрузский, все они с самоотвержением действовали противу неприятеля в лесу в охотниках, с ружьями, чтобы в случае вылазки неприятеля на берег не допустить, заслуживают освобождения, а из дворян не служивший нигде Мандыка и рекрут из расколов Шурупов, также участвовавшие в деле, заслуживают: первый жить навсегда с послушниками в Соловецком монастыре, а второй изъявил желание выполнить присягу, от коей отказывался, и быть на службе в здешней Соловецкой Инвалидной Команде: чему я очень рад, что этот случай вразумил его принять Православие и быть на службе, то нижайше прошу Святейший Синод похотевать этому // (л. 2) рекруту Шурупову дозволения быть на службе, по его желанию в здешней Инвалидной Команде. Да и все, вышеписанные мною, достойны милостиваго возрения начальства.

Вашего святейшества, всенижайший послушник, Архимандрит Александр.

10 июля 1854 года.

Письмо № 3. 21 июля 1854 года

(л. 30) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиального Первокласного Соловецкого Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

Имею честь Святейшему Синоду почтительнейше донести, что по отходе от Соловецкого монастыря 8-го числа сего июля двух английских военных неприятельских фрегатов было плавание их направлено к городу Онеге, откуда 11-го числа в 10-ть часов вечера пришли они к Анзерскому

⁹ Инвалидная команда состояла из отставных солдат, предназначалась для охраны тюрьмы, занимавшей северо-западный угол северного дворика монастыря.

¹⁰ Батарея располагалась на южном берегу залива за Сельдяным мысом в березовой роще. Рядом с ней были остатки укреплений XVII в. (Овсянников О. В., 1984, с. 106, рис. 2).

острову, и, став противу Голгофораспятскаго скита, высадили на берег людей своих на гребных судах; налили только пресною водою бочки и, отвезши на фрегаты, простояли 12-го числа до пяти часов вечера и ушли опять в море, прошед узким проливом, разделяющим острова Соловецкий и Анзерский, и в виду их до сих пор в наших местах нет.

В святой обители Соловецкой, равно и в обеих скитах, Святотроицком Анзерском и Голгофораспятском, все благополучно.

Приносим всеусердныя молитвы о помиловании и на будущее время нашей // (л. 30 об.) святой обители, над которой Господь показал великое милосердие, ибо мы слышали, что неприятель, будучи в деревнях приморских, отзывался, что в нашей обители должны быть убитые и раненые; всеми силами старались устраивать новыя батареи, вместо одной четыре, выкопали из земли пушки (из коих я отпустил две в город Кемь по усиленной просьбе приезжавших жителей-раскольников, и ядер 15), которые века простояли в оной для прикрепления судов во время стоянки, поставили их на батареи; посылали нарочнаго иеромонаха во время осады неприятеля в Архангельск к Господину военному Губернатору просить порошу, купили, хотя с трудом, 8-м пудов, а два отпущено без денег для здешних казенных осьми пушек в картузах. Горестныя обстоятельства, в которых обитель находилась, заставили нас по необходимости изучать военную стратегию.

Вашего святейшества всенижайший послушник Архимандрит Александр.

21 июля 1854 года.

Письмо № 4. 18 июня 1855 года

(л. 34) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиальнаго Первокласнаго Соловецкаго Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

Долг имею Святейшему Правительствующему Синоду почтительнейше донести о появлении Англичан около Соловецкой Обители следующим образом.

Сего Июня месяца 15-го числа вечером прибыл линейный винтовой корабль

большаго калибра, из Океана пришел по за остров Соловецкий с северной стороны и на восточной стал на якорь, разстоянием от монастыря 14 верст, 16-го числа утром в 6-ть часов.

Распоряжения наши были сделаны следующие: заведывающий воинскою командою при Соловецком монастыре штабс-капитан Степанов отправился с пятью орудиями трех фунтовыми лесом к берегу, где остановился корабль, поручил там заведывать орудиями фийрверкеру Рыкову, а сам возвратился в монастырь, тогда я отправился туда же делать наблюдение за действиями неприятеля, просидел там на берегу до четырех часов по полудни; в то время неприятель перешел на другое место и бросил якорь с южной стороны монастыря разстоянием от онаго в пяти верстах, в самом виду монастыря, на чистом месте, и занял Заяцкий остров, где церковь св. Апостола Андрея Первозванного, в коей в прошлом году Англичане разрубили двери, // (л. 34 об.) там гостиница и другия строения, за коими надзор имеют два рясофорные послушники из отставных солдат. Англичане, там простоявши более суток, и 17-го числа в шесть часов по полудни снялись с якоря и ушли как будто в г. Кемь или село Шую. По уходе корабля я сей час сам отправился с 6-ю гребцами рабочих людей на остров Заяцкий узнать, что там происходило. Нашел своих старцев обоих невредимых и здоровых, которые сообщили мне подробности следующие: а) на остров выходило множество Англичан, более офицеров, между ними один только знал по-русски. С одним старцем обращались ласково, а другой из чухон, недавно принявший веру Православную, как говорить не умеет хорошо по-русски, и глух, то они его не трогали; б) спрашивали: тот ли у вас Архимандрит, что прошлый год был; в) сколько в монастыре войска и орудий, и когда старец малым количеством показывал, то они улыбались и говорили ему, что им всё известно, сколько чего в монастыре находится; г) осматривали всё в церкви и в строениях, но не было ни где ничего им взять; д) на этом острове было 12 баранов и 1 козёл, баранов всех перестреляли, что и нам видно было, и взяли на корабль, а козла пожалели за ласковое с ними обращение, но хотели же взять; е) написали записку на Английском язы-

ке, вручили старцу Мемнону и приказали отдать Архимандриту, каковую при сем долг имею представить подлинником, записку // (л. 35) в Обители никто не прочитал; ж) приказали старцу объявить Архимандриту, чтобы им непременно прислал быков на мясо, которых они видели на Соловецком острове, а если не пришлет, то сами заберут, и чтобы им ответ был на это чрез три дня, потому что они обратно будут на Заяцкий остров.

Старец Мемнон осмелился им сказать: «Как вам не грех нападать на святыню, вам слава будет, когда вы города будете брать, а не монастырь, я и сам солдатом был, и в Париже был, и города брал, а церквей не касались»; переводчик офицерам рассказал это старца замечание, все они молчали, только переводчик сказал старцу: «Мне жаль вас, Россия добрая, я у вас по городам многим бывал, и в Киеве, и в пещерах был; что ж нам делать, когда наша королева нас посылает на это дело».

Во всё время нахождения на острове Англичане занимались снятием плана с Соловецкого монастыря, как с самого лучшего места для этого, где всё в виду.

Я в обители назначил трех дневный пост, с сухоядением, и крестный ход по стене, а старцу Мемнону велел сказать Англичанам, когда возвратятся, что у нас быков нет, а несколько коров, которых я не имею права дать, потому что не буду иметь молока для братии, значит должен отнять хлеб от детей и дать // (л. 35 об.) врагам Церкви и Отечества. И так теперь мы остаемся в сильной блокаде; Царица Небесная заступит нас, мы все так веруем, и тем утешаемся, и все упование наше на Ея возлагаем.

Вашего святейшества всенижайший послушник, Архимандрит Александр.

Июня 18-го дня 1855 года.

Приложение к письму с переводом.

29 June 1855.

We will pay for any cattle and the shed we took, we do not wish to hunt the monastery or any peaceful establishment.

J.P. Cheyne, Leientenunt of Her Majesty's ship Phoenix.

29 июня 1855.

Мы будем платить за всякий скот и овцы, которые мы взяли, мы не желаем

вредить ни монастырю, ни другому какому-нибудь мирному заведению.

С.П. Чейн, лейтенант корабля Ея Величества «Феникс».

Письмо № 5. 25 июня 1855 года

(л. 22) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиального Первоклассного Соловецкого Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

В дополнение донесения моего Святейшему Синоду от 18-го числа сего июня месяца за N 17-м о появлении англичан около Соловецкой обители, долг имею почтительнейше святейшему Синоду вторично донести.

Сего июня месяца 21 числа Английский винтовой корабль возвратился к Заяцкому острову, в 5 часов по полудни, а за ним скоро прибыл один пароход французский. Бросили якорь в пяти верстах от монастыря и сошли на остров Заяцкий, где командир английского судна просил старца нашего, находящегося сторожем там при церкви и строениях, рясофорного послушника Мемнона: какой ответ дал архимандрит о требовании мною волов? Старец ответил: «Не дает». Англичане что-то долго между собою (по словам старца) болтали, написали записку, взяли старца на свою маленькую шлюпку, вывели на Соловецкий остров вдали от фарватера прямой в монастырь дороги, вручили ему записку и приказали отдать мне с объявлением, что если архимандрит не явится на другой день 22 июня к ним на судно или же не даст волов, то они сами заберут в монастырь волы и коровы. Получив // (л. 22 об.) грозное повеление, я целую ночь в сильном разстройстве был, еще же и к служению приготовился, потому что на другой день назначил строгий пост, и я всю неделю служил. Оставил старца в монастыре ночевать; на другой день после заутрени, помолясь у Преподобных, отправил старца на своей шлюпке с двумя гребцами, приказал ему объявить англичанам, чтобы прислали переводчика только с четырьмя гребцами, ко мне, я выеду за сто сажень от берега для переговоров. Многие из братии не пускали меня, опасаясь, что может беда случиться, и тогда без пастыря

они оробеют. Но я решился отправиться, чтобы или спасти обитель, или же сделать свое дело, за которое всегда был бы спокоен совестью. Взяв семь человек работников, в гребцы, самых лучших и ростом и силою, оделся прилично званию моему, отправился в море на шлюпке с белым флагом при сильно большом ветре и холоде, в 8 часов утра, в самое отправление прибежал ко мне в шлюпку наместник иеромонах Матфей, спросил меня: буду ли я литургию сам служить. Я его оставил в шлюпке и велел гребцам отчаливать. Объявил, что он должен со мною быть на переговорах для того, чтобы впоследствии был свидетелем нашего разговора. Отплыл сто шагов от берега, простоял на сильном ветру два часа, но не является для переговоров, поплыл дальше, потом еще дальше к самым пароходам; вижу плывет шлюпка с большим флагом, на ней человек пятнадцать. Я тот час к острову ближайшему пристал, выскочил с наместником на берег и послал с белым флагом шлюпку свою навстречу англичаном с объявлением: // (л. 23) что я не могу с ними иметь переговоров, пока они не выполнят требуемого мною условия, чтобы всего четыре человека было гребцов, а пятый переводчик. Мои гребцы передали им мои слова, то один из шлюпки англичанин соскочил в мою шлюпку и приказал вести себя к архимандриту, а прочие англичане пристали там же к маленькому островку. Приплывши ко мне, англичанин сказал, что он не переводчик, а офицер Английский, Антон, по-русски немного знает, потому только, что был в Киеве, где его родственник строил мост на Днепре, извинялся, что долго заставил меня дожидаться, причина та, желали, чтобы я к ним явился, да главного командира не было на судне, а по острову гулял, что после оказалось, он неправду говорил, якобы командира не было. Разговор его был: дать им волов. Я отвечал: волов у меня нет, а коровы, которые молоком кормят монашествующих, коим по закону нашему возбраняется употреблять в пищу мясное. Долго мы об этом разговаривали; наконец я сказал, что если они силою захотят брать коров, то пока они высадку сделают на берег, я велю перестрелять коров, и бросить в море, в такое место, что они не будут знать. Выставил ему на вид прошлогодичное бомбандирование обители, которая была и будет пристани-

щем для их нации и других враждебных народов во время плаванья по торговле. Все ему объяснил с таким чувством сожаления о своей святыни беззащитной, что едва от слез удержался. Англичанин о бывшей канонаде прошлого году так выразился: начальник эскадры два раза виноват, первый за то, что вздумал стрелять, хотя // (л. 23 об.) и оправдывался он, что вы сперва стали на него стрелять, а второй раз, что стрелял долго и не мог взять монастыря. Он не заслуживает похвалы, и выразился нескромно о прошлогоднем начальнике эскадры. Я ему напомнил веру, молитвы, слезы, коей, живущих в монастыре, а главное святых, которые ходатайствуют за обитель пред Богом, и мы веруем, что никакая сила не одолеет Святыни. Я с этим офицером мог бы сколько-нибудь и на немецком языке объясняться, но не хотел и сказал ему: «Я старший духовный начальник Православной русской церкви и должен с вами по-русски говорить, тем более, что мы враждующие между собою, а когда мы по-прежнему сделаемся друзьями и вы пожелаете к нам в обитель, во время плаванья в Архангельск, то я с вами буду говорить по-немецки, а теперь я сказал вам два слова, потому только, чтобы вы знали, что в России духовенство и на пустынных островах с образованием, служат Господу Богу и пламенно любят своего Царя и Отечество.

Убедив его ходатайствовать пред своим командиром, чтобы он не требовал от меня волов или коров. Он обещался просить, но, разставаясь со мною, сказал: «Мы отсюда поплывем, а чрез три недели явится здесь сильный флот, где будут наш главный начальник на таком корабле, что вы от одного взгляда будете страшиться, вы должны к нему с белым флагом прибыть для испрошения милости монастырю». С тем мои гребцы и отвезли его обратно. Я прибыл в монастырь в час по полудни и служил Литургию сам в тот день, в четыре часа кончилась служба. Неприятельские два судна, // (л. 24) простоявши близ монастыря 21, 22 и 23 числа, снялись с якорей и поплыли по островам охотиться и грабить бедных пловцов. Я 24-го июня по отслужении Литургии и крестного хода отправился снова сам с одними гребцами на Заяцкий остров узнать, что там делали англичане и французы. Застал своих обеих

старичков здоровых; при уходе французы у старичков взяли петуха, и дрова забрали, которые зимою из монастыря туда доставляются на целый год. Начальник английского корабля старику дал пулю и велел мне передать, в подарок, на которую я с ужасом смотрел. Она не такая как наши пули, а с медною трубкою и таким-то хвостом; мы все страшимся ее разложить, чтобы она выстрела не сделала. Я эту пулю хочу положить к ядрам, которые в Икону Божией Матери были пущены.

При сем долг имею почтительнейше представить святейшему Синоду записку подлинником, коею англичане требовали меня к себе. Еще честь имею присовокупить, что, когда я напомянул офицеру английскому о похищении баранов монастырских, то он отвечал: «Мы за них деньги давали вашим старичкам, но они не взяли, а время военное, мы должны брать». Я стал просить отпустить из плену судно с сельдами бедного крестьянина, взятого в виду монастыря, который теперь в монастыре горько плачет. Обещался выполнить и не исполнил, только оставили шесть боченков сельди на острове и велели передать крестьянину, а судно и все прочее увезли. //

(л. 24 об.) Теперь в обители все остаемся в сильном страхе, окружены строгою блокадою со всех сторон; каждый день проходят мимо монастыря пароходы. И мы ежедневно служили молебны о победе Божией Матери, и Преподобным, и другим святым. В молитве и посте всю надежду возлагаем на заступницу бедствующих.

Вашего святейшества всенижайший послушник, Архимандрит Александр.

Июня 25 дня 1855 года.

Письмо № 6. 21 августа 1855 года

(л. 39) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиального Первоклассного Соловецкого Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

Сего текущего Августа месяца 12-го числа в 8 часу утра явился неприятельский Английский 3-х мачтовый пароход из моря, пройдя очень тихо с западной стороны монастыря, и остановился по прежнему у острова Заяцкого

на якорь. Тотчас с паракора на шлюпках стали выходить Англичане на острова Заяцкий и другие смежные небольшие, где проходили они до пробития зари, трех выстрелов из пушки вечером. Переночевав, и на другой день 13-го Августа в два часа по полудни снялся с якоря и ушел по направлению к Онеге.

По уходе паракора я послал шлюпку привезти ко мне живущаго на Заяцком острове при церкви и строениях сторожем старика рясофорнаго монаха Мемнона для узнания: что делали Англичане на острове? Прибывши в монастырь, Мемнон рассказал: действительно Англичане были, но не те, что раньше приходили, а другие; только между ними был прежний офицер Англичанин, который по-русски немного знает. Они по островам стреляли зайцов и птиц. Между тем старика Мемнона начальник чрез переводчика просил передать мне: желание его и всех офицеров видеть меня, когда они чрез три дня обратно будут, то чтобы я явился к ним. //

(л. 39 об.) Козла по-прежнему ласкали, но с лукавым видом. Я приказал старику прислать козла в монастырь, а Англичанам, когда возвратятся и будут меня требовать, объявить: что я не могу иметь с ними свидания, и переговоров; а когда они имеют ко мне дело, то пусть бумагу пришлют, на которую я не иначе могу отвечать, как когда представлю ее на рассмотрение высочайшему начальству и получу разрешение; таков закон монастырей Русских.

17-го августа в три часа по полудни является трехмачтовой паракор, с восточной стороны, по видимому от Архангельска, и бросил якорь, на прежней стоянке у Заяцкого острова; а около семи часов того же дня, по полудни, приплыл к нему и другой паракор трехмачтовый, бросив якорь рядом с прежним. С обеих паракоров на шлюпках плавали на Заяцкий и другие близ Соловецкого острова.

18-го Августа, целый день простояв, оба паракора на якорях, тоже плавали на шлюпках по островам. Один паракор 18-го числа необыкновенно был увешан флагами, видать, какое-то празднество совершаемо было.

19-го числа в пять часов утра снялись с якорей оба паракора и на всех парусах при сильном попутном ветре и паракор ушли мимо Соловецкого острова в море.

Я тот час отправился сам на Заяцкий остров в шлюпке при сильном противном ветре узнать, что там происходило. Приплывши туда, рассказал старец Мемнон, что на обоих пароходах были англичане. Один пароход тот самый, что баранов (пожертвованных в монастырь из берега и пущенных по правилам монастыря на остров Заяцкий) похитил, на коем матросы // (л. 40) страшные грабители, нахалы и грубияны, окружили в комнате старца под видом дружественного ласкания, хотя и не могли разговориться с ним, и в то время другие разломали замок у дверей в кладовую и съестные припасы забрали. Офицеры по островам стреляли зайцов и птиц; на одном пароходе совершаемо было какое-то празднество, а на другом нет. Начальник чрез переводчика спрашивал старца, передал ли он мне желание их видеть меня. Старец в разговорах смелый, отвечал: «Передал, но он не поедет до вас». — «Почему?» — «Потому, что не боится вас». Они все смеялись, когда переводчик объяснил им слова старца. Начальник показал старцу пистолет и велел сказать переводчику, что он этот пистолет хотел подарить Архимандриту. По словам старца Мемнона, переводчик был не по-прежнему в хорошем расположении духа, мрачен и скупен, и все по-русски пред старцем бранил свое начальство. Всего удивительно, что козел, коего не успели увезти из острова наши работники, по прибытии англичан на остров, только им показался и ушел от них, более суток лежал на одном месте между камнями, на горе. Так что когда я прибыл на остров, то старец объявил мне, что козла увезли англичане, но он при мне явился: старец рассказал, что его матросы искали, пешие и шлюпками за ним плавали, а потому он думал, что его взяли. Животное чувствует своих врагов. Этот козел в 1854 году, при нападении англичан на остров Заяцкий, когда церковь разграбили, там находился и избег плена.

Во время нахождения англичан на островах монастырских команда воинская под распоряжением г-на штабс-капитана Степанова и вся наша // (л. 40 об.) монастырская дружина из монахов, послушников, штатных и работников, с артиллериею и оружием, неусыпно имели строгий надзор денно и ночью и в скрытых и в видимых местах, на случай, вздумал бы непри-

ятель высадку учинить. Больных между воинскими чинами и монастырскими жителями не было; все благодарение Господу Богу благополучно обстоит. Сильные духом укрепляются молитвою и малодушных утешают и ободряют.

О чем долг имею почтительнейше святейшему Синоду донести.

Вашего Святейшества всенижайший послушник Архимандрит Александр.

Августа 21 дня 1855 года.

Письмо № 7. 12 сентября 1855 года

(л. 42) В Святейший Правительствующий Синод Настоятеля Ставропигиального Первокласного Соловецкого Монастыря Архимандрита Александра

Донесение.

Сего сентября месяца 7 числа, в 5 часов по полудни, Английский трехмачтовый пароход показался на западной стороне монастыря, по-видимому, из Сосновца и проплыл к Онеги, а 9 числа, в 8 часов утра, возвратился к Заяцкому острову, бросил якорь, где и прежде стоянку имел, и на двух шлюпках сошли англичане на остров. Простояв, пароход на этом месте 9, 10, и 11 числа по утрам в 10 часов снялся с якоря и ушел в Кузова. Будучи на острове, англичане 9-го числа брали воду из колодца, офицеры ночевали в той избе, где старец монахов Мемнон живет, и его уложили около себя спать, и велели не выходить из комнаты, и свечи не тушить, а в другой большой комнате, особо выстроенной, ночевали простые матросы, и там свеча целую ночь горела; все, как офицеры, так и матросы, сушили из себя платье, в нарочно топленных для этого самими комнатах, потому что 9-го числа и все это время сильные у нас дожди идут, а они бродили по островам. По словам живущего там старца Мемнона, командир парохода в первый еще раз на острове; переводчик тот же, что и раньше бывал, коему старик наш сказал: // (л. 42 об.) «А я думал, что вы уже совсем ушли и не будете ко мне; пора вам уходить, скоро зима здесь будет». Переводчик отвечал: «Еще зима не скоро будет, а потому и мы не ушли». 10 и 11 чисел не выезжали на острова, за сильною ветренною и дождливою погодою. — Каждый раз, когда бывают Англи-

чане на этом острове, то и заходят в церковь смотреть, которая уже и не запирается на замок; недавно посещали обитель бедные странники и были в Заяцкой церкви; молясь пред Иконою Божией Матери, с которой в прошлом году сняли англичане крестики, богомолки благочестивые сняли с себя: одна крестик серебряный, а другая самую маленькую складную иконочку Святителя Митрофана и Великомученицу Варвару, — и привесили на Царицу небесную; в этот раз матросы похитили эту жертву добрых христианок; да сверх этого,

в кладовой старика спрятаны были рубли, восемь новых сшитых рубах старцем для братии монастырской, и это похитили матросы. Старик жаловался начальнику, который ночевал у него; он велел своему денщику дать рубашки старцу, и денщик мыл белье, оставил старцу из онаго рубашку в ушате.

Очень долг имею святейшему Синоду почтительнейше донести. Вашего Святейшества всенижайший послушник Архимандрит Александр.

Сентября 12 дня, 1855 год.

Приложение 4.

КАТАЛОГ ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫХ ДОСОК И ПЛИТ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ

№ 1. Мемориальная доска о размерах крепости. Установлена в XIX столетии, вмонтирована в кирпичную кладку парапета крепостной стены со стороны верхней обходной галереи напротив западного входа в Благовещенскую церковь. Белый камень. Ширина 49 см, высота 64 см. Небольшая выбоина в верхнем правом углу. Буквы с остатками черной краски неглубокого рельефа. Высота прописных букв 6 см, в строке 4 см, цифр 7,5 см. Надпись в семь строк. Буквы, взятые в квадратные скобки, сбиты:

Крепостная
Стена во[кр]угъ
509 сажень
съ 8 башнями
и 8 воротами, внизу
с амбразу-
рами для Пушек.

Литература: *Соловки*, 2010, с. 91.

№ 2. Мемориальная доска о возведении крепости. Установлена в 1850-х гг. слева от входа в Святые ворота. Гранит серый с розовыми прожилками, полированный. Ширина 69 см, высота 104 см. Вверху виньетка с малым четырехконечным крестом. Надпись неглубокого рельефа в 14 строк. Высота заглавных букв 4–4,5 см, высота букв в строке 4–4,5 см:

По оуказу Государя
Царя и Великаго Князя
Феодора Иоанновича пос-
троена кругомъ Монасты-
ря доселе существующая
каменная крепость для за-
щиты обители от нападени[я]
иноплеменниковъ в 1584 году при
27 Игумене Иакове на монас-
тырскую сумму, собранную съ
береговых монастырских вотч-
ин, по плану Соловецкаго монаха
Трифона, строение продолжалось 12 лет
под смотрением Воеводы Иван[а] Яхонтова.

№ 3. Мемориальная доска с честь иконы в Святых воротах крепости. Расположена справа от входа, вмонтирована в кирпичную кладку. Установлена в 1850-х гг. Гранит серый с розовыми прожилками, полированный. Ширина 71 см, высота 109 см. Плита рас-

колота наискосок на две части. Верхний правый угол отбит. Три глубокие круглые выбоины в виде не досверленных отверстий диам. 3,5–4 см в левом верхнем крае над виньеткой с четырехконечным крестом. Плита парная плите № 2. Полировка поверхности разрушена, осталась на небольших участках. Надпись в 14 строк неглубокого рельефа, читается с огромным трудом. Высота заглавных букв 4,5 см, букв в строке 3,5 см: Сей образъ Спаса и Господа нашего Иисуса Христа написанъ тщаниемъ и оусердиемъ основателя Анзерскаго скита Преподобнаго Елеизара чудотворца Во время нападения на обитель Англичанъ въ 1854-го года сей образъ перенесень и поставлень здесь надъ святыми воротами въ защищение и спасение обители от враговъ видимых и невидимых.

Литература: Соловки, 2010, с. 97.

№ 4. Мемориальная доска о строительстве Пристенка. Установлена в 1854 г. архимандритом Александром в кирпичной кладке северных ворот Пристенка, справа от входа. Гранит серый шлифованный. Ширина 57–58 см, высота 70–70,5 см. Надпись неглубокого рельефа в 8 строк. Из-за общего черного фона буквы практически не читаются. Высота заглавных букв 5 см, букв в строке 3,5 см:

Построень этотъ каменный пристенокъ при игумене 30 Иринархе Святомъ въ 1621 году спустя 37 летъ по строении Стены Вокруг Монастыря. Надпись сия сделана въ 1854 году при Архиманд[ри]те Александре.

№ 5. Мемориальная доска о крестном ходе в 1854 г. Установлена в 1856 г. архимандритом Александром в кирпичной кладке парапета крепостной стены верхней обходной галереи на участке между Прядильной башней и Сушилом, к востоку от Прядильной башни, после 4-й бойницы, на месте обстрела участников Крестного хода. Плита утрачена. Материал — белый камень. На ее месте — ниша шириной 74 см, высотой 126 см, максимальная глубина в стене на один кирпич, 30 см. Надпись была неглубокого рельефа в 20 строк. Сохранилась фотокопия:

При нападении Англичан на Обитель въ 1854 г. Юля 7 д[ня] был Крестный ходъ. Здесь безбоязненно совершена была Литія Наст[оятелем]

с братією и богомольцами изъ далекихъ странъ в то время, когда противъ этого места враги съ 2 Пароходовъ громили Обитель, надъ головами молящихся поверхъ крыши летали ядра. А когда Крестный ход тронулся, ядра стали сквозь крышу пролетать. Народъ отъ испугу закричалъ. Но Господь видимо хранил Святѣмъ Своимъ покровомъ, ни одна жертва не пала отъ убійственнаго огня; а врагамъ, коихъ Россія кормитъ хлебомъ, остался только позоръ Святотатственнаго дела.

Святѣя места самъ Богъ хранитъ
во спасеніе всего Отечества. 1856.

Литература: *Лейцингер Я. И.*, 2005.

№ 6. Мемориальная доска об иконе «Казанская Богоматерь». Удлиненная доска установлена на западном фасаде паперти Спасо-Преображенского собора, справа от входа в 1854 г. архимандритом Александром. Гранит розовый с прожилками, полированный. Вверху изображение царской короны с крестом и трона с крестом в круге из звезд; по краям здесь же две симметричные цветочные ветви. Многострочная надпись неглубокого рельефа. Буквы со следами позолоты. По сообщению монастырской описи 1866 г., «подле дверей в стене вставлен большой гранитный камень, на коем высечена, по Высочайшему одобренному проекту» эта надпись. Надпись в 23 строки:

Сію Едину рану сотвориша въ Бого-
спасаемей Обители сей корабли Ан-
гловъ, иже нападаху на ны в лето
от созданія мира 7362, от вопло-
щенія же Бога Слова 1854 въ 6 и 7
дни месяца Іулія. Се бысть пос-
леднее оружіе ихъ, прелетевшее
верху стень Обители и приразися
къ честней Иконе, егда начат пе-
тися вечернее пеніе праздника Пресвятыя
Богородицы честныя Иконы Ея Казанскія.
Вемы, Владычице, яко язвою Твоею от
язвъ спасохомся, и сего ради со сле-
зами припадаемъ къ честней Иконе Тво-
ей, от нечестія враговъ пострадавшей, ло-
бызающе ю и взывающе, пробави Владычице,
милость Твою на ны и на всю землю Росскую,
споборствуй Благочестивейшему ГОСУ-
ДАРЮ нашему ИМПЕРАТОРУ НИКО-
ЛАЮ Павловичу на языки брани
хотящія, омраченная же сердца вра-
говъ нашихъ просвети и обрати и
миръ оумири молитвами Твоими. 1854.

Под данным текстом виньетка с розеткой в центре, в которой изящно и слитно вписана монограмма «АА» (архимандрит Александр), но так, что в ней усматриваются пять букв, образующих слово «АМИНЬ».

Ниже еще одна, но малая плита розового гранита прямоугольной формы. На ней в фигурной рамке, окруженной виньеткой с цветами и ветвями, надпись из четырех строк:

Радуйся
Благодатная.
Господь
съ тобою.

Литература: *Опись 1866а г.*, л. 4 об. — 5 об.;
Осипенко М.В., 2005, с. 66; *Соловки*, 2010, с. 94.

№ 7. Мемориальная доска об иконе «Казанская Богоматерь». Это вторая, симметричная предыдущей доска установлена на западном фасаде паперти Спасо-Преображенского собора, слева от входа. Гранит розовый с прожилками, полированный. Вверху изображение царской короны с крестом и трона с крестом в круге из звезд; по краям здесь же две симметричные цветочные ветви, как и на правой доске. Многострочная надпись неглубокого рельефа. Буквы со следами позолоты. Надпись в 26 строк:

И другую рану благоволила Матерь
Божия принять за спасение всех на сей Святыи
Образъ при бомбардировании обите-
ли англичанами Июля 7 дня 1854 года.
По прошествии почти годичного времени
Июля 12 дня 1855 года найдена за симъ об-
разомъ чугунная граната 36-фунтового ка-
либра с механическою трубкою и двумя фун-
тами пороху, которая, влетевши с левой
стороны под крышу, приразилась к задней
стороне к подножию образа и здесь остано-
вилась без разрыва, обозначивъ свое приражение
и на лицевой стороне отпадением красокъ и шту-
катурки. О Пресвятая Дево, Мати Божия! Видеша
очи наши Твою помощь и заступление, язвами
бо Твоими спасохомся недостойнии от обышедших
ны выдимыхъ золь и бедъ; молимъ Тя, кре-
пкимъ Твоимъ воеводствомъ побори и по-
беди невидимые полки сатанины, не
престанно нападающие на ны, исхи-
ти и свободи от порабощения ихъ и непри-
ступны и страшны насъ темъ покажи,
спаси ны Владычица от всякихъ бедъ,
яко вси по Бозе къ Тебе прибегаемъ,
яко нерушимей стене и предста-
тельству.

Ниже еще одна, но малая плита розового гранита прямоугольной формы. На ней в фигурной рамке, окруженной виньеткой с цветами и ветвями, надпись из четырех строк:

На Тебе Богородице, на-
деемся, Тобою хва-
лимся и тебе поем
песнь Аллилуиа.

Литература: *Осипенко М.В.*, 2005, с. 67;
Соловки, 2010, с. 91.

№ 8. Мемориальная доска о возведении храма в честь иконы «Знамение». Первоначально была прикреплена на южной стене церкви святителя Филиппа. Она была установлена в 1857 г. настоятелем — архимандритом Александром. Длительное время лежала у южного фасада церкви. В 2009 г. плиту перенесли к северному фасаду. Гранит темно-серый, полированный. Ширина 107,5–108,5 см, высота 170 см, толщина 18 см. Буквы неглубокого рельефа. Высота прописных букв 5 см, высота букв в строке 3,2–3,5 см. Надпись в 26 строк:

Господи, отверзи намъ умъ разумети Твоя чудеса!
Некто въ сей Обители предъ нападеніемъ Англичанъ въ 1854 г. после скорбной молитвы услышал во сне гласъ: «прославляющихъ Мя прославлю». Это воодушевило его и всехъ сетовавшихъ въ Обители. Прославляемая Царица Небесная прославила Обитель Соловецкую во спасеніе всего отечества, явила явное заступленіе въ страшную, яростную канонаду десятичасовую, во время коей благоволила усвоить въ Иконе Знаменія уязвленіе двумя ядрами за живущихъ в Обители: а потому въ Об. никто не был убитъ, никто не раненъ, малыя чайки на монастырском дворе сидевшія стаями, между коими падали ядра, не ранены. Въ вечную благодарность Премилосерд(н)ой Царице Небесной за великое и дивное заступленіе Обители, Н. Архим. А. съ братією пожелали иметь храмъ Знаменію Пресвятыя Богородицы, который и устроенъ в 1857 г. въ зданіи построенномъ въ 1801 г. Въ сей храмъ по Указу Свят. Синода перенесена изъ Анзерскаго скита чудотворная Икона Знаменіе Пресвятыя Богородицы, временъ Преподобнаго Елеазара. Аще Богъ за ны, никто же на ны, и кто постыдится исповедать Бога предъ человеки, того и Онъ постыдитъ предъ Ангелами Своими АМИНЬ. 1857.

Литература: *Осипенко М. В.*, 2005, с. 44–46; *Соловки*, 2010, с. 96.

Обелиски № 9 и № 10

№9. Южный обелиск напротив ворот монастырского дока с надписью о бомбардировке 1854 г. Имеет форму усеченной пирамиды, поставленной на параллелепипед со стороной 83 см, высотой 105 см. Гранит пегий серовато-розовый, шлифованный. Все надписи неглубокого рельефа, читаются при косом освещении. На западной трапециевидной грани пирамиды текст в 7 строк в орнаментальной овальной рамке:

Видеша
вси концы
земли спасе-
ние Бога нашего,
яко дивная
сотвори
Господь.

Пространная надпись нанесена на всех четырех боковых гранях основания пирамиды. На западной стороне ее начало:

Главкомандующий эска-
дрю въ беломъ море Англий-
скаго флота Капитанъ Эрас-
мусъ Омманей учинилъ на-
падение на Соловецкую Оби-
тель на 2-х фрегатахъ Бриск
и Миранда въ 1854 г. Юля 6 и
7 числь предъ темъ требо-
валъ сдачи Монастыря и Ко-
манды. Настоят. Архим.
Александръ отказался ис-
полнить требование неп-
риятеля.

Южная прямоугольная грань основания:
Юля 6-го въ 5 часовъ по полу-
дни бомбардировалъ съ од-
ного парохода съ западной
стороны часъ. 7-го Юля отк-
рылъ канонаду съ 8 час. утра
съ обоихъ пароходовъ ядрами
и бомбами 36-ти и 96 фун. и палилъ
с юга чрезъ это место без умо-
лку 9 часовъ; во 2-м часу одинъ
паракодъ отделился за Песий
островъ и стрелялъ съ за-
падной стороны до Благо-
веста вечерняго. Не смот-
ря на десятичасовое въ

Восточная прямоугольная грань осно-
вания, продолжение:

оба дня бомбардированіе Мо-
настыря, убитыхъ и раненыхъ
не было не только людей быв-
шихъ въ крестномъ ходу во-
кругъ монастыря и по послу-
шаніямъ, но и малыхъ чаекъ на
дворе, между коими падали яд-
ра. Только деревянная гос-

тина Архангельская вся была, какъ решето, избита на вылетъ калеными ядрами и разрывавшимися въ ней бомбами, но возгорения нигде не было. О! Вера, Святая наша вера! О! великое ходатайство

Северная прямоугольная грань основания, окончание: во и заступленіе предъ Богомъ Соловецкихъ Чудотворцевъ о своей обители! Господь допустилъ напасть на Монастырь, да явятся дела Божія на немъ. Россия узрела дивное милосердіе Божіе и чудный покровъ отъ знаменія Пресвятыя Богородицы къ Царству Русскому. Съ нами Богъ, разумеите языци покоряйтесь. Яко съ нами Богъ. Услышите до послѣднихъ земли, яко съ нами Богъ! Аминь!

Литература: *Осипенко М.В.*, 2005, с. 114–115.

№ 10. Северный обелиск напротив ворот монастырского дока с надписью о сооружении гавани в 1843–1846 гг. Имеет форму усеченной пирамиды, поставленной на параллелепипед со стороной 83 см, высотой 105 см. Гранит серый с черными и розовыми прожилками, шлифованный. На западной стороне основания надпись неглубокого рельефа из 10 строк. Читается при косом освещении:

Гавань Сія начата
строить по дозво
ленію Святейшаго пра
вительства
Синода при Архи
мандріте Димитрі
сь Братією в апреле
1843 года. А око
нчена Работою 1846
сентября 26 числа.

Литература: *Осипенко М. В.*, 2005, с. 115.

№ 11. Мемориальная надпись на валунном камне в Макарьевой пустыни (Ботанический сад). Валун лежит к югу от Александровской часовни. Светло-серый гранит. Форма камня неправильная, 104×110 см, выступает из-под земли на 18 см. Сверху ровная площадка, близкая к овалу 60×105 см, покрыта местами лишайником. Правый край сбит. Надпись неглубокого рельефа в три строки, выполнена при архимандрите Александре («А. А.»):

Гора
Александровская
1854 А. А.

№ 12. Мемориальная доска в Савватиевском скиту. В 2005 г. была прислонена к северному фасаду церкви. Изготовлена при архимандрите Александре. Гранит темно-серый с розовыми пятнами, полированный. Ширина 76,5 см, высота 161,5 см, толщина 16–18 см. Внизу резная виньетка. Тыльная сторона не обработана. Надпись неглубокого рельефа в 22 строки. Высота заглавных букв 4,5–5 см, букв в строке 3,9 см: Преподобный Отцы Савватий и Герман Соловецкие Чудотворцы, первые были на сей Островъ в 1429 г. и жили на семъ месте 6 летъ. Сей Храмъ построенъ во славу Пресвятыя Богородицы Одигитрии по обету Арх. А. съ братією в 1856 году въ вечную благодарность Премилосердному Господу Богу и Царице Небесной за избавление Обители отъ нашествія Англичанъ въ 1854 году. Преподобнаго Савватія здесь въ благословеніе Иконы Божіей Матери Одигитрии, и Крестъ каменный. До построения сего Храма здесь была часовня деревянная. Мати Божия, Царице Небесная! Молитвами Преподобныхъ Отецъ Соловецкихъ: сохрани сей Храмъ во спасеніе всего Отечества и всехъ Христіанъ помилуй. Аминь!

Литература: Морозов С. В., 2002, с. 18; Осипенко М. В., 2005, с. 288–289; Соловки, 2010, с. 95.

№ 13. Мемориальная доска у подножия Секирной горы. Изготовлена при архимандрите Александре в 1857 г. Перенесена туда после 2005 г. из Савватиево, где стояла прислоненная к северному фасаду церкви. Серый гранит, полированный. Ширина 76,5 см, высота 156,5 см, толщина 23–26 см. Внизу резная виньетка. Тыльная сторона не обработана. Высота прописных букв 5,6–6,5 см, высота букв в строке 4 см. Надпись неглубокого рельефа в 19 строк: На Чудову Горю входъ женскому полу возбраненъ по тому случаю, когда Преподобнии Савватий и Германъ жили на семъ месте, рыболовы, проживая летомъ с женами подъ горою, оскорбляли Преподобныхъ, чтобы изгнать ихъ из Острова. Перстъ Божій явилъ чудо. Ангелы в виде 2-х светозарныхъ Юношей изгнали рыболова жену прутьями из Горы. На крикъ ея пришелъ Препод. Савватий, коему жена сказала, что Ангелы изгоняя ее, говорили: сей Островъ назначенъ Богомъ для Иноков. Это чудо заставило рыболововъ Оставить островъ и благоговѣть къ Преподобному, а женскаго полу въ сей день на этой горѣ входить не въ храмъ. А. А. 1857

Преподобнымъ; а женскій полъ
не бываетъ на этой горе из потаин-
ственному страху. А. А. 1857.

Литература: Морозов С. В., 2002, с. 21; Осипенко М. В., 2005, с. 293; Соловки, 2010, с. 95.

№ 14. «Переговорный камень». Огромный подтесанный валун лежит в 3 км от монастыря на берегу моря. Поставлен архимандритом Александром в память о переговорах 1855 г. соловецкого настоятеля с английскими моряками, требовавшими дать им на пропитание бычков. Гранит пестрого пятнистого серо-розового цвета, тесанный. Форма неправильная, близкая к трапеции. Ширина оснований 157 и 210 см, длина 270 см. Камень уходит в песок, возвышается на 50–60 см над уровнем земли. Узкой частью камень обращен к берегу. При подходе на самом крае читается выбитое слово: «ЗРИ». Остальной текст развернут в сторону моря. Надпись неглубокого рельефа в 19 строк, размещена в двойной контурной рамке с внешними сторонами 140–146 см и 218,5–219 см. Ширина рамки 3 см. Высота заглавных букв 7,5–9 см, высота букв в строчке 5–6 см:

Во время войны Турціи, Фран-
ціи, Англіи, Сардиніи съ Россіе здесь
былъ переговоръ Настоятеля Архим. А.
съ Англіискимъ Офицеромъ Антоном Н.
22 Іюня 1855 въ среду: въ 11 час. до полу-
дня по записке Начальника Неприятель-
ской военной Эскадры въ Беломъ море,
требовавшего отъ монастыря быков: за-
писка представлена Свят. Синоду. После
переговоровъ, благополучныхъ для Обите-
ли, Настоят. возвратясь въ Мон. в 1 час
дня, служилъ в тотъ день въ Успе-
нскомъ Соборе Литур. и молебны;
служба кончилась въ 4 час. Въ эту
Неделю 3 дня постъ строгій былъ въ
Обители и Скитахъ, и Г(оспо)дь въ это ле-

то не допустил воюющимъ нарушить Иноковъ покой, какъ без ми(ло)сердія они поступили въ 1854. А. А.

Литература: Скопин В. В., 1991, с. 147–148; Осипенко М. В., 2005, с. 309–310.

№ 15. Мемориальная доска в память о перенесении мощей святителя Филиппа в Москву в 1652 г. Установлена в XIX в. в усыпальнице свт. Филиппа. Известняк. Нижний левый угол отбит. Плита состоит из трех фрагментов. Левый нижний край утрачен. Текст поддается восстановлению. Надпись неглубокого рельефа в 11 строк:

Гробъ Святителя Филиппа Митрополи
та Московскаго, въ коемъ Святыхъ
нетленныхъ Мощи Его покоились
по перенесеніи изъ Отроча Монас-
тыря въ 1591-мъ году, на месте имъ
самимъ при жизни Его въ
сей Обители Игуменомъ, наз-
[ва]нномъ; отсюда перенесе-
[ны въ П]реображенскій Соборъ; а
[.....] въ 1652 году перенесе-
[ны в московск]кій оуспенскій Соборъ.

Хр.: СГИАПМЗ, фонды.

№ 16. Мемориальная доска в честь Ионы Шамина в усыпальнице святителя Филиппа. Установлена в XIX в. Материал — известняк. Правый верхний край утрачен. Часть букв нижней и правой части сбита. Надпись неглубокого рельефа в пять строк. Текст восстанавливается:

Здесь погребен[о тело]
раба Божія Со[л]овец[каго]
Инока Ионы Шамина,
скончавша[гося в лето 7076]о
[меся]ца Генваря 12 [дн]я.

Хр.: СГИАПМЗ, фонды.

№ 17. Мемориальная доска в честь игумена Иакова, ученика свт. Филиппа. Установлена в XIX в. в усыпальнице свт. Филиппа. Материал — серый известняк. Правая часть утрачена. Трещина поперечная по всей ширине ближе к низу. Наибольшая ширина 43 см, наименьшая 35 см. Высота 64,5 см. В настоящее время доска имеет значительные утраты текста. Дата смерти игумена ошибочная. В 1597 г. Иаков оставил должность соловецкого настоятеля,

став вскоре архимандритом Ипатьевского монастыря. Надпись неглубокого рельефа в 9 строк. Полный текст восстанавливается по публикации:

Здесь погребено т[ело]
Игумена 27-го Солов[цакаго]
И[ак]ова, ученика Свят[ителя]
Бывшаго Игумен[ом 16 лет]
старанием коего [перенесены святы-]
теля Филиппа мо[щи из Отрочь мо-]
настыря сюда и за [то принявшего по-]
кой оу ногъ своег[о учителя в]
1597 году скон[чался.]

Хр.: СГИАПМЗ. Плита вмонтирована в южную стену, в изголовье надгробной плиты.

Литература: *Шереметевский В. В.*, 1914, с. 349.

№ 18. Мемориальная доска в честь игумена Антония в усыпальнице святителя Филиппа. От данной плиты сохранилось только два осколка. Текст надписи из четырех строк не приведен ни Досифеем, ни В. В. Шереметевским. Ее можно восстановить приблизительно по аналогичным эпитафиям:

[Здесь погреб]ено [тело
раба божия и]гумена 29 [-го
Соловецкой обит]ели Анто
[нея, скончавшаг]оя в 1613-мъ го[ду.]

Хр.: СГИАПМЗ, фонды.

№ 19. Мемориальная доска в честь прп. Германа в церкви его имени. Белокаменная, вмонтирована в южную стену помещения напротив могилы прп. Германа. Надпись неглубокого рельефа в семь строк. Имеются утраты:

Прямо сего гробъ Преподобнаго
Германа, пришедшаго на островъ
Съ Преподобнымъ Савватиємъ.
В лето 6937 жилъ съ Преподобными
Зосимою и Савватиємъ
и по нихъ всего 55 летъ,
преставися въ лето 6992.

Литература: *Досифей*, 1836, ч. 1, с. 304; *Шереметевский В. В.*, 1914, с. 189.

№ 20. Мемориальная доска в честь Савватия в церкви прп. Германа. Была вмонтирована в северную стену церкви постройки 1859 г. напротив могилы преподобного. Гранит. Ширина 50 см, высота 70 см. Плита в крайне плохом состоянии. Ранее читалась надпись невысокого рельефа в 10 строк:

Зде погребенъ бысть Пре
подобный Савватій Соловецкій
Чудотворецъ по пренесении его
мощей съ Выга реки изъ Соро
ки, въ лето отъ Адама 6979, а
отъ Рождества Христова 1471.
Преставися въ лето отъ Адама
6943, а отъ Рождества Христова
1434. Отъ преставленія до пре
несенія преиде 36 летъ.

Литература: *Досифей*, 1836, ч. 1, с. 304–305; *Шереметевский В. В.*, 1914, с. 758.

№ 21. Мемориальная доска о строительстве часовни Рождества Богородицы в подклете трапезной палаты при Успенской церкви. Исходя из подписи, плита была выполнена в 1857 г. при «Н. А. А.» — настоятеле архимандрите Александре. Белый известняк. Верхние углы мемориальной плиты отколоты. Буквы неглубокого треугольного рельефа со следами позолоты. Поверх камня сохранились остатки серой краски, а по краю — красной рамки шириной 1 см. Высота плиты 114,2 см, ширина 78,2 см, толщина 9,2 см. Текст в 18 строк рассказывает о произошедшем событии:

Святейший Синодъ Указомъ отъ 30
Мая 1857. за № 1724 — по прошенію Н.
А. А. съ братією разрешилъ устроить в
сей часовни — Церковь во Имя Рожде
ства Пресвѣтѣя Богородицы; и возвратитъ сюда
на прежнее место изъ Преображенс
каго Собора чудотворную Икону Пре
свѣтѣя Богородицы Хлебенную времянь Св.
Филиппа, 1538 года. Явление чу
дотворной Иконы Богородицы въ семь мес
те: доказываетъ особенное покров
ительство Пресвѣтой Девы Пра
вославному Отечеству нашему и
сей Обители. Мати [Б]ожія! Сама на
учи Христіанскихъ дѣтей благочестію

молитве, трудолюбию, послушанию, кротости, милосердию и всякому благоугодному делу! 1857.

Хр.: СГИАПМЗ, фонды.

№ 22. Мемориальная доска в честь Маркелла в церкви прп. Германа. Утрачена. Была вмонтирована в неглубокую нишу северной стены церкви постройки 1859 г. напротив могилы бывшего соловецкого игумена и архиепископа Вологодского Маркелла. Доска утрачена. Надпись известна по дореволюционным изданиям, содержит неверно пересчитанную дату. Маркелл скончался в 1663 г.:

Зде погребень Маркелль Архієпископъ Вологодскій; преставися въ лето отъ Адама 7171, а отъ Рождества Христова 1662 Марта 22 дня; тело же его по завещанію его привезено на обещаніе в Соловецкій монастырь тогожъ года Іюня 5 дня. Игуменом был 6 летъ.

Литература: *Досифей*, 1836, ч. 1, с. 305; *Шереметевский В.В.*, 1914, с. 528.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН. XIV — НАЧАЛО XX в.¹

- Абрамов Иван, служитель монастырский (1790) 496
- Абросимов Герасим, служитель монастырский (1790) 499
- Аввакум, старец соловецкий (1691) 35, 432
- Авель, прорицатель 392
- Аверкиев Емельян, служитель монастырский (1790) 501
- Аверкий Иванович — см. Палицын Авраам
- Агапов Семен, служитель монастырский (1790) 502
- Агарков Данила, служитель монастырский (1790) 502
- Агафонов Кандратий, егерь (1790) 495
- Агафонов Мина, канонир петрозаводский (1790) 501, 519
- Агорельцов Петр, егерь (1790) 497
- Акакий, старец (1581) 30, 31
- Акинфиев Второй, воевода московский (1593) 42
- Александр, старец (1611) 44
- Александр, строитель московской службы (1704, 1708) 360, 446, 456
- Александр (Павлович), архимандрит соловецкий (1854–1855) 20, 45, 58–65, 416, 521, 525–527, 529–531, 533–536, 539–542, 544
- Александр I, император российский (1801, 1855) 51, 336, 394
- Александр II, император российский (1855, 1858) 61, 64
- Александров Еремей, егерь (1790) 495
- Алексеев Александр Николаевич, капитан (1790) 50
- Алексеев Андрей, рядовой (1790) 502
- Алексеев Гаврила, рядовой (1790) 503
- Алексей Михайлович, царь (1645–1676) 47, 94, 137, 215, 304, 363, 379, 390, 486
- Алексей Петрович, царевич (1702) 487
- Алимпий, иеросхимонах (1848) 65
- Алмаз Иванович, дьяк московский (1645/1646) 46
- Амвросий, архимандрит соловецкий (1810) 13
- Анастасия, царица, жена Ивана Грозного (1560) 393
- Андреев Денис, канонир петрозаводский (1790) 501, 519
- Андреев Иван, рядовой (1790) 501
- Андреев Карп, дьяк (1705) 340, 447
- Андреев Тимофей, канонир новодвинский (1790) 496, 519
- Андрузский Георгий, бывший студент (1854) 525
- Аничков — см. Оничков
- Анна Иоанновна, императрица российская 393
- Антип (1609) 43
- Антипов Зиновий, служитель монастырский (1790) 502
- Антипов Лука, служитель монастырский (1790) 496
- Антипов Ульян, служитель монастырский (1790) 504
- Антон Н., офицер английский, переводчик (1855) 528, 541
- Антоний, игумен соловецкий (1604–1606, 1611, 1613) 400, 421, 486, 543
- Антоний, старец (1608) 38
- Антоний, старец ружейный, соборный (1703–1705, 1708) 443, 445, 446, 455, 456
- Антонов Василий, егерь (1790) 497
- Антонов Дементий, егерь (1790) 495
- Антропов Гурьян, служитель монастырский (1790) 502
- Апарин Петр, фурьер новодвинский (1790) 500
- Арехов Лаврентий, служитель монастырский (1790) 505
- Аркадий, священник корельский (1585) 31
- Арсений, грек, узник соловецкой тюрьмы 394

¹ В указателе основным является фамилия. Курсивом выделены имена авторов исторических сочинений. В скобках указан год упоминания в приводимых источниках.

- Арсеньев Иван Тарасьевич, надворный советник Олонецкого правления (1790) 12, 50, 51
- Артемий, игумен Троице-Сергиева монастыря (1553) 392–394
- Артемьев Алексей, егерь (1790) 497
- Артемьев Иван, слуга вологодский (1704, 1708) 446, 456
- Артемьев Иван, шваль портной (1710, 1712) 466, 469
- Артемьев Михайла, служитель монастырский (1790) 505
- Артемьев Нестор, егерь (1790) 497
- Архип, старец (1584) 37
- Архипов Мишка (1691) 358, 432
- Архипов Тимофей, рядовой (1790) 504
- Астафьев Калина, служитель монастырский (1790) 495
- Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский (1701) 401
- Афанасий (Афоний, Авфоний), иеромонах, старец соборный, городничий, оружейный (1694, 1695, 1704, 1708, 1714) 435, 437, 439, 443, 452, 465, 466, 469
- Афанасьев Михаил, служебник (1708, 1714) 466, 469
- Ахаткин Максим, сержант архангельский (1790) 498
- Багге Петр, шведский военачальник (1590) 41, 42
- Багряцов Василий, стрелец (1589) 41
- Базаров Андрей, служитель монастырский (1790) 502
- Баранов Николай, служитель монастырский (1790) 502
- Барсов Е. В. 49, 94, 102, 107, 108, 123, 137, 147, 171, 173, 177, 210, 215, 216, 225, 247, 361, 363, 366, 375, 380
- Барышников Петр, служитель монастырский (1790) 502
- Батарин Амос, солдат соловецкий (1790) 505, 520
- Батарин Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
- Батманов Егор, капрал (1790) 501
- Батов Терентий, служитель монастырский (1790) 500
- Баторий Стефан, король польский и великий князь литовский (1585) 184
- Батрак Иван, слуга монастырский (1580) 30
- Бекбулатов Симеон (Стефан), царевич, крещеный татарин, монах (1575–1576, 1606–1612) 393, 401, 486
- Бекренев Дорофей, рядовой (1790) 504
- Белокопытов Афанасий, узник соловецкой тюрьмы 394
- Белокуров С. А. 400
- Бельский Г. П., князь 400
- Беляев Илья Федорович, премьер-майор (1790) 50
- Берников Андрей, солдат соловецкий (1790) 505, 520
- Берников Иван, солдат соловецкий (1790) 520
- Берников Прохор, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
- Берников Степан, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
- Беседнов Бахтеяр, сын боярский (1589) 41
- Беседнов Тимофей, сотник (1657) 47
- Беседново Елиазар, воевода (1610, 1611) 43, 44, 384
- Бикетов Иван, рядовой (1790) 505
- Бирон, фаворит императрицы Анны Иоанновны (1730) 393
- Бобрищев-Пушкин, вотчинник (1581/1582) 400
- Богданович М. И. 58, 61, 62
- Богомолов Илья, служитель монастырский (1790) 504
- Болдырев Н. 218
- Болотов Андрей, служитель монастырский (1790) 498
- Борис Федорович Годунов, боярин, шурин царя Федора, царь (1598–1605) 393, 400
- Борков Евдоким, стрелец (1696) 441
- Боров Яков, служитель монастырский (1790) 498
- Боровой Василий, рядовой (1790) 502
- Бортников Иван, канонир соловецкий (1790) 500
- Бояринов Федор, пушкарь московский (1590) 420
- Бранденбург Н. Е. 17, 334, 337, 339, 373, 376, 378
- Бронников Семен, оружейник (1651) 386, 428
- Бряцов Григорий, сын боярский (1589) 41
- Бугаев Федор, солдат соловецкий (1790) 520
- Бугаевский, офицер, инженер (1854) 60
- Будберг, полковник (1801) 51, 336
- Бураков Иван, рядовой (1790) 502
- Бурухин А. И., вотчинник (1569/1570) 400
- Бурцов Афонасий, служитель монастырский (1790) 503
- Бухарь, стрелец, сумлянин (1579) 29
- Буяновский, расстрига, узник соловецкой тюрьмы (1743)
- Быков Михайла, сержант архангельский (1790) 501

- Варлаам, игумен соловецкий (1578, 1579) 24–28, 420
- Варлаам, старец оружейный (1691) 358, 432
- Варнава, иеромонах, духовник соловецкий (1854) 61, 525
- Варницов Ион, служитель монастырский (1790) 504
- Варсонофий, игумен соловецкий, архиепископ Архангельский и Холмогорский (1742, 1743) 394–396, 401, 402
- Варсонофий, старец городничий, иеромонах, казначей (1694, 1696) 433, 434
- Варфоломей, игумен соловецкий (1637) 46, 384
- Василий Иванович Шуйский, царь (1606) 393, 400, 401
- Василий Темный, князь великий (1568) 486
- Василиск, иеромонах, приказной вологодский (1708) 456
- Васильев Владимир Яковлевич, сын Я. В. Васильева (1803) 58
- Васильев Гаврила Яковлевич, сын Я. В. Васильева (1803) 58
- Васильев Карп, егерь (1790) 497
- Васильев Михайло, служитель монастырский (1790) 504
- Васильев Осип, служитель монастырский (1790) 500
- Васильев Прокофий, служитель монастырский (1790) 505
- Васильев Сафрон, служитель монастырский (1790) 495
- Васильев Федор, егерь (1790) 495
- Васильев Филипп, рядовой (1790) 503
- Васильев Фома, служитель монастырский (1790) 496
- Васильев Яков Васильевич, инженер-поручик, полковник (1770–1826) 13, 15, 16, 20, 48, 50–58, 70, 72–75, 80–84, 86, 88, 90, 91, 94, 96–98, 105, 107, 110, 115, 134, 137–139, 142, 145, 156, 172, 174, 182, 184, 187, 190, 211, 214, 217, 219, 229, 230, 299, 305, 306, 335, 358, 359, 372, 415–417, 485
- Васильева Авдотья, дочь Я. В. Васильева (1803) 58
- Васильева Александра, дочь Я. В. Васильева (1803) 58
- Васильева Анна (Гоголева), жена Я. В. Васильева (1789) 58
- Васильева Ольга, дочь Я. В. Васильева (1803) 58
- Васильева Татьяна, дочь Я. В. Васильева (1803) 58
- Васков Петрушка, стрелец сумский (1694) 437
- Васнин Никита, служитель монастырский (1790) 504
- Васьян, старец, пушечный литейщик (1652/1653) 332
- Васьян, старец соборный, городничий (1709) 442, 456
- Ватман Джеймс, фабрикант 53
- Вашков Григорий Киприанович, секунд-майор (1790) 50
- Веденеев Елисей, рядовой (1790) 504
- Вениамин, старец (1611) 44
- Верещагин Александр, канонир петрозаводский (1790) 496, 519
- Веселаго, рядовой (1854) 525
- Висковатов А. В. 56
- Витовин Иван, стрелец 376
- Владимирова А. 182
- Власов Михайло, барабанщик архангельский (1790) 503, 505
- Власов Петр, рядовой (1790) 505
- Власов Юда, служитель монастырский (1790) 495
- Вознов Тит, служитель монастырский (1790) 498
- Волков Степан, служитель монастырский (1790) 503
- Волкодав, охотник (1691) 367, 432
- Волконский Андрей Романович, воевода, князь (1593) 420
- Волконский Владимир Андреевич, князь, воевода (1676) 49, 428, 487
- Волконский Григорий Константинович, воевода, князь (1593) 42, 420
- Волконский Олег Романович, князь (1593) 42
- Володимеров Ивашка, стрелец сумский (1688) 433
- Володимеров Симан, служитель монастырский (1790) 496
- Волохов Игнатий, стряпчий, воевода (1668–1672) 47, 48, 486
- Воронин Егор, каптенармус (1790) 505
- Воронов Кузма, служитель монастырский (1790) 501
- Воскресенский Василий, учитель, ссыльный (1836) 13
- Вотинов Аксен, служитель монастырский (1790) 500
- Вьюшкин Митрофан, служитель монастырский (1790) 497
- Гавриил (Гаврила), иеродиакон, городничий (1705, 1712, 1714) 371, 442, 446, 466, 469
- Гайков Естифей, служитель монастырский (1790) 505

- Гайманов Степан, рядовой (1790) 501
Галактионов Федор, служитель монастырский (1790) 501
Галасий, старец приказной нюхоцкий (1708) 456
Галичанин Третьяк (1589) 42
Галкин Василий, рядовой (1790) 505
Гардер Андрей, норвежец (1854) 525
Гарцов Григорий, служитель монастырский (1790) 502
Геннадий, архимандрит соловецкий (1741–1761) 116–118, 156, 394
Геннадий, келарь (1734) 72
Герман, монах соборный (1712) 465
Герман, монах соловецкий, прп. (1429, 1622) 54, 64, 65, 405, 485, 486, 488, 540, 541, 543–545
Гермоген, старец городничий (1694) 433, 435
Гернет М. Н. 13
Геронтий, монах, конархист (1705) 446
Глотов Карп, служитель монастырский (1790) 498
Гневашев Федор, рядовой (1790) 505
Гнутов Савва, служитель монастырский (1790) 495
Гоголев Василий, комиссар морского флота (1789) 58
Головленков Афанасий Васильевич, дворянин (1570–1573) 400
Головленков Афанасий Иванович, дворянин (1607) 401
Головленков Василий Федорович, стольник (1703) 401
Головленков Иван Васильевич (Иосиф, монах), дворянин, узник соловецкой тюрьмы (1569–1572, 1580–1582, 1586/1587, 1606–1607, 1619) 66, 400, 401, 412
Головленкова Мария Васильевна, жена князя Г. Долгорукова 400
Горбатый Михайло (Меркурий, инок) (1583–1584) 33, 39, 301
Горлов Влас, служитель монастырский (1790) 501
Горожанский Александр, декабрист, узник соловецкой тюрьмы 108, 394
Горяинов А. 58
Гостев Савва, служитель монастырский (1790) 499
Грек Максим, философ, публицист 392
Грибанов Андрей, егерь (1790) 497
Григорий, иеродьякон, ризничий (1788–1789) 471
Григорий, стрелец московский (1579) 26
Григорьев Абросим, служитель монастырский (1790) 505
Григорьев Иосиф, слуга, оконничник (1704) 445
Григорьев Кирилл, егерь (1790) 496
Григорьев Кондратий, рядовой (1790) 503
Григорьев М., узник соловецкой тюрьмы (1876) 394
Григорьев МIRON, служитель монастырский (1790) 495
Григорьев Михайло, егерь (1790) 495
Григорьев Савва, егерь (1790) 497
Гуров Платон, служитель монастырский (1790) 497
Гусев Иван, капрал архангельский (1790) 498
Гусев Петр, сержант (1790) 504
Гусельников, прапорщик кемский (1788) 50, 367, 368, 474, 511
Гуша Федор, слуга (1583) 37
Гущин Карп, служитель монастырский (1790) 496
Гущин Семен, служитель монастырский (1790) 502
Данилов Савватий, старец (1609–1610) 43
Девлет-Гирей, хан крымский (1570–1571) 400
Девочкин Иов, старец (1640) 46
Девятаго Епифаний, монах (1712) 463
Дедеулов Михайла, капрал архангельский (1790) 501
Дей, каменщик, слуга монастырский (1586) 39
Делагарди Якоб, полководец шведский (1613) 44
Демидов Аника, служитель монастырский (1790) 497
Демидов Ефим, канонир петрозаводский (1790) 496, 519
Денисов А. 48, 177
Деонисий (Денис), служебник сумский (1704, 1708) 446, 456
Дернов Иринарх, старец городничий (1704, 1705) 439, 443, 446
Диодор, старец приказной пертоминский (1708) 456
Дмитриев Сергей, егерь (1790) 495
Докторов, генерал-лейтенант (1801) 51, 336
Долгорукий Василий Лукич, князь, сенатор (1730–1739) 393, 396
Долгоруков Г., князь (XVI в.) 400
Доментин, старец соловецкий (1593) 420
Дорофей, иеромонах, казначей (1708, 1709, 1712) 452, 456
Дорохов Н. С., генерал 56
Досифей, архимандрит соловецкий 13, 24, 25, 28, 29, 31–33, 35, 38, 44, 45, 47, 50, 51, 65,

- 80, 86, 88, 94, 97, 102, 103, 109, 115–117, 120, 127, 128, 133, 137, 142, 146, 156, 170, 171, 181, 203, 215–217, 219, 231, 301, 333, 336, 337, 372, 374, 376, 397–399, 543–545
- Дружинин Григорий, узник соловецкой тюрьмы 394
- Друшлевский Вицентий, фейерверкер новодвинский (1854, 1855) 60, 61, 525
- Дряпин Терентий, служитель монастырский (1790) 495
- Дунаев Б. И. 87, 110, 118
- Дьяковской Петр, егерь (1790) 495
- Дьячков Роман, служитель монастырский (1790) 497
- Евагрий, старец (1708, 1713) 456, 466
- Евдоким, шеуречанин (1689) 360, 432
- Евлогий, старец, казначей (1691) 380
- Евсеев Андрей, служитель монастырский (1790) 505
- Евсеев Козма, слуга, служебник (1704, 1708, 1712) 445, 455, 466
- Евстифеев Петр, солдат соловецкий (1790) 519
- Егоров Григорий, рядовой (1790) 503
- Егоров Данила, служитель монастырский (1790) 500
- Екатерина II, императрица российская (1762–1796) 57, 393
- Елизавета Петровна, императрица российская (1741–1761) 134, 203, 392, 394
- Елисеев Федор, рядовой (1790) 501
- Емельянов Корнила, егерь (1790) 497
- Епифаний, монах (1708) 452, 456
- Ергольский Н. В., вотчинник (1569/1570) 400
- Ергольский С. В., вотчинник (1569/1570) 400
- Еремеев Фадей, служитель монастырский (1790) 504
- Ермолин, слуга монастырский (1611) 43
- Ершев Петр, рядовой (1790) 505
- Естифеев Иван, канонир новодвинский (1790) 500, 519
- Естифеев Иван, служитель монастырский (1790) 502
- Естифеев Петр, канонир соловецкий (1790) 498
- Ефимов Антон, служитель монастырский (1790) 499
- Ефимов Естафей, цирюльник (1790) 505
- Ефимов Тимофей, егерь (1790) 497
- Ефрем, архимандрит Крестовского монастыря (1704, 1708) 381, 445, 455
- Ефремов Еремей, рядовой (1790) 503
- Желваков Ерофей, служитель монастырский (1790) 503
- Жидоусов Егор, рядовой (1790) 502
- Жопов Роман, служитель монастырский (1790) 501
- Жулин Ефим, служитель монастырский (1790) 502
- Журкин Ипат, служитель монастырский (1790) 500
- Жухов Семен, служитель монастырский (1790) 496
- Забродин Кузма, служитель монастырский (1790) 505
- Загряжский Андрей Васильевич, сын боярский (1579) 28, 29, 308, 415, 420
- Зайончковский А. М. 58, 59
- Залетов Сафрон, служитель монастырский (1790) 496
- Замков Тимофей, служитель монастырский (1790) 505
- Замятин Федор, рядовой (1790) 503
- Запевалов Степан, капрал (1790) 505
- Заревин Иван, капрал (1790) 503
- Званов Михаил, слуга (1710, 1712) 466
- Зверев Петр, каптенармус архангельский (1790) 500
- Зевахин Клемент, служитель монастырский (1790) 496
- Зернов Иринарх (1704, 1712) 466
- Зиновьев Кондратий, рядовой (1790) 503
- Зосима, игумен соловецкий, прп. (1436–1478) 12, 27, 62, 63, 68, 115, 426, 434, 435, 437–439, 442, 453, 457, 463, 485, 487, 544
- Зосима, монах (1570) 486, 523
- Зотов Сила, служитель монастырский (1790) 495
- Зубков Евстратий, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
- Зубков Лука, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
- Зубков Петр, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
- Зубков Степан, солдат соловецкий (1790) 520
- Зубков Федор, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
- Зубов Алексей, гравер (1744) 75, 83, 84, 90, 97, 98, 104, 116, 134, 139, 145
- Зубов Иван, гравер (1744) 75, 83, 84, 90, 97, 98, 104, 116, 134, 139, 145
- Зубов Степан, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 520
- Зуев Степан, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519

- Зыбин Терентей, служитель монастырский (1790) 501
- Иаков, игумен соловецкий (1582, 1584, 1590, 1593) 33–35, 37, 42, 420, 532, 543
- Иван, староста Реболской волости (1609) 43
- Иван III Васильевич, великий князь московский (1462–1505) 179
- Иван IV Васильевич Грозный, царь (1547–1584) 10, 24–30, 34, 35, 37, 39–41, 46, 65, 69, 72, 165, 179, 196, 308, 309, 339, 341, 343, 344, 352, 393, 400, 420, 422, 423, 425, 485, 486
- Иван Иванович, царевич, сын Ивана Грозного (1583) 37, 400
- Иванов Авраам, раскольник, узник соловецкой тюрьмы (1733–1743) 401
- Иванов Алексей, петрозаводский канонир (1790) 497
- Иванов Андрей, рядовой (1790) 504
- Иванов Андрюшка, стрелец (1689) 364, 432
- Иванов Афанасий (1714) 469
- Иванов Василий, слуга иверский (1704, 1708) 446, 456
- Иванов Василий, прапорщик, начальник соловецкой команды (1781, 1790) 50, 73, 87, 88, 96, 104, 109, 341, 384, 475
- Иванов Василий, служитель монастырский (1790) 496
- Иванов Григорий, слуга (1704, 1708) 445, 455
- Иванов Денис, слуга мурманский (1704, 1708) 445, 455
- Иванов Иван, егерь (1790) 496
- Иванов Иов, рядовой (1790) 503
- Иванов Константин, егерь (1790) 496
- Иванов Мина, служитель монастырский (1790) 497
- Иванов Михаил, священник кенозерский (1757) 117
- Иванов Мишка, стрелец сумский (1688) 364, 433
- Иванов П. И.* 39, 41
- Иванов Панкратей, служитель монастырский (1790) 498
- Иванов Савин, егерь (1790) 496
- Иванов Семен, егерь (1790) 496
- Иванов Семен, служитель монастырский (1790) 496
- Иванов Сергей, служитель монастырский (1790) 504
- Иванов Стефан, трудник, монах (1710, 1712, 1714) 466, 469
- Иванов Фалелей, канонир петрозаводский (1790) 519
- Иванов Яков, дернокладчик (1790) 50
- Ивашов, сотник московский (1593) 42
- Иверстин Ганус, воевода шведский (1592) 42
- Ивор, воевода шведский (1445) 23
- Игнатий, епископ Тамбовский (1701, 1718) 65
- Игнатий, келарь, старец (1689, 1691) 358, 432
- Игнатий, старец (1608) 38
- Игнатий (Игнат), старец приказной кушерецкий (1709, 1714) 466, 469
- Игнатьев Андрей, рядовой (1790) 503
- Игнатьев Фома, служитель монастырский (1790) 500
- Иевлев Климентий, голова стрелецкий (1671, 1672) 48, 486
- Иероним, архимандрит соловецкий (1794) 471
- Изъедов Иов, сын боярский (1590) 42
- Иконников Иван, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
- Иконников Илья, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
- Иконников Максим, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
- Илларион (см. Стромиллов), старец, келарь (1703–1705, 1708, 1709, 1712, 1713)
- Илларион, старец, приказной курицкий (1704, 1708) 446, 456
- Ильин Антип, служитель монастырский (1790) 504
- Ильин Гаврила, вкладчик (1651) 360, 426
- Ильин Делка, стрелец (1689) 364, 432
- Илья (Пестриков), игумен, архимандрит соловецкий (1645, 1647/1648) 46, 395, 425, 486
- Иннокентий, иеромонах, казначей, келарь (1690, 1694–1696, 1703–1705) 374, 433, 435, 437, 439, 441, 443, 446
- Иоанн III, король Швеции (1590) 24, 41
- Иоанникий, иеромонах городничий (1709, 1712) 456, 465
- Иоанникий, уставщик (1788–1789) 471
- Иоарам, иеродиакон (1708) 360, 453
- Иоасаф (Подвинский), игумен Мошнегорского монастыря, узник соловецкой тюрьмы (1705, 1742, 1743) 396, 398, 399
- Иона, старец, келарь (1694, 1695) 433, 435, 437, 439
- Иосиф, архимандрит соловецкий (1668) 47, 486
- Иосиф, старец соборный, городничий (1705, 1709) 442
- Иринарх, игумен соловецкий, прп. (1613, 1619, 1621) 44, 45, 64, 421, 488, 533

Исаак, монах-старец, крылошанин (1579) 29
Исаев Еким, служитель монастырский (1790) 504
Исайя, ученик Трифона Кологривова (1608) 38
Исидор, игумен соловецкий (1597) 38, 420
Исидор, монах-старец (1579) 29

Кабрин Григорей, егерь (1790) 495
Калитин Макар, рядовой (1790) 503
Калмыков Артемий, служитель монастырский (1790) 505
Калнышевский Петр, атаман Сечи, узник соловецкой тюрьмы (1776–1801) 65, 178, 393
Каменской Андрей, пятидесятник (1696) 441
Каменской Григорий, солдат соловецкий (1790) 520
Каменской Петр, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Камышев Василий, рядовой (1790) 503
Кандратьев Гаврила, егерь (1790) 495
Карачев Алексей, рядовой (1790) 505
Каргин Якушка, стрелец сумский (1688) 433
Карл IX, король шведский (1611) 43
Карнеев Тимофей, служитель монастырский (1790) 496
Карпов Авксентий, стрелец московский (1578) 25
Карпов Андрей, егерь (1790) 495
Карпов Андрей, рядовой (1790) 504
Карпов Евстигней, егерь (1790) 497
Карпов Кузма, служитель монастырский (1790) 500
Карпов Федор, барабанщик (1790) 495
Карпов Филипп, стрелец московский (1578) 25
Картин Петрушка, стрелец сумский (1688) 364, 433
Кастremoухов Третий, воевода московский (1593) 42
Кашкин Андрей, стрелец (1696) 441
Кашкин Григорий, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
Кашкин Онуфрейка, стрелец (1689) 364, 433
Квасов Харитон, служитель монастырский (1790) 503
Квашнин Ефрем, старец (1640) 46
Кереневской Илья, рядовой (1790) 505
Киприян, монах (1711, 1712, 1714) 466, 469
Киприян, старец, приказчик пертоминский (1704, 1708) 446, 456

Киприянов Егор, рядовой (1790) 503
Киприянов Федул, канонир петрозаводский (1790) 495, 519
Кириков Петр, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Кириллов Василь, подьячий (1704, 1708) 446, 456
Кириллов Родион, слуга монастырский (1712) 375, 464, 467
Кириллов Стефан, стрелец сумский (1690) 433
Клементьев Игнатий, егерь (1790) 497
Клеопа, духовник (1788–1789) 471
Клотов Савва, служитель монастырский (1790) 495
Ключарев Михаил, подьячий (1704, 1708) 445, 455
Ключевский В. О. 45, 181
Козмин Макар, канонир петрозаводский (1790) 496, 519
Козов Аким, служитель монастырский (1790) 496
Козырев Лука, служитель монастырский (1790) 500
Кокорин Матвей, фурьер архангельский (1790) 505
Кокорин Мирон, канонир петрозаводский (1790) 495, 519
Кокошкин Иван, подполковник (1711) 340, 348, 458
Колачов Трифон, служитель монастырский (1790) 501
Коллеони, кондотьер 218
Колобов Федор, егерь (1790) 495
Кологривов Василий Иванович, данный сборщик (1580–1581) 40
Кологривов Иван Иванович, судья ненокотский (1585) 40
Кологривов Иван Михайлович, данный сборщик (1578–1582) 40
Кологривов Иван Яковлевич (1580–1581) 40
Кологривов Микула Исакович, дьяк (1566) 40
Кологривов Михаил Михайлович, староста (1566) 40
Кологривов Трифон (Терентий Григорьевич), ненокшанин, монах соловецкий, городской мастер (1584–1595) 10–12, 16, 17, 21, 38–40, 43, 67, 184, 251, 298, 302, 303, 400, 415, 486, 533
Кологривов Яков (1580–1581) 40
Колотков Андрей, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
Колотков Антон, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520

- Колотков Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Колотков Михайло, канонир, солдат соловецкий (1790) 501, 520
Колпаков Иван, стрелец (1696) 441
Колпаков Яким, стрелец (1689) 364, 432
Колтовский Иаков, стрелец, слуга монастырский (1579, 1580) 29, 30
Колтовский Стефан Борисович, воевода московский (1589) 41, 42
Колчин М. А. 102, 147, 247, 392, 397, 400–402, 405
Кондратов Иванко, стрелец (1580) 29
Кондратьев Сила, служитель монастырский (1790) 497
Конев Михайло, фурьер (1790) 499
Коновницын П. П., генерал 56
Кононов Егор, каптенармус (1790) 494
Кононов Тарас, служитель монастырский (1790) 504
Коноплин Степан, служитель монастырский (1790) 502
Константин Николаевич, князь великий (1844) 89
Корзников Тит, рядовой (1790) 503
Кормщиков, поручик (1799, 1801) 50, 51, 336
Корнилин Сидор, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Корнилов Герасим, малолетний, канонир соловецкий (1790) 498
Коробкин Илья, служитель монастырский (1790) 497
Коршунов Исай, служитель монастырский (1790) 502
Косаков Иван, егерь (1790) 496
Кочаргин Симон, служитель монастырский (1790) 499
Кочнев Андрей, капрал, солдат соловецкий (1790) 498, 519
Кочнев Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 501, 520
Кочнев Максим, канонир соловецкий (1790) 501
Кочнев Матвей, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Кочнев Михайло, капрал, солдат соловецкий (1790) 499, 519
Кочнев Осип, капрал, солдат соловецкий (1790) 498, 519
Крапивин Тимофей, воевода соловецкий (1633–1637) 46, 384
Красиков Гаврила, канонир новодвинский (1790) 495, 519
Крашенинников Тимофей, служитель монастырский (1790) 504
Критские, братья, члены тайного кружка 394
Кромин Антон, служитель монастырский (1790) 498
Крылов Николай, отставной унтер-офицер (1854) 525
Крылов Савва, служитель монастырский (1790) 502
Крюков Ермолка Иванович, стрелец (1690) 365, 433
Крюков Родка Иванович, стрелец (1690) 433
Кубан Иван, стрелец (1696) 441
Кудеяр, сын боярский (1589) 41
Кудрин Лев, служитель монастырский (1790) 504
Кузмин Семен, служитель монастырский (1790) 500
Куимов, стрелец сумский (1689) 432
Кукин Митрофан (1590) 420
Куницын Никифор, матрос, узник соловецкой тюрьмы 394
Куриков Ивашка, старец приборный (1690) 433
Курицын Захар, служитель монастырский (1790) 503
Куркин Ксенифонт, служитель монастырский (1790) 504
Курятков Василий, канонир петрозаводский (1790) 496, 519
Курятков Никита, егерь (1790) 495
Кушаков Сила, служитель монастырский (1790) 495
Кушников Илья, монах, казначей (1714) 466
Лаврентий, старец соборный, приказной из Сумы (1691) 368, 432
Лаврентий, старец соборный, приказной курицкой (1688) 388, 432
Лаврин Магнус, воевода шведский (1592) 42
Лаптев Терентий, служитель монастырский (1790) 501
Ларионов, старец городничий (1695) 439
Ларионов Афанасий, егерь (1790) 497
Ларсон Ханс, шведский воевода (1591) 42
Ласковский Ф. Ф. 13, 14, 71, 160, 184, 215, 218, 304, 364, 390
Лейцингер Я. И. 14, 84, 118, 124, 146, 214, 215, 337, 384, 385, 534
Леонтий, старец городничий (1694, 1695) 435
Леонтьев Иринарх, старец соборный, городничий (1696) 437, 439
Леонтьев Михей, корелянин из Вокнаволока (1608) 43

Лепехин Иван 12, 13, 33, 34, 38, 181, 218, 220, 335, 376
Лесков Корнила, служитель монастырский (1790) 501
Лжедмитрий I (1605–1606) 393
Лжедмитрий II (1609) 371
Ливен, генерал Архангельского наместничества (1794) 54
Лихарев Максим, воевода (1610, 1611) 43, 44, 384, 486
Лихачев Н. П. 54, 395
Лихмин Симон, служитель монастырский (1790) 501
Лобанов Иван, служитель монастырский (1790) 498
Логинов Агафон, канонир петрозаводский (1790) 497, 519
Логинов Иев, служитель монастырский (1790) 498
Ломоносов М. В. 12, 34
Ломтев Иван, служитель монастырский (1790) 499
Лопатин Иван, голова московский (1667) 486
Лопухин Иоанникий, монах, узник соловецкой тюрьмы (1705) 398
Лоскутов Иван Семенович, государственный крестьянин (1752) 117
Лукашев Агай, служитель монастырский (1790) 502
Лукашевич, полковник (1801) 51, 336
Лукин Андрей, фурьер (1790) 502
Лукин Трофим, капрал (1790) 497
Луков Артамон, служитель монастырский (1790) 504
Лукошин Антип, служитель монастырский (1790) 496
Лупандин Семен, сын боярский (1571) 24
Лупков Терентей, егерь (1790) 496
Львов Михаил, князь, управляющий печатным двором (1667) 393, 486
Людьяков Иван, сержант архангельский (1790) 499
Ляхов Антроп, служитель монастырский (1790) 501
Магнус, принц шведский (1573) 400
Мазепа, гетман (1721) 397
Макарий, архиепископ Архангелогородский (XIX в.) 397
Макарий, архимандрит соловецкий 13, 32, 35, 38, 52, 88, 117, 126, 135, 142, 145, 181, 187, 211, 214, 231, 239, 336, 376, 397–399
Макарий, архимандрит тихвинский (1667) 487

Макарий, митрополит (1553) 393
Макарий, патриарх Антиохийский 12
Макарьев Влас, канонир петрозаводский (1790) 497, 519
Максимов Лазарь, егерь (1790) 495
Максимов Парамон, рядовой (1790) 504
Максимов С. В. 60, 115, 182, 401, 402
Малый Михаил, слуга соловецкий (1579) 26, 27
Мальцов Василий, канонир новодвинский (1790) 501, 519
Мандыка, дворянин (1854) 525
Маркелл, игумен соловецкий, архиепископ Вологодский, прп. (1640) 46, 65, 405, 423, 488, 545
Маркелл, келарь (1674) 32
Маркелл, монах, подкеларник (1708) 456
Марков Александр, рядовой (1790) 504
Мартирий, старец соловецкий (1688–1690) 370, 433
Мартынов Василей, рядовой (1790) 503
Масельгин Васка, старец приборный (1690) 433
Масельгин Григорей, канонир соловецкий (1790) 498
Масельгин Еким, канонир соловецкий (1790) 500
Масельгин Иван, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
Масельгин Иван Большой, солдат соловецкий (1790) 520
Масельгин Иван Меньшей, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 519
Масельгин Илья, канонир соловецкий (1790) 499
Масельгин Фома, малолетний, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Масельгин Яким, солдат соловецкий (1790) 520
Матфей, иеромонах соловецкий, наместник (1854, 1855) 61, 525, 528
Медведев Яков, служитель монастырский (1790) 503
Меднеков Иван Большой, канонир соловецкий (1790) 499
Медников Василий, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Медников Иван Меньшой, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Мелентьев Никон, егерь (1790) 496
Мелетий, архимандрит соловецкий 32, 45, 62, 65, 71, 80, 116, 118, 120
Мело Николай, испанец, узник соловецкой тюрьмы 394
Мельников Емельян, служитель монастырский (1790) 501

- Мемнон, старец (1855) 527, 529, 530
Меншиков Александр, сподвижник Петра I 56
Меринов Захар, рядовой (1790) 501
Меркурий (Михайло Горбатый), инок (1583–1584)
Месельгин Григорей, солдат соловецкий (1790) 519
Месельгин Иван Меньшой, канонир, солдат соловецкий (1790) 519
Мещеринов Иван, воевода московский (1673–1676) 20, 32, 48, 49, 80, 94, 108, 123, 137, 147, 171, 173, 177, 210, 215, 216, 225, 247, 305, 361, 363, 375, 380, 384, 487
Минин Кирилл, служитель монастырский (1790) 497
Мирон, старец (1611) 43
Миронов Иван, канонир петрозаводский (1790) 501, 519
Михаил Федорович, царь русский (1613) 44, 46, 156, 169
Михайлов Артемий, служитель монастырский (1790) 498
Михайлов Архип, служитель монастырский (1790) 496
Михайлов Еремей, служитель монастырский (1790) 497
Михайлов Ерофей, служитель монастырский (1790) 501
Михайлов Иван, городской мастер (1582–1583, 1585, 1590) 10, 11, 17, 21, 33, 38, 39, 40, 67, 184, 240, 251, 298, 301–303, 415
Михайлов Иван, служитель монастырский (1790) 497
Михайлов Спиридон, десятский (1583) 33
Моисей, старец ружничий (1649) 426
Мокеев Иван, служебник (1704) 445
Молчанов Иван, рядовой (1790) 503
Молчанов Иван, сотник московский (1668) 47
Молчанов К. С. 13, 181, 211, 214, 215, 217, 218, 336, 376
Мордвинов Я. Я. 12, 181
Морянинов (Моренинов) Иван (1708, 1712, 1714) 456, 465, 469
Мошкин Гаврила, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
Мошников Андрей, малолетний, канонир соловецкий (1790) 498
Мошников Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Муравьев А. А. 58
Мурза, стрелец из Вирмы (1579) 29
Мусин Варлаам, старец (1694) 433
Мутовкин Иван, казачий атаман (1611) 43
Мырцов Иван, рядовой (1790) 505
Навагин Григорей, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Навагин Козма, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Назарьев Петр, рядовой (1790) 503
Насонов Ивашка, стрелец (1689) 364, 432
Неверов Василий, рядовой (1790) 501
Неверов Осип, рядовой (1790) 505
Неиграев Федор, кузнечный подмастерье, канонир (1790) 519
Непеин Матвей, расстрига, узник соловецкой тюрьмы (1743) 395
Неронов Иван, стрелец (1581) 30, 31
Нестеров Иван, стрелец (1696) 441
Нестюков Василий, солдат соловецкий (1790) 505, 520
Нестюков Петр, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
Нестюков Федор, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Никанов Устин, егерь (1790) 496
Никанор, архимандрит Савино-Сторожевского монастыря 393
Никанор, архимандрит соловецкий (1669, 1672) 48
Никитин Иван, рядовой (1790) 503
Никитин Матвей, канонир петрозаводский (1790) 495, 519
Никифорка, стрелец сумский (1690) 433
Никифоров Евдоким, рядовой архангельский (1790) 501
Никифоров Яков, служитель монастырский (1790) 505
Никодим, старец (1608) 38
Николаев Аммос, егерь (1790) 496
Николаев Н. Г. 382, 384
Николаев Павел, унтер-офицер инвалидной команды (1854, 1855) 61, 525
Николай, иеродиакон, оружейный (1712) 463
Николай, иеромонах соловецкий, благочинный (1854) 61, 525
Николай I, император российский (1825–1855) 13, 53, 58, 61, 231, 485, 534
Николай II, император российский (1894–1917) 392
Никон, митрополит Новгородский, патриарх Московский (1651, 1652) 11, 384, 393, 486
Никонович, прапорщик (1855) 61, 521, 525
Носов Богдан, служитель монастырский (1790) 501
Носов Ивашка, стрелец (1689)
Обрубов Яков, служитель монастырский (1790) 504

- Обрютин Савватий, келарь (1667) 486
Одинцов Михайло, сотник (1696) 441
Озерецковский Я. Н. 115, 182, 337, 376
Озеров Михаил Владимирович, сын боярский (1578, 1579) 24–26, 28, 29, 31, 308, 330, 381, 420
Оконьников, подпоручик (1794) 54
Оксен (Аксен), стрелец (1578) 25
Омманей Эрасмус, капитан англо-французской флотилии (1854) 522, 539
Онания, стрелец (1581) 30
Онегин Дмитрий, фурьер (1790) 502
Онегин Ивашка, стрелец сумский (1689) 365, 432
Оничков Александр (1660) 31
Оничков Андрей, стрелецкий голова в Новых Холмогорах (1587, 1589) 31, 41
Оничков Григорий (1581) 31
Оничков Захарий Васильевич (1614) 31
Оничков Киприан Владимирович, сын боярский (1579, 1581) 28–31, 303, 381
Онучин Иван Иванович, сын боярский (1582) 31
Опарин Петр, фурьер новодвинский (1790) 519
Ордин Михайло, капрал архангельский (1790) 498
Орлин Василий, служитель монастырский (1790) 502
Орлов Андрей, капрал архангельский (1790) 504
Орлов Иван, сержант (1790) 497
Островский Д. Н. 376
- Павел, головщик (1704, 1708) 446, 456
Павел Алеппский 12
Павел I, император российский (1801) 51, 405
Павлов Константин, рядовой (1790) 502
Павлов Петр, рядовой (1790) 503
Павлов Стенка, старец сумский (1689) 433
Паисий, архимандрит соловецкий (1825) 65, 97
Паисий, игумен соловецкий (1568) 486
Палицын Авраамий (Аверкий Иванович, дворянин), келарь Троице-Сергиева монастыря (1608–1610, 1620, 1627) 393
Панков Петр, рядовой архангельский (1790) 501
Панкратев Первуша, стрелец московский (1578) 25
Панозеров Антон, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Панозеров Григорей, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
Панозеров Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Панозеров Семен, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Панфилов Семен, служитель монастырский (1790) 496
Пархомов, губернский секретарь 392
Патока Захар, узник соловецкой тюрьмы (1721) 397
Патрикийев Иван, подьячий (1710, 1712) 466
Пафнутий, архиерей суздальский (1568) 486
Пермитин Игнашка, стрелец (1579) 29
Перфилов Семен, служитель монастырский (1790) 504
Пестриков — см. Илья
Петерсон, военачальник шведский, сын Петра Багге (1590) 42
Петр, воевода новгородский (1445) 23
Петр, старец соловецкий (1593) 420
Петр I, царь, император российский (1694, 1702, 1705) 35, 49, 50, 116, 333, 334, 352, 367, 373, 374, 393, 401, 447, 473, 487, 488, 511
Петр II, император российский (1727) 393
Петров Алексей, служба монастырский (1610) 43
Петров Архип, канонир петрозаводский (1790) 495, 519
Петров Гаврила, петрозаводский канонир (1790) 497
Петров Григорий, служитель монастырский (1790) 497, 519
Петров Лаврентий, служитель монастырский (1790) 499
Петров Мартын, служитель монастырский (1790) 497
Петров Матвей, канонир петрозаводский (1790) 497, 519
Петров Самойла, служитель монастырский (1790) 501
Петров Сергей, служитель монастырский (1790) 495
Петров Тимофей, таможник кемский (1708) 456
Петров Фадейка (1674) 137
Петровской Дмитрий, рядовой (1790) 502
Печников Макар, служитель монастырский (1790) 495
Пешков Прокофий, рядовой (1790) 502
Пинаев Иван, рядовой (1790) 503
Пирогов Афанасий, рядовой (1790) 503
Пирогов Иван, служитель монастырский (1790) 503
Писарев Скорняков Герман, старец соборный, оружейный (1712, 1714) 463, 466

Плешка Герасим, стрелец (1689) 364, 433
Плотников Аристарх, служитель монастырский (1790) 504
Погодин М. П. 62
Подшивалов Иван, служитель монастырский (1790) 498
Пожарский Дмитрий Михайлович, князь (1612, 1647, 1714) 64, 372, 374, 380, 393
Полетаев Тимофей, бомбардир новодвинский (1790) 500, 519
Полян Нифонт, монах, узник соловецкой тюрьмы (1705) 398
Пономарев Харлам, унтер-офицер инвалидной команды (1854, 1855) 61, 525
Попескуль Михаил, румын, поручик, узник соловецкой тюрьмы (1791) 394, 395
Попов Ипполит, рядовой (1790) 505
Попов Сергей, рядовой (1790) 502
Попов Степан, рядовой (1790) 502
Попов Степан, служитель монастырский (1790) 495
Порфеньев Оникей, каменщик, слуга монастырский (1594) 39
Поселянов Матвей, служитель монастырский (1790) 504
Посников Иван, рядовой (1790) 503
Посников Петр, служитель монастырский (1790) 498
Постелников Петр, сын боярский (1590) 42
Потапов Я., узник соловецкой тюрьмы (1876) 394
Поташев Алексей, служитель монастырский (1790) 502
Потемин Максим, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Потемкин Сенка, стрелец (1696) 441
Потеряха Трофим, кормщик (1704) 446
Прозоровский А. А., фельдмаршал 56
Прозоровский Петр, стрелец (1579) 29
Прозоровский С. В., князь, окольничий (1647) 372, 374
Прокл, иеромонах соборный из Сумы (1704, 1708) 388, 446, 456
Прокофьев Гур, служитель монастырский (1790) 495
Прокофьев Семен, егерь (1790) 495
Прокофьев Федор, служитель монастырский (1790) 499
Прокудин-Горский, фотограф (1916) 14, 98, 172
Протасий, старец соловецкий (1607) 401
Протопопов Елизарий, воевода московский (1593) 420
Пругавин А. С. 397
Пудов Никита, егерь (1790) 495
Путимцев Иван, секунд-майор (1758) 395

Пыжьянов, бывший фельдфебель, послушник (1854) 525
Пяхкирев Игнатий, фурьер (1790) 502

Радишевский А. М. 147, 234, 247
Раков Иван, рядовой (1790) 502
Ратицов Михаил, румын, узник соловецкой тюрьмы 394
Рафаил, игумен соловецкий (1632) 422
Резвин (Резин) Досифей, монах (1708, 1712) 456, 466
Резвой Михалка, слуга монастырский (1580) 30
Решетников Григорей, служитель монастырский (1790) 502
Ржевский Василий, воевода архангельский (1702) 50
Ровинский Д. А. 14, 86, 94, 97, 102, 107, 108, 170, 186, 209
Рогуев Иудка, беглец (1672) 94
Родионов Андрей, слуга пертоминский (1704, 1708) 445, 456
Родионов Петр, таможник кушерецкий (1708) 456
Росляков Тихон, служитель монастырский (1790) 504
Рубцов Козма, служитель монастырский (1790) 496
Румянцев-Задунайский П. А., фельдмаршал 56
Рыбин Федосей, служитель монастырский (1790) 502
Рыгин Никифор, служитель монастырский (1790) 505
Рыков, фейерверкер (1855) 526
Рянный Борис, казачий атаман (1611) 43

Савватий, монах соловецкий, прп. (1429) 12, 27, 54, 62, 63, 65, 68, 115, 120, 176, 426, 434, 435, 437–439, 442, 453, 457, 463, 485, 487, 523, 540, 541, 543, 544
Савин Корнила, служитель монастырский (1790) 500
Савин Овдушко, стрелец (1691) 367, 368, 432
Савинов Матвей, егерь (1790) 496
Сакулов Илья, рядовой (1790) 501
Салтыков Ивашка, узник соловецкой тюрьмы (1647/1648) 395
Салтыков Михайло, поручик Архангельского гарнизона (1721) 35
Саябьев Ворфоломей, служитель монастырский (1790) 495
Самошин Юрий, служитель монастырский (1790) 496

- Сапов Федот, служитель монастырский (1790) 504
- Сапожников Антип, служитель монастырский (1790) 497
- Саханов Василий, канонир соловецкий (1790) 500
- Саханов Прохор, канонир соловецкий (1790) 500
- Саханов Прохор, малолетний, канонир соловецкий (1790) 498
- Саханов Степан, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
- Свиньин П. П.* 182
- Севастьянов Ермолай, рядовой (1790) 503
- Семен, каменщик, слуга монастырский (1595) 39
- Семенов Абакум, рядовой (1790) 503
- Семенов Ефрем, служитель монастырский (1790) 498
- Семенов Зиновий, канонир петрозаводский (1790) 496, 519
- Семенов Иван, егерь (1790) 496, 497
- Семенов Нестор, стрелец сумский (1689) 433
- Семенов Осип, служитель монастырский (1790) 504
- Семенов Фрол, служитель монастырский (1790) 505
- Семенов Яков, егерь (1790) 497
- Серапион, старец городничий, монах оружейный (1703, 1705, 1708, 1714) 441, 446, 452, 456, 466
- Сергеев Артемий, егерь (1790) 497
- Сергеев А. Н.* 58
- Сергеев Максим, служитель монастырский (1790) 502
- Сергей, крестьянин (1757) 117
- Сергий, старец городничий, соборный (1696, 1703) 441
- Сеславин А. Н., генерал 56
- Силуан, старец ружничий (1649) 426
- Сильван, сторонник нестяжателей (1520-е гг.) 392, 394
- Сильвестр, иеродиакон (1709) 442
- Сильвестр (Спиридон, монах), протопоп (1560) 393
- Симаков Христофор, служитель монастырский (1790) 502
- Симсон П. Ф.* 53, 56
- Ситников Ефим, служитель монастырский (1790) 503
- Ситников Нечай, слуга монастырский (1608) 38
- Скалин Артамон, служитель монастырский (1790) 499
- Скворцов, капитан (1801) 51, 336
- Скобкин Антон, служитель монастырский (1790) 501
- Скопин-Шуйский М. В., полководец (1704, 1705, 1712, 1788–1789) 55, 64, 371–374, 443, 447, 453, 458, 464, 467, 473, 510
- Скрепов Евсей, служитель монастырский (1790) 501
- Скрыпин Дементий, служитель монастырский (1790) 502
- Скуратов Малюта (1570) 486
- Славин Устин, служитель монастырский (1790) 504
- Слепин Захар, служитель монастырский (1790) 504
- Смарьчков Николай, служитель монастырский (1790) 497
- Смирнов Василий, рядовой (1790) 505
- Снявин, капитан-лейтенант (1791) 306
- Соберг И. Ю.* 118
- Соболев Степан, служитель монастырский (1790) 497
- Соболев Фотий (Хотей), канонир петрозаводский (1790) 496, 519
- Соколов, отставной коллежский асессор (1854) 362, 522, 525
- Соколов, полковник (1801) 51, 336
- Соколов Григорий, рядовой (1790) 505
- Соханов Василий, солдат соловецкий (1790) 520
- Соханов Матвей, солдат соловецкий (1790) 519
- Соханов Прокофий, солдат соловецкий (1790) 520
- Спешнев Михаил, воевода (1623) 46
- Спиридон, иеродиакон (1714) 469
- Спиридон, монах — см. Сильвестр, протопоп (1560)
- Спиридон Михайлов сын, десятицкий (1583) 33
- Спиридонов Алексей, егерь (1790) 496
- Спицин Аверкий, канонир петрозаводский (1790) 495, 519
- Спицын Артюха, стрелец кемский (1689) 358, 432
- Стафуров Федор, слуга монастырский (1608) 38
- Степанов, штабс-капитан (1855) 526
- Степанов Алексей, служитель монастырский (1790) 497
- Степанов Василий, капрал (1790) 503
- Степанов Василий, сенатский курьер (1758) 395
- Степанов Веденей, служитель монастырский (1790) 497
- Стефанов Иван, верховный уставщик (1704, 1708, 1712, 1714) 360, 361, 443, 453, 463

- Стромилов Илларион, монах, келарь (1703, 1705, 1709, 1713) 358, 360, 361, 441, 452, 456, 463, 466
- Стропин Игнатий, служитель монастырский (1790) 505
- Суконин Гаврила, служитель монастырский (1790) 497
- Сулейн Агафон, служитель монастырский (1790) 501
- Сумароков А. П., литератор 56
- Сумский Никифорка, стрелец (1691) 365
- Суровцов Иван, егерь (1790) 495
- Суслов В. В. 337, 376
- Суханов Матвей, канонир соловецкий (1790) 498
- Сухарев Марко, служитель монастырский (1790) 498
- Сырцов И. Я.* 58, 59, 61
- Сычев Илья, служитель монастырский (1790) 496
- Тарасий, старец усольский (1688) 388, 432
- Тарасов Дмитрий, служитель монастырский (1790) 504
- Тарасов Яков, канонир петрозаводский (1790) 495, 519
- Тверитин Яков, пушкарь московский (1592) 341, 420
- Творогов Михайла, служитель монастырский (1790) 503
- Телегин Исай, служитель монастырский (1790) 504
- Телеков Никифор, егерь (1790) 495
- Темкин Василий, князь (1568) 486
- Теплухин Афанасий, рядовой (1790) 503
- Терентьев Савва, служитель монастырский (1790) 501
- Терентьев Степан, капрал (1790) 496
- Терской Федор, рядовой (1790) 502
- Тимин Мирон, староста кенозерский (1757) 117
- Тимофеев Василий, капрал (1790) 495
- Тимофеев Исай, служитель монастырский (1790) 496
- Тимофеев Роман, рядовой (1790) 503
- Тимоханов Илья, капрал новодвинский (1790) 500, 519
- Титов Иван, солдат соловецкий (1790) 505, 520
- Толицкой Иван, сержант, егерь (1790) 496
- Толстой Иван Петрович, узник соловецкой тюрьмы (1727–1728) 393, 395
- Толстой Петр Алексеевич, дипломат, сенатор, управляющий тайной канцелярией, узник соловецкой тюрьмы (1727–1729) 393, 395, 396
- Торстенссон Ларс, распорядитель работ в Кореле (1585) 180
- Требухов Сидор, служитель монастырский (1790) 498
- Трепицын Илья, служитель монастырский (1790) 495
- Третьяков, сотник московский (1593) 42
- Третьяков Иван Артемьевич, соборный подьячий (1704) 445
- Трифанов Алексей, служба монастырский (1610) 43
- Трифанов Андрей, барабанщик петрозаводский (1790) 505
- Трифанов Антон, служитель монастырский (1790) 504
- Трифонов Сидорка, кемлянин (1610) 43
- Трофимов Иван, егерь (1790) 496
- Трофимов Иван, слуга (1704–1705) 446
- Трошкин Ипат, служитель монастырский (1790) 504
- Тупииков Степан (Стефан), солдат соловецкий (1790) 505, 520
- Турналь Август, француз, узник соловецкой тюрьмы 394
- Тутолмин Тимофей Иванович, генерал-губернатор (1790, 1794) 50, 54
- Тягин Агап, служитель монастырский (1790) 501
- Ульянов Федот, служитель монастырский (1790) 497
- Умбачев Алексей, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
- Умбачев Андрей, канонир, солдат, соловецкий (1790) 498, 519
- Умбачев Антон, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
- Умбачев Василий, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
- Умбачев Григорий, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
- Умбачев Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 500, 520
- Умбачев Иван, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
- Умбачев Максим, канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
- Умбачев Матвей, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
- Умбачев Михайло, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520
- Умбачев Петр, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 499, 520

Умбачев Степан, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519

Умбачев Федор, канонир соловецкий (1790) 499

Умбачев Федор, малолетный, канонир соловецкий (1790) 498

Усачев Петр, егерь (1790) 496

Усков Прокофий, служитель монастырский (1790) 497

Устин, стрелец (1608) 38

Устинов Прохор, егерь (1790) 495

Устинов Филипп, егерь (1790) 495

Уткин Антип, служитель монастырский (1790) 502

Ушаков Иван, егерь (1790) 495

Федор, посадник новгородский (1335) 180

Федор Алексеев сын, стрелец московский (1578)

Федор Алексеевич, царь (1676–1682) 487

Федор Иоаннович, царь (1584, 1588) 26–28, 32–35, 37, 39, 40, 42, 65, 72, 309, 341, 393, 486, 532

Федоров Гаврило, канонир петрозаводский (1790) 496, 519

Федоров Онания, стрелец (1579) 29

Федоров П. Ф. 35, 63, 64, 71

Федоров Степан, рядовой (1790) 503

Федосеев Алексей (1691) 358, 432

Федотов Сергей, егерь (1790) 497

Феодулов (Федулов) Потап, слуга, служебник (1708, 1709, 1712, 1714) 456, 465, 466, 469

Феокист, иеродьякон (1788–1789) 471

Феокист, монах соловецкий (1675, 1676) 11, 20, 48, 108, 123, 177, 305, 487

Феофан, кузнец (1691) 367, 432

Ферапонт, старец (1583) 33

Филарет, монах (1712, 1714) 466, 469

Филарет Никитич, патриарх Московский (1621) 45

Филипп (Федор Степанович Колычев), игумен соловецкий, патриарх Московский, прп. (1552–1566, 1570, 1584) 17, 54, 64, 65, 116, 176, 183, 255, 393, 396, 434, 435, 437, 439, 456, 485–489, 523, 524, 542, 543, 545

Филиппов Гаврила, рядовой (1790) 502

Филиппов Ивашка, стрелец (1689) 365, 433

Филиппов Федор, подпоручик (1790) 50

Филиппов Федор, стрелец (1690) 365, 433

Фирс, архимандрит соловецкий (1694–1696, 1701, 1703–1705, 1708, 1709, 1712, 1714) 400, 433, 435, 437, 439, 441, 446, 452, 453, 456, 463

Фирс, иеромонах, казначей соловецкий (1691) 432

Фомин А. И. 12, 13, 35, 38, 51, 117, 182, 214, 231

Фредерик II, король датский (1582) 32

Фридман Л. 147, 247

Халин Корней, служитель монастырский (1790) 499

Харин Михайла, рядовой (1790) 503

Хашов Сергей, служитель монастырский (1790) 498

Херасков М. М., поэт 56

Хованский Иван Никитич, боярин (1652) 486

Христиан IV, король датский (1619) 44

Чадуев Василий, сотник московский (1668) 47

Чалков Алексей, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 520

Чалков Василий, солдат соловецкий (1790) 505, 520

Чеботарев Устин, служитель монастырский (1790) 499

Чейн С. П., английский лейтенант (1855) 527

Челищев П. И. 13, 51, 306, 335

Черепанов Иван, рядовой (1790) 502

Черной Дмитрий, капрал архангельский (1790) 499

Чеснаков Филипп, служитель монастырский (1790) 500

Чикин Федор, рядовой (1790) 505

Чиркин Елизар, служитель монастырский (1790) 502

Чистого Алмаз Иванович, дьяк московский (1676) 49, 340, 428, 487

Чихкоев Сидорка Трифанов сын (1610) 43

Чудов Иван, егерь (1790) 496

Чулков Мартемьян, служитель монастырский (1790) 503

Шакуров Смирной, голова московский (1589) 41

Шамин Иона, инок соловецкий 542

Шангин Ивашка, расстрига, узник соловецкой тюрьмы (1701) 401

Шапошников Николай, сержант архангельский (1790) 505

Шарапов П. Н. 58

Шеметев Игнатий, канонир петрозаводский (1790) 495, 519

Шераков Иван, рядовой (1790) 504
Шереметевский В. В. 543–545
Шлюпкин Логин, служитель монастырский (1790) 504
Шмонин Алексей, канонир новодвинский (1790) 497, 519
Шовин Дмитрий, служитель монастырский (1790) 500
Шубин Трофим, служитель монастырский (1790) 495
Шувалов Петр Иванович, граф, генерал (1757, 1758) 339, 359, 361, 374, 375, 377, 382, 474, 511, 512
Шуйский-Скопин Иоанн Иоаннович, князь 372
Шурупов, рекрут, раскольник (1854) 525
Шустров С. 65
Шушера Григорий, слуга монастырский (1580) 30

Щаннин Евдоким (Щанников), канонир, солдат соловецкий (1790) 499, 520
Щанников Андрей, малолетний, канонир соловецкий (1790) 499
Щанников Иван, канонир, солдат соловецкий (1790) 500, 505, 520
Щанников Матвей, канонир, солдат соловецкий (1790) 498, 519
Щанников Федор, малолетний, канонир соловецкий (1790) 498
Щербаков Василий, крестьянин, узник соловецкой тюрьмы 394

Щербатой Савва, служитель монастырский (1790) 496

Щриков Тимофей, кормщик (1704) 446

Энгельс Ф. 59

Юренев Семен, сотник московский (1579, 1590, 1592, 1593) 26, 42

Якоб ван Стендел, фортификатор шведский (1582–1585) 180

Яков, посадник новгородский (1364) 179, 180

Яковлев Л. 382, 384

Яковлев Максим, служебник (1704, 1708) 445, 455

Яковлев Михайла, служитель монастырский (1790) 497

Яковлев Потап, служитель монастырский (1790) 500

Яковлев Семен, стряпчий (1708, 1712, 1714) 466, 469

Яковлев Тимофей Ресец, стрелец кемский (1688) 364, 433

Якубовский, дворянин, титулярный советник (1854) 525

Ялков Филат, рядовой (1790) 504

Яхонтов Иван Михайлович, воевода московский (1590, 1594) 35, 36, 42, 301, 533

Яшников Николай, рядовой (1854, 1855) 61

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

МАТЕРИАЛЫ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВОВ

- Акт 1856 г.* — Акт о нападении двух английских судов на Соловецкий монастырь в 1854 г. от 23 апреля 1856 г. Копия // РГИА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 785.
- Васильев, 1790 г.* — Сокращенное историческое описание Соловецкого монастыря. О острове Соловецком с чертежами 1790 г. // ОР РГБ. Ф. 178. Д. 4302.
- Васильев, 1825 г.* — Краткое историческое описание Соловецкого монастыря. Сочинено инженером-поручиком Васильевым. 1825 г. // Музей АХ. Д. 19-М-25.
- Ведомость 1790а г.* — Ведомость, учиненная об артиллерийских орудиях и всяких воинских снарядах, в Соловецком монастыре хранящихся. 12 января 1790 г. Составлена прапорщиком Ивановым // РГИА. Ф. 796. Оп. 71. Д. 5.
- Ведомость 1790б г.* — Ведомость об имеющихся при Соловецкой крепости артиллерийских орудиях с принадлежащими к оным снарядами и принадлежностями. 21 октября 1790 // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1944.
- Вооружение крепостей 1794 г.* — РГВИА. Ф. ВУА. Д. 21527.
- Грамота 1701 г.* — Грамота 22 декабря 1701 г. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1019.
- Дело 1742 г.* // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ед. хр. 1772а.
- Дело 1742–1743 гг.* — Дело о засыпке земляных тюрем Соловецкого монастыря. 1742–1743 гг. // РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 54.
- Дело 1744 г.* — Дело о выдаче каменщикам Степану Белоселову и Степану Берникову денег за работу. 1744 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 2063.
- Дело 1748 г.* — Дело о ремонте Сумского острога 1748 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 2505.
- Дело 1758 г.* — Дело о засыпке земляных тюрем Соловецкого монастыря. 1758 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 39. Д. 23.
- Дело 1789 г.* — Дело о письмах для сочинения плана Соловецкого монастыря. 1789 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 70. Д. 226.
- Дело 1819 г.* // РГИА. Ф. 796. Оп. 100. Д. 551.
- Дело 1826–1828 гг.* — Дело о разных постройках 1826–1828 гг. // РГИА. Ф. 796. Оп. 109. Д. 1461.
- Дело 1827 г.* — Смета на устройство арестантского дома и закладку в стене амбразур. 3 августа 1827 г. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1219.
- Дело 1828 г.* — Рапорт архимандрита Досифея о постройках и починках 1828 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 109. Д. 1461.
- Дело 1830 г.* — Дело по рапорту архимандрита Досифея о постройках и починках. 1830 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 111. Д. 752.
- Дело 1832 г.* — Дело о произведенных в Соловецком монастыре работах. 1832 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 113. Д. 1689.
- Дело 1834 г.* — Дело о работах в Соловецком монастыре. 1834 г. // ЦГИА. Ф. 796. Оп. 115. Д. 1712.
- Дело 1836 г.* — Ведомость произведенным с июня месяца 1836 г. починкам // РГИА. Ф. 796. Оп. 117. Д. 1439.
- Дело 1838 г.* — Рапорт о произведенных по Соловецкому монастырю новых постройках, починках. 2 ноября 1838 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 119. Д. 1426.
- Дело 1839 г.* — Дело о произведенных в Соловецком монастыре работах. 1839 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 120. Д. 1503.
- Дело 1854 г.* — Дело о постройках и починках в Соловецком монастыре. 1854 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 2289.
- Дело 1906 г.* // РГИА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 1898.

- Дело 1907 г.* // РГИА. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 122.
- Документы* — Документы, касающиеся монастырского управления и быта // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 525.
- Дорожная книга 1845 г.* — Дорожная книга для богомольцев, путешествующих в Соловецкий монастырь. 1845 г. // РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 199.
- Книга 1536–1600 гг.* — Книга вкладная Соловецкого монастыря 1536–1600 гг. Черновик // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 125.
- Книга 1539–1770 гг.* — Книга вкладная Соловецкого монастыря. 1539–1770 гг. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1403.
- Книга 1651 г.* — Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря ружничьему старцу Моисею. 1651 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 251.
- Книга 1694а г.* — Книги отводные Соловецкого монастыря городничего старца Варсонофия городничему старцу Гермогену. Июль 1694 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 353.
- Книга 1694б г.* — Книга отводная Соловецкого монастыря городничего старца Гермогена городничему старцу Леонтию. 19 ноября 1694 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 357.
- Книга 1695 г.* — Книга отводная Соловецкого монастыря городничего старца Леонтия городничему старцу Афанасию. 15 января 1695 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 359.
- Книга 1696 г.* — Книга отводная Соловецкого монастыря городничего старца Сергия городничему старцу Иринарху Леонтьеву. 10 сентября 1696 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 376.
- Книга 1703 г.* — Книга отводная Соловецкого монастыря от городничего соборного старца Сергия городничему старцу Серапиону. 14 июля 1703 г. и последующих отводов 2 сентября 1705 г. и 18 января 1709 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 769.
- Книга 1708 г.* — Книга отводная оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного монаха Серапиона оружейному иеромонаху Афонию. 13 июня 1708 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 201.
- Книга 1709 г.* — Книга отводная городничих старцев Соловецкого монастыря, «Что по башням оружия». 7 июля 1709 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 206.
- Книга 1714 г.* — Книги отводные оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного старца Германа Скорнякова Писарева городничему монаху Серапиону. 2 марта 1714 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 941а.
- Книга 1765 г.* — Книга получаемым промемориям и сообщениям. 1765 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 826.
- Книга 1779 г.* — Книга отводная Соловецкого монастыря житийным службам // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 929.
- Книги 1688–1691 гг.* — Книги оружейной казны Соловецкого монастыря старца Варлаама. 1688–1691 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 298.
- Книги 1704 г.* — Книги отводные оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного соборного старца Антония оружейному старцу Иринарху Дернову. 19 июня 1704 г. и 26 июля 1705 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Ч. 1. Д. 792.
- Книги 1711 г.* — Книги переписные Соловецкого монастыря подполковника Ивана Кокоскина. 1711 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 154.
- Книги 1712 г.* — Книги отводные оружейной казны Соловецкого монастыря от оружейного иеродиакона Николая оружейному соборному старцу Герману Писареву. 28 мая 1712 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 848.
- Копии грамот 1742 г.* — Документы, касающиеся 2-й ревизии с приложением справок о боевом снаряжении монастыря, копии грамот 1742 г. со времени острога 1578 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1707.
- Опись НГ 1701–1704 гг.* — Опись низовских городов 1701–1704 гг. // РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 53 (Машинописная копия под редакцией М. С. Полубоярова, 2012). URL: inpenza.ru/history/1701-opisgorodov/008.php (дата обращения 09.02.2016).
- Опись СМ 1597 г.* — Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Исидору 1597 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 127.
- Опись СМ 1604 г.* — Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Антонию 1604 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 128.

- Опись СМ 1613 г.* — Книги отписные Соловецкого монастыря игумена Иринарха 1613 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 130.
- Опись СМ 1632 г.* — Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря игумену Рафаилу. 1632 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 137.
- Опись СМ 1639 г.* — Описная книга Соловецкого монастыря игумену Маркеллу. 1639 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 7. Д. 138.
- Опись СМ 1640 г.* — Книги отписные и отводные Соловецкого монастыря игумену Маркеллу. 1640 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 139.
- Опись СМ 1645 г.* — Книги переписные Соловецкого монастыря игумену Илье. 1645 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 141.
- Опись СМ 1668 г.* — Книги отводные Соловецкого монастыря. 1668 г. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 142.
- Опись СМ 1676 г.* — Книга описная Соловецкого монастыря игумена стольника и воеводы князя Владимира Андреевича Волконского да дьяка Алмаза Чистого. 1676 г. // РГАДА. Ф. 125. Оп. 1. Д. 555.
- Опись СМ 1692 г.* — Архив СПбИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 144.
- Опись СМ 1705 г.* — Опись Соловецкого монастыря и вотчин его, составленная дьяком Карпом Андреевым по указу Петра I. 1705 г. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1404.
- Опись СМ 1733 г.* — Архив СПбИИ РАН. Колл. 115. № 55.
- Опись СМ 1788–1789 гг.* — Опись Соловецкого монастыря. 1788–1789 гг. // РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2421д.
- Опись СМ 1789 г.* — РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2421е. Кн. 5.
- Опись СМ 1795 г.* — Опись Соловецкого монастыря. 1795 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 72. Д. 225.
- Опись СМ 1866а г.* — Главная церковная ризничная опись. 1866 г. Ч. I // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1282.
- Опись СМ 1866б г.* — Главная церковная ризничная опись. 1866 г. Ч. II // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1434.
- Осада 1854 г.* — Осада Соловецкой обители 1854 г. // ОР РГБ. Ф. 218. Д. 341.2.
- Письма-донесения 1854–1855 гг.* — Письма-донесения соловецкого архимандрита Александра в Синод о военных событиях 1854–1855 гг. // РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 1217.
- Письмо 1742 г.* — Письмо старосты Панозерского погоста. 1742 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1772.
- Письмо 1890 г.* — Письмо архангельского губернатора в Императорскую Академию художеств // ИИМК. Ф. 1. Д. 25.
- План 1743 г.* — План тюрем Соловецкого монастыря. Б. д. // Архив СПбИИ РАН. Колл. 220. Оп. 1. Д. 170¹.
- План СМ 1770 г.* — План Соловецкого монастыря 1770 г. // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 1243. Л. 1.
- План XIX в.* — Копия плана Головленковой тюрьмы. XIX в. // РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 2941.
- Повесть XVIII в.* — Повесть Соловецкого монастыря: взятие и разорение // ОР РГБ. Собр. Шибанова. Д. 21. В сб. Соловецком. Л. 158–252.
- Покрышкин П. П. рук. 1* — Соловецкий монастырь и приписные к нему. Литература, библиография // Архив ИИМК РАН. Ф. 21. Д. 388. Ящик 1.
- Пошлинная книга 1660 г.* // РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Д. 99.
- ПРК 1577–1579 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1577–1579 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 208.
- ПРК 1579–1581 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1579–1581 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 209.
- ПРК 1581–1582а гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1581–1582 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 422.
- ПРК 1581–1582б гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1581–1582 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 423.
- ПРК 1583–1585 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1583–1585 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 211.

¹ Ранее данный план значился под другим шифром: Картон 29. Ед. хр. 1628.

- ПРК 1587г.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1587 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 424.
- ПРК 1593–1596 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1593–1596 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 213.
- ПРК 1602–1608 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1602–1608 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 214.
- ПРК 1608–1612 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1608–1612 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 217.
- ПРК 1611–1733 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1611–1733 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 4. Д. 4.
- ПРК 1614–1617 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1614–1617 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 15.
- ПРК 1619–1622 гг.* — Приходо-расходные книги денежной казны Соловецкого монастыря 1619–1622 гг. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 224.
- ПРК 1759 г.* — Приходо-расходная книга Соловецкого монастыря 1759 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 743.
- Реестр 1742 г.* — Реестр пушек Соловецкой крепости и оружейной палаты. 1742 г. // РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1707.
- Сказание 1603–1604 гг.* — Сказание о Соловецкой обители 1603–1604 гг. // РНБ. Сол. 369/389. Л. 317 об. — 323 об.
- СЛ-1 XVI в.* — Соловецкий летописец конца XVI в. // РНБ. Ф. 717. Сол. 22/1481.
- СЛ-2 XVI в.* — Соловецкий летописец конца XVI в. // РНБ. Ф. 717. Сол. 877/987.
- СЛXVII в.* — Соловецкий летописец XVII в. в списке XVIII в. // РНБ. Ф. 717. Сол. 785/895.
- СЛ-1 XVIII в.* — Соловецкий летописец конца XVIII в. // РНБ. Ф. 717. Сол. 484/503.
- СЛ-2 XVIII в.* — Соловецкий летописец XVIII в. // РНБ. Ф. 717. Сол. 483/502.
- СЛ-3 XVIII в.* — Соловецкий летописец конца XVIII в. // Архив ИИМК РАН. Ф. 29 (материалы Н.Н. Романова). Д. 1409.
- СЛ-4 XVIII в.* — Соловецкий летописец конца XVIII в. // БАН. Арханг. Д. 507².
- СЛ 1796 г.* — Соловецкий летописец. 1796 г. // СРК НБРК. Д. 45614р.; URL: <http://library.karelia.ru/rus/infres/ruscopis/solovruk.shtml> (дата обращения 2017 г.).
- СЛ 1814 г.* — Соловецкий летописец. 1814 г. // Архив РГО. Разряд 114. Оп. 1. Д. 94.
- Смета 1815 г.* — Смета Соловецкого монастыря на 1815 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 96. Д. 507.
- Смета 1827 г.* — Копия сметы на устройство арестантского дома и закладку в стене амбразур. 3 августа 1827 г. // ГИКМЗ «МК». Инв. № Рук-1219.
- Формулярный список 1803 г.* — Формулярный список о службе и о протчем состоящим при кронштатской инженерной команде штаб обер офицерам и кондукторам // РГВИА. Ф. 11. Оп. 6. Д. 38.

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ АРХИВОВ ГОСУЧРЕЖДЕНИЙ

- Алешковский П.М.* рук., 1980 — Археологические раскопки в Соловецком монастыре в 1980 г. М., 1980. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 8257; Архив ЦНРПМ. № 88/1471; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 250.
- Ансамбль* рук., 1953 — План геосъемки территории Соловецкого монастыря («Военморпроект-27»). 1953 г. // Архив ЦНРПМ. № 88/2070; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 215.
- Бессонов Г.Б.* рук., 1980 — Ансамбль Соловецкого монастыря. Инженерно-геологические изыскания между Пристенком и Рыбными воротами (чертежи № 1415–1418, 1420). М., 1980. Рукопись // Архив ЦНРПМ. Инв. № 88/1415-1418, 1420; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 216.
- Бессонов Г.Б., Липатникова И.* рук., 1984 — Прядильная башня. Укрепление валунной и кирпичной кладки стен. Рабочие чертежи. М., 1984 //

² Выписки В.В. Скопина (Скопин В.В. рук., 1981а, № 170).

- Архив ЦНРПМ. №88/1829; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 297.
- Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А.* рук., 1996 — Исследование и классификация бойниц верхнего боя крепостных стен Соловецкого монастыря. Соловки, 1996. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 378.
- Брагина И.Г., Коробейник И.Г., Петровская Л.А.* рук., 1997 — Крепость Соловецкого монастыря. Обмеры фрагментов (Стрельница Никольской башни, Архангельские ворота, ворота Кoroжной башни). Соловки, 1997. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 123.
- Брагина И.Г., Сошин В.В., Стерлигов В.В.* рук., 1991 — Крепость. Прясло между Благовещенской церковью и Успенской башней. Обмеры. Соловки, 1991 // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 266.
- Буров В.А.* рук., 1976а — Археологические исследования в Соловецком монастыре в 1976 года. М., 1977. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №6136; Архив ЦНРПМ. №88/984; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246.
- Буров В.А.* рук., 1976б. — Археологические раскопки в Кoroжной башне Соловецкого монастыря XVI в. М., 1976. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 293.
- Буров В.А.* рук., 1976в — Графические материалы. Приложение к альбому 88/939. М., 1976. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/913.
- Буров В.А.* рук., 1976г — Крепостные сооружения монастыря. XVI — начало XVII в. Историко-архитектурная справка к генеральному проекту реставрации комплекса Соловецкого монастыря (по историко-архивным и графическим материалам). М., 1976. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/1400; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 252.
- Буров В.А.* рук., 1976д — Материалы историко-архивных изысканий из фондов архива Государственной Оружейной палаты Московского Кремля. М., 1976. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/912; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 160.
- Буров В.А.* рук., 1977а — Соловецкий архипелаг. Историко-архитектурные памятники Соловецкого монастыря. Историческая записка. Материалы к проекту генерального плана музея-заповедника. М., 1977. Рукопись // Архив ЦНРПМ. Д. 88/981.
- Буров В.А.* рук., 1977б — Соловецкий архипелаг. Историко-архитектурные памятники Соловецкого монастыря. Историческая справка к проекту генерального плана историко-архитектурного и природного музея-заповедника. М., 1977. Рукопись // Архив ЦНРПМ. Д. 88/982.
- Буров В.А.* рук., 1978 — Соловецкий монастырь. Археологические исследования 1977 года. М., 1978. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №6136; Архив ЦНРПМ. №88/1056; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 248.
- Буров В.А.* рук., 1979 — Соловецкий монастырь. Археологические исследования 1978 года. М., 1979. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №7292; Архив ЦНРПМ. №88/1175; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 249.
- Буров В.А.* рук., 1996 — Раскопки в Соловецком монастыре. 1996 г. М., 1996. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №20563; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 105.
- Буров В.А.* рук., 1997 — Раскопки в Соловецком монастыре в 1997 г. (Северный ров и Головленкова тюрьма). М., 1997. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №20748; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 108.
- Буров В.А.* рук., 1999 — Раскопки в Соловецком монастыре в 1998 г. М., 1999. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №22066; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 111.
- Буров В.А.* рук., 2000 — Раскопки в Соловецком монастыре Архангельской области в 1999 г. М., 2000. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №22930; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 113.
- Буров В.А.* рук., 2001 — Отчет о раскопках в Соловецком монастыре в 2000 г. в двух частях. М., 2001. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-І. №24553, 24554; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 114.

- Буров В.А.* рук., 2002 — Отчет о раскопках Соловецкой археологической экспедиции на территории Соловецкого монастыря в 2001 г. М., 2002. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 26042–26044; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 116, 117.
- Буров В.А.* рук., 2003 — Отчет о раскопках Соловецкой археологической экспедиции на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2002 г. М., 2003. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 26811–26813; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 35–37.
- Буров В.А.* рук., 2004 — Отчет о раскопках Соловецкой археологической экспедиции на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2003 г.: В 2 т. М., 2004. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 27527, 27528; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 51-1, 2.
- Буров В.А.* рук., 2005 — Отчет о раскопках Соловецкой археологической экспедиции на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2004 г.: В 3 т. М., 2005. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 27533–27535; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 92-1, 2, 3.
- Буров В.А.* рук., 2006 — Отчет Соловецкой (средневековой) археологической экспедиции о раскопках на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2005 г. М., 2006. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 27539, 27540; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 120-1, 2.
- Буров В.А.* рук., 2007 — Отчет Соловецкой средневековой археологической экспедиции о раскопках на территории Соловецкого монастыря Архангельской области в 2006 г.: В 2 т. М., 2007. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 27580, 27581; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 168-1, 2.
- Буров В.А.* рук., 2011 — Отчет об археологических раскопках на территории Соловецкого монастыря и в окрестностях поселка Соловецкий Приморского района Архангельской области в 2010 году. М., 2011. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 302.
- Буров В.А.* рук., 2014 — Отчет об археологических раскопках на территории Соловецкого монастыря Приморского района Архангельской области в 2013 году. М., 2014. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 477.
- Буров В.А.* рук., 2015 — Отчет об археологических раскопках на территории Соловецкого монастыря Приморского района Архангельской области в 2014 году: В 2 т. М., 2015. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 523, 524.
- Буров В.А.* рук., 2016 — Отчет об археологических раскопках на территории Соловецкого монастыря Приморского района Архангельской области в 2015 году. М., 2016. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 554.
- Вахрамеева Т.И., Копнин В.Г., Ефремов Ф.В.* рук., 2011 — Никольская башня. Предварительные работы, обследования и обмер для проекта первоочередных, противоаварийных работ. ЗАО «ЛАД». Т. 1. Петрозаводск, 2011. Рукопись // Архив Соловецкого монастыря; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 258.
- Владимирская В.В.* рук., 1981а — Крепостные сооружения Пристенка. XVII век. Квасоваренная башня. Эскизный проект реставрации. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1506; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 273.
- Владимирская В.В.* рук., 1981б — Крепостные сооружения Пристенка. XVII век. Поваренная башня. Эскизный проект реставрации. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1507; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 274.
- Владимирская В.В.* рук., 1981в — Крепостные сооружения Пристенка. XVII век. Прясла крепостных стен. Эскизный проект реставрации. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1511; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 275.
- Владимирская В.В.* рук., 1981г — Крепостные сооружения Пристенка. XVII век. Эскизный проект реставрации. Материалы историко-архивных исследований за 1980–1981 гг. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1576; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 276.
- Владимирская В.В.* рук., 1982 г. — Материалы историко-архивных изысканий по сооружениям монастыря за 1980 г. М., 1982 // Архив ЦНРПМ.

- № 88/1615; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 118.
- Владимирская В.В.* рук., 1989 — Корожная башня. Исходно-разрешительная документация. Предварительные работы. Т. 1. Кн. 1. М., 1989. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 294.
- Владимирская В.В., Веселова Н.А.* рук., 1989 — Соловецкий монастырь. Никольская башня. Проект реставрации и приспособления. М., 1989. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/3199; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 289.
- Владимирская В.В., Смирнов Н.Н., Любешкин А.* рук., 1989 — Соловецкий монастырь. Северное прясло. Исходно-разрешительная документация. Предварительные работы. М., 1989. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/3198; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 263.
- Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А.* рук., 1985 — Крепость Соловецкого монастыря. Западное прясло крепостной стены между Успенской и Корожной башнями. Рабочая документация к проекту реставрации. М., 1985. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/2086-2094; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268.
- Воробьев А.В., Курлов В.В.* рук., 1958 — Соловецкий монастырь. Поваренная башня 1621 г. Архитектурно-археологические обмеры 1956 г. М., 1958. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/112; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 269.
- Воробьев А.В., Курлов В.В.* рук., 1959 — Соловецкий монастырь. Квасоваренная башня 1621 г. Архитектурно-археологические обмеры 1956 г. Папка II. М., 1959. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/139; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 270.
- Воробьев А.В., Савицкая О.Д.* рук., 1961а — Акты технического осмотра зданий (общая характеристика и описание технического состояния по всем памятникам монастыря). Предварительная документация по памятникам архитектуры бывшего Соловецкого монастыря. М., 1961. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/229; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 152.
- Воробьев А.В., Савицкая О.Д.* рук., 1961б — Никольская башня. Рабочие чертежи. 1961. Рукопись // СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 288.
- Воробьев А.В., Савицкая О.Д.* рук., 1964 — Корожная башня. Проект реставрации покрытия. 1964. Рукопись // СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 291.
- Ворожейкина М.Е.* рук., 2005 — Отчет о научно-исследовательских охраняемых археологических работах на территории пос. Соловецкий Архангельской области [в 2005 г.]. М., 2005. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 193-2.
- Ворожейкина М.Е.* рук., 2006 — Отчет об археологических наблюдениях при проведении реконструкции (перекладке) подземных коммуникаций на территории пос. Соловецкий Архангельской области [в 2005 г.]. М., 2006. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 193-1.
- Ворожейкина М.Е.* рук., 2007 — Отчет об археологических наблюдениях при проведении реконструкции (перекладке) подземных коммуникаций на территории пос. Соловецкий Архангельской области в 2006 г. М., 2006. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 151.
- Гемп К.П.* рук., 1951 — К вопросу о топографии и истории построек Соловецкого монастыря. Архангельск, 1951. Рукопись // Архив ЦНРПМ. Д. 88/201; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51.
- Горелик Л.С.* рук., 1961 — Отчет о геодезических изысканиях, выполненных на территории Соловецкого кремля. М., 1961. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/236.
- Илатовская Э.М., Шилова Т.В., Владимирская В.В., Бессонов Г.Б.* рук., 1984 — Акт технического состояния. Западное прясло. М., 1984. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1933; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 261.
- Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* рук., 1968 — Археологическое обследование башен Соловецкого кремля [в 1968 г.]. Л., 1968. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 3-4.
- Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* рук., 1971 — Археологическое и геофизическое обследование территории Соловецкого кремля в 1971 г. Л., 1971. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 61. Л. 1-2.

- Крепость, материалы рук.*, 1979 — Материалы предварительной документации. Строительные обмеры «Военморпроекта-27». 1953 г. [Светокопии 1960 г.]. М., 1979 // Архив ЦНРПМ. №88/1200; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 52-2.
- Крепость, обмеры*, 1954 — Соловецкие острова. Обмеры по архитектурно-строительной части. Т. 1. 1954 г. «Военморпроект» №1 // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 49.
- Коробейникова И.Г., Петровская Л.А. рук.*, 1999 — Архангельская башня. Обмеры. Чертежи. Соловки, 1999 // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 279.
- Курлов В.И. рук.*, 1956 — Архивные и библиографические материалы. Выписки архитектора В.И. Курлова. М., 1956. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/103.
- Курлов В.В. рук.*, 1959 — Хронология Соловецкого монастыря по данным историко-архивных исследований. М., 1959. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/151; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 150.
- Лебедько А.С., Прусак О.В., Фалеев Е.С. рук.*, 2006 — Соловецкая крепость XVI в. Научно-проектная документация. Предварительные исследования. Архангельск, 2006. Рукопись // Архив ТМРД. №004/06; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 132.
- Липатникова И. рук.*, 1983 — Прядильная башня. Заключение о техническом состоянии. М., 1983. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/1933; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 295.
- Мартынов А.Я. рук.*, 1989 — Отчет о работе археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника в 1988 году. Архангельск–Соловки, 1989. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №13337, 13338 (альбом); Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 87.
- Мартынов А.Я. рук.*, 1990 — Отчет о работе археологической экспедиции Соловецкого музея-заповедника в 1989 г. Архангельск–Соловки, 1990. Т. 1, 2. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №14753, 14754 (альбом); Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 90, 91.
- Понсов В.А. рук.*, 1982 — Археологические исследования на территории Соловецкого монастыря в июле 1981 г. М., 1982. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/1583; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 251.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1964 — Материалы историко-архивных исследований по архитектуре и строительной деятельности по монастырю за 1964 г. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/317; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 155.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1965 — Документация по шурфам, отрытым в 1961–1962 гг. при проведении гидрогеологических изысканий на территории монастыря. М., 1965. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/318; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 208.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1968 — Материалы историко-архивных исследований за 1968 г. М., 1968. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/362.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1969 — Материалы историко-библиографических исследований. М., 1969. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/399.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1970а — Материалы историко-архивных исследований. М., 1970. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/448.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1970б — Материалы натурных исследований. Описание шурфов, отрытых на территории Соловецкого монастыря в 1970 г. М., 1970. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/551; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 242.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1970в — Святые ворота, пристройка (паперть). Дополнение к архитектурно-археологическим обмерам 1970 г., фотофиксация памятника в связи с разборкой. Маркировочные чертежи // Архив ЦНРПМ. №88/1134; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 300.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1971 — Деревянная постройка у Святых ворот (паперть). Внешний западный фасад. Разрезы по воротам, деталь, план, разрезы, фрагменты, детали, шаблоны // Архив ЦНРПМ. №88/434/442, 510–512.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1974 — Никольская башня. Обмеры. 1974 г. // Архив ЦНРПМ. №88/715; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 290.
- Савицкая О.Д. рук.*, 1975а — Материалы историко-архивных и библиографических исследований за 1972–1975 гг.

- М., 1975. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/794.
- Савицкая О.Д.* рук., 19756 — Соловецкий монастырь. Крепость. Фотодокументация. Альбом. М., 1975. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/865; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 258.
- Савицкая О.Д.* рук., 1985 — Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря. Отчет о реставрации ансамбля за 1960–1985 гг. М., 1985. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/2228; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173.
- Савицкая О.Д., Асафов А.* рук., 1980 — Пристенки с Квасоваренной и Поваренной башнями. Рабочие чертежи // Архив ЦНРПМ. № 88/1325–1326; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 1, 2.
- Савицкая О.Д., Атучина О.Р.* рук., 1979 — Фрагмент прясла в примыкании к Архангельской башне, чертеж // Архив ЦНРПМ. № 88/1242; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264.
- Савицкая О.Д., Бессонов Г.Б., Владимирская В.В.* рук., 1985 — Пристенки с Квасоваренной и Поваренной башнями. Рабочие чертежи // Архив ЦНРПМ. № 88/1724–1725; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278. Л. 2, 3.
- Савицкая О.Д., Бузов В.А.* рук., 1976 — Графические материалы XVII–XIX вв. (К Генеральному проекту реставрации). М., 1976. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/939; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 162.
- Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Олтаржевская А.* рук., 1981 — Пристенки с башнями. Обмеры. Чертежи. М., 1981 // Архив ЦНРПМ. № 88/1551, 1566–1568, 1816, 1817, 1776; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277.
- Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Сошин В.В., Полевая О.Р., Шустов А.Д., Стерлигов В.А.* рук., 1984 — Крепость Соловецкого монастыря. Западное прясло крепостной стены между Успенской и Корожной башнями. Обмерные чертежи. 1983 г. М., 1984 // Архив ЦНРПМ. № 88/1801, 1802, 1804–1806, 1808; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 260.
- Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А.* рук., 1984а — Крепость Соловецкого монастыря. Западное прясло крепостной стены между Успенской и Корожной башнями. Эскизный проект реставрации. М., 1984 // Архив ЦНРПМ. № 88/1935; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 262.
- Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А.* рук., 1984б — Крепость Соловецкого монастыря. Восточное прясло. Святоозерские ворота. Рабочие чертежи. Первоочередные работы. М., 1984 // Архив ЦНРПМ. № 88/1844–1849; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 265.
- Савицкая О.Д., Владимирская В.В., Сошин В.В., Стерлигов В.А., Шустов А.Д.* рук., 1983 // Крепость Соловецкого монастыря. Восточное прясло. Обмеры. Чертежи. М., 1983 // Архив ЦНРПМ. № 88/1807–1811; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 264.
- Савицкая О.Д., Дядюк В.И., Соколова В.В.* рук., 1969 — Корожная башня. Архитектурно-археологический обмер. М., 1969 // Архив ЦНРПМ. № 88/374–380; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 292.
- Савицкая О.Д., Морозевич Е.С., Скопин В.В., Гамбаров А.Д.* рук., 1974 — Никольская башня, 1-й ярус. План и бойница // Архив ЦНРПМ. № 88/714–717; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 288. Л. 2.
- Савицкая О.Д., Морозевич Е.С., Скопин В.В., Гамбаров А.Д.* рук., 1975 — Прядильная башня. Обмеры. Чертежи // Архив ЦНРПМ. № 88/846–852; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296.
- Савицкая О.Д., Серова И.Г., Бодрова И., Серебрянникова Л.* рук., 1971 — Архитектурно-археологический обмер стен. М., 1971 // Архив ЦНРПМ. № 88/590; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 256.
- Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1971а — Крепость Соловецкого монастыря. Историческая записка к проекту реставрации. М., 1971. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/555.
- Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1971б — Материалы историко-архивных исследований. М., 1971. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/603.
- Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1972 — Альбом. Материалы историко-архивных исследований. М., 1972. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/592.

- Савицкая О.Д., Скопин В.В.* рук., 1979 — Материалы историко-архивных исследований. Фотоальбом. М., 1979. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1224.
- Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1974–1975 — Белая башня. Проект восстановления шатра. Чертежи. 1974–1975 гг. // Архив ЦНРПМ. № 88/1557–1564; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 280.
- Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1978 — Белая башня. Эскизный проект реставрации и рабочие чертежи. М., 1978. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1108; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 282.
- Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1979 — Белая башня. Эскизный проект реставрации. Чертежи. 1979 // Архив ЦНРПМ. № 88/1669, 1101–1103, 1279–1281; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 285.
- Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1982 — Прясло крепостной стены в примыкании с юга к Пристенку // Архив ЦНРПМ. № 88/1676; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 278.
- Савицкая О.Д., Сошин В.В.* рук., 1985 — Крепость Соловецкого монастыря. Научный отчет по исследованию сооружений южного узла соловецких укреплений. Материалы исследований к генеральному проекту реставрации ансамбля монастыря. М., 1985. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1257; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 259.
- Савицкая О.Д., Сошин В.В., Склемина С.А.* рук., 1977 — Белая башня. Архитектурно-археологические обмеры. НИПМ ВПНРК // Архив ЦНРПМ. № 88/1077–1081; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 287.
- Сапожников Н.В.* рук., 1974 — Отчет по археологическим работам на территории Соловецкого монастыря. 1974 г. М., 1974. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 5619; Архив ЦНРПМ. № 88/746; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 244.
- Сапожников Н.В.* рук., 1975 — Отчет об архитектурно-археологических исследованиях на территории Соловецкого монастыря Архангельской области. 1975 г. М., 1975. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 5841; Архив ЦНРПМ. № 88/869; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 245.
- Силин Е.И.* рук., 1923 — Дневник о поездке в Соловки в августе 1923 г. Рукопись // Архив ГТГ.
- Скопин В.В.* рук., 1971 — Соловецкий монастырь. Историческая справка. М., 1971. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/559.
- Скопин В.В.* рук., 1972 — Материалы историко-архивных исследований за 1972 г. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/603.
- Скопин В.В.* рук., 1975 — Материалы историко-архивных исследований за 1975 г. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/826.
- Скопин В.В.* рук., 1979 — Материалы историко-архивных исследований. М., 1979. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1226.
- Скопин В.В.* рук., 1981 — Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря. Материалы историко-архивных исследований по сооружениям ансамбля за 1979–1980 гг. Альбом. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1514; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 169.
- Скопин В.В.* рук., 1981а — Материалы историко-архивных изысканий за 1981 г. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1525; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 170.
- Скопин В.В.* рук., 1981б — Материалы историко-архивных исследований по сооружениям ансамбля за 1981 г. Альбом. М., 1981. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1513.
- Скопин В.В.* рук., 1983 — Отчет о работе, проделанной в Государственном областном архиве г. Архангельска (ГААО), ЦГАДА. Материалы историко-архивных изысканий, проводившихся в г. Архангельске и Москве. М., 1983. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/1820; Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 395.
- Слоним Р.С.* рук., 1961 — Соловецкий монастырь. Инженерно-геологические изыскания (пояснительная записка и чертежи). М., 1961. Рукопись // Архив ЦНРПМ. № 88/235; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 217.
- Сошин В.В.* рук., 1982 — Фрагмент древнего деревянного настила пола (конец XVI — начало XVII в.). Прясло крепостной стены в примыкании к южной стене Пристенка. Обмерный чертеж.

1982 // Архив ЦНРПМ. №88/1676; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 277-1.
Сошин В.В. рук., 2003 — Архангельская башня Соловецкой крепости XVI–XIX вв. Научно-проектная документация. Соловки, 2003. Рукопись // НИППК «Палата». Арх. №652; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 6-1/7.
Стрельбицкий И.Г. рук., 1999 — Акт осмотра технического состояния Белой башни Соловецкого монастыря и предварительное заключение о техническом состоянии. М., 1999. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 284.

ЛИТЕРАТУРА

ААЭ, 1836 — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. 1–4.
Агафонов С.А., Агафонова И.С. Тринадцатая башня Нижегородского кремля // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 158–159.
Алеппский Павел. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века. Кн. VII. М., 1888.
Алешковский М.Е. Каменные стражи. Путеводитель по древним крепостям. Л., 1971.
Амвросий, архим. История российской иерархии. Ч. III. М., 1810.
Альбом снимков Соловецкого монастыря. Б. м., б. г.
Андреев В.Ф. Северный страж Руси. Очерки истории средневекового Новгорода. Л., 1989.
Антонов А. Первый кадетский корпус: Краткие исторические сведения. Изд. 2-е. СПб., 1906.
Антонова В.И., Мневa Н.Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в.в.: Опыт историко-художественной классификации. ГТГ. Т. 2. XVI — начало XVIII века. М., 1963.
Арсеньев Ю.В. Описание Москвы и Московского государства. По неизданному списку Космографии конца XVIII века. М., 1911.
Артёмьев А.Р. К вопросу о типологии крепостного зодчества в Псковской земле XV в. // СА. 1990. № 3. С. 264–270.

Толмачев Е.А. рук., 1971 — Архитектурно-археологические исследования на территории Соловецкого монастыря [в 1971 г.]. М., 1971. Рукопись // Архив ЦНРПМ. №88/593; Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 243.
Шилик К.К. рук., 1974а — Проект лафетов для пушечных стволов Соловецкого музея. 1974 г. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 348.
Шилик К.К. рук., [1974б] — Пушечные лафеты. Рабочие чертежи. [1974 г.]. Рукопись // Архив СГИАПМЗ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 267.

Артёмьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII в. Владивосток, 1999.
Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980.
Арицховский А.В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
Арицховский А.В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. Т. 11. М.–Л., 1949. С. 117–151.
АСМ-1, 1988-1 — Акты социально-экономической истории Севера России конца XV — XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1988.
АСМ-2, 1990-2 — Акты социально-экономической истории севера России конца XV — XVI в.: Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. / Сост. И.З. Либерзон. Л., 1990.
Балан С.Б. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области. Каталог выставки / Сост. Т.М. Кольцова. М., 2006. С. 141–156.
Балан С.Б. Арсенал Соловецкого монастыря XVI–XVIII веков. Каталог оружия в собрании Соловецкого музея-заповедника. Архангельск, 2013.
Балдин В.И., Манушева Т.Н. Троице-Сергиева лавра. Архитектурный ансамбль и художественные коллекции древнерусского искусства XIV–XVII вв. М., 1996.
Барахович П.Н. «Огненный наряд» Енисейского и Красноярского уездов

- в XVII столетии [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спец. вып. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. С. 65–95. URL: http://www.milhist.info/2015/12/04/barakhovich_2 (дата обращения: 04.12.2015).
- Барсов Е.В.* Акты, относящиеся к истории Соловецкого бунта // ЧОИДР. 1883. М., 1884. Кн. IV, отд. V (Смесь). С. 1–92.
- Барсов Е.В.* Новые материалы для истории русского старообрядства XVII–XVIII веков. М., 1890.
- Барсуков Н.А.* Соловецкое восстание 1668–1676 гг. Петрозаводск, 1954.
- Бартенев И.А.* Вступительная статья // Соловецкие острова. Фотоальбом. Л., 1969.
- Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. I. М., 1952.
- Белов М.И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века (История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1). М., 1956.
- Белокуров С.А.* Материалы для русской истории. М., 1888.
- Беляев Л.А.* Древнерусские монастыри как городские кремли // Кремли России: тез. докл. Всерос. симпозиума. (Москва. 23–26 ноября 1999 г.) М., 1999. С. 11–13.
- Беляев Л.А.* Крепости и вооружение Восточной Европы. М., 2005.
- Бирюков Ю.Б.* Модернизация Псковской крепости в 1620-е – 1630-е гг. // Древности Пскова: Археология. История. Архитектура: К юбилею И. К. Лабутиной. Псков, 1999. С. 115–126.
- Бобров Л.А.* Русские бердыши и «топорки» из сибирских музеев // Вестник НГУ. 2011. Сер.: История, филология. Т. 10. Вып. 7. Археология и этнография. С. 300–307.
- Богданович М.И.* Восточная война 1853–1856 годов. Изд. 2-е. Т. II. СПб., 1877.
- Богомазова А.А., Володихин Д.М.* Соловецкие военачальники последней четверти XVI века. М.–Севастополь, 2018.
- Богуславский Г.А.* Острова Соловецкие. Очерки. Архангельск, 1966.
- Богуславский Г.А.* Соловецкие острова. Путеводитель. Архангельск, 1968.
- Богуславский Г.А.* Острова Соловецкие. Изд. 2-е. Архангельск, 1971.
- Богуславский Г.А.* Острова Соловецкие. Изд. 3-е. Архангельск, 1978.
- Борисов А.М.* Хозяйство Соловецкого монастыря и борьба крестьян с северными монастырями в XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1966.
- Бранденбург Н.Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. I (XV–XVI ст.). СПб., 1877.
- Бранденбург Н.Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. II (XVIII век). Вып. 1. СПб., 1877.
- Бранденбург Н.Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III. СПб., 1889.
- Бродский Ю.А.* Соловки. Двадцать лет Особого Назначения. М., 2002.
- Буров В.А.* Исследования на территории Соловецкого монастыря // АО-1976. М., 1977. С. 9–10.
- Буров В.А.* Раскопки на территории Соловецкого монастыря // АО-1977. М., 1978. С. 8–9.
- Буров В.А.* Раскопки на территории Соловецкого монастыря // АО-1977. М., 1979. С. 5–6.
- Буров В.А.* Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1982. Л., 1984а. С. 513–515.
- Буров В.А.* Раскопки на территории Соловецкого монастыря в 1976–1978 гг. и перспективы дальнейших исследований // Археология и археография Беломорья. Сб. статей. Котлас, 1984б. С. 82–102.
- Буров В.А.* Государевы богомольцы Соловецкого монастыря // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919–1997). СПб.; Псков, 1997а. Т. 1. С. 121–126.
- Буров В.А.* Раскопки Северного рва 1619–1621 гг. крепости Соловецкого монастыря // АО-1996. М., 1997б. С. 26–27.
- Буров В.А.* Археологическое исследование крепости Соловецкого монастыря // АО-1997. М., 1999. С. 15–16.

- Буров В.А.* Головленкова тюрьма XVI–XVIII вв. Соловецкого монастыря. СПб., 2000а.
- Буров В.А.* Настил под пушку конца XVIII в. из Соловецкого монастыря // РА. 2000б. № 4. С. 183–193.
- Буров В.А.* Раскопки на территории Соловецкого монастыря // АО-1998. М., 2000в. С. 14.
- Буров В.А.* Надгробная плита 1575 г. Михаила Озерова из Соловецкого монастыря // РА. 2001а. № 2. С. 132–134.
- Буров В.А.* Раскопки на территории Соловецкого монастыря // АО-1999. М., 2001б. С. 9–10.
- Буров В.А.*, 2004. Письма-донесения Соловецкого архимандрита Александра в Синод о военных событиях 1854–1855 гг. на Белом море // Соловецкое море. Историко-культурный альманах. Вып. 3. Архангельск–М., 2004б. С. 79–91.
- Буров В.А.* Оружейная казна Соловецкого монастыря в конце XVI – XVII в. // Соловецкий сборник. Вып. 2. Архангельск, 2005а. С. 53–104.
- Буров В.А.* «Устав о монастырском платье» 1553 г. как исторический источник // Международная конференция «Книжное наследие Соловецкого монастыря XV–XVII вв.». 5–10 сент. 2005 г. Тезисы докладов. Соловки, 2005б. С. 17–20.
- Буров В.А.* Археологическое исследование Соловецкого монастыря (к становлению монастырской археологии Древней Руси). Ч. 1. История археологических исследований // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2006а. № 2. С. 5–11.
- Буров В.А.* Белокаменные надгробия XVI–XVII вв. Соловецкого монастыря // Русское средневековое надгробие XVI–XVII века. Материалы к своду / Сост. Л.А. Беляев. М., 2006б. Вып. 1. С. 257–267.
- Буров В.А.* 10 лет археологических раскопок на территории Соловецкого монастыря (1996–2005 гг.) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: Проблемы изучения и научной реконструкции: Сб. науч. статей и докладов. Соловки, 2006в. С. 391–398.
- Буров В.А.* Оружейная казна Соловецкого монастыря в XVIII–XIX вв. // Соловецкий сборник. Вып. 3. Архангельск, 2006г. С. 42–119.
- Буров В.А.* К вопросу о музеефикации Головленковой тюрьмы XVI–XVIII веков Соловецкого монастыря // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 15. Крепости-тюрьмы Северо-Запада России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции / Сост. Т.М. Пчелянская. СПб., 2007. С. 9–15.
- Буров В.А.* «Устав о монастырском платье» 1553 г. как исторический источник // Книжные центры Древней Руси. Книжное наследие Соловецкого монастыря. СПб., 2010. С. 80–91.
- Буров В.А.* История келейной застройки Соловецкого монастыря XV–XIX веков. Архангельск, 2011а.
- Буров В.А.* Соловецкий монастырь в структуре Государева богомолья (моления за царя) Московской Руси XV–XVII вв. // Духовное и культурное наследие Соловецкого монастыря. Сб. научных статей и докладов. Соловки, 2011б. С. 99–106.
- Буров В.А.* Государево богомолье — Соловецкий монастырь: Проблемы истории великой северной обители (XV–XIX века). М.; Архангельск, 2013.
- Буров В.А.* Новые исторические данные о крепости Соловецкого монастыря XVI века // Соловецкий сборник. Вып. 10. Архангельск, 2014. С. 80–101.
- Буров В.А.* Заметки о Соловецкой крепости конца XVI века: авторство Ивана Михайлова и Трифона Кологризова, о метрологии крепости по описи 1676 года // Соловецкий сборник. Вып. 11. Архангельск, 2015. С. 93–105.
- Буров В.А.* Историко-археологическое исследование Соловецкого монастыря // От смуты к империи. Новые открытия в области археологии и истории России XVI–XVIII вв. Материалы научной конференции (Москва, 20–22 ноября 2013 г.). М.–Вологда, 2016а. С. 477–488.
- Буров В.А.* Разыскания об инженереподпоручике Васильеве // Соловецкий сборник. Вып. 12. Архангельск, 2016б. С. 76–86.

- Буров В.А., Завьялов В.И.* Металлографическое исследование гранаты XVII в. из Соловецкого монастыря // DE MARE AD MARE. Археология и история: сборник статей к 60-летию Н.А. Кренке. М.; Смоленск, 2017. С. 362–363.
- Буров В.А., Охотина-Линд Н.А.* Три произведения конца XVI — начала XVII в. о Соловецком монастыре // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря. СПб., 2004. С. 154–169.
- Буров В.А., Скопин В.В.* О времени строительства крепости Соловецкого монастыря и ее зодчем монахе Трифоне // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1985. С. 58–70.
- Бусева-Давыдова И.Л.* Некоторые особенности пространственной организации древнерусских монастырей // Архитектурное наследие. М., 1986. № 34. С. 201–207.
- Бусева-Давыдова И.Л.* Кремль и монастырь: к типологии архитектурных ансамблей // Кремли России: тез. докл. Всерос. симпозиума. М., 1999. С. 10–11.
- Великанов В.С., Лобин А.Н.* Русская артиллерия в Нарвском походе 1700 г. // Старый Цейхгауз. 2012. № 48 (4). С. 3–10.
- Венедиктов-Безюк Д.Г.* Попы, провокаторы, тюремщики, погромщики. М., 1930.
- Вереш С.В.* Соловки (Музей-заповедник древнерусской архитектуры) // История СССР. 1967. № 3. С. 206–210.
- Вереш С.В.* Эволюция облика Соловецкого монастыря по его изображениям // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 205–229.
- Видекинд Ю.* История десятилетней шведско-московской войны. М., 2000.
- Висковатов А.В.* Краткая история Первого кадетского корпуса. СПб., 1832.
- Висковатов А.В.* Историческое описание одежды и вооружения русских войск с рисунками. СПб., 1899. Ч. 1.
- Власов Д.А.* К вопросу о происхождении и бытовании бердышей в России XVII века // История военного дела: исследования и источники. Т. II. 2012. С. 456–478.
- Власов А.С., Элькин Г.Н.* Древнерусские крепости Северо-Запада. СПб., 2007.
- Владимирова А.* Соловецкая обитель. Изд. 3-е. СПб., 1894.
- Военный энциклопедический словарь. М., 1986.
- Вопросы истории фортификации. 2010. № 1.
- Вопросы истории фортификации. 2011. № 2.
- Вопросы истории фортификации. 2012. № 3.
- Вопросы истории фортификации. 2013. № 4.
- Вопросы истории фортификации. 2014. № 5.
- Вышенков В.П., Маковская Л.К., Сидоренко Е.Г.* Каталог материальной части отечественной артиллерии. Л., 1961.
- Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск, 1983.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Изд. 3-е. Т. 1. М., 1960.
- Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. Изд. 3-е. Т. 2. М., 1961.
- Голлербах Э.* История гравюры. М.—Пг., 1923.
- Голубцов Н.* К истории города Колы Архангельской губернии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1911. № 1. С. 7–16.
- Горяинов А.* Соловецкий монастырь и англичане. СПб., 1854 (Отт. из: Русский инвалид. 1854. № 190).
- Гостев И.М.* Развитие системы береговой обороны дельты Северной Двины в XVII–XIX вв. // Новые материалы по истории фортификации. Вып. 1. Архангельск, 2012. С. 6–33.
- Гостев И.М.* Первые беды и первые победы (XVI–XVII вв.) // Защитники отечества. Вып. 14. Материалы научных конференций: XXIII и XXIV общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2016. С. 14–19.
- Гостев И.М., Давыдов Р.А.* Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск, 2014.
- Греков Б.Д.* Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря // Летопись занятий Археографической комиссии за 1923–1925 годы. Л., 1926. Вып. 33. С. 77–99.
- Давыдов Р.А., Попов Г.П.* Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: Хроника событий. Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 2002.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. М., 2002.
- Даркевич В.П.* «Государева крепость» на Беломорье // Наука в России. 2000. № 3. С. 101–112.
- Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. СПб., 1872.
- Двукратное посещение государем Петром Великим Соловецкого монастыря. Популярный очерк. Архангельск, 1902.
- Двуреченский О.В.* Холодное наступательное вооружение Московского государства: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.
- Двуреченский О.В.* Холодное оружие Московского государства XV–XVII веков. Тула, 2016.
- Денисов А.* История об отцах и страдальцах соловецких, иже за благочестие и святые церковные законы и предания в настоящие времена великодушно пострадаша. М., 1907.
- Денисова М.М.* Палаш М.В. Скопина-Шуйского и сабля Д.М. Пожарского // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XIX. Именное и художественное оружие XVII–XIX вв. М., 1956. С. 5–7.
- Денисова М.М., Портнов М.Э., Денисов Е.Н.* Русское оружие. Краткий определитель русского боевого оружия XI–XIX вв. М., 1953.
- Дивин В.А., Казаков Н.И.* Об освещении некоторых вопросов истории Крымской войны в литературе последних лет (Обзор) // Вопросы истории. 1957. № 2. С. 141–150.
- Домашнев А.Д., Дроздова Т.Н.* Северное чудо — Соловецкая крепость. М., 1985.
- Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. Изд. 3-е. М., 1833.
- Досифей, архим.* Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. СПб., 1836. Ч. 1–3.
- Досифей, архим.* Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. Изд. 4-е. М., 1847.
- Дунаев Б.И.* Соловецкая обитель. Культурно-исторический очерк (Отд. отт. журнала «Баян»). М., 1914. № 4, 5.
- Дьячков А.Н., Уздеников В.В.* Монеты России и СССР. Определитель. М., 1978.
- Ефремова С.А.* Оберегатель архитектурного наследия Русского Севера // Соловецкий сборник. Архангельск, 2010. Вып. 6. С. 174–178.
- Жерве Н.П., Строев В.К.* Исторический очерк 2-го кадетского корпуса 1712–1912 гг. Т. 1. СПб., 1912.
- Зайончковский А.М.* Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной политической обстановкой. Т. II. Ч. 2. СПб., 1913.
- Иванов А.П.* Памятники соловецкой древности до XVII века // Материалы СОК. Вып. I (Изд. 2-е). Соловки, 1927а. С. 41–47.
- Иванов А.П.* Соловецкая монастырская тюрьма. Краткий историко-революционный очерк // Материалы СОК. Вып. VI. Соловки, 1927б.
- Иванов П.И.* Описание государственного архива старых дел. М., 1850.
- Иванов Ю.Г.* Великие крепости России: путеводитель по культурно-историческим памятникам. Смоленск, 2004.
- Иванова О.Ю.* Монастыри России. Смоленск, 2004.
- Ильин М.А.* Монастыри Московской Руси 16 века как оборонительные сооружения // Исторический журнал. 1944. № 7–8.
- Ильин М.А.* Архитектура // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М.: Изд-во МГУ, 1977.
- История отечественной артиллерии. Т. 1. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Кн. 1. Артиллерия русской армии в период возникновения и развития феодализма. (IX–XVII вв.). М., 1959.
- История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899.
- История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т. 2.
- История Швеции. М., 1974.
- Казаринов В.М.* Крепости Древней Руси. М., 2002.
- Казаринов В.М., Прямыцкий С.Д.* Береговые крепости России. М., 2005.

- Каргер М.К.* Новгород. Изд. 4-е. Л., 1980.
- Карпов Д.А.* Артиллерийское вооружение юго-западных крепостей русского по- рубежья в 30-е гг. XVII века. // Рус- ский сборник. Брянск, 2009. Вып. 5. С. 216–223.
- Квасневич В.* Лексикон старинного огне- стрельного оружия. СПб., 2007.
- Кирпичников А.Н.* Описная книга пушек и пищалей как источник средневеко- вой русской артиллерии // Сб. мате- риалов и исследований Артиллерий- ского исторического музея. 1954. Вып. IV. С. 265–289.
- Кирпичников А.Н.* Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
- Кирпичников А.Н.* Башня посадника Якова в средневековой Кореле // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 352–358.
- Кирпичников А.Н.* Крепости бастионного типа в средневековой России // Па- мятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1978. М., 1979. С. 471–499.
- Кирпичников А.Н.* Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984.
- Кирпичников А.Н.* О единообразии в из- готовлении русских средневековых артиллерийских орудий и их класси- фикация (отг. БФ ВИМАИВ и ВС). 1987. С. 29–48.
- Кирпичников А.Н.* Заметки о наследии Ни- колая Ефимовича Бранденбурга // Программа «Храм» (СПб., Фонд куль- туры). Сб. материалов. Вып. 8. Чтения памяти Николая Ефимовича Бранден- бурга (1839–1903). Тезисы докладов. СПб., 1995. С. 29–33.
- Кирпичников А.Н.* Крепость древнего Ве- лья // Древности Пскова: Археоло- гия, история, архитектура. К юбилею И.К. Лабутиной. Псков, 1999. С. 127–142.
- Кирпичников А.Н.* Крепость древнего Гдо- ва. СПб., 2000.
- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Крепость Кирилло-Белозерского монастыря и ее вооружение в XVI–XVII веках // МИА. 1958. Т. 77. С. 143–199.
- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* О некото- рых памятниках русской средневеко- вой артиллерии // Советская археоло- гия. 1961. № 3. С. 233–240.
- Кирпичников А.Н., Хлопин И.Н.* Великая государственная крепость. Л., 1972.
- Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* обследо- вания башен Соловецкого кремля // АО-1968. М., 1969. С. 25–26.
- Кирпичников А.Н., Шилик К.К.* Археологи- ческое и геофизическое обследования в Соловецком кремле // АО-1971. М., 1972. С. 45–46.
- Кириянов И.А.* Нижегородский кремль. Горький, 1968.
- Клепиков С.А.* Филигрani и штампы на бумаге русского и иностранного производств XVII–XX века. М., 1959.
- Ключевский В.О.* Хозяйственная деятель- ность Соловецкого монастыря в Бело- морском крае // Московские универ- ситетские известия. 1866–1867. № 7.
- Ключевский В.О.* Хозяйственная деятель- ность Соловецкого монастыря в Бе- ломорском крае // Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. VIII. М., 1990. С. 5–30.
- Кобрин В.Б.* Состав опричного двора Ива- на Грозного // АЕ за 1959 г. М., 1960. С. 16–91.
- Кобрин В.Б.* Государевы опричники // Прометей. 1972. № 9. С. 273–285.
- Колосов Е.Е.* Развитие артиллерийского вооружения в России во второй поло- вине XVII века // Исторические запи- ски. Т. 1. 1962. С. 259–269.
- Колчин М.А.* Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI–XIX вв. Исторический очерк. М., 1908.
- Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севе- ра в XVI в. Л., 1978.
- Корецкий В.И.* Соловецкий летописец кон- ца XVI в. // Летописи и хроники. 1980. М., 1981.
- Косточкин В.В.* Крепости XVI в. // Исто- рия русского искусства / Под ред. И.Э. Грабаря. М., 1956.
- Косточкин В.В.* Деревянный «город» Ко- лы (из истории русского оборонитель- ного зодчества конца XVI — начала XVIII в.). // МИА. Т. 77. М., 1958. С. 200–246.
- Косточкин В.В.* Русское оборонное зодче- ство конца XIII — начала XVI веков. М., 1962.
- Косточкин В.В.* Государев мастер Федор Конь. М., 1964а.
- Косточкин В.В.* Древнерусские крепости. М., 1964б.
- Косточкин В.В.* Крепостное зодчество Древней Руси. М., 1969.

- Косточкин В.В.* Новые данные о стенах и башнях Соловецкого монастыря // Архитектурное наследство. 1972. Вып. 20. С. 33–38.
- Косточкин В.В.* Крепость Смоленска. М., 2000.
- Косточкин В.В., Драги А.А.* Костер посадника Якова в Кореле // Памятники культуры. М.–Л., 1963. Вып. 4. С. 5–18.
- Кремль России: тез. докл. Всерос. симпозиума (Москва. 23–26 ноября). М., 1999.
- Кремль России. Материалы и исследования. ФГУ ГИ КМЗ «Московский Кремль». Вып. XV. М., 2003.
- Крепости Северо-Запада России. Изд. 2-е. СПб., 2012.
- Крепости-тюрьмы Северо-Запада России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции / Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 15. СПб., 2007.
- Крылов В.М.* Роль кадетских корпусов в подготовке артиллерийских и инженерных офицерских кадров русской армии (XVIII–XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.
- Крылов В.М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.
- Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А.* Оборонительные укрепления Новгорода XVI–XVII вв. // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник. 1988. М., 1989. С. 544–551.
- Кузьмина Н.Н., Филиппова Л.А.* Крепостные сооружения Новгорода Великого. СПб., 1997.
- Кузьмичев А.П., Аверченков И.А.* Крепость красна башнями: историко-документальное описание Смоленской крепости и событий, связанных с ней. Смоленск, 2003.
- Кукушкина М.В.* Филигрani на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. (Обзор собрания П.А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. XIX–XX века. М.–Л., 1958. С. 285–371.
- Куратов А.А.* Ранняя история Архангельска в свете археографии и палеографии. К 400-летию Архангельска. Методические рекомендации для студентов. Архангельск, 1984.
- Куспак Н.В.* Кемская крепость XVII в. // Народное зодчество. Сб. науч. трудов. Петрозаводск, 1992. С. 167–176.
- Кызласова И.Л.* О Соловецком монастыре, художнике Осипе Бразе и искусствоведке Александре Анисимове // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2010. Вып. 3. С. 112–129.
- Кызласова И.Л.* Из истории формирования золотого фонда русской иконы. Евгений Иванович Силин (1877–1928) // История собирания, хранения и реставрации памятников древнерусского искусства: сб. статей по материалам науч. конф. (25–28 мая 2010 года) / Отв. ред. Л.В. Нерсисян. ГТГ. М., 2012. С. 151–202.
- Ласковский Ф.Ф.* Карты, планы и чертежи к I части материалов для истории инженерного искусства в России. СПб., 1858а.
- Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. I. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб., 1858б.
- Ласковский Ф.Ф., Болдырев Н.В.* Курс фортификации. Ч. I. Долговременная фортификация. СПб., 1864а.
- Латышева Г.Г.* Публицистический источник по истории опричнины (к вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сб. трудов. М., 1974. С. 30–62.
- Лаушкин А.В., Аксютин-Лаушкина В.В.* Соловецкий монастырь и его ближайшие окрестности. Пешеходный путеводитель. М.–Соловки, 2004.
- Лейцингер Я.И.* Соловки 1888 г. Фотоальбом / Сост. Е.П. Бронникова. Архангельск, 2005.
- Лепехин И.И.* Путешествия академика Лепехина. Ч. IV. СПб., 1805.
- Лепехин И.И.* Окончание записок путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 5. СПб., 1822.
- Летописец Соловецкого монастыря. М., 1790.

- Летопись Двинская. М., 1889.
- Лихачев Д. С. Соловки в истории русской культуры // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 11–41.
- Лихачев Д. С. Статьи разных лет. Тверь, 1993.
- Лихачев Д. С. Избранное. Воспоминания. Изд. 2-е, доработ. СПб., 1997.
- Лихачев Н. П. Бумаги и древнейшие бумажные мельницы. СПб., 1891.
- Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I. Исследование и описание филиграней, с приложением семнадцати фототипических таблиц. СПб., 1899.
- Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. III. СПб., 1899.
- Лобакова И. А. Житие митрополита Филиппа. Исследования и тексты. СПб., 2006.
- Лобин А. Н. Материалы Пушкарского приказа как источник изучения русской артиллерии XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. URL: <http://www.dslib.net/istorio-grafia/materialy-pushkarskogo-prikaza-kak-istochnik-izuchenija-russkoj-artillerii-xvii-v.html> (дата обращения: 09.02.2016).
- Лобин А. Н. Русская артиллерия в царствование Ивана Грозного // История военного дела: исследования и источники. Спец. вып. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. I. Статьи. СПб., 2012. С. 104–158.
- Лобин А. Н. Производство русской артиллерии на Пушечном дворе в 1584–1645 гг. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. II. СПб., 2016. С. 97–157. URL: http://www.milhist.info/2016/02/09/lobin_7 (дата обращения: 09.02.2016).
- Ломакин Н. В. Холодное оружие Соловецкого монастыря XVI–XVII вв. в коллекции музея // Музей военной истории и боевой славы. Сб. статей и материалов, посвященных 240-летию музея (ВИМАИВиВС). Вып. VII. СПб., 1996. С. 324–328.
- Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.–Л., 1959. Т. 8.
- Лопатин Н. В. О крепостных сооружениях Изборска начала XIII в. // Российская археология. 2016. № 1. С. 123–130.
- Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001.
- Мазуров А. Б. Коломенский кремль — символ России и Подмосковья: История выдающегося памятника русского оборонного зодчества. Коломна, 2015.
- Мазурова Н. Б. Количество башен Коломенского кремля в XVI веке // Коломна и Коломенская земля. История и культура. Коломна, 2009. С. 147–177.
- Макарий, архим. Описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1825.
- Макарий, архим. Последние дни графов Петра и Ивана Толстых // ЧОИДР. 1880. Кн. 3. М., 1880. С. 33–38.
- Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие Русской армии конца XIV — XVIII веков. Каталог. М., 1990.
- Маковская Л. К. Ручное огнестрельное оружие Русской армии конца XIV — XVIII веков. Определитель. М., 1992.
- Максимов П. Н., Свирский И. Я. Новые материалы по древним зданиям Соловецкого монастыря // Архитектурное наследие. 1958. Вып. 10. С. 111–126.
- Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск: Изд-во Сев.-Зап., 1984. (Переиздание 1859 г.)
- Малов А. В. Знамена полков нового строя // Цейхгауз. 2001. Вып. 15, № 3. С. 6–10.
- Малов А. В. Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Труды ГИМ. Вып. 133. Россия и Швеция в средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной научной конференции, приуроченной к работе в Государственном историческом музее выставки «Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке». 15–17 мая 2001 г. М., 2002. С. 126–149.
- Малов А. В. Служилый «город» XVII века: пензенские знамена. Из истории строительства и обороны степных

границ // Военный сборник. 2004. Вып. 1. С. 12–23.

Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671 гг. М., 2006.

Малов А.В. Пушкарского чина люди по данным расходных книг Казенного приказа в завершающий период смутного времени (1613–1619 гг.) // История военного дела: исследования и источники. 2016. Спец. вып. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. II. СПб., 2016. С. 160–217.

Манизер Г.М. Архитектура Соловецкого монастыря. М., 1969.

Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. Т. III. М., 1878.

Мелетий, архим. Историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1881.

Мельник А.Г. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII веках. Ярославль, 2000.

Мельникова А.С. Систематизация монет Ивана IV и Федора Ивановича (1533–1598) // НЭ. Т. XIII. М., 1980. С. 77–137.

Мильчик М.И. Архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря в памятниках древнерусской живописи // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 231–267.

Мильчик М.И. У истоков древнерусской иконографии Соловецкого монастыря // Литература и искусство в системе культуры / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Л., 1988. С. 316–330.

Мильчик М.И. История Ивангорода в конце XV – XVI в. и крепостное строительство на Руси с участием итальянских мастеров // Крепость Ивангород: Новые открытия. СПб., 1997. С. 13–63.

Мильчик М.И. Шведские крепости вокруг Петербурга // Шведы на берегах Невы. Сб. статей. Стокгольм, 1998. С. 26–33.

Мильчик М.И. Островные монастыри Русского Севера в иконографии XVI – начала XVIII века // Святые и святые-ни северорусских земель. Каргополь, 2002. С. 109–117.

Мильчик М.И. Каргополь. Деревянная крепость и остроги по реке Онеге: Документы и графические реконструкции. СПб., 2008.

Мильчик М.И., Коляда М.И. Когда построена Ладожская крепость? // Новгородский исторический сборник. 1997. Вып. 6 (16). С. 175–181.

Мильчик М.И., Попова Л.Д. Первые ворота Российского государства. Очерки градостроительной и архитектурной истории Архангельска и Холмогор. СПб., 2002.

Мисловский И.С. Оборона северного русского Поморья от англо-французских захватчиков в период Крымской войны // Вопросы истории. 1958. № 6. С. 110–119.

Михайлов А.А. Артиллерия Опочки в XVII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы ежегодной научно-практической конференции. Псков, 1995.

Модестов Ф.Э. Смоленская крепость. Смоленск, 2003.

Мокеев Г.Я. Можайская крепость Бориса Годунова // Макариевские чтения: Преподобный Серафим Саровский и русское старчество XIX в. Материалы XIII Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. М.; Можайск, 2006. Вып. 13. С. 385–389.

Молчанов К.С. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813.

Монгайт А.Л. Оборонительные сооружения Новгорода Великого // МИА. 1952. Т. 31. С. 7–132.

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев остров: Пограничная крепость на посольской окраине Южной Руси в XI–XIII веках. М., 2003.

Моргунов Ю.Ю. Фортификация Южной Руси X–XIII вв. Автореф. дис. ... д. и. н. М., 2007.

Моргунов Ю.Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М., 2009.

Мордвинов Я.Я. Записки капитана Якова Яковлевича Мордвинова. Журнал о походах в Соловки и на Валаам острова (в 1744, 1752, 1764, 1777 и 1784 годах). М., 1888.

Морозов С.В. Соловецкая крепость // Свеча-99. Экология духа. Сб. научных и методических статей по религиозно-

- дению и культурологии. Вып. 1. Архангельск, 1999. С. 225–234.
- Мулло И.М.* К вопросу о производстве огнестрельного оружия в Карельском Поморье в XV–XVII вв. // Краеведение и музей. Петрозаводск, 1992. С. 151–165.
- [*Муравьев А.А.*] Подвиги Соловецкой обители. СПб., 1855.
- Мюллер Р.Б.* Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. Петрозаводск, 1947.
- Наймарк М.Л.* Несколько проектов по реконструкции традиционных шитых судов Русского Севера // Соловецкое море. Историко-культурный альманах. Вып. 3. Архангельск–М., 2004. С. 9–28.
- Немировский Е.А.* Анисим Михайлов Радищевский. Около 1560 — около 1631 г. М., 1997.
- Низовский А.Ю.* Православные храмы и монастыри: Москва и Петербург, Центр. Россия и Поволжье, Север и Северо-Запад Руси, Православная Сибирь. М., 2005.
- Николаев Н.Г.* Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. I. Великокняжеский и царский периоды. СПб., 1898.
- Новоселов В.Р.* Судьба арсенала Троице-Сергиевой лавры: мифы и документы // Материалы и исследования Музеев Московского Кремля. М., 2012. Вып. XXI. С. 319–320.
- Носов К.С.* Русские крепости и осадная техника VIII–XVII вв. СПб., 2003.
- Носов К.С.* Особенности русского оборонного зодчества XVII в.: бык и роксат // Альманах центра общественных экспертиз. 2008а. Вып. 1. С. 161–176.
- Носов К.С.* Опыт расчета трудозатрат на строительство Смоленской крепости. 1592–1602 // Проблемы отечественной истории: Сб. научных статей. М., 2008б. С. 5–32.
- Носов К.С.* Гарнизоны русских крепостей XVI–XVII вв. // Проблемы отечественной истории. Сб. статей. 2009а. Вып. 11. С. 5–32.
- Носов К.С.* Русские крепости конца XV — XVII в. СПб., 2009б.
- Носов К.С.* Стоимость деревянных оборонительных сооружений по новгородским росписям середины XVII в. // Российская история. 2009в. № 1. С. 122–132.
- Носов К.С.* Терминология оборонительного зодчества на Руси в XI–XVII веках. СПб., 2009г.
- Носов К.С.* Русские средневековые крепости. М., 2013.
- Носов К.С., Зароштинская Н.О.* Артиллерийское вооружение русских крепостей XVI–XVII вв. // Альманах центра общественных экспертиз. 2008. Вып. 2. С. 174–196.
- НПЛ*, 1950 — Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Овсянников О.В.* Из истории средневековых укреплений на Архангельском Севере // Культура и искусство Древней Руси. Л., 1967. С. 169–172.
- Овсянников О.В.* Оборонительные сооружения северо-русских городов XVI–XVII вв. (Архангельск, Каргополь, Холмогоры, Сольвычегодск) // Летопись Севера. Т. 6. М., 1972. С. 211–223.
- Овсянников О.В.* Укрепленные усадьбы XIV–XV вв. как памятники оборонного зодчества русского севера // КСИА. 1982. Вып. 172. С. 97–104.
- Овсянников О.В.* Памятники военного зодчества XVII–XIX вв. на Соловецком острове // Археология и археография Беломорья. Сб. статей. Котлас, 1984. С. 107–110.
- Овсянников О.В.* О каргопольском острожном деле // Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 472–486.
- Озерецковский Я.Н.* Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь. СПб., 1836.
- Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего Синода за 1742 г. М., 1914. Т. XXII.
- Описание памятников русской архитектуры по губерниям. I. Архангельская губерния // Известия императорской археологической комиссии. Вып. 39. СПб., 1911. С. 102–162.
- Описи СМ XVI в.*, 2003 — Описи Соловецкого монастыря XVI века. Комментированное издание / Сост.: З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.И. Мильчик. СПб., 2003.
- Описная книга пушек и пищалей и военных снарядов в городах российских,

- учиненная в царствование Михаила Федоровича // Сборник исследований и материалов артиллерийского исторического музея. Вып. 4. Л., 1959. С. 286–324.
- Орленко С.П.* Железные пушки Оружейной палаты XVII в. и парадное оружие из собрания Музеев Московского Кремля // История военного дела: исследования и источники. 2017. Спец. вып. VI. Русский «бог войны»: Исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. III. С. 341–383. URL: http://www.milhist.info/spec_6 (дата обращения: 09.02.2016).
- Осипенко М.В.* Соловецкая обитель: история и святыни. Книга паломника. Соловки, 2014.
- Островский Д.Н.* Путеводитель по северу России. Изд. 2-е. СПб., 1899.
- Отписки воеводы Мещеринова о ходе Соловецкой осады 1667–1676 гг. // ЧОИДР за 1883 г. Кн. 4. М., 1884.
- Отчет Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения за 1924–1926 годы. Соловки, 1927.
- Паласиос-Фернандес Р.* Московские стрельцы. «Неприметные войска» русского государства XVII века // Цейхгауз. 1991. № 1. С. 8–15.
- Паласиос-Фернандес Р.* Московские пушкари // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 8–11.
- Писарев А.Е.* Бердыши русской пехоты. Середина — вторая половина XVII века // Армии и битвы. 2008. № 9. С. 15–29.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1 (1688–1701). СПб., 1887.
- Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 2 (1702–1703). СПб., 1889.
- Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13. XVI век. СПб., 2005. С. 534–607.
- Погодин Н.М.* Выдержки из отечественных известий за последние две недели // Москвитянин. 1854. № 15. Отд. V «Смесь». С. 210–218.
- Полное собрание постановлений и распоряжений по духовному ведомству православного исповедания. Т. 1 (1741–1743). СПб., 1899.
- ПСРЛ. Т. 16. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки. СПб., 1889.
- ПСРЛ. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л., 1977.
- Полный церковно-славянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений). М., 2009. (Репринт с изд. 1900 г.).
- Попова Л.Д.* Древнерусские традиции в строительстве северных оборонительных сооружений в XVI–XVIII веках // Защитники отечества: Материалы XI областных общественно-научных чтений по военно-исторической тематике. Архангельск, 2002. С. 85–94.
- Приклонский А.* Соловецкий монастырь. Исторический очерк // Материалы Соловецкого отделения Архангельского общества краеведения. Вып. 1. Изд. 2-е. Соловки, 1927. С. 27–38.
- Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря 1571–1600 гг. / Сост. Е. Б. Французова. М.; СПб., 2013.
- Пругавин А.С.* Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством: К вопросу о веротерпимости. М., 1905.
- Радишевский А.М.* Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до военной науки. Ч. II. СПб., 1781.
- Раппопорт П.А.* Из истории военнотехнического искусства Древней Руси (Старая Ладога, Порхов, Изборск, Остров) // МИА. Т. 31. М., 1952. С. 133–201.
- Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Атлас. СПб., 1881. Т. 3.
- Ровинский Д.А.* Виды Соловецкого монастыря, отпечатанные с древних досок, хранящихся в тамошней ризнице. СПб., 1884.
- Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. Атлас. СПб., 1893. Т. 4.
- Розанов М.* Соловецкий концлагерь в монастыре. 1922–1939 годы. Факты — домыслы — «параша». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами в двух книгах. Кн. 1. Б. и., 1979.
- Романенко Е.В.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002.
- Романов М.Ю.* Стрельцы московские. М., 2004.
- Роспись, сколько в Соловецком монастыре по башням и по городской стене пушек медных и железных, больших и затинных. 1676 г. // Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. V. С. 373–374, № XLI.

- Руководитель для поклонников по Соловецкому острову. СПб., 1864.
- Русская архитектура XI — начала XX в. Каталог / Сост. Л. Т. Пушнина. Отдел истории русской архитектуры. Академия художеств СССР. Научно-исследовательский музей. Л.—М., 1962.
- Русская архитектура XI — начала XX вв. Путеводитель / Сост. Л. Т. Пушнина. Академия художеств СССР. Научно-исследовательский музей. Л.—М., 1965.
- Савицкая О. Д.* Архитектура Соловецкого монастыря // Архитектурно-художественные памятники Соловецких островов. М., 1980. С. 43–129.
- Савицкая О. Д.* Соловецкая крепость (Архитектура и реставрация). Архангельск, 2005.
- Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV–XVII вв. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем Русском Севере в Древней Руси). Пермь, 1927.
- Сборник известий, относящихся до настоящей войны, издаваемый с Высочайшего соизволения Н. Путиловым. Кн. XIII–XXIV. Отд. II: Военные известия. Ж. Известия из Беломорского края. СПб., 1856.
- Свиньин П. П.* Путешествие в Соловецкий монастырь // Карелия и Соловки глазами литераторов пушкинской эпохи / Под ред. А. М. Пашкова. Петрозаводск, 2001. Т. 2. С. 99–124 (Переизд.: 1899 г.).
- Сергеев А. Н.* Английская эскадра в Белом море в 1854 г. // Русская старина. 1909. № 12. С. 567–575.
- Сергеева-Козина Т. Н.* Можайский кремль 1624–1626 гг. (Опыт реконструкции) // МИА. М., 1952. Т. 31. С. 347–375.
- Симсон П. Ф.* История Серпухова в связи с Серпуховским княжеством и вообще с отечественною историей. М., 1880.
- Симсон П. Ф.* Описание рукописей. Тверь: Тверская ученая комиссия, 1902.
- Симсон П. Ф.* Каменный век под г. Ржевом. Опыт разработки доисторической археологии России по местным находкам и изысканиям. Тверь, 1903.
- Симсон П. Ф.* Не только мортки, но и пироги и даже еще пулы XVII в. (Дополнительные нумизматические факты и выводы к моему исследованию «Мортки на пороге XVIII в.»). Было доложено Имп. Московскому археологическому обществу. Тверь, 1909а.
- Симсон П. Ф.* О св. писании снискатель, патриарший крестьянин родом из г. Осташкова, Петр Антипыч Меншагин. Тверь: Тверская ученая архивная комиссия, 1909б.
- Симсон П. Ф.* Мелочные расценки в допетровской Руси (Доклад XV Всероссийскому Археологическому съезду в Новгороде Великом). Тверь, 1911.
- Симсон П. Ф.* Поташное дело в Московском государстве на пороге XVIII века. СПб., 1913.
- Скопин В. В.* На Соловецких островах. М., 1991.
- Скопин В. В.* Соловки. История. Архитектура. Природа. М., 1994.
- Скопин В. В.* Изготовление кирпича на Соловках (на основании архивных источников конца XVI–XVIII вв.) // Соловецкое море. Историко-культурный альманах. Вып. 11. Архангельск; М., 2012. С. 63–66.
- Скопин В. В.* Памятники Соловецких островов. М., 2013.
- Скопин В. В., Щенникова Л. А.* Архитектурно-художественный ансамбль Соловецкого монастыря. М., 1982.
- Скрынников Р. Г.* Иван Грозный. М., 1975.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975а.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 2. М., 1975б.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 3. М., 1976.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 9. М., 1982.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 12. М., 1987а.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 13. М., 1987б.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 16. М., 1990.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 18. М., 1992.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 19. М., 1994.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. Вып. 21. М., 1995.
- Случевский К. К.* По Северо-Западу России. Т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1897.
- Соберг И. Ю.* Архангельск. Соловки. События. Люди. Начало XX века: фотоальбом / Сост. Е. П. Бронникова. Архангельск, 2006.
- Соболева Н. А., Казакевич А. Н.* Символы и святыни Российской державы. СПб., 2006.

- Соловецкая обитель // Нива. 1891. № 34. С. 742–744.
- Соловецкие острова: Фотоальбом / Вступ. статья И. А. Бартенева. Л., 1969.
- Соловецкие острова. Туристская схема. М., 1978. [Текст: Н. И. Шилов]
- Соловецкий монастырь. Из архива архитектора-реставратора П. Д. Барановского. Т. 1 / Сост.: В. А. Буров, У. А. Черновол. М., 2000.
- Соловецкий монастырь и описание бомбардирования его англичанами 7 июля 1854 г. М., 1855.
- Соловецкий ставропигиальный монастырь (Соловки) // Энциклопедический словарь. Полутом 60. СПб.: Брокгауз и Ефрон, 1900. С. 782–784.
- Соловки. К 20-летию возрождению Соловецкого монастыря. История. Летопись возрождения. Соловки, 2010.
- Сошина А. А. Творческая интеллигенция на Соловках // Соловецкое море. Вып. 11. М.; Архангельск, 2012. С. 114–118.
- Сперанский А. М. Очерки по истории каменных дел Московского государства. М., 1930.
- Спутник при поездке в Соловецкий монастырь. Для богомольцев и туристов. СПб., 2006. (переизд. 1910 г.)
- Степанов Ю. В. Изборск. Путеводитель по древнему городу и его окрестностям. Псков, 2009.
- Суслов В. Башня Головленкова // Маяк коммунизма (Торжок). 1973. 05.07.
- Суслов В. В. Путевые заметки о Севере России и Норвегии. СПб., 1888.
- Сырцов И. Англичане, бомбардирующие Соловецкий монастырь в 1854 году. М., 1904 (переизд. из «Духовной беседы» за 1870 г.).
- Тельтевский П. А. Предисловие // Манизер Г. М. Архитектура Соловецкого монастыря. М., 1969. (Сер. «Памятники древнерусского зодчества»).
- Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Т. VII. М., 1951.
- Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.
- Токарева Т. Ю. Артиллерия Троице-Сергиева монастыря в XVI–XVIII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2015. Спец. вып. VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. I. СПб., 2015. С. 1–63. URL: <http://www.milhist.info/2015/11/09/tokareva> (дата обращения: 09.11.2015).
- Трофимов И. В., Кирьянов И. А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // МИА. Т. 31. М., 1952. С. 318–346.
- Труш К. Соловки в августе 1905 г. М., б. г.
- Ушаков И. Ф. Кольский берег (1583–1854). Военно-исторический очерк. Мурманск, 1960.
- Федоров П. Ф. Соловки // Записки императорского Русского географического общества по отделению этнографии. Т. 29. Вып. 1. Кронштадт, 1889.
- Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 2009. Изд. 4-е.
- Фомин А. И. Описание Белого моря с его берегами и островами вообще, также частное описание островной каменной гряды, к коей принадлежат Соловки, и топография Соловецкого монастыря с его островами, с приобщением морского путешествия в 1789 году в оный монастырь, представленное в письмах Александром Фоминым. СПб., 1797.
- Фриде М. А. Русские деревянные укрепления по древним литературным источникам // Изв. Рос. академии истории материальной культуры. Л., 1924. Т. III. С. 113–143.
- Фриман Л. История крепости в России. Ч. I. До начала XIX столетия. СПб., 1895.
- Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Поморья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1963.
- Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Политические ссыльные в Соловецкий монастырь в XVIII–XIX веках. Архангельск, 1965.
- Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1968.
- Фруменков Г. Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI–XIX вв. Архангельск, 1975.
- Челищев П. И. Путешествие по Северу России в 1791 г. Дневник. СПб., 1886.
- Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954.
- Чернова О. В., Чернов С. М. Крепость 1492 г.: итоги натурных исследований // Крепость Ивангород: новые открытия. СПб., 1997. С. 64–85.

- Чернышев М.Б.* Четырехугольные башни кремля города Коломны. Опыт реконструкции // Кремль России: тезисы докладов Всероссийского симпозиума. М., 1999. С. 67–68.
- Черняев А.Ф.* Золото Древней Руси. Русская матрица — основа золотых пропорций. М., 1998.
- Чумичева О.В.* Соловецкое восстание 1667–1676 гг. Новосибирск, 1998.
- Шарпов П.Н.* Соловецкий монастырь и описание бомбардировки его англичанами 7-го июля 1854 года. М., 1855.
- Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. Петрозаводск, 1950.
- Шилова Т.В.* О состоянии оснований фундаментов памятников Соловецкого монастыря // Методические рекомендации по экологическому мониторингу недвижимых объектов культурного наследия. М., 2001. С. 175–178.
- Шишов А.В.* Твердыни России. От Новгорода до Порт-Артура. М., 2005.
- Шокарев Ю.В.* Оружие. Иллюстрированный словарь. М., 2005.
- Шперк В.Ф.* История фортификации. М., 1957.
- Шустров С.* Мое путешествие в Соловецкий монастырь // Архангельские епархиальные ведомости. 1912. № 21, ноябрь. С. 592–599.
- Щепкина М.В.* Царские лицевые рукописи конца XVI — начала XVII в. Дис. ... канд. архитектуры. М., 1945а.
- Щепкина М.В.* Царские лицевые рукописи конца XVI — начала XVII в. Художественные и бытовые особенности. Автореф. дис. ... канд. архитектуры. М., 1945б.
- Щепкина М.В.* Соловецкий монастырь в изображении миниатюры XVI века // Соловецкий монастырь. Из архива архитектора-реставратора П.Д. Барановского. Т. 1 / Сост. В.А. Буров, У.А. Черновол. М., 2000. С. 56–63.
- Энгельс Ф.* Англо-французская война против России // Энгельс Ф. Соч. Т. 11. М., 1958. С. 521–526.
- Яковлев В.В.* История крепостей. Эволюция долговременной фортификации. СПб., 1995.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГШШ — Архангельский городской штаб школьников
АО — Археологические открытия
АСА — Академия строительства и архитектуры СССР (г. Москва)
АХ — Академия художеств (г. Санкт-Петербург)
ВИМАИВиВС — Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург)
В/О — Всесоюзное объединение
ВПНРК — Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат (г. Москва)
ГААО — Государственный архив Архангельской области
ГИМ — Государственный исторический музей (г. Москва)
ГИКМЗ «МК» — Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
ЗАО — Закрытое акционерное общество
ИПиР — Институт проектирования и реставрации (г. Архангельск)
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НИПМ — Научно-исследовательская проектная мастерская (г. Москва)
НИППК — Научно-исследовательский и проектно-производственный кооператив (Соловки)
ОР — Отдел рукописей
СА — Советская археология

СГИАПМЗ — Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник
СМ — Соловецкий монастырь
СОК — Соловецкое общество краеведения
СПБII РАН — Санкт-Петербургский институт истории РАН
СРК НБРК — Сектор редких книг Национальной библиотеки республики Карелия (г. Петрозаводск)
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (г. Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (г. Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)
РНБ — Российская национальная библиотека (г. Санкт-Петербург)
РУДН — Российский университет дружбы народов (г. Москва)
РГО — Русское географическое общество (г. Санкт-Петербург)
ТМРД — Творческая мастерская реставрации и декора (г. Архангельск)
ЦНРМ — Центральные научно-реставрационные мастерские (г. Москва)
ЦНРПМ — Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (г. Москва)
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских

CONCLUSION

V. A. Burov. Krepost Solovetskogo monastyrya: Istoriya, zodchestvo, arkheologiya [The Solovki Monastery Fortress: History, Architecture, Archaeology]. Vol. 1. Issledovaniye i publikatsii [Research and Publications]. Vol. 2. Album

Keywords: Solovki monastery, the fortress, the towers, gates, curtain walls, weapons, prisons.

This study, which intermittently continued for several decades, is designed to provide as much as possible complete and comprehensive description of the Solovki Monastery Fortress as a monument of history, archaeology and fortification architecture. To this end, we have studied numerous historical documents, graphic materials, data from archaeological excavations, archive materials of field surveys by conservation architects, and also performed our own measurements. The extensive photographic fixation of the monument allowed for obtaining a detailed picture of all of its components, such as towers, gates and curtain walls. The main findings of the study can be summarized as follows:

1. An analysis of historical sources has enabled us to ascertain the dates of fortifications on Solovki. The creation of the wooden “town” built on the site of the originally planned “ostrog” (fortress) is dated back to late 1578 – 1579. Apparently, the author of the wooden town built on Solovki in 1578–1579 was Moscow voivode Mikhail Zagryazhsky.

2. The first stage of construction of a stone fortress that replaced the wooden fort continued for 14 years (1582–1595). The entire fortress including six towers around the monastery was completed in the autumn of 1595. According to our estimates, the construction cost of this project was about 2,000 rubles. The second stage which involved the completion of the northern and southern moats and the construction of a wall annex (Pristenok) is dated to 1619–1622.

3. Based on an analysis of the structure of the 16th century fortress and the author’s idiom, it can be stated that only the north-western section of the wall between the Korozhnaya Tower and the Uspenskaya Tower with the Fish Gates were built by Ivan Mikhailov in 1582–1583. In addition, he built the Korozhnaya Tower and possibly the Us-

penskaya Tower. Ivan Mikhailov set the architectural tone for the fortress and its boulder appearance and developed a boulder masonry technology for the walls, towers, gates, shooting chambers (pechuras), and upper loopholes. He also offered different alternate designs for the curtain walls: with outside cantilevers, annexed brick arches, and a wide monolithic wall. Monk Trifon Kologrivov successfully used these developments to complete the construction in the next 12 years. He took the design with thick walls as a basis and implemented a more dense arrangement of shooting chambers (pechuras). It is not surprising that the Solovki monk continued the work started by a professional fortifier. As part of the elite in the Russian North, the Kologrivov family was involved with salt making which required knowledge in engineering.

4. Focused research has found two service records according to which the name of the main organizer of the 1790 defense of the monastery, engineering sub-lieutenant Vasiliev was Yakov Vasilievich. He left behind him outstandingly detailed drawings, sketches and plans of the monastery, and an unpublished manuscript, which, in our opinion, was the first historical work about the Solovki Monastery and the Solovki Fortress. We have identified the milestones of his life. Yakov Vasiliev came from a soldier’s family. In 1770, he was enrolled in the Artillery and Engineering Noble Cadet Corps in St. Petersburg and successfully graduated from it in 1774 to become a professional military engineer. Then Yakov Vasiliev served in different garrisons and rose to the rank of colonel. His manuscript with a detailed description of the defense strategy featuring a layout of cannons and lists of soldiers has been prepared for publication (Annex 2).

5. The defense of the Solovki Monastery in 1854 was studied in detail on the basis of

all seven letters from Archimandrite Alexander to the Synod which we published from the originals (Annex 3). A selection of 22 memorial plates and signs installed in Solovki in connection with the events of 1854–1855 was made. This was a major memorizing effort but also a sacred step taken toward turning the Monastery into a museum (Annex 4).

6. To get a complete picture about the fortress built in 1582–1595 and its past, it was extremely important to characterize the exterior comprising six well-preserved towers, five town gates and seven curtain walls, and then provide a compilation of information about their history (repairs, cannonry layout, fires, etc.) up to the present day, including the restoration works performed in the 1960s–1980s. A selection of chronologically arranged historical images of all of the elements of the fortress allows for viewing a cinematographic movement of change in the appearance of the towers, gates and curtain walls, which was particularly obvious in the 19th and 20th centuries. First of all, this concerns the tented roof. Initially, the Belaya, Korozhnaya and Nikolskaya Towers had observation towers with cone-shaped roofs, while the Arkhangelskaya and Stratilatovskaya (Pryadilnaya) Towers did not. In the late 1830s, the tented roof was reconstructed. All of the towers were provided with observation towers with the hemispherical roof covered with shingles. In 1923, a fire destroyed the Uspenskaya and Stratilatovskaya (Pryadilnaya) Towers and the entire Pristenok, which is documented by materials from the archive of P. D. Baranovsky.

7. For convenience, all 64 shooting chambers (pechuras) in the curtain walls were identified and numbered continuously. A selection of photographs of individual pechuras gives an idea of the appearance of their external vault arches, the vault itself, both side walls and the loophole.

8. The northern dry moat was archaeologically explored using three transverse trenches. It was established that the moat was a complex engineering structure. It was not merely dug and bouldered. Its walls were enhanced with additional stone backfills. The moat was built with numerous earth and stone fills to level the sloped surface between the Korozhnaya and Nikolskaya towers and the northern side. The bouldered walls of the moat as well as their foundations were built

by dry masonry, without mortar. The lower stones are laid on dense grey clay or clay sand on top of, and without deepening them into, the subsoil. At present, the moat is filled with a layer of ground and debris 0.35 to 0.55 meters thick. The initial height of the northern wall of the moat is 3.71 to 3.75 meters in the area opposite of the Nikolskaya Tower and 3.83 meters opposite of the Korozhnaya Tower. The central section of the boulder facing in the northern wall has not survived. It is not clear when it was demolished. The total height of the southern sloped wall of the moat is 2.5 to 2.75 meters. In the area opposite of the Nikolskaya Tower, the moat has an upper width of 12 meters and a bottom width of 8.5 meters. In the area opposite of the Korozhnaya Tower, the moat has an upper width of 8 meters and a bottom width of 6 meters. In the central part, opposite of the curtain wall, the northern moat had an upper width of 15 meters and a bottom width of 7 meters. All these figures are slightly below than required by the Military Affairs Charter dated to the 17th century; however the depth was 1.3 and 1.8 times more than prescribed.

9. The southern moat was not explored. However, a natural drop in the terrain from the fortress towards the moat and the filling for general leveling of the surface between the moat and the curtain wall were observed in a construction trench. At the northern edge of the moat, the filling thickness was 1.75 meters.

10. The Solovki Fortress was explored in detail as an engineering and fortification structure. The origin of bouldered fortifications in Solovki the author refers to the Novgorod and Pskov traditions of the 14th–15th centuries. However, what makes Solovki unique is the use of solely rounded boulders. Some sections have cyclopean masonry. A stone 4.77 meters long and 1.1 meters high is installed above the Holy Gates, and a boulder 5.83 meters long and 1 meter high lies at the base of the Nikolskaya Tower. Based on the specific gravity of granite, their weight should be approximately 16.9 and 15.6 tons, respectively. The thick boulder walls made the fortress impenetrable. This resolved the primary challenge in fortress building generally faced by European countries due to the emergence and development of artillery. The margin of safety for the walls of the Solovki fortress was set for three centuries of artillery

development. British cannon balls were unable to penetrate them during the bombardment in 1854.

11. Two fortresses in the Novgorod land — Ladoga and Oreshek — are similar in plan to the regular Solovki Fortress. They have similar general layout being shaped as an elongated pentagon with round towers beyond the line of the walls. There is also a single rectangular tower. All these fortresses take as much as possible advantage of the local land topography, and each fortress is located close to the shoreline.

12. Despite being a strong structure, the archaeological findings have clearly shown that the walls and towers of the Solovki Fortress have no basement deepened into the subsoil. The lower boulders are laid either on the subsoil sand with plenty of large pebbles or on very dense grey clay sand with boulders. The geological feature of the island was turned to account. According to a Legend dating from the late 16th century, the Solovki Fortress was indeed built on top of “potshva” or soil. This feature of the geological structure of Solovki island enabled the builders to significantly reduce the time and labor for building the Solovki Fortress.

13. The basis of the walls and towers was archaeologically evidenced to be the boulder basement which is currently hidden by a thick cultural layer. The lower row of boulders noticeably bulges out against the rows of stones above. The basement as an architectural element alters the idea of the original appearance of the walls and towers of the Solovki Fortress. A basement platform is found at the base of pechuras on the side of the Holy Lake north of the Arkhangelskaya Tower. It was comprised of a row of boulders with the gaps in between filled with smaller stones and sand.

14. The observations of the uncovered sections in the opening of the Nikolskiye Gates cut in the place of pechura No. 28 in the 19th century have discovered exposed sections of boulder filling with lime mortar in the cross-section of the wall. By filling any voids in the wall, lime mixed with stones has turned it into a monolith.

15. The excavations and pits that opened up the lower part of the wall have revealed the authentic caulking with stones or bricks dating from the late 16th century in between the boulders.

16. A selection of images of wooden tented roof structures on towers on drawings from 1790 shows a diversity of their shapes and parameters. The scale indicated on the drawings made it possible to specify their heights at the time: 9.6 meters (the Stratilatovskaya Tower), 16.8 meters (the Arkhangelskaya Tower), 16 meters (the Korozhnaya Tower), 17.04 meters (the Belaya and Uspenskaya Towers), and 18.43 meters (the Nikolskaya Tower).

17. The opinion that originally, in the 16th century, the towers had no roof at all, which has been popular in the literature, does not stand up to elementary scrutiny. The roofing played a protective role, preventing not only the masonry but also the wooden floors between the tiers from destruction from the effects of severe northern climate, as well as protecting the cannons from dampness by preventing them from getting covered with snowdrifts.

18. Six wooden decks in shooting chambers in the walls were archaeologically identified for the first time. These are divided into two types: deck platforms for cannons and decks for shooters. One wooden cannon platform has survived in its entirety; therefore it was possible to explore its every detail, including beams, half-beams, wrought iron nails and wooden dowel pins. Thus, the excavations have introduced into scientific discourse a poorly investigated archaeological category of the Modern era. The subject platforms were built under the guidance of engineering sub-lieutenant Yakov Vasiliev in 1790. At that time, 108 cannon platforms were built, which is almost equal to the number of pechuras in the first tier of the curtain walls, towers, the Pristenok and the Sushilo.

19. Based on the example of the Solovki Fortress, we have concluded that a detailed statistical and metrical description must be provided for fortresses being studied. This is the only way to obtain a more complete, fair and specific picture of fortifications. By calculating the number of pechuras for cannons and loopholes for hand held weapons, we can estimate the maximum firepower capacity of the fortress. By matching this data with the real quantity of weapons available in the fortress, we can get an idea of to what extent it was provided with weapons and ready for defense.

20. First, in 1595, the towers of the Solovki Fortress had 85 pechuras and 63 loopholes

for hand held weapons. The curtain walls had 64 pechuras and 199 upper tier loopholes. Since originally the pechuras in the curtain walls could be used for hand held weapons, the number of loopholes for hand held weapons totaled 246. 85 pechuras in the towers were designed for cannons. According to a weapons list, in 1597, the fortress had 68 cannons (80 % availability), but at the same time there were 413 hand cannons and 35 harquebuses which is 1.8 times greater than the standard level. In addition, there were 25 full quivers and 8 crossbows. By 1613, the number of artillery guns increased to 130 items. The number of hand cannons and harquebuses was 430 and 250 items, respectively. The apparently excessive number of weapons suggests that in the situation of peace, the Solovki Monastery was seen as an arsenal in the White Sea region. The defensive capacity of the Solovki Fortress increased with the erection, by the early 1620s, of the Pristenok (a wall annex) which covered the cooking services, and of the Sushilo which was built up with a boulder wall with loopholes.

21. Metrical data are essential for characterizing the scope of fortification. The following parameters were tabulated in special tables: a) the outer perimeter of the fortress; b) dimensions of individual towers (height, diameter by tier, wall thickness by tier, dimensions of pechuras and upper loopholes); c) dimensions of curtain walls (length, width and height); d) dimensions of pechuras and upper loopholes in the curtain walls; and e) parameters of the town gates.

22. The thickness of the layer found in the pits that had grown after the completion of the fortress clarifies the initial height of the walls and towers. They were higher than the current levels at different sections by 0.2 to 1.6 meters. The thickest filling was found on the side of the Holy Lake.

23. All pechuras in walls and towers are non-standard. None of them are similar to each other in size or proportions. Pechuras were built on-site without drawings, depending on how a stone would lie. Thus, the shape and size of pechuras were determined by differences between natural stones.

24. The measurements taken of the fortress in 1676 contain an integral number of sagues [a sagene is a Russian unit of length approximately equal to 7 feet] without fractions at different sections of the fortress. This

means that the Solovki Fortress was built to a clear plan which was accurately verified and linked to the site. It was marked in sagues and the lower boulders of the walls and towers were laid according to this marking.

25. The size of sagene used for the construction of the fortress has been calculated. It consistently varies between 2.41 and 2.46 meters for different smooth sections of the curtain walls, indicating that a great sagene equal to 2.44 meters was used.

26. The monograph attempts, for the first time, to quantify the construction material used and provides an approximate estimate of the amount of facing boulders used for the erection of the main mass of the fortress in 1582–1595. The outer walls contain a little more than 31 thousand boulders. The number of stones used for backfill inside the walls cannot be counted.

27. The value obtained enables us to calculate an approximate rate at which boulders were used for facing in a single summer construction season. It was about 2.2 thousand stones. On average, 560 stones were laid every month and 22 stones every working day. Two exterior boulders were, on average, laid every hour. This is quite a realistic rate. Consistent construction progress could only be maintained by careful job arrangements and extensive preparatory work. Boulders were not only delivered to the site in advance, but also sorted out by size, allowing for laying them immediately in rows of a certain height. A stock of stones could be prepared in the autumn and delivered to the site by sledge in the winter. Smaller stones for internal filling were collected separately.

28. According to our calculations, 533 thousand bricks were used to build the arches of pechuras and gates, arch passages, loopholes for hand held weapons, breastwork and parapet of the roundabout gallery with columns. Now, we can have an idea of the scale of brick production on Solovki islands and the rate at which brickwork was laid. The fortress required on average almost 38 thousand bricks per year, 9.5 thousand bricks in one of the four working months, approximately 380 bricks on average per working day, and 32 bricks per hour. Notably, the figure 38,000 matches the annual output rate for Solovki bricks in the second half of the 16th century. According to *the Legend on Philip's Building*, the output of

the Solovki brick factory was 40 thousand bricks per year.

29. By using boulders, it was possible to reduce the amount of expensive lime mortar. For making the mortar, limestone had to be broken and brought by sea from the Dvina river area 300 km away. The number of bird eggs collected at nesting grounds and used to make the mortar adhesive will also remain unknown.

30. The calculation of bricks was facilitated by the brickwork patterns determined by the position of bricks relative to each other. The pechura arches used a set of three bricks, and loopholes used two bricks. A set of 4.5 bricks was used in the ramparts.

31. A detailed analysis of 27 tabulated lists from the weapon chamber of the Solovki Fortress for a period from the late 16th century to 1795 clarified the composition and number of weapons, their evolution and fate. The Solovki Fortress had almost all types and kinds of weapons.

32. Some rooms in the Solovki Fortress were used as a prison from the date of its foundation and until 1743. The use of his-

torical plans allowed for the localization of the Golovlenkova prison and a comprehensive historical and archaeological study. The Golovlenkova prison turned out to be located in the thickness of the fortress wall in two rooms. It could be entered from the third shooting chamber of the bottom tier, which is north of the Arkhangelskaya Tower. Some elements that are not indicated on the plans have been found, such as a porch at the entrance to the shooting chamber, the narrow windows in the western wall, a channel for waste discharge from the northern room, the wooden floors in the pechura, and the ground floors in the prison rooms.

33. An archaeological attempt to find a ground prison in the Korozhnaya Tower south of the central pillar where it was allegedly located according to a legend, was not a success.

The Solovki Monastery Fortress is an extraordinary example of both Russian and European fortifications. The data presented in the book are quite sufficient to answer the question of how the Solovki Fortress can be built.

Научное издание

Владимир Андронович Буров

КРЕПОСТЬ СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ
История, зодчество, археология

Том 1

Исследование и публикации

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Дизайн обложки *О.Д. Курта*

Подписано в печать 16.03.2019. Формат 60×90 ¹/₈
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 74. Тираж 300 экз. Заказ № 1791

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86